

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

На правах рукописи

Еремян Эдуард Витальевич

**КРИЗИС «ЗАПАДНОЙ» МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ:
ПРЕДПОСЫЛКИ, ХАРАКТЕР, ОСОБЕННОСТИ
(СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Специальность:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:

Клишас Андрей Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный юрист РФ

Москва, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ДЕМОКРАТИЯ КАК ФАКТОР ГЕНЕЗИСА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	45
1. Понятие народовластия как отражение специфики становления и развития представлений о государстве и праве.....	45
2. Формирование конституционно-правовых основ национальных моделей государственного устройства	122
ГЛАВА 2. ДЕМОКРАТИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	272
1. Эволюция представлений о народовластии в условиях актуализации буржуазного государства и права	272
2. Развитие конституционализма как критерий демократизации общественно-политических отношений	363
ГЛАВА 3. ДЕМОКРАТИЯ КАК ФАКТОР СТАГНАЦИИ, РЕГРЕССА И ДЕГРАДАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	493
1. Корректировка либеральной концепции народовластия и ее отражение в теории государства и права	493
2. Институализация народовластия как конституционно-правовая антитеза охлократии и авторитаризма	572
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	713
БИБЛИОГРАФИЯ	742

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактом, что события последних лет свидетельствуют о перманентном ухудшении и без того крайне проблематичной ситуации, сложившейся не только в отдельных государствах, традиционно ассоциирующих себя с «демократией» и «либерализмом», но и в рамках западной цивилизации в целом, несколько веков служившей своего рода «локомотивом» поступательного развития общественных отношений, в том числе в сферах, прямо либо косвенно связанных с человеком, его правами и свободами. С одной стороны, то, что наблюдается длительное время, можно охарактеризовать как стагнацию и регресс, закономерным и естественным, с исторической точки зрения, «результатом» которых стал кризис (масштабы и возможные «последствия» которого не всегда поддаются адекватной научной оценке, однако имеют тенденцию к постоянному углублению и расширению, что говорит о его объективном характере), тем или иным образом охвативший системообразующие нравственно-мировоззренческие, морально-этические, социально-экономические и политико-правовые институты, считавшиеся для нескольких поколений незыблемыми, безусловными и непререкаемыми, по многим «критериям» представлявшие собой фундамент системы буржуазно-либеральных ценностей, олицетворявших в глазах широких слоев населения качественно новый взгляд на государство и общество в их взаимодействии и противодействии друг другу. Параллельно с этим, имевшие место процессы, вызванные реформированием или модернизацией политических режимов, так либо иначе служили иллюстрацией диссонанса между «желаемым» (всем тем, что декларировалось в учредительных актах и аналогичных юридических документах, начиная с ограниченной цензами так называемой «всеобщности» избирательного права и заканчивая исключительно абстрактным «народным суверенитетом») и «действительностью» (одним из рецидивов которой стали, помимо прочего, вполне легитимный приход к власти национал-социалистов в Германии и сегрегация по признаку расы или этнической принадлежности в

Соединенных Штатах), в итоге послужившего не только формированию ряда предпосылок широкомасштабного кризиса «западной» модели демократии, поразившего на рубеже веков как развитые, так и развивающиеся страны, но и неизбежного краха стереотипов и идеологием либерализма, сложившихся в результате революционных преобразований в Старом и Новом Свете в конце XVIII – середине XIX века. Перед нами не что иное, как «дряхление» того, что на определенной стадии государственного строительства было чрезвычайно актуальным и востребованным обществом и его составными структурными элементами в рамках начавшегося перехода от феодализма к следующему этапу экономического, социального, политического и культурного развития.

Представляется (хотя есть масса и других причин и обстоятельств), что именно фактором «старения и архаичности» многого из того, с чем в течение известного исторического периода прямо или косвенно идентифицировались общество, правовая система и государство буржуазного типа с монархической и республиканской формой правления, объясняются, на наш взгляд, не только закономерные, обусловленные непосредственно становлением и развитием публичных, в частности, электоральных отношений на соответствующем этапе генезиса политического процесса, но и некоторые специфические тенденции, значительная часть которых актуализировалась и материализовалась в форме своего рода «общественной реакции» со стороны отдельных групп населения на решения либо действия правящих элит. Другими словами, «желаемое» и «действительность», прежде всего провозглашенные декларации о «свободе, равенстве и братстве», и их практическое воплощение, мягко говоря, не всегда и не везде корреспондировали друг другу, тем или иным образом способствуя формированию целого ряда предпосылок, с течением времени приведших к системно-институциональному кризису, переживаемому – при «внешней», на неискушенный взгляд, благополучности – «западной» моделью демократии, в который постепенно втягивается все большее число стран и народов. И то, что четверть века назад было возможно, не прикладывая для этого каких-нибудь особых усилий замаскировать за «рекламным образом» повседневной жизни,

сытый, размеренный, бесконфликтный характер которого пропагандировался и безапелляционно навязывался обывателю с журнальных и газетных страниц или экранов телевизоров, в конце концов сыграло с обществом потребления злую шутку: «желаемое» фактически получило статус «действительности».

Продолжать, с настойчивостью, заслуживающей лучшего применения, игнорировать очевидные вещи, занимая «позу страуса», не обращая никакого внимания на объективные процессы, уже не получается, поэтому правящие элиты и аффилированные с ними олигархические группы и господствующие классы своими действиями лишь усугубляют ситуацию, загоняя ее в тупик. Но парадокс состоит в том, что демократия (как цивилизационный и социальный феномен, обладающий несомненными достоинствами и недостатками) с ее традиционными институтами, процедурами и ритуалами, к сожалению, уже не во всех «ситуациях» способна предложить адекватное решение проблем. Одни причины кризиса – лежат на поверхности и носят объективный характер, другие – обладают латентными свойствами и обусловлены особенностями, не имеющими к нему непосредственного отношения, но в любом случае каждая из них «внесла свою лепту» сначала в процесс деградации ценностей, заменив их суррогатом из мультикультурализма, политкорректности и толерантности, а затем и институтов, лежавших в основе либеральной демократии.

Вопросы, ответам на которые посвящено настоящее исследование, не в том, что кризис носит прежде всего системный и институциональный характер (об этом уже не спорят даже ортодоксальные приверженцы либерализма): к чрезмерной радости одних и сожаленью других, он приобретает такие черты и особенности, не говоря о тенденциях, благодаря которым в среде историков государства и права, конституционалистов, социологов начинают преобладать откровенно пессимистические прогнозы, в случае реализации которых будут утрачены не только традиционные нравственно-этические ценности, нормы и правила индивидуального и коллективного поведения, закрепленные, в том числе, в учредительных документах или действующем законодательстве, но и общество и государство в их, так сказать, современном значении, где мнение

«большинства», а не какого-либо «меньшинства», является фундаментом как формы правления, так и политического режима, существующих в стране. У нас нет и тени сомнений, что «выход» из создавшегося положения будет так или иначе найден, беспокоит совсем другое – темпы, с которыми последовательно разрушается и приходит в упадок все то, что в представлениях здоровой части общества ассоциируется с демократией в ее либеральном варианте и правами человека. Общество не просто меняется, оно стоит на пороге деформаций, ни с чем качественно не сравнимых, и лишь отчасти сопоставимых с процессами, наблюдавшимися при постепенном переходе от феодально-абсолютистской системы отношений к принципиально иной цивилизационной парадигме.

Совершенно не идеализируя форму правления и политический режим тех стран, которые позиционируют себя (справедливо или нет другой вопрос) в качестве «оплота демократии» и «примера для подражания», мы приходим к выводу, что предпосылки кризиса, как «пандемия» поразившего государства Старого и Нового Света, корнями уходят в периоды становления и развития национальной государственности буржуазного типа как англосаксонского, так и романо-германского образца, в рамках которых формировались основные, отвечавшие требованиям дня публичные и общественные механизмы тесного взаимодействия бюрократии, фактически олицетворявшей государство и его разнообразные институты, и «источника» и «носителя» власти в лице широких слоев дееспособного населения. Именно то, каким образом протекал процесс легитимации и санкционирования прав и свобод человека, оказывает прямое или косвенное влияние на деградацию и девальвацию одних из них, все более утрачивающих актуальность и востребованность, и трансформацию других. С чем в итоге столкнутся «большинство» и «меньшинство» предсказать сложно, и именно поэтому вопросов больше, чем ответов, каким бы ни был «прогноз» дальнейшего развития событий. Время все «расставит» по своим местам, тем более что соответствующие тенденции *de facto* уже стали реальностью.

Научная новизна исследования не в последнюю очередь связана с тем существенным обстоятельством, что, констатируя тот факт, что, наблюдаемые в

странах англосаксонской и континентальной традиции тенденции, все более отчетливо свидетельствующие о регрессе и деградации либеральной модели общественных отношений, системно-институциональный характер которых в целом не вызывает каких-либо сомнений или принципиальных возражений, узкому специалисту крайне сложно разобраться в тех проблемах, с которыми столкнулись национальные и наднациональные правящие элиты и широкие слои населения крупнейших государств Старого и Нового Света, заявляющих о себе как об «оплоте демократии» и «примере для подражания». Социально-культурный, морально-нравственный, политико-правовой и идеологический кризис, переживаемый евро-атлантической цивилизацией, олицетворяющий собой стагнацию и постепенное загнивание базовых основ государственности, невозможно понять и тем более объяснить без критического сравнительного анализа процессов, с которыми были связаны отличительные особенности и специфика становления и развития западной модели политического режима в масштабах соответствующего исторического этапа. Именно «особенности» и «специфика», присущие тому либо иному государству, позиционирующему себя в качестве «либеральной демократии», позволяют выявить и обосновать фиктивный – ярко выраженный или латентный – характер системообразующих институтов и процедур, закрепленных в учредительных актах и аналогичных документах высшей юридической силы, начиная с общественного договора и заканчивая избирательным правом и парламентаризмом, которые в течение многих лет рассматривались не только важнейшим критерием, при помощи которого оценивались, с точки зрения их демократичности, формы правления и политические режимы конкретных стран, но и мотивирующим аргументом, в случае необходимости их реформирования или модернизации.

Нельзя сказать, что проблемы, ставшие предметом и объектом данного сравнительно-правового исследования, ранее вообще не входили в перечень тех вопросов, изучение которых давало возможность научного осмысления и последующего формулирования обобщений и выводов, опровергающих либо подтверждающих ту или иную концепцию, нередко основанную на штампах,

шаблонах и стереотипах, с течением времени преимущественно сложившихся в рамках англосаксонского и романо-германского восприятия исторического процесса, его специфики и закономерностей. Одной из причин, побудивших к тому, чтобы по-новому взглянуть на общеизвестные факты, конституционные акты и иные источники, анализу которых посвящены многочисленные работы ученых, это фальсификация и переписывание истории целого ряда государств, народов и этносов, негативные последствия которых – трудно предугадать.

Тенденции, связанные с «новым прочтением» общеизвестных фактов и событий, все более активно проявляющие себя в Соединенном Королевстве, большинстве стран Европейского союза (прежде всего в бывших метрополиях колониальных империй, в течение нескольких столетий (!) исповедовавших в своей внешней политике идеологию «бремени белого человека», основанной на исключительно расистском восприятии туземных народов) и Соединенных Штатах, направлены на то, чтобы вывести за скобки исторического процесса все те многочисленные «эксцессы исполнения», с которыми ассоциировались либеральная демократия и ее системообразующие институты. Как ни странно, в этом не видят ничего предосудительного и экстраординарного, выходящего за традиционные рамки научной этики и методологии критического анализа, целенаправленно и последовательно «обеляя» черное и «очерняя» белое, не только возводя в абсолют многое из того, что этого – вообще не заслуживает, причем ни при каких условиях, но и местечковое провозглашая глобальным, а глобальное местечковым. В этой связи, наша задача, помимо всего прочего, состояла в том, чтобы, оставаясь на позициях историко-правового анализа и компаративизма, подтвердить либо опровергнуть не только объективный, но и востребованный со стороны компрадорских правящих элит, ближайшего к ним окружения и аффилированных с ними финансовых или промышленных олигархических групп алгоритм тенденций подобного рода, обусловленный мифологизацией процесса государственного строительства и стремлением по-прежнему выдавать «желаемое» за «действительное» положение дел, не имея к этому соответствующих оснований. О системно-институциональном кризисе,

поразившем в последние годы евро-атлантическую цивилизацию в лице крупнейших государств англосаксонской и континентальной традиции, и продолжающему по-прежнему углубляться, затрагивая самые разные области общественных отношений, можно получить более адекватное представление лишь всесторонне исследовав проблемы, уходящие своими корнями в период генезиса социально-политического феномена, который мы условно назвали – «западной» моделью демократии. Именно этим обстоятельством во многом объясняется тот факт, что в работе отсутствует анализ той ситуации, которая наблюдается в государствах англосаксонской и континентальной традиции в настоящее время, так как нами преследовалась четко обозначенная цель: дать оценку предпосылкам, тенденциям и характеру тех процессов, закономерным итогом которых станет системно-институциональный кризис (игнорирование либо отрицание которого – под любыми «благовидными» предложениями – только спровоцирует конфликт, делая его еще более непредсказуемым), поразивший политические режимы, осознанно или неосознанно позиционирующие себя в качестве «оплота демократии» и «примера для подражания».

Исследование носит комплексный историко-правовой и сравнительно-правовой характер, охватывающий не только период становления и развития «западной» модели демократии (при всех ее достоинствах и недостатках), но и те процессы, наличие которых отчетливо свидетельствует о трансформации и качественном перерождении базовых буржуазно-либеральных институтов, длительное время олицетворявших собой конституционно-правовые формы и механизмы взаимодействия правящих элит и широких слоев населения. Кем воспринимается народ – источником и носителем власти, овеществлением и материализацией которой является демократия, ассоциируемая с обществом потребления и абсолютизацией прав и свобод человека и гражданина, или ширмой, благодаря которой, несмотря на декларации и пафос учредительных документов, власть концентрируется в руках тех, кого принято рассматривать господствующим классом? Вопрос, ответ на который пытались и продолжают пытаться найти исследователи, тем не менее он по-прежнему чрезвычайно

актуален и востребован, так как каждая новая стадия исторического процесса требует – при обязательном сохранении преемственности – нового взгляда на «старые» проблемы, в том числе и те, которые в той либо иной степени ранее уже были предметом и объектом научного анализа. Ситуация, вызванная или спровоцированная стагнацией мировоззренческой парадигмы, способствует тому, чтобы акценты были смещены в область тех проблем, о которых прежде предпочитали – либо вообще ничего не говорить, либо придерживаться точки зрения, господствовавшей в странах англосаксонской и романо-германской традиции, и в течение многих лет считавшейся, по существу, официальной. Как ни парадоксально на первый взгляд, правящим элитам не составило большого труда внушить широким слоям населения, используя для этого самые разные, от популизма и демагогии до псевдоисторических мифологем, инструменты, средства и методы воздействия, что современное «общество потребления», сложившееся в течение второй половины XX столетия, представляет собой не что иное, как «образцовую модель» политического режима, которая должна была восприниматься в качестве единственного «примера для подражания» для народов, освободившихся от тоталитаризма (в любых его разновидностях, формах и «проявлениях») или колониальной зависимости, и вставших на путь самостоятельного цивилизационного развития. В итоге, «постмодернистская» демократия и общество потребления были провозглашены правящей элитой тождественными понятиями, а воплощением народного суверенитета стали рассматриваться электоральные процедуры и представительство. В этой связи одной из приоритетных задач настоящего исследования автор считает анализ формирования предпосылок деградации системообразующих институтов, во многом ускоривших процесс регресса либеральной модели демократии.

Несмотря на то обстоятельство, что о тенденциях кризисного характера, в той или иной степени связанных с институализацией и функционированием либерального политического режима, на уровне фундаментальных научных исследований говорится уже более века, начиная с хрестоматийных «Заката Европы» Освальда Шпенглера и «Психологии народов и масс» Густава Лебона

(описавшего специфику охлократии) и заканчивая «Тенями завтрашнего дня» Йохана Хейзинга, «Кризисом современного мира» Рене Генона, «Похищением истории» Джека Гуди и «Смертью Запада» Патрика Бьюкенена, справедливым и исключительно оправданным будет вывод о том, что на настоящий момент отчетливо ощущается дефицит критических обобщающих работ, посвященных указанной проблеме, тем более на фоне тех беспрецедентных общественных процессов, невольными свидетелями которых мы являемся.

Не будет преувеличением тот факт, в целом не вызывающий каких-либо принципиальных или, заслуживающих внимания, существенных возражений, что становление и развитие «западной» – буржуазно-либеральной – модели политического режима в большей либо меньшей степени опирались на идеи, сформулированные в работах античных и средневековых мыслителей, к числу которых нельзя не отнести: Аристотеля, Платона, Солона, Демокрита, Сенеку, Цицерона, Саллюстия, Никколо Макиавелли, Жана Кальвина, Этьена Ла Боэси, Жана Бодена, Бенедикта Спинозу, Френсиса Бэкона, Томаса Гоббса и других светских и религиозных представителей философской и правовой доктрины, заложивших теоретический фундамент системных преобразований, имевших место при переходе от абсолютизма феодальной общественной формации к республиканской форме правления, ограниченной монархии и демократии, интерпретаторами концепций которых выступили – Джерард Уинстенли, Блез Паскаль, Гуго Гроций, Джон Локк, Жан Мелье, Шарль Луи Монтескье, Франсуа Мари Вольтер, Жан-Жак Руссо, Габриэль Бонно Мабли, Бенджамин Франклин, Давид Юм, Дени Дидро, Поль Анри Гольбах, Иоганн Готлиб Фихте, Вильгельм Гумбольдт, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Рудольф Иеринг, Иммануил Кант, Иеремия Бентам, Клод Анри Сен-Симон, Огюст Конт, Артур Шопенгауэр, Людвиг Андреас Фейербах, Роберт Оуэн, Джон Стюарт Милль, Томас Пейн, Томас Джефферсон, Алексис де Токвиль, Фридрих Ницше, Людвиг Гумплович, Макс Штирнер, Фердинанд Лассаль, Георг Еллинек, Герберт Спенсер и многие их апологеты, последователи и оппоненты.

Вместе с тем нельзя не констатировать, что в исследованиях указанных авторов, давно ставших теоретическим наследием англосаксонской и романо-германской научной мысли, проблемам, являющимся предметом и объектом настоящей диссертации, к сожалению, должного внимания не было уделено.

Следует признать, что многие работы, какой бы период при этом мы ни взяли в качестве наглядной иллюстрации, как правило, носили описательный, некритический характер, в рамках которого преобладал историко-правовой и, в отдельных случаях (в основном в масштабах учебной и публицистической литературы), сравнительно-правовой анализ с элементами, присущими, чаще всего, конкретной научной школе или доктрине. В этой связи можно выделить исследования таких ученых, как Жюль Мишле, Томас Карлейль, Альбер Венн Дайси, Генри Томас Бокль, Франсуа Пьер Гильом Гизо, Джеймс Форд Родс, Макс Вебер. Достаточно весомую роль в популяризации «западной» модели политического режима сыграли отечественные компаративисты, теоретики и историки государства и права: Н.И. Кареев, В.И. Герье, А.М. Виноградов, М.М. Ковалевский, Ю.С. Гамбаров, А.Д. Градовский, Ф.М. Дмитриев, Н.И. Зибер, В.Н. Дурденевский, М.Н. Капустин, Л.А. Комаровский, Н.М. Коркунов, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, А.В. Романович-Славатинский, Г.Ф. Шершеневич и др.

Процесс государственного строительства, наблюдавшийся в Старом и Новом Свете, его специфические черты, характер и особенности со временем начинают приобретать соответствующие тенденции, прежде всего в контексте демократизации общественных отношений, прямо или косвенно связанных с организацией и деятельностью представительных органов публичной власти, расширением прав и свобод граждан и подданных, что не могло не отразиться на представлениях, в той либо иной степени отражавших мировоззренческую, идеологическую, институциональную, правовую, социальную и нравственную трансформацию, обусловленную, помимо прочего, тем обстоятельством, что между теорией и практикой все более отчетливо начинают проявляться черты, диссонирующие с «книжным» образом либеральной демократии.

Исследования второй половины ушедшего столетия, многие из которых носили фундаментальный характер, посвященные проблемам демократии, ее формам и системообразующим институтам, были обусловлены стремлением правящих элит создать у широких слоев населения устойчивое впечатление о том, что по существу единственным «примером для подражания» для стран и народов, освободившихся от колониальной зависимости и вставших на путь самостоятельного развития, является демократия «западного» типа. Вместе с тем и в советской, и в зарубежной компаративистике критический характер целого ряда работ нередко превалировал над конъюнктурным. В частности, речь идет о таких авторах, как Иммануил Валлерстайн, Майкл Манн, Фернан Бродель, Улик Варандж, Гордон Вуд, Норберт Элиас, Уильям Ширер, Михаэль Штолляйс, Свен Беккерт, Маркус Родигер, Л.Я. Дадиани, С.Ю. Данилов, О.А. Жидков, Д.А. Ковачев, С.И. Коданева, В.И. Лафитский, В.В. Согрин, В.Е. Чиркин.

Высоко оценивая вклад перечисленных историков государства и права, теоретиков, компаративистов, государствоведов, политологов, религиозных и светских философов, футурологов в развитие представлений о народовластии и его системообразующих институтах, вместе с тем нельзя не признать вполне очевидный факт, что в подавляющем большинстве случаев их исследования касались, преимущественно, анализа отдельных аспектов цивилизационного социально-политического феномена, известного в практике государственного строительства подавляющего числа стран под дефиницией «демократия», не рассматривая специфики, тенденций и особенностей исторического процесса, наблюдавшихся, с различной степенью интенсивности, по существу в течение всего периода становления и эволюции парламентаризма, непосредственных форм демократии и самоорганизации населения, закономерным «итогом» которых станет трансформация либеральной модели политического режима, его стагнация и постепенная деградация. Полностью игнорируя, причем под самыми благовидными предложениями, или намеренно не обращая внимание на соответствующие проблемы государственного строительства какой-то страны или группы стран англосаксонской и романо-германской традиции, в течение

многих лет «желаемое» выдавалось за действительное положение дел, даже в тех экстраординарных случаях, когда традиционно замалчиваемый вопрос приобретал широкую известность. Современный кризис «западной» модели демократии имеет не только глубокие национальные, но и наднациональные корни, многие из которых неплохо изучены в контексте историко-правовых и сравнительно-правовых проблем государств Старого и Нового Света, в то же время у ученых нет четкого представления о том, чем обусловлены масштаб и системный характер социального явления, в своих чертах практически мало в чем отвечающего «классическим» либеральным идеологемам, стереотипам и критериям, повсеместно – в рамках «вестернизации» институтов и процедур – насаждавшимся в течение достаточно продолжительного периода времени.

Данное исследование в той либо иной степени восполняет этот пробел, формулируя, посредством критического историко-правового и сравнительно-правового научного анализа, авторское понимание во многом закономерного и, вне всякого сомнения, объективного характера тех социально-политических тенденций и предпосылок, благодаря которым процесс стагнации, регресса и перманентно углубляющейся деградации затронул большинство важнейших, системообразующих институтов, традиционно ассоциируемых с «западной» моделью демократии, «западными» ценностями и мировоззрением. В связи с чем возник кризис, вот тот вопрос, один из ответов на который пытается дать автор, предлагая в качестве гипотезы собственную версию развития событий, акцентируя внимание на тех странах, где этот процесс наиболее очевиден.

Цели и задачи исследования вытекают из необходимости обосновать и аргументированно доказать дискриминационный, фиктивный, популистский и декларативный характер «западной» демократии как одной из политико-правовых концепций либеральной модели народовластия, в основе которой лежали механизмы, полностью лишавшие или существенно ограничивавшие права и свободы определенных категорий населения по гендерным, расовым, этническим, религиозным, сословным, имущественным и иным признакам.

С учетом указанной специфики одной из наиболее приоритетных целей настоящего историко-правового и сравнительно-правового исследования стал критический анализ процесса конституционно-правовой легитимации прав и свобод человека и гражданина, провозглашавших народ источником власти и носителем суверенитета, и теоретического обоснования подобного статуса в фундаментальных работах представителей соответствующих доктрин, школ и направлений англосаксонской и романо-германской научной мысли. В итоге это потребовало решения нескольких, взаимосвязанных между собой, задач:

- определить предпосылки, тенденции и характер кризиса социально-экономических и политико-правовых отношений, охватившего в последние десятилетия ведущие и наиболее успешные страны «коллективного Запада», закономерность которого в подавляющем большинстве случаев обусловлена национальными особенностями государственного строительства, имевшими место в течение конкретного периода, стадии или этапа, либо в масштабах цивилизационного развития в целом;

- выявить отличительные черты, исторически присущие политическим режимам, идентифицируемым в качестве «западной» модели демократии, акцентируя внимание на системообразующих институтах, процедурах, правах, свободах, формировавших специфические механизмы осуществления власти в рамках республиканской или монархической формы правления, уровень и пределы вовлеченности широких слоев населения в процесс прямого либо косвенного управления государством и его структурами;

- показать наличие несоответствия между концепцией народовластия, в основе которой лежат принципы всеобщности и равенства прав дееспособных граждан и подданных, реализуемых непосредственно либо через легитимных представителей, действующих в органах государственной власти и местного самоуправления, и практикой ее воплощения, в течение длительного времени базировавшейся на запретах и ограничениях, лишавших преобладающую или значительную часть женского и мужского населения возможности избирать и быть избранными, тем самым выводя их за рамки политического процесса;

- исследовать генезис научных представлений о демократии как одной из форм политического режима, оказавших влияние на процесс становления и развития парламентаризма, олицетворяющего собой либеральную модель народовластия, системообразующим элементом которой со временем стало общество потребления в его западной интерпретации (за глянцевым фасадом «благоденствия и благополучия» которого скрываются многочисленные, и все более увеличивающиеся проявления авторитаризма и тоталитаризма, в том числе нарушения фундаментальных прав и свобод человека, неоколониализм и неонацизм), сначала подменившем, а затем полностью заменившем собой демократию в ее первоначальном доктринальном значении;

- обосновать объективный характер противоречий между абстрактными декларациями учредительных актов, нормы которых, как правило, являлись результатом вынужденного компромисса, достигнутого правящими элитами и аффилированными с ними экономически господствовавшими социальными группами, практикой их легитимации, регламентации и реализации органами законодательной, исполнительной и судебной власти общенационального и регионального уровня, в деятельности которых преобладали латентные или отчетливо выраженные ограничительные механизмы, вызванные этнической и расовой принадлежностью субъектов общественных отношений;

- актуализировать вывод о том, что многие так называемые «завоевания народовластия», на которых с течением времени был сформирован базовый мировоззренческий фундамент «западной» модели демократии, не имеют к ней никакого отношения, и в целом носят откровенно мифологизированный, популистский и лицемерный характер, способствовавший созданию в глазах широких слоев населения Старого и Нового Света того «книжного» образа, с которым традиционно, независимо от республиканской или монархической формы правления, ассоциируются либеральная демократия и ее важнейшие, системообразующие институты, процедуры, ритуалы и ценности;

- подтвердить тот факт, что одним из наиболее дискриминированных, на известных стадиях процесса государственного строительства «вторичных»

сегментов буржуазного общества являлись, невзирая на цвет кожи, расовую, этническую, религиозную и социальную принадлежность, представительницы женского пола, не только юридически пораженные в соответствующих правах, но и выведенные за рамки широкого спектра общественных отношений, в той или иной степени связанных с осуществлением гражданами или подданными непосредственных и представительных форм демократии, самоуправлением, прохождением государственной службы, отправлением правосудия и иными легальными сферами публичной деятельности;

- опровергнуть господствующую среди просвещенной части общества и крупнейших представителей научной мысли «коллективного Запада» точку зрения, согласно которой единственным, заслуживающим полного доверия и непререкаемым «примером для подражания» для народов, освободившихся от тоталитаризма, колониальной зависимости, иных форм и разновидностей не суверенного развития, является «вестернизация» политического процесса, в целом или преимущественно основанная на парламентаризме и механизме «сдержек и противовесов», корни которых, хотя и уходят в период буржуазно-либеральных революций конца XVIII – середины XIX века, тем не менее, как и прежде, не утратившими своей актуальности и востребованности;

- установить причины, вызвавшие системную деградацию институтов, при их внешней неизменности, в течение многих лет олицетворявших собой «западную» модель демократии как формы политического режима, одним из базовых механизмов которого при формировании представительных органов считалось неукоснительное соблюдение прав электорального «большинства» и «меньшинства», независимо от специфики партийной ориентации и прочих особенностей, в результате способствовавшие трансформации коллективных и индивидуальных представлений о характере и предназначении публичной власти, выражающей интересы широких слоев населения, исповедующих, как правило, традиционные ценности, одновременно учитывающей легитимные требования всевозможных «меньшинств», их «объединений» и «сообществ»,

нарушающих в той либо иной степени баланс прав, свобод и обязанностей, сложившийся в рамках современного общества потребления;

- проиллюстрировать фиктивный характер системы разделения властей, действующей в республиках и ограниченных монархиях парламентского типа, общепринятым выражением которого рассматривается партийный критерий формирования национального правительства, предполагающий совмещение «депутатского мандата» и «министерского портфеля», когда конкретное лицо, избранное в орган представительной власти, одновременно занимает кресло руководителя одной из исполнительных структур, тем самым ассоциируясь с обеими ветвями публичного механизма, что не может не свидетельствовать о не соблюдении важнейшего принципа, олицетворяющего собой либеральную модель народовластия, являющегося фундаментом организации институтов «западной» демократии и конституционного строя в целом;

- констатировать комплексный – мировоззренческий, идеологический, политический, социальный и культурный – характер кризиса, охватившего на рубеже веков системообразующие институты крупнейших государств Старого и Нового Света, позиционирующих себя в качестве «оплота демократии».

В результате проведенного сравнительного конституционно-правового и историко-правового анализа феномена, именуемого «западной» моделью демократии, автор пришел к следующим **выводам и обобщениям**, в большей либо меньшей степени позволяющим констатировать тот очевидный факт, что он находится на одной из стадий масштабного системно-институционального кризиса, охватившего важнейшие области мировоззренческих, социальных и политических отношений, обусловленных, вызванных или спровоцированных рядом фундаментальных тенденций, предпосылками которых стали характер и особенности процесса либерализации и демократизации формы правления и политических режимов крупнейших государств Старого и Нового Света.

1. В первую очередь речь идет об *идеологическом кризисе*, поразившем так либо иначе базовые представления о государстве и праве как структурных элементах «надстройки», во многих аспектах все активнее воспринимаемых в

контексте, последовательно, целенаправленно, нередко безапелляционно и, как правило, безальтернативно навязываемых традиционному гражданскому обществу современных «ценностных доминант» типа мультикультурализма, политкорректности и толерантности, формально не отрицающих деклараций о «свободе, равенстве и братстве» буржуазно-либеральных революций конца XVIII – середины XIX века, однако на практике имеющих с ними мало общего и лишь незначительное число точек соприкосновения, не выходящих за рамки классических постулатов, стереотипов и идеологем. Как ни парадоксально, но в этом нет ничего экстраординарного, из ряда вон выходящего, так как слова, начерченные на революционных знаменах, провозглашенные затем в первых учредительных актах, носили характер «желаемого», «гипотетической цели», и, по существу, никогда не были реализованы в «действительности» в полном объеме. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, как диссонировали в течение длительного периода времени, например, положения «Декларации независимости» Соединенных Штатов («исходим из самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся... свобода и стремление к счастью») или французской «Декларации прав человека и гражданина» («... люди рождаются и остаются свободными и равными в правах»), на фоне того, что женщины получили избирательные права в одном случае через сто сорок четыре года, в другом – через сто пятьдесят семь лет после их провозглашения в официальных документах. Другими словами, значительная часть населения ограничивалась в правах и дискриминировалась по «половому» признаку, не говоря уже о том, что не менее знаковым было наличие «colored» ценза.

2. Нет смысла подвергать сомнению вполне очевидный факт, что, начав, в результате революционных либо эволюционных преобразований, имевших место в соответствующем государстве с монархической или республиканской формой правления, «цивилизационный переход» к буржуазно-либеральному этапу своего развития, общество и правящая элита столкнулись с проблемами, вызванными не только процессами, в целом в большей или меньшей степени

«характерными» для экономических, социальных и политических отношений предшествующего исторического периода (во многих случаях тормозившими, ограничивавшими либо сдерживавшими поступательное движение вперед), но и тенденциями, обусловленными формированием принципиально новых, ранее не актуальных или не востребованных – в силу как объективных, так и субъективных причин – со стороны участников публично-правовых отношений конкретных сфер, областей и направлений деятельности. Причем отдельные тенденции, на протяжении нескольких веков наблюдавшиеся в государствах Старого и Нового Света, независимо от конституированной формы правления, традиционно позиционирующих себя в качестве «примера для подражания», достались им «в наследство» от прежних стадий общественного развития без существенных трансформаций и кардинальных изменений, как с точки зрения декларирования фундаментальных прав и свобод, так и их реализации. Что в итоге не могло не отразиться на статусе соответствующих социальных групп и их непосредственном участии в реализации конкретных форм демократии.

Речь идет, в том числе, о так называемом «женском вопросе», одном из наиболее проблемных в контексте процесса государственного строительства, нерешенность и «факультативность» которого, преимущественно носивших перманентный характер, свидетельствуют, помимо всего прочего, о том, что либеральная модель демократии, как ни парадоксально, дискриминационна по своей сути и содержанию, так как «слабый пол» (какое бы государство мы ни взяли в качестве наглядного примера, за исключением «Града на холме» в начальный период колонизации и хозяйственного освоения англо-британских «заморских территорий», когда ортодоксальные протестантки и прибывшие из Старого Света на заработки по договору найма в виде законтрактованных сервентов по чисто объективным причинам не могли составлять какого-либо большинства «переселенцев») в процентном отношении практически во всех европейских государствах, преобладая над мужской частью населения, был в течение длительного периода времени *de jure* полностью или в значительной степени поражен в правах и, по существу, «выведен за скобки» политического

процесса. «Вторичность» статуса представительниц «слабого пола» носила во многом легитимный характер, что говорит – о целенаправленном нежелании правящих элит адекватным образом решать столь «щекотливую» проблему.

3. Фиктивность термина «всеобщность», обозначающего равенство прав и свобод мужской части населения (причем последнее весьма длительное время наблюдалось при любой форме правления), отвечавшей необходимым требованиям, объективно не может не бросаться в глаза, особенно с учетом не всегда и не во всем оправданной абсолютизации прав и свобод человека, в первую очередь всевозможных «меньшинств», все больше приобретающей гипертрофированный характер, к которым на определенном этапе развития и трансформации публичных отношений относились не только многочисленные представительницы «слабого пола» и «colored», но также деклассированные или малоимущие слои мужского населения. Не будем лукавить, говоря о том, что для периодов практически массовой безграмотности подобные действия правящих элит были оправданы и целесообразны, тем более в контексте того, что самые разные сферы общественных отношений – от образования и науки до условий и оплаты труда – носили «гендерный» оттенок, в то же время у нас нет никаких оснований игнорировать аналогичные тенденции, применимо к государствам Старого и Нового Света конца XIX – середины XX века, особенно для тех, кто как Соединенное Королевство, Франция или Соединенные Штаты традиционно рассматриваются странами, освободившимися от колониальной зависимости, «примером для подражания». О каком народовластии вообще может идти речь, если граждан или подданных дискриминировали в правах, исходя из половой, расовой либо этнической принадлежности, в том числе с учетом того факта, что конституционное законодательство буквально пестрит словами типа «народ», «нация», «народный суверенитет» (избегая вместе с тем термина «демократия»), по существу, юридически девальвировавшимися и утратившими свой первоначальный, хрестоматийный, «книжный» смысл?

С учетом сказанного как минимум не меньшее недоумение вызывает и дефиниция «равенство», реализация которой немыслима без актуализации и

введения в практику института «всеобщности» избирательных прав, в связи с чем возникает резкий диссонанс между «желаемым» и «действительностью», который, в свою очередь, провоцирует достаточно скептическое отношение к обоснованности обозначения этих государств «демократическими». У тех, кто в силу ряда причин далек не только от сравнительного правоведения, но и от всего, что так или иначе связано с историей государства и права зарубежных стран, констатации подобного рода нередко вызывают не во всем адекватную и научно приемлемую «реакцию», обусловленную, как правило, тенденциями последних десятилетий, однако корректно ли (?) оспаривать столь очевидные и абсурдные вещи при условии, что избирательным правом американки стали обладать с 1920 года, благодаря XIX поправке к Конституции, а француженки или те же итальянки – только после окончания Второй мировой войны.

4. Как показывает критический сравнительно-правовой анализ теории и практики государственного строительства исследуемых стран, народовластие не всегда интерпретируется в контексте республиканской формы правления, иными словами монархия – также может обладать специфическими чертами, присущими демократическому политическому режиму. Более того, события в Соединенном Королевстве, Голландии, Бельгии, Швеции, Норвегии и целом ряде других государств, в частности Японии, наглядно свидетельствуют о том, что, даже, несмотря на буржуазно-либеральные революции, республиканизм продолжительное время не пользовался не только ажиотажным, но и вообще каким-либо спросом у господствующих классов и бюрократии, и лишь родина одной из первых революций в течение всего XIX века переживала процесс так называемого «ребрендинга», когда в рамках поколения французы несколько раз «меняли» привычную для большинства монархическую форму правления на республиканскую и наоборот. Период с конца XVIII века в отечественной и зарубежной историко-правовой и конституционно-правовой литературе чаще всего принято называть эпохой «демократических революций», тем не менее, проведенное исследование говорит в пользу того факта, что целесообразнее его и все, что с ним связано, именовать не иначе, как эпохой «республиканских

революций» (может быть, поэтому термина «демократия» старались избегать и в документах, и в официальной лексике), так как именно республиканизм и республиканские принципы организации публичной власти, а не демократия, в ее идеологическом толковании, покончили с абсолютистскими режимами. Как ни парадоксально, но перечисленные выше конституционные монархии и достаточно «эксклюзивные» для конца XVIII – середины XIX века республики, которые можно было, не учитывая «латиноамериканский регион», где речь в целом идет о национальной специфике, пересчитать по пальцам одной руки, по существу практически ничем, в том числе прямыми и косвенными формами демократии, перечнем прав и свобод, разделением властей, принципиально не отличались друг от друга, более того, европейские монархии выступали во многих «ситуациях», как ни удивительно на первый взгляд, «локомотивами» либерализации и демократизации публичных отношений, уже тогда являясь в той либо иной степени «современными». Для этого достаточно посмотреть на действующее законодательство, без учета соответствующих «новелл» второй половины XX века, чтобы убедиться в сказанном. Не здесь ли следует искать предпосылки, особенности и отличительные черты тех тенденций, с которыми связан кризис «либеральной» демократии, системный и институциональный характер которого вполне очевиден и не вызывает сомнений? Следовательно, республика и народовластие – далеко не синонимы, так как существующие на настоящее время монархии практически ничем не отличаются от республик.

5. Не менее фундаментальной предпосылкой масштабного и – *de facto* – все более углубляющегося и расширяющегося системно-институционального кризиса, поразившего в последние десятилетия явление, условно именуемое нами «западной» моделью демократии, следует рассматривать стагнацию и, перманентно набирающую обороты, деградацию традиционной социальной структуры общества, что, в свою очередь, вызвало актуализацию тенденций, о которых прежде речь не могла возникнуть по определению, так как для них – не было ни «условий», ни каких-нибудь исторически обусловленных причин, за исключением тех, что непосредственно связаны с колониальным периодом

отдельных европейских государств или эпохой рабовладения за океаном. Но «фантомные боли» ушедших, как казалось сравнительно недавно, в прошлое отношений переживают своего рода ренессанс, инициированный потомками, с одной стороны, иммигрантов из стран «третьего мира», не сумевшим или не захотевшим приспособиться к качественно новым для них условиям, с другой – «colored people», испытавшим воздействие механизмов дискриминации по расовому и этническому признаку в форме пресловутой сегрегации. И первые, и вторые активно и настойчиво требуют «возмещения ущерба», полученного когда-то в результате неадекватных действий метрополий в лице чиновников колониальных администраций, частных или юридических лиц в их «заморских территориях», экстраполируя на максимально широкий круг отношений, в том числе и на стадию строительства государственности суверенного типа. Таким образом, социальное равенство как один из «демократических» критериев на протяжении длительного времени в ряде аспектов носило абстрактный или откровенно демагогический характер, отражением которого стал диссонанс между «желаемым» (наглядным «классическим примером» можно считать декларативность XIV и XV поправок к федеральной Конституции, нашедшую юридическое закрепление в пресловутой доктрине «равных, но разделенных прав» Верховного суда) и действительностью в виде ксенофобии, апартеида, других североамериканских и европейских дискриминационных практик.

Социальный кризис «западной» модели демократии, помимо прочего, проявляется в цивилизационных противоречиях, связанных с историческими, культурными, нравственно-этическими, конфессиональными предпочтениями не только белых и «colored» слоев населения, но и различных категорий и групп граждан или подданных внутри них, особенно тех, кто, несмотря ни на что, игнорирует все более зависимый характер отношений, необходимость и востребованность конвергенции: традиционный «конфликт поколений», тем самым, выходит за гипотетические рамки коллизий иммигрантов «первой» и всех последующих волн, принципиально иначе воспринимающих длительный и неизбежный процесс культурной и мировоззренческой интеграции.

6. Ситуация усугубляется и еще одним существенным обстоятельством – ложно понимаемыми и интерпретируемыми «ценностями», в центре которых «лежат» мультикультурализм, политкорректность и толерантность, по многим аспектам дискредитировавшими себя в глазах представителей традиционных гендерных и брачно-семейных отношений, исповедующих совершенно иные, чем так называемые «меньшинства», численность и амбиции которых растут, по существу, в режиме «снежного кома», взгляды, как правило основанные на вековых христианских постулатах, в значительной степени диссонирующих с «тенденциями», отчетливо наблюдаемыми в странах, ассоциирующих себя с «западной» моделью демократии. Современная «парадигма» общественного развития так или иначе свидетельствует о том, что если на известных стадиях государственного строительства социальная стратификация и, как следствие, властно-политическая дифференциация определялись имущественным либо наследственным характером статуса соответствующих категорий граждан или подданных, то в последние годы начинают проявляться тенденции, базовыми предпосылками которых становятся требования об отказе от традиционных, как архаичных и «социально устаревших», взглядов на «классификацию» прав и свобод человека, с учетом гендерной и прочей «эксклюзивности» отдельных групп населения, где уже нет «ячейки общества» в обычном смысле слова (как «союза мужчины и женщины»), а превалируют отношения «родителя номер один» и «родителя номер два», где существует так называемый «третий пол», пропагандируется инцест, эвтаназия и целый «спектр» идентичных «новелл». Действующее законодательство во многих случаях объективно не успевает за «требованиями дня», поэтому все активнее нормотворчеством в тех областях, где отсутствуют необходимые правовые акты, начинают заниматься институты судебной власти, вторгаясь тем самым в полномочия других ветвей и нарушая принцип разделения властей. Причем отмеченная тенденция имеет место как в государствах англосаксонской, так и романо-германской традиции.

Именно социальный кризис, отчетливо наблюдаемый «невооруженным взглядом» в масштабах либеральной демократии, в итоге свидетельствует, во-

первых, о том, что необходима ревизия классификации не только прав, свобод и законных интересов, но и обязанностей, и во-вторых, что общепринятая до сих пор система разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную постепенно утрачивает свой потенциал и устойчивость, и нуждается в кардинальном реформировании или радикальной модернизации. При этом общество и правящие элиты должны понять, есть ли у преобразований такого рода «пределы», то есть, где та, условно говоря, «красная черта», которую ни при каких условиях нельзя переступать, в противном случае о «коллективном Западе» придется рассуждать исключительно в прошедшем времени.

7. Однако главное даже не в том, что традиционный социальный состав общества меняется прямо на глазах, а в том, что «ценности», присущие лишь определенным группам населения, навязываются всем тем, кто не приемлет и не разделяет их, то есть нарушается важнейший принцип демократии, когда системообразующие, тем более принципиальные для государства и общества решения принимаются – простым либо квалифицированным большинством голосов дееспособных граждан и подданных, с обязательным учетом мнения «меньшинства», либо референдумом, либо на уровне конкретных институтов представительной власти. Парадокс состоит в том, что в угоду «меньшинству» в той или иной степени попирают права «большинства», исповедующего иные ценности, что ни при каких условиях не является признаком «народовластия» и подлинной демократии. «Специфика» статуса, вытекающая из особенностей частноправовых отношений, приобретает все более выраженный публичный характер, требуя от правящих элит, представляющих государство, нахождения компромисса между сторонниками диаметрально противоположных точек зрения, что в итоге может привести не просто к отказу от «архаичных», на чей-то взгляд, шаблонов и стереотипов, а к фундаментальной переоценке всего того, что понимается под правами и свободами человека в их традиционном, в том числе конституционно-правовом, значении. Речь не идет об очередных «страшилках» и «фобиях», на основании которых должны быть непременно ограничены права и свободы отдельных групп населения, воспринимающих себя

вне контекста разделяемых «большинством» ценностей, норм и правил поведения, вопрос, который, к сожалению одних и счастью других, уже нельзя игнорировать, требует концептуального переосмысления основополагающих критериев и принципов, характеризующих правовое положение граждан или подданных государств, ассоциирующих себя исключительно с «либеральной» моделью демократии, вне зависимости от гендерной принадлежности, цвета кожи, отношения к религии и сексуальных предпочтений. Реформы должны в той или иной степени снять «накал страстей», перевести имеющиеся коллизии в формально-юридическую плоскость и дать новый импульс развитию прав и свобод человека, ни при каких условиях не ущемляя или ограничивая статуса одних и не возводя в абсолют других, какими бы благовидными мотивами не аргументировать соответствующее решение и его целесообразность, так как в любом обществе найдутся недовольные достигнутым в итоге компромиссом, особенно среди радикально настроенных категорий граждан или подданных. В этой непростой ситуации решающая роль будет принадлежать процедурам, которые определяют не только уровень зрелости и демократичности общества, но и реальное отношение широких слоев населения к таким «ценностям», как мультикультурализм, политкорректность и толерантность.

8. Критический сравнительно-правовой анализ важнейших тенденций последних десятилетий, обусловленных «требованиями дня», позволил – при этом учитывая совокупность предпосылок, послуживших их формированию и институализации – выявить черты, «новизна» которых уходит своими корнями в те сферы общественных отношений, где исторически наиболее контрастно и менее абстрактно проявлялся дискриминационный характер статуса «colored people» и представительниц «слабого пола». Речь не идет о том, что, невзирая на механизмы уравнивания в правах по гендерному, расовому, этническому и прочим признакам, актуализированные в масштабах текущего исторического периода, представительницы «слабого пола» (в данном обозначении, на наш взгляд, нет ничего унижительного, тем более порочащего честь и достоинство, как могло бы показаться тем интерпретаторам, которые даже в традиционных

терминах пытаются найти негативную смысловую коннотацию) по-прежнему «выведены за скобки» политического процесса, наоборот, наблюдается четко выраженная тенденция ущемления прав белых мужчин, придерживающихся, помимо прочего, традиционных взглядов и ценностей, в качестве своего рода «возмещения ущерба» за «недополученное в прошлом». В перспективе, по всей видимости краткосрочной, буржуазно-либеральный парламентаризм, *de facto* недавно носивший исключительно мужской и преимущественно белый оттенок, придет, вероятно, к тому (правда, в несколько специфическом виде), что когда-то имело место в рамках «советской» практики представительной демократии, где действовало жесткое правило, согласно которому в высших, региональных и местных органах представительной власти все – от классов до этносов и народностей – составные элементы общества были аккумулированы в законодательно определенной пропорции. Иначе говоря, не исключено, что «представительство», особенно в сложносоставных государствах (к которым, несмотря на его официальный «унитарный» характер, относится «прародина» современного парламентаризма Соединенное Королевство, не говоря уже о Соединенных Штатах, где аналогичные процессы сдерживает федеративный характер государства, являющийся своего рода «тормозом», позволяющим на уровне штатов противодействовать национальной «гендерной» и «расовой» политике), *de facto* либо *de jure* в процентном отношении будет отражать не только этническую, но и гендерную специфику населения, в первую очередь так называемый «третий пол» (и еще несколько десятков «полов»), «родителя номер один» и «родителя номер два». Парадокс состоит в том, что «женский вопрос» сыграл с современным западным обществом злую шутку: продолжая неистово бороться за свои права, обвиняя во всех «смертных грехах» мужчин, феминистки – не сумели или не захотели увидеть того, как их место заняли все те же мужчины, возомнившие себя новым воплощением «слабого пола».

9. В результате под не совсем корректно понимаемым, тем не менее, введенным в научный оборот, официальную и разговорную лексику тезисом о так называемом «гендерном равенстве» (хирургически изменив «внешние

признаки» кто-то наивно считает, что он и с биологической, и с анатомической точки зрения также стал кем-то «другим»), с настойчивостью, заслуживающей, как минимум, более «адекватного» применения, нарушается традиционный, исторически сформировавшийся баланс между «женскими» и «мужскими» социальными функциями, при этом, по всей вероятности, не отдавая отчета в том, что закономерным итогом «деформаций» подобного рода могут быть – не только фундаментальные изменения характера общественных отношений, где каждый пол столетиями обладал «эксклюзивными», свойственными лишь ему, «предметами ведения», только в исключительных, строго ограниченных случаях или форс-мажорных ситуациях *de facto* вторгаясь в несвойственные ему «сферы деятельности», но и трансформация самосознания, радикализм которой – о чем даже не могли мечтать футурологи, провозгласившие «конец истории», – превзойдет все «мыслимое» и «немыслимое», с чем до этого приходилось сталкиваться. В очередной раз встает, во многом риторический, но не перестающий от этого быть актуальным и востребованным, вопрос о целесообразности абсолютизации прав и свобод человека, ее, по существу ничем не оправданной гипертрофированности, базирующейся на принципах и «ценностях» толерантности и мультикультурализма, приобретающей, как ни парадоксально, все более отчетливые тоталитарные черты и свойства, на фоне тенденций, направленных, в той или иной степени, на ущемление каких-либо характерных проявлений социальной и половой «традиционности».

Как следствие резкое, нередко катастрофическое, причем «подобные» тенденции имеют место во многих сферах общественных отношений, падение профессионализма, обусловленное, в том числе и тем, что соответствующие должности в механизме разделения властей в итоге занимают (в рамках так называемой «системы заслуг»), как правило или преимущественно, исходя из партийной принадлежности, а не полученного образования, стажа, опыта или специфики работы, поэтому классические «мужские» должности (например, связанные с обороной, безопасностью, специальными службами, внешними сношениями) «резервируются» с учетом «гендерных квот», в дополнение к

которым все чаще предлагаются кандидаты от всевозможных «меньшинств», тем самым – осознанно игнорируя исторический опыт и практику разделения труда, в большей или меньшей степени отражающие характер и особенности процесса государственного строительства, присущие конкретной стране либо группе стран (в данном случае речь идет о тенденциях, *de facto* наблюдаемых в Европейском союзе, где это ощущается перманентно и последовательно).

10. Анализ тенденций свидетельствует о том, что «западная» модель демократии – переживает острейший *системно-институциональный кризис*, одной из предпосылок которого является декларативный характер многого из того, что входит в понятие «народовластие», однако не имеет к нему никакого отношения. Проведенное сравнительно-правовое исследование показывает, что говорить о народе как «источнике» и «носителе» власти – следует лишь с большой степенью условности, так как за исключением выборов и достаточно редких референдумов, кроме практики Швейцарской конфедерации, где они в последнее время проводятся регулярно и по самым разным вопросам, она сконцентрирована в руках национальных либо наднациональных (в данном случае речь идет о Европейском союзе и его структурах) правящих элит в лице политической и управленческой бюрократии. «Западная» модель демократии в своей основе институционально и функционально имеет представительский характер государственной власти, традиционно олицетворяемый, в том числе, парламентаризмом, базирующимся на принципах, сформированных в период буржуазно-либеральных революций, и затем приспособленных к механизмам партийного строительства, бесперебойно, весьма эффективно действовавшим до определенного момента: в некоторой степени можно даже говорить, что в течение очень многих лет правящими элитами, вернее, стоявшими за ними олигархическими группировками, активно и целенаправленно использовался «партийный ценз», благодаря которому «легитимно» прийти к власти были в состоянии только те общественные организации, которые пользовались у них полным доверием и экономической поддержкой. Достаточно внимательно и непредвзято посмотреть на списочный состав членов Конгресса Соединенных

Штатов или британской Палаты общин, не говоря уже об «аристократической» Палате лордов, первой трети XIX – середины XX века, как конкретные вопросы отпадают сами собой, при том, что ситуация принципиальным образом ничем не отличалась во французском, бельгийском, германском, нидерландском и любом другом бикамеральном или однопалатном парламенте.

При фиктивности «всеобщности» избирательных прав институт выборов и процедуры с ним связанные носили «гендерный» и «социальный» характер, выводя за скобки политического процесса всех тех, кто не отвечал признакам, цензам и критериям, необходимым для получения депутатского мандата, не обладавшего императивностью и не позволявшего населению отозвать своего представителя, даже при условии неадекватности его действий. «Избранники народа» несли ответственность перед собственной партией, ее политическим руководством, поэтому решение о пролонгации или прекращении «статуса» и всего, что с ним связано, принимали исключительно функционеры без какого-либо участия электората как «источника» и «носителя» власти.

11. Единственное, что требовалось для поддержания у дееспособного населения и его ближайшего окружения имиджа народовластия, даже в таких форс-мажорных и экстремальных ситуациях, как военная фаза гражданского противостояния «южан» и «северян», поражение в правах «colored people» и женщин или «коричневый феномен», это неукоснительно соблюдать ритуалы и процедуры, требуемые законом, судебной и административной практикой для легитимации электорального процесса и его конечных результатов. Как следствие, между «демократией» и «процедурой» проводились параллели и ставился знак равенства: если процедура соблюдена на все остальное можно было закрыть глаза, в том числе на парадоксальный процентный «диссонанс» общенационального голосования по выборам главы государства, и итогов, к которым могла прийти так называемая «коллегия выборщиков». Процедура возводится в абсолют, игнорируя даже то, что нередко депутатом, мэром или советником становился преждевременно скончавшийся претендент, согласно традиции не исключенный из списка кандидатов на соответствующий пост или

должность. И все это на фоне того, что огромное число граждан было лишено избирательных прав по «причине» имевшихся у них ограничений (например, судимости). Так что же тогда считать «народовластием» – непосредственную демократию или ее регламентирующий инструментарий, предназначенный для реализации тех прав и свобод, которые провозглашены в конституции или учредительных актах, и актуализированы для осуществления «источником» и «носителем» власти его эксклюзивных полномочий? Парадокс состоит в том, что лишь на первый взгляд вопрос кажется риторическим, так как процедура, связанная с проведением выборов или референдумов, олицетворяет собой в глазах неискушенного обывателя институт «народовластия», овеществлением которого является физическое лицо, представляющее его интересы в том либо ином органе публичной власти. И неважно, что один и тот же человек может занимать депутатское кресло неограниченное количество раз или совмещать «парламентский мандат» и «министерский портфель», тем самым фактически нарушая принцип разделения властей и систему «сдержек и противовесов», главное – это процедура, согласно которой «источник» и «носитель» власти имеет возможность, в регламентированных законом случаях, ее реализовать.

Кризисные тенденции проявляются и в том, что именно «классические» либеральные, консервативные и социал-демократические организации чаще всего – уже не отвечают требованиям дня, о чем свидетельствует активизация не только санкционированных органами публичной власти протестных акций, но и партий нового типа, деятельность которых направлена на преодоление, в том числе, стагнационных процессов, наблюдаемых в политической сфере общественных отношений, так как старые институты теряют мобильность.

12. Тенденции последних десятилетий, как ни удивительно на первый взгляд (хотя многие из них в той либо иной степени проявляли себя в рамках предшествующих периодов процесса государственного строительства), все более отчетливо свидетельствуют о «бутафорном» характере институтов, в том числе системообразующих, «западной» модели демократии, чтобы кто-то из оппонентов (особенно идеологических, у которых либерализм, несмотря ни на

какие экономические, социальные, политические и правовые издержки, рассматривается «вершиной» цивилизационного развития) в конце концов ни говорил, приводя для еще большей убедительности в качестве доказательств соответствующие аргументы, проявляется в несовпадении декларируемых и реализуемых на практике избирательных прав, в том числе в контексте таких фундаментальных критериев как равноправие. Справедливости ради нельзя не признать, что с активным избирательным правом, олицетворяющим собой не что иное, как одну из форм непосредственной демократии, дела обстоят – более или менее нормально (хотя и в этой области общественных отношений, вне всякого сомнения, найдется к чему «придраться», с практической точки зрения, начиная с голосования по почте, большим процентом так называемых «мертвых душ», массовыми вбросами бюллетеней, заканчивая ограничением либо полным запретом присутствия на участках для голосования иностранных наблюдателей), прежде всего в тех случаях, когда подготовка и проведение избирательной кампании были реализованы в основном на должном уровне, чего не скажешь о пассивном избирательном праве, как правило, причем в подавляющем большинстве стран Старого и Нового Света, ассоциирующимся с представительной формой политического режима и парламентаризмом в, так сказать, классическом виде. При этом, когда мы говорим о «подавляющем большинстве стран», речь, что вполне естественно, идет прежде всего о тех из них, где взаимодействие двух системообразующих ветвей государственной власти – законодательной и исполнительной – носит определяющий характер. Идеологизация населения в течение многих десятилетий объективно не могла не привести к тому, что «единственный источник и носитель власти», в лице дееспособных граждан и подданных, поверил в мифологему, что именно он осуществляет контроль за «качеством» правящей элиты и ее периодической легитимацией посредством прямых или косвенных выборов, что он, и никто другой, является «институциональным катализатором», который вводит в действие систему разделения властей и механизм «сдержек и противовесов». Подобная, в той либо иной степени «упрощенная» точка зрения, несомненно,

имеет свое рациональное зерно и определенную логику, если вопрос касается непосредственных форм демократии, но не представительной, где ситуация, как правило, выглядит менее абстрактной, более предсказуемой и циничной.

13. Парадокс, на который как правило («тенденции» подобного рода в последнее время приобретают все более очевидный алгоритм, хотя их было, в принципе, не трудно предугадать, так как соответствующие предпосылки во многом достаточно давно актуализировались и сформировались, и нередко уже имели место в данной сфере общественных отношений) предпочитают не обращать внимание, обусловленный, помимо прочего, дискриминационным характером формальных требований избирательного права, проявляется на практике не только в декларативности принципа равноправия, но и в том, что он непосредственным или косвенным образом связан с реализацией другого, не менее фундаментального (о чем мы в несколько ином контексте говорили ранее), с точки зрения буржуазно-либеральных прав и свобод, получившего со временем распространение в большинстве современных правовых систем, принципа всеобщности, проявляющегося в поведении дееспособного, *de jure* наделенного активным избирательным правом, гражданина или подданного, в осуществлении им, в момент голосования за партийного или независимого кандидата, «негативного отбора», практический смысл которого выражается в следующем: голос, как правило или преимущественно, отдается не лучшему из претендентов, включенному в избирательный список, а непосредственно тому, кто больше понравился (исходя из «образа», сложившегося в результате воздействия предвыборной агитации или партийных предпочтений, не говоря уже о «принадлежности» кандидата к каким-то гендерным либо сексуальным «меньшинствам», конфессиональных, этнических и «colored» преференциях тех, кто относится к избирательному корпусу), тем самым сформировав о себе благоприятное впечатление. Другими словами, электорат чаще всего – вообще не интересуют ни образование, ни возраст, ни опыт кандидата, так как во главу угла, помимо обязательного в подобных случаях пропагандистского антуража, характерного для избирательных кампаний любого территориального уровня,

ставятся такие «отличительные» качества политика как – демагогия, популизм, предприимчивость, харизма и лоббизм, то есть умение, несмотря ни на какие гипотетические издержки, в том числе финансовые, навязать потенциальному избирателю «повестку дня», с которой кандидат идет на выборы, заручившись экономической поддержкой, заинтересованных в его победе спонсоров. Как следствие, резкое, причем во многих случаях качественное, падение не только профессионального, но и интеллектуального уровня правящей элиты, *de facto* вызванное или вытекающее из катастрофического снижения как общего, так и специального образования, все менее отвечающего «требованиям дня» и тем масштабным проблемам, что в последние десятилетия объективно возникли перед государствами, традиционно, имея на то какие-либо основания или нет, ассоциирующими себя с либеральной моделью демократии.

14. Своего рода «сепарирование» правящей элиты, воплощающей – так либо иначе – собой демократию либерального типа, качественное снижение интеллектуального уровня тех, с кем ассоциируется «политический процесс» и принятие соответствующих решений (необходимых для функционирования системообразующих публичных и общественных институтов, действующих в государстве), в результате чего многие ее «представители», при этом половая принадлежность – вообще не играет никакой роли, утрачивают специфические черты, олицетворявшие в глазах широких слоев дееспособного населения, с большей или меньшей степенью ее сакрализации, «власть», свидетельствуют, в частности, о том, что кризис «западной» модели демократии носит не только объективный, но и закономерный характер, обусловленный, помимо прочего, перманентной девальвацией идеологии постмодернизма, где либерализм и демократия, в их «классической» интерпретации, уже не отражают ни реалий дня, ни тех тенденций, проявления которых наблюдаются в последнее время в странах Старого и Нового Света. Современная модель демократии, в первую очередь ее американская разновидность или то, что, по существу, имеет место в Европейском союзе в лице многочисленных наднациональных учреждений и

бюрократического аппарата, все меньше позиционируется с декларациями о «народовласти», провозглашенными в учредительных документах.

Странно, никто, вроде бы, ничего не отменял, и тем более не запрещал – ни свободы слова, собраний и манифестаций, ни выборов, ни референдумов, ни парламентов, а «декларации», кем-то и когда-то написанные на бумаге, все чаще воспринимаются в совершенно другой, нередко противоположной по своему первоначальному содержанию, коннотации, все больше напоминая своего рода пропагандистские нормы-цели, реализация которых, чаще всего, возможна – лишь гипотетически. Есть ли морально-нравственный «предел» у тех «тенденций», которые в перспективе, причем ближайшей, получают статус «обязательных» норм и правил поведения (начиная с расовых или этнических и заканчивая всевозможными «гендерными» квотами, необходимыми для признания легитимности соответствующего органа либо должностного лица), а сейчас провозглашаются – в контексте, в том числе, абсолютизации прав и свобод человека – «примером для подражания» и инструментом борьбы с традиционализмом!? В какие тоталитарные формы в итоге трансформируется «западная» модель демократии, если государство, со своей стороны, будет все-таки не в состоянии противопоставить что-то более адекватное процессу деградации политического режима, в той либо иной мере заимствованного на соответствующей стадии цивилизационного развития у «Града на холме» или бывшей метрополии, затем приспособленного к действующей в стране форме правления? Ответы, в принципе, становятся достаточно очевидными.

15. В рамках критического анализа, стремясь обосновать, максимально аргументировать и доказать дискриминационный, фиктивный, популистский и декларативный характер «западной» демократии как одной из политико-правовых концепций либеральной модели народовластия, в основе которой лежали механизмы, полностью лишавшие или существенно ограничивавшие права и свободы соответствующих групп населения по гендерным, расовым, этническим, социальным, имущественным и иным признакам, автор пришел к выводу о несостоятельности утверждений, согласно которым единственным и

непререкаемым «примером для подражания» для народов (не понаслышке знакомых с тем, что на практике представляло из себя так называемое «бремя белого человека»), освободившихся от колониальной зависимости и вставших на путь суверенного развития, является тот политический режим, который *de facto* сложился во многих государствах англосаксонской и романо-германской традиции, беспелляционно, не имея никаких оснований, присвоивших право позиционировать себя в качестве «оплота демократии». Парадокс состоит, как ни странно на первый взгляд, в том, что «демократия» и «народовластие» – не представляют собой идентичных феноменов, так как в государствах, о которых идет речь, есть демократия, но нет народовластия (тоже самое можно сказать, в том числе, и о Европейском союзе), в отличие, например, от нашей страны, где есть народовластие, но нет демократии в ее либеральной интерпретации. Об этом, в частности, свидетельствует кризис представительной – партийной – парламентской демократии, который следует воспринимать и оценивать как один из показателей деградации «западной» модели государственности. Нет никаких оснований отрицать тот факт, что доминирующую роль в процессе принятия решений играет, не избираемая населением и не подотчетная ему, национальная или наднациональная (Европейский союз наиболее наглядное подтверждение) политическая и управленческая бюрократия, в руках которой сконцентрированы многочисленные рычаги давления, посредством которых реализуются, необходимые им и аффилированным с ними промышленным и финансовым группировкам, законодательные и подзаконные акты. Народ как «источник и носитель власти», за исключением выборов и других легитимных форм непосредственной демократии, в подавляющем большинстве случаев – не имеет никакой реальной возможности повлиять на ситуацию, что нельзя не учитывать в контексте системно-институционального кризиса, поразившего на рубеже веков крупнейшие государства «коллективного Запада», масштабы и последствия которого приобретают – все более непредсказуемый характер. У правящих элит остается не так уж много времени, чтобы внести необходимые

коррективы, направленные на стабилизацию общественных отношений, но, к сожалению, закономерности исторического процесса неумолимы.

16. В целом следует особо подчеркнуть тот факт, что кризис, в основе которого лежат определенные предпосылки и тенденции, носит *комплексный* и *системный* характер, так как он поразил и оказывает деструктивное влияние сразу на несколько важнейших областей общественных отношений, начиная с традиционных мировоззренческих представлений и аксиом о «добре и зле» (последовательно сформированных христианскими ценностями, учениями и ересями религиозных диссидентов, доктринами просветителей и гуманистов, идеями «отцов-основателей» государственности с республиканской формой правления и реформаторов европейских монархий, «кабинетных» ученых и их вдохновителей), юридической идентификации отдельных социальных групп и заканчивая публичными институтами, олицетворяющими в глазах широких слоев населения «западную» модель демократии. Когда-то было заявлено о приближающемся «закате Европы», а позднее «конце истории», однако никто не мог предположить, что это не метафора или фигура речи, а гипотетический сценарий развития событий, итог которого постепенно начинает приобретать – все более конкретные очертания. В общественном сознании и политической практике ведущих государств Старого и Нового Света актуализируется процесс таких масштабных трансформаций, что о них вполне допустимо говорить как о новой стадии цивилизационного развития, с одной лишь оговоркой: вряд ли кто-то знает к каким – положительным или отрицательным – результатам это в конце концов приведет, так как воздействию кризиса подверглась идеология либерализма, длительное время непосредственно являвшаяся фундаментом «западного» стиля жизни, «западных» ценностей и «западного» менталитета. А если проблемы вызывает то, на чем выстроен каркас современной модели демократии, то деформации, несомненно, подвергается не только собственно «здание» в лице конкретной формы правления, территориального устройства или политического режима соответствующего государства, но и хозяйственно-экономические, институциональные и правовые «пристройки», в виде самых

разных бюрократических наднациональных структур, не заинтересованных в дифференциации взглядов на характер и специфику социальных отношений и суверенизации правящих элит. Унификация и единообразие – вот требование, стоящее в «повестке дня», осуществлять которое призваны, помимо прочего, мультикультурализм, политкорректность и толерантность, поэтому коллизии, в том числе системно-институциональные, будут только возрастать, создавая предпосылки для все новых тенденций, еще более усугубляющих кризис и его последствия. К сожалению, нельзя не признать, что отмеченный «алгоритм» начинает приобретать необратимый характер, о чем свидетельствуют события последних лет, наблюдаемые в государствах Старого и Нового Света, бывших когда-то для многих стран и народов «примером для подражания».

17. Олицетворением деградации «либеральной» модели, отчетливо прослеживающейся в последние десятилетия, являются тенденции, в той или иной степени обусловленные *подменой понятий* – диссонансом между тем, что продекларировано в конституциях или аналогичных актах учредительного характера, и повседневными «политическими реалиями», имеющими место в государствах Старого и Нового Света, позиционирующими себя в глазах стран «третьего мира» в качестве единственного «примера для подражания»: слова типа «демократия», «парламентаризм», «суверенитет», «права и свободы», не говоря уже о пресловутых «ценностях», по-прежнему не сходят со страниц средств информации и телевизионных экранов, превалируют в официальной лексике и исследованиях ученых, однако их наполнение уже не соответствует тем коннотациям, с которыми они ассоциировались ранее. Если ситуация, так или иначе вызванная системно-институциональным кризисом либерализма в целом и «западной» модели политического режима в частности, продолжит и далее перманентно ухудшаться, то не исключено, что востребованным станет вопрос – не только о существовании соответствующей формы правления, но и цивилизации, традиционно олицетворяемой «коллективным Западом». Как ни парадоксально, но реалии дня свидетельствуют о том, что предположения подобного рода не лишены оснований, поэтому не исключено, что кризисные –

как явные, так и латентные – тенденции приведут в конце концов к таким непредсказуемым фундаментальным «последствиям», о которых на данном этапе исторического процесса целесообразно рассуждать лишь теоретически. Критически анализируя события последних лет, можно, причем с известной долей уверенности, говорить не только о забвении тех идеалов, с которыми в течение длительного периода в глазах широких слоев населения традиционно позиционировалась западная модель демократии, но и фиктивном характере базовых институтов, идентифицирующих ее. Исчерпав свой «потенциал», она, хотя бы того «правлящие элиты» или нет, постепенно эволюционирует в одну из форм тоталитаризма, разновидностями которого являются фашизм и нацизм англосаксонского и романо-германского образца, во всей красе проявившими себя в первой половине прошлого века и возродившимися в новом обличье в рамках современной стадии цивилизационного развития. Тенденции, многие из которых характеризовали исторический процесс в течение всего периода становления, развития и трансформации «западной» демократии, наиболее отчетливо проявляя себя в кризисных ситуациях, наглядно свидетельствуют о том, что «либеральная модель» – не оправдала тех надежд, которые на нее возлагал народ, провозглашенный «единственным источником и носителем власти», получивший, вместо «подлинного народовластия», суррогат в форме общества потребления, мультикультурализма и политкорректности.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, связанные с процессом публично-правовой институционализации «западной» модели демократии, рассматриваемой в контексте становления и развития конституционализма зарубежных государств.

Предметом исследования являются фундаментальные теоретические представления о народовластии, его формах, системообразующих институтах, нормы конституций и иных учредительных актов, регламентирующих права и свободы человека и гражданина, связанные с организацией и деятельностью публичной власти в течение этапов государственного строительства, в целом обусловленных переходом к либеральной модели общественных отношений и

последующей трансформацией политического режима, функционирующего на принципах деконцентрации власти, всеобщего и равного избирательного права, парламентаризма, децентрализации управления и самоорганизации населения.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых по общей теории и истории государства и права, работы по проблемам становления и эволюции демократии, ее основных моделей и разновидностей, конституционализма, государствоведения, компаративизму, дискриминации прав и свобод человека и гражданина по признакам пола, расы, этнической или национальной принадлежности и отношения к религии, избирательному процессу, специфике разделения властей и системы сдержек и противовесов в контексте особенностей государственного строительства на соответствующей стадии цивилизационного развития.

Источниковедческую и эмпирическую базу исследования составили декларации независимости, учредительные акты, конституции (и поправки к ним), основные законы, хартии, иные политико-правовые документы высшей юридической силы, постановления конвентов, декларации прав человека и гражданина, петиции, парламентские декреты, ордонансы, статуты, билли и органические законы, конвенциональные обычаи, решения исполнительных органов власти и материалы судебной практики, исторические памятники и источники зарубежных государств.

Методологическую основу исследования составили общепризнанные принципы научного познания: объективность, всесторонность, системность, историзм, компаративизм, единство теории и практики.

Исследование осуществлялось на основе диалектического метода, в той или иной степени позволившего проследить взаимосвязь между абстракцией в виде предполагаемых результатов исторического процесса, связанного с демократизацией широкого круга общественных отношений, и реальностью, в форме либеральной модели политического режима, актуализированной со временем в большинстве государств англосаксонской и романо-германской правовой традиции. Использование диалектического метода способствовало

формированию предпосылок для более эффективного применения метода прогноза, позволившего критически проанализировать процесс становления и развития системообразующих институтов, его специфику и особенности на примере конкретных стран, традиционно позиционирующих себя в качестве «оплота демократии» и «примера для подражания», и, зная закономерности, имевшие место в прошлом, экстраполировать результаты, полученные на соответствующих стадиях исторического процесса, как на среднесрочную, так и на более отдаленную перспективу. Как следствие, наиболее существенный эффект экстраполяции был получен в результате сочетания метода прогноза с конкретно-историческим методом, позволившим осуществить сравнительно-правовой анализ учредительных деклараций, конституций, основных законов и аналогичных актов высшей юридической силы, действовавших в различные периоды, с современными документами, регламентирующими исследуемые сферы общественных отношений, институты и процедуры, причины стагнации и деградации «западной» модели политического режима.

К методам эмпирического характера, применявшимся при исследовании соответствующих проблем, связанных с процессом генезиса и трансформации непосредственных и представительных форм демократии как олицетворения народовластия, в рамках системы разделения властей и механизмов сдержек и противовесов, в частности, относились методы – наблюдения, описания, сравнения и моделирования.

К методам теоретического уровня, использовавшимся при критическом анализе, рассматриваемых в исследовании вопросов, прежде всего следует отнести такие методы, как: аксиоматический, гипотетический (гипотетико-дедуктивный), формализацию, абстрагирование, общелогические методы – анализ, синтез, индукцию, дедукцию, аналогию.

Формально-юридический метод позволил сформулировать логичный понятийный аппарат.

Сравнительно-правовой метод позволил выявить и обосновать общие и специфические черты, присущие национальным разновидностям «западной»

модели либерально-демократического политического режима, сложившимся в процессе становления и развития базовых, системообразующих институтов, кризис которых все более отчетливо ощущается в последние годы.

Личный вклад диссертанта является определяющим и заключается в непосредственном участии на всех этапах исследования – начиная со стадии постановки целей и задач, определения предмета, объекта и методологии исследования, их практической реализации, нашедшей отражение в выводах и обобщениях, и заканчивая обсуждением полученных результатов в научных публикациях и докладах. Содержащиеся в работе концептуальные положения использовались в рамках учебного процесса.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Диссертационная работа соответствует содержанию специальности 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), и включает в себя критическое сравнительно-правовое исследование проблем, наблюдавшихся в течение нескольких столетий цивилизационного развития, связанных с процессом государственного строительства наиболее значимых стран англосаксонской и романо-германской правовой традиции в масштабах последовательного формирования и трансформации буржуазно-либеральной модели политического режима, конституированием фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, других системообразующих институтов, тем либо иным образом олицетворяющих в глазах правящих элит и широких слоев населения механизмы непосредственной и представительной демократии, вне зависимости от республиканской или монархической формы правления.

Структура и содержание диссертации обусловлены широким спектром исследуемых проблем в области конституционного права зарубежных стран, спецификой, характером и особенностями публично-правовых отношений, и отвечают целям, задачам, предмету и объекту исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих несколько параграфов, детально раскрывающих основные причины, предпосылки и тенденции процессов, закономерным итогом которых станет системно-институциональный кризис,

порадивший в последние годы «западную» модель демократии, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. ДЕМОКРАТИЯ КАК ФАКТОР ГЕНЕЗИСА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. Понятие народовластия как отражение специфики становления и развития представлений о государстве и праве

Дефиниция «демократия» (если не упрощать существа исследуемой в работе проблемы) относится к категории *максимально известных терминов*, встречающихся как в законодательстве, так и в юридической, исторической, философской, политологической и другой литературе, посвященной вопросам становления и развития государства и права. Поэтому любая формулировка, претендующая на новизну, в большей либо меньшей степени будет включать в себя «фрагменты» определений, уже давно введенных не только в научный оборот и профессиональную лексику, но и в повседневную разговорную речь. Несмотря на «*смысловую вариативность*», обусловленную, помимо прочего, соответствующей формой правления или политическим режимом, своими «корнями» институт «народовластия» уходит в античный период, вершиной которого традиционно рассматриваются города-государства полисного типа. Однако парадокс состоит в том, что у современного человека¹, воспитанного на постулатах мультикультурализма, политкорректности и толерантности (не говоря уже о национальных или наднациональных правящих элитах), может сложиться впечатление, что крупнейшие мыслители той эпохи, имена которых знакомы даже школьнику, под демократией понимали несколько иное, чем, в частности, «отцы-основатели» Соединенных Штатов, должностные лица или чиновники Европейского союза и авторы «Лиссабонского договора»².

¹ Который во многом воспринимается не только как носитель фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, унаследованных от учредительных документов периода ранних буржуазных революций, но и как объект воздействия со стороны публичных институтов (в первую очередь политической и управленческой бюрократии), все меньше ассоциируемый с «источником и носителем власти», исходя из чего волей-неволей возникает далеко не риторический вопрос о фиктивном характере деклараций подобного рода, рефреном проходящий через все законодательство большинства государств, именующих себя «демократическими». В последующих главах этому вопросу будет уделено особое внимание.

² Достаточно характерной в этой связи выглядит мысль одного из известных итальянских законодателей периода создания Европейского сообщества. Так, выступая в верхней палате парламента, сенатор Де Гаспери отмечал:

Например, древнегреческий философ Платон, цитаты из произведений которого есть во всех учебниках по истории зарубежного государства и права, писал: «... Демократия, на мой взгляд, осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию... Да, именно так устанавливается демократия, происходит ли это силой оружия или же потому, что ее противники, утратившись, постепенно отступят... При нем удобно... избрать государственное устройство... Да ведь вследствие возможности делать что хочешь он заключает в себе все роды государственного устройства. Пожалуй, если у кого появится желание... основать государство, ему необходимо будет отправиться туда, где есть демократия, и уже там, словно попав на рынок, где торгуют всевозможными правлениями, выбрать то, которое ему нравится, а сделав выбор, основать свое государство... В демократическом государстве нет никакой надобности принимать участие в управлении, даже если ты к этому и способен; не обязательно и подчиняться, если ты не желаешь, или воевать, когда другие воюют, или соблюдать, подобно другим, условия мира, если ты мира не жаждешь. И опять-таки, если какой-нибудь закон запрещает тебе управлять либо судить, ты все же можешь управлять и судить, если это тебе придет в голову...»³.

«... Кое-кто говорил, что европейская федерация – это миф. Верно, *это миф*... И если вы хотите миф, то тогда, пожалуйста, скажите, какой именно миф следует дать нашей молодежи об отношениях между государствами, о будущем Европы, о будущем мира (*world*), о безопасности, о мире (*peace*), – какой другой миф, если не стремление к объединению? Вы что, предпочитаете дать им миф о диктатуре, о силе, о господстве одной нации, даже если это сопровождается героизмом? Но тогда мы вновь породим конфликт, а тот неизбежно приведет к войне. Говорю вам, это должен быть миф о мире (*peace*)». – Цит. по: Мюллер Я.-В. Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века /Пер. с англ. А. Яковлева. – М.: Изд. Института Гайдара, 2017. – С. 235-236. Сейчас мы видим, как «мифы» могут разрушаться буквально на глазах.

Как мы видим, при формировании наднационального образования во главу угла был поставлен не «*миф о демократии*» (не исключено, что из общественного сознания к этому времени еще не исчезли мысли о том, что национал-социалисты в Германии пришли к власти не путем государственного переворота, а в результате легитимных парламентских выборов, полностью соответствовавших Веймарской конституции 1918 года и действующему на тот момент избирательному законодательству!), а «*миф о мире*», со временем трансформировавшийся в так называемые «общеευропейские ценности» и абстрактные идеологемы типа политкорректности, мультикультурализма и толерантности, несостоятельность которых, в силу целого ряда объективных причин, были вынуждены признать правящие элиты значительного числа стран.

³ Цит. по: Платон. Государство. Книга восьмая. Четыре вида извращенного государственного устройства //Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция /Нац.

Однако сравнительный анализ показывает, что автор «Государства» и «Законов» относился к демократической форме правления *с большой долей субъективизма*. Взяв за основу тезис Платона, согласно которому «каково бы ни было государство, в нем всегда есть два государства, враждебные друг другу: одно – государство бедных, другое богатых», известный отечественный исследователь В.Ф. Асмус обратил внимание на некоторые особенности, в той либо иной степени характерные для его учения об обществе и государстве: «... Идеальному типу общежития (к которому создатель знаменитой Афинской школы, ставшей академией, относил «совершенную форму», имевшую место в глубокой древности, «в мифический век правления Хроноса». – Э.Е.) Платон противопоставляет отрицательный тип общественного устройства, в котором главным двигателем поведения людей оказываются материальные заботы... *Отрицательный* тип государства выступает... в *четырёх* возможных формах: как *тимократия, олигархия, демократия и тирания*. Каждая из этих форм есть последовательное ухудшение или извращение формы идеальной (иными словами, прослеживается тенденция к постепенному регрессу общественных и государственных институтов!? – Э.Е.). В них вместо единомыслия граждан налицо раздор, вместо справедливого распределения обязанностей – насилие и принуждение, вместо стремления правителей и воинов-стражей к высшим целям общежития – стремление к власти ради низких целей, вместо отречения от материальных интересов – алчность. Первой... из этих отрицательных форм

обществ.- науч. фонд. Акад. полит. наук; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 99-100.

Детализируя (в разделе под названием «Три «части» демократического государства: трутни, богачи и народ») собственный тезис, античный мыслитель констатирует: «... Разделим мысленно демократическое государство на три части – да это и в действительности так обстоит. Одну часть составят подобного рода трутни: они возникают здесь хоть и вследствие своеволия, но не меньше, чем при олигархическом строе... Но здесь они много ядовитее, чем там... Там они не в почёте, их отстраняют от занимаемых должностей, и потому им не на чем набить себе руку и набрать силу. А при демократии они, за редкими исключениями, чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе. Выходит, что при таком государственном строе, за исключением немногочисленного, распоряжаются подобными людьми... Из состава толпы всегда выделяется и другая часть... Из дельцов самыми богатыми большей частью становятся и наиболее собранные по своей природе... С них-то трутням всего удобнее собрать побольше меду... Таких богачей обычно называют сотами трутней... Третий разряд составляет народ – те, что трудятся своими руками, чужды дельчества, да и имущества у них немного. Они всего многочисленнее и при демократическом строе всего влиятельнее, особенно когда соберутся вместе...». – Там же. – С. 103. Спрашивается, *что изменилось с тех пор?*

выступила... *тимократия*..., власть, основанная на господстве *честолюбцев*. Вместе с первыми признаками упадка возникает страсть к обогащению... Так начинается переход... к *олигархии* – господству немногих... над большинством. Это – правление, основывающееся на цензе: властвуют богатые, а бедные не имеют участия в управлении... В олигархическом государстве не выполняется основной закон жизни общества, состоящий... в том, что каждый член общества «делал свое», и притом «только свое». В олигархии же некоторые члены общества занимаются самыми различными делами: и земледелием, и ремеслами, и воинским делом... Дальнейшее развитие олигархии приводит к последовательному и необходимому изменению... в еще худшую, по Платону, форму государственного устройства – в *демократию*. Это власть и управление народа, большинства... При этом противоположность между богатыми и бедными обостряется еще сильнее, чем при олигархии...»⁴.

Дифференцируя формы государственного устройства⁵ (в оригинальной терминологии – *politeia*) на «*правильные*» (к которым были отнесены «царская власть, аристократия, полития») и «*неправильные*» (или отклонения от трех правильных в виде тирании, олигархии и демократии), Аристотель отмечал: «... Ясно, какой из видов, отклоняющихся от правильных, является наихудшим и какой ближе всего к нему. Конечно, наихудшим видом будет тот, который оказывается отклонением от первоначального и самого божественного из всех видов государственного строя. Царская власть, если это не пустой звук, если она

⁴ Об этом см.: Асмус В.Ф. Платон // Асмус В.Ф. Собрание сочинений (в семи томах). Т. 6: Философия и политика. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 91-93. Оценивая трактаты Платона, указанный автор отмечает: «... В «Государстве» учение об обществе и его идеальном политическом устройстве разработано в тесной связи с центральным учением платоновского идеализма – с теорией «идей», оно несет в себе печать ригоризма и философской непреклонности: в нем идеальное категорически противопоставлено – как образец и как норма должного – несовершенной эмпирической действительности...». – Там же. – С. 90.

⁵ Один из учеников Платона констатирует, что «... государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства... Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного – аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, – полития... Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти – тирания, от аристократии – олигархия, от политии – демократия. Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет...». – Цит. по: Аристотель. Политика. Книга третья // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 112.

существует действительно, основывается на высоком превосходстве царствующего. Таким образом, – констатирует античный «энциклопедист», – тирания, как наихудший из видов государственного устройства, отстоит далее всего от самой его сущности; к ней непосредственно примыкает олигархия (аристократия далеко не то же, что олигархия); наиболее же умеренный из отклоняющихся видов – демократия...».

Характеризуя демократию, основоположник логики обосновывает свои обобщающие выводы следующими аргументами: «Однако главными видами государственного устройства, по-видимому, являются два – демократия и олигархия (то есть, по мнению мыслителя, *преимуществами* (!) обладают две «неправильные» формы. – Э.Е.), подобно тому как говорят главным образом о двух ветрах – северном и южном, а на остальные смотрят как на отклонение от этих двух... Таким образом, демократией следует считать такой строй, когда свободнорожденные и неимущие, составляя большинство, имеют верховную власть в своих руках, а олигархией – такой строй, при котором власть находится в руках людей богатых и благородного происхождения и образующих меньшинство...»⁶.

С точки зрения Аристотеля, необходимо говорить не только о различных формах государственного устройства, одной из которых является демократия, но и о нескольких *разновидностях* последней: «... Характерным отличием так называемого первого вида демократии служит равенство. Равенство же, гласит

⁶ См.: *Аристотель*. Политика. Книга четвертая // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 116. Как полагает Н.Н. Разумович, исследуя особенности древнегреческой политической и правовой культуры, «... понятие формы государства у Аристотеля вполне соответствует его учению о материи и форме. Если материя – это возможность, поскольку она или есть, или чем-то может стать впоследствии, а форма – действительность, действительна как таковая, если ум воспринимающий – «материя», а деятельный – «форма», то возможность лучшего государства зависит от того, насколько его форма разумно соответствует деятельности и активности всех частей, составляющих его как целое. Поэтому форма государства у Аристотеля – это и жизненный принцип, без которого вообще не может существовать общество, и внутренний его строй, – это сама жизнь общества. Но поскольку форма всегда конкретна, то и жизненные принципы ее неодинаковы. Один принцип – у аристократии, другой – у олигархии, третий – у демократии. Принципом аристократии служит добродетель, олигархии – богатство, демократии – свобода... Поскольку у Аристотеля форма есть начало не пассивное, а активное, то и форма государства у него определяется главным образом по способам замещения должностей: в монархии – по наследству, при республиканской форме – посредством выборов, в демократии – жребием, в олигархии – в зависимости от имущества, в аристократии – сообразно достоинству. Различаются формы и по цели: цель демократии – свобода, олигархии – богатство, аристократии – воспитание и законность, тирании – защита...». – Цит. по: *Разумович Н.Н.* Политическая и правовая культура. Идеи и институты Древней Греции. – М.: Изд-во «Наука», 1989. – С. 199, 200.

основной закон этой демократии, состоит в том, что ни неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ; верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны. Если, как полагают некоторые, свобода и равенство являются важнейшими признаками демократии, то это нашло бы свое осуществление главным образом в том, чтобы все непременно принимали участие в государственном управлении. А так как народ представляет в демократии большинство, постановления же большинства имеют решающее значение, то такого рода государственный строй и является демократическим... Другой ее вид – тот, при котором занятие должностей обусловлено, хотя бы и невысоким, имущественным цензом. Обладающий им должен получить доступ к занятию должностей, потерявший ценз лишается этого права. Третий вид демократии – тот, при котором все граждане, являющиеся бесспорно таковыми по своему происхождению, имеют право на занятие должностей, властвует же закон. Четвертый вид демократии – тот, при котором всякий, лишь бы он был гражданином, пользуется правом занимать должности, властвует же опять-таки закон. При пятом виде демократии все остальные условия те же, но верховная власть принадлежит не закону, а простому народу... Это бывает в том случае, когда решающее значение будут иметь постановления народного собрания, а не закон... Не следует забывать, – специально подчеркивает ученик Платона, – что во многих местах государственное устройство в силу тамошних законов не демократическое, но является таковым в силу господствующих обычаев и всего уклада жизни; точно так же в других государствах бывает обратное явление: по законам строй скорее демократический, а по укладу жизни и господствующим обычаям скорее олигархический. Подобного рода явления встречаются чаще всего после государственных переворотов...»⁷.

В контексте рассуждений о характере и особенностях демократической модели управления (учитывая в качестве негативной иллюстрации события на

⁷ См.: *Аристотель*. Политика. Книга четвертая // *Антология мировой политической мысли...* Т. I. – С. 116-117, 119. Слова мыслителя ярчайшим образом проявились на Украине после государственного переворота.

киевском «майдане» и последовавший за ними в конце февраля 2014 года антиконституционный государственный переворот), чрезвычайно актуальной и современной видится мысль о таком виде демократии, при котором власть «... принадлежит не закону, а простому народу..., когда решающее значение будут иметь постановления народного собрания, а не закон»: «... Достигается это через посредство демагогов (представителях соответствующих общин. – Э.Е.). В тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие граждане; но там, где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги. Народ становится тогда единодержавным, как единица, составленная из многих: верховная власть принадлежит многим, не каждому в отдельности, но всем вместе... В этом случае простой народ, являясь монархом (судя по всему, демократия, желая того или нет, непроизвольно уступает место толпе и своему антиподу в лице «охлократии»? – Э.Е.), стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию; поэтому и характер у них один и тот же: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами... Да и демагоги и льстецы в сущности одно и то же или во всяком случае схожи друг с другом; и те и другие имеют огромную силу – льстецы у тиранов, демагоги у описанной нами демократии... Они повинны в том, что решающее значение предоставляется не законам, а постановлениям народа, так как демагоги отдают на его решение все. И выходит так (любая «цветная революция» последних пятнадцати-двадцати лет свидетельствует, в целом и в деталях, об этом. – Э.Е.), что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании. Сверх того, они, возводя обвинения на должностных лиц, говорят, что этих последних должен судить народ (как же тут не вспомнить о так называемой «люстрации». – Э.Е.), а он охотно принимает обвинения, так что значение всех должностных лиц сводится

на нет... По-видимому, такого рода демократии можно сделать вполне основательный упрек, что она не представляет собой государственного устройства (Украина ярчайшее тому подтверждение. – Э.Е.): там, где отсутствует власть закона, нет и государственного устройства. Закон должен властвовать над всем...»⁸.

На этом фоне нельзя не согласиться с тем выводом, что «в сочетании различных видов государственного устройства Аристотель со свойственной ему политической предусмотрительностью видит возможность укрепления законности и улучшения законодательства... На основании законов, которые не будут полезны ни для олигархии, ни для демократии, а для общества..., «правители должны править, а также наблюдать за нарушением их». Таким образом, – констатирует Н.Н. Разумович, критическую точку зрения которого трудно не поддержать, – Аристотель, по существу, намечает для наилучшей формы государства создание конституционных основ, то есть такого писаного общего закона, который согласен с правдой и справедливостью и согласуется с добровольными сношениями между людьми на добровольном начале. Но этого мало. Аристотель ищет в государственном устройстве... и его построении такую организацию власти, которая исключала бы злоупотребления ею со стороны должностных лиц ради богатства или удовлетворения честолюбия. В своем учении о государстве Аристотель говорит о трех элементах власти⁹, присущих каждому государственному строю: законосовещательный орган, правительственно-административный, судебный... Таким образом, поскольку законосовещательный орган правомочен решать вопросы о войне и мире, о

⁸ Цит. по: *Аристотель*. Политика. Книга четвертая // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 117-118. Отличной иллюстрацией могут служить выборы в Европейский парламент 2019 года.

⁹ В оригинальном тексте это формулируется следующим образом (с учетом практики, сложившейся в городах-государствах того времени): «... Во всяком государственном устройстве этих основных частей три; с ними должен считаться дельный законодатель, извлекая из них пользу для каждого из видов государственного устройства. От превосходного состояния этих частей зависит и прекрасное состояние государственного строя; да и само различие отдельных видов государственного строя обусловлено различным устройством каждой из этих частей. Вот эти три части: первая – законосовещательный орган, рассматривающий дела государства, вторая – должности (именно такие должности должны быть вообще, чем они должны ведать, каков должен быть способ их замещения), третья – судебные органы...». – См.: *Аристотель*. Политика // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. (Серия «Антология мысли»). – С. 450.

заклучении и расторжении союзов, о законах, о смертной казни, об изгнании, о конфискации имущества, об избрании должностных лиц и об их отчетности, второй орган является должностным и, следовательно, административно-управляющим, третий орган власти – судебный, осуществляющий разбор дел и правосудие на основе закона, вполне можно утверждать, – подытоживает советский ученый, – что именно Аристотелю принадлежит первоначально та идея разделения властей, которая впоследствии получила свое наиболее полное развитие и разработку у Локка и Монтескье...»¹⁰.

Итак, что можно сказать (оставив за скобками идеи Сократа, Солона и некоторых других древнегреческих теоретиков и практиков государственного строительства) о тех представлениях на проблемы генезиса государства и права, условно говоря, «западного» типа (как элемента западноевропейской и евро-атлантической цивилизации), составной частью фундамента которых – стали взгляды Платона и Аристотеля? Являются ли они актуальными, или все же речь идет об «отработанном материале», отправленном на свалку истории и не отвечающем требованиям дня, когда приоритетными рассматриваются совсем

¹⁰ Цит. по: Разумович Н.Н. Политическая и правовая культура. Идеи и институты Древней Греции... – С. 202-203. Более того, анализ свидетельствует о том, что Аристотель достаточно дифференцированно подходил к демократическим институтам (как действующим, так и чисто гипотетическим), в одних случаях акцентируя внимание на *непосредственных*, в других – *представительных* формам организации публичной власти: «... Законосовещательный орган правомочен решать вопросы о войне и мире, о заключении и расторжении союзов, о законах, о смертной казни, об изгнании, о конфискации имущества, об избрании должностных лиц и об их отчетности... Решение всего этого круга дел может быть поручено либо всем гражданам, либо части их (например, какому-нибудь одному должностному лицу или нескольким), или же решение некоторых дел может быть предоставлено всему составу гражданства, а решение других – части его. Демократическим началом является то, когда все граждане решают все дела, поскольку к такого рода равенству демократия и относится... Если решают все, то осуществляться это может несколькими способами. Один из них заключается в том, что решение предоставляется не всем гражданам в полном составе, но между ними соблюдается известная очередность... Другой способ состоит в том, что совещаются все вместе, но сходятся только для избрания должностных лиц, по вопросам, касающимся законодательства, войны, мира и принятия отчета, во всех остальных случаях действуют особые для каждой отрасли управления должностные лица, назначенные из всех граждан путем избрания или посредством жребия. Третий способ: граждане собираются по поводу избрания должностных лиц и принятия отчетов и чтобы совещаться о войне и союзах; остальными делами управляют должностные лица, назначенные по мере возможности путем избрания, что бывает особенно необходимо для тех должностей, которые требуют от лиц, облеченных ими, специальных знаний... Четвертый способ состоит в том, что все граждане совещаются в объединенном собрании обо всех государственных делах; должностные лица ни по какому вопросу не могут выносить свое решение, но дают только предварительное заключение... Все эти способы свойственны демократическому строю. Если же вся законосовещательная власть сосредоточена в руках только некоторых лиц, то это уже характерный признак олигархического строя». – См.: *Аристотель. Политика* // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством... – С. 450-452.

другие «ценности», чем те, с которыми традиционно ассоциировались демократия и ее «классические» институты?

По нашему мнению, не лишены основания выводы ученых, имеющих концептуальную точку зрения на поставленный вопрос: «... Государство как политическая категория – или, шире, как геополитическая и геоэкономическая единица – не может существовать без теории, определяющей основные принципы бытования этой категории... Как правило, эта теория изначально имплицитна, «непроявлена», не зафиксирована на материальных носителях и является своего рода «неписанным кодексом»; однако с течением времени, по мере развития государственного организма, все острее ощущается необходимость фиксации теории – поскольку таковая фиксация значительно упрощает процесс управления (основу государства) и обеспечивает наследование «управляющего сигнала», в качестве которого выступает закон. В отличие от политических образований Ближнего Востока, где сила закона подчинялась силе «идеального права», изложенного в священных книгах (Авеста, Талмуд, Коран), на европейской территории теории государственного устройства, что называется, с азов основывались на приоритете закона...»¹¹.

Не исключено, что именно признание указанного приоритета, о чем в большей или меньшей степени свидетельствует исторический процесс, «во многом определило «магистральное направление» развития европейской – позже евроатлантической – цивилизации...».

Вряд ли кто будет оспаривать тот факт, что «первыми среди европейцев государственную теорию эксплицировали и зафиксировали древние греки. Они, собственно, ввели в обращение и сам термин «политика»... в значении «наука о государстве»... Отцами-основателями европейской государственной теории по праву считаются Сократ, Платон и Аристотель; причем если первые двое положили начало «фиксации права», то труды Аристотеля подвели итог античному периоду государственного строения... Знаменитый трактат Платона

¹¹ Цит. по: От издателя //Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством... – С. 5. Пример Украины последних лет, на наш взгляд, достаточно яркое и наглядное тому подтверждение.

«Государство» (в котором излагаются... и теории предшественников Платона – Солона и Сократа) есть, по сути дела, политическая утопия, проект идеального государства с идеальной конституцией. Аристотель, вопреки своему учителю, выступает как практик: он анализирует устройство всех известных ему из существовавших прежде и существующих ныне государств и стремится выбрать среди политических форм такую, которая лучше всего подошла бы для данного народа (греков) в данных условиях (период распада полисного мира и усиления «варварского соседа» Эллады – Филипповой Македонии). Если Платон фактически проповедует своего рода «античный коммунизм» (отрицание семьи, отвержение частной собственности и т.д.), то Аристотель¹² не считает государством истинной добродетели ни коммуну, ни монархию, ни аристократию (с обоснованием причин, которые, как ни парадоксально, по-прежнему являются и закономерными, и во многом объективными. – Э.Е.): в его понимании единственно достойная форма государственного устройства – демократическая (с определенными ограничениями) республика...».

Безусловно, что за прошедшие более чем две с половиной тысячи лет наука о государстве и праве «не могла не уйти от принципов, изложенных в трактатах Платона и Аристотеля. Однако те вопросы, о которых рассуждали древнегреческие философы, до сих пор не утратили своей актуальности – ведь, как писал Аристотель, «если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимущественная цель самой главной из всех наук и искусств, а именно политики»¹³. Сказанное, с полным основанием мы можем отнести и к кардинальной трансформации принципов демократии.

Абстрагируясь от сравнительно-правовой направленности настоящего исследования, нам не избежать вопросов, обусловленных наличием *рабства* и соотношением свободы (как элемента демократии) и рабства, тем более что позднее механизмы *внеэкономического принуждения* приобретут характер

¹² Как подчеркивает один из современных исследователей, «если греческие философы-предшественники, начиная с Пифагора и кончая Платоном, утверждали идеально должное, то Аристотель стремился обосновать возможность претворить задуманное в реально сущее». – См.: Темнов Е.И. Аристотель и начала политической науки // Аристотель. Политика. – М.: Изд-во «Мысль», 1997.

¹³ См.: От издателя // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством... – С. 5, 6.

одной из основ государственного строя Соединенных Штатов (с закреплением в Конституции Южной конфедерации 1861 года), а работорговля будет иметь широкое распространение в тех западноевропейских государствах, в которых в свое время пройдут первые буржуазно-либеральные революции.

Речь идет о *взаимозависимости* «базиса» и «надстройки», так как без достаточно высокого уровня развития древнегреческой экономики (высокий технологический уровень обеспечивает высокую производительность труда и дает гражданам массу свободного времени, что в итоге позволяет многим из них заниматься общественными делами, искусством, наукой и правом), когда у значительного количества людей отпадает необходимость в физическом труде, приоритетной целью которого рассматривается добытие средств для поддержания жизни, и появляется реальная возможность принять участие в управлении делами государства, вряд ли бы полисная демократия достигла тех высот, которыми мы не перестаем восхищаться. Обобщениям подобного рода, полагают авторы монографии¹⁴ «Античная демократия в свидетельствах современников», «... кажется, противоречит то обстоятельство, что с точки зрения чистой технологии Афины принципиально не отличались от остальных греческих полисов. Однако необходимо учитывать другое обстоятельство, имевшее... принципиальное значение. В Афинах, насколько мы можем судить, имелось весьма значительное число рабов, и Аристотель напрямую связывает обладание рабами с возможностью заниматься политической деятельностью: он ссылается на практику рабовладельцев, освобождающих себя от забот по руководству рабами путем назначения управляющего..., чтобы иметь время для занятий политикой или философией. Напомним, что раб, с точки зрения теоретиков античного общества, и... реальной ситуации, представлял собой «одушевленное орудие труда». Широкое применение рабов во всех отраслях

¹⁴ См.: Античная демократия в свидетельствах современников /Изд. подгот. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. – М.: Изд-во «Ладомир», 1996. («Античная классика»). – С. 325, 326.

экономики обеспечивало высокую... производительность труда и позволяло основной массе граждан заниматься политической деятельностью...»¹⁵.

Не отрицая того факта, что рабство не относится к «нововведениям», с которым ассоциируется античная цивилизация, возникшая и получившая свое развитие в масштабах Средиземноморья, однако, как считает крупный англо-американский политолог Перри Андерсон, «... ее историческое содержание и новизна... состоит в социальной основе сложившихся в ней отношений между городом и деревней. Рабовладельческий способ производства был главным изобретением греко-римского мира, которое стало основной причиной и его расцвета, и его упадка. Необходимо подчеркнуть новизну этого способа производства. Рабство в различных формах существовало по всему древнему Ближнему Востоку (как и позднее в других частях Азии), но оно никогда не было юридически чистым состоянием и зачастую принимало форму долговой кабалы или каторжных работ, просто составляя низшую ступень в аморфной иерархии различных форм и степеней зависимости, которая охватывала... все общество сверху донизу. И оно не было преобладающим типом изъятия излишков в этих догреческих монархиях – оно было периферийным явлением, в то время как основной рабочей силой были крестьяне... Именно греческие города-государства впервые сделали рабство «чистым» и преобладающим, превратив его тем самым из вспомогательного средства в систематический способ

¹⁵ Как справедливо подчеркивают ученые, «вопрос о соотношении развития рабства и развития демократии имеет достаточно длительную историю. В последние десятилетия эта проблема начала активно обсуждаться после знаменитого доклада З. Лауфера на Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме. З. Лауфер выдвинул тезис о том, что развитие демократии самым тесным образом связано с развитием рабства и широкое распространение рабского труда являлось условием для возникновения демократической системы. Этот тезис был встречен в штыки европейской либеральной историографией, которая из всех сил стремилась «обелить» первую демократию земли. Их критика взглядов З. Лауфера опиралась на следующие соображения: внимательное изучение источников не подтверждает теории о существовании в Афинах значительного числа крупных мастерских с большим числом рабов в каждой из них, точно так же нет никаких свидетельств о настоящих рабовладельческих латифундиях в Аттике, эта область всегда оставалась страной преобладающего мелкого землевладения... При всей справедливости этих утверждений они тем не менее не решали проблем, а, скорее, даже создавали новые... Ответ дали исследования последних лет. Они с бесспорностью показали, что в Афинах имелось большое количество рабов... Именно насыщенность афинского общества рабской силой и широкое распространение рабского труда создавали условия для того, чтобы рядовой афинянин имел достаточно свободного времени для занятий политикой... Таким образом, есть все основания полагать, что одним из непереносимых условий существования демократии является высокий уровень развития экономики, позволяющий гражданам не тратить все свои силы на добывание пропитания, но дающий им свободное время, которое может быть уделено активной политической жизни...». – Цит. по: Античная демократия в свидетельствах современников... – С. 326, 327.

производства. Классический греческий мир, конечно, – делает вывод ученый, показывая специфику данной сферы общественно-экономических отношений, сформировавшихся в античный период европейской истории, – никогда не покоился исключительно на использовании труда рабов. Свободные крестьяне, независимые арендаторы и городские ремесленники всегда в различных комбинациях в различных городах-государствах Греции сосуществовали с рабами. К тому же соотношение между ними могло существенно меняться от столетия к столетию вследствие собственного внутреннего развития этих городов-государств или под действием внешних факторов...»¹⁶.

Справедливо отмечая, что «каждая конкретная общественная формация – это всегда специфическое сочетание различных способов производства, и античность здесь не является исключением», цитируемый автор вместе с тем достаточно жестко (для кого-то покажется – неоправданно безапелляционно) констатирует: «... Но *преобладающим* способом производства в классической Греции¹⁷ (в Риме получившим еще большую динамику. – Э.Е.), определявшим сложные сочленения локальных экономик и оставившим свой отпечаток на всей цивилизации городов-государств, было именно рабовладение. Это в равной степени справедливо и для Рима. Древний мир в целом никогда не отличался постоянным и повсеместным преобладанием рабского труда. Но в свои великие *классические* эпохи, когда античная цивилизация достигла своего расцвета... рабство было наиболее распространенной формой среди всех трудовых систем. Наивысший расцвет классической городской культуры сопровождался

¹⁶ См.: *Андерсон П.* Переходы от античности к феодализму /Пер. с англ. А. Смирнова под ред. Д.Е. Фурмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – С. 22, 23.

¹⁷ Исходя из того, что любая «статистика», которую время от времени можно встретить в исследованиях по античной или средневековой истории, носит условный характер (регулярных или периодических переписей населения не проводилось), поэтому особого внимания заслуживают работы, в которых встречается такого рода информация: «... За неимением сколько-нибудь надежной статистики, невозможно точно определить долю рабского населения на родине рабовладельческого способа производства постархаической Греции. Признанные оценки заметно варьируются, но, по последним оценкам (см.: *Andrewes A.* Greek Society. – London, 1967. – P. 135; *Jones.* Athenian Democracy. – Oxford, 1957. – P. 76-79; *Westermann W.L.* The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. – Philadelphia, 1955. – P. 9. – Э.Е.), соотношение рабов и свободных граждан в перикловских Афинах составляло 3:2, преобладание рабов в населении Хиоса, Эгины или Коринфа в определенные времена, вероятно, было еще больше, а в Спарте илоты всегда численно превосходили спартанцев...». – См.: *Андерсон П.* Переход от античности к феодализму... – С. 24.

расцветом рабства; а ее упадок в эллинистической Греции или христианском мире сопровождался его закатом...»¹⁸.

В этой связи, *не лишены основания* выводы тех, кто разделяет такую точку зрения: «... Удивительный парадокс возник бы в том случае, если бы мы приняли концепцию А. Джоунза¹⁹. Согласно его взглядам, основная часть тех относительно немногочисленных рабов, которые имелись в Афинах, состояла из домашней прислуги, а не людей, занятых в производстве. Таким образом, получалось, – иронизируют отечественные историки государства и права, – что рабовладелец лично трудится для того, чтобы содержать своего раба. Кроме того, оставался нерешенным вопрос о свободном времени, необходимом для активного участия в политической жизни значительного процента афинского гражданства. Если вслед за А. Джоунзом допустить, что основная часть афинян была занята производительным трудом, то совершенно непонятно – откуда они брали время для столь активного участия в политике?...»²⁰.

Примерно сопоставимые по аргументации доводы приводит и Перри Андерсон, опровергая мнение оппонентов: «... В классической Греции рабы (в том числе те, владельцами которых являлся один из городов-государств. – Э.Е.), таким образом, впервые стали использоваться в ремесле, производстве и сельском хозяйстве за пределами домохозяйства. В то же время, по мере распространения использования рабства, его *природа* стала абсолютной – оно больше не было одной из многих форм относительной зависимости в последовательном континууме этих форм, а представляло собой состояние полной утраты свободы, которое существовало одновременно с новой и безграничной свободой. Ибо именно формирование четко определенного рабского населения подняло население греческих городов на неведомые доселе высоты сознательной юридической свободы. Греческие свобода и рабство были неотделимы друг от друга – одно было структурным условием другого в

¹⁸ Цит. по: Андерсон П. Переход от античности к феодализму... – С. 23-24.

¹⁹ Подробнее см.: Jones A.H.M. Slavery in the Ancient World // Slavery in Classical Antiquity. Views and Controversies / Ed. by M. Finley. – Oxford, 1960.

²⁰ Цит. по: Античная демократия в свидетельствах современников... – С. 326. Позднее примерно с такими же «проблемами» столкнутся миллионы рабов и плантаторы южных регионов Соединенных Штатов.

диадической системе, которая не имела примера или соответствия в социальных иерархиях ближневосточных империй, незнакомых ни с понятием свободного гражданства, ни с понятием рабовладения. Эта глубокая юридическая перемена была социальным и идеологическим коррелятором экономического «чуда» (не замечать которое а priori неконструктивно. – Э.Е.), вызванного появлением рабовладельческого способа производства...».

При этом рабство «классической» античности воплощало в себе две, институционально противоположные черты, «в единстве которых заключался секрет парадоксального раннего развития городов греко-римского мира. С одной стороны, рабство представляло собой самую радикальную деградацию сельского труда – превращение... людей в инертные средства производства с лишением их всех социальных прав и юридическим приравниванием к вьючным животным – в римском праве сельский раб определялся как *instrumentum vocale*, говорящий инструмент, недалеко ушедший от скота, считавшегося *instrumentum semi-vocale*, и простых инструментов, которые были *instrumentum mutum*. С другой стороны, рабство отражало самую радикальную коммерциализацию труда в городе: сведение всей личности работника к стандартному объекту покупки-продажи на городских рынках. Большинство рабов... использовалось в сельскохозяйственном труде (так обстояло дело не везде и не всегда, но в целом было именно так), но их сосредоточение, распределение и отправка производились на рыночных площадях городов, которые... были местом работы и для многих из них. Рабство, таким образом, было экономическим стержнем, соединявшим город и деревню и обеспечивавшим непомерные богатства *полиса*...»²¹.

Дальнейшее развитие учение о государстве и праве нашло в работах и публичных выступлениях крупнейших древнеримских авторов (прежде всего республиканского периода). Среди последних выделяется известный оратор, философ и общественный деятель Марк Тулий Цицерон, «диалоги» которого (в

²¹ Цит. по: Андерсон П. Переход от античности к феодализму... – С. 26.

частности, «О республике»²² и «О законах»), по справедливому замечанию профессора Д.В. Дождева²³, «оказали решающее воздействие на всю римскую политическую и правовую мысль...», так как все последующие поколения не только теоретиков, но и практиков в своей профессиональной деятельности «опирались на его достижения и зачастую непосредственно отправлялись от положений, установленных Цицероном в римском государствоведении и правоведении...». В литературе поздней античности и средних веков ссылка на его произведения «сразу увязывала то или иное положение с высшими достижениями человеческого духа и мысли, придавая суждению авторитет общезначимости... Именно в таком ключе следует понимать переосмысление многих отдельных положений Цицерона и его учения в целом в последующей правовой мысли Западной Европы. Так, – иллюстрирует вывод отечественный ученый, рассуждая о том влиянии, которое оказали на процесс становления соответствующих взглядов идеи Цицерона, – соображения, направленные на оправдание римского республиканского устройства – в оппозиции к угрозе охлократии и нарождающимся авторитарным формам правления, – были генерализированы как учение о государстве вообще. Последующая традиция по сути отождествляла *civitas* с государством, *res publica* с республикой, приходя к новому, более широкому и абстрактному, чем могла породить римская историческая практика, пониманию этих политических явлений...».

О чем же конкретно идет речь? Например, в диалоге «О государстве» как бы рефреном проходит следующая мысль: «... государство (*res publica*. – Э.Е.) есть достояние народа (*res populi*. – Э.Е.), а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов. Первой причиной для такого соединения людей является не столько их слабость, сколько... врожденная потребность жить вместе. Ибо человек не склонен к

²² В некоторых «Хрестоматиях» встречается и другой перевод – «О государстве» (от лат. «*Res publica*»).

²³ См.: Дождев Д.В. Цицерон // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. I. Античный мир и Восточные цивилизации / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 219-220.

обособленному существованию и уединенному скитанию, но создан для того, чтобы даже при изобилии всего необходимого не (...) [удаляться от подобных себе.]»²⁴.

Развивая собственный тезис, философ далее по тексту пишет: «Что такое государство, как не достояние народа? Итак, достояние общее, достояние, во всяком случае, гражданской общины (*civitas*. – Э.Е.). Но, что такое гражданская община, как не множество людей, связанных согласием?.. Итак, всякий народ, представляющий собой такое объединение многих людей, как я описал, всякая гражданская община, являющаяся народным установлением, всякое государство, которое, как я сказал, есть народное достояние, должны, чтобы быть долговечными, управляться... советом, а совет этот должен исходить прежде всего из той причины, которая породила гражданскую общину. Далее, осуществление их следует поручить либо одному человеку, либо нескольким выборным, или же его должно на себя брать множество людей (как мы видим, перед нами *адаптация* к «местным» условиям концептуальных положений учения Аристотеля (неоакадемизм), органично соединенных со стоицизмом. – Э.Е.), то есть все граждане. И вот, когда верховная власть находится в руках у одного человека, мы называем этого одного царем, а такое государственное устройство – царской властью. Когда они находятся в руках у выборных, то говорят, что эта гражданская община управляется волей оптиматов. Народной же (ведь ее так и называют) является такая община, в которой все находится в руках народа. И каждый из трех видов государства (в этом случае, по мнению историков государства и права²⁵, речь идет о воспроизводстве Цицероном тех идей о трех формах государственного устройства, которые нашли отражение в трактате Платона «Государство», и критически переосмысленные Полибием в его фундаментальном сочинении «Всеобщая история»²⁶. – Э.Е.) – если только

²⁴ Цит. по: Цицерон. О государстве // Антология мировой правовой мысли... Т. I. – С. 220.

²⁵ Об этом в одном из комментариев диалога Цицерона «О государстве» пишет Д.В. Дождев. – См.: Цицерон. О государстве // Антология мировой правовой мысли... Т. I. – С. 222.

²⁶ Проводя «сравнение римского государства с лакедемонским, карфагенским и другими», древнегреческий ученый отмечает: «... Несправедливо также привлекать к сравнению государство Платона, хотя некоторые философы и восхваляют его... В настоящее время оценка Платонова государства посредством сличения с государствами спартанцев, римлян и карфагенян походила бы на то, как если бы кто-нибудь выставил одну из

сохраняется та связь, которая впервые накрепко объединила людей ввиду их общего участия в создании государства, – правда, не совершенен и... не наилучший, но он все же терпим, хотя один из них может быть лучше другого. Ибо положение и справедливого и мудрого царя, и избранных, то есть первенствующих, граждан, и даже народа (впрочем, последнее менее всего заслуживает одобрения) все же, – если только этому не препятствуют несправедливые поступки или страсти, – по-видимому, может быть вполне прочным...»²⁷.

Связь с древнегреческим наследием прослеживается и в сравнительном анализе различных форм государственного устройства, актуализированных на тот период: «Но при царской власти все прочие люди совсем отстранены от общего для всех законодательства и принятия решений, да и при господстве оптиматов народ едва ли может пользоваться свободой, будучи лишен какого бы то ни было участия в совместных совещаниях и во власти, а когда все вершится по воле народа, то, как бы справедлив и умерен он ни был, все-таки само равенство это не справедливо, раз при нем нет ступеней в общественном положении... Если афиняне в свое время, отстранив ареопаг, вершили всеми делами только на основании постановлений и решений народа, то, так как у них не было определенных ступеней общественного положения, их община не могла сохранить своего блеска. И я говорю... о трех видах государственного устройства, если они не нарушены и не смешаны один с другим, а сохраняют черты, свойственные каждому из них. Прежде всего, каждый из этих видов государственного устройства обладает пороками, о которых я уже упоминал; далее, ему присущи и другие пагубные пороки; ибо из указанных видов... нет ни одного, при котором государство не стремилось бы по обрывистому и скользкому пути к тому или иному несчастью, находящемуся невдалеке от него...».

своих статуй и сравнивал ее с живыми, одушевленными людьми. Ведь такое сравнение неодушевленного предмета с одушевленными, наверное, показалось бы зрителю неправильным, ошибочным и ни с чем не сообразным, хотя бы работа статуи и заслужила наивысшей похвалы...». – Цит. по: *Полибий*. Всеобщая история. В 2 т. Т. 1. Кн. I – X /Пер. с древнегреч. Ф. Мищенко. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 482.

²⁷ Цит. по: *Цицерон*. О государстве //Антология мировой правовой мысли... Т. I. – С. 220-222.

Акцентируя внимание на несовершенстве конкретных форм правления, Цицерон предлагает своего рода «усредненный» вариант государственного устройства: «... [государственное устройство] наихудшее, и из этой [формы правления] обыкновенно возникает правление оптиматов, или тиранической клики, или царское, или (даже весьма часто) народное и опять-таки из него – один из видов правления, упомянутых мною ранее, и изумительны бывают круги и как бы круговороты перемен и чередований событий в государстве. Если знать их – дело мудрого, то предвидеть их угрозу, находясь у кормила государства, направляя его бег и удерживая его в своей власти, – дело, так сказать, великого гражданина и... богами вдохновенного мужа. Поэтому я и считаю заслуживающим наибольшего одобрения, так сказать, четвертый вид государственного устройства (скорее, представляющий собой *конвергенцию* институтов, в той или иной степени присущих известным формам организации публичной власти. – Э.Е.), так как он образован путем равномерного смешения трех его видов, названных мною ранее... И каждое государство таково, каковы характер и воля того, кто им правит. Поэтому только в таком государстве, где власть народа наибольшая, может обитать свобода; ведь приятнее, чем она, не может быть ничего, и она, если она не равна для всех, уже... не свобода...»²⁸.

Как ни странно, но римский общественный деятель и известный оратор, в отличие от Платона и Аристотеля, для обозначения формы правления, где, если и не доминантой, то, по крайней мере, важнейшим элементом властного механизма, выступает народ, *не использует* термин «демократия». Одной из причин, по всей видимости, является фактор личной свободы тех, с кем она, тем либо иным образом, традиционно (как правило, или преимущественно) ассоциируется: «Но как может она быть равной для всех, уж не говорю – при царской власти, когда рабство даже не прикрито и не вызывает сомнений, но и в таких государствах, где на словах свободны все? Граждане, правда, подают голоса, предоставляют империй и магистратуры, их по очереди обходят,

²⁸ Цит. по: Цицерон. О государстве // Антология мировой правовой мысли... Т. I. – С. 222-223.

добиваясь избрания, на их рассмотрение вносят предложения, но ведь они дают то, что должны были бы давать даже против своего желания, и они сами лишены того, чего от них добиваются другие; ведь они лишены империя, права участия в совете по делам государства, права участия в судах, где заседают отобранные судьи, лишены всего того, что зависит от древности и богатства рода. А среди свободного народа, как, например, родосцы или афиняне, нет гражданина, который (...) [сам не мог бы занять положения, какое он предоставляет другим]».

Причем, для оправдания лимитированного характера свободы граждан, оппоненты, с которыми Цицерон ведет дискуссию, приводят аргументы, часть из которых нередко можно услышать от современных (как национальных, так и наднациональных) правящих элит: «... Когда в народе находится один или несколько более богатых и более могущественных человек, тогда – говорят они – из-за их высокомерия и надменности и создавалось вышеуказанное положение, так как трусы и слабые люди уступали богатым и склонялись перед их своеволием. Но если народ сохраняет свои права, то – говорят они – это наилучшее положение, сама свобода, само благоденствие, так как он – господин над законом, над правосудием, над делами войны и мира, над союзными договорами, над правами... гражданина и над его имуществом. По их мнению, только такое устройство и называется с полным основанием государством, то есть достоянием народа. Поэтому, по их словам, «достояние народа» обычно освобождается от владычества царей и «отцов» (термином «patres», первоначально обозначавшем генеалогическое, семейно-родовое старшинство, со временем стали именовать римский Сенат, «отцов нации». – Э.Е.), но не бывает, чтобы свободные народы искали для себя царей или власти и могущества оптиматов. И право..., ввиду пагубных последствий..., не следует отвергать вообще всего этого вида свободы для народа...»²⁹.

Говоря о *преемственности* идей Цицерона с учением о государстве и праве Аристотеля («Там, где отсутствует власть закона, нет и государственного

²⁹ Цит. по: Цицерон. О государстве // Антология мировой правовой мысли... Т. I. – С. 223-224.

устройства. Закон должен властвовать над всем; должностным же лицам и народному собранию следует представить обсуждение частных вопросов»), который, по словам профессора Н.Н. Разумовича, «намечает для наилучшей формы государства создание конституционных основ, то есть такого писаного общего закона, который согласен с правдой и справедливостью и согласуется с добровольными сношениями между людьми на добровольном начале», не следует игнорировать его отношения к правовой традиции вообще и закону в частности: «... нет ничего более неизменного и более прочного, чем народ, согласный и во всем сообразующийся со своей безопасностью и свободой; но легче всего согласие это достижимо в таком государстве, где всем полезно одно и то же; из различных интересов, когда одному подходит одно, а другому другое, возникают раздоры; поэтому, когда властью завладевали «отцы», государственный строй никогда не бывал прочен; но еще менее бывает так при царской власти... Поэтому, если закон есть связующее звено гражданского общества, а право, установленное законом, одинаково для всех, то на каком праве может держаться общество граждан, когда их положение не одинаково? И в самом деле, если люди не согласны уравнивать имущество, то, во всяком случае, права граждан одного и того же государства должны быть одинаковы. Да и что такое государство, как не общий правопорядок?»³⁰.

³⁰ Цит. по: Цицерон. О государстве // Антология мировой правовой мысли... Т. I. – С. 223-224. В другом диалоге, известном под названием «О законах», идеи *естественного права*, заложенные в работе «О государстве», получили – в контексте учения стоиков – дальнейшее обоснование: «Итак, ученые мужи признали нужным исходить из понятия закона, и они, пожалуй, правы – при условии, что закон, как они же определяют его, есть заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что совершать следует, и запрещающий противоположное. Этот же разум, когда он укрепился в мыслях человека и усовершенствовался, и есть закон. Поэтому принято считать, что мудрость есть закон, смысл которого в том, что он велит поступать правильно, а совершать преступления запрещает. Полагают, что отсюда и греческое название «номос», так как закон «уделяет» каждому то, что каждому положено, а наше название «lex», по моему мнению, происходит от слова *legere* (выбирать). Ибо, если греки вкладывают в понятие закона понятие справедливости, то мы вкладываем понятие выбора; но закону все же свойственно и то, и другое. Если эти рассуждения правильны (а лично я склонен думать, что в общем это верно), то возникновение права следует выводить из понятия закона. Ибо закон есть сила природы, он – ум и сознание мудрого человека, он – мерило права и бесправия. Но так как весь наш язык основан на представлениях народа, то там время от времени придется говорить так, как говорит народ, и называть законом (как это делает чернь) те положения, которые в писаном виде определяют то, что находят нужным, – либо приказывая, либо запрещая. Будем же при обосновании права исходить из того высшего закона, который, будучи общим для всех веков, возник раньше, чем какой бы то ни было писанный закон, вернее, раньше, чем какое-либо государство вообще было основано...». – См.: Цицерон. О законах // Антология мировой правовой мысли... Т. I. – С. 233-234.

Анализируя содержание сохранившихся фрагментов этого произведения, профессор Д.В. Дождев подчеркивает: «Цицерон обосновывает самоценность права и справедливости, выступая против утилитарных

В качестве далеко не абстрактного или гипотетического вывода, до сих пор не утратившего своей актуальности, тем более что практика последних лет не дает каких-либо «позитивных» поводов усомниться в этом, процитируем мысль ранее уже упоминавшегося Полибия: «... Итак, едва ли нужно говорить, что все существующее подвержено переменам и порче: в том убеждает нас непреоборимая сила природы. Всякая форма правления может идти к упадку двояким путем, так как порча или проникает в нее извне, или зарождается в ней самой; первая не подчиняется каким-либо неизменным правилам, тогда как для второй существует порядок от природы. Выше мы уже сказали, какая форма правления³¹ возникает первоначально, какая следует за нею, каким образом они переходят одна в другую. Поэтому, если только читатель умеет понимать связь между началом и концом, он может и сам уже предсказать, что будет дальше; это, мне кажется, ясно (судя по тому, как ведут себя те или иные «деятели», например, на Украине, *ответ не столь очевиден*, как может показаться на первый, неискушенный, взгляд!? – Э.Е.). Так, когда государство одолело многочисленные тяжелые опасности и затем достигло неоспоримого преобладания и господства, в нем водворяется прочное благосостояние, а вместе с тем частная жизнь непременно становится роскошнее, и граждане начинают переступать меру справедливости в погоне за должностями и в прочих вожделениях. Когда со временем такое состояние усилится, наступает поворот к упадку, вызываемый властолюбием граждан и пренебрежением к скромному положению (складывается впечатление, что историк фиксирует то, *с чем мы сталкиваемся практически ежедневно и повсеместно*, о каком бы конкретном

трактовок справедливости; доказывает, что принцип права коренится в природе человека и право не может вытекать из закона – явления искусственного, поэтому подлинный закон, как и право, должен соответствовать требованиям природы (то есть быть правовым)». – См.: Цицерон. О законах // Антология мировой правовой мысли... Т. I. – С. 232. Подробнее см.: Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям / Вступ. ст. И.Д. Осипова. – СПб.: Наука, 2019. (Серия «Русская государственная мысль»). – С. 24-92.

³¹ Для того, чтобы более адекватно оценить отличительные черты римского государства, историк достаточно подробно в VI книге рассматривает процесс государственного строительства не только в Древней Греции, но и в Карфагене: «Большинство писателей, которые желают научить нас подобным предметам, различают три формы государственного устройства, из которых одна именуется царством, другая аристократией, третья демократией. Мне кажется, всякий в полном праве спросить их, считают ли они эти формы вообще единственными, или же только наилучшими. Но и в том, и в другом случае они, как я полагаю, заблуждаются, ибо несомненно совершеннейшей государственной формой надлежит признать такую, в которой соединяются особенности всех форм...». – См.: Полибий. Всеобщая история... Т. I. Кн. I – X. – С. 443.

«демократическом» или «недемократическом» государстве не шла в итоге речь. – Э.Е.); к ним присоединяется спесивость и расточительность. Народ будет только завершителем переворота, когда он вообразит, что любостяжание одних нарушает его выгоды, когда, с другой стороны, лесть честолюбцев преисполнит его высокомерия. Тогда разгневанный народ, во всем внимая голосу страсти, отказывает властям в повиновении, не признает их даже равноправными с собою, и все дела желает решать сам. После этого государство украсит себя благороднейшим именем свободного народного правления, а на деле станет наихудшим из государств – охлократией...»³².

К каким же обобщениям, обладающим *«новизной»* (по крайней мере, отдельными элементами последней), приходит современный исследователь конституционно-правовых отношений в результате критического анализа тех концептуальных идей, многие из которых не только вошли в «золотой фонд» мировой юридической мысли, но уже достаточно давно детально изучены и введены в научный оборот? Целесообразно ли в процессе государственного строительства использовать (на фоне кризиса мировоззренческой парадигмы) теоретическое и практическое наследие исторической эпохи, отдаленной от нас не столетиями, а тысячелетиями? Вопрос совсем не праздный.

Первое, что приходит на ум, это – *«вторичность»* и *«факультативность»* всего того, с чем ассоциируется подавляющее большинство доктрин, прямо либо опосредованно – при помощи инструментов рецепции – заимствовавших из античных нормативных и философских *«первоисточников»* как букву, так и дух тех публичных институтов, которые позволяют с предельно допустимой степенью вероятности идентифицировать, всесторонне и объективно оценить феномен *«западной» модели демократии*. Отказавшись от идеологических и научных стереотипов, господствовавших в сравнительном правоведении еще некоторое время назад, вместе с тем необходимо признать, что отечественная компаративистика, несмотря на обилие соответствующей литературы, так и не

³² Цит. по: *Политий*. Всеобщая история... Т. I. Кн. I – X. – С. 489-490.

сумела преодолеть «комплекс неполноценности», обусловленного особым (предвзятым либо подобострастным!?) отношением к конституционализму и его отдельным разновидностям. В связи с чем, *мало конструктивная и не во всем оправданная апологетика в чей-то персональный адрес* по-прежнему носит комплиментарный характер, невзирая на «некорректное копирование» идей о государственном устройстве или формах правления, у истоков которых стояли крупнейшие греческие и римские мыслители, заложившие фундамент западноевропейской и евро-атлантической цивилизации³³.

Сказанное выше с полным основанием относится к тому, каким образом учение о государстве и праве, разработанное (и во многом апробированное) в античный период, было затем приспособлено к реалиям дня при переходе от феодализма к следующей стадии общественно-экономического развития. Не отрицая того факта, что определенный вклад в рассматриваемую проблему внесли такие неординарные представители политической и правовой мысли

³³ Исходя из того, что предметом и объектом данного исследования является «западная» модель демократии, автор намеренно выводит за скобки сравнительно-правового анализа теорию и практику государственного строительства тех стран, с которыми последняя либо вообще не ассоциируется (какой бы этап исторического процесса мы ни взяли в качестве примера), либо носит чисто гипотетический характер, либо не несет в себе ничего оригинального с правовой и институциональной точки зрения, что можно было бы квалифицировать в качестве одного из вариантов государственного устройства, формы правления или политического режима, основанных на принципах, сформулированных в работах античных мыслителей и их последователей. Хотя, справедливости ради нельзя не сказать, что как в светских (наглядной иллюстрацией может служить работа знаменитого философа и ученого-энциклопедиста Аль-Фараби Абу Насра «Гражданская политика» («Трактат о взглядах жителей добродетельного города»), где были развиты элементы учения древнегреческих авторов об идеальном социально-политическом устройстве), так и религиозных (в частности, сочинение Блаженного Августина «Град Божий», в котором одним из отцов католической церкви были подробно сформулированы основные положения христианской концепции исторического процесса, противопоставленные греховному светскому государству) произведениях средневековья предпринимались попытки теоретически обосновать самобытный взгляд на проблемы общества и государства, преимущественно носивший идеалистический и схоластический характер.

эпохи Возрождения, как Никколо Макиавелли³⁴, Эразм Роттердамский³⁵ и Жан Боден³⁶, отдававших предпочтение монархической форме правления³⁷, надо признать, что лишь в Новое время (хотя и в этот период многие представители просвещенной части европейского общества, как, например, Френсис Бэкон³⁸, являлись сторонниками абсолютизма) ситуация начинает меняться.

Важной вехой в теоретическом осмыслении сущности государства стал труд Томаса Гоббса «Левиафан», сквозь который рефреном проходит тезис о том, что базовой основой возникновения последнего является не что иное, как «общественный договор» из «естественного состояния», когда люди жили и

³⁴ Парадокс концепции Никколо Макиавелли (в период республики, до прихода к власти во Флоренции клана Медичи, активно занимавшегося общественной деятельностью) состоит в том, что, обладая богатым личным опытом и являясь весьма информированным о политических процессах человеком, он отдает предпочтение не коллективным формам организации власти, а единоличному правителю, и призывает использовать для укрепления государства любые, в том числе недемократические и негуманные, средства и методы. Пытаясь понять, какие события привели к совершенствованию политического строя Рима, флорентинец, проявив эрудицию и далеко не поверхностное знание античной литературы, отмечает, что «... некоторые авторы, писавшие о республиках, утверждали, будто существует три вида государственного устройства, именуемые ими: Самодержавие, Аристократия и Народное правление... Другие авторы, и, по мнению многих, более мудрые, считают, что имеется шесть форм правления – три очень скверных и три сами по себе хороших, но легко искажаемых и становящихся вследствие этого пагубными. Хорошие формы правления – суть три вышеперечисленных; другие же – три остальных, от трех первых зависящие и настолько с ними родственные, что они легко переходят друг в друга: Самодержавие легко становится тираническим, Аристократии с легкостью делаются олигархиями, Народное правление без труда обращается в разнузданность». – Цит. по: *Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. (Серия «Антология мысли»). – С. 128.*

³⁵ См.: *Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. – М., 1969; Он же. Философские произведения. – М., 1986.*

³⁶ Важнейшими произведениями французского социолога, правоведа и философа являются такие работы, как «Метод легкого изучения истории» и «Шесть книг о государстве». – Подробнее см.: *Боден, Жан // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – М., 1970. – С. 141-147. Анализ работ см., например: Коркунов Н.М. История философии права... – С. 93-196.*

³⁷ В качестве одного из примеров критического отношения к монархии (тирании, деспотизму) и ее институтам может служить трактат французского гуманиста, поэта и публициста Этьенна де Ла Боэси (некоторое время занимавшего должность советника парламента Бордо) «Рассуждение о добровольном рабстве», в котором исследуются основания, послужившие поводом для закрепощения отдельных групп людей и целых народов. Констатируя, что в основе общественного неравенства и рабства лежат не социально-экономические или политические причины и обстоятельства, а привычка народа добровольно пребывать в подневольном состоянии, отдав власть монарху, автор знаменитого памфлета пишет: «Существуют три рода тиранов: одни приобретают власть над государством по выбору народа, другие – с помощью вооруженной силы, третьи – по наследству... Невероятная вещь, но с того времени, как народ поработен, он так внезапно и полностью забывает свою свободу, что его трудно разбудить для обратного отвоевания ее. Он служит так охотно и с такой готовностью, как если бы он не потерял свою свободу, а выиграл свое рабство. Правда, что в начале люди служат по принуждению и будучи побеждены силой, но следующее поколение, приходящее им на смену, никогда не выдавшее свободы и не знающее, что это такое, служит уже без сожаления и добровольно выполняет то, что их предшественники делали только по принуждению...». – Цит. по: *Ла Боэси Этьенн. Рассуждение о добровольном рабстве // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 294, 295.*

³⁸ Так, в «Опытах, или Наставлениях нравственных и политических» английский государственный деятель и философ размышляет о нравственной стороне политики, о качествах, которыми должны обладать люди, в силу тех или иных причин наделенные властью. Кроме того, важное значение в работе уделено политическим партиям и их роли в публичном механизме. – Об этом см.: *Бэкон Ф. Опыты, или Наставления нравственные и политические // Сочинения: В 2 т. Т. 2. – М., 1978. – С. 373-375, 465-466.*

действовали разобщенно, находясь в условиях «войны всех против всех»: «... Цель государства – главным образом обеспечение безопасности. Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и... о более благоприятной жизни. Иными словами, при установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны (здесь мы видим известные параллели с тем, о чем писал голландский юрист, социолог и политический деятель Гуго Гроций³⁹. – Э.Е.), являющегося... необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов...».

Формулируя собственное определение государства («commonwealth» в оригинальной терминологии), английский философ, выпускник Оксфордского университета, приводит в качестве аргументов следующие доводы: «... Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих... и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке (напомним, что цитируемый автор был сторонником политического абсолютизма, а интересы государства объявлял *высшим критерием морали*, более того, отстаивая необходимость подчинения церкви государству, считал нужным сохранить религию в качестве *идеологического орудия власти* «для обуздания населения». – Э.Е.) или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы все воли граждан свести в единую волю. Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый... считал себя

³⁹ См.: Гроций, Гуго. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права /Пер. с латинского А.Л. Саккетти. – М., 1957.

доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это...»⁴⁰.

Являясь последовательным и убежденным апологетом монархической системы государственного устройства, Томас Гоббс, тем не менее, объективно относится к дифференциации традиционных (хорошо известных еще из работ Аристотеля и других античных философов) форм правления, в рамках которых, как правило, осуществляется власть: «... Различие государств заключается в различии суверена, или лица, являющегося представителем всех и каждого из массы людей. А так как верховная власть может принадлежать или одному человеку, или собранию большого числа людей (речь судя по всему идет о парламенте как институте представительного характера, история которого в Англии насчитывала к этому времени уже примерно четыреста лет. – Э.Е.), а в этом собрании могут иметь право участвовать или каждый, или лишь (перед нами, вероятно, обоснование необходимости соответствующих цензов или других ограничений. – Э.Е.) определенные люди, отличающиеся от остальных, то отсюда ясно, что могут быть три вида государства. Ибо представителем должны быть или один человек, или большее число людей, а это – собрание или всех, или только части. Если представителем является один человек, тогда государство представляет собой *монархию*; если – собрание всех, кто хочет участвовать, тогда это *демократия*, или народоправство; а если верховная власть принадлежит собранию лишь части горожан, тогда это *аристократия*. Других видов государства не может быть, ибо или один, или многие, или все имеют верховную власть... целиком...»⁴¹.

Характеризуя интересы государства как «высший критерий морали» (в связи с чем, идеологически была обоснована диктатура О. Кромвеля), автор «Левиафана» интерпретировал «политический абсолютизм», не покушаясь на

⁴⁰ Цит. по: Гоббс, Томас. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 319, 321.

⁴¹ С точки зрения современного дня, в концепции разделения властей нет ничего экстраординарного.

статус действовавшей формы правления. Исходя из того обстоятельства, что и монарх, и парламент («определенные люди, отличающиеся от остальных») с институциональной точки зрения олицетворяют собой «представительство», мыслитель подчеркивал: «В политических телах власть представителей всегда ограничена, причем границы ей предписываются верховной властью, ибо неограниченная власть есть абсолютный суверенитет. И в каждом государстве суверен является абсолютным представителем всех подданных. Поэтому всякий другой может быть представителем части этих подданных лишь в той мере, в какой это разрешается сувереном. Но разрешить политическому телу подданных иметь абсолютное представительство всех его интересов и стремлений значило бы уступить соответствующую часть власти государства и разделить верховную власть, что противоречило бы целям водворения мира среди подданных и их защиты...».

Другими словами, кто бы ни олицетворял «представительство» – монарх или парламент, его власть должна носить *ограниченный* характер, главное в том, кем непосредственно определяется перечень «интересов и стремлений», которыми вправе обладать «политическое тело подданных». Не исключено, что концепция Томаса Гоббса была положена в основание взаимоотношений метрополии с большей частью бывших колоний, доминионов и подмандатных территорий, получивших, так сказать, «*октроированный*» суверенитет, когда главой одного государства (например, Канады, Австралии и Новой Зеландии) является глава другого государства – Соединенного Королевства, полномочия которого осуществляет должностное лицо в статусе генерал-губернатора. Как декларирует мыслитель, обосновывая свое предложение по невозможности подданных «иметь абсолютное представительство», подобного «намерения нельзя предположить у суверена при каком бы то ни было акте пожалования, если суверен одновременно с этим ясно и определенно не освобождает (как в случае получения Индией независимости. – Э.Е.) указанной части подданных от подданства. Ибо высказывание суверена не является знаком его воли, когда другое высказывание является знаком противоположного... Познание границ

власти, данной представителям политического тела (не исключено, что имеется в виду принцип разделения властей, хотя об этом в тексте прямо не говорится?! – Э.Е.), может быть почерпнуто из двух источников. Первый – это грамота, данная сувереном, второй – закон государства...».

По всей видимости, под «*грамотой*» подразумевается учредительный либо аналогичный по уровню юридической силы нормативно-правовой акт (в частности, «октроированная» Конституция), посредством которого верховная власть санкционирует или актуализирует соответствующие тенденции, в том числе, в случае объективного и необратимого характера последних: «В самом деле, хотя при установлении и приобретении государства не требуется никакой грамоты, ибо государства независимы и власть представителя государства не имеет никаких других границ, кроме тех, которые установлены неписаными естественными законами, однако в подвластных телах требуется столько разнообразных ограничений в отношении круга их задач, места и времени, что их нельзя запомнить без писаной грамоты и нельзя познать без такой жалованной грамоты, которую могли бы читать те, которым это ведать надлежит, и которая одновременно... была бы скреплена или удостоверена печатью или обычными знаками высочайшего одобрения...»⁴².

В свою очередь, «закон» аккумулирует билли и статуты, принимаемые парламентом как органом представительной власти, не выходя при этом за рамки собственных полномочий: «... И так как такие границы не всегда легко и даже не всегда возможно установить в грамоте, то обычные законы, общие для всех подданных, должны определить, что может законным образом делать представитель во всех тех случаях, о которых умалчивает грамота».

В контексте обобщений Томаса Гоббса, нельзя не обратить внимание на то, каким образом квалифицируются решения и действия «индивидуального» (монарха) и «коллективного» (парламента) органа верховной власти, с точки

⁴² Цит. по: Гоббс, Томас. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 322-323, 328. Как мы видим, концепция, которой уже не менее трех с половиной веков, до сих пор не только не утратила актуальности, но и отражает специфику того, что принято ассоциировать с англосаксонской правовой моделью (кризис которой все более очевиден).

зрения их *легитимности* (при этом, следует иметь в виду, что терминология типа «монарх» и «парламент» в рассматриваемом трактате по существу не используется): «... если один представитель политического тела совершит что-либо в качестве представителя, что не дозволено ни грамотами, ни законами, то это является его собственным актом, а не актом всего тела или какого-нибудь другого его члена помимо него. Ибо за пределами, очерченными грамотами или законами, он не представляет никого, кроме своей личности. Но то, что он совершает в соответствии с грамотами и законами, является действием каждого члена политического тела, ибо за каждый акт суверена ответственным является любой подданный, так как суверен является неограниченным уполномоченным... подданных, а акт того, кто не отступает от грамоты суверена, является актом суверена, и посему ответственность за него ложится на каждого члена тела...».

В тех ситуациях, когда «... представителем является общее собрание, то всякое постановление..., противоречащее грамотам или законам, является актом этого собрания, или политического тела, а также актом каждого члена... собрания, который своим голосом способствовал принятию постановления, но оно не является актом такого члена собрания, который, присутствуя на собрании, голосовал против или отсутствовал, если только он не голосовал *за* при посредстве доверенного лица. Постановление является актом собрания, ибо оно принято большинством голосов, и, если это постановление преступно, собрание может быть подвергнуто наказанию, соответствующему его искусственному характеру. Оно может быть... распущено..., лишено грамоты..., подвергнуто денежному штрафу. Ибо физическому наказанию политическое тело не может быть подвергнуто по самой своей природе. Члены же собрания, не подавшие своего голоса *за*, не виновны, потому что собрание не может никого представлять в делах, не дозволенных его грамотой...»⁴³.

⁴³ Об этом см.: Гоббс, Томас. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 328-329.

Итак, о чем свидетельствует анализ исследуемого произведения одного из крупнейших теоретиков государства и права своего времени? Воспринимая и оценивая государство как некий *добровольный* «общественный договор», Томас Гоббс *не стремится сделать каких-либо практических выводов* о том, каким образом и в результате каких закономерностей оно возникло, пытаясь в первую очередь понять и объяснить, на чем основывается легитимность тех институтов, с которыми ассоциируется верховная власть. В этой связи нельзя не согласиться с характеристикой его концепции, которую можно встретить в работе Фрэнсиса Фукуямы «Государственный порядок».

Не отрицая того факта, что «все еще стоит задуматься... могли ли первые государства появиться через какие-то формы... соглашения... соплеменников для установления централизованной власти», североамериканский ученый констатирует (не во всем разделяя доктрину признанного англо-британского правоведа)⁴⁴: «... Томас Гоббс так излагает основное «соглашение», лежащее в основе государства: взамен отказа человека от права делать то, что ему нравится, государство (или Левиафан) через свою монополию на силу гарантирует каждому гражданину основы безопасности. Государство может обеспечить другие виды общественных благ такие, как права собственности, дороги, валюта, однородные веса и меры, а также внешнюю защиту, которую граждане не могут получить самостоятельно. В свою очередь, граждане дают государству право

⁴⁴ Наша мысль о том, что Томас Гоббс «не стремится сделать каких-либо практических выводов» из анализа генезиса государства, определенным образом корреспондирует точке зрения Иммануила Валлерстайна, высказанной по поводу многочисленных проблем, с которыми сталкиваются ученые в процессе научных исследований в области общественных отношений: «... существует проблема объективности и убеждений исследователя. Я не верю, что существует беспристрастная социальная наука. Однако это не значит, что объективность невозможна – в первую очередь она состоит в четком определении терминов. От XIX века, восставшего против сказочных мотивов, которыми изобиловали столь многие исторические сочинения прошлого, мы получили установку на рассказывание истории *wie es eigentlich gewesen ist* [как оно было на самом деле. – нем.]. Однако социальная реальность эфемерна. Она существует в настоящем и исчезает, когда перемещается в прошлое. Иными словами, прошлое можно рассказать только так, как оно на самом деле *есть*, а не когда-то *было*, поскольку изложение прошлого есть социальное действие в настоящем, которое совершается людьми настоящего и влияет на социальную систему в настоящем. «Истина» меняется, потому что меняется общество. В любой данный момент времени ничто не последовательно – все современно, даже прошлое. А в настоящем мы являемся необратимым продуктом нашего происхождения, образования, личной и социальной роли и структурных ограничений, внутри которых мы действуем. Такая позиция не означает, что у нас нет выбора. Даже наоборот...». – Цит. по: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке /Предисл. Г.М. Дерлутяна, пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко, А. Черняева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – С. 9-10.

обложить их налогом и принудить их к определенным действиям. Племенные общества могут обеспечить определенную степень безопасности – но способны предоставить своим членам только ограниченные общественные блага из-за нехватки централизованной власти...»⁴⁵.

Таким образом, суммирует результаты своего сравнительного анализа исследователь, «... если государство возникло путем общественного договора, мы должны были бы установить, что в некоторый момент истории племенная группа решила добровольно передать диктаторские полномочия (почему именно «диктаторские», так как речь может идти о концентрации властных прерогатив без каких-либо экстремальных форм?! – Э.Е.) одному человеку для управления собой. Такое делегирование не было бы временным, как на выборах вождя племени, но постоянным – королю и всем его потомкам. И это должно было произойти на основе согласия со стороны всех племенных сегментов, у каждого из которых был при этом выбор: просто уйти прочь, если ему не нравилось соглашение».

По мнению Фрэнсиса Фукуямы, в котором, как представляется, можно обнаружить рациональное зерно, «кажется очень маловероятным, что первое государство проистекало из явного общественного договора, если главная проблема, мотивирующая его, была просто экономической – как защита права собственности или предоставление общественных благ. Племенные общества – сторонники равноправия и, в пределах контекста сплоченных групп родства, очень свободны. Государства, в отличие от них, являются принудительными, властными и иерархическими – по этой причине Фридрих Ницше назвал государство «самым холодным из всех холодных монстров». Мы можем вообразить свободное племенное общество, отдающее полномочия единственному диктатору только в самой чрезвычайной ситуации, такой, как неизбежная опасность вторжения и истребления внешним захватчиком, либо религиозному деятелю, если эпидемия грозит истребить племя. Римские

⁴⁵ См.: Фукуяма, Фрэнсис. Государственный порядок: научно-популярное издание /Пер. с англ. В.Л. Гончарова. – М.: Издательство АСТ, 2015. – С. 118-119.

диктаторы были фактически избраны таким образом во время Республики – например, когда городу угрожал Ганнибал после сражения при Каннах... Но это означает, что настоящий двигатель государственного формирования – насилие или угроза насилия, делающий общественный договор фактором вместо конечной цели...»⁴⁶.

Одним из современников Томаса Гоббса был социалист, идеолог крайне левого крыла – так называемых «диггеров» – демократического движения на территории Туманного Альбиона в период буржуазной революции Джерард Уинстенли, достаточно утопический памфлет которого, вошедший в историю англосаксонской правовой мысли как «Закон свободы, изложенный в виде программы, или восстановление истинной системы правления», оставил след в

⁴⁶ Цит. по: Фукуяма, Фрэнсис. Государственный порядок... – С. 119-120. Не отрицая каких-то общих для всех закономерностей, нельзя не учитывать и особенностей, в большей либо меньшей степени характерных для соответствующей модели цивилизационного развития, которые необходимо иметь в виду при критическом сравнительно-правовом анализе процесса государственного строительства, какая бы «модель» при этом ни рассматривалась: «... Философские воззрения, основополагающие ценности, социальные отношения, обычаи и... взгляды на жизнь значительно отличаются в разных цивилизациях... Культуры могут изменяться, и природа их влияния на политику и экономическое развитие может различаться в разные исторические периоды. И все же очевидно, что основные различия политического и экономического развития цивилизации имеют корни в различии культур...». – Об этом см.: Хантингтон, Самюэль. Столкновение цивилизаций /Пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: Изд-во АСТ, 2017. – С. 23.

На этом фоне особое значение приобретают такие критерии, как «объективность» и «субъективизм», без которых немислимо любое научное исследование, о каком бы историческом периоде ни шла речь: «... Поскольку все мы принадлежим к разнообразным группам (того же Томаса Гоббса, окончившего Оксфорд, трудно представить вне научного академического сообщества и правящей элиты своего времени. – Э.Е.), мы часто вынуждены принимать решения в соответствии с приоритетами, которые диктует эта принадлежность. Ученые – как гуманитарии, так и естественники – здесь не являются каким-либо исключением из правил. Не свободны ученые и от требований, связанных не с их научной деятельностью, а с прямыми политическими функциями в социальной системе, которые вполне отличаются от роли апологета какой-либо отдельной группы. Я не понижаю роль адвоката – она значима и почетна, но это не то же самое, что роль ученого в гуманитарных или естественных науках. Последняя состоит в том, чтобы в пределах своих убеждений распознать актуальное состояние изучаемых явлений и сформулировать в своем исследовании общие принципы, из которых в конечном итоге могут быть сделаны частные выводы. В этом смысле не существует областей, «незначимых» для изучения, поскольку для должного понимания социальной динамики настоящего требуется теоретический охват, который может быть основан лишь на изучении как можно более широкого круга явлений на всем протяжении исторического времени и пространства... Объективность – это функция целой социальной системы. В той мере, насколько данная система смещается в сторону отдельных групп, концентрируя в их руках определенные виды исследовательской деятельности, ее результаты также будут «смещаться» в сторону этих групп. Объективность тем самым есть такой вектор распределения общественных вложений в определенную деятельность (в качестве яркого примера может служить процесс кардинальной переоценки всей системы традиционных ценностей, наблюдаемый в Соединенных Штатах и Европейском союзе, de facto обусловленный отказом от христианского мировоззрения. – Э.Е.), при котором эта деятельность осуществляется лицами, в сбалансированном виде уверенными во всех значительных группах мира-системы. При таком определении объективности нельзя утверждать, что сегодня существует объективная социальная наука. С другой стороны, создание такой науки не является невыполнимой задачей в пределах предвидимого будущего...». – Цит. по: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке... – С. 10. Детальный анализ произведений см.: Коркунов Н.М. История философии права... – С. 160-180.

концепции «народовластия», оказав определенное влияние на изменение представлений о характере и особенностях избирательного процесса.

Исходя из того, что в основе формирования системы государственного управления должны лежать выборы соответствующих должностных лиц, была предложена следующая схема: «тот, кто является подлинно республиканским должностным лицом, не должен занимать место в управлении путем интриг или насилия, как это делают все короли и завоеватели, становясь тиранами..., выдвигая на первый план свои... интересы или макиавеллевские приемы, чтобы жить в довольстве и править, как господа, над своими братьями. Но истинно республиканское должностное лицо должно быть выбранным теми, кто в нем нуждается, и кто считает его подходящим для... работы. Подобным же образом отец в семье является республиканским должностным лицом, потому что потребности его малых детей избрали его по общему согласию, а не иначе... Таким же образом и потребность в общем мире заставляет весь коллектив прихода избирать двух-трех или больше человек из их круга на должность блюстителей, чтобы заставлять подчиняться закону...».

Перед нами не что иное, как соотношение публичного управления и самоорганизации местного населения (самоуправления): «... в каждом округе, графстве или стране, где семьи разрослись в республики, потребности народа до сих пор заставляют его выбирать еще больше блюстителей и должностных лиц для сохранения общего мира. И, когда народ избрал всех должностных лиц для сохранения среди него порядка в правлении землею, тогда та же потребность в общем мире заставляет народ сказать своим блюстителям и должностным лицам: «Блюдите за исполнением наших законов ради нашей безопасности и мира, и мы будем помогать вам и защищать вас». Эти слова – «помогать» и «защищать» – заключают в себе выступление народа с оружием в руках (речь идет, судя по всему, о «народной милиции», получившей такой статус чуть позднее в пределах североамериканских «заморских территорий». – Э.Е.) на защиту своих законов и должностных лиц против вторжения, бунта или сопротивления, также и для подавления смуты, поднятой каким-нибудь глупым или эгоистическим умом,

желающим нарушить их общий мир. Итак, все настоящие должностные лица суть выборные, и, когда их действия направлены на то, чтобы удовлетворить тех, кто выбрал их, тогда они являются добросовестными и справедливыми слугами республики...».

Выборный механизм актуализировался и в отношении представителей судейского корпуса, что можно рассматривать исключительно прогрессивным на тот момент явлением социально-политической действительности: «... Если общественные должностные лица будут оставаться долгое время в суде, они вырождаются и утратят смирение, честность и внимательную заботу о братьях, принимая во внимание, что сердце человеческое склонно переполняться тучами алчности, высокомерия и тщеславия, и хотя при первом вступлении на правительственную должность они и были проникнуты общественным духом, стремясь к свободе других так же, как и к собственной, однако, оставаясь долго на таком месте, с которым связаны почести и величие, они становятся эгоистичными, добивающимися собственного блага, а не общей свободы... Поэтому, как потребность в общем самосохранении заставляет народ создавать закон и выбирать должностных лиц для наблюдения за выполнением закона, чтобы они могли жить в мире, так эта же необходимость заставляет народ, громко кричит в уши и бросается в глаза каждому в Англии, выбрать новых должностных лиц и удалить старых и избирать каждый год государственных служащих...»⁴⁷.

⁴⁷ См.: Уинстенли, Джерард. Закон свободы, изложенный в виде программы, или восстановление истинной системы правления // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 336-338. Как мы видим, несмотря на известную «утопичность» деклараций подобного рода (напомним, что женщины в Соединенном Королевстве стали обладать активным избирательным лишь с 20-х годов XX века при строгом соблюдении ряда цензов, в том числе возрастного и имущественного), обществу были предложены вполне определенные и понятные электоральные и контрольные механизмы, посредством которых предполагалось создать принципиально иные – по сравнению с монархическими – публичные институты, своей деятельностью направленные прежде всего на удовлетворение общественных и корпоративных нужд широких слоев населения.

Мотивируя необходимость регулярного – ежегодного – переизбрания тех или иных должностных лиц (как представителей народа), лидер «диггеров» приводит в качестве обоснования следующие аргументы, до сих пор не утратившие актуальности, в том числе в контексте «утопичности» преобразований такого рода: «... Во-первых, чтобы предотвратить зло для них самих, ибо, когда должностное лицо исполняется высокомерия и избытка, его глаза так ослепляются этим, что он забывает о том, что он – слугитель республики, и старается возвыситься над своими собратьями, и часто его падение бывает очень глубоким, свидетельством чему служит падение угнетателей-королей, епископов и других государственных служащих... Во-вторых, для того, чтобы предотвратить новое проникновение гнета в республику, ибо, когда должностные лица становятся высокомерными и богатыми, они будут поддерживать свое величие, хотя бы и путем бедности, разорения и

Как ни странно (исходя из роли, которую церковь традиционно играла в общественно-политической жизни) на первый взгляд, но в ряде произведений антиклерикального характера можно встретить не только критику в адрес той или иной конфессии – как одной из опор монархической власти – и детальный анализ существующей формы правления, но и концептуально обоснованные предложения по актуализации государственности нового – *республиканского* – типа. Вполне наглядным примером служит работа голландского философа Бенедикта Спинозы «Богословско-политический трактат»⁴⁸, где, отождествляя (подобным образом поступали многие его современники, в том числе Томас Гоббс, взгляды которого, наряду с идеями Френсиса Бэкона, оказали влияние на становление мировоззрения, по словам Фридриха Ницше, «самого чистого мудреца») общество и государство, важнейшим предназначением которого провозглашалось обеспечение возможности обрести и реализовать каждым человеком, принадлежащей ему свободы, декларировалось, что последнее возникает не в силу соответствующих социально-экономических процессов, а на основе «общественного договора», по причине необходимости публичной власти и обязательного для всех закона.

Рассматривая наиболее демократической, отвечающей самой природе человека, республиканскую форму правления⁴⁹, основанной на законности и

притеснения своих собратьев; свидетельством этому служит деятельность королей и их законов, которые долгое время давили простых людей Англии (чтобы не быть голословным, автор памфлета подчеркивает, что «... разве мы не испытали в эти дни, что некоторые республиканские служащие так пустили корни вследствие несменяемости, что они едва удостоивают слова своего старого знакомого, если он стоит ниже их, хотя бы они и были близки до начала теперешних войн...». – Э.Е.) ... В-третьих, пусть должностные лица будут переизбираться каждый год из любви к нашему потомству, ибо если тяготы и гнет будут процветать в наших законах и среди наших должностных лиц из-за отсутствия сменяемости, как мох и плевелы произрастают на некоторых землях из-за отсутствия прополки, то, конечно, это будет началом бедствия, от которого нелегко будет избавиться нашему потомству... В-четвертых, ежегодное смещение должностных лиц сделает их по-настоящему честными, так как они будут знать, что другие, которые придут им на смену, будут рассматривать их дела и, если они не будут действовать справедливо, они будут посрамлены, когда на смену им придут новые лица... В-пятых, хорошо сменять ежегодно лиц, стоящих у власти, так как если есть много людей, доля которых – повиноваться, то много и таких, которые в свой черед могут управлять, и это побудит всех поддерживать справедливость и доброе обращение в надежде на почет... В-шестых, таким путем республика получит свободных и опытных людей, подходящих правлению, которые высоко поднимут честь и мир нашей страны... и что сделает со временем нашу английскую республику любимой народами земли...». – Там же. – С. 338-339.

⁴⁸ Кроме того, следует напомнить и о такой работе, как «Политический трактат», на страницах которого тем или иным образом интерпретируется учение о государстве, естественном праве и общественном договоре.

⁴⁹ В этом случае концепция известного голландца во многом корреспондирует учению Аристотеля: «... мы заключаем, что естественное право, свойственное человеческому роду, едва ли может быть представлено вне того условия, что люди, имея общее право, могли бы совместно завладеть землями, которые они могут населять

политической справедливости, Бенедикт Спиноза констатировал: «... Никто не может перенести на другого свое естественное право, или свою способность свободно рассуждать и судить о каких бы то ни было вещах, и никто не может быть принужден к этому. Из этого, следовательно, выходит, что то правление считается насильственным, которое посягает на умы, и что верховное величество, видимо, делает несправедливость подданным и узурпирует их право, когда хочет предписать, что каждый должен принимать как истину и отвергать как ложь и какими мнениями, далее, ум каждого побуждаться к благоговению перед Богом: это ведь есть право каждого, которым никто, хотя бы он и желал этого, не может поступиться. Я признаю, что суждение может быть предвзято многими и почти невероятными способами, и притом так, что оно хотя прямо и не находится во власти другого, однако до такой степени зависит от другого, что справедливо может считать его несвободным. Но, как бы ни изощрялось в этом отношении искусство, никогда дело не доходило до того, чтобы люди... не сознавали, что каждый обладает в достаточной степени своим разумением и что во взглядах существует столько же различий, как и во вкусах...; и если это можно было бы мыслить каким-нибудь образом, то оно было бы во всяком случае мыслимо лишь для монархического государства, но отнюдь не для демократического, которым коллегиально управляют все или большая часть народа... Таким образом, сколько бы ни думали, что верховные власти распоряжаются всем и что они суть истолкователи права и благочестия, они, однако, никогда не будут в состоянии заставить людей не высказывать суждения

и обрабатывать, укрепиться, отразить всякое насилие и жить по общему решению всех. Ибо, чем более людей сходится таким образом воедино, тем более права они вместе имеют... Несомненно, что там, где люди имеют общее право и все руководимы как бы единым духом, каждый из них имеет тем менее права, чем более превосходит его мощью все остальные..., то есть он не имеет на самом деле по природе никакого другого права, кроме того, которое уступает ему общее право... Это право, определяемое мощью народа (*multitudo*), обычно называется *верховой властью* (*imperium*). Она сосредоточена абсолютно в руках того, на кого с общего согласия положена забота о делах правления, а именно установление, истолкование и отмена права..., решение вопроса о войне и мире... Если эта обязанность лежит на собрании, составляющемся из всего народа, то форма верховной власти называется *демократией*, если на собрании, в которое входят только избранные, – *аристократией*, и, если... забота о делах правления и, следовательно, верховная власть возложена на одно лицо, – *монархией*...». – Цит. по: *Спиноза Б. Политический трактат // Спиноза Б. Об усовершенствовании разума: Сочинения.* – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. (Серия «Антология мысли»). – С. 498-499.

о каких-нибудь вещах сообразно с их собственным образом мыслей и соответственно не испытать того или иного аффекта...»⁵⁰.

Цель государства, по мнению оппозиционно настроенного в отношении господствовавшей в Нидерландах кальвинистской церкви мыслителя, состоит «... не в том, чтобы превращать людей из разумных существ в животных или автоматы, но, напротив, в том, чтобы их душа и тело отправляли свои функции, не подвергаясь опасности, а сами они пользовались свободным разумом, и чтобы они не соперничали друг с другом в ненависти, гневе или хитрости и не относились враждебно друг к другу. Следовательно, – обобщает цитируемый автор, – цель государства в действительности есть свобода. Далее, мы видим, что для образования государства необходимо было только одно, а именно: чтобы вся законодательная власть находилась у всех, или у нескольких, или у одного. Ибо так как свободное суждение людей весьма разнообразно и каждый в отдельности думает, что он все знает, и так как невозможно, чтобы все думали одинаково и говорили едиными устами, то они не могли бы жить мирно, если бы каждый не поступился правом действовать сообразно с решением только своей души. Таким образом, каждый поступился только правом действовать по собственному решению, а не правом рассуждать и судить о чем-либо; стало быть, и никто без нарушения права верховных властей не может действовать против их решения, но вполне может думать и судить, а, следовательно, и говорить, лишь бы просто только говорил или учил и защищал свою мысль только разумом, а не хитростью, гневом, ненавистью и без намерения ввести что-нибудь в государстве благодаря авторитету своего решения. Например, если кто показывает, что... закон противоречит здравому рассудку, и поэтому думает, что он должен быть отменен, если в то же время он свою мысль подвергает на обсуждение верховной власти (которой только и подобает постановлять и отменять законы) и ничего... не делает вопреки предписанию того закона, то он, конечно, оказывает услугу государству, как каждый доблестный гражданин, но если, напротив, он делает

⁵⁰ Цит. по: *Спиноза, Бенедикт*. Богословско-политический трактат // *Антология мировой политической мысли...* Т. I. – С. 349-350. Подробнее см.: *Коркунов Н.М.* История философии права... – С. 187-196.

это с целью обвинить в несправедливости начальство и сделать его ненавистным для толпы или мятежно старается вопреки воле начальства отменить тот закон, то он всецело возмутитель и бунтовщик. Итак, мы видим, каким образом каждый, не нарушая права и авторитета верховных властей..., может говорить [то] и учить тому, что он думает, именно: если он решение о всем, что должно сделать, предоставляет им же и ничего против их решения не предпринимает, хотя и должен часто поступать против того, что он считает хорошим и что он открыто доказывает. Это... он может делать, не нарушая справедливости...»⁵¹.

При исследовании взглядов Аристотеля на структурирование институтов публичной власти, мы поддержали вывод профессора Н.Н. Разумовича о том, что именно ему «... принадлежит первоначально та идея разделения властей, которая впоследствии получила свое наиболее полное развитие и разработку у Локка и Монтескье», в связи с чем, необходимо более емко и обстоятельно проанализировать работы указанных авторов, учитывая тот факт, что каждый из

⁵¹ См.: Спиноза, Бенедикт. Богословско-политический трактат // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 351-352. Говоря о правах и статусе верховной власти, указанный автор отмечает: «Наличие какой бы то ни было верховной власти (imperium) создает гражданское состояние, совокупное же тело верховной власти называется государством (civitas), а общие дела верховной власти, направляемые тем, в чьих руках верховная власть, именуется делами правления (res-publica). Затем люди, поскольку они по гражданскому праву пользуются всеми выгодами государства, называются гражданами, а поскольку они обязаны подчиняться установлениям, или законам, государства – подданными... Если государство уступает кому-либо право, а, следовательно, и власть – ибо в противном случае... все сведется к одним словам – жить по своему усмотрению, то тем самым оно отказывается от своего права и переносит его на того, кому дало такую власть. Если же оно дало такую власть двум или многим лицам, чтобы именно каждый жил по своему усмотрению, то тем самым оно разделило верховную власть, и если, наконец, оно дало эту власть каждому из граждан, то тем самым оно разрушило само себя и нет уже более государства, но все возвращается в естественное состояние... И отсюда следует, что нельзя никоим образом себе представить, чтобы каждому гражданину по установлению государства было дозволено жить по своему усмотрению (философ, вероятнее всего, очень бы удивился, узнав о тех процессах «либерализации», с которыми ассоциируется культ «общеевропейских ценностей», набирающий обороты в его стране. – Э.Е.), и, следовательно, то естественное право, что каждый является своим судьей, в гражданском состоянии необходимо сокращается. Я намеренно подчеркиваю: по установлению государства, ибо естественное право каждого... в гражданском состоянии не прекращается. Ведь человек как в естественном состоянии, так и в гражданском действует по законам своей природы и сообразуется со своей пользой... Тот, кто решил повиноваться всем приказам государства – потому ли, что боится его мощи, или потому, что ценит свое спокойствие, – тот, конечно, сообразуется по своему усмотрению со своей безопасностью и пользой... Мы не можем... также представить себе, чтобы каждому гражданину было дозволено толковать решения или законы государства. Ведь если бы это было дозволено каждому, то тем самым он стал бы своим собственным судьей, ибо никакого труда не стоило бы ему извинить или прикрасить свои поступки видимостью права, и, следовательно, он устроил бы свою жизнь по своему усмотрению, что... нелепо... Итак, мы видим, что каждый гражданин... подчинен праву государства, все приказы которого он обязан исполнять, и что он не имеет никакого права решать вопрос о справедливом, несправедливом, благочестивом или неблагочестивом. Но, наоборот, так как тело верховной власти должно быть руководимо как бы единым духом и, следовательно, волю государства следует считать волей всей, то решение государства относительно справедливого и доброго, каково бы оно ни было, должно быть признано решением каждого в отдельности. И поэтому гражданин обязан исполнять приказы государства, хотя бы он и считал их несправедливыми...». – Цит. по: Спиноза Б. Политический трактат... – С. 501, 502-503.

них внес неоценимый вклад в научно-теоретическое осмысление учения о государстве и праве, у истоков которого стояли античные предшественники.

Одним из идеологов английской буржуазной революции справедливо считается Джон Локк⁵², не только выступавший за конституционную монархию и разделение властей (противопоставляя идее Томаса Гоббса о политическом абсолютизме и неограниченном характере функций государственной власти концепцию парламентско-монархической формы правления), разработавший основные принципы британского либерализма, но и *признававший народ* не кем иным, как *сувереном*, имеющим право не поддерживать не оправдавшее доверие правительство, вплоть до полного ниспровержения: декларируя, что государство возникло в результате *договора*, к числу наиболее приоритетных обязанностей последнего были отнесены соблюдение «естественного права», защита личной свободы и частной собственности граждан.

Так, говоря о «*естественном состоянии*», в котором пребывают люди, бывший преподаватель риторики и греческого языка (именно поэтому он был хорошо знаком с наследием античного периода) Оксфордского университета писал в работе «Два трактата о правлении», ставшей по существу настольным «пособием» для вдохновителей и инициаторов европейских и американской революций конца XVIII века: «... Для правильного понимания политической власти и определения источника ее возникновения мы должны рассмотреть, в каком естественном состоянии находятся все люди, а это – *состояние полной свободы* в отношении их действий и в отношении распоряжения своим (перед нами практически декларация того, о чем примерно в это же время говорили Бенедикт Спиноза⁵³ и другие апологеты теории «естественного права». – Э.Е.)

⁵² См.: Локк, Джон. Два трактата о правлении // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 359-366.

⁵³ Как отмечает комментатор «Богословско-политического трактата» (высказывая точку зрения, традиционно характеризующую концепцию «естественного права», доминирующую до настоящего времени в некоторых англосаксонских государствах, в том числе в Соединенных Штатах), в исходных пунктах учения об обществе и государстве Бенедикт Спиноза «... разделяет идеи Нового времени о естественном праве и общественном договоре. Естественное право человека есть все то, что следует из человеческой природы, его «природной мощи». Это право у всех людей одинаково, руководствуются ли они разумом или живут по «законам желания». По этому праву люди поступают так, как считают полезным для себя, сообразуясь только со здравым смыслом относительно собственной выгоды и безопасности и полагаясь на меру своей силы. Однако люди, чтобы обеспечить себе гарантированную безопасность и лучшую жизнь, вступают между собой в договор, согласно которому их совместное, коллективное «тело» приобретает то же самое естественное право, что имеет и каждый

имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли... Это также *состояние равенства*, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, – никто не имеет больше другого. Нет ничего более очевидного, чем то, что существа одной... природы и вида, при своем рождении без различия получая одинаковые природные преимущества и используя одни и те же способности, должны также быть равными между собой без какого-либо подчинения или подавления, если только господь (последовательно выступая противником религиозного фанатизма, философ защищал религиозные свободы, призывая к веротерпимости, что нашло свое отражение в исследуемом трактате. – Э.Е.) и владыка их всех каким-либо явным проявлением своей воли не поставит одного над другим и не облечет его посредством явного и определенного назначения бесспорным правом на господство и верховную власть...»⁵⁴.

Подчеркивая, что основанием создания государства как разновидности политического сообщества выступает договор, Джон Локк, описывая процесс, во главу угла ставит все то же «естественное состояние»: «... Поскольку люди являются... по природе свободными, равными и независимыми, то никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного *согласия*. Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и *надевает на себя узы гражданского общества*, – это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в

из них, но с одним (на наш взгляд, достаточно существенным. – Э.Е.) исключением: эта коллективная «мощь и воля» руководствуется только «указаниями разума». Носителем коллективного разума становится публичная власть. Это ее прерогатива – определять, что полезно обществу, а значит и каждому его члену. Если благо народа – высший закон, к которому «должно быть приноровлено все человеческое и божественное», то знать и определять, в чем суть этого блага и какие пути к нему ведут – дело верховных властей...». Самой приемлемой формой правления философ рассматривает демократию – как «... наиболее соответствующую принципам свободы в обществе. Общественный договор будет прочным и демократическое правление устойчивым, если власть тоже осознает пределы своих прав». – Цит. по: *Спиноза Б. Об усовершенствовании разума. Комментарии...* – С. 854, 855.

⁵⁴ См.: *Локк, Джон. Два трактата о правлении // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 359.*

большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества. Это может сделать любое число людей, поскольку здесь нет ущерба для свободы остальных людей, которые, как и прежде, остаются в естественном состоянии свободы. Когда какое-либо число людей таким образом *согласилось создать сообщество* или государство⁵⁵, то они тем самым уже объединены и составляют *единый политический организм* («политическое тело» в лексике и научной фразеологии Томаса Гоббса. – Э.Е.), в котором *большинство* имеет право действовать и решать за остальных...»⁵⁶.

На каких же принципах должен функционировать «созданный» таким образом «единый политический организм» («сообщество или государство»)? По мнению одного из идеологов английской революции, «... когда какое-либо число людей создало с согласия каждого отдельного лица *сообщество*, то они тем самым сделали это *сообщество* единым организмом, обладающим правом выступать как единый организм, что может происходить только по воле и

⁵⁵ Полностью игнорируя гендерную проблему, Джон Локк не касается вопроса о предоставлении женщинам равного статуса с мужчинами, поэтому весьма показательной в этой связи выглядит точка зрения другого апологета теории естественных прав и общественного договора, Бенедикта Спинозы: «Кто-нибудь, пожалуй, спросит, стоят ли женщины под властью мужчин по природе или в силу положительного закона? Ведь если это так только в силу закона (лишь согласно «Акту о народном представительстве» 1918 года женщины, достигшие 30 лет, не ограниченные в гражданских правах, имеющие недвижимость или доход не менее пяти фунтов стерлингов, стали иметь право регистрироваться в качестве избирателя при выборах в Палату общин британского парламента; в Соединенных Штатах только благодаря XIX поправке, принятой в 1920 году, североамериканки получили возможность голосовать. – Э.Е.), то для нас нет, следовательно, никаких оснований устранять женщин от управления. Но если мы обратимся за поучением к опыту, то увидим, что такое положение вещей объясняется слабостью самих женщин. Ибо невиданное еще дело, чтобы мужчины и женщины правили вместе, но всюду на земле, где только есть мужчины и женщины, мужчины правят, а женщины находятся в подчинении, и, таким образом, оба пола живут в согласии... Ведь если бы женщины по природе были равны мужчинам (а как же тогда «естественные права», или ими обладали только мужчины, тогда все слова о равенстве и свободе несли бы исключительно демагогический характер?! – Э.Е.) и по силе души, и по силе ума, в которых главным образом заключается человеческая мощь, а, следовательно, и право, то, конечно, среди столь различных наций нашлись бы и такие, где оба пола управляли на равном основании, и другие, где мужчины управлялись бы женщинами и получали бы такое воспитание, что отставали бы от них в умственных качествах. Но так как этого нигде нет, то можно вполне утверждать, что женщины по природе не имеют одинакового с мужчинами права; они, напротив, с необходимостью уступают мужчинам и поэтому невозможно, чтобы оба пола управляли на равном основании, и еще менее, чтобы мужчины управлялись женщинами...». – Цит. по: *Спиноза Б. Политический трактат...* – С. 585-586.

⁵⁶ В этом случае необходимо отличать демократию и ее антипода – охлократию: «Скопление народа является неупорядоченной группой людей, законность или незаконность которой зависит от повода к скоплению и от числа собравшихся. Если повод законен и явен, скопление законно... Можно считать вполне законным для тысячи человек составить общую петицию, которая должна быть представлена судье или должностному лицу, однако если тысяча человек пойдет подавать ее, то это уже мятежное собрание, ибо для этой цели достаточно одного или двух человек. Однако в подобных случаях собрание делается незаконным вследствие не какого-нибудь установленного числа собравшихся, а вследствие такого их числа, которое представители власти не способны укротить или передать в руки правосудия...». – См.: *Гоббс, Томас. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Антология мировой политической мысли...* Т. I. – С. 330-331. Анализ работ подробнее см.: *Коркунов Н.М. История философии права...* – С. 169-174.

решению *большинства*. Ведь то, что приводит в действие какое-либо сообщество, есть лишь согласие составляющих его лиц (подчеркнем, что до реформы 1832 года *только 4, 4 процента мужского населения* Соединенного Королевства старше двадцати лет обладало избирательным правом, так как остальные были в нем поражены. – Э.Е.), а поскольку то, что является единым целым, должно двигаться в одном направлении, то необходимо, чтобы это целое двигалось туда, куда его влечет... сила, которую составляет *согласие большинства*: в противном случае оно не в состоянии выступать как единое целое или продолжать оставаться единым целым, *единым сообществом*, как на то согласились все объединенные в него отдельные лица..., таким образом, каждый благодаря этому согласию обязан подчиняться *большинству*. И вот почему мы видим, что в законодательных собраниях, облеченных властью силою положительных законов, в тех случаях, когда в положительном законе, который облек их властью, не указано число, *действие большинства* считается действием целого и, разумеется, определяет силу целого, которой по закону природы и разума оно обладает...»⁵⁷.

⁵⁷ См.: Локк, Джон. Два трактата о правлении // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 361. Как полагал Томас Гоббс, характеризуя процесс создания государства, основанного на общественном договоре, «это больше чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется *государством*, по-латыни – *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно) того смертного бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо благодаря полномочию, отданным ему каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек или собрание лиц пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов. В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство есть *единое лицо*, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты... Тот, кто является носителем этого лица, называется *сувереном*, и о нем говорят, что он обладает верховной властью, а всякий другой является *подданным*. Для достижения верховной власти имеется два пути. Один – это физическая сила... Второй – это добровольное соглашение людей подчиниться человеку или собранию людей в надежде, что этот человек или это собрание сумеют защитить их против всех других. Такое государство может быть названо политическим государством, или государством, основанным на *установлении*, а государство, основанное первым путем, – государством, основанным на *приобретении*...». – См.: Гоббс, Томас. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 321-322.

Из этого вытекает целый комплекс правовых последствий: «... каждый человек, согласившись вместе с другими составить единый политический организм, подвластный одному правительству, берет на себя перед каждым членом этого сообщества обязательство подчиняться решению *большинства* и считать его окончательным; в противном же случае этот *первоначальный договор*, посредством которого он вместе с другими вступил в одно общество, не будет что-либо значить и вообще не будет договором, если этот человек останется свободным и не будет иметь никаких иных уз, кроме тех, которые он имел, находясь в естественном состоянии. Ведь как тогда будет выглядеть любой договор? Какое это будет новое обязательство, если человек будет связан любыми постановлениями общества лишь постольку, поскольку он сам это считает удобным и дал на это согласие? Ведь тогда он будет все еще пользоваться такой же свободой, какой он пользовался до этого договора или какой пользуется человек, находящийся в естественном состоянии, который может побудить себя и согласиться на любые действия, если он считает их подходящими для себя...».

Акцентируя внимание на том, что «общественный договор» основан на решении, принятом человеком или группой лиц *добровольно*, цитируемый автор в качестве важнейшего «объекта» юрисдикции государства выделяет те сферы общественных отношений, с которыми – прямо либо опосредованно – связан институт частной собственности (фундамента того, с чем ассоциируется так называемый «базис», без которого, о чем наглядно свидетельствует опыт античных городов-государств, вообще *немыслимо развитие демократии*): «... Если человек в естественном состоянии... свободен..., если он абсолютный господин своей собственной личности и владений, равный самым великим людям и никому не подчиненный, то почему расстается он со своей свободой, почему... подчиняет себя власти и руководству какой-то другой силы? На это напрашивается самый очевидный ответ, что, хотя в естественном состоянии он обладает подобным правом, но все же пользование им весьма ненадежно и ему постоянно угрожает посягательство других... Поэтому-то великой и *главной*

целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности. А для этого в естественном состоянии не хватает многого...»⁵⁸.

Вполне естественно, что, рассуждая, с известной долей гипотетичности, о государстве как политико-правовом образовании дееспособных граждан (в противном случае совсем не абстрактным выглядел бы вопрос о легитимности последнего!?) и причинах, побуждающих их осознанно идти на ограничение собственной свободы, вытекающей из «естественного» характера тех прав, с которыми она ассоциируется, Джон Локк не мог – и как кабинетный ученый, и как прагматик – не высказать «личного» отношения к форме государственного устройства, тем самым, продемонстрировав или нет солидарность не только с идеями современников, но и со взглядами отдельных предшественников.

Как ни парадоксально, но *оригинальности и новизны в его обобщениях было не так много*, как хотелось бы, исходя из фундаментальности подходов к проблемам, являющимся объектом и предметом исследования: «Поскольку с момента объединения людей в общество большинство обладало... всей властью сообщества, то оно могло употреблять всю эту власть для создания время от времени законов для сообщества и для осуществления этих законов

⁵⁸ Цит. по: Локк, Джон. Два трактата о правлении // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 362. Так, говоря о том, какие уроки и для настоящего этапа, и для периода, именуемого «Новым временем», дает древнегреческая демократия: «1. Нельзя мечтать о возвращении прямой демократии, в современных (как и на стадии, предшествовавшей первым европейским буржуазным революциям. – Э.Е.) условиях возможна только демократия представительная). 2. Одно из важнейших условий устойчивости демократического строя – принцип разделения властей. 3. Можно выделить несколько основных факторов, которые необходимы в обществе для того, чтобы возник и существовал демократический строй: а. Отсутствие значительного имущественного расслоения или, в крайнем случае, наличие мощного слоя средних собственников. В государстве, расколотом на социальные слои, различающиеся очень большим неравенством, демократия невозможна. б. Рынок является непременным условием демократического государства. При существовании статус-дистрибутивной экономики демократия непредставима. в. Демократический строй возможен только в обществе с высокоразвитой экономикой, создающей достаточно большое количество прибавочного продукта. В обществе, где большая часть населения основную часть времени тратит на добывание хлеба насущного, демократия немыслима. г. Устойчивость демократической системы напрямую зависит от степени вовлеченности основной части гражданства в политическую жизнь...». – Подробнее см.: Античная демократия в свидетельствах современников... – С. 329-330.

Исходя из этих критериев, большое сомнение вызывает тот факт, являлась ли Англия середины XVII века (особенно период первоначального накопления капитала, который в деталях описан в 24 главе первого тома «Капитала» Карла Маркса) демократическим государством. Видимо поэтому, цитируемые британские авторы, часть из которых теоретически обосновали договорный характер создания государства, старались, применимо к своей стране, не использовать термин «демократия»? Кроме того, не совсем понятно, каким образом монархическая форма правления корреспондировала демократическому политическому режиму?

назначенными им должностными лицами; в этом случае *форма* правления будет представлять собой совершенную *демократию*; или же оно может передать законодательную власть в руки нескольких избранных лиц и их наследников или преемников, и тогда это будет *олигархия*; или же в руки одного лица, и тогда это будет *монархия*; если в руки его и его наследников, то это *наследственная монархия*; если же власть передана ему только пожизненно, а после его смерти право назначить преемника возвращается к большинству, то это *выборная монархия*. И в соответствии с этим сообщество может устанавливать сложные и смешанные формы правления в зависимости от того, что оно считает лучшим...»⁵⁹.

При этом тенденции были таковы, что «... если законодательная власть первоначально была передана большинством одному или нескольким лицам лишь пожизненно или на какое-то ограниченное время, а затем верховная власть... должна была вернуться к большинству, то, когда это происходило, сообщество могло снова передать ее в какие ему угодно руки и, таким образом, создать новую форму правления. Ибо *форма правления зависит от того, у кого находится* верховная власть, которая является *законодательной* (невозможно предположить, чтобы низшая власть предписывала высшей или чтобы кто бы то ни было, кроме верховной власти, издавал законы)⁶⁰; в соответствии с этим

⁵⁹ См.: Локк, Джон. Два трактата о правлении // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 365-366.

⁶⁰ Под «законодательной» властью, судя по всему, подразумевается орган, в том числе парламент или одна из его палат, наделенный *учредительными* прерогативами. Если обратиться к действовавшим на тот период правовым актам, то ситуация выглядела несколько иначе, чем представлялась философу. Например, один из разделов «Истинного закона свободной монархии» 1603 года, называвшийся «Прерогатива и парламент», декларировал следующее: «... Мы ежедневно видим, что в парламенте (какой не что иное, как главный суд короля и его вассалов) законы лишь испрашиваются подданными короля, но им только издаются по их предложению и по их совету. Действительно, король издает ежедневно статуты и ордонансы, подкрепляя их теми наказаниями, которые он считает подходящими, без какого-либо участия парламента или сословий; в то же время не во власти парламента издание какого-либо закона или статута без того, чтобы королевский скипетр не прикоснулся к нему, сообщая ему законную силу... И как представляется очевидным, что король является верховным властителем над всей страной, точно так же он является господином над всяким лицом, которое в ней обитает, имея право жизни и смерти над каждым из обитателей... И когда король усматривает, что закон является сомнительным или строгим, он может истолковать его или смягчить, чтобы не создалось положение, когда «полнейшая справедливость представлялась бы полнейшей несправедливостью» (*Summum jus est summa injuria*)... Ввиду этого общие законы, выработанные публично в парламенте, по известным королю соображениям, в силу его власти, могут быть смягчены и приостановлены по причинам ему только известным... Таким образом,... хороший король, хотя он и выше закона, будет подчиняться и сообразовывать свои действия с ним для преподнесения примера... подданным и в силу своей собственной свободной воли, но не в силу подчиненности закону или в силу связанности им...». – См.: Законодательство английской революции 1640 – 1660 гг. / Сост. Н.П. Дмитриевский. – М.-Л., 1946. – С. 7.

форма государства определяется тем, у кого находится законодательная власть...».

В особенной части по существу любого учебника по «Конституционному праву зарубежных стран» можно найти раздел, посвященный Соединенному Королевству, где акцентируется внимание на тот факт, что под традиционным для большинства демократических государств, в пределах которых действует система разделения властей, термином «законодательная власть» на родине современного парламентаризма понимается *совокупность трех* институтов: *нижней* (общин) и *верхней* (лордов) *палат*, что соответствует «классической» бикамеральной структуре, принятой как в федеративных, так в унитарных или региональных государствах, британский «эксклюзив» (распространившийся и на бывшие «заморские территории» – Канаду, Австралию и Новую Зеландию, получившие октроированный суверенитет) состоит в том, что равнозначным с ними элементом законодательной ветви власти является *монарх*⁶¹.

Что же имел в виду под «законодательной властью» Джон Локк? С его точки зрения, исходя из того принципа, что «основным орудием и средством», обеспечивающим стремление людей «мирно и безопасно пользоваться своей собственностью», служат законы, действующие в этом обществе, «*первым и основным положительным законом* всех государств является *установление законодательной власти*; точно так же *первым и основным естественным законом* (как видим, во главу угла и статуса, и публичных функций поставлено не что иное, как естественное право, представляющее собой фундамент всего механизма общественно-политических отношений. – Э.Е.), которому должна подчиняться сама законодательная власть, является *сохранение общества* и (в той мере, в какой это будет совпадать с общественным благом) каждого члена общества. Эта *законодательная власть* является не только *верховой властью* в государстве, но... священной и неизменной в руках тех, кому сообщество однажды ее доверило...».

⁶¹ См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран /По ред. В.В. Еремяна. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – С. 363.

При этом потомок провинциального нотариуса, в период гражданской войны командовавшего эскадром в парламентской армии, подчеркивает, что она *не должна* – несмотря на обстоятельства – *носить неограниченного характера*: «Хотя законодательная власть, независимо от того, сосредоточена ли она в руках одного человека или нескольких, осуществляется ли она непрерывно или только через определенные промежутки, хотя она и является *верховой властью* в каждом государстве, но все же:

Во-первых, она не является и, вероятно, не может являться абсолютно *деспотической* в отношении жизни и достояния народа... Эта власть в своих самых крайних пределах *ограничена общественным благом*. Она не имеет иной цели, кроме сохранения [общества], и, следовательно, никогда не может иметь права уничтожать, порабощать или умышленно разорять подданных. Обязательства закона природы не перестают существовать в обществе, но только во многих случаях они более четко выражены, и в соответствии с человеческими законами им сопутствуют известные наказания, для того чтобы принудить их соблюдать. Таким образом, закон природы выступает как вечное руководство для всех людей, для *законодателей* в такой же степени, как и для других... *Во-вторых*, законодательная, или высшая, власть не может брать на себя право повелевать посредством произвольных деспотических указов, наоборот, она *обязана отправлять правосудие* и определять права подданного посредством *провозглашенных постоянных законов* и известных *уполномоченных на то судей...*»⁶².

Другими словами, «абсолютная деспотическая власть, или управление без *установленных постоянных законов*, не может... соответствовать целям общества и правительства... Какой бы ни была форма государства (напомним, что данный автор некоторое время был вынужден жить в иммиграции, вне пределов Англии, куда вернулся лишь после «Славной революции» 1688 года, утвердившей знаменитый «Билль о правах» и круг прерогатив парламента,

⁶² Цит. по: Локк, Джон. Два трактата о правлении // Антология мировой правовой мысли... Т. III. – С. 90-91. С момента написания произведения прошло не менее 350 лет, однако принципиально ничего не изменилось.

которым он восхищался. – Э.Е.), правящая власть должна управлять с помощью *провозглашенных и установленных* законов, а не импровизированных приказов и неопределенных решений. Ибо человечество очутится в гораздо худшем положении, чем в естественном состоянии, если оно вооружит одного человека или немногих людей объединенной силой множества, для того чтобы принудить это множество людей повиноваться произволу непомерных и выходящих за рамки возможного требований, которые вдруг взбредут им на ум, или ничем не ограниченной и до этого момента неизвестной воле при отсутствии каких-либо установленных мерил, которые могли бы направлять действия властвующих и оправдывать их... *В-третьих, верховная власть не может лишить* какого-либо человека какой-либо части его *собственности* без... согласия. Ибо сохранение собственности является целью правительства, и именно ради этого люди вступают (добровольно заключают «общественный договор», создавая тем самым государство. – Э.Е.) в общество... *В-четвертых, законодательный орган не может передать право издавать законы* в чьи-либо другие руки. Ведь это право, доверенное народом, и те, кто им обладает, не могут передать его другим. Только народ может установить форму государства, делая это посредством законодательной власти...»⁶³.

В контексте проведенного сравнительно-правового анализа, нельзя не обратить внимание на следующий вывод, который по существу является не чем иным, как квинтэссенцией доктрины «отца-основателя» британского либерализма: «Под *государством* я все время подразумеваю не демократию или какую-либо иную форму правления, но *любое независимое сообщество* (any independent community), которое латиняне обозначали словом «*civitas*»⁶⁴; этому слову в нашем языке лучше всего соответствует слово «государство» (commonwealth), оно более точно выражает понятие, обозначающее такое общество людей, а английские слова «община» (community) или «город» (city)

⁶³ Цит. по: Локк, Джон. Два трактата о правлении // Антология мировой правовой мысли... Т. III. – С. 91, 92.

⁶⁴ Напомним, что Цицерон под дефиницией «*civitas*» подразумевал гражданскую общину «... как множество людей, связанных согласием», общим достоянием которой является государство (скорее, город-государство).

его не выражают, ибо в государстве могут быть неподчиненные общины, а слово «город» у нас имеет совершенное иное значение, чем «государство»⁶⁵.

Если Джон Локк с полным основанием может рассматриваться одним из идейных вдохновителей английской буржуазной революции, то Шарль Луи Монтескье, без сомнения, французской. Несмотря на свою принадлежность к привилегированному дворянскому сословию (один из его родственников в Бордо занимал наследственную должность президента парламента, которая с течением времени перешла непосредственно к нему), он являлся не только ярким апологетом республиканской формы правления парламентского типа и системы разделения властей, но и последовательным критиком абсолютизма. Отказавшись от официальных государственных постов, Шарль Луи Монтескье начинает профессионально заниматься наукой (помимо всего прочего, он был избран членом академии в Бордо), в итоге разработав концепцию, известную как «*географическая школа*», в рамках которой, в противовес теологической интерпретации исторического процесса, актуализировался взгляд на генезис государства, где доминантой выступали не социально-экономические и иные аналогичные условия, а размер территории, климат, состояние почвы, другие географические причины и факторы окружающей среды⁶⁶.

Все это в большей или меньшей степени нашло отражение в его работе «О духе законов», рефреном которой, что вытекает уже из названия, проходит тезис, во многом идеализирующий юридический акт, способный, по мнению французского просветителя, полностью или кардинальным образом изменить ход истории: «Есть три образа правления: *республиканский, монархический и*

⁶⁵ Цит. по: Локк, Джон. Два трактата о правлении // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 366.

⁶⁶ Примечательно, что *географические ограничения* и другие факторы окружающей среды по-прежнему воспринимаются рядом исследователей как одна из важнейших причин появления государства: «Антрополог Роберт Карнейро отметил, – пишет североамериканский ученый Фрэнсис Фукуяма, – что, хотя война может быть универсальным и необходимым условием для формирования государства, ее одной недостаточно. Он утверждает, что появление иерархических государств можно объяснить лишь ситуацией, когда рост производительности имеет место в пределах ограниченной географической области, типа речной долины, или же когда другие враждебные племена фактически ограничивают территорию племени. В ситуации низкой плотности населения более слабые племена или люди могут просто убежать. Но в таких местах, как Нильская долина, ограниченная пустынями и морем, или в горных долинах Перу, окруженных пустынями, джунглями и высокими горами, этого выбора не существовало. Ограничение также объясняет, почему более высокая производительность привела к большей плотности населения – у людей просто не было возможности для смены места жительства...». – Цит. по: Фукуяма, Фрэнсис. Государственный порядок... – С. 123-124.

деспотический. Чтобы обнаружить их природу, достаточно... представлений, которые имеют о них даже наименее осведомленные люди. Я предполагаю три определения или, вернее, три факта: «республиканское правление – это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа, или части его (в чем же новизна? – Э.Е.); монархическое, – при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица». Вот что я называю природой правления...»⁶⁷.

Рассуждая о *республиканской* форме правления и базовых принципах, на которых она должна строиться, Шарль Луи Монтескье дифференцирует ее, исходя из ряда критериев, известных еще из произведений античных авторов, получивших дальнейшее развитие в трактатах европейских мыслителей более позднего времени: «Если в республике верховная власть принадлежит всему народу (мы вновь видим абстрактный термин без какой-либо конкретизации по признаку пола, что проявило себя и в первых учредительных актах. – Э.Е.), то это демократия. Если верховная власть находится в руках части народа, то такое правление называется аристократией. В демократии народ в некоторых отношениях является государем, а в некоторых отношениях – подданным⁶⁸... Государем он является только в силу голосований, коими он изъявляет свою волю. Воля государя есть сам государь. Поэтому законы, определяющие право голосования, являются основными для этого вида правления. В самом деле, для республики столь же важно определить, как, кем, пред кем и о чем будут производиться голосования, как для монархии – знать, кто государь и как он должен управлять... Существенно важно определить число граждан, из коих

⁶⁷ См: Монтескье, Шарль Луи. О духе законов // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 375.

⁶⁸ Джон Локк рассматривал это следующим образом: «Хотя в конституционном государстве, опирающемся на свой собственный базис и действующем в соответствии со своей собственной природой, то есть действующем ради сохранения сообщества, может быть всего одна *верховная власть*, а именно *законодательная*, которой все остальные подчиняются, и должны подчиняться, все же законодательная власть представляет собой лишь доверенную власть, которая должна действовать ради определенных целей, и поэтому по-прежнему остается у народа *верховная власть* устранять или заменять законодательный орган, когда народ видит, *законодательная власть* действует вопреки оказанному ей доверию... И таким образом, *сообщество* постоянно *сохраняет верховную власть* для спасения себя от покушений и замыслов кого угодно, даже своих законодателей, когда они окажутся настолько глупыми..., чтобы создавать и осуществлять заговоры против свободы». – См.: Локк, Джон. Два трактата о правлении // Антология мировой правовой мысли... Т. III. – С. 93.

состоит народное собрание, ибо без этого во многих случаях было бы неизвестно, высказался весь народ в целом или только часть его... Народ, обладающий верховной властью, должен делать сам все, что он в состоянии хорошо выполнить, а то, чего он не может выполнить, он должен делать через посредство... уполномоченных. Но эти уполномоченные не будут таковыми, если они не назначены самим народом; поэтому основной принцип этого вида правления состоит в том, что народ сам избирает... уполномоченных, то есть должностных лиц государства... Итак, *разделение на классы населения, имеющего право голоса, составляет основной закон республики*. Другим основным ее законом является способ подачи голосов. Назначение по жребию свойственно демократии; назначение по выборам – аристократии... К основным законам демократии принадлежит и тот, в силу которого власть издавать законы должна принадлежать только народу. Однако есть тысячи случаев, когда бывают необходимыми постановления сената; часто полезно даже испробовать закон, прежде чем установить его...»⁶⁹.

Не оставил теоретик и правовед без внимания и *аристократию*, так как прекрасно понимал и осознавал ту реальную роль, которую в иерархически структурированном европейском обществе традиционно играло «сословие в сословии» (рассматривая аристократию – и светскую, и конфессиональную – составной частью дворянства): «... В аристократии верховная власть находится в руках группы лиц. Эти лица издают законы и заставляют исполнять их; остальной народ является по отношению к ним тем же, чем в монархии по отношению к государю. Выбор по жребию не должен иметь места (подобный механизм, согласно главе III книги первой «О духе законов», применяется при демократии. – Э.Е.); он проявил бы здесь только свои дурные стороны... Если число знатных очень велико, то является необходимость в сенате (по всей видимости, примером для подражания выступала Палата лордов английского парламента?! – Э.Е.) для решения дел, которые знать не в состоянии решать сама,

⁶⁹ Цит. по: *Монтескье, Шарль Луи. О духе законов // Антология мировой правовой мысли... Т. III. – С. 110-111.*

и для подготовки тех дел, которые подлежат ее решению. В этом случае можно сказать, – делает весьма противоречивый вывод цитируемый автор, – что сенат представляет собой аристократию, знать – демократию, а народ – ничто... Сенаторы не должны иметь права замещать по собственному выбору вакантные места в сенате (в оригинальной лексике процесс должен включать в себя «назначение по выборам», о чем речь идет в главе II книги второй. – Э.Е.): это повело бы к большим злоупотреблениям... Чрезмерная власть, внезапно предоставленная в республике гражданину, образует монархию и даже больше, чем монархию⁷⁰. В монархии законы охраняют государственное устройство или приспособляются к нему, так что тут принцип правления сдерживает государя; в республике... гражданин, завладевший чрезвычайной властью, имеет гораздо больше возможностей злоупотреблять ею, так как тут он не встречает... противодействия со стороны законов, не предусмотревших этого обстоятельства...»⁷¹.

Дворянские ассоциации о чести и достоинстве находят соответствующее преломление в характеристике *деспотических* государств: «...Сверх того, так как честь имеет свои законы и правила, от соблюдения которых она не может уклониться, так как она зависит от своих собственных прихотей, а не от чужих, то по всему... она может иметь место лишь в государствах с определенным устройством и твердыми законами... Может ли деспот потерпеть ее в своем государстве? Она полагает свою славу в презрении к жизни (видимо, поэтому на

⁷⁰ Цит. по: *Монтескье, Шарль Луи. О духе законов // Антология мировой правовой мысли... Т. III. – С. 111.*

⁷¹ Относительно монархической власти, французский мыслитель не испытывает никаких иллюзий: «Власти, посредствующие и зависимые, образуют природу монархического правления, то есть такого, где правит одно лицо посредством основных законов. Я сказал посредствующие, подчиненные и зависимые потому, что в монархии источником всякой политической и гражданской власти является сам государь. Эти основные законы необходимо предполагают существование посредствующих каналов, по которым движется власть, так если в государстве нет ничего, кроме изменчивой и капризной воли одного, то в нем ничего не может быть устойчивого, а, следовательно, не может быть и никакого основного закона. Самая естественная из этих посредствующих и подчиненных властей есть власть дворянства. Она некоторым образом содержится в самой сущности монархии, основное правило которой: «нет монарха, нет и дворянства, нет дворянства, нет и монарха». В монархии, где нет дворянства, монарх становится деспотом... Недостаточно, чтобы в монархии были посредующие власти; она еще нуждается в учреждении, охраняющем законы. Таким учреждением могут быть лишь политические коллегии, которые обнародуют вновь изданные законы и напоминают о существующих, когда о них забывают. Свойственное знати невежество, ее невнимательность и презрение к гражданской власти вызывают необходимость в учреждении, которое постоянно извлекало бы законы из тьмы забвения, в которой они были бы погребены...». – Цит. по: *Монтескье, Шарль Луи. О духе законов // Антология мировой правовой мысли... Т. III. – С. 111-112.*

сакраментальную реплику короля «государство это я», произнесенную на заседании Генеральных штатов, по существу, никто из «привилегированных» сословий не отреагировал подобающим образом!? – Э.Е.). Как она сама могла бы стерпеть деспота? У нее есть неуклонные правила и неприкосновенные прихоти, а деспот не имеет никаких правил и не признает никаких прихотей, кроме своих собственных. Честь, неведомая в деспотических государствах, где часто нет даже и слова для ее обозначения, господствует в монархиях; там она вносит жизнь во все: в политический организм, в законы и... в добродетели».

Более того, социальное происхождение накладывает свой «отпечаток» и на те критерии, при помощи которых Шарль Луи Монтескье идентифицирует «конкретную» форму правления, абстрагируясь от практического опыта и тех идей, что господствовали в европейском общественном и корпоративном сознании в преддверие будущих преобразований: «Как для республики нужна *добродетель*, а для монархии *честь*, так для деспотического правительства нужен *страх*. В добродетели оно не нуждается, а честь была бы для него опасна. Безграничная власть государя переходит здесь целиком к тем, кому он ее поручает (интересно, как воспринимал бы «предтеча» грядущего слома абсолютизма наделение «безграничной властью» представителей суверена, если бы он мог вообразить, какими методами и средствами будет бороться с католицизмом Оливер Кромвель, сначала утопив в крови Ирландию, а затем инициировав работорговлю «белым товаром», при том, что в своем учении он отводил религии важное место в управлении государством? – Э.Е.). Люди с большим самоуважением могли бы затевать в таком государстве революции, поэтому надо задавить страхом всякое мужество в людях и погасить в них малейшую искру честолюбия... Правительство... может... без опасности для себя ослабить бразды правления: оно держится собственной силою и силою законов. Но если в деспотическом государстве государь хотя бы на мгновение опустит угрожающую руку, если он не может без замедления уничтожать лиц,

занимающих первые места в государстве, то все пропало, так как страх – единственное движущее начало этого образа правления – исчез...»⁷².

Говоря о специфике публичных механизмов, присущих тому или иному государству, ученый, работы которого нередко цитировали как жирондисты, так и многие из якобинцев, декларирует: «В умеренной монархии верховная власть ограничивается тем, что составляет ее движущее начало, я хочу сказать – честью, которая, как монарх, господствует там над государем и народом. Там ссылаются не на требования религии – придворный счел бы это смешным, – а на правила чести (а на что, в свою очередь, опирается она, неужели на правила этикета? – Э.Е.). Отсюда происходят необходимые видоизменения в характере повиновения: понятию чести свойственны различные причуды (не имеющие никакого отношения к закону, который не всегда оправданно идеализирует французский просветитель. – Э.Е.), и все они отражаются на повиновении. Но хотя в этих двух видах правления характер повиновения неодинаков, тем не менее у них одна и та же верховная власть. Куда бы ни обратил свой взор государь, он всюду заставляет чашу весов склониться на свою сторону и ему повинуются. Все же различие тут в том, что в монархиях государи – люди более просвещенные и министры их... искуснее и опытнее в делах правления, чем в деспотическом государстве...»⁷³.

Исходя из этого, следует обратить внимание на то, как интерпретируется понятие «свободы» в контексте конкретного государственного устройства: «в демократиях народ, по-видимому, делает что хочет. Но политическая свобода состоит совсем не в том, чтобы делать то, что хочется. В государстве, то есть в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть, и не быть принудительным делать то, чего не должно делать. Необходимо уяснить..., что такое свобода и что такое независимость. Свобода есть право делать все, что дозволено (*inter vires*. – Э.Е.) законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается

⁷² См.: *Монтескье, Шарль Луи. О духе законов* // *Антология мировой политической мысли...* Т. I. – С. 375-376.

⁷³ Цит. по: *Монтескье, Шарль Луи. О духе законов* // *Антология мировой политической мысли...* Т. I. – С. 376.

(*ultra vires.* – Э.Е.), то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать, и прочие граждане... Демократия и аристократия не являются государствами, свободными по самой своей природе. Политическая свобода имеет место лишь при умеренных правлениях. Однако она не всегда встречается и в умеренных государствах; она бывает в них лишь тогда, когда там не злоупотребляют властью. Но известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею... Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга...»⁷⁴.

К каким же выводам и обобщениям⁷⁵ приходит Шарль Луи Монтескье в результате сравнительного анализа? Философ и правовед констатирует, что высказанные им предположения совершенно не свидетельствуют о том, «что в такой-то республике люди добродетельны, но это значит, что они должны быть таковыми»⁷⁶. Из этого не следует также, что в таком-то монархическом государстве господствует честь, а в таком-то деспотическом – страх; из этого следует лишь, что так должно быть (иными словами, кабинетная концепция и действительность не всегда корреспондируют друг другу. – Э.Е.), ибо иначе эти государства не будут совершенными...»⁷⁷.

⁷⁴ См.: Монтескье, Шарль Луи. О духе законов // Антология мировой правовой мысли... Т. III. – С. 115-116. И так, как следует из цитаты, ни демократия, ни аристократия *не рассматриваются* государствами, фундаментом которых является свобода и равенство, рефреном проходящие сквозь весь властно-политический механизм.

⁷⁵ Одной из наиболее важных из них является следующая авторская мысль: «Разложение каждого правления почти всегда начинается с разложения принципов». – См.: Монтескье, Шарль Луи. О духе законов // Антология мировой правовой мысли... Т. III. – С. 115. Что и наблюдается сейчас практически повсеместно.

⁷⁶ Проводя известные параллели между принципами демократии и аристократии, ученый подчеркивает: «... Для того, чтобы охранять и поддерживать монархическое или деспотическое правительство, не требуется большой честности. Все определяет и сдерживает сила законов в монархии и вечно поднятая длань государя в деспотическом государстве. Но народное государство нуждается в добавочном двигателе; этот двигатель – добродетель... Добродетель, составляющая условие народного образа правления, нужна также и для аристократического. Правда, в последнем она не столь настоятельно необходима. Народ, который по отношению к знати является тем же, чем подданные по отношению к своему государству, сдерживается ее законами. Поэтому добродетель менее необходима для него, чем для народа демократического государства. Но что же будет сдерживать самую власть? Те ее представители, которым придется применять законы против равных себе, сразу же почувствуют, что они действуют против самих себя... Такое сословие может обуздать себя двумя способами: или при посредстве великой добродетели, которая в некоторых отношениях как бы уравнивает знать с народом, что может послужить основой великой республики; или посредством меньшей добродетели, которая заключается в некоторой умеренности и по крайней мере уравнивает знать в ее среде, что и составляет охраняющую силу... Умеренность есть поэтому душа этих правлений...». – Цит. по: Монтескье, Шарль Луи. О духе законов // Антология мировой правовой мысли... Т. III. – С. 113.

⁷⁷ См.: Монтескье, Шарль Луи. О духе законов // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 377.

Не менее фундаментальным представляется тезис (корнями уходящий в классическое учение Аристотеля *о разделении властей*), согласно которому «... в каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная, ведающая вопросами международного права, и власть исполнительная, ведающая вопросами права гражданского. В силу первой власти государь или учреждение создает законы, временные или постоянные, и исправляет или отменяет существующие законы. В силу второй власти он объявляет войну или заключает мир, посылает или принимает послов, обеспечивает безопасность, предотвращает нашествия. В силу третьей власти он карает преступления и разрешает столкновения частных лиц. Последнюю власть можно назвать *судебной*, а вторую – просто *исполнительной* властью государства...»⁷⁸.

По мнению идейного вдохновителя будущей французской революции, *принцип разделения властей* выражается в следующем: «... Для гражданина политическая свобода есть душевное спокойствие, основанное на убеждении в своей безопасности. Чтобы обладать этой свободой, необходимо такое правление, при котором один гражданин может не бояться другого... Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их. Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем (что вполне допустимо, о чем свидетельствует англосаксонская практика прецедента, которая до сих пор

⁷⁸ Цит. по: *Монтескье, Шарль Луи. О духе законов* // Антология мировой правовой мысли... Т. III. – С. 116. Мы уже говорили о том, что у учения Аристотеля были два знаменитых последователя, ставшие идеологами английской и французской революций. Так, рассуждая о таких видах публичной власти, как *законодательная, исполнительная и федеративная*, Джон Локк констатировал: «так как законы, которые создаются один раз и в короткий срок, обладают постоянной и устойчивой силой и нуждаются в непрерывном исполнении или наблюдении за этим исполнением, то необходимо, чтобы все время существовала власть, которая следила бы за исполнением тех законов, которые созданы и остаются в силе. И таким образом, законодательную и исполнительную власть часто надо разделять...». – См.: *Локк, Джон. Два трактата о правлении* // Антология мировой правовой мысли... Т. III. – С. 93.

демонстрирует, каким образом судья эволюционирует в «творца закона». – Э.Е.). Если судебная власть соединена с исполнительной властью, то судья получает возможность стать угнетателем. Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, из дворян или простых людей, были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц...»⁷⁹.

Итак, как мы видим, крупнейшие представители западноевропейской политико-юридической доктрины могут быть с полным основанием названы *наследниками* тех, с кем традиционно ассоциируется учение о государстве и праве античного периода, в свою очередь, передавшие «эстафетную палочку» той части просвещенной элиты континента и североамериканских «заморских территорий», с которой *будет связан постепенный переход* от «кабинетной» теории к революционной практике. О произведении какого бы автора в итоге ни вставал вопрос, речь – в большей либо меньшей степени – идет об идеях и публичных институтах, *преемственность* которых с классическим наследием греческих и римских мыслителей не вызывает сомнений. Сказанное с полным основанием может быть отнесено к тому, что со временем конституировалось в *либеральную модель демократии*, которую либо невозможно, либо весьма проблематично представить без юридической актуализации и последующей абсолютизации таких фундаментальных, системообразующих категорий, как «свобода», «верховенство закона», «разделение властей».

Несмотря на определенную *терминологическую вариативность*, как в случае с дефинициями «олигархия» (античных источников) и «аристократия» (в лексике предреволюционной эпохи), олицетворявшими собой «правление меньшинства» или «части народа», с институциональной точки зрения каких-либо принципиальных отличий эта форма государственного устройства, если не персонифицировать социальный состав «элементов», не обнаруживает. На этом

⁷⁹ Цит. по: *Монтескье, Шарль Луи. О духе законов // Антология мировой правовой мысли... Т. III. – С. 116-117.*

фоне, как ни парадоксально, «демократия», важнейшими признаками которой, согласно концепции Аристотеля, являются свобода и равенство («... ни неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ... верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны...»), не всегда интерпретируется в контексте республиканской формы правления, то есть монархия также может обладать специфическими чертами, присущими демократии, причем подобный подход был характерен не только для *англосаксонской*, но и для *романо-германской научной парадигмы*. Более того, при внешней идентичности между взглядами на демократию античных авторов и точкой зрения их последователей нельзя не признать, что их многое как объединяло, так и дифференцировало, поэтому о народовластии, как оно понималось в древнегреческих городах-государствах полисного типа и в Риме республиканского периода («все граждане, являющиеся бесспорно таковыми по своему происхождению, имеют право на занятие должностей, властвуют же законы...»), применимо, в частности, к Англии, Нидерландам или Франции последней трети XVII – первой половины XVIII века, рассуждать по целому ряду причин *не совсем корректно*, если вообще целесообразно.

Примечательно, что на отмеченное обстоятельство обращают внимание современные исследователи процессов конституционно-правового развития, одновременно с этим учитывая достаточно *принципиальную особенность*: в качестве «исторического примера», которому преимущественно – нередко до отдельных элементов – стремились подражать, рассматривалась не античная Греция с ее городами-государствами, а Рим республиканского периода, что не могло ни отразиться на форме правления. Так, справедливо подчеркивая, что конец XVIII века в странах, традиционно ассоциируемых с евро-атлантической цивилизацией, называется «эпохой демократической революции», Гордон С. Вуд пишет: «... возможно, лучше было бы назвать ее «эпохой республиканской революции». Именно республиканизм и республиканские принципы, а не

демократия покончили с древними монархиями. Это был удивительный момент в истории Запада, и мы все еще живем под его воздействием...»⁸⁰.

Исходя из того факта, что в преддверии буржуазных преобразований в Европе «... для большинства людей монархия все еще была стандартом, и, как показывают события уже в наше время, всегда можно было что-нибудь сказать в пользу того, чтобы большие и многообразные страны управлялись сверху единым органом власти...», один из крупнейших специалистов по истории североамериканской революции, задавался далеко не риторическим вопросом: «Но раз большинство народов... уживались с королями в течение всей... письменной истории, зачем в конце XVIII века понадобилось внезапно свергнуть этих королей в ходе республиканских революций?.. Если изменения были неизбежны, почему в качестве альтернативы «старым порядкам» был избран республиканизм? Ведь можно было бы испробовать политические и конституционные перемены, не доходящие до создания республики. Можно было изменить порядок наследования и возвести на престол новых королей. В конце концов, англичане во время своей «Славной революции» 1688 – 1689 годов и при конституционном устройении (напомним, что в 1701 году в Англии был принят так называемый «Акт об устройении (Акт о будущем ограничении и о лучшем обеспечении прав и свобод подданных)», в котором, помимо всего прочего, парламентом санкционировались такие механизмы, как *импичмент* и *контрасигнатура*, усилившие контроль за монархом и его функциями со стороны «избранников народа»⁸¹. – Э.Е.) 1714 года не упразднили монархию; они лишь определили новых наследников престола и установили несколько новых ограничений для своих королей. Кроме того, в XVII веке англичане уже пытались провести короткий эксперимент с республиканским правлением, и он закончился бедствиями и диктатурой (речь идет о протекторе Кромвеле и

⁸⁰ См.: Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США /Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2016. – С. 76. На наш взгляд, авторский вывод полностью соответствовал действительности.

⁸¹ См.: Акт об устранении (Акт о будущем ограничении и о лучшем обеспечении прав и свобод подданных) 12 июня 1701 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) /Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 29-30.

времени его правления, одним из ярких примеров которого можно считать статут от 13 декабря 1653 года, вошедший в историю англосаксонского права под наименованием «Орудие управления» (Форма правления государствами Англия, Шотландия и Ирландия и владениями, им принадлежащими)⁸². – Э.Е.). Зачем повторять его еще раз? Крохотные самопровозглашенные республики, существовавшие в Европе в XVIII веке, – швейцарские кантоны, итальянские города-государства, голландские провинции – находились на разных стадиях неустроенности и упадка и едва ли могли стать образцом для крупных и многонаселенных стран Западного мира...»⁸³.

Игнорируя положительный опыт государств *республиканского* типа (а ведь речь идет не просто об «итальянских городах-государствах», а о Сиене, Милане, Флоренции и Венеции, реальный вклад которых в демократизацию средневековых институтов трудно переоценить, или «швейцарских кантонах», где важнейшее место было отведено непосредственным формам демократии и децентрализации управления), лауреат Пулитцеровской премии по истории, судя по всему, так и не смог понять, «для чего какому-то государству – будь то протяженные провинции Британской Северной Америки или тот конгломерат, каким являлся «старый порядок» во Франции, – подражать им?...».

Как мы видим, достаточно оригинальная трактовка причин, с которыми был связан процесс перехода к новой стадии государственного строительства, где в качестве приоритетной формы правления рассматривалась республика (и республиканизм в целом). Дифференцируя практический опыт построения образований территориально-политического характера, хорошо известный из классических произведений античных мыслителей, автор, пытаясь объяснить, почему в качестве «примера для подражания» был выбран именно Рим, а не греческие полисы, приводит следующие аргументы, не лишенные частичного субъективизма (справедливости ради нельзя не подчеркнуть, что он был в той

⁸² См.: Форма правления государствами Англия, Шотландия и Ирландия и владениями, им принадлежащими («Орудие управления») 13 декабря 1653 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 17-19.

⁸³ Цит. по: Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США... – С. 76-77.

либо иной степени свойственен не только большинству «отцов-основателей» Соединенных Штатов, но и просвещенному населению североамериканских колоний, процент которого был не очень значительным): «... Однако посреди этой монархической культуры существовала одна республиканская модель, которая представлялась достойной подражания, – республика, достигшая в своей славе и известности всего, о чем любой народ мог только мечтать. Этой республикой был Древний Рим. Несмотря на то, что людям XVIII века были известны все древние республики – Афины, Спарта, Фивы – (как сказал один американец, их названия стали «банальными от повторения»)⁸⁴, самым знаменитым был Рим. Люди не могли наслушаться разговоров о нем... Если республиканские революции... имели какую-либо культурную первопричину, то этой первопричиной были Древний, – республиканский – Рим и те ценности, которые проистекали из его истории. Именно население Древнего Рима помогло сделать возможным происшедший в конце XVIII века, на первый взгляд, внезапный переход к республиканизму...»⁸⁵.

Не лишены, если не воспринимать их излишне категорично, основания параллели между всплеском общественного интереса к античному прошлому и ростом читающих групп городского населения, обусловленным процессом поэтапного перехода западноевропейского общества к качественно иной, по сравнению с эпохой институционально деградирующего феодализма, стадии социально-экономического и политического развития: «Быть просвещенным значило проявлять интерес к античности, интересоваться же античностью означало интересоваться республиканизмом (заметим, что о демократии *речь не идет в принципе!*? – Э.Е.). Конечно, классическая античность могла также предложить значимые послания в поддержку монархии (вполне достаточно было обратиться к имперскому периоду и практике управления того времени. – Э.Е.),

⁸⁴ Как констатирует профессор Н.Н. Яковлев во вступительной статье к «The Federalist», «... имитация опыта античных демократий стоявшими у истоков государственного строительства в Америке очевидна, как бесспорно и то, что по сей день эта проблема далеко не изучена, хотя призывов к этому в общине ученых страны более чем достаточно». – Цит. по: Яковлев Н.Н. Послание в будущее //Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: Пер. с англ. /Под общ. ред., с предисл. Н.Н. Яковлева, коммент. О.Л. Степановой. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – С. 12.

⁸⁵ Цит. по: Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США... – С. 77-78.

но, несомненно, основной акцент на том, что древний мир, особенно Рим, высказал XVIII столетию, был подспудно, а временами демонстративно, республиканским... Если задача Просвещения состояла в том, чтобы выявить причины процветания общества и человеческого счастья, то важно было узнать, чем объясняется власть республиканского Рима и что в конечном счете привело его к упадку и гибели. Поэтому взгляд французских и американских революционеров на античное прошлое был весьма выборочным, причем внимание фокусировалось на моральных и социальных основах политики, а также на социальном вырождении и разложении. Поскольку в XVIII веке верили, что «подобные причины будут всегда действовать как следствия в политическом, моральном и физическом мире», – полагает цитируемый автор, говоря о предпосылках взглядов соответствующих общественных групп, – то история античности неизбежно стала чем-то вроде лаборатории, где мертвые тела республик, особенно Рима, подвергались вскрытию, в результате чего создавалась наука о политическом здоровье и нездоровье – «политическая патология», по словам одного американца, – имевшая сходство с реальной медициной... Конечно, французы и англичане поддерживали... классические республиканские ценности с различной степенью активности (что нашло свое отражение на страницах тех или иных произведений, многие из которых были весьма критически проанализированы нами ранее по тексту. – Э.Е.), а термин «республиканец» оставался уничижительным, и его можно было навесить на оппонента, чтобы подорвать к нему доверие, а то и заронить сомнение в его лояльности короне. Тем не менее степень республиканизации мышления образованных французов и англичан по обе стороны Атлантики на словах, а то и на деле была удивительной...»⁸⁶.

⁸⁶ Цит. по: Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США... – С. 78, 81. Итак, древнеримская практика республиканского периода – это не просто «пример для подражания», а возможность, предельно лояльно исследовав чужой опыт, постараться создать что-то «свое», «эксклюзивное», при этом, желательно, не повторив ошибок предшественников. Однако парадокс состоял в том, что, реализуя проект, основанный на практике, сложившейся в строго определенных исторических, социально-экономических и политических условиях, реформаторы – на фоне «деклараций» о правах и свободах человека и гражданина – предпочли держать широкие слои населения на строго определенной дистанции от государственной власти, что нашло отражение не только в косвенной форме участия дееспособных граждан в выборах (не непосредственно, а через «коллегии

Восхищаясь доктринальными концепциями преобразования общества и феодальной политико-правовой системы, существенно тормозившей процесс государственного строительства, в то же время современный компаративист не должен игнорировать *абстрактного* характера многого из того, о чем идет речь в строго определенном трактате, содержание которого не всегда и не во всем учитывало *тенденции, закономерности и национальные особенности* исторического развития, стремясь в той либо иной степени выдать желаемое за действительность. К чему это, в конце концов, приводит можно судить не только по «эксцессам» революционного правосудия, но и по учредительным документам или аналогичным актам высшей юридической силы, принятым по итогам беспрецедентных по последствиям социальных конфликтов⁸⁷.

Принципиально иначе обстояли дела в ситуациях, когда определенная теория, внешне обладая налетом «академичности», в первую очередь носила *прикладной* характер, и во многом была обусловлена «требованиями дня», как, например, в случае с политическим эссе «Федералист», публиковавшимся в нескольких газетах Нью-Йорка незадолго до ратификации в штате, принятой в начале осени 1787 года на Конституционном конвенте, общенациональной конституции (без первых десяти поправок, известных как «Билль о правах»). Скрывавшиеся под псевдонимами авторы, проявив исключительно широкую эрудицию и отличное знание не только идей о государстве и праве большого круга античных и средневековых мыслителей, но и практику их воплощения, предлагали – с учетом местных особенностей – применить все это в реальных условиях той части территории Северной Америки, которая до получения ею

выборщиков» и аналогичные механизмы), но и в актуализации различных (имущественных, гендерных, расовых, этнических и пр.) цензов, успешно действовавших в течение нескольких столетий.

⁸⁷ Как отмечает в послесловии к знаменитой книге английского историка и публициста конца XIX века Томаса Карлейля «*The French Revolution. A History*» профессор В.Г. Сироткин, «с высоты сегодняшнего дня... хорошо видна трагедия «великих революционеров буржуазии». Искренне желая народу добра, не присвоив, как Робеспьер, ни полущки народных денег, они были в то же время доктринерами, исходили не из реальных, а из абстрактных идеалов добродетели, гуманизма, свободы, равенства и братства. Они не видели и не создали реальных рычагов народовластия, которое провозглашали на словах, так и не ввели в жизнь самую демократическую для XVIII века конституцию 1793 года. Фактически Робеспьер и его группа вернулись к принципу «просвещенного абсолютизма» – за народ думает узкая элита, правящая от имени народа, но без его участия...». – Цит. по: Карлейль Т. История Французской революции /Пер. с англ. Ю.В. Дубровина и Е.А. Мельниковой. – М.: Изд-во «Мысль», 1991. – С. 565.

независимости, скрепленной договором с бывшей метрополией, входила в состав Британской империи, при формировании *федерации нового типа*. Как показывает полемика, компромисс был найден, но с большим трудом.

Следует подчеркнуть, что статьи, опубликованные за период с октября 1787 по май 1788 года, оказали влияние и на дискуссию, участниками которой были так называемые «*федералисты*» и «*унитаристы*», отстаивавшие (при этом аргументы каждой из сторон нельзя назвать неконструктивными) разные подходы, во-первых, к острейшей проблеме соотношения *централизации и децентрализации* управления, во-вторых, *концентрации и децентрации* власти, с полноценными механизмами сдержек и противовесов, так как у всех перед глазами был, мягко говоря, не совсем удачный опыт конфедеративного устройства государства, и на актуализацию конкретных публичных институтов, наличие которых гарантировало выход из конституционно-правового кризиса.

Отлично понимая, что такие вопросы, как, например, рабство или права и свободы гражданина, в данный момент носят факультативный характер (на повестке дня, в случае провала процесса ратификации, стоял развал страны и совсем не гипотетическая гражданская война, с чем никогда не сталкивались «кабинетные» ученые), акцент был сделан на решении наиболее проблемных тем, в число которых *демократия*, судя по всему, *не входила* (напомним, что подобного термина в тексте действующей конституции Соединенных Штатов нет и никогда там не было!?): «... Первый же вопрос, – констатирует Джеймс Мэдисон в своей публикации под номером тридцать девять, датируемой 16 января 1788 года, – возникающий сам собой: быть ли нашему правлению и по сути и по форме сугубо *республиканским*? Совершенно очевидно, что только эта, и никакая иная форма правления отвечает духу американского народа, основополагающим принципам революции или благородному стремлению, которым исполнены все приверженцы свободы, – строить наши политические опыты на способности человечества к самоуправлению.... Каковы же в таком случае отличительные черты республиканской формы правления? Если ответ на этот вопрос искать не в самих ее принципах, а в том, как пишущие о политике

пользуются... термином, обозначая им то или иное государственное устройство, мы вряд ли добьемся успеха. Голландия (в качестве наглядного примера приводится западноевропейская страна, с которой ассоциируется одна из первых буржуазных революций. – Э.Е.), где даже толика верховной власти не исходит от народа, почти всеми именуется республикой. Тот же титул пожалован Венеции, где горстка потомственной знати пользовалась неограниченной властью над огромной массой народа, да еще и отправляла ее самым неограниченным образом. Польшу, государственное устройство которой есть сочетание аристократии и монархии в их наихудших формах, также называют республикой...»⁸⁸.

По мнению будущего (четвертого) президента страны, с которым трудно не согласиться, «эти примеры правлений»⁸⁹, столь же непохожих друг на друга, как и на истинную республику, наглядно показывают, с какой вопиющей неточностью этот термин используется в политических исследованиях... Если в поисках критерия мы обратимся к различным принципам, на которых основаны различные формы правления, то республику, или государственное устройство, заслуживающее по крайней мере быть названным таковой, можно определить как правление, при котором вся власть исходит, прямо или косвенно, от всей массы народа (где же термин «демократия», в переводе на английский язык обозначающий «народовластие», «народоправство», может проблема в том, что на период формирования Соединенных Штатов правом избирать и быть избранным обладали *менее трех процентов* дееспособного белого мужского⁹⁰ населения? – Э.Е.), а осуществляется отдельными лицами, исправляющими... должности по согласию в течение определенного времени или, пока отличаются безукоризненным поведением⁹¹. Для республиканской формы правления *крайне*

⁸⁸ Цит. по: Федералист // Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея... – С. 253-254.

⁸⁹ Как полагал указанный автор, «Англию, в правительстве которой республиканский принцип осуществляется только в одной из ветвей власти, да и там в сочетании с наследственной аристократией и монархией, так же совершенно не к месту заносят в список республик...». С этим выводом *трудно не согласиться*.

⁹⁰ Об этом см.: Лафитский В.И. Основы конституционного строя США. – М.: Изд-во «Норма», 1998. – С. 35.

⁹¹ Критерий англосаксонского права «*пока они будут вести себя хорошо*», применявшийся в отношении судей, осуществлявших свои функции исключительно в рамках патента на соответствующую должность, был введен в практику «Актом об устройении (Акт о будущем ограничении и о лучшем обеспечении прав и свобод подданных)»

важно, чтобы она исходила от всего общества, а не от незначительной его части или привилегированного класса; в противном случае горстка деспотической знати, притесняя всех остальных под флагом передачи... полномочий..., может претендовать на звание республиканцев, а свое правление потребует именовать священным словом «республика». Для такого правления *достаточно*, чтобы должностные лица назначались, либо прямо, либо косвенно, самим народом и исправляли свои должности на четко обозначенных им условиях (во многом идеалистическое представление о том, что такое демократия, особенно по отношению к исполнительной и судебной власти. – Э.Е.); в противном случае всякое правление в Соединенных Штатах, как и... иное народное правление, даже отменно образованное и отменно осуществляемое, мало-помалу утратит свои республиканские черты... Если требуются еще доказательства, подтверждающие республиканский дух такой системы, самым наглядным может служить тот факт, что повсеместно... запрещается раздавать дворянские титулы и выработаны строжайшие гарантии республиканской формы правления в штатах...»⁹².

Справедливо полагая, что указанных доводов в пользу республиканской формы правления (по существу, своей «новизной» они мало чем отличались от идей Аристотеля и его многочисленных последователей) недостаточно для сторонников другой точки зрения, читателям «The Federalist» и оппонентам Джеймс Мэдисон предлагает еще несколько аргументированных доводов: «... Однако, говорят противники предложенной конституции»⁹³, приверженность

1701 года, отменив более старую формулу, согласно которой судья занимал конкретное место в судебской иерархии по существу до тех пор, «пока будет угодно монарху».

⁹² Цит. по: Федералист // Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея... – С. 255, 256.

⁹³ Одним из наиболее ярких и последовательных из них был автор «Декларации независимости» Томас Джефферсон (третий президент Соединенных Штатов), в отличие от многих других «отцов-основателей», идеалом государственного устройства считавший не Рим республиканского периода, а города-государства полисного типа Древней Греции, поэтому проповедовал в качестве политической организации Соединенных Штатов некую «республиканскую пирамиду», то есть союз самоуправляющихся общественно-политических сообществ. Более того, скептически (и без соответствующего пиетета) относясь к любым унаследованным государственно-правовым формам, юридико-нормативным предписаниям и традициям, в случае нарушения ими естественных прав отдельного человека или гражданина и народа в целом, он прагматично воспринимал как законодательство, так и Конституцию, не доверяя судебскому корпусу, опирающемуся на консервативные правовые традиции и действующему независимо от народа. Как писал он в одном из писем, «каждый человек и каждая общность людей, живущих на земле, обладает правом на самоуправление. Они получают его вместе с жизнью из рук природы...». – См.: Антология мировой правовой мысли... Т. III. – С. 194-198.

конвента республиканской форме правления еще не все. Необходимо, чтобы он так же тщательно предусмотрел сохранение федеральной формы, при которой Союз является *конфедерацией* штатов, тогда как проект предполагает *национальное* правительство, при котором Союз будет *ассоциацией* штатов (абстрагируясь от сравнительно-правового характера данного исследования, нельзя не вспомнить, какие острые дискуссии шли вокруг проектов советской федерации, условно говоря, «ленинского» и «сталинского» вариантов. – Э.Е.). И вопрошают: по какому праву предпринимается сие дерзкое и коренное новшество? Огромное значение, которое придают этому возражению, требует рассмотреть его с особой скрупулезностью...».

В этой связи, квалифицируя принятую в Филадельфии конституцию, он затрагивает несколько аспектов, не утративших своей актуальности для стран, отдавших предпочтение *федеративной* форме государственного устройства или стремящихся в итоге сформировать «нечто подобное» (в частности, как в случае с Европейским союзом, национальные и наднациональные правящие элиты которого до сих пор так и не решили (?!), чем они в конце концов хотят управлять): «Чтобы определить истинный характер предлагаемого правления, рассмотрим основание, на котором предстоит его учредить; источники, из которых оно будет постоянно черпать свои полномочия; юридическую силу... полномочий; их пределы и ту власть, с помощью которой предполагаемые изменения в управлении страной будут внедрены...»⁹⁴.

⁹⁴ Цит. по: Федералист // Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея... – С. 256-257. С точки зрения Томаса Пейна, вполне справедливо считающегося основоположником радикально-демократического направления идеологии республиканизма и конституционализма, «... Конституция – это не одно название, а реальная вещь, она существует не только в воображении, но и в действительности, и там, где ее нельзя показать в видимой форме, там ее нет. Конституция есть вещь, предшествующая государственной власти; государственная власть – это всего лишь детище конституции. Конституция какой-либо страны есть акт не государственной власти, – пишет в памфлете «Права человека» тот, кто первым призвал к независимости от Англии американских колоний, – а создающего ее народа. Это свод положений, на который можно ссылаться, цитируя статью за статьей. На его принципах должны зиждиться государственная власть, характер ее структуры и полномочий; способ избрания и продолжительность существования парламентов или других подобных органов, как бы их ни называли; полномочия, которыми будет облечена исполнительная ветвь государственной власти, словом все, что касается... организации гражданского управления и принципов, которые лягут в основу ее действий и коими она будет связана. Поэтому по отношению к государственной власти конституция играет ту же роль, которую выполняют по отношению к суду законы, издаваемые впоследствии этой же государственной властью. Суд не принимает законов и не может изменять их; он лишь действует в согласии с уже принятыми законами, и государственная власть аналогичным образом управляется конституцией...». – Цит. по: Пейн, Томас. Права человека // Антология мировой правовой мысли... Т. III. – С. 189-190.

Детализируя «составные элементы», положенные в основание формы правления, закреплённой в учредительном акте, разработанном Конвентом, автор статьи пишет: «При рассмотрении первого пункта выясняется, с одной стороны, что конституция будет основана на согласии и одобрении... народа, выраженных через посредство делегатов, специально избранных для этой цели (спрашивается, если вы строите самое демократическое государство, то почему документ, по которому впоследствии предстоит жить американскому народу, не был вынесен на референдум; не менее принципиален вопрос, по каким причинам среди пятидесяти пяти делегатов Конвента не было ни одной женщины, ни одного представителя «colored people» и ни одного коренного индейца? – Э.Е.). Однако, с другой стороны, это согласие и одобрение будут даны американскими гражданами не в качестве лиц, составляющих единую нацию, а в качестве лиц, составляющих отдельные и независимые штаты (не обладающие правом сепарации. – Э.Е.). Таким образом, согласие и одобрение будут исходить от высшей власти каждого штата, а тем самым и от народа (вернее сказать, его минимальной в процентном отношении части, которая легально обладает избирательным правом. – Э.Е.). Поэтому акт, учреждающий конституцию, будет актом не *национальным*, а *федеральным*... То, что это будет федеральный, а не национальный акт..., акт, совершенный народом, образующим известное число независимых штатов, а не совокупную нацию, очевидно хотя бы из следующего ниже рассуждения. Принятие сего акта не будет зависеть ни от решения *большинства* народа Союза, ни от решения *большинства* штатов. Конституция должна быть принята с *единодушного* согласия нескольких штатов, являющихся договаривающимися сторонами, и их согласие будет отличаться от даваемого в обыкновенных случаях тем, что будет выражено не законодательным органом, а самим народом. Если бы народ, совершающий этот акт, выступал как единая нация, воля большинства народов Соединённых Штатов обязала бы к подчинению меньшинство...»⁹⁵.

⁹⁵ Цит. по: Федералист // Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея... – С. 257.

Исходя из того, что конституция является ничем иным, как документом, принятым «известным числом штатов», а не их большинством, которое тем или иным образом (не исключено, что и с применением военной агрессии) могло бы подчинить своему решению меньшинство, так же «как большинство в каждом штате неизбежно подчиняет себе меньшинство», Джеймс Мэдисон видит федеративную, а не национальную принадлежность последней в том, что «воля... большинства определяется либо подсчетом голосов, поданных гражданами индивидуально, либо свидетельством воли большинства народа Соединенных Штатов считается воля большинства штатов. В данном случае ни то, ни другое принято не было. При ратификации конституции каждый штат рассматривается как суверенное государственное образование (почему тогда союз надо идентифицировать *федерацией*, а не *конфедерацией*, так как штат, не обладая правом сепарации, другими словами, возможностью свободного и беспрепятственного выхода из состава союза, не может восприниматься ни *de jure*, ни *de facto* суверенным территориально-политическим образованием?! – Э.Е.), независимое от других и связанное обязательством в результате собственного добровольного акта. Следовательно, в этом отношении новая конституция, если ее примут, будет *федеральной*, а не *национальной*...».

Что, по мнению политика, скрывающегося под псевдонимом «Публий», свидетельствует о федеративном характере создаваемого государства, кроме того, о чем речь шла ранее? Он полагает, что одним из критериев необходимо считать «источники, из которых черпаются законные полномочия правления». Так, «полномочия палаты представителей будут исходить непосредственно от народа Америки, и народ будет представлен в палате в том же соотношении и на тех же основаниях, на каких представлен в законодательном органе каждого штата. Следовательно, в данном отношении правительство является *национальным*, а не *федеральным*. С другой стороны, полномочия сената исходят от штатов как политических и равных между собой сообществ, которые будут представлены в сенате на том же принципе равенства, на каком представлены в ныне существующем конгрессе. Следовательно, в данном отношении правление

является *федеральным*... Исполнительной властью будет наделена полномочиями из смешанного источника. Непосредственное избрание президента будет осуществляться непосредственно штатами как политическими образованиями. Голоса, им предоставляемые, находятся в сложном соотношении, вытекающим из того, что они рассматриваются частично как самодостаточные и равные между собой сообщества, частично же как неравнозначные члены единого сообщества...»⁹⁶.

Если речь идет о последовательном разделении властей – как одном из важнейших системных элементов республиканской формы государственного устройства, то дифференциация между «национальным» и «федеративным» имеет место, в том числе, на уровне организации институтов исполнительной ветви публичной власти: «... Различие между федеральным и национальным правительством *при исполнении своих обязанностей* заключается, – с точки зрения цитируемого автора статьи, вошедшего в историю англосаксонской и североамериканской конституционно-правовой доктрины «The Federalist», – пожалуй, в следующем: как федеральное оно распоряжается политическими образованиями, составляющими конфедерацию в качестве политических единиц, как национальное – отдельными гражданами, составляющими нацию в качестве отдельных единиц. Согласно этому критерию, конституция является *национальной*, а не *федеральной*, хотя, возможно, не столь окончательно, как это понимается. В ряде случаев и в особенности при разбирательстве споров, в которых... стороной могут быть штаты, эти штаты должны рассматриваться только как самостоятельные политические единицы. Следовательно, в этом отношении национальный характер правительства, по-видимому, нарушается некоторыми федеральными чертами. Однако этот изъян, – отмечает Джеймс Мэдисон, идентифицируя соответствующие учреждения власти, – пожалуй, неизбежен, а распоряжения правительства в отношении граждан в качестве отдельных единиц, что является его повседневной и наиболее существенной

⁹⁶ Цит. по: Федералист // Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея... – С. 257-258.

заботой, позволяют определить его как *национальное* правительство. Однако, если правительство является национальным в том, что касается *выполнения*... обязанностей, оно вновь меняет свой характер, когда мы рассматриваем его с точки зрения *пределов* его конституционной власти. Понятие национального правительства включает в себя не только власть над отдельными гражданами, но и неограниченную верховную власть над всеми лицами и предметами, находящимися в сфере действий законного правительства...»⁹⁷.

Особенность, на которой акцентирует особое внимание «оппонентов» Джеймс Мэдисон, состоит, помимо прочего, в том, что «у народа, сплоченного в единую нацию, верховная власть полностью принадлежит *национальному* законодательному органу. У сообществ, соединившихся с той или иной целью,

⁹⁷ Несколько иначе рассматривал данную проблему Александр Гамильтон (будущий министр финансов). Так, в статье номер семнадцать, датируемой 5 декабря 1787 года, он писал: «Возражение... может быть выдвинуто против принципа законодательства непосредственно для граждан Америки. Могут указать, что при слишком сильном правительстве Союза возникнет тенденция вобрать в себя остаточную власть, которую сочли разумным оставить штатам для решения местных вопросов. При всей терпимости к властолюбию, которую можно требовать от разумного человека, признаюсь – я не могу понять, какой соблазн могут испытать те, кому доверено вести дела общего правительства, чтобы лишить штаты подобной власти. Регулирование элементарного правопорядка в штате, на мой взгляд, пустяковая приманка для честолюбия. Торговля, финансы, переговоры, война по-видимому, включают в себя все, что очаровывает умы, подверженные этой страсти, а власть, необходимая для решения этих вопросов, – достояние национально хранилища. Отправление частного правосудия между гражданами одного и того же штата, надзор за сельским хозяйством и другие подобные заботы – все это... должным образом разрешается местным законодательством и никогда не может быть желанным объектом генеральной юрисдикции... Следовательно, невероятно, чтобы в федеральных советах существовало желание узурпировать власть, с которой они связаны, ибо попытка использовать ее как хлопотна, так и бесполезна и обладание ею по этой причине ничего не даст для достоинства, значимости или блеска национального правительства... Правительствам штатов всегда легче покушаться на национальные власти, чем национальному правительству покушаться на власти штатов. Доказательство тому – большее влияние, которое правительства штатов, при условии ведения своих дел честно и осмотрительно, обычно имеют среди народа. Это обстоятельство в то же время учит нас, что всем федеральным конституциям присуща прирожденная и существенная слабость и нужно во чтобы то ни стало при их создании придать им всю силу, которую можно совместить с принципами свободы... Большее влияние местных правительств частично проистекает от расплывчатой структуры национального правительства, но главным образом от характера проблем, которыми занята администрация штата... Известная особенность натуры человека состоит в том, что его привязанности ослабевают пропорционально расстоянию или расплывчатости объекта. В соответствии с тем же принципом, по которому человек больше привязан к своей семье, чем к соседям, к соседям – больше, чем к общине в целом, население каждого штата склонно испытывать куда более сильную привязанность к местным правительствам, чем к правительству Союза, если, конечно, действенность этого принципа не будет подорвана значительно лучшим функционированием последнего... Множество более чем минутных интересов, которые по необходимости подпадают под юрисдикцию местных администраций, создавая возможности влияния во всех частях общества, не входя в такие тягостные и непривлекательные подробности, никак не компенсирующие поучительность урока, который можно было бы из этого извлечь. Есть только одно преимущество, принадлежащее к сфере действия правительства штатов, которое способно ясно и удовлетворительно осветить дело. Я разумею обычное применение норм уголовного и гражданского права. Среди всех других источников, обеспечивающих повиновение и привязанность народа, этот самый мощный, универсальный и привлекательный. Именно он, будучи непосредственным и видимым гарантом жизни и собственности... в большей степени, чем все остальные обстоятельства, способствует появлению... уважения и почитания по отношению к правительству...». – Цит. по: Федералист // Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джейя... – С. 123-124, 125.

верховенство (в англосаксонском праве это отражается в принципе *inter vires* – «можно все, что установлено или не запрещено парламентским статутом...». – Э.Е.) принадлежит частично общесоюзному, а частично муниципальным законодательным органам. В первом случае все местные власти подчиняются верховной, которая пользуется правом проверять их, направлять и распускать. Во втором случае... муниципальные власти образуют самодостаточную и независимую ветвь верховной власти, которая так же не подпадает под юрисдикцию общесоюзной власти, как и та не входит в юрисдикцию местных или муниципальных властей в отведенной ей сфере деятельности. Следовательно, в этом отношении предлагаемое правительство (заметим, что терминология, используемая в статье, могла вызвать диссонанс. – Э.Е.) нельзя считать *национальным*, поскольку его юрисдикция распространяется лишь на ряд оговоренных предметов, тогда как все остальные остаются в полном и нерушимом суверенном ведении отдельных штатов. Правда, при возникновении разногласий касательно границы между... юрисдикциями суд, которому надлежит вынести окончательное решение, учреждается союзным правительством. Но это не меняет дело в принципе. Решение выносится беспристрастное, целиком основанное на статьях конституции...»⁹⁸.

Итак, о чем же свидетельствует сравнительный анализ произведений крупнейших представителей юридической мысли, в числе которых Платон, Аристотель, Цицерон, Бенедикт Спиноза, Томас Гоббс, Джон Локк, Шарль Луи Монтескье, Томас Джефферсон и другие «государствоведы», работы которых заложили *теоретический* фундамент феномена, известного как либеральная модель демократии? Почему учения, уходящие корнями в античную практику социально-политических отношений, были не только восприняты и должным образом оценены, но и получили дальнейшее развитие в процессе перехода к новой, буржуазной, стадии государственного строительства, когда возникла потребность концептуального обоснования тенденций, благодаря которым, с

⁹⁸ Цит. по: Федералист // Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея... – С. 258-259.

одной стороны, был осуществлен слом архаичных институтов, ассоциируемых с феодализмом и абсолютистско-монархической формой правления, с другой – возникли реальные предпосылки воплощения в жизнь «кабинетных» идей, отражавших представления просвещенной части общества о народовластии?

Во-первых, трудно отрицать тот факт, что взгляды теоретиков позднего Средневековья и Нового времени возникли не на пустом месте, так как в своей основе имели многовековую мировоззренческую, в том числе юридическую, традицию, получившую, по существу, «второе рождение» в научных трактатах всех тех, кто не переставал доказывать правящим элитам и их окружению, что «демократия» – это не абстрактная фигура речи, а вполне *конкретная форма* государственного устройства, где действуют механизмы разделения властей, а под понятием «народ» подразумевается не что-то эфемерное, а «источник и носитель власти». Заслуга мыслителей этого периода состояла в том, что, взяв за «пример для подражания» древнегреческие города-государства полисного типа и республиканский Рим, они сделали качественный шаг вперед, понимая, что опыт античной цивилизации – без адаптации к условиям Западной Европы и Северной Америки – нельзя как «кальку» переносить в XVII или XVIII век, тем самым позволили инициаторам предстоящих преобразований избежать ряда ошибок, фатальных для генезиса конституционно-правовых отношений⁹⁹.

⁹⁹ Как справедливо подчеркивает Гордон С. Вуд, «... классический мир являлся важной частью политической памяти отцов-основателей. Можно даже сказать, что отношения между ними и классическим прошлым были похожи на наше нынешнее отношение к отцам-основателям. Аналогично тому, как мы обращаемся к ним, например, к Джефферсону и Вашингтону, чтобы понять, где мы находимся, подтвердить наши убеждения и придать новые силы нашим институтам, точно так же и отцы-основатели обращались к античности, особенно республиканской, чтобы помочь формированию своих собственных ценностей и найти обоснование своим институтам. Это был банк памяти, которым они пользовались, чтобы придать смысл собственному опыту. Сегодня этого банка памяти о классическом периоде – этих наборов древних смыслов – для большинства американцев больше не существует...».

Отвечая на вопрос, «имеют ли идеи одной эпохи *решающее влияние* на мысль другого времени?», североамериканский историк пишет: «На мой взгляд, нет. Я не верю, что идеи более раннего периода когда-либо оказывались *решающими* для идей более поздней эпохи. Что действительно является *решающим* для мысли, так это события, современные для участников, сиюминутные интересы и эмоциональные потребности этих людей, опыт их жизни. Реальность отпечатывается в нас, и мы обращаемся к комплексу идей или набору значений, чтобы осмыслить, объяснить, оправдать или осудить ее. Классическое прошлое предлагало революционерам комплекс смыслов, которые они могли заимствовать, чтобы придать значимость своего поведению и его целям. Революционеры не впитывали их в себя целиком, а использовали волей-неволей в зависимости от конкретных потребностей... Из идей прошлого мы заимствуем то, в чем нуждаемся, и в этом процессе неизбежно искажаем прошлые идеи. Безусловно, использование классики отцами-основателями отличалось от классической древности, так же как наше использование идей самих отцов-основателей мало походит на мышление XVIII века... Другими словами, идеи как таковые никогда не оказывают решающего влияния на мысль. Американцы,

Во-вторых, говоря о преемственности воззрений, следует иметь в виду, что она не носила всеобщего характера, в связи с чем, не выглядит пустым или голословным вывод о том, что, *невзирая на известное влияние*, оказанное античным наследием на эволюцию научных представлений о государстве, в первую очередь формах правления, и праве, есть основания констатировать самостоятельный вектор развития парадигмы, которая – через определенный срок – станет концептуальным фундаментом движения за обновление. Скорее всего, перед нами своеобразная *«компиляция идей»*, одним из закономерных результатов которой можно рассматривать появление целого ряда течений и школ¹⁰⁰ (начиная с доктрины «естественного права» и заканчивая теориями «общей воли» и «народного суверенитета»), последовательно развивавших взгляды тех, с кем было принято ассоциировать древнегреческую демократию (либо республиканский вариант последней «древнеримского образца») и ее институты. В этой связи, необходимо учитывать следующее обстоятельство: при во многом совпадающей «первооснове», в лице античных мыслителей, у *англосаксонских*, британских, американских и *континентальных* теоретиков взгляды на форму государственного устройства, структуру органов публичной власти, политический режим, систему «сдержек и противовесов» и некоторые другие вопросы нередко носили *дифференцированный* характер, однако их объединяла декларативность статуса человека и гражданина, особенно если

жившие в XVIII, *выбирали и использовали то, что считали уместным и подходящим* в воззрениях Локка, Тренчарда, Гордона или Джеймса Бурга, и по ходу дела приспособливали прочитанное к обстоятельствам своей жизни. Именно таким образом неизбежно используются идеи, а поскольку наш опыт действительности постоянно меняется, и мы всегда должны сделать его значимым, то неудивительно, что наша интеллектуальная жизнь всегда динамична и изменчива. Наши интеллектуальные споры ведутся о том, какие смыслы мы придадим нашему опыту, чтобы удовлетворить наши современные потребности. Однако, задавая вопрос о том, оказывали ли идеи античности решающее влияние на мышление отцов-основателей, я не хочу сказать, что классическое прошлое не имело для них значения. Даже если воззрения ранней эпохи не были определяющими для мышления более позднего времени, из этого не следует, что... ранние идеи являлись лишь украшением и не оказывали большого влияния. Я верю, что классическое прошлое было чем-то большим, чем иллюстративный материал, в мышлении отцов-основателей...». – Цит. по: Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США... – С. 101, 102-103.

¹⁰⁰ Подробнее см., например: Чичерин Б.Н. Политические мыслители древнего и нового мира. Серия «Мир культуры, истории и философии». – СПб.: Изд-во «Лань», Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999; Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Серия «Мир культуры, истории и философии». – СПб.: Изд-во «Лань», 2000.

иметь в виду *абсолютное*, с юридической точки зрения, отрицание равенства прав по половому, расовому, этническому и социальному признаку.

Отмеченное ранее, относится и к тому, как интерпретируется тезис об «источнике и носителе власти». Не исключено, что под дефиницией «*народ*» понимались дееспособные граждане, достигшие определенного возраста, но об этом по каким-то причинам *умалчивают* практически все авторы, которые писали о разных формах государственного устройства, где под «демократией» подразумевалась власть «всего народа» (как суверена). Свидетельством того, что представительницы «слабого пола» и ряд других категорий населения *не обладали равными правами с мужчинами* – вполне обыденная ситуация для многих западноевропейских государств – является отсутствие у них активного и пассивного избирательного права так же, как и запрет осуществлять какие-либо иные публичные и гражданско-правовые действия. Что, по существу, не могло не противоречить основополагающим идеям и принципам концепции «естественных прав», ставшей доминирующей в отдельных странах, если не в общественном сознании, то, по крайней мере, в научно-академических кругах и в области политических отношений, и нашедших отражение во многих актах учредительного характера «первой волны». Парадокс проявляется в том, что, декларируя одно – *равенство без каких-либо ограничений* по признаку пола, расы, цвета кожи и этнической принадлежности, на практике реализуя другое – *ущемление в правах и свободах* по этим же самым основаниям. Благодаря приходу во власть (как легитимным, так и нелегитимным образом) носителей идеологических воззрений такого рода, «рецидивы», в той либо иной степени свойственные теоретико-догматическому мышлению, «актуализировались» в соответствующие декреты, ордонансы, законодательные билли или судебные постановления, получив, тем самым, официальный конституционно-правовой статус, через который, несмотря на либеральную фразеологию, где под одним из наименований, от «активных граждан» до «нации», во главу угла поставлен «народ», проходит мысль о достаточно абстрактном характере используемого термина, которому только предстоит избавиться от «кабинетного» налета. Не

менее важно и другое: складывается впечатление, что слово «демократия» по каким-то причинам – на этом историческом этапе – *не пользуется вниманием* со стороны правящих элит или тех социальных групп, с которыми в ближайшей перспективе будет ассоциироваться публичная власть и ее институты¹⁰¹.

2. Формирование конституционно-правовых основ национальных моделей государственного устройства

Процесс перехода от «кабинетных» представлений к новым – полностью или значительно – общественно-экономическим и политическим отношениям, как правило, сопровождается масштабными трансформациями и на уровне «базиса», и на уровне «надстройки». Анализ принимаемых на данной стадии юридических актов, многие из которых носили *беспрецедентный по степени радикализма* характер, не может не вызывать справедливых вопросов в связи с тем, что «радикализм» в большинстве случаев был обусловлен стремлением прошедшего (с вариативным «овеществлением» уровня личной успешности) период первоначального накопления капитала «третьего сословия» привести в соответствие собственный экономический и политический статус, не вполне

¹⁰¹ Характеризуя «естественное право», как *совокупность идеальных (нравственных) представлений о праве*, один из крупных дореволюционных отечественных ученых писал: «... Вдумываясь в мотивы, порождавшие естественно-правовые построения, мы прежде всего должны отметить чисто научное стремление к открытию тех оснований, на которых покоится право. Этими построениями удовлетворялся философский интерес, побуждающий исследователей доискиваться коренных причин явлений. Старые естественно-правовые системы ставили основной вопрос философии права о высших и последних основаниях юридических установлений, поскольку эти основания могут быть выведены из природы человека и общества. Для того, кто знаком с этими системами, не может быть сомнения, что они представляют много выводов и положений, достойных внимания и в наше время... Вторым, еще более важным мотивом естественного права являлось присущее людям стремление к нравственной критике положительных установлений. С тех пор как личность развилась до противопоставления своих требований преданиям старины и общепринятым убеждениям, критика эта неизбежно сопутствует истории права. Человеку свойственно видеть в праве установление, зависящее от личной воли и мысли и составляющее часть нравственной субстанции. Отсюда его стремление воздействовать на право, в смысле приближения его к нравственным идеалам. С другой стороны, праву присущи известные свойства, наделяющие его неизбежными несовершенствами. Эти несовершенства права, встречаясь с постоянным стремлением человека способствовать его нравственному совершенствованию, всегда с неизбежностью вызывали те идеальные построения, которые известны под именем естественного права. Подобные построения представляли собой протест нравственного сознания против недостатков действующего правопорядка. Таким образом, нравственная оценка положительных учреждений и стремление к философскому исследованию основ права составляют два существенных момента естественно-правовой идеи. Легко видеть, что оба эти момента находятся между собой в тесной связи. Произвести нравственную оценку права нельзя иначе, как возвысившись к тем основаниям, на которых покоится право, к тем началам, которые должны руководить законодателем в его деятельности...». – Цит. по: *Новгородцев П.И.* Историческая школа юристов. – СПб.: Изд-во «Лань», 1999. – С. 14-15.

адекватный реалиям дня, а не какими-то книжными мифологемами «о благе народа». Именно поэтому не лишен основания вывод, цитируемого ранее по тексту современного североамериканского историка Гордона С. Вуда, что «... республиканизм и республиканские принципы, а не демократия покончили с древними монархиями». Более того, «новый класс», о монолитности которого говорить не приходится, первоначально (как во Франции, согласно пункту 4 раздела третьего Конституции 1791 года, не отказавшейся от монархической формы правления)¹⁰² был готов довольствоваться существенными, но не столь кардинальными изменениями, как, например, в Туманном Альбионе, когда «Актом об объявлении Англии свободным государством (Commonwealth)» от 19 мая 1649 года была провозглашена республика парламентского типа, а чуть позднее – с 13 декабря 1653 года – установлена бессрочная диктатура лорда-протектора Оливера Кромвеля, во многом затмившая собой абсолютизм¹⁰³.

Прежде, чем перейти непосредственно к анализу процессов, связанных с генезисом конституционно-правовых отношений, представляется важным, в самых общих чертах, сказать несколько слов о *предпосылках, сложившихся* в

¹⁰² См.: Конституция 1791 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 52.

¹⁰³ Так, читаем: «Объявляется и постановляется ныне существующим парламентом и его властью, что народ Англии и всех принадлежащих ей владений и территорий есть и будет, и настоящим установил, образовал, учредил и утвердил быть республикой и свободным государством, и что отныне он будет управляться как республика и свободное государство верховной властью английской нации, представителями народа в парламенте и теми, которых они назначат и определяют в качестве подчиненных им должностных лиц и чиновников, ко благу народа и без всякого бы то ни было короля и Палаты лордов». – См.: Акт об объявлении Англии свободным государством (Commonwealth) 19 мая 1649 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 14; Грин Д.Р. История Англии и английского народа. – М.: Кучково поле, 2018.

В свою очередь, в уже упоминавшемся ранее акте от 13 декабря 1653 года, известном как «Орудие управления» (Форма правления государствами Англия, Шотландия и владениями, им принадлежащими) было установлено: «I. Что верховная законодательная власть свободных государств Англии, Шотландии и Ирландии и владений, им принадлежащих, сосредоточивается и пребывает в одном лице и народе, представленном в парламенте; титул названного выше лица называется «Лорд-протектор свободных государств Англии, Шотландии и Ирландии»... III. Что всякого рода указы, вызовы в суд, полномочия, патенты, пожалования и другие распоряжения, которые до сих пор издавались от имени и титула блюстителей свободы Англии властью парламента, должны издаваться от имени и титула Лорда-протектора, которым на будущее время будут производиться назначения всех должностных лиц и пожалования почетных званий в названных выше трех нациях. Он имеет право помилования (кроме случаев убийства и измены) и получения всех конфискаций, сделанных для публичных целей... IV. Что Лорд-протектор во время заседаний парламента должен распоряжаться и руководить милицией и войсками как на море, так и на суше, для достижения мира и благоденствия трех наций, с согласия парламента, и что Лорд-протектор в промежутках между заседаниями парламента должен располагать и руководить милицией для достижения указанных выше целей... VI. Что законы не могут быть изменены, приостановлены, выведены из употребления или отменены, равно как и не могут быть изданы какие-либо новые законы или введены какие-либо налоги, сборы или подати, которыми облагается народ, иначе как с его согласия, выраженного в парламенте...». – Об этом см.: Форма правления государствами Англия, Шотландия и Ирландия и владениями, им принадлежащими («Орудие управления») 13 декабря 1653 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 17-18.

Англии в преддверии буржуазной революции, одним из следствий которой – помимо гражданской войны – станет временная ликвидация монархического строя и установление республики. В этой связи далеко не праздным выглядит вопрос: какую страну оставил своим наследникам, ушедший в иной мир в 1547 году король Генрих VIII (несмотря на то обстоятельство, что до предстоящей в среднесрочной перспективе революции оставался еще, как минимум, целый век)? По мнению Саймона Дженкинса, в результате проведенных с различной степенью успешности *масштабных институциональных реформ*, «Генриху удалось обуздать оба столпа средневекового государства, церковь и высшее феодальное дворянство, подчинив их в конечном счете единоличной власти. То, что Генрих провозгласил себя главой английской церкви (хотя юридически «государственный» статус за ней был закреплен постановлением парламента только при его дочери Елизавете, вошедшей в англосаксонскую историю под именем «королевы-девственницы». – Э.Е.), для многих в XVII веке было сродни прыжку из огня папской власти в полымя власти короля – помазанника Божия, эту власть впоследствии нещадно эксплуатировали Стюарты. Настоящая битва была еще впереди, но нападки Генриха на римско-католическую церковь и роспуск монастырей навсегда изменили характер британской нации...»¹⁰⁴.

Более того, созданная Генрихом VIII система выдвижения людей не по социальному – светскому или религиозному – происхождению, а прежде всего по их человеческим, в том числе морально-этическим, и профессиональным достоинствам «вывела вперед юристов и чиновников, таких как... Кромвель, которые благодаря занимаемым ими должностям и коррупции приобрели обширные земли, обеспечив себе таким образом значительное влияние при дворе и в парламенте. Такое перераспределение богатств и соответственно перераспределение баланса сил помешало старшей дочери Генриха Марии провести контрреформу и вместе с тем помогло другой..., Елизавете, не допустить возврата католицизма (чуть позднее, «непримиримый протестант»

¹⁰⁴ Цит. по: *Дженкинс С.* Краткая история Англии /Саймон Дженкинс; пер. с англ. И. Мельницкой. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017. – С. 150; *Грин Д.Р.* История Англии и английского народа... – С. 363-475.

Оливер Кромвель с большим успехом продолжил начатое ими дело, утопив в крови и слезах беззащитных жителей городов Ирландии. – Э.Е.). Он сделал то, что многие европейские монархи считали неосуществимым, – бросил вызов римско-католической церкви и сохранил корону. Генрих VIII, несомненно, оказался одним из величайших революционеров Европы...».

Нередко в научной литературе, посвященной английской революции и причинам, вызвавшим резкое обострение конфликта между монархом и его подданными в лице депутатов парламента, можно встретить мнение о том, что вина в радикализации отношений лежит в первую очередь на избранниках народа (концентрировавших в своих руках не только полномочия фискально-податного направления, но и в значительной степени «бюджетную» сферу в целом), сделавших все, чтобы ситуация во многом стала необратимой, с точки зрения *инициирования* и *последующей актуализации* в глазах правящих элит и широких слоев населения открытого вооруженного противоборства, одной из сторон которого выступали «роялисты», другой – «республиканцы». Однако встречаются оценки, где акценты смещены таким образом, что «виновником» нагнетания обстановки признаются король и его ближайшее окружение. Так, цитируемый нами Саймон Дженкинс, пишет: «... Монархия, которая появилась в средние века, *правила с согласия баронов, епископов* (благодаря «Великой хартии вольностей» 1215 года институт обладал в большей или меньшей мере ограниченным статусом, прежде всего в области налоговых отношений, таким образом, утверждения о том, что монархия носила абсолютный характер, *не во всем* корреспондируют политическим реалиям, в том числе в преддверии преобразований. – Э.Е.) *и членов парламента* от городов и университетов. Это согласие было закреплено долговременной договоренностью с парламентом, голосовавшим за налоги в обмен на... рассмотрение и удовлетворение жалоб и исправление несправедливостей...»¹⁰⁵.

¹⁰⁵ Цит. по: Дженкинс С. Краткая история Англии... – С. 150, 185.

Специфика отношений между монархом и парламентом проявлялась, в частности (помимо многого другого), в том, что «... когда эта договоренность нарушалась, как это происходило во времена правления Эдуарда II, Ричарда II и Ричарда III, *монарха свергали, но сама монархия сохранялась* (причем ее роль в механизме осуществления власти оставалась практически неизменной. – Э.Е.). В XVII веке, однако, англичане *свергли монархию как таковую*. Король из династии Тюдоров провозгласил себя главой церкви, а король из династии Стюартов истолковал это и как верховенство над парламентом, хотя даже Генрих VIII в своих деспотичных действиях стремился заручиться одобрением парламента. Именно из-за борьбы короля с парламентом, а не наоборот (что вытекает из источников. – Э.Е.), разразилась английская революция...»¹⁰⁶.

Как ни парадоксально, но либеральная модель демократии начиналась с того, что в основе многого, с чем в настоящее время принято соотносить так называемые «общечеловеческие ценности» (в частности, политкорректность, мультикультурализм и толерантность), лежали *ограничительные* механизмы, в том числе широкий набор цензов, организационных принципов и процедур, выводивших за пределы конституционно-правовых отношений, как минимум, *квалифицированное большинство* дееспособных – по современным нормам и критериям – граждан. Естественно, любые цифры, никак не подтвержденные документально, носят условный характер, и не могут служить аргументацией «за» или «против» каких-либо гипотетических заключений, однако даже они (не секрет, что за неимением достоверных статистических данных, например, периодических переписей городского и сельского населения, использовались церковные записи о регистрации брака, рождении и смерти членов приходов и общин, позднее практика такого рода стала учитываться при формировании избирательного корпуса и градации поселений, имеющих право делегировать

¹⁰⁶ См.: *Дженкинс С.* Краткая история Англии... – С. 185. Как мы видим, достаточно взвешенный вывод, в рамках которого отражена не только авторская точка зрения на перипетии государственного строительства, но и общая тенденция, связанная с процессом переоценки взглядов, сложившихся в иных исторических условиях под влиянием мировоззрения, сформировавшегося при восстановлении монархической формы правления. Как и в любой стране с весьма продолжительной по времени историей, в Соединенном Королевстве такого рода тенденции проявляются при наличии соответствующего «социального» или «политического» заказа, для выполнения которого необходимо отказаться от определенных стереотипов, что и имеет место.

определенное число депутатов в соответствующий представительный орган государственной или муниципальной власти) позволяют констатировать, что активным и пассивным избирательным правом, то есть *конституционно* или *законодательно* установленной возможностью самостоятельно реализовать одну из форм непосредственной демократии, обладали всего лишь *проценты от общего* количества граждан. Институты, сформированные таким образом, трудно назвать представительными, с общенациональной точки зрения.

Если обратиться к содержанию учредительных документов, оказавших влияние на генезис конституционно-правовых отношений, то, как и в случае с концептуальными представлениями, *компилированный* характер которых не вызывает принципиальных возражений, есть веские основания говорить – при наличии региональных (англосаксонских и континентальных) особенностей – об *общем* для государств, вставших на путь развития западноевропейской и евро-атлантической цивилизации, *векторе движения вперед* по пути свободы и демократии. При этом было бы наивно, более того абсурдно с практической и юридической точки зрения полагать, что, провозгласив некие принципы на бумаге, инициаторам нововведений ни разу не пришлось не только самим не пожалеть об индивидуальных или коллективных решениях, принятых для их скорейшей реализации, но и закрыть глаза на проявления вандализма и всех прочих «революционных эксцессов», характерных для периодов радикальных социально-политических преобразований.

Современный компаративист, анализирующий те или иные тенденции, имевшие место несколько веков назад, не должен воспринимать и оценивать их в контексте проблем государственного строительства последних тридцати, тридцати пяти лет, что как нецелесообразно, так и неконструктивно для целей и задач, которые периодически ставит в своих исследованиях подавляющее большинство ученых. Однако бывают и исключения, когда в процессе работы с законодательством середины XVII века вдруг обнаруживаешь все то, с чем мы достаточно *регулярно сталкиваемся сейчас*, в связи с чем – появляется масса вопросов: «... Для предотвращения лживых, неправильных и нелепых отчетов о

парламентских заседаниях и других тому подобных происшествиях и новостях... постановлено..., что никакое лицо, кто бы то ни было, – читаем, в частности, в «Акте о неразрешенных и возмутительных книгах и памфлетах и о лучшем упорядочении книгопечатания», датируемом 20 сентября 1649 года, – не имеет права изготавливать, писать, печатать, публиковать, издавать или распространять (если это ни цензура, то что тогда «цензура»? – Э.Е.), а также содействовать изготовлению, написанию, напечатанию или распространению какой-либо книги или памфлета, трактата, брошюры или газет, содержащих какие-либо известия, без разрешения... под страхом... наказания штрафом и тюрьмой соответствующего изготовителя (по существу, затронут весь процесс подготовки какой-либо печатной работы. – Э.Е.), переписчика, типографщика, книгопродавца или торговца писчебумажными товарами...»¹⁰⁷.

Несмотря ни на что, надо отдать должное тому, как *целенаправленно* и *последовательно* претворялись в жизнь концепции, до известных событий носившие преимущественно «кабинетный» характер, не выходя за пределы научной дискуссии. Но именно фундаментальная теоретическая проработка широкого круга проблем позволила, пришедшему к власти «новому классу», в короткий срок реализовать на практике те абстрактно-идеалистические (до этого по существу никем не апробированные) представления о государстве и праве, с которыми в большей либо меньшей степени были связаны надежды (можно, видимо, говорить о том, что приоритетными рассматривались чисто корпоративно-групповые интересы) просвещенной, либерально настроенной части англо-британского, французского или североамериканского общества. В этой связи, нельзя не признать, что принимаемые решения не носили какого-

¹⁰⁷ См.: Акт о неразрешенных и возмутительных книгах и памфлетах и о лучшем упорядочении книгопечатания 20 сентября 1649 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 14-15. Далее весьма подробно регулируется механизм взаимодействия с органами власти: «... все и каждый типографщик или какое-либо другое лицо или другие лица в городе Лондоне, которые в настоящее время владеют типографиями или являются собственниками печатных станков..., должны до 1-го октября 1649 года представить блюстителям свобод Англии властью парламента залог в триста фунтов стерлингов с двумя поручителями, в качестве обеспечения, что они не будут печатать или участвовать в печатании какого-либо мятежнического (лексика данного документа также вызывает много вопросов. – Э.Е.), возмутительного или изменнического памфлета, газеты, книги или изображения, позорящих или направленных против государства или правительства...». – Там же. – С. 15.

либо хаотического или спонтанного характера, а являлись следствием четкого и продуманного плана. В качестве иллюстрации можно привести документы английского парламента первой половины 1649 года.

Так, 4 января Палата общин провозглашает себя верховной властью¹⁰⁸, через четыре дня обнародуется ордонанс об учреждении суда над королем¹⁰⁹, по итогам работы которого 29 января вводится в действие приказ¹¹⁰ о казни Карла I, 17 марта принимается акт об отмене королевского звания¹¹¹, а через два дня после этого – о ликвидации Палаты лордов¹¹². Таким образом, *менее чем за семьдесят дней* монархическую форму правления (подчеркнем, что с момента вступления в силу в 1215 году «Великой хартии вольностей» власть английского короля уже носила ограниченный характер) сменила республика парламентского типа. Следующим шагом стало официальное провозглашение Англии *свободным государством (Commonwealth)*¹¹³.

Говоря об уровне юридической техники, следует обратить внимание на важнейший парламентский акт, принятый в тот непродолжительный период, когда в масштабах Туманного Альбиона существовала республика. Речь идет о так называемом «Орудии управления» от 13 декабря 1653 года (его полное название звучит таким образом: «Форма правления государствами Англия, Шотландия¹¹⁴ и Ирландия и владениями, им принадлежащими»), благодаря

¹⁰⁸ См.: Постановление Палаты общин об объявлении себя верховной властью английского государства 4 января 1649 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 11-12.

¹⁰⁹ См.: Ордонанс об учреждении суда над королем 8 января 1649 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 12.

¹¹⁰ См.: Приказ о казни Карла I 29 января 1649 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 13.

¹¹¹ См.: Акт об отмене королевского звания 17 марта 1649 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 13.

¹¹² См.: Акт об отмене Палаты лордов 19 марта 1649 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 13-14. Подробнее см.: *Грин Д.Р.* История Англии и английского народа... – С. 577-600.

¹¹³ См.: Акт об объявлении Англии свободным государством (Commonwealth) 19 мая 1649 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 14. Чтобы ликвидировать permanently тлеющий очаг католического сепаратизма в середине августа 1652 года (по итогам военной интервенции Оливера Кромвеля и за полгода до введения института лорда-протектора) принимается документ, фактически ликвидировавший полноценную ирландскую государственность. – Об этом см.: Акт об устройении Ирландии 12 августа 1652 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 16.

¹¹⁴ Напомним, что, согласно «Ордонансу об объединении Англии и Шотландии» от 12 апреля 1654 года, это государство, по существу, теряет суверенитет и становится составной частью объединенного территориально-политического образования. То, что не смогла осуществить ограниченная монархия, сделала республика во главе с ортодоксальным протестантским диктатором: «... Постановлено и постановляется его величеством Лордом-протектором свободного государства (Commonwealth) Англии, Шотландии и Ирландии и владений, им

которому учреждалась *новая* система государственной власти, *сочетавшая* в себе элементы республиканской и монархической формы правления, с одним важным уточнением: функции наследственного короля концентрировались в руках избираемого на неопределенный срок «лорда-протектора» (подобного публичного органа нет ни в одной теоретической работе – ни в «Левиафане» Томаса Гоббса, ни в «Двух трактатах о правлении» Джона Локка).

Мы уже констатировали, что под термином «законодательная власть» в Соединенном Королевстве понимается совокупность трех институтов – обеих палат парламента (Палаты общин и Палаты лордов) и монарха. Однако такого рода «структура» своим развитием обязана капитан-генералу войск Англии, Шотландии и Ирландии, *первому пожизненному лорду-протектору* Оливеру Кромвелю, инициировавшему принятие рассматриваемого учредительного акта: «... Что верховная законодательная власть свободных государств Англии, Шотландии и Ирландии и владений, им принадлежащих, *сосредоточивается и пребывает в одном лице и народе, представленном в парламенте*; титул названного выше лица называется «Лорд-протектор свободных государств Англии, Шотландии и Ирландии»¹¹⁵.

Характеризуя ситуацию, вызванную фундаментальными изменениями в политической системе Англии после прихода к власти лорда-протектора, один из исследователей делает вывод: «... Он навязал свою власть Шотландии и Ирландии, заставив их заключить политический союз с Англией. Ему удалось сделать то, чего безуспешно пытались добиться Генрих VIII и Яков I. Он правил

принадлежащих, с ведома и с согласия его совета, что весь народ Шотландии и островов Оркнейских и Шотландских и всех владений и территорий, принадлежащих Шотландии, с настоящего времени и впредь признается объединенным, составляющим, образующим, провозглашающим и устанавливающим одно свободное государство (Commonwealth) с Англией, а в каждом парламенте, заседающем в дальнейшем в указанном свободном государстве (Commonwealth), тридцать лиц призываются и представляют интересы Шотландии». – Цит. по: Ордонанс об объединении Англии и Шотландии 12 апреля 1654 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 20.

¹¹⁵ Необходимо уточнить, что на тот момент парламент был однопалатным, так как Палата лордов была еще в марте 1649 года ликвидирована, поэтому «верховная законодательная власть» ассоциировалась в период правления Оливера Кромвеля с «народом, представленным в парламенте», и «главой государства» в статусе избранного пожизненно лорда-протектора. Нас любят упрекать, что мы якобы тяготеем к автократическим формам правления (как бы они в свое время официально ни именовались – великий князь, царь, император, генеральный секретарь, президент), однако опыт Соединенного Королевства свидетельствует о том, что и это государство не всегда и не во всем отвечало общепринятым критериям «демократии» и «народовластия».

объединенным государством, и члены его парламента избирались по всей территории Британских островов... Теперь Кромвель столкнулся с реальной ситуацией единоличного правления. Его... республика обезглавила одного короля и разбила наголову войска другого (речь идет о сыне бывшего монарха из династии Стюартов, которого шотландцы, приверженцы пресвитерианства, короновали как Карла II, в конце лета 1651 года, проигравшего важнейшее по значимости сражение при городе Вустер. – Э.Е.). Он распустил палату лордов, институт епископов и палату общин...».

Механизм преобразований был запущен, поэтому следующим – вполне логичным и естественным – шагом стали попытки «лидера нации» каким-либо образом легитимировать, в частности, с политической точки зрения, военную власть, сконцентрированную в его по существу неограниченных полномочиях и которыми, вероятнее всего, он *ни с кем не собирался в ближайшее время реально делиться*: «... Сначала Кромвель созвал религиозную ассамблею из «благочестивых людей», избранных местными конгрегациями. Эта ассамблея получила название «Бэрбоунского парламента» (по имени одного из активных участников данного мероприятия, известного на тот момент ортодоксального проповедника. – Э.Е.). «Воистину, вы призваны Господом править с помощью Его и за Него», – сказал им Кромвель. Когда ассамблея предложила отменить все институты власти, Кромвель быстро распустил и его... Так *Кромвель превзошел даже Стюартов с их идеей божественной природы королевской власти*. Он согласился на звание лорда-протектора и в декабре 1653 года получил этот титул, заметив: «Власть, подобная власти монарха, будет весьма эффективна». Соединенное Королевство («оригинальный», однако *не совсем корректный авторский термин*, так как восстановление института монархии произойдет в пределах Туманного Альбиона не ранее, чем через семь лет!? – Э.Е.) жило по законам писанной конституции, или «Орудия правления», фактически сосредоточившей всю власть в руках лорда-протектора. Кромвель собирал вновь избранные парламенты и распускал их по причине различий в степени

радикализма, стремясь сбалансировать собственную умеренность с необходимостью жесткой дисциплины буржуазного плюрализма...»¹¹⁶.

По причине того, что парламент (от которого, как мы хорошо знаем, на этой стадии осталась только Палата общин) постепенно выходил из-под опеки «лидера нации»¹¹⁷, в 1655 году учреждается своего рода *военная диктатура*, системообразующими элементами которой стали, назначаемые персонально лордом-протектором, *одиннадцать генерал-майоров*, возглавлявших округа военного типа. На подконтрольных территориях, «они должны были вводить пуританское правление, которое предполагало смертную казнь за адюльтер, запреты на театральные представления и игры, закрытие таверн и борделей, уголовное наказание за богохульство, отмену церковных ритуалов. Вводилась жесточайшая цензура. Революция пришла в каждый дом, в каждую... общину в стране, но несла она за собой не личную свободу, а гнет и притеснения... Экстремистские секты последовательно запрещались и распускались (часть их адептов дружными рядами иммигрировали в Северную Америку, где процесс колонизации и создания базовых предпосылок для строительства «Града на холме» все более масштабно и отчетливо набирал обороты. – Э.Е.). Ничто так не способствовало реставрации монархии, как установление революционного режима Кромвеля. Чуть ни каждый день переписывались конституции. В 1657 году группа законоведов и членов парламента взяла на себя смелость подать Кромвелю «Смиренную петицию» и совет написать новую конституцию (но ее, в так сказать, классическом виде, на родине современного парламентаризма нет до сих пор!? – Э.Е.), восстанавливавшую монархию, подотчетную новому двухпалатному парламенту. Кромвель отказался от титула короля, но, уловив стремление общества к некоторому символизму..., согласился сидеть на троне

¹¹⁶ Цит. по: *Дженкинс С.* Краткая история Англии... – С. 194-195. Подобную форму правления можно считать и диктатурой, и монархическим абсолютизмом, но никак не демократией, как представляется кому-то.

¹¹⁷ Внутриполитическая ситуация, действительно, была похожа на мало предсказуемую и стабильную, так как «... левеллеры, или уравниатели, верившие в социальный эгалитаризм, разошлись во взглядах с диггерами, последователями движения аграрного коммунизма. Баптисты разошлись с анабаптистами, квакерами и даже с рантерами («пустословами»), которые не признавали ни религиозной, ни моральной дисциплины... Неудивительно, что палату общин постоянно лихорадило, в ней не было согласия...». – Цит. по: *Дженкинс С.* Краткая история Англии... – С. 195.

Эдуарда Исповедника и носить пурпурные одежды и позволил обращаться к себе «ваше высочество лорд-протектор». Однако долго это не продлилось»¹¹⁸.

По существу, за прошедшее время мало что изменилось и с точки зрения организационных основ национального публичного органа, ассоциируемого с «верховой законодательной властью»: «Парламент должен быть созван для заседания в Вестминстере 3 сентября 1654 года, и последующие парламенты должны быть созываемы один раз в *каждый третий год* (после реставрации монархии периодичность¹¹⁹ будет юридически также пролонгирована. – Э.Е.), считая со дня роспуска ныне существующего парламента... Что ни парламент, созываемый в первую очередь, ни какие-либо последующие парламенты не могут быть отсрочиваемы, перерываемы или распускаемы *в течение пяти месяцев* со дня их первого заседания без их на то согласия... Что лица, которые будут избраны в число членов парламента, должны быть лицами (и не могут быть иными), известными своей честностью, богобоязненными, хорошего поведения, иметь возраст в двадцать один год (другими словами, перед нами один из *возрастных* цензов. – Э.Е.) ... Что все и каждое лицо, и лица, имеющие на праве собственности или владения от своего имени имущество движимое или

¹¹⁸ См.: Дженкинс С. Краткая история Англии... – С. 195-196. Проводя определенные параллели с процессами, наблюдавшимися в западноевропейских монархиях, не имевшими уже ничего общего с королевской властью предшествующих периодов, Алексис де Токвиль писал в одной из своих работ: «... То же самое относится и к Англии, где, на первый взгляд, старые учреждения Европы еще сохранили свою прежнюю силу. Если мы забудем старые названия и отстраним старые формы, мы найдем, что уже в XVII веке феодальная система там уничтожена в своем основании, что классы смешиваются, отличия дворянства сглажены, аристократия потеряла свою замкнутость, богатство сделалось силой; найдем равенство всех перед законом, равенство государственных повинностей, свободу печати, публичность прений, – все новые принципы, которых не знало средневековое общество. Именно эти новые начала, с искусной постепенностью введенные в старое тело, оживили его, не подвергая его опасности распада и наполняя его свежей силой, оставив ему старые формы. Англия XVII века – страна уже совершенно новая, которая только сберегла в своих недрах, как бы набальзамированными, несколько обломков Средних веков...». – Цит. по: Токвиль, Алексис де. Старый порядок и Революция: 6-е изд. /Токвиль А.; пер. с франц., под ред. П.Г. Виноградова. – М.; Челябинск: Социум, 2017. – С. 42. Подробнее см.: Грин Д.Р. История Англии и английского народа... – С. 600-636.

¹¹⁹ Так, читаем в «Трехгодичном акте» от 22 декабря 1694 года: «... Постановлено..., что в течение дальнейших трех лет от и после роспуска настоящего парламента и таким образом от времени до времени навсегда в позднейшее время в течение дальнейших трех лет от и после роспуска каждого последующего парламента должны быть издаваемы по приказанию Ваших Величеств, Ваших наследников и преемников, законные призывные грамоты за большой государственной печатью о созыве, собрании и заседании иного нового парламента... И далее постановлено сказанною выше властью, что впредь никакой парламент, который будет когда-либо впоследствии созван, собран или заседать, не должен в дальнейшем продолжаться свыше, чем только в течение трех лет, исчисляемых со дня, на который по призывным грамотам названному выше парламенту определено собраться...». – Цит. по: Трехгодичный акт 22 декабря 1694 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 28-29. Более того, согласно «Семилетнему акту» от 26 апреля 1716 года, «ныне существующий парламент и все парламенты, которые когда-либо впоследствии будут созваны, собраны и заседать, будут и могут соответственно продолжаться в течение семи лет...».

недвижимое стоимостью двести фунтов стерлингов (довольно высокий по тем временам *имущественный* ценз, ограничивавший права большого числа граждан. – Э.Е.), признаются имеющими право выбирать членов парламента... Чтобы лица, избранные и признанные заседать указанным выше порядком, или шестьдесят из них, должны признаваться и признаются парламентом Англии, Шотландии и Ирландии, причем *высшая законодательная власть принадлежит Лорду-протектору и названному выше парламенту...*»¹²⁰.

Корреляция с монархической формой правления прослеживается в том, что «... все билли, принятые парламентом, должны быть представлены Лорду-протектору на его одобрение. В случае, если Лорд-протектор не даст своего одобрения на указанный билль в течение двадцати дней после представления ему билля или не предоставит парламенту удовлетворительных объяснений своего отказа в одобрении билля в течение определенного выше срока, то тогда в силу декларации парламента, что Лорд-протектор не дал согласия или удовлетворительных мотивов своего отказа в утверждении билля..., билли должны считаться вступившими в силу и являющимися законами, хотя бы Лорд-протектор и не дал свое согласие, если только означенные выше билли не

¹²⁰ Как следует из цитируемого учредительного акта, «... звание Лорда-протектора... является избирательным, а не наследственным; по смерти Лорда-протектора на его место должно быть немедленно избрано другое подобающее лицо (по каким критериям совершенно неясно, так как в документе об этом вообще нет речи. – Э.Е.); этот выбор должен производиться Советом... Оливер Кромвель... признается и настоящим объявляется пожизненно Лордом-протектором свободных государств Англии, Шотландии... Ирландии и владений, им принадлежащих...». Достаточно парадоксальная ситуация, при которой один правитель (Карл I Стюарт), за несравненно меньшие прегрешения перед английским народом, был отправлен на эшафот в то время, как другой, по приказу которого в Ирландии были уничтожены десятки (если не сотни) тысяч католиков, а многие из оставшихся стали белыми рабами на плантациях Ямайки, получил титул и полномочия, которым могли бы позавидовать большинство тогдашних европейских абсолютных монархов.

На этом фоне вполне закономерен вопрос о цензовой политике, обусловленной стремлением тех, кто в период *индепендентской* республики, плавно перетекшей в форму единовластия в виде протектората, ассоциировался с правящей элитой, не демократизировать электоральные процедуры таким образом, чтобы дееспособные женщины (хотя бы белые!?), отвечавшие соответствующим критериям, были уравнены в праве избирать и быть избранными в органы государственной и муниципальной представительной власти. Точно так же не может не вызывать недоумение (учитывая, как вели себя с мирными ирландскими католиками войска под руководством будущего лорда-протектора) следующий пункт рассматриваемого акта: «никто не может быть принуждаем к исповедованию государственной религии путем наказаний или иным способом, но должны быть приложены старания привлечь граждан надлежащим наставлением и примером хорошего поведения». – См.: Гизо, Франсуа. История английской революции: В 2 т. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996.

содержат в себе ничего противоречащего правилам, заключающимся в настоящем акте...»¹²¹.

Туда же корнями уходит практика *совмещения* «депутатского мандата» и «министерского портфеля» (речь идет о так называемой «системе заслуг», в рамках которой членами кабинета становятся избранники народа, наиболее приближенные к лидеру победившей на выборах партии), без которой трудно представить властный механизм современного Соединенного Королевства: «... Что осуществление полномочий верховного правителя и управление¹²² означенными выше странами и владениями и их населением принадлежит Лорду-протектору, при содействии Совета, число членов которого не должно превышать двадцати одного и не быть ниже тринадцати... В случае смерти или выбытия кого-либо из них парламент избирает *шесть кандидатов на место выбывшего*. Из числа этих шести Совет большинством голосов выбирает двух и представляет Лорду-протектору, который утверждает в звании члена Совета одного из этих двух лиц...»¹²³.

¹²¹ По существу, аналогичный механизм успешно действовал в течение нескольких веков между парламентом и королем, более того – будет по-прежнему функционировать и после реставрации монархической формы правления, с некоторыми изменениями (например, по срокам), до настоящего времени.

¹²² К исключительным полномочиям парламента были, помимо прочего, отнесены вопросы формирования целого ряда публичных органов: «... канцлер, хранитель или блюститель большой (государственной) печати, казначей, адмирал, генерал-губернаторы Ирландии и Шотландии и главные судьи судов обеих скамей должны назначаться *с одобрения парламента*; в промежутках между заседаниями парламента – с одобрения большей части Совета, утверждаемого затем парламентом».

¹²³ См.: Форма правления государствами Англия, Шотландия и Ирландия и владениями, им принадлежащими («Орудие управления») 13 декабря 1653 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 17, 18-19. Справедливости ради надо сказать, что непосредственно Оливер Кромвель занимал эту должность всего лишь около пяти лет, до своей кончины в 1658 году, тем не менее его роль в становлении и развитии республиканской формы правления – до сих пор не поддается однозначной оценке. Как отмечает историк М.А. Барг, «... самое парадоксальное в биографии Кромвеля не только в его стремительном взлете на политическую вершину страны, в результате чего его личная судьба слилась воедино с судьбой великой социальной революции, с судьбой народа Англии. Не менее парадоксальной выглядит цепь его «превращений» из «штурмовавшего небо» революционера начала 40-х годов XVII века в консервативного и, более того, в контрреволюционного диктатора 50-х годов; из организатора свержения монархии, суда и казни «коронованного тирана» Карла I – в лорда-протектора Англии, готового было возложить на себя английскую корону и основать новую династию взамен низложенной... Стоит ли удивляться тому, что современники, наблюдавшие за этими превращениями, чаще всего считали Кромвеля «бесстыдным лицемером» и «великим обманщиком», «учеником Макиавелли», будто бы изначально замыслившим то, чем завершил свою карьеру, – установление своей диктатуры... Очевидно, – констатирует по этому поводу отечественный исследователь, – что в этих «трансформациях» Кромвеля сказались неизбежная классовая ограниченность дворянского революционера. Дело в том, что в ходе буржуазной революции происходит постоянное *уточнение* изначальных понятий – лозунгов, которыми вдохновлялись штурмовавшие старый режим массы. Обобщенное понятие «свобода», достаточное для периода гражданской войны, впоследствии неизбежно дифференцируется сообразно различному положению различных социальных сил в лагере революции. Стоило поэтому народным низам уточнить свое понимание содержания свободы, как они в глазах «свободолюбца» Кромвеля из «божьих», «святых» людей превратились в исчадие ада. В этом одном-единственном вопросе Кромвель оказался не только объективно, подчеркиваем – не только

С каким же знаком – положительным или отрицательным с точки зрения генезиса конституционно-правовых отношений следует оценивать процесс, в течение которого, сначала *ликвидировав* монархию, а затем вновь *воссоздав*, Англия стала «современной»? Как отмечает один из ученых-компаративистов, стремясь найти социальные пружины и внутренние политические механизмы этого маятника, «... режим протектората, вызванный к жизни в значительной степени необходимостью военного противостояния опасности реставрации, своей ярко выраженной классово эгоистической политикой, исключительно в интересах собственнических классов, *объективно готовил реставрацию* на английском престоле *легитимной монархии* Стюартов. Это случилось вскоре после смерти Оливера Кромвеля – 25 мая 1660 года... Внешне могло казаться (и до сих пор некоторым историкам еще продолжает казаться), что революция 40-х годов прошла бесследно: восстановлена была не только монархия, но и палата лордов, вся система центрального управления, за исключением так называемых судов прерогативы, англиканская (епископальная) церковь. На самом же деле более вдумчивые исследователи уже давно утвердились во мнении, что *революция середины XVII века* знаменовала собой *начало новой исторической эпохи*, что лишь с позиции ее исторического опыта и ее, пусть временных по видимости, завоеваний возможна научная трактовка не только истории Англии в столетие, последовавшее за ней, но и истории стран Европы в целом. Это в равной степени истинно, будем ли мы рассматривать сферу экономики или сферу политики, сферу идей или сферу науки...»¹²⁴.

Особо подчеркивая тот факт, что «нет ни одной области истории Европы вообще и истории Англии в частности, через которую революция середины XVII века не провела бы глубокую борозду, знаменующую начало новой эпохи всемирной истории», цитируемый автор вместе с тем достаточно критичен по отношению к тому, кто в результате введения в действие положений «Орудия

объективно, но и субъективно *непоследовательным*, чтобы не сказать сильнее – *отступником*. Но именно этого отступничества традиционная двухпартийная английская историография не заметила...». – Цит. по: *Барг М.А.* Великая английская революция в портретах ее деятелей. – М.: Изд-во «Мысль», 1991. – С. 153-154, 251.

¹²⁴ См.: *Барг М.А.* Великая английская революция в портретах ее деятелей... – С. 150.

управления» с 16 декабря 1653 года непосредственно возглавил государство, сконцентрировав в своих руках всю полноту власти: «В стране устанавливался режим единоличной власти... Таков финал. Кромвель-революционер объявил себя констеблем Англии собственников... С позиции историков, как роялистов, так и «республиканцев», Кромвель, «наконец, сбросил маску». Он достиг цели, к которой будто бы шел если не с самого начала гражданской войны, то по крайней мере со времени казни короля... Думается, – полагает ученый (и с такого рода обобщающим выводом в основном нельзя не согласиться!?), – что в действительности скорее объективное развитие событий – от революции к контрреволюции – привело ее к концу 1653 года к подобному исходу: страх перед устремлениями народных низов оказался у грандов сильнее желания реформ. Сама невозможность конституирования «свободно избранного» парламента в условиях непрекращающихся роялистских заговоров и роста массового недовольства политикой Республики, с одной стороны, и все более откровенный социальный консерватизм джентри, проявлявшийся Кромвелем и его окружением..., с другой, позволяют понять причины отказа правящей офицерской верхушки даже от чисто внешних атрибутов республиканизма и пойти на установление режима протектората. Другого в тех условиях просто не было дано. Кромвель – прославленный полководец гражданских и внешних войн страны, единственный человек, само имя которого обеспечивало послушание армии и держало в страхе врагов, – оказался в данных условиях «естественным» правителем страны...».

Как ни парадоксально на первый взгляд, но Оливер Кромвель *«никогда не был убежденным республиканцем*. Еще в декабре 1651 года на совещании у спикера палаты он заявлял: «Мы должны рассмотреть, будет ли республика или смешанная монархия лучшей формой устройства; если же предположить нечто монархическое, тогда кому эта власть должна быть доверена». В то же время он отнюдь не был из ряда тех честолюбцев, которым гордыня слепит глаза... *Отныне Кромвель стал олицетворением движения революции по нисходящей – от республики к монархии*. Подобное перерождение настигло и...

революционную армию, сменившую широкие общественные идеалы на жалование наемников...»¹²⁵. Иначе говоря, речь идет о ребрендинге власти.

Перед нами, вероятно, диссонанс между «*формой*» и «*содержанием*», когда, декларируя (без учета социально-экономических условий) одно, в итоге получается совсем другое, нередко прямо противоположное первоначальной идее «свободы и справедливости», начерченной на штандартах инициаторов преобразований и поддерживавших их слоев населения, особенно в ситуации, в рамках которой о соответствующих предпосылках демократизации архаичной общественно-политической системы можно говорить чисто гипотетически. Но и при этом нет никаких гарантий, что достигнутый результат удовлетворит все заинтересованные стороны, так как, если вывести за скобки декларации¹²⁶, с которыми «новый класс» *все менее абстрактно* позиционировал себя и свои корпоративные интересы, рассчитывать, что компромисс между участниками противостояния будет достигнут практически в любой, в том числе кризисной, обстановке, не приходилось по вполне объективным причинам. Если сказать, что между «правлящей элитой» и «подвластными» нет никаких сколько-нибудь принципиальных разногласий, то совершенно по-другому воспринимается и собственно процесс легитимации итогов, к которым пришло англосаксонское общество, сначала отказавшись от монархии, а затем – от республики. Важнее следующее обстоятельство: несмотря ни на что, *феодализм все отчетливее становился достоянием истории*, так как воссозданная форма правления не

¹²⁵ Цит. по: Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей... – С. 240-241.

¹²⁶ Например, читаем: «... Что касается пользования правами и свободами..., принадлежащими народу, от которого исходит всякая справедливая власть, – обращался к Оливеру Кромвелю в конце февраля 1649 года один из лидеров так называемых «левеллеров» Джон Лильберн, – наши просители надеются и ожидают, что вы и армия поможете народу осуществить их... Мы крайне удивлены тем, что, несмотря на величайшие идеи свободы, которых до сих пор не создавал ни этот народ и никакой другой в мире; несмотря на огромные потери крови и средств, которые потребовались, чтобы приобрести эти свободы; несмотря на многие замечательные и даже чудесные победы, которыми богу угодно было ознаменовать это справедливое дело; несмотря на чрезвычайные тягости и мучения народа; несмотря на все это, – ваша палата неоднократно оказывалась в руках ваших слуг, лицемерно делающих вид, будто они намерены защищать наши прирожденные свободы. В самом деле, когда мы посмотрим, какие мучения и страдания народ испытал от расстройства торговли, дороговизны продуктов и многих других бедствий, например, военных постоев, насилия и прочих тягот, связанных с войной, то мы найдем, что его поддерживала во всем этом лишь надежда на свободу и на то, что государство будет в конце концов благоустроено...». – См.: Лильберн Дж. Новые цепи Англии, или серьезные опасения части народа относительно республики // Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII – XVIII вв. / Сост.: М.Ю. Золотухин, М.М. Куриев, В.М. Лобанов и др.; под ред. В.Г. Сироткина. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 56-57.

соответствовала той, которая прекратила свое существование 4 января 1643 года – в момент провозглашения Палатой общин себя верховной властью¹²⁷.

Сказанное выше, с полным основанием можно отнести и к тому, каким образом протекал процесс *реставрации монархической формы правления*, в котором, как в зеркале, отразились черты, в большей либо меньшей степени свидетельствующие о *незавершенном* характере английской революции. Так, не сумев достойным образом заменить отца, Ричард Кромвель, ставший не кем иным, как *преемником лорда-протектора*, продержался на троне только восемь месяцев, после которых военный совет, инициировав созыв остатков парламента, предложил отменить протекторат: «... Англия оказалась во власти враждующих между собой армейских генералов в «комитете безопасности». Без сильной

¹²⁷ Следует иметь в виду, что учредительные документы периода *индепендентской* республики в той либо иной степени de facto отражали общественные настроения: «Мы объявляем и публикуем перед всем миром, – пишут в одном из обращений к английской нации и сторонникам Оливера Кромвеля лидеры «левеллеров», – что мы согласились принять следующее: 1. Верховная власть в Англии и входящих в нее территорий отныне должна принадлежать народному представительству в составе 400 человек, но не более; в выборах их должны иметь голос согласно естественному праву все люди в возрасте 21 года и выше (за исключением, слуг, лиц, живущих милостыней, и тех, кто служил бывшему королю оружием и добровольными пособиями); указанные лица имеют право быть избранными в это верховное представительство, кроме служивших королю (как мы видим, «победители» уже тогда пытались ввести в отношении «проигравших» механизмы «люстрации»?! – Э.Е.), которые лишаются этого права сроком на 10 лет... 2. 200 из 400 человек, но не менее, должны приниматься и считаться за компетентное представительство, а большинство их голосов должно признаваться решением нации; место заседания и избрание председателя со всеми подробностями предоставляется усмотрению этого и будущих парламентов. 3. Все должностные лица должны быть подотчетны парламенту, и не может быть места никакой клике, руководствующейся низкими интересами; никакой офицер из наемных отрядов в армии или в гарнизонах, ни казначей или сборщик налогов не могут быть избраны членами парламента, и если когда-нибудь будет избран юрист, он должен прекратить практику на время своих полномочий. Только таким образом все люди будут способны как к подчинению, так и к управлению. 4. Ни один член настоящего парламента не может быть избран в члены последующего парламента, ни член последующего парламента в парламент, непосредственно за ним следующий, но, чтобы его не выбирали, пока не пройдет срок одного представительства; ни один член парламента не может быть сборщиком, казначеем или другим чиновником во время своего депутатства... 24. Парламент не имеет права назначать священников в какие-либо приходы; необходимо предоставить прихожанам каждого прихода право выбирать таких священников, которые им нравятся, и на такие сроки и за такое вознаграждение, как это им угодно установить или как они договорятся с теми, кого они выбирают. Необходимо позаботиться, чтобы и здесь избирателями были лишь те, кто имеет право выбирать в парламент. 25. Парламент не имеет права издавать или сохранять законы, устанавливающие какие-либо суды, приговаривающие к лишению жизни, членов тела, свободы или имущества, кроме суда двенадцати присяжных заседателей, которые должны выбираться народом свободно и исполнять свои обязанности до конца следующего парламента, и чтобы они не исключались и не штрафовались, как это наблюдалось до сих пор... 26. Парламент не имеет права удалять кого-либо с государственной должности по религиозным мотивам за исключением тех, кто поддерживает папистскую или иную иностранную власть. 27. Парламент не имеет права назначать каких-либо чиновников в графства, сотни, города и местечки; сам народ, имеющий право выбора..., выбирает своих должностных лиц и наблюдает за тем, чтобы эти лица соответствующим образом исполняли законы в своих местах в течение года, но не более, и так из года в год. Это является специальным средством, чтобы избежать господства клик и партий...». – Цит. по: Соглашение свободного народа Англии, предложенное в качестве мирного средства несчастной нации подполковником Джоном Лильберном, мистером Уильямом Уольвином, мистером Томасом Принсом и мистером Ричардом Овертоном, узниками в Лондонском Тоуэре, 1 мая 1649 года //Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции... – С. 63-64, 67.

власти... республика («содружество») скатилась к анархии. Она отчаянно нуждалась в лидере. И единственным человеком, который опирался на поддержку армии, был назначенный Кромвелем губернатор Шотландии, генерал Джордж Монк... В свое время Монк служил и королю, и парламенту, подавлял мятеж против республики в Ирландии и Шотландии... Вся Англия замерла в тревожном ожидании... Только в феврале 1660 года его войска подошли к Лондону, где генералу оставался всего один шаг до положения диктатора. Обладая Монк амбициями Кромвеля, история Англии выглядела бы совсем иначе. Но генерал чувствовал настроение всей страны, настроение парламента...»¹²⁸. И результаты не заставили себя долго ждать.

На примере сначала Оливера Кромвеля, а затем одного из его отважных генералов, можно проследить за тем, *какова роль личности в истории*, в том числе – в восстановлении в Англии монархии: оценив внутривластическую ситуацию, сложившуюся в обществе и государстве, стоявшим, по существу, на пороге очередной гражданской войны, губернатор Шотландии «... пришел к заключению, что та «Смирная петиция» о необходимости реставрации монархии, которая, по иронии судьбы, была адресована Кромвелю, являлась единственным основанием для конституционного прогресса. На тот момент на роль короля был лишь один кандидат – Карл II, который (после поражения в войне. – Э.Е.) находился в Нидерландах...».

Можем ли мы говорить о том, что, предлагая вернуться к старой форме правления, светские и религиозные правящие элиты (за прошедшие двадцать лет не только не забывшие коллизий между монархом и парламентом, но и не утратившие инстинкт самовывживания) надеялись сохранить в неизменном виде все те институты, с которыми ассоциировалась республика и менее чем шестилетний протекторат, или стабилизация обстановки воспринималась ими не так болезненно, как вполне реальная анархия, последствия которой никто не мог предугадать? Скорее всего, верх взяли здравый смысл и традиционный

¹²⁸ См.: Дженикинс С. Краткая история Англии... – С. 196-197.

англосаксонский прагматизм, усиленные тем фактом, что собственно процесс реставрации в целом пройдет под «присмотром» тех, кто его инициировал. В той или иной мере все прошло по заранее подготовленному «сценарию», но от этого вопросов не стало меньше (прежде всего у самих англосаксов, редко критически воспринимающих историю своей страны, со всеми вытекающими из, весьма характерного для них, национального снобизма последствиями, и чрезвычайно скептически относящимися к любой альтернативной, тем более нестандартной точке зрения, какой бы она в конце концов ни была): «... И что же было реставрировано? События 1660 года можно назвать первым случаем проявления коллективного разума. Ведь страна прежде совершила нечто чудовищное: пошла войной сама на себя и обезглавила собственного короля. На протяжении двух десятилетий в Англии сменялись теократическая тирания, парламентское правление, республиканское содружество и военная (и всегда во главе стоял Оливер Кромвель. – Э.Е.) диктатура. Создавалось впечатление, что страна примеряет на себя конституции. Теперь, методом проб и ошибок набравшись опыта, она решила, что снова хочет монарха – и не любого, а сына того, кого недавно сама же и отправила на эшафот. Но *если монарх был похож на предыдущего, сама монархия была совсем иной...* Правление Карла II... коренным образом отличалось от власти... армейского совета Кромвеля...»¹²⁹.

Парадокс состоял в том, что, так сказать, «научены опытом» были оба участника процесса реставрации – и монарх, и правящие элиты (за некоторой частью которой стояли определенные слои городского населения), что в той либо иной степени *не могло в итоге не отразиться* на дальнейшем развитии конституционно-правовых отношений и формировании властных институтов, с которыми ассоциируется современный британский парламентаризм. Но, как ни странно, на первом этапе восстановления прежней формы правления роли распределились таким образом, что парламенту пришлось довольствоваться статусом статиста, так как на нем во многом лежала ответственность за тех, кто

¹²⁹ Цит. по: *Дженкинс С. Краткая история Англии...* – С. 197, 199.

двадцать лет назад, не желая идти на компромисс, спровоцировал начало той конфронтации с королем, в результате которой последний взошел на эшафот. Нельзя сказать, что высшая аристократия «мстила» депутатам за собственное унижение (что, естественно, имело место) и годы вынужденной иммиграции, однако все выглядело таким образом, что, вырабатывая конкретные властные и контрольные механизмы, представители монарха всячески подчеркивали (о чем свидетельствуют документы) субсидиарный характер парламента на фоне короля и его ближайшего окружения. Вне всякого сомнения, *это не являлось возрождением архаичного абсолютизма*, тем не менее, нельзя не признать, что парламент собственноручно (или по собственной инициативе) принимал решения, как бы замаливая грехи, вызывавшие недоумение и протест даже у восстановленного в статусе и традиционной титулатуре короля.

Созывается (*без каких-либо электоральных процедур*, поэтому вопрос стоит о «представительном» характере органа) так называемый «Кавалерский парламент», в составе которого «... было столько же приверженцев монархии, сколько и в его предшественнике, Долгом парламенте (институт 1640 года, который вновь потребовал созвать Джордж Монк, с целью его самороспуска и последующей передачи соответствующих полномочий новому собранию, призванному начать переговоры о восстановлении монархии и возвращении короля. – Э.Е.), но при этом парламентарии высказывали немало критических замечаний в адрес монархии как таковой. К смятению Карла (по-видимому, не только его одного, но и многих других, в том числе местного населения?! – Э.Е.), парламент незамедлительно исключил из амнистии, предусмотренной Бредской декларацией, всех «цареубийц» и распорядился эксгумировать и вздернуть на виселицу их тела, включая останки Кромвеля. По законам, составленным лорд-канцлером правительства..., англиканская церковь вновь ввела... «Книгу общих молитв». Парламент... отказался от «права на свободу совести», провозглашенного Бредской декларацией...»¹³⁰.

¹³⁰ Цит. по: *Дженкинс С. Краткая история Англии...* – С. 201.

Итак, как мы видим, маятник не просто качнулся в другую сторону, *ему помог это сделать парламент*, так как именно он, а не монарх, инициировал «гонение на ведьм» и чистку церкви от пуритан, объявив, помимо прочего, вне закона все нонконформистские секты, тем самым ускорив их иммиграцию в «заморские территории» и постепенное формирование там теократических колониальных систем, в основе которых будут лежать *октроированные акты*, типа королевских хартий или патентов. С таким трудом и издержками когда-то завоеванная независимость парламента была единственным вопросом, по которому было трудно найти приемлемый компромисс, тем более – возврат к прошлому, поэтому конфликт между монархом и депутатами приобретал в итоге *совсем не декларативный характер*. Необходим был веский повод для того, чтобы отыграть утраченные позиции, и им стала латентная реставрация католицизма, явившаяся каплей, переполнившей чашу терпения¹³¹.

Важнейший шаг в направлении «*модернизации*» монархической формы правления (именно благодаря ему она стала «современной» и «британской»), получившей новый импульс с приходом во власть католического короля, был осуществлен в процессе так называемой «Славной революции», в результате которой началась либерализация многих сфер отношений, приведшая в итоге к тому, что Англия стала восприниматься лидером «западного мира». Однако, надо признать, что в научной литературе до сих пор нет однозначных оценок данного события, в том числе в контексте генезиса конституционно-правовых отношений: «... Славная революция 1688 – 1689 годов занимает особое место в нашем понимании современного мира и революций, – отмечает в одном из своих фундаментальных исследований известный британский историк Стивен Пинкус, ломая сложившиеся представления и стереотипы, – которые оказали влияние на его формирование. Большую часть времени в течение трех веков (впрочем, до

¹³¹ Письменные источники свидетельствуют о том, что Карл II был достаточно веротерпимым королем (хотя его и подозревали в некоторых симпатиях к римско-католической церкви и ее адептам), в то же время он не терпел проявлений какого-либо религиозного фанатизма, поэтому даровал секте квакеров в лице адмирала Уильяма Пенна королевскую хартию на организацию в Новой Свете колонии, получившей позднее название Пенсильвания. Более того, уже на смертном одре монарх принял католичество, что положительно оценил его брат, будущий король Англии Яков II.

сих пор!? – Э.Е.) ученые, общественные деятели и интеллектуалы идентифицировали английскую революцию... как *определяющий момент в истории Англии*. Политические философы ассоциировали ее с зарождением либерализма. Социологи сравнивают ее с французской, русской и китайской революциями. Историки указывают на революцию как на подтверждение необычной природы английского государства...»¹³².

По мнению цитируемого ученого, не разделяющего доминантной точки зрения, «... все эти интерпретации происходят из глубоко укоренившегося и часто повторяемого изложения английской революции 1688 – 1689 годов. К счастью, это изложение неверно (с чем, вероятнее всего, не согласился бы, и некто лорд Мальборо, хорошо известный читающей аудитории во всем мире как Уинстон Черчилль – автор многотомной «A History of The English-speaking people» («Истории англоязычных народов»)¹³³, вторая часть которой, помимо всего прочего, посвящена, рассматриваемому в настоящем разделе этапному для становления и развития конституционно-правовых отношений в Англии и Соединенном Королевстве в целом, без преувеличения, судьбоносному и для правящего класса, и для населения событию. – Э.Е.). А замена традиционного исторического рассказа на новый, в свою очередь, неизбежно заставит нас (в чем «оппоненты» тут же сумеют разглядеть стремление осуществить ревизию тех концепций, которые уже давно следует отправить в архив. – Э.Е.) изменить многое в базовых исторических, политических, моральных и социологических категориях, которые мы используем для определения современного мира...».

Пытаясь объяснить, почему «традиционный взгляд» оказался во многом ошибочным (стереотипным), по каким причинам он, несмотря ни на что, «так широко принимался столь долгое время», Стивен Пинкус отмечает: «... Старое изложение описывает революцию 1688 – 1689 годов как великий момент, в который англичане *защитили* свой уникальный образ жизни. Довод, который я

¹³² Цит. по: Пинкус, Стивен. 1688 год. Первая современная революция /Пер. с англ. – М.: Изд-во АСТ, 2017. – С. 14. Именно по итогам «Славной революции» английский парламент сумел реально ограничить монархию.

¹³³ Подробнее см.: Черчилль Уинстон С. История англоязычных народов. Т. 2. Новый мир /Пер. с англ. С.Н. Самуйлова, О.Ю. Ивановой при участии М.А. Леоновича. – Екатеринбург: Гонзо, 2012. – С. 400-412.

выдвигают..., заключается в том, что английские революционеры *создали* новый тип современного государства. И именно новое государство оказало... влияние на формирование современного мира... В традиционном изложении событий Славной революции англичане под предводительством своих народных лидеров в обеих палатах парламента, в 1688 – 1689 годах лишь чуть-чуть изменили английскую политику. Они ввели несколько иной порядок престолонаследия, сделав невозможным наследование престола католиком, а также¹³⁴ провозгласили Акт о веротерпимости..., позволив протестантам... свободно проводить свои службы. Безусловно, возникли некоторые важные неожиданные последствия этой бескровной революции. Но эти результаты следовало воспринимать скорее не как прямые следствия событий, а как естественный продукт английского национального характера – того характера, который католические монархи дома Стюартов так стремились изменить»¹³⁵.

У истоков концепции, со временем ставшей «традиционным взглядом», стоял крупнейший историк «викторианской эпохи» Томас Бабингтон Маколей, изложивший свою точку зрения на процесс имевших место трансформаций в магистерской диссертации «История Англии», впервые опубликованной еще в середине XIX века, но по-прежнему считающейся образцом для подражания. Во многих аспектах последующие публикации на данную тему лишь в деталях отклоняются от изложения «фабулы событий», их важнейших предпосылок и результатов, «принимая, тем не менее, его общий тезис... Тезис Маколея стал *классическим* утверждением либеральной интерпретации революции 1688 – 1689 годов. Он имеет ряд отчетливых положений. Первое: *революция была неревolutionной* (именно поэтому ее нередко называют незавершенной, в связи с тем, что никаких принципиальных трансформаций в форме правления и политической системе в целом в итоге так и не произошло, невзирая на ряд изменений в социально-экономической и общественно-политической сфере. –

¹³⁴ См.: Акт об устройении (Акт о будущем ограничении и о лучшем обеспечении прав и свобод подданных) 12 июня 1701 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 29-30.

¹³⁵ См.: *Пинкус, Стивен*. 1688. Первая современная революция... – С. 14.

Э.Е.). В отличие от других последующих революций английская революция была бескровной, согласованной, аристократической и, кроме того, разумной. У англичан не было желания преобразовывать... государственное устройство, свое общество и свою культуру. Наоборот, они беспокоились, что Яков II как раз и намеревался сделать это. Второе: *революция была протестантской*. Яков II попытался восстановить в Англии католицизм. Революцию совершили, чтобы Англия осталась протестантским государством (что нашло отражение в одном из наиболее значимых учредительных актов, до сих пор не утратившим логики и актуальности: «... Предусматривается и настоящим постановляется..., что всякое лицо, которое в дальнейшем вступит в обладание указанной выше короной¹³⁶, должно присоединиться к английской церкви, как это установлено законом». – Э.Е.). Третье: революция продемонстрировала фундаментальную особенность английского национального характера. Жители континентальной Европы постоянно колебались между диким экстремизмом республиканского и народного правительства, с одной стороны, и тираническим королевским абсолютизмом – с другой. Англичане, наоборот, доверялись ограниченной монархии, допустив лишь разумное количество... народных свобод. Так же как англиканская церковь стала разумной серединой между крайностями... католицизма и радикальным протестантским сектантством, так и английское государственное устройство, поддерживая свою древнюю конституцию, было разумным... В этом контексте англичане оставались приверженцами своей иерархической социальной структуры именно потому, что она не навязывала непреодолимого разрыва между аристократией и народом...».

Какие же аргументы, не соглашаясь с оппонентом, в этой связи высказал Стивен Пинкус? Как констатирует исследователь, «... английская революция 1688 – 1689 годов была *первой современной революцией*. Я пришел к этому заключению после более чем десяти лет поисков в архивах Великобритании, Северной Америки и Европы. Маколей построил свой рассказ на огромном

¹³⁶ См.: Акт об устройении (Акт о будущем ограничении и о лучшем обеспечении прав и свобод подданных) 12 июня 1701 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 29.

количестве свидетельств; но еще больше нового материала стало доступно за прошедшие полтора века... Эти новые исторические работы, как мне кажется, позволяют поведать радикально отличную историю о революции 1688 – 1689 годов. В этом рассказе *английский опыт предстает не исключительным, а абсолютно типичным* для государств, испытавших современные революции, и его отличие только в приоритете (вне всякого сомнения, с этим обобщением в целом нельзя не согласиться!? – Э.Е.). Революция 1688 – 1689 годов важна не потому, что она подтвердила исключительность английского национального характера, а потому, что она стала *поворотным моментом* в возникновении современного государства...» (англосаксонской модели, в частности).

Заслуживает внимания и следующий вывод, в большей либо меньшей степени ломающий концептуальные стереотипы, превалирующие во взглядах на этот период английской истории: «... Хотя господствует мнение, что Славная революция была бескровной, аристократической (в таком случае, вероятнее всего, целесообразнее и логичнее говорить о *государственном перевороте*, а не о революции, чем грешат, в частности, все те, кто после так называемого «киевского майдана» незаконно пришел к власти в конце февраля 2014 года на «самостийной» Украине, как неоднократно до этого в других странах. – Э.Е.) и пользовалась поддержкой всех слоев населения, в действительности все проходило по-другому. Революция 1688 – 1689 годов была, конечно, менее кровавой, чем революции XX столетия (особенно, если игнорировать потери, которые понесли католики!? – Э.Е.), но англичане стойко перенесли насилие против собственности и личностей в масштабах, вполне похожих на масштабы французской революции конца XVIII века. Английские мужчины и женщины по всей стране угрожали друг другу, разрушали имущество друг у друга, убивали и калечили друг друга в течение всего периода революции. Англичане... от Лондона до Ньюкасла, от Плимута до Норвича, *пользовались насилием или угрозой насилия*, либо существовали под всеяющим ужас страхом насилия.

Революционные события не были спокойными и мирными. Не представляли они и уравновешенных переговоров, ведущихся элитой...»¹³⁷.

Принято считать, что для достижения необходимого результата, лучше всего учиться не на своих, а на чужих ошибках, поэтому далеко не праздным является вопрос: какие уроки извлекли из процессов, протекавших в течение тридцати лет в Англии, Шотландии и Ирландии, их европейские «коллеги» по профессии в лице представителей «царствующих домов»? Как отразились они в немногочисленных реформах, как правило, направленных на поддержание *все более дряхлеющего абсолютизма*, а не на последовательное улучшение социально-экономического положения широких слоев населения? Смогли ли правящие элиты предотвратить будущий крах политической системы, основу которой составляли личные и корпоративные отношения, уже не отвечавшие реалиям дня, ведь после реставрации в пределах Туманного Альбиона и ряда подконтрольных «заморских территорий» монархической формы правления

¹³⁷ Цит. по: *Пинкус, Стивен*. 1688 год. Первая современная революция... – С. 15, 18-19, 20-21. Одним из многих стереотипов, посредством которых характеризуется английское общество после реставрации монархической формы правления, является утверждение о господстве в общественном сознании идей, обусловленных, в той или иной степени, наличием государственной религии, иерархии которой (прежде всего возглавлявший ее король) не имели никакого отношения к Римской курии. Однако период правления Якова II, исповедовавшего католицизм, во многом опровергает подобную точку зрения. Критически оценивая внутреннюю политику короля как *провокационную*, Уинстон Черчилль характеризует политический процесс следующим образом: «Яков выступил с первой Декларацией о религиозной веротерпимости, отменявшей прежние репрессивные законы против диссидентов и католиков. Стремление сделать католика президентом колледжа Магдалены в Оксфорде вызвало сопротивление членов совета и их изгнание. В июле Яков запланировал публичный прием папского нунция... Король, говоря современным языком, определил свою политическую платформу. Вторым шагом должно было стать создание партийной машины, а третьим – обеспечение с ее помощью выборов такого парламента, который отменил бы «Акт о присяге». Необходимое голосование в сельской местности могли бы организовать лорды-лейтенанты, а в городах – муниципалитеты. Именно на это и была теперь направлена энергия Якова. Те из лордов-лейтенантов, которые отказались манипулировать выборами, потеряли свои посты. Их сменили католики или верные назначенцы двора. Муниципалитеты и суды также подверглись решительной чистке, целью которой было обеспечение преобладания в них папистов и диссидентов. Правительство пыталось добиться от местных властей обещания поддержать политику короля. Выдвижение католиков и диссидентов на места, занимаемые англиканами и кавалерами, разрушало и меняло всю социальную структуру английской жизни, установившуюся в период реставрации. Затронутыми оказались интересы, права и чувства не только гордой и богатой знати, но и широких масс простого народа. Оказывая сопротивление короне, влиятельные и зажиточные чувствовали молчаливую поддержку большинства населения... Те, кто защищает поведение Якова, – подчеркивает в этой связи лорд Мальборо, – пытаются преувеличить численность английских католиков. Утверждают даже, что, несмотря на многие десятилетия преследований, старой веры еще придерживалась примерно восьмая часть населения. Однако даже католические семейства, за исключением немногих обласканных королевскими милостями, с глубокой тревогой сознавали, в какое опасное приключение увлекает их король. Сам Папа..., следуя политике папского престола, осудил чрезмерное рвение Якова, а его легат в Англии настаивал на осторожности и благоразумии. Но король ожесточил свое сердце и укрепил армию...». – Цит. по: *Черчилль Уинстон С.* История англоязычных народов. Т. 2. Новый мир... – С. 401-402.

Спрашивается: о каком мирном характере политического процесса может идти речь? Вопрос, как говорится, риторический, однако авторы типа Томаса Бабингтона Маколея нас пытаются убедить в обратном.

прошел век, в течение которого англосаксонский капитализм не только вышел на лидирующие позиции, но и беспрецедентным образом доказывал Европе несостоятельность, истощенность и бесперспективность, выбранной когда-то цивилизационной модели? Как долго – годы или многие десятилетия – еще продолжалась бы *агония западноевропейского феодализма* без расширения масштабов французского, испанского, португальского, голландского и прочего колониализма и последовательной активизации практики работорговли?

Как писал по этому поводу автор «The French Revolution. A History», *есть нечто удивительное* в том, «... как долго держится прогнившее, если его не потрясти как следует. Поколения за поколениями видят, как оно продолжает держаться, «отвратительно притворяясь живым организмом», хотя жизнь и правда давно отлетели от него. И все из-за того, что люди неохотно бросают торговые пути, чтобы вопреки лени и привычке к покою вступить на новую дорогу. Поистине, велика власть существующего, и не в том ли и весь вопрос, как часто ускользает оно от глубокомысленных теорий¹³⁸ и является пред

¹³⁸ Никакая доктрина не могла предположить тех «эксцессов» (от перманентно работающей гильотины до кровавой бойни и расстрелов из пушек в провинции Вандея, активное участие в которых принимал будущий император), с которыми в общественном сознании до сих пор ассоциируется французская революция.

Косвенным образом о соответствующих «эксцессах», в большей или меньшей мере обусловленных соответствующими тенденциями, говорит в одной из книг, посвященных французской революции, Алексис де Токвиль: «... В сумраке будущего можно уже открыть три очень ясные истины. Первая из них – та, что все современные люди (речь идет о середине XIX века. – Э.Е.) увлечены какой-то неведомой силой, которую можно надеяться урегулировать и замедлить, но не победить, и которая то медленно толкает, то с силой мчит их к уничтожению аристократии; вторая – та, что из всех обществ в мире всего труднее будет надолго избежать абсолютного правительства тем, в которых аристократии уже нет и не будет; наконец, третья истина состоит в том, что нигде деспотизм не ведет к более гибельным последствиям, чем в таких именно обществах, потому что в них он больше, чем всякий другой род правительства, способствует развитию всех пороков, которым эти общества специально подвержены, и таким образом толкает их в ту самую сторону, куда, следуя природному влечению, они уже склонились... В них люди, уже не связанные друг с другом ни кастой, ни сословием, ни корпорацией, ни родом, слишком склонны заботиться *только о своих частных интересах* и, всегда *занятые только собой*, погружаются в узком индивидуализме (складывается впечатление, что историк и дипломат рассуждает о современной Франции, Европейской союзе и «коллективном Западе» в целом, как все точно и реалистично. – Э.Е.), который заглушает всякую общественную добродетель. Деспотизм не только не противодействует этой склонности, но делает ее непобедимой, потому что он отнимает у граждан всякую общую им страсть, всякую надобность друг в друге, всякую необходимость взаимного понимания, всякий повод к совместной деятельности; он, так сказать, закупоривает их в частной жизни. Они уже стремились разделиться: он совершенно разобщает их; они начали охладевать друг к другу: он их обращает в лед...». – Цит. по: Токвиль, Алексис де. Старый порядок и Революция... – С. 21-22.

Как мы видим, уже к указанному периоду многим стало ясно, *в какую пропасть катится общество, пережившее буржуазно-либеральные революции*, одним принесшие декларации, провозглашавшие права и свободы, другим – те самые права и свободы, о которых мечтало большинство, а получило (впрочем, как и всегда!) ничтожное меньшинство, не пошевелив для этого даже пальцем, но затем сделав все возможное и невозможное, чтобы «завоеванное» случайно не досталось другим, особенно тем, *кто в итоге получил всего лишь декларации*. Ничего не скажешь – демократия, вернее, то, как ее видят правящие элиты.

нашими глазами в виде какого-нибудь определенного, неоспоримого факта, благодаря которому живут и работают люди или жили и работали в прошлом. Что... тут удивительного, если стремятся люди продлить ему жизнь и неохотно, с сожалением... расстаются, когда становится оно злобным и ненадежным. Будь же предельно осторожен, – предупреждает от поспешных шагов ученый, мысль которого звучит исключительно актуально, – безоглядный энтузиаст! Рассмотрел ли ты хорошенько, какую роль играет привычка в нашей жизни, какой дивный мост, образованный всеми нашими знаниями и достижениями, поддерживает нас над бездной неведомого и недоступного, подумал ли ты о том, какой бездной является само наше существо, которое, точно аркой, окружено тонкой корочкой привычек, заботливо и с трудом возведенной?...».

С другой стороны, нельзя не согласиться, что «... допустимо следующее утверждение: если вы столкнулись с ложью, подавляющей вас и пытающейся господствовать над вами, вы обязаны уничтожить ее. Надо только хорошенько обдумать, в каком состоянии духа вы станете это делать: очень важно, чтобы это были не ненависть или себялюбие и безрассудное применение насилия, важно, чтобы это было благородное, святое горение, обязательно связанное с милосердием. А иначе вы бы заменили старую ложь новой, вместо старой несправедливости создали бы новую, по собственному образцу, а ведь несправедливость всегда рождает ложь. В конце концов дела обстояли бы еще хуже, чем вначале... Так уж устроен наш с вами мир, – обобщает анализ историк¹³⁹, – что живут в нем одновременно нерушимая надежда на лучшее будущее и нерушимое стремление сохранить все, как было раньше, вечно спорят друг с другом *новаторство* и *консерватизм*, попеременно беря верх в этом

¹³⁹ Цит. по: Карлейль Т. История французской революции... – С. 32-33. Не менее важен для критической оценки предреволюционной ситуации как на континенте, так и непосредственно во Франции и следующий вывод: «... Об одном только, пожалуй, приходится пожалеть, наблюдая этот старый спор, так напоминающий классическую битву, пылающих ненавистью амазонок и юношей-героев, которая, как известно, закончилась объятиями, – о том, что уж очень он порывистый и страстный... Ведь стоит только консерватизму одержать в этом споре победу (а что тут удивительного, если консерватизм находит мощную поддержку в нашей лени и стремлении к покою), как он уже намерен сидеть в кресле победителя целый век, тиранически подавляя всякую неговорчивость, стараясь совершенно уничтожить своего противника...». – Там же. – С. 33.

споре. Между тем как то «демоническое», что таится в каждом из нас, только и ждет, чтобы хоть раз в тысячу лет вырваться наружу...»¹⁴⁰.

Как и за сто пятьдесят лет до этого в Англии, события начала лета 1789 года в Париже и ряде провинций королевства не предвещали ничего из ряда вон выходящего, тем более что «взятие Бастилии» прошло бескровно и как-то даже буднично. Однако процесс стал набирать обороты, что не могло в итоге не привести к осознанию того, что только легитимная государственная власть обладает *эксклюзивным правом на применение насилия*. А какой институт на тот период, кроме монарха, был вправе взять на себя ответственность, если общенациональный сословно-представительный орган в лице Генеральных¹⁴¹

¹⁴⁰ В контексте высказанных замечаний (о перманентном противоборстве прошлого, настоящего и будущего, новаторства и консерватизма), достаточно симптоматично, в том числе для становления конституционно-правовых отношений, выглядят тезисы Алексиса де Токвиля о *свободе и демократии*, сформулированные давно, но так и не утратившие своей актуальности: «В обществах демократических, где нет ничего прочного, каждый ежеминутно терзается страхом быть оттесненным вниз и страстным желанием подняться повыше; и так как деньги, став главным признаком, разъединяющим людей и отличающих их друг от друга, в то же время приобрели необычайную подвижность, беспрестанно переходят из рук в руки, преобразуют общественное положение людей, возвышая или принижая семьи, – в таких обществах не существует почти никого, кто не был бы вынужден делать отчаянные и постоянные усилия с целью сберечь или приобрести деньги. Таким образом, желание богатства во что бы то ни стало, искание прибыльных афер, страсть к барышу, погоня за благосостоянием и материальными наслаждениями (прошло более ста семидесяти лет, но, как мы хорошо знаем, ничего принципиально – в лучшую сторону – не изменилось. – Э.Е.) являются в таких обществах самыми обычными страстями. Здесь эти страсти свободно распространяются во всех классах, проникая даже в те из них, которым они раньше были наиболее чужды, и, если предоставить им волю, в короткое время могли бы совершенно расслабить и развратить нацию; природе же деспотизма свойственно содействовать их развитию и распространению. Эти расслабляющие страсти служат ему пособницами (что творится с так называемыми «меньшинствами», свидетельствует о бесперспективности каких-либо действий, прямо или опосредованно направленных на «упорядочение» процесса. – Э.Е.); они отвлекают внимание и занимают воображение людей вдали от общественных дел и заставляют их дрожать при одной мысли о революции. Один деспотизм может доставить им убежище и мрак, дающие простор алчности и позволяющие нажать бесчестные барыши, не огорчаясь бесчестьем. При отсутствии деспотизма эти страсти были бы сильны; под его сенью (как в случаях, когда в странах Европейского союза, благодаря диктату брюссельской и национальной бюрократии, дети самостоятельно определяют гендерную и сексуальную принадлежность. – Э.Е.) они господствуют... Одна свобода может в таких обществах успешно бороться со свойственными им пороками и удерживать эти общества на наклонной плоскости, по которой они скользят. И в самом деле, она одна может извлечь граждан из того состояния изолированности, в котором удерживает их самая материальная обеспеченность, и заставить их приблизиться друг к другу, она согреет их душу и... будет их соединять необходимостью понять, убедить друг друга и нравиться друг другу при выполнении общего дела. Она одна способна оторвать их от денежного культа и от мелкой будничной сутолоки частных дел, чтобы заставить их ежеминутно чувствовать... связь с отечеством; она одна от времени до времени на место погони за материальной обеспеченностью ставит более энергичные и возвышенные стремления, доставляет честолюбию более значительные цели, чем приобретение богатства, и творит свет, дающий возможность видеть и судить пороки и добродетели людей». – Цит. по: Токвиль, Алексис де. Старый порядок и Революция... – С. 22-23.

¹⁴¹ За это время, как справедливо отмечает, цитируемый ранее английский историк Томас Карлейль, «... их следы изгладились из сложившихся привычек людей. Их состав, prerogatives, процедура работы, которые никогда не фиксировались, совершенно неопределенны и смутны. Это глина, которой горшечник может придать любую форму, ту или эту, – лучше сказать 25 миллионов горшечников, потому что именно столько людей имеют сейчас, в той или иной степени, право голоса... Так какую же форму придать Генеральным штатам? Вот вопрос! У каждой корпорации, каждого привилегированного, каждого объединившегося сословия имеются свои тайные надежды и свои тайные опасения, ведь, обратите внимание, это чудовищное двадцатимиллионное сословие – доселе

штатов вообще не собирався с 1614 года? Не придумав ничего оригинального, принимается решение о формировании Генеральных штатов нового созыва, с этой целью «... на первичных и вторичных собраниях, в подготовке наказов («списков жалоб и нужд», или «*sahier de plaintes et doleances*» в оригинальной фразеологии. – Э.Е.), в выдвижении предложений на различных сблищах, в нарастающих раскатах красноречия, наконец, в грое мушкетных залпов, взволнованная Франция проводит... выборы 1214 депутатов...»¹⁴².

Есть ли какие-либо веские основания говорить о том, что завершение избирательной кампании и формирование нового представительного органа со старым названием умиротворили внутриполитическую ситуацию, или все-таки процесс радикализации отношений могли остановить лишь значительно более существенные действия со стороны короля и правящей элиты? Вопрос – *далеко не риторический*, так как, полагает Алексис де Токвиль (его работа была опубликована по «горячим следам», всего через несколько десятков лет после формирования Первой республики и тех событий, о которых историки и компаративисты не перестают говорить практически постоянно и в научных, и в общественно-политических кругах, и в обывательской среде), «во Франции накануне того дня, когда вспыхнула революция, никто еще в точности не догадывался о том, что ей предстояло совершить. Среди множества наказов я

безгласная овца, как стричь которую решали другие, – тоже лелеет надежду и поднимается! Оно перестало или перестанет быть безгласным, оно обрело голос в памфлетах или по меньшей мере мычит и ревет в унисон с ними, поразительно увеличивая силу их звучания. Парижский парламент (напомним, что парламенты как высшие судебнo-законодательные учреждения в Париже, а также в 12 крупнейших городах Франции, с передававшимися по наследству должностями судей и советников (в случае вакансии их можно было, в том числе, купить), были ликвидированы в 1790 году; их заменили суды с выборными судьями. – Э.Е.) уже однажды высказался в пользу «старой формы 1614 года». Эта форма имела то достоинство, что третье сословие, или общины, играло по преимуществу роль статиста, тогда как дворянству и духовенству оставалось только не перессориться между собой и договориться о том, что именно они считают наилучшим. Таково ясно выраженное мнение Парижского парламента. Но, встреченное шквалом возмущения и негодования, это мнение было сметено, как и популярность самого парламента, которая больше не вернулась. Роль парламента... практически сыграна. В связи с этим, однако, стоит отметить одну вещь – близость дат. 22 сентября парламент вернулся после «вакаций», или «изгнания в свои поместья», и водворился во дворце при безграничном ликовании всего Парижа. Тут же, на следующий день, этот самый парламент пришел к своему «ясно выраженному мнению», а уже наутро после этого вы видите, как его «осыпают оскорблениями», внешние дворы оглашаются свистом, и слава навсегда покидает его...». – Цит. по: *Карлейль Т. История французской революции...* – С. 81-82.

¹⁴² См.: *Карлейль Т. История французской революции...* – С. 89. Избранные от «третьего сословия» депутаты продемонстрировали, что представляют широкие слои населения, начав работу Национального собрания с того, что в присутствии короля (как и представители дворянства, следующие традициям дворцового этикета) остались в головных уборах, что стало, по существу, знаковым для французского общества событием.

нахожу только два, в которых обнаруживается некоторый страх перед народом. В других высказывается боязнь, что королевская власть... сохранит свое преобладание. Слабость и кратковременность Генеральных штатов (в скором времени они будут, без большого, судя по всему, сожаления, сданы в «архив», по причине абсолютной ненужности революционному обществу. – Э.Е.) возбуждают беспокойство. Существуют опасения, что над ними совершат насилие. Особенно боится этого дворянство... Пусть Генеральные штаты будут свободны – и все злоупотребления без труда будут уничтожены; предстоящая реформа громадна, но совершить ее легко...»¹⁴³.

Одним из актов, показавших обществу глубину намерений избранного парламента, становится знаменитый декрет «О подавлении беспорядков»¹⁴⁴ от 10 августа 1789 года (а не «Декларация прав человека и гражданина», как, в

¹⁴³ Об этом см.: *Токвиль, Алексис де. Старый порядок и Революция...* – С. 27. Парадокс, на который обращает внимание автор, состоит в том, что, по мере радикализации ситуации, резко меняется и отношение к тому, что подразумевается под революцией: «Между тем революция растет: по мере того как приподнимается голова чудовища и его странная и грозная физиономия становится видна; по мере того как революция, уничтожив политические учреждения, принимается за разрушение гражданского порядка, вслед за законами перестраивает нравы, обычаи и даже язык; когда, разрушив правительственный механизм, она колеблет основания общества и, по-видимому, готова, наконец, приняться за... Бога; когда спустя короткое время та же революция разливается за пределы Франции, неся с собой свои никогда невиданные приемы, новую тактику..., свои... «вооруженные» мнения..., сокрушая короны, и попирая народы..., – по мере того как все это происходит, точка зрения изменяется. То, что прежде казалось государствам и государственным людям Европы обыкновенной случайностью в жизни народов, является теперь фактом таким новым, так резко противоречащим всему, что раньше совершалось в мире, и в то же время таким всеобщим, чудовищным и непостижимым, что при виде его человеческая мысль останавливается в смущении. Одни думают, что эта невидимая сила, которую ничто, по-видимому, не питает и ничто не ослабляет, которая ничем не может быть остановлена извне и сама не может остановиться, доведет человеческие общества до полного и конечного распада. Многие считают ее видимым действием дьявола на земле...». – Там же. – С. 27-28. Тезис резкий, но объективный, что сейчас встретишь нечасто в научных произведениях «западных» историков.

И это характеристика историка и дипломата, из-под пера которого в скором времени выйдет первый фундаментальный труд («Демократия в Америке»), посвященный Соединенным Штатам, вызвавшим у него – и с точки зрения самоорганизации населения, и с точки зрения действовавших публичных механизмов – не только восхищение, но и желание перенести на европейскую почву все лучшее, с чем, в его представлении, ассоциировался «Град на холме», где, в отличие от Франции, народ сумел осуществить на практике все то, о чем в своих трудах писали крупнейшие античные мыслители и философы позднего Средневековья и раннего Нового времени. В контексте сказанного, цитируемая работа менее эмоциональна, но более критична, чем та, где рассматривается процесс государственного строительства в бывших британских колониях, которые, по мнению ученого, могли бы стать «примером для подражания».

¹⁴⁴ Выступая на ночном заседании Учредительного собрания 4 августа 1789 года, герцог д'Эгильон описывал беспорядки, охватившие страну, следующим образом: «... Господа, нет человека, который бы не содрогался при виде ужасных сцен, ареной которых является Франция. То самое народное возмущение, которое укрепило свободу в тот момент, когда преступные министры хотели ее похитить, в настоящее время является препятствием к достижению этой самой свободы... Речь идет не только о вооруженных разбойниках, которые стремятся обогатиться, пользуясь народными бедствиями. В некоторых провинциях весь народ образует нечто вроде лиги с целью разрушить замки, опустошить поля и, в особенности, завладеть архивами (разве это не напоминает Украину после государственного переворота конца февраля 2014 года? – Э.Е.), являющимися хранилищами документов, на которых основывается... собственность...». – Цит. по: Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции... – С. 178.

частности, хотелось бы широким слоям населения, лозунгом которых стали – «свобода, равенство, братство», так как последняя будет принята лишь через две недели – 26 августа): «Национальное собрание... постановляет:

что все муниципалитеты королевства, как городские, так и сельские, обязаны наблюдать за сохранением общественного спокойствия и что по их требованию войска (эта норма получит дальнейшее развитие в специальном документе. – Э.Е.)¹⁴⁵ придут на помощь национальной милиции и полиции для преследования и ареста всех нарушителей общественного спокойствия; что арестованные лица будут отправлены в суды, немедленно допрошены и преданы суду; что по требованию муниципалитетов национальная милиция, полиция и войска будут разгонять все мятежные сборища как в городах, так и в селах...»¹⁴⁶. Как мы видим, государство в лице Учредительного собрания не собиралось «миндальничать» с теми, кто (по собственной инициативе или по просьбе каких-то «заинтересованных лиц», не довольных ходом событий) тем либо иным образом пытался дестабилизировать ситуацию, спровоцировать в обществе «революционный хаос», *доведя процесс до логичного конца – слома монархической политической системы и создания буржуазной республики.*

Противоречие между личными правами и свободами, с одной стороны, стабильностью общества и системообразующих государственных институтов, с другой, – комплексная политико-правовая проблема, от разрешения которой во многом зависело либо движение Франции – и европейской цивилизации в целом

¹⁴⁵ Волнения продолжались, поэтому вводится специальный закон о военном положении: «... В случае угрозы общественному спокойствию члены муниципалитета в силу обязанностей, возложенных на них коммуной, должны объявить о том, что для восстановления спокойствия немедленно необходима военная сила... Национальная гвардия, войсковые и конно-полицейские части, вызванные членами муниципалитета, немедленно направляются с красным флагом под командой своих офицеров и в сопровождении по крайней мере одного члена муниципалитета к месту скопища... Если участники сборища откажутся разойтись..., члены муниципалитета или один из них громким голосом три раза потребует спокойно разойтись по домам... Если толпа учинит насильственные действия или не разойдется немедленно после последнего требования, то... задержанные при этом лица, у которых не было оружия, присуждаются к тюремному заключению сроком до одного года, лица же, задержанные с оружием, – сроком до трех лет, лица, учинившие... насильственные действия или возбуждавшие толпу, осуждаются на смертную казнь... Все командиры, офицеры и солдаты национальной гвардии, войсковых и конно-полицейских частей, принимающие участие в таких скопищах и мятежах, объявляются бунтовщиками против нации, короля и закона и подлежат смертной казни...». – См.: Закон о военном положении 21 октября 1789 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 41-42. Хороший пример того, как государство *легитимно использует право на насилие.*

¹⁴⁶ См.: Декрет о подавлении беспорядков 10 августа 1789 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 38. Как мы видим, погромы и любые несанкционированные акции *не нужны никому.*

– по пути кардинальных преобразований, либо стагнация и загнивание. Стремившаяся к предельно предсказуемым результатам «дворцовая» элита, в лице привилегированного дворянства и клерикалов, рассматривала более целесообразным тот сценарий дальнейшего развития событий, при котором следовало частично подновить фасад, оставив неизменным и монархическую форму правления, и политический режим. Именно данным обстоятельством, в той или иной степени, можно объяснить *незавершенный* характер процесса, известного как революция (вернее, ее начального этапа, в пределах которого мало кто понимал, к чему все в конечном счете приведет!?), обусловленного страхом одной части общества и завышенными ожиданиями другой. Итогом *компромисса*, достигнутого заинтересованными сторонами, прежде всего, не желавшего уходить с исторической сцены правящего класса и «избранников народа», стала ограниченная монархия, двумя важнейшими учредительными документами которой являлись «Декларация прав человека и гражданина» от 26 августа 1789 года и Конституция от 3 сентября 1791 года¹⁴⁷.

Не менее знаковым, с точки зрения генезиса конституционно-правовых отношений¹⁴⁸, следует воспринимать и оценивать акт, посредством которого были внесены существенные коррективы в систему *судебной власти*, с целью либерализации одной из наиболее консервативных и коррумпированных на

¹⁴⁷ См.: Декларация прав человека и гражданина 26 августа 1789 //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 39-41; Конституция 1791 года... – Там же. – С. 50-60.

¹⁴⁸ С целью повышения эффективности публичных институтов на местах принимается «Декрет об организации муниципальной власти в провинции», датируемый 14 декабря 1789 года: «... Нынешние муниципалитеты, существующие в каждом городе, бургe, приходе или общине под названием ратуш, мэрий, эшевинов, консулатов или под любым иным названием, отменяются и упраздняются... Чиновники и члены существующих ныне муниципалитетов будут сменены путем выборов... Все активные граждане каждого города, бурга, прихода или общины будут иметь право содействовать выборам членов муниципалитетов...». – Цит. по: Декрет об организации муниципальной власти в провинции 14 декабря 1789 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 42. Законом от 15 января 1790 года Учредительное собрание устанавливает новое административно-территориальное устройство королевства: страна делилась на 83 департамента, более или менее равномерных по масштабам, а те, в свою очередь, подразделялись на дистрикты, кантоны и коммуны. Новое административное устройство окончательно уничтожило остатки феодальной раздробленности, обеспечив национальное единство государства и его административное единообразие. Суммарное количество вновь созданных муниципалитетов равнялось 44 тысячам, тем самым появились вполне реальные предпосылки и благоприятные условия для скорейшего развития торговли и промышленного производства.

континенте структур подобного рода. Имеется в виду декрет «Об организации судопроизводства», обнародованный в середине августа 1790 года¹⁴⁹.

Так, стремясь снизить накал массовых выступлений и сбалансировать ситуацию (одним из инструментов которого и стал достигнутый компромисс: сохранив монархию, была актуализирована практика, не известная прежнему французскому судопроизводству, во многом носившему сословный характер), Учредительное собрание провозглашает, что «... суд будет отправляться от имени короля... Купля-продажа судейских должностей навсегда отменяется; судьи будут судить бесплатно и оплачиваться государством... Судьи будут избираться теми, кто подлежит их суду... Они будут избираться на шесть лет; по истечении этого срока будут происходить новые выборы, на которых те же судьи смогут быть избраны вновь... Судебные функции носят особый характер и всегда будут отделены от административных функций (разделение властей, таким образом, становится *важнейшим критерием* публичных отношений и деятельности общественно-политической системы страны в целом. – Э.Е.)¹⁵⁰. Под страхом обвинения в должностном преступлении судьи не будут каким бы то ни было образом мешать работе административных учреждений или вызывать чиновников в суд в связи с исполнением ими своих обязанностей... По всем делам, гражданским или уголовным, защитительные речи, доклады и вынесенные приговоры будут произноситься публично (принцип важный и актуальный. – Э.В.); и каждый гражданин будет иметь право самостоятельно защищать свое дело, будь то в устной или письменной форме... Уголовные дела

¹⁴⁹ Об этом см.: Декрет об организации судопроизводства 16-24 августа 1790 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 46-47.

¹⁵⁰ Помимо прочего, декрет вводил систему *мировых* и *апелляционных* судов, а *прокуратуру* делал органом (уполномоченным) исполнительной власти (создавалась «система», в той или иной степени действующая до сих пор): «... В каждом округе будет мировой судья и эксперты-ассессоры при мировом суде... Мирового судью можно будет избирать только из числа граждан, имеющих право быть избранными в состав администрации департамента и дистрикта и достигших полных тридцати лет, никакого другого избирательного ценза не будет... Суды дистриктов один по отношению к другому будут играть роль апелляционных судов... В случае, если будет иметь место апелляция, стороны смогут договориться, на рассмотрение каждого из всех трибуналов дистриктов королевства они ее передадут... Чиновники прокуратуры являются уполномоченными исполнительной власти при трибуналах. Их обязанности состоят в наблюдении за тем, чтобы в принимаемых судом решениях соблюдались законы, касающиеся общего порядка, и за исполнением вынесенных решений. Они будут носить титул комиссаров короля...». – Цит. по: Декрет об организации судопроизводства 16-24 августа 1790 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 47.

будут подлежать суду присяжных; расследование будет производиться публично, и будут установлены пути предания его гласности...».

В свою очередь, в декрете от 27 ноября 1790 года говорилось о создании еще одного специального судебного учреждения с особой юрисдикцией: «... При законодательном корпусе будет учрежден *кассационный трибунал*», к ведению которого отнесен – достаточно широкий круг вопросов¹⁵¹.

Безусловно, *институциональная* устойчивость является основой, но не гарантией развития государственности нового типа, в связи с чем, реформы не должны были ограничиться поверхностными, декоративными изменениями действующих учреждений или ликвидацией тех из них, с которыми напрямую ассоциировались органы сословно-представительного характера, необходим был *отказ* от институтов, совершенно не отвечавших «требованиям дня». На этом фоне нельзя не обратить внимания на решения, в большей или меньшей степени, связанные с ликвидацией соответствующих рецидивов феодальной модели социально-экономических отношений, одним из системообразующих элементом которой традиционно считалась *католическая церковь*. Отделить ее от государства требовалось в кратчайший срок, в том числе, максимально ограничив ее финансовые и материальные возможности: «... все земли¹⁵² духовенства передаются в распоряжение нации с обязательством обеспечить подобающим образом средства на издержки культа¹⁵³, на поддержание

¹⁵¹ Как констатировал указанный учредительный документ, вводя в действие новый институт, «... обязанности кассационного трибунала будут состоять в вынесении постановлений по всем прошениям о кассации решений, принятых в последней инстанции; в рассмотрении прошений о передаче дела другому трибуналу по причине законно установленного недоверия; в рассмотрении коллизий процессуальных норм и споров о подсудности или подследственности, требований о привлечении к судебной ответственности всего состава трибунала... Члены кассационного трибунала будут избираться лишь на четыре года; они смогут быть избраны вновь. Выборы всего кассационного трибунала целиком будут происходить каждые четыре года... В выборах членов кассационного трибунала будет поочередно участвовать половина департаментов...». – См.: Декрет об учреждении, составе и полномочиях кассационного трибунала 27 ноября 1790 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 47-48.

¹⁵² В другом переводе: «все церковное имущество переходит в распоряжение нации, которая берет на себя... расходы на культ, на содержание священнослужителей и оказание вспомоществования беднякам...». – Цит. по: Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции... – С. 182.

¹⁵³ Церковь не запрещается, в противном случае действия такого рода могли вступить в противоречие с тем, о чем говорилось в «Декларации прав человека и гражданина» от 26 августа 1789 года: «... 10. Никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных, поскольку это выражение не нарушает общественного порядка, установленного законом». – См.: Декларация прав человека и гражданина 26 августа 1789 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 41.

служителей культа, на вспомоществование бедных под наблюдением и согласно инструкциям провинциальных властей... при вынесении решений о сумме, необходимой для обеспечения служителей культа, она не должна быть меньше 1200 ливров в год на каждый приход, не считая помещения и примыкающей к ней усадьбы...»¹⁵⁴.

В этой связи достаточно оригинальные параллели между разрушением *религиозных и светских институтов, составлявших важнейшую из базовых основ политической системы*, проводит в цитируемой нами книге Алексис де Токвиль: «... Одним из первых действий революции было нападение на церковь, и среди страстей, порожденных этой революцией, раньше всех зажглись и последней была погашена страсть противорелигиозная. Даже в то время, когда энтузиазм к свободе охладел, когда Франция решилась купить спокойствие ценой рабства, еще не утихло возбуждение против религиозного авторитета. Наполеон, успевший победить либеральный гений... революции, делал напрасные усилия, чтобы укротить антихристианский гений, и даже в наше время (такого рода традиция не только сохранилась до сих пор, но и *во многом превзошла* свои «революционные истоки». – Э.Е.) мы видели людей, которые свое подбострастие перед ничтожнейшими агентами политической власти думали загладить дерзкими выходками против Бога и, отвергая все свободолобие, благородное и гордое в доктринах революции, еще хвалились своей верностью

¹⁵⁴ См.: Декрет, передающий в распоряжение нации земли духовенства 24 ноября 1789 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 43. Критически анализируя соответствующие акты, мы не погрешим против истины, если солидаризируемся с выводами Томаса Карлейля: «... В общем, вопрос о духовенстве рождает бесконечные трудности. Можно сделать церковные владения национальной собственностью, а духовенство – наемными слугами государства, но в таком случае разве это не измененная церковь? Множество самых смешных нововведений стали неизбежными. Старые вехи ни в каком смысле не годятся для новой Франции. Даже в буквальном смысле заново перекраивается сама земля: старые разношерстные провинции становятся новыми единообразными департаментами, число их – восемьдесят три... А что же будет с двенадцатью старыми парламентами (напомним еще раз, что в столице Франции и в двенадцати крупнейших городах страны действовали местные парламенты, в которых должности судей и советников носили наследственный характер, в том числе в городе Бордо, где президентом был дядя Шарля Луи Монтескье, передавший племяннику кресло. – Э.Е.)? Старые парламенты объявляются распущенными на «непрерывные каникулы» – до тех пор, пока новое, равное для всех правосудие департаментских судов, национального апелляционного суда, выборных и мировых судов... не будут готовы и пущены в ход. Старым парламентам приходится сидеть в неприятном ожидании, как с веревкой на шее... Их можно запугать даже до того, что они будут молчать: Парижский парламент, который умнее большинства других, никогда не жаловался. Они будут и должны пребывать на каникулах, как им и подобает...». – Об этом см.: *Карлейль Т. История французской революции*... – С. 190.

ее духу, потому что оставались неверующими. А между тем... нетрудно убедиться, что поход против религий был только эпизодом в этой... революции, резко выступающей, но изменчивой чертой ее физиономии, временным порождением идей..., частных фактов, ей предшествовавший и подготовивших ее, но не продуктом ее собственного гения...»¹⁵⁵.

Продолжая развивать собственную мысль, ученый и дипломат далее пишет: «... Все, что я... сказал о религиозной власти, я с еще большим правом могу повторить в применении к власти общественной... При виде того, как революция сразу ниспровергла все учреждения и обычаи, поддерживавшие в обществе иерархию и порядок, можно было думать, что результатом ее будет разрушение не только данного, но и всякого общественного строя; не только известного правительства, но и самой общественной власти; и необходимо было заключить, что *природа ее – существенно архаическая*. И при всем том я осмелюсь утверждать, что все это только казалось... Имея целью не только переменить старое правительство, но и уничтожить старую форму общества... революция должна была одновременно сделать нападение (что позднее с большим успехом осуществили ученики якобинцев российские «большевики» и

¹⁵⁵ Цит. по: Токвиль, Алексис де. Старый порядок и Революция... – С. 29-30. Нельзя не согласиться с тем авторским выводом, согласно которому «... философия XVIII века с полным основанием считается одной из главных причин революции, и весьма справедливо, что философия эта была проникнута безверием. Но в ней необходимо тщательно различать две совершенно разнородные и независимые черты... В одной из них содержатся все новые или возобновленные мнения, относящиеся к положению обществ и к принципам гражданских и политических законов, каковы, например, естественное равенство людей, отмена всех привилегий, каст, классов, следовательно, и профессий, верховенство народа, всемогущество общественной власти, единообразие законов. Все эти доктрины (многие из которых мы проанализировали ранее по тексту. – Э.Е.) – не только причины французской революции: они образуют, можно сказать, ее сущность, они – самое основное, долговечное и, по условиям времени, истинное из ее созданий... В другой части своих доктрин философы XVIII века принялись с какой-то яростью за церковь; они напали на духовенство, иерархию, догматы и, чтобы окончательно ниспровергнуть церковь, задумали с корнем вырвать самое христианство. Но этот отдел философии..., получив начало в тех самых фактах, которые были разрушаемы революцией, должен был мало-помалу исчезнуть вместе с ними и оказаться как бы погребенным в ее триумфе...: христианство загло эту страстную ненависть к себе *не столько в качестве религиозной доктрины, сколько в качестве политического учреждения*; не потому, что священники изъявляли притязание распоряжаться делами того света, а потому, что они были собственниками, господами, администраторами, получали десятину в этом мире; не потому, что церковь не могла бы занять места в новом обществе, которое предстояло построить, а потому, что она занимала наиболее могущественное и привилегированное положение в том старом обществе, которое надлежало обратить в прах... Посмотрите, как выяснило время эту истину и продолжает делать ее все более очевидной с каждым днем: по мере того как упрочивалось политическое дело революции, ее противорелигиозное дело распадалось; в то же самое время, когда все старые политические учреждения... все более разрушались; когда силы, влияния, классы, особенно ненавистные ей, были побеждены бесповоротно...; когда, наконец, духовенство стало сторониться всего, что пало вместе с ним, могущество церкви начало постепенно восстанавливаться и упрочиваться в умах...». – Там же. – С. 30, 31.

их последователи всей «мастей» и идеологических «оттенков». – Э.Е.) на все установленные власти, разрушить все общепризнанные влияния, уничтожить традиции, обновить нравы и обычаи и очистить человеческий ум от всех идей, на которых до той поры покоились уважение и повиновение. Отсюда – ее своеобразно анархический характер... Но удалите эти обломки: вы заметите громадную центральную власть, собравшую воедино и присвоившую себе все частицы авторитета и влияния, которые раньше были разбросаны в массе второстепенных властей, сословий, классов..., семейств и индивидуумов и как бы рассеяны по всему социальному организму. Мир не видел подобной власти со времен падения Римской империи. Революция создала эту новую власть или, вернее, *последняя как бы сама собой вышла из развалин* (что, в основном, более соответствует действительности?! – Э.Е.), *нагроможденных революцией*. Правительства, созданные ею, более хрупки, это правда; но они во сто раз могущественнее всех тех правительств, которые были низвергнуты ею; они хрупки и могущественны вследствие одних и тех же причин...»¹⁵⁶.

Ограниченный характер королевских полномочий нашел отражение не только в упразднении наследственного дворянства, но и в *последовательной ликвидации сеньориальных прав*: «... Всякие почетные отличия и все права сюзерена по отношению к вассалам, проистекающие из феодального строя, уничтожаются... Что касается... имущественных прав, которые остаются в силе

¹⁵⁶ Цит. по: Токвиль, Алексис де. Старый порядок и Революция... – С. 32-33. Отвечая на далеко не риторический (как может показаться на первый взгляд) вопрос, почему и каким образом французская революция, являясь революцией политической, в своих приемах во многом была похожа на революцию религиозную, будущий автор «Демократии в Америке» писал: «все революции, – как гражданские, так и политические, – имели свое отечество и замыкались в нем. У французской революции не было определенной территории; мало того, одним из ее результатов в известном смысле было то, что она стерла на карте все старые границы. Она сближала или разъединяла людей наперекор законам, преданиям, характерам и языку, иногда поселяя вражду между гражданами одного государства, а разноплеменников делала братьями; или, вернее, над всеми остальными национальностями она создала общее интеллектуальное отечество, гражданами которого могли сделаться люди всех наций... Переройте летописи всех народов, – вы не найдете ни одной политической революции, которая имела бы подобный характер: этот характер вы встретите только у некоторых религиозных революций. И потому аналогии, объясняющие смысл революции французской, следует искать в религиозных революциях... Итак, французская революция является политической революцией, употреблявшей приемы и, в известном отношении, принявшей вид революции религиозной. Посмотрите, какие частные и характерные черты довершают ее сходство с религиозными революциями: она не только, подобно им, проникает на далекие расстояния, но, подобно им же, она распространяется посредством проповеди и пропаганды. Политическая революция, внушающая прозелитизм, проповедуемая иностранцам, с такой же страстностью, с какой она выполняется дома, – это ли не новое зрелище...». – Там же. – С. 34, 35.

впредь и до их выкупа, то они целиком приравняются к обычной ренте и ... повинностям... Так как... вся феодальная и сеньориальная система владения недвижимостью уничтожается, то право старшинства и порядок наследования мужского пола по отношению к ленам, поместьям и дворянским аллодам... считаются уничтоженными. Ввиду сего Национальное собрание постановляет, что все наследства, как по прямой линии, так и по боковой, в отношении как недвижимого, так и движимого имущества... будут, невзирая на бывший дворянский характер лиц или имущества, разделены между наследниками согласно законам, статутам и обычаям, определяющим раздел между всеми гражданами. Все законы и обычаи, противоречащие сему, отменяются... Крепостная зависимость, личная, имущественная или смешанная, крепостное состояние, связанное с происхождением, или личное крепостное состояние владельца участка..., право требовать выполнения личной барщины..., право на наследство после не имеющего наследников вассала, право запрещать отчуждение и распоряжение имуществом путем его продажи, дара между живыми и передачи по завещанию, а равно и все прочие последствия крепостной зависимости, земельной, личной или смешанной, касающиеся лиц или имущества, – безвозмездно уничтожаются...»¹⁵⁷.

Параллельно продолжался процесс регламентации прав и свобод. Так, с интервалом в один месяц принимается «Закон Ле-Шапелье»¹⁵⁸, датируемый 14-17 июня 1791 года (регулировал корпоративно-трудовые отношения, в том числе связанные с организацией собраний рабочих и ремесленников одной и той же профессии), и «Декрет Учредительного собрания» от 18 июля¹⁵⁹, третий по счету законодательный акт, направленный против *несанкционированных* официальной властью публичных акций и массовых беспорядков, показывая, что личная и

¹⁵⁷ Цит. по: Декрет о феодальных правах 15 марта 1790 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 43-44.

¹⁵⁸ См.: Закон относительно собраний рабочих и ремесленников одного и того же состояния и одной и той же профессии (Закон Ле-Шапелье) 14-17 июня 1791 года //Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции... – С. 188-190.

¹⁵⁹ См.: Декрет Учредительного собрания //Хрестоматия по истории государства и права... – С. 48.

коллективная свобода немыслима без адекватной организации общественного порядка и ответственного поведения граждан.

Исходя из того, что речь идет о *гражданах* и их *объединениях*, не могут не вызывать вопросов предписания, которые весьма проблематично считать демократическими (судя по всему, самоорганизация населения не относилась к первоочередным задачам, стоящим перед институтами верховной власти): «... Ввиду того, что уничтожение всякого рода корпораций граждан (по всей видимости, говорится о таких формах, как «цеха» и «гильдии»? – Э.Е.) является основой французской конституции, запрещается восстанавливать таковые под каким бы то ни было предлогом и в какой бы то ни было форме... Граждане одного и того же состояния и одной и той же профессии, предприниматели, лавочники, рабочие и подмастерья какой бы то ни было профессии не имеют права, собираясь вместе, избирать председателя, секретаря, синдика, а равно и вести протоколы, принимать решения и постановления (другими словами, у «собравшихся» нет возможности документировать коллективные претензии в отношении «работодателя». – Э.Е.), создавать регламенты относительно их так называемых общих интересов... Если, вопреки принципам свободы (видимо, составление каких-либо «петиций» к таковым не относится, несмотря на то что, согласно «Декларации прав человека и гражданина» от 26 августа 1789 года, *«свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека...»*. – Э.Е.) и конституции, граждане, связанные между собой общей профессией или ремеслом, примут решения или вступят в соглашения, клонящиеся к тому, чтобы сообща отказываться от работы или же принимать работу, требующую применения их мастерства, лишь по определенной цене, то подобные постановления и решения... объявляются противоречащими конституции, противными свободе... и считаются недействительными...»¹⁶⁰.

¹⁶⁰ Цит. по: Закон относительно собраний рабочих и ремесленников одного и того же состояния и одной и той же профессии (Закон Ле-Шапелье) 14-17 июня 1791 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 49. Напомним, что профсоюзы в этой стране будут созданы *только через сто лет*.

Совершенно другое отношение к декрету, направленному на усиление механизмов противодействия экстремизму и массовым беспорядкам, все еще носившим чрезвычайно востребованный характер: «... Все лица, виновные в подстрекательстве к убийству, поджогу, грабежу или неповиновению закону как путем воззваний, афиш, напечатания или распространения произведений, так и путем произнесения речей в общественных местах или собраниях, будут рассматриваться как мятежники и смутьяны; полицейские чиновники обязаны их арестовывать на месте и направлять в суды, где они понесут законное наказание... Всякие призывы, направленные против национальной гвардии или должностного лица... будут рассматриваться как мятеж и будут караться заключением на срок до двух лет...»¹⁶¹.

Что же касается реализации *народом* тех или иных форм демократии, то в этой сфере общественных отношений (особенно по сравнению с периодом, в пределах которого так называемому «третьему сословию» делегировались исключительно формальные права) законодательство носило *либеральный*, с известными оговорками, характер, предоставляя дееспособным гражданам, отвечавшим определенным требованиям, возможность непосредственно или косвенно, через механизм выборщиков, участвовать в формировании органов государственной и муниципальной власти. Но, справедливости ради следует сказать, что идеализировать избирательные технологии – *нет никаких веских оснований*, причем причины здесь могут быть самыми разными. Важно лишь то, что к вопросу легитимности статуса «избирателя» (хотя подобного термина в законодательстве той поры нет!?) подошли со всей ответственностью, в том числе, ограничив в праве избирать и быть избранным представителей бывших привилегированных сословий, духовных званий и титулатур.

Актуализируется и вводится в практический оборот новая дефиниция – «*активный гражданин*»¹⁶². Так, согласно статье третьей декрета от 22 декабря

¹⁶¹ См.: Декрет Учредительного собрания //Хрестоматия по истории государства и права... – С. 48.

¹⁶² Для целей данного сравнительно-правового исследования необходимо учитывать тот существенный факт, что, постоянно используя в различных нормативно-правовых актах слова типа «народ», «нация», «граждане», законодатель нигде не применяет гендерный критерий или дифференциацию по признакам пола, расы или этнической принадлежности. Исходя из того обстоятельства, что женщины во Франции получили равные

1789 года, чтобы рассматриваться активным гражданином, необходимо: «... 1) быть французом; 2) достигнуть 25-летнего возраста; 3) прожить фактически в данном кантоне не менее года; 4) платить прямой налог в размере местной трехдневной заработной платы; 5) не быть в положении прислуги, то есть не быть слугой на жаловании...»¹⁶³. Перед нами – *набор цензов и ограничений*.

Кроме того, говоря об «институализации» соответствующих процедур, нельзя не обратить внимание на тот факт, что в иерархическом электоральном процессе появляется механизм (неплохо апробированный при формировании Генеральных штатов) так называемых «*выборщиков*», свидетельствующий о лимитированном характере вовлечения дееспособного населения в практику государственного строительства, что нашло непосредственное отражение в тексте учредительного акта, датированного 3 сентября 1791 года: «Для выборов в Национальное законодательное собрание активные граждане каждые два года собираются на первичные собрания в городах и кантонах. Первичные собрания собираются самостоятельно, в силу закона, во второе воскресенье марта месяца, если они не созваны для того указанными в законе... лицами».

Конституция, закрепившая *монархическую форму правления*, подробно описывает статус тех, кто формирует законодательный корпус государства в рамках *косвенной модели демократии*, олицетворяемой совокупностью ряда

избирательные права с мужчинами лишь в самом конце Второй мировой войны (что было юридически затем зафиксировано в статье четвертой Конституции IV республики 1946 года: «... В условиях, определенных законом, избирателями являются *все совершеннолетние обоого пола французские граждане* и лица, состоящие под французской властью, пользующиеся гражданскими и политическими правами...»), не будет преувеличением констатация того, что, как в Великобритании или Соединенных Штатах, представительницы «слабого пола» были в течение длительного времени *поражены в избирательных правах*, несмотря на их роль в революционных событиях и процессе государственного строительства. Акцент делается на гражданах, отвечавших достаточно жестким требованиям, не позволявшим подавляющему, в процентном выражении, числу дееспособного населения соответствовать статусу «активного гражданина», что явно противоречило и «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года, и Конституции 1791 года: «Конституция обеспечивает следующие естественные и гражданские права: 1) всем гражданам открыт доступ к местам и должностям без каких-либо иных отличий, кроме проистекающих из их добродетелей и способностей...». – См.: Конституция 1791 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 50.

¹⁶³ См.: Декрет 22 декабря 1789 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 43. Согласно разделу второму («О делении королевства и о состоянии гражданства») Конституции 1791 года, «... французскими гражданами являются: лица, родившиеся во Франции от отца француза; лица, родившиеся во Франции и избравшие себе местожительство в королевстве; лица, родившиеся за границей от отца-француза, водворившиеся во Франции и принешие гражданскую присягу; наконец, лица, родившиеся за границей и происходящие в любом числе поколений от француза или француженки, оставивших отечество по вероисповедным основаниям, но водворившиеся во Франции и принешие гражданскую присягу...». – Цит. по: Конституция 1791 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 51.

«коллегий выборщиков»: «... Активными гражданами являются французы по рождению или лица, вступившие во французское гражданство, которым исполнилось 25 лет от роду, имеющие местожительство в городе или кантоне в течение установленного законом времени, уплачивающие в любом месте королевства прямой налог в размере не менее стоимости трех рабочих дней и представившие расписку о его уплате, не находящиеся в услужении..., не состоящие домашними слугами, внесенные в список национальной гвардии муниципалитета по месту жительства и принесшие гражданскую присягу... Каждые шесть лет (Национальное собрание действовало всего лишь два года, затем переизбиралось на очередной срок, неужели все это время заработная плата во Франции оставалась одной и той же?! – Э.Е.) законодательный корпус определяет максимум и минимум стоимости рабочего дня, а органы депутатского управления определяют его местную стоимость для каждого дистрикта... Никто не может ни осуществлять права активного гражданина более чем в одном месте, ни быть представленным другим лицом... Права активного гражданина утрачивают состоящие под судом и следствием и те, кто по объявлению банкротства или несостоятельности (значит избирателями могли быть только экономически и финансово состоятельные граждане?! – Э.Е.), засвидетельствованных подлинными документами, не представят акта об удовлетворении своих кредиторов...»¹⁶⁴.

Иерархический характер избирательного процесса проявлялся таким образом, что легитимные представители населения в лице так называемых «активных граждан» присутствовали практически на всех этапах: «Первичные собрания избирают выборщиков в соответствии с числом активных граждан, проживающих в городе или кантоне. Один выборщик избирается от каждого ста

¹⁶⁴ Цит. по: Конституция 1791 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 53. Как мы видим, ограничений столько, что соответствовать критериям могли – даже не все дееспособные мужчины, так как у многих могло не быть ни постоянного места проживания (*ценз оседлости*), ни стабильного заработка (*имущественный ценз*), ни состояния здоровья, чтобы записаться в национальную гвардию (своего рода, *военно-полицейский ценз*) по месту жительства. На этом фоне как-то странно выглядит отсутствие в законодательстве таких требований, как умение читать и писать (видимо, к этому времени проблем такого рода во французском обществе вообще не существовало), то есть ценза грамотности, который даже в начале XXI века активно используется в целом ряде стран Латинской Америки, Африки и Азии.

активных граждан, присутствующих или отсутствующих на собрании; два выборщика избираются от 150 – 200 граждан и так далее...».

Примечательно, что очень жесткие требования предъявлялись (как ни странно, ни к образованию, ни к состоянию здоровья чего-либо аналогичного не выдвигалось!?) к экономической состоятельности тех, кто должен был стать членом городской или кантональной «коллегии выборщиков»: «... Никто не может быть избран выборщиком, если, кроме условий, необходимых для внесения в число активных граждан, он не удовлетворяет нижеследующим требованиям:

в городах с населением свыше 6000 – владение на правах собственности или пожизненное владение имуществом, приносящим по оценке, согласно налоговым спискам, доход, равный стоимости 200 рабочих дней по местным условиям, или наем жилого помещения, приносящего, согласно тем же спискам по оценке, доход, равный стоимости 150 рабочих дней;

в городах с населением менее 6000 – владение на правах собственности или пожизненное владение имуществом, приносящим по оценке, согласно налоговым спискам, доход, равный стоимости 150 рабочих дней по местным условиям, или наем жилого помещения, приносящего, согласно тем же спискам по оценке, доход, равный стоимости 100 рабочих дней;

в сельской местности – владение на праве собственности или пожизненное пользование имуществом, приносящим, согласно налоговым спискам по оценке, доход, равный по местной стоимости 150 рабочим дням, или наем либо аренда имущества, ценность которого по налоговым спискам равна стоимости 400 рабочих дней...»¹⁶⁵. Налицо – *имущественный ценз*.

¹⁶⁵ Цит. по: Конституция 1791 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 53-54. На первый взгляд, достаточно логично выстроенная система критериев, которая показывает, что ни о какой демократии (в том числе в ее современных представлениях политкорректности) речь не идет, так как подавляющее большинство населения было выведено за рамки избирательных процедур и политического процесса в целом. Требования, сформулированные выше, свидетельствуют о том, что власть опиралась не на широкие слои населения, достигшие определенного возраста, а на те группы, которые были готовы, в том числе (как члены национальной гвардии) с оружием в руках, отстаивать интересы власти, наделивших их особым электоральным статусом. В отличие от населения городов и кантонов в целом (не отвечавшего ряду критериев), решения которого могли носить непредсказуемый характер, «коллегии выборщиков» были в этом случае более предсказуемы и последовательны, для чего, в принципе, им и придавался данный статус.

С точки зрения юридической техники, Конституция от 3 сентября 1791 года может быть квалифицирована как учредительный документ, отразивший *переход* от абсолютизма к ограниченной монархии, что нашло закрепление в специальном разделе, носившем название «О государственных властях», в котором, в частности, декларировалось (как ни парадоксально, содержание текста за прошедшие двести лет будет неоднократно, как правило буквально, воспроизведено во многих актах высшей юридической силы европейских и других государств; подобная судьба будет уготована также и «Гражданскому кодексу» императора Наполеона, без которого весьма проблемно вообразить развитие торгово-экономических отношений в XIX и XX веке): «... Суверенитет принадлежит нации: он един, неделим, неотчуждаем и неотъемлем. Ни одна часть народа, никакое лицо не может присвоить себе его осуществление... Нация, которая является единственным источником всех властей, может осуществлять их лишь путем уполномочия. Французская конституция имеет характер представительный; представителями являются законодательный корпус и король... Законодательная власть¹⁶⁶ вверяется Национальному собранию, в состав которого входят представители, свободно избранные народом на определенный срок, и осуществляется названным Собранием с утверждения короля в порядке, предусмотренном ниже... Форма правления – монархическая. Власть исполнительная вверена королю и осуществляется под его главенством министрами и прочими ответственными органами¹⁶⁷... Власть судебная вверена судьям, избираемым народом на определенный срок...»¹⁶⁸.

По существу, французскими юристами был подготовлен *универсальный по содержанию* и структуре текст, который, без большого труда, мог спокойно адаптироваться не только *к гипотетически любой форме правления*, но и *к практически любому политическому режиму*, так как включал в себя набор всех

¹⁶⁶ См.: Конституция 1791 года. Глава третья «Об осуществлении законодательной власти» //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 56-58.

¹⁶⁷ См.: Конституция 1791 года. Глава вторая «О королевской власти, о регентстве и о министрах»; Глава четвертая «Об осуществлении исполнительной власти» //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 55-56, 58-59.

¹⁶⁸ Цит. по: Конституция 1791 года. Глава пятая «О судебной власти» //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 59.

необходимых «атрибутов» – начиная с провозглашения государственного суверенитета, его неделимости и неотчуждаемости, наделения народа – или нации – статусом единственного легитимного источника власти и заканчивая системой разделения властей, базирующейся на представительном критерии формирования учреждений и механизме «сдержек и противовесов»¹⁶⁹.

Примером «универсальности», помимо организации законодательных и судебных органов, их дифференциации друг от друга, служит институт, в той или иной степени олицетворяющий исполнительную ветвь власти. Речь идет о *короле* (заменив это слово на «президент», мы получим публичный орган, *функционально ничем не отличающийся* от современных глав государств, о какой бы республике – парламентской либо президентской – ни стоял вопрос, тем более монархии): «... Высшая исполнительная власть сосредоточивается исключительно в руках короля. Король – верховный глава общего управления королевством; заботы об охране общественного порядка и спокойствия вверены ему. Король – верховный главнокомандующий сухопутных и морских военных сил. Королю вручена охрана внешней безопасности королевства, охрана его прав и владений... Король назначает послов и прочих агентов международных сношений, командующих армией и флотом... Король один может поддерживать внешние политические сношения (непонятно, по какой же причине всем этим монарх пренебрег, сбежав вместе с семьей и охраной из Версаля? – Э.Е.) и вести переговоры..., распределять сухопутные и морские силы, как он это признает целесообразным, и определять их движение в случае войны... Король имеет право договариваться и подписывать со всеми иностранными государствами все мирные, союзные... и иные договоры и соглашения, какие он найдет необходимыми для блага государства, под условием ратификации их законодательным корпусом...».

Не менее «универсальными», с точки зрения генезиса конституционно-правовых отношений, выглядят положения главы пятой учредительного акта

¹⁶⁹ Подробнее см.: *Норвич Дж.* Кратная история Франции /Пер. с англ. О.В. Строгановой. – М.: КоЛибри, 2019.

1791 года, где базовый принцип разделения властей отражен сквозь призму реализации правосудия: «... Власть судебная не может осуществляться ни законодательным корпусом, ни королем... Правосудие будет отправляться беспошлинно судьями, избираемыми на срок народом и утверждаемыми в должности королевскими грамотами, в выдаче которых король не может отказать. Судьи не могут быть ни смещены иначе, как за преступления по должности, надлежаще установленные в судебном порядке, ни временно отстранены от должности иначе, как вследствие возбуждения против них обвинения. Общественный обвинитель назначается народом... Суды не могут ни вмешиваться в осуществление законодательной власти (тонкий намек на то, что ни о каком прецедентном праве вопрос не может стоять *a priori*. – Э.Е.) ни приостанавливать применение закона, ни вторгаться в круг деятельности органов управления, ни вызывать к себе последних для объяснений...»¹⁷⁰.

Подчеркнем, что *предметом* и *объектом* настоящего исследования не являются процессы, радикализация которых была обусловлена целым рядом объективных (и отчасти субъективных!?) причин и обстоятельств, наша цель – критический сравнительно-правовой анализ актов и решений, *повлиявших на характер и тенденции* общественно-политических отношений, определение закономерности и востребованности одних из них и противоестественности других, с учетом того, как в практику государственного строительства какой-либо конкретной страны внедрялись и отторгались теоретические концепции и «кабинетные» идеи. Франция, как ни одна западноевропейская страна, дает повод усомниться в том, что между научными представлениями отдельных, в первую очередь просвещенных, групп населения и их воплощением в жизнь нет никаких принципиальных противоречий, вызванных воздействием тех или иных факторов, многие из которых не были учтены, поэтому не исследованы, в работах крупнейших мыслителей античности и более поздних эпох. Об этом наглядно свидетельствует тот факт (в данном случае мы намеренно выводим за

¹⁷⁰ Цит. по: Конституция 1791 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 58-59. Прошло много лет, но в правовом положении судей *практически ничего не изменилось*.

скобки декреты и постановления Национального конвента, в том числе, об отмене монархии и установлении смертной казни за призывы к реставрации последней), что всего лишь *в течении шести лет* были приняты Конституции 1793 года (частью которой стала «Декларация прав человека и гражданина», во многом продублировавшая, в новой редакции, свою предшественницу)¹⁷¹, 1795 года (включавшую в себя «Декларацию прав и обязанностей человека и гражданина»)¹⁷² и 1799 года¹⁷³.

Есть основания говорить не только о *преемственности*, но и о единстве учредительных актов, несмотря на институциональные и терминологические особенности каждого из них (например, вместо законодательного корпуса в лице однопалатного парламента вводится бикамеральная структура в виде совета пятисот и совета старейшин, а затем сенат, члены которого избираются пожизненно, административные полномочия в одном случае ассоциируются с исполнительным советом в составе двадцати четырех членов, в другом – с директорией из пяти членов), так как *неизменными остаются* такие базовые *принципы*, как суверенитет, носителем которого является народ, выборный, то есть представительный (в том числе, через институт выборщиков) характер органов публичной власти и республиканская форма правления¹⁷⁴.

В отличие от Соединенного Королевства, восстановление монархии во Франции будет носить *временный* – в прямом и переносном смысле слова – и во многом конъюнктурный характер, что свидетельствует о том, что, несмотря ни на что, республиканская традиция все-таки сумела заручиться поддержкой как широких слоев населения, так и правящих элит, в итоге «осознавших» тот факт, что достижение социального компромисса возможно лишь в условиях стабильной и динамично развивающейся национальной государственности. В противном случае всегда найдется тот, чья демагогия затмит собой здравый

¹⁷¹ Об этом см.: Конституция 1793 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 68-75. Что не может не свидетельствовать о *незавершенном характере* французской революции.

¹⁷² См.: Конституция Французской Республики 5 фрюктидора III года (22 августа 1795 года) //Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции... – С. 282-295.

¹⁷³ Подробнее см.: Конституция VIII года (Республики) 13 декабря 1799 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 91-92.

¹⁷⁴ Органический сенатус-консульт от 18 мая 1804 года: «Управление республикой вверяется императору...».

смысл и логику, итогом которой может стать анархия, со всеми вытекающими для общества и отдельного гражданина последствиями, и тоталитаризм¹⁷⁵.

Не менее важен вопрос об отношении тех, с кем – в глазах граждан – все это время ассоциировалась власть, к демократии как *форме народовластия*, с учетом того, что во главу угла был поставлен «выборщик», так как от термина «активный гражданин» отказались уже в Конституции, датируемой 24 июня 1793 года, одновременно расширив критерии гражданства, исходя из которых теперь «каждый иностранец, достигший 21 года, проживающий во Франции в продолжении одного года, живущий во Франции своим трудом, приобретший собственность или женившийся на француженке, или усыновивший ребенка, или принявший на иждивение старика... или имеющий... достаточные заслуги перед человечеством, допускается к осуществлению прав... гражданина...»¹⁷⁶.

Для конца XVIII века *норма*, как минимум, *парадоксальная* (!), особенно имея в виду то обстоятельство, что одним из легитимных и сравнительно доступных способов приобретения гражданства (как следствие, возможность войти в состав «выборщиков») признается вступление в брак с француженкой по рождению, *не обладающей правом избирать и быть избранной*, то есть у

¹⁷⁵ Анализируя итоги, к которым пришла Франция в результате революционных событий, один из историков писал, обращаясь к тем, кто своими тяжким трудом зарабатывал на жизнь: «... Разрушение Бастилии..., смелое выступление против королей и князей, против земли и ада, все, на что ты дерзал и что претерпел, – неужели все это делалось только для республики салонов?... Беспорядочное разрушение республики бедности, окончившейся царством террора, улеглось в такую форму, в какую только могло улечься. Евангелие Жан-Жака и большинство других учений потеряли доверие людей, и что же еще оставалось им, как не вернуться к старому евангелию Маммоны? Общественный договор не то правда, не то нет; «братство есть братство или смерть», а на деньги всегда можно купить стоящее денег; в хаосе человеческих сомнений одно осталось несомненным – это то, что удовольствие приятно. Аристократия феодальных грамот рухнула с треском, и теперь в силу естественного хода вещей мы пришли к аристократии денежного мешка. Это путь, которым идут в этот час все европейские общества. Значит, это более низкий сорт аристократии (сказанное относится и к правящим элитам, так как можно говорить о тенденции, в рамках которой *каждое новое поколение политиков хуже и менее профессионально*, чем предшествующее. – Э.Е.)? Бесконечно более низкий, самый низкий из всех известных... В ней, однако, есть то преимущество, что, подобно самой анархии, она не может продолжаться... Между тем мы ненавидим анархию, как смерть, каковой она и является, а все, что еще хуже анархии, должно быть ненавидимо еще сильнее. Поистине, плодотворен только мир. Анархия – это разрушение, сжигание всего ложного и нестерпимого, но сжигание, оставляющее после себя пустоту. Знай также, что из мира безрассудства ничего не может выйти, кроме безрассудства. Приведи его в порядок, построй из него конституцию, просей через баллотировочные ящики, если хочешь, – оно есть и останется безрассудством – новая добыча новых шарлатанов и нечистых рук, и конец его будет едва ли лучше начала. Кто может получить что-нибудь разумное от неразумных людей? Никто. Для Франции наступили пустота и всеобщее упразднение, и что может прибавить к этому анархия? Пусть будет порядок, хотя бы под солдатскими саблями, пусть будет мир, чтобы благодать неба не пропала даром...». – Цит. по: Карлейль Т. История французской революции... – С. 542, 543.

¹⁷⁶ См.: Конституция 1793 года //Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции... – С. 249-250. Подробнее об этом см.: Норвич Дж. Краткая история Франции... – С. 280-290, 291-309.

натурализованного гражданина мужского пола статус выше, чем у его супруги. Что явно противоречит декларации: «Каждый гражданин имеет равное право участвовать в образовании закона и в назначении своих представителей и своих агентов...»¹⁷⁷. Не менее абстрактным видится тезис, согласно которому: «... Ни один налог не может быть установлен иначе, как в интересах общей пользы. Все граждане имеют право участвовать в установлении обложения, наблюдать за расходованием поступлений и требовать в них отчета»¹⁷⁸. В то же время (на фоне очень жесткого законодательства, направленного против экстремизма и массовых беспорядков) достаточно странной выглядит фраза о том, что: «... Каждый, кто присвоит себе принадлежащий народу суверенитет, да будет немедленно предан смерти свободными гражданами»¹⁷⁹. Наконец, не может не вызывать вопросов следующий весьма противоречивый лозунг: «... Сопротивление угнетению (перед нами не что иное, как декларирование и оправдание права народа на восстание. – Э.Е.) есть следствие, вытекающее из прочих прав человека...»¹⁸⁰. По существу, речь идет о нормах-целях, не более.

Цитаты можно продолжить, но вывод – и так вполне очевиден: с одной стороны, в лице французского конституционного законодательства периода Первой республики мы по существу имеем дело с *беспрецедентным по своим последствиям прорывом* в области регламентации прав и свобод человека и гражданина, намного опередившего время, однако, с другой стороны, еще ни скоро новым политическим элитам удастся уйти от деклараций и социальной риторики революционной эпохи. Чехарда с перманентными изменениями в учредительных актах, которые, так и не успев быть осмысленными широкими слоями населения и рядовыми чиновниками, отправлялись в «архив», а им на смену спешили *не менее амбициозные популистские призывы*, реализовать

¹⁷⁷ См.: Пункт 29 Декларации прав человека и гражданина 1793 года //Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции... – С. 249.

¹⁷⁸ См.: Пункт 20 Декларации прав человека и гражданина 1793 года //Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции... – С. 248.

¹⁷⁹ См.: Пункт 27 Декларации прав человека и гражданина 1793 года //Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции... – С. 249.

¹⁸⁰ См.: Пункт 33 Декларации прав человека и гражданина 1793 года //Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции... – С. 249.

которые в тех общественно-политических условиях было «занятием», реально бесперспективным и нецелесообразным, становилась обычным делом.

С каким же все-таки знаком оценивать события, имевшие место в одной из монархий, «что было действительным предметом революции», каков же на самом деле «ее истинный характер»? Пытаясь ответить на поставленные – им же самим – вопросы, Алексис де Токвиль отмечает (причем, «обобщения» которые он в итоге делает, *не лишены*, на наш взгляд, *известного авторского субъективизма*, вместе с тем содержат взвешенный критический анализ того, с чем в компаративистике принято ассоциировать переход к качественно иной модели социально-экономических и властно-политических отношений, чем при перманентно деградирующем европейском феодализме): «... Революция была произведена вовсе не с целью разрушить, как это думали, господство религиозных верований; вопреки внешности, *она существенным образом была революцией общественной и политической*; и в кругу учреждений этого последнего рода она вовсе не стремилась навсегда ввести беспорядок (чем, по всей вероятности, и объясняется ее незавершенный, на начальном этапе, характер и весьма непродолжительная радикализация отношений, связанных с осуществлением фундаментальных полномочий «институтами» публичной направленности?! – Э.Е.), сделать его постоянным, обратить анархию в общее правило, как выражался один из главных противников революции; напротив, она заботилась об увеличении могущества и прав государственной власти. Она *не должна была ни изменить характер*, какой наша цивилизация имела до того времени, *и остановить ее развитие*, как это думали иные, *ни даже существенным образом затронуть какой-либо из главнейших законов*, на которых покоятся человеческие общества у нас, на Западе. Освободив ее от... случайных придатков, временно изменявших ее физиономию в различные эпохи и в разных странах, и рассматривая ее исключительно в самой себе, мы ясно увидим, что результатом этой революции была только отмена тех политических учреждений, которые в течение многих веков нераздельно господствовали в среде большинства европейских народов и обыкновенно обозначаются

названием феодальных учреждений, и водворение на их место более однообразного и простого, и политического, и общественного порядка, основанного на равенстве сословий... Этого было достаточно, чтобы создать громадный переворот, потому что древние учреждения не только все еще были перемешаны и... сплетены со всеми религиозными и политическими законами Европы, но, независимо от этого, они внушали множество как бы сросшихся с ними идей, привычек и нравов. Требовался судорожный порыв, чтобы разрушить и сразу извлечь из общественного организма часть, которая так крепко была связана со всеми его органами...»¹⁸¹.

К какому же выводу приходит автор? Несмотря ни на что, его все-таки никак нельзя упрекнуть в отсутствии логики и здравого смысла, так как взгляд ученого превалирует над обывательским представлением, весьма далеким от истинного положения вещей (особенно, если отказаться от традиционной для некоторой части западноевропейского научного сообщества *фетишизации* и *абсолютизации* «завоеваний» буржуазной революции в лице французского народа): «Как ни радикальна была революция, но она ввела гораздо меньше нового, чем предполагают обыкновенно... Справедливо можно сказать о ней, – подчеркивает цитируемый исследователь, – что *она целиком разрушила или теперь разрушает* (потому что она еще продолжается) все то, что в старом обществе вытекало из аристократических и феодальных учреждений, что так или иначе связывалось с ними, что в какой бы то ни было степени носило на себе *малейший* их отпечаток. Из всего старого мира она сохранила только то, что всегда было чуждо этим учреждениям и могло существовать без них. Всего менее революция была событием внезапным. Правда, мир был застигнут ею врасплох (и это после английской революции, состоявшейся более чем на век раньше, показав, каким в среднесрочной или отдаленной перспективе может быть «будущее»?! – Э.Е.); но тем не менее она была лишь завершением более продолжительной работы, стремительным и бурным окончанием дела, над

¹⁸¹ Цит. по: Токвиль, Алексис де. Старый порядок и Революция... – С. 43-44. Не исключено, что здесь следует искать причины нескольких «ребрендингов» формы правления, характеризовавшими весь XIX век.

которым трудились десять человеческих поколений. Если бы она не имела места, старое общественное здание все-таки пало бы повсюду, здесь раньше, там позднее; оно только продолжало бы распадаться постепенно, камень за камнем, вместо того чтобы рухнуть сразу. Революция мгновенно, судорожным и болезненным усилием, без постепенных переходов (судя по всему, именно этим обусловлен ее, во многом оправданный и целесообразный, радикализм и чрезмерность даже там, где последнего можно было бы постараться как-то избежать. – Э.Е.), без предосторожностей и без пощады положила конец тому, что позднее мало-помалу окончилось бы само собой. Вот что она сделала... Поразительно то, что это обстоятельство, кажущееся теперь таким ясным, долго оставалось запутанным и темным для проницательных умов...»¹⁸².

Когда мы констатируем, что два крупнейших европейских государства в результате актуализации соответствующей формы правления (монархической в Соединенном Королевстве и республиканской во Франции) стали во многих элементах *«современными»*, то для нас это – не фигура речи, а признание того факта, что, несмотря на противоречивые реформы, процесс государственного строительства не носил деструктивного и спорадического характера, сделав в итоге национальные политические системы *более устойчивыми к попыткам* – как внешним, так и внутренним – *их дестабилизации*. Безусловно, их нельзя назвать статичными, не подверженными воздействию со стороны «источника и носителя власти», в противном случае они не выдержали бы исторической и цивилизационной конкуренции с теми странами, где режимы были намного более восприимчивы ко всему новому и прогрессивному, в то же время для них

¹⁸² Цит. по: Токвиль, Алексис де. Старый порядок и Революция... – С. 44. В этой связи, достаточно любопытным выглядит оценка так называемой «Славной революции», именуемой отдельными английскими учеными не иначе, как государственный переворот: «... Позднее репутацию переворота, получившего название «Славная революция», – отмечает Саймон Дженкинс, – значительно подправили историки-виги. С их точки зрения, этот *переворот*, в отличие от потрясений, ожидавших Европу и в тот период, и в грядущем, представлял собой прагматичную, бескровную реформу. Но бескровным он остался только потому, что Яков капитулировал. На самом деле *ни гражданская война, ни реставрация* не излечили Англию от религиозной автократии, так же как парламент не смог достичь согласия хоть по одному серьезному вопросу... На этот раз парламент не хотел рисковать... Акт о веротерпимости, принятый в 1689 году, своеобразная «великая хартия» в религиозных делах, восстанавливал свободу вероисповедания... За этим актом в том же году последовало принятие Билля о правах, повторно устанавливавшего... права и свободы, которые декларировали Великая хартия вольностей и Петиция о правах...». – Цит. по: Дженкинс С. Краткая история Англии... – С. 212-213.

не являлись чем-то экстраординарным и такие черты, как консерватизм, конституционно-правовая *преемственность* и структурный *прагматизм*, без которых государство обречено на перманентное движение то резко «влево», пытаясь в меру возможностей удовлетворить социально-экономические или общественно-политические интересы одной части общества, не в последнюю очередь правящих элит, то, наоборот, резко «вправо», стремясь восполнить те пробелы, которые появились вследствие откровенно популистских решений, ограничивших права и свободы представителей другой части общества.

Должны ли мы рассматривать их *демократическими*, в том смысле, как в настоящее время принято идентифицировать конкретные формы правления и политические режимы, или воспринимать преимущественно с точки зрения специфики тех процессов, в результате которых был осуществлен слом старых моделей общественных отношений и иницирован новый алгоритм развития государства и права, в большей степени отвечавший «требованиям дня»? Как ни парадоксально, но сравнивать по уровню демократичности политические системы *даже внешне совершенно не сопоставимые друг с другом*, тем более с их современными аналогами, как минимум, некорректно в силу целого ряда причин (о которых речь пойдет далее), хотя формально у компаративистов нет каких-либо оснований не проводить сравнительно-правового анализа тех или иных институтов, публичных механизмов и юридических актов¹⁸³.

¹⁸³ В этой связи нельзя не согласиться с теми критическими оценками, которые встречаются в исследованиях становления конституционно-правовых отношений, направленных на более реалистичное и конструктивное восприятие процессов государственного строительства в переломные моменты истории той или иной страны. По мнению Стивена Пинкуса, в результате так называемой «Славной революции» был, по существу, создан *новый тип английского государства*. Победившие представители властно-политической элиты «... отвергли традиционную для того времени бюрократическую государственную модель, созданную Людовиком XIV во Франции. Но они не отвергли само государство. Вместо этого революционеры создали государство, которое использовало другие механизмы подавления и контроля. Их государство искало способ трансформировать Англию из аграрного в производственное общество, провести масштабную военную подготовку, чтобы противостоять величайшей военной мощи, какую видела до того Европа, а также способствовать религиозной терпимости общества. Джон Локк, которого часто описывают как одного из самых ранних и наиболее влиятельных либеральных мыслителей, был одним из этих революционеров. Если Славная революция являлась критическим моментом в развитии современного либерализма, этот либерализм не был бы противником государства. Либерализм, рожденный в 1688 – 1689 годах, – подчеркивает цитируемый ученый, характеризуя итоги, к которым пришли заинтересованные стороны в результате соответствующих процессов, связанных с переходом общества и государства в новое качество, – был скорее революционным и склонным к экспансии, нежели умеренным и аккуратным... Славная революция, по моему утверждению, не была триумфом группы преобразователей над защитниками традиционного общества. Вместо этого революция противопоставила друг другу две разные группы преобразователей. Обе группы пытались вопреки долгим разногласиям обратиться к

При этом каждое поколение исследователей государства и права – в том числе, в контексте генезиса конституционно-правовых отношений – стремится интерпретировать соответствующие события, тенденции, процессы, если и не начиная с «чистого листа», то, по крайней мере, несколько иначе, чем ученые, чьи взгляды и научные концепции формировались в *принципиально* других исторических, социальных и мировоззренческих условиях, так как одно дело, когда анализ осуществляет мыслитель, постоянным рабочим местом которого является кабинет, и совершенно по-своему смотрит на тот же Национальный конвент, 21 сентября 1792 года ликвидировавший во Франции монархию, его непосредственный участник или в силу каких-либо абстрактных (конкретных) причин избежавший гильотины привилегированный аристократ.

Сказанное, с полным основанием может быть отнесено и к тем оценкам, посредством которых сформировались устойчивые, по ряду аспектов *ложные и предвзятые представления* о так называемой «американской революции», ее неизбежности и закономерности. По этому поводу Гордон С. Вуд в одной из своих многочисленных работ пишет (в чем его нельзя не поддержать): «Так уж повелось: каждое поколение историков обнаруживает в революционной эре и периоде ранней республики то, что совпадает с их собственными политическими и культурными потребностями. Возможно, это объяснимо, но все же достойно сожаления. Поскольку настоящее обладает такой силой, что способно легко опрокинуть и извратить интерпретации прошлого (и с этим не поспоришь! – Э.Е.), мы... должны постоянно быть настороже...»¹⁸⁴.

сердцам и умам реакционеров. Это, как я думаю, явилось типичным образцом всех современных революций. Революционные ситуации в огромном большинстве случаев создавались, когда режим, находящийся у власти, по какой-то причине решал, что нужна модернизация. Делая так, режим запускает руки государства глубже и более широко в общество, чем делал ранее, неизбежно вызывая возмущение. В то же самое время, объявляя разрыв с прошлым, режим снижает свою сопротивляемость оппозиционным движениям. Потенциальным революционерам больше не нужно уговаривать своих сторонников порывать с традиционным и привычным образом жизни. Им остается только убедить людей, что у них есть лучшая модель для перемены. Режим, находящийся у власти, не может больше полагаться на привычную лояльность элиты. Именно революционеры конца XVII века в Англии создали модель такого, столь типичного ныне политического рисунка...». – Цит. по: *Пинкус, Стивен*. 1688 год. Первая современная революция... – С. 22-23. Подробнее см.: *Грин Д.Р.* История Англии и английского народа... С. 707-725.

¹⁸⁴ См.: *Вуд Гордон С.* Идея Америки. Размышления о рождении США... – С. 29.

Развивая собственную мысль, цитируемый автор отмечает: «... Конечно, историки живут настоящим, и они не могут и не должны игнорировать его в своих набегах на прошлое; они не антиквары, наслаждающиеся прошлым как таковым. В самом деле, возможна только историческая реконструкция, так как у историков (в том числе тех из них, кто систематически занимается изучением становления и развития конституционно-правовых отношений в конкретной стране или группе стран, ассоциируемых с соответствующей правовой семьей. – Э.Е.) иной кругозор, чем у тех, о ком они пишут¹⁸⁵. Современность важна для стимулирования исторического расследования и формулирования вопросов, которые историки задают о прошлом (главное, к каким выводам они приходят в результате сравнительного анализа, и как экстраполируют «субъективные» представления о давно прошедшем на настоящее время. – Э.Е.). Выдающийся историк Бернард Бейлин пишет: «Всегда существует потребность выделить из прошлого нечто, имеющее отношение к современным проблемам (при этом ученый должен осознавать, что выделенное «нечто», будет востребовано и получит максимально адекватную реалиям дня научную оценку. – Э.Е.), некое послание, комментарий или инструкцию для эпохи, в которой живет автор, и увидеть отраженные в прошлом знакомые аспекты настоящего времени». Но, – цитируя монографию известного предшественника, констатирует Гордон С. Вуд, – продолжает... Бейлин, без «критического контроля» такая потребность «порождает банальный презентиизм, который в худшем случае превращается в индоктринацию на историческом примере...».

Критически рассматривая тенденции государственного строительства в пределах одной из «заморских территорий», помимо всего прочего, нельзя не согласиться и со следующим обобщением лауреата Пулитцеровской премии по истории Соединенных Штатов, в котором выражено понимание процессов,

¹⁸⁵ В другом месте, рассматриваемой работы, исследователь констатирует: «... Конечно, прошлое настолько сложно, что всегда будет существовать несогласие по поводу различных исторических концепций. Несмотря на то, что в совокупности мы сейчас знаем об истоках революции и создании Конституции намного больше..., *ни один историк сам по себе не может знать все*; поэтому дебаты по поводу различных исторических объяснений основания США или другого великого события нашего прошлого никогда не прекратятся...». – Цит. по: Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США... – С. 27.

специфичных для указанной страны: «Во многих современных исследованиях, посвященных эпохе революции и ранней республики, этот «критический контроль» не всегда бывает тем, чем он должен быть. Под влиянием нашей нынешней увлеченности расовыми и гендерными проблемами мы иногда склонны изображать данный период столь же неправильно, как и... поколение Чарльза Бирда неправильно изображало его в силу... увлеченности простыми людьми в противовес интересам бизнеса...»¹⁸⁶.

Акцентирование внимания на идеях, ассоциируемых с представителями исторической и историко-правовой науки, в работе, предметом и объектом которой прежде всего являются общественные отношения в конституционно-правовой сфере, обусловлено тем фактом, что без обстоятельного анализа их генезиса и эволюции компаративист не сможет быть до конца объективным в своих обобщениях, во многом носящих абстрактный характер, особенно в тех случаях, когда вопрос стоит о неоднозначно воспринимаемой и оцениваемой проблеме процесса государственного строительства¹⁸⁷.

В этой связи немаловажное (если ни фундаментальное) значение имеет идентификация Соединенных Штатов как одной из самобытных цивилизаций, впитавшей в себя элементы многих культур, юридических и идеологических систем: «Среди различных типов цивилизаций наиболее распространенным является *локальный*. Локальные цивилизации в своем историческом развитии

¹⁸⁶ Подробнее см.: Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США... – С. 29-30.

¹⁸⁷ Причем, говоря о Соединенных Штатах, нельзя игнорировать тех тенденций, которые во многих странах не имели такого фундаментального значения, как на территории одной из крупнейших англо-британских «заморских территорий». Как вполне справедливо констатирует российский исследователь В.В. Согрин, «... на протяжении всей американской истории важнейшее значение имели расово-этнические отношения и конфликты, которые на большинстве этапов создавали в обществе гораздо большее напряжение, нежели конфликт пролетариата и капиталистического класса. На современном историческом этапе, охватывающем уже не менее полувека, одно из ведущих мест в американском обществе принадлежит гендерному... конфликту, а женское движение играет гораздо большую роль, нежели активность рабочего класса. А если задаться вопросом о социальном конфликте, который занимал главное место на большинстве этапов американской истории, то в качестве такового я бы выделил конфликт верхних имущественных слоев, обросших прочными социальными статусами (выборы в ноябре 2016 года главой государства несистемного кандидата Трампа и последующие за этим события свидетельствуют о том, что в стране по существу действует «коллективный правящий президент» в лице представителей крупнейших североамериканских компаний. – Э.Е.), и нижних как собственнических, так и неимущих слоев, добивающихся улучшения социальных статусов, равно как и политического влияния. В целом социальная история Соединенных Штатов должна изучаться заново, при этом важнейший вопрос заключается в выявлении реальной исторической роли, реального влияния и удельного веса... основных социальных групп, слоев и движений...». – Цит. по: Согрин В.В. Исторический опыт США /В.В. Согрин; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Изд-во «Наука», 2010. – С. 7.

(причем, какую бы из них мы ни взяли в качестве наглядной иллюстрации, в том числе имеющих отношение к симбиозу «местных» и «привнесенных» черт и особенностей. – Э.Е.) демонстрируют *преемственность основополагающих экономических, социальных, политических и культурных характеристик*. Соединенные Штаты обладают характеристиками, типичными для западной цивилизации, но у них наличествуют... характеристики и архетипы, присущие только им. В целом можно говорить о цивилизации Соединенных Штатов как самостоятельном историческом феномене...»¹⁸⁸.

Чтобы ни говорили скептически настроенные ученые, но одной из основ *североамериканского пути развития* необходимо рассматривать традиции (и светские, и религиозные), привнесенные извне, прежде всего метрополией, так как в течение примерно ста семидесяти лет (с 1607 по 1776 год) история Соединенных Штатов неразрывно связана с Англией, колониями которой они (речь идет о «заморских территориях», позднее получивших независимость) официально являлись. Справедливости ради надо сказать, что этот период, в

¹⁸⁸ См.: *Согрин В.В.* Исторический опыт США... – С. 8. Какие же факторы допустимо рассматривать в качестве важнейших? Их несколько, однако, по мнению цитируемого нами исследователя, среди них можно выделить *главный*, «... который оказывает огромное воздействие на все сферы общества и, что особенно важно при изучении цивилизации, доминирует в национальной культуре. Представляется возможным обозначить его как *либерально-капиталистический индивидуализм*. Данное понятие содержит в себе сразу три ключевых слова, каждое из которых имеет принципиальное значение. Понятие «индивидуализм» означает, что на протяжении всей американской истории отдельный индивидуум рассматривался и представал в качестве самостоятельного и главного субъекта общества, свободно собой распоряжающегося, ответственного за реализацию своих возможностей и способностей, как и за собственное благополучие. Совокупность усилий, свободно действующих «экономических» и «политических» индивидуумов (имеющих прямое отношение и к «базису», и к «надстройке», и к трансформации сложившейся социальной иерархии. – Э.Е.) в американской цивилизационной парадигме выступает в качестве фундамента благополучия и прогрессивного развития общества в целом. Но индивидуализм так или иначе присутствовал и в предшествующих обществах..., в однотипных... капиталистических обществах индивидуализм также является важной цивилизационной ценностью. Но американский индивидуализм все же обладает национальными особенностями, – отмечает В.В. Согрин, – которые я попытался обозначить при помощи определения «либерально-капиталистический» (для индивидуализма в западноевропейских странах я бы счел необходимым поискать иное определение). Это определение, в котором важны оба понятия, подчеркивает особую, наивысшую степень развития индивидуализма именно в американской цивилизации... С самого начала либерально-капиталистический индивидуализм выступал... в качестве именно общенациональной ценности, а не только кредо одного буржуазного класса. Его разделяли если не все классы и социальные группы, то их большинство, что являлось важнейшей причиной смягчения, а то и вообще снятия классовых антагонизмов и конфликтов даже в условиях присутствия самих этих классов в социально-экономической структуре. В этом смысле либерально-капиталистический индивидуализм играл... такую же роль, какую... в Индии, цивилизации противоположного типа, играла кастово-варновое общество... Этот социокультурный триумф либерально-капиталистического индивидуализма имел как свои плюсы, так и минусы. Полагаю, есть основание согласиться с теми, кто рассматривает этот феномен в качестве важнейшей и, возможно, главной причины материальных успехов американской цивилизации. Но есть основание согласиться также с теми, кто полагает, что торжество индивидуализма в национальной ментальности стало важнейшей причиной как неизменно глубокой социальной дифференциации общества, так и нечувствительности его благополучного большинства к материальному прозябанию нижнего класса...». – Там же. – С. 9-10.

целом составлявший примерно половину, так сказать, «письменной истории» страны, в свою очередь можно дифференцировать на два продолжительных и взаимосвязанных этапа, условной границей которых стал конец XVII века. По мнению В.В. Согрина, с выводами которого нельзя не согласиться, «различие между двумя этапами было в существенной мере обусловлено изменением взаимоотношений между колониями и метрополией, вызванными в первую очередь стремлением Англии на втором этапе усилить свое влияние и в экономической, и в политической жизни Северной Америки. Это изменение... повлияло на различие некоторых важнейших тенденций общественно-исторического развития колоний. *Если на первом этапе в развитии каждой североамериканской колонии проступало своеобразие, что сопровождалось возникновением экономического и политического... плюрализма, то на втором этапе в общественно-политическом обустройстве провинций все более явственно проявляется тенденция к унификации, хотя... различия между ними не исчезают вовсе, а некоторые... даже углубляются...*».

Также объективен и тезис известного исследователя, согласно которому «при всех различиях¹⁸⁹ колонии были обязаны своим возникновением одной общей причине – резкому возрастанию с начала XVII века колонизационной активности Англии, которая до того на протяжении... столетия откровенно проигрывала в проникновении в Новый Свет своей главной (так как была еще и Франция, а в отдельные периоды Нидерланды. – Э.Е.) сопернице – Испании... Первая важная причина заключалась в том, что к этому времени дал количественные и качественные результаты длительный предшествующий период обуржуазивания английского общества, и в Англии возникли социально-

¹⁸⁹ В литературе встречается несколько критериев дифференциации колоний – от *территориального* (исходя из которого они делились на *северо-восточные* (в частности, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Гэмпшир), *срединные* (Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания) и *южные* (Виргиния, Мэриленд, Северная и Южная Каролина) до других «типологий», например, *конфессиональной* (когда территориальные общины создавались представителями *пуританской* или каких-либо иных церквей), *организационной* (где за основу брался публично-правовой или частноправовой механизм формирования конкретных образований, исходя из которого выделяли колонии *собственнические*, то есть непосредственно основанные крупными англо-британскими землевладельцами, и условно говоря, *государственные*, инициированные короной), наконец, в качестве отдельного критерия в отдельных случаях использовался *рабовладельческий* (внеэкономический характер принуждения) фактор. Однако все они, применимо к XVII веку, носили несистемный характер.

экономические предпосылки для того, чтобы не только наверстать отставание от испанской колониальной империи, но и обогнать ее. В Англии теперь было достаточно людей капиталистического склада, в том числе из... дворян, готовых к интенсивным... рискам в Новом Свете... Другая важнейшая причина заключалась в том, что после разгрома... испанской «непобедимой армады» Англия неуклонно наращивала превосходство над главной военной соперницей, превращаясь во «владычицу морей» и обретая способность надежно защищать свои колониальные экспедиции и интересы...»¹⁹⁰.

При этом важнейшим фактором становления государственно-правовых отношений стал собственно *характер англосаксонской экспансии*, нашедший отражение в организации североамериканских колоний: «С начала активного английского проникновения в Новый Свет выяснилось принципиальное его отличие от испанской колонизации (она осуществлялась в основном в Южной Америке, но все более решительно проникала и в Северную Америку, вступая в конфликтные отношения с англо-британской колонизацией)¹⁹¹. Испанская

¹⁹⁰ См.: *Согрин В.В.* Исторический опыт США... – С. 20. Как нередко бывает в истории, если кто-то в одиночку (в силу самых разных причин) не в состоянии оказать адекватное противодействие тому, кто на каком-то этапе объективно сильнее, в ход идут соглашения и временные союзы даже с самыми «заклятыми» врагами. Так, Англия и Франция, «где буржуазные отношения развивались активнее, чем на Пиренейском полуострове, с нестерпимой завистью смотрели на обогащение испанцев и португальцев (напомним, что согласно буле Папы римского, испанцы и португальцы в определенной пропорции поделили между собой территории Южной и Центральной Америки, которые им, правда, в большинстве своем еще только предстояло колонизировать, помимо тех, которыми они уже обладали. – Э.Е.). Не рискуя открыто посягнуть на их колониальные владения, в Лондоне и Париже тайно поощряли проникновение туда своих подданных. Французам удалось создать небольшие поселения в испанской Флориде и португальской Бразилии. Рывок Англии в западное полушарие был приостановлен событиями ее внутренней жизни. Со времен Генриха VIII... в стране проходила церковная реформация. Английская церковь отделилась от Рима, восприняла многое от протестантского вероучения, во главе ее встал король (супрематия). Испания, возглавлявшая контрреформацию, сделалась непримиримым врагом Лондона. Поимка английского корабля испанским патрулем на путях в Америку означала для экипажа верную смерть... В этих условиях при тогдашнем быстром развитии в Англии буржуазных отношений Новый Свет – тыл Испании, богатейшая сокровищница и широчайший рынок – стал мишенью и приманкой для английских искателей приключений, для оборотистых английских купцов и джентльменов... В 1585 году фаворит Елизаветы Уолтер Рэли основал в Северной Америке первую английскую колонию на острове Роанок (залив Албемарл, Северная Каролина). В честь «королевы-девственницы» (virgin) она была названа Виргинией...». – Цит. по: История США: В четырех томах. Том первый. 1607 – 1877. – М.: Изд-во «Наука», 1983. – С. 17. Подробнее см.: *Римини Р.* Краткая история США /Роберт В. Римини; пер. с англ. О. Алексаняна. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. – С. 18-26, 45-47.

¹⁹¹ Фактически, между Англией и Испанией в год основания Виргинии началась война, рубежным событием которой стало знаменитое сражение английского флота с так называемой «непобедимой армадой» (1588 год), в состав которой входило более сотни кораблей, выигранное, к изумлению многих западноевропейских монархов, под руководством королевы Елизаветы I британцами. Однако эта победа серьезно не повлияла на процесс колонизации, более того, ставший после смерти Елизаветы I королем Яков I Стюарт, заключил мир с Испанией, фактически признав ее притязания на владение Новым Светом, при этом не собираясь возрождать колонию на острове Роанок. В англо-британской научной литературе ее называют «потерянной колонией». Примирение «с главным врагом и соперником, отказ от форпоста в Америке вызвали оппозицию, прежде всего со стороны

колонизация возглавлялась, вдохновлялась и финансировалась католической феодально-абсолютистской монархией (естественно, не обходилось без того, чтобы отряды конкистадоров не попадали под влияние проходимцев, как в случае, например, с Кортесом. – Э.Е.), с вытекающими отсюда последствиями – централизованный характер, социально-экономическое, политическое и религиозное единообразие. Английская колонизация была делом частных лиц, которые получали патенты, хартии, иногда моральную и финансовую поддержку от монархии, как и защиту на морях со стороны королевского флота, но которые создавали акционерные компании и поселения на свой страх и риск и должны были выжить в Новом Свете, полагаясь только на самих себя...» (здесь, видимо, следует искать истоки свободы и индивидуализма).

Другими словами, до определенного периода процесс колонизации в основном носил *частноправовой*, а не государственный характер, поэтому во многих случаях «зависел от того, в чьи руки попадали королевская хартия или патент. Их владельцами становились не только и даже не столько английские аристократы, сколько буржуазные дельцы и религиозные диссиденты. Кроме того, и устремившиеся в Новый Свет аристократы Англии, давно прошедшей сквозь горнило реформации, различались между собой (что также *не могло не отразиться на тенденциях*, обусловленных формированием большинства североамериканских колоний и колониальной системы в целом. – Э.Е.): среди них были и католики, и англикане, и пуритане, демонстрировавшие целый веер общественно-исторических интенций...»¹⁹².

Следовательно, на первом этапе, в целом представлявшим собой не что иное, как *колонизацию* «заморских территорий», ни о каком государственном строительстве речь не должна идти в принципе: воюющей с Испанией Англии, было выгодно, во-первых, делегировать кому-то осуществление чрезвычайно дорогого и проблемного мероприятия (если в конце концов что-то получится, то

елизаветинских ветеранов войн с Испанией. Оппозиция возникла и в среде тех, чья жажда к обогащению и желание занять место испанцев в Новом Свете быстро росли вместе с развитием в стране буржуазных отношений. Используя свои связи при дворе, они добились от Якова I разрешения возобновить колонизацию Виргинии...».
– См.: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 17, 18.

¹⁹² Цит. по: *Согрин В.В.* Исторический опыт США... – С. 20-21.

в любом случае «пальма первенства» будет принадлежать монарху, а если нет, то всегда можно найти «крайнего» в лице обладателя королевской хартии или патента), во-вторых, на легальных основаниях избавиться от религиозных и им подобных диссидентов, как не удовлетворенных отказом от католицизма и насильственным насаждением идей ортодоксального протестантизма, так и последствиями буржуазно-либеральных преобразований. Прагматизм сыграл свою роль, причем в «выигрыше» остались практически все участвовавшие в процессе: Англия получила под свой контроль весьма обширные территории, аристократы – новые плодородные земельные владения, ставшие с течением времени табачными и хлопковыми плантациями, где использовался труд не только «colored people», но и «white slaves», предприниматели – акционерные компании, клерикалы всех мастей и «оттенков» – возможность исповедовать соответствующее вероучение. Лишь *индейское население осталось не у дел*, благодаря «договорам виски» (!?) утратив места традиционного проживания, подвергшись геноциду и беспрецедентной по масштабам депопуляции¹⁹³.

¹⁹³ Справедливости ради надо сказать, что соответствующие религиозные конфессии не только добились возможности исповедовать те или иные учения, но и попытаться реализовать их в условиях колонизации. Как ни странно, но в XVII веке в Англии, по существу, не было ни одной христианской церкви, которая не имела бы проектов освоения Северной Америки. Нельзя не согласиться с одним из отечественных компаративистов, констатирующим, что королевская власть «этому не препятствовала. Напротив, она нередко содействовала их претворению в жизнь...». В частности, по проекту государственной англиканской церкви, «была обустроена Вирджиния. Ортодоксальные пуритане получили право строить свое заповедное общество в Массачусетсе. А пуританам, не смирившимся с установлением там теократической (то есть, вариативность достигла того, что в некоторых общинах *власть приобрела не демократический, а откровенно религиозно-теократический* характер. – Э.Е.) формы правления, была предоставлена возможность создать колонии Коннектикут и Род-Айленд. По заповедям квакеров формировались общественные и государственные институты Пенсильвании. Последователи римской католической церкви основали Мэриленд. Значительным было влияние и других христианских течений (баптистов, моравских братьев и т.д.), хотя оно и не выходило за рамки отдельных общин. Впрочем, в религиозных течениях этого времени невозможно выделить какую-либо одну силу. Это был единый поток, в котором они постоянно соприкасались, вступая в борьбу либо мирно сосуществуя друг с другом...» (иными словами, *ни о каком «хваленном» народовластии речь не идет в принципе*).

Как мы видим, гипотетически не исключено, что на колонизируемых «заморских территориях» могло сформироваться конфедеративное государство с *теократической формой правления*, чего в итоге так и не произошло: «Первое британское поселение – Джеймстаун – было основано в Вирджинии в 1606 году. В полном согласии с заветами Евангелия колонисты жили единой общиной. Они не имели частной собственности и могли работать только на колонию. Под бой барабанов они дважды в день ходили на общественные работы и в церковь (естественно, что какой-либо демократией здесь и ни пахнет!? – Э.Е.). Но такая форма общественного устройства не была жизнеспособной. По свидетельству одного из руководителей колонии, – подчеркивает цитируемый исследователь, – поселенцы всеми правдами и неправдами старались уклониться от своих обязанностей... Колония вымирала, и только усилиями ее основателей – акционеров Вирджинской кампании – спасли ее от полного краха...». – См.: *Лафитский В.И.* Великие конституции (Истоки, факторы развития и роль в современном мире). – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2017. – С. 210.

Исходя из этого, есть ли у нас основания говорить о том, что принципы¹⁹⁴ *самоорганизации населения* были тем фундаментом, на котором постепенно формировался каркас будущей государственности, по целому ряду критериев носивший черты, если воспользоваться гражданско-правовой терминологией, *публичной корпорации*, действующей за счет собственных средств и под свою ответственность в рамках юрисдикции, установленной (санкционированной) актом одного из компетентных органов власти? Как коррелировались в таком случае *коллективизм*, имевший территориально-общинный или религиозно-общинный характер, *индивидуализм*, в большей или меньшей мере присущий предпринимательской и политической сфере, и *демократия*, ведь, несмотря на то, в чьих руках находился соответствующий документ (королевская хартия, патент), компромисс между всеми заинтересованными сторонами отношений выступал тем реальным механизмом, посредством которого – в перспективе – можно было достичь необходимого результата?

Таким образом, принципиальное отличие становления конституционно-правовых отношений в Старом и Новом Свете состояло в том, что в Англии и отдельных странах континентальной Европы прослеживался насильственный слом существовавшей продолжительный период феодально-монархической

¹⁹⁴ Одним из первых европейцев, посетивших Соединенные Штаты в 30-х годах XIX века с целью понять те *принципы*, на которых строились Соединенные Штаты, был французский историк и государственный деятель Алексис де Токвиль. Посетив со своим партнером по путешествию Густавом де Бомоном несколько штатов, он пришел к следующему выводу, во многом не утратившему актуальности: «... Общие принципы построения современных конституций, которые большинство европейцев XVII века понимало с трудом и которые лишь частично восторжествовали в тот период в Великобритании, были полностью признаны в Новой Англии и закреплены ее законами: участие народа в общественных делах, свободное голосование по вопросу о налогах, ответственность представителей власти перед народом, личная свобода и суд присяжных – все это было воспринято единодушно и реально введено в жизнь в Новой Англии. Эти исходные принципы получили здесь самое широкое применение и распространение, тогда как в Европе ни одна нация на это не решилась... В Европе политическая жизнь большинства стран начиналась на верху официальной пирамиды и затем постепенно, да и то не в полной мере, охватывала все ячейки общества. В Америке же, напротив, община была образована раньше, чем округ; округ появился прежде штата, а штат – прежде, чем вся конфедерация. К 1650 году в Новой Англии община полностью и окончательно утвердилась. Община была тем местом, которое объединяло и крепко связывало людей и где они могли проявить свои интересы и пристрастия, осуществить свои права и выполнить обязанности. Внутри общины кипела истинная и активная политическая жизнь, вполне демократическая и республиканская по своей сути. Колонии пока еще продолжали признавать верховную власть митрополии, штаты по-прежнему управлялись по законам монархии, однако республика уже полнокровно развивалась в рамках общины. Община выбирала должностных лиц всех уровней, устанавливала налоги, а также взимала все прочие. В общинах Новой Англии не было принято никаких законов о представительных органах. Любые общинные дела, затрагивающие интересы всех ее жителей, обсуждались, как в Афинах, на центральной площади или на общем собрании...». – Цит. по: Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке: Пер. с франц. /Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – С. 51-52.

формы правления, в то время, как в пределах колонизированных территорий Северной Америки в отсутствии полноценного государства параллельно шел процесс институализации общества немонархического типа и объективизации *предпосылок* заключения одного из видов «общественного договора».

Иначе говоря, в одном случае *сначала ломали* «морально устаревшие» механизмы властных отношений и только затем конституировали какие-либо социально-экономические и политико-правовые системы, в другом – процесс государственного строительства *протекал одновременно с учреждением* и апробацией тех институтов, которые в дальнейшем станут олицетворением североамериканской демократии, так как «ломать», в принципе, было нечего. Исходя из того, что начинать с «чистого листа» намного проще и, как правило, целесообразнее с точки зрения реализации на практике конкретных идей или представлений (в частности тех, чьи религиозные убеждения диссонировали с догматами официальной конфессии), в Новом Свете, несмотря ни на что, во многом *удалось избежать серьезных ошибок*, которыми в Англии и Франции сопровождались буржуазно-либеральные преобразования и переход к новой модели взаимодействия общества и государства в лице правящих элит.

Вместе с тем нельзя не учитывать особенностей (или закономерностей), присущих длительному процессу общинной самоорганизации переселенцев, в течение которого последовательно вырабатывались структурообразующие критерии, с которыми позднее стали ассоциироваться отдельные «заморские территории», носившие, с правовой точки зрения, *октроированный* характер. Достаточно обратить внимание на, по существу, перманентно возрастающую динамику получения североамериканскими колониями королевских хартий (так, в 1629 году их получают, образованная за пять лет до этого *пилигримами*, колония в городе Новый Плимут, и колония Массачусетского залива, в 1632 году – *католическая* колония Мэриленд, в 1681 году – колония одной из самых крупных протестантских сект *квакеров* в Пенсильвании), чтобы сделать вывод о том, что важнейшим источником этого периода следует рассматривать акты

религиозного содержания, многие положения которых затем войдут в первые юридико-правовые документы, в том числе региональные конституции¹⁹⁵.

Примером может служить «соглашение», составленное в 1630 году при основании первой пуританской церкви ее членами, в котором были отражены принципы, лежавшие в основе общественной организации новой «колонии», сформированной, согласно королевской хартии, в районе Массачусетского залива, в рамках которой будут позднее построены Чарльзтаун, Уотертаун, Сейлем, Бостон, Брэдфорд и другие города: «... Во имя Господа нашего Иисуса Христа... мы, нижеподписавшиеся... искренне, торжественно и благословенно (как в Его божественном присутствии) обещаем и обязуемся точно следовать Священному Писанию и действовать в полном согласии с Его божественными

¹⁹⁵ Религиозно-общинный тип колоний «укоренился на северо-восточном побережье Америки, получившем название Новой Англии. Новоанглийский регион с самого начала осваивался протестантскими религиозными общинами, покидавшими Старый Свет из-за преследований англиканской церкви и руководствовавшимися... не только, а часто и не столько материальными, сколько идеальными мотивами. Сами эти общины были неоднородны, их условно можно разделить на *демократические* и *умеренные*, и их деятельность дала неодинаковые результаты. Первая демократическая община известна под именем *отцов-пилигримов*, а умеренная – *пуритан*. Секта отцов-пилигримов, или просто пилигримов, еще в начале XVII века, убедившись в несовместимости своих религиозных исканий с постулатами государственной англиканской церкви, покинув родину и переселившись в Голландию. Но и на новом месте диссиденты чувствовали себя неуютно, приняв в конце концов решение перебраться в Новый Свет и оказаться тем самым в «естественном состоянии». Приобретя акции у Плимутской компании и получив патент на освоение небольшой части северной Виргинии, они в 1620 году двинулись в долгий путь на корабле «Мейфлауэр». Во время путешествия они заключили и подписали договор об объединении в «гражданский политический организм» с целью создания и соблюдения «справедливых и одинаковых для всех законов». Впоследствии Джон Куинси Адамс, – отмечает в своей работе В.В. Согрин, – один из первых президентов..., назвал его «возможно, единственным в истории человечества примером практического самобытного общественного договора, который до того выступал в качестве законного источника правительства только в воображении философов». Эта оценка стала общепринятой в Соединенных Штатах, почитающих отцов-пилигримов в качестве основателей американской демократии и народного суверенитета... До 1691 года, когда Новый Плимут был включен в колонию Массачусетс, он развивался самостоятельно, вполне в соответствии с помыслами пилигримов. Политические *порядки поселенцев напоминали непосредственную демократию*: ежегодно на общем собрании они прямым голосованием избирали губернатора и нескольких его помощников, на общем же собрании, созывавшемся в необходимых случаях губернатором, посредством прямого волеизъявления принимали различные законоположения и постановления... Правда, жители Нового Плимута делились на полноправных свободных поселенцев (фрименов) и сервентов, совершавших переезд в Северную Америку «в долг» и вынужденных отрабатывать контракт до обретения полных прав. Но сервентов в Новом Плимуте было немного, среди же фрименов социальные различия оказывались несущественными. Собственные религиозные нормы блюлись достаточно строго, но не фанатично, случаи преследования инакомыслия практически отсутствовали. По образцу Нового Плимута в последующие десятилетия было создано много поселений, но учреждались они, как правило, диссидентами из более консервативных, нежели пилигримы, протестантских общин, также обосновавшихся в Новой Англии. Первая из таких общин, известная как пуритане, получила королевскую хартию и право на основание поселений в Северной Америке в 1629 году, а уже в следующем году прочно обосновалась в Новом Свете...». – Цит. по: *Согрин В.В. Исторический опыт США...* – С. 25-26. Перед нами – четко выраженная тенденция, в рамках которой протекало становление общества.

предначертаниями и во взаимной любви и уважении друг к другу – настолько, насколько Богу будет угодно сподобить нас...»¹⁹⁶.

На этом этапе не что иное, как церковь олицетворяла собой важнейший институт не только религиозной, но и светской жизни, так как претендовать на занятие выборной должности губернатора, какого-либо из его заместителей и ассистентов имели право *лишь члены пуританской общины*, которая помимо прочего осуществляла контрольные прерогативы за исполнением публичных полномочий, в том числе для того, чтобы обеспечить «образцовое управление гражданской жизнью» и «справедливое, благоговейное и беспристрастное» решение соответствующих вопросов¹⁹⁷. Обычная практика *приходских сходов*, из-за отсутствия постоянно действующих органов представительной власти, получила естественное развитие в *общих собраниях*, выражавших собой *одну из форм непосредственной демократии*, отвечавшей реалиям дня.

Итак, процесс колонизации, особенно на начальном этапе, был основан на двух взаимодополняющих элементах: *общинном самоуправлении*, с одной стороны, и *октроированных королевских актах*, формализовавших правовой статус конкретных территориальных образований, с другой. Примером может служить первый документ подобного статуса – хартия, дарованная английским монархом 10 апреля 1606 года Виргинии (двум отделениям – Плимутскому и Лондонскому – одноименной акционерной компании), где провозглашались принципы, ставшие, *в значительной степени*, «аналогом для подражания» для всех вновь образуемых североамериканских колоний: «Все лица и каждое из лиц, которые являются Нашими подданными и которые поселятся и будут жить в одной из указанных Колоний и Плантаций, а также все дети и каждый из детей, рожденные в пределах и на территории указанных Колоний¹⁹⁸ и Плантаций,

¹⁹⁶ Оригинальный текст цит. по: Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд. 1630-1642. – М., 1980. – С. 51.

¹⁹⁷ См.: Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд... – С. 78. Более того, любое решение администрации (магистрата) должно было основываться на библейских постулатах, чтобы каждый мог обрести свое «жизненное предназначение и светоч Истины...». – Об этом см.: Бурстин Д. Американцы. Колониальный опыт. – М., 1993. – С. 29.

¹⁹⁸ Следует учитывать тот факт, что, помимо королевских хартий, колонии, вступая в отношения друг с другом, нередко заключали соглашения между собой, что способствовало развитию конституционно-правовых актов, одним из предшественников которых являлись догматы религиозного содержания. Ранее по тексту мы уже

будут иметь и пользоваться всеми Свободами, Привилегиями и Правом на неприкосновенность в том же объеме и в том же порядке, в котором они имели бы их, если бы жили и были рождены в пределах Нашего Королевства Англии либо в одном из Наших владений...»¹⁹⁹.

Более того, именно здесь «новый импульс» в своем развитии получили, *привнесенные из метрополии*, правовые и политические институты, так как в 1618 году Виргинская (в научной литературе на русском языке нередко можно встретить несколько иной перевод – «Вирджинская») компания, назначившая для управления территорией губернатора, пошла навстречу многочисленным просьбам переселенцам и учредила орган, ограничивший его полномочия. В истории североамериканского конституционализма он известен под именем *Генеральной ассамблеи*, колониального института представительной власти.

Особенность этого учреждения состояла в том, что в его состав, наряду с членами *колониального совета*, формируемого по предложению компании, входили *представители крупнейших поселений*, периодически избираемые на строго определенный срок. Начав свою деятельность в 1619 году, первый в «заморских территориях» институт представительного характера практически в неизменном виде просуществовал чуть более сорока лет²⁰⁰. К этому времени его

говорили о том, что пуритане (получившие позднее приставку «пилигримы») по пути из Голландии в Новый Свет на корабле «Мейфлауэр» заключили соглашение, положенное в основание правовой регламентации их взаимоотношений в рамках формируемой в Новом Плимуте колонии, и которое они экстраполировали на соседние образования подобного рода: «... Настоящим торжественно и совместно перед лицом Господа Бога и друг друга заключаем соглашение о создании и объединении Гражданского Политического Сообщества для лучшего Нашего Управления и Защиты и для Исполнения вышепоставленных целей; и в силу этого мы принимаем, учреждаем и издаем такие справедливые и в равной мере обязывающие Законы, Указы, Акты, Конституции и Решения (складывается впечатление, что авторы данного соглашения рассматривали будущее образование не иначе, как *квазигосударством*, о чем свидетельствует перечень нормативных документов, которые они предполагали принять для регламентации тех или иных отношений. – Э.Е.), которые потребуются при необходимости и которые будут сочтены наиболее соответствующими и подходящими для Общего блага Колонии, которой мы клянемся в Верности и Послушании...». – Цит. по: Mayflower Compact 1620. Agreement Between the Settlers at New Plymouth: 1620 // <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/avalon.htm>

¹⁹⁹ См.: The First Charter of Virginia; April 10, 1606 // The Federal and State Constitutions Colonial Charters, and Other Organic Laws of the States, Territories, and Colonies Now or Heretofore Forming the United States of America Compiled and Edited Under the Act of Congress of June 30, 1906 by Francis Newton Thorpe. Washington, DC: Government Printing Office, 1906 // <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/avalon.htm>

²⁰⁰ За этот период местные представительные органы были сформированы во всех остальных колониях, невзирая на их статус и правовое положение основателей. Речь идет о торговых компаниях (как, например, в той же Виргинии), частных лицах (как в случае с Пенсильванией и Мэрилендом) и непосредственно короне. Как справедливо отмечает профессор Т.Я. Хабриева, местные парламенты обладали достаточно широкими полномочиями, так как «они имели право принимать законы, устанавливать налоги и сборы при условии, если они соответствовали английскому праву. Решения представительных органов (носившие ограниченный

выборная часть, получившая официальное название «палаты бургесов», уже заседала отдельно от колониального совета, что позволяет, по мнению отдельных компаративистов²⁰¹, провести, в большей либо меньшей степени, параллель (губернатор – колониальный совет – палата бургесов) с английским «смешанным» правлением (монарх – кабинет – палата лордов – палата общин). При этом следует учитывать тот факт, что в 1624 году Виргинская компания (за ненадобностью, скорее всего, так как выполнила возложенную на нее задачу) была ликвидирована, а подконтрольные ей территории и население перешли непосредственно под юрисдикцию короны, вместе с тем, актуализированные ею публичные учреждения, продолжили работу, противодействуя давлению со стороны королевской администрации, олицетворяемой губернатором и его немногочисленным управленческим аппаратом²⁰².

Пример Виргинии, где местный представительный орган был поставлен под контроль назначаемых метрополией губернаторов, говорит о том, что чем выше был уровень самоорганизации поселенцев, тем *значительно быстрее*

характер. – Э.Е.) передавались на утверждение губернаторов, наделенных правом абсолютного вето. Кроме того, они могли быть отменены английским монархом...» (разуме возможно народовластие при двойном вето, вопрос судя по всему риторический). – Цит. по: *Хабриева Т.Я.* Вступительная статья //Конституции государств Америки: В 3 т. /Под ред. д. ю. н., проф. Т.Я. Хабриевой. – Т. 1: Северная и Центральная Америка. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – С. 8.

²⁰¹ Об этом см., например: *Согрин В.В.* Исторический опыт США... – С. 22.

²⁰² Согласно королевской хартии 1606 года, монарх «считался суверенным хозяином всей земли колоний, что выражалось в обязательстве компаний отчислять ему пятину от добытых в колониях золота и серебра, а также наделять поселенцев землей от его имени. При этом пользование землей устанавливалось в форме «свободного сокеджа» – льготного феодального держания, приближавшегося в тогдашней Англии к частному землевладению... Будущие поселенцы были объявлены полноправными подданными английской короны. Однако в первые годы основания колоний им полагалось работать совместно, отдавая компании все произведенные товары и получая за свой труд продукты и все необходимое из складов, содержимое которых распределялось советом колонии... В колонии постепенно складывалась определенная общественная структура. Высший слой общества Виргинии составляли члены колониальной администрации во главе с губернатором, средний слой – немногочисленные английские джентльмены, акционеры компании и другие поселенцы, которые сами оплатили свой переезд в Америку. Это были фримены колонии. Низший слой включал людей, посланных в Америку за счет Виргинской компании. С ними заключался контракт на определенный срок (7 лет, иногда менее), в течение которого они обязывались за «достаточно разумное» питание и снаряжение выполнять поручаемую им работу по специальности или любую, предписанную колониальной администрацией. Предполагалось, что после окончания срока контракта каждый из них получит земельный надел... Сервенты рекрутировались главным образом из обездоленных людей, а частично набирались из уголовных преступников. Иначе говоря, значительная часть колонистов отправлялась в Виргинию *против собственной воли или в силу крайней нужды*. Ехали они в неизвестную страну с едва тлевшей надеждой на получение клочка земли в далеком будущем. Согласно тогдашнему английскому законодательству, положение сервентов мало чем отличалось от положения рабов... Следуя инструкциям, губернаторы прибегали к драконовским мерам наведения порядка, стараясь добиться от колонистов максимальных усилий при исполнении ими работ. Это, а также размещение колонистов в «общем доме», совместный обязательный труд, нормированное распределение продуктов и их постоянная нехватка, страх перед нападением индейцев... делали жизнь колонистов каторжной в условиях военного поселения...». – Цит. по: *История США. Том первый. 1607 – 1877...* – С. 19-20.

протекал процесс правовой регламентации важнейших сфер общественных отношений, в том числе в виде кодифицированного законодательства, что не может не свидетельствовать о следующем: если публичные интересы простых колонистов и правящих элит каким-либо образом совпадают, то, достигнутый компромисс, находит отражение в тех юридических документах, с которыми обе стороны связывают процесс нормализации и гармонизации конкретных – социальных, экономических, политических – отношений, обусловленных, во многом, уровнем взаимодействия и спецификой предъявляемых претензий, в противном случае (при доминировании одной группы над всеми остальными) проблемы приобретают перманентный характер и могут быть решены, скорее всего, лишь экстремальными мерами. Не исключено, что при формировании соответствующих институтов в рамках *частноправовой модели колонизации*, мы сталкиваемся с особенностями, вытекающими из дифференцированного статуса членов «корпорации», при котором кто-то при любой ситуации будет обладать *большим набором прав, свобод и преференций*, чем все остальные, *несмотря на декларации* королевской хартии. Таким образом, данная форма освоения «заморских территорий» изначально несла в себе механизмы, мало отвечавшие принципам «свободы, равенства и справедливости», с которыми в общественном сознании широких слоев населения ассоциировался процесс государственного строительства в Новом Свете²⁰³.

²⁰³ Ранее по тексту мы уже говорили о том, что, учитывая бесчисленные жалобы на произвол губернаторов, компания в 1618 году обнародовала ордонанс, которым учреждался собственный законодательный орган колонии – Генеральная ассамблея, в которую входили члены совета колонии, а также по два представителя от крупных поселений, избираемых дееспособными гражданами мужского пола. Губернатор, обладавший правом вето, был обязан инициировать ее заседания не реже одного раза в год. Акты, принятые ассамблеей, не должны были противоречить законодательству метрополии, что во многом ограничивало полномочия данного органа представительной власти. Нельзя не отметить, что на фоне тенденции, в той или иной мере вызванной расширением прав акционеров, начатая реформа в первую очередь «адресовалась наиболее зажиточным колонистам и служила их интересам. Новоиспеченные крупные землевладельцы, используя свое влияние, а также членство в колониальном совете и протекцию губернатора, стали депутатами первой ассамблеи, созванной летом 1619 года. Они поспешили защитить свое привилегированное положение и собственность. Принятый ими закон обязывал зарегистрировать всех сервентов Виргинии, а впредь регистрировать каждого прибывшего с указанием даты окончания срока контракта, чтобы предотвратить всякую возможность уклонения от обязательств... После ликвидации Виргинской компании король утвердил земельные держания, полученные от нее его заморскими подданными... Все землевладельцы должны были выплачивать квит-ренду...».

Более того, можно говорить о процессе «аристократизации», в рамках которого власть постепенно была сконцентрирована в руках зажиточных колонистов, прежде всего, входивших в состав колониального совета, чему во многом способствовала метрополия: «События в Англии, отвлекавшие правительство от дел колонии, способствовали тому, что Генеральная ассамблея, которую с самого начала местные «аристократы»

Другая «крайность» (когда многое зависело от масштабов религиозной ортодоксальности правящих элит и ближайшего к ним окружения) проявилась в пределах так называемой Новой Англии, особенно в тех колониях, которые были образованы *конфессиональными диссидентами* типа пуритан и других нетрадиционных церквей. Как и в случае с пилигримами, составившими свое соглашение на борту одного из кораблей, следовавших в Северную Америку из Голландии, руководитель экспедиции и губернатор будущей колонии Джон Уинтроп, собрав пассажиров флагманского корабля «Арабелла», объявил им базовые принципы, исходя из которых предполагалось строить новую систему управления²⁰⁴. Как констатируют исследователи становления конституционно-правовых отношений переселенцев-диссидентов, высадившихся в 1630 году в Массачусетской бухте, «главный из них заключался в том, что «Бог, создав мир и людей, создал и неравенство, сделав так, что одни люди управляют другими, что кто-то богат, а кто-то беден» (от идеологом подобного рода, служивших основой процесса государственного строительства, до сих пор никто так и не думает отказываться, придав им несколько более современное «звучание». – Э.Е.). Согласно другому принципу строителям «Нового Иерусалима», который должен служить обозримым всему миру образцом библейских добродетелей – «городом на холме», *следует быть послушными исполнителями божьей воли, заключавшейся в повиновении учрежденным в колонии властям*. Возможные невзгоды подчиненных должны быть облегчены «христианским милосердием» правителей и имущих. «Образец христианского милосердия», объявленный

использовали в своих интересах, оказалась полностью в их руках. Они довольно решительно отвергли все королевские проекты, которыми правительство хотело поправить свои финансовые дела за счет пошлин на торговлю табака...». Дошло до того, что местные элиты отказались сотрудничать с назначенным губернатором Джоном Харви, и король был вынужден назначить на эту должность представителя колонии. «Сделав это, «аристократы» утвердили себя родоначальниками господствующего класса колонии. Они стремились, насколько возможно, освободиться от политических ограничений и материальных потерь, которые были связаны с господством метрополии. Если их вершущий бунт представлял собой также оппозицию этому господству со стороны других колонистов, то только как проекция в будущее. Теперь результатом бунта «аристократов» было установление в колонии их власти. То была власть олигархии, направленная на эксплуатацию белых и черных рабов, на подчинение и закабаление мелких землевладельцев и других, юридически свободных, но малоимущих или неимущих колонистов...». – Цит. по: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 21-22, 23, 25-27. Об этом см.: Римины Р. Краткая история США... – С. 19-20.

²⁰⁴ См.: The Puritans. A Source Book of their Writings: Vol. 1,2 /Ed. by P. Miller, T.N. Johnson. – N.Y., 1963. Vol. 1. – P. 195-197. Иными словами, будем создавать и развивать не то, что «хотим», а то, что «предписано».

Уинтропом, означал создание в колонии классового (со всеми вытекающими политическими и социально-экономическими последствиями. – Э.Е.) неравенства, господства имущих, осуществляющих управление...»²⁰⁵.

Некоторые критически настроенные ученые склонны характеризовать колонию со столицей в Бостоне как «*теократическую олигархию*», где роль служителей церкви первое время была чрезвычайно высока. Об этом говорят, в том числе, решения, принимавшиеся колониальными органами власти. Так, в августе 1630 года губернатор Джон Уинтроп и его ассистенты, получившие свои должности еще до переселения в Новый Свет, начали функционировать в качестве *магистрата* колонии, хотя королевская хартия предусматривала наличие представительного органа, носившего название «общее собрание», в составе колонистов, избравших органы управления Массачусетса, как чуть позднее стали официально именовать территорию, осваиваемую пуританами. Нельзя не поддержать вывод о том, что религиозный фанатизм магистрата и фундаментальная роль, которую играли в среде переселенцев-пуритан тесно сотрудничавшие с ним представители нетрадиционной (по сравнению с той же англиканской, тем более католической конфессией) церкви, «... придавали создаваемому в колонии режиму теократические черты. Прежде всего они обнаруживались в преследовании инаковерующих – англикан, пресвитериан, сепаратистов, а также тех, кто ставил под сомнение неограниченную власть магистрата, ссылаясь на английские законы или на хартию. Преступление или проступок были одновременно грехом, грех – преступлением. Наказания, определявшиеся по законам библейского Моисея (интересно, куда же все это испарилось при доминировании в коллективном сознании общества догматов пресловутой политкорректности и толерантности? – Э.Е.), были очень суровы, особенно для сервентов. Греховность, а значит преступность, считалась как бы неотъемлемым их качеством, пороком...»²⁰⁶.

²⁰⁵ Цит. по: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 33. См.: Римини Р. Краткая история США... – С. 28-29.

²⁰⁶ Цит. по: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 34. Естественно, что менее ортодоксальные пуритане, не выдержавшие не столько трудностей устройства на новом месте, сколько крайне недовольные формой правления, олицетворяемой магистратом и все более приобретающей черты теократического режима, стали

По всей видимости, не все переселенцы (особенно «второй волны») в полном объеме разделяли представления и методы публичного управления ортодоксальных пуритан, в связи с чем активизируются протестные движения. Крупнейшим из них становится так называемая «антимония»²⁰⁷, основной вектор которой был направлен на преодоление системно-институциональных рецидивов олигархии, окрашенной в теократические тона. В качестве, своего рода альтернативы, сторонники сохранения «старых порядков» на одном из предвыборных собраний весной 1639 года вносят коллективное предложение конституировать должность губернатора как «бессрочную» (иными словами, пожизненную!?), что *находит поддержку со стороны церковных иерархов и большинства рядовых прихожан*: «Передавая постепенно, а особенно в ходе

искать другие места для проживания, а некоторые вернулись в Европу. Но и внутри колонии противоречия приобретали характер конфликта, имевшего, помимо прочего, и концептуальные религиозные основания, выразителем и вдохновителем которых явился известный богослов Роджер Уильямс, рассматривавшийся одним из кандидатов на должность бостонского пастора. В своих многочисленных проповедях он подверг сомнению «истинность» тех догматов, которые активно насаждали в обществе Массачусетса ортодоксальные пуритане: «Во-первых, потому, что руководители колонии не объявили о разрыве с англиканской церковью; во-вторых, потому, что они нарушили независимость церквей и свободу вероисповедания, вмешиваясь в их жизнь под предлогом охраны принятых руководителями колонии религиозных догм и форм богослужения; в-третьих, потому, что светская власть в лице магистрата осуществляла досмотр и наказывала отступавших от принятых догм, хотя столпом конгрегационализма являлось разделение светской и церковной властей... Это были взгляды, – отмечают исследователи, которых нельзя не поддержать, – близкие, если не совпадавшие, с сепаратистскими. Проводя самостоятельную политику, они продолжали делать вид, что являются лояльными подданными короля и противниками окончательного разрыва с церковью метрополии. Они еще на родине были против сепаратизма, распознавая в нем элементы «крестьянско-плебейской ереси». Теперь, когда они оказались у власти и насаждали церковное единообразие, сепаратизм и принцип свободы совести, который особенно горячо отстаивал Уильямс, были для них совершенно неприемлемы...». – Там же. – С. 34

Парадокс состоит в том, что непримиримость к инакомыслию проявляли те, кто еще совсем недавно, находясь в Европе, на себе испытал давление государственной церкви, осуществлявшееся непосредственно ее иерархами или органами светской власти, не заинтересованными в каких-либо проявлениях религиозного сепаратизма (достаточно вспомнить католиков Ирландии, подвергшихся геноциду со стороны войск Оливера Кромвеля и лично капитан-генерала, не только каленым железом выжигавшего «римскую крамолу», но и отправившего на плантации Ямайки десятки тысяч белых рабов).

²⁰⁷ С точки зрения ряда исследователей, «... антимония – первое массовое (по условиям места и времени) социальное движение в Новой Англии. В нем явственно обозначились линии размежевания в обществе колонии, различные интересы его слоев, приобретавших классовые черты буржуазного общества. Черты эти были затуманены специфическими условиями (наличие незанятых земель, «белые рабы») и окрашены тонами местного пуританизма. Антимония знаменовала собой начавшийся кризис последнего. Он встал на перепутье между конгрегационализмом и скрытой формой государственной церкви. Его местные теоретики... все откровеннее исповедовали идеи «аристократической теократии» и правомочность синодальных совещаний... Это не означало, что конгрегационализм перестал существовать. Формально он продолжал оставаться главным принципом церковной организации. Он продолжал оставаться знаменем, под которым Массачусетс жил своей самостоятельной жизнью, а главное – знаменем тех, кто вольно или невольно боролся против издержек, стеснявших развитие буржуазных отношений, издержек, связанных с пуританской ортодоксией. Антимония ускорила крушение пуританской утопии, которая предполагала сооружение «города на холме», где жизнь идет по законам Священного писания и, таким образом, положение людей максимально приближено к предопределенному «волей Бога», следовательно, не дает повода и права быть недовольными существующими порядками и социальным неравенством. Антимония выявила это недовольство...». – Цит. по: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 41-42.

борьбы с антимонией защиту церкви и веры от «еретиков» в руки магистрата, священники давали ему возможность в какой-то мере контролировать²⁰⁸ церковную жизнь. Вместе с этим они теряли часть своего влияния. Однако им было достаточно того, что магистрат считался с их мнением и дорожил ролью духовных пастырей, смиравших, в частности, недовольство колонистов его политикой, чтобы сохранить положение обязательного неотделимого компонента существующей власти. Возросшая независимость несменяемого губернатора могла дать магистрату определенные преимущества...»²⁰⁹.

Тем не менее, человеку, когда-то получившему королевскую хартию, не удалось стать «пожизненным губернатором», более того, невзирая на то, что режим олигархии сохранился, в последующие два года свободные поселенцы все решительнее настаивали на ускорении подготовки кодифицированного законодательства, и их усилия оказались небезуспешными: в декабре 1641 года проект будущего «Свода свобод»²¹⁰ был вынесен на обсуждение, а затем и принят. Специфика указанного нормативного акта – помимо того, что это был первый документ подобного рода в истории североамериканских колоний – состояла в том, что в нем «были не только подтверждены старые английские вольности, такие как неприкосновенность личности, равенство перед судом, состязательность судебного процесса, право на суд присяжных, но и введены такие нормы, которых еще не было в европейском праве того времени (запрет на применение жестоких... наказаний, недопущение монополий...)»²¹¹.

²⁰⁸ По мнению Алексиса де Токвиля, «община Новой Англии имеет два преимущества, которые всегда, где бы с ними ни сталкивались, вызывает живой интерес людей: это – независимость и власть. Правда, сфера деятельности общины ограничена, и она не в состоянии выйти за ее пределы, но внутри этой сферы община совершенно свободна в своих действиях. Уже одна эта независимость придает ей большой вес, несмотря на численность ее населения и на размеры занимаемой ею территории... Смотрите, с каким искусством в американской общине все заботятся о *рассредоточении*, если можно так выразиться, власти для того, чтобы заинтересовать как можно больше людей в делах общины...». – Об этом см.: *Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке...* – С. 69, 70. К некритическим оценкам подобного рода (их пафосу) можно относиться по-разному.

²⁰⁹ См.: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 42.

²¹⁰ Подробнее см.: *Puritan Political Ideas /Ed. by E.S. Morgan. – Indianapolis, 1965. – P. 177-203.*

²¹¹ Цит. по: *Хабриева Т.Я.* Вступительная статья //Конституции государств Америки. Т. 1: Северная и Центральная Америка... – С. 8-9. Предписания, большинство которых носили беспрецедентный характер, во многом впитавшие в себя религиозные ценности, нашли свое обоснование в преамбуле кодифицированного законодательного акта: «... Свободное пользование теми правами, привилегиями и неприкосновенностью, к которым взывают человеколюбие, цивилизованность и христианская вера, должно быть предоставлено каждому человеку в подобающем ему месте и в должной для него мере без ограничений и постороннего вмешательства; этот принцип всегда был и навсегда пребудет фундаментом спокойствия и незыблемости Церкви и общества.

В целом положительно оценивая «Свод свобод», нельзя не согласиться с обобщением, вытекающим из характера англо-американской цивилизации: «... Она есть результат (данное положение должно постоянно присутствовать в ходе любых размышлений) двух совершенно различных начал, которые, кстати говоря, весьма часто находились в противоборстве друг с другом, но которые в Америке удалось каким-то образом соединить одно с другим и даже превосходно сочетать («Свод свобод», другие акты, по нашему мнению, великолепное тому «подтверждение»!? – Э.Е.). Речь идет о *приверженности религии* и о *духе свободы*... Основатели Новой Англии были ревностными сектантами и одновременно восторженными новаторами. С одной стороны, их сдерживали оковы определенных религиозных верований, с другой – они были совершенно свободны от каких-либо политических предрассудков (по отношению к себе, вероятно? – Э.Е.). Отсюда и появились две различные, но вовсе не противоречащие друг другу тенденции, отпечаток которых нетрудно заметить повсюду – как в нравах общества, так и в его законах...»²¹².

Лишение же этих прав или отказ от них влекут за собой смуту, если не гибель того и другого...». – См.: *Слезкин Л.Ю.* У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд... – С. 255.

²¹² Цит. по: *Токвиль, Алексис де.* Демократия в Америке... – С. 53. Развивая собственную мысль, автор далее пишет: «Эти люди способны приносить в жертву религиозным убеждениям своих друзей, свою семью и свою родину; можно предположить, что они поглощены поиском некоего интеллектуального блага, за которое готовы заплатить столь дорогую цену. Между тем, оказывается, что они практически с той же настойчивостью стремятся добиться не только морального удовлетворения, но и материальных благ, ища счастья на том свете и одновременно благополучия и свободы на этом. Политические убеждения и созданные человечеством законы и институты превращаются в их руках в нечто столь податливое и гибкое, что кажется, они могут принимать любой оборот и, как угодно, комбинироваться. Перед этими людьми рушатся все преграды, сковывающие общество, в котором они родились; устаревшие взгляды, в течение долгих веков влиявшие на мир, постепенно исчезают; перед ними открываются практически безграничные возможности... Человек устремляет свой разум к этому полю деятельности, он исхаживает его вдоль и поперек, однако, достигнув границ мира политики, он невольно останавливается. Трепеща, он отказывается использовать свои самые устрашающие возможности, он больше не хочет ни сомневаться, ни создавать нечто новое, он даже воздерживается от желания приподнять завесу, закрывающую святилище, – исполненный уважения, он преклоняет колени перед истинами, которые принимает беспрекословно. Таким образом, – констатирует с большим пафосом французский дипломат и путешественник, – в мире нравственности все упорядочено, согласованно, предусмотрено и решено заранее. В мире же политики все находится в постоянном движении, все оспаривается, все как-то неопределенно; в одном – пассивное, хотя и добровольное повиновение, в другом – независимость, недоверие к опыту и горячее отрицание любого авторитета. Эти две тенденции, столь противоположные на первый взгляд, не наносят друг другу никакого вреда, напротив, они развиваются в полном согласии и даже как бы оказывают поддержку одна другой. Религия видит в гражданской свободе благородное выражение человеческих способностей, а в политическом мире – поле деятельности, предоставленное человеческому разуму Создателем... Свобода же видит в религии свою союзницу в борьбе и в победах, колыбель своего собственного детства, божественный источник своих прав. Она воспринимает религию как блюстительницу нравственности, а саму нравственность считает гарантией законности и залогом своего собственного существования...». – Там же. – С. 53-54.

Абстрагируясь от темы настоящего исследования (при этом выводя за скобки религиозный фактор), мы должны согласиться с тем, что документ внес существенные коррективы не только в систему органов публичной власти, но и в организацию управления одной из «заморских территорий»: «... Первый свод законов Массачусетса, получивший название «Свод свобод», – важное событие в истории этой колонии. Общее собрание утверждалось как высшая законодательная власть... К нему перешло окончательно решение основных вопросов, связанных с землевладением. Земля при формальном признании короля ее верховным владельцем переходила в ведение местных властей и использовалась на основах частного владения без каких-либо обязательств перед короной. В ряде статей получили утверждение и почву для... развития элементы буржуазных отношений, в частности в сфере уголовного права и судебной процедуры. В свод были включены правовые нормы (и в этом он, по существу, носил революционный характер. – Э.Е.), которые известны по Habeas Corpus act, введенному в Англии только в 1679 году... Магистрат – высшая административная и исполнительная власть, чьи функции определялись довольно расплывчато, – сохранил поэтому в силу сложившейся практики очень широкие полномочия. Полноправными колонистами по-прежнему оставались лишь фримены – члены церкви. Косвенно было узаконено рабство. Свод подтверждал конгрегационалистский принцип организации церквей, но допускал созыв синодов для борьбы с религиозными «заблуждениями». Грань между уголовным преступлением и отступлением от церковных правил оставалась нечеткой. Последние карались очень сурово...»²¹³.

Положительно рассматривая процесс законодательной регламентации «Сводом свобод» целого ряда важнейших вопросов внутренней жизни, в той либо иной степени смягчившим имевшиеся противоречия между правящими элитами и отдельными группами религиозных переселенцев, *в то же время нельзя не учитывать*, тем более игнорировать по причине несущественности и

²¹³ Цит. по: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 43. Неужели, это и есть образец «народовластия»?

эпизодичности, *миграционных тенденций*, с которыми еще до вступления в силу кодифицированного документа были связаны попытки определенного – то растущего, то сокращающегося – процента «новых американцев» выйти из-под контроля бостонской администрации. Именно благодаря им в пределах английских «заморских территорий» возникли такие колонии, как, например, Коннектикут и Род-Айленд. Причем, наученные опытом общения с предельно ортодоксальной частью пуритан и их официальными руководителями, «отцы-основатели» указанных образований справедливо предпочли не откладывать в долгий ящик тех решений, от которых во многом зависело их будущее²¹⁴.

В частности, в Коннектикуте в 1639 году принимаются так называемые «Основные законы», посредством которых юридически фиксируются базовые цели и задачи колонии (справедливости ради надо сказать, что никто не думал отказываться от первоначальной идеи строительства в Новой Свете, хотя бы и на ограниченной по масштабам территории, пресловутого «Града на холме»): «... Чтобы поддержать мир и союз людей, необходимо учредить должным образом организованное и праведное Правительство, действующее согласно велениям Господа Бога... поэтому настоящим мы объединяем и соединяем друг друга в одном Публичном Государстве и образуем Союз и Конфедерацию для поддержания и сохранения свободы и чистоты Евангелия нашего Господа Иисуса Христа (как мы видим, ни о какой «демократии» как легальной форме народовластия речь не идет в принципе, что не может не вызывать вопросов, непосредственно связанных с характером данного и некоторых ему подобных образований. – Э.Е.), в которого мы веруем, а также для укрепления Церквей, которые, руководствуясь истиной Евангелия, действуют среди нас, а также для руководства и управления нашими гражданскими делами сообразно с теми законами, правилами, приказами и указами, которые могут быть приняты, одобрены и изданы впоследствии...»²¹⁵.

²¹⁴ Об этом см.: *Лафитский В.И.* Великие конституции... – С. 214-215.

²¹⁵ См.: Fundamental Orders of 1639. http://avalon.law.yale.edu/17th_century/ma01.asp. Ранее мы уже говорили о том, что в тексте действующей Конституции Соединенных Штатов термин «демократия» отсутствует, тем не менее, это не должно свидетельствовать о полной декларативности того, о чем идет речь в юридических документах того периода. Характеризуя первые конституционно-правовые акты североамериканских колоний,

Через три года после основания пуританского Массачусетса английский король Карл I пожаловал персональную хартию на владение северной частью Виргинии – к 1632 году все еще не заселенную и хозяйственно не освоенную – Сесилию Калверту, второму лорду Балтимору, исповедовавшему католицизм. В честь жены монарха новую колонию называли Мэриленд. Помимо того, что эта «заморская территория» должна была стать прибежищем всех тех, кто – по разным причинам – не поддерживал государственную англиканскую церковь, юридический статус колонии, официально именовавшейся «провинцией», во многом отличался от остальных, так как *нес в себе ряд черт средневекового феодального манора*: человек, ставший обладателем октроированного акта, имел практически неограниченную возможность распоряжаться землями, подконтрольными ему, на правах феодального сеньора, то есть раздавать те или иные участки в аренду (причем в каких угодно размерах и на каких угодно основаниях или договоренностях) на условиях выплаты фиксированной квити-ренды, более напоминающей собой феодальную, а не буржуазную ренту. Тем самым, метрополией был санкционирован процесс формирования в Новом Свете образований совершенно нового – *собственнического* – типа, в рамках которого в руках лорда Балтимора и ему подобных концентрировалась (при декларировании в хартии наличия таких органов, как Генеральная ассамблея свободных колонистов, созыв которой полностью зависел от решения лорда-

Алексис де Токвиль констатировал: «... Общие принципы построения современных конституций, которые большинство европейцев XVII века понимало с трудом и которые лишь частично восторжествовали в тот период в Великобритании, были полностью признаны в Новой Англии и закреплены ее законами: участие народа в общественных делах, свободное голосование по вопросу о налогах, ответственность представителей власти перед народом, личная свобода и суд присяжных – все это было воспринято единодушно и реально введено в жизнь в Новой Англии...». – Цит. по: *Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке...* – С. 51. Интересно, автор спрашивал у рабов и индейцев, как им живется в такой ситуации?

собственника или назначаемого персонально им губернатора²¹⁶) вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти²¹⁷.

Другой крупной *собственнической* колонией в Северной Америке, но сформированной не одним, как Мэриленд, а несколькими – точнее восемью – аристократами, которым реставрированной к этому времени монархией была в 1663 году дарована соответствующая королевская хартия, стала Каролина, которая по первоначальной версии должна была быть организована, как и все остальные колонии подобного рода, однако ее собственники внесли в проект

²¹⁶ Так, первую Генеральную ассамблею губернатор созвал в 1635 году. К сожалению, сведений о ее работе сохранилось. Через три года после этого инициируется вторая, с очень небольшой численностью (кворум составил всего десять представителей), на которой обсуждались проекты нескольких актов, присланных из Англии лордом Балтимором, но депутаты и губернатор, не придя к соглашению, так и не смогли принять какого-либо решения, в результате чего ассамблея была распущена. По причине того, что необходимость в регламентации соответствующих областей (от торгово-экономических до уголовно-правовых) отношений требовала принятия конкретных нормативных документов, через некоторое время Генеральная ассамблея созывается в третий раз, депутаты и губернатор идут на компромисс, итогом которого становятся несколько важных документов: «... Принятые акты защищали личную свободу и имущество фрименов, утверждали их право на передачу земли наследникам, несколько облегчали маневрирование в области земельных отношений, хотя и в пределах феодальных форм, установленных хартией. Один из актов подтверждал обязательную веротерпимость. Другой – запрещал приобретать земли у индейцев без утверждения сделки лордом, а также торговать с индейцами без его разрешения. Срок службы сервентов, когда контракты не указывали этого срока, устанавливался не более чем на 4 года, а одновременно вводились точные нормы вспомоществования, которое должен был оказывать хозяин сервенту, закончившему у него службу...». – См.: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 45-46. Подробнее: *Proceedings and Acts of the General Assembly. January 1637/8 – September 1664* // Maryland State Archives (<http://www.mdarchives.state.md.us>).

²¹⁷ Справедливости ради надо сказать, что постепенно наметилась тенденция к уменьшению прерогатив, с которыми ассоциировался лорд-собственник: «... с момента возникновения колонии он, следуя английской традиции, согласился на создание представительной ассамблеи, избираемой свободными поселенцами. Уже первые ассамблеи... проявили строптивость, отказываясь утверждать многие постановления, исходившие от собственника. В Мэриленде укоренился прочный конфликт (в большей или меньшей степени характерный практически для всех колонизируемых поселенцами «заморских территорий» англосаксонской метрополии. – Э.Е.): на одной стороне выступали губернатор и совет, назначаемые собственником, обладающие законодательной инициативой и законодательным вето, а на другой стороне – ассамблея, пользовавшаяся правом рассматривать законопроекты и утверждать их. Депутаты ассамблеи часто вносили в законопроекты поправки, неприемлемые для собственника, губернатора и совета, и в результате во взаимоотношениях двух сторон возникал тупик. В 1640-е годы, воспользовавшись поддержкой английской революции, мэрилендцы добились отделения выборного органа власти от аристократического совета, в результате чего (как и в других колониях. – Э.Е.) законодательная ветвь разделилась на две самостоятельные палаты...». – Цит. по: *Согрин В.В. Исторический опыт США...* – С. 30.

Кроме того, нельзя игнорировать тех фактов, что законодательство Мэриленда, проекты которого преимущественно предлагал лорд-собственник, нередко (если не во многих случаях, так как главной целью Балтимора все-таки являлось получение максимальной прибыли при наименьших затратах) было направлено на улучшение социально-экономического положения переселенцев, в том числе сервентов (батраков, статус которых в отдельные моменты ничем не отличался от положения рабов). Так, помимо фиксации предельных сроков (не более четырех лет, о чем говорится в специальном акте 1638 года), лорд-собственник брал на себя обязательство предоставить сервентам земельный надел в размере 50 акров, а их бывшие арендаторы – каждому выделить не только средства к существованию, но и «три барреля зерна, мотыгу для окучивания и мотыгу для полки, а также топор для рубки леса; кроме того, для сервента-мужчины – один полный комплект одежды, новую рубашку, пару новых ботинок, пару новых чулок и новую шапку; для сервента-женщины – одну новую куртку, один новый жилет, одну рубашку, одну пару новых башмаков, одну пару новых чулок, а также одежду, ранее принадлежавшую сервенту...». – Цит. по: *Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд...* – С. 299.

существенные коррективы. Их автором и идейным вдохновителем считается знаменитый философ и либерал (работы которого подверглись критическому анализу ранее по тексту) Джон Локк, подготовивший предложения в виде так называемых «Фундаментальных конституционных основ Каролины» – некой эклектики феодальных и буржуазных принципов землевладения и структуры властных институтов, также носившей комбинированный характер²¹⁸. Так, две пятых всего земельного фонда, имевшегося в распоряжении данной колонии, «... должны были распределяться крупными манорами между феодальными собственниками, получавшими право сбора с поселенцев фиксированной квити-ренты. На остальных землях могли обосновываться независимые фермеры и плантаторы. Те, кто смог добраться до них с помощью собственных сил и средств, получали первоначально земельный участок в 80, а позднее в 150 акров (расширение земельного участка возможно было уже на платной основе)». Другими словами, в «новых» исторических условиях имело место не что иное, как *воссоздание средневековой феодальной архаики*²¹⁹.

При этом следует иметь в виду то обстоятельство, что процесс создания в Северной Америке новых колоний, прежде всего *собственнического* типа, был, в большей или меньшей степени, обусловлен ситуацией, сложившейся в метрополии после реставрации монархии. Именно здесь лежат причины того, что протекало за океаном. В 1663 году король фактически «экспроприировал» у Виргинии значительную по масштабам территорию, сделав ее владельцем графа Кларендона и еще семи фаворитов, через два года продолжив начатое. Несмотря на то, что Джон Локк пытался обосновать возможность реализации в условиях Нового Света соответствующих «кабинетных» концепций²²⁰, «... это была

²¹⁸ См.: The Charter of Maryland: 1632. http://avalon.law.yale.edu/17th_century/ma01.asp.

²¹⁹ Цит. по: *Согрин В.В.* Исторический опыт США... – С. 31. См.: *Римини Р.* Краткая история США... – С. 32-33.

²²⁰ Как справедливо отмечает В.В. Согрин, критически оценивая «идеалистический» проект Джона Локка, не только не получившего актуализации в Каролине, но и достаточно скоро отправленного колонистами в архив, «исполнительная, законодательная и судебная власть закреплялась за феодальными собственниками, но весьма быстро они должны были поделиться ею с независимыми поселенцами. Собственники назначали губернатора и его помощников, обладавших правом законодательной инициативы и законодательного вето, как и всей полнотой исполнительной власти, а... поселенцы избирали ассамблею – представительный орган власти. В Каролине, как и в Мэриленде (как будто под «копирку», что не может не вызывать вопросов о том, что многие проблемы в собственнических колониях были идентичными и влекли за собой сопоставимые по характеру социально-экономические и политические тенденции. – Э.Е.), конфликт между собственническими институтами власти и

утопическая мечта создать чисто феодальное владение. Необходимость привлечения поселенцев на необжитую землю, их гораздо меньшее желание теперь, после революции, мириться с феодальными институтами ломали надуманную схему. Местная ассамблея в течение многих лет отказывалась утвердить и не утвердила «Основные установления». Квит-рента собиралась с трудом. По требованию поселенцев была введена свобода вероисповедания. Когда собственники колонии особенно усердствовали, настаивая на своих феодальных правах, каролинцы в немалом числе уходили в глубь страны или в другие колонии. Это охлаждало пыл собственников...»²²¹.

Как ни парадоксально, но *методы*, используемые в рамках конкретной североамериканской колонии (кем бы она в конце концов ни инициировалась – торговыми компаниями, частными лицами или непосредственно английской короной), трудно назвать демократическими, даже при наличии деклараций о предоставлении переселенцам некоторых прав и свобод, олицетворявших в той или иной степени либерализацию ряда сфер общественных отношений и отход

представительным органом оказался главным «нервом» внутривластных перипетий. Центральное место в дискуссиях занимал вопрос о способах распределения незанятых земель... На практике, а не в теории общественные отношения в Каролине во все большей степени развивались на буржуазной, а не феодальной основе. Представительная ассамблея, как и сами поселенцы, добивалась снижения размеров квит-ренты, так же, как и свободного, а не за плату доступа к незанятым землям. Колонисты, селившиеся первоначально в феодальных манорах, стремились как можно быстрее перейти на свободные территории. В силу названных обстоятельств собственники Каролины вынуждены были во все большей мере прибегать к труду черных рабов и активно заниматься предпринимательской деятельностью, главными составляющими которой были земельные спекуляции и производство на продажу прибыльных сельскохозяйственных культур, в первую очередь риса...». – Цит. по: *Согрин В.В.* Исторический опыт США... – С. 31-32. Как мы видим, «кабинетная» доктрина и практика не всегда и не во всем совпадают.

²²¹ Цит. по: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 54. Характеризуя специфику взаимодействия метрополии и «заморских территорий» после реставрации монархии, нельзя не согласиться со следующим выводом: «... В колониях их (имеются в виду Карл II и Яков II. – Э.Е.) политика была направлена на создание централизованного управления, насаждение феодальных институтов, на внедрение системы меркантилизма. Этой системой пытались поправить тяжелое финансовое положение монархии, в значительной мере именно за счет колоний. В заморских владениях принудительно регламентировали местное производство и торговлю, обеспечивая тем доходы английских купцов и предпринимателей, превращая колонистов в поставщиков необходимой и выгодной метрополии сельскохозяйственной продукции, в потребителей продаваемых им втридорога английских товаров... Осуществление такой политики обеспечивалось тогдашним положением Англии. Живя в относительном политическом спокойствии, она уделяла колониям гораздо больше внимания, чем прежде, получила возможность прибегать к военной силе. Меркантилизм отвечал не только интересам короны, но также и интересам многих англичан, прежде всего растущей английской буржуазии, что означало поддержку колониальной политики короны ее подданными. Возможность колоний противодействовать натиску метрополии уменьшалась страхом перед военными репрессиями, а также условиями их общественной жизни... Быстрое развитие социальных противоречий делало местных «аристократов» более послушными королевской власти. Они искали в ней защитника своих привилегий и богатств...». – Там же. – С. 53.

от практики периода абсолютизма. Нередко, прикрываясь «лозунгами», носившими демагогический характер, насаждались тоталитарные традиции.

Наконец, нельзя обойти стороной создание собственной колонии одной из наиболее гонимых на территории Англии протестантских сект – квакерами, которые по достаточно «странному» стечению обстоятельств (их приверженцу Уильяму Пенну правительство, в счет покрытия имевшегося неисполненного перед ним обязательства, передает часть подконтрольных короне земельных владений в Северной Америке) получили в 1681 году реальную возможность осуществить на практике свои представления о «Граде на холме», присвоив, в знак благодарности, новой колонии имя Пенсильвания. С формальной точки зрения (хотя королевская хартия, октроированная адмиралу, предоставляла право установить в колонии, заручившись поддержкой большинства жителей, любую форму правления), Пенсильванию следовало бы идентифицировать в типовом отношении с такими колониями, как Мэриленд и Каролина, так как действующий монарх даровал Уильяма Пенну документ, наделявший его по существу правами феодального собственника, однако на практике ситуация была несколько сложнее, что дает основания причислить данное образование к так называемым «*срединным*» колониям (к ним относились, например, Нью-Йорк и Нью-Джерси), занимавшим своего рода *промежуточное положение* между протестантскими, с более или менее ярко выраженными буржуазными чертами, и рабовладельческими, которым также были присущи либеральные элементы. Анализ источников свидетельствует о том, что в Пенсильвании как «срединной» колонии, с одной стороны, социальное неравенство – и косвенно политическое – носило более отчетливый характер, чем на территории Новой Англии, с другой – веротерпимость, на фоне религиозной ортодоксальности, переходящей в фанатизм, во многом была объективным явлением, не говоря уже о том, что рабство здесь не играло какой-либо существенной роли.

Чтобы формирование системы органов публичной власти (при том, что вплоть до войны за независимость территория, подконтрольная бывшему²²² члену радикальной религиозной секты «Общество друзей», действовавшей в английском Оксфорде, юридически рассматривалась частной собственностью Уильяма Пенна и его наследников) носило более легитимный характер, 5 мая 1682 года вступает в действие первый акт конституционного характера данной колонии – «Форма правления» (в других источниках этот акт именуется иначе – «Основы правления», в оригинальном переводе «Frame of Government»), где в преамбуле обосновывались цели ее создания и коротко формулировались задачи, актуализируемых институтов публичной власти, на перспективу: «... Божественное право всех правительств, без исключения, – осуществлять две цели: во-первых, устрашать тех, кто совершает зло, и во-вторых, хранить тех, кто делает добро... Поэтому правительство (интересно, как к этому отнеслись бы современные правящие элиты, никак не ассоциирующие себя с широкими слоями дееспособного населения страны? – Э.Е.) представляется мне частью религии, священным инструментом по своей сути и цели. Если оно не может устранить непосредственную причину зла, оно уничтожает его последствия и в силу этого (хотя и на более низком уровне) становится проявлением той же Божественной Силы, которая является Создателем и вместе с тем объектом чистой религии... Правительство, как часы, приводятся в действие людьми; и, поскольку правительства создаются и приводятся в действие людьми, они же и разрушают его. Следовательно, правительства больше зависят от людей (но знают ли они об этом, или уже давно не столь наивны, как предки, пытавшиеся из ничего создать в Новом Свете что-то напоминающее библейский «Град на холме»? – Э.Е.), чем люди – от правительства. Надо сделать так, чтобы люди были добрыми, тогда правительство не будет плохим; если же правительство плохое, они исправят его. Но если люди порочны, правительство никогда не

²²² Об этом см.: Римини Р. Краткая история США... – С. 35-36.

станет хорошим, поскольку они постараются извратить и испортить его на свой лад...»²²³. Пример того, как желаемое может выдаваться за действительность.

С точки зрения юридической техники, «Форма правления» практически *ничем не отличалась* от аналогичных актов учредительного характера, более того, сравнительный анализ наглядно показывает, что указанный документ в целом оказался настолько несовершенным, что менее чем через год (в начале февраля 1683 года) он был отправлен в «архив», а ему на смену пришел новый акт подобного рода. Как справедливо констатирует известный отечественный знаток англосаксонского права, «... возможно, о нем никто бы и не вспомнил, если бы не одно обстоятельство. Вместе с Формой правления 1682 года был принят еще один, несомненно, более значимый акт – Великий закон. Так его называли сами колонисты (и в этом есть доля истины, так как акт, несомненно, может рассматриваться в качестве важнейшего документа, претендующего на «наименование» такого рода. – Э.Е.), поскольку именно он определял основы общественной и государственной жизни колонии...».

Исходя из того, что «Великий закон» в силу каких-либо причин нечасто является предметом научного сравнительно-правового анализа, процитируем несколько наиболее значимых фрагментов из монографии профессора В.И.

²²³ Цит. по: *Лафитский В.И.* Великие конституции... – С. 217. Подробнее: *Frame of Government of Pennsylvania*. May 5, 1682. http://avalon.law.yale.edu/17th_century/pa04.asp. Как подчеркивает современный американский исследователь, почетный профессор Иллинойского университета Роберт Римини, «в случае с Пенсильванией особенно примечательно ее либеральное управление. Колония стала «священным экспериментом», где каждый мог жить в мире. Это относится и к индейцам. В своих «Основах правления» (*Frame Government*, 1682) Пенн предусмотрел пост губернатора с назначенным советом, предлагавшим законы, и ассамблею, которой изначально не хватало реальных полномочий, но со временем она стала самодостаточной (совершенно непонятно, в чем же состояло «либеральное управление», о котором говорит цитируемый ученый, если по существу в большей или меньшей степени аналогичные системы были созданы и в других колониях? – Э.Е.). Пенн рекламировал свою колонию в Англии и на континенте, приглашая людей всех национальностей поселиться в ней и предлагая земли по чрезвычайно низким ценам. Голландские, валлийские, шведские, французские, немецкие и английские эмигранты откликнулись на его призывы, и Пенсильвания вскоре стала самой густонаселенной и процветающей из американских колоний...». – См.: *Римини Р.* Краткая история США... – С. 36-37. На наш взгляд, выводы более правомочны, если Пенсильванию непосредственно сопоставлять с собственническими колониями, в частности с Каролиной (и подобными образованиями), названной так в честь жены английского короля Карла II, пришедшего к власти после реставрации в метрополии монархии: «... Ее отличительной чертой (о чем мы говорили несколько ранее по ходу исследования. – Э.Е.) был план управления, составленный одним из «лордов-собственников», Энтони Эшли Купером, графом Шефтсбери, и его секретарем Джоном Локком. Он... (речь идет о «Фундаментальной конституции Каролины». – Э.Е.) имел целью привить в Америке феодальную систему с резко выраженной социальной иерархией, включая титулы, и по аналогии иерархическую судебную систему. И, хотя, этот документ признавал и легализовал рабство – Каролина стала первой колонией, сделавшей это открыто, – он предусматривал свободу вероисповедания и представительное собрание...». – Там же. – С. 33.

Лафитского, представляющих особый интерес с точки зрения характеристики тенденций становления конституционно-правовых отношений. Так, говоря об особенностях *электорального процесса*, ученый отмечает: «... Избирательное право в Пенсильвании было предоставлено всем мужчинам (напомним, что в этот период в масштабах «заморских территорий» активным избирательным правом обладали лишь *менее трех процентов взрослого белого населения* и при условии, что они полностью отвечали соответствующим требованиям и ограничительным цензам²²⁴. – Э.Е.), которые постоянно проживали в колонии, достигли возраста двадцати одного года, обладали земельными наделами площадью свыше 100 акров (50 акров – для бывших наемных работников), либо занимались ремеслами, либо уплачивали налоги... Они должны были «верить в Иисуса Христа, не пользоваться дурной славой, не вести нетрезвый либо бесчестный образ жизни». Кроме того, закон устанавливал целый ряд оснований, по которым колонисты лишались избирательного права...».

Причем, соблюдение некоторых условий свидетельствует о том, что уже на начальной стадии государственного строительства коррупционные схемы во многом носили «современный» характер, поэтому уже тогда законодатель жестко ограничивал возможность лиц, подверженных мздоимству, получить ту или иную выборную должность (другими словами, санкции применялись и в отношении активного, и в отношении пассивного избирательного права)²²⁵.

Исходя из того, что в метрополии квакеры и многие другие религиозные диссиденты подвергались гонениям, в «Великом законе» достаточно широко закреплялась *свобода вероисповедания* (при четком соблюдении некоторых

²²⁴ Об этом см.: *Лафитский В.И.* Основы конституционного строя США... – С. 35.

²²⁵ Например, согласно статье III «Великого закона», нечистоплотные, с точки зрения взяточничества и других подобных деяний, колонисты отстранялись от участия в выборах, «если получали какие-либо вознаграждения или подарки; в свою очередь, те лица, которые обещали либо предоставили такие вознаграждения или подарки, лишались права быть избранными». Непросто представить, как это осуществлялось на практике, но факт остается фактом: люди лишались права избирать и быть избранным по очень веским основаниям либо неопровержимым свидетельствам. Источники умалчивают о том, лишались ли «нарушители» избирательных прав на время (пока человек не начинал пользоваться доверием со стороны дееспособных членов общины мужского пола) или санкции действовали пожизненно, скорее всего, в большинстве случаев ограничения все-таки не носили бессрочного характера, однако не исключено, что на этапе становления конституционно-правовых отношений действовали менее либеральные, чем в настоящее время, нормы, так как общинное самоуправление осуществлялось за свой счет и под свою ответственность.

христианских догм), в частности, акт «позволял каждому исповедание любой религии, но при условии, что он «верил и признавал единого Всемогущего и Вечного Бога, Спасителя и правителя Мира и считал себя обязанным, согласно своей религии, жить мирно и справедливо в гражданском обществе (об этом речь идет в статье XXXV. – Э.Е.). Под защиту этой статьи попадали не только представители различных христианских течений, но и приверженцы ислама, иудаизма, других конфессий, разделявших веру в единого Бога...»²²⁶.

Нельзя не согласиться с выводом о том, что «Великий закон» содержал достаточное количество норм, «... которые регламентировали права наемных работников. По своему либеральному звучанию они намного опередили свой век. В частности, было предусмотрено создание единого реестра... наемных работников (имеются в виду сервенты, правовой статус которых в социальном и экономическом отношении в отдельных колониях, например, в Каролине, число которых росло, в принципе, ничем не отличался от рабов. – Э.Е.) колонии с указанием их имен, сроков службы, размеров и дат выплаты денежных вознаграждений (статья XXIII). Запрещалось насильно удерживать наемных работников после истечения сроков действия контрактов. Работодатели должны были относиться к ним «со всей справедливостью и добротой и обеспечивать их,

²²⁶ Абстрагируясь от темы исследования, нельзя не согласиться с тем (ведь речь идет о второй половине XVII, а не о начале XXI века, когда толерантность, в совокупности с политкорректностью и мультикультурализмом, рассматривается одним из фундаментальных принципов демократического устройства общества и системы публичного управления), что «религия всегда играла важную роль в переселении колонистов в Америку, и некоторые колонии были основаны именно для того, чтобы дать прибежище приверженцам определенного вероисповедания. Самый очевидный пример – пуритане и квакеры. У пуритан самоуправление строилось на основе религиозной общины – конгрегации, которая устанавливала правила для данного социума и его экономики. Но развитие торговли в Новой Англии стало для власти пасторов угрозой, – констатирует Роберт Римини, характеризуя процесс религиозной (во многом теократической) регламентации соответствующих сфер социально-экономических и политико-правовых отношений, – которой они пытались противостоять, проводя Синоды, где указывали на ошибочное толкование доктрин и настаивали на единстве в понимании воли Всевышнего. Чтобы мужчина получил право голосовать и занимать выборные должности, требовалась длительная проверка его принадлежности к данной церкви, истинности веры и «божественного присутствия» в его душе. В 1662 году Синод принял концепцию «неполного договора»: верующим присваивали статус «неполного членства», если они были внуками «святых», то есть первопоселенцев, и тем самым они приобретали право голосовать и занимать должности... В Пенсильвании, где проживало много квакеров, нередко возникали затруднения с дачей показаний в суде и принесением присяги на верность короне: квакеры отказывались присягать, поскольку Библия запрещает клятвы. К тому же они были пацифистами и не желали принимать участие в войнах с индейцами. Со временем квакеры все меньше участвовали в управлении Пенсильванией, и «священный эксперимент» Уильяма Пенна подошел к концу...». – Цит. по: Римини Р. Краткая история США... – С. 41-42. Подробнее см.: Зинн Г. Американская империя. С 1492 года до наших дней. – М.: Алгоритм, 2014; Вард, Грег. История США. – М.: Астрель, 2009.

согласно обычаям, орудиями труда по завершении службы» (статья XXIX). Каждому из работников гарантировался, по крайней мере, один день отдыха. Обосновывая это нововведение..., закон призывал «следовать доброму примеру первых христиан», которые один день недели посвящали Богу, «воздерживались в этот день от своей обычной и повседневной работы, чтобы полнее отдать себя служению Богу в соответствии со своей верой...»²²⁷.

Однако, как справедливо подчеркивает цитируемый автор, ссылаясь на статью V учредительного акта 1682 года, «... наиболее подробно, в традициях англосаксонского права, регламентировались *вопросы судебной власти*. При этом часто... закон придавал им новое звучание: «Все суды должны быть открытыми..., правосудие никогда не должно продаваться, в нем не может быть отказано, его отправление не должно откладываться...». С целью упростить судебный процесс, закон требовал, – согласно предписаниям статьи VII, – чтобы «все исковые документы, процедуры и протоколы в судах были составлены кратко, на английском языке, в обычной и простой форме, понятной и обеспечивающей быстрое отправление правосудия...».

Преимственность с англосаксонским правом проявлялась в том, что в Пенсильвании (справедливости ради надо сказать, что аналогичным образом поступали и во многих других североамериканских колониях) учреждались *суды присяжных* и *большое жюри*. В то же время «Великий закон» вводил ряд важных дополнительных процессуальных гарантий, в частности, в статье XXV «он

²²⁷ Цит. по: *Лафитский В.И.* Великие конституции... – С. 218, 219. Требование «следовать доброму примеру первых христиан» проявлялось, помимо всего прочего, в том, что, согласно статье XXXVII, «Великий закон» декларировал целый ряд превентивных мер, направленных на нравственное воспитание членов колонии (для чего, в частности, предлагалось ввести наказание за организацию азартных игр, петушиных и собачьих боев), мотивируя это тем, что «дикость и порочность народа направляют на него гнев Божий», одновременно призывая развивать систему образования. Так, исходя из предписаний статьи XXVIII, все дети старше 12 лет, вне зависимости от их сословного происхождения были «обязаны обучаться какому-либо полезному ремеслу или профессии, чтобы никто не вел праздный образ жизни, чтобы бедные могли своим трудом зарабатывать на жизнь, а богатые, если станут бедными, ни в чем не нуждались...».

Памятуя о том, с каким пафосом относились к институту частной собственности ведущие теоретики Англии, нельзя не сказать о том, что «Великий закон» предусматривал широкий набор мер по ее защите, в том числе, направленных на упорядочение взыскания с колонистов тех или иных обязательных фискальных платежей (налогов, торговых пошлин, сборов), в основе которых должны были лежать нормативно-правовые акты, непосредственно принятые для целей подобного рода, вплоть до того (императив статьи IV), что если кто-либо будет осуществлять их взимание, без оснований, определенных в законе, «должен рассматриваться как враг провинции и предатель свобод ее народа...».

допускал применение смертной казни к виновным в совершении только двух преступлений – измены и убийства... Лица, приговоренные по ошибке к лишению свободы или иным наказаниям, – как предписывала статья XII этого акта, – имели право предъявить иски о возмещении вреда к тем лицам, по информации или по обвинению которых они были привлечены к суду... Таких норм английское право того времени не знало...».

Наконец, необходимо признать обоснованность и следующего вывода, вытекающего из критического анализа статей X, XI и XIII «Великого закона» и действующих в исследуемый период в пределах территории непосредственно метрополии соответствующих государственных пенитенциарных механизмов (несмотря на введение в практику правоприменения фундаментального «Акта о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями» (Habeas Corpus act), датируемого 26 мая 1679 года, закрепившего ряд важнейших принципов и процедур²²⁸): «... *наиболее решительной была реформа системы исполнения наказаний. Все тюрьмы преобразовывались в «работные дома для исправления преступников, бродяг, людей дурных нравов и тунеядцев (как мы видим, рецидивы пресловутого «драконовского законодательства» эпохи первоначального накопления дают о себе знать и в Новом Свете. – Э.Е.)».* Такие работные дома создавались в каждом из графств... В тюрьмах содержание, питание и размещение осужденных осуществлялись за счет колонии... Обвиняемые в совершении преступлений, за исключением тех, которые карались смертной казнью, могли быть отпущены из тюрем под залог...»²²⁹.

²²⁸ См.: Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (Habeas Corpus act) 26 мая 1679 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 24-26.

²²⁹ Цит. по: *Лафитский В.И.* Великие конституции... – С. 219, 220. Стремясь все-таки понять, посредством каких реальных механизмов англо-американский общественный строй оказывал влияние на политическую жизнь «заморских территорий», со всеми вытекающими из этого последствиями, Алексис де Токвиль отмечал: «... Совсем нетрудно предположить, каким образом общественный строй может повлиять на политическую жизнь страны. Было бы совершенно непонятно, если бы равенство, характерное для различных сфер человеческой жизни, не коснулось бы в конце концов и мира политики. Невозможно представить себе, чтобы люди, равные между собой во многих отношениях, в одной какой-то области оставались навечно неравными, поэтому, естественно, со временем они должны добиться равенства во всем. Между тем мне известны всего два способа, которыми можно достичь равенства в политической сфере: нужно или дать все права каждому гражданину страны, или же не давать никому. Тем из народов, которые пришли к такому же общественному строю, какой существует у англо-американцев, оказывается чрезвычайно сложно заметить некую границу между верховной властью, принадлежащей всему населению, и единоличной абсолютистской властью. Вряд ли стоит отрицать, что... (применимо к той или иной колонии. – Э.Е.) может с одинаковой легкостью быть как первый, так и второй

Итак, подытоживая рассмотрение начальной стадии государственного строительства в масштабах «заморских территорий», в течение которой – с разной степенью интенсивности – протекал процесс формирования правовых и институциональных основ будущих Соединенных Штатов (в рамках процесса колонизации и хозяйственного освоения обширных земель, в целом имевших не только различный колониальный статус, но также достаточно вариативные цели и задачи, стоявшие перед теми, кому были октроированы королевские хартии и патенты), можно поддержать обобщение одного из исследователей, характеризующего базовые тенденции, наблюдавшиеся около ста семидесяти лет по обе стороны Атлантического океана: «... В управлении королевскими, корпоративными и частными колониями существовал ряд различий, – пишет профессор Роберт Римини, – но было и много общего. Губернатор представлял короля, собственника или корпорацию и следил за соблюдением всех законов, принятых английским парламентом, или политики, выработанной королевским Тайным советом. Впрочем, во внутренних делах колонии губернаторы имели широкие полномочия и могли действовать по своему усмотрению. Их советниками назначались местные землевладельцы. Власть выборных ассамблей, или законодательных собраний, теоретически была ограничена, так как *их решения мог отменить губернатор или король*, но на практике они обладали существенными полномочиями. Губернатору приходилось

результат. И действительно, существует некое настойчивое и закономерное стремление человека к такому равенству, которое пробуждает в людях желание стать сильными и уважаемыми в обществе. Это страстное желание служит тому, что незначительные люди поднимаются до уровня великих. Однако в человеческих душах живет иногда и некое извращенное отношение к равенству, когда слабые желают низвести сильных до собственного уровня, и люди скорее готовы согласиться на равенство в рабстве, чем на неравенство в свободе. Это вовсе не означает, что люди, живущие при демократическом (очень трудно относиться к системе общественных отношений, сложившейся, например, в Каролине или Мэриленде как к демократическому, если «демократию» не сводить исключительно к электоральным процедурам или представительным органам публичной власти и самоорганизации местного населения. – Э.Е.) общественном строе, с легкостью пренебрегают свободой; напротив, им свойственна инстинктивная склонность к ней. Однако обретение свободы отнюдь не является главной и постоянной целью их жизни. Единственное, что они любят безгранично, – так это равенство (перед кем: *перед законом или перед Создателем?*.. в этом и состоит основная проблема англо-американского общества, нашедшая прямое отражение и в «Декларации независимости» 1776 года?! – Э.Е.); эти люди как-то внезапно, под влиянием сиюминутных импульсов, устремляются к свободе, и если они все же достигают своей цели, то безропотно покоряются судьбе; им ничего не нужно, кроме равенства, и они скорее согласились бы погибнуть, чем лишиться его. С другой стороны, когда все граждане более или менее равны между собой, им становится сложно защищать свою независимость от нажима властей...». – Цит. по: *Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке...* – С. 61.

прислушиваться к их требованиям, поскольку именно они вводили местные налоги и могли лишить его жалованья или не оплачивать содержание его помощников. В свою очередь, *губернатор был вправе распустить законодательные органы* и потребовать новых выборов, но не мог заставить их принимать негодные им законы...»²³⁰.

При этом не следует забывать того факта, что корона, на первой стадии как бы дистанцировавшаяся от того, что происходило вдалеке от метрополии (причин для этого – более, чем достаточно: революция, ликвидация монархии, республика, протекторат Оливера Кромвеля и его сына, реставрация и т.д.), с течением времени начинает все более активно *вмешиваться во внутреннюю жизнь тринадцати колоний*, показывая, кто в доме хозяин (причем не только колонистам, но и внешнему фактору в лице Франции). Так, Уинстон Черчилль описывает тенденции примерно следующим образом (нельзя игнорировать, что это «взгляд» – не просто англосакса, а человека, занимавшего в структуре государственных институтов иерархически самые высокие инстанции, вплоть до должности премьер-министра): «Всю первую половину XVII века англичане переселялись на американский континент. С юридической точки зрения колонии, в которых они оседали, являлись территориями, заселявшимися на основании королевской хартии, но вмешательство в их дела было небольшим, и очень скоро они научились самоуправлению. Отвлеченная гражданской войной, метрополия не обращала на них внимания (с чем достаточно трудно не согласиться! – Э.Е.), и, хотя созданная Кромвелем республика заявила, что *парламент главенствует над всем английским миром*, его декрет так и не заработал на практике, а в эпоху реставрации был отменен. Но после 1660 года у правительства метрополии появились новые и вполне определенные идеи. В течение последующих пятидесяти лет несколько... кабинетов подряд старались навязать американским колониям главенство короны и укрепить королевскую власть в заморских владениях и контроль над ними. Так они надеялись

²³⁰ См.: Римины Р. Краткая история США... – С. 38-39; Согрин В.В. Исторический опыт США... – С. 56-64.

заработать доверие и добиться разнообразных преимуществ²³¹. Формировались комитеты по американским делам, основывались новые колонии (Каролина и Пенсильвания), Новые Нидерланды удалось отвоевать у голландцев. Принимались меры предосторожности для того, чтобы отстоять полномочия монарха в этих областях, делались попытки аннулировать или изменить хартии старых колоний. Все это приводило к непрерывному конфликту с колониальными ассамблеями, которым вовсе не нравилась перспектива «роялизации» и унификации администраций колоний...»²³².

Цитируемый историк не отрицает того обстоятельства, что большинство действующих колониальных ассамблей «представляли интересы свободных землевладельцев и применяли те же права, процедуры и привилегии, что и парламент в Вестминстере. Многие из заседавших в них людей (естественно, если иметь в виду, что переселенцы «первой волны» в Англии подвергались преследованиям из-за своих религиозных убеждений. – Э.Е.) были воспитаны во враждебной короне традиции: их отцы предпочли изгнание тирании, и колонисты считали, что борются за те же идеи, из-за которых английский парламент противостоял... Карлу I. Они сопротивлялись вторжению в их дела совета по делам торговли и плантаций. За океаном это считалось²³³

²³¹ Однако успех не всегда был предопределен. Например, в 1686 году король Яков II «попытался ужесточить управление северными колониями, создав доминион Новой Англии, в который вошли Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут и Нью-Гэмпшир, а позже – Нью-Йорк и Нью-Джерси. Губернатором доминиона король назначил сэра Эдмунда Андроса, предоставив ему право принимать законы, в том числе и в отношении налогов. Колонисты, лишившись значительных свобод, которыми они пользовались ранее, пришли в ярость, – подчеркивает Роберт Римини, – да и само назначение Андроса оказалось ошибкой. Склонный к произволу, пренебрегавший правами колонистов и их традициями, губернатор правил диктаторскими методами, о чем ему вскоре пришлось пожалеть...». – См.: Римини Р. Краткая история США... – С. 39.

²³² Цит. по: Черчилль Уинстон С. История англоязычных народов. Т. 3. Эпоха революций /Пер. с англ. М.А. Леоновича. – Екатеринбург: Гонзо, 2012. – С. 148-149. Подробнее см.: Согрин В.В. Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2011.

²³³ Со своей стороны, Роберт Римини, рассуждая о характере взаимодействия метрополии и «заморских территорий» и все более проявлявшемся системном кризисе, считает, что «королевская власть в Лондоне не могла обеспечить оперативное управление американскими колониями, а по мере продвижения на запад поселенцы сталкивались с проблемами, требующими безотлагательного решения. Продвигаясь в западные области, колонисты сталкивались с сопротивлением индейцев и проникавших из Канады французов и были вынуждены самостоятельно преодолевать препятствия, не дожидаясь инструкций извне. Для принятия законов, способных помочь им в решении возникающих проблем, они полагались на собственные ассамблеи. Американцы полагали, что они не представлены в английском парламенте, и считали себя вправе повышать налоги для финансирования местных органов власти, выплаты денежного содержания должностным лицам и увеличения ополчения, способного противостоять индейцам и сдерживать французское вторжение. Англия при этом придерживалась политики «благотворного невмешательства», которая отвечала потребностям переселенцев и

посягательством на гарантированные первоначальными хартиями права и привилегии, а также тиранической угрозой традиционным правам...».

Парадокс состоит в том, что, вместо того, чтобы максимальным образом децентрализовать систему колониального управления, расширив еще больше имевшуюся самоорганизацию населения (об этом можно было бы говорить до реставрации монархии, но с ее восстановлением надежды на дальнейшую либерализацию отношений между короной и «заморскими территориями» рухнули), правительственные *структуры предпочли совсем другой сценарий*, с чем, по всей вероятности, не согласилась Палата общин: «... Долгое время английский парламент не играл никакой роли в этом конфликте: между собой боролись колонии и королевские министры в Тайном совете. Эти чиновники были намерены остановить развитие самоуправления в Америке. В 1682 году их попросили даровать хартию на заселение незанятых земель на границе с принадлежащей Испании Флоридой. Совет отказал, заявив, что политика короны состоит в том, чтобы «не создавать новой собственности в Америке и не даровать новых полномочий, которые могли бы сделать плантации менее зависимыми от короны». При Якове II эти роялистские тенденции усилились. В 1685 году Нью-Йорк стал королевской провинцией. Колонии Новой Англии были объединены в «доминион Новая Англия» по... примеру Канады...».

Ситуация во многих аспектах кардинальным образом изменилась после «Славной революции» 1688 года, которая *полностью сломала сложившуюся расстановку сил*: «До сих пор колонии считали парламент своим союзником против монарха. Но рано или поздно должно было наступить время, когда парламент, взявший верх над короной в конституционной борьбе на родине, попытается диктовать свою волю и Америке. Война за испанское наследство отсрочила это столкновение. Долгое противостояние с Францией в Европе не позволило заняться другими фундаментальными вопросами, и в надежде направить ресурсы англоязычных народов на нужды великого конфликта все

укрепляла их уверенность в том, что, будучи англичанами, они вправе сами вести собственные дела...». – Цит. по: Римины Р. Краткая история США... – С. 43-44.

попытки навязать власть английского правительства Новому Свету²³⁴ были остановлены. Совет по делам торговли и плантаций ослабил хватку, и колонии большей частью остались без присмотра... Расчет на то, что возобладаст некий дух согласия, – констатирует в монографии лорд Мальборо, последовательно характеризуя глубинные процессы, протекавшие в метрополии и за океаном, – не оправдался, и тому были веские причины. Как в своем мировоззрении, так и в своих традициях колонии год за годом отдалялись от метрополии. Американские плантации теперь населяло поколение людей, родившихся здесь, воспитанных в суровой борьбе с природой, быстро продвигающихся по бескрайним просторам на запад и полных решимости отстаивать свою индивидуальность и свои привилегии. Доктрины английской революции и идеи вигов XVII века нашли в Новом Свете отклик даже более громкий, чем в Англии. Энергичные усилия американцев всюду наталкивались на бумажные препоны, что делало их нерасположенными к любым... инициативам Англии. С другой стороны, несмотря на быстроту овладения своими потенциальными силами и богатствами, колонисты медленно организовывались, и пока они еще были инстинктивно преданы своей расе и опасались французской угрозы, то стремились избегать серьезной ссоры не меньше, чем Британия. Они даже приняли активное, но беспорядочное участие в попытках отвоевать у Франции Канаду, кульминацией которых стала тщетная экспедиция 1711 года. Ревнуя и к друг к другу, и к метрополии, колонии пребывали в... самоизоляции...»²³⁵.

Может возникнуть *совсем не риторический вопрос*: почему диссертант использует в работе методологию цитирования тех или иных исследователей,

²³⁴ Особенно это относится к колониям, образовавшимся в первые десять-пятнадцать лет колонизационного процесса, где к концу XVII века не только сложились институциональные и правовые основы октроированных (акционерным компаниям, аристократам-собственникам или религиозным общинам – большой разницы уже не имело) территорий, но и начинали складываться предпосылки к формированию «американской» нации, не всегда и не во всем ассоциирующей себя с европейскими англосаксами. Последнее обстоятельство может служить одним из объяснений того «странного» факта, что ни на юге, ни на севере будущих Соединенных Штатов не наблюдалось превалирования англофильских настроений, они начнут проявляться позднее, когда эмигрантский поток станет все более активно размывать англосаксонские (иными словами, шотландские, ирландские, валлийские) корни, и появится необходимость самоидентификации не только аристократии, но и широких слоев населения. Однако парадокс состоял в том, что, например, североамериканские ирландцы-католики относились к своим европейским соплеменникам, мягко говоря, как к людям «второго сорта».

²³⁵ Цит. по: *Черчилль Уинстон С.* История англоязычных народов. Т. 3. Эпоха революций... – С. 149, 151.

тем самым оригинальным авторским текстом подменяя критический анализ правовых источников и научной литературы? В самом деле, «кто-то» придет к выводу, что имеет место попытка обосновать концептуальную точку зрения не «новым» прочтением юридических документов и исторических свидетельств непосредственных участников событий, пусть уже давно введенных в оборот, изученных «вдоль и поперек», а акцентированием внимания, несмотря на их субъективизм и ангажированность, на взглядах, которые преимущественно не вызывают сомнений в своей «легитимности», пытаясь за авторитетом ученого или политического деятеля скрыть собственное «бессилие» перед двойными стандартами, штампами и стереотипами, господствующими в общественном сознании «коллективного Запада». Не вдаваясь в дискуссию, особенно с теми, у кого давно заготовлены ответы на любые вопросы, отметим, что наша цель – несколько иная, если ни прямо противоположная: оригинальными фразами проиллюстрировать тот факт, что процесс государственного строительства и в целом, и в деталях протекал не так гладко и безоблачно, как об этом написано в современных учебниках, «благодаря» которым у одних народов развивается комплекс *неполноценности*, у других – *непогрешимости* и *безнаказанности*. Зачем пересказывать автора, опровергая либо подтверждая его обобщения и выводы, пусть его слова и мысли являются для всех, пытающихся, невзирая на пропаганду и «промывку мозгов», самостоятельно найти истину, своего рода, «первоисточником», а не сопутствующей информацией в чьем-то изложении.

Справедливости ради необходимо особо подчеркнуть, что большинство современных студентов (своим «статусом» призванных, а в некоторых случаях обязанных перманентно повышать уровень знаний в конкретной области, а не только стремиться всеми правдами и неправдами получить диплом), часть из которых планирует в будущем профессионально заниматься становлением и развитием конституционно-правовых отношений, весьма слабо представляют либо вообще не знают, как надо относиться к тексту. В отличие от них, ученый, работы которого позволяют сокращать количество «пробелов», возникших в компаративистике в силу идеологических или мировоззренческих причин, как

правило, *обязан обращаться к первоисточнику*, чем бы он в итоге ни являлся – законодательным актом, нарративным или эпистолярным памятником²³⁶.

Итак, как же оценивает специфику отношений метрополии и «заморских территорий», в результате которых монархия *со временем утратит колонии*, Уинстон Черчилль? По мнению бывшего премьер-министра и многолетнего депутата британского парламента, колонии постоянно стремились расширить круг преференций, полученных первыми переселенцами, все чаще вступая в конфликт с центральными ведомствами, пытавшимися, по возможности, не форсировать событий, что, естественно, все больше не устраивало правящие элиты и широкие слои населения (в своей основной массе наивно полагавших, что их реальное социально-экономическое и правовое положение напрямую зависит от короны и ее заокеанских представителей), поэтому «... в середине XVIII века произошло мощное выступление колониальных ассамблей против власти имперского правительства. Им очень хотелось стать суверенными парламентами (но в составе «заморских территорий», так как *радикализация отношений* не рассматривалась предельно актуальной и востребованной на этом этапе парадигмой, хотя в обществе подобного рода «тема» звучала все громче, конкретнее и настойчивее. – Э.Е.), обладающими верховной властью во внутреннем управлении отдельными колониями и свободными от всяких

²³⁶ В контексте сказанного, нельзя не поддержать мысль одного из современных американских ученых о том, как должны восприниматься события прошлого: «Мне кажется, – пишет Гордон С. Вуд, – что ответственность историка заключается не в том, чтобы решать, кто в прошлом был прав или виноват, а в том, чтобы объяснить, почему соперники мыслили и вели себя именно так, как это было в реальности. Как только мы преодолеем такого рода предвзятый взгляд на прошлое, поймем, что люди тогда знали о собственном будущем не больше, чем мы знаем о своем, и попытаемся понять поведение людей прошлого с их, а не с нашей точки зрения, *мы достигнем намного более независимого взгляда на историю*. Тогда, например, мы сможем полнее осознать, сколько иллюзий было у поколения отцов-основателей. Многие из этих людей ненавидели политические партии и пытались уклониться от участия в них, но все же партии создавались. Многие думали, что со временем американское общество станет больше похоже на европейское, но на деле этого не произошло... Кроме того, многие считали, что рано или поздно рабство отомрет естественным образом, то есть однажды оно просто прекратится, само собой. Более серьезную ошибку трудно себе представить. Многие из этих людей думали также, что заселение запада можно провести организованно, защищая индейскую культуру и не допуская исчезновения коренных народов, проживавших западнее Аппалачских гор, как, по их мнению, это удалось сделать в Новой Англии... Прежде чем мы начнем проявлять высокомерие и снисходительность по отношению к людям прошлого, нам следует понять, что и у нас есть иллюзии, только мы не знаем, какие именно. Возможно, у каждого поколения есть свои собственные иллюзии, не похожие на иллюзии других поколений. Именно так история движется от одного поколения к другому, повергая в прах иллюзии предыдущего поколения и в то же время создавая новые в воображении следующего поколения...». – Цит. по: Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США... – С. 30-32.

ограничений или вмешательства из Лондона. Произошло множество стычек между губернаторами и legislatures колоний, было подано много жалоб с обеих сторон. Корона рассматривала должности за морями как «теплые местечки» для своих верных слуг, правительство – для своих приверженцев. Таким образом, колониальная администрация оказалась заражена такой же коррупцией, какая охватила всю публичную жизнь Англии. Губернаторы, советники, судьи и многие другие официальные лица назначались королем и редко принимали во внимание интересы колонистов...»²³⁷.

Пока проблемы носили так сказать «семейный» характер, тем или иным образом обусловленные *переселенческим фактором*, длительный период в основном имевшем англосаксонский оттенок, вопросы, несмотря ни на что, не оставались без ответа (другое дело, удовлетворяли они или нет колонистов «первой волны» и их потомков), однако ситуация в «заморских территориях» начинает меняться с началом эмиграции из «материковой» Европы, когда в середине XVIII века в Новый Свет хлынули потоки из таких стран, как Германия и Франция: «... Эмиграция из Англии к этому моменту из полноводной реки превратилась в ручеек, но поселенцы продолжали прибывать из других мест. В конце XVII века наблюдался приток шотландских и ирландских беженцев (в итоге составивших одну из крупнейших национальных и религиозных диаспор в истории Соединенных Штатов. – Э.Е.), чьи промышленные и коммерческие начинания на родине задушил английский парламент. На новом месте они образовали решительно *антианглийски настроенную прослойку населения*. Пенсильвания получала равномерный приток иммигрантов из Германии (со временем их община станет, как минимум, второй по своей значимости после ирландцев. – Э.Е.), численность которых вскоре превысила 200 тысяч человек. Трудлюбивые и зажиточные гугеноты (позднее к ним прибавятся все те, кто так

²³⁷ См.: Черчилль Уинстон С. История англоязычных народов. Т. 3. Эпоха революций... – С. 152. В скобках у автора имеется весьма примечательная ремарка: «... Конечно, далеко не все британские чиновники были такими: губернаторами, особенно на севере, часто становились представители видных династий колонистов, и самые способные деятели колониальных администраций принадлежали именно к этому слою». Вместе с тем продолжает свой анализ историк, «... губернаторы были чрезвычайно уязвимы в финансовых вопросах. Жалованье чиновникам устанавливалось ассамблеями, которые часто урезали такие ассигнования, так что взаимное раздражение с годами росло и накапливалось...». – Там же. – С. 152.

и не принял «идеалы» буржуазной революции. – Э.Е.) уезжали из Франции, спасаясь от религиозных преследований. Люди также переезжали из колонии в колонию, связывая эти оазисы провинциальной жизни... Началось движение на запад, которое возглавили немцы и ирландцы из Пенсильвании; в поисках новых плодородных земель открывались пути через горы. Здесь наблюдалось пестрое многообразие человеческих типов. В Кентукки и на западных фермах, граничивших с индейскими территориями, преобладали (вероятнее всего, о выборах и иных формах демократии, в том числе в виде местной ассамблеи, они имели исключительно «абстрактное» представление?! – Э.Е.) закаленные первооткрыватели и суровые фермеры из числа йоменов, а в колониях Новой Англии тон задавали самоуверенные купцы, юристы и сквайры, но также и дети лавочников. Это разношерстное общество скреплялось на севере трудом связанных контрактами работников, людей, контрабандно вывезенных из английских городов, где их пытались завербовать во флот или армию, а на юге – трудом масс рабов, ежегодно ввозимых из Африки...». Системный конфликт, таким образом, приобретал все более *реальные очертания*, итогом которого, в перспективе, должен был стать дезинтеграционный процесс²³⁸.

Исходя из того, что предметом и объектом настоящего исследования являются *становление и развитие* конституционно-правовых отношений, мы вынуждены вывести за скобки анализ тех событий, которые предшествовали принятию «Декларации независимости» 1776 года и акцентировать внимание на

²³⁸ Цит. по: Черчилль Уинстон С. История англоязычных народов. Т. 3. Эпоха революций... – С. 154-155. В свою очередь, современный американский исследователь смотрит на проблему взаимодействия метрополии и «заморских территорий», кризисный характер которого был уже достаточно очевиден, следующим образом: «... Колонисты, имевшие долгий путь самостоятельного управления, считали, что они, будучи англичанами, действуют в пределах собственной юрисдикции, а политика «благотворного невмешательства», проводимая парламентом, по-видимому, лишь подтверждала обоснованность их претензий. В своих законодательных собраниях они видели единственную возможность принимать законы, отвечающие их пониманию местных потребностей, а не дарованные парламентом, на время отвлекшимся от других дел... Разумеется, – пишет профессор Роберт Римини, – парламент смотрел на это иначе. Колонисты были британскими подданными, обязанными соблюдать законы, принятые центральным правительством в Лондоне. Колонии могли иметь местные ассамблеи, но они никоим образом не заменяли парламент, имевший право изменить или отменить принятые ими постановления в тех случаях, когда они противоречили нуждам империи. Такая разница в понимании своего положения и прав неизбежно должна была привести к столкновению интересов и вскоре породила мощный взрыв насилия...». – Цит. по: Римини Р. Краткая история США... – С. 47.

процессах, в большей или меньшей степени обусловленных спецификой²³⁹ государственного строительства в масштабах территории Северной Америки. Как мы ранее уже отмечали, отношения между метрополией и колониями в силу ряда исключительно объективных причин все отчетливее приобретали коллизионный оттенок, где каждая из сторон *преследовала собственные* (как экономические, так и политические) *интересы*, не желая идти на компромисс, без достижения которого перспективы дальнейшего взаимодействия носили, с юридической точки зрения, преимущественно деструктивный характер. Вне всякого сомнения, ситуацию можно было каким-либо образом изменить лишь при условии крайней заинтересованности в этом центральной администрации и представительных ассамблей колоний, олицетворявших собой легитимные органы публичной власти, но *никто из них не хотел в чем-то уступать*.

Десятилетний период – от отмены закона о гербовом сборе до принятия «Декларации независимости» – знаменателен тем, что за непродолжительное время «заморские территории» не только сумели достаточно конструктивно *противодействовать* неадекватным решениям парламента и правительства метрополии²⁴⁰, но и институционально укрепнуть, вплоть до инициирования, в

²³⁹ Так, вне нашего внимания остались те тенденции, предпосылками которых стали отказ метрополии (к этому времени национальный долг страны приближался к астрономической цифре в 150 миллионов фунтов) от политики «благотворного невмешательства» и резкое ужесточение законодательной регламентации тех сфер отношений, где центральное место занимали вопросы, связанные с расквартированием на территории колоний десятитысячного британского военного контингента. В этом ряду стоят такие «знаковые» статуты парламента, как закон 1764 года *о сахаре* (согласно которому пошлиной облагались ввозимые в Северную Америку сахар, текстиль, кофе, индиго, ром, вино и некоторые другие товары), законы 1765 года *о постое* (по которому колонисты были обязаны обеспечивать жильем и провиантом войска, дислоцированные на территории их общин) и *о гербовом сборе* (представлял собой *первый в истории колоний прямой налог*, которым Англия обложила свои «заморские территории»: требовал наклеивать фискальные марки на газеты, официальные документы, свидетельства о гражданском браке, договоры, документы о земельных сделках, игральные карты и т.д.). Протест колоний против решений парламента проявился в инициировании общего собрания, получившего название «конгресс», колониальных представителей (правда, четыре образования проигнорировали это мероприятие), встретившихся в октябре 1765 года в городе Нью-Йорк, итогом работы которого стала знаменитая «Декларация о правах и жалобах», где говорилось о том, что компетенцией в сфере законодательной регламентации вопросов налогообложения обладают исключительно колониальные ассамблеи, так как парламент метрополии в этом случае не является их представительным учреждением. По причине саботирования исполнения статута местными налоговыми чиновниками, Лондон был вынужден в 1766 году отменить закон о гербовом сборе (от которого, что вполне естественно, больше всего пострадали практикующие адвокаты и нотариусы!), однако в том же году вводит в действие *статут о верховенстве*, констатирующий неограниченные прерогативы властей метрополии на всей территории Северной Америки и над всем населением колоний – подданными британской короны.

²⁴⁰ По просьбе оказавшейся на грани банкротства Ост-Индской компании (причина состояла в том, что из-за невозможности покрыть долги, возникшие, в частности, в связи с неуплатой налога на импорт), владевшей монополией на импорт чая из Англии, в мае 1773 года британский парламент принимает так называемый «чайный закон», предоставлявший компании возможность не только продавать чай в Северной Америке, но и взимать

форс-мажорных обстоятельствах, формирования учредительных органов, не предусмотренных ни одной октроированной королевской хартией. Отличной иллюстрацией могут служить *первый* (сентябрь 1774 года) и *второй* (май 1775 года) *Континентальные конгрессы*, являвшиеся по существу ничем иным, как институтом представительной демократии, отражавшим интересы большей (в первом не участвовала только Джорджия) части колоний, в рамках которых, в результате коллективного обсуждения вопросов, вырабатывались *общие* для всех *подходы* в сфере экономических и налоговых отношений, и предлагались конкретные пути их реализации, или, как в случае с решением о создании, по требованию Джорджа Вашингтона, единой армии, военно-оборонительных.

В середине апреля 1776 года группе делегатов, представлявших на этом конгрессе Северную Каролину, «... было поручено добиваться отделения от метрополии, а 7 июня Ричард Генри Ли из Вирджинии предложил принять резолюцию о том, что колонии «являются и имеют право быть свободными и независимыми государствами». Джон Адамс поддержал резолюцию Ли, но среди депутатов нашлись и такие, кто выступал за примирение с метрополией. Бенджамин Франклин из Пенсильвании напомнил всем им, что, если члены конгресса «не станут держаться вместе», их всех «повесят по отдельности». В конце концов верх одержали сторонники независимости. Как пояснял Томас Джефферсон, «вопрос не в том, что декларация независимости сделает нас теми, кем мы не являемся, а в том, что мы декларируем уже существующий факт...»²⁴¹. В итоге был сформирован комитет по подготовке проекта.

соответствующий налог по три пенса за фунт, в результате чего в ее руках концентрировались все операции с этим продуктом, лишавшие местных коммерсантов и контрабандистов значительной части их прибыли. В середине декабря 1773 года состоялось так называемое «*бостонское чаепитие*» (переодевшись индейцами, радикально настроенные колонисты пробрались на корабли компании и утопили в водах залива 342 ящика с чаем на общую сумму более чем 90 тысяч фунтов), ставшее одним из этапных событий на пути к провозглашению независимости. Весной следующего года парламент принимает «Принудительные акты» (в терминологии колонистов «гнусные законы»), согласно которым, во-первых, был закрыт бостонский порт (до тех пор, пока город не компенсировал стоимость уничтоженного чая), во-вторых, ликвидировалось местное муниципальное собрание, вносились изменения в систему выборов колониальной ассамблеи Массачусетса и в закон о постое (относительно всех колоний). – См.: *Согрин В.В.* Исторический опыт США... – С. 64-76.

²⁴¹ Цит. по: *Римини Р.* Краткая история США... – С. 59; *Jefferson, Tomas.* Memoir, correspondence, and miscellanies from the papers of T. Jefferson. – Charlottesville: F. Carr&Co., 1829. Vol. 1. – P. 12.

Учредительный документ, совместно разработанный комитетом, члены которого войдут в историю будущих Соединенных Штатов под именем «отцы-основатели», в составе Томаса Джефферсона, Бенджамина Франклина, Джона Адамса, Роджера Шермана (делегата от Коннектикута) и Роберта Ливингстона (представлявшего Нью-Йорк)²⁴², принятый после весьма непродолжительной дискуссии Континентальным конгрессом 4 июля 1776 года (за два дня до этого была поддержана резолюция Ричарда Генри Ли), *по праву может считаться* актом не только закрепившим независимость бывших британских колоний, но и актуализировавшим базовые принципы организации нового государства.

В «Декларации независимости», в частности, говорится (при этом так и хочется спросить, имел ли в виду автор столь проникновенного текста, что у него в поместье находится, как минимум, несколько сотен «colored people» рабов, в том числе родная мать его детей, или важнейшим и первостепенным рассматривалось собственное освобождение от ненавистой метрополии?): «... Мы исходим из следующих самоочевидных истин, что *все люди созданы равными и все наделены их Создателем определенными неотчуждаемыми правами*, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью, что для обеспечения этих прав люди учреждают правительство, источником справедливой власти которых становится согласие управляемых, что если какая-либо форма правительства становится губительной для этих целей, то народ имеет право изменить или уничтожить ее (интересно, а как бы на нечто подобное отреагировали глава государства и конгрессмены обеих палат, если с призывами такого рода кто-то, ссылаясь на цитируемый документ, выступил бы персонально или через средства массовой коммуникации сейчас, в эпоху политкорректности, толерантности и мультикультурализма? – Э.Е.) и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации

²⁴² Фактически, над текстом декларации работал подкомитет из двух человек – Томаса Джефферсона и Джона Адамса. Первый из них в оппозиционных кругах считался «ловким писателем», поэтому ему и поручили в итоге подготовить проект документа, в который позднее Джон Адамс и Бенджамин Франклин внесли весьма незначительные редакционные поправки.

власти, которые, как он полагает, более способствуют его безопасности и счастью...»²⁴³ (любопытно, *санкционировали ли колонисты* принятие акта?).

В принципе, у исследователей давно сложилось мнение о том, что при подготовке проекта «Декларации независимости» Томас Джефферсон не мог (ранее мы уже касались этого вопроса) не испытывать влияния идей античных авторов, английских философов и французских просветителей, вместе с тем трудно отрицать, что на формирование мировоззрения «отцов-основателей», одним из которых – во многом оправданно и закономерно – считается третий президент Соединенных Штатов, прямое либо опосредованное воздействие оказала более чем вековая практика общественно-политических отношений и сложившиеся за колониальный период демократические традиции. Исходя из совокупности представлений, «Декларация независимости» *провозглашала идею буржуазной демократии*, важнейшими принципами которой являлись равенство людей, их естественное право на жизнь и свободу²⁴⁴. Однако в том, что декларировалось в учредительном акте, Томас Джефферсон смог сделать следующий «шаг» в направление реализации идеалистических «кабинетных» концепций, авторам которых он поклонялся²⁴⁵: «... все люди созданы равными и все наделены их Создателем определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью». Новелла в следующем: взяв в качестве основы известную формулу Джона Локка «*жизнь,*

²⁴³ См.: США: Конституция и законодательные акты. – М., 1993. – С. 25-28. Наши несколько ироничные вопросы обусловлены тем, что, как справедливо писал А.А. Мишин, «в Соединенных Штатах Америки, самой богатой и самой сильной стране капиталистического мира, государственная власть принадлежит небольшой группе ведущих монополистов, которые используют ее ради контроля над остальным обществом. Это положение находится в вопиющем противоречии со знаменитой формулой Авраама Линкольна, согласно которой в результате Гражданской войны (а как же быть с «Декларацией независимости», «Статьями конфедерации» и Конституцией 1787 года? – Э.Е.) в США возникло «народное правление, осуществляемое народом в интересах народа». Неудивительно, что официальная наука и официальная пропаганда Соединенных Штатов пытаются скрыть истинное положение от народа, изобразить диктатуру монополистического капитала как народный суверенитет...». – Цит. по: *Мишин А.А. Государственное право США*. – М.: Изд-во «Наука», 1976. – С. 5.

²⁴⁴ Как подчеркивал в одной из работ Г. Аптекер, «политическая теория декларации носит ярко выраженный демократический и революционный характер...». – См.: *Аптекер Г. Американская революция, 1763 – 1783*. – М., 1962. – С. 134. А чем тогда «заморские территории» отличаются от Крыма, Южной Осетии или Абхазии?

²⁴⁵ Характеризуя автора «Декларации независимости» и то воздействие, которое на него оказали не только труды античных философов, английских теоретиков и французских энциклопедистов, но и колониальная политико-правовая практика, один из ученых отмечает: «... За фигурой Джефферсона, мыслителя с головой аристократа на плечах плебея, стояла философия новой эпохи и молодого народа – эпохи и народа, которые еще не достигли зрелости, но уже нащупывали путь от первого опыта к прочным достижениям...». – Цит. по: *Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли: В 3 т. – М., 1962-1963. Т. 1. – С. 422.*

свобода и собственность» и внеся в нее, на первый взгляд, лишь небольшую корректировку (заменив «собственность» на «стремление к счастью») он *дал импульс всему дальнейшему процессу государственного строительства*, тем самым обессмертив себя и свое творение, подготовив почву для перехода ко второму этапу борьбы за суверенитет североамериканских колоний²⁴⁶.

Несмотря на то, что «Декларация независимости» 1776 года, вне всякого сомнения, стоит в одном ряду с величайшими юридическими памятниками, *к ней надо подходить критически*, так как она, «не говоря уже о практическом претворении ее в жизнь, далеко не во всем (и в момент принятия, и в течение многих десятилетий реализации на практике ее фундаментальных норм. – Э.Е.) оказалась последовательной. Декларация независимости оставляла в силе позорный институт рабства (стыдливо не упомянув о нем. – Э.Е.), что отражало тот исторический факт, что американская буржуазия выступала на данном этапе единым фронтом с плантаторами-рабовладельцами». Справедливости ради надо признать, что Томас Джефферсон «в представленном им проекте декларации предлагал запретить и рабство (о котором как владелец рабов он, вероятнее всего, знал, как говорится, из первых рук, не понаслышке, в отличие от большинства рядовых колонистов, не имевших никакого отношения ни к проблеме «colored people», ни к предстоящей в скором времени радикальной

²⁴⁶ Как ни парадоксально, но «некоторые американские историки пришли к выводу, что, применив формулу «стремление к счастью», Джефферсон не был оригинален, а повторял чужие слова (См.: *Ganter H.L. Jefferson's «Pursuit of Happiness» and Some Forgotten Men.* – William and Mary Quarterly. 2nd Ser., 1936. Vol. 16. – P. 422-434). Впрочем, подобного рода «высказывания» распространялись и на более широкий круг вопросов. Подвергался сомнению даже тот факт, что Джефферсону принадлежит авторство Декларации независимости, заявляя, что ее текст был заимствован им из так называемой Мекленбургской декларации (См.: *Плешков В.Н. Мекленбургская декларация независимости.* – Вопросы истории, 1974. № 8. – С. 208-212). Все эти заявления, однако, не имеют сколько-нибудь серьезных оснований (странно другое, что подлинность учредительного документа и авторство его компилятора подвергают сомнению в том числе американские исследователи, с таким пафосом и подобострастием относящиеся ко всему, что связано с их непродолжительной историей. – Э.Е.). Они, как правило, исходят от представителей консервативной историографии, негативно оценивающей деятельность Джефферсона и его философские взгляды. В действительности не подлежит сомнению ни авторство Джефферсона, ни тот факт, что составленная им Декларация независимости, даже если она и повторяла какие-то формулы, высказывавшиеся ранее, придавала им совершенно иное звучание... В целом Декларация независимости носила ярко выраженный революционно-демократический характер...». – Цит. по: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 134-135.

Что же касается формулы «стремление к счастью», то источники свидетельствуют о том, что замена слов была осуществлена не случайно, более того сознательно. В связи с этим, нельзя не поддержать тезис Г. Аптекера: «... именно идея прав человека на стремление к счастью, составляет святая святых революционной доктрины Декларации независимости...». – См.: *Аптекер Г. Американская революция, 1763 – 1783...* – С. 136.

модернизации действующего на тот момент властно-публичного механизма!? – Э.Е.), и торговлю рабами. Но по настоянию делегатов Юга, в частности Южной Каролины и Джорджии, угрожавших покинуть заседания конгресса и выйти из войны против Англии в случае, если останется этот пункт (более того, о чем-то подобном мы ни строчки, ни даже соответствующего намека не обнаружим в Конституции 1787 года, в отличие от Конституции «Южной конфедерации» 1861 года, в которой институт рабства *получит юридическое закрепление*. – Э.Е.), последний был вычеркнут. Делегаты северных колоний уступили, сделав это не только из желания сохранить единство²⁴⁷, но и потому, что буржуазия Севера, купцы и судовладельцы сами извлекали из торговли рабами крупные прибыли. Достигнутое соглашение закрепило на длительный период союз буржуазии с плантаторами-рабовладельцами, но, как показала последующая история Соединенных Штатов, союз этот имел преходящее значение, так как был чреват глубокими противоречиями...»²⁴⁸.

Подчеркнем, что автор, рассматривая тенденции процесса легитимации нового государства, известного как Соединенные Штаты, сформированного на базе тринадцати североамериканских «заморских территорий», являвшихся до этого составным элементом британской колониальной империи, не ставил перед собой задачи осуществить «бессмысленный» экскурс в прошлое, чтобы в очередной раз обратить внимание на те проблемы (многие из которых ранее уже были предметом и объектом критического историко-правового анализа), с которыми в большей либо меньшей степени были связаны «особенности» и специфика государственного строительства в рамках так называемого «Града на холме», в основе которого лежали принципы, до сих пор *не утратившие актуальности*, провозглашенные в учредительном документе, известном как

²⁴⁷ Как констатирует один из авторов, «социальный конфликт присутствовал и внутри самого революционного лагеря, но был неизмеримо слабее подобных конфликтов в европейских революциях. В американской революции не было и подобия таких политических течений, какими были пресвитериане, индепенденты, левеллеры и диггеры английской революции середины XVII века или конституционалисты, жирондисты, якобинцы и «бешенные» во французской революции конца XVIII века...». Невзирая на то, что «в американской революции прозвучали эгалитарные социальные требования, но они не приобрели широкой популярности, как и программного характера для какой-либо из влиятельных политических фракций...». – См.: *Согрин В.В. Исторический опыт США...* – С. 89-90. Объективно, многие колонисты вообще не знали о принятии декларации.

²⁴⁸ Цит. по: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 137. Добавить, как говорится, нечего.

«Декларация независимости» (явившейся, несмотря на беспрецедентное, не имевшей на тот период развития государства и права сопоставимых по своим последствиям и воздействию исторических аналогов, политико-юридическим оформлением осуществленного в итоге, в основном, как представляется, под достаточно тривиальными, во многом надуманными и не заслуживающими соответствующей конструктивной реакции со стороны монархии предложениями, акта сепаратизма, в результате которого тринадцать североамериканскими «заморскими территориями», *de facto* считавшимися, в течение примерно ста пятидесяти лет, неотъемлемой частью британской колониальной империи, было принято решение о выходе из ее состава). Цель, в частности, состояла в том, чтобы постараться найти ответы на ряд вопросов, обусловленных, в той либо иной степени, *фиктивным характером* системообразующих институтов «западной» модели политического режима, традиционно позиционирующего себя не только в качестве «демократического», но и единственного «примера для подражания». К большому сожалению для многочисленных апологетов и популяризаторов североамериканской разновидности народовластия, в итоге сложившейся в масштабах англосаксонской практики – в институциональном и функциональном смысле – взаимодействия правящих элит и широких слоев населения, «демократия» в реальности – *совершенно не то, что видится на самом деле*, даже неискушенным и непредвзятым взглядом. Как ни странно, известный парадокс состоит в том, что отмеченное обстоятельство позволяет гипотетически предположить, что за дефиницией «демократия» (посредством которой, вслед за античными авторами и их интерпретаторами, в буржуазно-либеральной доктрине государства и права в качестве наиболее приемлемой, прежде всего для правящих элит, прикрывавшихся интересами общества и его членов, было принято идентифицировать одну из форм политико-правового режима), скрывалось стремление «базиса», в лице господствующего класса, подчинить себе «надстройку» и ее системообразующие властные институты.

Абстрагируясь от темы исследования, необходимо учитывать тот факт, что принятие «Декларации независимости» не является единственной точкой

отсчета генезиса конституционно-правовых отношений, так как параллельно с процессом юридического оформления стремления «заморских территорий» выйти из-под опеки британской монархии, уже на уровне отдельных колоний возникли предпосылки к регламентации соответствующих тенденций, в итоге намного ускорившие воплощение в конкретные учредительные акты тех или иных представлений о государственном строе, системе и механизмах власти, правах и свободах человека, *господствовавших в общественном сознании*. С учетом отмеченной специфики, нельзя игнорировать того обстоятельства, что *немаловажное* (в ряде случаев – первостепенное) *значение* для ускоренного или, наоборот, замедленного перехода в новое качество имели *особенности создания колоний и их статус*, нашедших прямое отражение в региональных документах высшей юридической силы, нередко – существенно отличавшихся друг от друга. По справедливому замечанию одного из компаративистов, с которым трудно не согласиться, главным образом они дифференцировались, о чем, в целом и в деталях, свидетельствуют их первоначальные редакции, «... по степени отражения демократических принципов, выдвинутых в ходе буржуазной революции, поскольку они разрабатывались на разных этапах ее развития и отражали различия в накале классовой борьбы и соотношении сил...»²⁴⁹ (поэтому *нельзя все сводить* к тому, что именуется «демократией»).

²⁴⁹ Цит. по: *Лафитский В.И.* Конституции американских штатов (исторический очерк) // Практика буржуазного конституционализма (критические очерки). – М.: Институт государства и права АН СССР, 1982. – С. 19. Вместе с тем, нельзя игнорировать и политических факторов, связанных с практикой взаимодействия метрополии и ее «заморских территорий», одной из основных тенденций которых становится как открытая, так и латентная конфронтация, отражавшаяся на характере отношений: «... В канун освободительного движения, в каждой колонии существовали свои особенности и порядки управления, свои традиции. Тем не менее к середине XVIII века все они имели практически однотипную политическую организацию. В большинстве колоний губернаторы назначались королем из представителей местной аристократии, королевских чиновников либо присылались из Лондона. Там, где оставалась власть собственников, последние назначали и губернаторов. Только две колонии Новой Англии – Коннектикут и Род-Айленд – сами избирали губернаторов, хотя избранное таким образом лицо могло приступить к исполнению обязанностей, лишь получив утверждение короля. Каждая колония имела законодательный орган, который мог издавать законы и постановления при условии отсутствия противоречий с законами метрополии. Контроль за деятельностью этих органов был возложен на губернаторов. Но и губернаторы (как мы ранее неоднократно отмечали. – Э.Е.) зависели от законодательных ассамблей, так как те вотируют средства на управление колоний, включая жалование губернаторам... На протяжении всего колониального периода между губернаторами и законодательными ассамблеями шла борьба, отражавшая обострение обстановки, связанной с ростом политического самосознания американцев. Депутаты законодательной ассамблеи заметно активизировали свою деятельность. К середине XVIII века они добились того, что их роль в политической жизни стала более значимой. Это, однако, *не дает оснований для вывода*, который делают американские историки-«неоконсерваторы», утверждающие, что еще до войны за независимость колонии добились беспримерных демократических свобод, сохранение которых и являлось якобы целью

Первым актом подобного рода в истории североамериканского (более того, современного) конституционализма стал, сравнительно лапидарный по своему объему документ, принятый в январе 1776 года в Нью-Гэмпшире, где не отрицали его *переходный* характер, так как предполагалось, что он будет действовать всего лишь в течение «несчастливой и неестественной борьбы с Англией...»²⁵⁰. Судя по всему, небольшой объем и содержание Конституции во многом обуславливались «повесткой дня», так как в ней, помимо прочего, не только содержались призывы к скорейшему прекращению войны, но и были отражены по-прежнему сильные верноподданнические настроения, имевшие место в Нью-Гэмпшире и в учредительных документах других колоний, в том числе во вступившей в действие в конце марта 1776 года Конституции Южной Каролины. Последнее проявлялось, в частности, в тех претензиях, носивших во многом обвинительный характер, где говорилось о нарушении английским парламентом (о монархе в этом случае в конституции даже не упоминалось) «естественных и конституционных прав и привилегий», и требованиях в адрес метрополии о предоставлении более широкого самоуправления под началом британской короны.

революции... Один из основных аргументов «неоконсерваторов» заключается в том, что такие органы политической власти в колониях, как низшие палаты законодательных ассамблей, уже накануне революции якобы представляли собой демократические учреждения, и задача заключалась лишь в том, чтобы отстоять их свободу... Однако... этот тезис не выдерживает критики», в частности, по причине того, что «подавляющее большинство депутатов законодательных собраний были представителями имущих классов, составлявших лишь 10% населения. Ассамблеям таких колоний, как Нью-Йорк и Нью-Джерси, Мэриленд и Виргиния, Северная и Южная Каролина, а также Нью-Гэмпшир, был свойственен олигархический характер». Другими словами, «даже при наличии права голоса колонистам в большинстве случаев была закрыта дорога к участию в управлении и административным должностям. Так же верно и то, что некоторая демократизация низших палат законодательных ассамблей к середине XVIII века не означала установления народного (хотя местное население в течение многих десятилетий убеждают в прямо противоположном. – Э.Е.) правления. Не случайно между народом и законодательными ассамблеями происходили постоянные столкновения по вопросу о гражданских правах... Вопреки утверждению «неоконсерваторов» задача революции заключалась именно в том, чтобы демократизировать законодательные органы власти. И, если говорить о политических предпосылках революции, эта задача принадлежала к числу наиболее важных, хотя ее реализация и была возможной, естественно, лишь в рамках буржуазной демократии...». – Цит. по: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 87-88. Подробнее см.: *Main J.T.* Government by the People. The American Revolution and the Democratization of the Legislatures. – William and Mary Quarterly. 3rd Ser., 1966. Vol.23. – P. 393, 397-405; *Idem.* The Sovereign States, 1775 – 1783. – N.Y., 1973. – Ch. 4; *Lemisch J.* The American Revolution Seen from the Bottom up. //Towards a New Past: Dissenting Essays in American History /Ed. B.J. Bernstein. – N.Y., 1968. – P. 9 и т.д.

²⁵⁰ См.: *Thorpe F.N.* The Federal and State Constitutions, Colonial Charters and Other Organic Laws of the States, Territories and Colonies, Now or Heretofore Forming the United States of America. – Washington, 1909. Vol. 4. – P. 2452.

Напомним, что в резолюции Ричарда Генри Ли, одобренной конгрессом в начале июля, *содержался открытый призыв* ко всем североамериканским колониям в кратчайший срок учредить на подконтрольной территории «такую форму правления, которая, по мнению представителей народа, наиболее способствовала бы счастью и безопасности их избирателей и Америки в целом...»²⁵¹. Другими словами, *перед каждой из тринадцати колонией* была на ближайшую перспективу поставлена задача – создать новую политическую организацию, со всеми вытекающими из этого последствиями.

В итоге, сложилась ситуация, в рамках которой параллельно, дополняя друг друга, шли два взаимосвязанных процесса: во-первых, подготовка текста будущих «Статей конфедерации и вечного союза» (Articles of Confederation and Perpetual Union), учредительного документа, юридически закрепившего создание сложносоставного государственного образования на месте бывших английских «заморских территорий», во-вторых, интенсификация принятия на региональном уровне (то есть в рамках «свободных и независимых штатов») собственных актов конституционно-правового характера. Пальма первенства в данном вопросе принадлежит самой старой из колоний – Виргинии, которая практически моментально, еще до официального утверждения «Декларации независимости», откликнулась на призыв Континентального конгресса, так как в течение всего двух недель местный конвент принимает сначала первую в истории «Декларацию прав» (12 июня), а затем и Конституцию, или «Форму правления» (29 июня). За короткий период с 1776 по 1780 год акты высшей юридической силы были разработаны и вступили в действие, по существу, во всех штатах, за исключением Коннектикута и Род-Айленда, где так и не были приняты новые конституции, а продолжали действовать королевские хартии, октроированные еще в середине XVII века. Например, согласно специальному конституционному ордонансу в Коннектикуте, «унаследованная от предков»

²⁵¹ Об этом см.: Ashley R.L. The American Federal State. – London, 1902. – P. 79.

хартия 1662 года, провозглашалась «свободной и великолепной конституцией правления...»²⁵².

Что касается механизмов прямой и представительной демократии и их закрепления в документах учредительного характера, то в Конституции штата Делавэр, датируемой 20 сентября 1776 года, фиксировалось «право народа на управление внутренней политикой» (аналогичные положения, служившие не чем иным, как легальной формой выражения суверенитета штата, с течением времени были внесены во многие региональные конституции). Как правило, на начальной стадии государственного строительства процесс подготовки и принятия актов высшей юридической силы осуществлялся исключительно в рамках конкретных легислатур (законодательных собраний), однако позднее стали использоваться публичные институты в виде учредительных конвентов, избираемых дееспособными гражданами, специально предназначенных для этой цели. Более того, в 1780 году в штате Массачусетс была задействована как бы двухступенчатая процедура – проект, разработанный конвентом, был затем вынесен на одобрение граждан, обладавших избирательным правом²⁵³.

Как справедливо отмечает один из компаративистов, «в американской литературе уже давно дискутируется вопрос, почему штаты и федерация в целом обратились к форме писаных конституций, не известных истории до 1776 года. В качестве одной из причин, называли влияние королевских хартий, которые предусматривали организацию политической власти (сложно назвать «политической» власть, которая концентрировалась в руках землевладельцев или частных компаний, получавших октроированные документы с одной лишь целью – извлечение прибыли?! – Э.Е.) в колониях и рассматривались в качестве основных законов, обладавших в глазах американцев верховной правовой силой по отношению к актам колониальных органов власти и даже статутам британского парламента. Другая точка зрения связывает обращение к этой

²⁵² Цит. по: Sources and Documents of U.S. Constitutions. V. 2. – N.Y., 1973. – P. 143.

²⁵³ См.: Лафитский В.И. Конституции американских штатов... – С. 20. Однако, если учитывать тот факт, что правом избирать и быть избранными обладал лишь сравнительно небольшой процент мужского населения, механизм подобного рода носил, скорее всего, декларативно-факультативный характер, не более.

форме главным образом с влиянием идей просветительства (оказавшего, как известно, огромное влияние на революционную американскую буржуазию) и видит в этой форме нечто вроде выражения и фиксации «общественного договора». Наконец, обращают внимание и на такую причину, как стремление отказаться от английских моделей, найти новые формы для новых принципов государственной организации... Очевидно, все эти факторы значимы. Однако к ним следует добавить еще одно принципиально важное обстоятельство (и в этом исследователя нельзя не поддержать. – Э.Е.), которое большинством американских авторов упускается из виду. Конституции американских штатов принимались в обстановке острых социальных противоречий и политической борьбы (что наиболее отчетливо и последовательно отразилось в преддверие гражданской войны, когда рабовладельческие штаты составляли половину от общего числа имевшихся «субъектов федерации». – Э.Е.). Многие установки революционной буржуазии наталкивались на сопротивление старых сил, да и сама она была далеко не едина. Отсюда стремление закрепить достигнутое в наиболее четкой форме (точно таким же образом поступили штаты, которые позднее войдут в так называемую «Южную конфедерацию» и решат выйти из состава «союзного» государства. – Э.Е.). В первых американских конституциях все свидетельствовало об острых классовых и политических столкновениях, и результат их был воплощен в текстах основных законов...»²⁵⁴.

²⁵⁴ Цит. по: *Лафитский В.И.* Конституции американских штатов... – С. 21. Напомним, что термин «конституция» («constitution», что в переводе с латинского обозначает – «установление», «устройство», «учреждение») впервые встречается в соглашении (известном как «договор пилигримов», подписанный на борту корабля «Мейфлауэр», следовавшего в Новый Свет из Голландии) тех, кто в 1620 году основал Новый Плимут и одну из крупнейших религиозных общин. Есть свидетельства, что акты римских императоров с таким названием встречались еще в античный период, что и нашло отражение в терминологии и официальной лексике.

Характеризуя специфику и тенденции становления и развития конституционно-правовых отношений в крупнейшем государстве «коллективного Запада» и «опоры демократии», профессор А.А. Мишин много лет назад (хотя за прошедший период внутривластная ситуация не только принципиальным образом не изменилась, но в значительной степени ухудшилась) отмечал: «... Современное государственное право США является результатом почти двухвековой нормоустанавливающей деятельности правящих классов и групп как в масштабах всей федерации, так и в рамках отдельных штатов. Оно представляет собой классический продукт правотворчества буржуазии, ибо ни в одной стране власть капитала не выступает в столь открытых и обнаженных формах... В то же время оно несет следы бесчисленных уступок и компромиссов, побед и поражений, различного рода предрассудков и несправедливостей, которые столь характерны для развития американского общества...». – Цит. по: *Мишин А.А.* Государственное право США... – С. 10.

Вне всякого сомнения, принимавшиеся в ускоренном порядке (каждая колония стремилась не только официально провозгласить свой суверенитет от метрополии, но и *на законодательном уровне* закрепить качественно новый – «государственный» – статус за образованием, считавшимся не чем иным, как «заморской территорией») конституции являлись документами огромного политического, юридического и исторического значения, роль которых трудно переоценить, так как и с точки зрения содержания, и с точки зрения правовой регламентации широкого круга общественных отношений они *вышли за узкие рамки традиционного понимания акта «высшей юридической силы»*. Опыт самоорганизации, полученный колониями за предшествующий период, идеи «кабинетных» теоретиков и мировоззрение религиозных диссидентов о так называемом «Граде на холме» и «равенстве всех перед Спасителем», внесли, без преувеличения, неоценимый вклад в формирование тех представлений, с которыми у «отцов-основателей» ассоциировалась конституция и принципы, положенные в основу организации властных институтов и системы «сдержек и противовесов». Процесс нормотворчества – *объективно актуализировался*.

Одной из наиболее прогрессивных тенденций, заимствованных позднее многими странами, вставшими на путь буржуазно-либерального развития или боровшимися за освобождение от колониальной зависимости, можно считать внесение в структуру большинства региональных учредительных актов (в чем весьма отчетливо прослеживается влияние англосаксонского права конца XVII – начала XVIII века) специальных разделов или «Биллей о правах», отражавших концепцию «естественных прав» и их неотчуждаемости. Например, в статье 1 «Декларации прав» Конституции Северной Каролины 1776 года закрепляется норма²⁵⁵, согласно которой «вся политическая власть принадлежит народу и исходит только от него...», в связи с чем, в случае каких-либо нарушений, он имеет право «изменить или уничтожить» форму правления, не оправдавшую

²⁵⁵ См.: *Thorpe F.N. The Federal and State Constitutions, Colonial Charters and Other Organic Laws of the States, Territories and Colonies, Now or Heretofore Forming the United States of America. V. 3. – Washington, 1909. – P. 1686.* То есть правом избирать и быть избранным обладали все, в том числе женщины, негры и индейцы?

своего предназначения. «Декларация прав» штата Мэриленд подчеркивала: «... Всякая мысль об отказе от сопротивления насильственной власти является абсурдной, рабской и губительной для блага и счастья человечества...»²⁵⁶.

На этом фоне своего рода *преемственностью* с нормами классического англосаксонского права и весьма распространенной в масштабах «заморских территорий» практикой, о демократическом характере которой – говорить не приходится, можно считать *ограничение избирательных прав по гендерным, расовым и этническим признакам* (в качестве «либерального дополнения» к возрастному и имущественному цензу, хорошо известным еще с европейского средневековья). Данное обстоятельство свидетельствует о *декларативности* многого из того, с чем, помимо прочего, ассоциируется американская модель демократии, в рамках которой *всеобщий характер* избирательного права (как следствие, прямое или опосредованное участие в общественно-политической жизни широких слоев населения) не только является чисто условным, но и, по существу, наглядных примеров более чем достаточно, *никогда не соблюдался* *правлящими элитами* Соединенных Штатов и органами публичной власти²⁵⁷.

²⁵⁶ См.: Thorpe F.N. The Federal and State Constitutions, Colonial Charters and Other Organic Laws of the States, Territories and Colonies, Now or Heretofore Forming the United States of America. V. 3... – P. 1890. Напомним, что документом, послужившим своего рода «примером для подражания», рассматривается «Декларация прав» Виргинии, датируемая 12 июня 1776 года, в официальном тексте которой были закреплены, в частности, такие «естественные права», как право на жизнь, свободу, собственность и стремление к счастью, известные еще из работ английских философов. Своеобразной новеллой (правда, уже встречавшейся в отдельных актах колониального периода, например, в статье XXXV «Великого закона» 1682 года Пенсильвании) можно считать включение в перечень свобод таких, как свободу вероисповедания и свободу печатных средств информации. Более того, в отдельных региональных конституциях указанный перечень прав и свобод, как правило, не вызывавших никаких разногласий, был дополнен свободой слова и петиций или, как в Конституции штата Массачусетс, правом на частную собственность, объявлявшимся «основным и абсолютным правом», которое не может быть изменено или ограничено ни обществом, ни государством. На этом фоне резко контрастирует своей демократичностью «Декларация прав» Конституции штата Вермонт 1777 года, куда была включена императивная норма, запрещающая (причем, в любой легальной форме) институт рабства.

²⁵⁷ Когда возникает вопрос о «преемственности», надо учитывать то обстоятельство, что влияние, фактически оказываемое метрополией, затрагивало многие сферы общественных отношений, начиная с заимствования мер длины и веса, официальной терминологии и разговорной лексики и заканчивая институтами, с которыми ассоциировалась публичная власть и система управления в целом. Практически каждая североамериканская колония, в большей или меньшей степени, представляла собой не что иное, как «*метрополию в миниатюре*» со всеми вытекающими из этого последствиями, вне зависимости от того, какой из организационных форм – *корпоративной* (частноправовой), *собственнической* или *королевской* – она юридически являлась. Прежде всего, это относилось к учреждениям, действовавшим в Новом Свете, с которыми ассоциировалась система разделения властей, лежавшая в основе той модели правления, которую традиционно принято именовать «смешанной». Речь идет о том, что назначаемый Лондоном губернатор, представлявший в колонии корону, воспринимался как, своего рода, *монархический элемент политико-правового механизма*, колониальный совет – как *аристократический* (по аналогии с англо-британской Палатой лордов), колониальная ассамблея – как *демократический* (соотносимый с избираемой от городов и университетов Палатой общин). Причем губернаторы, большинство которых не являлись североамериканцами и присылались из метрополии (после

На этот достаточно «печальный и странный», по нашему мнению, факт акцентировали внимание исследователи, профессионально, в течение многих лет, занимающиеся проблемами страны и общества, провозгласившими себя ничем иным, как *единственным оплотом и защитником демократии (!?)*: «... Насколько, однако, были декларативны и далеки от реальной социальной действительности складывающегося (с различной степенью интенсивности на севере и юге, формируемой государственности «конфедеративного» типа. – Э.Е.) буржуазного строя конституционные формулы, призванные закрепить «естественные и неотчуждаемые права», можно судить по судьбе такого важного

окончания службы, срок которой, как правило, не превышал пяти лет, хотя нередко мог быть прекращен и раньше, возвращались в Англию), обладали таким спектром публичных полномочий, что напоминали собой, применимо к колониальной администрации, абсолютного монарха дореволюционного периода (мы знаем, что «Славная революция» поставила точку в этом вопросе). Однако, справедливости ради нельзя ни сказать, что их власть носила ограниченный характер, так как была производна от власти монарха или тех, кто являлся собственником (в данном случае имеются в виду колонии собственнического типа, так как в корпоративных колониях, в частности в Род-Айленде и Коннектикуте, губернаторы избирались «коллегией выборщиков» в лице местной представительной ассамблеи). Когда соответствующая параллель проводится между Палатой лордов британского парламента и колониальными советами, численностью не более двенадцати человек, то и в этом случае «аристократический» критерий носит, вне всякого сомнения, условный характер, в том числе по причине того, что ни о каких «аристократах» в полном смысле этого слова говорить не приходится, даже, несмотря на тот факт, что членами советов всегда являлись представители колониальной элиты, кандидатуры которых (за исключением Массачусетса, где весь состав колониального совета избирался нижней палатой ассамблеи и утверждался губернатором, или Пенсильвании, где подобного органа вообще не существовало) утверждались в метрополии. Специфика их публичного статуса выражалась в том, что колониальные советы концентрировали в своих руках как исполнительные, так и законодательные полномочия (в современных условиях в Соединенных Штатах на муниципальном уровне применяется организационно-правовая модель, именуемая «комиссионной», при которой городской советник, избранный населением, часть своего времени действует как «законодатель», часть – как «исполнитель», функционирующий в рамках соответствующего административного органа, другими словами, одно лицо находится в двойном статусе – того, кто принял акт, и того, кто его реализует на практике, что влечет за собой коррупцию): в первом случае их можно сравнить с «министерскими» структурами в составе администрации губернатора, во втором – они напоминают собой верхнюю палату, наделенную правом вето на решения, принятые колониальной ассамблей. Кроме того, в сферу полномочий колониальных советов (как и Палаты лордов) входили функции судебного характера, вся полнота которых концентрировалась в руках губернатора.

В этой связи (так как преемственность не только нашла отражение во всей системе колониальных отношений, но и в измененном виде действует до сих пор) вполне справедливым выглядят вопросы, время от времени встающие перед компаративистами: «... Если столь большое число полномочий, приходилось в Северной Америке... на «монархическую» ветвь, что же оставалось тогда для ветви «демократической»? Можно ли говорить о ее реальной власти, – пытается охарактеризовать динамику процесса, наблюдавшегося в англо-британских «заморских территориях», профессор В.В. Согрин, – следовательно, о реальном значении американского смешанного правления? Эта проблема породила широкую и длительную дискуссию в американской историографии. Наиболее авторитетные исследователи, среди них Дж. Грин, Дж. Поул, Б. Бейлин, Э. Морган, пришли к выводу, что власть колониальных ассамблей, формально резко уступаая власти губернаторов, фактически постоянно возрастала на протяжении всего XVIII века, так что «демократическая» ветвь стала реальным противовесом «монархической». На чем основывалось влияние колониальных (что позднее отчетливо проявится и в практике новых государств, возникших после провозглашения «Декларации независимости» 1776 года. – Э.Е.) ассамблей? Главным образом, на том, что ассамблеям удалось шаг за шагом сосредоточить в своих руках власть над финансами и бюджетом, поставив губернаторов в зависимость во всех их расходах... Используя полную финансовую зависимость исполнительной власти от законодателей, ассамблей принуждали губернаторов утверждать те или иные законопроекты, назначать нужных им людей на различные должности, принимать нужные... решения». – См.: Согрин В.В. Исторический опыт США... – С. 58.

и зафиксированного во всех... конституциях принципа, как равенство всех граждан, дополненного запрещением предоставлять какие-либо исключительные или особые привилегии. Так, Конституция Массачусетса 1780 года, провозгласив равенство граждан, тут же установила, что *право избирать в палату представителей имеют лишь мужчины, белые, обладающие определенным имуществом*. В результате этих цензов возможность участия в политической жизни... имели менее 2/3 его взрослого мужского населения, а остальное население штата (женщины, неимущие, цветные, молодежь) такой возможности не имели...»²⁵⁸.

В подтверждение своего вывода, цитируемый ученый приводит точку зрения одного из «отцов-основателей», второго президента Соединенных Штатов и автора Конституции Массачусетса Джона Адамса, который данный подход мотивирует тем «убийственным» аргументом (интересно, как бы ко всему этому отнеслись современные феминистки, считающие поправлением их «естественных и неотчуждаемых прав» косой взгляд мужчин в их сторону или обычные знаки внимания как, например, приглашение в кино и букет цветов, подаренный в неурочное время? – Э.Е.), что «... те, кто не имеют собственности, уподобляются женщинам, не обладающим необходимой компетентностью в общественной жизни, или детям, не имеющим собственных политических убеждений»²⁵⁹. И такого рода взгляды *господствовали* многие десятилетия.

²⁵⁸ Цит. по: *Лафитский В.И.* Конституции американских штатов... – С. 22. И это «пример для подражания»?

²⁵⁹ Об этом см.: *The Works of John Adams*. V. 9. – Boston, 1850. – Р. 289. Согласно Конституции штатов Вермонт и Пенсильвания (принята в середине 1776 года), пассивным избирательным правом, то есть возможностью быть избранным в однопалатную легислатуру, обладали мужчины, старше 21 года, прожившие более года на территории штата (в Пенсильвании, помимо этого, необходимо было в течение года не иметь никаких задолженностей по уплате налогов и других платежей). В штате Джорджия по Конституции 1777 года для того, чтобы быть избранным в местный однопалатный законодательный орган, требовалось отвечать следующим критериям: иметь в собственности не менее 250 акров земли или имущество стоимостью не менее 250 фунтов. В свою очередь, например, в штате Мэриленд, где действовала двухпалатная легислатура, членом сената (верхней палаты) мог стать гражданин штата старше 25 лет и владевший собственностью не менее чем тысяча фунтов. – Подробнее см.: *Thorpe F.N.* The Federal and State Constitutions, Colonial Charters and Other Organic Laws of the States, Territories and Colonies, Now or Heretofore Forming the United States of America. V. 7... – Р. 3084-3085, 3086; V. 3. – Р. 1694; *Sources and Documents of U.S. Constitutions*. V. 3... – Р. 445.

У тех современных читателей, кто в силу объективных или субъективных причин достаточно далек от критического сравнительно-правового анализа североамериканской модели демократии, видимо, нет и тени сомнений по поводу того, что основой всей системы публичных отношений в Соединенных Штатах являются выборы и другие формы (например, референдум) волеизъявления граждан, поэтому нередко информация, противоречащая представлениям подобного рода, рассматривается пропагандой или чем-то аналогичным, тем более, если об этом говорят отечественные ученые. Многие не хотят верить любым свидетельствам, даже

Справедливости ради надо сказать, что *не все традиции, характерные для англосаксонского права*, несли в себе негативный оттенок в контексте их

отвечающим жестким критериям историзма, в связи с чем, исследователям приходится приводить примеры из североамериканских источников и работ крупнейших англосаксонских авторов, где, несмотря ни на что, время от времени появляются цифры, опровергающие мнение о том, что, в отличие от Европы, демократия в Новом Свете неотделима от процесса государственного строительства: «... Для ответа на вопрос о характере и реальном значении демократии в колониальной Америке (как ни парадоксально на первый взгляд, но и после получения независимости ситуация долгие годы во многом оставалась прежней, причем как открытой, когда ограничивались права тех или иных категорий граждан, так и латентной. – Э.Е.) принципиально важно выяснение не только того, насколько влиятельны были ассамблеи, но и того, насколько демократична была сама «демократическая ветвь». В работах большинства американских историков характеристика последней традиционно увязывалась с распространением в Северной Америке избирательного права. В начале XX века К. Беккер, один из лидеров прогрессистской историографической школы и тогда признанный авторитет среди специалистов по колониальному периоду, доказывал, что в Нью-Йорке голосовали не более 50% взрослых белых мужчин, а в целом в колониях «значительное меньшинство взрослых белых мужчин было лишено избирательного права». В середине XX века другой известный историк, К. Росситер, утверждал, что голосовать мог только один из четырех мужчин. В 1950-е годы супруги Браун, представители консервативной... школы консенсуса, основываясь на анализе завещаний, налоговых ведомостей и... документов, характеризующих имущественное положение жителей Массачусетса и Виргинии, пришли к выводу, что в первой колонии не менее 90%, а во второй более чем 85% взрослого мужского населения имели право участвовать в выборах. Этот вывод был широко подхвачен в американской историографии, выдвинувшей тезис о господстве в колониальной Америке «демократии среднего класса». Среди тех, кто первым авторитетно оспорил данный тезис, был историк Ч. Уильямсон, который на основании данных, собранных по всем колониям, пришел к выводу, что избирательным правом пользовались от 50 до 75% взрослых белых мужчин. Вывод Уильямсона в последующем был поддержан многими специалистами...».

Нельзя не согласиться с тем, что *главным* (если объективно ни приоритетным и закономерным для внутривнутриполитической ситуации, когда «народовластие» в подавляющем большинстве колоний, прежде всего собственнического и частнопроводного типа, не носило даже декларативного характера – его просто не было, так как во главу угла ставилось получение прибыли, а не пресловутые «права и свободы» человека или их соблюдение феодалами-землевладельцами и членами торговых компаний) *ограничителем* избирательного права в колониальной Америке *выступал имущественный ценз*. Причем, как свидетельствуют официальные документы того периода, ему, как правило, «... давалось идеологическое обоснование, позаимствованное из европейской традиции. Увязка избирательного права с определенным имущественным положением уходила корнями в античность. Имущественный ценз обосновывался в средневековой политической мысли Англии, которая одной из первых в Европе ввела представительное управление и избирательное право. Согласно английскому закону 1430 года в выборах в парламент могли участвовать собственники, чей ежегодный доход от земельного владения был не меньше 40 шиллингов. Этот критерий в качестве основы имущественного ценза сохранялся в Англии в XVII – XVIII веках (об этом мы говорили ранее по тексту, анализируя, в том числе, важнейшие концептуально-теоретические трактаты Томаса Гоббса, Джона Локка и других авторов. – Э.Е.) и был позаимствован североамериканскими колониями... Главный аргумент заключался в том, что только индивидуум, обладающий экономической независимостью, способен на самостоятельное политическое поведение и волеизъявление. Неимущие же и малоимущие становятся объектами легкой манипуляции со стороны экономических владык и подчиняются их воле... Владение земельной собственностью (а ее можно было получить лишь благодаря октроированной королевской хартии или патенту, а со временем – купить у собственника. – Э.Е.) оставалось *главным критерием предоставления избирательного права* в Северной Америке на протяжении всего колониального периода. В Массачусетсе и Коннектикуте имущественный ценз был равен ежегодному доходу от земли в 40 шиллингов. В Род-Айленде избиратели должны были иметь земельный участок, оцениваемый в 40 фунтов, или получать ежегодный доход в 40 шиллингов. В Нью-Гэмпшире земельное владение избирателя должно было стоить не менее 50 фунтов. В Виргинии избиратель должен был быть владельцем 100 акров необработанной или 25 акров обработанной земли. В Северной Каролине и Джорджии величина земельного участка для избирателей определялась в 50 акров. В Южной Каролине, Мэриленде, Делавэре, Пенсильвании для избирателей существовала альтернатива: владение участком не менее 50 акров или участком, приносящим ежегодный доход в 40 шиллингов. В некоторых колониях избирательным правом, на английский манер, пользовались и арендаторы, если их аренда была долгосрочной, а ежегодный доход был не менее 40 шиллингов...». – Цит. по: *Согрин В.В.* Исторический опыт США... – С. 59, 60. Подробнее: *Becker C.* The History of Political Parties in the Province of New York, 1760 – 1776. – Madison, 1909. – P. 11; *Becker C.* The United States: An Experiment in Democracy. – N.Y., 1920. – P. 35-36; *Williamson Ch.* The American Suffrage. From Property to Democracy, 1760 – 1860. – Princeton, 1968. – P. 12-13, 22-23.

процессуальных особенностей, связанных с обеспечением соблюдения прав и свобод, закрепленных на уровне актов высшей юридической силы. Важная роль авторами региональных конституций отводилась суду и нормам общего права, не просто сохраненного подавляющим большинством новых штатов, но и ставшего *важнейшим институциональным механизмом* становления и развития конституционно-правовых отношений. Судебная защита поправленных или нарушенных прав декларировалась в качестве приоритетного способа, в том числе в случае посягательств со стороны органов государственной власти, что нашло отражение как в текстах конституций, так и в практике толкования судами актов высшей юридической силы и текущего законодательства²⁶⁰.

Подытоживая, следует признать, что при всех имевших место различиях учредительные акты штатов *начального периода* процесса государственного строительства «в некоторых отношениях имели и много общего, поскольку в их основу была положена общая политическая и философская платформа. Это относится как к декларациям прав, так и статьям конституций, говорящим об организации политического механизма штатов. Важнейшей особенностью всех конституций, за исключением конституции Массачусетса (в которой был не только закреплен принцип разделения властей, но и положен в основу всей политической системы как инструмент «*правления права, а не народа...*»²⁶¹. – Э.Е.), было закрепление верховной, практически неограниченной власти (и в этом нашли отражение особенности многолетних и перманентных коллизий колониальных ассамблей с центральными учреждениями метрополии и ее ставленниками в лице неподконтрольных «местным элитам» губернаторов. – Э.Е.) представительных органов – законодательных собраний. Как правило, все

²⁶⁰ Одним из первых примеров судебного толкования норм конституционно-правового характера (напомним, что федеральный Верховный суд «осмелился» на что-то подобное лишь в самом начале XIX века) стало дело 1781 года, в рамках которого решением суда штата Массачусетс, оценивавшего статью 1 «Декларации прав» Конституции 1780 года, чернокожий по фамилии Уолкер был освобожден от рабства, так как, по заключению суда, «все люди рождены свободными и равными...». По существу, задолго до знаменитой XIII поправки к Конституции Соединенных Штатов 1787 года, внесенной в 1865 году, судебным актом в штате Массачусетс был ликвидирован институт, просуществовавший в пределах территории страны еще около столетия. – См.: *Morison S.E. The Oxford History of the American People. V. 1. – N.Y., 1972. – P. 357.*

²⁶¹ См.: *Thorpe F.N. The Federal and State Constitutions, Colonial and Other Organic Laws of the States, Territories and Colonies, Now or Heretofore Forming the United States of America. V. 3... – P. 1893.*

органы исполнительной и судебной власти формировались легислатурами (ни о какой непосредственной демократии «источника и носителя власти» речь, как мы видим, не шла в принципе. – Э.Е.), и только в четырех штатах губернатор избирался... электоратом (вернее, той частью мужского белого населения, для которой были установлены жесткие требования и целый ряд ограничительных цензов и совсем не формальных электоральных правил и процедур. – Э.Е.), но и здесь его полномочия были строго ограничены и осуществлялись, главным образом, совместно с исполнительным советом, который формировался легислатурой. Деятельность правительственного аппарата контролировалась законодателями и находилась вне сферы влияния главы исполнительной власти. Законодательная власть обладала... «полномочиями, необходимыми для легислатуры свободного штата», и единственным ее ограничением была область «естественных и неотчуждаемых» прав...»²⁶².

Декларативно провозглашенная в учредительных актах штатов система разделения властей, включавшая в себя три вида институтов, осуществлявших в рамках механизмов «сдержек и противовесов» функции законодательного, исполнительного и судебного характера, при которой в большинстве случаев доминантой выступали представительные органы – легислатуры, избираемые ограниченным числом белого мужского населения, *изначально имела один существенный дефект* – крен в сторону региональных «парламентов», так как ни о каком «институциональном равенстве» *речь ни шла и не могла идти a priori*

²⁶² Цит. по: *Лафитский В.И.* Конституции американских штатов... – С. 23-24. Многие американские ученые нередко ставили перед собой вопрос о том, чем все-таки было обусловлено наделение легислатур штатов столь неограниченными полномочиями, особенно на фоне того, какими функциями обладали учреждения исполнительного характера. В качестве одной из важнейших причин констатировалось, что в колониальный период назначаемые короной губернаторы, непосредственно представлявшие центральные управленческие институты метрополии, сделали все, чтобы доверие населения к ним перманентно снижалось, что не могло не повлиять на отношение к ним и народа, и колониальных политических элит. Выводы подобного рода не выдерживают даже самой снисходительной критики, так как справедливо и то, что колониальные ассамблеи, действовавшие в рамках «заморских территорий», не всегда и не во всем поддерживались населением, в связи с чем, пришедшие к власти, сделали все, чтобы поставить под контроль всю систему публичных институтов, в том числе административные органы, лишив рядовых граждан возможности каким-либо образом оказывать влияние на их формирование и повседневную деятельность. Сказанное выше, с полным основанием можно отнести и к судебным органам, так как практика замещения соответствующих должностей так же опирается на механизмы, в центре которых стоят легислатуры, где, исходя из «партийных квот», осуществляется процесс назначения (подобного рода схемы работают до сих пор, чем объясняется тот факт, что судьи нередко делают то, что им предписывают корпоративные нормы и правила поведения).

(в этом случае мы намеренно выводим за скобки все, что ассоциируется с классовой составляющей общественных отношений, акцентируя внимание исключительно на статусе и прерогативах конкретных учреждений). Проблема ни в том (!), что «вся полнота» публичной власти концентрировалась в руках нескольких десятков депутатов законодательного собрания штата, в той либо иной степени олицетворявших собой «подлинное народовластие» (здесь *оба слова*, как бы к ним ни относиться, *не могут не вызывать вопросов*, хотя бы по той объективной причине, что подавляющий процент взрослого населения в течение многих десятилетий был поражен в избирательных правах), смысла нет отрицать дифференциацию сфер публичной деятельности, закрепленных за соответствующими органами, по крайней мере, до тех пор, пока верховные суды – явочным порядком – ни взяли на себя «эксклюзивное» право толковать конституции. Имеется в виду тот факт, что главы исполнительной власти в лице губернаторов (так же, как и члены легислатур, не обладавшие «императивным мандатом»), несмотря ни на что, даже на форс-мажорные обстоятельства, не могли инициировать роспуск представительного органа или, при условии его бикамеральности, какую-либо из его палат, который, в свою очередь, *такого рода прерогативой* – при наличии определенных условий – *был наделен*, что свидетельствует не только о превалировании одной ветви власти над другой, но и фиктивности тезиса о «президентской» форме правления, традиционной (якобы!?) для бывших североамериканских колоний²⁶³.

²⁶³ Вместе с тем изображать главу исполнительной власти штата институтом, не обладавшим никакой (кроме той, что предоставлено законодательным собранием) самостоятельностью, было бы не совсем корректно с политико-правовой точки зрения, так как в его руках концентрировались значительные по объему функции. Кроме того, нельзя игнорировать той ситуации (напомним, что метрополия предоставила бывшим колониям суверенный статус, лишь заключив с новым образованием соответствующий договор), в рамках которой шел процесс государственного строительства: «... Наряду с деятельностью Континентального конгресса важным этапом на пути становления новой государственной власти было избрание местных ассамблей и конвентов, взамен распущенных колониальной администрацией. В большинстве колоний произошло расширение контингента избирателей за счет предоставления права голоса тем, кто раньше его не имел, в результате снижения (так как от него никто, по крайней мере в ближайшей перспективе, и не думал отказываться. – Э.Е.) имущественного ценза. Хотя в ассамблеях по-прежнему преобладала имущая верхушка, значительное число мест получили представители внутренних районов, увеличилось число депутатов, принадлежащих к средним слоям... Если раньше их деятельность регламентировалась губернатором и назначаемым при нем советом, то теперь положение изменилось... Деятельность ассамблей протекала в известной мере под контролем Комитетов связи и безопасности (которые приобрели значительное влияние во многих североамериканских колониях примерно к середине 70-х годов XVIII века, оказывая давление на органы власти. – Э.Е.). Однако постепенно, по мере выработки местных конституций, ассамблей стали действовать более самостоятельно. Одна из главных целей

В контексте сказанного, достаточно противоречивым выглядит вывод о том, что после провозглашения независимости был *существенным образом* изменен персональный, с социальной точки зрения, состав представительных органов «новых штатов», пришедших на смену колониальным ассамблеям, распущенным центральной администрацией. Несомненно, изменения имели место, в том числе из-за *либерализации критериев*, традиционно лежавших в основе избирательных механизмов, однако документы того времени говорят *не в пользу констатаций* о трансформациях радикального характера, итогом которых стал бы массовый приход во власть категорий граждан, отражавших мнение широких слоев местного населения. Об этом, помимо всего прочего, свидетельствует структура законодательных собраний, особенно той их части, где она была «бикамеральной». Так, в десяти штатах представительный орган состоял из двух палат, во всех остальных – он был однопалатный. В тех штатах, где верхней палатой являлся сенат, его *формирование осуществлялось из представителей высших слоев общества*, то есть из наиболее состоятельных и именитых граждан, причем, в некоторых штатах (Нью-Джерси, Мэриленд и Южная Каролина) подобная практика была закреплена конституцией. Другим социальным группам стать «сенатором» *не позволял имущественный ценз*.

имущих групп заключалась в том, чтобы отделаться от контроля и опеки Комитетов связи, которые, по глубокому убеждению, господствующих классов, лишь привносили элемент анархии, давая слишком много власти «толпе». В соответствии с принятыми... новыми конституциями, каждый штат разработал свою систему управления, которая мало чем отличалась от прежней колониальной структуры. Но состав людей, заполнивших различные звенья новых органов управления, изменился. Почти во всех штатах главой исполнительной власти остались губернаторы. Прежние королевские ставленники были изгнаны, а их место заняли те, кто связал свою судьбу с освободительным движением и борьбой за независимость. Если раньше губернатора назначал король, а отчитываться, за свои действия, ему приходилось перед британским правительством, то теперь он стал подотчетен избравшим его законодательным ассамблеям либо, как это было в Нью-Йорке и Массачусетсе, губернатор избирался прямым голосованием. Во всех штатах, кроме Нью-Йорка, Делавэра и Южной Каролины, губернатор подлежал переизбранию каждый год... Непосредственным окружением и опорой губернаторов были специально составленные при них исполнительные советы, унаследовавшие функции советов при губернаторах колониальных времен. В состав этих советов редко попадали случайные люди. Хотя в большинстве штатов члены советов избирались законодательными ассамблеями, в них, как правило, состояли лишь именитые и состоятельные люди (по всей вероятности, новые государства были необходимы не широким слоям неимущего и малоимущего населения, а именно «состоятельным людям», не подпадавшим под действие имущественного ценза!? – Э.Е.). Правда, срок их пребывания в губернаторском совете был ограничен от 1 до 4 лет (в разных штатах по-разному). Но в период пребывания у власти члены совета были наделены важными функциями. Губернаторы и состоявший при них совет обладали достаточно широкими полномочиями, особенно в Массачусетсе, Нью-Йорке и Южной Каролине, где глава исполнительной власти был, согласно конституции, наделен правом вето, позволявшим отклонять решение законодательных ассамблей, если при повторном голосовании оно не собирало 2/3 голосов. Как известно, это правило впоследствии вошло в федеральную конституцию и действует по сей день...». – Цит. По: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 138, 139.

Как отмечают исследователи, критически оценивая характер динамики общественных отношений, «... по имеющимся подсчетам, каждый четвертый сенатор (в среднем по 10 штатам, где имелаась верхняя палата) принадлежал к знатной семье, утвердившей свое положение и составившей богатство еще в колониальные времена (в этом *нет ничего необычного*, так как неимущие и малоимущие жители той или иной колонии занимались добыванием средств для проживания, собирали табак и хлопок, добывали уголь, строили дороги и были весьма далеки от политики!? – Э.Е.). Это были купцы, юристы и крупные земельные собственники, ставшие на сторону освободительного движения. В сенате Нью-Гэмпшира заседали три человека, связанные близким родством с бывшим королевским губернатором Уентвортом. Все они владели солидным состоянием. В Нью-Йорке крупнейшие землевладельцы... Ливингстон и Ван Кортланд, оба Скайлера, Джон Джей, Тен Брок и другие из состава местной элиты вошли в состав сената штата. В виргинском сенате каждый представлял высший класс и имел солидное состояние. В тех штатах (которые можно было пересчитать по пальцам одной руки. – Э.Е.), где отсутствовал имущественный ценз, в сенат иногда попадали и представители средних слоев. Но в целом верхние палаты оставались опорой консерватизма...»²⁶⁴.

Не меньшее число вопросов обусловлено тем, что «отцы-основатели» (о каком бы периоде государственного строительства мы ни говорили) по каким-то одним им известным причинам *избегали использовать* в учредительных и других актах *термин* «республика», прибегая при обозначении, создаваемого на базе «заморской» британской колонии качественно нового – суверенного – политико-территориального образования, к актуализации ряда эквивалентов, не всегда и не во всем отвечавших «классическим» критериям. Однако самое парадоксальное состоит в том, что составители первых (и, к сожалению, всех остальных) конституций вообще игнорировали дефиницию «демократия», что *не может не вызывать сомнений* по поводу тех принципов, на базе которых

²⁶⁴ См.: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 139-140. В нижних палатах и однопалатных парламентах ситуация была несколько реалистичнее, в большей или меньшей степени отражая «требования дня».

протекал процесс суверенизации новых государств, со временем вошедших в состав достаточно аморфной и нежизнеспособной «конфедерации», а после несостоятельности «проекта», переходный характер которого был очевиден и закономерен, *отдавших предпочтение* – не без вынужденных компромиссов и, обусловленных соответствующими обстоятельствами и требованиями дня, взаимных уступок (в итоге, приведших страну к кровавой гражданской войне) – *федеративной форме* территориально-политического устройства. Как ни странно, но термина «демократия» нет и в действующем учредительном акте.

Как мы констатировали ранее, в масштабах бывших (хотя юридически они «бывшими» не считались вплоть до заключения с метрополией договора) англо-британских колоний *процесс конституционно-правовой легитимации* одновременно (синхронно или спонтанно в данном случае принципиального значения не имеет) протекал в двух направлениях, одним из которых являлась подготовка *проекта учредительного документа об объединении «заморских территорий» в единое государственное образование*. С этой целью конгресс, утвердивший «Декларацию независимости» 1776 года, создает специальный комитет, которому было поручено выработать конкретные предложения по формированию *общей системы органов власти* и вынести их на обсуждение делегатов, рассматривавших себя представителями суверенных независимых государств. Разработанный комитетом документ (фактически он был написан Джоном Диккенсоном, делегатом от Пенсильвании²⁶⁵), вошедший в историю

²⁶⁵ Справедливости ради следует сказать, что впервые вопрос о подготовке подобного акта был поставлен еще в июле 1775 года Бенджамин Фрэнклином, однако из-за противоречий с делегатами консервативного крыла Континентального конгресса, выступивших против провозглашения независимости от метрополии, эта идея была отвергнута. В январе 1776 года была предпринята вторая попытка, также окончившаяся провалом.

Достаточно симптоматично в этой связи выглядит обобщение одного из современных американских ученых, характеризующего проект, подготовленный делегатом от Пенсильвании: «И, хотя предложенная им система правления не имела будущего, сам документ оказался прорывом в эволюции представительной власти и лег в основу объединения тринадцати независимых государств...». – Цит. по: *Римини Р.* Краткая история США... – С. 60. Во многом аналогичным образом оценивали «Статьи конфедерации...» (естественно, в контексте национально-освободительного характера североамериканской революции) и советские историки государства и права, с точки зрения которых «конституция», вступившая в силу 1 марта 1781 года (после ее ратификации необходимым количеством штатов), провозгласила решимость штатов действовать совместно в целях утверждения независимости американской республики, отвергнувшей монархический строй. Это была *буржуазно-демократическая конституция*, в тексте которой нашли отражение требования масс (интересно, а кто эти «массы» представлял на Континентальном конгрессе, неужели банкиры, латифундисты, судовладельцы или рабовладельцы?) о проведении прогрессивных общественных преобразований. – См.: Война за независимость и образование США /Под ред. Г.Н. Севостьянова. – М., 1976. – С. 273.

конституционализма под названием «Статьи конфедерации и вечного союза», стал предметом острой и продолжительной дискуссии.

В отличие от того, с какой скоростью (!) разрабатывались и принимались конституции большинства штатов (кроме тех, где продолжали действовать, в целом или частично, королевские хартии второй половины XVII века), процесс обсуждения «Статей конфедерации» растянулся более чем на год (?), поэтому официальной датой одобрения текста считается 15 ноября 1777 года, тем не менее потребовалось еще три с половиной года, чтобы – через процедуру его ратификации штатами – учредительный акт вступил в законную силу, и на его основе был запущен механизм формирования общенациональных органов. В чем же причины *неоправданно длительной подготовки* политико-правового документа, от которого во многом зависело будущее колоний, в силу тех или иных обстоятельств, не пожелавших оставаться в прежнем статусе?

Можно по-разному оценивать факторы, наличие которых сдерживало процесс принятия в окончательной редакции «Статей конфедерации», однако нельзя не согласиться с тем, о чем пишет один из современных американских исследователей специфики генезиса конституционно-правовых отношений: «Статьи конфедерации гласили, что государства объединяются в «постоянный союз» и связаны «прочными дружескими узами», но при этом сохраняют «суверенитет, свободу и независимость». Предусматривалось однопалатное законодательное собрание (в этом случае достаточно не просто понять, *каким образом и непосредственно кто* олицетворял и отстаивал интересы данного «сложносоставного» образования?! – Э.Е.), где будут представлены все эти государства (штаты), которое *издает законы, но не вправе принуждать к их исполнению* (спрашивается, зачем принимать нормативные предписания, не имеющие общеобязательного характера? – Э.Е.). Предполагалось, что штаты и народ готовы подчиняться собранию, но добиться добровольного исполнения его указов не удалось. Центральному правительству также не доставало власти для введения налогов (без которых не всякое территориально-политическое образование рассматривается «государством» в прямом смысле этого слова. –

Э.Е.). Для поддержания деятельности правительства и финансирования войны требовались средства, которые штаты должны были выплачивать по решению национального законодательного собрания. На практике (другого в той ситуации не могло быть, так сказать, а priori. – Э.Е.) лишь немногие штаты делали эти взносы, причем платили меньше, чем требовалось, и центральное правительство ничего не могло с этим поделать...»²⁶⁶.

По мнению цитируемого ученого, с которым нельзя не согласиться, в «Статьях конфедерации» обнаруживаются «еще две серьезные проблемы. Во-первых, для вступления документа в силу требовалось согласие всех штатов, но Мэриленд настаивал на том, чтобы все штаты сначала передали (как мы видим, и в этом, судя по всему, нет ничего экстраординарного, тем более из ряда вон выходящего, прагматичный *меркантильный интерес* превалировал над всем «факультативным», в частности, безопасностью и территориальной целостностью как бывших колоний, так и иницируемого «государственного образования»!? – Э.Е.) свои западные земли центральному правительству. Не имея прав на западные территории, Мэриленд рассчитывал на щедрость более удачливых штатов, таких как Вирджиния. Его условия были приняты только в 1781 году, и лишь тогда этот штат одобрил Статьи конфедерации. Во-вторых,

²⁶⁶ Цит. по: Римини Р. Краткая история США... – С. 60-61. В принципе, оценки отечественных компаративистов в основном совпадают (при несколько вариативной терминологии) с тем, о чем пишет американский ученый: «... Согласно «Статьям конфедерации» верховным органом являлся конгресс. Он состоял из одной палаты, депутаты которой избирались ежегодно (когда же они осуществляли свою деятельность, если избирательный процесс длился несколько месяцев? – Э.Е.). Президента как главы исполнительной власти по этой конституции не было. Принятие «Статей конфедерации» имело положительное значение, знаменуя собой шаг по пути сплочения сил независимости. Однако центральная власть оставалась крайне слабой. Штаты сохраняли полный суверенитет по многим вопросам. Конгресс не имел права устанавливать пошлины и вводить налоги; его попытки в 1781 и 1782 годах добиться расширения своих прав в этой области успехом не увенчались (если отсутствуют механизмы принуждения, то ни о каком полноценном государстве речь не должна идти. – Э.Е.). Решение ряда вопросов, которые входили в компетенцию конгресса, было обусловлено необходимостью получить согласие 9 штатов из 13... По существу, штаты оставались во многих отношениях полноправными, и решения конгресса носили для них часто лишь консультативный характер. В силу многих причин (переходный период от состояния колоний к положению независимого государства, условия военного времени и т. д.) «Статьи конфедерации» оказались «слабой» конституцией. То, что было в них записано, не всегда удавалось претворить в жизнь (другими словами, учредительный акт de facto носил *декларативный* характер. – Э.Е.). Во многих отношениях они были непоследовательны. Первая общеамериканская конституция явилась (как до этого «Декларация независимости». – Э.Е.) плодом компромисса (практически, предотвратившего начало гражданской войны, но не сумевшего создать предпосылки для того, чтобы она не осуществилась вообще. – Э.Е.), рассчитанного на поддержание определенного баланса между центральной и местными властями. Одна из главных ее слабостей заключалась в том, что центральная власть не получила эффективных рычагов для управления страной...». – Цит. по: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 141. Об этом см.: Documents of American History: Vol. 1, 2 /Ed. by H.S. Commager. – Englewood Cliffs (N.J.), 1973. Vol. 1. – P. 111-116.

едва правительство приступило к работе, потребовалось внести в Статьи поправки, для чего также было необходимо согласие всех штатов, что оказалось невозможным. Правительство, созданное в соответствии с этим документом, фактически подчинялось тринадцати правительствам штатов»²⁶⁷.

На наш взгляд, автор несколько «слукавил», когда в перечне причин, в той или иной степени тормозивших работу Континентального конгресса по подготовке согласованного проекта «Статей конфедерации», не акцентировал внимание на человеческом факторе, оказавшем соответствующее влияние и на качество юридической техники, и на содержание текста, хотя и учитывал его в своем анализе: «Делегатам, писавшим Статьи конфедерации, не хватало опыта, чтобы создать работоспособную центральную власть, учитывающую при этом суверенитет каждого штата. Уже другим делегатам пришлось почти шесть лет приобретать этот опыт в процессе работы, чтобы в конце концов создать постоянный союз (речь идет о федерации, актуализированной в 1787. – Э.Е.), способный издавать законы и обеспечивать их исполнение для защиты свобод и собственности граждан и при этом уважать права штатов, – одним словом, чтобы создать федеральную систему...»²⁶⁸.

«Статьи конфедерации» *служат хорошим примером* того, что каким бы позитивным ни был, достигнутый правящими элитами компромисс, он всегда носит временный характер, отражая реальное соотношение политических сил и экономических возможностей тех, с кем на данном этапе государственного строительства ассоциируется власть и ее институты. Как только изменится это соотношение «старый» компромисс утратит свою актуальность и ему на смену –

²⁶⁷ Проблема исполнения центральным правительством решений, принятых законодательным собранием конфедерации, носила *системный характер*, во многом обусловленный ревизионистскими тенденциями, с которыми столкнулись новые государственные образования, стремясь максимальным образом сохранить суверенитет не только от бывшей метрополии, но и от наднациональных союзных властей. Известный отход от демократических традиций, нашедших отражение в учредительных документах первой волны, говорит о том, что региональные правящие элиты (сконцентрированные в органах представительной власти) не были заинтересованы в усилении, и без того достаточно аморфного, центрального правительства. Более того, они всеми правдами и неправдами стремились законодательно ограничить (как в рамках системы разделения властей, так и вне ее) самостоятельность собственных исполнительных учреждений в лице губернаторов и их администраций. – Подробнее см.: The Federal and State Constitutions: Colonial Charters and Other Organic Laws of the States, Territories and Colonies Now or Heretofore Forming the United States of America /Compiled and ed. by F.N. Thorpe. – Washington, 1909. Vol. 5. – P. 2628; Vol. 3. – P. 1893.

²⁶⁸ Цит. по: Римини Р. Краткая история США... – С. 61. Тезис весьма спорный и достаточно некорректный.

раньше или позже – придет новый, более отвечающий «требованиям дня». В этой связи, немаловажным обстоятельством может служить следующий факт, с которым были связаны определенные сепаратистские тенденции: закрепив на уровне конституционных актов суверенный статус, новые образования не спешили его ограничивать, делегируя правительственной администрации во многом *декларативные, а не реальные полномочия*²⁶⁹, причем осуществляя последнее как в ущерб коллективным, так и собственным интересам. Любые, о чем бы конкретном ни шла речь, учреждения, какими бы демократическими они на первый взгляд ни казались, будут носить фиктивный публичный статус, если они в своей основной массе выражают стремление выдать желаемое за действительное положение дел, результатом которого становится хаотизация широкого круга общественных отношений, политико-правовая дезинтеграция и, как следствие, замедление – вплоть до неизбежной стагнации большинства системообразующих институтов – демократических процессов. Отношение к органам общенационального уровня как к чему-то «второстепенному» и даже «абстрактному» (и в кругу правящего класса, и в общественном сознании того либо иного штата, имевшего конституцию и структуру государственной власти, не говоря уже о налоговой базе бюджета, *не могло не сложиться мнение о нецелесообразности «надстройки» в виде учреждений конфедеративного союза, для содержания которых требовалось ограничивать региональные преференции*) привело к тому, что вопрос о развале страны из гипотетических прогнозов перешел по существу в практическую плоскость²⁷⁰.

²⁶⁹ Одним из проявлений «декларативности» полномочий может служить практически полное отсутствие у центрального правительства контрольных и надзорных институтов, не говоря уже о эффективных механизмах ответственности штатов, в случае игнорирования или неисполнения его решений. Как справедливо писал по этому поводу один из будущих авторов федеральной конституции и четвертый президент Соединенных Штатов, из-за которого в 1803 году верховный орган судебной власти впервые использует инструментарий конституционного контроля, Джеймс Мэдисон, «... санкция столь же неотделима от идеи права, насколько неотделима от идеи правительства сила принуждения. Федеральная система, лишенная этих механизмов, лишена жизненно важных принципов политической конституции. Без них конституция является, по сути, не более чем договором о содружестве и союзе между независимыми и суверенными государствами...». – Цит. по: *Morison S.E. The Oxford History of the American People... – P. 336.*

²⁷⁰ Один из авторов «Федералиста» в статье под номером два от 31 октября 1787 года описывал ситуацию примерно следующим образом: «... До недавнего времени господствовало мнение о том, что процветание народа Америки зависит от неукоснительного сохранения единства. Помыслы, молитвы и усилия лучших и мудрейших наших граждан были постоянно направлены на достижение этой цели. Теперь появляются политики, утверждающие, что это мнение ошибочно и вместо того, чтобы обрести безопасность и счастье в Союзе, мы

В этой связи, инициированный Конституционный конвент, должен был стать воплощением коллективного разума той части североамериканского (за исключением штата Род-Айленд, отказавшегося участвовать в его работе²⁷¹) общества, для которой союзное государство по-прежнему носило актуальный и безальтернативный характер. Первоначально, перед делегатами (открытие Конвента, собравшегося в Филадельфии, планировалось на 14 мая 1787 года, но к этому сроку из пятидесяти пяти делегатов только десять представителей от штатов Пенсильвания и Виргиния смогли прибыть вовремя, все остальные из-за состояния здоровья, отдаленности территории или занятости по месту государственной службы подъезжали постепенно, поэтому учредительный орган начал работу лишь 25 мая, когда был обеспечен необходимый кворум в двадцать девять человек от семи штатов) не стоял вопрос о подготовке нового документа, так как предполагалось всего лишь внести поправки и дополнения в действующие «Статьи конфедерации». Однако уже в процессе длительных, продолжавшихся три дня, дебатов по вопросам регламента и формирования руководящих органов Конституционного конвента, делегаты в итоге приходят к осознанию того, что в сложившейся обстановке важнее не «латать дыры», а принять совершенно новый, более реалистичный юридический документ²⁷².

якобы должны искать его в разделении штатов на отдельные конфедерации или суверенные образования. Сколь необычной ни казалась бы эта новая доктрина, у нее все же находятся сторонники. Выступавшие прежде против нее теперь высказываются «за». Каковы бы ни были доводы и мотивы, вызвавшие перемену в настроениях и речах этих господ, было бы крайне неразумно, если бы массы признали эти новые политические принципы, не будучи полностью уверенными в том, что они основываются на истине и политической мудрости... Мне не раз доставляло удовольствие думать о том, что независимая Америка не составлена из отдельных, удаленных друг от друга территорий, но представляет собой одну, единую..., широко раскинувшуюся страну, которую унаследовали наши западные сыны свободы... Сходные чувства до недавнего времени преобладали среди всех слоев населения. По сути дела, мы были одним народом, причем каждый гражданин, где бы он ни находился, пользовался одинаковыми правами, преимуществами, а также защитой государства. Как единая нация мы вели войну и заключали мир, побеждали общих врагов, образовывали союзы и заключали договоры с иностранными государствами... Осознание ценности и выгод союза побудило народ в самом начале войны создать федеральное правительство в интересах его сохранения и упрочения. Правительство было образовано, как только народ ощутил себя политической силой; даже раньше, когда наши жилища были охвачены огнем, многие граждане истекали кровью, а война и принесенные ею разрушения не оставляли времени для спокойных размышлений и серьезной подготовки, которые обычно предшествуют образованию мудрого и сбалансированного правительства для свободного народа. Нет ничего удивительного в том, что правительство, образованное в столь тяжелое время, на деле оказалось далеко не идеальным и не вполне отвечало цели, для которой было создано...» – Цит. по: *Федералист // Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея...* – С. 34, 35.

²⁷¹ См.: *Лафитский В.И.* Великие конституции... – С. 270; *Мишин А.А.* Государственное право США... – С. 12.

²⁷² Парадокс состоит в том, что, несмотря ни на что, они достигли своей цели, так как Конституция, принятая в середине сентября 1787 года, сохранив (практически, неизменными, за исключением внесенных поправок) фундаментальные принципы и институты, позволившие господствующим классам осуществлять контроль за

Прежде чем осуществить критический сравнительно-правовой анализ (учитывая, в том числе, аналогичные учредительные акты, принятые в период Первой французской республики) самой «возрастной» из конституций, было бы вполне справедливым и оправданным, причем не только с исторической точки зрения, обратить внимание на персональный состав тех, кем гордится нация и о ком можно найти информацию в любом школьном учебнике. Как ни странно, но среди выдающихся государственных деятелей (часть из которых именуются «отцами-основателями»), землевладельцев, кабинетных ученых, политиков, философов, банкиров, судовладельцев и практикующих юристов, *мы не встретим*²⁷³ ни одной представительницы «слабого пола», ни одного «цветного», ни одного коренного жителя (вместе со своими соплеменниками прозябающего в резервации): «... Члены конвента в Филадельфии, создавшие конституцию, – отмечает по этому поводу один из крупнейших американских историков государства и права Чарльз Бирд, – за считанными исключениями, были непосредственно заинтересованы и извлекли экономические выгоды из новой системы (из примерно ста шестидесяти тысяч белых мужчин, имевших право участвовать в формировании конвентов штатов, чуть более пятидесяти

всей политико-правовой системой, *действует до сих пор*. Недаром, она относится к категории конституций «либерального» типа, где правам и свободам, на фоне доминирования вопросов, имеющих отношение к разделению властей и механизмам «сдержек и противовесов», отведена факультативная (субсидиарная) роль. С точки зрения юридической техники, *ее можно ставить в пример*, в том числе в контексте того, как в ней – за четкими и предельно лапидарными правовыми формулировками – «завуалирована» классовая сущность публичных и экономических (прежде всего) отношений. По мнению одного из крупнейших ученых, рассматривавшего Конституцию 1787 года в качестве, своего рода, «экономического документа», установить ее классовую сущность обычным путем логико-юридического анализа содержания конкретных статей или разделов – невозможно по целому ряду причин: «Поверхностному исследователю Конституции, – отмечает Чарльз Бирд, – читавшему только комментарии легистов, трудно уразуметь этот инструмент как документ экономический. Она не устанавливает никаких имущественных цензов для избирателей или должностных лиц; она не содержит выраженного признания существования каких-либо экономических групп в обществе: она не упоминает о специальных привилегиях, предоставляемых какому-либо классу. Она не выражает чувств, от которых буквально содрогается Французская конституция 1791 года...». – См.: *Beard Ch.A. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States.* – N.Y., 1966. – P. 152.

Как считает А.А. Мишин, учитывая вывод процитированного выше автора, «и тем не менее этот сугубо формальный и схематичный документ содержал то, в чем так нуждались американские имущие классы, уставшие от войны, революции и конфедеративной неурядицы. Конституция была плодом практического мышления собственников...». – Цит. по.: *Мишин А.А. Государственное право США...* – С. 17.

²⁷³ Справедливости ради надо сказать, что в силу самых разных причин в работе Конституционного конвента не смогли участвовать ни Томас Джефферсон (был на дипломатической службе во Франции), ни Томас Пейн, ни некоторые другие борцы за независимость. Замену им составили, если иметь в виду всех 55 делегатов, 14 банкиров, 14 землевладельцев и спекулянтов земель, 15 плантаторов, официально владевших рабами, 12 предпринимателей и судовладельцев, причем тридцать один человек во главе с Джорджем Вашингтоном были офицерами в годы войны с бывшей метрополией. – Об этом см.: *Яковлев Н.Н. Послание в будущее // Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея...* – С. 9.

процентов – примерно сто тысяч, или каждый шестой – выступали за то, чтобы новая конституция была в конце концов одобрена. – Э.Е.). Устранение масс от выборов из-за имущественного ценза, невежества и апатии в основном и объясняет ту легкость, с какой заинтересованные в ее введении одержали победу..., ибо знали отнюдь не теоретически, а практически – в долларах и центах – стоимость новой конституции...»²⁷⁴.

На сопоставимых позициях по отношению к тем, с кем ассоциируется Конституционный конвент, стояли многие компаративисты, в том числе и А.А. Мишин, критическую оценку которого нельзя не поддержать, даже с учетом того, что она была высказана несколько десятилетий назад, так как до сих пор не утратила концептуальной актуальности: «... Социальный состав Конвента поразительно однороден: *только собственники, только богатые люди*. Это плантаторы, рабовладельцы (внеэкономическое принуждение использовали, по существу, все «отцы-основатели», в частности первый и третий президенты Соединенных Штатов – Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон, *не говоря о менее значительных политических деятелях и публичных персонах!*? – Э.Е.), землевладельцы, банкиры, предприниматели, держатели государственных ценных бумаг и ценных бумаг штатов, судовладельцы... Разрабатывая проект Конституции, они вносили свои предложения, за каждым из которых крылся совершенно определенный экономический интерес...»²⁷⁵.

²⁷⁴ Подробнее см.: *Beard Ch. A. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States.* – N.Y., 1965. – P. VI, VIII, XII, 154, 251, 324. Следуем иметь в виду, что работа цитируемого автора воспринимается по-разному. Например, одни ученые считают, что после исследования Чарльза Бирда, «безусловно, самой влиятельной книги по истории, когда-либо написанной в Америке, представление о конституции никогда больше не было прежним...». – См.: *How Democratic is the Constitutions? /Ed. by R. Goldwin and W. Shambra. American Enterprise Institute.* – Washington, 1980. – P. 2. Другие авторы относятся к ней более критично, в том числе в контексте «экономической» составляющей Конституции 1787 года: «... Все это так. Но Бирд, увлеченный открытием значимости экономики в политике (то был «шок всей моей жизни», напишет он в предисловии к изданию 1935 года), все же упростил и огрубил свою аргументацию, трактуя собственность лишь в ее материальном и денежном выражении. Это была капитальная ошибка маститого историка». – Цит. по: *Яковлев Н.Н. Послание в будущее // Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея...* – С. 19.

²⁷⁵ Цит. по: *Мишин А.А. Государственное право США...* – С. 13. Детально рассмотрев персональный состав всех пятидесяти пяти делегатов Конституционного конвента (с учетом имущественной составляющей социального положения каждого из них), Чарльз Бирд констатировал: «... Мы не можем сказать, что члены Конвента были «не заинтересованы» в конечном результате. Напротив, мы вынуждены признать, что они, опираясь, в том числе, на собственный экономический опыт совершенно точно знали, какие итоговые результаты должна принести учрежденная ими система правления...». – См.: *Beard Ch. A. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States...* – P. 151.

Исходя из *фундаментальности* практических задач (минимизировать гипотетическую угрозу гражданской войны, остановить не контролируемое расползание революции, завершить процесс суверенизации и «создать более совершенный союз», гарантировать права собственников), стоявших в данный момент перед делегатами, собравшиеся, несмотря ни на что, в Филадельфии «представители народа», как ни парадоксально (ведь это те, кто в труднейших условиях Нового Света строил пресловутый «Град на холме»!?), *меньше всего думали* не только *о проблемах широких слоев населения*, но и демократии как политическом режиме и форме правления, так как за публичными лозунгами и декларациями скрывался истинный смысл тех целей, которые преследовали «полубоги»²⁷⁶ (в терминологии Томаса Джефферсона), при подготовке нового учредительного политико-правового документа.

На этот факт уже обращали внимание исследователи, подвергавшие в своих работах сомнению весь тот пафос, с которым в англосаксонской научной литературе традиционно ассоциируется Конституционный конвент и процесс принятия действующей Конституции Соединенных Штатов. Хорошо известно, что подавляющее большинство норм, регулирующих процедуру обсуждения, было заимствовано из регламента Континентального конгресса (например, *голосование проводилось* не на индивидуальной, а *на коллегиальной основе*, то есть подсчитывались голоса штатов, а не конкретных людей, в порядке их территориального расположения и в направлении с юга на север), за одним принципиальным исключением: по решению делегатов заседания не носили публичного характера. Подобное ограничение мотивировалось стремлением *максимально исключить давление* на «представителей народа», *обеспечив* им *свободу обсуждения* наиболее острых и проблемных вопросов. Однако в этом случае (ведь никто – ни демос, ни средства массовой информации, ни кто-либо другой – не мешает говорить то, что думает об институте рабства человек, в собственности которого находятся сотни рабов «colored people», или тот, фобией

²⁷⁶ Напомним, что сорок четыре представителя от штатов до этого являлись делегатами Континентального конгресса, а восемь из них поставили свои подписи под «Декларацией независимости» 1776 года.

которого является запрет женщинам иметь право голоса) трудно было избежать качественно иных проявлений: «На закрытых заседаниях Конвента делегаты высказывались откровенно, не опасаясь скомпрометировать себя в глазах общественного мнения. Совершенно естественно, – подчеркивает А.А. Мишин, характеризуя ситуацию, сложившуюся в процессе работы над новым учредительным документом, – что их мышление и соответствующие решения были детерминированы объективной реальностью эпохи. На их поведение (о чем мы неоднократно говорили ранее по тексту работы. – Э.Е.) существенное воздействие оказал опыт конституционного развития отдельных штатов, британская модель государственности, политические учения современного им мира. Но *главным фактором оставались экономические и политические интересы собственников* (прежде всего крупных, так как преференции всех остальных, если закрыть глаза на социальную демагогию о «народовластии», мало кто учитывал, тем более брал во внимание. – Э.Е.). Политические взгляды делегатов не были, конечно, одинаковыми, но доминировали настроения, о которых можно судить по следующим высказываниям (хотелось бы знать, с ними знаком кто-нибудь из тех, кто считает эту страну «оплотом демократии»? – Э.Е.). Губернатор Вирджинии Рэндольф: «Главная опасность проистекает от демократических статей существующих конституций. В новой Конституции должен быть установлен надежный барьер против демократии...»²⁷⁷.

У кого-то может возникнуть сомнение (!) по поводу процитированного фрагмента из выступления одного из участников Конституционного конвента, но проблема в том, что констатации подобного рода *носили превалирующий характер* на фоне сторонников иных точек зрения. Приведем еще несколько «образцов». Так, делегат от штата Коннектикут Роджер Шерман (входивший в

²⁷⁷ Цит. по: Мишин А.А. Государственное право США... – С. 13. См.: The Records of the Federal Convention of 1787. Vol. 1. – New Haven, 1937. – P. 26-27. Мы уже говорили о том, что дебаты по руководящим органам длились три дня, по их результатам председателем был избран Джордж Вашингтон, а секретарем Уильям Джексон (делегат от штата Джорджия). Губернатору Эдмунду Рэндольфу, представившему в Филадельфии Виргинию, было предоставлено право выступить 29 мая (в день начала пересмотра «Статей конфедерации») с докладом, в котором он, помимо всего прочего, *подверг жесткой критике* конфедеративную форму государственного устройства и аморфный характер центральных органов власти, внеся несколько достаточно конструктивных предложений по переустройству Соединенных Штатов, известных как «Виргинский план», подготовленный профессиональным юристом Джеймсом Мэдисоном.

свое время, наряду с Томасом Джефферсоном, Бенджамином Франклином и Джоном Адамсом, в комитет, созданный в рамках второго Континентального конгресса, по подготовке проекта «Декларации независимости») отмечал: «... Народ должен быть как можно меньше допущен к делам управления. Народ всегда подвержен заблуждениям...»²⁷⁸. В свою очередь, участник от Делавэра предлагал «уменьшить зависимость всей системы правления от народа...»²⁷⁹. На аналогичных позициях стоял и тот, кто представлял штат Массачусетс: «Зло, от которого мы страдаем, происходит от избытка демократии...»²⁸⁰. Примеры, а их немало, можно продолжить, однако количеством ничего доказать нельзя, в то же время тот факт, что мнение консервативной части делегатов в той или иной степени *нашло отражение в окончательной редакции* действующей до сих пор Конституции, говорит само за себя. Ведь не случайно, что в тексте нет ни раздела, ни параграфа или статьи, непосредственно посвященных правам и свободам человека и гражданина, за исключением института *habeas corpus*, упоминание о котором встречается в разделе 9 статьи первой²⁸¹.

²⁷⁸ Цит. по: The Records of the Federal Convention of 1787. Vol. 1... – P. 48. На этом фоне некоторое недоумение вызывает точка зрения одного из трех авторов «Федералиста» Александра Гамильтона: «... Все общества разделяются на меньшинство и большинство. Первые – это богатые и знатные, остальные – масса народа. Говорят, что глас народа – глас Божий. Но сколько бы это ни повторяли, сколько бы в это ни верили, на самом деле положение обстоит иначе...». – См.: The Records of the Federal Convention of 1787. Vol. 1... – P. 299.

²⁷⁹ Цит. по: The Records of the Federal Convention of 1787. Vol. 1... – P. 421. Со своей стороны, Джеймс Мэдисон утверждал, что политическая система, в той или иной степени оформившаяся в революционный период, в итоге привела к «демократическому деспотизму», целью которого являлось ущемление интересов верхнего слоя правящего класса в угоду малоимущего и неимущего большинства населения бывших англо-британских колоний. – Подробнее см.: The Records of the Federal Convention of 1787 /Ed. M. Farrand. 4 vols. – New Haven; L., 1966. Vol. 1. – P. 135, 136, 420-422. Спрашивается, о каком же «народовластии» тогда может идти речь?

²⁸⁰ Цит. по: The Records of the Federal Convention of 1787. Vol. 1... – P. 48. Парадокс состоит в том, что многие из тех, кто представлял штаты, весьма нелестно отзываясь о демократии и ее институтах, убеждали окружающих в необходимости сокращения «народовластия» наглядными примерами из законодательной практики ряда последних лет, призывая акцентировать внимание не на демократии, а на приоритете права собственности и его защиты. – См.: The Records of the Federal Convention of 1787. Vol. 1... – P. 48-51, 533, 534, 542.

²⁸¹ С учетом сказанного, нельзя не отметить, что полемика по поводу того, чьи интересы отражали делегаты Конституционного конвента (напомним, что Чарльз Бирд, отвергший существовавшие до него трактовки, в рамках которых учредительный акт рассматривался не чем иным, как продуктом волеизъявления народа и вершиной демократии, считал, что таких групп было четыре, в частности – финансового капитала, владельцев государственного долга, крупных промышленников и торгово-коммерческих кругов), протекала, с различной степенью интенсивности, в течение практически всего ушедшего столетия. С точки зрения профессора В.В. Согрина, «... серьезное упрощение Бирда состояло в отождествлении мотивов участников Конвента с их личными экономическими интересами. Это привело историка к позиции, равнозначной экономическому детерминизму. Личная экономическая заинтересованность присутствовала в позиции участников Конвента, но она далеко не исчерпывала их мотивов и их видения государственно-конституционных основ США. В Основном законе США воплотились их политическая культура и мировоззрение, которые в свою очередь вмещали в себя богатые конституционные традиции Старого Света, в первую очередь Англии, и политическую философию Просвещения. На Конвенте в Филадельфии собрались образованные представители Америки... Благодаря образованности и опоре на разнообразные, утонченные и передовые политические учения, прежде всего

Справедливости ради надо сказать, что необходимость созыва органа, в рамках которого будет решен комплекс вопросов, все чаще возникавших как между штатами и центральными правительственными учреждениями, так и при взаимодействии штатов друг с другом, ощущалась достаточно остро. Так, пытаясь наиболее приемлемым для обеих сторон образом найти выход из создавшегося положения, Виргиния и Мэриленд на встрече в Маунт-Верноне в 1785 году идут на компромисс по проблеме торговли между двумя штатами (прежде всего, в вопросе навигации в Чесапикском заливе и по реке Потомак). Чуть позднее к ним присоединяются Делавэр и Пенсильвания, как следствие, в 1786 году Виргиния обращается ко всем штатам с предложением направить своих представителей в Аннаполис (Мэриленд), чтобы попытаться решить те коллизии, которые возникли в области торговли. Согласие было получено от девяти из тринадцати штатов, однако всего лишь пять из них – Нью-Йорк, Нью-Джерси, Виргиния, Пенсильвания, Делавэр – смогли обеспечить своевременно явку официальных делегатов. Как мы видим, несмотря ни на что, тенденция вполне очевидна, поэтому, судя по всему, не случайно Александр Гамильтон, представлявший штат Нью-Йорк, предложил рассмотреть более широкий круг вопросов, *выходящих за рамки* проблем торгово-коммерческого характера. В подготовленном им докладе, одобренном участниками, содержался призыв о целесообразности коллективного обсуждения, сложившегося в государстве положения, собравшись для этой цели весной 1787 года в Филадельфии не на внеочередное заседание союзного Конгресса, а на специальный Конвент, где будут разработаны положения, которые штаты «... сочтут необходимыми для

идеологию Просвещения, они смогли создать Конституцию, которая в своей основе сохраняется и поныне... Среди качеств участников Конвента, повлиявших на содержание Конституции, необходимо отметить политический реализм. Он проявился в способности авторов Конституции соразмерять собственное мировоззрение и позиции с политическими установками и мнениями..., в том числе и укоренившимися в революционный период, и находить такой общий конституционный «знаменатель», который, удовлетворяя классовые интересы «верхов», согласовывал их, так или иначе, с интересами электората в целом. В результате Конституция предстала не только как компромисс разных групп верхнего класса, но и как компромисс между ним и политически активными слоями граждан, и под новый американский миропорядок была подведена социальная база, необходимая для поддержания его прочности...». – Цит. по: *Согрин В.В.* Исторический опыт США... – С. 102. Об этом см.: *Miller J.C.* Alexander Hamilton. Portrait in Paradox. – N.Y., 1959. – P. 138-139.

учреждения федерального правительства, отвечающего требованиям острой ситуации в Союзе»²⁸².

К моменту начала работы Конституционного конвента, на котором, как мы знаем, не предполагалось принятие нового учредительного акта, а лишь внесение поправок и дополнений в «Статьи конфедерации», в течение шести предшествующих лет являвшихся *общеамериканским документом высшей юридической силы*²⁸³, в общем было подготовлено пятнадцать резолюций, автором большинства которых стал будущий, четвертый по счету, президент Соединенных Штатов Джеймс Мэдисон (во многом, благодаря которому, мы имеем возможность ознакомиться «из первых рук» с тем, в какой обстановке проходила в Филадельфии дискуссия, так как, избранный секретарем Уильям Джексон, не оставил в «журнале заседаний» подробных записей). В историю конституционализма они вошли под названием «Виргинский план» (или, как его иногда квалифицируют, «План крупных штатов», по причине того, что он в первую очередь был выгоден именно большим по масштабам образованиям), *принципиальным образом менявшим* как форму политико-территориального устройства, с конфедерации на федерацию, так и систему публично-властных

²⁸² См.: *Римини Р.* Краткая история США... – С. 68-70. Интересно, имел ли к этому какое-то отношение народ?

²⁸³ Тот факт, что первоначально не предполагалось принимать новой конституции, а только скорректировать ряд положений «Статей конфедерации», свидетельствует о том (при условии, что на уровне центрального правительства дела шли, как минимум, неблестяще, особенно в ситуации резкого экономического спада, продолжавшегося несколько лет, в результате которого в упадок пришла торговля, снизилась заработная плата, а выпущенные несколькими штатами собственные бумажные денежные знаки, достигли объема в миллион долларов и перманентно обесценивались), что при желании, достичь компромисса можно было и в рамках действующего учредительного акта. В качестве иллюстрации того, что союзный Конгресс был в состоянии осуществлять скоординированную с legislатурами штатов политику, нельзя не отметить так называемый «Северо-западный ордонанс», принятый 13 июля 1787 года, в соответствии с которым в союз могли вступать новые образования. Указанный политико-правовой документ, в частности, регламентировал организацию управления на значительных территориях, расположенных к северу от реки Огайо, незадолго до этого переданных под юрисдикцию центральной власти Нью-Йорком, Коннектикутом, Массачусетсом и Виргинией. Согласно плану, разработанному еще в 1784 году Томасом Джефферсоном, в западном регионе предполагалось провести топографические исследования, в территорию раздробить на административные единицы – тауншипы (третий уровень административно-территориального деления Соединенных Штатов, входят, наряду с городскими муниципалитетами, в округа, а те, в свою очередь, в штаты) площадью в 1500 гектаров со специальными участками, выделенными под образовательные учреждения. Было установлено, что управлять данным «районом» будут губернатор, секретарь и трое судей, назначаемых Континентальным конгрессом. В случае, если количество переселенцев мужского пола превысит пять тысяч человек, им будет предоставлено право избрать двухпалатное законодательное собрание и делегировать (без права голоса) в конгресс своего представителя, когда же местное население превысит шестьдесят тысяч – подать заявку о предоставлении территории статуса штата, со всеми вытекающими из этого последствиями. Характерно, что при гарантировании свободы вероисповедания, суда присяжных и поддержки образования, в пределах всего Северо-западного региона рабство было запрещено. Предполагалось, что в рамках данной территории будет со временем сформировано от трех до пяти новых штатов.

отношений, в основу которой – при наличии *трех независимых друг от друга ветвей* (законодательной в лице двухпалатного Конгресса, исполнительной, олицетворяемой Президентом, избираемом «коллегией выборщиков», и его администрацией, судебной – в виде Верховного суда и учреждений низшей инстанции) – был положен механизм «сдержек и противовесов»²⁸⁴.

В качестве *альтернативы* участниками от небольших государственных образований 15 июня был предложен собственный вариант учредительного акта, основным разработчиком которого стал делегат от штата Нью-Джерси (в связи с этим, «документ» известен, как «План Нью-Джерси» или «План малых штатов») Уильям Патерсон, взявшим в виде, условно говоря, «примера» для подражания «Статьи конфедерации». В отличие от пятнадцати резолюций из проекта Джеймса Мэдисона, содержавших предложения по кардинальному переустройству всей политической системы, сложившейся к этому времени, Уильям Патерсон, стремясь сохранить статус и суверенитет «малых штатов», в целом предпочитал, несколько «подновив» действующую конфедеративную модель, оставить однопалатный законодательный орган, где каждый штат, вне зависимости от размеров территории и численности местного населения, имел бы один голос, а представителей в союзный Конгресс, коллегиальный орган исполнительной власти, не наделенного правом вето, и Верховный суд должны были формировать правительства штатов. Несмотря на то, что «План Нью-Джерси» закреплял за правительством – в чем прослеживалась в той или иной степени «институциональная новизна» – право устанавливать общие для всех налоги и регулировать внешнюю и внутреннюю торговлю, декларируя, что законодательные акты, принимаемые союзным Конгрессом, будут иметь общегосударственный статус, нельзя не констатировать, что он представлял из себя всего лишь «новую» редакцию «Статей конфедерации», не более²⁸⁵.

²⁸⁴ Помимо этого, предлагалось учредить так называемый «*надзорный совет*», который должен был состоять из представителей исполнительной и законодательной власти, имевшим право налагать вето на акты.

²⁸⁵ Характеризуя тупиковость ситуации, так как ни одна из сторон не хотела отказываться от своего проекта, причем во многом по принципиальным соображениям, современный американский исследователь Роберт Римини пишет: «... План Нью-Джерси представлял собой лишь слегка подправленные Статьи конфедерации, которые уже продемонстрировали свою нежизнеспособность. Вирджинский план имел перекося в сторону пропорциональной системы представительства, но тем не менее предлагал совершенно иную, инновационную

Вне всякого сомнения, сторонники соответствующего проекта, прежде всего те, кто ничего не хотел слушать о взаимных уступках (не исключено, что вполне искренно с их точки зрения), игнорируя логику и здравый смысл, были по-своему правы, преследуя чисто региональные интересы, не забывая и о тех из них, с которыми ассоциировались личные, групповые либо корпоративные предпочтения экономического и политического характера (как, например, в случае с губернатором штата Нью-Йорк Джорджем Клинтон), поэтому кто-то должен был выступить с инициативами, которые в большей или меньшей степени удовлетворили претензии, во многом обусловившие накал страстей и нежелание, в угоду чьих-то умозаключений, идти на компромисс.

Человеком, нашедшим в себе силы, абстрагируясь от тупиковости такого рода ситуации, взглянуть на конфликт в контексте далеко не гипотетической гражданской войны, стал делегат от штата Коннектикут Роджер Шерман (ему, по всей вероятности, не давали покоя «лавры» одного из членов комиссии по подготовке предварительного текста «Декларации независимости»), внесший на рассмотрение Конвента несколько собственных предложений, получивших в кругу участников, собранного в Филадельфии учредительного собрания, имя «Коннектикутского компромисса». Изменения, вносимые в «проект Джеймса Мэдисона» (который был взят за основу), позволяли удовлетворить претензии и одной, и другой стороны²⁸⁶.

Так, высшим законодательным органом Соединенных Штатов Америки признавался бикамеральный Конгресс, нижняя палата которого (именуемая условно Палатой представителей) должна была избираться гражданами раз в два года прямым голосованием по пропорциональной системе, что отвечало требованиям, выдвигавшимся крупными штатами. Верхняя палата (или Сенат) должна была формироваться непосредственно штатами, причем каждый из них

систему власти. И действительно, часть делегатов Конвента предпочла бы ограничиться внесением поправок в Статьи конфедерации, как бы сложно это ни оказалось. Ни в коем случае они не желали урезать власть и права штатов, а некоторые из них, например губернатор Нью-Йорка Джордж Клинтон, – и свою личную власть. Клинтон и еще несколько делегатов покинули Конвент, когда поняли, что остальные их не поддерживают...». – Цит. по: *Римини Р.* Краткая история США... – С. 72-73.

²⁸⁶ Подробнее см.: *Framers of the Constitution /Ed. by J.H. Charleton. – Washington, 1986. – P. 201-207.*

будет представлен двумя сенаторами, что обеспечит равенство штатов, вне зависимости от численности населения (учет пожеланий малых штатов). Ряд прочих компромиссов, объективно вынужденный характер которых для южных штатов, прежде всего, хотя проблема своей остротой имела в целом общеамериканский «статус», не вызывает сомнений, «... касались включения трех пятых рабов в число населения при определении представительства штата в нижней палате, а также невмешательства в вопросы работорговли на протяжении двадцати лет. Кроме того, конвент дал Конгрессу полномочия регулировать вопросы торговли, как того требовал Север, но запретил вводить налоги на экспорт, на чем настаивал Юг, защищавший экспорт своего хлопка и табака»²⁸⁷. Проект не был принят, но снял, висевшее в воздухе напряжение.

Позитивным итогом достигнутого компромисса стал проект (вернее, его первоначальный вариант, подготовленный к 6 августа, все это время, начиная с 26 июля, Конвент не функционировал, прервав пленарные заседания) новой конституции, над которым работала специальная комиссия под руководством губернатора Виргинии Эдмунда Рэндольфа (в первом после принятия новой конституции федеральном правительстве займет пост атторнея – генерального

²⁸⁷ См.: *Римини Р.* Краткая история США... – С. 73-74; *Framers of the Constitution...* – P. 323-331. Мы уже отмечали, что состав делегатов Конституционного конвента в социальном отношении в большей или меньшей степени был однородным, однако нельзя не обратить внимание на тот факт, что у отдельных участников, например, у Александра Гамильтона, представлявшего консервативную точку зрения, идеальной формой правления не была (впрочем, как и у многих других!?) демократическая республика, так как его предпочтения лежали в плоскости политической системы бывшей метрополии с ее конституционной монархией и бикамеральным парламентом, где верхняя палата (Палата лордов) юридически была наделена кастово-аристократическими привилегиями. Будущий министр финансов выступал за сильную и централизованную власть, вплоть до установления пожизненного срока правления для президента Соединенных Штатов и членов верхней палаты конгресса, с концентрацией в руках главы государства широких полномочий, включая предоставление ему права отклонять любые акты конгресса, с которыми он не согласен. Справедливости ради нельзя не сказать, что, являясь апологетом олигархической формы правления, Александр Гамильтон «... никогда не выступал в пользу установления монархии. Но в кругах имущей верхушки Соединенных Штатов и среди реакционного офицерства идея установления монархического строя была достаточно популярной (некто «подобное» мы наблюдали в Англии в процессе актуализации протектората конституционного диктатора Оливера Кромвеля. – Э.Е.). Еще в 1783 году представители консервативно настроенной армейской верхушки создали «Общество Цинциннати», предложив Вашингтону стать американским монархом. Последний категорически отверг это и последующие аналогичные предложения, заявив себя сторонником республиканского строя». Известно, что исключительно критически по отношению к созданию в Соединенных Штатах монархической (британского образца) формы правления выступали «отцы-основатели», в частности Томас Джефферсон и Бенджамин Франклин, а также представители умеренно-консервативного крыла в лице Джона Адамса и Джона Джея. В этих условиях «было абсолютно бессмысленно поддерживать идею монархического строя на конвенте. Надо полагать, что Александр Гамильтон отдавал себе отчет и в том, что идея эта была крайне непопулярна в народе, только что сбросившем иго британского короля. С этим приходилось считаться...». – См.: *История США. Том первый. 1607 – 1877...* – С. 186.

прокурора). В тексте документа, состоявшего на начало дебатов из преамбулы и двадцати трех статей, были отражены как предложения, сформулированные в «Виргинском» и «Нью-Джерсийском» планах, так и отдельные положения «Статей конфедерации» и конституций отдельных штатов²⁸⁸.

Если сравнивать процесс обсуждения «Статей конфедерации», в общем занявший *целый год*, и всего лишь *месячный период*, потребовавшийся для согласования имевшихся – от консервативных до либеральных – точек зрения по окончательному варианту содержания учредительного акта, вошедшего в историю государства и права Соединенных Штатов как Конституция 1787 года, то есть все основания говорить о чрезвычайно высоком уровне юридической техники тех делегатов Конвента (помимо Гувернера Морриса, составившего в итоге текст, вынесенный 12 сентября на пленарное заседание), которым было поручено отшлифовать формулировки, ставшие на долгие годы примером для подражания для государств, освободившихся от колониальной зависимости и вставших на путь самостоятельного суверенного развития. В отличие от тех же «Статей конфедерации», где отсутствовала преамбула (сложно воспринимать таковой текст, где полностью утрированы *цели* и *задачи* государства: «Статьи конфедерации и вечного союза между штатами...»), согласованный документ включал в себя «введение» подобного рода, в котором на первое место был поставлен народ, а не совокупность политико-территориальных образований – «Мы, народ Соединенных Штатов, с целью образовать совершенный Союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать всеобщему благоденствию и закрепить блага свободы за нами... провозглашаем и устанавливаем... Конституцию...».

После внесения незначительных поправок делегаты двенадцати штатов 17 сентября приняли участие в голосовании: из сорока двух, присутствовавших на тот момент в Филадельфии делегатов (напомним, что всего было избрано для участия в работе Конвента семьдесят четыре представителя, а Род-Айленд

²⁸⁸ Подробнее об этом см.: Framers of the Constitution... – P. 471-482.

вообще отказался от мероприятия), трое (Элбридж Джерри, штат Массачусетс, Эдмунд Рэндольф и Джордж Мэйсон от штата Виргиния) не пожелали своими подписями скрепить документ в одобренной большинством, участвовавших в заседании делегатов, редакции²⁸⁹. После этого подписанный учредительный акт – вместе с рекомендательным письмом – был, в соответствии со статьей IX «Статей конфедерации», направлен в союзный Конгресс для того, чтобы тот, в свою очередь, обратился к органам власти штатов с требованием созыва в кратчайший срок, избранных народом особых конвентов, для ратификации или отклонения новой Конституции. Как только в результате положительного решения, вынесенного конвентами девяти штатов – то есть 2/3 от их общего количества, Конституция будет признана легитимной, «Статьи конфедерации» перестанут действовать на всей территории страны. На наш взгляд, не будет большим преувеличением мысль о том, что, вынося вердикт о необходимости *принципиально иного, чем раньше* (особенно в период борьбы с гегемонией англо-британской метрополии), *понимания* о закономерностях, тенденциях, характере и специфике государственного строительства, делегаты Конвента были вынуждены, несмотря на преференции, иметь в виду то обстоятельство, что их решение – это всего лишь первый шаг к федеральной Конституции²⁹⁰.

²⁸⁹ Несмотря на внешне демократический характер учредительного акта, принятого 17 сентября 1787 года, нельзя не согласиться с тем, что «как всякая буржуазная конституция, выработанный конвентом... документ был классовым по своему характеру и ставил своей целью закрепить права и власть богатого меньшинства – владельцев собственности, в первую очередь крупных собственников...». Причем вывод исследователей не в последнюю очередь обусловлен тем мировоззрением, которое в основном господствовало среди участников Конвента: «Те, кто владеет собственностью, – констатировал один из наиболее активных делегатов Конвента Джеймс Мэдисон, – и те, кто ее не имеет, всегда представляли различные интересы в обществе. То же самое можно сказать о кредиторах и должниках. Земельные, промышленные, торговые и денежные интересы, а также интересы меньших групп неизбежно проявляются в цивилизованных нациях (интересно, почему об этом прямо не записать в конституции, чтобы у всех, кто не имеет собственности, навсегда исчезли какие-либо абстрактные иллюзии и надежды? – Э.Е.) и разделяют их на различные классы, руководствующиеся в своих действиях различными чувствами и взглядами. Регулирование этих неодинаковых и противоречивых интересов представляет собой основную цель современного законодательства...». – См.: The Federal Papers /Ed. by C. Rossiter. – N.Y.; L., 1961. – P. 79.

По мнению цитируемых выше ученых, «... суть дела заключалась в том, что подобное регулирование осуществлялось в интересах имущих классов, руками их представителей, отвергавших требования народных масс. Делегаты конституционного конвента, взявшие на себя миссию выработки нового законодательства, присвоили себе право регулировать интересы различных классов и групп населения строго в соответствии с интересами богатых собственников. В работе конвента и выработке конституции налицо было... отступление от практики революционных лет, когда важнейшие политические решения принимались в результате более или менее широкого обсуждения...». – Цит. по: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 183.

²⁹⁰ Наш вывод не противоречит точке зрения профессора В.В. Согрина: «... Делегаты не могли не учитывать... того, что подготовленный ими проект федеральной Конституции подлежит рассмотрению и утверждению, как

Исходя из того, что Конституция 1787 года относится к так называемым *либеральным*, в рамках которой, в отличие от *этактистских*, акцент сделан на регламентации организации властных институтов (подробно исследованных в отечественной и зарубежной научной литературе, что в значительной степени *избавляет нас от их детального анализа*, хотя позднее этому будет уделено соответствующее внимание), в завершении настоящего раздела полагаем, что целесообразнее, в контексте генезиса конституционно-правовых отношений, рассмотреть два важнейших вопроса, не нашедших необходимого отражения в итоговом тексте учредительного акта. Речь идет о *всеобщем избирательном праве и институте рабства*, ставших, своего рода, лакмусовой бумагой для выявления тех рецидивов, с которыми ассоциировались североамериканская модель демократии и процесс становления государственности.

Как ни парадоксально (особенно для страны и общества, являющихся в глазах народов, влачивших жалкое существование «под игом» авторитаризма и тоталитаризма, не чем иным, как «оплотом демократии»), но всеобщим – то есть *без каких-либо юридических легальных ограничений* по имущественным, гендерным, возрастным, расовым или этническим причинам – в Соединенных Штатах избирательное право стало (благодаря XV²⁹¹, XIX²⁹², XXIV²⁹³ поправкам, внесенным в первоначальный текст за период с 1870 по 1964 год) всего лишь спустя каких-то *сто восемьдесят четыре года* после вступления в законную силу Конституции, датой рождения которой считается 17 сентября 1787 года (и это с учетом того, что за короткий отрезок времени – с 1919 года по 1933 год –

минимум, двумя третями ратификационных конвенций штатов, которые должны были быть избранными всеми американцами, наделенными правом голоса. Многие среди рядовых избирателей сохраняли приверженность конституциям штатов, в которых делегаты Филадельфийского конвента усматривали явные «демократические излишества». С учетом этих обстоятельств проект Конституции не мог не вместить самых разнообразных компромиссов, и не случайно среди делегатов... Конвента особым спросом пользовались те, кто обладал даром находить утонченные формулировки, которые были приемлемы для большинства социальных групп и индивидуумов, вовлеченных в процесс принятия Основного закона...». – Цит. по: *Согрин В.В.* Исторический опыт США... – С. 103-104.

²⁹¹ Запретила ограничивать право голоса (причем, речь идет исключительно о мужчинах) по признакам расы, цвета кожи или прежнего состояния в рабстве (ратифицирована 3 февраля 1870 года).

²⁹² Запретила ограничивать право голоса по признаку пола (ратифицирована 18 августа 1920 года), таким образом, женщины были поражены в избирательных правах *сто тридцать три года*.

²⁹³ Запретила отказывать в праве на участие в федеральных выборах в связи с неуплатой избирательного или иного налога (ратифицирована 23 января 1964 года).

был введен и отменен так называемый «сухой закон», а вот чтобы женщины получили право избирать и быть избранными потребовалось сто тридцать три года)²⁹⁴. Последнее, естественно, не может не вызывать известных эмоций.

Справедливости ради нельзя не подчеркнуть, что проблемы, связанные с либерализацией избирательной системы, стали, более того, объективно не могли не стать (на уровне отдельных штатов при принятии конституций имели место во многом аналогичные процессы) предметом обсуждения как в рамках пленарных заседаний Конвента и комиссий по подготовке сбалансированного проекта, так и на страницах средств массовой информации. Тем не менее, и это следует признать, делегаты *предпочли проявить сдержанность* в данном вопросе, даже несмотря на то, что Бенджамин Франклин и ряд сторонников точки зрения одного из вождей североамериканской революции и борьбы за независимость рассматривали необоснованным ограничение избирательных прав имущественным цензом (он полагал, что правительство должно быть не чем иным, как слугой народа, действовать во имя и для народа²⁹⁵). И это при том, что в ряде штатов законодательные собрания пришли к заключению, что некоторые послабления в этой сфере (имеется в виду имущественный ценз²⁹⁶, в тех случаях,

²⁹⁴ По существу, в этом же ряду стоят XXIII (была ратифицирована 29 марта 1961 года, предоставив право жителям Федерального округа Колумбия участвовать в выборах президента) и XXVI (была ратифицирована 1 июля 1971 года, снизив возрастной избирательный ценз до восемнадцати лет), так что в общей сумме период либерализации избирательного законодательства представляет собой временной отрезок в *сто один год*, в том случае, если его началом рассматривать снятие запрета на осуществление избирательных прав с мужчин «colored people».

²⁹⁵ Например, в одном из выступлений Бенджамин Франклин (отдавая должное той огромной роли, которую народ сыграл в борьбе за независимость, внося колоссальный вклад в победу над метрополией) говорил о том, что «чрезвычайно важно, чтобы мы не унизили его достоинства и не причинили вреда духу народа...». – Подробнее см.: The Records of the Federal Convention of 1787. Vol. 2... – P. 120, 204-205.

²⁹⁶ Как отмечал представитель штата Коннектикут Элсворт, «... избирательное право – это исключительно деликатный вопрос, оно строго охраняется большинством конституций штатов. Народ не захочет поддержать конституцию страны, если она лишит его избирательного права...». – См.: The Records of the Federal Convention of 1787. Vol. 2... – P. 202. Ему вторил Джеймс Мэдисон, как и Бенджамин Франклин считавший, что как-либо реанимировать ограничения, основанные на имущественном цензе, как минимум, нецелесообразно по ряду причин, в том числе усматривая в этом посягательство на завоевания революции: «... Избирательное право – одно из основных условий республиканского правления...». – См.: The Records of the Federal Convention of 1787. Vol. 2... – P. 203.

Итак, мы видим, попытки вернуться (на законодательном уровне) к механизмам, действовавшим в колониальный период и на стадии перехода к суверенной государственности, если и не отторгались элитами полностью, то, по крайней мере, воспринимались в качестве решения, способного подорвать всю систему, в целом негативно отразившись на восприятии населением новой конституции. При этом нельзя забывать и о том, что, несмотря на снижение *имущественного ценза*, он продолжал действовать во многих штатах. Так, чтобы обладать правом участвовать в выборах в Массачусетсе и Нью-Гэмпшире необходимо было иметь собственность на сумму не менее 60 фунтов, в Коннектикуте – владеть недвижимостью не менее чем на 134 доллара или выплачивать налоги на сумму не менее 7 долларов. В штате Южная Каролина избирательное право было

когда речь шла о его снижении, а не об отмене) необходимы. Но *их голоса не были восприняты* большинством делегатов²⁹⁷.

В отличие от проблем, обусловленных противоречиями, вытекающими из трудно разрешимой дилеммы, составными элементами которой являлись *республиканизм* и *демократия* (прежде всего их соотношение и корреляция на уровне учреждений, в большей либо меньшей степени олицетворяющих в глазах правящих элит институциональные основы общественно-политической системы, функционирующей посредством механизмов *непосредственного* и *представительного* осуществления власти), вынудившей заинтересованные стороны, в конце концов, пойти на компромисс, отдав свой голос в поддержку Конституции 1787 года, *внеэкономическое принуждение* в форме рабства, так или иначе рассматриваемое в нескольких штатах (недоумение вызывает тот

предоставлено всем взрослым белым мужчинам, за исключением тех из них, кто не отвечал *цензу оседлости* (надо было прожить на территории штата не менее одного года), *не верил в Бога*, и *не владел землей* в размере 50 акров. В Северной Каролине и Виргинии избирательным правом обладали также белые мужчины, владевшие собственностью на сумму – не менее 10 фунтов. Наконец, чтобы обладать *пассивным* избирательным правом и иметь возможность баллотироваться в законодательное собрание, имущественный ценз во всех штатах был значительно выше. – Об этом см.: *Beard Ch.A. An Economic Interpretation of the Constitution...* – Р. 67-71.

²⁹⁷ Несмотря ни на что, ситуацию нельзя рассматривать полностью и однозначно провальной. Как, в целом, справедливо подчеркивает профессор В.В. Согрин, решение Конституционного конвента 1787 года о допуске к федеральным выборам всех североамериканцев (естественно, речь идет о белых мужчинах), наделенных избирательным правом в годы войны за независимость, и признание новой схемы избирательных округов «... означало закрепление важных политических нововведений революции и серьезный компромисс с мнением, господствовавшим в обществе. Конвент согласился с ним и тогда, когда признал принцип выборности всех органов власти, отмену монархического начала (оно поддерживалось некоторыми делегатами), занимавшего столь большое место в политической системе колониального периода. Признав *республиканизм* в качестве краеугольного камня американской политической системы, Конституционный конвент одновременно попытался отделить его от демократии и даже противопоставить ей. При этом под *демократией*, следуя классическим античным образцам (на что мы неоднократно обращали внимание ранее по тексту. – Э.Е.), понимали непосредственное участие народа в управлении государственными делами, а под республиканизмом – делегирование всей полноты власти народным представителям, отобранным с помощью выборов. Именно выборность и подконтрольность органов власти, а не механическое торжество воли большинства закреплялось Конвентом в качестве главной американской политической ценности. Отделив *республиканизм* от *демократии*, участники... сосредоточились на конструировании приемлемой модели американской федеральной республики...». – Цит. по: *Согрин В.В. Исторический опыт США...* – С. 104.

Соглашаясь с оценками одного из крупнейших специалистов по истории Соединенных Штатов, в то же время нельзя игнорировать тех фактов, которые, по существу, говорят сами за себя. Речь, в частности, идет о том, что «отделив республиканизм и демократию», имущие классы в процессе ратификации Конституции на уровне штатов не только «сосредоточились на конструировании приемлемой модели» республиканской формы правления, но и отказали в праве широким (неимущим и малоимущим) слоям населения высказать – через референдум или выборы делегатов ратификационных конвентов – свою точку зрения по проблемам государственного строительства. Так, по подсчетам американских исследователей, в поддержку Конституции 1787 года выступили 7/8 крупных предпринимателей и судовладельцев, 5/6 купцов и 2/3 практикующих юристов, на уровне штатов в пользу федерации подали свои голоса большинство крупных землевладельцев, плантаторов, ростовщиков, определенная часть фермеров и во многом зависевших от них мелких и средних арендаторов. Чтобы быть объективными, нельзя не учитывать и того, что в кругах ремесленников и рабочих новый учредительный акт также пользовался определенной поддержкой. – Подробнее см.: *Main J.T. The Antifederalists. Critics of the Constitution, 1781 – 1788.* – Chapel Hill, 1961. – Р. 249, 263, 268-270.

«странный» факт, что их количество не сокращалось, а перманентно росло, и составило *пятьдесят процентов* от общего числа образований, входивших в состав федерации к началу гражданской войны середины 60-годов XIX века) в качестве традиционного, системообразующего, компонента хозяйственной и социальной модели отношений, не могло быть проигнорировано и выведено за рамки обсуждения делегатами Филадельфийского конвента (так же, как и при обсуждении «Декларации независимости» и «Статей конфедерации»). Но и в этом случае достичь радикальных по своим последствиям решений так и не удалось, за исключением полного запрета ввоза рабов с 1808 года²⁹⁸.

В одном ряду с указанными коллизиями, для решения которых к тому времени *еще не сложились необходимые предпосылки*, стоит и проблема «Билля о правах», что послужило поводом к отказу рядом штатов подписать – вместе со всеми – согласованный вариант текста федеральной Конституции, в том числе, имея в виду то принципиальное обстоятельство (!), что к моменту одобрения инициативы о созыве в Филадельфии Конституционного конвента все тринадцать штатов, без исключения, *уже приняли* документы подобного рода. Парадокс состоит в том, что именно по этой причине авторы «проекта», вынесенного на обсуждение, посчитали нецелесообразным включать что-то аналогичное в новый учредительный акт (!?). Нельзя не согласиться с теми, кто посчитал такие «аргументы» не выдерживающими критики, в свою очередь, мотивируя необходимость имплементации базовых норм о правах и свободах (давно нашедших закрепление на уровне конституционного законодательства всех штатов) *вышей юридической силой общенационального акта*. При этом

²⁹⁸ Подчеркнем, что на уровне штатов вопрос отмены рабства встал уже при подготовке первых региональных конституционных актов или чуть позднее. Так, оно было отменено в Массачусетсе (1774 год), Род-Айленде и Коннектикуте (1784 год), а начиная с 1787 года – *во всех северных штатах*. Как отмечает, профессор В.В. Согрин, объясняя причины, помешавшие отмене внеэкономического принуждения, среди многих проблем, обсуждавшихся в рамках Конституционного конвента, «... выделялся вопрос о рабстве. Делегаты северо-восточных штатов, в которых рабство было осуждено и отменено революционными актами, должны были пойти на компромисс с представителями рабовладельческих штатов. Решение Конвента о запрете ввоза рабов на территорию США с 1808 года было уступкой мировоззренческим и политическим позициям свободных штатов, а сохранение на Юге рабства являлось уже уступкой социально-экономическим интересам рабовладельцев. Серьезной уступкой южным штатам явилось и предоставление им права расширенного политического представительства в нижней палате Конгресса США (для рабовладельческих штатов оно устанавливалось с учетом трех пятых численности подневольного негритянского населения)». – Цит. по: Согрин В.В. Исторический опыт США... – С. 107.

одним из критериев, дифференцировавших статус Конституции, одобренной 17 сентября 1787 года, и «Статей конфедерации», констатировался тот факт, что, в отличие от федеральной Конституции, где только народ, и никто другой, провозглашался источником власти, непосредственно от которого исходило требование о создании нового государства, «Статьи конфедерации» никак не ограничивали суверенитет и права штатов, принявших коллективное решение заключить между собой союз, делегировав последнему целый ряд публичных полномочий. Исходя из того, что Конституция 1787 как общенациональный акт высшей юридической силы объединила не штаты, а граждан страны, местные конституции «вторичны» по отношению к федеральной, поэтому включение в нее «Билля о правах» носило, по мнению противников приоритета «частного» – в виде «Биллей о правах» штатов – над «общим», обязательный характер²⁹⁹.

Подводя итоги «начальному» этапу генезиса конституционно-правовых отношений, в рамках которого был заложен фундамент феномена, известного как «западная» – либеральная – *модель демократии*, ставшая примером для подражания для народов, освободившихся от колониальной зависимости и выбравших путь самостоятельного развития (помимо тех государств, где в результате социальных революций был осуществлен переход к качественно иной общественной формации), нельзя не обратить внимание на несколько важнейших тенденций, обусловивших, вызвавших или спровоцировавших тот вектор *поступательного цивилизационного движения*, с которым в большей

²⁹⁹ Именно отсутствие в тексте Конституции 1787 года «Билля о правах» привело к тому, что в процессе ее ратификации штатами (длившейся в течение года после завершения работы Филадельфийского конвента, когда страна практически разделилась на «федералистов» и «унитаристов», или «антифедералистов»), многие из них согласились одобрить принятый учредительный акт лишь при условии внесения в него «Билля о правах» в виде поправок к первоначальному тексту. Авторам федеральной Конституции пришлось пойти на уступки и в кратчайший срок подготовить проект (здесь вновь огромную роль сыграл профессиональный юрист Джеймс Мэдисон) общенационального «Билля о правах». Документ в целом носил компилированный характер, так как первые восемь поправок, регламентировавших так называемые «неотчуждаемые права» (право собственности, свободу слова, печати и собраний, право на ношение оружия, неприкосновенность жилища, некоторые другие гражданские и политические права), были заимствованы из конституций штатов, в первую очередь Виргинии от 12 июня 1776 года, ставшей в свое время «примером для подражания» для многих других государственных образований. Две последних, так как «Билль о правах» включал в себя десять поправок, были подготовлены непосредственно Джеймсом Мэдисоном, и провозглашали, что полномочия, не закрепленные в Конституции 1787 года за федерацией, сохраняются за штатами или народом. Через два года поправки были ратифицированы штатами и стали важнейшей составной частью (структурно не войдя в основной текст) Конституции Соединенных Штатов. – Подробнее см., например: *Алебастрова И.А. Основы американского конституционализма*. – М.: Юриспруденция, 2001.

либо меньшей степени ассоциируется становление институтов, традиционно – в глазах современного обывателя – олицетворяющих собой «западный» стиль жизни, «западные» ценности и «западный» менталитет.

Во-первых, ложным представляется тезис, согласно которому процесс государственного строительства – при наличии национальной и региональной специфики, характерных черт и особенностей – в целом основывался на общих принципах и идеологемах, имел общую парадигму, базирующуюся на общих европейских корнях и общем историческом прошлом. Так, если во Франции и Англии преобразования, явившиеся закономерным последствием буржуазно-либеральных революций, были осуществлены, пусть и с разными конечными результатами, *при наличии полноценных суверенных государств*, письменная история которых насчитывала многие столетия, то, в отличие от них, в Новом Свете, в границах октроированных британской короной североамериканских колоний, *параллельно с генезисом конституционно-правовых отношений* в течение двух веков наблюдался достаточно динамичный и последовательный *процесс постепенного* – ускоряясь или временно замедляясь – *формирования* территориальных, институциональных и правовых *основ государственности нового типа*, впитавшей в себя «отличительные» черты рабовладельческих, феодальных, частно-корпоративных и тоталитарно-религиозных институтов. Иными словами, становление конституционно-правовых отношений в Старом и Новом Свете носило по целому ряду важнейших аспектов вариативный или самобытный характер, актуализированный предпосылками, сложившимися в соответствующих исторических, хозяйственно-экономических и политических условиях конкретной стадии цивилизационного развития указанных стран.

Не вызывает сомнений тот факт, что при осуществлении тех либо иных решений, представители *правлящих элит* и *отдельных социальных групп*, не могли не опираться на концепции, идеи и взгляды, господствовавшие (если не в общественном сознании, то, по крайней мере, в среде просвещенной части британского, французского и североамериканского общества) на тот момент, однако с большой степенью вероятности можно говорить о том, что в Старом и

Новом Свете (при том, что акцент делался на практику античного периода, о которой было хорошо известно из работ Платона и Аристотеля) преференции лежали на стороне, в одном случае *греческой демократии полисного типа*, в другом в качестве «аналога» предпочитали все-таки видеть представительные институты *римского образца*. Своего рода «новеллой», применимо к процессу теоретического обоснования соответствующих тенденций, сначала в Англии, а затем и в «заморских территориях» Северной Америки, стали догматические учения *религиозного содержания*, материализованные в Новой Свете в форме общин пилигримов и всех прочих диссидентов, заявивших – после получения октроированных королевских хартий – о строительстве в британских колониях нового, после Иерусалима, «Града на холме». Канонические нормы и правила поведения (ортодоксальность которых была возведена в абсолют), лежавшие в основе большинства колониальных актов, действовавших на их территории, с течением времени получили официальное юридическое закрепление в ряде положений кодифицированного законодательства, а затем и в конституциях.

Не менее «эксклюзивными» воспринимаются механизмы (с учетом того, как в революционной Франции радикальными методами пытались устранить сословные привилегии и феодальные рецидивы землевладения), вводившие в практику хозяйственного освоения тех североамериканских территорий, где господствовали архаика и *средневековые формы* общественных отношений, вытекавшие из «собственнического» статуса колоний, переданных монархией (реставрация которой придала своеобразный импульс процессу колонизации) под управление привилегированных групп англо-британской аристократии, где действовали учреждения, формируемые и контролируемые владельцами этих земель. Как и в ситуации с колониями частноправового, корпоративного, характера, созданных по инициативе торговых или промышленных компаний метрополии, приоритетной целью являлось не «благо народа», решившего в Новом Свете реализовать мечты о «свободе и справедливости», а *прибыль*, для достижения которой все средства (как легитимные, так и нелегитимные), в том числе рабство, были *приемлемы, допустимы и оправданы*. Именно по этой

причине ни о какой демократии – в полном смысле слова – речь не идет в принципе: какие бы органы ни функционировали, они осуществляли решения, исходившие от собственников земли или частной организации, а не народа.

Во-вторых, несмотря на *весьма противоречивый* характер некоторых тенденций, благодаря либо вопреки, в каждой из стран по-своему, которым генезис конституционно-правовых отношений был направлен на дальнейшую демократизацию и либерализацию взаимодействия правящих элит и широких слоев населения, пафос, прослеживающийся в оценках как англосаксонских, так и романо-германских государствоведов, не всегда и не во всем (!) имеет право на существование, особенно в тех случаях, когда преследуется никем не скрываемая цель – обелить многочисленные рецидивы, свидетельствующие о стремлении (не исключено, что выполняя политический и социальный заказ?) повлиять на общественное сознание и убедить электорат в исключительности «западной» модели демократии и непогрешимости тех представителей элит, с которыми, в контексте растиражированных в научной и публицистической литературе *стереотипов*, двойных стандартов и штампов, преимущественно ассоциируются английская, французская и североамериканская революции. Причем в одном ряду стоят не только «colored people» «Хижины дяди Тома» и религиозные диссиденты, подписавшие на борту «Мейфлауэр» знаменитое соглашение, но и Оливер Кромвель, утопивший Ирландию в крови католиков-ортодоксов, ставший незадолго до смерти лордом-протектором, и якобинцы, развязавшие массовый террор против населения собственной страны.

На этом фоне в пределах сравнительно-правового анализа юридических актов, государственных, политических, общественных, религиозных деятелей и событий все чаще и активнее предпринимаются попытки избежать вопросов (а priori «неудобных» с точки зрения возможного диссонанса с современными ценностями типа мультикультурализма, политкорректности и толерантности) о соотношении *целесообразности* и *законности* принимавшихся документов и различных по характеру решений, от поверхностного перечисления которых, не говоря уже об их содержании, количество претензий к адекватности и даже

качеству научных оценок и обобщений – чаще всего только возрастает. Вместе с тем, нельзя не сказать о том, что, наряду со снижением общего уровня работ, зарубежный компаративизм все еще не может не заслуживать уважения. Как ни странно, выводы большинства отечественных исследователей, в том числе и советского периода, при всей нарочитой идеологичности и соответствующей детерминированной аргументации, нередко отличаются стремлением выйти за узкие рамки классового подхода и взглянуть на вещи намного шире – сквозь призму общецивилизационного развития, важной составной частью которого является процесс государственного строительства крупнейших либеральных демократий, как известно, имеющих во многом уникальный опыт *адаптации национальных правящих элит* к время от времени возникаемым социальным вызовам, политико-правовым новациям и мировоззренческим коллизиям.

В-третьих, сравнительно-правовой анализ источников показывает, что демократия в светском – и при монархической, и при республиканской модели правления – и религиозном понимании той части британского, французского и североамериканского общества, которая стремилась реализовать на практике идеи «кабинетных» ученых, *не воспринималась как форма народовластия* и важнейший фактор конституционно-правовых отношений. Непосредственная демократия, если и использовалась при выборах, то ограничивалась большим числом заградительных цензов, не позволявшим определенным категориям взрослого населения принять участие в формировании органов власти, в связи с чем демократия нередко приобретала характер охлократии, когда на улице, а не на «избирательных участках» народ пытался вступить в прямой диалог с теми, в чьих руках концентрировались публичные полномочия и контрольные прерогативы. При *внешней* демократичности процедур (так как с формально-юридической точки зрения (!?) «избирались» все структурные подразделения институциональной вертикали, в том числе судьи), процесс *вообще никак* не затрагивал тех, кто не отвечал необходимым требованиям. Именно на стадии перехода к буржуазно-либеральной системе публичных отношений получили законодательное закрепление электоральные механизмы, известные до сих пор в

качестве «коллегий выборщиков», *еще больше тормозившие введение* в исследуемых странах *всеобщего избирательного права*.

При наличии целого ряда цензов, действовавших не только в отношении активного, но и пассивного избирательного права, *проблематично* оценивать (в контексте народовластия) высшие органы государственной власти – какую бы из ветвей мы ни взяли в виде наглядной иллюстрации – вне социального состава британского, французского и североамериканского общества, так как появление (даже в Палате общин парламента Соединенного Королевства и в Палате представителей федерального конгресса) в депутатском корпусе тех, кто не олицетворял собой институт частной собственности и не владел тем или иным имуществом, позволявшим избирать и быть избранным, можно считать, скорее всего, *исключением из общего правила*, о чем, в какой-либо степени, свидетельствует период Первой республики во Франции. Если же обратиться к процессу легитимации представительных конвентов, в рамках которых были в Соединенных Штатах одобрены «Декларация независимости», конституции большинства штатов, «Статьи конфедерации», Конституция 1787 года, а затем осуществлена ратификация последней, то мы – вряд ли сумеем опровергнуть тезис, согласно которому в самом либеральном государстве в течение долгого времени действовала *одна из наиболее недемократических* избирательных систем, часть механизмов которой сформировалась в колониальный период и с большим трудом поддавалась последующему реформированию.

Если, критически оценивая учредительные акты (выводя за скобки те из них, с которыми был связан период «индепендентской» республики в Англии, так как после восстановления монархической формы правления многое стало достоянием британской истории, как и документы протектората) «начальной» стадии буржуазно-либеральных преобразований, акцентировать внимание на то, каким образом конституционное законодательство, декларируя известный перечень прав и свобод «первого поколения», преимущественно обладавших «неотчуждаемым» статусом, *вводило в заблуждение* большинство населения, провозглашая «народ» источником и носителем власти. Некорректность и в

какой-то степени абсурдность констатаций подобного рода бросаются в глаза даже при беглом прочтении соответствующих статей, закреплявших перечень требований, которым должны были неукоснительно отвечать потенциальные избиратели (или, как во Франции, «активные граждане»), не говоря о практике их применения. Под понятие «народ» не попадали огромные массы людей, в процентном отношении превышавшие, судя по всему, *не менее половины* (и это по самым «скромным» подсчетам) *дееспособного населения*, легитимным образом лишенного возможности реализовать себя в качестве полноценного источника власти – либо непосредственно, либо через своих представителей в государственных и муниципальных учреждениях.

По существу, *единственное*, что не вызывает каких-то принципиальных возражений, так это то, как на практике – с учетом национальной специфики и конституированной формы правления – была *воплощена фундаментальная идея*, красной нитью проходившая сквозь трактаты античных философов и их многочисленных западноевропейских последователей, о разделении властей и системе сдержек и противовесов, тем самым, *окончательно закрыв вопрос о возрождении*, несмотря на реставрацию монархии (на непродолжительный период, как во Франции, или навсегда (!?), как в Соединенном Королевстве), *абсолютистско-феодальной модели* государственного устройства, благодаря чему у правящих элит появились вполне реальные возможности, естественно, при наличии необходимых для этих целей предпосылок, со временем начать преобразование наиболее проблемных областей общественных отношений, в рамках которых в Старом и Новом Свете *традиционно* ущемлялись права, свободы и законные интересы широких слоев населения. Впрочем, нельзя (!?) обольщаться тем фактом, что каждая из ветвей (при *доминировании органов представительного характера*, обладавших таким мощным инструментом воздействия как импичмент, одновременно с отсутствием у депутатов какого-либо императивного мандата) была абсолютно независима от всех остальных, главное, что любая из них *не несла ответственности перед народом*.

В-четвертых, абстрагируясь от выводов и обобщений, к которым автор пришел в результате сравнительного историко-правового анализа, нельзя не констатировать, что отдельные элементы предпосылок, причем в целом ряде случаев достаточно принципиальных, системно-институционального кризиса «западной» демократии, наблюдаемого в последние годы в Старом и Новом Свете предельно отчетливо и контрастно, проявились, как ни парадоксально, *на стадии перехода* к новой, буржуазно-либеральной, модели общественных отношений. Другими словами, уже в самом факте слома «старой», архаичной – феодальной – системы и трансформации политического режима в «новое» – буржуазное – качество, были заложены, условно говоря, «мины замедленного действия», спусковой механизм которых (только теперь (!?) становится вполне очевидным, что их необратимый алгоритм носил, судя по всему, объективный характер) сработал через много лет, на рубеже XX – XXI веков. Предпосылки и «отличительные» черты наиболее одиозных и специфических «родовых язв» либеральной модели демократии – от расизма, рабовладения и сегрегации до колониализма, «бремени белого человека», нацизма и фашизма – как *de jure*, так и *de facto* получили свое развитие и актуализацию именно на стадии слома и последующей ликвидации одной практики взаимодействия правящих элит, аффилированных с ними господствующих классов и широких слоев населения и формирования другой, не только качественно иной и более декларативной с политико-правовой точки зрения, но и гипотетически менее предсказуемой, если речь идет о фундаментальных тенденциях исторического процесса.

Лишь на первый взгляд может показаться, что становление и развитие «западной» модели демократии, *традиционно ассоциируемой* (справедливо или нет – другой вопрос) с одной из форм народовластия, протекало именно так, как это описано в либеральных учебниках по истории государства и права, невзирая на то существенное обстоятельство, о котором не принято говорить, что «желаемое» нередко, ни в целом, ни в деталях, не соответствовало тому, что наблюдалось в действительности, каких бы проблем – расовых, этнических или гендерных – не касаться в этой связи. Однако то, что когда-то казалось или

воспринималось в виде социальных и иных «язв» либо неких «сопутствующих рецидивов», характерных для переходных этапов исторического процесса, со временем трансформировалось в симптомы «цивилизационной пандемии», охватившей ведущие государства «коллективного Запада», олицетворением и овеществлением которой становятся стагнация общественных отношений и постепенная деградация действующих политических систем, корни которых, в большей либо меньшей степени, лежат в прошлом, без критического анализа которых, как показывает практика, любое исследование обречено на провал.

ГЛАВА 2. ДЕМОКРАТИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. Эволюция представлений о народовластии в условиях актуализации буржуазного государства и права

Мы не будем далеки от истины, если выскажем предположение о том, что XIX век, получив эстафету от своего предшественника, ознаменованного, в большей или меньшей степени, двумя событиями – французской революцией и суверенизацией бывших североамериканских колоний, объединившихся в единое федеративное государство, *последствия которых ощущались многие десятилетия*, со значительной долей вероятности (после известных событий, связанных с резким обострением «информационной войны», развязанной в отношении нашей страны так называемым «коллективным Западом» и его сателлитами, «терминологию» подобного рода хотелось бы (!) воспринимать буквально, без каких-либо домыслов и политико-правовых подтекстов) может рассматриваться периодом, существенным образом укрепившим фундамент феномена, известного как «западная» модель демократии, *придав ему черты и свойства, не наблюдавшиеся на стадии генезиса конституционно-правовых отношений*. Более того, не будет преувеличением предположение о том, что в течение именно этого столетия были *созданы предпосылки*, позволившие в итоге *осуществить переход* к новому этапу цивилизационного развития. При этом, характеризуя соответствующие тенденции, обусловленные спецификой процесса государственного строительства, нельзя не учитывать тот факт, что ни о каком прямом или косвенном сопоставлении Соединенного Королевства, Франции и Соединенных Штатов того времени с их «современным образом», созданным не только средствами массовой коммуникации и беллетристикой, но и работами профессиональных компаративистов, не может быть и речи, так как

их, помимо официального названия, *объединяет немного*, если иметь в виду институты, ассоциируемые с конкретной формой народовластия³⁰⁰.

Вне всякого сомнения, идеи и концепции, первично сформулированные античными философами, получившие дальнейшее развитие и интерпретацию в трактатах крупнейших европейских мыслителей позднего Средневековья и Нового времени, при всей их фундаментальности, начинают утрачивать когда-то незыблемые позиции и непререкаемый авторитет, так как не всегда и не во всем давали адекватные ответы на те вопросы, которые возникали в процессе слома архаичной феодально-абсолютистской «надстройки» (не говоря уже о «базисе»: в зависимости от социального статуса национальных правящих элит к его модернизации и реформированию подходили с вариативной степенью радикализма). Парадокс состоит в том, что, имея возможность осуществить на практике *полноценное, а не декларативное народовластие*, все те, кто собой олицетворял легитимных представителей «носителя суверенитета», не очень спешили претворять в жизнь лозунги о «свободе, равенстве и братстве» (или о

³⁰⁰ Пытаясь объяснить, «... каким образом (после того, как Голландия объективно утратила сколько-нибудь значимую политическую роль. – Э.Е.) Великобритания взяла на себя лидерство и почему это было следствием не более передовых экономических структур (как обычно утверждается), а того факта, что в силу различных причин британское государство было сильнее французского (опять же, вопреки общепризнанной точке зрения)», Иммануил Валлерстайн делает следующие выводы, которые, с некоторыми непринципиальными оговорками, нельзя не поддержать: «... Широко распространенное представление относительно конца XVIII – начала XIX веков как о периоде экономической и географической экспансии капиталистического мира-экономики обычно связывается с неким феноменом, называемым «промышленной революцией», или же, как часто говорят, «первой промышленной революцией», которая, предположительно, произошла в Англии. Я полагаю, – подчеркивает автор фундаментального труда, посвященного процессу поэтапного формирования либерального государства, – что в эвристическом смысле данная концепция исходно имела две слабости. Во-первых, не было – да и не могло быть – отдельных «промышленных революций» в разных странах, ведь если нечто подобное и было, то это должен был быть феномен капиталистического мира-экономики как целого... во-вторых, несмотря на то, что ход событий в данный период действительно отражал восходящий импульс в механизации и стоимости продукции в рамках всемирного производства, это было не более значимым явлением, чем несколько предшествующих и несколько последующих подобных импульсов...».

Достаточно оригинальной и логичной выглядит характеристика взглядов на французскую революцию и те разнообразные последствия, которые она оказала на весь последующий ход исторического развития: «... Масштабная литература об этом «событии» в настоящее время состоит из работ сторонников его социальной (или классической) интерпретации, которая была столь заметна на протяжении долгого времени, и работ сторонников либеральной (или ревизионистской) интерпретации, которые весьма усилились в последней трети XX века. Однако мое утверждение заключалось в том, что обе эти интерпретации были ошибочными, поскольку и та, и другая фокусировали внимание на явлениях, внутренних для Франции, и на характере тех изменений, которые происходили во французских государственных и экономических структурах...». Точка зрения цитируемого исследователя заключалась в том, что французская революция «была составной частью и следствием последней фазы британско-французской борьбы за преемственность в мир-системной гегемонии – борьбы, которая, конечно же, была выиграна англичанами. При этом внутренние изменения во Франции, произошедшие в результате революции, были куда менее фундаментальными, нежели обычно считается...». – Цит. по: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789 – 1914 /Пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – С. XV.

том, что «люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся... свобода и стремление к счастью...»), аргументируя свои действия либо *преждевременностью*, либо *нецелесообразностью* перехода к тем механизмам демократии, посредством которых «источник власти» мог бы ее реализовать. Отдавая себе отчет в том, что подобное не может длиться до бесконечности («в случае, если какая-либо форма правительства становится губительной..., народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство»), правящие элиты идут на все, лишь бы кардинально не менять существующее положения дел³⁰¹.

Вполне естественно, что одним из важнейших направлений, в рамках которого были, условно говоря, материализованы изменения традиционных – в рамках соответствующего мировоззрения – взглядов на государство и право, в

³⁰¹ По мнению Иммануила Валлерстайна, определенная неадекватность «требованиям дня» стала проявлять себя уже в процессе первых буржуазных революций и переходе к государственности качественно нового типа: «... Французская революция легитимировала представление о нормальности политического изменения, а также идею, что носителем суверенитета является не суверен, а народ. Последствия этой пары убеждений были многообразны. Первым из них было создание... трех идеологий Модерна: консерватизма, либерализма и радикализма». Ученый считает, что «центристский либерализм оказался способен «укротить» две другие идеологии и одержать триумф на протяжении XIX столетия. Затем это позволило создать либеральные государства, прежде всего в двух наиболее сильных странах того времени – Великобритании и Франции...». – Об этом см.: *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789 – 1914... – С. XVII.

частности, их функций³⁰², целей³⁰³ и задач³⁰⁴, становится *поиск парадигмы*, гипотетически способной дать ответы на наиболее острые вопросы «повестки дня», возникшие – закономерно или случайно – в результате преобразований, тем либо иным образом обусловленных революцией, гражданской войной и их социально-экономическими и политическими последствиями.

При этом мы должны учитывать то обстоятельство, что многое, ставшее предметом и объектом научного анализа (на новом витке цивилизационного развития), опиралось на взгляды, сформировавшиеся еще «в преддверии» тех событий, или, как в случае с Соединенным Королевством, в течение более длительного периода, вызванного ликвидацией и реставрацией монархии, а в Соединенных Штатах – борьбой за независимость, созданием конфедерации и ее

³⁰² Как отмечал задолго до французской революции Франсуа Мари Вольтер, влияние (прямое или косвенное) которого на развитие общественно-политической мысли Старого и Нового Света, как минимум, нескольких поколений трудно переоценить, «... законы, касающиеся справедливого распределения благ, часто бывают подготовлены столь же скверно, как и ресурсы обремененного долгами правительства. Поскольку все люди обладают одними и теми же страстями, одной и той же приверженностью к свободе, поскольку почти каждый человек являет собой сочетание гордости, алчности, корысти, великой склонности к сладкой жизни и беспокойства, требующего активной деятельности, то не должны ли они все иметь одни и те же законы, подобно тому как в госпитале потчуют одинаковой хиной всех больных, страдающих перемежающейся лихорадкой? На это обычно отвечают, что в достаточно цивилизованном госпитале каждая болезнь имеет свое специфическое лечение; однако это не относится к нашим правительствам: все народы больны нравственно, но нет даже двух режимов, – жестко констатирует один из крупнейших западноевропейских просветителей второй половины XVIII века, выводы которого не утратили актуальности в контексте таких «ценностей», как политкорректность, мультикультурализм и толерантность, – кои походили бы друг на друга. Законы любого рода, предназначенные быть лекарством души, почти всюду составлены шарлатанами, лечащими нас полумерами; некоторые же из этих шарлатанов прописывают нам яды. Если одна и та же болезнь охватила весь мир, если какой-нибудь баск испытывает столь же великую алчность, как некий китаец, ясно, что требуется один и тот же режим и для китайца, и для баска... Истина всюду одна, законы же между собой расходятся; поэтому-то большинство законов не стоят ломаного гроша...». – Цит. по: *Вольтер, Франсуа Мари. О феноменах природы* //Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 379-380.

³⁰³ Например, один из апологетов утопического коммунизма, характеризуя законодательство своего времени и основополагающие принципы, на которых оно создавалось и действовало, подчеркивал: «... Чудовищное разнообразие правительственных форм, законов и нравов на земле – зрелище, способное забавлять людей легкомысленных, но удручающее людей мыслящих, убедившихся..., что человеческим родом всегда управляла какая-то слепая и капризная судьба. Каждый хотел создать себе счастье по своей прихоти и искал его то в роскоши и наслаждениях, то в алчности и изнеженности, то в угнетении других и в подобных же безумствах, а природа, установившая иной порядок вещей, насмеялась над нашими нелепыми затеями. Она наказала нас за наши заблуждения; почти все народы сделали жертвами неразумных законов, которые они сами себе создавали... Тысячи жестоких революций уже тысячи раз меняли лицо земли и уничтожали величайшие империи, и тем не менее столько раз повторявшийся опыт не заставил нас заподозрить, что мы ищем счастье там, где его нет». – Цит. по: *Мабли, Габриэль Бонно. О законодательстве, или принципы законов* //Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 397.

³⁰⁴ По мнению английского философа и правоведа, приверженца принципа скептицизма Давида Юма, «хотя государственная власть является очень выгодным, а при некоторых условиях даже абсолютно необходимым для человечества изобретением, однако она не при всех условиях необходима; и нет ничего невозможного в том, чтобы люди в течение некоторого времени сохраняли общественный строй, не прибегая к подобному изобретению...». – См.: *Юм, Давид. Трактат о человеческой природе* //Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 412. Критический анализ работ см.: *Коркунов Н.М. История философии права...* – С. 353-498.

трансформацией в федерацию, с которыми связаны «эксцессы», никак не учтенные «кабинетными» учеными, как правило, абстрактно рассуждавшими о перспективах какой-либо из форм правления, и приведшие в ужас тех из них, кому пришлось непосредственно столкнуться с террором Оливера Кромвеля, акциями североамериканских «повстанцев» и якобинской диктатурой.

Так, ушедший из жизни незадолго до революции 1789 года французский философ и просветитель Поль Анри Гольбах писал в своей знаменитой работе «Естественная политика, или беседы об истинных принципах управления», до сих пор, если учитывать перманентное снижение профессионального уровня многих официальных представителей евроатлантических правящих элит, не утратившей актуальности: «... Политика – это искусство управлять людьми или заставлять их содействовать сохранению и благополучию общества. Можно не сомневаться в том, что искусство делать народы счастливыми является самым благородным, полезным и достойным занятием (видимо, по этой причине по пальцам одной руки, *при этом надо хорошо постараться*, так как перечень ограничен, можно пересчитать тех, кто в последнее десятилетие соответствует данному критерию?! – Э.Е.) для человека с добродетельной душой; оно всегда было предметом размышлений философов, разумных граждан и государей, проникнутых сознанием своего долга. Мы можем определить политику как опыт, которым руководствуются при управлении государством и определении его потребностей. В частной жизни гражданин должен лишь следить за самим собой и упорядочивать собственное поведение (чего так не хватает той части западноевропейского и североамериканского общества, с которой чаще всего ассоциируется публичная власть и ее важнейшие учреждения!? – Э.Е.), чтобы выполнять свои обязанности и трудиться над обеспечением своего счастья; люди же, поставленные судьбой во главе государства, должны следить как за самими собой, имея в виду, что их личное поведение существенным образом влияет на общество в целом, так и за тем, чтобы сдерживать или направлять различные интересы, противоречивые страсти множества людей, слишком часто лишенных

опыта и разума;... должны стремиться объединить интересы народов и государей, управляя ими посредством убеждения...»³⁰⁵.

Не менее «современными», в том числе для правящих элит, получивших власть в результате слома старых политических систем, выглядят и следующие рассуждения цитируемого автора (при условии, что возраст текста превышает срок существования «оплота и защитника» демократии): «... Править народом – значит удерживать в равновесии его страсти, подавлять те из них, которые могут привести к опасным последствиям, и направлять на пользу государству те, которые могут быть полезны. Но страсти народов, как и страсти отдельных индивидов, бесконечно разнообразны (не исключено, что здесь лежат корни тех процессов, с которыми связаны тенденции *дехристианизации* континента и *возведения в непререкаемый абсолют* таких «европейских ценностей», как политкорректность, мультикультурализм и толерантность, крах которых давно уже стал очевидным, и с чем никак не хотят согласиться наиболее радикально настроенные «апологеты»?! – Э.Е.); причиной их возникновения, сохранения и видоизменения являются законы, обычаи и в особенности убеждения людей, нередко более сильные, чем природа, разум и законы, и подчас создающие непреодолимые препятствия для самой мудрой политики. Эти страсти, равно как и соответствующие им наклонности, укоренившиеся благодаря привычке в душах индивидов, составляют, так сказать, темперамент народа (именно по этой причине гильотина в центре Парижа работала без остановки в течение нескольких лет, от индейцев избавлялись посредством «договоров виски» и «чумных одеял», а в концентрационных лагерях национал-социалистической Германии в печах крематориев были сожжены миллионы евреев?! – Э.Е.); этот темперамент не может быть одинаков для всех обществ...».

Было бы чрезвычайно любопытно посмотреть, как евроатлантические – национальные и наднациональные – правящие элиты восприняли бы в итоге вывод одного из крупнейших просветителей своего времени: «... Поэтому

³⁰⁵ Как мы знаем, лидеры французской революции предпочли совсем другую «методологию».

просто смешной и легкомысленной была бы попытка управлять всеми человеческими обществами с помощью одних и тех же законов (как же тогда быть с Европейским союзом, где регулируется буквально все, вплоть до сорта и запаха цветов?! – Э.Е.); безумием было бы предписывать политике что-либо, кроме самых общих правил; в практической деятельности регламентация всех частных управлений сплошь и рядом вела бы к ошибкам и приносила бы вред, а непредвиденные обстоятельства постоянно делали бы... предписания бесполезными. Управлять всеми людьми исходя из одних и тех же правил было бы столь же неразумно, как лечить все болезни, пользуясь одним методом, или предписывать всем людям один и тот же жизненный план...»³⁰⁶.

Наконец, не избежать вопросов (риторический характер которых вполне очевиден и для XIX, и для XXI века), по каким причинам пришедшие к власти в Соединенном Королевстве, Франции и Соединенных Штатах общественно-политические группы *действовали совсем не так*, как предполагал Поль Анри Гольбах и многие другие мыслители, в той или иной степени разделявшие его убеждения, *перманентно игнорируемые* правящими элитами по обе стороны Атлантического океана (итоги хорошо известны: если в случае с Соединенным Королевством или Францией речь идет о формировании за счет различных «заморских территорий» колониальных империй, в случае с Соединенными Штатами – захват регионов, подконтрольных Испании и Мексике, в результате чего последняя в общей сумме утратила почти половину своей территории от Калифорнии до Техаса и Флориды): «... В самом деле, существуют государства, которые в силу особенностей развития и географического положения склонны к воинственности; другим же более необходим покой и мир. Одни, будучи окружены несправедливыми и могущественными соседями, должны быть всегда готовы дать отпор любому, кто нарушит их благополучие; другие вынуждены из-за бесплодности своих земель искать в мирной торговле источники обеспеченности, в которых им отказала природа, и соседние государства

³⁰⁶ Об этом см.: Гольбах, Поль Анри. Естественная политика, или беседы об истинных принципах управления // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 461-462, 463.

снабжают их плодами своей более плодородной земли. Народы различаются также по протяженности, занимаемой их странами территории: у одних – она обширна, другие сжаты в тесных границах; одни занимают морское побережье, другие не имеют водных пространств; одни защищены естественными, другим оплотом могут служить только собственные силы; одни, будучи вынуждены трудиться в суровых климатических условиях, ведут борьбу с природой и в силу этого становятся крепче, активнее...; другие живут в условиях благоприятного климата и, удовлетворяя свои потребности с большей легкостью, предаются расслабляющей изнеженности и бездействию; одни трудятся, чтобы улучшить свой удел, другие дремлют, наслаждаются и теряют всякую энергию... Следовательно, *одно и то же законодательство не может подходить всем народам*, которых природа и обстоятельства сделали столь несходными, потребности которых столь различны, а убеждения столь далеки друг от друга. Политика должна управлять такими людьми, какими они бывают в действительности; законы должны иметь в виду те обстоятельства, в которых люди находятся в настоящее время. Самая просвещенная мудрость может лишь возвратить народы к природе, когда растленность нравов (в ее *максимально широком* социальном и мировоззренческом контексте. – Э.Е.), убеждений и обычаев отдалила их от нее...»³⁰⁷.

Волей-неволей складывается впечатление, что если бы подобную точку зрения не проигнорировали *безапелляционным* (в противном случае, можно было бы, видимо, рассчитывать, не забывая о сослагательном наклонении, на более прогнозируемые последствия) *образом*, совершенно не исключено, что процесс государственного строительства в Старом и Новом Свете протекал не в таких экстремальных условиях, как, например, в той же провинции Вандея, где будущий французский император картечью усмирал протестующих, или в Виргинии и всех остальных рабовладельческих штатах, где внеэкономическое принуждение в форме рабства в течение многих лет рассматривалось не чем

³⁰⁷ Цит. по: Гольбах, Поль Анри. Естественная политика, или беседы об истинных принципах управления // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 463-464.

иным, как легитимной основой благосостояния белого населения³⁰⁸. С учетом сказанного, корректен или абсурден вопрос о том, была ли все-таки, если не у пришедших к власти правящих элит и близких к ним социальных групп, то, по крайней мере, у просвещенных слоев общества, потребность в *переоценке*³⁰⁹ и концептуальном *переосмыслении* тех принципов конституционно-правовых отношений, которые легли в основу новых политических систем? Может быть, рецидивы революционных десятилетий каким-то образом сместили акценты, не позволив воплотить на практике идеи, долгие годы, пылившиеся на полках университетских библиотек, в ожидании того, что и на них когда-нибудь будет обращено внимание, или, несмотря ни на что, пришло время новых доктрин?

Одним из тех, кто попытался, критически проанализировав тенденции, предложить что-то оригинальное (не отказываясь от научного наследия своих предшественников), стал родоначальник классической немецкой философии профессор Кенигсбергского университета Иммануил Кант, внесший большой вклад в дальнейшее развитие теории «народного суверенитета» (верховой

³⁰⁸ К чему это в конце концов привело подробнее см.: *Черчилль Уинстон С.* История англоязычных народов. Т. 4. Великие демократии /Пер. с англ. О. Мичковского. – Екатеринбург: Гонзо, 2012. – С. 174-187.

³⁰⁹ Например, французам, пережившим революцию, массовый террор и термидор, было о чем подумать, так как имеющиеся свидетельства об «эксцессах» и «рецидивах», которыми все это сопровождалось, говорят о многом. На фоне того, с какой скоростью (забыв о тех зверствах и бесчисленных человеческих жертвах, с которыми ассоциируется германский тоталитаризм) в Европейском союзе реанимируется национализм всех мастей, в общественном сознании сторонников пресловутых однополых браков и растущих как грибы после дождя различных «меньшинств» практически уже не осталось места для информации такого рода: «Отметим еще одну или, вернее, две вещи, – пишет в своей монографии, посвященной французской революции, Томас Карлейль, описывая то, *о чем теперь не принято вспоминать*, – не более: белокурые парики и кожевенное производство в Медоне. Много было толков об этих белокурых париках (*peruques blondes*). О читатель, они сделаны из волос гильотинированных женщин! Локоны герцогини (видимо, стричь женщин, вся вина которых состоит лишь в их гендерных отличиях от мужчин, является неким атрибутом «победителей», так как точно также поступили после Второй мировой войны с теми француженками (их всех постригли наголо), которые в той либо иной форме имели личные или групповые «контакты» с германскими оккупантами. – Э.Е.), таким образом, может быть, случится покрывать череп кожевника; ее белокурому германскому франкизму – его черный галльский затылок, если он плешив. Или, быть может, эти локоны носят с любовью, как реликвии, делая носящего подозрительным? Граждане употребляют их не без насмешки весьма каннибальского толка. Еще глубже поражает сердце человека кожевенная мастерская в Медоне, не упомянутая среди других чудес кожевенного дела! «В Медоне, – спокойно говорит Монгайяр, – существовала кожевенная мастерская для выделки человеческих кож; из кожи тех гильотинированных, которых находили достойными обдиранья, выделялась изумительно хорошая кожа наподобие замши» (как мы видим, у национал-социалистов были высоко профессиональные учителя. – Э.Е.), служившая для брюк и для другого употребления. Кожа мужчины, добавляет он, превосходила прочностью и иными качествами кожу серны; женская же кожа почти ни на что не годилась – ткань ее была слишком мягкой! История, оглядываясь назад, на каннибализм от пилигримов... и всех ранних и позднейших упоминаний о нем, едва ли найдет в целом мире (и они еще учат всех нас демократии! – Э.Е.) более отвратительный каннибализм. Ведь это утонченный, изощренный вид, так сказать *perfidie*, коварный! Увы! Цивилизация все еще только внешняя оболочка, сквозь которую проглядывает дикая, дьявольская природа человека...». – Цит. по: *Карлейль Т.* История французской революции... – С. 504-505.

власти народа), обосновав в работе «Метафизика нравов», датируемой 1797 годом, метафизические начала учения о праве. Не менее фундаментальными, с концептуальной точки зрения, можно рассматривать его идеи о «правовом государстве» и «гражданском обществе», без которых теперь немислимы ни конституции, ни аналогичные учредительные акты большинства государств с республиканской – и даже монархической – формой правления.

На первый взгляд, кажется, что каких-либо принципиальных «новелл» в представлениях ученого найти весьма трудно, однако это очень обманчивое впечатление: «... Государство (*civitas*) – это объединение множества людей, подчиненных правовым законам. Поскольку эти законы необходимы как априорные законы, то есть как законы, сами собой вытекающие из понятий внешнего права вообще (а не как законы статутарные³¹⁰), форма государства есть форма государства вообще, то есть государство в *идее*, такое, каким оно должно быть в соответствии с чистыми принципами права, причем идея эта служит путеводной нитью (*norma*) для любого действительного объединения в общность (следовательно, во внутреннем). В каждом государстве (здесь, как мы видим, прослеживается преемственность во взглядах с другими авторами, акцентировавшими особое внимание на принципе разделения властей. – Э.Е.) существует три *власти*, то есть всеобщим образом объединенная воля в трех лицах (*trias politica*³¹¹): *верховная власть* (суверенитет) в лице законодателя, *исполнительная власть* в лице правителя (правлящего согласно закону) и *судебная власть* (присуждающая каждому *свое* согласно закону) в лице судьи (*potestas legislatiorial, rectoria et iudiciaria*), как бы три суждения в практическом силлогизме: большая посылка, содержащая в себе *закон* всеобщим образом объединенной воли; меньшая посылка, содержащая в себе *веление* поступать согласно закону, – подчеркивает исследователь, – то есть принцип подведения

³¹⁰ Речь, судя по всему, идет о специфике англосаксонских источников конституционного права, где актам парламента (статутам и биллям), в общем объеме превышающим несколько тысяч документов, принадлежит существенная, но не всегда первостепенная, решающая роль, в отличие от судебных решений.

³¹¹ В данном случае, видимо, философ имеет в виду обобщающую институциональную персонификацию.

под эту волю, и вывод, содержащий в себе *судебное решение*... относительно того, что в данном случае соответствует праву...»³¹².

Рассуждая о статусе и той роли, которую играют в политической системе все три ветви власти, философ (чувствуется, что мимо него не прошли ни акты конституционно-правового характера, ни крупнейшие исследования как пред, так и послереволюционного времени) отмечает: «... *Законодательная* власть может принадлежать только объединенной воле народа. В самом деле, так как всякое право должно исходить от нее, она непременно должна быть не в *состоянии* поступить с кем-либо не по праву. Но когда кто-то принимает решение в отношении *другого лица*, то всегда существует возможность, что он тем самым поступит с ним не по праву; однако такой возможности никогда не бывает в решениях относительно себя самого (ибо *volenti non fit iniuria*³¹³). Следовательно, – делает вывод Иммануил Кант, характеризуя единственного, с правовой точки зрения, носителя государственного суверенитета, – только согласованная и объединенная воля всех в том смысле, что каждый в отношении всех и все в отношении каждого принимают одни и те же решения, стало быть, только всеобщим образом объединенная воля народа, может быть законодательствующей... Объединенные³¹⁴ для законодательства члены такого общества (*societas civilis*), то есть государства, называются *гражданами* (*cives*), а неотъемлемые от их сущности... правовые атрибуты суть: основанная на

³¹² Цит. по: Кант, Иммануил. Метафизика нравов // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 478. В контексте рассматриваемых нами проблем государства и права, чрезвычайно актуальным и востребованным видится следующий вывод выдающегося западноевропейского мыслителя: «... Разрабатываются ли знания, которыми оперирует разум, на верном пути науки или нет, можно легко установить по результатам. Если эта разработка после тщательной подготовки и оснащения оказывается в тупике, как только дело доходит до цели, или для достижения этой цели вынуждена не раз возвращаться назад и пролагать новые пути и если невозможно добиться единодушия различных исследователей в вопросе о том, как осуществить общую цель, – то после всего этого можно с уверенностью сказать, что подобное изучение ни в коей мере не вступило еще на верный путь науки, а действует лишь ощупью. Поэтому было бы заслугой перед разумом найти по возможности такой путь, если даже при этом пришлось бы отбросить как нечто бесполезное кое-что из того, что содержалось в необдуманно поставленной раньше цели...». – Об этом см.: Кант И. Критика чистого разума. Предисловие ко второму изданию / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; примеч. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. (Антология мысли). – С. 18.

³¹³ В дословном переводе: «... никто не причинит самому себе вреда»!

³¹⁴ Для правовой мысли конца XVIII века идея «гражданского общества» носит, как минимум, революционный характер, ставя Иммануила Канта в один ряд с величайшими западноевропейскими мыслителями. Вместе с тем, при отсутствии социального равенства и всеобщего избирательного права, что не могло не отражаться на политическом процессе, она во многом страдала известной утопичностью.

законе *свобода* каждого не повиноваться иному закону, кроме того, на который он дал свое согласие; гражданское *равенство* – признавать стоящим выше себя только того в составе народа, на кого он имеет моральную способность налагать такие же правовые обязанности, какие этот может налагать на него; в-третьих, атрибут гражданской *самостоятельности* – быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-то другого в составе народа, а своим собственным правам и силам как член общности, следовательно, в правовых делах гражданская личность не должна быть представлена никем другим...»³¹⁵.

Дифференцируя понятия «народ» и «граждане», причем осуществляя последнее с немецкой педантичностью и последовательностью, ученый идет дальше и характеризует тех, кого он называет «*cives*», в правовом отношении, в том числе – в контексте их прямого или косвенного участия в электоральном процессе (при этом подчеркнем, что автор – «дитя своего времени», в связи с чем, *ни о каком всеобщем избирательном праве вопрос не стоит a priori*): «... Только способность голосовать составляет квалификацию гражданина; а эта способность предполагает самостоятельность того в составе народа, кто намерен быть не просто частицей общности, но и ее членом, то есть ее частицей, действующей по собственному произволу совместно с другими. Но это последнее качество делает необходимым различие граждан *активных* и *пассивных*, хотя понятие *пассивный гражданин* кажется противоречащим дефиниции понятия *гражданин* вообще...».

Исходя из того, что избирательное право носит ограниченный характер, что считалось обычной практикой и в Западной Европе, и в Северной Америке, Иммануил Кант, со своей стороны, *пытается обосновать целесообразность* подобного положения вещей и найти какие-либо корректные «объективные» аргументы (часть из которых *не выдерживают даже самой снисходительной критики*) для оправдания повсеместно действующих цензовых механизмов: «...

³¹⁵ Цит. по: Кант, Иммануил. Метафизика нравов // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 478-479. Критический анализ работ подробнее см.: Коркунов Н.М. История философии права... – С. 229-282.

Следующие примеры помогут устранить эту трудность: приказчик у купца или подмастерье у ремесленника, слуга (не на государственной службе), несовершеннолетний (*naturaliter vel civiliter*³¹⁶), каждая женщина и вообще все те, кто вынужден поддерживать свое существование (питание и защиту) не собственным занятием, а по распоряжению других³¹⁷ (за исключением распоряжения со стороны государства), – все эти лица не имеют гражданской личности, и их существование – это как бы присущность... Дровосек, которого я нанял в моем дворе, кузнец в Индии, который ходит по домам со своим молотом, наковальней и кузнечным мехом, чтобы работать там по железу, в сравнении с европейским столяром или кузнецом, которые могут публично выставлять на продажу изготовленные ими изделия; домашний учитель в сравнении со школьным преподавателем, оброчный крестьянин в сравнении с арендатором... – все это лишь подручные люди общности, потому что ими должны командовать и их должны защищать другие индивиды, стало быть, они не обладают никакой гражданской самостоятельностью...»³¹⁸.

Достаточно циничным (но вполне логичным и, как ни парадоксально на первый взгляд, не во всем абсурдным!?), с учетом сказанного выше, выглядит обобщение, где формулируется следующий авторский вывод: «... Однако эта зависимость от воли других и неравенство ни в коей мере не противоречат свободе и равенству этих лиц *как людей, которые вместе составляют народ*; вернее, лишь в соответствии с условиями свободы и равенства этот народ может стать государством и вступить в [состояние] гражданского устройства. Но иметь в этом устройстве право голоса, то есть быть гражданами, а не просто принадлежащими к государству – *этому удовлетворяют не все с равным*

³¹⁶ Другими словами, как с возрастной, так и с юридической (гражданской) точки зрения.

³¹⁷ Косвенным образом речь идет об институте недееспособных или ограниченно дееспособных граждан.

³¹⁸ Цит. по: Кант, Иммануил. Метафизика нравов // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 479-480. В данном случае мы имеем дело с декларированием весьма широкого круга ограничений, в состав которых входят не только имущественный, возрастной или гендерный ценз, но и целая группа запретов, основанных на социальном статусе человека. Единственным принципиальным отличием от практики, например, тех же Соединенных Штатов, является отсутствие ограничений (к моменту написания работы королевство Пруссия, так как единого государства под названием «Германия» еще не существовало, не относилось к странам, имевшим собственные колонии, поэтому «colored people» можно было встретить лишь в цирках и зоопарках) по признаку расы, цвета кожи и этнической принадлежности.

правом. В самом деле, из того, что они могут требовать, чтобы все другие обращались с ними как с *пассивными* частицами государства (речь не идет о тех, кто обладает правом быть избранным в органы публичной власти. – Э.Е.) согласно законам естественной свободы и равенства, еще не вытекает права относиться к самому государству в качестве *активных* его членов (к которым, исходя из критериев ученого, относятся все те, кто, согласно закону, наделен легитимным правом избирать и быть избранным. – Э.Е.), организовать его или содействовать введению тех или иных законов; отсюда вытекает лишь то, что, какого бы рода ни были положительные законы, на которые они дают свое согласие, они не должны противоречить естественным законам свободы и соответствующему этой свободе равенству всех в составе народа, а именно они не должны противиться возможности перейти из пассивного состояния в активное...»³¹⁹.

Некоторую «абстрактность» и «гипотетичность» суждений Иммануила Канта как «кабинетного» ученого можно понять, так как Пруссия, в отличие от той же Англии, Франции и, естественно, Соединенных Штатов, не испытала на себе того накала политической борьбы, с которым столкнулись те страны, где смена формы правления приобрела во многом экстраординарные тенденции, однако ситуация, обусловленная национальной и региональной спецификой

³¹⁹ См.: Кант, Иммануил. Метафизика нравов // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 480. Мы уже говорили о том, что цитируемый автор был хорошо знаком не только с учредительными актами целого ряда государств, но и с научной и публицистической литературой своего времени, что не могло не отразиться на его творчестве. Примеров – более чем достаточно (в том числе и среди тех работ, которые мы критически анализировали ранее по тексту). Так, размышляя о соотношении равенства и неравенства и его влиянии на политический процесс, Габриэль Бонно Мабли писал в одной из книг: «... Чем больше я об этом размышляю, тем больше я убеждаюсь, неравенство имуществ и состояний разлагает, так сказать, человека и изменяет естественные влечения его сердца, ибо бесполезные потребности вызывают у него бесполезные для его истинного счастья желания и заполняют его ум самыми несправедливыми и нелепыми предрассудками или заблуждениями. Я считаю, – констатирует французский историк и утопический коммунист, – что равенство, ограничивая наши потребности, сохраняет в моей душе мир, противящийся возникновению и развитию страстей... Мне кажется, что только неравенство научило людей предпочитать добродетелям множество вещей бесполезных и вредных. Я считаю доказанным, что при состоянии равенства ничего нет легче, как предупредить злоупотребления и твердо упрочить законы. Равенство должно принести все блага, потому что оно объединяет всех людей, возвышает их душу и воспитывает их в чувствах взаимного доброжелательства и дружбы. Я заключаю из этого, что неравенство приносит все несчастья людям; оно унижает людей и сеет между ними раздоры и ненависть. Если граждане равны между собой и ценят в людях только добродетели и таланты, соревнование само собой останется в справедливых границах. Уничтожьте равенство, и тотчас соревнование превратится в зависть и ревность, потому что цели его не будут честными...». – Цит. по: Мабли, Габриэль Бонно. О законодательстве, или принципы законов // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 397-398.

становления конституционно-правовых отношений, выглядит принципиально иначе для тех мыслителей, кто непосредственно участвовал в этом процессе, что, вне всякого сомнения, в итоге не могло не отразиться на *трансформации их первоначальных представлений*.

Ярким примером служит Томас Пейн (родившийся в Англии, из которой, по причине радикальных политических взглядов, в 1774 году был вынужден уехать в Новый Свет, где становится одним из активных участников борьбы с гегемонией метрополии, а позднее, вернувшись в Европу, в революционных событиях во Франции: из-за разногласий с якобинцами был посажен в тюрьму, выйдя из которой в 1802 году возвращается в Соединенные Штаты), работы и идеи которого, не нашедшие поддержки среди правящих элит по обе стороны океана, свидетельствуют об известной эволюции «базовых» взглядов на то, в каком направлении должен идти процесс государственного строительства. В качестве иллюстрации можно привести несколько цитат из его произведений, написанных в разные годы. Так, в фундаментальном исследовании 1776 года, вошедшем в историю англосаксонской юридической мысли под названием «Здравый смысл», красной нитью проходит тезис о необходимости войны за независимость «заморских территорий» (причина – деспотизм королевского правления): «... Мои идеи о форме правления основаны на законе природы, который никакая изощренность не способна поколебать, а именно – чем проще вещь, тем труднее ее испортить и тем легче ее исправить... Абсолютные монархии (хотя они и являются позором для человеческой природы) имеют то преимущество, что они просты. Если люди страдают, они знают, кто источник их страданий, знают и лекарство и не теряются в разнообразии причин и целебных средств. Но конституция Англии настолько сложна, что нация может страдать годами, не будучи в состоянии раскрыть источник своих бед. Одни найдут его в одном, другие – в другом, и каждый политический лекарь будет советовать иное снадобье...»³²⁰.

³²⁰ См.: Пейн, Томас. Здравый смысл // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 488. Трудно не поддержать логику просветителя и политического деятеля, когда он характеризует работы своих «идейных»

После «Славной революции» прошло уже восемьдесят лет, поэтому у будущего члена Национального конвента Франции, куда его «делегируют» в 1792 году, была отличная возможность *сопоставить монархическую форму правления до и после ее реставрации* (более того, провести параллели с тем, что в итоге получилось в бывших североамериканских колониях): «... Я знаю, как трудно преодолеть местные или старинные предрассудки; и тем не менее, если мы решимся исследовать составные части английской конституции, то найдем, что они являются прочными остатками двух древних тираний, к которым примешаны кое-какие новые республиканские элементы (как мы знаем, за прошедшие столетия мало, помимо сокращения численного состава верхней палаты, что изменилось. – Э.Е.). *Во-первых*, – остатки монархической тирании в лице короля. *Во-вторых*, – остатки аристократической тирании в лице пэров. *В-третьих*, – новые республиканские элементы в лице членов Палаты общин, от доблести которых зависит свобода Англии... Некоторые авторы объясняют английскую конституцию следующим образом: король, говорят они, это одно, народ – другое; пэры – палата для блага короля, Палата общин – для блага народа. Но все это напоминает дом, расколотый семейной ссорой. И хотя слова благозвучны (подчеркнем, что к этому времени, начиная с 1701 года, нижняя палата стала обладать таким действенным инструментом, как институт контрасигнатуры. – Э.Е.), однако на поверку они оказываются пустыми и двусмысленными; так всегда и будет, что даже прекраснейшее словосочетание,

оппонентов: «... Некоторые авторы настолько смешали [понятия] «общество» и «правительство», что между ними не осталось никакого или почти никакого различия; между тем, это вещи не только разные, но и разного происхождения. Общество создается нашими потребностями, а правительство – нашими пороками; первое способствует нашему счастью положительно, объединяя наши благие порывы, второе же – отрицательно, обуздывая наши пороки; одно поощряет сближение, другое порождает рознь. Первое – это защитник, второе – каратель. Общество в любом своем состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло, а в худшем случае – зло нестерпимое; ибо, когда мы страдаем или сносим от правительства те же невзгоды, какие можно было бы ожидать в стране без правительства, несчастья наши усугубляются сознанием того, что причины наших страданий созданы нами. Правительство, подобно одеждам, означает утраченное целомудрие: царские дворцы воздвигнуты на развалинах райских беседок. Ведь если бы веления совести были ясны, определены и беспрекословно исполнялись, то человек не нуждался бы ни в каком ином законодателе; но раз это не так, – отмечает цитируемый мыслитель, – человек вынужден отказаться от части своей собственности, чтобы обеспечить средства защиты остального, и сделать это он вынужден из того же благоразумия, которое во всех других случаях подсказывает ему выбирать из двух зол наименьшее. И так как безопасность является подлинным назначением и целью правительственной власти, то отсюда... следует, что, какой бы ни была его форма, предпочтительнее всех та, которая всего вернее обеспечит нам... безопасность, с наименьшими затратами и с наибольшей пользой...». – Там же. – С. 487.

применимое к описанию того, что или вообще не может существовать, или столь непонятно, что не поддается описанию, окажется лишь звучным пустословием; оно может усладить слух, но не может просветить дух, ибо это объяснение оставляет без ответа... вопрос... – как же король достиг власти, которой люди боятся доверять и которую они постоянно должны сдерживать? Такая власть не могла быть даром мудрого народа...»³²¹.

В завершении формулируется вывод, во многом – при всей кажущейся абстрактности и архаичности – до сих пор не утративший своей актуальности и востребованности: «... однако же, Конституция предполагает существование такой власти (которую, помимо всего прочего, «люди... постоянно должны содержать». – Э.Е.). Но то, что предусмотрено [Конституцией], не соответствует задаче; средства не служат и не могут служить достижению цели... Поэтому, отложив в сторону национальную гордость и пристрастие к формам и традициям, надо прямо сказать правду, – *только благодаря конституции самого народа*³²², но не конституции правительства королевская власть в Англии не так деспотична...»³²³.

Ранее по тексту, критически анализируя итоги так называемой «Славной революции», сделавшей британскую монархию, по существу, «современной», мы уже констатировали тот факт, что парламент, препятствуя возрождению на территории Туманного Альбиона католицизма³²⁴ и всему тому, чем последнее могло сопровождаться, ограничил власть главы государства, причем не только действовавшего монарха, но и всех его наследников: «... Предусматривается и настоящим постановляется..., – читаем в «Акте об устройении (Акте о будущем ограничении и о лучшем обеспечении прав и свобод подданных)» 1701 года, что всякое лицо, которое в дальнейшем вступит в обладание указанной выше короной, должно присоединиться к английской церкви, как это установлено законом... Что никакое лицо, которое впоследствии вступит в обладание

³²¹ Цит. по: *Пейн, Томас. Здравый смысл // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 488-489.*

³²² Ярким подтверждением чего служит «Билль о правах» от 13 февраля 1689 года.

³²³ Цит. по: *Пейн, Томас. Здравый смысл // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 489.*

³²⁴ См.: Акт об устройении (Акт о будущем ограничении и о лучшем обеспечении прав и свобод подданных) 12 июня 1701 года // *Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 29-30.*

английской короной, не будет выезжать из английских, шотландских или ирландских владений без согласия на то парламента. Что со временем и после того, как дальнейшее условие, содержащееся в настоящем акте, вступит в силу, все вопросы и дела, относящиеся к хорошему управлению английским государством, которые подлежат ведению Тайного совета (интересно, какой процент малоимущих и неимущих слоев населения был представлен в этом органе, или они так и не стали частью «народа», о котором правящие элиты перманентно вспоминают, говоря об ограничении большинства королевских прерогатив? – Э.Е.) по законам и обычаям английского королевства, будут разбираться в нем, и все решения, по ним принятые, будут подписываться теми из членов Тайного совета, которые давали совет и согласие на это... И принимая во внимание, что законы Англии являются прирожденным правом ее народа..., все короли и королевы... обязаны производить управление... народом в соответствии с указанными выше законами...».

Достаточно симптоматичным в этой связи выглядит реакция на данный процесс Томаса Пейна, нашедшая отражение в его работе «Права человека», написанной под воздействием событий французской революции, очевидцем и участником которых он был: «... Английский парламент 1688 года сделал то, что он и его избиратели (напомним, что до политической реформы 1832 года лишь 4, 4 процента мужского населения старше двадцати лет обладали такого рода «статусом», а *женщины продолжали быть поражены* в активном праве до первых десятилетий XX века. – Э.Е.) имели право сделать и что казалось им правильным; но, сверх этого права, принадлежавшего парламентариям по полномочию, он *выдвинул другое право, которое присвоил себе сам*, – право налагать на потомство обязательства и сохранять над ним власть до скончания времен. Таким образом, – отмечает член Национального конвента Франции (которым он стал в 1792 году и являлся почти год, пока не был репрессирован якобинцами), – вопрос имеет две стороны: во-первых, право, принадлежащее парламенту по положению..., во-вторых, право, которое он сам себе присвоил. Первое право не вызывает возражений. Что же касается второго, то вот мой

ответ... Никогда ни в какой стране не было и не может быть такого парламента, или такой организации людей, или такого поколения людей, которые имели бы право или власть налагать на потомство обязательства и сохранять над ним свою власть «до окончания времен», или предписывать на все времена, каким образом должен управляться мир, или решать, кто должен управлять им; поэтому все подобного рода статьи, акты и декларации, посредством которых их авторы надеются достичь того, – делает вывод Томас Пейн, концентрируя внимание политических оппонентов на *нелегитимном* характере их действий или решений, – на что они не имеют ни права, ни власти, того, что они даже бессильны осуществить, – все эти документы не имеют законной силы. Каждая эпоха и каждое поколение должны иметь такое же право решать свою судьбу *во всех случаях*, как и предшествовавшие эпохи и поколения. Тщеславное притязание на то, чтобы управлять и за гробом, – самая смешная и дерзкая из всех форм тирании. Человек не имеет права собственности (а как же «colored people» в Соединенных Штатах, которых только XIII поправка к федеральной Конституции, вступившая в силу в декабре 1865 года, освободит от рабства? – Э.Е.) на другого человека; подобным образом ни одно поколение не имеет права собственности на последующие поколения. Парламент и народ в 1688 году или в какой бы то ни было другой период времени также не имели прав распоряжаться нашими современниками, обязывать или ограничивать их в *какой бы то ни было форме...*»³²⁵.

Чем же цитируемый мыслитель аргументирует свою точку зрения (при этом обращая внимание на тот факт, что «парламент и народ в наши дни не имеют права распоряжаться теми, кто будет жить через сто и тысячу лет, не имеют права обязывать или ограничивать их в чем бы то ни было...»)? Так, в качестве одного из аргументов приводится следующий тезис, к которому, на наш взгляд, относиться можно по-разному: «Я не выступаю ни за, ни против той или иной формы правления той или иной партии – ни в нашей, ни в какой бы то ни

³²⁵ Цит. по: Пейн, Томас. Права человека // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 489-490.

было стране. Если вся нация решает что-нибудь сделать (в этом случае, вероятнее всего, есть смысл не доверять небольшой группе депутатов, а вынести обсуждение и решение проблемы на референдум? – Э.Е.), она имеет право сделать это... В былые времена короли распоряжались своей короной на смертном одре и передавали свой народ по завещанию, как скот, любому назначенному ими преемнику. Теперь этот обычай настолько устарел (однако в любом учебнике по «Конституционному праву зарубежных стран» студент найдет информацию о существовании сразу нескольких – от *кастильской* до *салической* – действующих моделей престолонаследия. – Э.Е.), что о нем мало кто помнит, и представляется настолько чудовищным, что трудно поверить, чтобы он существовал... Законы каждой страны должны соответствовать какому-то единому общему принципу. В Англии ни родители, ни хозяева, ни весь авторитет парламента, именующего себя всемогущим (напомним, что это точка зрения последовательного сторонника радикально-республиканских (!) взглядов на общественно-политический процесс, осуждавшего всех тех, кто в какой-то степени ассоциировал себя с абсолютистско-монархической формой правления и ратовал за ее скорейшую реставрацию. – Э.Е.), не могут связать или ограничить личную свободу даже отдельного человека, достигшего 21 года; *на каком же основании или по какому праву парламент 1688 года или какой бы то ни было другой может обязать к чему-либо все последующие поколения* на все времена? Те, которые уже ушли из мира, и те, которые еще не пришли в него, настолько далеки друг от друга, насколько вообще в силах представить себе воображение смертного: какие же обязательства могут быть приняты, какие правила и принципы, подлежащие соблюдению до скончания времен, могут быть установлены между двумя фикциями, которые никогда не встретятся в этом мире, – между людьми, которых уже нет, и людьми, которых еще нет? Говорят, в Англии нельзя брать у народа деньги без его согласия; но кто уполномочил, кто мог уполномочить парламент... на то, чтобы ограничить и отнять свободу у

последующих поколений и навсегда ограничить их право на свободу действий в определенных обстоятельствах?...»³²⁶.

Таким образом, перед нами не что иное, как диссонанс между тем, что, по мнению Томаса Пейна, входит в категорию «естественных» прав (к ним, одновременно с теми из них, «... которые принадлежат человеку по праву его существования... относятся все интеллектуальные права, или права духа, а равно и право личности добиваться своего благоденствия и счастья, поскольку это не ущемляет естественных прав других»), и тем, что он рассматривает как права «гражданские» (те, «что принадлежат человеку как члену общества»).

В контексте обозначенной выше дилеммы, «практикующий ученый» (в его интерпретации, «... власть, рассматриваемая как таковая, представляется соединением того класса естественных прав, которые личность не в силах осуществить самостоятельно и которые тем самым бесполезны для нее, но, будучи собраны воедино, становятся полезны всем...») подходит и к анализу соответствующих публичных институтов, вступая в дискуссию с целым рядом апологетов принципиально иного взгляда на обозначенную проблему (как ни странно, но ему, участвовавшему во французской революции и в войне за независимость Соединенных Штатов, в отличие от них, было что сопоставлять и с чем непосредственно сравнивать, а не предлагать очередную «кабинетную абстракцию»): «... Утверждение, что правительство есть результат договора между управляющими и управляемыми, – констатирует Томас Пейн, как бы предвосхищая дальнейший вывод, – считалось важным шагом к установлению принципов свободы (об этом мы говорили, исследовав «Левиафан...» Томаса Гоббса и трактаты некоторых других ученых, придерживавшихся концепции «общественного договора». – Э.Е.); но это неверно, ибо это означает поставить следствие раньше причины: ведь, поскольку до возникновения правительств должен был существовать человек, значит, было обязательно такое время, когда никаких правительств не было и в помине и, стало быть, не могли существовать

³²⁶ Цит. по: Пейн, Томас. Права человека // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 491.

и правители, с которыми заключался этот договор... Поэтому имеются все основания предположить, что *сами индивиды*, каждый в соответствии со своим личным и суверенным правом, *вступили в договор друг с другом* для образования правительства; и это единственный способ, каким имеют право создаваться правительства, и единственная основа, на которой они вправе существовать... Чтобы получить ясное представление о том, что такое правительство или каким оно должно быть, необходимо вернуться к его истокам. При этом мы без труда обнаружим, что правительства либо возникают из народа, либо утверждаются *над* народом... Поэтому по отношению к государственной власти конституция играет ту же роль, какую выполняют по отношению к суду законы, издаваемые... этой же... властью»³²⁷.

Завершая собственную мысль, цитируемый автор подчеркивает: «... Суд не принимает законов и не может изменять их; он лишь действует в согласии с уже принятыми законами (иногда все-таки, посредством прецедента, в той или иной степени восполняющего пробел в праве, его деятельность мало чем отличается от законотворческой, осуществляемой британским парламентом. – Э.Е.), и правительство аналогичным образом управляется конституцией... У французской конституции есть чему поучиться... Французская конституция гласит (имеется в виду тот факт, что в Соединенном Королевстве и во Франции действуют принципиально разные модели: в одном случае – в рамках системы заслуг – *допускается совмещение* «депутатского мандата» и «министерского портфеля», поэтому часть членов Палаты общин входит в кабинет, более того, Палата лордов осуществляет определенные судебные полномочия, в другом – нечто подобное для парламентариев *категорически запрещено*. – Э.Е.), что во избежание коррупции представителей нации ни один член Национального собрания не будет чиновником правительства, состоять на государственной службе или получать государственную пенсию... Французская конституция гласит: все титулы отменяются (в Соединенном Королевстве одновременно с

³²⁷ См.: Пейн, Томас. Права человека // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 491, 493.

обычными наследственными титулами существуют октроированные, каким в частности обладала одна из бывших премьер-министров, не передаваемые по наследству, и, так сказать, «временные», присваиваемые на срок занимаемой светской или конфессиональной должности. – Э.Е.) и, стало быть, весь этот класс сомнительного происхождения, который в одних странах называют «аристократией», а в других – дворянством, упраздняется, и пэр возводится в сан человека... Рассматривая французскую конституцию (скорее всего, речь идет об учредительном акте 1791 года, сравнительному анализу которой мы чуть ранее по тексту посвятили специальный раздел. – Э.Е.), мы видим в ней отражение разумного порядка вещей. Принципы гармонируют с формами, а те и другие – со своим происхождением. Может быть (что говорит *об уровне и качестве* юридической техники. – Э.Е.), в оправдание плохих форм скажут, что они не более как формы, но это ошибка. Формы вырастают из принципов и служат их сохранению. Плохая форма возможна лишь при условии, – в чем, на наш взгляд, Томас Пейн однозначно прав, – что плох и принцип, лежащий в ее основе. Хорошему принципу ее навязывать нельзя: плохие формы в каком-либо правительстве служат верным признаком и плохих принципов...»³²⁸.

³²⁸ Цит. по: Пейн, Томас. Права человека // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 495. Итак, как мы можем заметить, в качестве своего рода «примера для подражания» берется не североамериканская, а одна из первых западноевропейских конституций – даже при условии, что французский учредительный акт 1791 года ощутил (более того, он не мог не ощутить) влияние своего «заокеанского собрата». Вполне естественно, что известные «сложности», исходя из которых британская «конституция» с достаточно большой степенью условности может восприниматься документом, достойным рассматриваться (и восприниматься) в качестве своеобразного «аналога», не позволили цитируемому мыслителю акцентировать внимание на имевшихся достоинствах (скорее, предметом исследования стали бы ее многочисленные недостатки) совокупности тех парламентских актов, которые на тот момент олицетворяли собой неcodифицированную конституцию этой страны. Вопрос в другом: почему, имея блестящие примеры теоретического обоснования различных форм правления и политических режимов, англосаксонские ученые были как бы «выведены за скобки» процессов, связанных с законотворчеством, в том числе подготовки хартий, статуты и биллей конституционного характера? Не менее принципиален и другой вопрос: почему, в отличие от большинства государств, выбравших, вслед за Соединенными Штатами и Францией, вариант писаных конституций, правящая англо-британская монархия и политические элиты Соединенного Королевства, в конце концов, предпочли совершенно иной «алгоритм» регулирования конституционно-правовых отношений? Ответов много, причем самых разных, но они не все очевидны, как может показаться на первый взгляд: «... Что, кроме угнетения и поправленной справедливости, – обращается к многочисленным оппонентам Томас Пейн, – являют нашему взору современные европейские государства? Что можно сказать о государстве английском? Разве сами жители не называют его рынком, где у каждого человека своя цена и где порок служит предметом купли-продажи за счет обманутого народа? Неудивительно в таком случае, если на французскую революцию клеветают...». – Там же. – С. 496.

Справедливости ради надо сказать, что цитируемый выше автор, критически относившийся к тому, какими конкретными функциями должен обладать суд («суд не принимает законов и не может изменять их; он лишь действует в согласии с уже принятыми законами...»), был совершенно не одинок в своих выводах и обобщениях: «... Власть толковать уголовные законы не может принадлежать судьям по одному тому, что они не законодатели. Законы не перешли к судьям от наших предков в качестве семейного предания или завещания,

С каким же все-таки теоретическим и практическим багажом вступали в новый XIX век государства, народы и правящие элиты которых в глазах всего остального цивилизованного сообщества «творили историю» (правда, и оно постепенно, пусть и с разной скоростью, выходило из мрака средневековья), показывая пример того, к каким конечным результатам можно прийти даже в самых сложных социально-экономических и политических ситуациях, когда ни у кого нет готовых сценариев развития событий, где подробно, в деталях были бы прописаны «правила поведения» всех заинтересованных сторон? Можно ли говорить о каком-то «общем знаменателе» для Старого и Нового Света или, несмотря ни на что, в каждом отдельном случае «итоги» были именно такими, какими они гипотетически и должны были быть?

Одно можно утверждать с *достаточно большой* степенью вероятности, перефразируя известное библейское изречение («много замыслов в сердце человека, – читаем в Книге притчей Священного Писания, – но состоится только определенное Господом»): идейные вдохновители в лице профессиональных «кабинетных» ученых *предполагают* (о чем наглядно свидетельствуют сотни и тысячи томов), чаще всего не задумываясь о последствиях, а народ, взявший в руки оружие, *располагает*, так как преимущественно от него зависит станет в конце концов или нет соответствующая концепция фундаментом будущей политической системы и какой-либо конкретной формы правления.

Сказанное выше, *не означает*, что во всех «смертных грехах» (то есть в «эксцессах» и «рецидивах», с которыми в той либо иной мере ассоциируются социальные революции и гражданские войны) следует винить исключительно университетских профессоров, либеральных публицистов, конфессиональных диссидентов, в то же время и полностью снимать с них ответственность за те процессы, где *основную роль играли широкие слои населения*, полагавшие, во

представляющего потомкам одну заботу – повиноваться. Судьи получают их от живого общества или от суверена, как его представителя, как хранителя наличной общей воли. Законы получены судьями не как обязательства, вытекающие из древнего соглашения. Такое соглашение, связывая несуществующие воли, было бы недействительно, низводя людей от общественного состояния к состоянию стада, оно было бы несправедливо...». – Цит. по: Беккариа, Чезаре. О преступлениях и наказаниях //Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 501.

многим наивно, что именно они «творят историю» и строят «Град на холме», нет никакого смысла. Ученый, мысли которого вызвали не совсем адекватную реакцию в головах политиков и клерикальных иерархов, не должен отвечать за их не всегда приемлемые и не во всем корректные действия.

Примером может служить германский социальный философ и теоретик истории Иоганн Готфрид Гердер, работа которого «Идеи к философии истории человечества» наделала в свое время много шума в католических кругах, так как фокусировала внимание на тех проблемах, с которыми, в том числе, были связаны колонизация и насаждение одной из крупнейших мировых религий в масштабах Нового Света (о чем «стыдливо» (!?) предпочитали умалчивать и не делать «объектом» публичной дискуссии): «... Многие языческие народы были обращены в христианскую веру. Но как? Нередко огнем и мечом, при помощи тайных судов, истребительных войн. Пусть не говорят, что не римский епископ подал к ним повод, – он одобрил их, пользовался их плодами, а когда это было возможно, то и подражал им. Вот откуда пошли суды над еретиками, во время которых пелись псалмы, вот откуда крестовые походы, ставившие целью обращение язычников, походы, приносившие добычу, которую делили между собой папа и государи, ордена, прелаты, настоятели соборов, священники. Кто не погибал, становился крепостным и до сих пор остается в крепостной зависимости, – так была основана христианская Европа, так закладывались империи, освещаемые папой, а позднее распятие понесли во все части света, превратив его в знак убийства. В Америке (в первую очередь в Центральной и Южной, где был в течение нескольких десятилетий осуществлен практически геноцид коренного индейского населения. – Э.Е.) еще дымится кровь убитых там людей, а закрепощенные народы Европы все еще клянут насильников, обративших их в христианство (может поэтому церковь подверглась гонениям и секуляризации?! – Э.Е.). А вы, бесчисленные жертвы инквизиции в Южной Франции, Испании, других частях света, ваш пепел разнесся по всему свету,

ваши останки обратились во прах, но история ужасов, совершенных над вами, – вечное обвинение от имени оскорбленного в лице вашем человечества...»³²⁹.

Пытаясь понять причины, побудившие революционную Францию (в том числе, на уровне учредительных актов, как в случае с декретом от 24 ноября 1789 года, передававшим в распоряжение нации земли духовенства) внести радикальные изменения в механизм взаимодействия церкви и государства, выпускник теологического факультета Кенигсбергского университета, ставший со временем придворным проповедником в Веймаре, делает неоднозначные выводы (впрочем, он таким же образом воспринял события в Париже, вместе с тем, отдав должное тенденциям, направленным на ликвидацию во Франции феодально-абсолютистской политической системы): «Иерархии приписывают ту заслугу, что *она объединила все народы Европы в одной христианской республике*; но что же это за республика? Что все народы встали на колени перед распятием и слушали одну и ту же мессу, – это, конечно, тоже что-то, но не много. В духовных делах всеми народами (за исключением Англии и ее, не подконтрольной Святому престолу, «государственной» конфессии в лице как англиканской, так и протестантской церкви, к которой затем присоединятся и все остальные, условно говоря, неканонические религии, типа кальвинизма, лютеранства, евангелизма и пр. – Э.Е.) одинаково управлял Рим, и народам это приносило немало пользы, ибо дань, уплачиваемая Риму, и бессчетное воинство монахов, клириков, нунциев, легатов тяжелым бременем ложилось на страны Европы. Европейские державы в ту эпоху... не знали мира, – среди прочих причин еще и потому, что *именно папа навязывал Европе ложную государственную систему*. Христианство решительно воспрепятствовало морским грабежам язычников, но могучие христианские народы (во главе с Испанией, ортодоксальные монархи которой воспринимались «оплотом» и «защитником» католицизма, в первую очередь в их борьбе с голландскими, а затем и англо-британскими «еретиками». – Э.Е.) жестоко трепали друг друга, а

³²⁹ Цит. по: Гердер, Иоганн Готфрид. Идеи к философии истории человечества // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 550.

каждый из них внутри полнился раздорами и проникнут был, в делах светских и духовных, каким-то грабительским настроением. Именно сама двойная держава – папское государство в сердце каждого из государств – и приводила к тому, что ни одна империя не могла прийти к своим собственным началам, о которых впервые задумались, лишь освободившись от верховной власти папства. Итак, – констатирует, весьма резко настроенный против пресловутого прусского милитаризма и чиновничьего бюрократизма ученый-проповедник, – христианской республикой Европа оказалась только перед лицом язычников, да и это редко приносило ей славу, ибо едва ли и для эпического поэта есть что-либо достославное в крестовых походах...»³³⁰.

На позициях исключительно критического отношения к теократической и абсолютистской трактовке государственной власти, рассматривая при этом общественный и государственный строй, сложившийся в Англии в результате промышленной революции начала XIX века, в качестве естественного и весьма привлекательного «примера для подражания» со стороны других стран, никак не разделяя идей британских и французских мыслителей об «общественном договоре» и «естественных правах» человека и гражданина, стоял английский правовед и философ-утилитарист Иеремия Бентам, основные произведения которого были посвящены проблемам конституционного права, разделению властей (с его далеко неоднозначными политико-правовыми последствиями), специфике и особенностям национального судопроизводства.

Так, считая *пользу* основным стимулом морального поведения людей, в известной работе «Принципы законодательства» (являвшейся в свою очередь составной частью «Введения в принципы морали и законодательства») он, в частности, писал: «Предметом законодательства должно быть общественное благо: *общая польза* должна быть основой всякого рассуждения в области законодательства. Наука состоит в том, чтобы знать, в чем заключается благо

³³⁰ Цит. по: Гердер, Иоганн Готфрид. Идеи к философии истории человечества // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 550-551. Во многом соглашаясь с оценками автора, нельзя не учитывать и тот факт, что он (как член иной конфессии) являлся, своего рода, идейным противником Святого престола.

данного общества, искусство в том, чтобы найти средства для осуществления этого блага... Будучи выражен в общей и неопределенной форме, принцип пользы редко оспаривается: на него смотрят даже как на некоторого рода общее место морали и политики. Но это единодушное согласие – только кажущееся. С этим принципом не всегда связываются одинаковые идеи; ему не всегда придают одно и то же значение (в первую очередь правящие элиты и широкие слои населения!? – Э.Е.); он не служит источником определенной системы рассуждения – последовательной и однообразной... Чтобы дать ему всю ту силу, которую он должен иметь, другими словами – чтобы сделать из него основу общей теории, надо выполнить три условия... Первое условие состоит в том, чтобы связать с этим словом «польза» понятия ясные и точные, которые могли бы оставаться совершенно одинаковыми у всех, кто им пользуется. Второе состоит в том, чтобы установить единство и независимость этого принципа, строго выделив все, что ему чуждо. Для этого надо только принять его в его общей форме; не следует допускать никаких исключений. Третье условие состоит в том, чтобы найти метод *моральной арифметики*, при помощи которой можно было бы прийти к однообразным (для всех в этом заинтересованных сторон? – Э.Е.) результатам...»³³¹.

Нельзя не отметить того обстоятельства, что сравнительный анализ тех или иных исследований, внесших весьма существенный, в отдельных случаях фундаментальный, вклад в развитие более адекватных идейно-теоретических представлений о характере и специфических особенностях конституционно-правовых отношений, выявляет *определенную закономерность*, о каких бы в итоге государствах и «научных школах» ни шла речь: по причинам, известным только им одним, авторы соответствующих произведений избегают говорить, как правило, ничем последнего не мотивируя, о таких вещах, как конституция

³³¹ См.: Бентам, Иеремия. Принципы законодательства // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 556. Подводя итог собственным рассуждениям, цитируемый государствовед делает вывод: «... *Польза* есть понятие отвлеченное. Оно выражает свойство или способность какого-нибудь предмета предохранить от какого-нибудь зла или доставить какое-нибудь благо. Зло есть боль, страдание или причина страдания. Благо есть удовольствие или причина удовольствия. Все, что соответствует пользе или интересу индивидуума, способно увеличить общую сумму его благосостояния. Все, что соответствует пользе или интересу общества, увеличивает общую сумму благосостояния индивидуумов, из которых оно состоит...». – Там же. – С. 557.

(при этом используя данную дефиницию по отношению к юридическим актам, которых даже чисто условно нельзя отнести к документам подобного статуса) и демократия. Естественно, ситуация (подчеркнем, что имеется в виду – самое начало XIX века) выглядит несколько иначе в той же Франции и Соединенных Штатах, где за прошедшие годы был «наработан» неоценимый практический опыт в ранее не совсем актуализированной области публичных отношений (не говоря уже о Соединенном Королевстве, сумевшем, невзирая ни на что, все-таки преодолеть расстояние от «Magna Carta» до «Habeas Corpus act» и «Bill of Rights»), во многом стимулировавшей интерес просвещенной части общества к изучению процесса государственного строительства, что потребовало от тех, кто традиционно олицетворял собой «научное знание», внести коррективы в достаточно устаревшие подходы и методологию, которые, в свою очередь, не должны были быть проигнорированы при законотворчестве и в деятельности всех прочих институциональных представителей «носителя суверенитета» и «источника власти», кем, согласно декларациям актов высшей юридической силы, *провозглашался*, выдавая желаемое за действительность, *народ*³³².

³³² Когда мы в один ряд ставим Соединенное Королевство, Францию и Соединенные Штаты, то некоторым образом как бы «выдаем аванс» бывшим североамериканским колониям, так как государство, возникшее на их основе, весь XIX век было по существу не чем иным, как, если использовать современную терминологию, страной «третьего мира», *не игравшей*, в отличие от Соединенного Королевства и Франции, *практически никакой роли* ни в европейской, ни в общепланетарной политике. Она всего лишь могла рассчитывать на роль «примера для подражания», с той точки зрения, что рассматривалась родиной первой писаной конституции, не более. Другое дело – крупнейшие западноевропейские государства того времени (особенно после победы над Наполеоном), колонии которых своей суммарной территорией намного превосходили все вместе взятое, что находилось под юрисдикцией североамериканской федерации. В начале второго десятилетия XIX века наиболее важной новой политической реалией для Соединенного Королевства и Франции «был тот факт, что в соответствии с духом времени политическое изменение стало нормальной вещью. Вместе с французской революцией парламентская реформа стала доктриной, а не уловкой. Кроме того, – констатирует Иммануил Валлерстайн, характеризуя ситуацию того времени, – в умах все большего и большего количества людей место средоточия суверенитета все больше и больше смещалось от монарха или даже от представительного органа к чему-то более неуловимому – «народу». Несомненно, все это было главным геокультурным наследием революционного и наполеоновского периода. Следовательно, фундаментальной политической проблемой, с которой Великобритания и Франция... пришлось столкнуться в 1815 году (в результате полной победы над Наполеоном. – Э.Е.) и впоследствии, было то, каким образом примирить требования тех, кто будет настаивать на реализации идеи народного суверенитета, осуществляя нормальность изменений, с желанием нотаблей... сохранить свое пребывание у власти и обеспечить длительную способность бесконечно накапливать капитал... Была ли французская революция вдохновлена либеральной идеологией, – задается совершенно ни риторическим вопросом указанный автор, – или же она была скорее ее отрицанием?.. Однако этот вопрос, возможно, не слишком значим, поскольку либерализм как идеология сам по себе является следствием французской революции, а не термином для описания ее политической культуры. Первой идеологической реакцией на вызванную французской революцией трансформацию геокультуры в действительности был не либерализм, а консерватизм... Конечно, идеи предшествовали терминам. Сам термин «консервативный», очевидно, впервые появился лишь в 1818 году, а существительное «либерал» (интересно, почему на этом фоне даже факультативным не воспринимается дефиниция «демократ»? – Э.Е.), возможно, первый раз было использовано в 1810 году...». –

В частности, с точки зрения цитируемого Иеремии Бентама, которому, с некоторыми непринципиальными оговорками, непросто отказать в логике и объективности, «... из всех принципов наибольшее влияние на правительства имел принцип *симпатии* и *антипатии*. В самом деле, к этому принципу надо отнести все то, что проводится, хотя и под весьма благообразными именами, но не ради счастья, как единственной и безусловной цели: добрые нравы, равенство, свобода, справедливость, могущество, обходительность и даже религия – вещи почтенные, которые законодатель должен иметь в виду, но которые слишком часто вводят его в заблуждение, так как он рассматривает их не как средства (сказанное, относится и к демократии. – Э.Е.), а как цель. Он заменяет ими искание счастья вместо того, чтобы подчинить их ему...».

Это проявляется, например, в следующем: «Так, в области политической экономии правительство, будучи всецело занято заботами о торговле и богатствах, смотрит на общество только как на мастерскую, на людей – как на орудия производства и, довольствуясь тем, что обогащает их, мало заботится о том, что причиняет им страдания. Таможни, банки, государственные бумаги поглощают все его внимание. Оно остается равнодушным к массе бедствий, которые оно могло бы исцелить (видимо, из-за подобных причин Конституция Соединенных Штатов 1787 года *не несет в себе практически никаких*, даже декларативных, *социальных функций*?! – Э.Е.). Оно добивается только того, чтобы производилось как можно больше средств и орудий наслаждения, и в то же время беспрестанно ставит все новые затруднения самой возможности наслаждаться. Другие видят высшее благополучие государства в могуществе и славе. Относясь с презрением к тем государствам, которые вкушают счастье в мирной неизвестности, они жаждут интриг, переговоров, войн... Они не обращают внимания на то, из каких бедствий складывается эта слава и каким

Цит. по: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789 – 1914... – С. 3, 4.

количеством жертв подготавливаются их кровавые триумфы. Гром победы, завоевание... скрывают от них разорение собственной страны...»³³³.

В контексте критического анализа верховных органов власти, не менее актуален вывод о том, что «многие не обращают внимания на то, хорошо ли управляется государство, охраняют ли законы имущество и личность, наконец, счастлив ли народ. Для них важнее всего *политическая свобода*..., наиболее равномерное распределение политической власти, какое только можно себе представить. Повсюду, где они не находят своей любимой формы правления, они видят лишь рабов; и, если эти рабы довольны своим положением и не обнаруживают желаний изменить его, поклонники политической свободы презирают и поносят их. В своем фанатизме они всегда готовы поставить на карту в гражданской войне все благосостояние нации, чтобы передать власть в руки тех, которые вследствие своего глубокого невежества могут сделать из нее только орудие своей собственной гибели...»³³⁴.

Что касается оценок законодательства Соединенного Королевства, то и в этом случае выводы Иеремии Бентама требуют всесторонней поддержки: «Конституционная часть английского законодательства во многих отношениях заслуживает удивления. Организация законодательных учреждений является почти образцом совершенства. Таково было, по крайней мере, мнение многих здравомыслящих и беспристрастных людей, и справедливость этого мнения будет тем очевиднее, чем больше мы станем изучать эту конституцию (то есть совокупность парламентских статутов и судебных решений, из которых она уже тогда в той или иной степени состояла. – Э.Е.) в ее отношении к положению страны и условиям жизни народа, который пользуется таким неоценимым преимуществом. Другая часть законодательства, тесно связанная с первой и также заслуживающая большой похвалы по некоторым ее основным началам, – это организация судов, гласность судопроизводства, присяжный суд в

³³³ Цит. по: *Бентам, Иеремиа*. Принципы законодательства // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 557. К чему все это может привести мы наблюдаем в последние десятилетия во многих государствах.

³³⁴ Цит. по: *Бентам, Иеремиа*. Принципы законодательства // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 558. Прошло уже более двухсот лет, а ситуация совершенно не изменилась, подтверждая слова автора.

политических делах, свобода печати, habeas corpus..., право собраний и петиций и некоторые другие законы, охраняющие общественную и частную свободу. Эта превосходная основа законодательства является, без сомнения, наиболее важной частью в нем, но в сравнении со всей массой законов она не составляет и сотой доли. Между тем легко понять, что уважение, которого заслуживает конституционная часть, естественно распространяется и на все остальные путем простого и нетрудного акта воображения, и особенно благодаря привязанности. Благо служит охраной зла. Людям... не приходит в голову, что рядом с такими превосходными законами могли удержаться и дурные...»³³⁵.

Как мы видим, по сравнению с идеями, с *разной степенью абстракции* (а как иначе можно было воспринимать концепцию того же «общественного договора», полноправным участником которого провозглашался «народ», в своей основной массе не отвечавший необходимым критериям и цензам?!) сформулированными целым рядом его предшественников, автор таких работ, как «Фрагмент об управлении» и «Деонтология, или наука о морали», где как бы рефреном проходит мысль о том, что правительство должно оправдывать свое существование, принося обществу пользу, идет дальше и предпринимает попытку взглянуть на организацию властных институтов сквозь призму таких понятий, как *справедливость, мораль и целесообразность*³³⁶. Однако все его «нравоучения», имея ярко выраженную юридическую подоплеку, не решают главного – не наделяют народ равными правами и обязанностями с той частью общества, которая ассоциируется с экономической и политической «элитой»,

³³⁵ Цит. по: *Бентам, Иеремия. О влиянии условий, времени и места на законодательство* // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 562.

³³⁶ Так, он, в частности, пишет: «... Те, которые ради компромисса отличают политику от морали и принципом первой признают пользу, а принципом второй – справедливость, только запутывают дело своими сбивчивыми понятиями. Вся разница между политикой и моралью состоит в том, что первая направляет деятельность правительств, вторая – поведение отдельных лиц; но их общий предмет есть счастье. То, что хорошо в политике, не может быть дурно в морали, как арифметические правила, верные в приложении к большим числам, не могут быть неверны в приложении к малым... Всякое правительство подобно врачу; все дело его заключается в выборе зла; всякий закон есть зло, потому что всякий закон есть нарушение свободы; но, повторяю, задача правительства заключается только в выборе зла. Как же должен действовать законодатель при этом выборе? Он должен убедиться... в том, что каждый случай, который он старается предупредить, есть действительно зло, при каких бы обстоятельствах он ни произошел; и... что это зло более значительно, чем то, которым он хочет воспользоваться для его предупреждения. Таким образом, надо принять во внимание две вещи: зло преступления и зло закона – вред болезни и вред лекарства...». – Цит. по: *Бентам, Иеремия. Принципы законодательства* // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 558-559.

тем или иным образом концентрирующей публичную власть (какой бы из ее уровней – национальный, региональный либо муниципальный – мы ни взяли в качестве наглядной иллюстрации) в своих руках. Отказывая ему под самыми «благовидными» предложениями (от необходимости иметь собственность и иное имущество строго фиксированной стоимости до гендерного соответствия или оседлости) в праве избирать и быть избранным, под «народом», как и прежде, подразумевают некую *политико-правовую фикцию*, искусственный характер которой – вполне очевиден (причем и для «носителя суверенитета», и для его «законных представителей», действующих в органах публичной власти)³³⁷.

Складывается впечатление, которое трудно назвать обманчивым, что ни правящий класс, ни научное сообщество – в силу самых разных оснований – совершенно не представляли, что им делать не только с провозглашенным, но и закрепленным на уровне конституционно-правовых документов «народным

³³⁷ Как отмечает Иммануил Валлерстайн, начиная с XVI века, «заботой правителей было усиление государства в двух направлениях: *укрепление его власти* (authority), то есть способности осуществлять эффективные решения в его границах, и *укрепление силы* (power) государства на мировом уровне, то есть способность навязывать его волю другим государствам и уменьшать их возможность делать то же самое. При этом шел долгий и масштабный спор относительно правильного распределения процессов принятия решений в рамках государства. В какой мере данные процессы должны быть сосредоточены в руках главы государства в качестве суверена? Насколько они должны быть разделены с законодательными структурами? Однако на протяжении трех столетий этот спор оставался дискуссией о распределении власти между ветвями государства (government). В самом деле, в 1776 году американская Декларация независимости была провозглашена от имени «мы, народ», *но было не вполне понятно* (даже для тех, кто ее подписал), *насколько серьезно следовало воспринимать идею народного суверенитета и что она подразумевала...* Французская революция и ее наполеоновское продолжение сделали идею народного суверенитета тем, с чем приходилось мириться любому правительству современного мира, причем никому в большей степени, чем правительствам двух стран (речь, естественно, идет о Соединенном Королевстве и Франции, так как бывшие североамериканские колонии не являлись еще даже «региональным» государством. – Э.Е.), соперничавших за право называться державой-гегемоном. В 1815 году вопрос стоял так: был ли период 1789 – 1815 годов просто некоей революционной интерлюдией, которую должны были предать прошлому «реставрация» и «реакция тори», или же идея народного суверенитета получит дополнительное политическое влияние? К удивлению реставраторов глобального порядка, это была идея, которая укоренилась больше, чем они это осознавали: они не могли ее похоронить, как бы этого ни хотели... В значении, принятом в этом столетии, *демократия означала принятие народного суверенитета всерьез...* В 1789 году в самом деле никто не знал, что в действительности означает перенос суверенитета с монарха на народ. Участники тех событий полагали, что это имело нечто общее с ограничением деспотической мощи исполнительной власти (именно поэтому собственно монархия как форма правления никем не отменялась!? – Э.Е.), которая ассоциировалась с идеей абсолютного монарха. Так и получилось, но, когда это было сделано, по-прежнему требовался поиск легитимного основания для решений мимолетных коалиций разномастных политических лидеров. Всем, кто обладал действительной политической властью, серьезное восприятие лозунга народного суверенитета представлялось как никогда угрожающим, допускавшим неприятную перспективу подчинения прихотям темных и капризных масс. Поэтому проблема... заключалась в том, каким образом сконструировать некую структуру, которая будет казаться народной, а на самом деле не будет являться таковой, но тем не менее будет сохранять поддержку значительной части «народа». Такая задача окажется непростой (но в целом со временем вполне выполнимой. – Э.Е.). Ее историческим решением и станет либеральное государство...». – Цит. по: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789 – 1914... – С. 26-27. Проявления его «существования» мы периодически и наблюдаем, в том числе в последнее время.

суверенитетом», так как одно дело *продекларировать*, другое – *реализовать на практике*, при том, что мало кто «ощущал», вне абстрактных категорий, что же это такое (если вспомнить Иммануила Канта, то, в его понимании, «народ» и «граждане» – далеко ни одно и то же с институциональной точки зрения). Не исключено, по крайней мере гипотетически, что речь может идти об *идейном* или *мировоззренческом кризисе*, каким-то образом спровоцированным той поспешностью, с которой был введен в законодательный и публицистический оборот собственно термин, напоминавший собой, скорее лозунг, нежели итог четко выстроенной, продуманной концепции, рассчитанной на перспективу, и основанной на детальной теоретической проработке вопроса, выходящего за рамки традиционных взглядов на проблему разделения властей. Естественно, никто из тех, в чьих руках была сосредоточена вся полнота публичной власти, не собирался (более того, скорее всего, и не предполагал этого делать!?) ни в ближайшей, ни в среднесрочной «перспективе» актуализировать процесс по «добровольному отказу», хотя бы частичному, от своих функций и прерогатив, следовательно, *должен был быть найден компромисс*, в связи с чем, нельзя исключать того, что первую скрипку в начавшейся дискуссии правящий класс предложил сыграть одному или нескольким «кабинетным» ученым, которые в итоге достаточно вариативно попытались решить поставленную задачу.

Одним из тех, кто не понаслышке знал, что такое социальный конфликт в его наиболее крайних проявлениях (с одной стороны, в качестве армейского офицера участвовав в войне за независимость североамериканских колоний, с другой – вполне лояльно, до того, как разочаровался, восприняв революцию и якобинскую диктатуру), был французский мыслитель, политический деятель и социалист-утопист Клод Анри Сен-Симон, многочисленные работы которого оказали большое влияние на развитие общественно-политической мысли не только во Франции, но и в других государствах, в том числе в нашей стране.

Так, в «Письмах женевого обывателя к современникам» он писал: «... Всю жизнь я очень деятельно наблюдал и размышлял, и целью моих трудов было ваше счастье; я создал план (весьма характерно, что в области политики

предпочтение отдавалось не революциям, аналогичным массовым акциям и движениям, а *эволюции* и *реформам*, где ведущая роль отводилась личности, а при институализации отношений – интересам большинства. – Э.Е.), который, мне кажется, может быть вам полезен... Со своим проектом я обратился *непосредственно* к человечеству, так как оно в *целом* должно интересоваться им, но я вовсе не предавался безумной надежде, что оно сразу займется его осуществлением; я всегда думал, что успех зависит от более или менее энергичных действий, на которые решатся в этом случае люди, пользующиеся наибольшим влиянием на человечество. Лучшим средством привлечь их на свою сторону будет возможно полное разъяснение этого вопроса; вот цель, какую я ставлю, обращаясь к различным группам человечества, разделяемого мною на три класса: первый – это тот, к которому имеем честь принадлежать мы с вами; он шествует под знаменем прогресса человеческого духа и состоит из ученых... и всех людей (в этом случае предпочтение отдавалось прежде всего крупным промышленникам и предпринимателям. – Э.Е.), разделяющих либеральные идеи. На знамени второго написано: никаких *нововведений*! К этому классу принадлежат все собственники, которые не входят в первый. Третий, объединяемый идеей *равенства*, включает в себе остальное (не обладающее никакой «собственностью»?! – Э.Е.) человечество... Уничтожение привилегий по праву рождения потребовало усилий, которые разрушили скрепы старой организации, и это не было препятствием к общественному переустройству; но обращенный ко всем членам общества призыв выполнять правительственные функции не принес успеха...»³³⁸.

По мнению безоговорочного «апологета» начавшейся промышленной революции, «... всем классам общества будет хорошо при таком устройстве: духовная власть – в руках ученых, светская – в руках собственников; власть же

³³⁸ Цит. по: Сен-Симон, Клод Анри. Письма женевого обывателя к современникам // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 591-592. По мнению ученого, это привело к следующим результатам: «Помимо ужасных жестокостей, являвшихся вполне естественным следствием такого применения принципа равенства, которое вручало власть невежественным людям, оно создало в конце концов форму правления совершенно не пригодную, так как число правителей, *которые все были платными, чтобы дать доступ к управлению людям неимущим*, настолько увеличилось, что труда управляемых едва хватало на их содержание, а это вело к результату, совершенно противоположному постоянному желанию неимущих: платить поменьше налогов».

выбирать людей для выполнения обязанностей великих вождей человечества – в руках всего народа; заработная плата правителям – уважение...»³³⁹.

Развивая, в контексте «итогов» прошедших преобразований, в «Письмах к американцу» собственный тезис, Клод Анри Сен-Симон констатирует: «Если я задам вопрос, какая страсть вызвала французскую революцию и какой класс общества испытывал ее сильнее всех, я отвечу: *страсть к равенству*, и люди, принадлежащие к последнему классу (речь идет, видимо, о так называемом «третьем сословии», к которому автор, судя по всему, не испытывал большой симпатии. – Э.Е.), были склонны больше всех в силу своего невежества, как и в силу своего интереса, неистово отдаться ей. Последствием страсти к равенству было разрушение социальной организации, существовавшей в момент взрыва... Я спрашиваю теперь: если все разрушено, то не нужна ли теперь другая страсть, чтобы ускорить работу нового строительства, или, другими словами: страсть или сдержанность может окончить революцию? Привычки, созданные старыми учреждениями, представляют большие препятствия к установлению действительно нового строя. Подобное установление требует великих философских трудов и больших денежных жертв. Одна лишь страсть может побудить людей к великим усилиям. Сдержанность – не действенная сила, она робка, по существу, и, далекая от того, чтобы ломать сложившиеся привычки, – подчеркивает один из «вдохновителей» создания рационального общества (в авторской лексике – «промышленной системы»), – она стремится к тому, чтобы их сохранить. Сдержанность побуждает лишь согласовать привычки, созданные абсолютистскими и теологическими учреждениями, с идеями и учреждениями свободными и промышленными; однако эти последние... имеют исключительный характер: ничто не произойдет до тех пор, пока они не одержат верх, пока они не освободятся от чуждых элементов, от этой ржавчины, затрудняющей работу их пружин... Когда заявляют, что французская революция... разрушила феодальные и теологические власти, – это

³³⁹ См.: Сен-Симон, Клод Анри. Письма женевого обывателя к современникам // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 592.

преувеличение; она их не уничтожила, она лишь значительно уменьшила доверие к тем принципам, которые служили им основой...»³⁴⁰.

Исходя из того обстоятельства, что широким слоям населения *a priori не характерны* черты, необходимые для того, чтобы достойным образом «нести бремя власти» (о каком же тогда «народном суверенитете» может идти речь, даже при условии, что в категорию «трудящийся класс» были кооптированы не только рабочие, но и промышленники, предприниматели и коммерсанты, отношения которых в «промышленной системе», при откровенно очевидном утопизме последней, должны были быть со временем гармонизированы?!), акцент делается не на расширении прав и свобод человека и гражданина и их адаптации к новым социально-экономическим и политическим условиям, а на институте собственности (прошло не так много времени, чтобы забыть, каким образом экспроприировалось, а затем безжалостно уничтожалось имущество казенного короля и гильотинированной аристократической знати), лежащей в фундаменте действующего властного механизма: «... Форма парламентского правительства весьма предпочтительна перед всеми другими, но это есть только форма (скорее, *необходимый антураж*, призванный демонстрировать французскому «народу» демократический характер политической системы, пришедшей на смену абсолютизму. – Э.Е.), а учреждение собственности – суть; именно этот институт служит основанием общественного здания. Таким образом, наиболее важный вопрос, подлежащий разрешению, это вопрос о том, как должна быть организована собственность для наибольшего блага всего общества в отношении свободы и в отношении богатства... Из краткого обзора... развития и успехов промышленности следует, что... в *политическом отношении* промышленный класс, бывший в рабском положении при своем возникновении, постепенно поднимался, возвеличивался в... общественном бытии и, наконец, в

³⁴⁰ Цит. по: Сен-Симон, Клод Анри. Письма к американцу // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 593. Чем же мотивирует исследователь столь «плачевное» состояние дел? «... Нас погубило отсутствие общих идей, и мы действительно возродимся только при помощи общих идей. Старые идеи одряхлели и не могут помолодеть, – сожалеет Клод Анри Сен-Симон о том, что почти никто не был готов к тому, что произошло в результате революций и последующих весьма радикальных реформ, – нам нужны новые... Мы почувствовали необходимость прервать этот летаргический сон политических писателей, дать их вниманию новую задачу, которую налагает на них новый век, век индустриальный...». – Там же. – С. 594.

настоящее время в состоянии взять в руки всю власть. Это потому, что палата общин, наделенная исключительным правом вотирования налогов, тем самым обладает огромной общественной властью, от которой зависят все остальные... Единственный класс общества, – как полагает ученый-утопист, существенным образом ограничивая понятие «народ», – которому мы желаем усиления властолюбия и политической смелости, *единственный класс, честолюбие которого идет на пользу*, а смелость необходима, есть в общем класс промышленников, ибо их частные интересы силой вещей вполне согласуются с общими интересами...»³⁴¹.

Как мы видим, *во главу угла поставлен либерализм* и идея о том, что *власть должна принадлежать* не «народу» (или хотя бы «гражданам», как в концепции Иммануила Канта) в целом, абстрактный характер которого вполне очевиден, а *всего лишь* сравнительно *небольшой*, с точки зрения численности дееспособного населения государства, *группе собственников*, участвовавших в промышленной революции, и одним этим фактом заслужившим поощрения – за потраченные личные средства и время – в виде эксклюзивного права войти в состав правящей элиты, заняв соответствующую должность в органах одной из ветвей государственной власти. Таким образом, за лозунгами о «свободе, равенстве и братстве», о *декларативности* которых говорят многочисленные свидетельства

³⁴¹ Цит. по: Сен-Симон, Клод Анри. Взгляд на собственность и законодательство // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 594-595. Согласитесь, достаточно оригинальная (однако всего лишь на первый взгляд, так как «третье сословие», несмотря ни на что, *так и не получило* тех «дивидендов», на которые в итоге рассчитывало, свергая короля) и во многом упрощенная интерпретация понятий «народ» и «народный суверенитет», где нет места каким-либо другим социальным группам, кроме «промышленного класса», пусть и в максимально широком значении этого термина. Причем для достижения поставленной цели средств, как говорится, не выбирали: «С точки зрения политики... (речь идет о периоде, началом которому во многом стала революция и время правления императора. – Э.Е.) эпоха принесла два главных политических последствия. Одним из них был *образ террора*, до сегодняшнего дня оказывающий влияние и на французскую, и на мировую политику, – террора, *который во многих умах неразрывно ассоциируется с демократией*. На протяжении долгого времени именно террор был главным аргументом, – крайне жестко констатирует в своей монографии Иммануил Валлерстайн, – который... *использовали против расширения избирательного права*... Вторым же последствием революции, тесно связанным с первым, было непрекращающееся стремление к *недопущению низших страт на национальную политическую арену*... Неслучайно, что в этот период утверждения народного суверенитета и, как следствие, национализма была предпринята прямая попытка оправдать лишение рабочего класса права на участие в этих процессах, исходя из тех соображений, что он еще не был готов к тому (так что напрасно Клод Анри Сен-Симон пытался поставить знак равенства между двумя антагонистами – рабочими (пролетариатом) и промышленниками, которые ни при каких условиях не собирались делить с ними с таким трудом завоеванную власть. – Э.Е.). Чтобы этот аргумент стал действенным, верхние страты даже были готовы пожертвовать собственным гедонизмом...». – Цит. по: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789 – 1914... – С. 28-29, 31.

(достаточно взять в руки любой из романов Эмиля Золя либо «Человеческой комедии» Оноре де Бальзака), могло стоять – практически все что угодно, но только не демократия. Иными словами, не требуется большого числа исторических доказательств, чтобы понять закономерность: *ни одна* из рассматриваемых буржуазных революций, даже при реальной смене формы правления, *не была демократической*, то есть не способствовала тому, чтобы подлинным «носителем суверенитета» и «источником власти» становился не кто иной, как народ, непосредственно или через легитимных представителей осуществляющий власть. В этом смысле, судя по всему, *демократия в чистом виде* – в глазах экономических и политических элит – *никогда*, какой бы период мы ни взяли в качестве примера, *не ассоциировалась с народовластием*. Где уж здесь место мифологемам, что «любая кухарка» (такого рода гиперболы, с большой степенью вероятности, могли звучать из уст британских, французских или североамериканских революционеров) вправе участвовать в управлении государством, если она – причем, на законных основаниях – была лишена ряда гражданских прав, в том числе избирать и быть избранной, вплоть до XX века, не говоря о всем прочем, что идентифицирует собой «власть народа».

С другой стороны, мы будем, как минимум, *не совсем справедливы* и корректны, если не отметим попыток внести соответствующие «поправки» в сложившиеся представления о правовом положении человека и гражданина, нашедшие отражение в нормах действующего законодательства, особенно учитывая тот факт, что они предлагались политическими деятелями, не только участвовавшими в революционных событиях, но и ставшими затем крупными должностными лицами в структурах государственного управления. Примером может служить Бенжамен Анри Констан де Ребек, прошедший долгий путь от члена законодательного трибунала, которым он являлся с 1799 по 1802 год, до разработчика (по просьбе императора Наполеона, предложившего ему эту работу после его возвращения из десятилетней иммиграции, где он находился до 1814 года) дополнений к конституции, лидера «либеральной оппозиции» Палаты

депутатов, а после прихода к власти в результате революции 1830 года Луи-Филиппа – председателя Государственного совета Франции.

Являясь одним из теоретиков либерализма (идеалом формы правления он считал конституционную монархию англо-британского образца), взгляды которого отражали имевшие место социально-экономические и политические трансформации, обусловленные переходом от феодализма к новой практике общественных отношений, Бенжамен Анри Констан де Ребек отстаивал *идею расширения гражданских прав и свобод*: «... Мы современные люди, каждый из нас желает пользоваться своими правами, развивать свои способности по собственному усмотрению, не препятствуя в том другим... Я повторяю: личная свобода... вот подлинная современная свобода (в цитируемой работе, автор проводит параллели с античными демократиями, противопоставляя «*личное*» и «*общественное*»³⁴². – Э.Е.); политическая свобода выступает ее гарантом. Но требовать от нынешних народов, как от древних, пожертвовать всей их личной свободой ради политической свободы – самый верный способ заставить народы отрешиться от личной свободы; когда это удастся, то у них вскоре похитят и свободу политическую...»³⁴³.

Развивая собственную мысль, противник философского материализма отмечает: «Я вовсе не хочу отказаться от политической свободы, но наряду с развитием других ее форм я требую гражданской свободы. Правительства не больше, чем в древности, имеют право присваивать себе (странно, как с таким образом мыслей он умудрялся занимать столь высокие посты, в том числе, в период реставрации монархической формы правления?! – Э.Е.) нелегитимную

³⁴² Например, французский либерал пишет: «... у древних индивид, почти суверенный в общественных делах, остается рабом в частной жизни. Как гражданин, он решает вопросы войны и мира; как частное лицо, он всегда под наблюдением, ограничивается и подавляется во всех своих побуждениях; как частица коллективного организма, он вопрошает, осуждает, разоблачает, изгоняет в ссылку или предаст смерти своих магистратов или начальников; но, будучи подчиненным коллективному организму, он в свою очередь мог быть лишен положения, достоинства, проклят или умерщвлен произволом сообщества, частицей которого является. У наших современников, напротив, независимый в частной жизни индивид суверенен в политике лишь по видимости даже в самых свободных государствах. Его суверенитет ограничен, почти всегда лишен основания; и даже если в определенные, но достаточно редкие времена индивид, опутанный различными мерами предосторожности и оковами, и может осуществлять этот суверенитет, то лишь затем, чтобы отречься от него...». Любопытно, чтобы написал автор о современном западном обществе и его «модных пороках»?

³⁴³ См.: Констан, де Ребек Бенжамен Анри. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 618, 623.

власть. Но правительства, опирающиеся на легитимные основания, имеют меньше, чем прежде, права осуществлять над людьми всевластный произвол. Мы и сегодня обладаем правами, которые существовали у нас всегда, – этими вечными правами соглашаться лишь с тем, что законно, рассуждать о своих интересах, быть неотъемлемой частью общественного организма (интересно, ассоциирует ли автор себя с угольщиком, ремесленником, крестьянином или портовым грузчиком, не отвечающим имущественному критерию, исходя из которого они *не обладают правом избирать и быть избранными*, другими словами, лишены этой самой «политической свободы», о которой он пишет с известным пафосом, произнося *обезличено-собирательное* и *фактически ни к чему не обязывающее* слово «мы», в той либо иной степени аналогичное термину «народ»? – Э.Е.). Но на правительства возложены новые обязанности. Прогресс цивилизации, изменения, привнесенные веками развития, требуют от власти больше уважения к привычкам, чувствам и независимости индивидов. И власть должна простирать над всем этим более осторожную и легкую длань. Такая осмотрительность власти, входящая в число ее самых строгих обязанностей, отвечает, разумеется, и ее собственным интересам; коль скоро свобода, пригодная современным людям, отличается от свободы древних, то и деспотизм, возможный в античности, немислимо перенести в новые времена. Из-за того, что зачастую мы менее внимательны (о каком же «внимании» может идти речь, если многие вообще лишены соответствующих прав, в том числе – на осуществление публичной власти? – Э.Е.) к политической свободе, чем должно, и в нашем обычном состоянии менее, чем должно, пристрастны к ней, можно заключить, что подчас мы напрасно пренебрегаем предоставляемыми политической свободой гарантиями. Но в то же время, поскольку мы больше, чем древние, ценим личную свободу (совершенно не понятно, из чего это непосредственно вытекает и чем обусловлено?! – Э.Е.), мы более настойчиво и умело будем

защищать ее от покушений. И для защиты мы наделены средствами, которых не было в античности...»³⁴⁴.

Не может не вызывать поддержки стремление цитируемого мыслителя, несмотря ни на что, найти компромисс между «личными» и «публичными» интересами (парадокс состоит в том, что отдельные выводы не утратили своей актуальности, особенно на фоне кризиса «общеевропейских ценностей» типа политкорректности, мультикультурализма и толерантности): «... Пусть власть, наконец, смирится с таким положением дел – нам нужна свобода, и мы ее добудем. Но поскольку свобода, которая нам нужна, отлична от свободы древних, она требует и иной организации, нежели та, что соответствовала античной свободе. В античности человек считал себя тем более свободным, чем больше времени и сил он посвящал осуществлению своих политических прав. При годном для нас виде свободы, чем больше времени осуществление политических прав оставляет для наших частных интересов, тем драгоценнее для нас она сама. Из сказанного... вытекает необходимость представительной системы правления (из это следует, что, за исключением выборов, все прочие формы непосредственной демократии должны носить «субсидиарный» либо факультативный характер?! – Э.Е.). Представительная система есть не что иное, как организация, посредством которой нация перекладывает на нескольких индивидов то, что она не может или не хочет выполнять сама. Бедняки сами занимаются своими делами, богатые же нанимают себе управляющих. Такова история древних народов и народов современных. Представительная система есть полномочия, доверенные определенному числу людей всей народной массой (но для этого избирательное право должно носить всеобщий характер. –

³⁴⁴ См.: *Констан, де Ребек Бенжамен Анри. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 625.* В этой связи, не менее противоречивыми выглядят выводы Иоганна Готлиба Фихте: «Совершенное проникновение всех личностей государственностью и вместе с тем – равенство всех в государстве осуществляются лишь посредством совершенного уравнивания прав всех людей. Следовательно, истинно добрые нравы состоят в том, чтобы предполагать это равенство прав всех людей, по крайней мере как нечто, что должно осуществиться, и обращаться с каждым человеком согласно с таким предположением, желая вместе с тем соответствующего этому предположению отношения и с его стороны. Отсюда же ясно, что неравенство прав есть истинный источник дурных нравов, а безмолвное предположение, будто это неравенство есть необходимое вечное состояние, и есть не что иное, как дурные нравы...». – Цит. по: *Фихте, Иоганн Готлиб. Основные черты современной эпохи // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 613.*

Э.Е.), желающей, чтобы ее интересы были защищены, однако не имеющей времени защищать их всякий раз самостоятельно. Но богатые люди, если они не безрассудны, наняв управляющих, со всем вниманием и строгостью следят, как те выполняют свои обязанности, предупреждая нерадивость, неумение, продажность... Точно так же и народы, взявшие представительную систему в целях пользования приемлемой для них свободой, должны осуществлять постоянное и активное наблюдение за своими представителями и оставить за собой право через определенные промежутки времени (им не следует быть слишком продолжительными) *устранить их*, если они обманут ожидания, и *лишить полномочий*, которыми они злоупотребили...»³⁴⁵.

Более того, французскому политическому деятелю нельзя отказать и в справедливости следующего предостережения, обращенного к избирателям, в первую очередь тем из них, кто игнорирует интересы общества: «Поскольку современная свобода отлична от античной (когда демократия носила, чаще всего или предпочтительнее, непосредственный характер. – Э.Е.), ей угрожают опасности другого рода. Угроза античной свободе заключалась в том, что люди, занятые исключительно обеспечением раздела общественной власти, оставляли без должного внимания индивидуальные права и блага. Угроза современной свободе состоит в том, что, будучи, поглощены использованием личной независимости и преследуя свои частные интересы, мы можем... легко отказаться от нашего права на участие в осуществлении политической власти (что и проявляется в последние годы в так называемом *абсентеизме*, то есть в нежелании, причем под самыми благовидными или, наоборот, абсурдными и надуманными предложениями, голосовать. – Э.Е.). Носители власти не упускают

³⁴⁵ Как мы видим, возможность как-то повлиять на депутатский корпус ограничена все теми же выборами (не суть важно, с какой конкретно периодичностью они проходят), досрочный характер которых, при отсутствии императивного мандата, может быть обусловлен лишь вынесением вотума недоверия правительству, да и то при условии, как в том же Соединенном Королевстве, что действует совмещение «депутатского мандата» и «министерского портфеля». Во всех остальных случаях ни о каком «народном контроле» – *не может быть и речи*, так как отстранить неугодного избирателям парламентария от должности гипотетически возможно лишь при совершении им уголовного преступления и снятия с него депутатской неприкосновенности. Так что чрезмерное восхваление цитируемым автором представительной демократии может быть объяснено лишь тем обстоятельством, что в период абсолютистско-монархической формы правления «народ» вообще (даже при условии, что представители «третьего сословия» входили в состав, например, Генеральных штатов) не имел никакого отношения к осуществлению государственной власти и контролю за ее деятельностью.

случая склонить нас к этому. Они с такой готовностью спешат избавить нас от любых хлопот, за исключением уплаты налогов и послушания...»³⁴⁶.

Итак, как показывает критический анализ научных исследований первых десятилетий XIX века, западноевропейские философы и государственоведы, при всех возможных для этого исторического периода тенденциях, с наибольшим – на фоне остального – успехом предпринимают попытки сконструировать и теоретически обосновать модель взаимодействия общества и правящих элит, переходный характер которых, как в первом, так и во втором случае, требовал от них не только принципиально нового прочтения «старых истин», так как уже *начинает формироваться консенсус* о необходимости разделения властей и придания этому «механизму» конституционно-правового статуса, но и совсем, с качественной точки зрения, иного понимания реальной роли в общественно-политическом процессе широких слоев населения, прежде всего тех их групп, с которыми как-то – прямо либо косвенно – *была связана актуализация ранее не востребованных* социальных и публичных институтов³⁴⁷.

³⁴⁶ См.: *Констан, де Ребек Бенжамен Анри*. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // *Антология мировой политической мысли...* Т. I. – С. 625.

³⁴⁷ Парадокс состоит в том, что, не имея легитимной возможности полноценного участия в государственном или муниципальном управлении, экономически (как следствие, политически) менее успешные, чем средние и высшие социальные группы промышленного класса, представители бывшего «третьего сословия» начинают отдавать предпочтение частным, а не публичным интересам (индивидуализм как бы входит в противоречие с корпоративно-общинным «коллективизмом»), что не могло не отразиться на деформации концептуальных представлений об обществе и государстве, *все более обуржуазивавшихся*. Мы, по всей видимости, не будем далеки от истины, если выскажем предположение, что одним из «магистральных» векторов в глазах целого ряда исследователей становится *либерализация* социально-экономических и *консерватизм* политических отношений. При этом, как справедливо подчеркивает Иммануил Валлерстайн, «либерализм никогда не был метастратегией антиэтатизма (antistatism) или хотя бы метастратегией так называемого государства-ночного сторожа. Отнюдь не являясь чем-то противоположным *laissez-faire*, либеральное государство само было созданием саморегулируемого рынка... В конечном итоге либерализм всегда был идеологией сильного государства в овечьей шкуре индивидуализма (как мы видим, выводы цитируемого автора ломают весьма устойчивые стереотипы, согласно которым при либерализме государство должно быть минимальным с точки зрения его функций!? – Э.Е.), или, точнее, идеологией сильного государства как единственного верного и абсолютного гаранта индивидуализма. Конечно, если определять индивидуализм как эгоизм, а реформу как альтруизм, то два эти направления действительно несопоставимы. Однако если определять индивидуализм (в том числе в сфере властно-политических отношений, особенно там, где нет структурированной партийной организации, отражающей определенные «групповые» интересы. – Э.Е.) как максимизацию способностей личности достигать самостоятельно формулируемых целей, а реформу как создание социальных условий, в рамках которых сильный может усмирять недовольство слабого (давая ему возможность тем или другим образом участвовать в политическом процессе. – Э.Е.) и одновременно извлекать преимущества из ситуации, когда сильному оказывается легче, чем слабому, реализовать свои желания, то в таком случае какая-либо имманентная несопоставимость этих двух явлений отсутствует. Совсем наоборот!...».

Каковы же задачи либерализма? Исторически, государствами, которые располагали сравнительно сильными государственными аппаратами, созданными уже в XVI – XVIII веках, «... были Великобритания и Франция. Однако эти государства *не имели глубоко укорененной в народе легитимности*, а та легитимность, которая у них существовала, была подорвана французской революцией. Либерализм XIX века поставил перед

Не отрицая того, что в тех исторических условиях (многие государства от Испании и Португалии до Пруссии имели монархическую форму правления с различной степенью абсолютизма и концентрации власти) представительная демократия была бы *огромным шагом вперед*, однако при наличии системы ограничений, препятствовавших вовлечению в процесс управления большого числа дееспособных граждан, не говоря уже об отсутствии у «избранников»³⁴⁸ народа императивного мандата (то есть возможности отозвать с занимаемой должности всех тех, кто не оправдал доверия), предложение акцентировать внимание научных и политических оппонентов исключительно на механизмах такого рода – стало основой *компромисса*, достигнутого между просвещенной частью общества и правящим классом, в результате которого целый ряд стран *не только сохранили* институт монархии, но и *сумели модернизировать* его с учетом «требований дня», на многие годы продлив существование (или, как в Люксембурге, Голландии, Бельгии, Дании, Швеции, Норвегии, не отказавшись до сих пор, вообще не планируя сдавать в «архив»)³⁴⁹.

Подтверждением сказанного выше, могут служить произведения Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, для которого *олицетворением* «образцового» государственного строя являлась конституционная монархия прусского типа, а в сфере права (рассматривалось как наличное бытие свободы) – отношения, основанные на буржуазной частной собственности. При этом концептуальным взглядам, известным как «объективный идеализм», профессора Берлинского университета на общество, государство и человека, как справедливо отмечает

собой задачу создания этой легитимности (точнее, ее пересоздания с существенным увеличением) и за счет этого – укрепление силы данных государств...». – См.: *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789 – 1914... – С. 12-13.

³⁴⁸ Как гласит статья 27 Конституции Пятой республики от 4 октября 1958 года, «всякий императивный мандат является недействительным», так что указанная норма действует во Франции до сих пор.

³⁴⁹ Так, например, читаем в «Конституционном акте» Великого герцогства Баденского, датированного 22 августа 1818 года: «... Проникнутые искренним желанием укрепить узы взаимного доверия между Нами и Нашим народом и усовершенствовать на намеченном Нами пути все Наши государственные учреждения, Мы даровали нижеследующий конституционный акт и торжественно обещаем за Нас и за наших наследников верно и по совести исполнять его и принуждать к исполнению его других...». – Об этом см.: Конституционный акт Великого герцогства Баденского 22 августа 1818 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 136-139. Итак, если суверенитет носит «монархический» характер, какое отношение к нему имеют широкие слои населения, именуемые «народом»? Вопрос – далеко не риторический!

А.А. Мигولاتьев³⁵⁰, были во многом присущи «... имманентные противоречия, проистекающие из особенностей его консервативной философской системы и принципов диалектического мышления».

Так, последовательно развивая собственную модель государства (не как «средства обеспечения» свободы и неотъемлемых прав граждан, а как «цель в себе», или «самоцель»), выражая несогласие с тем фактом, что оно должно базироваться исключительно на принципах «естественного права», немецкий мыслитель, неизменно придерживаясь идеи божественного происхождения и функционирования последнего (что находит прямую реализацию не только в межгосударственных связях, но и в его отношении ко всемирной истории), констатировал в одной из своих работ: «... Государство есть действительность нравственной идеи – нравственный дух как *очевидная*, самой себе ясная, *субстанциальная воля*, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает. В *нравах* она имеет свое непосредственное существование, а в *самосознании* единичного человека, его знании и деятельности – свое опосредованное существование, равно как самосознание единичного человека посредством умонастроения имеет в нем как в своей сущности, цели и продукте своей деятельности свою *субстанциальную свободу*... Государство как действительность субстанциальной *воли*, которой оно обладает в возведенном в свою всеобщность особенном *самосознании*, есть в себе и для себя *разумное*. Это субстанциальное единство есть абсолютная, неподвижная самоцель, в которой свобода достигает своего высшего права, и эта самоцель обладает высшим правом по отношению к единичным людям, чья высшая *обязанность* состоит в том, чтобы быть членами государства... Государство в себе и для себя есть нравственное целое, осуществление свободы...»³⁵¹.

³⁵⁰ См.: Мигولاتьев А.А. Гегель Георг Вильгельм Фридрих. Вступительная статья //Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 636-637.

³⁵¹ Цит. по: Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Философия права //Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 641-642, 643. Критический анализ см.: Коркунов Н.М. История философии права... – С. 369-380.

С точки зрения анализируемого мыслителя, «... абсолютная цель разума состоит в том, чтобы свобода действительно была. Государство есть дух, пребывающий в мире и реализующийся в нем *сознательно*, тогда как в природе он получает действительность только как иное себя, как дремлющий дух. Лишь как наличный в сознании, знающий самого себя в качестве существующего предмета, он есть государство. В свободе надо исходить не из единичности, из единичного самосознания, а лишь из его сущности, ибо эта сущность независимо от того, знает ли человек об этом или нет, разумеется в качестве самостоятельной силы, в которой отдельные индивиды не более чем моменты: государство – это шествие Бога в мире; его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю. Мысля идею государства, надо иметь в виду не особенные государства, не особенные институты, а идею для себя, этого действительного Бога. Каждое государство, пусть мы даже в соответствии с нашими принципами объявляем его плохим, пусть даже в нем можно познать тот или иной недостаток, тем не менее, особенно если оно принадлежит к числу развитых государств нашего времени, содержит в себе существенные моменты своего существования. Но так как легче выявлять недостатки, чем постигать позитивное, то легко впасть в заблуждение и, занимаясь отдельными сторонами, забыть о внутреннем организме самого государства. Государство – не произведение искусства, – подчеркивает Георг Вильгельм Фридрих Гегель, характеризуя данный институт, – оно находится в мире, тем самым в сфере произвола, случайности и заблуждения; дурное поведение может внести искажения в множество его сторон. Однако ведь самый безобразный человек, преступник, больной, калека – все еще живой человек, утвердительное, жизнь существует, несмотря на недостатки, а это утвердительное и представляет здесь интерес... Идея государства обладает: а) *непосредственной* действительностью и есть индивидуальное государство как соотносящийся с собой организм, государственный строй или *внутреннее государственное* право; б) она переходит в *отношение*... государства к другим государствам – *внешнее государственное* право; в) она есть всеобщая идея как *род* и абсолютная власть,

противополагающая себя индивидуальным государствам, дух, который сообщает себе в процессе *всемирной истории* свою действительность... Государство как действительное есть по существу индивидуальное государство, и сверх того еще и особенное государство. Индивидуальность следует отличать от особенности: индивидуальность есть момент самой идеи государства (с этим трудно не согласиться!? – Э.Е.), тогда как особенность принадлежит истории...»³⁵².

В этой связи, предлагается следующая конструкция (к которой можно относиться по-разному, в том числе с учетом того, что речь идет о начале XIX века) взаимодействия таких системообразующих институтов как *государство* и *гражданское общество*³⁵³: «... Если смешивать государство с гражданским обществом и полагать его назначение в обеспечении и защите собственности и личной свободы, то *интерес единичных людей как таковых* оказывается *последней целью*, для которой они соединены, а из этого следует также, что в зависимости от своего желания можно быть и не быть членом государства. Однако на самом деле отношение государства к индивиду совсем иное; поскольку оно есть объективный дух, сам индивид обладает объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства. *Объединение* как таковое есть... истинное содержание и цель, и назначение индивидов состоит в том, чтобы вести всеобщую жизнь; их дальнейшее особенное удовлетворение, деятельность, характер поведения имеют своей исходной точкой и результатом это субстанциальное и общезначимое. Разумность, рассматриваемая абстрактно, состоит... во взаимопроникающем

³⁵² Цит. по: Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Философия права //Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 643-644.

³⁵³ Как полагает мыслитель, «одним принципом гражданского общества является конкретное лицо, которое есть для себя как *особенная цель*, как целостность потребностей и смешение природной необходимости и произвола, но особенное лицо как существенно *соотносящееся* с другой такой особенностью, так что каждое из них утверждает свою значимость... Гражданское общество есть дифференциация, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства; ибо в качестве дифференциации оно предполагает государство, которое оно, чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное... Гражданское общество содержит в себе три следующих момента: А) опосредствование *потребности* и удовлетворение *единичного* посредством его труда и посредством труда и удовлетворения потребностей *всех остальных*, систему *потребностей*; В) действительность содержащегося в этом всеобщего *свободы*, защиты собственности посредством *правосудия*; С) забота о предотвращении остающейся в этих системах случайности и внимание к особенному интересу как к *общему* с помощью *полиции* и *корпораций*...». – Цит. по: Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Философия права //Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 638-639.

единстве всеобщности и единичности, а здесь, рассматриваемая конкретно, по своему содержанию, – в единстве объективной свободы, то есть всеобщей субстанциальной воли, и субъективной свободы как индивидуального знания и ищущей своих особенных целей воли, поэтому она... состоит в *мыслимом*, то есть в определяющем себя *всеобщими* законами..., действовании. Эта идея в себе и для себя – вечное и необходимое бытие духа. Что же касается того, каково... было *историческое* происхождение государства вообще, вернее, каждого отдельного государства, его прав и определений, возникло ли оно из патриархальных отношений, из страха или доверия, из корпорации и т.д., на чем основаны такие права, как божественное или позитивное право, договор, обычай и т.д., то этот вопрос к самой идее государства не имеет никакого отношения и в качестве явления представляет собой для научного познания... чисто историческую проблему...»³⁵⁴.

Вполне естественно, что цитируемый мыслитель не мог обойти в своем критическом анализе политическую систему государства: «... Государственное устройство разумно, поскольку государство *различает* и определяет внутри себя свою деятельность в *соответствии с природой понятия*, причем так, что *каждая* из этих *властей* есть сама в себе *тотальность* посредством того, что она действительно имеет и содержит в себе многие моменты; и так как они выражают различие понятия, они всецело остаются в его идеальности и составляют лишь *одно индивидуальное* целое... Принцип разделения властей и содержит существенный момент *различия, реальной* разумности; однако в понимании абстрактного рассудка в нем заключается частью ложное (и во многих случаях почти никем из реальных носителей власти не скрываемое, в контексте, например, механизмов «сдержек и противовесов», не говоря уже о формах правления и конкретных политических режимах. – Э.Е.) определение *абсолютной самостоятельности* властей по отношению друг к другу (чего, чаще всего, не наблюдается даже в рамках регламентированных полномочий

³⁵⁴ Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Философия права // Антология мировой политической мысли... – С. 642.

либо прерогатив. – Э.Е.), частью одностороннее понимание их отношения друг к другу как негативного, как взаимного *ограничения*. При таком воззрении предполагается враждебность, страх каждой из властей перед тем, что другая осуществляет против нее как против зла (для чего и «придумали», в частности, такие столь действенные процедуры, как контрасигнатура, вотум недоверия или импичмент!? – Э.Е.), и вместе с тем определение противодействия ей и установление посредством такого противовеса всеобщего равновесия, но не живого единства. Лишь *самоопределение* понятия внутри себя, а не какие-либо другие цели и соображения полезности представляет собой источник абсолютного происхождения различных властей, и лишь благодаря ему государственная организация есть внутри себя разумное и отображение вечного разума... Власти в государстве должны... быть различены, но каждая должна в самой себе образовать целое и содержать в себе другие моменты. Говоря о различной деятельности властей, не следует впадать в... ошибку, понимать это в том смысле, будто каждая ветвь должна пребывать для себя абстрактно, так как власти должны быть различены только как моменты понятия. Если же, напротив, различия пребывают абстрактно для себя, то совершенно ясно, что две самостоятельности не могут составить единство, но должны породить борьбу, посредством которой будет либо расшатано целое, либо единство будет вновь восстановлено силой...»³⁵⁵.

Исходя из того факта, что для университетского профессора *наиболее* (в тех условиях, когда Германия не являлась империей, которой ее чуть позднее сделает «железный канцлер» Отто фон Бисмарк, а напоминала собой своего рода разношерстное «лоскутное одеяло» из нескольких десятков княжеств и

³⁵⁵ Цит. по: Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Философия права // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 650-651. В качестве иллюстрации автор приводит следующий весьма наглядный пример: «... Так, в период французской революции то законодательная власть поглощала так называемую исполнительную власть, то исполнительная – законодательную власть, и нелепо предъявлять здесь моральное требование гармонии, ибо если мы отнесем все к сердечным побуждениям, то, безусловно, избавим себя от всякого труда; но хотя нравственное чувство и необходимо, оно не может само по себе определять государственные власти. Следовательно, все дело в том, чтобы определения властей, будучи в себе целым, в существовании все вместе составляли понятие в целостности. Если обычно говорят о трех властях, о законодательной, исполнительной и судебной, то первая соответствует всеобщности, вторая – особенностям, но судебная власть не есть третий момент понятия, ибо ее единичность лежит вне указанных сфер...». – Там же. – С. 651.

курфюрств, многие из которых масштабами не превышали обычных поместий и некрупных городов) *приемлемой и перспективной*, с точки зрения развития государства, формой правления рассматривалась конституционная монархия соответствующего образца, не будет, скорее всего, большим преувеличением предположить, что, знакомый с итогами нескольких революций, знаменитый ученый не видит другого выхода из сложившейся ситуации, как конвергенция двух отчетливо проявлявшихся фундаментальных тенденций – *либерализма и консерватизма*, необходимой для предотвращения дальнейшей хаотизации и радикализации политического процесса. Парадокс, как нам кажется, состоит в том, что он практически угадал вектор, в направление которого – раньше или позже – предпримут шаги господствующие классы западноевропейских стран, *в подавляющей массе монархий*, посчитавшие, вероятно, нецелесообразным параллельно с трансформацией архаичных экономических отношений менять действующую парадигму управления. Опыт Соединенного Королевства, в той либо иной степени сумевшего не только преодолеть рецидивы «ребрендинга власти», но и извлекшего из этого уроки, позволившие ему в кратчайший срок стать «примером для подражания», служил наглядной иллюстрацией для тех, кто – под «впечатлением» событий во Франции – сомневался в необходимости сохранения монархической формы правления, *полностью не исчерпавшей, заложенных в ней внутренних ресурсов*³⁵⁶.

³⁵⁶ Как подчеркивает немецкий государствовед, философ и теоретик права, характеризуя конституционную монархию прусского образца, «... политическое государство распадается, следовательно, на следующие субстанциальные различия: а) на власть определять и устанавливать всеобщее – *законодательную* власть; б) на власть подводить *особенные* сферы и отдельные случаи под всеобщее – *правительственную* власть; с) на власть субъективности как последнего волевого решения, *власть* государя, в которой различные власти объединены в индивидуальное единство и которая, следовательно, есть вершина и начало целого – *конституционной монархии*... Монарх – *один*; в правительственной власти выступает *несколько* человек, а в законодательной власти – вообще *множество*. Но подобные чисто количественные различия... лишь поверхностны и не сообщают понятия предмета. Неуместны также, как это делается в новейшее время, бесконечные разглагольствования о наличии демократического и аристократического элементов *в монархии*, ибо определения, которые при этом имеются в виду, уже не представляют собой что-либо демократическое или аристократическое. Существуют такие представления о государственном устройстве, в которых высшим считается лишь *абстракция* правящего и приказывающего государства и остается нерешенным, даже считается безразличным, стоит ли во главе такого государства *один, несколько или все*... Так как дух действителен лишь в качестве того, чем он себя знает, и государство в качестве духа народа есть вместе с тем проникающий *все его отношения* закон, нравы и сознание его индивидов, то государственное устройство определенного народа вообще зависит от характера и развитости его самосознания; в этом заключается его субъективная свобода, а следовательно, и действительность государственного устройства... Намерение дать народу *a priori* пусть даже более или менее разумное по своему содержанию государственное устройство упускает из виду именно тот момент, благодаря которому оно есть

На этом фоне достаточно «оригинальным» видится авторский подход к соотношению таких основополагающих публичных институтов, как «народный суверенитет» и «монархия»: «... В новейшее время о народном суверенитете обычно стали говорить как о *противоположном существующему в монархе суверенитете*, – в таком противопоставлении представление о народном суверенитете принадлежит к разряду тех путаных мыслей, в основе которых лежит *пустое* представление о народе. *Народ*, взятый без своего монарха (в итоге получается, что между «главой государства» и «государством» следует ставить, как минимум, *знак равенства*, что и реализовал на практике один из французских королей, провозгласив, покидая заседание Генеральных штатов, ставший сакраментальным лозунг!? – Э.Е.)³⁵⁷ и необходимо и непосредственно связанного именно с ним *расчленения* целого, есть бесформенная масса (и ее превращает в «народ» не кто иной, как «помазанник Божий», или все-таки диалектика взаимоотношений «части» и «целого» принципиально другая, где «демос» и «охлос» совсем ни одно и то же, как может показаться на первый взгляд. – Э.Е.), которая уже не есть государство и не обладает больше *ни одним* из определений, наличных только в *сформированном внутри себя* целом, не обладает суверенитетом, правительством, судами, начальством, сословиями и чем бы то ни было. В силу того, что в народе (так кто же «источник власти» и «носитель суверенитета»? – Э.Е.) выступают такие относящиеся к организации

нечто большее, чем порождение мысли. Поэтому каждый народ имеет то государственное устройство, которое ему соответствует и подходит... Народ должен чувствовать, что его государственное устройство соответствует его праву и его состоянию (как тут не вспомнить «незалежную» Украину, стремящуюся стать «европейским государством», являющуюся таковым только на словах!? – Э.Е.) в противном случае оно может, правда, быть внешне наличным, но не будет иметь ни значения, ни ценности. У отдельного человека (впрочем, как и у отдельных представителей правящей элиты. – Э.Е.) может часто возникнуть потребность в лучшем государственном устройстве и стремление к нему, но проникнутость всей массы подобным представлением – нечто совершенно иное и наступает лишь позже...». – Цит. по: Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Философия права // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 651-652.

³⁵⁷ Как ни странно, но цитируемый автор сам обращает на это внимание: «Государственные функции не могут быть *частной собственностью*... Деятельность государства связана с индивидами, однако они правомочны вести дела государства не в силу своего природного бытия, а в силу своих объективных качеств. Способность, умение, характер относятся к особенностям индивида: он должен получить соответственное воспитание и подготовку к особому делу. Поэтому должность не может ни продаваться, ни передаваться по наследству (а как же тогда быть с государственной «должностью» монарха, или она таковой не рассматривается? – Э.Е.)». – Цит. по: Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Философия права // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 653. То есть, лишь сильное государство способно централизовать страну и противостоять коррупции.

государственной жизни моменты, он перестает быть той неопределенной абстракцией, которую только в общем представлении называют *народом*»³⁵⁸.

Перед нами попытка, не отправляя полностью в «архив» действующую на тот момент форму правления, придать ей *новые качества*, при реализации которых монархия, утратив ряд наиболее одиозных «абсолютистских» черт, сможет на равных конкурировать с политическими режимами, основанными на разделении властей и системе «сдержек и противовесов». Но, в отличие от Соединенного Королевства, где достигнутый компромисс позволил монархии сохранить свои позиции на вершине государственной власти, *встроившись в актуализированную* после «Славной революции» конституционно-правовую *парадигму*, став тем самым «современной», германским общенациональным и

³⁵⁸ См.: Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Философия права // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 653. Не имея достаточного числа «примеров для подражания», исследователь, как представляется, берет во внимание практику (о ее институциональной специфике мы говорили ранее по тексту), сложившуюся к этому времени в Соединенном Королевстве: «... *Законодательная власть* касается законов как таковых, поскольку они нуждаются в дальнейшем определении, и совершенно всеобщих по своему содержанию внутренних дел. Эта власть есть сама часть государственного устройства, которое ей предпослано и поскольку находится в себе и для себя вне ее прямого определения, но она получает... дальнейшее развитие в усовершенствовании законов и в характере поступательного движения всеобщих правительственных дел... В законодательной власти как тотальности действуют прежде всего два момента – *монархический* в качестве того момента, которому принадлежит вынесение окончательного решения, и *правительственная власть*, обладающая конкретным знанием и способностью обзирать целое в его многообразных аспектах и утвердившихся в нем действительных основоположениях, а также обладающая знанием потребностей государственной власти в особенности, в качестве совещательного момента, и, наконец, *сословный элемент*... Следствием одного из ложных воззрений на государство является требование... исключить из законодательных органов членов правительства. В Англии министры (вернее будет сказать, члены кабинета, *de facto* совмещающие, в рамках *системы заслуг*, «депутатский мандат» и «министерский портфель», чего нет в республиканской Франции и в тех же Соединенных Штатах, которые, судя по всему, «примером для подражания» никак не являются!? – Э.Е.) должны быть членами парламента, и это правильно, поскольку *участвующие в управлении государством должны находиться в связи с законодательной властью, а не противопоставлять себя ей*. Представление о так называемой независимости властей (что абсурдно по определению, так как вопрос стоит не о независимости, а о разделении властей. – Э.Е.) друг от друга заключает в себе ту основную ошибку, что независимые власти тем не менее должны ограничивать друг друга. Но посредством же этой независимости уничтожается единство государства, которое надлежит требовать прежде всего». – См.: Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Философия права // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 653.

Перед нами, условно говоря, «взгляд со стороны», так как изнутри все выглядит несколько иначе: «... донныне все правительства действовали в силу необходимости так, как их заставляли действовать условия, в которые они были поставлены (в том числе и условия, которые окружали с самого рождения лиц, составляющих правительство, и которые сформировали их характеры). Им придется и впредь действовать таким же образом; поэтому они, если судить разумно, – отмечает английский социальный и политический мыслитель, социалист-утопист Роберт Оуэн, – не заслуживают никакого упрека, и им надо помочь выпутаться из затруднительного положения. Изменить образ действий правительств в должном направлении и прочно улучшить их положение могут только обстоятельства, которые изменили бы их характер, преобразовав их теперешние ошибочные взгляды... Британское правительство вследствие всего того же плохого обучения и недостатка у него знаний является также прямо или косвенно причиной той *недоброжелательности и недостатка милосердия во взаимных отношениях, тех низких и зловредных страстей, которые удручают подданных империи*, как бы это ни казалось малоочевидным...». – Цит. по: Оуэн, Роберт. Революция в сознании и деятельности человеческого рода, или грядущий переход от неразумия к разумности // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 666.

региональным элитам *еще только предстояло пройти путь консолидации и институционально-иерархической структуризации*, «прочности» которых в итоге хватит всего на пятьдесят лет – до момента образования «Веймарской республики», также просуществовавшей недолго³⁵⁹.

Итак, в очередной раз мы вынуждены подчеркнуть, что приоритетным и наиболее востребованным направлением научных исследований является *форма правления* (в первую очередь для того, чтобы придать «историческую легитимность» монархии и ее базовым учреждениям, в той либо иной степени сумевшим адаптироваться к «реалиям» промышленной революции и новому статусу бывшего «третьего сословия», настойчиво требующего воспринимать его в качестве одного из элементов политического процесса), на фоне которых работы, посвященные *политическому режиму*, в том числе *демократии* и ее многочисленным *формам* (за исключением тех, где рассматривался генезис и соответствующая – древнегреческая или древнеримская – античная практика), *не пользовались* ни популярностью в академической среде, ни ажиотажным спросом у тех, в чьих руках сосредоточивались властные полномочия. В этом, на наш взгляд, прослеживается известная *преемственность* с теоретическим наследием предшествующих периодов, когда внимание преимущественно (и целенаправленно) акцентировалось на республиканизме, а не на демократии. Не исключено, что в силу целого ряда причин между ними *не делали никакой принципиальной разницы*, однако опыт западноевропейских средневековых городов-государств и Соединенных Штатов, не говоря уже о конституционных монархиях, свидетельствует о том, что «*res publica*» – *не всегда ассоциируется с народовластием* в прямом значении данного термина.

По мнению французского философа-позитивиста Огюста Конта, бывшего определенное время секретарем Клода Анри Сен-Симона (разработчика так называемой «промышленной системы», относившего к классу «трудящихся» не только собственно рабочих, но промышленников и предпринимателей!?), в

³⁵⁹ Подробнее см.: Хоус Дж. Краткая история Германии /Джеймс Хоус; пер. с англ. Т.Ю. Гутман. – М.: Азбука-Аттикус, КоЛибри, 2018. – С. 119-170.

большей или меньшей степени повлиявшего на эволюцию мировоззрения последнего, «... с тех пор как начался великий современный кризис, в главных политических столкновениях народ являлся и еще теперь является *простым вспомогательным элементом*. Участвуя в борьбе, народ надеется, конечно, добиться некоторого улучшения своего общего положения; но это улучшение, очевидно, не может быть согласовано со взглядами и целью, действительно ему присущими. Все обычные споры оставались, по существу, ограниченными различными высшими или средними классами, ибо предметом их было преимущественно обладание властью. Народ же длительное время не мог непосредственно интересоваться такими конфликтами, так как природа нашей цивилизации, очевидно, не позволяет пролетариям надеяться и даже желать сколько-нибудь значительного участия в политической власти в собственном смысле этого слова...»³⁶⁰.

Как следствие, «... добившись всех социальных результатов, каких они (другими словами, суммарный «трудящийся класс», в том числе рабочие (или пролетарии), у которых с промышленниками и предпринимателями крайне трудно найти что-либо общее! – Э.Е.) могли ожидать при временном переходе политического господства от духовенства и феодальной аристократии к метафизикам и легистам, они теперь все более и более безразлично относятся к бесплодному продолжению этой все более и более жалкой борьбы, отныне почти сведенной к пустому личному соперничеству. Каковы бы ни были... усилия метафизической агитации втянуть их в эти пустые споры, соблазняя их тем, что называют *политическими правами*, – народ, в особенности (если при этом, естественно, иметь в виду государства, пережившие антифеодальные буржуазные революции со всеми вытекающими из этого «последствиями». – Э.Е.) во Франции, инстинктивно понял уже, насколько было бы призрачным или ребячески несерьезным обладание такой привилегией, которая даже при ее нынешней степени распространения не внушает обыкновенно никакого

³⁶⁰ См.: *Конт, Огюст. Дух позитивной философии // Антология мировой политической мысли...* Т. I. – С. 700.

истинного интереса большинству из тех, которые исключительно ею пользуются. Народ, по существу, может интересоваться только фактическим применением власти, в чьих бы руках она ни находилась, а не ее специальным завоеванием. Как только политические или, вернее, отныне социальные вопросы будут обыкновенно относиться к форме, в которой власть должна быть осуществлена, дабы лучше достичь своего основного назначения..., тотчас же придется признать, что наблюдаемое теперь презрение отнюдь не ведет к опасному безразличию; до этого момента народное мнение останется чуждо... спорам, которые с точки зрения здравомыслящих людей, увеличивая непрочность всех властей, стремятся специально задержать необходимый переворот. Одним словом, народ естественно расположен желать, чтобы тщетное и бурное обсуждение прав было наконец заменено плодотворной и спасительной оценкой различных основных обязанностей, как общих, так и частных. Таков сам собой выдвигающийся принцип тесного соотношения, которое, будучи рано или поздно понято, неминуемо соединит народный инстинкт с социальной деятельностью положительной философии, ибо это великое превращение, очевидно, равноценно обоснованному... высокими умозрительными соображениями переходу современной политической агитации в простое философское движение...»³⁶¹.

Как полагает цитируемый автор (с которым в этом случае трудно во всем согласиться), «... если народ теперь относится и должен впредь относиться безразлично к непосредственному обладанию политической властью, то он никогда не может отказываться от необходимой доли постоянного участия в

³⁶¹ См.: *Конт, Огюст. Дух позитивной философии // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 700-701. Развивая собственный тезис, мыслитель далее пишет: «... первый и главный результат последнего будет действительно состоять в прочном построении всеобщей морали действия, предписывающей каждому деятелю, личному или коллективному, наиболее соответствующие основной гармонии правила поведения. Чем больше будут размышлять об этом естественном отношении, тем полнее будет признано, что эта решительная перемена, которую могло произвести только положительное мышление, может теперь находить опору лишь у народа в собственном значении слова, единственно расположенного хорошо ее понять и глубоко ею заинтересоваться. Предубеждения и страсти, свойственные высшим или средним классам, сообщая препятствуют им первыми понять в достаточной степени всю важность этой новой политической задачи; ибо обыкновенно они должны больше интересоваться преимуществами, сопряженными с обладанием властью, чем опасностями, вытекающими из неправильного осуществления последней...». – Там же. – С. 701. Критический анализ см.: *Коркунов Н.М. История философии права... – С. 441-478.**

моральной власти; это – единственная власть, истинно доступная всем... она уполномочивает каждого, во имя общей основной доктрины, надлежащим образом призывать сильнейших мира к исполнению их различных основных обязанностей (интересно, каким образом это можно осуществить без какого-либо активного участия широких слоев населения, непосредственно или через своих легитимных представителей, в политическом процессе?! – Э.Е.). Правда, предрассудки, присущие переходной или революционной эпохе, должны были также иметь некоторый успех среди наших пролетариев; они в самом деле поддерживают здесь прискорбные иллюзии (к которым, скорее всего, относятся выборы и все подобного рода «процедуры»? – Э.Е.) о бесконечном значении собственно политических мер; они мешают оценивать, насколько справедливое удовлетворение великих народных интересов зависит теперь более от воззрений и нравов, чем от самих учреждений..., преобразование которых, в настоящее время невозможное, требует прежде всего духовной реорганизации...»³⁶².

Речь идет о том, что консерватизм как механизм стабилизации процесса государственного строительства *становится все более востребованным* не

³⁶² См.: *Конт, Огюст*. Дух позитивной философии // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 701-702. Как пишет один из немецких современников французского мыслителя, «... в каждом человеке прежде всего гнездится колоссальный эгоизм, который с величайшею легкостью перескакивает границы права, о чем в мелочах свидетельствует обыденная жизнь, а в крупном масштабе – каждая страница истории. Да разве в основе общепризнанной необходимости столь тщательно оберегаемого европейского равновесия не лежит уже сознание, исповедание того факта, что человек есть хищное животное (а Огюст Конт, вслед за Клодом Анри Сен-Симоном, призывает нас с одинаковыми чувствами и оценками подходить и к промышленнику, и к его рабочим, лишь на том основании, что они, якобы, относятся к «трудящемуся классу», только один из них получает прибыль, а другие – всего лишь мизерную зарплату? – Э.Е.), наверняка бросающееся на слабейшего, который ему подвернется? И разве в малом не видим мы ежедневного подтверждения этого факта? Но к безграничному эгоизму нашей натуры еще присоединяется более или менее существующий в каждом человеке запас ненависти, гнева, зависти, желчи и злости, накапливаясь, как яд в отверстии змеиного зуба, и ожидая только случая вырваться на простор, чтобы потом свирепствовать, подобно сорвавшемуся с цепи демону...». – Цит. по: *Шопенгауэр, Артур*. Мысли // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 697.

Не исключено, что здесь лежат причины того, что одни члены общества (к какой бы социальной или корпоративной группе они ни относились) не представляют себя вне политического процесса, вне какого-либо служебного кабинета и соответствующего кресла, другие – предпочитают игнорировать даже те права и свободы, которыми их наделила конституция и нормы законодательства: «... Интеллект, или познавательная способность, есть среда мотивов, через которую именно они действуют на волю, составляющую собственно ядро человека. Когда эта среда находится в нормальном состоянии, правильно отправляет свои функции и потому предъявляет воле для выбора мотивы в неискаженном виде, так, как они представляются в реальном внешнем мире, – только тогда воля и может решать сообразно со своею природою, то есть с индивидуальным характером человека, следовательно, может *беспрепятственно* проявляться по своей самособственной сущности. Тогда человек интеллектуально свободен, то есть его поступки есть чистый результат реакции его воли на мотивы, которые представляются ему в реальном мире так же, как и другим. Вследствие этого поступки человека тогда вменяемы ему как нравственно, так и юридически...». – Цит. по: *Шопенгауэр, Артур*. Свобода воли // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 693.

только в тех странах, где – по вполне объективным причинам – еще не созрели соответствующие предпосылки к переходу (хотя о чем-то подобном говорить, имея в виду достаточно специфические для европейского континента в целом тенденции, начавшие проявляться после завершения «наполеоновских войн», как минимум, преждевременно) от монархической к республиканской форме правления, но также на Британских островах и в бывших североамериканских колониях – как в Соединенных Штатах, «ассоциированным» членом которых в скором времени станет Техас, так и в Канаде, стремящейся получить от своей метрополии октроированный суверенитет, – переживаемых адаптивный этап к предстоящему переходу на следующую стадию цивилизационного развития.

Какие бы правящие элиты мы ни взяли в качестве «примера», ни у одной из них *не было и тени сомнений* по поводу того, в каком направлении следует предпринять конкретные, строго фиксированные шаги, чтобы предотвратить «сползание» государства и общества в революционный политико-правовой и идеологический нигилизм, что в той или иной степени не могло не отразиться на представлениях и концептуальных взглядах и на процесс государственного строительства, и на его гипотетические перспективы. Особенность состояла в том, что, если несколько десятилетий назад точка зрения конкретного ученого в основном носила теоретический характер и не учитывалась в практической деятельности (лишь со временем доктрина станет одним из источников права в Соединенном Королевстве), то теперь появилась потребность обосновать в глазах заинтересованных сторон необходимость нахождения компромисса и его дальнейшей реализации в сложившейся системе социально-экономических и политических отношений, не выводя за скобки лицемерные декларации о так называемом «народном суверенитете»³⁶³.

³⁶³ На это обстоятельство обращают внимание многие современные исследователи: «... *Идеология* – вот имя, которое мы дадим этим попыткам устранить то, что, на первый взгляд, представляется глубоким и, возможно, непреодолимым разрывом между конфликтующими интересами. Идеологии – это не просто способы взгляда на мир, они больше, чем предрассудки и исходные постулаты. Идеологии – это политические метастратегии, и как таковые они востребованы лишь в таком мире, – отмечает Иммануил Валлерстайн, – где политическое изменение считается нормальным явлением, а не девиацией. Именно таким стал капиталистический мир-экономика под воздействием культурного потрясения революционно-наполеоновского периода. Именно этот мир выработал идеологии, которые на протяжении XIX и XX веков служили и учебниками ежедневной политической деятельности, и в качестве кредо, оправдывающих земные компромиссы этой деятельности присущие...

Так почему же все-таки господствующие классы и концентрировавшие власть правящие элиты, *воспитанные на идеалах просвещения и гуманизма*, не говоря уже о ведущих философах и государствоведах своего времени, не отдавали предпочтение *демократии* как форме и механизму народовластия, а акцентировали внимание либо на конституционной монархии, принимая за образец – и даже «пример для подражания» – модель, сложившуюся в самом конце XVII – начале XVIII века в Соединенном Королевстве (голландский опыт по каким-то причинам не пользовался аналогичным успехом!?), либо на таком «противоречивом» общественно-политическом явлении как *республиканизм*, с которым в большей или меньшей степени были связаны фундаментальные процессы, протекавшие с разным успехом в Соединенных Штатах и Франции, радикальным образом изменившие отношение к представлениям и образам, сформированным благодаря *идеализации* институтов античного периода? Не

Консервативная идеология была глубоко связана с представлением о французской революции как о примере той разновидности намеренного политического изменения, которое разрушает медленное течение эволюции «естественных» социальных сил. Для консерваторов этот разрушительный процесс имел длительное и сомнительное наследие (с одной стороны, корнями уходившее в такие доктринальные идеи, как «номинализм», религиозный раскол, научный рационализм, с другой – разрушение тех групп, институтов и интеллектуальных устоев, традиционно считавшихся базовыми основами для эпохи средневековья. – Э.Е.). Таким образом, – делает принципиальный вывод цитируемый мыслитель, с которым, безусловно, нельзя не согласиться, – консервативная идеология была «реакционной» в том простом смысле, что она являлась реакцией на наступление того феномена, который мыслится нами как Модерн (modernity), и ставила перед собой цель либо полного поворота ситуации вспять (жесткая версия консерватизма), либо ограничения ущерба и по возможности максимально долгого сдерживания наступающих изменений (более тонкая версия). Консерваторы были уверены, что, применяя свои «рациональные» дедуктивные схемы к политическому процессу, сторонники революции (или реформы – в рамках консервативной догмы между ними мало различия) создают беспорядок, упраздняют вековую мудрость и тем самым наносят социуму вред... Как и все идеологии, *консерватизм был в первую очередь* и главным образом *политической программой*. Консерваторы прекрасно знали, что они должны держаться за государственную власть либо отвоевать ее и что государственные институты были ключевым инструментом, необходимым для достижения их целей. Когда в 1815 году консервативные силы вернулись к власти во Франции, они увековечили это событие словом «реставрация». Однако в действительности... ход событий не вернулся к прежнему положению дел. Людовику XVIII пришлось уступить, издав «Хартию» (так была названа декларация, обнародованная будущим королем в Сент-Уэне, имевшая ключевое политическое значение для восстановления монархии, где, в том числе, провозглашались идеи «либеральной конституции», принять которую он клятвенно обещал. – Э.Е.), а когда Карл X попытался установить подлинную реакцию, он был смещен с престола, а на его место (по итогам революции 1830 года. – Э.Е.) был поставлен Луи-Филипп, который принял куда более современный титул «король французов». Идеальным решением для консерваторов было бы полное исчезновение движений, отражавших либеральные позывы, – за тем исключением, что следующим лучшим решением было бы убедить законодателей в необходимости предельной осторожности при осуществлении какого-либо политического изменения громадной значимости. Однако этого не случилось и в 1815 году, а после 1848 года это будет признано утопией. Вместилищем устойчивой политической силы консерватизма станет массовая обеспокоенность тем, что в «суверенном народе» будет постоянно появляться множество разочарований в реформах. С другой стороны, громадная слабость консерватизма... заключалась в том, что он был, в сущности, негативной доктриной...». – Цит. по: *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789 – 1914... – С. 3, 5-6.

исключено, что в этом есть своя закономерность, обусловленная стремлением сохранить «надстройку», существенно трансформировав только «базис»³⁶⁴.

Однако могли быть и другие важные «причины», побуждавшие всех тех, кто ассоциировался с монархической формой правления, учитывать тот факт, что ее «конкурент» в лице учреждений республиканского типа – уже не только «персонаж» из древнегреческих мифов или трактатов Платона и Аристотеля, которым восхищались и хотели в чем-то подражать (как те же средневековые итальянские города-государства), а *историческая реальность*, с которой, при желании, можно было соприкоснуться, купив проездной билет на ближайший дилижанс до французской границы, либо на корабль, отплывавший к берегам Северной Америки, как это осуществляли многие из иммигрантов. Главное в другом: несмотря на форму правления, в западноевропейских монархиях все более отчетливо начинает проявляться тенденция (можно даже проследить, в некоторой степени, *положительную* динамику, обусловленную, в том числе, глубокой теоретической проработкой целого ряда вопросов) к постепенному

³⁶⁴ Один из ответов, применимо к Соединенным Штатам, предлагает современный историк Гордон С. Вуд, с выводами которого, несмотря ни на что, трудно не согласиться: «... Революция важна для нас, американцев, по множеству причин и, не в последнюю очередь, потому что она одарила нас всепоглощающей заботой о нашей *собственной морали и мессианским ощущением нашей цели в мире*. Короче говоря, революция сделала нас идеологизированным народом... Мы не любим думать о себе как о людях с идеологизированным разумом. Кажется, что в американском мышлении нет места идеологии. Даже само это слово звучит по-европейски. Оно ассоциируется с системами доктринерских идей и догматическими, абстрактными теориями. Едва ли оно могло иметь что-то общее с практичными, прагматичными людьми, которыми, мы, американцы, привыкли себя считать. И, конечно же, идеология, как мы привыкли думать, не могла иметь отношение к самой прагматичной из всех революций – американской революции... Впрочем, большинство историков революции в это больше не верят. Сейчас кажется ясным, что она в очень большой мере являлась *идеологическим движением*, включавшим в себя фундаментальную смену идей и ценностей. На самом деле я бы пошел еще дальше и сказал бы, что *американская революция была такой же идеологической, как и любая революция в современной западной истории*, и, как следствие, мы, американцы, являемся такими же идеологически мыслящими людьми, как и любой народ, принадлежащий к западной культуре (интересно, относится ли все сказанное к народам, не ассоциирующим себя с «западом» и «западной культурой»? – Э.Е.). Быть американцем не означает быть кем-то, это означает верить во что-то... В чем же состоит природа этой идеологии, созданной американской революцией?.. Лишь где-то в прошлом поколении мы пришли к пониманию того, до какой степени XVIII век был идеологически заряжен *республиканизмом*... Под термином «республиканизм» мы сегодня *должны подразумевать* слово «демократия», – подчеркивает цитируемый исследователь, – иначе мы не поймем его значения в том столетии. В конце концов, китайцы сегодня живут при республиканском строе, так же как сирийцы и кубинцы. А под монархией мы должны подразумевать авторитарную власть, так как значительная доля государств Западной Европы являются монархиями... Там, где республиканизм сегодня зачастую принимается как данность и где сохранившиеся остатки монархии выглядят такими безобидными, трудно оценить силу воздействия республиканизма на интеллектуалов XVIII века. В самом деле в *XVIII столетии республиканизм был столь же радикален, как и марксизм в XIX веке*. Для всевозможных европейских политических и социальных критиков XVIII века республиканизм и республиканская традиция служили обоснованием для моральных воззрений, опираясь на которые, эти люди вступали в противоборство с господствующим монархизмом и материализмом той эпохи...». – Цит. по: Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США... – С. 395, 396-397.

расширению и законодательному закреплению прав и свобод, в дальнейшем составивших основу конституционного статуса человека и гражданина. Вместе с тем было бы преувеличением говорить о том, что кризис государственности был преодолен без кардинальных реформ архаичной политической системы, центральным институтом которой рассматривался монарх с широким кругом полномочий и его ближайшее окружение, где действовали сословные и иные ограничения, мешавших функционированию «социальных лифтов».

В отличие от германских и англосаксонских авторов, избегавших, как правило, использовать в научных произведениях и публичных лекциях термин «демократия», естественно, *не игнорируя его полностью* при характеристике соответствующих общественных отношений, французский социолог, историк и политический деятель Алексис де Токвиль (в обширной «карьере» которого было и членство во Французской академии, и должность вице-председателя Национального собрания, и кресло министра иностранных дел, и заключение в тюрьму) внес его непосредственно в название одной из книг, посвященной процессу государственного строительства в Соединенных Штатах.

Во многом оправданно пользуясь репутацией теоретика либерализма и демократии (ему, в частности, принадлежит идея о неизбежности буржуазно-демократических преобразований в обществе, системный анализ вопросов соотношения политической свободы и социального равенства, критическое восприятие буржуазного эгалитаризма как источника деспотизма), дипломат и политолог, подчеркивая, что стремление установить равенство приводит в итоге к централизации власти, бюрократизации управления и перманентному усилению роли государства, констатировал (при этом не следует забывать, что обобщения, к которым приходит Алексис де Токвиль, *не лишены авторского субъективизма*): «Равенство, делающее людей независимыми друг от друга, вырабатывает в них привычку и склонность руководствоваться в... жизни лишь собственными желаниями и волей. Та полная независимость, которой они постоянно пользуются как в отношениях с равными себе, так и в личной жизни, вызывает в них недовольство любой властью и вскоре формирует у них понятие

политической свободы и приверженность ей. Люди, живущие в такое время, следовательно, *самым естественным образом предрасположены к восприятию идеи свободных институтов*. Возьмите любой из них, и, если вы сможете добраться до его инстинктивных чувств, вы обнаружите, что из разных форм правления он более всего признает и уважает то, главу которого он избирал сам и действия которого находятся под его контролем. Из всех политических последствий, порождаемых социальным равенством, именно это стремление к независимости прежде всего бросается в глаза..., ибо *в демократиях анархия обретает более ужасные качества, чем в любом другом обществе*. Ведь если граждане лишены возможности воздействовать друг на друга, то в случаях, когда сдерживающая их государственная власть ослабляется, быстро наступает политический хаос, и поскольку каждый отдельный гражданин предпочитает держаться от всего в стороне, здание социального устройства мгновенно рассыпается в прах...»³⁶⁵.

Тем не менее, отмечает Алексис де Токвиль, с выводом которого нельзя не согласиться, «... я убежден, что *анархия* – ... не основное, а *наименьшее из зол, которых нужно опасаться в век демократии*. На самом деле *равенство порождает две тенденции*: первая ведет людей к *независимости* и может внезапно подтолкнуть их к анархии; вторая тенденция проявляется не столь быстро и не столь наглядно, но она значительно более целенаправленно ведет людей к *закрепощению*. Люди быстро распознают первую тенденцию и всячески ей противодействуют, позволяя... увлечь себя в другом направлении, поскольку не видят его опасности... Ни в коей мере я не порицаю равенство за то, что оно порождает непокорность; как раз за это я его и хвалю. Меня охватывает восхищение, когда я вижу, как оно формирует в умах и сердцах людей некое смутное представление о политической независимости и инстинктивное стремление к ней, вырабатывая таким образом лекарство от болезни, им же порождаемой. Именно этим привлекает меня равенство...».

³⁶⁵ Цит. по: Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке... – С. 481.

Критически, сопоставляя известные формы общественно-политического устройства, рассматривая вопрос о том, посредством чего «... представления граждан об управлении в демократических обществах естественным образом способствуют концентрации власти», исследователь приходит к следующему, несколько неожиданному заключению: «... Идея промежуточных институтов власти, находящихся между монархом и его подданными (речь, скорее всего, идет о так называемой конституционной монархии англосаксонского типа? – Э.Е.), представлялась вполне естественной в аристократическом обществе, где эта власть оказалась в руках отдельных лиц или семейств, которые в силу своего происхождения, образования и богатства не имели себе равных и были как бы призваны управлять другими. В век равенства эта идея, естественно, отсутствует в умах людей по причинам обратного свойства; внедрить ее в сознание можно лишь искусственно и удерживать в нем – лишь с большим трудом. Вместе с тем граждане, практически не раздумывая, принимают идею единой и централизованной власти, которая сама управляет ими... Впрочем, в политике, так же как в философии и религии (и в этом автор однозначно прав. – Э.Е.), демократический народ *с радостью воспринимает простые и общие идеи*. Сложные концепции не воспринимаются разумом, и людям нравится чувствовать себя великой нацией, все граждане которой соответствуют одной модели и управляемы единой властью...»³⁶⁶.

³⁶⁶ Цит. по: Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке... – С. 481-482. Применимо к североамериканцам, об этом же пишет современный историк становления государства и общества Соединенных Штатов Гордон С Вуд: «... Республианизм не был... идеологией, свойственной только американцам, но фактически являлся плодом давнего наследия гражданского гуманизма, уходившего корнями в произведения классической латинской литературы времен античности... Эти республиканские ценности... обещали нечто гораздо большее, чем свержение королей и новые выборные правительства. Фактически *республианизм был предвестником совершенно новой морали*. Он неизбежно затрагивал характер и культуру общества и поэтому имел громадное значение для любого народа, решившего установить республиканский строй...».

Сравнивая монархическую (напомним, что среди «отцов-основателей» были и те, кто, как, например, Александр Гамильтон, с большой симпатией относился к англо-британской конституционной монархии) и республиканскую форму правления, нельзя, с известными оговорками, не согласиться с авторским выводом: «... монархии, обладали достоинствами, отсутствующими в республиках, и именно поэтому они существовали повсюду с начала истории, и именно поэтому до сих пор во всем мире процветают авторитарные (ранее по тексту мы уже отмечали, что североамериканский ученый рассматривает монархию не иначе, как одну из форм авторитарной власти. – Э.Е.) правительства. Монархии придерживались совершенно реалистичного или циничного взгляда на человеческую природу. Сторонники этой формы правления не ожидали от людей ничего, кроме продажности и эгоизма. Короли-самодержцы владели целым рядом средств для поддержания единства их внутренне разнородных и развращенных обществ. Чтобы сохранить сплоченность, монархи обладали мощной единой исполнительной властью, множеством ведомств, сложной социальной иерархией, почетными титулами,

Как ни парадоксально на первый взгляд (хотя ничего парадоксального в этом нет, если встает вопрос не только о формировании общества, но и о его последующем демократическом развитии, в том числе посредством правовой защиты, что бесперспективно без соответствующих публичных учреждений и четко функционирующих государственных механизмов), но, *«вслед за идеей единой и централизованной власти в эпоху равенства, в умах людей почти непроизвольно зарождается идея единого законодательства»*. Поскольку каждый человек мало чем отличается от своих соседей, он не понимает, почему закон, применимый к одному из них, не может быть распространен на всех остальных. Самые незначительные привилегии вызывают у него³⁶⁷ отвращение. Малейшие различия в политических институтах одного и того же общества порождают недовольство его граждан. Поэтому единообразие законов представляется людям важнейшим условием хорошего правления... Я уверен, – подчеркивает Алексис де Токвиль, – что... понятие единого закона, равным образом распространенного на все социальные группы, было чуждо человеческому сознанию в века аристократии. В то же время оно не могло прийти к этой идее или же отвергало ее... Эти противоположные устремления разума в конце концов превращаются в такие слепые инстинкты и... прочные привычки, что они начинают руководить поступками людей вне зависимости от особенностей личности...»³⁶⁸.

Все это, с точки зрения исследуемого нами французского наблюдателя, *«...порождает у людей эпохи демократии очень высокие представления об*

постоянной армией и государственной церковью... Что касается республик, то в их распоряжении имелись лишь немногие из тех объединяющих атрибутов, которыми располагали монархии. Следовательно, порядок, если в республиках он был, должен был поддерживаться снизу, благодаря добродетели или самоотверженности самого народа. Но именно потому, что республики столь глубоко зависели от народа, они также являлись государствами, крайне чувствительными к переменам в моральном характере своих обществ. Короче говоря, республики были самыми тонкими и хрупкими типами государств. Лишь моральные качества народа оберегали республики от распада из-за междоусобиц и расколов. Поэтому они были государствами, которых, скорее всего, ожидала политическая смерть...». – См.: Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США... – С. 397-398.

³⁶⁷ Странно, но лишь до того времени, пока он сам или члены его семьи не начинают ими пользоваться.

³⁶⁸ Завершая собственную мысль, автор далее по тексту пишет: «... Несмотря на бесконечное разнообразие средневековой жизни, и тогда встречались совершенно похожие индивидуумы, однако это не мешало законодателю наделять каждого из них различными обязанностями и разными правами. И напротив, в наше время правительства изнуряют себя в попытках навязать одни... обычаи и законы группам населения, которые еще имеют между собой мало общего». – См.: Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке... – С. 482.

общественных прерогативах и чрезмерно скромное – о правах личности. Они легко соглашались с тем, что выгода первого из них – все, а интересы личности – ничто (это, скорее, похоже на тоталитаризм, а не на демократию. – Э.Е.). Они охотно мирятся с тем, что власть, олицетворяющая собой все общество, несет в себе больше мудрости и знания, чем любой из людей, составляющих это общество, и что вести каждого гражданина за руку есть не только право, но и обязанность власти... Американцы полагают (естественно только те из них, кто обладает избирательным правом. – Э.Е.), что в каждом штате верховная власть должна устанавливаться самим народом. Однако, как только органы власти сформированы, американцы не помышляют их в чем-то ограничивать (более того, у них нет никаких механизмов типа «императивного мандата», чтобы это, при желании, каким-либо образом осуществить в реальности. – Э.Е.), охотно соглашаясь с тем, что власть имеет право делать все. Американцы не могут себе представить, чтобы отдельные города, семьи либо отдельные граждане пользовались особыми привилегиями. Они твердо убеждены в том, что любой закон должен одинаково применяться в разных частях одного и того же штата по отношению ко всем гражданам, живущим в нем... Эти взгляды все шире и шире распространяются сейчас и в Европе, проникая даже в сознание тех наций, которые наиболее яростно отвергают догмат народовластия. Эти нации исповедуют иные убеждения относительно природы власти (не видя, как ни странно, адекватной альтернативы имеющейся монархической форме правления?! – Э.Е.), чем американцы, однако они рассматривают ее под тем же углом зрения: у тех и у других стирается и исчезает представление о промежуточной власти. Из сознания людей быстро выветривается идея права как неотъемлемой принадлежности... ограниченного круга индивидуумов, ее место занимают представления о всемогущем и едином для всего общества законе. Эти представления укореняются и усиливаются в сознании по мере того, как люди уравниваются в своих правах и условиях существования. Идеи эти порождаются равенством и... ускоряют процесс установления равенства. Во Франции, где... преобразования носили более решительный характер, чем в любой другой

европейской стране, эти воззрения полностью овладели сознанием граждан... Централизация..., всемогущество общественной власти, единообразие ее законов... наиболее характерные (и закономерные!? – Э.Е.) черты всех зарождающихся сегодня политических систем...»³⁶⁹.

Как мы видим, «страсть к равенству», совместно с другими причинами спровоцировавшая начало французской революции, к которой, по замечанию цитируемого ранее Клода Анри Сен-Симона, *«в силу своего невежества... и в силу своего интереса»* были склонны низшие слои общества, возводится чуть ли ни «в абсолют», несмотря на одно важное обстоятельство: в подавляющем большинстве государств с монархической формой правления *к этому еще не созрели необходимые предпосылки*. С той либо иной степенью исторического оптимизма можно говорить всего лишь об определенных тенденциях, в связи с чем практика отдельных североамериканских штатов, в силу самых разных причин ставшая вдруг «объектом» изучения со стороны Алексиса де Токвиля, и вызвавшая у него неподдельный интерес и симпатию, носила как минимум не только *преждевременный*, но и *невостребованный* характер. Нет секрета в том, что бывшие британские «заморские территории» переживали подъем, вызванный укреплением федеративных отношений (до начала междоусобной войны оставалось еще тридцать лет), поэтому результат преобразований был налицо, причем было что с чем сравнивать: путешествие в Северную Америку с целью изучения опыта работы «пенитенциарной системы» состоялось после революции 1830 года, водворения на вершину власти короля Луи-Филиппа и последовавших за этим «либеральных» реформ³⁷⁰.

³⁶⁹ Цит. по: Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке... – С. 483.

³⁷⁰ В этой связи, трудно не поддержать констатаций французского политического деятеля: «... Во время своего пребывания в Соединенных Штатах я заметил, что демократическое общественное устройство, подобное американскому, предоставляет редкие возможности для установления деспотизма, а вернувшись в Европу, я увидел, что многие... правители уже воспользовались идеями, чувствами и потребностями, порождаемыми этим общественным устройством, чтобы расширить границы своей власти. Это привело меня к мысли о том, что христианские народы могут в конце концов испытывать те же притеснения, каким некогда подвергались другие... народы. Более детальный анализ этого вопроса и пять лет новых раздумий не уменьшили моих опасений, изменив, однако, их причину... Мне кажется, что, установись сейчас деспотизм в демократических обществах, он имел бы другой характер: он был бы менее жестоким, но более всеобъемлющим, и, принижая людей, он не подвергал бы их мучениям. Я не сомневаюсь, что в такое просвещенное и эгалитарное время, как наше, монархи могли бы легко объединить в своих руках всю государственную власть, более свободно и глубоко

Вместе с тем, нельзя игнорировать и того факта, что в качестве «примера для подражания» предлагалось государство, составные элементы которого, в отличие от административно-территориальных единиц Франции, юридически обладали *весьма значительной долей суверенитета* как в законодательной, так исполнительной и судебной сфере публичных отношений, что немислимо для западноевропейских монархий и республик, имевших, за единственным на тот момент исключением (в виде Швейцарской конфедерации), унитарную форму устройства с централизованной системой управления³⁷¹.

Критический анализ работ конца первой трети XIX века, посвященных – тем либо иным образом – становлению и развитию буржуазного государства и права (с учетом соответствующей формы правления, так как промышленной революции в Соединенном Королевстве или Пруссии монархия не выступала каким-то серьезным препятствием, тем более объективным сдерживающим фактором), выявляет, если не закономерность, то, по крайней мере, *идейный и мировоззренческий* вектор, в рамках которого предпринимаются попытки, в отдельных случаях сравнительно удачные, выйти из кризиса, обусловленного, в частности, непониманием того, *в каком направлении необходимо двигаться обществу*, не утратившему сословной структуры, в то же время ощущавшему

вникая в круг частных интересов граждан, чего никогда не могли себе позволить владыки древнего мира...». – См.: Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке... – С. 495-496.

³⁷¹ Как справедливо подчеркивал цитируемый автор, «в то время как старое общественное устройство Европы приходит в упадок и разваливается, монархи приходят к новым убеждениям относительно своей власти и своих обязанностей. Они наконец-то поняли, что центральная власть, которую они воплощают, может и должна лично, в соответствии с единым планом управлять всеми делами и всеми гражданами в государстве. Эти воззрения, которые, смею утверждать, никогда ранее не разделялись монархами Европы, сегодня все глубже проникают в их сознание и *не желают уступать место иным концепциям*. Таким образом, сегодня люди менее разделены, чем это можно было бы себе представить; они постоянно спорят друг с другом по вопросу о том, в чьи руки будет передана верховная власть, но легко подчиняются правам и обязанностям этой власти над собой. Все воспринимают правительство как олицетворение *единой и естественной власти*, – характеризует ученый процесс государственного строительства в контексте концентрирования публичных функций в руках европейских монархий, – которая все предвидит и все может... Любые *другие политические идеи кажутся второстепенными и преходящими, и лишь эта остается незыблемой, нерушимой, ни с чем не сравнимой истиной*. Публицисты и государственные деятели безоговорочно ее принимают, толпа с жадностью хватается за нее; управляемые и власть имущие с одинаковым жаром следуют ей; она вездесуща, кажется, что она существовала всегда. Следовательно, эта идея (напомним, как ее формулирует французский дипломат и историк: «... Централизация, вездесущность, всемогущество общественной власти, единообразие ее законов... наиболее характерные черты всех зарождающихся сегодня политических систем. Эти черты мы обнаруживаем в основе самых причудливых утопий. Они преследуют человека в его мечтах». – Э.Е.) предстает не случайным порождением человеческого разума, а выступает естественной предпосылкой современного состояния человеческого общества...». Цит. по: Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке... – С. 483.

бесперспективность отношений подобного рода, и политической системе, не во всех фундаментальных аспектах отвечавшей «требованиям дня».

Одним из важнейших вопросов, попавших в зону «особо пристального» внимания крупнейших представителей западноевропейской философской и юридической научной мысли, сконцентрированной в ведущих университетах Старого Света, стала *проблема нахождения компромисса* между монархией, переживавшей не лучшие времена, и «народным суверенитетом», носившим, несмотря на конституционный статус, во многом декларативный, абстрактный характер. Даже начав процесс либерализации организационных механизмов, действовавших при формировании органов парламентского типа, правящие элиты *не только не спешили, но и не собирались* полностью отказываться от традиционных институтов сословного представительства, что, естественно, не могло не диссонировать с принципами «народного суверенитета»³⁷².

Не исключено, что в этом, совершенно неожиданно для правящих элит, ассоциирующих в глазах широких слоев населения не только положительный, но и отрицательный опыт в области конституционно-правовых отношений (по многим параметрам носивших – не более чем условный характер), проявились последствия той *торопливости*, с которой были связаны попытки ответить на вызовы времени, инициировав принятие нормативных актов, содержащих, *без каких-то существенных оснований*, утверждение о том, что «источником власти» и «носителем суверенитета» является не кто иной, как «народ» в лице своих представителей, соответствующих определенным критериям. При этом не возникало ни тени сомнений по поводу того, что правом быть «носителем» подобного статуса должны обладать *лишь определенные категории* граждан или подданных, исходя из чего достаточно проблематично, даже с известной

³⁷² Например, читаем в статье III (Сословное собрание. Права и обязанности членов сословного собрания) «Конституционного акта» Великого герцогства Баденского от 22 августа 1818 года: «... Земские сословные чины разделены на две палаты... Первая палата состоит из: принцев Великогерцогского дома; глав бывших владетельных фамилий; епископа страны и протестантского духовного лица, пожизненно назначенного Великим герцогом с чином прелата; восьми депутатов земельного дворянства; двух депутатов от университетов страны; лиц, назначаемых Великим герцогом членами этой палаты независимо от сословия и рождения... Депутаты избираются избранными населением выборщиками...». – Цит. по: Конституционный акт Великого герцогства Баденского 22 августа 1818 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 137-138.

степенью условности, идентифицировать общественный строй подавляющего числа государств первой половины XIX века – как демократический. Причина как минимум в не совсем адекватной интерпретации термина «демократия», в чем значительная доля вины лежит на научном сообществе, идеалистически – без учета *общих* и *конкретных* тенденций – воспринимавшем «кабинетную» концепцию народовластия, последовательно внедрявшем ее в общественное и индивидуальное сознание (судя по всему, не во всех случаях задумываясь о «результатах») феномена, известного как «народ», воодушевляя его итогами преобразований в Соединенном Королевстве, Голландии или Франции. Но, и этого старались, если не замечать, то, по крайней мере, не популяризировать, о чем нередко говорит юридическая литература и публицистика тех лет, *опыт одной страны*, каким бы положительным он в итоге ни был, *не всегда и не во всем применим к другой*, даже с очень схожими характеристиками. Поэтому и дефиниции подобного рода не могли не носить налета вариативности³⁷³.

Безусловно, политический процесс, о достаточно стабильной динамике которого более или менее отчетливо свидетельствуют самые разные события, не

³⁷³ Как писал в свое время Гарольд Дж. Ласки – автор предисловия к книге «Демократия в Америке», известно, что Алексис де Токвиль «... допускал неточности при использовании слова «демократия», и это не осталось без последствий ни для него самого, ни для его читателей. У него не было единого и ясного понимания этого термина. В самом деле, он постоянно употребляет его в разных значениях. Сначала это слово значило для него стремление к уравниванию всех сторон жизни общества. Он полагал, что это стремление является наиболее важным и неизбежным плодом французской революции, и именно этому феномену он уделил самое глубокое внимание. В то же время он употреблял это слово для обозначения представительной формы правления. Иногда оно принимает у него значение «народ», особенно когда он говорит о непокорных массах. Этим же словом он называл всеобщее избирательное право (напомним, что в тех же Соединенных Штатах не все государственные образования, в то время, когда Алексис де Токвиль со своим близким другом Гюставом де Бомоном путешествовал по территории бывших британских колоний, предоставили его взрослому белому мужскому населению, например, штат Род-Айленд осуществил это всего лишь в 1843 году, через пятьдесят шесть лет после принятия федеральной конституции. – Э.Е.), а также быстрое движение общества к равенству, которое сметало все привилегии, особенно в области политики. Это смешение произошло потому, – делает вывод издатель, с обобщениями которым нельзя и в целом, и в деталях не согласиться, – что он ошибочно полагал, что стремление к демократии обнаружил в Америке. На самом же деле он поехал в Америку для того, чтобы своими глазами увидеть последствия тех тенденций, которые, как ему было известно, уже зародились в Европе. Именно поэтому и у Токвиля, и у его читателей *возникло двойное заблуждение*. Он не осознавал до конца, что к тому времени, когда он начал холодно и отстраненно, как ему казалось, анализировать свой американский опыт, принципы, на которых строились его размышления, уже вполне сформировались (в итоге выводы подгонялись под уже готовую научно-теоретическую конструкцию, другими словами, он видел только то, чему хотел найти подтверждение?! – Э.Е.). Размышляя над этим опытом, он также не понимал, до какой степени собранный им материал был обусловлен теми основополагающими принципами, которые он использовал еще до путешествия... Несмотря на то, что мы находим немало точных наблюдений и сведений..., почерпнутых непосредственно из документов, необходимо заметить, что Токвиль подходил ко всему виденному и прочитанному с определенной схемой. Вследствие этого он подчас делал далеко идущие выводы, слабо подтверждаемые фактами...». – Цит. по: Ласки Гарольд Дж. Предисловие //Токвиль Алексис де. Демократия в Америке... С. 16-17.

стоял на месте, поэтому идеи, когда-то казавшиеся лишь плодом фантазии «кабинетного» ученого, начинают приобретать вполне конкретные очертания, вынуждая политические элиты и просвещенную часть общества инициировать решение проблем, связанных с преодолением кризисных явлений, во многом обусловленных *диссонансом* между «остаточными» рецидивами феодально-абсолютистской эпохи и буржуазными институтами, активно вторгающимися в повседневную практику, ломая и трансформируя поведенческие стереотипы не только широких слоев населения, но и господствующих классов. Приходит осознание несомненного факта: *преобразования необходимы* не столько для того, чтобы расширить спектр прав и свобод человека и гражданина, сколько *для сохранения монархии как формы правления*, способной к модернизации и «осовремениванию», в противном случае, «источник власти» и «носитель суверенитета», несмотря ни на что, будет вынужден оправить ее в «архив». С такой дилеммой столкнулись все, кроме британской, которая давно сумела от нее вполне успешно избавиться, западноевропейские монархии, но выводы, к сожалению, были сделаны разные, поэтому одни из них функционируют до сих пор, другие – стали достоянием истории. Справедливости ради нельзя не сказать, что свой вклад в «адекватность» принятых решений внесли ведущие философы и государствоведы, стремившиеся понять, оценить, концептуально обосновать *естественный* и исторически *закономерный* характер процессов, в рамках которых протекал переход к новой стадии развития конституционно-правовых отношений, где демократии отводилось место, *в большей степени* отвечавшее потребностям общества и отдельных категорий граждан³⁷⁴.

³⁷⁴ В контексте сказанного приведем небольшой фрагмент из предисловия Алексиса де Токвиля, которое он опубликовал в 1848 году к двенадцатому французскому изданию своей книги: «... Сколь бы значительными и неожиданными ни были события, стремительно происходившие на наших глазах, автор настоящего труда имеет полное право заявить, что они не застигли его врасплох. Когда я писал эту книгу пятнадцать лет тому назад, мною владела одна-единственная мысль – о ближайшем неизбежном наступлении демократии во всем мире. Перечитайте мою работу, и вы на каждой странице встретите торжественные предувещания о том, что общество меняет свой облик, что человечество преобразует условия своего существования и что в недалеком будущем его ожидают перемены в судьбах. Книгу предваряли следующие слова: *«Постепенное установление равенства есть предначертанная свыше неизбежность. Этот процесс отмечен следующими основными признаками: он носит всемирный, долговременный характер и с каждым днем все менее и менее зависит от воли людей; все события, как и все люди, способствуют его развитию. Благоразумно ли считать, что столь далеко зашедший социальный процесс может быть приостановлен усилиями одного поколения? Неужели кто-то полагает, что, уничтожив феодальную систему и победив королей, демократия отступит перед*

Одним из *леворадикальных* направлений научно-теоретической мысли (при этом следует обратить внимание на весьма примечательный факт: если в предшествующие периоды в авангарде исследований государства и права в основном, так как бывали исключения, находились английские и французские ученые и политические деятели, то теперь «пальма первенства» принадлежит «германскому гению» в лице авторов, придерживавшихся самых разных точек зрения), достаточно популярным и востребованным в определенных кругах, становится *анархизм*, идейным проповедником которого являлся выпускник Берлинского университета Макс Штирнер, резко отрицательно относившийся к идеалам, провозглашенным французской революцией, абстрактным по своей сути и оторванным от конкретного человека «из плоти и крови». Провозгласив приоритетной крайнюю форму индивидуализма – *эгоизм*, он противопоставил его государству как инструмент освобождения от рабства, мотивируя это тем, что, какой бы формы, в том числе демократической, оно в итоге не было, цель и предназначение последнего всегда одни и те же – ущемление и подавление личности, индивидуального «я», рассматриваемого, с точки зрения апологета доктрины анархизма, единственным и исключительным, «замкнутым только на себя», возвышающим сильного и безжалостно относящимся к слабому³⁷⁵.

буржуазией и богачами? Останется ли она теперь, когда... стала столь могучей, а ее противники столь слабы?» Человек, который написал эти ставшие впоследствии пророческими строки в то время, когда Июльская революция не столько потрясла, сколько укрепила монархию, может сегодня без боязни вновь привлечь внимание читающей публики к своей работе. Ему позволительно будет добавить к этому и то, что нынешние обстоятельства возбудили к его книге живейший интерес и придали ей практическое значение, которого она не имела при первом появлении. Тогда существовала королевская власть. Сегодня она уничтожена. Американские политические институты, вызывавшие лишь любопытство в монархической Франции, должны стать предметом углубленного изучения во Франции республиканской. Новую власть укрепляют не только сила, но и хорошие законы... Речь уже идет не о том, будем ли мы Францией королевской или республиканской; необходимо понять, будет ли эта республика буйной или спокойной, упорядоченной или неупорядоченной, республикой мирной или воинственной, либеральной или деспотической, той республикой, которая угрожает священным правам собственности и семьи, или же республикой, признающей и чтущей эти права. Чрезвычайно важная проблема, от решения которой будет зависеть судьба не только Франции, но и всего цивилизованного мира... В зависимости от того, создадим ли мы свободную демократию или же демократическую тиранию, станет изменяться и облик мира, и можно сказать, что сегодня мы решаем, будет ли республика, наконец, провозглашена повсюду или же повсюду она будет уничтожена...». – Цит. по: *Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке...* – С. 23-24.

³⁷⁵ Подробнее см.: *Штирнер, Макс. Единственный и его собственность // Антология мировой политической мысли...* Т. I. – С. 722-728. Прежде всего, отторгаются следующие тенденции, о которых писал, цитируемый выше французский ученый и политический деятель, во многом характерные для демократических обществ и, *как ни парадоксально*, гипотетически способные привести отдельного человека либо определенную группу лиц к проявлениям крайнего индивидуализма: «... Поскольку в эпоху равенства *никто не обязан оказывать содействие ближнему*, так же как никто не вправе рассчитывать на значительную поддержку со стороны, каждый индивидуум является одновременно и независимым, и беззащитным. Эти два состояния, которые не следует ни

Основная идея, рефреном проходящая сквозь самую известную работу Макса Штирнера (нашедшая отражение и детализацию не только в творчестве Фридриха Ницше³⁷⁶, но и со временем ставшая философским «фундаментом» нескольких концепций социал-дарвинистского направления), формулируется таким образом: «... В нашем соединении как нация или государство мы только люди. Как мы поступаем каждый в отдельности и каким своекорыстным влечением следуем, касается исключительно нашей *частной жизни*; наша *публичная*, или государственная, жизнь – *чисто человеческая*. То, что в нас есть нечеловеческого, или «эгоистического», низводится к «частному делу», и мы точно отделяем государство от «буржуазного общества», в котором и царит «эгоизм». Истинный человек – нация, а единичный – всегда эгоист. Поэтому сбросьте с себя свою единичность, или обособленность, в которой заключается источник эгоистического неравенства и смуты, и посвятите себя вполне истинному человеку, нации или государству. Тогда вас можно будет считать людьми, и вы будете иметь все, что полагается человеку; государство, истинный человек, причислит вас к своим и даст... «права человека»; человек дает вам свои права. Так говорит гражданственность. Гражданственность не что иное, как мысль, что государство в целом – это истинный человек и что человеческая ценность единичной личности состоит в том, чтобы быть гражданином государства. Быть хорошим гражданином – это самое высокое для чести, выше этого нет ничего, кроме устаревшего идеала быть «добрым христианином». Гражданственность и буржуазия развились в борьбе против привилегированных

смешивать, ни разделять, – подчеркивает Алексис де Токвиль, знакомый с американским опытом подобного рода, – вырабатывают у человека демократического общества весьма двойственные инстинкты. Независимость придает ему уверенность и чувство собственного достоинства среди равных, а бессилие дает ему время от времени почувствовать необходимость посторонней поддержки, которую ему не от кого ждать, поскольку все, окружающие его, одинаково слабы и равнодушны (и, по всей видимости, экономически и социально одинаково равны между собой?! – Э.Е.). В своем отчуждении он невольно устремляет взоры к той громаде, которая в одиночестве возвышается посреди всеобщего упадка. Именно к ней обращается он... со своими нуждами и чаяниями, именно ее он в конце концов начинает воспринимать как единственную опору, необходимую ему в собственном бессилии. Все это позволяет нам понять (вывод по-прежнему актуален. – Э.Е.), что нередко происходит в демократических обществах, где люди, столь болезненно относящиеся к любым начальникам, спокойно воспринимают власть хозяина и могут быть одновременно и гордыми, и рабски угодливыми...». – Цит. по: Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке... – С. 484-485.

³⁷⁶ Подробнее см.: Ницше, Фридрих. По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1997. (Серия «Антология мысли»).

сословий, которые обходились с ней как с «третьим сословием», очень свысока, и ставили ее на одну доску с чернью, «*canaille*». В государстве царило неравенство личности. Сын дворянина получал отличия, недостижимые для самых лучших людей среднего сословия...»³⁷⁷.

В конце концов, констатирует бывший студент философского факультета Берлинского университета, посещавший лекции Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, «... против этого возмутилось гражданское чувство. Долой всякое отличие, долой предпочтение личностей, долой различие сословий! Да будут все равны! Да не преследуют отныне никакие обособленные интересы (это что, «манифест» анархии и индивидуализма?! – Э.Е.), а только *общий интерес всех*. Государство должно стать обществом свободных и равных людей, – с нескрываемой иронией пишет мыслитель, по мнению которого, *индивид не приемлет вообще никакой политики*, – каждый должен посвятить себя «благу общего», раствориться в *государстве*, сделать государство своей целью и идеалом. Государство! Государство! Таков всеобщий лозунг (кроме тех, кто не стремится каким-либо образом ассоциировать себя с данным институтом, его гражданами, внешними атрибутами, законодательными и судебными актами, наконец, публичными учреждениями? – Э.Е.); и вот начали искать «настоящую государственную конституцию», лучшую конституцию, то есть осуществление государства в лучшем понимании этого слова. Идея государства проникла во все сердца и возбуждала воодушевление; служить ему, этому светлому Богу, стало новым богослужением и культом (а что же в этом предосудительного?! – Э.Е.). Наступила определенная *политическая* эпоха. Служение государству или нации сделалось высшим идеалом, государственные интересы стали высшими интересами, служба государству (для чего не надо быть непременно чиновником) – высшей честью... Таким образом были изгнаны обособленные интересы, и самопожертвование во имя государства стало общим лозунгом. Нужно отречься *от себя* и жить только для государства. Нужно поступать

³⁷⁷ Цит. по: Штирнер, Макс. Единственный и его собственность // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 722.

«бескорыстно» и приносить пользу не *себе*, а государству. Оно, государство, сделалось поэтому истинной личностью, перед которой исчезает всякая обособленная: не я живу, оно живет во мне. Поэтому в сравнении с прежним корыстолюбием и самолюбием люди сделались самым бескорыстием и *обезличенностью*. Перед этим Богом – государством – исчез всякий эгоизм, и перед ним все были равны; они все были, без всякого отличия, «людьми», только «людьми»³⁷⁸ ...».

Как следствие, полное неприятие вызывает не только «статус» человека и гражданина (у которого, одновременно с появившимися «бескорыстием» и «обезличенностью» полностью «исчез всякий эгоизм»), но и принадлежащие ему права и «политические свободы»: «... Что нужно под этим подразумевать? Свободу единичной личности *от* государства и его законов? Нет, наоборот, *связанность* единичного с государством и государственными законами. В чем же заключается «свобода»? В том, – делает вывод апологет индивидуализма, характеризуя степень несамостоятельности, зависимости и личной несвободы «людей», – что от государства не отделяют более посредники, а установлено прямое и непосредственное отношение к *нему*, потому что теперь мы – граждане государства, а не подданные кого-нибудь..., мы даже подданные короля не как личности, а как «главы государства». Политическая свобода, это основное учение либерализма... Политическая свобода означает, что полис, государство,

³⁷⁸ Цит. по: *Штирнер, Макс*. Единственный и его собственность // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 722-723. В свою очередь, по мнению Алексиса де Токвиля, выводы которого несколько отличаются от того, как видит тенденции его немецкий оппонент, «... по мере уравнивания у того или иного народа условий существования отдельные индивидуумы мельчают, в то время как общество в целом представляется более великим, или, точнее, каждый гражданин, став похожим на всех других, теряется в толпе, и тогда перед нами возникает великолепный в своем единстве образ самого народа... Ненависть людей к привилегиям (при этом речь не идет об эгоизме, о котором с таким пафосом говорит, отрицающий государственные институты, мыслитель-анархист. – Э.Е.) возрастает по мере того, как сами привилегии становятся более редкими и менее значительными. Можно сказать, что костер демократических страстей разгорается как раз тогда, когда для него остается все меньше горючего материала... Неравенство не кажется столь вопиющим, когда условия человеческого существования различны; при всеобщем единообразии любое отклонение от него уже вызывает протест, тем больший, чем выше степень этого единообразия. Поэтому вполне нормально, что *стремление к равенству* усиливается с утверждением самого равенства: удовлетворяя его требования, люди развивают его. Постоянная и все возрастающая ненависть, которую испытывают демократические народы к малейшим привилегиям, странным образом способствует постепенной концентрации всех политических прав в руках того, кто выступает единственным представителем государства. Государь, возвышающийся обязательно и безусловно над всеми гражданами, не вызывает ничьей зависти, при этом каждый еще считает своим долгом отобрать у себе подобных все prerogatives и передать их ему...» – Цит. по: *Токвиль, Алексис де*. Демократия в Америке... – С. 482, 485.

свободно, религиозная свобода – что религия свободна, как свобода совести – то, что свободна совесть, следовательно, не то, что я свободен от государства, религии, совести, то есть что я от них *избавился*. Она не означает *моей* свободы, а свободу управляющей мною и покоряющей меня власти, она означает, что один из моих тиранов – каковы государство, религия, совесть – свободен. Государство, религия, совесть – эти *тираны* делают меня рабом, и их свобода – *мое* рабство. Что они при этом... должны следовать положению «цель оправдывает средства» – понятно само собой. Если благо государства – цель, то война – священное средство, если справедливость – цель государства, то удар насмерть – освященное средство и своим святым именем называется «казнь»: святое государство *освящает* все, что идет ему на пользу. «Индивидуальная свобода», которую ревностно сторожит... либерализм, означает вовсе не совершенно свободное самоопределение, благодаря которому действия сделались бы вполне моими, а только независимость от *личностей*. Индивидуально свободен тот, кто не ответствен ни перед каким *человеком*. В этом смысле – а иначе нельзя понимать свободу – не только властелин индивидуально свободен, то есть *не ответствен перед людьми...*, но свободны все, ответственные только перед законом...»³⁷⁹.

Подобное понимание «свободы» экстраполируется автором и на тех, кто олицетворяет собой государство и властные институты: «Революционное движение привело именно к этой свободе, к независимости от произвола... Поэтому конституционный князь должен был отказаться от всякой личности, от всякого индивидуального решения, чтобы не нарушить как личность, как *индивидуальный человек* «индивидуальную свободу» других. *Личная воля властелина* отнята у конституционного князя, и неограниченные монархи правы, когда препятствуют этому. Но при этом именно они хотят быть в лучшем смысле «христианскими князьями». Для этого, однако, они должны были бы сделаться *чисто духовной* властью, так как христианин подчиняется только *духу*... С

³⁷⁹ Цит. по: Штирнер, Макс. Единственный и его собственность // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 724.

полной последовательностью только конституционный князь представляет чисто духовную власть, так как он, не имея никакого личного значения, в такой степени одухотворен, что может... считаться совершенным, страшным «духом», *идеей*. Конституционный король – истинно *христианский* король, вполне последовательное порождение христианского принципа. В конституционной монархии индивидуальное господство (видимо, имеется в виду не только самодержавие в форме абсолютизма прусского образца, так и не сумевшего, несмотря на неоднократные попытки, стать «общегерманским» проявлением «чисто духовной власти»?! – Э.Е.), то есть истинно *желающий* повелитель, закончилось; поэтому в ней господствует *индивидуальная свобода*, независимость от всякого индивидуального повелителя, от всякого... Она – завершенная христианская государственная жизнь, жизнь в духе...»³⁸⁰.

Подчеркивая, что «*мы оба, государство и я, – враги...*», Макс Штирнер в итоге формулирует вывод с достаточно далеко идущими, причем не только мировоззренчески, последствиями: «Государство допускает, чтобы граждане

³⁸⁰ Цит. по: *Штирнер, Макс*. Единственный и его собственность // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 724-725. В другом исследовании диалектика соотношения «свободы» (в том числе политической) и «несвободы» характеризуется следующим образом: «... Недостаточно быть только свободным от того, чего не желаешь, нужно еще *иметь* то, чего желаешь, нужно быть не только «свободным», но и «собственником». Быть свободным – от чего? Многое есть, конечно, такого, что следует стряхнуть с себя. Иго крепостной зависимости, неограниченную власть над собой, иго аристократии и князей, господство страстей и похотей, да даже власть собственной воли, своеволия, ибо совершеннейшее самоотрицание тоже сводится именно к свободе, к свободе от самоопределения, от собственного «я», и стремление к свободе как к чему-то абсолютному, за что стоит заплатить какую угодно цену, лишало нас нашего своеобразия; оно создавало самоотречение, самоотрицание... Моя свобода становится только тогда совершенной, когда она обращается во власть, и тогда я перестану быть только свободным и становлюсь собственным. Почему свобода народов «пустой звук»? Потому, что народы не имеют власти! Одним дуновением живого *Я* человек сметает целые народы, все равно, будет ли это дуновение какого-нибудь Нерона, китайского императора или бедного писателя. Почему палаты депутатов тщетно рвутся к свободе и вынуждены выслушивать за это «внушения» министров? Потому, что «власть» не в их руках! Власть хорошая вещь и полезная для многого, так как «с горсточкой власти больше преуспеваешь, чем с коробом прав». Вы жаждете свободы? Глупцы! Если бы вы захватили в свои руки власть, свобода пришла бы сама собой. Взгляните, кто имеет власть, тот «стоит над законом». По вкусу ли вам это, господа законопочитатели, «законники»? Но ведь у вас нет вкуса! Громко раздаются отовсюду крики о «свободе». Но разве чувствуют и знают, *что* означает дарованная, предоставленная из милости свобода? Не понимают люди *всего* смысла того, что всякая свобода, в сущности, – самоосвобождение, то есть что я могу иметь лишь столько свободы, сколько добуду себе благодаря моему своеобразию... Но если известные люди отнимают у вас свободу слова и свободу слушать, то они прекрасно понимают свою выгоду в данное время, ибо вы можете сказать и услышать нечто такое, от чего они, эти известные люди, утратят всякое значение и всякое влияние. Если же они все же дают вам свободу, то они плуты, которые дают больше, чем имеют: они не дают вам тогда ничего им принадлежащего, а лишь краденый товар, дают вам вашу собственную свободу, свободу, которую вы сами должны были бы взять себе, и они дают вам ее только для того, чтобы вы ее сами не взяли и прежде всего не притянули к ответственности воров и обманщиков. В своей хитрости они отлично знают, что дарованная свобода все же не есть свобода...». – Об этом см.: *Штирнер, Макс*. Я // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 728-729.

играли в свободу, но серьезно помышлять о свободе не разрешается: *нельзя забывать о государстве*. Человеку не дозволяется свободно общаться с другими людьми, вне «верховного надзора и посредничества». Я не смею делать все, что могу, я должен делать только то, что дозволяет государство, не смею осуществлять *мои* мысли (а если это призывы к свержению законной власти? – Э.Е.), *мою* работу, вообще ничего моего. Государство всегда занято тем, чтобы ограничивать, обуздывать, связывать, подчинять себе отдельного человека (правда, как ни странно, оно, кроме этого, еще и лечит, защищает от внешнего врага, разыскивает и наказывает преступников, учит. – Э.Е.), делать его «подданным» чего-нибудь *всеобщего*. Оно может существовать лишь до тех пор, пока отдельный человек не станет всем во всем, оно – лишь ясно выраженная *ограниченность* моего я, мое ограничение, моя зависимость, мое порабощение. Никакое государство не стремится развить (по-видимому, по этой причине оно активно создает школы, лицеи, университеты, публичные библиотеки и театры?! – Э.Е.) свободную деятельность отдельных людей – оно способствует лишь такой деятельности, которая связана с *государственной целью* («... ограничивать, обуздывать, связывать, подчинять себе отдельного человека...»!? – Э.Е.). При посредстве государства не осуществляется также ничего *совместного*, как нельзя было бы, например, назвать ткань общей работой всех остальных частей машины; наоборот, это – продукт работы целой машины как единицы, *машинная работа*. Приблизительно так же действует и *государственная машина*: она приводит в движение колесики отдельных умов, ни один из которых не следует собственному побуждению. Всякую свободную деятельность государство старается затормозить и подавить своей цензурой, своим надзором, своей полицией, считая... долгом так поступать, и таков действительно его долг – долг самосохранения. Государство хочет непременно что-то сделать из людей, и потому в нем живут только *сделанные* люди; всякий, кто хочет быть самим собой, – враг государства и ставится им ни во что. «Он –

ничто» означает, что государство не использовало его, что оно не предоставляет ему никакой должности, никакого служебного места, никакого промысла...»³⁸¹.

Как-то произвольно возникает вопрос: а кто все-таки в своих оценках ближе к *реальному положению вещей* – теоретик либерализма и демократии Алексис де Токвиль или анархист Макс Штирнер, если каждый из них в той или иной степени опирался на собственный опыт, ставший важнейшей основой их взглядов на процесс государственного строительства во Франции, Германии и Соединенных Штатах? Повышенный интерес в этом случае представляет тот факт (в первую очередь в контексте становления и развития конституционно-правовых отношений при отсутствии сопоставимых социально-экономических и общественно-политических предпосылок), что, проводя параллели между бывшими североамериканскими английскими колониями и разрозненными немецкими княжествами, обнаруживаешь, как ни парадоксально, целый ряд тенденций, не только *дифференцирующих*, но и *объединяющих* их, при всей условности и абстрактном характере подобных сравнений³⁸².

Главное отличие состоит в том, что в одном случае государство строится *сверху* (именно таким образом объединял Германию «железный канцлер»), в другой – *снизу*, по инициативе торговых компаний, религиозных диссидентов и октроированных землевладельцев, со временем осознавших, что для того, чтобы иметь реальную историческую перспективу, необходимо объединиться в более крупное территориальное образование с *суверенным* статусом. Что не могло не отразиться как на форме правления и политическом режиме, так и на правовом положении человека и гражданина: если в Соединенных Штатах «базис» служил мощным фундаментом «надстройки», прямо либо косвенно воздействуя на политический процесс и актуализацию необходимых практик и публичных учреждений, то в Германии трансформация властных институтов заметно отставала от развития экономических отношений, не совсем отвечая тем

³⁸¹ Цит. по: *Штирнер, Макс. Я* // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 731-732.

³⁸² Как ни странно, но одним из проявлений отмеченного парадокса стала иммиграция немцев в Новый Свет, где они со временем сформировали вторую (после ирландцев) по численности национальную диаспору, в итоге оказавшую огромное влияние на становление и развитие нескольких американских штатов, привнеся в колонии такие черты, как протестантская этика, прагматизм, педантичность, законопочитание.

требованиям, которые общество предъявляло к господствующим классам и правящим элитам. Это и нашло отражение в вариативном восприятии всего того, с чем был связан процесс государственного строительства³⁸³.

Не менее существенным просматривается очень разное, диаметрально противоположное отношение к государству, как таковому: если американцы, закрывая глаза на отдельные недостатки, воспринимали его в качестве «Града на холме» и относились к нему не иначе, как к «рукотворному божеству» (ими же непосредственно и сотворенному), достойному почитания и уважения, то европейцы, со своей стороны, зная не понаслышке, что такое абсолютизм (в формате бюрократического централизма), и лишь начинающие осознавать, в каком направлении должен идти процесс модернизации и реформирования

³⁸³ Например, с точки зрения основоположника трансцендентального идеализма Иоганна Готлиба Фихте, «свобода» – представляет собой, как минимум, несколько иное, чем «индивидуализм» Макса Штирнера: «Я совершенно не могу вообще непосредственно сознавать свободы вне себя; я даже не могу сознавать свободы во мне или моей собственной свободы, так как свобода в себе есть последнее основание для объяснения всякого сознания и не может поэтому никогда принадлежать к области сознания. Но я могу сознавать то, что при известном определении моего эмпирического Я посредством моей воли я не сознаю иной причины, как только эту самую волю; и это несознание причины можно было бы, конечно, также назвать сознанием свободы, если только предварительно сделать необходимые разъяснения, и мы здесь так и будем это называть. В этом смысле можно сознавать посредством свободы свой собственный поступок. Если же посредством *нашего* свободного поступка, создаваемого нами в указанном смысле, так изменяется способ действия субстанции, данной нам в явлении, что этот способ действия не может быть более объяснен на основании закона, которому он перед тем подчинялся, то только на основании того закона, который мы положили в основу *нашего* свободного поступка и который противоположен вышеупомянутому закону, то такое измененное определение мы не можем объяснить иначе, как посредством предположения, что причина того действия равным образом разумна и свободна. Отсюда возникает, пользуясь кантовской терминологией, *взаимодействие по понятиям...*, целесообразная общность..., и она-то и есть то, что я называю обществом... К основным стремлениям человека относится желание принять кроме себя разумные существа, ему подобные; их он может принять только при том условии, что вступает с ними в сообщество в выше определенном значении... Общественное стремление относится поэтому к основным стремлениям человека. Человек *предназначен* для жизни в обществе; он *должен* жить в обществе; он не полный законченный человек и противоречит самому себе, если он живет изолированно...».

С других позиций цитируемый ученый подходил и к определению «государства»: «Вы видите..., как важно общество вообще не смешивать с особым эмпирически обусловленным родом общества, называемым государством. Жизнь в государстве не принадлежит к абсолютным целям человека, чтобы ни говорил об этом один очень большой человек (в данном случае имеется в виду философ Иммануил Кант. – Э.Е.), но она есть *средство*, имеющее место лишь при определенных условиях, для *основания совершенного общества*. Государство, как и все человеческие установления, являющиеся голым средством, стремится к своему собственному уничтожению: *цель всякого правительства – сделать правительство излишним*. Конечно, сейчас еще совершенно не время для этого, – и я не знаю, сколько до тех пор пройдет мириад лет или мириад мириад лет, и здесь речь идет совершенно не о применении в жизнь, но об исправлении умозрительного положения, – сейчас не время, но несомненно, что на *пріогі* предначертанном пути рода человеческого имеется такой пункт, когда станут излишними все государственные образования. Это то время, когда вместо силы или хитрости повсюду будет признан как высший судья один только разум. Будет *признан*, говорю я, потому что еще и тогда люди будут заблуждаться и в заблуждении оскорблять своих близких, но все они будут обязаны иметь добрую волю дать себя убедить в своем заблуждении и, как только они в этом убедятся, отказаться от него и возместить убытки. До тех пор, пока не наступит это время, мы в общем даже не настоящие люди...». – Цит. по: *Фихте, Иоганн Готлиб. Несколько лекций о назначении ученого* // Фихте И.Г., Шопенгауэр А. Немецкая классическая философия. Том 2. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 2000. (Серия «Антология мысли»). – С. 30-31.

политической системы, смотрели на государство, которое только предстояло создать, намного прозаичнее и естественнее – как на институт, посягающий на их неотчуждаемые права, свободы и законные интересы. Понимание того, что государство не прихоть господствующих классов и их ближайшего окружения, а исключительно необходимый механизм взаимодействия общества и «элит», требовало от всех заинтересованных сторон взаимных уступок и ограничений, направленных на достижение компромисса, результатом (пусть и временным, этапным) которого должны были стать *демократизация* и *либерализация* тех сфер публичных отношений, где острее всего ощущалось их отсутствие³⁸⁴.

Однако у представителей просвещенной части общества (отражением чего являлись доктрины, тем или иным образом фиксировавшие постепенную трансформацию и во многом объективную радикализацию взглядов) не могло не сложиться впечатление о *приближении кризиса* государственности, какую бы из форм правления, функционировавшую на тот момент в Старом и Новом Свете, мы ни взяли в качестве наглядной иллюстрации. Отчасти, именно этим обстоятельством были обусловлены шаги, направленные на предотвращение концентрации негативных тенденций, наличие которых ощущалось все более

³⁸⁴ Справедливости ради надо сказать, что оценки соответствующих событий, учредительных актов и прочих документов, с которыми был связан процесс государственного строительства, воспринимаясь по-разному на тех или иных этапах, дают повод попытаться, отбросив в сторону наукообразные идеологические «клише» и «штампы», избавиться от стереотипов, не позволявших по каким-либо причинам менее шаблонно и более реалистично воспринимать фактическую сторону конкретных вопросов: «... Мы неоднократно описывали так называемых отцов-основателей как дальновидных людей – смелых, незаурядных, открытых, просвещенных... Мы описывали их как людей, которые знали, где находится будущее, и стремились к нему. Даже те, кто... очернял их мотивы, – подчеркивает известный североамериканский исследователь Гордон С. Вуд, – считали отцов-основателей знатоками своего дела, реалистичными прагматиками, разбиравшимися в человеческой природе, дальновидными, передовыми в экономическом отношении, современными людьми, идущими в ногу с движением истории. И наоборот, противников Конституции – антифедералистов – мы обычно считали весьма посредственными и нерешительными, лишенными воображения, недалекими и ограниченными людьми, маловерами, погруженными в идеологические догмы прошлого – негибкими, подозрительными людьми, неспособными смотреть вперед и понимать, куда движутся Соединенные Штаты. Казалось, что антифедералисты навсегда обречены на роль неудачников, обойденных в истории и навеки опозоренных тем, что они стояли в оппозиции к величайшему конституционному достижению в истории нашей страны. Но, возможно, мы все неправильно поняли. Может быть, федералисты в конечном счете не были людьми будущего. Может быть, на самом деле именно антифедералисты лучше всех понимали ситуацию и были наиболее дальновидными. Что если все эти незаурядные, смелые и дальновидные федералисты смотрели не в будущее, а в прошлое? Возможно, следует коренным образом изменить оценку той роли, которую... играли участники спора вокруг Конституции. Если какая-либо из сторон в этом конфликте выступала за современность, то, может быть, ею были антифедералисты. Вполне вероятно, они, а не федералисты, являлись подлинными предвестниками известного нам нравственно-политического мира – либерального, демократического, передового, коммерчески продвинутого мира индивидуальных стремлений к счастью...». – Цит. по: Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США... – С. 171-172.

отчетливо. После того, как эйфория, вызванная французской революцией и ее последствиями (западноевропейские монархии почувствовали, как под ними зашатались престолы), уступила место депрессии и, в определенной степени, социальной апатии, опосредованной завышенными ожиданиями, чем сумели воспользоваться правящие элиты для укрепления своего положения, демос, получивший статус «источника власти» и «носителя суверенитета», пребывал в предвкушении перемен, надеясь на то, что, вслед за декларациями, получит, наконец, давно обещанные права и свободы. В противном случае он был уже, по всей видимости, готов решать этот вопрос кардинальным образом, однако его ждал «сюрприз» – *либеральное государство*, представлявшее не что иное, как институт политического господства буржуазии, где о народовластии речь могла идти, применимо к середине XIX века, а priori чисто символически³⁸⁵.

³⁸⁵ Как отмечает один из крупнейших французских историков XX века («школа Анналов») Фернан Бродель, несмотря на некоторые положительные тенденции, «... *свобода*, которой не удавалось достичь большинству людей, *оставалась в Европе идеалом*, к которому стремилась мысль, человеческая история. Стремление к этому идеалу являлось одной из основных тенденций в историческом развитии Европы... Даже Великой французской революции не удалось установить полноценной свободы; впрочем, мы не имеем ее и сегодня. В ночь на 4 августа революция уничтожила феодальные порядки, но крестьяне остались наедине со своими кредиторами и крупными землевладельцами; она ликвидировала корпорации (закон Ле-Шапелье от 1791 года), но в то же время оставила рабочего в полной зависимости от работодателя. Во Франции понадобился еще один век, чтобы была узаконена деятельность профсоюзов... Но все это не помешало тому, чтобы Декларация прав человека и гражданина, провозглашенная в 1789 году, стала вехой в истории борьбы за свободу, этом *фундаментальном понятии в генезисе европейской цивилизации*... Свобода или поиски равенства? Наполеон думал, что французы хотели не свободы, а равенства (на этих же позициях твердо стоял, посетивший Соединенные Штаты Алексис де Токвиль, пытавшийся «перенести» на континент американский опыт. – Э.Е.), равенства перед лицом закона, что они желали прежде всего уничтожения феодальных прав – иначе говоря, ликвидации особых свобод, привилегий. *От понятия свобод к понятию свободы* – ... формула, которая объясняет историю Европы в одном из основополагающих направлений ее развития. Понятие свободы, пусть еще во многом «абстрактное», теоретически выработанное в период от Возрождения и Реформации до Великой французской революции, приобрело новое звучание, будучи сформулировано в Декларации прав человека и гражданина. Оно стало идеологией либерализма... С этой поры концепция свободы – в единственном числе – становится осознанным выбором мира и поступательного движения истории. Именно от ее имени выступали – на законном основании или в демагогических целях – почти все идеологические доктрины, имевшие хождение в XIX веке, прежде всего доктрины либерального толка, которые, несмотря на все различия, объединялись под именем либерализма, термина искусственного и двусмысленного по причине прежде всего своей слишком богатой смысловой нагрузки... Таким образом, – делает вывод ученый, констатируя, что либерализм представляет собой, с одной стороны, *политическую и экономическую доктрину*, с другой стороны, *философское учение*, – либерализм – это нечто большее, чем «идеология одной партии», это «общественная атмосфера». В ходе исторических перипетий XIX века либерализму пришлось брать на себя множество задач, сталкиваться со множеством препятствий (поэтому не совсем корректно (если нецелесообразно) говорить о так называемом «общеевропейском» либерализме. – Э.Е.). В Германии и Италии либерализм смешался с национализмом: свобода, за которую нужно бороться, – ... прежде всего свобода нации. В Испании и Португалии ему пришлось столкнуться с могучими силами старого режима, поддержанного церковью. В Англии и Франции ему удалось достичь почти всех поставленных перед собой политических целей. Медленно, постепенно формировывалось *либеральное государство*, в конституционном отношении основанное на фундаментальных свободах: на свободе выражения, свободе печати, парламентской свободе; на личной свободе; на расширении избирательного права... Вместе с тем на протяжении всей первой половины XIX века либерализм служил прикрытием для установления политического господства буржуазии и деловой аристократии, господства имущего класса...». – Цит. по:

«Символизм», имея целый ряд специфических национальных оттенков, состоял, в частности, в том, что *вместо введения всеобщего избирательного права* – одного из наиболее востребованных элементов свободы и равенства – по-прежнему *действовали механизмы, не отражавшие реалий дня*, так как никто не торопился отказываться от сословных привилегий, имущественных, гендерных и прочих цензов, глубоко укоренившихся в сознании тех категорий и социальных групп западноевропейского общества, с которыми традиционно ассоциировались электоральные процедуры, носившие преимущественно – о какой бы стране ни шла речь – косвенный характер. Ситуация воспринималась как минимум неоднозначно по причине того, что широкие слои населения (в первую очередь те из них, кто когда-то суммарно подпадал под определение «третье сословие») все более настойчиво требовали изменений, мотивируя, в том числе, стремлением стать полноценными членами общества, *имеющими возможность* – как «носитель суверенитета» – *непосредственно* формировать органы публичной власти и осуществлять контроль над их деятельностью.

Таким образом, «свобода», имевшая в исследованиях предшествующих периодов чисто теоретическое значение, становится *олицетворением*, более того – *овеществлением* борьбы за права человека и гражданина, без которых уже не представляется переход конституционно-правовых отношений в новое – *либерально-этатистское* качество. Примером могут служить произведения английского философа и экономиста, идеолога либерализма и общественного деятеля (некоторое время являлся членом нижней палаты парламента) Джона Стюарта Милля, хотя и разделявшего взгляды Огюста Конта, вместе с тем не поддерживавшего позитивистскую концепцию последнего, усматривая в ней «систему духовного и политического деспотизма», полностью игнорирующую свободу и индивидуальность человека. Провозглашая неотчуждаемость прав и свобод человека, подвергая сомнению преимущества общественного строя,

Бродель Ф. Грамматика цивилизаций /Фернан Бродель; Вступ. слово Д.П. Бака; предисл. М. Эмара /Пер. с фр. Б.А. Ситникова. – М.: Издательство «Весь Мир», 2014. – С. 323-324, 325.

Интересно, «прикрытием» чего является современная, постмодернистская модель либерализма?

основанного на частной собственности и неограниченной конкуренции, в своем произведении «О свободе» он констатировал следующее: «... Борьба между свободой и властью есть наиболее резкая черта в тех частях истории, с которой мы всего ранее знакомимся, а в особенности в истории Рима, Греции и Англии. В древние времена борьба эта происходила между подданными или некоторыми классами подданных и правительством. Тогда *под свободой разумели охрану против тирании политических правителей*, думая..., что правители по... положению своему необходимо должны иметь свои особые интересы, противоположные интересам управляемых. Политическая власть в те времена принадлежала обыкновенно одному лицу, или целому племени, или касте, которые получали ее... по наследству, или вследствие завоевания, а не вследствие желания управляемых, – и управляемые обыкновенно не осмеливались, а может быть, и не желали оспаривать у них этой власти, хотя и старались оградить себя всевозможными мерами против их... действий, – они смотрели на власть своих правителей, как на нечто необходимое, но и в то же время в высшей степени опасное, как на орудие, которое могло быть одинаково употреблено и против них, как и против внешних врагов... Поэтому в те времена главная цель, к которой направлялись все усилия патриотов, состояла в том, чтобы ограничить власть политических правителей (пример – та же «Великая хартия вольностей»? – Э.Е.). Такое ограничение и называлось свободой. Эта свобода достигалась двумя... способами: или, во-первых, через признание правителем таких льгот, называвшихся *политической свободой* или *политическим правом*, нарушение которых со стороны правителя... признавалось законным основанием к сопротивлению и... восстанию..., или же, во-вторых, через установление конституционных преград...»³⁸⁶.

Как справедливо подчеркивает один из родоначальников современного англо-британского либерализма, «... в большей части европейских государств политическая власть должна была более или менее подчиниться первому из...

³⁸⁶ Цит. по: Милль, Джон Стюарт. О свободе // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 735. Как вариант см.: Гизо, Франсуа. История английской революции: в 2 т. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996.

способов ограничения. Но не так было со вторым способом, и установление конституционных преград, – или же там, где они существовали, улучшение их, – стало повсюду главной целью поклонников свободы. Вообще либеральные стремления не шли далее конституционных ограничений (по всей видимости, правящая элита его собственного государства предпочла, в отличие от тех же североамериканских колоний, принципиальным образом практически ничего не менять, довольствуясь итогами, достигнутыми в результате так называемой «Славной революции»?! – Э.Е.), пока человечество довольствовалось тем, что противопоставляло одного врага другому и соглашалось признавать над собой господина, с условием только иметь более или менее действительные гарантии против злоупотребления им своей властью... Но с течением времени в развитии человечества наступила, наконец, такая эпоха, когда люди перестали видеть неизбежную необходимость в том, чтобы правительство было властью, независимую от интересов управляемых. Признано было за лучшее, чтобы правители государства *избирались управляемыми и сменялись по их усмотрению*. Установилось мнение, что только этим путем и можно предохранить себя от злоупотреблений власти. Таким образом, прежнее стремление к установлению конституционных преград заменилось мало-помалу стремлением к установлению таких правительств, где бы власть была в руках выборных и временных правителей, – и к этой цели направились все усилия народной партии повсюду, где только такая партия существовала. Так как вследствие этого борьба за свободу утратила прежнее свое значение борьбы управляемых против правителей и стала борьбой за установление таких правительств, которые бы избирались на определенное время самими управляемыми, то при этом возникла мысль, что ограничение власти вовсе не имеет такого значения, какое ему приписывают, – что оно необходимо только при существовании таких правительств, интересы которых противоположны интересам управляемых, – что *для свободы нужно не ограничение власти*, а установление таких правителей, которые бы не могли иметь других интересов и другой воли, кроме интересов и воли народа, а при таких правителях народу не будет никакой надобности в

ограничении власти, потому что ограничение власти было бы в таком случае охранением себя от своей собственной воли: не будет же народ тиранить сам себя...»³⁸⁷.

Проводя сравнение с ситуацией, наблюдавшейся на предшествующем этапе процесса государственного строительства, в том числе в теоретическом отражении соответствующих концепций, бывший служащий (в течение более тридцати лет, занимавший самые разные должности) Ост-Индской компании, приходит к важному выводу: «Полагали, что, имея правителей, которые перед ним ответственны и которых он (речь идет о каком-то абстрактном «носителе суверенитета» и «источнике власти», так как на тот момент проблематично, если вообще возможно, найти «народ», отвечавший подобным критериям!? – Э.Е.) может сменять по своему усмотрению, он может доверять им власть без всякого ограничения, так как эта власть будет в таком случае не что иное, как его же собственная власть, только известным образом концентрированная ради удобств. Такое понимание, или, правильнее сказать, такие чувства были общи всему последнему поколению европейского либерализма (с чем нельзя, естественно, не согласиться. – Э.Е.), и на континенте Европы они преобладают еще до сих пор. Там до сих пор еще встречаются только как блистательное исключение такие политические мыслители, которые бы признавали существование известных пределов, далее которых не должна простирается правительственная власть, если только правительство не принадлежит к числу

³⁸⁷ Цит. по: *Милль, Джон Стюарт. О свободе* // *Антология мировой политической мысли...* Т. I. – С. 736. Как известно, со временем цитируемый исследователь с научной точки зрения стал ассоциироваться не столько с либерализмом, сколько с социализмом, что не было исключением для этого времени. Анализируя такого рода метаморфозы, Иммануил Валлерстайн пишет: «... Последней из трех идеологий, которые предстояло сформировать, был социализм. До 1848 года его едва ли можно было рассматривать в качестве отдельной идеологии. Причиной этого было в первую очередь то, что люди, которые после 1789 года стали воспринимать себя как левое крыло либералов, всегда видели в себе и сторонников французской революции. Именно это обстоятельство в первой половине XIX века фактически не отличало их от тех, кто стал называть себя либералами. Даже в Великобритании, где французская революция была отвергнута широкими кругами, и поэтому «либералы» предъявили претензии на иное историческое происхождение, «радикалы» (которые затем в большей или меньшей степени станут «социалистами») поначалу казались просто несколько воинственными либералами. В действительности тем, что особенно отличало социализм от либерализма в качестве политической программы, а значит и идеологии, было убеждение, что достижению прогресса требовалась не просто рука помощи, а *большая* рука помощи, без которой данный процесс окажется очень медленным... Именно поэтому им больше импонировало слово «революция», чем слово «реформа». – См.: *Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789 – 1914...* – С. 14.

таких, каких, по их мнению, и существовать вовсе не должно. Может быть, такое направление еще и теперь господствовало бы также и у нас..., если бы не изменились те обстоятельства, которые его одно время поддерживали... Успех нередко разоблачает такие пороки и недостатки, которые при неуспехе легко укрываются от наблюдения: это замечание равно применимо не только к людям, но и к философским и политическим теориям. Мнение, что будто народ не имеет никакой надобности ограничивать свою собственную власть над самим собой, – такое мнение могло казаться аксиомой, пока народное правление существовало только как мечта или как предание давно минувших дней...»³⁸⁸.

Итак, как мы видим, к началу второй половины XIX века сформировалось несколько концептуальных направлений философской и юридической мысли – *либерализм, консерватизм и социализм* (ставших мировоззренческими или идеологическими «основами» для нескольких поколений ученых, политиков и общественных деятелей), представители которых внесли огромный вклад в развитие *принципиально нового взгляда на проблемы государства и права*, сумев, не подвергая ostrакизму и забвению наследие своих многочисленных предшественников, отказаться от архаичных догм и шаблонных стереотипов, не

³⁸⁸ Цит. по: Миль, Джон Стюарт. О свободе // Антология мировой политической мысли... Т. I. – С. 736-737. В обоснование собственного тезиса, ученый приводит следующие авторские аргументы, с которыми во многом нельзя не согласиться: «... Мнение это не могли поколебать и такие необычайные события, выходящие из обыкновенного порядка вещей, как некоторые из тех, которыми ознаменовалась французская революция, так как эти события были делом только немногих, захвативших в свои руки власть, и виноваты в них были не народные учреждения, а тот аристократический и монархический деспотизм, который вызвал собою столь страшный конвульсивный взрыв. Но когда образовалась обширная демократическая республика и заняла место в международной семье как один из самых могущественных ее членов, тогда избирательное и ответственное правительство стало предметом наблюдений и критики, как это бывает со всяким великим фактом. Тогда заметили, что подобные фразы, как «самоуправление» и «власть народа над самим собой», не совсем точны. *Народ, облеченный властью, не всегда представляет тождество с народом, подчиненным этой власти* (как говорится, вывод, в своей актуальности и востребованности, на все времена! – Э.Е.), и *так называемое самоуправление не есть такое правление, где бы каждый управлял сам собою*, а такое, где каждый управляется всеми остальными. Кроме того, *воля народа на самом деле есть не что иное, как воля наиболее многочисленной или наиболее деятельной части народа, то есть воля большинства или тех, кто успевает заставить себя признать за большинство*, – следовательно, *народная власть может побуждения угнетать часть народа*, и поэтому против ее злоупотреблений также необходимы меры, как и против злоупотреблений всякой другой власти. Стало быть, ограничение правительственной власти над индивидуумом не утрачивает своего значения и в том случае, когда облеченные властью ответственны перед народом, то есть перед большинством народа. Этот взгляд не встретил возражений со стороны мыслителей и нашел сочувствие в тех классах европейского сообщества, которых действительные или мнимые интересы не сходятся с интересами демократии, поэтому он распространился без всякого затруднения, и в настоящее время в политических умозрениях «тирания большинства» обыкновенно включается в число тех зол, против которых общество должно быть настороже...». – Там же. – С. 737-738.

дававших необходимых ответов на вопросы, настойчиво встававшие перед обществом и его членами, не отвечавших на вызовы времени и тормозивших поступательное движение вперед. Дефиниции типа «свобода», «равенство», «справедливость» не просто девальвировались, теряли канонический смысл, к ним начинали проявлять недоверие, если они в себе не несли конкретного практического наполнения. Не менее скептически воспринимались термины «народ», «источник власти», «носитель суверенитета», особенно в среде тех, кто в силу известных причин не соответствовал предъявляемым требованиям. Однако, как свидетельствуют публицистика и теоретические работы той поры, процесс переоценки вступал в ту стадию, в рамках которой *предстояло найти решение* многих, гипотетически казавшихся не разрешимыми, общественно-политических, социальных и институциональных проблем³⁸⁹.

Другими словами, в отличие от предшествующих периодов, концепции и доктрины – *перестают носить исключительно «кабинетный» характер*, когда идеи и взгляды великих мыслителей могли ждать своего практического воплощения веками и даже тысячелетиями (в конце концов так и не получив подтверждения своей адекватности), а слова, при мощи которых объяснялось и интерпретировалось внутреннее наполнение теоретических конструкций, в той или иной степени теряют первоначальный смысл, заложенный когда-то в

³⁸⁹ Наш вывод в основном совпадает с теми обобщениями, к которым (в контексте критического анализа весьма обширного круга научных источников и официальных документов первой половины XIX века) в итоге пришел Иммануил Валлерстайн: «... В результате возникли три доктрины по отношению к Модерну и «нормализации» изменения: консерватизм, или как можно большее ограничение опасности; либерализм, или достижение по прошествии должного времени счастья человечества как можно более рациональным образом; социализм/радикализм, или ускорение движения к прогрессу путем суровой борьбы против тех сил, которые оказывали этому значительное сопротивление. Именно в промежутке 1815 – 1848 годов (то есть речь идет о периоде, начавшимся крахом наполеоновской империи, и закончившимся второй республикой во Франции. – Э.Е.) сами термины *консерватизм*, *либерализм* и *социализм* стали широко использоваться для обозначения трех перечисленных доктрин... Следует отметить, – делает особый акцент исследователь, – что каждая из них противопоставляла себя другой. Для консерваторов мишенью была французская революция. Для либералов это был сам консерватизм (и старый порядок (*ancien regime*), к сохранению которого, как считалось, стремятся консерваторы). А для социалистов мишенью был либерализм, который они отвергали. Именно этот принципиально критический, негативный тон в самом определении трех идеологий объясняет то, почему существует так много версий каждой из них. В рамках каждого из трех лагерей в качестве положительного кредо были выдвинуты и утвердительные постулаты, хотя... значительно различавшиеся и даже противоречившие друг другу, причем все из этих тезисов заявляли о себе как о подлинном смысле конкретной идеологии. Однако единство каждого идеологического семейства заключалось лишь в том, против чего оно выступало. Это не малозначимая деталь, поскольку именно благодаря этому негативному качеству три лагеря удерживались вместе на протяжении 150 лет или около того (по меньшей мере, до 1968 года)». – Цит. по: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789 – 1914... – С. 14-15.

абстрактные образы, предназначенные для идентификации соответствующих сфер общественных отношений, нередко носивших не менее «абстрактный» характер. Пришло время конкретики, а не «деклараций», реализацию которых можно было перенести на более поздний срок, мотивируя объективными или субъективными причинами, в связи с чем *идеализм*, как правило, присущий, «витающему в облаках» научному сообществу, уступает место *прагматизму господствующих классов и правящих элит*, для которых «власть» – далеко не фигура речи, особенно, когда встает вопрос о ее завоевании и концентрации в одних или нескольких руках. Стабилизация – как *фундаментальный фактор политического процесса* – востребована прежде всего в тех государствах, где общество и его составные элементы сумели найти «точки соприкосновения», поэтому не хотят потрясений (именно в этом, судя по всему, кроются причины того, что для Соединенного Королевства XIX век стал вершиной в его развитии, чего не скажешь о Франции, пережившей несколько революций), способных кардинальным образом изменить ситуацию, на что, в том числе, направлены усилия «кабинетных» ученых, понимающих к чему это может привести³⁹⁰.

³⁹⁰ При этом без адекватной «требованиям дня» терминологии и социальной лексики уже достаточно трудно и все более проблематично обойтись: «... Поскольку идеологии в действительности являются политическими программами отношения к Модерну, каждой из них требуется некий «субъект», или главный политический актор. В рамках терминологии современного мира данное положение рассматривалось в качестве вопроса о суверенитете. Французская революция по этому поводу провозгласила кристально четкую позицию: *взамен суверенитета абсолютного монарха она объявила о суверенитете «народа»*. Этот новый язык народного суверенитета является одним из главных достижений эпохи Модерна. И даже если затяжные баталии против него продолжались и столетие спустя, никто уже не был в состоянии низвергнуть этого нового идола – «народ». Однако эта победа оказалась тщетной. Могло присутствовать общее согласие по поводу того, что суверен утверждается народом, но с самого начала не было согласия (какую бы идеологию – консерватизм, либерализм или социализм – мы ни взяли в качестве иллюстрации. – Э.Е.) по поводу того, *кого же считать «народом»*. Более того, по этому деликатному вопросу ни у одной из трех идеологий не было четкой позиции, но это не означало, что их сторонники признавали отсутствие ясности в своих взглядах. Похоже, что наименее двусмысленная позиция принадлежала либералам. «Народ» для них выступал суммой всех «личностей», каждой из которых в конечном итоге принадлежали политические, экономические и культурные права. Личность... вот ключевой (*par excellence*) исторический «субъект» Модерна. По меньшей мере, либералам можно поставить в заслугу широкое обсуждение вопроса о том, что же представляет собой эта личность, в которой сосредоточен суверенитет. Консерваторы и социалисты в принципе тоже должны были рассмотреть данный вопрос, поскольку каждый из этих лагерей предлагал в качестве «субъекта» нечто иное, нежели личность, однако их дискуссия была куда менее явной. Если «субъектом» не является личность (прошло не менее двухсот лет, но все осталось по-прежнему! – Э.Е.), то кто же это? Разглядеть его в таком случае довольно непросто... Если консерваторы отказывались придать личности приоритет в качестве исторического субъекта, отдавая предпочтение малым, так называемым традиционно ориентированным группам, то социалисты отказывались от этого в пользу одной крупной группы – всего народа... Короче говоря, – делает вывод ученый, – то, что предлагали три рассмотренных идеологии, было не ответом на вопрос, кто является адекватным историческим субъектом, а просто тремя исходными точками в вопросе о том, *кто воплощает суверенитет народа*: так называемая свободная личность у либералов, так называемые традиционные группы у консерваторов и все члены «общества» у социалистов...». – Цит. по:

Одним из факторов стабильности выступает *государство*, в связи с чем данный институт *не утрачивает внимания* в глазах апологетов тех или иных «научных школ», более того к нему начинают проявлять повышенный интерес с учетом расширения функций по оказанию услуг, возлагаемых на публичные учреждения, рост номенклатуры которых, как в масштабах республиканской, так и монархической формы правления, *провоцирует смещение акцентов* не только по причине анализа их организации, структуры и востребованности со стороны населения, но и для понимания перспектив взаимодействия «элит» и общества, в самом широком его значении, в контексте представлений о том, кем непосредственно считать «народ», с точки зрения «суверенитета», и как соотносятся между собой декларации учредительных документов и реальное положение дел. Источники свидетельствуют о том, что нередко *наблюдается стремление выдать желаемое за действительность*, так как, даже с учетом имевших место существенных корректив фактического положения человека и гражданина (в частности, по сравнению со статусом «третьего сословия»), *ни о какой «свободе», ни о каком «равенстве»* – говорить не приходится. Видимо, не без причин революция во Франции в течение нескольких десятилетий во многих аспектах носила перманентный характер, невзирая на то, что первый в европейской истории акт, непосредственно посвященный правам человека и гражданина, датируется 26 августа 1789 года, и написан по-французски³⁹¹.

Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789 – 1914... – С. 15, 16, 17.

³⁹¹ Одной из важнейших задач (после определения «субъекта» общественно-политических отношений и носителя «суверенитета», кого бы с юридической точки зрения непосредственно ни ассоциировать с ним – отдельную «личность», «традиционную группу» или «общество» в целом), стоявших перед представителями научной мысли рассматриваемого периода, явилась проблема формирования нового взгляда на государство как «объект», с которым взаимодействует «носитель суверенитета». По мнению Иммануила Валлерстайна, «... народ как «субъект» имел своим главным «объектом» государство. Именно в рамках государства народ исполняет свою волю, то есть является сувереном. Однако начиная с XIX века также часто говорилось, что народ формирует «общество». Каким образом можно примирить государство и общество? – такова великая интеллектуальная антимония эпохи Модерна... Наиболее удивительно то, что если с этой точки зрения рассмотреть дискурсы трех идеологий, то все они, как представляется, принимают сторону общества против государства. Соответствующие аргументы хорошо известны (причем за последние сто пятьдесят лет они в основном практически не изменились!? – Э.Е.). Для истинных либералов главным было удержать государство за рамками экономической жизни и сводить его роль в целом до минимума... *Laissez-faire* – ... доктрина государства как ночного сторожа... Для консерваторов ужасающим аспектом французской революции был не только ее индивидуализм, но также – и в особенности – ее этатизм. Государство становится тираническим, когда оно ставит под вопрос роль групп-посредников, которые определяют первоначальную благонамеренность народа – семьи, церкви, гильдий (как констатировали в «Манифесте коммунистической партии» Карл Маркс и Фридрих Энгельс

Таким образом, *либерализация* и *демократизация* конституционно-правовых отношений не означали одного и того же (не говоря уже о равенстве либо тождестве), так как не только понимались по-разному, относительно тех или иных сфер взаимодействия государства и «носителя суверенитета», но и вариативно интерпретировались, применимо к публичным и частноправовым институтам. Парадокс состоит в том, что, вместо того, чтобы народовластие из «кабинетной» доктрины и популистских воззваний французской революции – для формально-юридической реализации которых объективно не сложились необходимые предпосылки – трансформировалось в полноценный механизм, правящие элиты использовали терминологию подобного рода, не лишенную определенного демагогического налета, в качестве «ширмы», прикрывавшей процесс установления политического господства буржуазии и ее ближайшего окружения. Именно на данной стадии развития научно-теоретической мысли, что нашло отражение в исследованиях этого периода, наиболее контрастно и отчетливо стал проявляться конкретный смысл такой абстрактной дефиниции, как *«свободная личность»*, с которой либеральные идеологи ассоциировали субъекта, воплощавшего собой легитимного «носителя суверенитета», то есть *речь идет о ревизии понятия «народ»* и замене его термином, обозначающим не широкие слои населения соответствующей страны, а *строго определенные категории граждан* – имущие социальные группы, отвечавшие тем или иным критериям (прежде всего в области электоральных процедур)³⁹².

(См.: Сочинения. 2-е изд. Т. 4. – С. 24.), «со времени установления крупной промышленности и всемирного рынка, буржуазия завоевала себе исключительное политическое господство в современном представительном государстве. Современная государственная власть – ... только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии...». – Э.Е.). Эти негативные воззрения на государство не препятствовали жалобам сторонников каждой из трех идеологий, что это государство, бывшее объектом их критики, находилось вне их контроля и, как утверждалось, пребывало в руках их идеологических оппонентов. Фактически же все три идеологии испытывали огромную потребность в услугах государства, чтобы продвигать собственную программу...». – Цит. по: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789 – 1914... – С. 17.

³⁹² В той или иной степени об этом же, характеризуя тенденции того времени, пишет и французский историк Фернан Бродель, обобщения которого не утратили актуальности и объективности: «... За пределами этого узкого круга (речь идет о буржуазии и деловой аристократии. – Э.Е.) личность, права которой либерализм отстаивает с таким рвением, осталась абстрактным понятием, она не имела возможности воспользоваться этими преимуществами... Это так же верно для Англии с ее консерваторами и либералами, то есть со старыми и новыми богачами, как и для Франции эпохи Реставрации или периода Июльской монархии. Имущий класс, *объявивший себя либеральным* (к этому в свое время приложили руку, помимо всех прочих, представители философской и юридической мысли. – Э.Е.), стал выступать против всеобщего избирательного права, против всех остальных слоев населения. Но можно ли придерживаться такой политики в индустриальном обществе с его ужасной

Переходный период от феодализма к капитализму (от абсолютизма к конституционной монархии или форме правления республиканского типа) не мог длиться до бесконечности, поэтому к середине XIX века либерализация в сфере хозяйственно-экономических отношений, обусловленная тенденциями промышленной революции, должна была в конце концов оказать влияние на политический процесс и «надстройку» в целом, что и констатировали многие исследователи на примере ведущих западноевропейских государств, в числе которых, помимо Соединенного Королевства и Франции, где избирательные реформы (в первом случае в 1832, во втором – в 1848 году) внесли известные коррективы в правовое положение «носителя суверенитета», все масштабнее начинают проявлять себя «образования», через некоторое время вошедшие в состав Германской империи (как правопреемницы Германского союза). В той или иной степени *представительный* характер парламентских учреждений и электоральные механизмы, используемые при их формировании, о которых – как важнейшем критерии демократизации публичных институтов – постоянно шли разговоры в среде просвещенной части общества, начинают все активнее проявлять свою *востребованность* и *целесообразность*, олицетворяя один из фундаментальных элементов буржуазного государства и права, рефреном проходивший сквозь большинство идеологов либерального направления. Но, следует иметь в виду, что ни о каком «народовластии» в буквальном смысле слова, речь, при отсутствии всеобщего избирательного права, не могла идти в принципе, хотя определенный вектор в этом направлении был обозначен. Не

действительно? Экономический либерализм, предполагавший изначально равную борьбу между индивидами, оказался простой ложью. Со временем эта ложь становилась все более явной. В действительности *этот первичный «буржуазный» либерализм представлял собой прежде всего арьергардный бой со старым аристократическим режимом*, это был... вызов правам и старым, освященным полутысячелетней историей традициям... Он оказался на границе между старым режимом с его аристократическим обществом, которое либерализм разрушил, и индустриальным обществом, где с требованием признания своих прав выступил пролетариат. Короче говоря, *эти так называемые поиски свободы*, по сути своей *оказались не чем иным, как групповой борьбой за свободы, понимаемые как привилегии*... Революции 1848 года... стали вехой в развитии либерализма (в Англии ключевой датой была реформа избирательного права 1832 года). После этого либерализм мог существовать далее только как демократический либерализм, – делает вывод известный ученый, – в принципе распространенный на все слои общества. Алексис де Токвиль и Герберт Спенсер, каждый по-своему, возвестили о его столь необходимом пришествии и о триумфе народных масс, чего они опасались. Но либерализм вскоре столкнулся с другим мощным идеологическим течением – социализмом, за которым будущее...». – Цит. по: *Бродель Ф. Грамматика цивилизаций...* – С. 325-326. Подробнее см.: *Гуди Джек. Похищение истории* /Джек. Гуди; пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2015. – С. 212-288.

исключено, что «примером для подражания» служили Соединенные Штаты, где цензовые ограничения продолжали действовать на уровне федерации.

2. Развитие конституционализма как критерий демократизации общественно-политических отношений

Итак, как свидетельствуют события конца XVIII – первой трети XIX века, западноевропейская цивилизация, в лице крупнейших стран англосаксонской и романо-германской традиции, не просто вступала в «очередную» стадию своего развития, она стояла на пороге трансформаций, *присущих переходу в новое качество*, в результате которого фундаментальным преобразованиям подвергаются все базовые сферы общественных отношений. Трудно отрицать тот факт, что процесс *во многих чертах носил революционный характер*, так как, войдя в него «одними», с точки зрения формы правления и политического режима, государствами (естественно, речь идет не только об их официальных названиях), в итоге изменений, даже сохранив отдельные институциональные элементы общественно-политической системы предшествующего периода, к его завершению большинство из них было по существу не узнать. Несмотря на национальные и региональные особенности государственного строительства, *начинают – с разной степенью отчетливости – проявляться закономерности*, с которыми со временем будут непосредственно ассоциироваться «западная» модель демократии, «западные» ценности и «западный» менталитет.

Абстрагируясь от сравнительно-правовой направленности настоящего исследования, нельзя не обратить внимание на одно важное обстоятельство, диссонирующее с либерально-этатистскими тенденциями, наблюдавшимися в тех странах, где процесс демократизации общественных отношений начинал приобретать очертания *необратимой парадигмы*: так, в отличие от Испании и Португалии, «колониальные империи» которых разваливались буквально на глазах (в случае с Испанией и ее правопреемницей Мексикой – не без участия Соединенных Штатов, аннексировавших у них территории от Калифорнии до

Флориды), Соединенное Королевство (наученное «опытом» утраты некоторой части североамериканских «заморских территорий»), Франция, Голландия, Бельгия, Дания и ряд других государств, преимущественно с монархической формой правления, в течение непродолжительного периода взяли под свою юрисдикцию целые регионы в Африке, на Ближнем Востоке, Азии и Океании, что можно рассматривать как *одну из особенностей развития* буржуазного государства и права в рамках данного исторического этапа. Однако ни о какой экспансии демократии в этом случае говорить не приходится *a priori*³⁹³.

Процесс, условно говоря, «*обуржуазивания*» социально-экономических и общественно-политических отношений был неизбежен, но он *не отражал тенденций, в равной степени присущих* «базису» и «надстройке», в первую очередь в тех государствах, где механизмы публичной власти практически не реагировали на изменения, ставшие результатом промышленной революции, охватывающей, помимо Соединенного Королевства и ее бывших колоний, все большее количество европейских стран с монархической формой правления, не спешивших модернизировать старые и актуализировать новые институты, предпочитая вносить коррективы в апробированные модели взаимодействия общества, господствующих классов и правящих элит. Не исключено, что может возникнуть впечатление о стремлении акцентировать внимание лишь на тех явлениях, которые были присущи или характерны для политических систем, где властной доминантой выступали монарх и учреждения сословного либо сословно-представительного типа, но, справедливости ради надо сказать, что не только в середине, но и в течение всего XIX века (как и в начале следующего столетия, если вопрос не стоит о Латинской Америке, где к последней трети XIX века монархия стала достоянием истории) государства с республиканской формой правления оставались в меньшинстве, не воспринимаясь «примером для подражания». Другими словами, «*республиканизм*» американского (в его

³⁹³ Упомянув Португалию, следует иметь в виду, что, утратив контроль над своими колониями в Латинской Америке (в первую очередь над Бразилией), она, за счет территорий в Африке, по-прежнему входила в число крупнейших колониальных держав. С большим опозданием к процессу колонизации подключится Германия (естественно, после образования империи), тем не менее, «пальма первенства», вплоть до середины XX века, будет принадлежать Соединенному Королевству, над которым «никогда не заходило солнце».

«северном» и «южном» варианте), французского или швейцарского образца по-прежнему носил в основном эксклюзивный характер. В связи с чем анализ осуществляется прежде всего с акцентом на трансформацию абсолютизма в более либеральные и демократичные формы монархического правления.

Как ни парадоксально, западноевропейские монархии (а вслед за ними и азиатские, если иметь в виду, например, Японию конца XIX века) для того, чтобы сохранить – пусть и в ограниченном статусе – власть активно используют юридические инструменты, в частности, акты учредительной направленности, среди которых одно из приоритетных мест занимают *конституции*, причем как *писанные* (кодифицированные и некодифицированные), так и *неписанные*, тем более что к этому времени документы подобного рода были известны самым разным по степени концентрации верховной власти монархиям – от испанской 1812 года (которой предшествовала так называемая Байоннская хартия 1808 года, октроированная императором Наполеоном при вступлении на престол его брата Жозефа Бонапарта) до австрийских 1849, 1851 и 1861 годов или тех же шведских основных законов 1772 и 1809 – 1812 годов. Опыт, благодаря английской, североамериканской и французской революциям, был достаточно иллюстративным, что позволило, посредством аналогичных актов, *предотвратить его распространение* в большинстве королевств и империй, правящие элиты которых сумели сделать соответствующие выводы.

Еще одной существенной чертой государственного строительства этого периода нельзя не признать отчетливо выраженные *центростремительные «настроения»* ряда этносов и народов, в результате которых на европейском континенте будут сформированы германская и австро-венгерская империи³⁹⁴ (в

³⁹⁴ Напомним, что Австрийское герцогство, возникшее в XI веке, играло значительную роль в европейской политике. В 1453 году оно преобразуется в эрцгерцогство (хорошо известно, что политика правящей с 1282 года династии Габсбургов позволила его трансформировать практически в независимое квазигосударство на территории Священной римской империи германской нации). В 1849, 1851 и 1861 году принимаются сразу несколько конституционных актов Австрийской империи (конституция Австрии традиционно, вплоть до сих пор, носит некодифицированный характер). В результате конституционного соглашения, достигнутого в 1867 году, образуется Австро-Венгерская монархия, просуществовавшая до 1918 года. Если иметь в виду другие западноевропейские страны, то, применительно к той же Дании, следует учитывать *процесс дезинтеграции*, результатом которого станет появление двух суверенных государств с монархической формой правления – Норвегии и Швеции, со временем приобретших для многих стран статус «примера для подражания».

отличие от них, например, Турция как раз утратит значительную часть своих территорий, в том числе таких, как Болгария, Греция, Сербия, исповедовавших православие), получившие позднее дальнейшее развитие в других регионах, в частности в Италии, где данный процесс в итоге приведет к образованию на Апеннинском полуострове объединенного государства. Прослеживается, тем не менее, особенность, достаточно характерная для первой половины XIX века – в рамках и интеграционных, и дезинтеграционных парадигм *предпочтение отдается монархической форме правления*. По каким-то причинам (о чем бы мы ни говорили, вопрос остается открытым, так как любые «предположения» не будут лишены гипотетичности) *республика не пользовалась успехом даже у тех государств, которые получали независимость*. Только политическим элитам Франции не удалось реставрировать монархию таким образом, чтобы проблема не возникала с известной очередностью (что можно рассматривать не чем иным, как проявлением незавершенности революции), вплоть до тех пор, пока сомнения, какую же из конкретных форм правления считать все-таки наиболее востребованной и целесообразной для «носителя суверенитета», не будет окончательно сняты с повестки дня. Хотя, судя по всему, *мнение демоса* если и учитывалось, то, прежде всего, в контексте интересов имущих классов и правящих элит (в противном случае – ни о каких бы баррикадах и Парижской коммуне речь не шла в принципе)³⁹⁵.

³⁹⁵ По мнению историка Фернана Броделя, французская революция 1789 года, оказавшая огромное влияние на развитие буржуазного государства и права, *проявлялась в течение нескольких десятилетий*, так как ей во многом «удавалось говорить с каждым новым поколением на доступном ему языке... Начиная с 1875 года, после заката Второй империи, ее символы перестали быть идеологической основой Третьей республики и всего социалистического движения, фундаментом набирающей силы революции. Революционный гуманизм (позднее нашедший отражение в соответствующих документах, в том числе и учредительного характера. – Э.Е.) напоминает обычно о законности применения насилия, находящегося на службе права, о равенстве, социальной справедливости, о любви к родине, о насилии, где революционер – либо действующее лицо, либо жертва, так как «выйти на улицу» означает в равной мере как пасть на ней, прокричать свой последний протест, так и победить. Но храбрость насилия – храбрость умереть или ударить другого – принимается только в том случае, когда это единственный способ изменить судьбу, сделать ее более человеческой, более братской. Короче говоря, революция – это насилие на службе у идеала. В этом у нее много схожего с контрреволюцией. Но, с точки зрения истории, ошибка последней заключается в том, что она обращает свои взоры назад, стремится к старому. Но возвращение к прошлому возможно лишь на короткое мгновение. В *долгосрочной перспективе* действие имеет историческую значимость и продолжение только тогда, когда идет в том же направлении, что и историческое развитие, когда их скорости совпадают, а не тогда, когда делается напрасная попытка затормозить ход истории... В любом случае правомерно удивляться тому, что революция 1789 года служила факелом для крупных движений рабочих масс вплоть до XX века. Произошло это по ряду причин. Прежде всего потому, что в своих первоначальных намерениях, а также в своих результатах она оставалась «осторожной» революцией. Затем ее героическая

Стабильность системообразующих государственных институтов (в итоге – политического режима в целом, в том числе действующей формы правления) становится приоритетной целью, для достижения которой правящие элиты и их ближайшее окружение готовы идти на компромисс, «жертвуя» малым или второстепенным, факультативным, при этом сохраняя в своих руках, если и не всю полноту власти (абсолютизм, даже просвещенный, выглядит ничем иным, как средневековой архаикой), то ее важнейшие механизмы, позволяющие – в большей либо меньшей степени – *контролировать процесс реформирования и оптимизации* базовых структур и учреждений. С учетом тех особенностей, с которыми связана трансформация монархической формы правления, следует иметь в виду одно весьма существенное обстоятельство методологического характера, тем или иным образом обусловленное стремлением современных компаративистов, так сказать, «*модернизировать*» *историческую ситуацию*, совершенно безосновательно ассоциируя статус и полномочия европейских, впрочем, как и любых других монархий конца XX – начала XXI века с органами, функционировавшими более ста пятидесяти лет назад: какие-либо параллели, при всей их «очевидности» с точки зрения государственной принадлежности, некорректны а priori и не выдерживают критики, в связи с чем *исследователь не должен* в своем сравнительно-правовом анализе использовать аналогии и терминологию *вне рамок временного контекста*. Разве есть веские причины поддерживать иллюзии по поводу того, что английский парламент, созданный в конце 30-х годов XIII века, ничем не отличается от органа, который выступил против собственного короля, осуществив затем реставрацию, одновременно значительным образом ограничив функции главы государства? Сопоставимый вопрос может возникнуть при оценке президента и конгресса, не говоря уже о высшем судебном органе Соединенных Штатов, несмотря на тот факт, что за время, прошедшее с Конституционного конвента 1787 года, *принципиальных*

летопись, полная чудес и полубожеств, «гигантов», частично стерлась, будучи демистифицированной объективной историей. Как ни странно, – делает вывод ученый, – этому более всего способствовали историки левого толка, стремившиеся оправдать свой революционный пыл документальными свидетельствами. В итоге революция потеряла многих своих «святых». Но в то же время завет революции стал восприниматься гораздо четче...». – Цит. по: *Бродель Ф. Грамматика цивилизаций...* – С. 353-354.

нововведений не было осуществлено, тем не менее, это качественно разные (сквозь призму эволюции системы «сдержек и противовесов») институты.

Вообще, если говорить об институциональных аналогиях, то демократия древнегреческих городов-государств *совершенно не идентична* с практикой, сложившейся в таких средневековых итальянских *politeias*-республиках, как Сиена, Венеция или Флоренция, где народовластие, по существу, носило ярко выраженный сословно-корпоративный характер, в рамках которого цензовые – материальные, гендерные, социальные – ограничения свидетельствовали о стремлении имущих классов и правящих элит интерпретировать «власть» и ее «носителя» таким образом, чтобы максимально ограничить (или, при удачном стечении обстоятельств, совсем исключить) участие в политическом процессе широких слоев населения. Во многом схожая методология использовалась и в тех случаях, когда предпринимались попытки *выдать декларируемое*, в том числе в учредительных актах, *за действительность*, пытаясь убедить народ, что именно он и никто другой является единственным «источником власти» и «носителем суверенитета», что при отсутствии таких публичных инструментов воздействия, как всеобщее избирательное право и императивный мандат – в виде легального контрольного механизма – было ничем иным, как откровенно *демагогическим средством популяризации либеральных идей*, со временем ставших основой стереотипных представлений о буржуазной демократии и ее учреждениях. Однако нельзя не констатировать тот факт, что решающую роль в «модернизации» монархической формы правления сыграл не «источник» и «носитель» власти, а правящие элиты, осознавшие (пример революционной Франции стоял у всех перед глазами), что у не реализованных деклараций есть своего рода «красная черта», переступать которую не рекомендуется ни при каких, даже форс-мажорных, условиях, в противном случае последствия могут носить *непредсказуемый* для политической системы *характер*. Именно этим, в той или иной степени, обстоятельством объясняется балансирование той же Франции между республикой и монархией, чего не наблюдалось ни в Бельгии, ни в Голландии, ни в Пруссии, ни тем более в Соединенном Королевстве, где в

итоге был достигнут необходимый компромисс и заключен «общественный договор» между заинтересованными в стабильности сторонами. Что не могло не отразиться на восприятии государства и его институтов, в результате чего реформы, получив новый импульс, стали более соответствовать требованиям дня и глубинным социальным ожиданиям³⁹⁶.

Исходя из того, что республиканизм не вызывал ни повышенного, ни тем более ажиотажного спроса (на фоне актуализации постепенного перехода к конституционно-правовой модели монархической формы правления), если не учитывать настроений, наблюдавшихся в среде маргинальных групп граждан, *можно, по всей видимости, говорить о своего рода консенсусе*, к которому в конце концов пришли важнейшие составные элементы «элиты», в лице тех, с кем непосредственно ассоциировался «базис» (хозяйственно-экономические отношения), с одной стороны, и феодально-аристократических рудиментов

³⁹⁶ Как пишет известный современный французский исследователь Пьер Бурдьё, критически характеризуя процесс государственного строительства, «...государство – это то, что обосновывает логическую и моральную интеграцию социального мира, а потому и фундаментальный консенсус относительно смысла социального мира, который является самым условием конфликтов по поводу этого мира. Иначе говоря, чтобы вообще был возможен конфликт по поводу социального мира, нужно обладать определенным согласием относительно участков разногласия и относительно способов выражения этого разногласия. Например, в политическом поле генезис того частного универсума социального мира, которым является поле высокопоставленных государственных чиновников, можно считать постепенным развитием своего рода ортодоксии, совокупности общеустановленных правил игры, на основании которых внутри социального мира выстраивается коммуникация, которая может быть коммуникацией в конфликте и по причине конфликта. Если развить это определение, можно сказать, что государство – это принцип организации согласия как присоединения к социальному порядку, к фундаментальным принципам социального порядка, что оно есть основание не обязательно консенсуса, но самого наличия обменов, приводящих к разногласию... Этот ход представляет некоторую опасность, поскольку может показаться, что он возвращается к... определению государства, которое государства дают самим себе и которое было подхвачено в некоторых классических теориях, у Гоббса и Локка: государство, согласно этому исходному убеждению, является институтом, обязанным служить общему благу, управлению во благо народа. В определенной мере государство в таком случае оказывается нейтральным местом, или, если говорить точнее и использовать аналогию Лейбница, сказавшего, что Бог – это геометрическое место всех противоборствующих точек зрения, местом той дополнительной точки зрения на точки зрения, которая сама уже не является точкой зрения, поскольку она есть то, по отношению к чему организуются любые точки зрения: она есть то, что может занять точку зрения на все точки зрения. Это понимание государства как почти что Бога неявно присутствует в традиции классической теории и обосновывает стихийную социологию государства, которая выражается в том, что порой называют наукой управления, то есть в дискурсе о государстве, который порождают сами его агенты, в реальной идеологии государственной службы и общественного блага... Этому обычному представлению... ряд традиций и особенно марксистская противопоставляют представление, выступающее своего рода перевертыванием первичного определения: государство – не аппарат, ориентированный на общее благо, а аппарат принуждения, поддержания общественного порядка, но лишь во благо властвующих. Иначе говоря, марксистская традиция не ставит проблему существования государства и сразу же решает ее через определение функций; уже Маркс... и авторы, следовавшие за ним, неизменно старались охарактеризовать государство тем, что оно делает, и людьми, для которых оно это делает, но при этом не ставился вопрос о самой структуре механизмов, которые должны произвести то, что его основывает...». – Цит. по: Бурдьё П. О государстве; курс лекций в Коллеж-де-Франс (1989 – 1992) /Пьер Бурдьё; ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер; пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнareвой; с предисл. А. Бикбова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. – С. 51-53.

иерархической системы, олицетворявших «надстройку» (властно-публичный политический механизм), с другой. Вполне естественно, что каждый из них в этой «сделке» преследовал прежде всего свои собственные интересы, однако их объединяла общая цель – *минимизировать воздействие на политический процесс широких слоев населения* («народа», нации), в той либо иной степени воплощавших в себе стремление к демократизации общественных отношений и реальному народовластию, для чего использовались легитимные правовые инструменты, *позволявшие создавать впечатление*, что, несмотря ни на что, трансформация патриархальных учреждений приведет к востребованным – и обществом, и «элитами» – результатам. Однако в любом случае, в том числе при наличии кардинальных преобразований монархических институтов, ни о какой утрате имущими классами контроля над властью речь не шла *a priori*.

Трудно отрицать тот факт, что *государственная власть*, ассоциируемая с наследственными либо представительными (сословно-представительными) учреждениями, *продолжала носить самодостаточный характер*, поэтому, независимо от формы правления и степени «демократизации» общественно-политических отношений, *ее отчуждение от народа не исчезло*, причем в том числе и в тех случаях, когда он формально-юридически (с течением времени это приобретет не что иное, как императивно-ритуальный, сакральный смысл) провозглашался «источником власти» и «носителем суверенитета». Говоря о демократии как факторе стабилизации конституционно-правовых отношений, мы не должны экстраполировать современные процессы на «реалии» первой половины XIX века, стремясь объяснить соответствующие тенденции данного периода практикой преодоления отчуждения «народа» от власти (которое так никуда и не исчезло!?), имеющей место в конкретной стране англосаксонской или романо-германской традиции³⁹⁷. Более того, *нет никаких* объективных, в первую очередь в контексте национальных особенностей и закономерностей

³⁹⁷ Так, в одних государствах выбирают «несистемных» депутатов, в других – используют различные формы гражданского неповиновения (вплоть до разрушения памятников участникам известных событий, значение и историческая роль которых воспринимаются иначе, чем до этого) или инициируют «цветные» революции и прочие протестные акции, нередко перерастающие в вооруженное противостояние сторонников различных ветвей власти. Главное – «элиты» практически всегда знают, что делать в той или иной ситуации.

государственного строительства (при внешней «сопоставимости» публичных институтов), оснований воспринимать конституционно-правовые отношения как нечто шаблонно-единообразное, «стандартное», ни при каких условиях не подверженное конъюнктуре и внешнему воздействию со стороны тех, кто уже апробировал механизмы, позволившие преодолеть кризисно-стагнационные явления и избежать радикализации политического процесса, что могло, при всей парадоксальности, послужить поводом навязать остальным свой опыт в качестве «примера для подражания», не задумываясь о последствиях. Нельзя сказать, что *рецепция* использовалась исключительно в сфере частноправовых (как при заимствовании норм французского гражданского законодательства) отношений, так как аналогичным образом поступали и при подготовке актов учредительного характера, трансформировавших – без серьезных социальных потрясений – архаичные феодальные институты в органы, в основе которых, при сохранении в целом монархической формы правления, лежал буржуазно-демократический принцип разделения властей, ограничивавший полномочия главы государства. При этом не надо забывать о том, что речь идет о *переходе к новой модели взаимодействия монарха и политических элит*, поэтому нет никаких веских оснований ставить знак равенства между учреждениями того периода и современными структурами, даже при условии, на первый взгляд, определенной идентичности их конституционно-правового статуса.

Вместе с тем, понимая, что при наличии ряда общих черт монархическая форма правления носила вариативный характер, обусловленный спецификой государственного строительства в конкретной стране, мы должны учитывать и те «эксклюзивные» особенности, многие из которых – были непосредственно связаны с конфессиональным фактором, то есть *концентрацией в одних руках религиозных и светских прерогатив*, позволявших лицу, обладавшему ими, в той или иной форс-мажорной ситуации использовать дополнительные рычаги воздействия на своих «оппонентов» как при решении кадровых вопросов, так и по более широкому кругу проблем. Именно поэтому секуляризация выходит на первый план, как только церковь заявляет о каких-либо предпочтениях в тех

областях общественных отношений, где роль и значение ее институтов была *a priori* традиционно велика, без реформирования которых движение вперед не представлялось возможным. Последнее не могло не отразиться на правовом положении монарха и восприятии его в качестве «помазанника Божьего», что и было тем или иным образом закреплено в учредительных документах. При этом, говоря о рецепции как об одном из факторов развития конституционно-правовых отношений, *важно учитывать* следующее обстоятельство: целый ряд государств вступали в эпоху преобразований с известным опозданием, не имея тех преимуществ, которыми обладали те из них, где процесс перехода к новой модели взаимодействия общества, имущих классов и правящих элит не противоречил парадигмам, обусловленным *естественной трансформацией монархической формы правления* (не основанной на социальных конфликтах, а эволюционирующей по причине объективных исторических тенденций) и ее системообразующих институтов. Не исключено, что здесь лежат «причины» дифференцированного подхода к организации не только публичной власти в целом, но и каждого ее механизма в отдельности, отражением чего, видимо, можно рассматривать статус главы государства и представительных органов, все активнее функционировавших в режиме «сдержек и противовесов». Тем не менее, до их «современного» состояния было еще далеко, так как никто не хотел идти на компромисс, если он ущемлял или ограничивал их прерогативы, провоцируя – реально либо гипотетически – диспаритет между ветвями власти, в результате которого могли возникнуть предпосылки дестабилизации каких-то конкретных сфер общественных отношений³⁹⁸.

³⁹⁸ Абстрагируясь от темы исследования, следует иметь в виду, что эпоха так называемых «территориальных государств (можно сказать, – констатирует Фернан Бродель, характеризуя тенденции исторического процесса, в рамках которого на европейском континенте появились территориально-политические образования нового типа, – государств в современном понимании) началась с опозданием. Былое царствование, основанное на кровных узах, на взаимоотношениях сюзерена и вассала, исчезало медленно или, если выразиться иначе, медленно трансформировалось... Перелом произошел в XV веке, причем вначале почти исключительно там, где рост городов не был бурным. Ни Италия, ни Нидерланды, ни даже Германия, где было столько свободных, богатых и активных городов, не стали теми регионами, где возникло новое правление. Монархия нового типа развивалась прежде всего в Испании, Франции, Англии и была связана с появлением монархов нового типа: Иоанна II..., Людовика XI, Генриха VII Ланкастерского. На службу территориальным государствам пришли «чиновники», а точнее должностные лица при короле, «легисты», изучавшие римское право, руководители государственной администрации, «министры». Государство получило также поддержку со стороны народных масс, которые увидели в монархе защитника от произвола церковников и дворян. Во Франции, например, монархия могла

Переходя к сравнительному исследованию процесса государственного строительства в тех странах, с которыми в науке конституционного права чаще всего (как ни странно на первый взгляд, не совсем справедливо с фактической точки зрения) ассоциируют *демократический политический режим*, следует, с большой долей вероятности, констатировать, что своего рода «рубиконом», окончательно разделившим европейскую историю на «старую» (феодално-абсолютистскую) и «новую» (буржуазно-либеральную), стали наполеоновские войны, завершившиеся битвой при Ватерлоо, поставившей, казалось, точку в этом вопросе. Однако, собравшиеся на конгресс в Вене «победители», имели несколько иную цель – не только реставрировать во Франции монархическую форму правления, со всеми вытекающими последствиями, но и попытаться, игнорируя закономерности исторического процесса, повернуть время вспять, восстановив порядки, начало ликвидации которых было положено в Париже летом 1789 года. Никто, по крайней мере публично, не испытывал сожалений по поводу того, что в 1806 году перестала существовать Священная Римская империя германской нации, возглавляемая Австрией, так как ей на смену чуть позднее пришел значительно «упрощенный» и модернизированный вариант государственного объединения в лице так называемого «Германского союза» (под председательством все той же Австрии). Справедливости ради нельзя не признать, что указанное «содружество» фактически *не представляло собой «союза»* в прямом смысле слова – как равноправных субъектов – и не являлось чем-то чисто «германским», так как, помимо Пруссии и Австрии, в его состав входило более тридцати мелких княжеств и аналогичных «территориальных

рассчитывать на преданность народа вплоть до XVIII века... Современное государство зарождалось из потребностей войны: артиллерия, военный флот, растущая численность сухопутной армии требовали все больших средств на их содержание. Можно сказать, – подчеркивает известный французский историк, отмечая соответствующие тенденции процесса государственного строительства, – что современное государственное устройство было создано войной, этой «матерью всего». Вскоре современное государство отказалось признавать над собой какое-то главенство: ни главенство императора Священной Римской (Германской) империи, с которым перестали считаться даже подчиненные ему владетельные князья; ни главенство Папы Римского, который до того имел огромную моральную и политическую власть. Каждое государство хотело быть исключительным, бесконтрольным, свободным: государственный интерес стал основным побудительным мотивом действия... Понятие государственного интереса являлось отражением перехода от традиционной для Запада политической формы *королевств* к современной *монархии юристов*. – Цит. по: Бродель Ф. Грамматика цивилизаций... – С. 318-319.

образований» типа, например, Гольштейна (его сюзереном непосредственно рассматривался не кто иной, как король Дании) или Люксембурга (где правил голландский монарх)³⁹⁹.

Так, согласно Конституционному акту от 22 августа 1818 года, одним из членов Германского союза являлось Великое герцогство Баденское, в основе государственного устройства которого лежало *сословное* представительство, диссонировавшее с гражданскими и политическими правами (как и «особыми преимуществами»), закрепленными в разделе II указанного учредительного документа⁴⁰⁰: «... За исключением точно определенных конституцией случаев все баденские подданные признаются во всех отношениях равноправными... Несение государственных повинностей одинаково обязательно для всех граждан. Никто не может быть освобожден от платежа прямых и косвенных налогов... Все граждане, без различия вероисповедания, имеют одинаковые права на занятие гражданских и военных должностей, а также и церковных должностей своего вероисповедания... Все граждане, без различия религии и происхождения, подлежат воинской повинности, за теми исключениями, которые сделаны союзным актом в пользу бывших владетельных фамилий... Законом установлено будет справедливое вознаграждение за объявленные выкупу земельные повинности и барщинные обязанности и за все оброки (а как же быть с утверждением, что в первой трети XIX века лишь на территории нашей страны продолжало действовать так называемое «крепостное право», или уже тогда популяризировались пресловутые двойные стандарты? – Э.Е.), вытекающие из крепостной зависимости, ныне уничтоженной... Частная собственность и личная свобода баденцев, для всех в равной мере, становится под охрану конституции... Никто не может быть принуждаем к пожертвованию своим имуществом ввиду общественной пользы, если... не было выдано предварительного вознаграждения... Никто не может быть по уголовному делу

³⁹⁹ Подробнее см.: Хоус Дж. Краткая история Германии... – С. 103-112.

⁴⁰⁰ Цит. по: Конституционный акт Великого герцогства Баденского 22 августа 1818 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 136-137.

изъят из ведения общего суда. Никто не может быть арестован иначе, как с соблюдением установленных в законе форм, равно как и задержан в тюрьме более двух суток, без надлежащего извещения о причинах задержания...».

Как мы видим, *рецепция*, в том числе в контексте юридической техники, приобретает характер общеевропейского политико-правового явления, что не может не свидетельствовать о воздействии, оказываемом на национальные системы права норм и принципов, апробированных в рамках англосаксонской («Habeas Corpus act», «Bill of Rights») и франко-континентальной («Декларация прав человека и гражданина») традиции, а затем приспособленных к нуждам соответствующей страны, причем *нередко без какого-либо* адекватного учета специфических особенностей развития государства и публичных институтов. Более того, можно говорить о тенденции, обусловленной формой правления.

Источники большинства государств с монархической формой правления *законодательно фиксируют* тот очевидный факт, что «сословный» критерий формирования бикамеральных органов представительной власти, известный многовековой практике британского парламентаризма, позволяет без особых издержек для «царствующего дома» снять напряжение во взаимоотношениях с представителями светской и конфессиональной аристократии, делегировав им – в рамках разделения властей – осуществление ряда важнейших функций в сфере нормотворчества. Вместе с тем двухпалатный парламент (как опять-таки позволяет говорить опыт Соединенного Королевства), где одна из палат в той или иной степени отражает интересы широких слоев населения, служит примером демократизации общественно-политической системы и публичных отношений в целом, однако и в этом случае власть не спешит реформировать что-либо радикальным образом, хотя по сравнению с периодом абсолютизма преобразования, несомненно, носили фундаментальный характер.

Так, раздел III Конституционного акта Великого герцогства Баденского, наименование которого – «Сословное собрание. Права и обязанности членов сословного собрания» – яркое подтверждение сказанного выше, декларирует: «... Земские сословные чины разделены на две палаты... Первая палата состоит

из: принцев Великогерцогского дома; глав бывших владетельных фамилий; епископа страны и протестантского духовного лица, пожизненно (так сказать, «ex officio». – Э.Е.) назначенного Великим герцогом с чином прелата; восьми депутатов земельного дворянства; двух депутатов от университетов страны; лиц, назначаемых Великим герцогом членами этой палаты независимо от сословия и рождения... Депутаты избираются избранными населением (речь идет о «косвенных» электоральных механизмах. – Э.Е.) выборщиками... Все ... граждане, достигшие двадцатипятилетнего возраста, имеющие постоянное местожительство в пределах избирательного округа (перед нами не что иное, как ценз оседлости. – Э.Е.), – за исключением предусмотренных в законе (где, по всей видимости, были закреплены *гендерные* и все прочие ограничения? – Э.Е.) случаев, – пользуются правом голоса и могут быть избраны при избрании выборщиков... Всякий гражданин, независимо от своего местожительства, достигший тридцатилетнего возраста и имеющий право быть выборщиком, может быть избран депутатом... Великий герцог созывает палаты, отсрочивает их заседания и распускает их... Сословное собрание созывается каждые два (сословно-представительный орган, действующий на непостоянной основе, в связи с чем его трудно считать парламентом в чистом виде. – Э.Е.) года...»⁴⁰¹.

Бесспорно, переход от концентрации средств и полномочий, присущей абсолютизму, к практике разделения властей, с закреплением последнего в акте высшей юридической силы, свидетельствует о том, что *феодалный тип государства*, системно-институциональный кризис которого не могли скрыть никакие «бутафорные» преобразования, становится препятствием, не только сдерживающим движение вперед, но и негативно отражающимся на любых, стабилизирующих ситуацию политико-правовых решениях, направленных на преодоление последствий, вызванных *стагнацией патерналистской модели* взаимодействия общества, господствующих классов и правящих элит. Разрыв между «базисом» и «надстройкой» приобретал характер все более отчетливо

⁴⁰¹ Цит. по: Конституционный акт Великого герцогства Баденского 22 августа 1818 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 137-138.

выраженной тенденции, одним из достаточно вероятных результатов которой (если и не повсеместно, то в отдельных странах, где актуализировался процесс *консервации* патриархального властного механизма на фоне *либерализации* экономических отношений) виделся крах монархической формы правления и переход к республиканизму как важнейшей, но не всегда определяющей, так как и при сохранении «старой» парадигмы трансформации в «новое» качество имели место, предпосылке формирования *государственности буржуазного типа*. Другими словами, исчерпав свои резервы, феодально-монархический авторитаризм, традиционно олицетворявшийся наследственным характером верховной власти и сословно-иерархической стратификацией общества, был поставлен перед выбором, от которого *гипотетически зависело будущее* как конкретных государств, так и западноевропейской цивилизации в целом: или сохранить форму, наполнив ее принципиально иным содержанием, или сдать ее в «архив», и перейти к такой системе общественных отношений, в рамках которой источником и носителем власти является «народ», делегирующий ее осуществление легитимным представителям в лице членов законодательных собраний, судей и подконтрольного чиновничьего аппарата. При этом важное значение приобретал *факт соотношения национальных и заимствованных*, «привнесенных извне» правовых и институциональных элементов (то есть как часто и в каких масштабах использовались инструменты рецепции), уровень которого в одних случаях способствовал, в других – препятствовал реализации идей, предлагавших выход из социальных и политических коллизий (численно лишь возраставших), в большей либо меньшей степени влиявших на характер, специфику и особенности государственного строительства⁴⁰².

⁴⁰² В Германии (не исключено, как нигде на континенте?!) процесс адаптации научных идеологем к реалиям дня во многих аспектах отличался радикализмом, что в итоге не могло не отразиться на эволюции даже таких фундаментальных концепций, как учение о государстве и праве Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. На это обстоятельство обращали внимание крупнейшие исследователи второй половины XIX века. Так, критически анализируя – в контексте роли и значения философии в духовной жизни народа в рассматриваемый период – соотношение иррационализма, материализма и пессимизма, один из ведущих представителей «баденской школы неокантианства» Вильгельм Виндельбанд отмечал: «... Вера в то, что в истории действует разум, была основным убеждением гегельянства. Оно могло в его возвышении над противоположностями в конечном счете служить опорой каждой партии, а в его универсальной выравненности не считать себя поколебленным, если осуществление разума в существующих политических условиях несколько замедлилось. Но проверка, которой эту веру подвергли судьбы Германии в течение десятилетий от 1830 до 1850 года, была слишком трудна: вера

В то же время *не должно быть каких-либо иллюзий* по поводу того, что правящие элиты, осознав нецелесообразность (впрочем, судя по всему, как и историко-цивилизационную бесперспективность) сохранения в неизменном виде абсолютистско-монархической системы, по ряду важнейших параметров не отвечавшей задачам, стоявшим перед обществом и государством на этой стадии социально-экономического и политического развития, акцентировали внимание не на расширении перечня прав и свобод широких слоев населения, обусловленных демократизацией статуса человека и гражданина, в том числе в области избирательных процедур, а на предотвращении радикализации тех процессов, с которыми ассоциировался переход к конституционной монархии и разделению властей, с доминирующей или, по крайней мере, существенной ролью представительных (на начальном этапе сословно-представительных!?) учреждений. Иначе говоря, отдавая себе отчет в том, что полная или частичная консервация феодально-патриархальных институтов, будет «диссонировать» с тенденциями, *закономерность и объективность* которых, как минимум, не вызывали сомнений, «царствующие дома» и правящие элиты берут ситуацию под контроль, предлагая обществу эволюционный вариант модернизации.

эта в конце концов сломилась под ее тяжестью, и элементы, которые так искусно соединил в систему Гегель, распались. Первой при этом рушилась связь философии с религией. Если Гегель учил, – делает вывод цитируемый автор, описывая сложившуюся ситуацию, – что религия содержит в представлении то, что философия выражает в понятии, то оказалось, что в положительной религии именно это представление рассматривалось как существенное в ней и как ее собственная истина. Романтическая реакция, которая вышла победительницей в политической борьбе церкви того времени, поспешила разорвать свой союз с философией; и если именно ближайшие ученики Гегеля в Берлине предприняли решительную попытку отождествить его учение с положительным протестантизмом, то с полной романтизацией Пруссии при Фридрихе Вильгельме IV философский момент стал все более отодвигаться на второй план. А сильная позиция, которую одновременно снова стал занимать католицизм, разумеется, заставила его разорвать все отношения с еретической философией... Подобным же образом сложились обстоятельства в политической жизни. Здесь тоже, конечно, некоторое время гегельянство признавалось истинной философией реставрации, которая примирилась, как с временно данным и справедливым, с существующим государством и системой Священного союза. Но, с другой стороны, либеральная оппозиция именно теперь приняла интеллектуальный тип господствующей философии и стала притязать на историко-философский принцип «прогресса в сознании свободы». При этом либерализм все-таки подвергся своеобразной переработке. Сам по себе и в своей первоначальной форме он носит вполне индивидуалистический характер: происходя из религиозных постулатов кальвинистского пуританизма, он по своей глубочайшей сущности имеет демократическую структуру. Но благодаря тому, что он опирался на гегелевскую идею государства, согласно которой целое возникает раньше частей, этот либерализм получил универсальную окраску. Находясь в оппозиции клерикальному и легитимистскому романтизму и усвоив известные моменты французского духовного движения, он воспринял космополитические и социалистические идеи. Он не мог также противиться великому движению, которое в учении об обществе заменило в XIX веке просветительский индивидуализм идеей высшей реальности всей жизни. Так произошло смешение демократизма с социализмом, которое составило духовный тип молодой Германии...». – Цит. по: *Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия* // Вильгельм Виндельбанд. Избранное: Дух и история. Пер. с нем. – М.: Юрист, 1995. – С. 320-322.

В перспективе, «монархизм» и «парламентаризм» должны были стать составными элементами новой, качественно – структурно и институционально – совершенно иной, по сравнению с периодом позднего феодализма (в рамках которого абсолютизм уже не носил, строго говоря, «абсолютного» характера), буржуазно-либеральной модели взаимодействия общества и правящих элит. Отличительной чертой последней, помимо прочего, нельзя не рассматривать усиление основ государства и легальных механизмов политической системы, призванных не допустить *дестабилизации* властных отношений, следствием, причем вполне закономерным, которой в итоге могли бы быть *необратимые трансформации не только формы правления* или общественного строя, *но и национальной государственности в целом*, особенно в тех случаях, когда она находилась в состоянии деградации либо перманентного кризиса. Как прежде игнорировать мнение широких слоев населения имели возможность лишь те «царствующие дома», в юрисдикции которых концентрировалась вся полнота верховной власти, однако и они, если не хотели ее утратить, были вынуждены идти на компромисс в «форс-мажорных» ситуациях, количество которых, при соответствующих условиях, нередко переходило в негативное «качество». В то же время, следует иметь в виду, что какими бы «прогрессивными», на первый взгляд, ни казались проводимые в той или иной стране «преобразования», все они – без исключения – носили *переходный характер*, так как ни общество, ни, тем более, правящие элиты, как бы по инерции продолжавшие воспринимать и оценивать политический процесс в категориях прошлого, *были не готовы* к изменениям, последствия которых предугадывались преимущественно лишь на уровне прогнозов и гипотетических абстракций. Государство, какую бы из форм правления мы ни взяли в виде «иллюстрации», представляет собой не просто совокупность властных институтов, публичных структур и механизмов, это, кроме всего прочего, традиции управления и иерархически выстроенные социально-корпоративные взаимосвязи (от «кумовства» и «семейственности» до коррупции и «лоббизма»), поэтому любая реформа, несмотря на статус ее инициатора, не учитывающая все это, как правило, *обречена на провал*, или, по

крайней мере, латентный саботаж со стороны известной части бюрократии, в первую очередь «руководящего звена», не заинтересованного в ухудшении своего положения, в том числе материального, и не желающего менять что-либо в принципе, даже если кто-то в перспективе станет – *при отсутствии люстрации* – обладателем «нового» официального статуса или титулатуры⁴⁰³.

Справедливости ради надо подчеркнуть, что *носители наследственной власти*, понимая всю бесперспективность сопротивления (как пассивного, так и активного!?) тенденциям, обусловленным реалиями дня, отрицать которые могли лишь ортодоксальные апологеты абсолютизма, терявшие привилегии и многое другое, с чем традиционно ассоциировались феодальные отношения, при адаптации к местным условиям инструментов «общественного договора» активно *использовали англосаксонский опыт*, о чем свидетельствуют нормы, включенные в акты учредительного характера (в некоторых из которых можно встретить отголоски такого древнего юридического документа, как «Великая хартия вольностей»), вместе с тем, не отказываясь и от собственных правовых

⁴⁰³ Мы уже неоднократно обращали внимание на стремление достаточно большого числа исследователей «модернизировать» исторический процесс, перенося в прошлое современные представления о тех или иных институтах, без которых весьма проблематично понять и оценить соответствующие тенденции становления и развития конституционно-правовых отношений в их взаимосвязи с социальной и политической практикой в контексте перипетий государственного строительства, имевших место в рамках конкретного периода. Более того, методология подобного рода нередко вступает в противоречие с «предметом» и «объектом» научного анализа, внося известный диссонанс не только в цели и задачи исследования конкретных сфер общественных отношений, но и провоцируя ничем не мотивированный отход от первоначально обозначенной парадигмы. На это обстоятельство (в том числе, в работах, посвященных эволюции государства) обращают внимание многие компаративисты: «Социология истории избегает двух постоянных искушений, двух распространенных форм финализма – *коллективного финализма*, который означает поиск в имманентности исторического мира разума, ориентированного на определенные цели, – делает вывод в одной из публичных лекций французский государствовед Пьер Бурдьё, – и *финализма индивидов*, который периодически возрождается в социальных науках. В теории рационального действия социальные агенты рассматриваются в качестве рациональных вычислителей, которые максимизируют ту или иную форму материальной или символической прибыли. Я думаю, что парадокс социального мира в том, что в нем можно открыть имманентный порядок, не выдвигая гипотезы, будто этот порядок является продуктом сознательного намерения индивидов или же функции, трансцендентной по отношению к ним, вписанной в коллективы. Государство было огромным прибежищем невежества – в том смысле, что *на государство сваливают все то, что не получается объяснить в социальном мире*, так что в итоге его наделили самыми разными функциями: государство охраняет и т. д. В книгах с «теоретическими» претензиями вы можете найти фантастическое количество фраз, в которых государство выступает подлежащим. Подобное гипостазирование слова «государство» – своего рода повседневная теология. Ведь делать государство подлежащим в общем-то совершенно бессмысленно... Когда занимаются генезисом государства отбирают определенный принцип значимости, примером которого может быть различие доновременного, нововременного и постмодерного, которое неявно тащит за собой философию истории. Если предполагать, что государство – это универсальное и что образование государства – это образование универсума, в котором определенные агенты монополизируют универсальную речь, понятно, что образование государства имеет некоторое отношение к универсализации – происходит переход от локального к универсальному...». – Цит. по: Бурдьё П. О государстве... – С. 209, 210.

источников предшествующих исторических периодов. Нередко, конвергенция такого рода приносила ощутимые результаты. Например, читаем в разделе IV (Деятельность сословных чинов) Конституционного акта от 22 августа 1818 года: «... Без согласия сословных чинов налоги не могут быть установлены и взимаемы... Одновременно с внесением законопроекта о налогах должен быть представлен государственный бюджет... Статьи на секретные расходы могут быть внесены в бюджет лишь в том случае, если по каждой из них будет доставлено письменное, контрассигнованное министром (напомним, что этот механизм был введен в действие в Англии «Актом об устройении...», принятом летом 1701 года. – Э.Е.) удостоверение Великого герцога, что сумма была или будет израсходована в истинных интересах страны...»⁴⁰⁴.

Не менее «знаковыми» (если проводить соответствующие сравнения с тем, что наблюдалось каких-то пятнадцать-двадцать лет назад, на рубеже XVIII – XIX веков) выглядят и некоторые другие механизмы взаимодействия двух институтов власти – монархического и парламентско-представительного. Так, цитируемый учредительный документ фиксирует положение, при котором у «помазанника Божьего» *бюджетно-фискальные полномочия уже не имеют* сколько-нибудь эксклюзивного содержания, что наглядно свидетельствует об ограниченном характере его прерогатив, зависящих от решения обеих палат: «... Сословные чины не могут ставить согласие свое на взимание налогов в зависимость от каких бы то ни было условий... Без согласия сословных чинов не может быть заключен ни один заем... Без согласия сословных чинов не могут быть отчуждаемы государственные имущества... Каждый финансовый законопроект представляется первоначально во вторую палату и, лишь после принятия ею (аналогия с Палатой общин британского парламента очевидна. – Э.Е.), может быть внесен в первую палату, которая решает вопрос о принятии или непринятии его в целом, без всяких изменений... В том случае, если сословное собрание было распущено (согласно параграфу сорок второму, это

⁴⁰⁴ См.: Конституционный акт Великого герцогства Баденского 22 августа 1818 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 138.

сфера исключительных полномочий главы государства. – Э.Е.) до установления бюджета или если обсуждение вопроса в палатах замедлилось, прежние, не имеющие постоянного характера, налоги могут быть взимаемы в течение шести месяцев сверх срока, на который они были установлены...»⁴⁰⁵.

Ранее по тексту мы уже констатировали, что по целому ряду параметров Англия стала «современной» (первый шаг к этому был предпринят в 1215 году, когда была обнародована и введена в действие «Великая хартия вольностей», резко ограничившая финансовые прерогативы короля) в результате итогов так называемой «Славной революции», однако есть веские основания говорить о том, что отдельные земли будущей единой Германии, если сопоставить те или иные институты (не обращая внимание на их наименования), сформировали – в рамках системы разделения властей – такие учреждения, которые с большой степенью вероятности могут рассматриваться в качестве *публичных аналогов* или *полноценных эквивалентов* законодательных и исполнительных органов, функционирующих сейчас (естественно, использовать буквальные параллели не совсем корректно, хотя их многое объединяет)⁴⁰⁶.

Так, в настоящее время ни у кого не возникнет даже тени сомнений по поводу того, какие механизмы использовать «представителям народа» в тех

⁴⁰⁵ Цит. по: Конституционный акт Великого герцогства Баденского 22 августа 1818 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 138.

⁴⁰⁶ Как ни странно, трансформации, имевшие место в общественно-политической системе, во многом были обусловлены не только характером и спецификой исторического процесса, но и тенденциями, в большей или меньшей степени наблюдавшимися в эволюции взглядов на государство и право, в частности, учения Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Как отмечает Вильгельм Виндельбанд, «наряду с... глубоким разнообразием религиозных, политических и социальных движений, которые взяли и развили в своей теории моменты из распадающегося гегельянства, одновременно развивается идея национального государства. Она встречается при этом не только, как полагали, в либеральной форме, которую она получила главным образом в университетах, где ее носителем в студенческих кругах сделалось движение буршей (немецкое студенческое корпоративное движение, возникшее в 1815 году в Йене, выступало против сословного деления общества, одновременно отказываясь как от провинциализма – замыкания в узких рамках небольших государственных образований, так и от космополитизма. – Э.Е.) и где среди преподавателей утвердился тот «профессорский либерализм», о котором в более поздние времена часто шла речь в презрительном тоне; она продолжала жить – и это нельзя ни в каком случае не признавать или забывать – в пиетистских кругах юнкеров и в романтической реставрации во времена Фридриха Вильгельма IV. Правда, идея национального единства принимала при этом очень разную окраску и разные оттенки, вследствие этого ее связи с универсальным космополитизмом складывались в высшей степени разнообразно. С одной стороны, – констатирует ученый, – она явилась в романтико-религиозном свете, с другой – в рационалистическом и демократическом освещении. С этим внутренним расколом, с этим расхождением на два разделенных, враждующих друг с другом потока духовной жизни была связана в последней инстанции неспособность нашей национальной идеи осуществиться политически...». – Цит. по: Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия... – С. 323-324.

случаях, когда речь идет об ответственности членов правительства (особенно в республиках парламентского типа либо в конституционных монархиях, не многим отличающимся от них) перед парламентом в целом или одной из его палат, однако в середине XIX века (учитывая тот факт, что при абсолютизме о чем-либо подобном можно было говорить исключительно в контексте формы правления, традиционно ассоциируемой с отсутствием разделения властей и концентрацией прерогатив, в том числе связанных с организацией аппарата управления, в руках монарха) *процедура импичмента*, введенная в практику взаимоотношений исполнительных и законодательных институтов все теми же англо-британскими парламентариями⁴⁰⁷, рассматривалась в большинстве княжеств будущей Германской империи не чем иным, как экстраординарным явлением: «... Вторая палата имеет право возбуждать формальное обвинение (норма, закрепленная в разделе IV-а Конституционного акта (Об обвинении против министров), по-прежнему актуальна и востребована, несмотря на ее весьма «солидный возраст»? – Э.Е.) против министров и высших должностных лиц за совершенные ими – действия, упущения или по грубой небрежности – нарушения конституции, или установленные конституцией права, или за тяжкое нарушение государственной безопасности и благосостояния... Суд по обвинениям... образуется в качестве государственного суда из первой палаты, с прибавлением президента верховного суда и восьми судей, избранных по жребию из членов коллегияльных судов... Обвиняемому и представителям обвинения принадлежит право отвода...»⁴⁰⁸.

⁴⁰⁷ См.: Акт об устройении (Акт о будущем ограничении и о лучшем обеспечении прав и свобод подданных) 12 июня 1701 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 29.

⁴⁰⁸ Цит. по: Конституционный акт Великого герцогства Баденского 22 августа 1818 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 139. Как мы видим, отсутствие англосаксонского термина «*impeachment*» компенсируется квазисудебным характером и участниками указанной процедуры, ставившей на качественно новый уровень механизм взаимодействия отдельных ветвей власти. Процитированный выше фрагмент, достаточно наглядно свидетельствует о *рецепции конституционно-правовых норм*, известных как «система сдержек и противовесов» и продекларированных в Конституции Соединенных Штатов 1787 года. В то же время перед нами механизм, выходящий за рамки предписаний, согласно которым квазиследственным и квазисудебным органом выступает Палата представителей и Сенат федерального Конгресса, так как орган, именуемый в указанном документе «Судом по обвинениям», в отличие от исключительно «парламентского» института (в Соединенных Штатах к судебному сообществу относится только председатель Верховного суда, возглавляющий в этом случае процесс отстранения от должности как главы государства, так и федеральных чиновников, *de facto* осуществляемый в верхней палате), должен функционировать с привлечением не только руководителя высшей судебной инстанции герцогства, но и представителей других судебных учреждений.

Другими словами, речь идет о том, что рецепция была использована в качестве наиболее адекватного требованиям дня инструмента, посредством которого, *без отказа от авторитарных методов правления*, осуществлялся процесс перехода к новой модели властных отношений, одним из системных элементов которой становится парламентаризм, основанный не на всеобщем избирательном праве, а на *сословном характере представительства*. Имея перед глазами пример Соединенного Королевства, европейские монархии – и вновь образованные (как, например, Швеция и Норвегия, хотя и обладавшие традициями национальной государственности, тем не менее, утратившие их в период нахождения под юрисдикцией Датского королевства), и перманентно пребывавшие в состоянии институционального регресса мелкие образования (позднее ставшие частью объединенной Италии или той же Германии) – уже не боялись преобразований, на которых настаивали те, с кем ассоциировалась промышленная революция и либерализация широкого круга хозяйственно-экономических отношений, так как *во многих аспектах* они были не только необходимы (в том числе, в виде известного противоядия против тенденций республиканизма: уроки французской революции 1789 года, судя по всему, не прошли даром), но и востребованы, «встающим с колен» обществом, в лице – не в последнюю очередь – «третьего сословия». Не следует игнорировать и тот факт, что к многочисленным проблемам, так сказать, «внутреннего свойства», с которыми столкнулись европейские монархии (в данном случае имеются в виду, прежде всего те из них (Испания и Португалия – в качестве образца), где процессы демократизации актуализировались в большинстве колоний, одним из важнейших итогов которых станет движение за независимость), с течением времени прибавится и «внешний фактор», изменивший к последней трети XIX века и статус, и политические системы этих государств⁴⁰⁹.

⁴⁰⁹ Парадокс состоит в том, что, в отличие от «новых» европейских монархий (в этом случае следует говорить не только о скандинавских государствах, отдавших, при получении независимости от Дании, предпочтение монархической форме правления, но и о Германии, Италии и Австро-Венгрии, приоритетом для которых иная, чем монархическая форма государственного устройства, станет актуальной намного позднее), в Центральной и Южной Америке республиканизм (за основу которого на первом этапе государственного строительства был взят пример Соединенных Штатов) рассматривался как, своего рода, материализация тенденций, приведших страны континента к освобождению от колониальной зависимости. На фоне того, как Европа (за исключением

Все более отчетливо проявлявшие себя *тенденции централизации* (на начальном этапе выражавшиеся в постепенно набравшем обороты процессе объединения разрозненных территориально-политических образований в те или иные «союзы», о национальном характере которых можно говорить лишь с известной долей «исторического оптимизма») были обусловлены не только *спецификой государственного строительства* на соответствующей стадии (в какой-то степени этим же обстоятельством объясняется развал феодальных «империй»), но и *объективными закономерностями развития механизмов взаимодействия* правящих элит и институтов публичной власти. Причем, как ни странно, во второй половине XIX века, о чем свидетельствуют официальные документы, научная литература и публицистика того периода, шли процессы, позволяющие, тем или иным образом, проводить параллели с современным Европейским союзом, особенно если иметь в виду Германию и Австрию, *без особого энтузиазма* воспринимавшими идею «национального государства». Она станет востребованной позднее, когда Пруссия *осознает необходимость перехода к новой фазе общественных отношений и идентификации себя*, в том числе, в качестве «собирателя немецких земель»⁴¹⁰.

Швейцарии и, в конце концов, Франции) *по-прежнему оставалась монархической* (пусть и с сословными элементами парламентаризма), бывшие испанские и португальские колонии (на отдельных исторических этапах также «отдавшие дань» той либо иной разновидности монархизма) в своей преобладающей массе в итоге предпочли *республиканскую форму правления*. – Подробнее см.: Манн, Майкл. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 2. Становление классов и наций-государств, 1760 – 1914 годы (книга первая) /Майкл Манн; пер. с англ. А.В. Лазарева; под науч. ред. Д.Ю. Карасева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – С. 219-269, 279-375, 379-500; Источники социальной власти: в 4 т. Т. 2. Становление классов и наций-государств, 1760 – 1914 годы (книга вторая). – С. 1-237; Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. /Пол Кеннеди; пер. с англ. Е. Калугина, М. Леоновича; предисл. В. Рыжкова. – Екатеринбург: Гонзо, 2018. – С. 223-297; Томас, Хью. Великая Испанская империя /Хью Томас; пер. с англ. В. Желнинова. – М.: Издательство АСТ, 2018. – С. 91-294; Симмс, Брендан. Европа. Борьба за господство /Брендан Симмс; пер. с англ. В. Желнинова. – М.: Издательство АСТ, 2017. – С. 213-284; История Европы /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена в сотрудничестве с Ж.-П. Арриньоном и др.; Вступл. Р. Ремона; Пер. с франц. под общ. ред. М.Ю. Некрасова. – 2-е изд. – СПб.: Евразия, 2017. – С. 333-434; Томас, Хью. Золотой век Испанской империи /Хью Томас; пер. с англ. В. Гончарова. – М.: Издательство АСТ, 2016 и др.

⁴¹⁰ Чтобы не быть голословными, процитируем одного из историков, следующим образом характеризующего то «образование» (речь идет о так называемом «Германском союзе»), которое возникло после распада в 1806 году Священной Римской империи в результате объединения Пруссии, Австрии, Гольштейна, Люксембурга и ряда других княжеств и курфюрств: «... В течение следующих пятидесяти лет Пруссия и Австрия продолжали соперничать между собой, в то время как малые государства не могли найти общий язык и сплотиться, отказавшись от многовекового *партикуляризма*. Лишь одно объединяло австрийскую и прусскую короны и роднило их с другими европейскими монархами и правителями – *ненависть к немецкому национализму*. В эту эпоху национализм воспринимался как прогрессивная и либеральная идеология, поскольку требовал, чтобы народ (определяемый по этническому признаку) сам управлял своей страной, а не подчинялся внешним правителям, получавшим трон по наследству. Разумеется, – констатирует Джеймс Хоус, с выводами которого

Однако, *наряду с рецепцией*, важнейшим инструментом юридической техники при подготовке системообразующих актов учредительного характера становится *преемственность*, красной нитью проходящая в документах того государства, которое, как бы в итоге ни называлось, содержит в себе твердое смысловое ядро, производное от существительного «Германия» – Германский союз, Германская империя⁴¹¹. Речь идет и о монархической форме правления (отдел III (глава империи)⁴¹² Конституции Германской империи от 24 марта 1849 года, титул III (о короле) Конституционной хартии Пруссии от 31 января 1850 года⁴¹³, раздел IV (президентство) Конституции Германской империи от 16 апреля 1871 года)⁴¹⁴, и о типе государственного устройства, и о механизме разделения властей и бикамеральной модели парламентаризма. Главное же в

нельзя не согласиться, – национализм вызывал отвращение и ужас у коронованных особ Европы.... Чтобы ужесточить политику на территории мелких государств Германского союза, были введены (в 1819 году. – Э.Е.) в действие Карлсбадские указы..., которые провозглашали, что любое проявление либеральных или националистических взглядов – даже если речь шла об университетских преподавателях или спортивных клубах – расценивается как противозаконная подрывная деятельность... Германию накрыл (складывается впечатление, что современный англосаксонский автор пишет о наднациональной брюссельской бюрократии, и *de jure*, и *de facto* господствующей в Европейском союзе. – Э.Е.) отупляющий социальный, политический и бюрократический конформизм... В этой Германии не было социальной мобильности. Высшие должности в правительстве и армии предназначались аристократам (что свидетельствует о сословном характере данного государственного образования. – Э.Е.); политическая деятельность находилась под запретом...». – Цит. по: Хоус Дж. Краткая история Германии... – С. 113-114.

По мнению французских историков, после наполеоновских войн в течение пятидесяти лет в Европе «продолжались великие революционные споры. От правителей, чаще всего абсолютистских и стремившихся сохранить гармоничное «европейское согласие», *народы требовали свободы и не добились ее*. Со своей стороны, нации старались организовать государства, что удалось Италии и Германии, последняя даже стала ведущей силой Европы... В Вене в 1815 году (в этом же году был образован «Германский союз». – Э.Е.) государства – победители Франции *договорились восстановить европейский порядок*, основанный на легитимности, равновесии сил, доминировании консервативных монархий... Но консервативные государства (к числу которых, без сомнения, относилась и австрийская империя. – Э.Е.) столкнулись с двумя широкими дестабилизирующими движениями: либералы желали введения представительных институтов, патриоты, разбуженные Французской революцией, провозглашали право народов самим распоряжаться своей судьбой и создавать нации... Центральная Европа пережила потрясения вследствие триумфа Пруссии, сумевшей объединить Германию к выгоде для себя...». – Цит. по: История Европы /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 355.

⁴¹¹ Отмеченное выше, несмотря на роль этого государства в объединении «немецких земель», не относится к Пруссии, в «Конституционной хартии» (датируемой 31 января 1850 года) которой подобное «официальное» наименование отсутствует.

⁴¹² Так, читаем в статье 1: «... Сан главы империи дается одному из царствующих германских монархов... Этот сан наследственен в доме монарха, которому он был передан. Он переходит по наследству по мужской линии по праву первородства... Глава империи носит титул: император германцев... Император получает гражданский лист, который устанавливает рейхстаг...». – Цит. по: Конституция Германской империи 24 марта 1849 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 148.

⁴¹³ В указанном акте декларируется: «... Все области монархии, в их нынешнем размере, образуют прусскую государственную территорию... Личность короля неприкосновенна...». – Цит. по: Конституционная хартия Пруссии 31 января 1850 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 151, 152.

⁴¹⁴ Согласно статье 11 документа, «президентство в союзе принадлежит королю прусскому, который носит титул германского императора...». – См.: Конституция Германской империи 16 апреля 1871 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 156.

том, что никто – даже осуществляя соответствующие преобразования и вводя в практику властных отношений новые учреждения и институты – *не собирался отказываться*, как минимум, *на этом этапе* или в ближайшей перспективе, от политической системы, «несущей конструкцией» которой рассматривался монарх, со всеми вытекающими политико-юридическими последствиями⁴¹⁵.

Сравнительно-правовой анализ учредительных актов свидетельствует о том, что при достаточно широкой либерализации экономических отношений, «базиса», демократизация «надстройки» *не вызывает* какого-то оптимизма, тем более эйфории, хотя и следует констатировать динамичный алгоритм (!) развития, так как во главу угла поставлено стремление правящих элит всеми правдами и неправдами не только сохранить действующую форму правления, но и, в конце концов, *минимизировать последствия процессов*, вызванных

⁴¹⁵ Конституция Германской империи 24 марта 1849 года. Отдел IV (Рейхстаг): «... Рейхстаг состоит из двух палат: палаты государства и палаты народа (по существу, *de facto* сопоставимая «*бикамеральная система*», включающая нижнюю (Бундестаг) и верхнюю (Бундесрат) палату, функционирует в Федеративной Республике Германия и сейчас. – Э.Е.). Члены палаты государств (согласно действующему Основному закону 1949 года, они имеют наименование «земля». – Э.Е.) назначаются наполовину правительством, наполовину народным представительством соответствующих государств... Членом государственной палаты может быть только тот, кто: 1) является гражданином посылающего его государства; 2) старше тридцати лет от роду; 3) пользуется всеми гражданскими и политическими правами... Члены палаты государств избираются на 6 лет; они каждые три года наполовину пополняются новыми... Палата народа состоит из депутатов германского народа...».

Конституционная хартия Пруссии 31 января 1850 года. Титул V (О палатах): «... Законодательная власть осуществляется совместно королем и обеими палатами (модель, заимствованная из практики англо-британского парламентаризма. – Э.Е.). Согласие короля и обеих палат необходимо для каждого закона... Право законодательной инициативы принадлежит королю и каждой из двух палат... Всякий прусак, которому исполнилось 25 лет и который имеет избирательное право в той общине, в которой он живет (перед нами, помимо *возрастного, ценз оседлости*. – Э.Е.), является избирателем первой степени... На 250 душ населения избирается один выборщик (речь идет о *косвенных* выборах. – Э.Е.). Избиратели первой степени разделяются на три разряда – по размеру уплачиваемых или прямых государственных налогов – таким образом, что каждый разряд в целом платит третью часть общей суммы налогов... Первый разряд образуется избирателями, платящими наибольшее количество налогов и уплачивающими вместе одну треть общей суммы налогов. Второй разряд образуется избирателями, менее обложенными налогами и уплачивающими вместе вторую треть общей суммы налогов. Третий разряд образуется платящими третью часть. Каждый разряд выбирает отдельно третью часть выборщиков (*имущественный ценз и отсутствие всеобщего избирательного права* налицо. – Э.Е.). Депутаты выбираются выборщиками... Члены обеих палат... все государственные чиновники приносят присягу в верности и повиновения королю и клянутся честно соблюдать Конституцию (при этом следует иметь в виду тот факт, что военные не присягают в соблюдении Основного закона, так как присягают непосредственно королю. – Э.Е.).».

Конституция Германской империи 16 апреля 1871 года: «Союзный совет состоит из представителей государств, входящих в состав союза (напомним, что «пакет» Пруссии включал голоса Ганновера, Кургессена, Голштинии, Насау и Франкфурта, получая таким образом 17 голосов из 58. – Э.Е.). Союзный совет постановляет решения: 1) О предложениях, вносимых в рейхстаг, и о принятых последним решениях... Рейхстаг образуется посредством всеобщих и прямых выборов с тайной подачей голосов... Законодательный период рейхстага продолжается три года. Для роспуска рейхстага в течение этого периода необходимо решение союзного совета при согласии императора... Члены рейхстага суть представители всего народа и не связаны никакими поручениями (то есть ни о каком «императивном мандате» вопрос не стоит *a priori*. – Э.Е.) и инструкциями... Члены рейхстага не получают как таковые никакого жалования или вознаграждения...». – Подробнее см.: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 149-150, 153, 156, 157.

актуализацией органов сословно-представительного характера, расширением электоральных процедур и целого ряда прав и свобод. Парадокс проявляется в том, что при внешне сопоставимых тенденциях европейские монархии – как «старые», так и «новые» – институционально крайне сложно ассоциировать с политическими системами, где «источником» и «носителем» власти является *демос*, несмотря на последовательную сакрализацию деклараций (и вообще концепции «народного суверенитета») подобного рода⁴¹⁶.

На этом фоне одним из примеров «институциональной модернизации» составных элементов государственного строительства, со временем ставших фундаментом «западной» модели демократии, нельзя не рассматривать так называемое всеобщее избирательное право, о «всеобщности» которого – как наиболее распространенной форме непосредственной демократии – говорить можно *лишь с известной степенью абстракции*, в том числе, если речь идет о монархиях переходного типа (однако сказанное выше с полным основанием относится и к республиканскому правлению⁴¹⁷). Даже чисто гипотетически (!?) трудно представить ситуацию, при которой к «избирательным урнам» будут

⁴¹⁶ Характеризуя процесс государственного строительства после наполеоновских войн и Венского конгресса 1815 года, современные авторы подчеркивают: «... Не вся Европа королей была абсолютистской. Конечно, Соединенное Королевство не было демократией – в палате лордов и местной администрации по-прежнему преобладала земельная аристократия, а депутатов палаты общин избирало только 400 тысяч выборщиков. Но парламентский режим функционировал. Кабинет зависел от большинства в парламенте, тори или виги, монархи... соблюдали парламентские свободы. Общественное мнение уже играло важную роль... Реформы 1832 и 1867 годов расширили круг избирателей. Постепенно к управлению страной наряду с крупными землевладельцами подключалась деловая буржуазия... В остальной части Европы (мы намеренно выводим за скобки анализа Францию, о которой речь пойдет далее в специальном разделе работы, и северо-запад континента, где процесс демократизации находился лишь в начальной стадии. – Э.Е.) восстановленные или сохранившиеся монархии только по видимости вернулись к старому порядку. Из опыта Революции и Империи, а также из воспоминаний о просвещенном деспотизме они сделали один вывод – *корона может иметь прочное положение только в сильном государстве...*». – См.: История Европы /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 357-358.

⁴¹⁷ Например, читаем в статье 24 (глава IV. О законодательной власти) Конституции Франции 4 ноября 1848 года (имеется в виду Вторая республика): «... Избирательное право – прямое и всеобщее. Подача голосов происходит тайно». – Цит. по: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 96. Однако перед нами не что иное, как *чистейшей воды декларация*, не соответствовавшая действительности. На это существенное обстоятельство обращают особое внимание крупнейшие французские исследователи: «... Первые выборы на основе всеобщего избирательного права состоялись... 23 апреля 1848 года. Если в Париже под влиянием экономических и финансовых проблем атмосфера ухудшилась, то в провинции еще царил «дух 1848 года». Для участвовавших в выборах была (на конец 1846 года, в преддверие краха Июльской монархии, население Франции в целом составляло примерно 35 с половиной миллионов человек. – Э.Е.) значительной: избирательный корпус, в состав которого, однако, не входили женщины (не говоря уже о тех мужчинах, которые не отвечали таким цензам, как имущественный и оседлости. – Э.Е.), от 240 тысяч в конце Июльской монархии вырос до 9395 тысяч избирателей...». – Цит. по: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена в сотрудничестве с Э. Карпантье и др.; Предисл. Ж. Ле Гоффа; Пер. с франц. М.Ю. Некрасова. – 2-е изд. – СПб.: Евразия, 2017. – С. 333-334.

допущены деклассированные или маргинальные слои населения, ведь никто не отменял избирательного налога (в частности, если, согласно положениям Конституционной хартии от 4 июня 1814 года Людовика XVIII, дееспособные обыватели должны были платить прямой налог в размере трехсот франков, а право быть избранным предоставлял налог в одну тысячу, как следствие лишь менее 90 тысяч французов могли голосовать, то в результате революции 1830 года избирательный ценз соответственно снизился до двухсот для активного права и пятисот франков для пассивного), поэтому утверждения о всеобщем характере избирательного права в середине – последней трети XIX века носят не только *голословный*, но и *демагогический* характер, пытаясь «желаемое», о каком бы государстве ни шла речь, выдать за «действительность»⁴¹⁸.

Вместе с тем компаративист, вероятнее всего, погрешит против истины, по каким-то причинам проигнорировав стремление правящих элит отдельных государств, прежде всего Соединенного Королевства периода правления Виктории⁴²⁰ (при том, что за осуществляемыми политическими реформами в указанной стране внимательно следили и в Европе, и за океаном), идти в ногу со временем, стремясь не только расширить круг прав и свобод определенных категорий подданных, но *укрепить фундаментальные основы действующей модели конституционной монархии*. Справедливости ради нельзя не сказать, что в течение многих лет у них это неплохо получалось, несмотря на известный диссонанс между либеральным экономическим «базисом» и «надстройкой», о демократическом характере которой при отсутствии реальных предпосылок введения в масштабах Туманного Альбиона всеобщего избирательного права –

⁴¹⁸ Об этом см.: *Дженкинс С.* Краткая история Англии... – С. 258-261.

⁴¹⁹ О внутривнутриполитической ситуации, отраженной в парламентских документах (в том числе, в так называемых «*Синих книгах*», предназначенных для служебного пользования членов обеих палат, и «*Статутных книгах*», где содержатся тексты, принятых биллей и иных законодательных документов), подробнее см.: Great Britain. Hansard's Parliamentary Debates (House of Commons, House of Lords). 3-d series. Vol. 283-296. – L., 1883 – 1886; Great Britain. Parliamentary Papers. 1883 – 1886. – L., 1884-1887; Great Britain. Public General Statutes. 48&49 Vict. – L., 1885 – 1886.

⁴²⁰ См.: *Murdoch, J.* History of constitutional reform in Great Britain and Ireland with a full account of the three measures of 1832, 1867 and 1884. – L., 1885; *Seymour, Ch.* Electoral Reform in England and Wales. The Development and Operation of the Parliamentary Franchise, 1832 – 1885. – New Haven, 1915; *Albert, W.* The Turnpike Road System of England, 1763 – 1844. – Cambridge: Cambridge University Press, 1972; *Jones, A.* The politics of reform 1884. – Cambridge, 1972; *Brock, M.* The Great Reform Act. – London: Hutchinson, 1973; *Clark, J.C.D.* English Society, 1688 – 1832. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985 и др.

можно было говорить, как бы это не противоречило точке зрения ученых, придерживающихся иного мнения, со значительной степенью условности. Так как же тогда воспринимать англо-британский парламентаризм – как «пример для подражания» (особенно в глазах «элит» развивающихся, освободившихся от колониальной зависимости стран!?) или буржуазно-либеральный институт, посредством которого господствующий класс отвечал на «требования дня», идя на уступки лишь в тех случаях, когда ситуация *оставалась под его прямым либо косвенным контролем*, другими словами, от перемены мест слагаемых сумма не менялась, и власть концентрировалась в одних и тех же руках⁴²¹?

⁴²¹ Вопрос «демократичности» политической системы европейских государств монархического типа является одним из наиболее дискуссионных, особенно в контексте преобразований исследуемого периода, причем не только (скорее, не столько!?) в отечественной (особенно советского периода), но и в зарубежной историко-правовой и конституционно-правовой литературе. Так, характеризуя политический суверенитет и институт представительства *при переходе к новой парадигме* государственного строительства, почетный профессор Калифорнийского университета Майкл Манн пишет: «... Британское и прусское государства (в отличие от той же Франции и Австрии. – Э.Е.) стабилизировали институты, которые напрямую представляли господствующие классы и церкви. Таким образом, если гражданское общество начинало оказывать новое, более широкое давление, то оно потенциально могло пройти через партии напрямую в центральные государственные институты. В Пруссии это давление проходило через административные институты. В Британии – по большей части через парламент и его эмбриональную партийную демократию. Кого именно (задается вопросом автор, с которым в целом нельзя не согласиться, критически рассматривая парламентаризм «предреформенного» периода. – Э.Е.) представлял парламент? Отделила ли кристаллизация представительского государства «старый порядок» от мелкой буржуазии и привнесла ли свой вклад в конфликт между классами?...».

По справедливому замечанию цитируемого американского государствоведа, «большинство мелкой буржуазии не допускалось до голосования и занятия должностей (как и все женщины), и конфликты, приведшие к избирательной реформе 1832 года..., часто изображаются как классовая борьба (что, на наш взгляд, лишь отчасти имело место, так как проблемы были обусловлены целым рядом других причин. – Э.Е.). Однако британские политические институты были партикуляристскими. Около 500 тысяч мужчин, владеющих собственностью (15% взрослых мужчин), могли голосовать и занимать должности. Неравенство в избирательном праве коренилось в обычаях и географии так же, как и в классовой дискриминации. Размеры окружного электората варьировались от 12 тысяч налогоплательщиков Вестминстера до полного отсутствия избирателей округа Старый Сарум, патрон которого мог распоряжаться местом в парламенте по своему желанию. К 1830 году 36 окружных парламентских мест от округов, принадлежавших патронам или корпорациям, представляли 50 или меньше избирателей, однако на 43 других места приходилось более 1000 избирателей, а 7 из них имели более 5 тысяч избирателей. Неравномерный рост населения оставил новые города, такие как Бирмингем, Манчестер и Лидс, непропорционально мало представленными, хотя их 40-шиллинговые держатели земли могли голосовать в соответствующих сельских округах. Регионом с наихудшим положением дел в этом отношении была Шотландия, где было всего 4 500 избирателей, в то время как в Уэльсе избирателей было больше, чем в Англии... Таким образом, в избирательной системе царил беспорядок. Владеющие большей земельной собственностью мелкие буржуа пользовались весьма различающимся избирательным правом; все остальные, как недавно возникшие промышленные города, не могли голосовать, то же почти повсеместно касалось и ремесленников; в старых портовых городах, главных городах графств и мелких городах избирательные права различались еще сильнее (как мы видим, *речь идет о дифференцированном характере критериев*, лежавших в основе, действовавшего на тот момент, англо-британского избирательного законодательства. – Э.Е.). В целом *лишь меньшинство пользовалось правом голоса*, а огромное большинство было «виртуально представлено» (со столь критической оценкой нельзя не согласиться. – Э.Е.) в давно установившихся сегментарных сетях «патрон – клиент». Многие могли комфортно действовать (как, например, в Бирмингеме и Уорикшире. – Э.Е.) через существующие партии... Таким образом, послания, проходящие через коммуникационные сети мелкой буржуазии, озвучивались в парламенте. Но они с трудом воплощали крупные политические принципы исключенных из политики классов...». – Цит. по: Манн, Майкл. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 2. Становление классов и наций-государств, 1760 – 1914 годы (книга первая). – С. 150-152.

Вне всякого сомнения, если использовать «современные» стереотипы и шаблоны (которые можно встретить в учебниках по «Конституционному праву зарубежных стран»), применяемые для идентификации формы правления и демократических политических режимов, то предреформенное Соединенное Королевство с большим трудом ассоциировалось бы с государством, в основу публичных отношений которого – при наличии *реально функционирующего* двухпалатного *представительного органа* и достаточно развитой для первой трети XIX века электоральной системе – было положено народовластие, *de jure* и *de facto* опирающееся на механизмы всеобщего избирательного права. Для страны, где парламентаризм, при всех его противоречиях, насчитывал не одно столетие, говорить о чем-то подобном (учитывая тот факт, что избирательным правом, носившим отчетливо выраженный сословный характер, обладало – *чуть более четырех процентов мужского населения*) не только некорректно, но и абсурдно с институционально-правовой точки зрения, помимо прочего, имея в виду и то обстоятельство, что *при совмещении* депутатского мандата и министерского портфеля принцип разделения властей *не отвечал базовым критериям*, присущим механизму «сдержек и противовесов»⁴²².

⁴²² Напомним, что избирательной реформе 1832 года предшествовали выборы в Палату общин 1830 года, в рамках которых наиболее дискутируемым вопросом стала электоральная проблема, материализовавшаяся в законопроекте представителя партии вигов лорда Джона Рассела, внесенном в парламент в марте 1831 года. Цель предложенного документа состояла в том, чтобы легитимировать ликвидацию шестидесяти «гнилых местечек» (например, таких как избирательный округ Старый Сарум, где проживали всего семь избирателей, делегировавшие в Палату общин двух депутатов, в отличие от Манчестера и Бирмингема, вообще не имевших в парламенте своих представителей) и сокращение количества депутатов еще от сорока семи округов. В итоге общая численность «народных представителей» (суммарно 658 мест), установленная после вступления в силу «Акта об унии» 1800 года между Великобританией и Ирландией, должна была быть уменьшена на 168 мест. Одновременно с этим несколько возрастало количество подданных (с 400 тысяч до 650 тысяч), наделенных правом голоса, в том числе за счет депутатов нижней палаты, представлявших такие крупные промышленные центры, как Манчестер, Бирмингем и Лидс. Примечательно, что законопроект был одобрен перевесом всего в один голос (при том, что в голосовании приняли участие 608 членов Палаты общин – рекордное число для того времени), однако тори сделали все, чтобы провалить билль в комитете, что не только вызвало по всей стране волну протестов, но и уход в отставку премьер-министра Грея и новые выборы, главным вопросом которых стала избирательная реформа. Прошедшие в мае 1831 года выборы привели к тому, что документ был принят нижней палатой, но отклонен Палатой лордов (весьма любопытно, что из 22 епископов билль не поддержали 21) в сентябре. Внутриполитическая ситуация была на грани массовых беспорядков (доходило до того, что обыватели не хотели платить налоги и отказывались снимать деньги с банковских счетов), как следствие, в декабре 1831 года законопроект (подвергшийся существенной доработке, отразившейся тем или иным образом на качестве акта) вносится на рассмотрение в очередной раз, но и в этом случае лорды его не поддерживают. В качестве, своего рода, нестандартного «средства воздействия» лидер партии вигов Грей потребовал от монарха увеличить численность верхней палаты за счет пожалования титула пэра некоторому количеству наследственных дворян (как при подписании «Утрехтского мирного договора» в 1713 году уже поступала королева Анна), в чем так же было отказано, спровоцировав политический кризис, известный как «майские дни», в течение которого судьба

Тем не менее, несмотря на объективные «издержки», обусловленные отставанием от «базиса», либерализация которого намного опережала сферу публичных отношений, тех процессов, которые наблюдались в «надстройке», сложившейся в Соединенном Королевстве после «Славной революции», нет никаких оснований рассматривать родину парламентаризма исключительно в негативных тонах, так как в любом случае англосаксонская модель монархии *не может не служить* – на известной стадии государственного строительства – иллюстрацией того, к каким результатам приводит компромисс, достигнутый между экономическими и политическими элитами, *не заинтересованными в дестабилизации публичных отношений*, составной частью которых является «царствующий дом» и его ближайшее окружение⁴²³. Еще более значимым, по нашему мнению, видится «соотношение» либерализма и консерватизма, без которых – при эволюции абсолютной монархии в конституционную – были бы, судя по всему, немыслимы те фундаментальные преобразования, благодаря которым Соединенное Королевство стало «примером для подражания», в том числе (если не в первую очередь), для стран с институционально аналогичной или сопоставимой формой правления. Причем последний в конце концов не мог не трансформироваться таким образом, что *без него уже проблематично представить* развитие англо-британской государственности⁴²⁴.

Из этого следует, что к завершению первой трети XIX века на Туманном Альбионе преимущественно сложились необходимые предпосылки к началу

конституционной монархии практически висела на волоске. – См. подробнее: *Дженкинс С.* Краткая история Англии... – С. 254-261.

⁴²³ См., например: *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций... – С. 369.

⁴²⁴ На это обстоятельство обращают внимание многие исследователи: «В 1688 и в последующие годы король рассматривал себя в качестве суверена и воспринимался таковым в общественном мнении. Поэтому всегда следовало опасаться того, – делает вывод один из авторов, цитируемый Иммануилом Валлерстайном, – что он сделает свой суверенитет абсолютным, и та независимость от его власти (authority), которой пользовались все ветви государственной власти (all the powers of the State), выступала намеренным ограничением исключительного права, системой институциональных гарантий против королевского деспотизма. Но в начале XIX века в Америке, во Франции и даже в Англии претензию на верховенство предъявил (или приблизился к этому) народ. Поэтому теперь три ветви власти отстаивали свою независимость именно против народа. Теперь уже не виги, а тори поддерживали институты, смысл которых изменился, хотя их форма осталась прежней. И теперь уже король возглавил альянс, сформированный тремя ветвями власти в защиту их автономии от новой претензии на суверенитет...». – Цит. по: *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789 – 1914... – С. 18. Это, видимо, и есть демократия?

перехода к следующей стадии общественно-политического развития⁴²⁵ (свою роль, естественно, сыграли процессы, имевшие место в североамериканских «заморских территориях», во Франции и в других европейских странах), что и нашло свое отражение в избирательной реформе 1832 года.

Важнейшими нововведениями «Акта о народном представительстве», в целом позволившими внести территориальные и количественные коррективы в действующую – достаточно архаичную и во многом диспаритетную – модель представительства в нижней палате парламента, надо рассматривать прежде всего ликвидацию подавляющего числа так называемых «гнилых местечек» и, как следствие этого, перераспределение квот между городами и графствами, в результате чего было сформировано более двух десятков новых округов, в том числе в промышленных районах на севере страны. В то же время нельзя не сказать, что *ни о каком введении всеобщего избирательного права речь ни шла в принципе* (хотя бы для дееспособного мужского населения), тем более о ликвидации имущественного и гендерного цензов, что свидетельствовало о половинчатом характере достигнутого «элитами» компромисса⁴²⁶.

⁴²⁵ Говоря о социальной базе предстоящих преобразований, нельзя не учитывать тот факт, что крупные города и промышленные центры являлись оплотом либералов, а графства и сельское население – консерваторов.

⁴²⁶ Об этом см.: Акт о народном представительстве 1832 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 32-34. По весьма корректному замечанию одного из отечественных исследователей, суть осуществленной реформы свелась в основном к следующему: «... Во-первых, право избирательного голоса предоставлялось всем домохозяевам, платившим десять фунтов стерлингов в год. Во-вторых, были уничтожены 56 «гнилых местечек», где население составляло менее двух тысяч человек. Это освободило 111 мест в парламенте. Тридцати двум городам, где население составляло от двух до четырех тысяч, было оставлено по одному представителю. Освободившиеся таким образом 144 места были распределены следующим образом: 62 были предоставлены графствам и 63 городам. Такие крупные города, как Манчестер, Бирмингем, Лидс и другие, получили по одному месту. Оставшиеся 18 были предоставлены Шотландии и Ирландии. Кроме того, было создано 22 новых избирательных округа, 14 из них – в индустриальных районах на севере Англии...». – Цит. по: Науменкова Е.О. Власть и общество: избирательные реформы и их восприятие в Великобритании в последней трети XIX века /Е.О. Науменкова. – СПб.: Алетейя, 2017. – С. 13.

Несколько иначе оценивает реформу Саймон Дженкинс: «... Количество получивших право голоса возросло на 60%, и, хотя избирательное право основывалось на имущественном цензе и право голоса имели только мужчины, это был настоящий прорыв. Впервые после... революции XVII века в Великобритании было проведено (речь идет, на наш взгляд, о, своего рода, «электоральной деконцентрации» Соединенного Королевства. – Э.Е.) перераспределение власти... 1832 год считается одним из ключевых моментов в истории Великобритании. Восстаний и бунтов удалось избежать, потому что британский парламент и политическое сообщество хоть и запоздало, но уступили духу времени и отреагировали. Именно 1832, а не 1688 год стал настоящей «Славной революцией» (наиболее радикально настроенные депутаты парламента нового созыва через несколько лет публикуют так называемую «народную хартию», где выдвигаются требования равенства избирательных округов, всеобщего избирательного права для всех совершеннолетних мужчин (о женщинах опять никто и не вспомнил), тайного голосования, ежегодных перевыборов нижней палаты и вознаграждения членов парламента. – Э.Е.). Акт об избирательной реформе 1832 года послужил толчком к новым реформам, которых кто-то опасался, а кто-то с нетерпением ждал...». – Цит. по: Дженкинс С. Краткая история Англии... – С. 260-261, 265. Подробнее см.: Maitland F.W. Constitutional History of England. – Cambridge, 1948.

Следующим шагом демократизации избирательного законодательства стал «Акт о народном представительстве» 1867 года, в результате которого не только *численность*, но и *номенклатура* избирателей претерпели изменения (в состав избирательного корпуса вошли все квартиросъемщики в городах, к которым, в частности, относились квалифицированные и привилегированные рабочие, уплачивавшие десять фунтов стерлингов в год⁴²⁷, что привело в итоге к увеличению электората в Англии в два раза, а в Шотландии – в три). Кроме этого, произошло сравнительно небольшое *снижение* имущественного ценза – с 15 до 12 фунтов стерлингов – в графствах, расширение границ последних и таких административных единиц, как пятидесяти шести бороу. Продолжилась тенденция по утрате представительства в нижней палате парламента «гнилых местечек» (к тем пятидесяти шести, лишившихся этого права в 1832 году, были добавлены еще сорок шесть), вследствие чего такие крупные промышленные центры, как Манчестер, Ливерпуль и Лидс, увеличили число своих депутатов до трех человек. Таким образом, избирательный корпус вырос почти вдвое – к имевшимся 1 057 тысячам подданных англо-британской короны, обладавших активным избирательным правом, прибавились еще 960 тысяч⁴²⁸. Однако и в этом законодательном акте, *буржуазно-либеральный характер которого не*

⁴²⁷ Так, часть I (Право участия в выборах) данного избирательного билля устанавливала: «... Всякий мужчина, начиная с тысячи восьмьсот шестьдесят восьмого года, будет иметь право на регистрацию в качестве избирателя и после регистрации – участвовать в выборах депутата или депутатов в парламент от города, если удовлетворяет следующим требованиям: 1) является совершеннолетним и не подлежит поражению в правах; 2) занимает к последнему дню июля в каком-либо году и занимал в течение целых предшествующих двенадцати месяцев в качестве собственника или арендатора жилой дом в пределах города; 3) был подвергнут в течение указанного срока как постоянный жилец занимаемого им помещения... обложению всеми сборами (если таковые имеются) в пользу бедных, причитающимся с соответствующего помещения; 4) уплатил добросовестно на двенадцатый день июля или до этого в том же году наравне с другими постоянными жильцами требуемую с него сумму в фунтах стерлингов по всем сборам на бедных, подлежащим уплате с указанного помещения... Всякий мужчина, начиная с тысяча восьмьсот шестьдесят восьмого года, будет иметь право на регистрацию в качестве избирателя и после регистрации – участвовать в выборах депутата или депутатов в парламент от графства, если удовлетворяет следующим требованиям: 1) является совершеннолетним и не подлежит поражению в правах; владеет по закону или по праву справедливости какими-либо землями на началах фригольда, копильгода или иного держания пожизненно или сроком держания в два или несколько поколений...». Как мы видим, о женщинах не сказано ничего.

⁴²⁸ Об этом см.: *Ingle, S. The British party system: an introduction.* – Л., 2008. – Р. 32-33; *Некрич А.М., Поздеева Л.В. Государственный строй и политические партии Великобритании.* – М., 1958. – С. 22-23.

вызывает сомнений, ничего не говорилось об отказе от каких-либо цензовых механизмов, ограничивавших реализацию полноценного народовластия⁴²⁹.

Как ни парадоксально на первый взгляд, но наиболее контрастно и ярко диссонанс между, условно говоря, «городскими» и «сельскими» округами, что во многом *иллюстрирует реальное соотношение* в электоральной практике «кабинетных» идей либерализма и консерватизма, прослеживался на уровне графств и более мелких административно-территориальных образований (где по-прежнему существовали «гнилые местечки»), население которых *не имело адекватного* представительства в парламентских структурах⁴³⁰ и *не обладало* (с точки зрения критериев «пропорциональности»⁴³¹) *таким же количеством избирателей*, как промышленные центры⁴³². Так, если по переписи населения

⁴²⁹ На данное обстоятельство обращают внимание многие авторы: «... правом избирательного голоса владело далеко не все мужское население страны, не говоря уже о представительницах «слабого пола». Поскольку потенциальный избиратель обязан был уплачивать определенную сумму налогов, а также проживать на одном месте в течение двенадцати месяцев с момента регистрации (смена работы заставляла рабочего менять место проживания), эти ограничения «выбрасывали за борт» целый ряд избирателей (перед нами как минимум несколько заградительных цензов – имущественный, гендерный и оседлости, что свидетельствует, даже при известной либерализации законодательства, о нежелании правящих элит демократизировать эту сферу общественных отношений. – Э.Е.). В подтверждение можно привести ситуацию в таких областях, как Южный Ланарк, Западный Ридинг, Северный Ланарк и Эссекс, где лишение избирательных прав обострилось из-за промышленной миграции. Например, в окрестностях Патрика проживало 94 000 человек, большинство из которых были квалифицированными рабочими. Из них только 3 426 человек имели право голоса в политических вопросах страны. Это было обусловлено сменным характером их работы, поскольку крупные хозяйства переезжали на более дешевые земли. В одном из местечек, где население составляло 21 500 человек, не имелось парламентского представительства, хотя оно находилось в ½ мили от границы Ньюкасла. По подсчетам исследователей, – констатирует цитируемый ученый, – лишь 25% всего взрослого мужского населения Великобритании имело право участия в выборах. Из них даже в городских округах рабочие составляли менее трети избирателей... Таким образом, закон 1867 года *фактически исключал из числа избирателей* средне- и низкооплачиваемые категории рабочих... и безработных. Из общего числа городского электората на 1883 год в 1,6 миллиона человек лишь 20 тысяч подходили под категорию «квартиросъемщик». Стоит отметить наличие настолько запутанной системы регистрации избирателей, что рядовой избиратель не мог самостоятельно разобраться в правилах без помощи партийных и профсоюзных агентов...». – Цит. по: Науменкова Е.О. Власть и общество: избирательные реформы и их восприятие в Великобритании в последней трети XIX века... – С. 14-15. Подробнее см.: Дженкинс С. Краткая история Англии... – С. 262-270; Колмаков С.А. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 80-е годы XIX века. – М., 1985. – С. 20-21, 89, 90; Seymour, Ch. Electoral Reform in England and Wales... – P. 293-294, 462; Great Britain. Hansard's Parliamentary Debates (House of Commons, House of Lords). 3-d series. Vol. 286. – P. 1552.

⁴³⁰ Например, только «гнилые местечки» гарантированно обеспечивали около восьмидесяти мест в нижней палате парламента крупным землевладельцам и представителям знати, из которых тридцать – вигам. – См.: Колмаков С.А. Идеология и политика либеральной партии Великобритании... – С. 21.

⁴³¹ Подчеркнем, что электоральной практике Соединенного Королевства рассматриваемого исторического периода был достаточно хорошо известен механизм «множественности подачи голосов», действовавший в отношении тех, кто олицетворял имущие, тем более зажиточные, слои городского и сельского населения, согласно которому собственники нескольких домов, имений или подобного рода недвижимости обладали – исходя из числа соответствующих цензов – не одним, а *сразу несколькими голосами* (так сказать «пакетом голосов»), что влекло за собой ограничение прав рабочих – «квартиросъемщиков» – за счет увеличения прав домовладельцев и собственников земли. О какой демократии в таком случае вообще может идти речь?!

⁴³² Справедливости ради нельзя не сказать, что и в городах существовал диспаритет между численностью населения и представительством в парламентских структурах (в том числе, по причине дифференцированных

1881 года общая численность их жителей составляла тринадцать с половиной миллионов, то участвовать в выборах имели право – всего лишь 960 тысяч⁴³³.

На этом фоне (некоторые оппоненты нам могут возразить, аргументируя свою точку зрения «примерами» из произведений таких авторов, как Астольф де Кюстин⁴³⁴, где отечественная государственность ассоциируется с «тюрьмой народов») волей-неволей встает вопрос о качественных характеристиках того феномена, который положен в основу «западной» модели демократии (и при республиканской, и при монархической форме правления), и известен в виде *прямых* либо *косвенных выборов*, в глазах населения олицетворяющих собой институализацию принципа «народного суверенитета». Несомненно, если не обращать внимание на рецидивы, типа имущественного, гендерного и прочих цензов, дифференцирующих дееспособных граждан и подданных на лиц, так сказать, «первого», *de jure* обладающих правом избирать и быть избранными, и «второго» сорта, законодательно ограниченных в чем-то подобном, лучше, конечно, довольствоваться малым (в частности, в рамках сословных структур), чем ничем, поэтому любые преобразования в данной области общественных отношений, направленные на изменение статуса «источника» и «носителя» (?) власти, *не могут не вызывать позитивных оценок*, даже при наличии целого ряда черт, отражавших реальное положение дел. Вместе с тем компаративист в рамках

размеров городских и сельских избирательных округов). Например, в городе Шеффилд к последней трети XIX века общее число избирателей увеличилось с 8 369 до 42 402 человек, однако в парламенте он по-прежнему был представлен всего лишь двумя депутатами.

⁴³³ Об этом подробнее см.: *Науменкова Е.О.* Власть и общество: избирательные реформы и их восприятие в Великобритании в последней трети XIX века... – С. 16-17. Во многом критически оценивая соотношение общего числа населения и его представителей в нижней палате британского парламента, автор обращает внимание и на тот примечательный факт, что соответствующий диссонанс наблюдался и между отдельными регионами Соединенного Королевства. Так, если численность населения графств и городов Англии и Уэльса в 1881 году официально составляла в первом случае 13 688 902, а во втором – 12 285 537 человек (в процентном соотношении избирателей к населению 7,06 и 13,44), то количество депутатов равнялось 187 и 297. В свою очередь, в этот же период население графств и городов Шотландии равнялось 2 082 834 и 1 645 290 человек (в процентном соотношении избирателей к населению 4,78 и 12,81), то число депутатов соответствовало 32 и 26. Наконец, в Ирландии жители графств и городов составляли 4 263 814 и 911 022 человек (в процентном соотношении избирателей к населению 3,90 и 6,36), а представителей в парламенте насчитывалось 64 и 37. Нельзя не согласиться, что эти данные «четко представляют ограниченный характер избирательных прав в графствах. В Англии 13, 5% населения городов имели право избирательного голоса, а в графствах – лишь 7%. В Шотландии несоответствия еще более заметные: 12% жителей городов обладали избирательными правами, а в графствах – только 4%. В Ирландии система избирательных прав была еще более ограничена. Очень заметно соотношение избирателей к общему числу избирателей: только 3,9% в графствах и 6,3% в городах». – Там же. – С. 18. Подробнее см.: *Hanham, H.J.* The reformed electoral system in Great Britain, 1832 – 1914. – L., 1968. – P. 12, 15-18.

⁴³⁴ Речь идет о работе «Россия в 1839 году», отношение к которой у нас в стране далеко неоднозначное.

сравнительного анализа не должен выводить за скобки информацию о том, что *большинство* взрослого населения Старого и Нового Света *не могло* реализовать тех «деклараций», где провозглашался «народный суверенитет», пытаясь таким образом выдать желаемое за действительность, убеждая себя и всех остальных в том, чего не было ни в Европе, ни за океаном. Речь должна идти о поступательном процессе демократизации политических систем стран, с которыми в истории государства и права чаще всего принято *ассоциировать динамику*, а не статику (тем более регресс!?) государственного строительства, но нет никакого смысла идеализировать ситуацию, *не отвечающую базовым критериям*, либо, что нередко имеет место, возводить ее в абсолют⁴³⁵.

Зададимся отнюдь не риторическим вопросом: что преследовала и чем руководствовалась монархия, в том числе как составной элемент британского парламентаризма, начав процесс либерализации публичных институтов, само наличие которых формально-юридически предполагало *ограничение* власти, вплоть до концентрации в «предмете ведения» последней лишь небольшого круга представительских функций (к чему в конце концов пришли шведская, норвежская или голландская системы), олицетворяющих собой «помазанника Божьего» принципиально нового – конституционного – образца? Вправе ли мы рассматривать действия правящей элиты, *в значительной степени* сословной и корпоративной, как компромисс, обусловленный стремлением, невзирая ни на что, сохранить то положение вещей, при котором *реальная политическая власть* по-прежнему аккумулируется в руках небольшой группы людей, в той либо иной степени связанных с «царствующим домом», а не у тех, кто является (благодаря легитимации принципа «народного суверенитета») «избранником народа» и его официальным представителем в законодательном органе?

Так или иначе мы не будем далеки от истины, если констатируем, что ни правящая элита (!?), ни широкие слои населения (политическое самосознание жителей в городах и сельской местности носило, как минимум, прагматичный

⁴³⁵ Об этом, например, см.: Гуди Джек. Похищение истории... – С. 13-24.

характер) Соединенного Королевства *не стремились форсировать переход к формированию гражданской нации*, чем во многом объясняется нежелание в ближайшей перспективе осуществить кардинальную модернизацию формы правления, стержнем которой *de jure* считался монарх. Если на континенте, по крайней мере, в отдельных странах, одним из модных атрибутов какого-либо социального противостояния становится баррикада, то о чем-то подобном на Туманном Альбионе можно говорить с определенной долей абстракции, так как исторические уроки, из которых были сделаны соответствующие выводы, для островной монархии, судя по всему, не прошли даром⁴³⁶.

Примером того, как меркантильные узкопартийные⁴³⁷ (корпоративные) интересы *способны оказать влияние на процесс реформирования институтов*

⁴³⁶ Предпосылки реформирования – в большей либо меньшей степени – были обусловлены промышленной революцией, в результате которой диссонанс между «базисом» и «надстройкой» приобрел в итоге несколько тенденций (или, по замечанию одного из современных исследователей, «враждующих политик»). Первая из них «заключалась в традиционной борьбе за (индивидуальное) частное гражданство, сконцентрированной вокруг парламента, судов и протестантского раскола (первые два вопроса были предметом борьбы внутри режима, а последний – на его респектабельной периферии). Они могли вступать в союзы с... парламентскими фракциями, юристами и с народным шовинизмом. Англичане не были рабами или папистами и не носили деревянные башмаки, как в менее свободных странах. У них было «неотчуждаемое право» на свободу, признаваемое даже режимом. Юрист Блэкстоун (об этом подробнее см.: *Gash, N. Pillars of Government and Other Essays on State and Society, 1770 – 1880. – London: Arnold, 1986. – Э.Е.*) определял свободу подданного в терминах *частного гражданства*: свобода личности и частная собственность, защищенная от посягательств монарха, гранда и кого-либо еще, в первую очередь в судах и путем обращения к короне и в парламент за удовлетворением жалобы... Если этого было недостаточно, мелкобуржуазные радикалы могли потребовать реформы – *политического гражданства* для народа. Немногие хотели полной демократии. Они призывали к имущественному цензу, чтобы дать всем независимым людям «место в нации» и в суверене (вопрос, скорее всего, стоит о «народном суверенитете», выраженном в «общественном договоре». – *Э.Е.*), но ограничивали партийную демократию... Оба вида риторики неравномерно распределялись по местам и регионам, борясь за души возникающих классов. Если мелкая буржуазия Бирмингема разделилась на две группы, то Манчестер и Шеффилд больше стремились к реформе. В этом не было столько уж британского «гения компромисса». Верно, – констатирует в своей работе известный североамериканский социолог Майкл Манн, – что Британия была конституционной, предоставляющей универсальные минимальные (преимущественно гражданские) права, но разделение, а в конечном итоге и компромисс потенциально подрывных классовых идеологий были главным непреднамеренным последствием беспорядка в британской избирательной системе... Мог ли «старый порядок» продержаться дольше? В других странах политика сегментарного патронажа была долгой и устойчивой... Олигархии (ученый в качестве иллюстративного примера приводит латиноамериканские и балканские государства. – *Э.Е.*) выработали две стратегии сегментарного инкорпорирования – *клиентелизм* и *популизм*. При использовании клиентелизма партикуляризм распространялся настолько, что местные олигархии могли «договориться через» своих клиентов с более широкой народной базой, в то время как лидеров-популистов, способных контролировать массы своих последователей, допускали к участию во власти (по мнению ряда авторов, политика подобного рода по-прежнему господствует в парламентских режимах в слаборазвитых странах «третьего мира». – *Э.Е.*). В Британии клиентелизм пришел в упадок (хотя никогда не исчезал), а популизм никогда не имел большого значения...». – Цит. по: *Манн, Майкл. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 2. Становление классов и наций-государств, 1760 – 1914 годы (книга первая). – С. 152-153.*

⁴³⁷ Об этом факте говорят многие компаративисты: «Основные разногласия среди ученых вызывают причины поворота либеральной партии к вопросу реформирования избирательной системы. Одни проводят мысль, что поворот кабинета к биллю о правах в октябре 1883 года был ожидаемым и не был случайным. Он был вызван тем, что либеральное правительство потерпело ряд неудач во внешней политике (как в этом случае не вспомнить «Brexit» и все, что с ним как-то связано, в том числе «дело Скрипалей». – *Э.Е.*), не было способно решить

непосредственной демократии (без отказа от системы цензов), может служить «Акт о народном представительстве» 1884 года, хотя и пришедший на смену аналогичному документу, однако не носивший фундаментального характера и, в отличие от билля 1832 года, *не являлся шагом вперед*, так как не решал ни задач гендерного равенства, ни ликвидации диспропорций между городами, университетскими и сельскими округами⁴³⁸, в то же время – декларируя нечто подобное. В целом, указанный документ, можно оценивать по-разному, в том числе амбивалентно, особенно в контексте консервативных тенденций, в той либо иной мере вызванных кризисом либерализма и перманентным ростом в глазах населения – вернее, его отдельных категорий – *социалистических идей*, но факт остается фактом: закон не считался чем-то экстраординарным, в связи с чем, предлагавшиеся поправки в основном не вызвали дискуссии не только со стороны правящего большинства, но и парламентского меньшинства⁴³⁹.

К каким же выводам мы приходим в результате сравнительного анализа тенденций, имевших место в Соединенном Королевстве (служившим для ряда европейских монархий «примером для подражания», прежде всего тех, где

трудности в Ирландии и не пользовалось успехом у населения. Поэтому с помощью избирательной системы либеральное правительство рассчитывало повысить свой авторитет среди избирателей. Другие исследователи полагали, что основными инициаторами, подталкивающими либеральную партию к реформе, были либерал-радикалы во главе с Чемберленом и Дилком, стремящимся усилить свое положение в палате общин и отвлечь внимание от проблем в Ирландии. Кроме того, *неоднозначно оцениваются результаты реформы* (что, на наш взгляд, стало определяющим. – Э.Е.): приблизилась ли Великобритания к всеобщему избирательному праву или же билль лишь создавал иллюзию демократии для рабочего класса?...». – Цит. по: Науменкова Е.О. Власть и общество: избирательные реформы и их восприятие в Великобритании в последней трети XIX века... – С. 10. Есть основания, с уверенностью говорить, скорее об «иллюзии», чем «демократии».

⁴³⁸ См.: Hanham, H.J. The reformed electoral system in Great Britain, 1832 – 1914... – P. 24, 29.

⁴³⁹ Подробнее см.: Great Britain. Hansard's Parliamentary Debates (House of Commons, House of Lords). 3-d series. Vol. 285. – P. 108, 112-113, 114, 403-411, 414-415, 430-437, 464-465; Vol. 286. – P. 711-712, 951, 1560. 1569-1587, 1592-1594; Vol. 287. – P. 759-766, 789-793, 800, 823-824, 827-829, 1080-1083, 1540; Vol. 288. – P. 564, 557, 853-860, 861-873, 905-911, 1245, 1328, 1402, 1407, 1546, 1906, 1932, 1935; Vol. 289. – P. 279, 627, 629, 635, 644, 655, 886, 939-965, 1432-1438, 1444-1445, 1448, 1455. В результате получился следующий документ: «... Каждый мужчина, имеющий квалификацию домовладельца или квартиронанимателя, в том случае, если помещение, дающее избирательное право (в оригинальной британской терминологии «франшиза». – Э.Е.), находится в графстве Англии или Шотландии, будет иметь право регистрироваться в качестве избирателя и, будучи зарегистрирован, голосовать на выборах от такого графства или города. Когда мужчина занимает какой-либо жилой дом в силу службы или занятия и в этом жилом доме не живет лицо, которому такой мужчина подчинен по службе или занятию, последний рассматривается – применительно к настоящему акту и к актам о народном представительстве – в качестве постоянно проживающего в доме его владельца. Каждый мужчина, владеющий в графстве или в городе... землей или помещениями, приносящими ежегодный доход не менее 10 фунтов стерлингов, может быть зарегистрирован как избиратель и, будучи зарегистрирован, голосовать на выборах в таком графстве или городе... Избиратель, владеющий собственностью в городе, не может голосовать в графстве...». – Цит. по: Акт о народном представительстве 1884 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 36.

влияние Святого престола – в контексте *последовательной институализации* «неканонических» церквей – не являлось существенным) в преддверии нового века, ассоциируемого не только с расцветом «западной» модели демократии, но и рецидивами типа германского национал-социализма или итальянского фашизма, для легитимации власти достаточно активно использовавших, в том числе, *парламентаризм* и *электоральные процедуры*? Оставляя за скобками все то, что обусловлено «спецификой» конституционализма и «характером» законодательства периода промышленной революции (причем, не только так называемой стадии «первоначального накопления»), *нельзя не признать* тех *объективных процессов*, с которыми связана демократизация монархической формы правления и соответствующих элементов политической системы, так или иначе способствовавшей формированию предпосылок, необходимых для перехода к новой фазе общественных отношений, основанных на механизмах всеобщего избирательного права (*действующих одновременно с архаичными сословными органами*, как в случае с Палатой лордов). Однако пройдет более тридцати лет, прежде чем «всеобщность» приобретет *статус национального публичного института*, в рамках которого женщина, *de jure* получив право, «зарегистрироваться в качестве избирателя при выборах в парламент», в то же время электорально не будет полностью уравнена с мужчиной, в частности с точки зрения возрастного критерия, тем самым не воспринимаясь реальной политической силой, способной в кризисный момент существенным образом повлиять на ситуацию (еще вопрос, в контексте какой парадигмы развивались бы события, если в 1914 году на континенте не началась война, приведшая к развалу четырех империй с монархической формой правления)⁴⁴⁰.

⁴⁴⁰ Как устанавливала статья четвертая «Акта о народном представительстве» 1918 года, *женщина будет иметь право* (подчеркнем, как и мужчина, не имеет, а «будет иметь право») зарегистрироваться в качестве избирателя при выборах в парламент, «... если она: а) достигла 30 лет (для мужчины – если он ко времени выборов достиг совершеннолетия, то есть старше двадцати лет. – Э.Е.); и б) не ограничена в правах...». – Цит. по: Акт о народном представительстве 1918 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 216-217. Справедливости ради нельзя не отметить, что, помимо возрастного ценза, значительно сужавшего гендерную базу избирательного корпуса Соединенного Королевства, по-прежнему продолжали действовать, причем и в отношении мужчин, и в отношении женщин, цензы имущественный и оседлости, так что говорить о полной демократизации процесса можно лишь с известной долей абстракции и исторического оптимизма. Вместе с тем, *о сокращении масштабов поражения в правах речь должна идти, вне всякого сомнения*, так как, за исключением советской России (а до этого одного из крупных национальных регионов Российской империи – Великого

Отмечая *специфику* британского конституционализма, компаративист, на наш взгляд, не должен ограничиваться общими фразами об отсутствии на родине парламентаризма, помимо всего прочего, так называемой «писаной» – кодифицированной или некодифицированной – конституции, что не является чем-то экстраординарным, а рассматривать объект и предмет исследования в контексте соотношения монархической формы правления, с одной стороны, и идей «общественного договора» и «народного суверенитета», *реализуемых*, в том числе, *посредством прямых и представительных форм демократии*, с другой. Безусловно, с точки зрения современного состояния проблемы, нет ничего удивительного в такого рода «соотношении», *характерном* не только для, так сказать, монархий «ограниченного типа», но и для республик (о какой бы «типологии» последних ни шла речь), системообразующим механизмом которых выступают разделение властей и институт «сдержек и противовесов», однако в данном случае речь идет о государстве, где «царствующий дом» и правящие элиты, в большей или меньшей степени ассоциируя себя с демосом как «источником» и «носителем» публичной власти, *при помощи взаимных уступок сумели* – без острых социальных конфликтов – *достичь необходимого компромисса* и перейти к следующей стадии государственного строительства, сохранив и традиционную форму правления, и политический режим, придав в итоге каждому из них качественно новый импульс, обусловивший движение вперед не только «базиса», но и «надстройки». В этом случае можно говорить об определенном конституционно-правовом своеобразии, но не более⁴⁴¹.

княжества Финляндского, где дееспособные женщины получили подобное право с 1906 года), Туманный Альбион, а не Соединенные Штаты можно оценивать в качестве государства, начавшего процесс либерализации данной сферы публичных отношений, к которому затем присоединилась Веймарская республика и бывшие североамериканские «заморские территории». Таким образом, *женщины ассоциируются с активной парламентской политикой* (к чему в итоге это может привести мы видим на примере небезызвестной Терезы Мэй) *всего лишь каких-то сто лет*, в течение длительного периода, как правило, довольствуясь домашним хозяйством, общественной либо благотворительной деятельностью. Если проводить параллели с Италией или Францией (где женщины станут полноправными с мужчинами *лишь после Второй мировой войны (!)*, не говоря уже о Швейцарии, предоставившей «слабому полу» возможность избирать и быть избранными еще позднее), то перед нами пример, когда желаемое, продекларированное в том либо ином учредительном акте, не только выдается за действительность, но и возводится – без веских на то оснований – в абсолют как «пример для подражания».

⁴⁴¹ Во многом «благодаря» исследователям с Туманного Альбиона в истории государства и права (в том числе в работах по проблемам генезиса конституционно-правовых отношений) сложились известные стереотипы, кочующие из учебника в учебник, из монографии в монографию, из статьи в статью (чему в последнее время

Другими словами, анализ осуществленных в Соединенном Королевстве избирательных реформ, *не должен носить одностороннего* характера, когда над логикой и здравым смыслом превалируют либо восхищение и эйфория, в отдельных случаях имеющих основания, либо предубеждение и отрицание, в свою очередь, не лишённые веских причин (при этом не надо игнорировать и тенденций, связанных с научной конъюнктурой или «социальным заказом»). Как бы ни относиться к англосаксонской монархии и парламентаризму, они, хотим мы того или нет, уже немислимы вне процессов, *протекавших с разной интенсивностью* на территории Туманного Альбиона, объективный алгоритм которых сложно отрицать по многим причинам (даже, если специфика имела в

способствует «императивная обязаловка» публикаций в зарубежных научных изданиях работ отечественных ученых), характеризующие «западную» модель демократии как единственный «пример для подражания», в первую очередь для стран, освободившихся от колониальной зависимости или авторитарно-тоталитарных режимов советского образца. Несомненно, *в этом есть некая доля истины*, но видеть «западные» ценности (в частности, пресловутые политкорректность, толерантность и мультикультурализм) и «западную» модель демократии сквозь призму исключительности *не совсем корректно* с научно-теоретической и практической точки зрения. На то обстоятельство, что в работах западноевропейских и североамериканских ученых *имеют место безапелляционные смещения акцентов*, обращает внимание один из крупнейших современных английских историков Джек Гуди. Так, если в его анализе заменить исследуемый период и господствующую на тот момент цивилизационную модель, созданную в пределах регионов, известных как «ойкумена», *перед нами предстаёт критика* того, что вкладывается в понятие «запад», корни которого лежат не где-нибудь, а в античности (проводя параллели далее, рассматривать Туманный Альбион – как родину парламентаризма и представительной демократии, а Соединённые Штаты – пресловутым «Градом на холме»).

По мнению указанного автора, точку зрения которого мы в целом разделяем, проблема античности «особенно обостряется в отношении как прошлого, так и настоящего, когда европейские ученые относят к этому историческому периоду происхождение престижных форм правления (демократии) и таких ценностей, как свобода, индивидуализм, даже «рациональность», причём привязывая их к Европе (именно поэтому к нам относятся с таким пренебрежением, не считая русскую цивилизацию – правопреемницу православной Византии – достойной внимания. – Э.Е.) более, чем к какому-либо другому региону. Экономика не считалась основополагающим фактором происшедшего разделения, если не говорить о том, что описание Греции и Рима как рабовладельческих обществ должно было «парадоксальным образом» (чем с большим «успехом» воспользовались при формировании Соединённых Штатов. – Э.Е.) усилить концепцию античности, поскольку именно здесь была «изобретена» свобода. Утверждалось, что в этих обществах была изобретена не только свобода, но и демократия и индивидуализм. Я полагаю, – констатирует Джек Гуди, – что *данная претензия чрезвычайно преувеличена* (сказанное выше с полным основанием относится и к представительным формам, получившим развитие в Соединённом Королевстве. – Э.Е.), так же, как и уникальная роль рабовладения...».

С появлением письменности, «больше не существовало ограничений (в том числе, согласно которым общества, не отвечающие европейскому пониманию «античности», были отнесены к другому типу, что было присуще исследователям, цивилизационно отделявшим Европу от Азии, и их стремлением, как подчеркивает цитируемый британо-европейский ученый, «возвысить собственное происхождение...». – Э.Е.), связанных с интерпретацией в основном материальных данных, но теперь необходимо было принимать в расчет «духовные», словесные (зафиксированные письменно) свидетельства; теперь мы вынуждены принимать во внимание то, что греки (в контексте настоящей работы сначала англосаксы, а затем североамериканцы. – Э.Е.) думали о себе... Как следствие, мнения античных греков о себе и других народах получили больший вес, и *для нас весьма опасно принимать их самооценку за некую истину*. Ценности древних греков (читай, англосаксов. – Э.Е.) стали основой наших суждений. Мы принимаем (и даже распространяем) их понимание демократии, свободы... Однако другие типы общества тоже использовали демократические процедуры, и не существует никаких оснований считать, что именно в Греции или Европе был изобретен всенародный опрос, хотя они и организовали его проведение в письменной форме. То же касается и свободы...». – Цит. по: Гуди Джек. Похищение истории... – С. 391-392.

целом либо в отдельных случаях крайне мало общего с провозглашенными политическими декларациями и концепциями «кабинетных» ученых).

Не чем иным, как «декларативностью» и отсутствием необходимых для практической реализации «провозглашенных» прав и свобод предпосылок во многом объясняются процессы, протекавшие во Франции, охватившие период от окончания «наполеоновских войн» и восстановления монархии до Третьей республики, просуществовавшей почти семьдесят лет, включая неоднозначно воспринятую германскую оккупацию, коллаборационизм и раздел страны. На фоне огромного влияния, оказанного революцией 1789 года на события XIX и первой половины XX века, *нельзя отрицать тот очевидный*, в чем-то даже беспрецедентный, *факт*, что государственные институты испытали давление, прямое либо косвенное воздействие механизмов, присущих монархической и республиканской форме правления, основанных на принципах, так или иначе противоречивших друг другу, что в итоге не могло не отразиться на характере конституционно-правовых отношений в целом и реальном статусе человека и гражданина в частности. В этой связи «опыт» Франции *играет существенную* (не исключено определяющую!?) *роль* в понимании тех базовых тенденций, с которыми в теории государства и права чаще всего ассоциируется переход от одной формы правления к другой (когда трансформации системообразующих элементов «надстройки» – при достижении необходимого или вынужденного компромисса – *не влекут* за собой дестабилизации властных отношений). Нет никакого секрета в том, что институциональная парадигма, в рамках которой шло развитие конкретных публичных и общественных учреждений, в большей или меньшей степени сохраняла преемственность, нередко только внешнюю, однако *смена формы правления всегда влекла за собой*, причем объективно, изменения, обусловленные целями и задачами, стоящими перед правящими элитами на соответствующем этапе государственного строительства⁴⁴².

⁴⁴² Констатируя тот факт, что «за треть столетия во Франции произошло две попытки создать конституционную монархию», современные исследователи пишут: «Людовик XVIII 4 июня 1814 года даровал Конституционную хартию. Сам термин уходит корнями во времена Старого порядка (подобным образом Алексис де Токвиль, работу которого мы цитировали в первой главе настоящей диссертации, и другие историки именуют *период, предшествовавший событиям* 1789 года и последующих лет. – Э.Е.). Преамбула утверждала, что «вся власть во

Попытки правящих элит *реанимировать* – на новом витке исторического процесса – *монархическую форму правления*, на наш взгляд, имели несколько причин, одной из которых являлся незавершенный характер революции 1789 года, нашедший отражение в первой французской конституции, *юридически закрепившей компромисс*, достигнутый в рамках «общественного договора», во многих аспектах *носившего*, о чем свидетельствуют дальнейшие события и учредительные акты, *статус временного соглашения*, предназначенного для преодоления политического кризиса, вызванного нежеланием власти идти на уступки, непрофессионализмом, неумением последовательно и максимально эффективно решать перманентно нараставшие социальные проблемы. Так как *правовое положение персоны короля*, сохранившего не только официальную

Франции пребывает в особе короля», и отвергла суверенитет народа. Но, представленная как уступка, Хартия признавала политические и социальные завоевания революции: равенство перед законом, равный доступ ко всем гражданским и военным должностям, личную свободу, право собственности – результаты продажи национальных имуществ не стали оспаривать. Конечно, были поставлены пределы свободе религии (в самом деле, католическая религия была «государственной») и свободе печати: последней следовало считаться с законами, обуздывающими злоупотребления. Однако основы либерального и буржуазного общества, порожденного революцией, затронуты не были. Компромисс 1814 года исключал восстановление общества Старого порядка. Система власти предоставила королю исполнительную власть, право назначения министров, законодательную инициативу (фактически, *вернулись* к нормам Конституции 1791 года. – Э.Е.). Для обсуждения законов были созданы два собрания – палата пэров, члены которой назначались королем, и палата депутатов, избиравшаяся на основе избирательного ценза: избиратели должны были платить прямой налог в 300 франков, а право быть избранным давал прямой налог в 1000 франков. Тем самым *политическая жизнь стала уделом меньшинства* (а разве до этого она была «уделом большинства»? – Э.Е.): голосовать могли менее 90 тысяч французов. Министры, назначенные королем, не несли политической ответственности перед палатами. Таким образом, – отмечают авторы, – этот режим, представительный и конституционный, не был парламентским, где правительству, оказавшемуся в меньшинстве в парламенте, приходилось подавать в отставку...». – Цит. по: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 318-319.

Надо признать, что достигнутый компромисс не во всем устраивал ту часть либеральной оппозиции, особенно радикально настроенной, которой *не удалось попасть в нижнюю палату*, в связи с чем, ситуация не могла не обостриться, вплоть до смены нескольких правительств и убийства наследника престола герцога Беррийского. После того, как в сентябре 1824 года к власти под именем Карла X пришел брат Людовика XVIII, положение роялистов еще более усилилось, результатом чего стало законодательство, вводившее известные ограничения, в том числе цензового характера. Так, «закон о двойном вотуме, дававший два голоса четверти избирателей – крупнейшим налогоплательщикам, обеспечил ультра (речь идет о сторонниках монархической формы правления. – Э.Е.) большинство в палате. Закон о печати посягал на либеральные ценности: он вводил предварительное разрешение, допускал восстановление цензуры посредством ордонанса (специальным актом органа исполнительной власти, другими словами, вне рамок судебной процедуры. – Э.Е.), передавал рассмотрение нарушений от суда присяжных исправительному суду... Когда в марте 1830 года возобновились заседания парламента (после выборов 1827 года и череды отставок правительства. – Э.Е.), адрес (документ, посредством которого депутаты в начале сессии выражают одобрение работе действующего кабинета или, наоборот, высказывают соответствующие претензии в отношении исполнительной власти. – Э.Е.), за который проголосовал 221 депутат от оппозиции, констатировал отсутствие «единения» между политическими взглядами правительства и чаяниями народа. 16 мая палата была распущена. Суверенитет короля вступил в открытый конфликт с суверенитетом народа, представленного палатой...». – Там же. – С. 320-321.

Напомним, что примерно в это же время состоялись очередные выборы в Палату общин британского парламента, выявившие массу проблем, связанных с избирательным законодательством, что в итоге привело к реформе 1832 года и постепенной либерализации данной сферы публичных отношений. Франция, в свою очередь, находилась в преддверии Июльской революции и прихода к власти Луи-Филиппа.

титулатуру, атрибутику, наследственный механизм восшествия на престол, но и неприкосновенность, и *его полномочия были всего лишь ограничены* (пункт третий отдела первого главы второй), *а собственно институт монархии как формы правления* (пункт четвертый раздела третьего) *в итоге не претерпел значительных* – тем более кардинальных – *изменений*, у исследователей, судя по всему, есть основания, при несомненной значимости революции 1789 года, говорить о том, что при фундаментальности трансформаций на данном этапе *только относительно немногие*, в частности, неконструктивно настроенная оппозиция и маргинальные слои населения, *были недовольны результатами* и стремились к полной ликвидации института монархии⁴⁴³.

В то же время *нельзя не признать*, что монархия, реставрированная во Франции, принципиальным образом отличалась от того, что имело место до преобразований конца XVIII – начала XIX века, так как общество за прошедшие десятилетия изменилось до такой степени, что воссоздать «старый порядок» было невозможно по целому ряду, в том числе объективных, причин. Режим, сложившийся в стране, не столько впитал в себя элементы конституционной монархии (как бы не относиться к действующим парламентским структурам, их

⁴⁴³ В первой главе, характеризуя события, связанные с выборами Генеральных штатов «нового» созыва, затем трансформировавшихся в Национальное и Учредительное собрание, мы подчеркивали, что избирательные механизмы, представлявшие собой чисто сословный институт, не во всем отвечали «требованиям дня», в том числе исходя из численных диспропорций городских и сельских обывателей: на тот момент Франция являлась не чем иным, как аграрной страной с преобладающим крестьянским населением (другими словами, одним из движущих механизмов революции были именно сельские жители). Таким образом, никто из инициаторов актуализации парламентских структур, в формировании которых предстояло участвовать и кандидатам от «третьего сословия», по мнению профессора Калифорнийского университета Майкла Манна, «не предвидел последствий (если исключить «сословную составляющую», то вывод ученого, с известной корректировкой, можно, по всей вероятности, корреспондировать, в том числе, на период первых конституций и реставрации во Франции института ограниченной монархии, сосредоточив внимание преимущественно на городских и сельских избирателях, соответствовавших необходимым требованиям, в первую очередь имущественному и гендерному цензам, *которые к этому времени никто не отменил* и не ввел механизм «всеобщности». – Э.Е.) открытых выборов. В первом сословии число священников превысило число прелатов – они составили большинство представителей, включая множество недовольных. Во втором сословии по результатам выборов неожиданно стали доминировать консерваторы, оставив локальным, городским, просвещенным дворянам лишь около трети представителей сословия. Эти два сословия распались на фракции, и разрыв между дворянами второго сословия и их собратьями-собственниками в третьем увеличился. В основе их фракционализации была попытка короля перенести абсолютистскую сегментирующую тактику «разделяй и властвуй» в неизведанные земли представительности. Парламенты и аристократия (аналогичная ситуация наблюдалась и в период правления Людовика XVIII, и в преддверии Июльской революции 1830 года. – Э.Е.) сопротивлялись партикуляризму. Это привело к открытому конфликту с универсализмом, подталкиваемым к исключенному третьему сословию, ставшего потенциально буржуазным...». – См.: Манн, Майкл. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 2. Становление классов и наций-государств, 1760 – 1914 (книга первая). – С. 242.

место в политической системе уже не отвечало критерию *субсидиарности* и *второстепенности*, «актуальном» для абсолютистского периода развития), сколько сделал решительный шаг в направлении окончательного перехода к республиканизму, со всеми вытекающими последствиями. Парадокс состоит в том, что если бы «должность» главы государства носила не наследственный, а выборный характер, особенно в тех случаях, когда процедура легитимации осуществляется не непосредственно избирательным корпусом, а косвенным образом, через парламентские электоральные механизмы, она – в рамках того же принципа разделения властей – *немногим отличалась бы от республики парламентского типа*, при которой исполнительные функции ассоциируются с премьер-министром, возглавляющим кабинет либо аналогичный орган. Так что не исключено, что «реставрированная монархия» рассматривалась не чем иным, как переходным институтом – от «старой» (автократической) к «новой» (конституционно-правовой) модели публичных отношений, «модернизируя» который правящие элиты смогли бы избежать негативных последствий⁴⁴⁴.

По существу, перед нами пример того, как буржуазно-либеральные, что бессмысленно отрицать по ряду обстоятельств, тенденции, оказав известное воздействие на процессы, в большей либо меньшей степени затронувшие не

⁴⁴⁴ О «переходности», помимо всего прочего, свидетельствует и тот факт, что *правящие элиты не спешили отказаться от имущественного* (тем более, гендерного) *ценза* и предельно расширить численность тех, кто имел бы право избирать и быть избранным. По справедливому замечанию Ричарда Пайпса, во Франции не только в конце XVIII, но и в первой трети XIX века *право участия в выборах de jure было поставлено непосредственно «в зависимость от уплаты налогов. Они не были обременительными: из 24 – 27 миллионов жителей всех возрастов и обоого пола избирательным правом пользовались 4 миллиона, и с учетом того, что в тогдашней Франции насчитывалось 6 миллионов взрослых мужчин, это означает наличие избирательного права у двух из каждых трех граждан* (неужели, в это время все соответствовали критерию в триста франков для активного и тысячу для пассивного права, позволявшим если не стать депутатом, то, по крайней мере, кого-либо из них избрать, что, на наш взгляд, не соответствовало действительности. – Э.Е.) мужского пола. Но все равно *это ограничение шло вразрез с духом провозглашенного... равенства*. После реставрации, при Людовике XVIII, круг избирателей (даже несмотря на тот факт, что размеры избирательного налога были уменьшены до двухсот и пятисот франков, а возраст избирателей снижен с тридцати до двадцати пяти лет. – Э.Е.) был значительно сужен, так что правом избирать были наделены лишь около 100 тысяч граждан и в пять раз меньше – правом быть избранными. При Луи-Филиппе (после Июльской революции 1830 года. – Э.Е.) список полноправных избирателей был расширен до четверти миллиона человек... Всякие ограничения избирательных прав посредством имущественного ценза (таким образом, под пресловутой «всеобщностью» следует понимать предоставление избирательных прав исключительно «сильной половине». – Э.Е.) были отменены не кем иным, как диктатором Наполеоном III: конституция 1852 года предоставила (не отменив пресловутого гендерного ценза, ограничивавшего права дееспособных женщин. – Э.Е.) избирательные права всем гражданам мужского пола...». – Об этом см.: *Пайнс, Ричард. Собственность и свобода. Рассказ о том, как из века в век частная собственность способствовала внедрению в общественную жизнь свободы и власти закона.* – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – С. 155.

только «базис», но и «надстройку», однако так и не сумев – в силу объективных и субъективных причин – трансформироваться в устойчивую республиканскую парадигму, приводят не к народовластию, а к системе публичных отношений, которую можно охарактеризовать как *«суррогат демократии»*. Несомненно, что между политическим режимом периода правления Людовика XVI (вернее, короткого промежутка времени от Конституции 1791 года до постановления национального конвента, ликвидировавшего 21 сентября 1792 года институт монархии, а затем – спустя четыре дня – учредившего во Франции республику парламентского типа) и конституционной монархией Луи-Филиппа ставить (!?) знак равенства или тождества не совсем корректно, вместе с тем *их объединял декларативный характер* многого из того, с чем ассоциировался переход к новой стадии исторического процесса. Не менее примечателен и тот факт, что и в первом, и во втором случае правящие элиты *не стремились к полному и окончательному отказу* от формы правления, одним из системообразующих элементов которой рассматривался монарх. Не исключено, что здесь следует, скорее всего, искать причины того, что *публичная власть институционально почти не обладала чертами народовластия*, так как действующий механизм – даже при наличии ряда представительных структур – не являлся социальным лифтом и не отражал адекватным образом «требований дня»⁴⁴⁵.

⁴⁴⁵ Как констатируют известные французские исследователи, характеризуя ситуацию, «Июльская революция имела двойное значение – политическое и социальное. Она закрепила победу национального суверенитета над монархическим правом, победу либеральной буржуазии над аристократией и духовенством. 1830 год в полной мере был следствием 1789 года... Король-гражданин, буржуазный король (принесший присягу на, пересмотренной палатами парламента Конституционной хартии Людовика XVIII, из которой была исключена преамбула, декларировавшая, что «жалует французам права, по сути им принадлежащие», в очередной раз лишавшая католическую религию статуса государственной, возвращавшая трехцветный национальный флаг и отменявшая цензуру. – Э.Е.), обладавший добродетелями и пороками буржуазии своего времени, Луи-Филипп был королем из рода Бурбонов и желал укрепить личную власть в противовес власти министров. Своих целей он добился лишь с 1840 года... За тридцать три года существования конституционной монархии прочно укоренились обычаи парламентской деятельности, регламент работы собраний, правила разработки бюджета и его контроля, введенные законом от 1818 года (что свидетельствует о том, что разделение властей и система «сдержек и противовесов» становятся все более востребованными. – Э.Е.), ежегодное голосование за закон о государственном бюджете. Количество парламентских дебатов, подъем партийной прессы, место политической борьбы в обществе и ставки, которые делались в этой борьбе, показывают, – делают вывод ученые, с которым нельзя не согласиться, – насколько оживленной в то время была политическая жизнь. Но она затрагивала лишь меньшинство: в конце режима Июльской монархии во Франции было всего 240 тысяч избирателей, газеты выписывало 200 тысяч человек (в том числе, и по причине того, что в них печатались главы романов Александра Дюма, Оноре де Бальзака, Эжена Сю и других писателей. – Э.Е.). Франция вступила в эпоху либерализма, но не демократии. Всеобщего избирательного права, основы политической демократии требовали только

Подчеркнем еще раз: если бы Луи-Филиппом не был осуществлен крен в сторону «персонификации» тех или иных прерогатив, диссонирующей и со сложившейся системой разделения властей, и с достигнутым компромиссом, с учетом которого функционировал механизм «сдержек и противовесов», то *совершенно не факт*, что в 1848 году Франция вновь бы конституировалась в республику. При этом, говоря об отсутствии или наличии предпосылок, в той либо иной мере повлиявших на радикализм принятых в первые месяцы этого года решений, нельзя, помимо прочего, игнорировать одного весьма важного обстоятельства: *невзирая на поступательную либерализацию хозяйственно-экономических отношений*, большинство населения *de facto* составляли не кто иные, как крестьяне (другими словами, Франция по-прежнему была аграрной страной), дифференциация которых обуславливалась как социальными, так и «местными» причинами, что не могло не отражаться на их статусе, правовом положении и участии в политическом процессе. Более того, в своей основной массе сельский обыватель не многим отличался от городских жителей, среди которых имущественное расслоение и социальная стратификация оказывали, в том числе, прямое или косвенное влияние на осуществление избирательных прав представителями «сильного пола», отвечавшими базовым требованиям и выплачивавшими необходимый размер налога. Однако имевшие место, что достаточно закономерно и вполне естественно, различия между городским и сельским населением – *не шли ни в какое сравнение* с той частью общества, которая олицетворяла собой его «верхние», привилегированные слои⁴⁴⁶.

республиканцы. И лишь немногие грезил о социальной демократии, очень далекой от реалий дня...». – Цит. по: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 323, 325.

⁴⁴⁶ Наш вывод во многом корреспондирует с обобщениями ведущих западноевропейских государствоведов: «В самом деле, главной чертой общества того времени был контраст между элитами и народом. В рядах элит аристократия (прежде всего та ее часть, которая иммигрировала за границу в 1789 году и вернулась в страну после реставрации монархии. – Э.Е.) в 1830 году утратила свою политическую роль. Но очень часто дворяне-легитимисты, покидавшие государственную службу и удалявшиеся на свои земли, тем самым укрепляли свое влияние на местах. В государстве и обществе усиливались и позиции крупной буржуазии. Но в ее возвышении определяющую роль играло вовсе не владение банками (хотя и были исключения в виде тех же Ротшильдов. – Э.Е.) и промышленными предприятиями. Первостепенное значение имела такая общественная функция, как владение земельной собственностью – источником уважения и дохода (в этой связи, нельзя не напомнить о декрете от 15 марта 1790 года «О феодальных правах», декрете от 19 июня 1790 года «Об отмене института наследственного дворянства и всех титулов», декрете от 18 марта 1793 года «О защите собственности» и ряде других документов. – Э.Е.). Эта буржуазная Франция, старавшаяся распоряжаться своим достоянием экономно и благоразумно, *поначалу не была капиталистической* Францией. Она желала иметь, по выражению Гизо,

В контексте сказанного ранее, одной из существенных проблем генезиса конституционно-правовых отношений следует рассматривать, на наш взгляд, корреляцию таких категорий, как *закономерность* и *спонтанность*, в первую очередь – их обусловленность соответствующими тенденциями исторического процесса, благодаря или вопреки (?) которым формировались специфические черты, характер, национальные особенности государственного строительства, в том числе законодательства и системы права в целом, конкретной страны. В этой связи, при всех возможных аналогиях и параллелях, «опыт» Франции *во многих аспектах уникален* и «*эксклюзивен*», так как свидетельствует о том, к каким «реалиям» может привести нежелание правящих элит и их окружения критически воспринять ситуацию и, отказавшись от корпоративной демагогии и популизма, пойти на компромисс со всеми заинтересованными сторонами. Достаточно яркой иллюстрацией подобного поведения служит «чехарда» со сменой формы правления и политического режима, напоминавшей, скорее, не что иное, как дворцовый переворот, чем очередную революцию, которыми так гордятся – даже восхищаются – потомки тех, кто «штурмом брал Бастилию» или с обломком булыжной мостовой защищал на баррикадах свои идеалы.

«свободу и досуг», чтобы предаваться умушованиям и участвовать в общественных делах». – Цит. по: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 325-326. Подробнее об этом см.: *Норвич Дж.* Краткая история Франции... – С. 310-375.

У кого-то могут возникнуть вопросы по поводу того, что мы придаем большое значение тем деталям, с которыми связан процесс конституционно-правового развития отдельных стран, акцентируя внимание не только на тенденциях либерализации и демократизации определенных сфер публичных отношений, но и на общественно-политической обстановке, предшествовавшей модернизации или реформированию властного механизма. Не будем спорить, однако в этом есть известная логика, так как, не рассмотрев соответствующих тенденций и предпосылок феномена, который мы квалифицируем как «западную» модель демократии, нам не удастся определить, в чем причины его системно-институционального кризиса. Исходя из того, что история множественна и едина, нельзя не поддержать тезис одного из крупнейших французских ученых ушедшего XX века Фернана Броделя: «Вас, наверное, удивит, – пишет исследователь, – что история может стать предметом спекуляций (что наблюдается в последние годы на Украине и в ряде постсоветских государств. – Э.Е.), что она хочет быть наукой настоящего при всей неопределенности последнего. Нет ли здесь злоупотреблений? Не стремится ли она, подобно сказочному волку, вырядиться в чужие одежды, а точнее в одежды близких ей общественных наук?... Очевидная множественность объяснений истории (где-то пресловутый Степан Бандера национальный герой и «пример для подражания», а где-то не кто иной, как преступник и идеолог нацизма. – Э.Е.), разрыв между различными взглядами на нее, их противоречия приходят к согласию в свойственной истории *диалектике*, основывающейся на разнообразии самого исторического времени: быстротекущее время событий, удлиненное время исторических эпизодов, медленное, ленивое время цивилизаций. Когда речь идет об исследовании отдельного исторического события, то можно остаться в границах того или иного исторического времени. Напротив (и с этим в целом нельзя не согласиться. – Э.Е.), когда речь идет о любой попытке *глобального* исторического осмысления, например об истории цивилизаций, тогда, как в искусстве фотографии, нужно увеличивать количество кадров различной выдержки, чтобы затем свести их в единое целое...». – Цит. по: *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций... – С. 31.

Однако «закономерно» или «спонтанно» решение, принятое правящей элитой, либо теми, кто позиционировал себя с народом («нацией»), зависит во многом от того, *сложились ли в обществе необходимые предпосылки*, без которых его реализация и повсеместное соблюдение господствующим – как экономически, так и политически – классом и широкими слоями городского и сельского населения, фактически обречены на провал, тем более в том случае, *если оно никак не связано с декларируемым «народным суверенитетом»*. На отдельных этапах важное – иногда, решающее либо определяющее – значение приобретает так называемый «внешний фактор»⁴⁴⁷, наличие которого может не только дестабилизировать ситуацию, но и стать веским аргументом в руках тех, от кого прямо или косвенно зависит в каком направлении пойдет процесс государственного строительства – к очередной реставрации монархии, о какой бы форме ни шла речь, или ребрендингу республики. В любом случае, демосу как «источнику» и «носителю» власти *будет гарантирована роль статиста*, от коллективного мнения которого, при отсутствии всеобщего избирательного права, по существу, мало что зависит. Вместе с тем, исходя из уровня «накала» противоречий, его значение в качестве обладателя голоса, способного внести коррективы в заранее уже кем-то predetermined результат, возрастает и приобретает вес «активного политического игрока», с которым, несмотря на то, хотят они этого *de facto* или нет, будут вынуждены считаться традиционные монархические и буржуазно-либеральные «элиты». Делая выводы подобного рода, компаративисту в то же время необходимо учитывать следующий факт: разница между избирателем середины XIX века и его современным аналогом имеет не только институциональный, с точки зрения правового статуса и места в механизме публичных отношений, но и системный характер, исходя из чего, воспринимать его «источником» и «носителем» власти *следует с предельной степенью* условности, прежде всего в контексте деклараций типа «народного

⁴⁴⁷ Подробнее см., например: *Кеннеди П.* Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти... – С. 225-297; *Хоус Дж.* Краткая история Германии... – С. 129-131; *История Европы /Под общей редакцией Ж. Карпантие и Ф. Лебрена...* – С. 362-366.

суверенитета», не говоря уже о «кабинетных» идеологемах и представлениях, весьма своеобразно – преимущественно абстрактно, шаблонно и стереотипно – *интерпретирующих такой социальный феномен, как народовластие*⁴⁴⁸.

Как ни парадоксально на первый взгляд, Франция этого периода ничем не отличалась от тех государств (и монархической, и республиканской модели устройства), где вполне отчетливо и контрастно *проявлялся диссонанс* между «формой» и «содержанием» декларируемых конституционных норм (в каком бы акте учредительного характера они не провозглашались), направленных на либерализацию хозяйственно-экономических отношений и демократизацию правового положения человека и гражданина. Исходя из того обстоятельства, что какие-либо параллели со статусом современного избирателя некорректны по целому ряду причин (сказанное выше, во многом относится и к депутатам законодательного собрания или одной из палат), в то же время мы не должны оценивать «качество» электората середины XIX века исключительно в таких категориях, посредством которых его «идентификация» – с юридической точки зрения – *a priori не может не нести* в себе налета субъективизма, вызванного стремлением не только критически сопоставить «желаемое» (политические и «кабинетные» идеологемы) и «действительность» (реализацию на практике), но и высказать авторское мнение о хрестоматийном понимании проблем, так или

⁴⁴⁸ О генезисе проблемы в контексте исторического процесса см.: Бурдьё П. О государстве... – С. 437-459, 489-494, 535-555, 557-585. Как констатируют французские авторы, описывая диалектику процесса, «... Июльская монархия рухнула с началом демократической и социальной революции 1848 года. После революционного возбуждения и последовавшей за ним реакцией Вторая империя стала опытом создания *авторитарной демократии*, которую какое-то время укрепляли успехи в экономике и внешней политике. Этот режим либерализовался, но не выдержал поражения 1870 года...». По мнению цитируемых ученых, революция 1848 года «не была движением, изолированным от других европейских стран (и в этом случае речь идет не только о тех тенденциях, с которыми тем либо иным образом связаны трансформации Германского союза, в итоге создавшие предпосылки к формированию на континенте ряда новых государств, но и дифференцированные темпы промышленной революции, оказывавшей воздействие на властно-политическую «настройку». – Э.Е.). Беспорядки имели глубокие причины. Источником февраля 1848 года стал тяжелый экономический кризис аграрного происхождения (Франция, по-прежнему являясь крестьянской страной, непосредственно ощутила его воздействие, что во многом и спровоцировало острый социальный конфликт между правящей элитой и обществом. – Э.Е.), который с 1846 года свирепствовал в Европе. Но постепенное развитие демократических устремлений и республиканской идеи при Июльской монархии внесло свой немаловажный вклад. 22 февраля 1848 года в Париже разразилась революция, став завершением одной банкетной кампании, которые служили предлогом для политических собраний либералов (перед нами, скорее всего, один из наглядных примеров соотношения элементов «закономерности» и «спонтанности» исторического процесса. – Э.Е.). 24 февраля отрекся король Луи-Филипп и была провозглашена республика...». – Цит. по: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 332.

иначе являющихся предметом и объектом сравнительного исследования. В связи с чем, институты прямой и представительной демократии, без которых фактически немислимо народовластие в его современном значении, *нельзя воспринимать* в контексте их идентичности с механизмами, используемыми правящими элитами сто семьдесят лет назад (хотя, справедливости ради надо сказать, что каких-то принципиальных – по средствам и методам – отличий мы, вероятно, не обнаружим!?) для концентрации всей полноты публичной власти в своих руках, чем и вызваны шаги, *направленные не на расширение прав и свобод, а на сохранение* цензов и подобного рода ограничений. Иначе говоря, никто не был заинтересован в либерализации (читай – всеобщности) процесса формирования публичных учреждений, начинавших выступать противовесом исполнительной вертикали и ее бюрократических структур⁴⁴⁹.

«Суррогатность» демократии, таким образом, определялась не только переходным – от абсолютизма к республике или конституционной монархии – характером государственности, при котором правящие элиты (в лице, с одной стороны, «нового» буржуазно-либерального экономического и политического класса, с другой – рудиментов «старой» феодально-авторитарной иерархии) в большей либо меньшей степени стремились *если не реформировать, то, по крайней мере, модернизировать стагнирующий публичный механизм*, при этом

⁴⁴⁹ Нельзя не отметить, что наш вывод, правда, достаточно «нестандартно» и «оригинально» (*рассматривая избирательные цензы как инструмент позитивного свойства*), в той либо иной степени разделяет Ричард Пайпс: «... Об этих ограничениях, сколько бы они ни были чужды духу демократии, судить надлежит с учетом прошлого опыта, указывающего на то, что интересы собственников были одной из первых действенных преград царившему при абсолютизме произволу властей. Как свободы, завоеванные феодальной знатью и средневековыми общинами, первоначально были их же исключительными привилегиями, а со временем превратились во всеобщие права, точно так же и избирательное право, которое сначала предоставлялось только обладателям собственности, стало со временем всеобщим. Более того, – делает вывод американский ученый, который у оппонентов, в том числе у нас, не может не вызывать соответствующих вопросов, – лишь в тех странах, которые первоначально ограничивали круг лиц, наделенных избирательным правом, *получила развитие подлинная демократия*: правительства, сразу дававшие избирательные права всем гражданам, чаще всего использовали это равноправие избирателей, чтобы самим закрепиться у власти (странный вывод, особенно с учетом того, что женщины в ведущих странах «запада», в том числе в Соединенных Штатах, были лишены права избирать и быть избранными вплоть до начала – первой половины XX века, из чего вытекает, если придерживаться подобной логики, что *они стали демократическими всего лишь каких-то шестьдесят – восемьдесят лет назад*. – Э.Е.). Одна из недавно вышедших книг по истории всеобщего избирательного права в Америке имеет подзаголовок «От собственности к демократии». В свете исторического опыта он должен был бы выглядеть иначе: «Через собственность к демократии» (чем и можно объяснить тот факт, что, помимо гендерного, в Европе и за океаном длительное время активно использовался имущественный ценз, что и *de facto*, и *de jure* свидетельствует о том, что *демократия носила не только классовый, но и суррогатный характер*. – Э.Е.)». – Цит. по: Пайпс, Ричард. Собственность и свобода... – С. 156.

минимизировав участие широких слоев населения в данном процессе, но и пассивностью «источника» и «носителя» власти, крайне индифферентно воспринимавшего себя в подобном конституционно-правовом статусе. Брать инициативу на себя – в силу самых разных причин – *не были готовы даже те, кто провозглашался избирателем* (пресловутому абсентеизму подвержены не только неконструктивно настроенная оппозиция и диссиденты всех мастей, как правило, показательно игнорирующие государственные институты, но и их предшественники, озабоченные собственными проблемами, а не интересами общества), поэтому не исключено, хотя бы гипотетически, что «всеобщность» на тот исторический момент могла, причем объективно, носить *абстрактный* характер, так как «народ» еще не прошел адаптации к тем условиям, в рамках которых ему предстояло стать «носителем суверенитета». В силу очень многих причин – от уровня образования и характера профессии до состояния здоровья и банальной лени – дееспособные граждане весьма амбивалентно относились к тому, чтобы разделить ответственность по управлению государством, в силу чего роль правящей элиты и чиновничьего аппарата *только возрастала*. В то же время, о чем свидетельствуют события конца февраля 1848 года, наиболее активная часть общества все настойчивее требовала перемен⁴⁵⁰.

Непродолжительный республиканский период, помимо популистских⁴⁵¹ решений, одобренных «временным правительством» (ему на смену после так

⁴⁵⁰ Нельзя сказать, что протестным движением были охвачены все регионы страны (более того, акции в целом не носили массового характера) за исключением представителей определенных либеральных движений, в том числе в лице членов редакций двух крупных столичных газет – умеренно-республиканской «Насьональ» и радикальной «Реформ», некоторые из которых (например, Ламартин и Луи Блан, опубликовавшие одними из первых, наряду с известной работой Мишле, исторические исследования, непосредственно посвященные революционным событиям 1789 и 1792 годов) позднее войдут в так называемое «временное правительство». Поэтому было бы не совсем корректным и справедливым с критической точки зрения рассуждать о том, что в начале 1848 года вся Франция «встала на дыбы», требуя замены конституционной монархии республикой. Об этом же, на наш взгляд, свидетельствует и тот факт, что *республиканский период продлится всего четыре года* (если за основу взять два момента – принятие 4 ноября 1848 года новой конституции и восстановление Луи Наполеоном в ноябре 1852 года империи, ставшее следствием национального плебисцита 21 декабря 1851 года, на котором граждане легитимировали его нахождение во власти в течение десяти лет).

⁴⁵¹ Как подчеркивают французские исследователи, временное правительство, помимо назначения выборов в Учредительное собрание, которые должны были состояться 23 апреля 1848 года, «приняло некоторые меры капитальной важности: ... провозгласило свободу печати и собраний, отменило смертную казнь и рабство в колониях. Под нажимом клубов и социалистических течений, тогда крайне активных, правительство также провозгласило право на труд и создало «национальные мастерские» (просуществовавшие до 22 июня, когда были ликвидированы, спровоцировав со стороны отдельных групп населения бурные протесты, в том числе вооруженные, продлившиеся с 23 по 26 июня. – Э.Е.), чтобы дать работу безработным рабочим, которых из-за

называемых «всеобщих апрельских выборов»⁴⁵² и структурирования «нового» законодательного собрания придет «временная исполнительная комиссия» в составе пяти человек), и противоречивости положений принятой в том же году конституции, следует, судя по всему, рассматривать *не очередной попыткой замены* одной формы правления другой, *а отказом от преемственности*: в отличие от предшествующих учредительных актов, в стране *провозглашалась президентская*, а не парламентская *республика*. Этим обстоятельством, в том числе, можно, видимо, объяснить ту метаморфозу, что победивший в декабре *на прямых выборах главы государства* племянник французского императора (насильственно «отправленного в отставку» за тридцать четыре года до этого), представлявший не монархистов, а умеренных республиканцев, и вошедший в историю под именем Наполеона III, *осуществил* через три года не что иное, как *государственный переворот* (второго декабря – в день годовщины битвы при Аустерлице и коронации Бонапарта), а затем *воссоздал империю*⁴⁵³.

Вне всякого сомнения, дееспособные граждане (естественно, *мужчины*, *достигшие двадцати одного года*, *пользующиеся гражданскими правами*, и,

кризиса в Париже было много. Эти «национальные мастерские» на деле были только бледной тенью «социальных мастерских», – отмечают цитируемые авторы, обращая внимание на *популистский характер некоторых решений*, направленных на стабилизацию обстановки, – за которые ратовал член правительства, социалист Луи Блан. Наконец, была создана «правительственная комиссия для трудящихся», которой было поручено рассматривать социальные проблемы...». – Цит. по: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантие и Ф. Лебрена... – С. 333.

⁴⁵² Несмотря на то обстоятельство, что выборы *de jure провозглашались* «всеобщими», в них по-прежнему участвовали исключительно мужчины. При этом, чтобы быть предельно объективными, следует признать, что декларируемый принцип «всеобщности» *de facto расширил свои рамки*, так как количество избирателей, в сравнении с Июльской монархией, возросло с 240 тысяч до 9395 тысяч, из которых этим правом пожелали воспользоваться 7835 тысяч (84%) дееспособных городских и сельских жителей мужского пола.

⁴⁵³ Согласно положениям главы V (Об исполнительной власти) Конституции 1848 года, главой исполнительной власти провозглашался президент республики, избираемый тем же способом, что и Национальное собрание (то есть посредством всеобщего голосования, о котором говорилось в статье 24), сроком на четыре года, при этом одно и то же лицо имело право занимать эту должность *«лишь по прошествии промежутка времени, равного четырем годам»*. Парадокс состоял в том, что первый президент, как бы он к этому ни относился, понимал, что выборный (произвольный от народа), а не наследственный характер его власти *ограничивает его претензии на легитимацию* каких-либо действий, противоречащих учредительному акту, императивно закрепившему порядок замещения поста главы государства. Смысл государственного переворота состоял в том, что, минуя Национальное собрание, депутаты которого, как и президент, не обладали императивным (в тексте акта – «повелительным») мандатом, Луи Наполеон (которого неофициально нередко именовали «принцем-президентом») вынес вопрос о продлении полномочий на плебисцит, так как правом изменения конституции или статуса институтов государственной власти он не обладал (согласно главе XI, это являлось исключительной прерогативой Национального собрания), впрочем, как и правом инициировать референдум или иную форму непосредственной демократии. Получив одобрение большинства граждан, участвовавших в данном мероприятии, президент пошел дальше и в январе 1852 года ввел в действие новую конституцию, с одной стороны, деклариовавшую приверженность принципам 1789 года, с другой – актуализировавшую такой вариант правления, который можно квалифицировать как *авторитарный президентский режим*.

исходя из норм избирательного закона от 31 мая 1850 года, *проживавшие на постоянной основе в конкретном кантоне в течение не менее трех лет*), ассоциируемые с «народным суверенитетом», поддержав инициативу главы государства об увеличении его прерогатив с четырех до десяти лет, не давали ему полномочий на осуществление реставрации монархии и установления в стране режима, хотя и декларирующего незыблемость принципов «свободы, равенства и братства», провозглашенных революционными актами 1789 года, в действительности не имеющего ничего общего с тем, что квалифицируется – и «кабинетными» доктринами, и важнейшими учредительными документами – как *демократия и подлинное народовластие*. Не исключено, что правящие элиты, состав которых во многом зависел от того, в какую сторону – «правую» или «левую» – качнулся, условно говоря, политический маятник, как минимум отдавали себе отчет в формально-юридической несостоятельности критериев и инструментов, посредством которых осуществлялось (вернее, должно было осуществляться) взаимодействие с обществом и его отдельными элементами, в частности, с легитимными «обладателями» избирательного голоса. Почему, заручившись поддержкой в одном вопросе, не экстраполировать последнее на сферу отношений, где ответ не так предсказуем, тем более очевиден, как в первом случае, полагая, что полученный «карт-бланш» будет действовать и в принципиально других условиях, включая и те, когда к мнению «источника» и «носителя» власти прислушиваться не только не обязательно, но и опасно, так как «итоговый» результат может диссонировать с «желаемым»? Если народу, а не правящим элитам и их ближайшему окружению монархическая форма правления предпочтительнее, чем республиканская, по каким – объективным либо субъективным – причинам столь важная проблема не была вынесена на референдум, а решена президентом, осуществившим реставрацию? Видимо, в ответе на данный вопрос и кроются причины наблюдавшейся во Франции в течение десятилетий перманентной «чехарды» с формой правления⁴⁵⁴.

⁴⁵⁴ О тенденциях и исторических уроках см.: Бродель Ф. Грамматика истории... – С. 325-326, 348-355.

Начиная с первых буржуазных революций⁴⁵⁵ сложилось мнение, что при переходе от абсолютизма к более либеральным и демократическим формам правления принципиальное значение приобретают механизмы, посредством которых народовластие *de facto* перестает быть *декларативным атрибутом* как в системе ценностей, так и мировоззрении широких слоев населения, все менее абстрактно осознающего, несмотря на наличие цензов и ограничений, собственную роль и место в процессе государственного строительства, в том числе – в осуществлении публичных функций. Причем мифологемы подобного рода со временем приобретают, по существу, *сакральный* характер, особенно в периоды социально-экономических кризисов, регресса властных институтов и обострения политической борьбы. Однако, проводя параллели между теми механизмами, которые *действовали в конкретных исторических условиях*, и их современными аналогами (не отрицая то обстоятельство, что многие из них стали «современными» еще тогда, когда у государств, «объявивших» себя не чем иным, как оплотом демократии, ни о каком народовластии речь не могла идти в принципе), приходишь к следующему выводу: какую бы из стран мы ни взяли в качестве примера (период или стадия в данном случае существенного значения не имеют, хотя в первую очередь учитывается временной отрезок в двести – двести пятьдесят лет), *говорить о народовластии* в его, так сказать, «кабинетном» варианте *приходится с известной степенью условности*, хотя при этом как минимум некорректной будет констатация того, что ни о какой буржуазной демократии, применимо к стратифицированному европейскому или североамериканскому обществу, вопрос не должен стоять *a priori*. Иными словами, чтобы компаративист был предельно объективным в своих оценках, осуществляемый сравнительно-правовой анализ немыслим без критического осмысления процесса становления и развития соответствующих институтов (в

⁴⁵⁵ За скобками настоящего исследования, к сожалению, осталось государство, где произошла одна из первых буржуазных революций, на становление правовой системы которого большое влияние оказали Франция и «рецепция» римского права, а со временем Германия. – Подробнее см.: Голландская правовая культура /Отв. ред. В.В. Бойцова и Л.В. Бойцова. – М.: Изд-во «Легат», 1998. – С. 48-50, 55-60, 69-71.

рамках определенных тенденций), оказавших воздействие на формирование того феномена, который *традиционно ассоциируется* с «западной» моделью демократии и легитимными процедурами ее осуществления⁴⁵⁶.

Именно Франция, как ни одна из современных республик, на которые со второй половины XX века⁴⁵⁷ было принято равняться (чаще всего подражать, копируя политическую систему) странам, освободившимся от колониальной зависимости, сумела в итоге преодолеть «искушение монархией» и встать на путь развития национальной государственности, *исключавший реставрацию* формы правления, олицетворяемой либо персонифицируемой одним лицом, даже с учетом того, что конституционные полномочия короля и президента *по формальным критериям*, выводя за скобки наследственный или выборный

⁴⁵⁶ Чтобы не быть голословными, процитируем небольшой фрагмент из фундаментальной монографии Джека Гуди, мнение которого (как и любое другое, *не лишенное известного авторского субъективизма*) не может не вызывать нашей поддержки: «... Когда мы говорим о демократических процедурах, то думаем о способах, с помощью которых формально принимается в расчет мнение населения. Для этого существует множество путей. На Западе электорат принимает участие в тайном (обычно письменном) голосовании каждые четыре, пять или шесть лет (выбор промежутка произволен). Такой вариант является компромиссом (о каком бы в данном случае историческом периоде непосредственно ни шла бы речь. – Э.Е.) между выяснением мнения *демоса* и проведением последовательной политики на протяжении определенного периода. Некоторые считают, что необходимо чаще спрашивать мнение населения, особенно в таких важных вопросах, как объявление войны (не менее фундаментальной проблемой, решение которой должно носить коллективный характер, является *эволюционная смена* формы правления. – Э.Е.), которое, например, в Британии даже не требует парламентского голосования из-за фиктивной королевской прерогативы решения данного вопроса (тогда как введение евро – требует!). Сложно утверждать, что мы живем при демократии (то есть в системе народного самоуправления), если правительства могут принимать такие важные решения, как объявление войны (если вопрос был крайне актуален для конца XX века, то что тогда говорить об игнорировании народа, вернее «народного суверенитета» в середине XIX века!? – Э.Е.), вопреки воле большинства. С другой стороны, можно ли управлять, постоянно прибегая к референдумам и опросам общественного мнения? Не приведет ли такой подход к хаосу? Можно заявлять, что демократия обеспечивает лишь возможность отозвать (и это при том, что большинству современных «западных демократий» механизм императивного мандата вообще не известен, а кабинеты и главы государств уходят в отставку исключительно посредством особых процедур типа импичмента или вотума недоверия?! – Э.Е.) избранных представителей народа, если они перестают представлять его волю, так что волеизъявление народа может сместить правительство, планирующее войну вопреки пожеланиям большинства населения. Если бы такая возможность действительно существовала при «истинной демократии», то многие европейские правительства были бы свергнуты...».

Не менее конструктивно выглядит и следующий тезис известного англосаксонского ученого: «Можно утверждать также, что некоторые социальные программы требуют более длительного периода реализации, чем четыре или пять лет (этим обстоятельством, по-видимому, и руководствовался президент Луи Наполеон, вынося на плебисцит вопрос о продлении своих официальных конституционных полномочий. – Э.Е.), так что для их осуществления режим не должен меняться в течение более длительного периода. Этим аргументом, в частности, постоянно пользовались в Африке после достижения независимости, когда некоторые законно избранные правительства превратились в однопартийные режимы. Конечно, никто не помешает избирать одно и то же правительство раз за разом (сказанное, с полным основанием может быть экстраполировано на современную Германию, федеральным канцлером которой одно и то же лицо вправе быть любое количество конституционно установленных сроков. – Э.Е.), чтобы дать ему возможность осуществить более обширную программу, но что, если сами избиратели «выберут», чтобы правительство избиралось на более длительный срок или даже было постоянным?...». – Цит. по: Гуди Джек. Похищение истории... – С. 340-341.

⁴⁵⁷ Хотя уже в XIX веке она стала «примером для подражания» при переходе крупнейших испанских (прежде всего Мексики) «заморских территорий» на путь суверенного развития национальной государственности.

характер статуса, *мало чем отличаются* друг от друга. Нередко складывается впечатление, что авторам конституций, не забывавших об институциональной преемственности, при подготовке соответствующего текста требовалось лишь заменить официальные титулатуры тех, кто возглавлял государство, увеличить либо ограничить – в рамках системы разделения властей – прерогативы органа, представленного однопалатным или бикамеральным парламентом, и страна переходила к как бы «обновленной» модели управления, *единственное, что при этом оставалось неизменным* «*de facto*» – декларации о приоритетности гражданских прав и свобод и идеологемы «народного суверенитета»⁴⁵⁸.

Однако и в этом случае – в том числе, с точки зрения структурирования источников учредительного характера и особенностей юридической техники – акценты смещались таким образом, что с середины XIX века «предпочтение» отдается практике, при которой вместо *отдельного акта* о правах человека и гражданина (как в декларациях 1789 и 1793 годов) либо *специального раздела* в форме декларации о правах и обязанностях человека и гражданина (в тексте документа высшей юридической силы 1795 года) используется другая, более прагматичная методология, так как о чем-то «аналогичном» уже говорится не столько сквозь призму преемственности, сколько институте, гарантированном конституцией. Поэтому не исключено, что нечто подобное *легло в основание принципа*, согласно которому прерогативы исполнительной власти не должны зависеть от того, кто возглавляет государство – король или президент, главное, чтобы *реально действовали* электоральные процедуры и механизм «сдержек и противовесов», ограничивающие претензии на авторитаризм со стороны как наследственного, так и избранного лица. Может, в этом как раз и проявлялась специфика процессов государственного строительства, отличавших Францию от большинства стран, *где наблюдался переход от одной формы правления к другой*, завершившийся победой республиканизма и полным отказом от всего того, что было связано с феодально-патриархальной моделью отношений, или речь идет о

⁴⁵⁸ В контексте дискуссии, например, см.: Бурдые П. О государстве... – С. 563-578, 625-640.

рецидивах революций, носивших – причем каждый раз по-своему – незавершенный характер, отражением чего стала «чехарда ребрендингов», рефреном проходящая сквозь весь XIX век? Нельзя сказать, что мы далеки от истины, так как найдется немного государств, каким-либо образом решивших повторить подобный «сценарий», о чем свидетельствует и тот факт, что *чаще всего* именно в бывших французских колониях сложились системы, иногда не совсем корректно именуемые «суперпрезидентскими».

Парадокс, на который *нельзя не обратить внимание*, состоит в том, что, несмотря на периодические трансформации, связанные с формой правления, и декларации о «свободе, равенстве и братстве», в конституционно-правовом статусе отдельных категорий населения, прежде всего женщин, *изменения не носили ничего*, что давало бы повод констатировать их фундаментальность и адекватность «требованиям дня», в частности, в контексте тенденций, в той либо иной степени обусловленных демократизацией политического процесса и вовлечением в него – посредством активного и пассивного избирательного права – все большего числа дееспособных граждан мужского (!) пола⁴⁵⁹.

⁴⁵⁹ С учетом сказанного выше, нельзя не поддержать – в более широком контексте – критических обобщений Иммануила Валлерстайна: «... Великим символическим жестом французской революции было требование не использовать титулы – даже «месье» и «мадам». Каждого следовало называть «гражданин» – (*citoyen*). Этот жест был направлен на то, чтобы продемонстрировать отвержение традиционных иерархий, включение принципа социального равенства в строящееся новое общество. Но... революция закончилась, и титулы были восстановлены. Однако понятие «гражданин» (хотя и не его использование в качестве формы обращения) пережило революцию. Более того – оно жило и здравствовало, став риторическим основанием либерального государства. В юридическом смысле это понятие было принято повсеместно – вплоть до того, что в 1918 году мир был вынужден ввести понятие «безгосударственных» лиц, чтобы описать ту сравнительно небольшую часть человечества, которая была неспособна заявить о своей гражданской принадлежности к какой-либо территории... Предполагалось, что понятие «гражданин» будет инклюзивным, то есть утверждалось, что все лица в рамках некоего государства, а не только отдельные люди (монарх, аристократы) имели право быть частью – причем равной частью – процесса принятия коллективных решений в политической сфере. Из этого следовало, что каждый (в том числе, *независимо от пола*, происхождения и имущественного положения. – Э.Е.) должен иметь право получать социальные блага, которые может распределять государство. Ко второй половине XX века существование прав, гарантированных гражданам, стало минимальным определением того, что составляет современное «демократическое» государство, на каковой статус сейчас претендует (без акцентирования особого внимания на форму правления и политический режим. – Э.Е.) фактически каждое государство... Однако обратной стороной инклюзивности гражданства было исключение из него. Те, кто не подпадал под новую категорию граждан определенного государства, по определению подпадали под другое новое понятие – иностранцы (*aliens*). Для данного государства иностранцы, возможно, могли являться гражданами другого государства, но не того, о котором идет речь... В большинстве случаев более 90% жителей той или иной страны были гражданами – гражданами *в правовом отношении*, то есть гражданство теперь стало вопросом правового определения... Именно с этой проблемой и столкнулись государства после французской революции: *гражданами были слишком много лиц*, и результаты этого могли быть довольно опасными. XIX век (а в действительности и XX столетие) стал историей того, как некоторые лица (наделенные привилегиями и преимуществами) *последовательно пытались ограничить* определение гражданства, а остальные отвечали на это стремлением утвердить его более широкие границы. Именно вокруг этой борьбы сосредоточилось

Хотелось бы, уже не в первый раз, особо подчеркнуть одно, по нашему мнению, достаточно *существенное* обстоятельство: в рамках сравнительно-правового анализа процесса становления, развития и стагнации либеральной модели демократии, приведшей в итоге к системному кризису ее важнейших институтов (не говоря уже об их демифологизации в глазах различных групп и слоев населения, воспитанных на ценностях и представлениях, подвергаемых перманентной корректировке и переосмыслению со стороны тех, кто считает себя ущемленными), *нами не ставится задача в деталях рассмотреть весь спектр проблем*, обусловленных тенденциями, характером и особенностями государственного строительства тех стран, с которыми в той или иной степени связана демократизация публичной сферы общественных отношений. Для нас главное – критически исследовать закономерности актуализации механизмов народовластия, *подготовивших необходимые предпосылки* преобразования феодально-автократической «надстройки», деградировавшей (в конкретных государствах по-разному) структурно и институционально, не отвлекаясь – при их безусловной значимости и важности – на менее существенные вопросы.

Речь в данном случае идет о так называемых «*внешних факторах*», хотя и оказавших прямое либо косвенное влияние на социальную и политическую обстановку (наглядной иллюстрацией может служить франко-прусская война 1870 – 1871 годов, завершившаяся не только унижительным поражением в ней Франции, утратой провинций Эльзас и Лотарингия и выплатой контрибуции, но и во многом спровоцировавшая (!?) феномен «работающей корпорации» в форме Парижской коммуны), однако *выходящих за рамки* настоящей работы, *не являясь ни предметом, ни объектом исследования*, приоритетной целью которого рассматривается сравнительный анализ конституционно-правового развития

интеллектуальное теоретизирование..., именно вокруг нее формировались социальные движения... Попытка ограничить значение понятия гражданства принимала множество форм, но каждая из них обязательно предполагала появление таких антимоний, *которые могли оправдать разделение* на пассивных и активных граждан. Бинарные разграничения (ранга, класса, гендера..., этничности, образования) являются давними реалиями. Отличием XIX века стали попытки соорудить теоретические подмостки, которые могли бы узаконить превращение данных различий в правовые категории, с тем чтобы подобные категории служили ограничению того, в какой степени провозглашение равенства всех граждан реализовывалось на деле...». – Цит. по: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789 – 1914... – С. 170-172. Иными словами, *от социальной дифференциации и не думали отказываться*.

крупнейших стран англосаксонской и континентальной традиции на соответствующем этапе исторического процесса. С учетом отмеченного выше, опыт того, что мы обозначаем как «чехарда ребрендингов», представляет для нас повышенный интерес, причем по нескольким причинам, в том числе из-за ее экстраординарного характера, вызванного совокупностью противоречивых обстоятельств и субъективных решений, повлекших за собой не столько смену власти, сколько политического режима в целом, последствия которого трудно не признать *закономерными* для середины – последней трети XIX века. Как ни парадоксально, но, в отличие от большинства государств, именно во Франции был создан своего рода *прецедент не последовательного* (когда эволюция в основном протекает в пределах либо монархической, либо, пришедшей ей на смену, республиканской парадигмы), *а зигзагообразного движения вперед*: в истории государства и права это – один из немногих «примеров» того, как при жизни всего двух поколений форма правления менялась неоднократно⁴⁶⁰.

⁴⁶⁰ Справедливости ради надо сказать, что современными государствоведами данный факт воспринимается весьма однозначно. В частности, профессор университета штата Миннесота Дэвис Уильям Стирнс оценивает его примерно следующим образом: «... С того момента, как Луи Наполеон вступил в должность президента (это произошло 20 декабря 1848 года), и до того момента, когда он отменил конституцию, которую поклялся защищать, было легко предсказать, что он каким-то образом постарается закрепить за собой власть. Учитывая его происхождение из Бонапартов и бонапартистские убеждения, было бы неразумно ждать от него чего-то другого. Однако эта перемена могла бы произойти не так грубо. А если бы в стране была разумная и единая оппозиция, она могла бы полностью разрушить планы Луи Бонапарта. В мае 1849 года было избрано новое законодательное собрание. Антиреспубликанская реакция была в самом разгаре. Более 500 депутатов из 750 были монархистами или иного оттенка. Республиканское меньшинство тоже не было единым: в нем были и умеренные, и «красные». Франция оказалась в странной и причудливой ситуации: согласно закону, она была республикой, но президент хотел преобразовать эту республику в одну разновидность монархии (то есть минимизировать ограниченный характер прерогатив. – Э.Е.), а большинство депутатов желали превратить ее в другую разновидность (то есть законодательно максимально возможным образом ограничить власть лица, возглавлявшего государство. – Э.Е.) монархии. Президенту и депутатскому большинству было легко работать вместе, чтобы сделать невозможным возврат радикализма. Трудности начались, когда они попытались составить конструктивную (видимо, по реставрации империи? – Э.Е.) программу на будущее. Политика Луи Наполеона с 1849 по 1851 год была крайне умной. Он упрочил за собой расположение клерикалов тем, что послал армию в Рим для свержения тамошних революционеров и вернул земную власть папе Пию IX. Он даже пальцем не шевельнул, когда законодательное собрание по его собственной инициативе одобряло законы, которые заткнули рот прессе, приостановили право граждан на собрания и, наконец, в 1850 году разрешили участвовать в выборах лишь тем, кто прожил три года в каком-либо округе. Последний закон вычеркнул из списка избирателей (речь идет об ужесточении ценза оседлости. – Э.Е.) более 3 миллионов странствующих рабочих и ремесленников. Он был очень непопулярен, и все упреки по поводу его принятия обрушились на собрание... Очень скоро стало очевидно, что главное достоинство президента в глазах народа – то, что у него был знаменитый дядя... Вскоре около президента собрался кружок дерзких авантюристов – политиков и военных с короткой родословной. Они видели, что им во всех отношениях выгодно сделать собрата-авантюриста постоянным правителем страны. Министры и большинство государственных чиновников (такого рода отношения весьма характерны и для республиканской формы правления. – Э.Е.) находились полностью под контролем президента. Новый президент начал бы ставить на все посты новых людей, и эти чиновники, разумеется, потеряли бы свои уютные, хорошо оплачиваемые должности. И, как сказали бы американцы, огромная политическая машина быстро заработала. Ближайшей задачей этой машины (с которой она в целом блестяще справилась, что позволяет проводить

Вместе с тем компаративист, видимо, будет не так далек от истины, если выскажет мысль о том, что подобная «зигзагообразность», невзирая ни на что, укрепляла государственный аппарат, одновременно с Луи Наполеоном и его окружением *de facto* эволюционировавшего в направлении либерализации и демократизации публичных отношений (весьма «показательным» примером может служить требование оппозиционных депутатов-республиканцев «*пяти необходимых свобод*»⁴⁶¹: свободы личности, печати, выборов, национального представительства и свободы правительства руководить делами государства), что должно было привести к трансформации системообразующих институтов и переходу монархии в новое качество. Однако этому помешала объявленная 19 июля 1870 года война с Пруссией, пленение императора 1 сентября в битве под Седаном, в результате которого через три дня была вновь провозглашена республика, не только поставившая точку в вековой «чехарде ребрендингов», но и *однозначно ответившая на вопрос о форме правления*, политическом режиме и «народном суверенитете». Таким образом, французскому обществу потребовалось пройти через несколько революций и социальных конфликтов, чтобы понять безальтернативность идей, актуализированных в 1789 году, тем не менее ряд фундаментальных проблем, прежде всего в контексте равенства избирательных прав и отказа от цензов, так и остались не решенными.

определенные параллели. – Э.Е.) было обеспечить повторное избрание Луи Наполеона на пост президента... Конституция запрещала его переизбирать, но собрание могло изменить запрещающую статью двумя третями голосов. Когда от депутатов потребовали это сделать, они отказались, причем очень бестактно... Президент мог сказать, что избран подавляющим большинством всех французов (то есть дееспособных мужчин. – Э.Е.) и очень вероятно, что такое же большинство желает избрать его снова. Неужели буква конституции, написанной в спешке и совершенно не проверенной на практике, важнее, чем ясно выраженная воля народа? Если политический лидер задает себе такие вопросы, остальное (наглядных примеров, в том числе современных, более, чем достаточно. – Э.Е.) происходит легко...». – Цит. по: Дэвис Уильям Стирнс. История Франции. С древнейших времен до Версальского договора /Пер. с англ. И.А. Петровской. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2018. – С. 516-518.

В свою очередь французские ученые отмечают: «Будучи авторитарным режимом, империя, конечно, основывалась на демократическом принципе всеобщего (подчеркнем: *исключительно для дееспособных мужчин*, отвечавших соответствующим критериям, поэтому совершенно не понятно, почему французские же авторы называют его «всеобщим». – Э.Е.) избирательного права, но им манипулировала администрация, назначавшая «официального кандидата», который один имел право на белый плакат, предназначенный для официальных объявлений. Выборы 1852 года продемонстрировали покорность избирателей. Оппозиция свелась к фронде орлеанистских салонов, самоустранению легитимистов или подпольной деятельности республиканцев...». – См.: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 338.

⁴⁶¹ Были сформулированы депутатом от Парижа Луи-Адольфом Тьером, получившим мандат в результате выборов 1863 года, в речи, с которой он выступил 11 января 1864 года, представляя либеральную платформу.

Справедливости ради нельзя не сказать, что *в случае с окончательным переходом к республиканской форме правления* важнейшую роль, помимо⁴⁶² совокупности сразу нескольких внутренних причин, сыграл именно «внешний фактор» в лице Пруссии и ее канцлера Отто фон Бисмарка, в ультимативной и исключительно категорической форме отказавшегося вступать в переговоры о заключении мирного договора с кем-либо, кроме легитимного правительства. Как следствие, правящие элиты, представлявшие собой *весьма своеобразную «эклектику» радикальных и умеренных сторонников монархии и республики*, продолжавшие в той или иной степени концентрировать в своих руках власть, были вынуждены инициировать избирательный процесс, итогом которого не могла не стать поляризация «электоральных предпочтений»: если в Париже и оккупированных департаментах юго-востока страны большинство получили республиканцы, причем самой разной степени радикализма, то в регионах с преобладанием крестьянского населения голоса были отданы за сторонников восстановления монархии, в основной массе не отличавшихся консолидацией и варьировавшихся в зависимости от уровня ограничений прерогатив главы государства. Поставив во главу угла «вопрос о мире», апологеты реставрации монархии выиграли выборы, наделив затем противника продолжения войны до победного конца, автора «пяти необходимых свобод» Луи-Адольфа Тьера

⁴⁶² Как пишет один из американских исследователей, характеризуя сложившуюся в конце 1870 – началу 1871 года ситуацию, *балансирующую между республикой и монархией* (новый король под именем Генриха V был практически готов занять освободившийся после низложенного императора Луи Наполеона престол), «... Национальное собрание (внеочередные выборы которого состоялись 8 февраля 1871 года. – Э.Е.) собралось для задачи, привычность которой стала уже неприятна – дать Франции конституцию. С 1789 года это был уже *одиннадцатый* раз, когда депутаты исполняли свою обязанность перестраивать систему управления страной (цитируемый ученый вполне справедливо, на наш взгляд, фиксирует пресловутую «чехарду ребрендингов», сопровождавшуюся принятием соответствующего учредительного акта: 1791 год – *ограниченная монархия*, свергнутая менее, чем через год; 1793 год – *Якобинская диктатура* (по мнению автора, данный документ так и не вступил в силу); 1795 год – *Директория*; 1799 год – *Консульство*; 1804 год – *Первая империя*; 1814 год – *«Бурбонская» ограниченная монархия*; 1830 год – *Июльская* (иначе, «Орлеанская») *ограниченная монархия*; 1848 год – *Вторая республика*; 1851 год – *автократическая «республика» Луи Наполеона*; 1852 год – *Вторая империя*; 1875 год – *Третья республика*, которой с 1870 года предшествовала «временная республика». – Э.Е.). И еще ни разу они не делали этого в таких безнадежных обстоятельствах, как в 1871 году. Лишь в 1875 году собрание выполнило хотя бы часть своей задачи, и потом еще много лет их труд считался всего лишь временным и переходным. Однако именно это собрание, избранное в мрачные дни прусского нашествия, создало Третью республику. Оно просуществовало дольше, чем любое другое французское правительство начиная с 1792 года. Именно оно вступило в борьбу с немецким титаном в 1914 году и вышло из этой борьбы победителем. В 1871 году по-прежнему казалось, что французы нащупывают в темноте систему, которая сможет дать им... горячо любимые ими свободу, равенство и братство внутри родной страны...». – Цит. по: Дэвис Уильям Стирнс. История Франции. С древнейших времен до Версальского договора... – С. 576-577.

полномочиями «главы исполнительной власти республики», подписавшего 26 февраля 1871 года в Версале *прелиминарное* – предварительное – *соглашение* с Пруссией, 1 марта ратифицированное Национальным собранием⁴⁶³.

Вместе с тем, говоря об «окончательной» победе республиканизма, мы не должны игнорировать того, что тенденции подобного рода носили в целом крайне *неустойчивый* характер, балансируя на грани (чрезвычайные события в Париже и ряде крупнейших городов страны служат этому подтверждением) жесткого гражданского конфликта, результатами которого при желании могли воспользоваться Пруссия и ее союзники, не только посягнув на национальный суверенитет одного из крупнейших на тот момент европейских государств, но и максимально сократив подконтрольные ему территории, включая те из них, где в течение многих лет действовали колониальные структуры. Не секрет, что в силу ряда объективных социально-экономических причин, обусловленных, в том числе, дефицитным характером бюджета, резко возросшими военными расходами и сопутствующими процессами, дестабилизировать политическую ситуацию сложности не представляло, отчего маятник мог качнуться то в одну, то в другую сторону (даже без поддержки «внешнего фактора»!), оказывая –

⁴⁶³ Собственно мирный договор с Пруссией, согласно которому Франция утрачивала провинции Эльзас и часть Лотарингии с Мецем, выплатив, помимо этого, пять миллионов золотых франков контрибуции, был подписан 10 мая во Франкфурте. Таким образом, «внешний фактор» *во многом усугубил* и без того крайне непростую и весьма напряженную социально-политическую ситуацию, итогом которой станет организация в столице страны Париже (напомним, что Национальное собрание, ратифицировавшее мирный договор, действовало в Бордо, а затем в Версале) так называемой Коммуны во главе с Генеральным советом. Итог подобного рода, с точки зрения современных французских историков, скорее закономерен, чем случаен: «... Вопрос о форме режима остался открытым. Собранию с его монархическим большинством Тьер обещал не выражать своего мнения относительно режима. Боязнь реставрации, унижение от пережитого поражения, тяготы осады (напомним, что французская столица некоторое время была осаждена регулярными прусскими войсками, из-за чего в городе перманентно возникали проблемы со снабжением населения продовольствием и другими товарами повседневного пользования. – Э.Е.), революционное возбуждение столицы после конца империи – все это вызывало брожение в Париже, который на февральских выборах показал свои республиканские чувства. Национальное собрание обосновалось в Версале..., отменило выплату жалованья Национальной гвардии и отсрочку квартирных платежей; эти неуместные меры привели к взрыву. 18 марта на Монмартре вспыхнуло восстание. Тьер, наученный опытом Июльской монархии, предпочел бросить Париж и бежать в Версаль, оставив город повстанцам... Была организована Коммуна, что означало утверждение автономии Парижа. Генеральный совет Коммуны избрали 26 марта при 50% воздержавшихся, но у Коммуны почти не было возможности глубоко вникать во что-либо, поскольку всю ее энергию поглощала война между версальцами и коммунарами (или федератами), начавшаяся в апреле. Жестоким завершением этой войны стала «кровавая неделя» с 22 по 28 мая. От 20 до 35 тысяч восставших стали жертвами бессудных расправ; остальных приговорили к ссылке или изгнанию... Первый вывод из существования Коммуны: она показала, что *никакой режим, кроме республики, был нетерпим для столицы и крупных городов провинции*, Лиона, Марселя, Тулузы, где также ненадолго возникли коммуны...». – Цит. по: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 348-349.

прямое либо косвенное – влияние на соблюдение «условий», достигнутого с таким трудом компромисса, носившего, вне всякого сомнения, временный и во многом чисто символический смысл. Его *символизм* проявлялся в том, что любая из сторон была готова его нарушить без каких-либо веских оснований, если ошибки, допущенные оппонентом, давали малейший повод усомниться в его электоральной или идеологической состоятельности. Не исключено, что здесь следует искать причины живучести «чехарды ребрендингов»⁴⁶⁴.

Парадокс несколько в другом: перед нами пример того, что *не всякая публично провозглашенная «декларация»* – при всех очевидных достоинствах и недостатках – вправе рассчитывать на поддержку со стороны широких слоев населения, а не только тех, кто, по мнению обычного городского и сельского обывателя, олицетворяет собой национальную элиту, тем более претендовать на статус «истины в последней инстанции» или «документа на все времена». Именно поэтому парижане, среди которых было немало квалифицированных рабочих и ремесленников, поддерживавшие решения Генерального совета (хотя он и функционировал всего несколько месяцев), а на февральских выборах в основном кандидатов, приверженцев республиканской формы правления, не

⁴⁶⁴ На этот факт обращает внимание один из авторов: «Итак, среди депутатов, собравшихся в Бордо (речь идет о тех, кто был избран 8 февраля 1871 года в Национальное собрание, так сказать, «внеочередного созыва». – Э.Е.), заметное большинство не пожелало провозгласить страну республикой, а только назначило Тьера, самого выдающегося тогда государственного деятеля, «главой исполнительной власти». Дело было в том, что монархистам очень не хотелось, чтобы новое царствование, чьим бы оно ни было, началось подписанием разгромного мира с Германией. Они рассчитывали опорочить республиканцев, – делает обобщение ученый, критически оценивая состояние и характер имевшихся в политической сфере противоречий, – переложив на них ответственность за *такой* мир. Кроме того, монархисты численно были в большинстве (другими словами, сформированный парламент был преимущественно монархическим. – Э.Е.), но по-прежнему в их рядах был глубокий раскол. Несмотря на всеобщее отвращение к павшей империи, среди депутатов все же было несколько бонапартистов. Большинство монархистов, вероятно, были орлеанистами. Но легитимистов (сторонников прежних Бурбонов) было тоже немало – столько, что друзья Июльской монархии не могли поторопить события в деле с дискредитацией республиканцев. Поэтому монархисты сначала были вполне готовы предоставить делам идти своим чередом, а пока заняться улаживанием собственных разногласий... Центральной фигурой этой ситуации был Луи-Адольф Тьер... Более двадцати округов оказали ему честь, избрав его своим представителем. Он предпочел стать депутатом от Парижа. Почти сразу после начала работы собрание навязало ему сомнительную честь быть «главой исполнительной власти» на переходный период и вместе с ней печальную обязанность довести до конца переговоры с Бисмарком и подавить огнем... артиллерию Парижскую коммуны... Для того чтобы укрепить свое положение, Тьер в августе 1871 года убедил собрание принять так называемый закон Риве (названный так по фамилии того, кто его предложил). По этому закону Тьер получил титул президента республики и такие большие полномочия, что его стали называть «президентским королем». Предполагалось, что президент будет назначать министров, выбирая их среди людей, приемлемых для большинства депутатов собрания, но и сам будет отвечать перед собранием за свои действия... Но вскоре появились тревожные признаки в отношениях Тьера с монархистами...». – Цит. по: Дэвис Уильям Стирнс. История Франции. С древнейших времен до Версальского договора... – С. 577-578, 579-580.

смогли остаться в стороне и вышли в середине мая на улицы, отстаивать свои идеалы с оружием в руках, вероятно, зная о том, что их в итоге ожидает. И нет ничего странного в том, что рядом с мужчинами, *de jure* обладавшими правом избирать и быть избранными, находились женщины разных сословий и групп, законом пораженные в этом. Таким образом, *низкий уровень народовластия*, отражением которого является ограничительный характер непосредственной и представительной демократии, как ничто другое, *de facto свидетельствует о ложности принципа «всеобщности»*, несмотря на его актуализацию в том либо ином учредительном акте. Достаточно взять текст любого из них, чтобы в чем-то подобном убедиться, так как между «правом» и его «применением» лежит дистанция, успешно преодолеть которую не всегда и не всем удается⁴⁶⁵.

Акцентируя внимание на проблемах непосредственной демократии, мы не выводим за скобки, как это может показаться на первый взгляд, вопросов, так или иначе связанных с представительными институтами, действующими в рамках системы разделения властей, механизмов «сдержек и противовесов» и процессов государственного строительства в целом. Какую бы из стран мы ни взяли в качестве иллюстрации (форма правления или политический режим при этом не имеют принципиального значения), в любой из них, *при переходе от абсолютизма к ограниченной монархии либо республике парламентского типа* (государства, возглавляемые президентами, можно было пересчитать по пальцам, тем более что они концентрировались в основном за океаном), как «под копирку», но с учетом исторических традиций, формировались органы,

⁴⁶⁵ С учетом наличия имущественного ценза, практика, сложившаяся во Франции, принципиальным образом *ничем не отличалась* от механизмов, действовавших в последней трети XIX века в других государствах, в том числе в Пруссии, а затем и в объединенной Германии: «... Своеобразная избирательная система существовала с 1871 по 1914 год в Германской империи. Общенациональный парламент, рейхстаг, – констатирует в одной из работ профессор Массачусетского университета Ричард Пайпс, – избирали все граждане мужского пола, достигшие двадцатипятилетнего возраста. Однако рейхстаг решал в основном вопросы военных расходов, на долю которых приходилось 90 процентов бюджетных ассигнований. В соответствии с правилом, по которому от косвенных налогов все поступления шли центральному правительству, а от прямых – правительствам земель и местным общинам, последние получали основную часть доходов страны; именно они выделяли средства на образование, социальную помощь и прочие общественные нужды. Для местных правительств, однако, *принцип всеобщего избирательного права мужского населения не существовал*, и они, каждое по-своему, *ограничивали право участия в выборах*, отводя при этом большую роль имущественным цензам. В Пруссии, например, богатейшие граждане имели на выборах *по три голоса каждый*, представители средних классов – *по два*, бедняки – *по одному...*». – Цит. по: Пайпс, Ричард. Собственность и свобода... – С. 155.

осуществлявшие *регламентированные* писаной или неписаной конституцией функции законодательной, исполнительной и судебной власти. Их специфика определялась соотношением централизации и децентрализации управления, с одной стороны, концентрации и деконцентрации полномочий, с другой. При этом, *отличаясь структурно* (парламенты могли быть как однопалатными, так и бикамеральными или, как в Соединенном Королевстве, рассматриваться «сложносоставными», помимо «общин» и «лордов», *de jure* инкорпорируя в дефиницию «законодатель» правящего монарха, который параллельно имел возможность контролировать состав и деятельность правительства, не только возглавляя «Тайный совет», но и утверждая в должности премьер-министра), *они осуществляли практически идентичные полномочия*. Так, если не знать, о какой стране идет речь, то совершенно не исключено, что у неискушенного человека могут возникнуть справедливые и вполне обоснованные сомнения по поводу того, какая конкретная форма правления – ограниченная монархия или парламентская республика – имеется в виду при сравнительном анализе становления и развития институтов народовластия. Высказанное замечание, в целом и в деталях относится к Франции, где «чехарда ребрендингов» и актов учредительной направленности, нередко носили, так сказать, «бутафорный» характер, когда *на смену одним титулатурам приходили другие*, ничего, в то же время, не меняя фундаментально (король становился президентом, а тот в свою очередь императором и наоборот) в сфере публичных отношений.

Другими словами, какие бы преобразования не осуществляла верховная (королевская, парламентская, президентская) власть, они носили, вне всякого сомнения, *либерально-этантистский* характер, вытекавший из особенностей парадигмы, в рамках которой реализовывался переход «старого» публичного механизма в «новое» – буржуазное – качество. Правящим элитам, *de facto* и *de jure* направлявшим и контролировавшим процесс трансформации важнейших государственных институтов (*трудно, если вообще возможно, представить, в том числе гипотетически, чтобы нечто подобное могло быть делегировано «носителю суверенитета»!?*), нельзя отказать в последовательности тех шагов,

посредством которых, актуализируя на конкретном этапе монархическую или республиканскую форму правления, они каждый раз умудрялись, несмотря ни на что, каким-то образом *сохранять в своих руках* не только рычаги давления, но и инструменты, позволявшие дистанцировать на необходимом расстоянии друг от друга «народ», в лице дееспособных граждан, и власть, «источником» и «носителем» которой *он перманентно провозглашался*, с настойчивостью, заслуживающей лучшего применения. В этом, на наш взгляд, прослеживается определенная закономерность: кто бы реально не олицетворял «верховную» власть, она аккумулируется господствующим классом и его окружением таким образом, чтобы минимизировать, максимально, если не полностью, участие в ней того, кто декларируется ее «источником» и «носителем». Тем не менее, говоря о *фиктивности* механизмов народовластия, начиная с избирательных процедур и заканчивая парламентаризмом, нельзя не признать очевидного и неоспоримого факта, что между «кабинетными» концепциями демократии, от кого бы они не исходили, и их практическим воплощением дистанция, как ни странно, *не столько сокращается, сколько имеет тенденцию к увеличению*, принимая в то же время самые разные, нередко суррогатные, уродливые или совершенно одиозные формы, одной из «вершин» которых в следующем веке станет национал-социалистическая Германия и подобного рода политические режимы. Проблема состоит в том, что, рассуждая о народовластии, имеется в виду исключительно «западный» – англосаксонский или его шаблон – вариант демократии, *категорически не допуская* параллельное существование каких-либо цивилизационных модификаций «восточного» или иного типа⁴⁶⁶.

⁴⁶⁶ Как справедливо подчеркивает известный английский ученый Джек Гуди, характеризуя столь непростой вопрос, «... современная демократия предполагает значительное количество проблем даже для демократов. Гитлер был избран немецким народом и затем превратил свой режим в диктатуру... Что такое «избранная диктатура»? Это режим, при котором «нормальные» выборы откладываются или отменяются, оппозиция подавляется, хотя референдумы (как в случае выхода Германии из Лиги наций, по которому коллективное решение принималось на инициированном Гитлером и национал-социалистической партией плебисците. – Э.Е.) могут проводиться. Но что, если подобное происходит с одобрения большинства или по его выбору? Проблема для демократов состоит в том, однопартийные режимы и сходные с ними системы не позволяют осуществить перемены путем выборов... Другая проблема (актуальность и география которой с течением времени, на наш взгляд, только возрастают, о чем свидетельствуют события последних лет. – Э.Е.) состоит в том, что поборники демократии *не считают «народным самоуправлением» никакие другие системы, кроме отобранных ими*. Однако существуют варианты волеизъявления, когда лидер выбирается посредством одобрения, а не голосования. Даже процедуры голосования могут считаться выражающими не волю народа, а волю Бога, как, например, при выборах

Балансирование между монархией и республикой как «отличительная», но не единственная черта процесса государственного строительства, в конце концов приводит к тому, что правящие элиты, *среди которых значительный процент принадлежал сторонникам реставрации, постепенно терявшим свои позиции (об этом, в частности, свидетельствуют результаты муниципальных выборов 1874 года, где подавляющее большинство голосов, за исключением нескольких департаментов с сельским населением, получили республиканцы и сочувствовавшие им кандидаты)*, начинают осознавать бесперспективность дальнейшего продолжения «чехарды ребрендингов», тормозившей развитие страны и лишавшей ее конкурентных преимуществ⁴⁶⁷. Без преувеличения, на карту был поставлен вопрос о том, сможет ли Франция, преодолев имевшиеся разногласия, *по-прежнему занимать лидирующие позиции в ряду не только крупнейших европейских стран, но и за пределами континента*, особенно на фоне таких государств, как Соединенное Королевство, переживавшее момент бурного экономического роста, или Соединенные Штаты, сумевшие, невзирая ни на что, отстаивать территориальную целостность и укрепить федерацию⁴⁶⁸.

в Ватикане (от себя добавим Иран и ряд других теократических государств, причем не только «мусульманских». – Э.Е.) или в колледжах Кембриджского университета, где голоса за кандидатуру Папы или главы колледжа провозглашаются в часовне. Выбор между политическими партиями, предполагаемый электоральной системой, не пользовался одобрением в большей части Африки, где гораздо важнее племенные и местные связи. То же самое характерно и для других частей света; например, в Ираке актуальны «фундаментальные» религиозные убеждения или языковая идентификация (что рассматривается странами, объявившими себя «оплотом демократии», не чем иным, как «варварством», анахронизмом или поводом для насильственного насаждения своих идей. – Э.Е.). Если термин «демократия» относится к системе периодически повторяющихся избирательных процедур, наиболее явно развившейся в XIX веке в Европе, *то он предполагает единственно возможную форму представительства*. Большинство политических режимов самых различных типов (в том числе «советских», социалистических или «народной демократии». – Э.Е.) включают в себя то или иное представительство. Если попытаться абстрактно представить себе полностью авторитарный режим, который не станет каким-то образом учитывать желания народа, дни его будут сочтены, даже если он явит собой то, что принято называть диктатурой или деспотией...». – Цит. по: Гуди Джек. Похищение истории... – С. 341.

⁴⁶⁷ Однако влияние апологетов монархии, занимавших различные должности и не желавших их терять, нельзя преуменьшать. Так, с целью воздействия на приверженцев республики, премьер-министром де Брольи «... были использованы большие полномочия, которые имела централизованная администрация, находившаяся в Париже. Право назначать мэров для коммун было отнято у местных советов и снова (как до 1871 года) дано министрам, то есть роялистам. Власть преследовала республиканские газеты под любым возможным предлогом, и с ноября 1873 до ноября 1874 года были наказаны не меньше двухсот таких газет. Формально еще продолжалось «осадное положение», и это позволяло правительству очень легко применять такие наказания. Слово «республика» было удалено из официальных документов. Полагалось говорить только о «французской нации». Однако, чем дольше сохранялась эта ситуация, – констатирует один из исследователей, – тем сильнее на Национальное собрание нажимали с целью заставить его создать для страны основные законы. Когда это давление стало невыносимым, депутаты с большой неохотой начали действовать...». – Цит. по: Дэвис Уильям Стирнс. История Франции. С древнейших времен до Версальского договора... – С. 587-588.

⁴⁶⁸ См.: Норвич Дж. Краткая история Франции... С. 407-422; Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти... – С. 225-297.

В определенной степени рубежным событием в чрезвычайно непростой и противоречивой истории развития конституционно-правовых отношений во Франции можно считать *компромисс*, достигнутый в процессе подготовки⁴⁶⁹ учредительных актов 1875 года, которые легитимировали Третью республику, просуществовавшую почти семьдесят лет. Отличительной чертой документов, в совокупности составивших неcodифицированную «конституцию», являлось следующее: впервые с момента революции 1789 года высшей юридической силой обладал не один, а сразу *несколько*, корреспондирующих друг другу⁴⁷⁰, *законодательных актов* – «Об организации государственных властей», «Об организации Сената» и «Об отношениях государственных властей». При этом, если не обращать внимание на некоторые «детали», тем либо иным образом связанные с парламентским типом республики, то перед нами не что иное, как форма правления, во многом *унаследовавшая* «признаки» предшествующих моделей политической системы, позволяющих, причем с достаточно большой долей вероятности, говорить о *факторе преемственности* – как об одной из «эксклюзивных» особенностей государственного строительства Франции⁴⁷¹. В

⁴⁶⁹ Говоря о достигнутом между монархистами и республиканцами компромиссе, нельзя не согласиться с оценкой одного из американских ученых, справедливо считающего, что он в той или иной степени *отражал реальное соотношение политических сил в стране* на тот момент: «... Подчиняясь принуждению, собрание в феврале 1875 года приняло два закона – об организации сената и об организации органов государственной власти. В июле оно выдало еще один закон – о взаимоотношениях органов государственной власти. Эти три закона вместе и стали тем, что часто неточно называют конституцией 1875 года. В 1884 году они были немного изменены, но в остальном остались основными законами Франции... Роялисты *упорно боролись против* того, чтобы слово «республика» вошло в какой-либо из этих важнейших документов. Но 30 января 1875 года после яростных споров *большинством в один голос* была принята так называемая поправка Валлона, по которой это столь нелюбимое слово вошло в титул «президент республики». Так благодаря крошечному (полемизируя с ученым, хотелось бы напомнить, что знаменитая XIII поправка к Конституции 1787 года, отменявшая *de jure* в Соединенных Штатах рабство, была одобрена перевесом всего лишь в несколько голосов членов нижней палаты Конгресса. – Э.Е.) преимуществу удалось преодолеть последнее глубокое разногласие...». – См.: Дэвис Уильям Стирнс. История Франции. С древнейших времен до Версальского договора... – С. 588.

⁴⁷⁰ Об этом см.: Конституционный закон об организации государственных властей 25 февраля 1875 года; Закон об организации Сената 24 февраля 1875 года; Закон об отношениях государственных властей 16 июля 1875 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 101-103.

⁴⁷¹ Как полагает один из авторов, с которым во многом трудно не согласиться, учредительные акты 1875 года «... имели перед прежними французскими конституциями огромное преимущество: *они не были сложной схемой*, составленной учеными политиками, которая должна была стать идеальной и неизменной системой управления страной. Они были созданы опытными практиками, и писавшие их роялисты, надеясь на то, что ситуация когда-нибудь изменится в их пользу, *сделали их как можно проще*. Эти документы были только временной мерой, их создатели рассчитывали, что скоро их надо будет переделывать, и поэтому сделали... очень удобными для исправления. Однако именно эта система, составленная наугад, за которую неохотно проголосовали большинство тех, кто официально ее поддержал, *просуществовала намного дольше*, чем состоявшие из очень четких формулировок творения законодателей 1791, 1795 и 1848 годов...». – Цит. по: Дэвис Уильям Стирнс. История Франции. С древних времен до Версальского договора... – С. 589.

то же время, нельзя не отметить тенденции, в целом присущей и монархиям, и республикам исследуемого периода: речь идет об ограниченном характере статуса и важнейших функций высшего должностного лица⁴⁷².

С какими же результатами заканчивала XIX век родина энциклопедистов и «Декларации прав человека и гражданина»? Как ни странно, но одно можно констатировать утвердительно: переболев «синдромом роялизма», Франция встала на путь развития конституционно-правовых отношений, в своей основе базирующихся на принципах демократии и парламентаризма. В «очередной» раз качнувшись в сторону республиканской формы правления, чаша весов так и осталась в этом положении, исходя из чего можно сделать вывод о том, что правящие элиты, *забыв обиды и перманентно нарушаемые договоренности, сумели преодолеть антагонизм* между «консерваторами» и «либералами», к кому бы они ни относились – монархистам или республиканцам, поставив во главу угла страну и ее интересы, а не сословно-корпоративные и политические амбиции отдельных сегментов общества. Достигнутый в результате взаимных уступок компромисс, скорее всего, *носил вынужденный характер*, однако он *был востребован*, так как *являлся выходом из тупика*, последствия которого были способны разрушить не только отдельные элементы «надстройки», но и государственный механизм в целом. Естественно, что не всех представителей, условно говоря, «левых» и «правых» *a priori* удовлетворило «соглашение»,

⁴⁷² Детальный анализ текста Конституции Соединенных Штатов свидетельствует о том, что даже президент этой страны, несмотря ни на что, действует строго в рамках собственных полномочий, и подконтролен органу, именуемому Конгресс (события последних лет показывают, что ни о каком «суперпрезидентстве» речь не идет в принципе). Критически, в контексте формируемой системы разделения властей и механизма «сдержек и противовесов», характеризуя должность главы государства, французские авторы пишут: «... Широкие права предоставлялись президенту республики, который избирался на семь лет Национальным собранием (то есть соединенными палатой депутатов и сенатом) и мог быть переизбран (как мы видим, уже в этом проявлялся его ограниченный статус, так как избирательный корпус имел лишь косвенное отношение к его легитимации. – Э.Е.); он располагал всей полнотой исполнительной власти и имел право распустить палату с согласия сената. Он назначал министров. Полномочия палаты депутатов, избираемой на четыре года по округам на основе всеобщего избирательного права (и в этом случае «всеобщность» имеет отношение лишь к дееспособным и выплачивающим налоги мужчинам, так как женщины по-прежнему были поражены в избирательных правах. – Э.Е.), ограничивал сенат, настроенный консервативно. Избираемый коллегией выборщиков (перед нами опять не прямой, а косвенный алгоритм выборов. – Э.Е.), где по преимуществу была представлена сельская Франция (каждая коммуна назначала по одному выборщику), сенат насчитывал 300 человек, в том числе 75 «несменяемых», которых пожизненно избирало Национальное собрание, а после происходила кооптация новых. Монархисты не теряли надежды, что однажды во главе этих институтов встанет пожизненный монарх...». – Цит. по: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантие и Ф. Лебрена... – С. 350-351. Об этом подробнее см.: Норвич Дж. Краткая история Франции... – С. 423-447.

фундаментом которого стал отказ – полный, значительный или частичный – от соответствующих приоритетов, длительное время позволявших политическим и мировоззренческим оппонентам «поддерживать на плаву» необходимую, с институциональной точки зрения, форму правления, модернизируя ее лишь в тех исключительных случаях, когда вставал вопрос о реальной утрате какого-либо контроля над процессом государственного строительства со стороны тех, кто олицетворял собой в данный момент правящую элиту. Другими словами, опыт Франции демонстрирует, посредством каких инструментов в кризисных ситуациях решаются проблемы, вызванные «утратой доверия» к тем органам, с которыми «источник» и «носитель» власти ассоциирует движение вперед.

Выводы подобного рода во многом носят *универсальный характер*, так как могут быть в рамках сравнительного анализа экстраполированы на более широкий круг публично-правовых отношений, непосредственно или косвенно связанных с процессом государственного строительства, особенно в условиях, *когда параллели целесообразны* и с научной, и с практической точки зрения – прежде всего для критического переосмысления хрестоматийного восприятия соответствующих исторических событий и тенденций социального развития, в частности тех стран, общественно-политическая и правовая системы которых на протяжении известного периода *традиционно являются* не чем иным, как «примером для подражания» (справедливо или нет – другой вопрос). Трудно, без всякого преувеличения, избавляться от стереотипов, шаблонов и двойных стандартов, на которых уже несколько столетий преимущественно базируется фундамент коллективных представлений о безальтернативности «западной» модели демократии, *особенно в контексте «общечеловеческих»* ценностей, типа мультикультурализма, политкорректности и толерантности, возведенных в абсолют их апологетами, *игнорируя при этом* любые мировоззренческие и цивилизационные альтернативы, каким-то образом диссонирующие с ними.

Одной из *наиболее устойчивых мифологем*, воздействия которой в той либо иной степени не удалось избежать ни государствам, пережившим в свое время переход от монархической формы правления к республике, ни странам,

освободившимся от колониальной зависимости (в том числе, посредством *de jure* октроированного акта), и выбравшим самостоятельный, правда, не всегда суверенный путь национального развития, несомненно, следует считать тезис об «оплоте демократии» в лице так называемого «Града на холме», устойчиво ассоциируемого с Соединенными Штатами. Парадокс, однако, состоит в том, что в исследуемый период, вплоть до начала Первой мировой войны, данное сложносоставное политико-территориальное образование, обладая статусом *всего лишь региональной державы*, продолжало, условно говоря, «вариться в собственном котле», то есть – последовательно и целенаправленно укреплять представительные, исполнительные и судебные учреждения, обусловленные, помимо прочего, федеративной формой государственного устройства⁴⁷³.

⁴⁷³ Речь идет о том, что *ни о каких параллелях* между федерацией конца XVIII и федерацией начала XXI века, несмотря на внешнюю идентичность, *вопрос не должен стоять в принципе*, так как это – совершенно разные институты. Конституция, принятая в 1787 году на Филадельфийском конвенте, «... создала не конфедерацию отдельных штатов, а новую мощную общенациональную республику (напомним, что подобного термина, как бы а priori презюмируемого, мы в официальном тексте учредительного акта не обнаружим. – Э.Е.), напрямую управляемую народом. Другими словами, *она создала нацию взамен союза*, – отмечает Гордон С. Вуд, – хотя ее сторонники тщательно избегали (так же, как и в случае с дефинициями «демократия» и «федерация». – Э.Е.) употребления в Конституции слов «нация» и «национальный». Учитывая широко распространенное (у тех же античных мыслителей. – Э.Е.) мнение, что республики должны быть маленькими по своему размеру и однородными по составу населения, обоснование существования этой огромной, протяженной республики выдвигало ряд проблем. Весь опыт и вся теория были против того типа обширной национальной республики, которую американцы в 1787 году пытались создать. Они не только знали по собственному опыту жизни в составе Британской империи, что могла означать «удаленная» центральная власть, но также знали, что, согласно здравому смыслу, республики должны быть (для наиболее активного и постоянного использования механизмов народовластия и непосредственной демократии, как в древнегреческих городах-государствах. – Э.Е.) небольшими и однородными. Новое государство едва ли было таким. К 1787 году американцы уже были очень крупным и разнообразным народом (важно, с кем непосредственно сравнивать, так как в Европе под этот критерий попадали многие страны, но никто из них, за исключением Швейцарской конфедерации, не имел сложносоставную форму государственного устройства, даже если речь идет, например, о Соединенном Королевстве в составе Англии, Шотландии, Уэльса и части Ирландии, Оттоманской, Австро-Венгерской или Германской империи. – Э.Е.), отличавшимся поразительной пестротой этнического и религиозного состава. Мало того, что свыше 20% населения были африканского происхождения (из которых подавляющая часть имели статус раба. – Э.Е.), но и белое население состояло из представителей практически всех европейских народов. Лишь около половины жителей страны имели английское происхождение. Несмотря на это, в отличие от сегодняшнего дня защитники Конституции едва ли могли опираться на тезис о мультикультурном многообразии Америки – вопреки здравому смыслу, диктовавшему, что республикам полагается иметь однородное общество. Таким образом, чтобы оправдать (интересно, в чьих глазах в первую очередь – «народа», лишь проценты которого обладали избирательным правом, или экономической и политической элиты, на статус которой в принципе никак не влияла форма государственного устройства? – Э.Е.) появление новой, обширной республики, эти люди должны были несколько отступить от истины, утверждая, что американцы – ... фактически один народ с единой судьбой...».

Не во всем разделяя точку зрения цитируемого историка, в то же время нельзя не согласиться с теми выводами, к которым он приходит в результате критического анализа: «... Хотя большинство сторонников новой Конституции подчеркивали однородность американского народа, кое-кто из них старался поставить традиционный здравый смысл с ног на голову. Некоторые, включая Дж. Мэдисона, утверждали (вслед за Дэвидом Юмом), что, возможно, большая республика, в которой имеются различные и многообразные (но у разных социальных групп именно так и обстоят дела. – Э.Е.) интересы, способна просуществовать дольше, чем маленькая, в значительной мере потому, что такие интересы нейтрализуют друг друга и создают условия для

Объективно, *никак не умаляя* тех высот, которых в Соединенных Штатах с течением времени достигли права и свободы человека, хотя в оригинальном тексте акцент сделан на системе разделения властей и механизме «сдержек и противовесов», компаративист *не должен ставить* знак равенства (тем более – тождества), даже при наличии «Билля о правах», в редакции первых десяти поправок к учредительному акту, принятому на Филадельфийском конвенте в сентябре 1787 года, между «желаемым» и «действительностью», диспаритет которых, по тем либо иным причинам не ликвидированный правящей элитой, через семьдесят лет *поставил* государство и общество *на грань гражданской катастрофы*. Как и в Европе, процессы, с различным уровнем интенсивности, протекавшие в рамках «базиса», *de facto* нередко – в зависимости от характера экономики в каждом штате по-разному – опережали те сферы отношений, где речь шла о демократизации «надстройки» и либерализации по ряду аспектов давно *устаревших избирательных процедур*, основанных на заимствованных у бывшей метрополии цензах, гендерных и расовых ограничениях⁴⁷⁴.

Безусловно, нам могут возразить, мотивируя тем, что упрекать кого-то в недемократичности, не говоря уже о Соединенных Штатах, имеют право лишь представители научного сообщества тех стран, в которых, в отличие от России, где часть населения идентифицировалась термином «крепостной», если не *de jure*, то, по крайней мере, *de facto* традиционно функционировали публичные учреждения, основанные на принципах «выборности» и «представительства», где людей к этому времени не рассматривали товаром, а церковь давно была отделена от государства. Добавив к «оценкам» такого рода тезис, введенный в «публицистический оборот» еще в первой трети XIX века неким французским дипломатом, согласно которому одна из крупнейших империй именуется не

возникновения общего блага. Но, невзирая на характер этих аргументов, все федералисты знали, что если речь идет о том, чтобы обуздать демократию, то новому правительству требуется больше власти. А власть в англо-американской теории XVIII века, по существу, означала монархию. Согласно традиционной концепции сбалансированной, или смешанной, системы управления, избыток демократии требовал противовеса в виде некоторого присутствия монархии...». – Цит. по: Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США... – С. 299-300. Хочется задать вопрос: а что такое «избыток демократии», в каких случаях он имеет место?

⁴⁷⁴ Подробнее см.: История США. Том 1. 1607 – 1877... – С. 220-234, 235-270, 288-294, 307-323.

иначе, как «тюрьмой народов», станет вполне очевидно, откуда растут корни того образа «варварской» страны, что перманентно кочует из книги в книгу, из статьи в статью, посвященных историческому анализу «западной» и «русской» цивилизаций. Задача современного компаративиста – показать, используя для данной цели сравнительно-правовую методологию, как выглядела ситуация в конкретном государстве на самом деле, то есть отделить «зерна» от «плевел». И как только начинаешь вникать в «детали», о которых известно даже из курса «Истории государства и права зарубежных стран», классический образ «Града на холме» вдруг *совершенно неожиданно тускнеет*, приобретая оттенок той части североамериканского общества, которая – вплоть до 1865 года – носила официальное название «colored people». Сейчас, взяв на вооружение лозунги о мультикультурализме, политкорректности и толерантности, не допустимо, в первую очередь публично, обращаться к человеку, акцентируя внимание на цвете его кожи, расовой либо этнической принадлежности, чего не скажешь о практике прошлых лет, когда *значительное количество штатов*, входивших в состав федерации, *считались*, причем юридически (!), *рабовладельческими*.

Повторим мысль, высказанную в предыдущем разделе исследования: механизмы внеэкономического принуждения и институт рабства в целом, со всеми вытекающими последствиями, *не нашли отражения* в учредительных документах *в основном из-за того*, что, в противном случае, *вопрос о едином государстве*, видимо, *не стоял бы в принципе*, так как а priori именно статус нескольких миллионов «colored people», наряду со всеобщим избирательным правом, в качестве компромиссного решения *был выведен* законодателем *за скобки* в процессе обсуждения проектов не только Конституции, но и «Статей конфедерации». Государство на этом этапе было важнее, чем люди, тем более – не относившиеся к англосаксам или, на худой конец, к европейцам⁴⁷⁵.

⁴⁷⁵ Как констатирует в своем многотомном исследовании (посвященном истории англоязычных народов) Уинстон Черчилль, характеризуя внутриполитическую ситуацию, несмотря на тот факт, что к середине XIX века «в материальном отношении американский народ достиг больших успехов, нежели любой другой народ до него», тем не менее, «думающие люди и прибывающие из других стран с некоторых пор наблюдали признаки спазмов, которым суждено было скрутить не только тело, но и душу Соединенных Штатов. Из трех рас (нельзя не отметить, что бывший премьер-министр Соединенного Королевства, описывая в работе этнический состав общества того периода, использует, по современным представлениям, не совсем корректную терминологию. –

По странному, на неискушенный с исторической и доктринальной точки зрения взгляд, стечению обстоятельств, правовое положение «colored people» в течение многих лет *презюмируется* своего рода камнем преткновения при выявлении конкретных причин другого важнейшего события второй трети XIX века – дезинтеграционных процессов, приведших в итоге к инициированию со стороны главы государства так называемой «*федеральной интервенции*» как одного из чрезвычайных механизмов воздействия, направленных на силовое разрешение социально-экономических и политических коллизий, возникших между центром и несколькими южными регионами. Безусловно, достигнутый при подготовке проекта федеральной конституции компромисс⁴⁷⁶ объективно *во многом исчерпал себя*, поэтому требовалось либо «обновить» устаревшие к этому времени «филадельфийские договоренности», либо отказаться от них и решать вопрос перераспределения власти кардинальным образом, однако, в силу целого ряда обстоятельств, ситуация постепенно начинала выходить из-под контроля. Исходя из того факта, что, в отличие от «конфедерации» (союза государств), каждый из тринадцати членов которой обладал суверенитетом, в качестве *объединительного начала* существовавшей несколько десятилетий «федерации» *рассматривалась нация*, концентрировавшая разные народы и этносы, провозглашавшиеся равноправными между собой и перед законом, *в рамках общественной дискуссии со временем не мог не актуализироваться*

Э.Е.), населявших Северную Америку, белые значительно превосходили другие по количеству и развитию. Коренные краснокожие жители, исконный продукт почвы и климата, теснимые, используемые в корыстных целях, но неизменно гордые, отстранились от оружия, а еще больше от цивилизованного (весьма интересно, по каким шаблонам и критериям автор, принимавший активное участие в англо-бурской войне, определял уровень цивилизованности? – Э.Е.) общества европейских переселенцев, которое отталкивало и выживало их. Чернокожие представляли собой моральную, социальную, экономическую и политическую проблему (судя по всему, индейцы воспринимались лишь в качестве тех, у кого можно было незаконно или легально изъять, принадлежавшую им землю. – Э.Е.), аналогов которой не знала история. Обе эти расы были в полном смысле слова попорчены господством белых (неужели, об этом пишет представитель бывшей метрополии, «огнем и мечом» насаждавшей в колониях англосаксонский порядок и ценности? – Э.Е.), подобно тому, как животные укрощаются, используются или уничтожаются человеком. Чтобы погубить гордого краснокожего, достаточно было предоставить ему полную (под чем, видимо, подразумевалась резервация, где они тысячами умирали от голода и неизлечимых болезней?! – Э.Е.) свободу. Почти *все четыре миллиона негров были рабами...*». – Цит. по: Черчилль Уинстон С. История англоязычных народов. Т. 4. Великие демократии /Пер. с англ. О. Мичковского. – Екатеринбург: Гонзо, 2012. – С. 174-175.

⁴⁷⁶ О мнении одного из будущих президентов, которое он изложил в своих записках от 22 и 25 августа 1787 года по итогам нескольких заседаний специальной комиссии Конституционного конвента см.: О работорговле /Из записок Дж. Мэдисона и дебатах по вопросу о Конституции в федеральном конвенте в Филадельфии //Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции... – С. 155-159.

принципиально новый взгляд на вопрос о роли и месте «colored people», в том числе – в контексте особенностей государственного строительства.

Но могла ли проблема более адекватного отношения к тем, чьим трудом на хлопковых и табачных плантациях создавался экономический фундамент⁴⁷⁷ примерно половины штатов (при этом остальные широко использовали рабов не только в домашнем хозяйстве, но и в других областях гражданско-правовых отношений, в частном, общественном или фортификационном строительстве, укладке и ремонте дорог, рубке и корчевке леса, ткацком производстве и пр.), спровоцировать вооруженный конфликт, не столько, как это может показаться фактически, объединивший нацию, сколько, ответив на часть вопросов, в том числе аккумулировав предпосылки к отмене рабства, придав некоторым из них по существу *латентный*, «перманентно тлеющий», не вызывающий без острой необходимости открытого «расового пожара», характер? Имеем ли мы какие-либо основания говорить о том, что противостояние между «Севером» и «Югом» привело к результату, устроившему все заинтересованные стороны, качественно изменившему государство и большинство граждан, независимо от цвета кожи и социального положения, или все-таки вместо исключительно востребованного «капитального ремонта» конституционно-правовой системы был реализован – всего лишь косметический, *скрывший под «глянцем» новой на вид упаковки старые общественные недуги и язвы?* Ответ неоднозначен, по нашему мнению, в том случае, если оценивать ситуацию не сквозь призму мировоззренческих позиций апологетов либеральной модели демократии, а, выйдя за рамки

⁴⁷⁷ По справедливому замечанию Уинстона Черчилля, которому не откажешь в объективности, «... сегодня нам трудно представить, насколько глубоко и прочно негритянское рабство было вплетено во всю жизнь, хозяйство и культуру южных штатов. Метастазы рабства распространялись по северным «свободным» штатам через каждую деловую сделку и по многочисленным каналам политического влияния. Одного факта будет достаточно, чтобы продемонстрировать бессилие сообщества избавиться от страшной болезни, ставшей неотъемлемой частью его существования. Свыше шестисот шестидесяти тысяч рабов (подобные цифры – не могут не обескураживать, ведь речь идет не об античных городах-государствах, а об «оплоте демократии» и новом «Граде на холме». – Э.Е.) являлись собственностью священников-евангелистов и членов различных протестантских церквей. Пять тысяч священников-методистов владели двумястами девятнадцатью тысячами рабов; шесть тысяч пятисот баптистов – ста двадцатью пятью тысячами; одна тысяча четыреста членов епископальной церкви – восьмьюдесятью восемью тысячами и т.д. Таким образом, институт рабства не только убедительно обосновывался соображениями материальной выгоды, но и проповедовался с многочисленных кафедр... как система, предписанная Создателем и освященная Словом Христа». – Цит. по: *Черчилль Уинстон С. История англоязычных народов. Т. 4. Великие демократии...* – С. 176-177.

традиционного подхода, сместить акценты в иную плоскость – в *направление анализа сецессии и ее реальных перспектив*. Однако многие компаративисты, изучающие историю государства и права зарубежных стран, поддавшись обаянию беллетристики типа «Унесенных ветром» или «Хижины дяди Тома», предпочитают придерживаться штампов и стереотипов, согласно которым буржуазно-либеральный «Север», активизировал переход к военной фазе конфликта с консервативно-аристократическим «Югом» с единственной (!) целью – ликвидировать рабовладение⁴⁷⁸. Что неверно в принципе.

Безусловно, освобождение «colored people» со всеми вытекающими из этого социальными и политическими последствиями не могло – в большей или меньшей степени – не экстраполироваться на остальные сферы общественных отношений, вместе с тем, как ни парадоксально, проблема годами⁴⁷⁹ носила в основном дискуссионный характер⁴⁸⁰, не переходя в практическую плоскость, в отличие от тенденций, *вызванных ростом количества рабовладельческих штатов, входивших в состав федерации*. Подчеркнем: баланс между теми, кто категорически отрицал, причем – под самыми благовидными предлогами, сам факт отказа от внеэкономического принуждения и отмены рабства, и той частью

⁴⁷⁸ См.: Римини Р. Краткая история США... – С. 170-206; История США. Том 1. 1607 – 1877... – С. 362-392.

⁴⁷⁹ Последнее постоянно провоцировало восстания рабов, как, например, во главе с Натом Тернером, ставшее ответом на бесчеловечное обращение с «colored people», которое, по оценкам североамериканских ученых, считается самым кровавым в истории Соединенных Штатов.

⁴⁸⁰ Нельзя не согласиться с выводом, что «... ни партия вигов, ни Демократическая партия не включали в свою политическую программу призывы к отмене рабства или запрету его распространения на территориях (к ним, в частности, согласно законодательству того времени, относились регионы, непосредственно находившиеся под юрисдикцией федеральной администрации, но не входившие в какой-либо штат или округ Колумбия. – Э.Е.). Демократы считали, – отмечает Роберт Римини, – что проблема чернокожего населения была решена в рамках конституции *благодаря компромиссу*, по которому три пятых рабов учитывались при определении представительства штата в нижней палате конгресса (число представителей зависело от населения штата). Изменить эту общую договоренность, освободив рабов, означало бы аннулировать договор, что могло привести к распаду страны. Виги разделились на южан, которые осуждали любое посягательство на их право держать рабов и ввозить их на территории, и северян, которые признавали необходимость решения этой проблемы, но не могли прийти к единому мнению...».

В то же время говорить о том, что процесс «стоял на месте», противоречит тенденциям, благодаря или вопреки которым федеральным законодателям приходилось заниматься этим непростым вопросом: «... В конгресс посыпались петиции с требованием принять меры для ограничения рабства. Но 26 мая 1836 года (до принятия XIII поправки, отменявшей рабство, еще оставалось двадцать девять лет. – Э.Е.) южане, которые и слышать об этом не хотели, в палате представителей проголосовали за снятие с обсуждения любой петиции, затрагивающей «каким-либо образом или в любой степени тему рабства или отмену рабства». И только через двенадцать лет, 3 декабря 1844 года, так называемая *«резолуция о кляпе»*, принимавшаяся в течение всего этого периода, была отклонена нижней палатой 108 голосами против 80, тем самым, пусть и с опозданием, «... северяне отреагировали на поток требований своих избирателей о защите права петиции... Право подачи петиций было подтверждено, однако основная проблема по-прежнему осталась: рабство. И сохранение союза зависело от баланса сил...». – Цит. по: Римини Р. Краткая история США... – С. 164-165.

общества, которая отстаивала требование о необходимости перехода к принципиально иной модели взаимодействия различных групп населения, имел под собой достаточно устойчивый фундамент (в виде компромисса, при всей его абсурдности, выгодного и «северянам», согласившимся на него пойти в целях создания единого государства, и «южанам», *de facto* сохранившим данный институт, став частью федерации), одним из следствий которого, вне всякого сомнения, можно рассматривать увеличение числа регионов, *de jure* не демократических. И в этом проявлялась одна из наиболее специфических черт Соединенных Штатов – эклектика «свободы» и «несвободы», известная с эпохи колонизации и хозяйственного освоения «заморских территорий»⁴⁸¹.

Ранее по тексту, характеризуя юридические механизмы, используемые британской монархией в качестве публично-правовой легитимации процесса поэтапного расширения подконтрольных «заморских территорий», *в основу которой чаще всего был положен своего рода принцип октроированности полномочий* (посредством получения индивидуальных или коллективных, как в случае с религиозными общинами католиков, пилигримов, квакеров и ряда других неканонических конфессий, королевских хартий и патентов), мы имели возможность акцентировать внимание на том, каким образом, в зависимости от степени самоорганизации и социальной дифференциации, складывались *системообразующие институты североамериканской государственности*,

⁴⁸¹ Напомним, что в 1820 году был достигнут так называемый «Миссурийский компромисс», исходя из условий которого граница между свободными и рабовладельческими штатами была определена по 36 градусу 30 минутам северной широты (еще ранее, после покупки у Франции, готовившейся к войне с Россией, Луизианы, где затем возникло несколько штатов, стали возникать проблемы). В ходе войны с Мексикой, от которой в итоге были отторгнуты значительные территории, встал вопрос, «какой принцип к ним следовало применить? Южане..., считали, – односторонне интерпретируя «миссурийские принципы», установленные соглашением, – что эти территории принадлежат присоединившимся штатам, а не государству Соединенные Штаты, что в соответствии с обычным правом рабы являются собственностью своих хозяев и что конгресс не имеет власти запретить рабство в территориях (то есть в административных единицах, не наделенных правами штата. – Э.Е.). Заявка Калифорнии на принятие в союз ускорила кризис. Те, кто придерживался умеренных взглядов, хотели продлить линию границы, определенную Миссурийским компромиссом, через весь континент вплоть до тихоокеанского побережья. Но для Калифорнии такой вариант не годился, поскольку граница пролегла бы прямо по середине штата. Кроме того, конституция Калифорнии запрещала рабство, и его введение создало бы прецедент для тех штатов, которые должны были быть образованы на территориях, отнятых у Мексики. В январе 1850 года стгушающиеся грозные тучи рабства и сепарации вызвали последние крупные ораторские дебаты в сенате... За проблемой рабства скрывалось главное опасение южных штатов, что Север задавит их экономически и политически и что они проиграют в борьбе за союзников в западных штатах...». – Цит. по: Черчилль Уинстон С. История англоязычных народов. Т. 4. Великие демократии... – С. 181-182.

впитавшей (в этом, несомненно, прослеживается преемственность) многое из того, с чем традиционно ассоциируется Соединенное Королевство – начиная с бикамеральной модели парламентаризма и заканчивая ограничением права участвовать в выборах по имущественным, гендерным, этническим и расовым признакам. Естественно, что подобное отношение *не могло не отразиться* на взглядах и представлениях «отцов-основателей» и их последователей на то, в каких формах должна быть конституирована публичная власть, «источником» и «носителем» которой провозглашался «народ», *не учитывая*, что его часть, причем существенная (если не преобладающая?!), под это «хрестоматийное» определение не подпадала ни *de jure*, ни *de facto*. Самым парадоксальным в подобного рода ситуации – особенно на фоне постоянно звучащих деклараций о республиканской форме правления – являются попытки *придания верховной власти монархических черт*, взяв в качестве «первоосновы» модель бывшей метрополии, что не могло не отразиться на государственном устройстве⁴⁸².

⁴⁸² В этой связи нам могут возразить, мотивируя тем, что мы пытаемся, в силу тех или иных причин, выдавать желаемое за действительность, поэтому – для более адекватной оценки указанных тенденций – процитируем одного из крупнейших североамериканских специалистов по истории Соединенных Штатов этого периода, лауреата Пулитцеровской премии по истории Гордона С. Вуда: «... Так же, как на уровне штатов реформаторы (в данном случае имеются в виду «унитаристы» и «федералисты», то есть сторонники принципиально разных форм государственно-территориального устройства. – Э.Е.) избегали откровенно говорить о необходимости усиления монархических и аристократических принципов в конституции штата, так и федералисты не желали открыто заявить о том, что новому общенациональному правительству (речь идет о взглядах, преобладавших в среде тех, кто стал известен под термином «отцы-основатели» и их самого ближайшего окружения. – Э.Е.) потребуются больше аристократических и монархических элементов. Однако нет сомнений в том, что многие из федералистов пришли к убеждению, что *некая доля аристократии и особенно некая доля монархизма необходимы* (обо всем этом неоднократно говорилось многими делегатами Филадельфийского конвента. – Э.Е.) *для противодействия демократическим крайностям американского народа...* Даже... Мэдисон, столь же преданный республиканизму, как и любой из «отцов-основателей», в 1787 году был в достаточной мере разочарован демократическими последствиями революции и усматривал в монархии некоторые достоинства. Мечтая о «чистейших и благороднейших личностях», которые придут к власти (интересно, где же он мог кого-то подобного тогда – как, впрочем, и сейчас – найти, если социальный статус, имущественное положение и профессиональная деятельность делегатов Конвента свидетельствуют, о чем угодно, но только не об этом. – Э.Е.) в новой, обширной республике, Мэдисон ожидал, что новое федеральное правительство, находящееся вне политики, станет играть такую же нейтральную роль, которую в империи должен был играть британский король. Как и хорошему конституционному монарху, писал он, новому общенациональному правительству следует быть «достаточно нейтральным по отношению к различным интересам и фракциям, чтобы удерживать одну часть общества от нарушения прав другой его части, и в то же время успешно контролировать себя от проявления заинтересованности, противоречащей интересу всего общества». То, что человек умеренных взглядов, подобный Мэдисону, усматривал некоторые преимущества в монархии (как следствие, некоторые «отцы-основатели», в частности Томас Джефферсон, предлагали Джорджу Вашингтону занимать должность президента пожизненно, став, не кем иным, как своего рода «выборным монархом». – Э.Е.) свидетельствует о кризисе 1780-х годов. Другие федералисты, такие как Александр Гамильтон, были даже еще больше разочарованы в демократических последствиях революции и хотели, чтобы в политическое тело нации была впрыснута более сильная доза монархии... Однако они знали, что любые аспекты монархии, которые они надеялись вернуть в Америку, должны остаться в республиканских рамках...». – Цит. по: Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США... – С. 300-301. Достаточно нестандартные выводы.

Несколько идеалистически воспринимая институт народовластия, когда «идеализм», если не вытекает из такого конституционно-правового принципа, как «народный суверенитет», то, по крайней мере, обусловлен стремлением – со стороны правящих элит – придать ему максимально *реальные очертания в глазах населения* в виде децентрализованной «иерархии» муниципальных, региональных, федеральных представительных учреждений и избирательных процедур, «источник» и «носитель» власти *не сразу начинает осознавать* тот факт, что *между декларацией*, какие бы в итоге конкретные права и свободы она не провозглашала, *и ее*, так сказать, *овеществлением* (отказом от тех же цензов) лежит промежуток времени, исчисляемый многими десятилетиями, а иногда даже веками. Поэтому еще вопрос, что группа лиц, заинтересованная в справедливом разрешении возникшей в результате «замедления процесса» коллизии, сумеет в конце концов не только дождаться требуемого результата, но и получить выгоду из вновь создавшегося положения. Сказанное, с полным основанием относится к отмене внеэкономического принуждения и практики рабовладения, являвшихся фундаментом «базиса» и «надстройки», однако в сложившейся после определения условий компромисса ситуации (повторяем – государство являлось более приоритетным, чем человек и его права!) было бы *верхом идеализма* нескольким миллионам «colored people» надеяться на то, что дилемма между имущественными интересами одной части общества и либерализацией статуса другой, разрешится в пользу последней⁴⁸³.

Скорее всего, правящие элиты отдавали себе отчет в том, что действие компромисса не может продолжаться до бесконечности⁴⁸⁴, так как «резервы» любой – особенно основанной на вынужденных уступках – договоренности не безграничны, в связи с чем, как на «Севере», так и на «Юге» постепенно⁴⁸⁵, шаг

⁴⁸³ Подробнее см.: Barney W. Flawed Victory. A New Perspective on the Civil War. – N.Y., 1975.

⁴⁸⁴ Об этом см.: Stephens A.H. A Constitutional View of the Late War Between the States. 2 vols. – Philadelphia, 1868 – 1870; Davis J. The Rise and Fall of the Confederate Government. 2 vols. – N.Y., 1881; Dunning W.A. Essays on the Civil War and Reconstruction and Related Topics. – N.Y., 1898; Burgess J. Reconstruction and the Constitution. 1866 – 1876. – N.Y., 1902; Pressly T.J. Americans Interpret Their Civil War. – Princeton, 1954; Hummel J.R. Emancipating Slaves, Enslaving Free People: A History of the American Civil War. – Peru, 1996; Турчин П.В. Конец времен /Петр Турчин; пер. с англ. В Желнинова. – М.: АСТ, 2024; Согрин В.В. Политическая история США. – М., 2001 и др.

⁴⁸⁵ Справедливости ради надо сказать, что расширению работорговли de facto во многом способствовала, как ни странно на первый взгляд, промышленная революция, новые технологии производства хлопка и, наконец,

за шагом, сложились предпосылки, во многом объективные, к радикализации отношений, в которой по существу была заинтересована каждая из сторон, хотя и по-своему: в одном случае в направлении укрепления федеративных, центростремительных начал, когда в ряду приоритетных целей важнейшее, с точки зрения воплощения в общественной практике идеологом концепции «естественных прав», значение придавалось отмене рабства, в другом – к еще большей суверенизации, вплоть до отделения, и дальнейшему расширению внеэкономического принуждения, «системообразующим стержнем» которого рассматривалось рабовладение. Таким образом, становилось очевидным, что «гордиев узел» претензий и противоречий, многие из которых в силу целого ряда причин имели мировоззренческий подтекст, было проблематично, если вообще возможно, «разрубить» при помощи исключительно конституционно-правовых механизмов и традиционных согласительных процедур, тем более что никто не хотел менять своих убеждений и идти на какие-либо уступки. Как следствие, дальнейшее «нагнетание страстей» и ухудшение обстановки⁴⁸⁶.

перманентное расширение территории выращивания этой культуры. На данное обстоятельство обращает особое внимание профессор истории Гарвардского университета Свен Беккерт в своей фундаментальной монографии *«Empire of Cotton. A Global History»*, где известный исследователь, в частности, констатирует: «... Вооруженное... новой технологией, хлопковое производство после 1793 года быстро распространилось (как следствие, уже через два года первые крупные партии хлопка прибыли в «неофициальную столицу» торговли «черным товаром» английский портовый город Ливерпуль, где начинает активно развиваться текстильная промышленность. – Э.Е.) вглубь Южной Каролины и Джорджии... Когда поселенцы устремились в этот регион – многие из них были мигрантами с верхнего Юга, – сельская местность была перевернута вверх дном, превратившись из малонаселенного района аборигенов и фермеров, занимавшихся выращиванием своего пропитания и табака, в специализированную хлопководческую область. Чтобы получить возможность такого расширения производства, плантаторы привозили с собой тысячи рабов. В 1790-е годы количество рабов в штате Джорджия почти удвоилось и составило 60 тысяч. В Южной Каролине число рабов в северо-западных районах..., где культивировался хлопок, с 21 тысячи в 1790 году выросло через семь лет до 70 тысяч, включая 15 тысяч рабов, недавно привезенных из Африки. По мере распространения хлопковых плантаций доля рабов в четырех типичных северо-западных районах выросла с 18,4% в 1790 году до 39,5% в 1820 году и 61,1% в 1860 году. До самой Гражданской войны хлопковое производство шло в ногу с рабством». – Цит. по: Беккерт, Свен. Империя хлопка: Всемирная история / Пер. с англ. А. Шоломицкой; научный редактор перевода А. Володин. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – С. 180-181. Напомним: речь идет о «Граде на холме».

⁴⁸⁶ В некоторой степени, одним из наиболее последовательных противников федеративных отношений и отмены рабства выступала Южная Каролина, народ которой «почти единодушно требовал отделения своего штата от Федерального союза (причем ситуация существенным образом ухудшилась после избрания в ноябре 1860 года известного адвоката Авраама Линкольна президентом – на первый срок – Соединенных Штатов от партии республиканцев. – Э.Е.). Ее власти отреагировали незамедлительно. Надлежащим образом был создан конвент и принято постановление о сецессии, провозглашена (на открытом заседании 20 декабря 1860 года. – Э.Е.) Декларация независимости штата Южная Каролина. Этот акт в глазах жителей этого и других хлопковых штатов был основан на праве, – подчеркивает обладатель Пулитцеровской премии по истории профессор Джеймс Форд Родс, автор знаменитой *«History of the Civil War, 1861 – 1865»*, опубликованной в 1917 году, – отнесенном к компетенции штата «по договору, делегированному конституцией». Принятие постановления о сецессии сопровождалось военными маршами, кострами, оружейной стрельбой, фейерверками (народ, как видим, уже давно был готов к выходу из федерации и созданию (вернее, восстановлению) собственного государства. – Э.Е.),

Нельзя не отдать должное тому, как одни регионы пытались сохранить единое государство и не допустить его развала, а другие – если и не выйти из него, то минимизировать влияние федеральных институтов, последовательно и целенаправленно стремившихся, всеми бывшими в их распоряжении на тот момент легитимными способами, снять с повестки дня вопрос рабовладения, фактически являвшийся тем «камнем преткновения», который в принципе не только *ограничивал движение вперед*, но и *подвергал сомнению ценности и идеалы*, провозглашенные «отцами-основателями» при образовании в Новом Свете американской гражданской нации. Одновременно, компаративисту не следует, на наш взгляд, игнорировать комплекса проблем, непосредственно вытекающих из *вынужденного характера «договоренностей»*, достигнутых в процессе подготовки Конституции 1787 года, благодаря которым всего лишь на некоторое время удалось найти «общий знаменатель» при решении задачи выхода из тупика, *где оказались несколько штатов, de jure сформировавшие федерацию*. Именно по той причине, что это был сложносоставной союз, где штаты в лице «северян» и «южан» стремились к реализации в первую очередь собственных интересов, механизм «сдержек и противовесов» не предполагал такого инструмента решения возникающих коллизий как *сецессия*, который, тем не менее, был введен в действие в качестве «последнего аргумента» теми из регионов, *где население и правящие элиты сочли нарушенными условия «филадельфийского соглашения»*. Более того, пытаясь повлиять на кризис как

иллюминацией, криками радости и ликования. Население Чарлстона праздновало начало революции в таком же приподнятом настроении, как в 1776 году (когда на Континентальном конгрессе с одобрения большинства британских «заморских территорий» принималась «Декларация независимости» от метрополии. – Э.Е.). Тем временем сенат Соединенных Штатов в лице деятельного и представительного Комитета тринадцати работал над компромиссом в духе прежних дней. По словам Джефферсона, в 1820 году над идеей Союза прозвучал похоронный звон; вопрос о рабовладении, говорил он, «подобно пожарному колоколу в ночи разбудил меня и наполнил ужасом». Но Союз был спасен Миссурийским компромиссом. В 1850 году, когда Север и Юг столкнулись в жестком противостоянии по тому же вопросу о рабовладении и южане в открытую угрожали распадом Союза, противоречие вновь разрешилось Компромиссом Клея. Теперь, в 1860-м, северяне и жители пограничных рабовладельческих штатов, ратующие за сохранение Союза, надеялись, что конгресс каким-то образом разрешит спор, как это ему уже дважды удавалось ранее...». – Цит. по: Родс Дж. Ф. История Гражданской войны в США: 1861 – 1865 /Джеймс Форд Родс; пер. с англ. С.П. Бавин. – М.: Азбука-Аттикус, КоЛибри, 2018. – С. 12-13.

бы традиционными методами, то есть – очередным компромиссом со стороны конгресса и президента, ситуация в итоге стала безальтернативной⁴⁸⁷.

Говоря о *реакции* Южной Каролины, а затем и других так называемых «хлопковых» штатов⁴⁸⁸, на стремление избранного главы государства в лице Авраама Линкольна ликвидировать рабство как факт, в научной литературе не принято акцентировать внимание на чрезвычайно важном обстоятельстве, не исключено, что *фундаментального* значения: раб – это частная собственность, имущество, с которым собственнику можно осуществлять любые действия, в том числе, предусмотренные договором купли-продажи, поэтому все те, кто на законных основаниях владел «colored people», слышали в предвыборной риторике, несмотря на откровенный популизм обещаний, посягательство не на какие-то «абстрактные» ценности, типа «свободы и равенства», а на *права, признаваемые «священными» и охраняемые всей мощью государственного аппарата*. Именно в желании защитить свое право владеть и распоряжаться «движимым имуществом», как представляется, в целом лежат причины того, что «южане» *предпочли демократическому союзу сецессию и консерватизм*, а когда, пытаясь сохранить общенациональную целостность, президент был вынужден

⁴⁸⁷ Подробнее, например, см.: *Isely J.A.H. Greeley and the Republican Party, 1853 – 1861.* – N.Y., 1965.

⁴⁸⁸ Достаточно необычным «авторским мнением» выглядит то, о чем пишет в своей, ставшей бестселлером, работе известный американский политик и публицист консервативного направления, советник нескольких президентов Патрик Бьюкенен, в качестве аргументации, ссылаясь на текст «Декларации независимости» и другие официальные документы Соединенных Штатов: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными», – писал Джефферсон, и его слова стали одним из наиболее цитируемых политических высказываний. На поле боя при Геттисберге в 1863 году Линкольн не преминул вспомнить слова Джефферсона: «Восемьдесят семь лет назад наши отцы сотворили на этом континенте новую нацию, зачатую в свободе и приверженную убеждению, что все люди созданы равными». В нашей гражданской религии это – священный текст. Барак Обама сослался на него в своей инаугурационной речи: «Прошло время... нести далее этот драгоценный дар, эту благородную идею (весьма интересно, произносил ли нечто подобное человек с его цветом кожи в середине XIX века? – Э.Е.), что передается из поколения в поколение, представление о том, что перед Богом все равны, все свободны и все заслуживают шанса обрести счастье в полной мере». Американцев учат, – подчеркивает Патрик Бьюкенен, – что, в отличие от «почвенных» народов, наша нация – «пропозициональная», «идеологическая», наша общность опирается на идеи. Нас делает исключительными и определяет цель нашего существования как нации тот факт, что Америка с самого рождения привержена утверждению равенства и демократии – для себя и всего человечества. С 1776 года, говорил Линкольн, мы «привержены убеждению, что все люди созданы равными». Так учат наших детей. Оспаривать утверждение, что Америка всегда была и будет предана равенству, демократии и многообразию, значит выставить себя едва ли не откровенным антиамериканцем. Тем не менее, это миф, по своему влиянию на американскую историю ничуть не уступающий влиянию на историю европейцев «Энеиды» (для русских – «Повесть временных лет»). – Э.Е.), где рассказывается, как после падения Трои уцелевшие горожане уплывают в Средиземное море и впоследствии основывают Рим. Современное эгалитаристское стремление сделать всех равными *не является исполнением мечты отцов-основателей...*». – Цит. по: *Бьюкенен, Патрик. Самоубийство сверхдержавы /Патрик Бьюкенен; пер. с англ. К.М. Королева.* – М.: Издательство АСТ, 2016. – С. 268-269. Подробнее см.: *Irving Kristol. The Neoconservative Persuasion.* – Weekly Standard. Aug. 25. 2003.

инициировать «федеральную интервенцию», *встать под знамена конфедератов*. Другими словами, «частный» элемент системы общественных отношений, ассоциируемый с правом собственности, составной и важнейшей частью которой рассматривались «colored people», вступил в противодействие с «публичным», интересы которого олицетворяло и отстаивало государство, тем самым кризис был обречен на экстраординарное разрешение⁴⁸⁹.

Парадокс состоит в том, что, не желая идти на уступки, южные регионы действовали не под влиянием эмоций, тем более «эйфории от успехов», как в принципе может показаться некоторым исследователям (хотя нечто подобное имело место), а исключительно последовательно, в том числе весьма активно используя конституционно-правовые механизмы, о чем свидетельствует текст Конституции Южной конфедерации 1861 года⁴⁹⁰, закрепивший, не в каком-то рядовом законе, а в документе учредительного характера, легитимный статус института рабовладения, со всеми вытекающими из этого последствиями, что допустимо оценивать как *коллективный отказ* от каких-либо компромиссов, высказанный публично и без объявления предварительных условий. В связи с чем, главе государства *de jure* не оставалось ничего другого, как ввести войска на территорию мятежных штатов, в противном случае – у конгресса появились

⁴⁸⁹ Но и среди «южан» так же не было единства. – См.: *Connelly T. The Marble Man.* – N.Y., 1977. – P. 194.

⁴⁹⁰ Трудно представить, имея в виду декларации, провозглашающие Соединенные Штаты в качестве «Града на холме» и «оплота демократии», что процитированные ниже положения из статьи 4 учредительного акта 1861 года действовали не где-то в античных городах-государствах, а на территории страны, олицетворяющей в глазах обычного обывателя свободу и либерализм: «Раздел II... Граждане каждого штата <...> имеют право проезжать и временно оставаться в любом штате... Конфедерации со своими рабами и иной собственностью, и их право на владение указанными рабами не может быть нарушено... Раб или другое лицо, состоящее на службе или в рабстве в любом штате или территории Конфедерации, согласно их законам, бежавший или незаконно перевезенный в другой штат, в соответствии с любым законом или указом, действующим в нем, не может быть отпущен с такой службы или работы, но должен быть возвращен по требованию стороны, которой такой раб принадлежит, или лица, на которого он должен работать...».

Характерно, что конституционно-правовые нормы действовали не только в рамках существующего на тот момент образования, но и *экстраполировались на перспективу*: «Раздел III... Конфедерация может приобретать новые территории, и Конгресс имеет право издавать законы и образовывать правительства для населения всей территории, принадлежащей Конфедерации и лежащей за пределами этих нескольких штатов, и может разрешить им в такое время и таким образом, какие будут узаконены, образовывать штаты, которые могут быть приняты в Конфедерацию. Во всех таких территориях институт рабства негров в том виде, в каком он сейчас существует в конфедеративных штатах, признается и защищается Конгрессом и территориальным правительством; население конфедеративных штатов и территорий имеет право ввозить на такую территорию рабов, законно приобретенных в любом из штатов или территорий конфедеративных штатов...». – Цит. по: Конституция южной Конфедерации 1861 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 129-130. Как ни странно, но потомки «южан» учат нас демократии.

бы «веские» причины возбудить в отношении него процедуру отстранения от должности⁴⁹¹. Таким образом, поставив общенациональные правящие элиты перед свершившимся фактом, «южане» тем самым дали понять федерации и политической системе в целом, что они готовы отстаивать свои «ценности» и идеалы всеми доступными способами и средствами, переводя затянувшуюся коллизию в совершенно иную – *конфронтационную* – плоскость⁴⁹².

Справедливости ради необходимо сказать о том, что, пытаясь сохранить в неприкосновенности единое государство, «северяне», олицетворяемые тем либо другим образом значительной частью общества, среди которой можно было встретить представителей самых разных групп населения, *настроенных не менее радикально*, чем «южане», предпринимали шаги, направленные на стабилизацию обстановки, используя в первую очередь вполне отлаженные и проверенные временем политико-правовые инструменты, благодаря или, что нельзя игнорировать, вопреки которым неоднократно удавалось «отвести» от красной черты сторонников противоположных точек зрения. Компаративиста, в этой связи, меньше всего должны интересовать экономический потенциал и численность воинских формирований⁴⁹³, которыми оперировали оппоненты в

⁴⁹¹ Согласно разделу 4 статьи II Конституции 1787 года, представляющей собой не что иное, как императивную норму, президент, вице-президент и все гражданские должностные лица Соединенных Штатов «могут быть отстранены от должности по импичменту за государственную измену, взяточничество либо за другие серьезные преступления и правонарушения...». При этом из положений раздела 3 статьи III вытекает, что государственной изменой Соединенным Штатам *de jure* «считается только ведение войны против них или присоединение к их врагам и оказание им помощи и содействия...». – Цит. по: Конституция Соединенных Штатов Америки 17 сентября 1787 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 120. Таким образом, не исключено, что Авраам Линкольн просто испугался потерять свою должность.

⁴⁹² Подробнее см.: Родс Дж. Ф. История Гражданской войны в США: 1861 – 1865... – С. 13-22, 25-26, 29.

⁴⁹³ По мнению североамериканского исследователя Пола Кеннеди, не вдававшегося – по ряду обстоятельств – в своей фундаментальной работе в истоки и причины военной фазы конфликта, «... следует отметить, что, поскольку лидеры обоих лагерей были настроены на борьбу до победного конца и способны привлечь в свои ряды сотни тысяч сторонников (по подсчетам цитируемого автора, в преддверии войны общая численность регулярной армии Соединенных Штатов не превышала 26 тысяч человек. – Э.Е.), все указывало на длительное противостояние. Этому благоприятствовали и значительные расстояния: «фронт» растянулся от восточного побережья Вирджинии до долины реки Миссисипи и даже дальше – до штатов Миссури и Арканзас, большая часть территории которых была покрыта лесами, горами и болотами. Не меньшие трудности возникли у Севера с организацией морской блокады портов своего противника, которая требовала постоянного (при не очень многочисленном военном флоте государства. – Э.Е.) патрулирования береговой линии на значительном пространстве, равном по протяженности расстоянию от Гамбурга до Генуи. Другими словами, сокрушить Юг было чрезвычайно трудной задачей как с военной точки зрения, так и с позиции тылового обеспечения, особенно для страны, чья армия была смехотворно мала и не имела опыта ведения широкомасштабных операций...». – Цит. по: Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти... – С. 278.

процессе «нагнетания обстановки», мотивируя претензии в адрес правящих элит, важнее, несомненно, критически исследовать механизмы и процедуры, используемые для предотвращения практической реализации призывов на отделение, вплоть до сецессии, какими бы причинами это, как в целом, так и в деталях, не было обусловлено. С учетом сказанного, нельзя не признать, что федеральные органы власти всячески *пытались выйти из тупика*, во многом носившего институциональный характер, и предотвратить скатывание страны в пропасть военного конфликта, каждый раз предлагая конкретный – для той или иной ситуации – «вариант» решения проблемы рабовладения, особенно в тех случаях, когда вопрос стоял о новых подконтрольных территориях, *в том числе, аннексированных у Мексики и ее бывшей метрополии*, начиная, и это вполне естественно, с Техаса и заканчивая Калифорнией и Флоридой. Однако нередко в процесс вмешивались чисто политические причины, в частности, партийные противоречия членов общенационального конгресса⁴⁹⁴.

Вместе с тем, в некоторых случаях, выводя за скобки все остальное⁴⁹⁵, на передний план выходили «меркантильные» интересы местного населения, у

⁴⁹⁴ Например, после повторного избрания в Палату представителей, Дэвид Уилмот в своей речи 8 августа 1846 года (к этому времени «проблема Техаса», после инициированного колонистами в 1835 году «мятежа», *de facto* поддержанного Соединенными Штатами, и выхода из состава Мексики была уже давно решена в пользу северного соседа, ассоциированным членом которого Техас *de jure* становился. – Э.Е.) «... предложил оговорку к законопроекту об ассигнованиях. Оговорка... застала всех врасплох. Она провозглашала «обязательным и основополагающим условием приобретения любой территории у Республики Мексика то, что ни рабство, ни подневольный труд никогда не должны использоваться на любой части этой территории». Уилмот утверждал, – подчеркивает Роберт Римини, – что не возражает против рабства там, где оно уже существует, как в Техасе, но свободные территории, такие как территории, полученные от Мексики, совершенно другое дело. «Не дай нам бог, – заявил он, – оказаться теми, кто насаждает там это установление». В палате представителей разразился скандал. Южане рассчитывали привести своих рабов на земли, для приобретения которых так много сделали. Они вступали в жаркие споры из-за оговорки Уилмота, угрожая отделением. В конгрессе бесновались разочарованные люди, чьи гневные речи часто заканчивались вызовами на дуэль (как видим, от аристократических привычек избавиться не так легко. – Э.Е.). Южане попытались заблокировать прохождение оговорки, но палата представителей приняла ее 80 голосами против 64. Однако ее отверг сенат, где у южан было больше голосов. В последующие несколько лет на каждой сессии конгресса оговорку принимала палата представителей, но отвергал сенат...». – Цит. по: Римини Р. Краткая история США... – С. 170-171.

⁴⁹⁵ Речь идет о том, что достаточно непросто (если вообще возможно с практической точки зрения) именовать «либерализацией» и «демократизацией» те процессы, которые наблюдались в течение многих десятилетий, предшествующих апрелю 1861 года, когда началась военная фаза конфликта. Как справедливо отмечает В.В. Согрин, «... постреволюционный период практически не знал позитивных изменений во взаимоотношениях расово-этнических групп. Идейное наследие революции в большинстве штатов было предано забвению, а правовые уступки революционной эпохи черным американцам законсервированы. Обе национальные партии – федералисты и республиканцы – заняли в отношении черных соотечественников, по сути, расистскую позицию, причем более консервативной оказалась позиция Республиканской партии, которая в других вопросах предлагала демократическую альтернативу федералистской программе. Видные идеологи партии последовательно выступали в пользу сохранения рабства. К ним относился и Дж. Тейлор, самый радикальный критик антидемократизма федералистов. Освобождение негров, доказывал он, неизбежно приведет их к физической и

которого появлялся *экономический стимул* актуализировать, причем *de jure*, в отношении конкретной территории статус *государственного образования*, где *a priori* не предполагалось культивировать рабовладение и его институты, отсутствовавшие здесь даже в период господства испанской монархии. Но, как ни странно, именно нежелание конституировать рабство воспринималось не чем иным, как *попыткой развала федерации* со стороны нового штата и его формирующихся «элит», посчитавших целесообразным пойти навстречу при решении этого вопроса всем тем, кто не ассоциировал себя с принуждением такого рода. Другими словами, даже при использовании демократических по своей природе процедур, не было никаких гарантий, что принятые решения в итоге встретят поддержку со стороны большинства регионов, стоявших когда-то у истоков создания Соединенных Штатов. Вот, что значит компромисс, для сохранения которого, так как в противном случае *речь будет идти об утрате государства*, допустимы какие угодно «средства» и «издержки»⁴⁹⁶.

моральной деградации, в то время как в состоянии рабства «при условии хорошего управления они спокойны, полезны и счастливы». Расовые предрассудки сохранялись даже у просвещенного лидера партии Т. Джефферсона. Осуждая рабство и надеясь на его постепенную и достаточно быструю отмену..., он сомневался (а ведь это один из «отцов-основателей» и автор «Декларации независимости», ставший со временем президентом. – Э.Е.) в возможности негров, по причине расовой неполноценности, встать вровень с белыми гражданами...». – Цит. по: *Согрин В.В.* Исторический опыт США... – С. 138-139. Подробнее см.: *Ward H.M.* The American Revolution. Nationhood Achieved. 1763 – 1788. – N.Y., 1995. – P. 309-312.

⁴⁹⁶ Одним из ярких примеров является Калифорния в преддверии ее вхождения в федерацию, когда на этой территории в конце 1840-х годов было обнаружено золото и началась «золотая лихорадка», ускорившая во многом процесс государственного строительства: «... После подписания договора, положившего конец войне (имеется в виду кампания, в результате которой значительная часть Калифорнии, длительное время, еще с колониального периода, входившей в состав испанской империи, правопреемницей которой стала Мексика. – Э.Е.), рабочие, строившие лесопилку для швейцарского иммигранта Джона Саттера..., обнаружили золото в долине Сакраменто в предгорьях Сьерра-Невада... Тысячи людей хлынули в Калифорнию в фургонах через прерии, по морю вокруг мыса Горн или пробивая себе дорогу через джунгли Панамского перешейка. Число золотоискателей..., по большей части северяне, за год возросло настолько, что население Калифорнии увеличилось с 6 000 до более 85 000. Когда в сентябре 1849 года делегаты (представлявшие только тех, кто в той или иной мере отвечал соответствующим критериям. – Э.Е.) собрались, чтобы написать конституцию, они исключили из нее рабство и потребовали принятия в Союз в качестве штата, а не территории... Когда в декабре 1849 года собрался конгресс, Север и Юг обрушились друг на друга с обвинениями в действиях, которые они считали нетерпимыми и способными разрушить Союз... В какой-то момент склока в палате представителей перешла в потасовку... Казалось, что страна вот-вот распадется, если не будет найден компромисс (как мы в этом случае видим, только благодаря взаимным уступкам удалось не спровоцировать развала государства и начала войны. – Э.Е.), *удовлетворительный для обеих сторон*. К счастью, в сенате был Генри Клей..., и 29 января 1850 года он предложил ряд резолюций, которые, как он считал (время покажет, что справедливо, так как вновь удалось отсрочить тупиковую ситуацию. – Э.Е.), удовлетворят и Север, и Юг. Компромисс 1850 года включал принятие Калифорнии в Союз в качестве свободного штата, предоставлял жителям территорий Юта и Нью-Мексико самим решать вопрос о рабстве, урегулировал границы Техаса и обязательства по погашению долга Техаса при условии, что тот отказывается от всех притязаний на любую часть Нью-Мексико. Компромисс также предусматривал принятие более сурового закона о беглых рабах, соглашение о «нецелесообразности» отмены рабства в округе Колумбия (вот тебе и «оплот демократии», где в столице и ее окрестностях действует рабство, со всеми вытекающими последствиями. – Э.Е.) *без одобрения населения* и о «целесообразности» отмены

Говоря о том, что важнейшим аспектом государственного строительства в течение длительного периода, предшествовавшего переходу противоречий между «северянами» и «южанами» в военную фазу, *являлся компромисс по вопросу рабовладения*, неоднократно *продолжавшийся с уступками* то в одну сторону, то в другую, компаративист должен воспринимать этот факт как своеобразную «визитную карточку» исторического феномена, известного как североамериканская демократия (при всех ее достоинствах и недостатках!?), и конституционно-правовых механизмов, на которых она не только основана, но и практически без кардинальных изменений функционирует до сих пор. И только один раз, по большому счету, его – в силу целого ряда причин – так и не удалось достичь, что привело к гражданскому противостоянию, где каждый из участников *был прав и не прав по-своему*, поэтому потребовалось утопить ряд штатов в крови, чтобы понять простую истину: какими бы беспрецедентными не были уступки, на которые пришлось пойти ради удовлетворения претензий оппонента, они ни в какое сравнение не идут с потерями, которыми общество и правящие элиты заплатили за свое безрассудство и бескомпромиссность, не желая, ни при каких условиях, отказываться от собственных амбиций. Пример, как минимум, на все времена, однако проблема в том, что история, пусть даже другого государства, никого ничему не учит, так как все предпочитают почему-то *учиться не на чужих, а на своих ошибках*. Сказанное, с полным основанием относится и к самим Соединенным Штатам, на определенном этапе развития вдруг решившим, что договоренностями – можно взять и пренебречь.

При этом *не совсем корректными* представляются обобщения многих авторов, согласно которым «Север», по нашему мнению, *идеалистически*⁴⁹⁷

работоторговли в этом округе и лишил конгресс полномочий вмешиваться в торговлю рабами между штатами...». – Цит. по: *Римини Р.* Краткая история США... – С. 172, 173-174.

⁴⁹⁷ Достаточно взять официальные документы той поры, чтобы убедиться в этом. Например, в статье второй, регламентирующей статус избирателя, Конституции штата Нью-Йорк 1822 года закрепляется следующее, *довольно обычное*, в том числе, для северо-восточных штатов, положение: «... Никакой цветной человек не имеет права участия в выборах, за исключением того случая, если он в течение трех лет состоял гражданином штата и за год до выборов владел недвижимым имуществом стоимостью в 250 долларов, свободным от всяких долгов и залогов. Цветной человек, обложенный налогом по этой собственности и уплативший налог, допускается к подаче голоса при всех выборах...». – См: Конституция штата Нью-Йорк 1822 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 127. Где же здесь *демократия и права человека?*

считается чем-то прогрессивным, либеральным и демократичным, а «Юг» – чем-то архаичным, консервативным и отсталым. Безусловно, в констатациях подобного рода есть известная доля истины, так как именно на «Севере» были сконцентрированы крупнейшие промышленные предприятия, сталелитейные заводы, угольные шахты, гражданские и военные верфи, порты, производство вооружений, биржевые и коммерческие учреждения, банки. Однако к «Югу» нельзя относиться пренебрежительно, как к сельскохозяйственному региону, полностью зависящему от поставок товаров, изготовленных на «Севере» (чем и воспользовались позднее, причем достаточно успешно, при осуществлении экономической блокады, *пытаясь подобной мерой лишить подконтрольные конфедерации территории самого необходимого*). При производстве хлопка, а его объемы перманентно возрастали, использовались весьма передовые на то время технологии, в результате которых южные штаты вышли на ведущие позиции: это позволяло развивать и другие направления аграрного сектора, в том числе связанные с выращиванием табака, сахарного тростника, пшеницы, где использовался труд рабов, принося огромные прибыли собственникам и владельцам земли, укрепляя основу того, что составляло фундамент «базиса» и «надстройки» более десятка государственных образований. Главное, на что не обращают внимание компаративисты и историки права при характеристике рабовладельческих штатов, состоит в следующем: как политическая система, так и форма правления, *сложившиеся здесь после получения независимости бывшими британскими «заморскими территориями», практически ничем не отличались от других регионов страны*. Из чего выходит, судя по всему, что менее абстрактны, с научной точки зрения, исследователи, рассматривающие мировоззренческим и общественно-политическим «камнем преткновения» в первую очередь – *рабовладение* в его североамериканской, англосаксонской, модификации, а не противоречия иного характера. Рабство было оправданно – не

столько политически, сколько экономически, поэтому ни о каких правах и свободах, имея в виду «colored people», речь не могла идти в принципе⁴⁹⁸.

Однако, нам кажется, что *проблема шире*, чем может показаться, если к ней относиться именно с позиций, высказанных на страницах «Хижины дяди Тома» и подобного рода произведений, недвусмысленно, а иногда напрямую, призывавших свободолюбивых, равнодушных граждан встать под знамена федерации (факты свидетельствуют, что, например, ирландцы, прибывавшие морским путем в Соединенные Штаты, при этом даже не покидали порт, куда швартовались корабли: с ними заключали договор о «гипотетическом», если не погибнут, гражданстве, переодевали в военную форму и направляли тут же в действующую армию, как правило, без какой-либо подготовки)⁴⁹⁹ и помочь ликвидировать дискриминационную практику отношения к «colored people» как к людям второго сорта и «движимому имуществу». Анализ показывает, что освобождение нескольких миллионов рабов, при безусловной важности этого вопроса, *был вторичен* на фоне более приоритетной задачи – военным путем, в

⁴⁹⁸ В этой связи, нельзя не согласиться с выводами профессора Гарвардского университета Свена Беккерта, описывающего ситуацию следующим образом: «... Старый патернализм плантаторов восточного побережья, частично огражденный меркантилистской логикой взаимовыгодного и защищенного обмена между родиной и колониями британской имперской (речь идет о том, что существенную роль в развитии производства хлопка принадлежит капиталу и рынкам сбыта бывшей метрополии, ставшей со временем крупнейшим получателем того, что выращивалось, с использованием рабского труда, на плантациях южных штатов. – Э.Е.) экономики, уступил более свободному, более конкурентному и гибкому социальному порядку, опосредованному торговым капиталом. Ненасытный аппетит к накоплению ускорил «социальный метаболизм» хлопкового производства... Тогда как в XVIII веке рабство позволило промышленности встать на ноги, теперь оно стало неотъемлемой частью ее непрерывной экспансии. Замысловатое сочетание экспроприированных земель, рабского труда и господства государства, которое предоставляло колоссальную свободу рабовладельцам в отношении их рабов, приносило баснословные прибыли тем, кто мог ей воспользоваться: *уже в 1807 году доход на инвестиции в хлопковую плантацию на реке Миссисипи составлял, по оценкам, 22,5%*. Тысячи плантаторов двигались вместе с границей территории культивации хлопка, чтобы поучаствовать в этих прибылях. Прибыльность хлопка также отражена в резко выросших ценах на рабов: *молодой раб мужского пола в Новом Орлеане в 1800 году стоил приблизительно 500 долларов, а перед гражданской войной уже 1800 долларов...* Усиленные своим богатством, уверенные в своей способности с помощью рабов выжимать из земли все больше хлопка, американские хлопковые плантаторы в 1802 году достигли доминирующего положения на британском рынке. К 1830-м годам они захватили также возникающие рынки Европы и Северной Америки (вот в чем причины рабства, от которого экономическим и политическим элитам «южан» можно было отказаться только под большим давлением извне или в экстраординарной ситуации. – Э.Е.). В результате пострадали те, кто производил хлопок раньше, особенно в Вест-Индии... Американским фермерам удалось стать самыми крупными производителями самого важного товара индустриальной эпохи...». – Цит. по: Беккерт, Свен. Империя хлопка: Всемирная история... – С. 201-202, 203, 205.

⁴⁹⁹ Подробнее, например, см.: Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти... – С. 278-280. Также см: Weigley R.F. History of the United States Army. – Bloomington, Ind., 1984; Millett A.R., Maslowski P. For the Common Defense: A Military History of the United States of America. – New York, 1984; Hattaway H., Jones A. How the North Won: A Military History of the Civil War. – Urbana, 1983; Parish P.J. The American Civil War. – New York, 1975.

совокупности с другими мерами воздействия, остановить начавшийся на юге страны «парад суверенитетов» и распад государства, для чего прежде всего и использовался механизм «федеральной интервенции»⁵⁰⁰.

В связи с этим, нельзя не подчеркнуть, что все решения южных штатов о выходе из состава федерации, как и совместно одобренная конфедеративная конституция, *принимались с использованием демократических процедур*⁵⁰¹, а не в виде, как периодически представляется в историко-правовой литературе, каких-то спонтанных, непродуманных действий, обусловленных стремлением правящих элит осуществить сецессию и конституировать государство, в основе политической системы которого лежали бы общественные отношения, ничем не корреспондировавшие с фундаментальными принципами, закрепленными в «Декларации независимости» (как провозглашалось за восемьдесят пять лет до начала гражданского противостояния, расколовшего единую страну и ее население, «... мы исходим из самоочевидной истины, что *все люди созданы*

⁵⁰⁰ Хорошо известно, что войска конфедератов первое время, одержав несколько побед, доминировали над армией федерации, поэтому 1 января 1863 года президент Авраам Линкольн обнародует, нарушая принцип разделения властей, так как документы подобного рода относятся к исключительной юрисдикции конгресса, «Прокламацию об освобождении рабов», благодаря которой он решает сразу две важнейшие проблемы: во-первых, объявляет свободными тех рабов, собственники которых проживают на юге и поддерживают армию конфедерации (при этом, странным образом, не распространив действие акта на территорию «северян», тем самым оставив рабов, находившихся там, в статусе «движимого имущества»); во-вторых, при помощи тех, кто был освобожден от рабства, резко увеличить численность армии федерации, что в итоге привело к наплыву «colored people» в войсковые формирования, подчиненные главнокомандующему армией и флотом, кем и являлся президент. Тот факт, что действие «Прокламации» распространялось исключительно на территорию мятежных южных штатов, не затрагивая тех, кто находился на «Севере», говорит о том, что ситуация на фронте была еще достаточно далека от своего завершения. Так, читаем: «... Приказываю и объявляю, что все лица, считавшиеся рабами в указанных штатах (перечень которых приводится выше по тексту цитируемого нами акта главы государства. – Э.Е.) и частях штатов, отныне и в дальнейшем свободны, и что исполнительная власть Соединенных Штатов, включая военные и морские власти, будет признавать и охранять свободу упомянутых лиц. При этом я предлагаю населению, объявленному свободным, воздерживаться от всякого насилия (несмотря на это, в отдельных местностях начались убийства, массовые погромы и мародерство в отношении представителей белого гражданского населения. – Э.Е.), за исключением случаев необходимой самозащиты, и я рекомендую им добросовестно работать за разумную плату. Далее я объявляю и ставлю всех в известность, что такие лица, удовлетворяющие условиям, будут приняты на военную службу Соединенных Штатов в гарнизоны, посты, станции и другие места и на корабли всех видов в качестве команды...». – Цит. по: Прокламация об освобождении рабов 1 января 1863 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 133.

⁵⁰¹ Как констатирует Джеймс Форд Родс, с 9 января по 1 февраля 1861 года «... конвенты штатов Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана и Техас приняли постановления о сецессии. В начале февраля были образованы Конфедеративные Штаты Америки... Делегаты шести хлопковых штатов (первоначально без Техаса. – Э.Е.) собрались в Монтгомери и должным образом сформировали правительство, краеугольным камнем которого стало убеждение, что «великая... истина... в том, что рабство – естественное и нормальное состояние негров». Они избрали президентом Джефферсона Дэвиса и приняли конституцию *по образцу* Соединенных Штатов, но отошли от этого документа прямым признанием рабства и права на отделение...». – Цит. по: Родс Дж. Ф. История Гражданской войны в США: 1861 – 1865... – С. 15-16.

равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»). Однако, как ни парадоксально, но Филадельфийский конвент, где была разработана и подписана федеральная конституция, по существу, *ничем не отличался* от его региональных «собратьев», так как *делегаты*, принимавшие участие в работе учредительного органа, стремясь достичь компромисса, *проигнорировали все то, о чем с таким пафосом было заявлено* в 1776 году. Таким образом, мы не погрешим против истины, если признаем тот факт, что ущемление прав рабов *стало лишь предлогом* для легитимации начала военной фазы и введения на территорию мятежных штатов национальной гвардии, а затем и армии⁵⁰².

При анализе тенденций, в той или иной мере повлиявших на обострение обстановки (в принципе, *и без того перманентно балансировавшей на грани социального конфликта*), несколько обескураживает отношение к институту рабовладения со стороны тех групп населения, предшественники которых (и в Ирландии, и в той же Англии) подвергались в свое время если не остракизму, то преследованию за «нетрадиционное» понимание религиозных догматов и учений церкви, послужившим «причиной» их бегства из Европы в Новый Свет. Являясь в глазах представителей Святого престола и конфессии, созданной в угоду отдельным «страстям» королем Генрихом VIII, не кем иным, как лицами, исповедовавшими «ересь», более того, рассматривавшимися «изгоями», они были вынуждены иммигрировать и начать воплощать свои идеи о «Граде на холме» за океаном. Поэтому, испытав на собственном опыте, что такое *de jure* и *de facto* считаться «другим» и, исходя из этого, быть ограниченным в правах и свободах, члены соответствующих сект и приходов, забыв фундаментальный библейский постулат («нет ни иудея, ни эллина») относились, *повсеместно*, к дискриминации «colored people» без каких-либо особых претензий, активно и целенаправленно используя рабовладение в повседневной практике. Причем если в период борьбы с метрополией имел место определенный радикализм

⁵⁰² Подробнее см.: *Aptheker H. Toward Negro Freedom.* – N.Y., 1956. – P. 56-59.

настроений в отношении ликвидации столь недемократического института, то позднее наблюдается прямо противоположная тенденция, и *радикализм уже касается непосредственно чернокожих прихожан*, что также свидетельствует об углублении кризиса, охватившего все области общественных отношений, в том числе и религиозную сферу, так как нечто подобное становится *обычным* даже в исключительно либеральных штатах, графствах и муниципалитетах. В обществе не то, что нагнетается обстановка, а ломаются клише и стереотипы, на которых каким-то образом основывались *личные и коллективные модели* как восприятия тех, у кого был иной цвет кожи, так и характер взаимодействия – или противодействия – широких слоев населения, относившихся к различным этническим и расовым группам. Следовательно, ситуация обострялась даже в тех случаях, когда к этому еще не созрели предпосылки. Последнее говорит о том, что кризис приобретал принципиально новое – *системное* – качество, где уровень конфронтации был катализатором более решительных действий⁵⁰³.

Фактически, «северяне», сознавая это либо нет, отстаивая целостность и идеалы федеративного государства, становятся заложниками тех процессов, с которыми прямо или опосредовано связана трансформация представлений о том, как относиться к рабовладению и воспринимать его статус, получивший в ряде южных штатов *официальную* – с конституционно-правовой точки зрения – легитимацию, со всеми вытекающими последствиями для «colored people» и их собственников. Сецессия, *юридически и политически санкционированная* соответствующими актами учредительных конвентов, значительно усугубила и без того не очень простую обстановку, поставив общенациональные органы

⁵⁰³ На это обстоятельство обращают внимание многие известные исследователи, отмечая движение в сторону консерватизма в области конфессиональных отношений: «... Показательно изменение отношения к черным американцам со стороны церкви. В революционный период ряд ее представителей, в первую очередь методисты, квакеры и баптисты, заявили о несовместимости рабства и христианства и потребовали от своих последователей освободить рабов. Но в постреволюционный период их антирабовладельческая позиция стала ослабевать, и они восприняли ряд расистских принципов. В самых либеральных городах северо-восточных штатов – Филадельфии, Бостоне и Нью-Йорке – *белые настоятели христианских церквей добились раздельного богослужения для белых и черных*, и черным американцам пришлось создавать собственные приходы. Правда, – замечает цитируемый автор, – иногда черные американцы сами инициировали отделение от белых верующих, но происходило это после того, как им давали почувствовать себя нежелательными прихожанами...». – Цит. по: *Cogrin B.B. Исторический опыт США...* – С. 139. Подробнее см.: *Franklin J.H., Moss A.A., Jr. From Slavery to Freedom. A History Americans.* – N.Y., 1994. – P. 101, 102-103.

верховой власти перед чрезвычайно сложной и болезненной альтернативой: или, демонстративно проигнорировав региональные документы, продолжить работу над очередным вариантом компромисса, или, набравшись мужества и заручившись поддержкой со стороны населения, начать масштабную военную операцию по ликвидации «самопровозглашенных субъектов», и *параллельно с этим* – освободить «colored people» от рабства и дискриминации.

Исходя из того, что, в конце концов, все-таки возобладало предложение сторонников военно-блокадного способа сохранения союза (судя по всему, в данном случае есть основания говорить об эйфории, охватившей «северян» и структуры публичного управления, не посчитавших «южан», человеческий и материальный потенциал, которым они обладали, достойными пристального внимания), *проблема рабства* до определенного момента в силу ряда причин объективно *ушла как бы на второй план*, позволив федерации максимально сосредоточиться на более приоритетных вопросах, областях и направлениях деятельности, *требовавших* от президента и конгресса *прямого участия*. Но, даже обладая определенным преимуществом, «северяне», тем не менее, не могли быть полностью и однозначно уверенными в своей победе, ведь против них выступали штаты, где право собственности на «движимое имущество» и рабовладение рассматривались фундаментом всех остальных отношений⁵⁰⁴.

⁵⁰⁴ Характеризуя ситуацию, один из американских ученых пишет: «... Первой и наиболее очевидной причиной (при условии равной воли к победе каждой из сторон) было *непропорциональное соотношение* ресурсов и населения. Возможно, у Юга и правда существовало определенное моральное преимущество, так как это была борьба за существование и в основном на своей территории; Конфедерация могла поставить под ружье большое количество «белых граждан», умеющих стрелять и ездить верхом, у нее было достаточно опытных генералов, и она в течение долгого времени импортировала оружие, боеприпасы и пр. Но все это не могло компенсировать в полной мере огромный разрыв между Севером и Югом в численности населения. Если на территории Союза проживало примерно 20 млн человек (только «белого» населения), то у конфедератов было всего 6 млн. Более того, количество первых постоянно росло за счет иммигрантов (с 1861 по 1865 год на Север прибыло более 800 тысяч выходцев из других стран), – подчеркивает автор, – а в 1862 году было принято решение о формировании войск из числа негритянского населения, на что Юг смог решиться лишь в последние месяцы войны. Приблизительно 2 млн человек прошли службу в армии Союза, численность которой на пике в 1864 – 1865 годах доходила до 1 млн, тогда как через армию Конфедерации прошло лишь 900 тысяч человек, а максимальная численность войск не поднималась выше 464,5 тысяч (это было в конце 1863 года, после чего она постепенно начала сокращаться). Но и это нельзя считать абсолютными цифрами. Для того чтобы собрать такую большую армию, – делает вывод Пол Кеннеди, сравнивая потенциалы, – Юг рисковал лишить свое сельское хозяйство, шахты и литейные заводы рабочих рук, ставя таким образом под угрозу уже и так весьма сомнительную способность выдержать затяжную войну. Фактически с самого начала конфедераты были экономически не готовы к войне. В 1860 году на территории Севера располагалось 110 тысяч производственных предприятий, а на Юге – всего 18 тысяч (многие из которых были технологически связаны с Севером и привлекали оттуда квалифицированные кадры); Конфедерация произвела лишь 36,7 тысяч тонн чугуна в чушках, тогда как только

Поэтому противостояние между «Севером» и «Югом» во многом носило не столько *мировоззренческий*, что не вызывает каких-либо сомнений, так как экономические и политические «элиты» любого из штатов разделяли одни и те же или, по крайней мере, концептуально во многих аспектах совпадающие буржуазно-либеральные взгляды на государство и право и демократические принципы их институализации, сколько – *идеологический подтекст* (!?), если под «идеологией» понимать не партийные предпочтения социальных групп и слоев населения, а *отношение к ценностям*, с которыми прямо или косвенно ассоциируют себя общество и его важнейшие структурные элементы. Если бы они отсутствовали либо носили чисто декларативный характер, то имевшиеся противоречия могли быть, по-видимому, разрешены не в такой радикальной форме, как четырехлетняя кровопролитная война, из которой страна *извлекла уроки, создавшие предпосылки, позволившие* формирующейся *гражданской нации сделать качественный во всех отношениях рывок вперед*. Проблемы диссонанса между «желаемым» и «действительностью» de facto проявлялись и на «Севере», и на «Юге», где – в силу совокупности причин и обстоятельств – *вариативно* интерпретировали такие базовые, системообразующие понятия, как «свобода и стремление к счастью», однако, несмотря ни на что, их многое, скорее, объединяло, чем разъединяло, поэтому, *устранив дискриминацию по расовому признаку*, непримиримые стороны с большой степенью вероятности сумели бы в итоге достичь компромисса (победителей в войне с собственным народом не бывает) совершенно иного свойства, чем ранее. В контексте этого, чтобы подобное «гипотетически» никогда не повторилось, было необходимо при помощи актов конституционно-правового характера изменить отношение государства к «colored people» и институту рабовладения⁵⁰⁵.

заводы Пенсильвании выплавляли 580 тысяч тонн металла; штат Нью-Йорк произвел товаров на сумму почти 300 млн – в четыре с лишним раза больше, чем штаты Вирджиния, Алабама, Луизиана и Миссисипи вместе взятые. Столь значительная разница в экономической базе воюющих сторон *все больше и больше влияла на эффективность ведения военных действий...*». – Цит. по: *Кеннеди П.* Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти... – С. 279-280.

⁵⁰⁵ Компаративисту, далекому от исследования проблем государственного строительства, трудно понять и критически оценить специфику данного процесса в стране, de facto провозгласившей себя «Градом на холме» и «оплотом демократии», в связи с чем, целесообразным представляется обращение к работам тех авторов, с которыми ассоциируется современная «западная» наука. Так, отмечая, что наиболее избитым выражением для

Нельзя сказать, что «северяне» и «южане» в качестве конечной цели в своем противоборстве преследовали решение какого-то общего вопроса, а не принципиально разных проблем, тем не менее их значимость определялась в зависимости от того, *какие ценности отстаивал каждый из оппонентов*, идя на жертвы, которые не всегда были оправданы и целесообразны с позиций не только логики, но и здравого смысла. Предположим, например, что по итогам работы второго Континентального конгресса в 1776 году была обнародована не одна, а две «Декларации независимости» (!?), согласно которым в границах бывших британских «заморских территорий» актуализировались «северная» (*буржуазно-либеральная*) и «южная» (*рабовладельческая*) конфедерации или федерации с идентичной республиканской формой правления, разделением властей и системой «сдержек и противовесов», отличавшихся друг от друга по существу всего лишь, на первый взгляд, *нюансом* – наличием или отсутствием внеэкономического принуждения и дискриминационным статусом категории местного населения, именуемой «colored people». Парадокс состоит в том, что и в этом случае, под предлогом борьбы за права и свободы человека (хотя на самом деле имели бы место экспансия и аннексия, практически аналогичные тем, что в

объяснения указанного феномена «является американская исключительность – утверждение о том, что Соединенные Штаты уже в течение долгого времени отличаются от любой другой страны», на фоне которого меркнет все остальное, профессор Калифорнийского университета Майкл Манн обращает внимание на ряд специфических черт, которые, на наш взгляд, дают ответы на многие вопросы, связанные с *предпосылками* системно-институционального противостояния 1861 – 1865 годов: «... На первом этапе белые американцы завоевали и заселили то, что известно сейчас как континентальная часть Соединенных Штатов. Поскольку штаты отныне интегрированы как одна страна, эти действия не рассматриваются как империализм. В конце XIX века термин «империя» действительно обозначал исключительно заморские завоевания. Тем не менее фаза покорения континентальной Америки на самом деле была самой кошмарной, поскольку обездолила и убила более 95% из 4 – 9 миллионов коренных жителей. Большинство из них погибло от эпидемий, однако к этому относились с бессердечным равнодушием, перемежавшимся вспышками преднамеренных убийств. Темпы этноцида и геноцида ускорились (исходя из принципов политкорректности и мультикультурализма, на этот факт в последнее время стараются не обращать внимание. – Э.Е.), когда Соединенные Штаты добились независимости..., а Калифорния и Юго-Запад были насильно отобраны у Испании и Мексики... Практически повсеместно поселенцы были более смертоносными, чем колониальные или церковные власти – *чем больше самоуправления де-факто получали поселенцы, тем больше убийств они совершали...* Для Соединенных Штатов этот этап был этапом нормального поселенческого колониализма – захват земли без местных жителей. В этом захвате не было ничего от... гуманизма, не так уж много от ценностей Просвещения, он также не был чем-то особенным, за исключением масштабов насилия. Поселенцы также импортировали рабов из Африки; после того как в Британской империи в 1833 году рабство было отменено, Соединенные Штаты стали основным домом рабства, за исключением самой Африки. Таким образом, – делает неллицеприятный вывод ученый, – *была создана своего рода расовая иерархия: цивилизованные белые наверху, затем находившиеся в упадке латиносы, далее примитивные афроамериканцы, затем дикие коренные народы Америки. Это имело последствия для второго этапа империализма..., когда схожие расовые группы столкнулись друг с другом в своем полушарии...*». – Цит. по: Манн, Майкл. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890 – 1945 годы... – С. 81. Прошло время, но практически мало что изменилось.

свое время были осуществлены в отношении испанской монархии и Мексики), «северяне», *безапелляционно позиционирующие себя в качестве единственного «оплота демократии»* и «Града на холме», сделали бы, скорее всего, то же самое либо, на худой конец, нечто подобное.

Такого рода поведение обусловлено *особенностями* государственного строительства, исходя из которых не является приоритетным все то, что в этот момент – или период – диссонирует с общим вектором развития, вытекающим в большей либо меньшей степени из целей и задач, стоящих перед правящей элитой и ее ближайшим окружением, стремящихся выйти за конституционно-правовые рамки легитимных полномочий, мотивируя свои действия – заботой о человеке, его правах, свободах и законных интересах. Если бы все на самом деле обстояло именно так, то на Филадельфийском конвенте делегаты с мест – причем и «северяне», и «южане» – в своей основной массе *не настаивали бы на лимитировании* участия населения в осуществлении власти⁵⁰⁶.

Сравнивая избирательные системы, нам *не составляет труда понять*, что между ними вообще нет никакой разницы как с точки зрения ограничения активного и пассивного права, так и наличия нескольких цензов, ставивших в положение людей «второго» сорта всех женщин, какого бы цвета кожи они не были, без исключения, коренное индейское население и «colored people», не отвечавших необходимым требованиям, в частности, таким, как гражданство штата, оседлость, наличие недвижимого имущества определенных размеров и

⁵⁰⁶ Задаваясь далеко не риторическим вопросом, во что верили «отцы-основатели», известный американский публицист консервативного толка Патрик Бьюкенен констатирует следующее: «Отцы-основатели *не верили в демократию*. Не верили в многообразие. И *не верили в равенство*. Из текста, который Джефферсон составил, а другие подписали (имеется в виду «Декларация независимости» 1776 года. – Э.Е.), очевидно следует, что единственное равенство в их понимании есть идеал и далекая цель... С самого рождения Америка выступала за свободу. Равенство, egalite... являлось лозунгом Французской революции. Никакая американская война *не велась за равенство*, что бы ни плела потом послевоенная пропаганда... Техасская война 1835 – 1836 годов велась за независимость от абсолютистской католической Мексики. Какое там равенство, если республика Одиноким звездам, что возникла в результате этой войны, стала вторым рабовладельческим государством в Северной Америке? Никто не осмелится сказать, что индейские войны шли за равенство. Нет, это были войны за подчинение и завоевание... Конституция и Билль о правах являются основополагающими документами республики и исходными текстами американского союза. Слова «равенство» *не найти ни в одном из них*. Как и слова «демократия». Могут ли вышеперечисленные идеалы быть целями, – подчеркивает автор еще один аспект проблемы, с которым нельзя не согласиться, – ради которых создавались Соединенные Штаты, если они даже не упоминаются в «учредительных» документах страны?...» – Цит. по: Бьюкенен, Патрик. Самоубийство сверхдержавы... – С. 269-270, 271-272, 273. Даже не верится, что все это – мысли североамериканца, бывшего в свое время не только советником трех президентов, но и баллотировавшегося на пост главы государства.

стоимости, отсутствие задолженностей по фискальным платежам и налогам. Даже в самых либеральных штатах северо-востока увидеть депутата «colored people», не говоря уже о губернаторах и судьях, можно было лишь в страшном сне, что нарушало не только положения «Декларации независимости», но и те христианские заповеди, на которых с периода колонизации и хозяйственного освоения «заморских территорий» строились отношения внутри большинства неканонических религиозных общин, и ставших позднее одним из источников учредительных актов и регионального законодательства⁵⁰⁷.

Нас, как и большинство историков государства и права⁵⁰⁸, *предметом* и *объектом* исследования которых является не количество жертв и проведение какой-то военной операции или оборона стратегически важного укрепления, а процесс становления и развития конституционно-правовых отношений в их, так сказать, *динамике*, практически не интересуется многое из того, что выходит за пределы публичной сферы отношений, прежде всего – системы разделения властей и механизма «сдержек и противовесов». Однако целенаправленно и тем более преднамеренно игнорируя «базис», особенности и отличительные черты его функционирования, мы не сможем дать адекватных ответов на ряд принципиальных вопросов, характеризующих, помимо прочего, организацию, специфику и направления деятельности системообразующих учреждений как на уровне федерации, так и отдельных штатов⁵⁰⁹. И *совершенно не факт, что республиканская форма правления*, при определенных обстоятельствах, как бы к

⁵⁰⁷ Подробнее см.: История США. Том 1. 1607 – 1877... – С. 258-270, 319-323; Stamp K.M. The Peculiar Institution: Slavery in the Ante-Bellum South. – N.Y., 1956.

⁵⁰⁸ К сожалению, в нашей стране компаративизм и сравнительное правоведение не пользуются ажиотажным спросом ни у преподавательской, ни у студенческой аудитории, научные интересы которых акцентируются в основном на других сферах общественных отношений. Не секрет, что тенденции такого рода наблюдаются и в Европе, где научное сообщество предпочитает заниматься не изучением, а «переписыванием» истории.

⁵⁰⁹ Так, подвергая достаточно справедливой критике выводы исследователей о том, что «рабовладельческое сельское хозяйство Юга было на 35% эффективнее, чем фермерская система на Севере», что условия жизни рабов были лучше условий жизни «свободных индустриальных рабочих» (об этом см.: Fogel R.W., Engerman S.L. Time on the Cross. Vol. 1. The Economics of American Negro Slavery. – Boston; Toronto, 1974. – P. 4-6), ученые пишут: «... Проблема экономической выгоды не сводится, однако, к статистике доходов богатых плантаторов. За кипами хлопка, за роскошью богатых плантаций и высокими процентами прибыли, которую получали рабовладельцы, нельзя не видеть социальных аспектов проблемы: жесточайшую эксплуатацию миллионов черных, отставание Юга в развитии промышленности, убогую технику, расцвет расизма... Хотя в принципе (*и в этом мы видим известный парадокс*, как минимум. – Э.Е.) *рабство* представляло в своей основе антитезу капитализму, в конкретных условиях, сложившихся в Америке в первой половине XIX века, оно *служило одним из главных источников его развития*...». – Цит. по: История США. Том 1. 1607 – 1877... – С. 231.

этому ни относиться с научной стороны, *не была бы подвергнута ревизии и трансформироваться* в нечто иное, например, конституционную монархию с достаточно высоким уровнем концентрации полномочий в руках высшего должностного лица. После двухсот сорокалетнего периода существования в Соединенных Штатах института президентуры о чем-то подобном говорить не приходится, но на начальной стадии государственного строительства – как бы с чистого листа – это являлось одной из широко дискутируемых тем, причем в среде и экономической, и политической «элиты», представители которой на тот момент, участвуя в Филадельфийском конвенте (позднее – при выходе из союза), *могли актуализировать*, в зависимости от своих предпочтений, *какой угодно сценарий* развития событий, в том числе и «монархический»⁵¹⁰.

Итак, имела ли форма правления решающее значение при вступлении в войну федерации, или абсолютно неважно, кто возглавляет государство, часть регионов которого, осуществив сепарацию, выразили желание не продолжать впредь ассоциировать себя и подконтрольную территорию с теми правящими

⁵¹⁰ Естественно, сопоставляя между собой участников гражданского противостояния, следует признать, что «южане» были в значительно меньшей степени, чем «северяне» *de facto* мотивированы на демократизацию общественно-политических отношений, даже несмотря на то, что получаемые крупными землевладельцами доходы (в том числе от торговли рабами, причем в литературе встречается информация о появлении особого вида деятельности, непосредственно связанной с «разведением» рабов для их последующей продажи оптом и в розницу), для многих из них служили «дорогой к власти, лежавшей через плантацию», благодаря чему отдельные представители правящей элиты превращались при республиканской форме правления в своего рода «феодалов». – См.: *Genovese E.D. The Political Economy of Slavery. – N.Y., 1965. – P. 29-31.*

Справедливости ради надо сказать, что консервативные взгляды, господствовавшие среди «южан» и их представителей в общенациональных органах власти, оказывали влияние на те институты, с которыми как правило ассоциировалось восприятие не только населением, но и истеблишментом главы государства и его прерогатив, что нашло отражение при подготовке проекта Конституции 1787 года, а до этого учредительных актов регионального значения. Как полагает Гордон С. Вуд, «... если бы какая-то часть монархической власти проникла в новую систему, то энергетическим центром такой власти стало бы президентство. По этой причине именно пост президента вызвал у многих американцев наибольшие подозрения по отношению к новому правительству. В конце концов, руководитель исполнительной власти или главное должностное лицо были традиционным источником тирании и, как отмечал Бенджамин Франклин, тем источником в Америке, из которого естественно родится монархия. Хотя американцы привыкли к конгрессам (представительные или аналогичные органы еще в колониальный период действовали во всех британских «заморских территориях». – *Э.Е.*), президент являлся для них новым институтом. Единоличный сильный общенациональный глава исполнительной власти неизбежно напоминал им о короле, которого они только что сбросили...».

На этом фоне уже первый президент, которым был единодушно избран один из признанных лидеров войны за независимость Джордж Вашингтон, своим поведением не опроверг, а *подтвердил, имевшиеся по этому поводу опасения*: «С самого начала в поведении... Вашингтона (вступившего в должность 30 апреля 1789 года. – *Э.Е.*) часто проявлялись монархические замашки. Например, его путешествие весной 1789 года из Маунт-Вернона (речь идет о фамильном поместье на берегу реки Потомак в штате Виргиния. – *Э.Е.*) в столицу, располагавшуюся в Нью-Йорке (этим статусом город обладал в течение пяти лет, с 1785 по 1790 год), было обставлено как королевская процессия... Мысль о том, что Вашингтон напоминает избранного монарха, была столь распространена, что часть американцев даже выражала облегчение в связи с тем, что у него нет наследников...». – Цит. по: *Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США... – С. 301, 302-303.*

элитами и населением, с кем когда-то, заключив добровольный, бессрочный и взаимовыгодный союз (правда, с элементами компромисса), *сформировали единое пространство?* Взяв в качестве примера бывшую метрополию, много раз, по чьей инициативе большого значения не имеет, находившуюся в такого рода ситуации, ответ напрашивается сам собой: кто бы ни возглавлял страну – его реакция практически была бы аналогичной и достаточно предсказуемой, так как в противном случае, используя иные средства, в том числе убеждение, предотвратить развал не представлялось возможным. Другими словами, как только «южане» начали процесс по выходу из федерации, рассматривая свои действия как «последний аргумент» в пользу сохранения рабовладения, они, тем самым, спровоцировали ответную реакцию, приоритетной целью которой было не столько дискриминационное положение «colored people», что вполне естественно, сколько государство и его территориальная целостность. Именно это отличает государство, *обладающее правом на насилие*, от всех остальных образований, чем бы они себя в итоге не считали, что требует новых акцентов, в частности, при анализе событий, связанных с войной за независимость, и тех механизмов, которые были задействованы для достижения «конечной цели», первоначально вообще не стоявшей, то есть – выхода из состава империи.

Вместе с тем, интересно понять, чем, кроме деклараций о сохранении в целостности государства, мотивировали правящие элиты, в лице президента и конгресса, решение о начале военной фазы конфликта, и как это восприняли широкие слои населения, прежде всего те из них, кто был в силу каких-либо причин далек от осуществления *прямой и представительной* демократии, не владел собственностью и адекватным размером имущества⁵¹¹, позволявшим de

⁵¹¹ В последнее время работы советских правоведов не пользуются большой популярностью, особенно среди ученых, исповедующих «либеральные ценности», тем не менее, во многих из них содержится объективный анализ тех процессов, которые наблюдались за океаном в предвоенный период. Так, нельзя не согласиться с обобщающим выводом о том, что «... многие поколения буржуазных историков, литераторов и публицистов создавали представление об Америке как о некоей идилической стране, где каждый мог приобрести собственный участок земли и стать независимым и свободным землепашцем. Между тем неоспоримый и давно установленный факт состоит в том, что колониальная экономика в значительной мере основывалась на принудительном труде белых сервентов и черных рабов. К 1770 году в качестве законтрактованных слуг в Северную Америку было ввезено не менее 250 тысяч белых мужчин, женщин, детей, и, кроме того, еще 250 тысяч негров-рабов. По официальным данным, в 1790 году в стране было около 698 тысяч черных рабов, а к 1860 году их число возросло почти до 4 миллионов... Конечно, по сравнению с Европой политические и экономические

facto рассчитывать на определенный уровень образования и медицинского обслуживания в учреждениях, подведомственных органам публичной власти, не говоря уже о сфере частноправовых отношений? Неужели всех их сумела, *невзирая на социальный диспаритет*, «объединить в едином порыве» мысль о том, что некоторые штаты предпочли самостоятельный путь развития, выйдя из федерации и создав отдельное государственное образование, ничем от них *кардинально не отличавшееся* ни с точки зрения формы правления, системы разделения властей и механизма «сдержек и противовесов», ни относительно структуры общества и ее элементов? Ведь проблема состояла ни в том, что их бывшие штаты категорически отказывались отменить рабовладение, а в том, что оно – *не было ликвидировано на уровне федерации и общенационального законодательства*, являясь, наряду с гендерным, имущественным и расовым ограничением всеобщего избирательного права, частью компромисса, *de jure* достигнутого при подготовке и принятии Конституции 1787 года. Фактически, исчерпав себя, он все более провоцировал поиск нестандартных решений⁵¹².

Но проблема была в том (об этом отлично говорит персональный состав тех лиц, кто занимал *ключевые посты* в федеральных властных структурах)⁵¹³,

условия жизни свободного населения в Северной Америке в целом были (если ситуация не являлась таковой, то поток иммигрантов из Старого Света не представлял бы собой до такой степени мощный, разношерстный и непрерывный поток – многих манила не что иное, как пресловутая «американская мечта». – Э.Е.) более благоприятными... Тем не менее *американское общество с самого начала было обществом классовым*, причем социальные противоречия не только не сглаживались, но и постоянно углублялись. Если в 1687 году наиболее состоятельные 10% населения Бостона владели 42% всего богатства, то в 1771 году их доля увеличилась до 57%. С другой стороны, бедняки и неимущие, на которых в 1687 году приходились 14% мужского населения Бостона, в 1771 году составляли уже 29%. В Филадельфии в 1774 году 10% богатых налогоплательщиков контролировали около 55% всего богатства города и т.д. Классовая дифференциация продолжилась и в первой половине XIX века. В результате наиболее богатая десятая часть населения Бостона, Филадельфии и Нью-Йорка владела к середине XIX века уже более 80% собственности...». – Цит. по: История США. Том 1. 1607 – 1877... – С. 659. Подробнее см.: *Henretta J.A.* The Evolution of American Society. 1700 – 1815 //Interdisciplinary Analysis. – Lexington, 1973; *Pessen E.* Riches, Class and Power before the Civil War. – Lexington, 1973; *Nash G.B.* Red, White, and Black: The Peoples of Early America. – Englewood Cliffs, 1979 и др.

⁵¹² Об этом, например, см.: *Potter D.* Impending Crisis, 1848 – 1861. – N.Y., 1976.

⁵¹³ Источники свидетельствуют о том, что к этому периоду наиболее важные должности в государственном аппарате, включая Верховный суд, Сенат и президентскую администрацию, занимали лица, *владевшие*, в том или ином количестве, *рабами*. Нельзя сказать, что этот факт безоговорочно воспринимался либеральными кругами, о чем говорят работы различных авторов. Например, известный общественный деятель той поры, в том числе, выступавший за отмену рабства, Т. Паркер писал: «Длительное время американское правительство контролируется плантаторами. Верховный суд Соединенных Штатов является рабовладельческим судом. То же самое можно сказать и о Конгрессе... Большинство северных политиков... представляют собой не что иное, как надсмотрщиков над собственностью рабовладельцев... В связи с чем возникает вопрос: а присущ ли дух свободы правительственным чиновникам? Почти все они являются верными прислужниками рабства...». – Цит. по: *Parker T.* The Rights of Man in America. – N.Y., 1969. – P. 158-168.

что со стороны правящих элит длительное время не предпринимались шаги в направлении пересмотра достигнутых «филадельфийских договоренностей», так как *рабовладение не ограничивалось узкими рамками отдельных южных регионов*, а распространялось на всю территорию страны, дифференцируясь в целом лишь масштабами дискриминационного положения «colored people» и юридическим оформлением практики подобного рода. Один из парадоксов, на наш взгляд, состоит в том, что принятие в двадцатых числах мая 1850 года закона, отменявшего действие «Миссурийского компромисса», иллюстрирует тенденцию, в рамках которой рабство не только не ограничивалось, наоборот, *расширяло свои границы* за счет новых территорий. Последнее, как и многое другое, свидетельствует в пользу вывода, что политическая власть в стране de facto имела отчетливо выраженный «*рабовладельческий*» оттенок, поэтому, ставшему президентом Аврааму Линкольну и его ближайшему окружению, по существу предстояло выступить против системы, олицетворяемой правящей – в широком смысле слова – элитой, готовой пойти на любые «издержки», чтобы как можно дольше сохранять сложившийся «статус-кво». Таким образом, *чем быстрее*, успешнее и с наименьшими для государства затратами будет решен один принципиальный вопрос – «парад суверенитетов», *тем скорее* на уровне федерации рабы получат освобождение, более того, *объединив вместе обе проблемы* и сконцентрировав ресурсы, *результат будет достигнут*, даже несмотря на противодействие федеральных и местных правящих элит⁵¹⁴.

Какое бы средство массовой информации мы ни взяли в качестве примера, практически в любом из них можно обнаружить статьи, посвященные данной проблеме. Так, по сведениям газеты «Нью-Йорк дейли трибюн», на 1860 год среди высших должностных лиц и чиновников насчитывалось 543 «южанина» и всего лишь 386 «северян». Там же читаем: «... Почти в любом государственном учреждении Юг фактически имеет намного больше представителей, чем Север». Примерно об этом же идет речь в тексте, посвященном критике правящего режима, при котором реальная власть в стране узурпирована олигархией, состоящей из 60 тысяч рабовладельцев, диктующих свою волю двадцати пяти миллионам американских граждан: «Если населению свободных штатов нравится быть рабами, они могут оставаться покорными своей участи; если же нет, они должны уничтожить эту гнусную рабовладельческую диктатуру и освободить самих себя от ее политического контроля...». – См.: New York Daily Tribune. 1860. July 3.

⁵¹⁴ Примером того, как эффективно действовали механизмы защиты прав рабовладельцев, может служить дело *Дреда Скотта* из штата Миссури, рассматривавшееся Верховным судом Соединенных Штатов по иску («Дред Скотт против Сэндфорда»), поданному в высшую инстанцию рабом, собственник которого, находясь на военной службе, был вынужден переезжать сначала в Иллинойс, а затем в Висконсин, юридически считавшиеся свободными штатами. После четырехлетнего пребывания в них он был командованием возвращен в место основной дислокации, то есть в штат Миссури, относившийся к *рабовладельческим*. Дред Скотт, узнавший, что такое иной статус, обратился в суд низшей инстанции с просьбой предоставить ему свободу на основании того,

С учетом отмеченного, *вдвойне интересно*, с кем – «северянами» или «южанами» – следует ассоциировать демократию и народовластие, если и те, и другие вспоминали об этом, как правило, в период избирательных кампаний по выборам в соответствующие органы представительной, исполнительной и судебной власти, так как лишь наивный, слепо верящий в идеалы «народного суверенитета» человек может считать и убеждать сомневающихся, что двери туда открыты для всех желающих без исключения, главное, чтобы, так сказать, «желающим» *был белый мужчина с определенным достатком* в виде той же недвижимости либо имущественного эквивалента необходимого качества и стоимости. Мы уже неоднократно обращали внимание на тот факт, что многое из того, с чем, начиная с французских революционных деклараций о «свободе, равенстве и братстве», принято соотносить «западную» модель демократии с ее гипертрофированным отношением к правам отдельного гражданина и его частной жизни, *особенно в контексте англосаксонской доктрины*, в той или иной степени носит фиктивный характер, источником которого – традиционно, при этом *не принципиально о какой форме правления шла бы речь*, является социальная стратификация общества и политическая «дифференциация» его членов. Нет *ничего странного* в том, что за период, прошедший с введения в действие региональных учредительных актов, преимущественно принятых на волне эйфории, вызванной массовым бегством «заморских территорий» из-под юрисдикции Соединенного Королевства, *требования к потенциальным избирателям не претерпели кардинальных изменений*, сохранив цензовые и

что в течение нескольких лет он проживал в штатах, где рабство было запрещено. Как ни странно, данный суд признал правомерность требований Дреда Скотта, однако Верховный суд штата ему в этом отказал, в связи с чем, раб и обратился в высшую инстанцию страны. Решение Верховного суда Соединенных Штатов, принятое большинством голосов (при двух особых мнениях) в 1857 году, не оставляет никаких сомнений в том, что рабовладение будет не так просто ликвидировать или хотя бы как-то ограничить: «... Негр не имеет прав гражданина... Раб, взятый своим хозяином в свободные территории, не имеет права стать свободным... Конгресс не имеет права затрагивать рабство в территориях, следовательно Миссурийский компромисс *является неконституционным*...». – См.: New York Daily Tribune. 1857. Mar. 7.

Как справедливо отмечают цитируемые ранее ученые, характеризуя ситуацию, сложившуюся после указанного судебного процесса 1857 года, имевшего достаточно большой резонанс, «в решении Верховного суда говорилось, что конституция признает рабов такой же собственностью, как и любую другую вещь, поэтому правительство обязано защищать эту собственность. Рабовладелец может брать раба в любой штат или территорию и использовать там его труд. Это постановление по существу делало рабство законным на всей территории...». – Цит. по: История США. Том. 1. 1607 – 1877... – С. 365. И они *еще учат нас демократии!*

прочие ограничения в отношении женщин, «colored people», других категорий населения, в связи с чем, о прямой и представительной демократии вопросов – было больше, чем ответов, особенно со стороны тех, в чьих руках *de jure* и *de facto* концентрировались важнейшие рычаги публичного управления.

Вне всякого сомнения, если институционально сравнивать между собой феодально-абсолютистскую монархию с концентрацией власти в руках одного лица, занимающего наследственную должность и ее персонифицирующего, и любого типа республику, где в основе лежат представительство, выборность и периодическая сменяемость носителей соответствующих полномочий, то ни у кого *не должна вызывать принципиальных возражений* констатация того, что наиболее демократичной является форма правления, при которой в иерархии публичных учреждений действуют механизмы, *базирующие не на сословных привилегиях, а на разделении властей*, системе «сдержек и противовесов», социальных лифтах, правах и свободах человека, декларируемых важнейшим, невзирая на формально-юридический статус «носителя», критерием оценки, в частности, функционирования государственных структур. В то же время, *при всей очевидности* сказанного, между подлинным народовластием и тем, что было реализовано на практике «северянами» и «южанами», найдется крайне мало общего, особенно если иметь в виду официально, причем *повсеместно*, культивируемое гендерное, расовое и этническое *неравенство*, без чего, как ни крути, трудно рассуждать о демократии в ее «либеральном» понимании и модели, актуализированной в бывших британских «заморских территориях». Когда *de jure* как минимум две трети населения отстранены от участия во всех законодательно регламентированных процедурах, о каком народовластии *de facto* может идти речь? Вопрос, как говорится, риторический⁵¹⁵.

⁵¹⁵ Чтобы не выглядеть в глазах оппонентов предвзятым по отношению к «оплоту демократии» и «Граду на холме», процитируем фрагмент из работы Патрика Бьюкенена, предки которого стояли у истоков принципов и институтов, теперь подвергаемых сомнению со стороны их консервативного потомка. В качестве субъекта, с которым он ведет заочную дискуссию, бывшим кандидатом на пост президента был выбран фактический автор «Декларации независимости» 1776 года: «... Чтобы установить верил ли Джефферсон в равенство, давайте сопоставим его слова с взглядами этого политика и с жизнью, которую он вел. Мог ли этой молодой виргинец по-настоящему верить, что все люди созданы равными, если ему принадлежала рабовладельческая плантация, всех работников которой, за исключением семьи Хемингс, он не позаботился освободить даже на смертном ложе полвека спустя? В «обвинительном заключении» против Георга III (именно к этому королю в целом были

Человек интересовал государство *только в тех случаях*, когда, помимо выборов, необходимо было выплачивать налоги, сборы и другие фискальные платежи, соблюдать конституцию и общеобязательные правила поведения, в первую очередь того штата, где на данный момент проживал или занимался предпринимательской деятельностью, наконец, призываясь при достижении определенного возраста на воинскую службу, все остальное – вообще никого не волновало, вполне справедливо *рассматриваясь сферой частноправовых отношений*. Что же касается непосредственной демократии на федеральном и региональном уровне, то *ни о каких референдумах речь не идет a priori*, так как такого рода инструменты вообще не характерны не только для «заморских

обращены претензии, послужившие основанием выхода из-под юрисдикции метрополии. – Э.Е.) Джефферсон писал: «Он подстрекал нас к внутренним мятежам и пытался натравливать на жителей наших пограничных земель безжалостных дикарей-индейцев, чьи признанные правила ведения войны сводятся к уничтожению людей, независимо от возраста, пола и семейного положения (можно подумать, что колонисты не вели себя совершенно таким же образом, сначала стерев с лица земли большинство индейских племен и захватив их территории, а остальных затем загнав в резервации, где они дислоцированы до сих пор? – Э.Е.)». Верил ли Джефферсон, что коренные американцы, эти «безжалостные дикари-индейцы», равны своим белым соотечественникам или могут стать таковыми? Лишь после принятия закона о гражданстве (речь идет об акте 1924 года. – Э.Е.) коренные американцы сделались полноправными гражданами... В «Заметках о штате Виргиния», текст которых часто цитируется для характеристики его отношения к рабству, Джефферсон писал о мужчинах и женщинах, что трудились на его плантации: «Когда я сравниваю их память, воображение и умственные способности с памятью, воображением и умственными способностями белых, мне кажется, что память у них одинаковая с нами, но умственными способностями они намного уступают белым – так что, я думаю, с трудом можно будет найти негра, способного изучить и понять исследования Евклида. Воображение у них тусклое, безвкусное и аномальное». Можно ли, – задается весьма справедливым вопросом политолог, с которым, к нашему сожалению, нельзя не согласиться, – ознакомившись с подобным циничным отрывком, по-прежнему утверждать, что Томас Джефферсон искренне верил, будто все люди созданы равными...».

Что касается тех, кого один из «отцов-основателей» и третий по счету президент Соединенных Штатов предпочитал видеть в качестве правящей элиты, то и в этом случае трудно абстрагироваться от того, на чем он в свое время настаивал: «... В 1813 году Джефферсон писал Джону Адамсу (кстати, второму, после Джорджа Вашингтона, президенту страны. – Э.Е.), некогда сопернику, а теперь другу: «Я согласен с Вами, что среди людей существует естественная аристократия. Ее отличительными признаками являются добродетель и талант... Естественную аристократию я считаю самым ценным даром природы для обучения ее тому, как занимать ответственное положение и управлять обществом. В самом деле, было бы непоследовательно со стороны миропорядка сотворить человека как социальное существо и не наделить его добродетелью и мудростью в степени, достаточной для разрешения забот и тревог общества. Возможно, мы даже вправе сказать, что та форма правления будет наилучшей, каковая обеспечивает во всей полноте чистый отбор этих естественных *aristoi* (буквально – «аристократы» в переводе с греческого. – Э.Е.) для постов в правительстве». Джефферсон говорит, – комментирует Патрик Бьюкенен процитированный выше фрагмент, – что согласен с Адамсом – природа вовсе не делает всех людей равными. Наоборот, природа подчеркивает неравенство. Мы должны быть благодарны за «ценный дар» в виде «естественной аристократии», добродетели и таланта, каковым обеспечил нас «миропорядок». *Aristoi*, лучшие, предназначены природой вести и наставлять людей. Причем к лучшим принадлежат не только отдельные личности, но и целые (англосаксы, вне всякого, даже минимального, сомнения. – Э.Е.) народы... Относительно Джефферсона и равенства Бертран Рассел заметил: «В Америке всякий придерживается мнения, что никто не выше его самого в социальном отношении, поскольку все люди равны, но не признает, что у него нет никаких социально нижестоящих, ибо еще со времен Джефферсона господствует точка зрения, что принцип равенства применим только вверх, но не вниз». Примечательно, – как бы подытоживает свои наблюдения автор, – что в конституции равенство не только не объявляется обязательным условием, но вообще не упоминается...». – Цит. по: Бьюкенен, Патрик. Самоубийство сверхдержавы... – С. 273, 275-276. Немного жестковато для оценок, но вполне справедливо.

территорий», но и бывшей метрополии, а в отношении легитимации верхней палаты конгресса и президента даже граждане, обладавшие избирательным правом, *имели к этому всего лишь косвенное отношение*: глава государства занимал должность посредством так называемой «коллегии выборщиков», а члены Сената «кооптировались» legislatures штатов (подобный механизм использовался вплоть до 1913 года), следовательно, перед нами не что иное, как один из вариантов «западной» модели демократии, где *доминантой* всей политической системы *рассматривается представительство*, выражением которого служит бикамеральный парламент, наделенный широким спектром, в том числе контрольных и «квазисудебных», полномочий. Взаимоотношения конгресса и президента как руководителя исполнительной власти строятся в целом таким образом, что, не имея прерогативы распустить ни одну из палат, он может в порядке импичмента быть отстранен от должности.

Единственно, что сумело бы повлиять на нижнюю палату, формируемую напрямую дееспособными белыми гражданами, *de jure* наделенными правом избирать и быть избранными, так это *институт императивного мандата*, о котором не приходится говорить, применительно к «западной» – любого вида – модели демократии, *из-за его полного* (иногда складывается впечатление и маниакального) *отрицания* правящими элитами по обе стороны океана, видя в столь *радикальном демократическом механизме* потенциальную угрозу со стороны оппозиционно настроенных слоев общества, *способного легальным* (именно этого и не могли допустить!?) *образом* не только отправить в отставку наиболее одиозных «народных представителей», но и создать предпосылки, благодаря которым ротация депутатов из чего-то экстраординарного примет характер тривиального волеизъявления населения. И здесь, как нельзя кстати, *существенное значение приобретали* заградительные барьеры, ограничения и цензы, позволявшие «держат на расстоянии» потенциальных избирателей, прежде всего социально активных женщин и миллионы «colored people», от

которых могли бы зависеть трансформации известных публичных учреждений и политической системы в целом, находившихся в кризисном состоянии⁵¹⁶.

Непроизвольно возникает вопрос, *по каким конкретным причинам* как «отцы-основатели», так и их последователи среди правящих элит «северян» и «южан» *в течение продолжительного периода* не считали нужным пойти на встречу своим женам, сестрам и дочерям, *de jure* предоставив кому-то из них возможность ощутить на себе всю меру политико-правовой ответственности, с которой непосредственно связан электоральный процесс по формированию законодательных, исполнительных и судебных органов? Парадоксально, но в учредительных документах и публицистической литературе того периода мы, к сожалению, не найдем ответа на поставленный выше вопрос, что позволяет *проводить параллели с аналогичными тенденциями*, наблюдавшимися в это время в Соединенном Королевстве, Германии и Франции, где «слабый пол» в полном объеме *испытывал дискриминацию по гендерному признаку*. Однако одно дело Старый Свет, где республиканизм все более активно и настойчиво противодействовал монархии, и совсем другое – Соединенные Штаты⁵¹⁷.

⁵¹⁶ Противоречия, раскалывавшие североамериканское общество, нарастали практически лавинообразно, на что не могли не обратить своего внимания видные общественные деятели того времени: «Это неотвратимый конфликт между противоположными силами, – отмечает один из них, – означающий, что Соединенные Штаты рано или поздно должны стать полностью рабовладельческой или свободной страной... Наличие столь фундаментального фактора делает все, что мы достигли ранее, компромиссы практически бесполезными и иллюзорными...». – Цит. по: *Seitz D.C. Horace Greeley // Founder of «The New York Tribune»*. – N.Y., 1970. – P. 153.

⁵¹⁷ То есть государство, с 1776 года позиционирующее приверженность к демократии. Как ни странно, но этим же вопросом задаются и за океаном. Так, Патрик Бьюкенен, цитирует профессора Йельского университета Уиллмура Кендалла, а затем комментирует тезис ученого, акцентируя внимание на творчестве четвертого президента Соединенных Штатов следующим образом: «... Отцы-основатели... ни словом не обмолвились по поводу равенства в новом документе (автором имеется в виду Конституция 1787 года. – Э.Е.) для управления государством – даже в преамбуле, где, напомним, перечисляются цели (более совершенный союз, блага свободы, справедливости и т.д.), ради которой «мы, народ», провозгласили и устанавливаем конституцию, и где вполне логично ожидать отсылки ко второму абзацу Декларации [независимости], во имя осуществления которого велась великая война и только что была одержана победа». В тексте конституции, проект которой Джеймс Мэдисон в основном составил в Филадельфии в 1787 году, нет ни одной отсылки к знаменитым словам Декларации независимости, написанной соседом-виргинцем в Филадельфии в 1776 году. О равенстве также не упоминается нигде в «Федералисте», основным автором которого был Мэдисон. Мы не найдем упоминаний о равенстве ни в Билле о правах, ни в десяти поправках к Конституции, которые Мэдисон представил первому конгрессу (речь идет о Континентальном конгрессе. – Э.Е.), хотя Виргинская декларация о правах – Мэдисон, несомненно, приложил к ней руку – «начинается с эдакого придворного реверанса в сторону равенства». Кендалл добавляет: «Публий (напомним, что Мэдисон печатал свои статьи в сборнике «Федералист» под псевдонимом «Публий», где также публиковался будущий министр финансов Александр Гамильтон. – Э.Е.) располагал способом, если можно так выразиться, изворачиваться всякий раз, когда (а такое случалось) тема равенства оказывалась в поле зрения». Как же Америка может быть с рождения привержена равенству всех людей, – подчеркивает Патрик Бьюкенен, – если в ее «свидетельстве рождения», конституции, *о равенстве не говорится вообще, если пятеро из первых семи президентов, включая Мэдисона, были рабовладельцами*, а Верховный суд, через семьдесят лет после принятия конституции, постановил (судя по всему, политолог говорит о знаменитом

«Совсем другое» определялось тем, что уже на стадии самоорганизации «заморских территорий», во главу угла были поставлены, а затем закреплены документально принципы, диссонирующие с той практикой государственного строительства, что имела место в феодально-абсолютистских монархиях, где вся полнота полномочий концентрировалась в одних руках, а существовавшие представительные институты носили номинальный и субсидиарный характер. В свое время англо-британской аристократии *после нескольких попыток* все-таки удалось ограничить власть короля, актуализировав новый тип монархии – конституционный, и этому примеру последовало большинство государств с аналогичной формой правления. В отличие от них, за океаном все пришлось в основном начинать как бы с «чистого листа», поэтому, когда метрополия вдруг поняла, что в «заморских территориях» идет процесс формирования структур, *de facto не встроенных в иерархию органов колониальной администрации*, Континентальные конгрессы, в отличие от контролируемых представительных ассамблей и общинного самоуправления, уже в той либо иной степени играли роль своего рода *политико-институциональной альтернативы*, способной действовать в конкурентном режиме, противопоставляя свои решения актам монарха и его кабинета. Как следствие, при подготовке первых учредительных документов не возникало сомнений не только по поводу разделения властей, но и системы «сдержек и противовесов» в качестве механизма, необходимого для противодействия концентрации чрезмерных полномочий в прерогативах и функциях законодательной и исполнительной власти. Таким образом, даже здесь *равенство* носило достаточно абстрактное содержание, в связи с чем, в одних ситуациях приоритет был на стороне конгресса, в других – президента.

Помимо этого, нельзя забывать и о форме государственного устройства, так как в пределах бывших британских «заморских территорий» складывалось образование *сложносоставного характера*, прошедшего длительный путь от

судебном деле раба из штата Миссури Дреда Скотта. – Э.Е.), что рабам запрещено становиться гражданами?...». – Цит. по: Бьюкенен, Патрик. Самоубийство сверхдержавы... – С. 277-278. Об этом см.: Willmoore Kendall. Contra Mundum. – New York: Artington House, 1971. – P. 351-352.

октроированных административных единиц до весьма непродолжительного по времени существования *конфедеративного союза* суверенных государств, вынужденного позднее – с целью сохранения единства – трансформироваться в *федерацию*. Если и в данном случае проводить соответствующие параллели с Соединенным Королевством, Германией и, например, Австро-Венгрией, то в глаза бросается *определенная закономерность*, обусловленная, в том числе, формой правления и процессом формирования полиэтнического сообщества: все указанные монархии, инкорпорируя в свой состав чьи-либо национальные территории, делали их составными частями *унитарного* государства, причем, как правило, *без предоставления полноценной политической автономии*. На их фоне объединительные процессы, наблюдавшиеся в североамериканских «заморских территориях» после приобретения независимости, протекали под знаком *децентрализации* и *суверенизации* штатов, что, по прошествии всего нескольких десятилетий, в какой-то степени отразилось на резком ухудшении взаимоотношений между «северянами» и «южанами». Речь не идет о том, что «отцами-основателями» была выбрана неверная парадигма сосуществования территорий, колонизированных и освоенных представителями самых разных неканонических конфессий или организационных форм, *проблема в другом* – в попытке создать государство на тех принципах, с которыми, за исключением Швейцарской конфедерации, никто не был знаком на практике, в связи с чем, не мог предполагать к чему «федеративный эксперимент» приведет в итоге и каких жертв потребует для преодоления возникших разногласий⁵¹⁸.

⁵¹⁸ Примечательно, что на это обстоятельство обращают внимание даже североамериканские исследователи, пытающиеся как-то понять те причины, которые вызвали системно-институциональный кризис федерализма и спровоцировали начало коллизии между «северянами» и «южанами». Например, по мнению Гордона С. Вуда, характеризующего ситуацию после вступления в силу Конституции 1787 года и формирования первого общенационального правительства во главе с президентом Джорджем Вашингтоном, «ощущение, что *все начинается заново*, что *республиканский эксперимент поставлен на обновленный, более прочный фундамент*, распространялось по всему континенту и во всех слоях общества. К 1789 году даже ведущие противники Конституции, антифедералисты, согласились с ее принятием, хотя, конечно же, ожидали скорого внесения в нее поправок. На деле никто из антифедералистов в 1787 году не выступал против некоторого усиления общенационального правительства; они попросту не предполагали, насколько сильными будут созданные Конституцией федеральные власти. Таким образом, бывшие оппоненты Конституции фактически были не в силах противостоять новому общенациональному правительству, не дав ему шанса проявить себя. Это был век либерализма, гуманизма и космополитизма. Лидеры страны видели в Америке «восходящую империю», исполняющую, наконец, предначертания эпохи Просвещения. Масонство процветало, и повсюду ораторы предрекали конец невежеству и суевериям и начало новой эры разума, человеколюбия и братства... Но какими

Совокупность этих и некоторых других факторов легла в основу процесса государственного строительства Соединенных Штатов, отличительной чертой которого при подписании и «Статей конфедерации», и Конституции 1787 года, учредительных документов, юридически закреплявших суверенитет бывших британских «заморских территорий», являлся *компромисс*, позволивший им – даже при невыгодных условиях – с наименьшими потерями перейти от одного статуса, *колониального*, к другому, *независимому*, этатистско-либеральному с точки зрения иерархии ценностей и национальных приоритетов, буржуазно-демократическому по характеру системообразующих институтов. Однако при «внешней» идентичности тенденции, определявшие становление и развитие сложносоставного образования, в итоге привели к тому, что в рамках единого, на первый взгляд, государства сформировалась своего рода территориально-политическая «субстанция», составные элементы которой весьма скептически относились к «соседям по коммунальной квартире», особенно в тех случаях, когда кто-то из них предпринимал попытки поставить во главу угла какие-либо интересы, противоречащие достигнутому в свое время компромиссу. Война, как ни странно, стала тем механизмом, который позволил не только сохранить «общее целое», но и *придать новый импульс* федеративным отношениям, *de facto* утратившим свою привлекательность среди части населения и правящих элит регионов, осуществивших сецессию, поэтому инициированная в качестве

бы словами ни называли *век федералистов*, – констатирует историк, – в действительности он *был очень краток*. Он закончился столь внезапно, что нам нелегко воссоздать или понять его. Единодушие и оптимизм 1789 года быстро улетучились, и так многообещающе начинавшееся десятилетие вскоре стало одним из периодов американской истории, в наивысшей степени насыщенных страстями и расколами. К концу 1790-х годов Соединенные Штаты находились на грани гражданской войны... 1790-е годы – наиболее трудные в истории... Кажется, что этот период никак не связан с предшествующими и последующими годами, он представляется мимолетным моментом героических неоклассических мечтаний, не нашедших поддержки в американской реальности... Федералисты *противостояли* возникшей... *народной демократии*, и поэтому они стали еретиками, выступавшими против развивающейся демократической веры. Казалось, все было против них. Эти люди считали, что создают героическое государство в его классическом понимании и стремились повсюду выражать эти классические цели в виде символов. Однако оставленное ими наследие состоит из не поддающихся расшифровке изображений, неудобочитаемой поэзии, топонимов (в основном заимствованных из античности. – Э.Е.). Они презирали политическую партийность, но партии тем не менее возникли, пошатнув удивительную гармонию 1789 года... Большинство событий, происходивших в тот период, были для отцов-основателей непредвиденными и нежеланными. Внезапное превращение коллегии выборщиков в процесс избрания президента, ставших следствием сложных и болезненных компромиссов Филадельфийского конвента, стал наиболее ярким примером того, как самые продуманные планы ведут в никуда...». – Цит. по: Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США... – С. 315-316, 317-318.

ответного шага Авраамом Линкольном «федеральная интервенция» сыграла роль *легитимного* конституционно-правового инструмента, призванного при помощи силового воздействия остановить процесс развала государства⁵¹⁹.

Итак, «результаты» военной фазы гражданского противостояния были – при огромных человеческих и материальных потерях с обеих сторон – в пользу «северян», потенциал которых сыграл в этом решающую роль, что позволило перенести вопрос отмены рабовладения в совершенно иную плоскость, чем несколько лет назад. Более того, *именно поражение* «южан», против которых весьма активно сражались в том числе «colored people», получившие свободу благодаря небезызвестной «Прокламации» президента Авраама Линкольна, стало тем «козырем» в крайне непростой политической игре «оппонирующих сторон», не прекращавшейся, несмотря ни на что, даже в период масштабных военных действий, воспользоваться которым намеревался победитель, что в такой ситуации не только естественно, но и вполне оправдано. Из источников, историко-правовой и публицистической литературы известно, что дебаты по проблеме, результатом которых при соответствующем голосовании должна была бы быть поправка к конституции, носили в конгрессе бескомпромиссный характер, и глава государства *специально*, под самыми разными предложениями,

⁵¹⁹ В контексте сказанного выше, нельзя не согласиться с выводом ряда исследователей, считающих, что гражданская война 1861 – 1865 годов представляет собой «... убедительное свидетельство того, что *нельзя путем компромисса эффективно решать коренные проблемы, связанные с борьбой за власть между классами*, а также с борьбой классов за свое освобождение. Эта война явилась закономерным результатом обострения противоречий между капиталистической и рабовладельческой системами хозяйства, которые переросли в вооруженную борьбу за экономическое и политическое господство в масштабах всего Союза... Победа республиканцев на выборах 1860 года означала приход буржуазии к власти конституционным путем, без революции и вооруженной борьбы, без глубоких социальных потрясений. Ответом рабовладельцев на приход буржуазии к руководству федеральными органами власти был вооруженный мятеж. Рабовладельцы доказали справедливость известного закона истории: *господствующие классы не сдают без боя своих позиций*. Гражданская война со всей убедительностью подтвердила и другую известную истину: буржуазия, даже на ранней стадии развития, когда она имеет значительные революционные потенции, не может проводить последовательную политику в интересах широких масс трудящихся... Страх буржуазии перед необходимостью вовлечения народных масс в разрешение «семейной ссоры» с рабовладельцами, *надежды на возможность компромиссного решения конфликта* – таковы были причины так называемого периода конституционного ведения войны в 1861 – 1862 годах. Буржуазия полностью капитулировала перед священным для нее принципом частной собственности, не рискуя нанести удар по самому уязвимому месту Конфедерации – рабовладению. Давление народных масс и угроза потерять власть, которую она получила в ходе избирательной кампании 1860 года, вынудили буржуазию постепенно перейти к революционным методам ведения войны. На протяжении 1862 года была проведена серия мер... Среди этих мероприятий важнейшее значение имели закон о гомстедах и Прокламация Линкольна об освобождении рабов в мятежных рабовладельческих штатах...». – Цит. по: История США. Том 1. 1607 – 1877... – С. 457.

задержал на несколько дней подписание акта о капитуляции (официальная делегация «южан» все это время ожидала аудиенции в одном из предместий столицы), чтобы «подготовиться» к процедуре открытого голосования, так как никто до самого последнего момента не имел представления, с каким же «итогом» обществу и правящим элитам придется смириться. Нас, рассуждая о механизмах парламентской фракционной борьбы, исторически используемых в странах либеральной модели демократии, традиционно убеждают в том, что ни о каком так называемом «административном ресурсе» или давлении на «народных избранников» речь не может идти а priori, так как *это своего рода аксиома*, не требующая доказательств, чему во многом способствуют принцип разделения властей и система «сдержек и противовесов». Однако то, каким образом Авраам Линкольн добился необходимого результата, *опровергает и данный тезис, и все, что из него тем либо иным образом вытекает*⁵²⁰.

Речь идет о том, что даже в условиях наступившего в последние месяцы 1863 года перелома в войне⁵²¹, политический процесс продолжался⁵²², так как

⁵²⁰ О роли «colored people» в войне и об отношении к ним со стороны «южан» подробнее см.: *Aptheker H. Essays in the History of the American Negro.* – N.Y., 1973; *DuBois W. Black Reconstruction.* – N.Y., 1937; *Foster W. The Negro People in American History.* – N.Y., 1954.

⁵²¹ Справедливости ради надо сказать, что президент Соединенных Штатов, после того как «северяне» в конце ноября 1863 года сломили сопротивление «южан» (к чему во многом привели победы при Висксберге, Лукаут-Маунтине, Геттисберге, у Миссионерского хребта в окрестностях Чаттануги, в ряде менее крупных сражений), в значительной степени активизировал свою деятельность по примирению с мятежными регионами, для чего 8 декабря того же года обнародует «*Прокламацию об амнистии и реконструкции*», предлагая помиловать и амнистировать всех конфедератов, готовых присягнуть на верность Соединенным Штатам, и принять закон об отмене рабства. Из содержания акта (носившего подзаконный характер) следовало, что «... штат может вновь войти в состав Союза и провести выборы, если присягу принесут 10% избирателей штата из числа тех, кто принимал участие в выборах 1860 года». Как справедливо пишет один из современных исследователей, «это стало первой попыткой восстановления расколотой нации». Однако против относительно мягкого плана главы федерации, «выступили радикальные республиканцы, считавшие, что восстановлением Союза должен заниматься не президент, а конгресс...». – См.: *Римини Р. Краткая история США...* – С. 201.

⁵²² Более чем президент бескомпромиссно настроенные республиканцы, представленные в конгрессе, в ответ на «Прокламацию» от 8 декабря 1863 года, где был продекларирован так называемый «10-процентный план Линкольна», принимают законодательный акт, известный как «*Билль Уэйда-Дэвиса*», в котором условием для формирования правительства должна была быть присяга на верность Соединенным Штатам не десяти, как предлагал президент, а большинства дееспособных избирателей. Кроме этого, документ предусматривал отмену рабства и поражение в избирательных правах всех, кто занимал официальные должности в штате или конфедерации и с оружием в руках вел борьбу с «северянами». Как следствие, возникли предпосылки для кризиса, обусловленного тем обстоятельством, что к этому времени главой государства уже (согласно десяти процентам как важнейшему критерию) были признаны восстановленными в качестве членов федерации такие штаты, как Луизиана и Арканзас. Чтобы заблокировать вступление в силу указанного билля, президент, недолго думая, применил к нему механизм «карманного вето», и не подписал документ до закрытия сессии конгресса. В ответ законодатели, отстаивая исключительное право парламента заниматься вопросами, по их мнению, не только инкорпорирования в состав федерации «новых» членов, но восстановления в подобном статусе «старых», принимают «*манифест Уэйда-Дэвиса*», где говорилось о том, что президенту – в рамках принципа разделения властей – надлежит не издавать законодательные акты, а лишь исполнять их, в том числе, всеми доступными

никто не отменял президентских выборов, которые должны были состояться примерно через год и завершиться убедительной победой⁵²³ действующего в течение четырех лет главы государства Авраама Линкольна⁵²⁴ – кандидата от республиканцев. Имея в качестве «аргументов» предстоящую, практически ни у кого не вызывавшую сомнения победу над «южанами», сохранение единого территориально-политического пространства и поддержку партии, он входит в Палату представителей с предложением *об отмене рабства в масштабах всей федерации*, закрепив это положение в соответствующей – тринадцатой по счету – поправке к Конституции (Сенат ее принял еще прошлой весной). Но в результатах поименного голосования «избранных народа», назначенного на последний день января 1865 года, уверенности не было, поэтому и решили, так сказать, подстраховаться, начав процесс по переманиванию на сторону ее инициаторов окончательно не определившихся конгрессменов⁵²⁵.

При этом у нас *не должно быть никаких иллюзий* по поводу того, что в том случае, если бы вопрос был поставлен на голосование⁵²⁶, в котором могли бы участвовать представители «южан» (помимо штатов, уже восстановленных в членстве), то большинство нижней палаты безоговорочно поддержало бы предложение главы государства и рабство стало достоянием истории, так как, не отрицая обоснованности, востребованности и целесообразности отправки в архив рудимента внеэкономического принуждения, компаративист, тем не менее, не может не учитывать масштабов его распространения и количества тех, для кого оно на протяжении достаточно длительного периода являлось не чем иным, как основой «базиса» и «надстройки». Нельзя вообще не обращать

средствами подавляя мятеж, поднятый «южанами», предоставив конгрессу в свою очередь право политической реорганизации отделившихся регионов.

⁵²³ Поддержка Авраама Линкольна выразилась в следующих цифрах: за него, в частности, проголосовали 212 членов «коллегии выборщиков» и 2 206 938 избирателей, а за его конкурента генерала Макклеллана – всего 21 выборщик и 1 803 787 избирателей.

⁵²⁴ Был выдвинут (вместе с кандидатом в вице-президенты Эндрю Джонсоном, ставшим чуть позднее, после убийства Авраама Линкольна, главой государства) на партийном конвенте в Балтиморе 7 июня 1864 года.

⁵²⁵ Подробнее см.: *Randall J. Lincoln the President. Vol. 1-4.* – N.Y., 1945.

⁵²⁶ Как известно, XIII поправка, несмотря ни на что, *не была принята единогласно* (за нее проголосовало 119 членов Палаты представителей, против – 56), что свидетельствует о расколе в среде правящих элит, даже при условии победы в войне и огромных людских потерях: так, «северяне» потеряли 359 528 человек убитыми и 275 175 ранеными, «южане» – примерно 258 тысяч убитыми и 100 тысяч ранеными. – Об этом см.: *Римини Р. Краткая история США...* – С. 204, 205. Итак, как мы видим, «цель» оправдывает «средства».

внимание на тот объективный факт, что не только правящие элиты «южан», но и лица, весьма далекие от политического процесса, *при освобождении рабов теряли* собственность в лице десятков и сотен «colored people», трудившихся, как правило, безвозмездно на хлопковых и табачных плантациях, создавая⁵²⁷ пресловутый прибавочный продукт, позволявший либерально настроенным, не говоря уже о консервативных слоях общества *закрывать глаза* на многие, в том числе не совсем приемлемые для демократического государства, вещи, не рассматривая их чем-то экстраординарным и из ряда вон выходящим⁵²⁸.

Таким образом, *политический фактор*, на который преимущественно, помимо всего прочего, опирались «северяне», ценой огромных усилий сумел выиграть противоборство у *экономических принципов* ведения хозяйства той части территорий, где традиционно – в большей степени среди плантаторов, в меньшей фермеров – господствовали механизмы принудительного характера, действовавшие в отношении «colored people»⁵²⁹. Чисто гипотетически, нельзя не

⁵²⁷ Как вполне справедливо, на наш взгляд, констатирует известный отечественный исследователь, в течение многих лет специализирующийся на вопросах государственной идентичности Соединенных Штатов, один из исторических парадоксов североамериканского рабовладения заключается в том, что «... после революции конца XVIII века, нанесшей ему ощутимый удар на Севере и запретившей ввоз рабов во все штаты после 1808 года, *она не только не ослабло, но, напротив, расцвело, обрело вторую жизнь*. Главная причина этого заключалась в потребностях как мирового, так и национального капитализма: его главная в тот период отрасль, хлопчатобумажная, остро нуждалась в сырье, и этот вопрос был удовлетворен американским Югом, сменившим на рубеже XVIII – XIX веков свою главную культуру табак на хлопок. Хлопок сделал товарно-рыночное сельскохозяйственное производство на Юге господствующим, стал одной из главных основ успехов не только региональной, но и общенациональной экономики (в 1860 году южные штаты производили две трети мирового хлопка, составлявшего половину национального экспорта). Ввоз рабов... извне после 1808 года был прекращен, но в условиях гигантского спроса на рабскую силу некоторые южные штаты (как мы уже отмечали ранее. – Э.Е.) стали специализироваться на «разведении» рабов и их продаже в других штатах. В результате с 1790-х годов, когда в Соединенных Штатах были приняты роды «короля-хлопка», как его вскоре стали называть, по 1860 год число рабов выросло почти в 7 раз. «Американская мечта» для белых жителей в южных штатах заключалась в приобретении не только собственной фермы, но также хотя бы нескольких собственных рабов, без которых производить хлопок на рынок и продвигаться вверх по социальной лестнице было практически невозможно... Рабов имела одна четверть белых семей южных штатов – около 350 тысяч (общее количество белых семей на Юге составляло 1,5 млн). Среди рабовладельцев существовала многоступенчатая дифференциация (и *практически никто из них не хотел добровольно терять* «движимое имущество». – Э.Е.). Рабовладельческих семей, которые было принято считать плантаторскими (владела каждая более чем 20 рабами), насчитывалось около 38 тысяч, то есть менее 11% от общего числа. Остальные хозяйства относились к фермерским (владели 10 и менее рабами) и промежуточному типу (владели более чем 10, но менее чем 20 рабами)». – Цит. по: *Согрин В.В. Исторический опыт США...* – С. 158-159.

⁵²⁸ Подробнее см.: *Perry J.C. Myths and Reality of American Slavery*. – Shippensburg (Penn.), 2002.

⁵²⁹ Подробнее см.: *Meyer D.R. The Roots of American Industrialization*. – Baltimore; L., 2003; *Puth R.C. American Economic History*. – Chicago, 1988; *Walton G.M., Rockoff H. History of American Economy*. – N.Y., 1988. Как, в связи с этим отмечают североамериканские ученые, рабовладельческая семья, проживавшая в «хлопковом» штате, *была в несколько раз* (точнее, в 13,9 раза) *богаче* тех «ячеек общества», где рабы отсутствовали по тем или иным причинам. Но и среди семей, владевших «движимым имуществом», выделялись 1783 семьи, каждая из которых имела в собственности более ста рабов. – См.: *Wright G. The Political Economy of the Cotton South*. – N.Y., 1978. – Р. 35, 42. Так что у гражданского конфликта были вполне объективные экономические причины.

предположить, что при обсуждении, последующем принятии XIII поправки и ее ратификации legislatures штатов, как неоднократно до этого, не был в качестве «сладкой пилюли» использован компромисс, позволивший сломить сопротивление консервативно настроенных законодателей, одним из веских, по существу бесприкрытых – прежде всего с формально-юридической точки зрения – аргументов которых являлся тезис о попрании «священного» права частной собственности, в чем, несомненно, была известная доля истины. И не считаться с этим, особенно на фоне не завершившейся военной кампании, общенациональные органы власти не могли, не предоставив со своей стороны каких-то «компенсаций», способных тем или иным образом смягчить потерю «южанам» как собственности, так и ожидаемой прибыли. Отдавая должное тому, как Аврааму Линкольну удалось переломить ситуацию, компаративист в то же время обязан учитывать детали, позволяющие, невзирая на весь пафос и справедливость последовавшей за этим событием общественной реакции, взглянуть на поправку, ликвидировавшую рабовладение, более комплексно и критично, не опровергая выводов о ее фундаментальности. Так, читаем: «... Ни рабство, ни подневольная работа, если только они не являются наказанием за преступление, за которое лицо надлежащим образом было осуждено, не должны существовать в Соединенных Штатах или в каком-либо ином месте, подчиненном их юрисдикции»⁵³⁰. Мы специально выделили фрагмент текста, чтобы акцентировать внимание на компромиссе, о котором говорили ранее в контексте того, что механизмы такого рода во многом объясняют специфику государственного строительства в стране, традиционно олицетворяющей себя, часто только на словах, с «Градом на холме» и «оплотом демократии»⁵³¹.

⁵³⁰ Цит. по: Поправка XIII к Конституции США //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 133-134. Напомним: главнокомандующие «южан» и «северян» по-разному относились к рабству.

⁵³¹ Кстати, мы не первые, кто обратил внимание на достаточно противоречивый характер правовой нормы, закрепленной в официальной формулировке XIII поправки, отменившей на территории Соединенных Штатов рабовладение со всеми вытекающими из этого «ожидаемого» решения конгресса последствиями: «... По существу «эпохальным» событием на пути либерализации данной сферы общественных отношений, несомненно, следует считать знаменитую XIII поправку к Конституции (была ратифицирована 6 декабря 1865 года), отправившая на «свалку истории» институт рабства и которую любят приводить в качестве в качестве канонического примера североамериканской демократии. Так, в разделе первом читаем: «Ни рабство, ни подневольный труд... не должны существовать в Соединенных Штатах или в каком-либо ином месте, подчиненном их юрисдикции...». Мы намеренно после процитированной фразы – «ни подневольная работа» –

Как ни странно, но рабство *фактически сохранялось*, так как ввести этот репрессивный инструмент можно было, видимо, без большого труда во всех случаях, когда, наряду с *«подневольной работой»* (практически обыденным явлением в местах пребывания опасных преступников, например, на каторге), суд устанавливал, естественно, не обозначая одиозного термина, с которым ассоциируется статус лиц, дискриминируемых по расовому или этническому признаку, *«рабство»* как один из видов наказания, о чем буквально идет речь в поправке. Другими словами, если в каком-то деянии суд найдет основания квалифицировать его как «особо опасное» или «тяжкое», не исключено, что у кого-то появится право, опираясь на решение присяжных, вынести приговор о привлечении к уголовной ответственности в форме «рабства» как наказания соответствующего лица, за совершенное им преступление. В этом, по нашему мнению, как раз и был найден компромисс, удовлетворивший и либеральную, и консервативную часть общества, исходя из которого рабство – из *обычной и повсеместно* встречающейся практики социально-экономических отношений трансформировалось в *санкционный институт* уголовного права: если ранее оно относилось к сфере частноправовых отношений, то теперь ему *de jure* был придан *публичный* статус, наконец, оно стало, так сказать, *многоцветным*, так как отныне распространялось не только на «colored people», но и по существу на всех остальных, *тем самым как бы замкнув своеобразный круг* от первых белых рабов, ирландцев, исповедовавших ортодоксальный католицизм, в XVII веке

поставили многоточие (на первый взгляд, перед нами не что иное, как императивная норма, закрепленная в форме жесткого предписания «не должны существовать»). Парадокс состоит в том, что далее по тексту законодатель декларирует (речь непосредственно идет о ранее пропущенном фрагменте), что из указанного «правила» возможны и определенные «исключения»: «... *если только они не являются наказанием за преступление, за которое лицо надлежащим образом было осуждено*». Следовательно, наряду с такой распространенной санкцией, как «подневольная работа», допускается также и «рабство» (по существу, не что иное, как традиционное для плантаторских регионов внеэкономическое принуждение, легализованное общенациональным парламентом), причем в конституционной поправке, *de jure* ликвидирующей столь архаичный недемократический институт, *de facto* – действующий до сих пор...». – Об этом см.: Еремян В.В. Сравнительное правоведение и мировоззренческие стереотипы // Политика. Власть. Право. Материалы I международной научно-теоретической конференции, памяти и 79-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Г.В. – Москва – Белгород, 2014. – С. 187-188. Как ни странно, но факт остается фактом, несмотря ни на что.

отправленных в Новый Свет лордом-протектором Оливером Кромвелем, жестоко подавившим их восстание, до граждан федерации⁵³².

Оппоненты нам могут возразить, не соглашаясь с подобным акцентом, мотивируя тем, что *в обстановке системного кризиса*, охватившего большую часть государственных институтов, у правящих элит появилась реальная, а не декларативная возможность практического осуществления в масштабах всей страны идеалов («... исходим из самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»), ставших для широких слоев населения «путеводной звездой» в их стремлении найти в Новом Свете подтверждение того, с чем были связаны личные и коллективные представления о социальном равенстве и справедливости. Не отрицая всего того, чем были обусловлены действия Авраама Линкольна и его ближайшего окружения, направленные на преодоление препятствий, возникавших в силу объективных либо субъективных причин, тормозивших процесс постепенного перехода к следующей стадии общественного развития, в то же время нельзя не обратить внимание на ряд обстоятельств, прямо или косвенно связанных с тем фактом, что президент как олицетворение «американской мечты» *не был лишен* тех «мировоззренческих стереотипов», с которыми в разной степени ассоциировались и первые переселенцы, и «отцы-основатели», и плантаторы «хлопковых» регионов, владевшие на праве собственности «colored people».

⁵³² Как пишет по этому поводу один из государствоведов, «... в итоге перед нами – яркий образец диссонанса между двумя основополагающими критериями: «законностью» и «целесообразностью». *Целесообразность* отмены института рабства – а *prigori* – не вызывает никаких возражений, так как она явилась логическим завершением не только гражданской войны, но и целого исторического периода, ассоциируемого с противоборством новой (либерально-буржуазной) и архаичной (рабовладельческой) парадигм социально-экономических отношений. Что касается *законности*, то в этом случае ситуация намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Прежде всего вопросы возникают по поводу того, почему рабство *de jure* (пусть и в скрытой форме), при всей парадоксальности такого решения, было сохранено в качестве уголовно-правовой санкции? Кто-то может подумать, что мы стремимся выдать желаемое за действительность, но, как проанализировано выше, вывод подобного рода обусловлен нормой, закрепленной непосредственно в конституционной поправке, предусматривающей «наказание за преступление» (буквально «... если только они не являются наказанием за преступление, за которое лицо надлежащим образом было осуждено...») в виде «рабства» или «подневольной работы». Получается, что американский законодатель проявил в этой поправке чудеса юридической техники, так как одной фразой – рабство *отменяет*, другой – *легитимирует* и *вводит в практику* уголовно-правовых отношений. Мировая правовая мысль, судя по всему, больше не знает примеров подобного рода». – Цит. по: Еремян В.В. Сравнительное правоведение и мировоззренческие стереотипы... – С. 188. Другими словами, англосаксы – как всегда – на высоте, и в этом им не откажешь.

Почему, победив в избирательной кампании, состоявшейся еще тогда, когда «южанами» не была осуществлена сецессия и легитимирована конституция, официально закрепившая рабство, он не обнародовал акта, аналогичного его прокламации, отменившей в мятежных штатах дискриминацию по расовому признаку? Неужели, *если бы «южане» не вышли из состава союза*, дав повод инициировать «федеральную интервенцию», рабовладение и все что с ним *de facto* и *de jure* связано, *продолжало действовать вплоть до следующего*, как минимум, *электорального цикла*? Вопрос, на который нет ответа⁵³³.

Однако, *если абстрагироваться от существа проблемы, совершенно не исключено, что практически любой общенациональный лидер*, естественно, за исключением откровенных расистов, не должен был бы игнорировать всего того, с чем столкнулся глава государства, пытаясь реализовать предвыборные обещания, даже при условии их невыполнения в глазах отдельных категорий либерально настроенных граждан (особенно в тех штатах северо-востока, где рабовладение очень давно являлось историческим фактом), рассчитывавших на скорейшее изменение сложившегося положения. Но *противоречия между «северянами» и «южанами» носили не формальный, а ценностный характер*, в

⁵³³ Нет ответа, удовлетворившего бы всех сторонников либеральных идей и апологетов «западной» модели демократии. Однако факт остается фактом: только осознав, что «южане» потерпят поражение, освобождение рабов становится для Авраама Линкольна тем рычагом давления, при помощи которого, несмотря ни на что, он сумеет убедить сомневающихся в необходимости подобного акта. Чтобы не выглядеть голословными и необъективными, приведем несколько отрывков из ранее цитируемой работы Патрика Бьюкенена: «... Верил ли автор Прокламации об освобождении рабов в равенство всех людей? Линкольна, которого знают американцы, отеческая фигура, исполненная мудрости и остроумия, прибывшая из Иллинойса освободить рабов, наверняка поддерживавшая бы Мартина Лютера Кинга, – этого Линкольна совершенно не узнали бы его современники. Да, еще в 1854 году Линкольн осуждал рабство как «чудовищную несправедливость» и смело выступил против рабства в дебатах со Стивеном Дугласом (речь идет об известном члене Демократической партии, являвшимся соперником Авраама Линкольна на выборах в Сенат 1858 года, во время которых он в итоге одержал убедительную победу над республиканцем, и выборах главы государства 1860 года, проиграв их в свою очередь тому же Аврааму Линкольну. – Э.Е.), но вот слова кандидата в Сенат от Республиканской партии, произнесенные в Чарльстоне, штат Иллинойс, 18 сентября 1858 года, после подкинутой «маленьким великаном» наживки относительно социального и политического равенства: «Я скажу так, что не являюсь, что никогда не был сторонником сколько-нибудь осуществленного на практике социального и политического равенства белой и черной рас. Я никогда не поддерживал предоставление неграм избирательных прав или допуска в суды присяжных, или позволения занимать должности, или вступать в браки с белыми; я скажу, в дополнение к этому, что *налицо физическая разница между белой и черной расами*, каковая, по моему мнению, и впредь не позволит обоим расам жить вместе на условиях социального и политического равенства. И поскольку они не могут жить вместе указанным образом, то, пока они остаются рядом, следует определить позиции выше- и нижестоящих, и я не менее любого другого выступаю за то, чтобы положение вышестоящих осталось за белой расой». – Цит. по: Бьюкенен, Патрик. Самоубийство сверхдержавы... – С. 278-279. Об этом см.: Roy P. Baster. The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 3. – New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1953. – P. 145-146. Кому-то из оппонентов это может показаться банальной пропагандой, но факт есть факт.

связи с чем, для их разрешения требовались не стандартные, основанные на традиционных компромиссах, представлявших собой, судя по всему, один из оригинальных вариантов «общественного договора», а *принципиально иные методы воздействия*, где приоритетным рассматривался силовой компонент принуждения правящих элит к соблюдению достигнутых договоренностей. К сожалению, «южане» сделали все от них зависящее, чтобы проблема рабства из «вербальной» перешла в «практическую», лишив федеральные публичные институты возможности использовать проверенные временем механизмы. На этом фоне и произошли переоценки, позволившие одновременно «убить двух зайцев» – восстановить территориальную целостность и освободить рабов, что не может, с историко-правовой и конституционно-правовой точки зрения, не восприниматься фактом «взросления» американской гражданской нации⁵³⁴.

Что же *качественно* нового принесла для «colored people» отмена того дискриминационного положения, в котором *в течение более девяноста лет* (если точкой отсчета считать «Декларацию независимости», одновременно не забывая о том, что рабовладение имело место, хотя и в значительно меньших масштабах, и в колониальный период) *находились несколько миллионов* ни в чем

⁵³⁴ В этой связи, нельзя не констатировать, что переоценки носили по существу фундаментальный характер, так как, в противном случае, трудно понять те высказывания, за которые в современных Соединенных Штатах предусмотрены различные виды наказания, вплоть до уголовного: «Сегодня... заявление о превосходстве белых означало бы крах политической карьеры... 16 сентября 1854 года (*примерно за пять лет* до первой президентской избирательной кампании. – Э.Е.) в Пеории Линкольн признался, – отмечает Патрик Бьюкенен, – что испытывает двойственные чувства по отношению к тому, как поступать к вольноотпущенникам, если рабство будет отменено: «Достанься мне вся мирская власть, – цитирует Авраама Линкольна автор, – я бы не знал, что делать при нынешних обстоятельствах. Моим первым побуждением было бы освободить всех рабов и отправить в Либерию – на родину... [Но] освободить их и сделать политически и социально равными нам? Мои собственные убеждения не допускают этого; и даже если я смирюсь, мы хорошо знаем, что огромная масса белых такого смирения не примет... Общим мнением, будь оно обоснованным или нет, нельзя попросту и без последствий пренебрегать. Мы не можем... сделать их равными себе». Линкольн, – по мнению Патрика Бьюкенена, – пытался сказать, что вера в превосходство белой расы является «общим мнением» «огромной массы белых» в Америке. Сам он разделял это мнение. Он *верил в свободу для всех, но не в равенство для всех* – разве только в то, что черная и белая расы принадлежат к роду человеческому и имеют равное право на свободу. После слов «мы не можем... сделать их равными себе» Линкольн продолжал: «Я никогда не говорил ничего вопреки этому, но я считаю, что, несмотря на сказанное выше, нет никаких причин для негра не обладать всеми правами, перечисленными в Декларации независимости, – правом на жизнь, на свободу и на счастье. Я считаю, что он имеет столько же прав на все это, сколько и белый человек. Я согласен с судьей Дугласом, что негр не равен мне во многих отношениях – конечно, в цвете кожи, может быть, в нравственных и интеллектуальных достижениях. Но в праве есть хлеб, заработанный собственным трудом, без чьего-либо позволения, негр мне равен, как равен он судье Дугласу и вообще всякому живому человеку». Красноречиво – и, для своего времени, – делает вывод советник трех президентов, – очень смело». – Цит. Бьюкенен, Патрик. Самоубийство сверхдержавы... – С. 279-280. Подробнее см.: Roy P. Basler. The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 2. – New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1953. – P. 255-256.

не повинных представителей расы, отличавшихся от переселенцев только одним, но весьма существенным, критерием – цветом кожи? Несомненно, они перестали быть чьим-либо «движимым имуществом» и предметом договора купли-продажи, однако, оценивая их реальный юридический статус, невольно возникает далеко не риторический вопрос: кем они в итоге провозглашались – *равными* белым гражданам по правовому положению или *равноправными* с ними (в том числе перед судом и законом)? Естественно, в данном случае речь идет о *социальных и политических отношениях общенационального уровня*, так как отдельные штаты отказались от внеэкономического принуждения уже в учредительных актах, принятых в процессе выхода из состава метрополии и суверенизации государственных образований, возникших на территории ряда бывших британских колоний. Поэтому, говоря об отмене рабства, мы должны учитывать тот факт, что *ни в одном официальном документе идея равенства, независимо от цвета кожи, расовой и этнической принадлежности (не следует забывать и об ограничениях по половому признаку), не звучала даже в форме абстрактного предположения или гипотезы*. Ситуация меняется лишь после того, как в 1866 году была принята, а затем в течение двух лет ратифицирована XIV поправка к Конституции⁵³⁵. Но не кардинально, более того – не сразу.

⁵³⁵ Так, читаем в разделе первом документа, ратифицированного необходимым числом штатов 9 июля 1868 года: «... Все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подчиненные их юрисдикции, являются гражданами Соединенных Штатов и того штата, где они проживают. Ни один из штатов не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов; и не может какой-либо штат лишать какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры; не может отказывать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите на основе закона...». – Цит. по: Поправка XIV к Конституции США //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 134.

Исходя из практики отношений, было бы как минимум наивно полагать, что, следуя «букве закона», все государственные и муниципальные учреждения буквально на следующий день после вступления в силу положений поправки начнут ее реализовывать в тех или иных публичных сферах. По существу, *многолетняя дискриминация по расовому и этническому признаку продолжала действовать*. По мнению скептически настроенных авторов, с обобщениями которых во многом нельзя не согласиться, «четырнадцатая поправка *не обязывает обеспечивать равенство* и не упоминает о социальном, политическом или экономическом равенстве. Конгресс, который одобрил эту поправку в 1866 году, установил сегрегацию в государственных школах Вашингтона (ставшего с 1800 года столицей федерации. – Э.Е.), округ Колумбия. Двадцать четыре из тридцати семи тогдашних штатов также сегрегировали свои школы (в целом аналогичная ситуация сложилась и в большинстве университетов. – Э.Е.), невзирая на четырнадцатую поправку. В законе о гражданских правах 1875 года о сегрегации в Вашингтоне и в штатах даже не упоминается. Вердиктом по делу «Плесси против Фергюсона» (1896) Верховный суд оставил сегрегацию в силе как соответствующую четырнадцатой поправке. Сегрегация в государственных школах Вашингтона, округ Колумбия, сохранялась до вердикта по делу «Браун против Совета по образованию» (1954), который отменил вердикт по делу Плесси. Но этот вердикт опирался не на конституцию, а на социологию. Заголовок статьи Джеймса Рестона в «Нью-Йорк таймс» 13 мая 1954 года

К сожалению, государствовед, *предметом и объектом* сравнительных исследований которого является специфика процесса становления и развития конституционно-правовых отношений в странах англосаксонской и романо-германской традиции, а priori считающихся демократическими, не лишен, тем или иным образом, субъективизма, обусловленного стремлением показать, в чем состоит ангажированность прав и свобод человека, продекларированных в актах учредительного характера, и имеющих отношение к непосредственной и представительной демократии в их «западном» варианте. Справедливости ради надо сказать, что элементы «субъективизма» встречаются и в тех работах европейских и североамериканских ученых, где речь идет о «преимуществах» *политических режимов* или *форм правления*, сложившихся в Старом и Новом Свете в результате буржуазно-либеральных революций и гражданских войн. В этой связи нельзя избежать того, что реальное положение дел в силу каких-то причин не будет восприниматься адекватным образом из-за стереотипов и штампов, перманентно встречающихся у апологетов классических концепций, традиционно *идеализирующих* «западную» модель демократии, «западные» ценности, «западный» менталитет и «западный» стиль жизни⁵³⁶.

Отмеченное выше, с полным основанием относится и к праву избирать и быть избранным, несмотря на XV поправку⁵³⁷, одобренную штатами к началу февраля 1870 года, так как в преддверии XX века *всего лишь около двадцати процентов мужского населения* Соединенных Штатов юридически обладали

гласит: «Социологическое решение: суд обосновал свое решение по сегрегации сердцами и умами, а не законом». Лишь с 1960-х годов (!? – Э.Е.) суды начали использовать четырнадцатую поправку для навязывания концепции равенства, *в которую не верили* ни авторы Декларации независимости, ни авторы конституции, Билля о правах, «Федералиста» и геттисбергской речи. До 1960-х годов равенство означало возможность каждого гражданина (заметим, что об этом пишет североамериканец, бывший кандидат в президенты, а не какой-нибудь советский или российский журналист. – Э.Е.) получить конституционные права и возможность равной защиты в рамках существующего закона. Ни конституция, ни федеральное законодательство *не предусматривали социального, расового или гендерного равенства...*». – Цит. по: Бьюкенен, Патрик. Самоубийство сверхдержавы... – С. 283. Подробнее см.: Roy P. Basler. The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 5... – P. 388; Willmoore Kendall. Contra Mundum... – P. 354; Tomas E. Woods, Kevin Gutzman. Brown vs the U.S. Constitution //vdare.com. July 25. 2008. Как ни странно, но «Град на холме» продолжает всех учить демократии.

⁵³⁶ См.: Хантингтон, Самюэль. Столкновение цивилизаций /Пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: Изд-во АСТ, 2017.

⁵³⁷ Так, читаем: «... Право голоса граждан Соединенных Штатов не должно оспариваться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку расы, цвета кожи либо выполнения ранее подневольных работ». – Цит. по: Поправка XV к Конституции США //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 135.

возможностью отдать свой голос за соответствующего кандидата на выборах муниципального, регионального и федерального значения⁵³⁸. Следовательно, ни о каком «народном суверенитете», провозглашенном в преамбуле⁵³⁹, при котором единственным «источником» и «носителем» государственной власти объявляется народ, в стране, позиционирующей себя «оплотом демократии», *говорить не приходится*, тем более в контексте отсутствия равенства прав – на момент вступления в законную силу XV поправки – по *гендерному признаку*. Другими словами, избирательное право не имело всеобщего характера, что в большей или меньшей степени не может не свидетельствовать о фиктивности институтов народовластия и голословности утверждений о том, «что все люди созданы равными и наделены... определенными неотчуждаемыми правами». В то же время нельзя игнорировать либерализации электоральных процедур, в результате которых существенным образом *был расширен избирательный корпус*, особенно в южных штатах (на территории которых набирала обороты так называемая «*реконструкция*», призванная восстановить, пострадавшие в войне регионы), где, помимо бывших «colored people», *дееспособные белые граждане получили качественно иной юридический статус*, по сравнению с тем, что имел место в предыдущий период. Речь не идет о правящих элитах и их ближайшем окружении, *de jure* рассматривавшихся носителями активного и пассивного права с колониальной эпохи, «полноценными» стали *многие из тех, кто ранее не отвечал необходимым требованиям*, прежде всего, что естественно для социально и экономически дифференцированного общества, *имущественному цензу*, основанному на праве частной собственности⁵⁴⁰.

⁵³⁸ Об этом см.: Тилли Ч. Демократия. – М.: Институт общественного проектирования, 2007. – С. 123.

⁵³⁹ В частности, читаем в переводе на русский язык: «Мы, народ Соединенных Штатов, с целью образовать совершенный Союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать всеобщему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим провозглашаем и устанавливаем настоящую Конституцию для Соединенных Штатов Америки...». – Цит. по: Конституция Соединенных Штатов Америки 17 сентября 1787 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 112.

⁵⁴⁰ Рассматривая процесс «реконструкции», нельзя не сказать о том, что одним из важнейших событий первых послевоенных лет стали выборы в Конституционные конвенты 10 южных штатов 1867 года. На данный факт обращают внимание государствоведы и историки конституционно-правовых отношений: «... Предоставление неграм права голоса было крупным завоеванием не только негритянского, но и всего американского народа. Действительно, на основании закона о Реконструкции более 1 млн негров, 75% из которых не умели ни читать, ни писать, получили право голоса. Одновременно это же право получили более 1 млн белых, свыше 30% из них

Когда мы констатируем фиктивный характер «народного суверенитета», то в известной степени модернизируем ситуацию, так как проводить прямые аналогии и параллели с современной электоральной практикой не всегда и не во всем корректно, тем не менее, нельзя не признать тот факт, что XV поправка внесла в действующие правила *новеллы*, позволившие воспринимать термин «народ» несколько шире с социальной точки зрения, что, как ни странно, было позитивно воспринято правящими элитами, пришедшими на смену всем тем, с кем ассоциировалось противостояние «северян» и «южан». Формирование Конституционных конвентов, приоритетной целью которых была *подготовка и принятие новых конституций*, ставших фундаментом политических систем, действующих на более демократических принципах, проходило при активном участии бывших «colored people», внесших в процесс *если не решающий, то значительный вклад*. Правда, не следует игнорировать достаточно важного, во многих аспектах принципиального, обстоятельства: *одно дело* – выборы, то есть непосредственная форма демократии, когда уровень образования имеет в целом факультативное значение, *другое* – осуществление законодательных функций в качестве члена Сената или Палаты представителей, когда от опыта и профессионализма зависит не только карьера того или иного конгрессмена, но и престиж штата и партии, с которыми он связан, чьи интересы выражает и с кем планирует продолжать отношения в качестве «народного избранника». В этом случае бывшие «colored people» и белые, *получившие право войти в состав национальной правящей элиты*, не выдерживали – по экономическим причинам в первую очередь – конкуренции с выпускниками университетов и колледжей,

также были неграмотными. Это была по тем временам самая демократическая избирательная реформа в мире... Негры (при огромном сопротивлении плантаторов в лице куклуксклановцев, развязавших террор не только против бывших «colored people», но и в отношении белых. – Э.Е.) приняли активное участие в избирательной кампании. В 10 южных штатах 700 тысяч негров и 600 тысяч белых зарегистрировались в качестве избирателей. 200 тысяч бывших мятежников были лишены в этой кампании права голоса. Первые выборы, проведенные в период радикальной Реконструкции, привели к серьезному поражению реакции. За созыв конституционных конвентов проголосовали 693 069 избирателей, против – 142 260. Решающую роль в победе республиканцев на выборах сыграли голоса черных избирателей. Обеспечив своими голосами созыв конвентов, негры не сумели добиться соответствующего представительства в этих органах. Негры составляли приблизительно 43% всего населения 10 штатов и получили 25% всех мест в конвентах; белые же составляли 57% населения, а получили 75% мест. Это явилось следствием того, что белые радикальные республиканцы рассматривали негров как союзников второго сорта и дискриминировали их, когда решался главный вопрос – вопрос о власти...». – Цит. по: История США. Том 1. 1607 – 1877... – С. 489-490.

идуших во властные структуры с определенной целью, что также свидетельствует не в пользу принципа «народного суверенитета» (несмотря на то, что плантатор и его близкие являлись не кем иными, как *неотъемлемой* частью гражданской нации), если под ним подразумевать один из элементов *народовластия* в буквальном смысле слова⁵⁴¹.

Последовательно принятые одна за другой поправки к конституции, где о правах и свободах человека «отцы-основатели» в силу различных причин предпочли ничего не говорить, стали, по существу, *переломным моментом в истории Соединенных Штатов*, создав необходимые предпосылки перехода к дальнейшей демократизации политической системы, сумевшей преодолеть, пусть и с большими издержками, кризис и адаптироваться к новым условиям, в рамках которых процесс государственного строительства *приобретет еще большие очертания* того, чем традиционно характеризуется «либеральная» модель демократии и ее «североамериканский» вариант. Нельзя не признать, что важнейшую роль во всем этом сыграли два взаимосвязанных события, так или иначе определившие парадигму дальнейшего развития общественных и публичных институтов: речь идет о сохранении территориальной целостности и отмене рабства, без актуализации которых *стагнация и регресс*, вероятно, приобрели бы более отчетливые очертания, неотвратимо приближая страну к ее деградации и распаду на несколько самостоятельных образований. Перед нами яркий пример того, к каким непредвиденным последствиям приводит

⁵⁴¹ Как мы отметили выше, основная задача Конвентов, созданных в первой половине 1868 года, состояла в подготовке и принятии новых конституций десяти южных штатов, с чем они достаточно успешно справились. С точки зрения интересов бывших «colored people» состоявшиеся выборы и учредительные конвенты также были событиями большого значения, так как «впервые за всю историю представители негритянского народа получили право участвовать в работе официальных органов. Новые конституции подлежали ратификации избирателями. Негры приняли активное участие в голосовании и при помощи белых республиканцев добились ратификации конституций. В марте 1870 года все 10 штатов были приняты в Союз. Одновременно с голосованием по вопросу новых конституций происходили выборы в конгресс, а также выборы членов законодательных органов штатов, губернаторов и прочих должностных лиц. Республиканцы на этих выборах одержали решительную победу, которая также была обеспечена голосами негров-избирателей. После принятия бывших мятежных штатов в Союз в конгрессе прибавились 12 сенаторов и 32 члена палаты представителей. Из 32 новых членов палаты представителей все, за исключением двух, были республиканцами, 10 сенаторов и 16 членов палаты представителей были северянами. Среди избранных в конгресс не было ни одного негра. Решающую роль в принятии новых конституций сыграли избиратели-негры. Новые конституции южных штатов отличались друг от друга в деталях, но суть их была одна – они провозглашали новый, буржуазный путь развития бывших рабовладельческих штатов, декларировали предоставление равных прав неграм...». – Цит. по: История США. Том 1. 1607 – 1877... – С. 490-491.

компромисс между правящими элитами, стремящимися в угоду собственным интересам «закрыть глаза» на вопиющие нарушения прав и свобод человека, мотивируя тем, что перед государством на данном этапе стоят более важные и приоритетные задачи, чем правовое положение конкретных групп и слоев населения и их дискриминация по расовым, имущественным либо гендерным признакам. Именно игнорирование соответствующих проблем, выходящих за рамки достигнутого компромисса, поставило государство и общество на грань конфликта, *способного радикализировать ситуацию* до такой степени, что у них не нашлось никакого иного выхода, кроме «федеральной интервенции» и четырехлетней гражданской войны. Справедливости ради надо отметить, что урок не прошел даром: выводы, которые были сделаны правящими элитами, привели к тому, что практика приобрела более адекватное содержание.

Итак, подытоживая сравнительный анализ тенденций государственного строительства, наблюдавшихся в течение XIX века в крупнейших современных «западных» демократиях, мы не можем не сделать вывод о том, что процесс трансформации конституционно-правовых отношений носил противоречивый и *специфический* характер, обусловленный причинами, *de facto* вытекавшими из особенностей эволюции и «базиса», и «надстройки», осуществлявшейся в Старом и Новом Свете *при переходе от одной модели* взаимодействия «элит» и широких слоев населения, все меньше отвечавшей «реалиям жизни» и тем задачам, с которыми олицетворялось движение вперед, *к другой*, требующей принципиально иных подходов к базовым институтам публичного механизма, способствующим его актуализации на всех уровнях политической системы. На фоне прочих *факторов, лежащих в основе либерализации* важнейших сфер общественных отношений, демократия как один из инструментов реализации концепции «народного суверенитета» постепенно перестает *восприниматься* «кабинетной» идеологемой, провозглашенной в буржуазных декларациях о правах человека и учредительных актах в качестве «гипотетического» условия для скорейшего формирования новой гражданской нации, эволюционируя от чисто абстрактного явления в направлении конкретных органов и структур. В то

же время нет никаких причин ставить знак равенства между «демократией» (при том, что *подобная дефиниция не использовалась* ни в законодательстве, ни в административной, ни в судебной практике) и «народовластием», так как между ними, строго говоря, *было больше различий, чем чего-то общего*, хотя чисто терминологически речь идет о тождественных значениях. Как правило, также не пользовалось спросом и такое понятие, как «республика», однако в данном случае «игнорирование» носило вполне осознанный характер.

Во-первых, практика наглядно показывает, что доминантным вектором, в Европе прежде всего, следует рассматривать *не полный отказ* от имевшей место феодально-абсолютистской парадигмы государственного устройства, а *ее модернизация и трансформация в модель*, организационно качественно – в общем и в деталях – *отличавшуюся от своей предшественницы* как с точки зрения разделения властей, так и содержания функций, которыми наделялись представительные, исполнительные и судебные органы, *de jure легитимным образом ограничивая прерогативы наследственного главы государства*, то есть конституируя статус «источника» и «носителя» власти в лице монарха с учетом делегируемых и контролируемых со стороны «избранников народа» полномочий. Нередко в качестве «примера для подражания» использовался опыт Соединенного Королевства, сумевшего, несмотря ни на что, найти своего рода «золотую середину» между абсолютизмом и парламентаризмом. Лишь Франция старалась придерживаться «эксклюзивного» пути развития.

«Эксклюзивность» (если не уникальность, так как в истории государства и права вряд ли найдется страна, считающая себя демократической, где всего за несколько десятилетий сменился не только ряд национальных лидеров, но и форм правления или политических режимов) процессов, *с разной степенью активности* протекавших в масштабах родины «Декларации прав человека и гражданина», тем либо иным образом вытекала из того факта, что правящие элиты в силу ряда объективных и субъективных причин не могли однозначно и бесповоротно определиться, какой форме правления – республиканской или монархической *отдать предпочтение* и согласиться *пойти на компромисс* в

виде «общественного договора», устроившего либералов и консерваторов, с привлечением к его апробации электорально дееспособную часть населения, параллельно продолжая ограничивать в активном и пассивном праве всех тех, кто не соответствовал необходимым критериям и требованиям, прежде всего женщин. Именно тем обстоятельством, что права и свободы во многих случаях носили не что иное, как *декларативный характер*, в частности, голословность всеобщности избирательного права, о которой идет речь в пункте 24 главы IV Конституции 1848 года, можно в известной степени объяснить такое явление, как «чехарда ребрендингов», ставшее неким подобием «визитной карточки» всего периода, начавшегося после «наполеоновских войн» и завершившегося с принятием конституционных законов Третьей республики.

Не менее «знаковыми» и «симптоматичными», в контексте постепенной либерализации электоральных процедур (при сохранении цензов, *многие из которых уходили своими «корнями» в архаику средневековья и сословность учреждений парламентского типа*), расширения «субъектного», численного и территориального представительства избирательного корпуса, для романо-германской и англосаксонской традиции следует считать – *не восприятие* как на уровне национальных элит, так и подавляющего числа местного населения, даже в тех странах, которые выходили из-под юрисдикции других государств, приобретая самостоятельность и суверенный статус, *республиканской формы правления*, отдавая предпочтение проверенной веками монархии, причем в ее трансформированном варианте, в виде конституционно-ограниченной, как правило, *взяв за образец* Соединенное Королевство и его *комбинированные парламентско-монархические* структуры, по целому ряду фундаментальных, системообразующих параметров ставшее в результате «Славной революции» современным. Этому примеру следовала не только Германия, пытаясь каким-то образом объединить территории и создать единое немецкое государство, но и Франция, стремившаяся как-то приспособить к практике конституционно-правовых отношений несколько вариантов республиканской и монархической модели взаимодействия граждан, имущих классов и правящих элит.

Во-вторых, акцентируя внимание на том факте, что преобладающей или приоритетной тенденцией для правящих элит западноевропейских монархий ангажируется *не слом функционально устаревшей модели* государственного устройства и замены последней на более современную, *а реструктуризация и частичная модернизация действующей формы правления*, одновременно с институализацией системы разделения властей и механизмов «сдержек и противовесов», необходимо иметь в виду следующее: в результате реформ к последней трети XIX конституционные монархии *почти ничем не отличались* от республик парламентского типа, за исключением пожизненной должности лица, персонифицирующего собой главу государства. Так, если сопоставить, с нормативной точки зрения, «предметы ведения» французского президента и, к примеру, его германского, шведского или британского коллегу, то во многих случаях у компаративиста появятся сомнения, о какой форме правления идет речь и кому непосредственно принадлежат соответствующие прерогативы, *до такой степени* идентичности доходят права и обязанности, закрепленные за каждым из них на конституционном или законодательном уровне. Знаковой иллюстрацией может служить период «чехарды ребрендингов» во Франции, в течение которого государство попеременно возглавлял – то монарх (король и император), то президент, однако каких-нибудь существенных отличий в их полномочиях, в том числе в сфере исполнительной власти, нам обнаружить не удастся. Аналогичным образом обстояли дела и в монархиях, за исключением ситуаций, при которых действовали разные системы наследования, или тогда, когда ограничения касались более широкого спектра не только *светских*, но и *конфессиональных* функций. Сказанное, относится к механизму «сдержек и противовесов», в частности, отстранению от должности в виде *импичмента*, взятом на вооружение правящими элитами из практики Туманного Альбиона, и получившем развитие в отдельных государственных образованиях, позднее вошедших в состав Германской империи. Другими словами, *рецепция* имела место не только в рамках частноправовых отношений, что естественно, но и в более широком политико-юридическом и институциональном контексте.

Однако к какой бы форме правления мы ни обратились, пытаясь понять закономерности, с которыми тем или иным образом были связаны проблемы трансформации конституционно-правовых отношений, в глаза бросается чаще всего один факт – *фиктивный* характер «всеобщности» избирательного права, нашедшем воплощение в законодательном регламентировании механизмов, дифференцирующих население на граждан «первого» и «второго» сорта, так как под этим термином *понимались исключительно мужчины*, причем не все, а лишь отвечавшие в полном объеме необходимым требованиям. Что также сближало западноевропейский монархизм и республиканизм XIX века.

В-третьих, справедливости ради нельзя не сказать, что и в Соединенных Штатах процесс трансформации конституционно-правовых отношений имел, за вычетом, условно говоря, национальной специфики, тенденции, во многих аспектах идентичные европейским, в то же время обусловленные причинами, не характерными для англосаксонской и романо-германской традиции в их, так сказать, «чистом виде». Своего рода квинтэссенцией проблем, с которыми столкнулись правящие элиты после вступления в силу Конституции 1787 года, ставшую овеществлением компромисса между апологетами федеративного и унитарного государства, можно рассматривать два тесно связанных вопроса: с одной стороны, соотношение и гипотетическая «конвергенция» *буржуазно-либеральной и рабовладельческой* экономики, их способность предотвратить или хотя бы предельно смягчить гражданский конфликт между «северянами» и «южанами», с другой – *степень демократизации реального юридического положения* отдельных групп населения *на фоне деклараций о «равенстве и обладании неотчуждаемыми правами»*, в том числе свободой и стремлением к счастью. Так или иначе попытки выдать «желаемое» за «действительность», с учетом объективного диссонанса указанных категорий между собой, в итоге привели к коллизии, для разрешения которой со стороны рабовладельческих регионов потребовались «парад суверенитетов» и сецессия, на что остальные – ответили «федеральной интервенцией» и блокадой, *принуждая к отказу от*

ценностей, противоречивших правилам, прямо или косвенно вытекающим из «буквы» и «духа» важнейших учредительных документов.

К числу североамериканских особенностей, оказавших влияние на ход и темпы государственного строительства во второй половине XIX века, следует отнести не сам факт наличия института рабовладения, а то, *каким образом его пытались сохранить*, сначала закрепив в Конституции Южной конфедерации 1861 года, а затем вступив в войну против «северян», совершенно не обращая внимание на имевшиеся преимущества оппонентов, так как «южанам» было что терять: речь идет не только о внеэкономическом принуждении как *основе материального и социального благополучия белых граждан* мужского пола, но и о том статусе, которым они обладали благодаря цвету кожи, традиционно *дававшему право избирать и быть избранным*, тем самым – рассчитывать на то, чтобы в перспективе стать частью правящей элиты, со всеми вытекающими из этого последствиями. Поэтому освобожденный «colored people» считался *a priori* не кем иным, как потенциальным *конкурентом*, при наличии легальных оснований, и на рынке труда, и в электоральном процессе, и в легислатурах, и в органах исполнительной или судебной власти, *чего не могли допустить* ни при каких условиях правящие элиты «хлопковых» штатов, привыкшие к более комфортному для них общественно-политическому режиму.

В-четвертых, сохранив территориальную целостность сложносоставного государства и предоставив «colored people» свободу (затем – наделив правом участвовать в выборах и претендовать на занятие федеральных, региональных и муниципальных должностей), *никому*, как это ни парадоксально, *не пришло в голову* сделать следующий, вполне предсказуемый с точки зрения здравого смысла и логики, шаг – *полностью отказаться от ограничений*, связанных с гендерным и имущественным цензами, оставив данный вопрос не решенным *еще на несколько десятилетий*. Подобная метаморфоза была характерна как для общенационального уровня, так и для штатов, более того, если проводить параллели с тем, что имело место за океаном, то и там по каким-то причинам прослеживалась во многом аналогичная тенденция, лишавшая значительный

процент дееспособного населения возможности либо отдать свой голос кому-то из кандидатов, либо заявить о себе в качестве последнего. Таким образом, *не говоря об этом открыто*, правящие элиты делали часть граждан страны не кем иными, как *ограниченно дееспособными по признакам пола и другим основаниям*, абсурдность которых не вызывает никаких сомнений. О какой же тогда демократии может идти речь, если ни непосредственно, ни при помощи своего представителя в органе законодательной, исполнительной и судебной власти (учитывая тот факт, что судейский корпус во многих регионах занимает посты, в том числе, путем выборов по партийным квотам) гражданин не может ничего реализовать как «источник» и «носитель» этой самой власти?

Как бы «отвечая» на этот вопрос, законодатель штата Колорадо 8 ноября 1893 года – *более чем* за четверть века до XIX поправки к Конституции – решает предоставить женщинам избирательное право, что, без преувеличения, стало для Соединенных Штатов (как следствие, для государств Старого Света) своего рода «миной замедленного действия», *de facto* взорвавшей патриархальный *дискриминационный механизм*, давно *не отвечавший требованиям дня*, и во многом *тормозивший* поступательное движение вперед. Однако даже в этом случае, говоря о тенденциях, в основном присущих процессу трансформации конституционно-правовых отношений, у нас не должно возникать иллюзий по поводу того, что *ни о какой спонтанности* речь не идет в принципе: правящие элиты, как правило, не только контролировали ситуацию, но и продвигали ее в нужном для них направлении, используя для достижения цели чрезвычайно широкий спектр политико-правовых инструментов – начиная с компромисса, в виде учредительного акта, временного соглашения или иного юридического документа, и заканчивая «федеральной интервенцией». При этом итог всегда, за редким исключением, был один – вся полнота власти концентрировалась в руках правящей элиты и бюрократического аппарата, а народ, провозглашаясь ее «источником» и «носителем», имел к ней *опосредованное* отношение.

ГЛАВА 3. ДЕМОКРАТИЯ КАК ФАКТОР СТАГНАЦИИ, РЕГРЕССА И ДЕГРАДАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. Корректировка либеральной концепции народовластия и ее отражение в теории государства и права

Ушедший в историю XIX век, заслуживает, вне всякого сомнения, самых разных «оценок», среди которых периодически встречаются до такой степени противоречивые, что непроизвольно встает вопрос: оправдались (если да, то в каком объеме?!) или нет предположения «кабинетных» ученых о процессе государственного строительства с учетом таких *фундаментальных явлений*, как промышленная революция, падение абсолютизма и переход к монархии ограниченного типа либо полный отказ от столь архаичной формы правления с ее заменой республиканизмом⁵⁴², актуализация неканонических конфессий, секуляризация церкви и ряд *не менее знаковых тенденций*, влияние которых не

⁵⁴² Ранее по тексту мы уже неоднократно говорили о том, что, даже несмотря на французскую революцию и ее итоги, преобладающей парадигмой в Европе становится не ликвидация монархии, как таковой, а переход к новой модели государственного устройства, основанной на сочетании (причем в самых разных пропорциях) монархических и парламентско-представительных институтов, с юридическим закреплением последнего в тексте кодифицированной или некодифицированной конституции. В связи с этим, акты такого рода не могли не стать предметом исследования со стороны философов и государствоведов. Например, Фердинанд Лассаль отмечал по этому поводу в одной из своих работ: «... Теперь все с раннего утра до позднего вечера толкуют о конституции. Во всех газетах, во всех обществах, во всех трактирах только и речи, что о конституции. Однако, если я спрошу серьезно: в чем состоит сущность, понятие конституции, – то весьма опасаясь, что из стольких рассуждающих найдется очень немного способных дать удовлетворительный ответ. Многие при этом вопросе почувствуют необходимость схватиться за том собрания прусских законов 1850 года и вычитать в нем о прусской конституции. Но вы видите, что это не будет ответом на мой вопрос. Ведь в том же этом помещено только *особенное содержание* известной, именно прусской конституции, и, стало быть, – весьма справедливо констатирует один из создателей так называемого «Всеобщего германского рабочего союза», – и он не может дать ответ на вопрос: в чем состоит сущность, понятие конституции вообще? Если я задам вопрос юристу (предпочтительнее, по нашему скромному мнению, специализирующемуся на проблемах публичного, а не частноправового или какого-либо иного характера. – Э.Е.), он скажет мне в ответ: «Конституция есть договор, клятвенно заключенный между королем и народом и устанавливающий основные принципы законодательства и правления страны». Или, так как есть и республиканские конституции, он даст более общее определение: «Конституция есть провозглашенный в стране основной закон, устанавливающий организацию публичного права в этой нации». Но все эти и тому подобные формальные юридические определения так же далеки от настоящего ответа на мой вопрос, как и предыдущий ответ. Все они представляют лишь внешнее описание того, как *делается* конституция и что она *делает*, не объясняя, *что такое* конституция. Они дают критерии, признаки, по которым можно внешним и юридическим образом *узнать* конституцию. Но они не говорят нам (прошло много лет, но с этой точки зрения ничего не изменилось. – Э.Е.), в чем состоит *понятие, сущность* конституции. Поэтому они оставляют нас в совершенном неведении насчет того, хороша или дурна, возможна или невозможна, прочна или непрочна данная конституция...». – Цит. по: Лассаль, Фердинанд. О сущности конституции. Речь, произнесенная в одном берлинском бюргерском окружном собрании в 1862 году // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 434-435.

могло не найти отражения в политической системе стран, ассоциирующих себя с «западной» – либеральной – моделью демократии?

Современного компаративиста, изучающего феномен «народовластия», не может не интересовать реально существовавшая дифференциация между «желаемым» (конституционно-правовыми декларациями, нормами-целями, если использовать лексику из научной литературы) и «действительностью» (то есть «тем», что наблюдалось на практике), выражавшаяся в юридическом и социальном статусе той части общества, которая в предшествующий период в некоторых западноевропейских странах именовалась «третьим сословием». Естественно, что к концу XIX – началу XX века *речь вообще не шла о чем-либо подобном*, поэтому вдвойне интересно проследить, каким образом протекал процесс, благодаря которому со временем возникнет институт «ценностей», в том числе – мультикультурализма, политкорректности и толерантности, *без которых* теперь уже трудно вообразить общество, где приоритетом считается защита прав и свобод не граждан традиционных взглядов на семью, гендер и публичное управление, а представителей разнообразных «меньшинств».

Рассматривая динамику того, как «третье сословие» эволюционировало и трансформировалось в «источника» и «носителя» власти, обозначавшегося в учредительных актах термином «народ», критик буржуазного либерализма, весьма активный участник демократического движения Фердинанд Лассаль, перефразируя название известного памфлета политического деятеля периода французской революции аббата Сиейеса, писал: «... Что такое третье сословие *фактически, в действительности?* – Все!.. Но что оно *по праву?* – Ничто!.. Дело, следовательно, состояло в том, чтобы *уравнять правовое* положение третьего сословия с его *фактическим* значением (вот в чем дилемма между декларациями, провозглашенными правящей элитой в каком-то документе, и их овеществлением. – Э.Е.), чтобы придать этому фактически существующему значению правовую санкцию и признание... Необходимо предложить вопрос: кто был этим третьим сословием или буржуазией (несколько упрощенный и схематичный взгляд на тех, кто олицетворял собой весьма существенную часть

общества, в состав которой входили многие категории городских и сельских обывателей, никак не подпадавших под понятие «буржуазия». – Э.Е.), которая во французскую революцию одержала победу над правительственными сословиями и достигла господства в государстве? Так как это третье сословие противостояло привилегированным, законом предпочитаемым, сословием, то оно тогда в первый момент *сочло себя всем народом* и смотрело на свое дело, как на дело всего человечества...»⁵⁴³.

Отстаивая узко-корпоративные интересы, буржуазия в первую очередь имела в виду собственные права и свободы в сфере политических отношений, поэтому на определенном этапе они *в той либо иной степени совпадали*, что вполне естественно, с тем, чего добивались экономически и социально более зависимые группы населения, требовавшие равенства со всеми остальными: «... Провозглашаются права *человека*, – подчеркивает, прослеживая динамику автор, – и, по-видимому, с освобождением и господством третьего сословия перестали существовать всякие привилегии в обществе, и всякие *правовые привилегированные* различия между людьми растворились в единой свободе человека... Необходимо поставить вопрос прямо (*актуальность* которого до сих пор остается в силе. – Э.Е.): было ли дело третьего сословия действительно делом всего человечества, или это третье сословие – буржуазия – заключало в себе еще четвертое (в данном случае речь идет о так называемом «*рабочем сословии*», апологетом которого считался цитируемый немецкий мыслитель, общественный деятель и сторонник марксизма. – Э.Е.) сословии, от которого оно было намеренно отделиться в своих правах и подчинить его себе?.. Можно ли третье сословие, достигшее французской революцией господства, рассматривать как буржуазию... и хотела ли эта буржуазия подчинить народ своей привилегированной политической власти, и подчинила ли она его фактически? Ответ на этот вопрос дают крупные иностранные события, и ответ – *решительно*

⁵⁴³ Цит. по: Лассаль, Фердинанд. О программе работников. Речь об особенной зависимости между настоящим периодом истории и идеей рабочего сословия // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 437. С этим нельзя не согласиться, так как именно буржуазия, а не рабочий класс, стала составным элементом правящей элиты, вытеснив на обочину политического процесса бывшие привилегированные сословия.

утверждающий... Уже в период конституции (имеется в виду акт высшей юридической силы, принятый в начале сентября 1791 года. – Э.Е.), созданной французской революцией... установлено различие между *citoyen actif* (активным гражданином) и *citoyen passif* (пассивным гражданином), причем только первые пользуются избирательным правом (чуть ранее мы уже обращали внимание на отмеченный факт. – Э.Е.); активным гражданином по этой конституции считается только тот, кто платит *прямой налог* известного, точно определенного размера... Но еще важнее пункт, объявлявший всех тех *пассивными* гражданами, которые были *serviteurs a gages*, то есть служащими за плату; этим все рабочее сословие было явно лишено избирательного права. Наконец, в таком пункте важен не *размер* налога, а сам *принцип*... Был введен *ценз*... определенное *гражданское имущество* было поставлено условием участия посредством избирательного права – этого первого и важнейшего политического права – в определении государственной воли и цели...»⁵⁴⁴.

Однако парадокс состоит в следующем: с момента написания работы и событиями, с которыми связаны глубинные процессы эволюции буржуазного государства и права в наступившем новом веке, по ряду критериев явившимся вершиной их развития, практически не произошло кардинальных изменений, что свидетельствует о появлении первичных предпосылок будущей стагнации и регресса, постепенно *подготовивших социальные и политические условия* для начала кризиса «западной» модели демократии. Доминирующей формой

⁵⁴⁴ Цит. по: Лассаль, Фердинанд. О программе работников. Речь об особенной зависимости между настоящим периодом истории и идеей рабочего сословия // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 437-438. В качестве вывода следует тезис, содержащий констатацию того, о чем мы неоднократно и подробно говорили в предыдущих главах: «... Все те, которые вообще не платили прямых налогов, или платили в недостаточном размере, или же были *наемными рабочими*, все они были лишены участия в управлении государством и превращены в управляемую подчиненную массу. *Гражданское имущество* или *владение капиталом* стало условием участия в государственной власти...». – Там же. – С. 438. Как мы видим, автор акцентирует внимание в первую очередь на *имущественном цензе*, ничего не говоря, в контексте отсутствия «всеобщности» права избирать и быть избранным, о дискриминации по половому признаку, никак не обращая внимание на то, что *миллионы женщин*, отвечавшие тем же критериям, что и мужчины, *были лишены* какой-либо возможности принять участие в управлении государством. Мы намеренно в своем сравнительном исследовании отступили несколько назад, чтобы проиллюстрировать тот факт, что, вполне оправданно сетуя на то обстоятельство, что представители «четвертого сословия» легально отстранены от избирательного процесса, мыслитель и его последователи не обращают внимание на совершенно идентичную ситуацию, в которой находятся женщины. Парадокс состоит в том, что, восхищаясь избирательной реформой 1848 года, расширившей электоральные права дееспособных мужчин, он ничего не говорит, что под «всеобщностью» понималось право, основанное на *гендерном цензе*, из-за которого большое количество граждан *de jure* были его лишены.

правления оставалась монархия, ограниченная конституцией и поставленная под контроль правящих элит, непосредственная демократия была в основном сконцентрирована в избирательном процессе (референдум, как и иные виды плебисцита, воспринимался, скорее, экзотикой, чем властным инструментом), связанном с формированием представительных органов общенационального, регионального и местного уровня, поэтому критическая масса большого круга проблем *не могла до бесконечности оставаться в статическом состоянии*, что в перспективе грозило переходом «общественных ожиданий» в плоскость плохо предсказуемых и подчас не контролируемых последствий.

Несмотря на то, что термин «третье сословие» *вышел из употребления*, а состав указанной социальной категории утратил свой прежний «имидж», у исследователя не должно складываться ложного представления о какой-либо гармонии между обществом, имущими классами и правящими элитами, даже при наличии «внешних атрибутов» в виде оппозиционных печатных изданий, парламентских политических партий или профессиональных союзов: «статус-кво», достигнутый либеральными и консервативными элементами, старались в той или иной степени соблюдать все заинтересованные стороны, не пытаясь склонить чашу весов как «влево», так и «вправо», чему способствовали меры, время от времени предпринимавшиеся властными структурами⁵⁴⁵.

В связи с этим, нас прежде всего интересует тот теоретический багаж, с которым западноевропейские государства готовились вступить в следующую стадию цивилизационного развития, где уже не будет возможностей говорить о правах и свободах человека (то есть всех тех, кто еще совсем недавно носил

⁵⁴⁵ Сказанное выше, относится и к Соединенным Штатам, где существовало свое «третье сословие» в лице нескольких миллионов «colored people», получивших благодаря XIII, XIV и XV поправке сначала освобождение от рабства, а затем права граждан страны, в том числе избирать и быть избранным (при наличии, естественно, гендерного ценза). Как справедливо констатирует историк Фернан Бродель, «тысячи деталей повседневной жизни показывают, что *политические уступки*, сделанные чернокожему населению, *оказались напрасными*. Его гражданские права ущемляются, и афроамериканцы остаются «в подчиненном положении». Ситуация усугубляется и тем, что до 1914 года чернокожие жители Америки продолжали жить в основном на Юге (в силу привычек и традиций) и из-за этого не заняли подобающего им места в процессе индустриализации, начавшейся к 1880 году. Они долгое время оставались низко- или полуквалифицированными рабочими, тогда как квалифицированный труд являлся уделом белых. Эмиграция чернокожего населения усилилась только после Первой мировой войны, когда жители Юга стали перебираться в Гарлем в Нью-Йорке, в Чикаго (городской «черный пояс»), в Детройт...». – См.: Бродель Ф. Грамматика цивилизаций... – С. 464.

собирательное название «третье сословие») в их *декларативном* смысле, без *материализации* в форме соответствующих законодательных и подзаконных актов, позволивших бы ликвидировать, ставший по существу *традиционным*, политико-правовой диссонанс между «желаемым» и «действительностью». К счастью, мы не погрешим против истины, если сделаем вывод о значительном продвижении научной мысли в направлении *концептуального обоснования необходимости скорейшего перехода* к практике общественных отношений, в центре которых находился бы человек, его права и свободы.

Одним из тех, кто констатировал (хотя первоначально стоял на позициях так называемой «юриспруденции понятий», рассматривавшей право в отрыве от социального контекста, условно говоря, в «чистом виде», ограничивая его интерпретацией законодательства), что «не жизнь существует ради понятий, а понятия – ради жизни», был профессор права Рудольф фон Иеринг, сначала разделявший взгляды апологетов *исторической школы*, однако позднее во многом критически пересмотревший ее важнейшие «идеологемы», прежде всего тезис о закономерности развития права, актуализировав диаметрально противоположное понимание указанного процесса, согласно которому право связано с целесообразной деятельностью людей и утверждается посредством борьбы, а *не является итогом* бессознательного и бесконфликтного развития «народного духа». Более того, ученый предложил относиться к праву (в том числе изучать) не как к оторванной от повседневной практики системе норм и понятий, а как к действующему правопорядку, обусловленному социальными целями и интересами общества или отдельных граждан⁵⁴⁶.

⁵⁴⁶ Как бы к ней не относиться, но действующая до сих пор в Соединенных Штатах Конституция 1787 года, во многом подтверждает мнение немецкого профессора права, благодаря которому в западной юридической науке начинает формироваться дифференциация в праве двух аспектов – *формального* и *содержательного*. С точки зрения современных англо-британских ученых, анализирующих «живучесть» учредительного акта, первоначальному (без «Билля о правах») тексту которого более двухсот тридцати лет, «... много говорилось о потребности в простых учреждениях и принципах с ясным предназначением, тем не менее на протяжении последующих... лет конституция... оказалась документом, восприимчивым к развитию. При всей решимости разработчиков конституции... создать совершенный документ, подверженный абсолютно однозначному толкованию, у них (к счастью) это не получилось. Конституции Соединенных Штатов предстояло обеспечить правовой фундамент лишь для одной исторической эпохи, на протяжении которой разрозненные в основном аграрные общества превратились в гигантскую, причем промышленную мировую державу. С одной стороны, конституцией... предусматривалось внесение созревших поправок, но в большей степени свою роль сыграла эволюция толкований догматов, сформулированных в ней. По большому счету она осталась прежней; пусть даже

Крайне неоднозначно воспринимая итоги XIX века, нельзя в то же время не согласиться с тем, что если бы народ «безмолвствовал», отсиживался дома, а не шел защищать идеалы буржуазно-либеральной революции на баррикады или в ополчение, еще не факт, что правящие элиты Соединенного Королевства и Франции (перечень государств и регионов можно продолжить, приплюсовав к ним, например, Центральную и Южную Америку, продолжительный период территориально являвшихся частью испанской и португальской колониальных империй) исключительно по своей собственной инициативе приняли решение о наделении так называемого «третьего сословия», в лице его мужской части, конкретными правами и свободами, в том числе – в форме *непосредственной и представительной* демократии: «Всякое право в мире было добыто путем столкновений, каждое важное правоположение надо было сначала отвоевать у тех, кто ему противился, и каждое право – все равно, отдельного ли лица или целого народа, – предполагает постоянную готовность его отстаивать. Право есть не просто мысль, а живая сила. Поэтому-то богиня правосудия, имеющая в одной руке весы, на которых она взвешивает право, в другой держит меч, которым она его отстаивает. Меч без весов есть голое насилие, весы без меча – бессилие права. Тот и другой атрибуты дополняют друг друга, – подчеркивает Рудольф фон Иеринг, – и действительное правовое состояние существует лишь там, где сила, с какой правосудие держит меч, не уступает искусству, с каким оно применяет весы...».

Несмотря на известную метафоричность процитированного тезиса, мы не можем не поддержать следующего авторского вывода, *не утратившего* до сих пор *актуальности и востребованности*: «... Право есть непрерывная работа, притом не одной только власти, но всего народа. Вся жизнь права, взятая в ее целом, являет перед нами такое зрелище неустанного напряжения и труда со стороны всей нации, какое представляет деятельность последней в области

формально, но эти черты конституции представляются очень важными. Помимо них (и с этим уже не поспоришь. – Э.Е.) к тому же существуют фундаментальные принципы, которым необходимо следовать даже при выдвижении многочисленных аргументов по поводу их истинного смысла...». – Цит. по: Робертс Дж.М., Уэстад О.А. Мировая история /Пер. с англ. С.А. Белоусова. – М.: Центрполиграф, 2018. – С. 763.

экономического и духовного производства. Всякое отдельное лицо, которому приходит нужда отстаивать свое право, имеет свою долю участия в этой национальной работе, по мере своих сил способствует осуществлению на земле идеи права...»⁵⁴⁷. Заметим, что это написано более ста лет назад.

Подытоживая, целесообразно в качестве аргумента привести мысль, в центре которой лежит вполне здоровое и корректное обобщение того, что есть право с точки зрения *динамики общественных отношений* в преддверии тех «проблем», с которыми придется столкнуться: «... Представление, будто право образуется безболезненно, самопроизвольно, незаметно, подобно полевому растению, есть представление романтическое,... основывающееся на ложном идеализировании прошлого (мы неоднократно обращали внимание на тот очевидный факт, что своего рода «мифологемность» присуща в отношении французской революции или войны за независимость британских «заморских территорий». – Э.Е.): грубая действительность учит нас противоположному... Именно то обстоятельство, что право не достается народам без труда, что им приходится за него бороться и спорить, сражаться и проливать кровь, – это именно обстоятельство завязывает между ними и их правом такую же тесную связь, какая образуется между матерью и рождающимся ребенком благодаря тому, что первая рискует при этом жизнью. Без труда приобретенное право стоит на одной доске с детьми, которых приносит аист (об этом следовало бы помнить

⁵⁴⁷ Об этом см.: *Иеринг, Рудольф*. Борьба за право // *Антология мировой правовой мысли...* Том III. – С. 442. Далее по тексту ученый продолжает, детализируя сущность проблемы: «... Эту именно мысль, что борьба есть работа права и по своей практической необходимости, а также по своему этическому значению должна быть поставлена в такое же отношение к праву, в каком труд стоит по отношению к собственности... Так вот, во всех... случаях, где существующее право находит... поддержку в интересах, новому праву, прежде чем оно получит признание, приходится выдерживать борьбу, которая часто тянется целыми столетиями. Высшей степени напряжения достигает она в том случае, если интересы приняли форму приобретенных прав. Тогда образуются две партии, каждая из которых выставляет своим девизом святость права: одна – права исторического, права прошлых времен (как в случае с сословными политическими правами и привилегиями. – Э.Е.), другая – права вечно формирующегося и обновляющегося (как в случае с тем же «третьим сословием», с оружием в руках, завоевавшим свой новый гражданский и политико-правовой статус. – Э.Е.), исконного права людей на все новые и новые преобразования. Правовая идея вступает здесь в конфликт сама с собой, конфликт, который принимает трагический оборот по отношению к субъектам, отдавшим своему убеждению всю свою силу и все свое существование и в заключение осужденным высшим судом истории. Все великие приобретения, на какие может указать история права: отмена рабства, крепостного состояния, свобода земельной собственности, промыслов, вероисповедания и пр., – все это пришлось добывать лишь таким путем ожесточеннейшей, часто целые столетия продолжавшейся борьбы, и путь, по которому шло при этом право, нередко отмечен потоками крови, всегда же попорванными правами...». – Там же. – С. 443, 445.

всем тем, кто воспринимает права и свободы как некую «данность» или даже «обязанность» государства в лице правящих элит и их ближайшего окружения. – Э.Е): что принесет аист, то может вновь унести лиса или коршун. Но мать, родившая ребенка, не позволит его похитить: точно так же и народ не расстанется с правами и учреждениями, которые он должен был добывать кровавым трудом. Можно смело утверждать, что энергия..., с какой народ держится своего права и отстаивает его, находится в зависимости от величины тех усилий и напряжения, каких оно стоило. Не простая привычка, а жертва создает наиболее прочную связь между народом и его правом...»⁵⁴⁸.

Итак, идея, рефреном проходящая сквозь научное наследие одного из крупнейших государствоведов и историков права, нашедшая отражение в его фундаментальных исследованиях, состоит в том, что право (а нас интересует в первую очередь совокупность норм и актов, регулирующих *конституционно-правовые* отношения) это по существу «живой организм», подверженный тем же «болезням» и «рецидивам», с какими постоянно приходится сталкиваться человеку, и не только тогда, когда он – *ощущает, воспринимает и реализует себя в качестве* «источника» и «носителя» власти, параллельно *продолжая являться обладателем различных прав и свобод*, выходящих за рамки сфер, имеющих какое-либо отношение к государственному механизму. Однако еще более принципиальный вывод «вытекает» из того обстоятельства, что права и свободы, обусловленные участием человека или группы лиц в политической деятельности как «источника» и «носителя» власти, до известного момента не определены *юридически*, с точки зрения единых для всех граждан критериев и оснований, а носят чаще всего *фактический* характер, идентифицируя статус и его иерархию с учетом традиций и сословных привилегий. Иными словами, если

⁵⁴⁸ Цит. по: Иеринг, Рудольф. Борьба за право // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 445-446. С подобного рода обобщениями, вероятнее всего, мы уже не встретимся ни в Европейском союзе, где вопрос об абсолютизации прав и свобод всевозможных «меньшинств», количество которых перманентно растет, уже стоит в повестке дня, ни в Соединенных Штатах, где сексуальные скандалы приводят к тому, что мужчины, в первую очередь белые, отказываются от всего, что еще совсем недавно отличало «джентльмена» и просто вежливого, порядочного человека (ассоциируемого с букетом цветов, предупредительно открытой дверью машины, квартиры или офиса, прочими «знаками внимания» по отношению к представительницам «слабого пола», к которым во многих случаях уже запрещено обращаться, используя подобного рода терминологию) от всех остальных. На место демократии приходит *абсолютизация* прав отдельных категорий граждан.

одни права и свободы можно квалифицировать, исходя из их, так сказать, «естественности», то другие – устанавливаются или санкционируются по воле тех, кем олицетворяется верховная публичная власть⁵⁴⁹. Поэтому ни у кого *не должно быть иллюзий* по поводу того, что правящие элиты, какими бы в итоге либеральными, прогрессивными они себя не позиционировали, *способны без какого-либо давления* со стороны оппонентов, в лице ограниченного в правах населения и оппозиции, *делегировать кому-то хотя бы часть полномочий*, сконцентрированных в их руках, тем более если речь идет о «представителях народа», еще недавно, всего несколько десятилетий назад, ассоциируемых с буржуазией как составным элементом «третьего сословия». С таким трудом и лишениями получив политическую власть, никто не собирался ею делиться и вновь становиться «как все», следовательно, о *демократии* в прямом смысле слова *никто не вспоминает* а priori. Правильно это или нет – другой вопрос⁵⁵⁰.

С учетом сказанного, достаточно своеобразными выглядят идеи того, о ком далеко не в первую очередь можно вспомнить, говоря о концептуальных основах конституционно-правовых отношений, особенно учитывая тот факт, что взгляды ученого сформировались на стыке *естественно-правовой школы* и *теории насилия*, в связи с чем, под подлинным правом понимается не что иное, как право войны и победителя, «аристократически-кастовый порядок», результат соглашения либо между победителем и побежденным, либо между противниками, обладающими равной силой, исходя из чего, речь может идти о

⁵⁴⁹ Исходя из высказанного выше замечания, достаточно очевидно, по мнению одного из исследователей, «... что это предполагает изучение таких, в частности, аспектов государствоведения как *разработка вопросов методологии познания* пределов деятельности государственной власти, социально-психологических и функциональных ее свойств, соотношения государственной власти и ее организации, правовых и неправовых форм государственной деятельности и некоторых других». – Цит. по: *Витченко А.М.* Теоретические проблемы исследования государственной власти. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982. – С. 5-6.

⁵⁵⁰ Вне всякого сомнения, данной проблемой не могли не заинтересоваться все те, кто относился критически к сложившемуся в государстве и обществе положению: «Но есть ли в стране что-нибудь, – задавался вопросом Фердинанд Лассаль, – какая-нибудь определенная деятельная сила, которая влияла бы на все издаваемые в стране законы *так*, чтобы они до известной степени были *необходимо таковы и не иные, каковы суть?* О конечно... нечто такое есть, и это нечто не что иное, как *фактические отношения силы*, существующие в данном обществе. *Фактические отношения силы*, существующие в каждом обществе, суть та активно действующая сила, которая определяет все законы и правовые учреждения этого общества так, что в существенных чертах они *не могут быть иными, чем каковы суть...*». – Об этом см.: *Лассаль, Фердинанд.* О сущности конституции. Речь, произнесенная в одном берлинском бюргерском окружном собрании в 1862 году // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 436-437.

«праве сильнейших» и «праве слабейших». На этих позициях стоял Фридрих Вильгельм Ницше, помимо прочего, уделивший внимание в своих работах и институту *«справедливости»*, причем в весьма оригинальной трактовке.

Так, по мнению философа, *«справедливость (правомерность) возникает первоначально среди приблизительно одинаково могущественных...»*, где нет точно различимого превосходства в силе, и борьба привела бы к бесплодному обоюдному вреду, там возникает мысль о соглашении (в принципе о чем-либо подобном можно говорить и в отношении *«общественного договора»*, как и любого другого компромисса!? – Э.Е.) и об обсуждении взаимных притязаний: первоначальный характер справедливости есть характер *обмена*. Каждый удовлетворяет другого тем, что каждый получает то, что он больше ценит, чем другой. Каждому дают, что он хочет иметь, как принадлежащее отныне ему, и получают взамен желаемое. Справедливость есть, следовательно, воздаяние и обмен при условии приблизительного равенства сил (когда есть паритет, как в случае, например, *«Миссурийского компромисса»*, на все остальное просто закрывают глаза, даже если это рабовладение или торговля *«colored people»*. – Э.Е.); так, первоначально месть принадлежит к области справедливости, она есть обмен. Так же и благодарность... Справедливость, естественно, сводится к точке зрения рассудительного самосохранения (*«парад суверенитетов»* и сецессия части американских штатов показывают, как правящие элиты могут утратить подобный *«инстинкт»* и полностью лишиться своего статуса. – Э.Е.), то есть к следующему эгоистическому соображению: *«Зачем я буду бесполезно вредить себе и при этом все же, может быть, не достигну своей цели?»* ... Таково *происхождение справедливости...*»⁵⁵¹.

Развивая собственный тезис, акцентируя внимание на *соотношении*⁵⁵² *прав и обязанностей*, мыслитель отмечает: *«Мои права, то есть та часть моей власти,*

⁵⁵¹ Цит. по: Ницше, Фридрих Вильгельм. Человеческое, слишком человеческое // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 450-451.

⁵⁵² С точки зрения ученого, «наши обязанности – права других на нас. В силу чего они приобрели их? В силу того, что они считали нас способными к договору..., ставили нас наравне с собою, так что они доверяли нам что-нибудь, воспитывали нас, наставляли нас на путь, поддерживали нас. Мы исполняем нашу обязанность, то есть – мы оправдываем то представление о нашей способности, предположением о которой было вызвано все то отношение к нам, мы отдаем назад в той мере, в какой давали нам. Наша гордость заставляет нас исполнять

которую не только дали мне другие, но и в которой они хотят иметь меня. Каким образом другие доходят до этого? Во-первых, их доводят до этого соображение, страх и осторожность: будь это потому, что они ожидают от нас подобного же к ним отношения (охрана своих прав), или потому, что считают борьбу с нами опасной или не целесообразной, или, наконец, потому, что во всяком уменьшении наших сил они усматривают ущерб для себя, так как тогда мы оказались бы негодными для союза с ними в борьбе против... враждебной (какой-то «третьей». – Э.Е.) власти...»⁵⁵³.

Не менее объективен и следующий авторский вывод: «Во-вторых, здесь может играть роль дарение и отказ: в этом случае другие имеют достаточно или слишком достаточно власти, чтобы быть в состоянии дать нам часть ее и за отданную часть поручиться тому, кому они подарили ее (не исключено, что

обязанность, мы хотим восстановить нашу самостоятельность, независимость, противопоставляя тому, что сделали другие для нас, что-нибудь такое, что делаем мы для них; если мы свой «обязанностью» не давали вознаграждения тем, кто что-нибудь сделал для нас, то есть если бы мы не вторгались в сферу их силы и способностей, то они долго держали бы над нами свою руку. Только того, что находится в нашей власти, могут касаться права других: было бы неразумно, если они захотели иметь от нас что-нибудь такое, что не принадлежит нам самим. Точнее сказать – только того, что считают они в нашей власти, при условии, что и сами мы считаем это находящимся в нашей власти. С той и другой стороны легко может выйти одинаковая ошибка: чувство обязанности связано с тем, что мы одинаково с другими имеем ту же самую веру в объем нашей власти... именно с тем, что мы обещаем, что мы можем взять на себя такую-то обязанность...». – Цит. по: *Ницше, Фридрих Вильгельм. Утренняя заря* // *Антология мировой правовой мысли...* Том III. – С. 452.

В контексте того, о чем речь идет в процитированном выше фрагменте из известной работы 1881 года Фридриха Вильгельма Ницше, приведем точку зрения одного из видных представителей так называемого «просветительского либерализма» и германского конституционализма, сформулированную за несколько лет до этого: «Настоящая цель человека, которую ставит ему не переменчивые наклонности, а вечно неизменный разум, есть высшее и наиболее соразмерное развитие его сил в одно целое. Для этого свобода есть первое и необходимейшее условие. Однако помимо свободы развитие человеческих сил требует еще и другого условия, хотя и тесно связанного со свободой, то есть разнообразия положений. Даже самые свободные и независимые люди, поставленные в однообразные положения, не вполне развиваются... Одна из главных обязанностей государства состоит в рассмотрении и разрешении юридических споров между гражданами. Государство при этом становится на место сторон, и настоящая цель его вмешательства заключается лишь в том, чтобы, с одной стороны, оградить от несправедливых требований, а с другой – дать справедливым ту силу, которую они получили бы от действий самих граждан только таким образом, который нарушил бы общественное спокойствие. Оно должно поэтому во время исследования спорного права следовать воле сторон, лишь поскольку она основывается на праве, но воспрепятствовать каждой из них пользоваться против другой противоположными средствами... Государственное устройство и народный союз, как бы тесно они ни были связаны друг с другом, никогда не должны смешиваться. Если государственное устройство ставит граждан в определенное положение, будь то с помощью власти и насилия, привычки или закона, – помимо этого положения существуют еще и другие, бесконечно разнообразные и часто изменяющиеся положения, избираемые гражданами по их свободной воле. И это последнее, свободное воздействие членов друг на друга есть именно то, что сохраняет все блага, стремление к которым заставляет людей соединяться в общества. Государственное устройство, в сущности, подчинено этому как своей цели, и к нему прибегают только как к средству, необходимому для ее достижения; а так как оно всегда связано с ограничением свободы, то на него нельзя смотреть иначе как на зло, хотя бы и необходимое...». – Об этом см.: *Гумбольдт, Вильгельм. Опыт установления пределов государственной деятельности* // *Антология мировой правовой мысли...* Том III. – С. 347, 349, 350-351.

⁵⁵³ Цит. по: *Ницше, Фридрих Вильгельм. Утренняя заря* // *Антология мировой правовой мысли...* Том III. – С. 452.

имеется в виду в том числе делегирование отдельных публичных полномочий в рамках формально декларируемого «народного суверенитета»?! – Э.Е.); при этом необходимо условие существования небольшого чувства власти у того, кто получает дар. Так возникают права: признанные и обеспеченные степени власти. При переменах в отношении власти права исчезают и возникают новые... Если наша власть существенно уменьшается, то изменяется чувство тех, которые прежде обеспечивали нам нашу власть: они рассчитывают, могут ли они снова привести нас в наше прежнее положение (как в случае «чехарды ребрендингов» во Франции в течение почти всего прошедшего XIX века. – Э.Е.); если они чувствуют себя не в состоянии сделать это, то отрицают тогда наши «права». Равным образом, если наша власть значительно усиливается (той же североамериканской федерации и ее системообразующих институтов, что не могло со временем не спровоцировать соответствующей реакции со стороны приверженцев иной модели взаимодействия «центра» и «регионов» в виде «парада суверенитетов» и сецессии, со всеми вытекающими для правящих элит и их ближайшего окружения политико-правовыми последствиями. – Э.Е.), то изменяется чувство тех, которые признавали ее до сих пор, и в признании которой мы более не нуждаемся: они будут пытаться, правда, низвести ее на прежнюю ступень, будут вмешиваться, ссылаться на свою «обязанность», – но это только бесполезное словоизлияние. Где господствует право, – корректно, на наш взгляд, обобщает ученый, – там *поддерживается состояние и степень власти*, там борются против усиления и ослабления. Право других – уступка нашего чувства власти этих других (этим обстоятельством объясняется многое, с чем связан компромисс, какой бы из них мы ни взяли в качестве «примера», наглядной иллюстрации или по каким-нибудь другим причинам. – Э.Е.). Если наша власть потрясается и падает, наши права исчезают; и наоборот, если мы становимся могущественнее, то исчезают права других на нас, так как мы до сих пор уступали их. «Справедливый» человек постоянно нуждается в таком такте весов: для размеров власти и размеров права... Следовательно, *быть*

справедливым трудно, для этого требуется много навыка, опытности, доброй воли и еще больше хорошего духа...»⁵⁵⁴.

Исходя из того обстоятельства, что на настоящем этапе сравнительного историко-правового исследования, объектом и предметом которого являются общественно-политические отношения и их юридическая регламентация при переходе «западной» модели демократии к новой стадии цивилизационного развития (с последующей трансформацией, *регрессом* и *стагнацией*, *de facto* в итоге создавших соответствующие предпосылки для масштабного системно-институционального кризиса, поразившего в начале XXI века «Град на холме», Европейский союз и другие страны), компаративист *не должен игнорировать* тот факт, что, наряду с либерализмом и консерватизмом, большое значение в среде «кабинетных» ученых начинают придавать социалистическим взглядам на государство и право. Причем нельзя не учитывать, что такого рода идеи не ассоциировались исключительно с основоположниками марксизма, а имели апологетов *не только разделявших, но и подвергавших сомнению* некоторые его постулаты, возведенные ортодоксами в некий абсолют.

Одним из тех, кто достаточно критически воспринимал идеализацию и фетишизацию *социалистической* концепции в ее, так сказать, «марксистской» интерпретации, относился известный цивилист, штатный профессор Венского университета Антон Менгер, констатировавший, что правящие элиты только в том случае *придут к пониманию* необходимости преобразований в интересах широких слоев населения (в первую очередь, вне всякого сомнения, рабочего класса), *если идеи социализма освободятся от* «... народнохозяйственных и филантропических теорий, составляющих... главную тему социалистической литературы, и будут представлены в виде чисто юридических понятий». Так, в

⁵⁵⁴ Цит. по: Ницше, Фридрих Вильгельм. Утренняя заря // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 452-453. На этом фоне нельзя не признать логичным и следующее утверждение: «... При всяком нарушении права перед субъектом последнего возникает вопрос, должен ли он отстаивать это право, оказать противнику сопротивление, следовательно, бороться или же, примирившись с претерпленной несправедливостью, тем самым избежать борьбы: то или другое решение ему непременно надо принять. Каково бы решение это ни оказалось, в обоих случаях оно связано с жертвой: в одном право приносится в жертву миру, в другом – мир праву. Таким образом, вопрос сводится, по-видимому, к следующему: какая жертва будет сноснее при данных индивидуальных особенностях случая». – Об этом см.: Иеринг, Рудольф. Борьба за право // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 447.

работе «Новое учение о государстве», получившей в свое время признание в академических кругах и у читающей аудитории, австрийский правовед писал: «... И историческое, и естественно-правовое воззрение на происхождение государственного и правового порядка выработались преимущественно с точки зрения господствующих классов. Оба воззрения могут быть с некоторым успехом применены лишь к тем государственно-правовым элементам нашего правопорядка, с которым имущие и образованные массы общества причастны несравненно больше, чем... бедные слои населения, так как эти последние должны, вполне естественно, домогаться прежде всего обеспечения своего... существования..., а завоевание господствующего положения в государстве может рассматриваться лишь как средство к достижению этой... цели...»⁵⁵⁵.

Конкретизируя особенности, с которыми при этом сталкиваются все те, кого он называет «более бедные слои населения», автор отмечает: «... так как для широких народных масс, никогда не имеющих возможности принимать личное участие в управлении государством (как в виде *непосредственной*, так и *представительной* демократии. – Э.Е.) государственно-правовые вопросы представляют только косвенный интерес, то старые и новые писатели (причем какую бы «доктрину» или «течение» мы ни взяли в качестве сравнения, в том числе исследованные ранее по тексту. – Э.Е.) могли выставять зачастую самые враждебные народу формы государства, как продукт народного духа, или же основывать их на высказанном или молчаливом согласии всего народа. Напротив, никогда не удастся применить обе эти основные теории к частному праву, в котором заинтересован действительно весь народ, а не только узкие общественные круги, и в границах коего почти исключительно совершается... существование широких народных масс... На место естественно выросшего права теперь во всех областях должно выступить право (парадокс состоит в том, что правящие элиты в подавляющем большинстве государств не спешили «желаемое» преобразовать в «действительность», особенно если речь шла о

⁵⁵⁵ См.: Менгер, Антон. Новое учение о государстве // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 461.

верховой власти и политическом режиме. – Э.Е.), прошедшее через сознание; при этом, вслед за полным исчезновением... отношений, основанных на силе, благо широких народных масс должно служить для сознания (неужели, в том числе для господствующих классов, тесно с ними связанными правящих элит и их ближайшего окружения? – Э.Е.) путеводной звездой. Правда, во многих конституциях благо народа и выставляется как высшая цель государства; но так как они ясно предписывают или по крайней мере предполагают (вероятно, именно так и обстояло дело на самом деле, поэтому и имел место диссонанс между «желаемым» и «действительностью», от которого никто не торопился, судя по всему, отказываться в ближайшей или среднесрочной перспективе. – Э.Е.) неприкосновенность гражданского (то есть частного. – Э.Е.) права, то цель эта, в границах теперешнего государственного правопорядка (напомним, что речь идет о монархической форме правления, действующей на тот момент. – Э.Е.), может быть достигнута лишь в незначительных размерах. Только тогда, когда беспорядочная груда обломков гражданского права, принесенная к нам потоком тысячелетий, будет перестроена критикой и сознанием в здание, удобообитаемое для всех, – только тогда можно будет действительно сказать, что целью права и государства является благо всего народа...»⁵⁵⁶.

Как подчеркивает цитируемый западноевропейский государствовед, «... наиболее важная цель социализма состоит в том, чтобы превратить институты нашего частного права в публичное право (в современном смысле)⁵⁵⁷, да и

⁵⁵⁶ Цит. по: Менгер, Антон. Новое учение о государстве // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 461. Приведем пример мелкобуржуазной точки зрения, одного из теоретиков анархизма: «... я не предлагаю никакой системы; я требую уничтожения привилегий и рабства, я хочу равноправия, хочу, чтобы царил закон. Справедливость, и только справедливость... Предоставляю другим дисциплинировать мир... Справедливость – это центральная звезда, управляющая обществами, ось, вокруг которой вращается весь политический мир, принцип и правило всех договоров. Ничто не совершается в среде людей иначе как на основании *права*; ничто не совершается без обращения к справедливости. Справедливость не является созданием закона: напротив, закон всегда есть провозглашение и применение справедливости во всех обстоятельствах, при которых люди могут находиться в сношениях между собой. Однако если сложившаяся у нас идея справедливости и права будет дурно выражена, если она будет неполна или совсем неправильна, то очевидно, что все наши законодательные примечания будут плохи, учреждения несовершенны и политика неправильна, то есть, следовательно, наступит беспорядок и социальное бедствие...». – Цит. по: Прудон, Пьер Жозеф. Что такое собственность? Или исследование о принципе права и власти // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 413-414.

⁵⁵⁷ Другими словами, публичное право должно соответствовать сложившимся в государстве общественным отношениям: «... Сохранение законов, относящихся к предшествующей общественной эпохе, созданных представителями исчезнувших или исчезающих общественных интересов, – это означает возведение в закон только этих интересов, находящихся в противоречии с общими потребностями. Но общество основывается не на

вообще противоположность между частным и публичным правом исчезнет вместе с современным государственным строем... В связи с этой системой распределения находится *обязательность труда* для всех способных к труду граждан⁵⁵⁸, причем... предоставляемые отдельной личности вещи (и услуги) не должны стоять в определенном отношении с произведенной им работой. Между потребностями выдвигаются на первый план те, от удовлетворения которых для отдельной личности зависит поддержание достойного (однако он у всех чаще всего разный!? – Э.Е.) человеческого существования и которые вследствие этого можно назвать самыми насущными. Если правовая система признает за *каждым членом общества право требовать, чтобы ему были предоставлены* потребные для поддержания достойного человеческого существования вещи и услуги сообразно с наличностью средств раньше, чем будут удовлетворены менее настоятельные потребности других, то имеем перед собой право *на существование*. Но в этом праве заключается, смотря по возрасту лиц, пользующихся им, различное содержание... Только после полного осуществления права на существование каждой отдельной личности могли бы быть удовлетворены и более изысканные потребности высших (а разве это не элемент дискриминации? – Э.Е.) классов населения...»⁵⁵⁹.

Как мы видим, при оценке таких феноменов как государство и право *во главу угла ставится* не что иное, как «*справедливость*» одного и другого, из чего можно, видимо, сделать вывод об их дифференцированном характере (и не только с точки зрения обывателя) по отношению к различным социальным категориям, сформировавшимся к самому началу XX века, несмотря на форму

законе. Это – фантазия юриста...». – Об этом см.: *Маркс, Карл*. Процесс против Рейнского окружного комитета демократов // *Антология мировой правовой мысли...* Том III. – С. 420.

⁵⁵⁸ Карл Маркс в «Критике готской программы» пишет: «... В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как *стоимость* этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда. Выражение «трудовой доход», неприемлемое и в настоящее время из-за своей двусмысленности, теряет таким образом всякий смысл... Но что касается распределения... между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой». – Цит. по: *Маркс, Карл*. Критика готской программы // *Антология мировой правовой мысли...* Том III. – С. 424, 425.

⁵⁵⁹ См: *Менгер, Антон*. Новое учение о государстве // *Антология мировой правовой мысли...* Том III. – С. 462.

правления, политический режим и декларации, провозглашавшие с периода французской революции «свободу, равенство и братство». Не исключено, что и в области политических отношений, основанных на буржуазно-либеральных ценностях, не утративших своей привлекательности, все отчетливее начинает проявляться усталость от того, что, в отличие от «базиса», переживавшего как взлеты, так и падения, обусловленные конкуренцией и спецификой рыночной экономики, «надстройка» пребывала в состоянии своего рода перманентного «летаргического сна», не всегда адекватно, последовательно и своевременно реагируя на общественные настроения. Как следствие, неудовлетворенность – в одних странах больше, в других меньше – находит отражение не только на страницах научных изданий, в публицистике, газетных средствах информации, но и в протестных акциях радикально настроенных групп населения, в той или иной мере пытавшихся своими действиями если и не изменить существенным образом ситуацию, то, по крайней мере, обратить на нее внимание правящих элит. Несмотря на внешнее благополучие, вызванное результатами развития капиталистических общественных отношений, отрицать которые нет никакого смысла по многим причинам, было бы *не совсем логично* игнорировать все то, что выходит за рамки позитивных оценок, в противном случае – становится не совсем понятно, откуда возникли предпосылки всех тех событий, которыми ознаменовались первые двадцать лет нового века, *de facto* включившие в себя кроме развала четырех империй мировую войну и несколько революций⁵⁶⁰.

⁵⁶⁰ Особо отмечая тот факт, что по мере развития капиталистических отношений «национальные экономики становились все более подобными друг другу», профессор Калифорнийского университета Майкл Манн в одном из своих исследований приходит к следующему важному выводу: «... Капитализм является необычно диффузной формой организации власти, в то время как государства по сути своей авторитетны. Капитализм распространялся по Западу в довольно сходных формах, особенно на своей индустриальной стадии, все более освобождаясь от особенностей территорий. Его диффузная власть также предоставляет как коллективным, так и индивидуальным акторам возможность достаточно свободного выбора альтернативных стратегий и более незавершенной конкуренции. Рабочие и работодатели, крестьяне и крупные фермеры могут создавать различные локальные условия, позволяющие классовым, секциональным и сегментарным стратегиям распространяться и конкурировать. Но государства по своей природе отдельного источника социальной власти авторитетно распределяют и институционализируют. Хотя партии и государственные элиты могут спорить между собой и тем самым уменьшать внутреннюю целостность государства, законы, касающиеся гражданских прав, избирательного права, централизации государства, военной обязанности, тарифов, профсоюзов и так далее, должны приниматься авторитетно... Государства модерна для начала институционализировали многие территориальные особенности Европы (ссылаясь на известную концепцию Чарльза Тилли, американский ученый рассматривает континентальную специфику в том, что европейские государства возникли в период средневековья в таких формах, как «территориальные монархии, нежесткие сети личных отношений «князь –

Важнейшим составным элементом института «справедливости», с точки зрения осуществления законодательно декларируемых прав и свобод, в том числе в контексте конституционно-правовых отношений, рассматривал *права «меньшинства»* классик государственоведения германский ученый, профессор трех (Венского, Базельского и Гейдельбергского) университетов Георг Еллинек – крупнейший и наиболее авторитетный специалист в данной сфере правовых знаний, впервые исследовавший государство не только с социологической, но и с юридической стороны столь многоаспектного и комплексного вопроса, тем самым фактически предопределив *дуалистическую теорию* происхождения государства.

Используя компаративизм в качестве одного из методов своего научно-исторического и научно-теоретического анализа для ответа на вопрос, «где та конституция, те основные законы⁵⁶¹, которые могли бы быть изменены волею большинства или волею всех?», он констатирует: «... В действительности на континенте в то время (речь идет о второй половине XVII века. – Э.Е.) их было мало. Практическое значение приобретает это учение (о праве меньшинства

лорд – вассал», завоеванные государства, города-государства, церковные города-государства, лиги городов, коммуны...». – Э.Е.). Затем они значительно расширили свой охват, когда встретились с двумя волнами общих регуляционных проблем, возникших из выросшего милитаризма XVIII века и капиталистического развития, продолжавшихся до 1914 года. В этот период государства стали большими, социально значимыми и отчетливо современными... Государства модерна, вызванные к жизни милитаризмом XVIII века и промышленным капитализмом XIX века, теперь существенно расширили свои социальные функции. Таким образом, структурирующая сила их авторитетных институтов, выкованная во взаимодействии между предыдущей эпохой и милитаристским этапом, также выросла. Примерно к 1830-м годам политические институты большинства стран стали настолько прочными, что могли абсорбировать практически все вызовы индустриального общества...».

Тем не менее, ситуация качественным образом меняется с появлением классовой дифференциации и наций, которые «застали господствующие классы и режимы врасплох, когда все существовавшие институты не были приспособлены для взаимодействия с новыми акторами. Господствующие классы и режимы были вынуждены обходиться институтами, созданными для старых, более территориальных целей. Изначально государства возникли не для того, чтобы справляться с появлявшимися классами и нациями, а чтобы вести все более дорогие войны, а затем способствовать индустриализации, но их разросшиеся институты взяли на себя преимущественную долю социального контроля. Таким образом, они все в большей степени определяли результаты развития классов и наций...». – Цит. по: *Манн, Майкл*. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 2. Становление классов и наций-государств, 1760 – 1914 (книга вторая). – С. 403-404.

⁵⁶¹ Автор критически исследует литературу своих предшественников: «... Около конца XVI столетия возникает совершенно новый взгляд, что некоторые законы особенно святы и имеют преимущественное перед другими значение. Это – законы основные, *leges fundamentales*... Но что такое – основной закон? В научной литературе никто не в состоянии ответить на этот вопрос...». – Цит. по: *Еллинек, Георг*. Права меньшинства // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 466.

иметь собственное мнение по поводу основных законов. – Э.Е.) лишь вдали от места, где оно народилось, – по ту сторону океана, в Америке...»⁵⁶².

Выводя за скобки тот факт, что многие дееспособные граждане как на региональном, так и федеральном уровне ощущали на себе несправедливость в форме ограничения избирательных прав (что, как следствие, влекло за собой дискриминацию в политической сфере по гендерным, имущественным, иным основаниям), *de jure лишая их возможности* по собственному усмотрению, с учетом индивидуальных и групповых предпочтений использовать механизмы непосредственной или представительной демократии, таким образом никак, даже косвенно, не подпадая под определение «меньшинство», ученый тем не менее не скрывает своего отношения к практике, сложившейся на тот период в стране, провозгласившей себя «Градом на холме» и «оплотом демократии». Так, он пишет: «... Отделившись от своей метрополии – Англии, американские колонии, в силу завоеванной таким образом полной свободы действий, вводят у себя... конституции, первые конституции в современном смысле. Все эти конституции рассматриваются как непосредственное выражение воли (где нет места – ни женщинам, ни коренному индейскому населению, ни «colored people», ни малоимущим белым колонистам?! – Э.Е.) объединенного народа: она является как бы тем писаным основным договором (ранее по тексту мы уже касались вопросов, характеризующих всех тех, кто в Филадельфии с мая по сентябрь 1787 года принимал участие в работе Конституционного конвента, где появился учредительный документ, ставший предметом исследования со стороны автора. – Э.Е.), на котором, по американским воззрениям, и ныне еще зиждется государство... Американские конституции производят впечатление чего-то прочного, незыблемого (неважно, что в них, особенно в федеральной, если не учитывать первые десять поправок, без которых некоторые из штатов

⁵⁶² См.: Еллинек, Георг. Права меньшинства // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 467. При этом следует подчеркнуть, чтобы избежать двусмысленностей, что государствовед под «меньшинством» имеет в виду исключительно политический аспект, не касаясь проблем современного понятия «меньшинства» в его сексуальном и каком-либо ином смысле, так как в конце XIX – начале XX века ни о какой политкорректности, мультикультурализме и толерантности в тех значениях, которое им придается сейчас, речь не могла идти в принципе, более того, за некоторые внешние проявления принадлежности к «меньшинствам», выходявшие за рамки общепринятых правил поведения, была предусмотрена уголовная ответственность.

наотрез отказались ее ратифицировать, нет ничего, кроме упоминания habeas corpus, да и то бегло, как бы мимоходом, без детализации, о правах, свободах или законных интересах человека и гражданина!? – Э.Е.) в противоположность гибким конституциям, которые во множестве известны Европе. Созданные, однако, на случай внесения поправок в конституцию формы имеют в виду различные цели. Во-первых, надо удержать от слишком частых изменений: отсюда запрещение предпринимать их в течение определенного срока; во-вторых, решение подобных вопросов в последней инстанции должно (при этом *ничего не говорится* о такой форме непосредственной демократии, как референдум!? – Э.Е.) принадлежать народу: отсюда подробная регламентация тех способов, какими постановляет свои решения народ...»⁵⁶³.

Не исключено, что речь идет об известной *идеализации* акта, носившего либеральный характер (где доминантой рассматривались и регулировались не права и свободы человека в их динамике и статике, а система разделения властей и механизмы «сдержек и противовесов»), и закреплявшего, в отличие от подавляющего большинства западноевропейских стран, республиканизм, а не монархическую форму правления, *в то же время не игнорируя проблем*, вытекающих из специфики североамериканского конституционализма, что не может не заслуживать поддержки с нашей стороны: «Большая часть этих форм стремится оградить парламентское (не только, так как многие группы граждан *de jure* вообще не имели возможности баллотироваться в какой-то из органов в структуре действующих институтов публичной власти. – Э.Е.) меньшинство, которому дается право протеста против предполагаемых изменений. Даже для народного голосования, санкционирующего какую-нибудь поправку (это, на наш взгляд, оправданно и целесообразно с учетом того, что в ней могут в том либо ином виде быть отражены партийные или корпоративные интересы правящих элит, противоречащие мнению каких-то категорий населения. – Э.Е.) в

⁵⁶³ Цит. по: *Еллинек, Георг*. Права меньшинства // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 468. А как же тогда воспринимать то обстоятельство, что на федеральном уровне непосредственная форма демократии на тот момент не использовалась ни при выборах главы государства (подобная практика сохранилась до сих пор), ни при формировании верхней палаты Конгресса, которая вплоть до 1913 года носила, по существу, не что иное, как представительный характер, так как ее члены делегировались legislatures штатов?

конституции отдельного штата, *не всегда считается достаточным* простое большинство... Вообще же в законодательных собраниях (что свидетельствует в пользу того, что приоритетным инструментом является парламентаризм, а не какие-либо иные механизмы взаимодействия. – Э.Е.), компетенции которых *принадлежат вопросы об изменении* конституции, требуется обыкновенно для законности решения более чем простое большинство. Здесь встречаются самые разнообразные комбинации: большинство трех пятых или двух третей в каждой палате; большинство двух третей в одной палате и простое большинство в другой; голосование в двух непосредственно следующих друг за другом законодательных (сессиях): в первом – с простым большинством, во втором – с большинством двух третей, или даже с большинством двух третей в первом и трех четвертей во втором...»⁵⁶⁴.

В контексте высказанных замечаний, ученым делается вывод, позднее в той или иной степени нашедший отражение во многих актах учредительного характера, причем (что допустимо считать *общей тенденцией*, со временем ставшей определяющей в масштабах конституционно-правовых отношений как

⁵⁶⁴ Цит. по: Еллинек, Георг. Права меньшинства // Антология мировой политической мысли... Том III. – С. 468. В этой связи, не очень понятно, какое отношение указанные электоральные процедуры имеют к соблюдению прав меньшинства в лице оппозиции или независимых депутатов, так как приведенные в качестве примера цифры говорят прежде всего о том, что речь идет о внесении поправок в региональный учредительный акт, а не в простой закон, для принятия которого не требуется квалифицированного большинства. Законодатель тем самым дифференцирует правовые акты по их юридической силе, что, как представляется, не имеет по существу *никакого отношения* к соблюдению прав меньшинства, тем более, что о чем-то подобном чаще всего говорят регламенты каждой из палат или легислатуры в целом, а не конституция, хотя, применимо к строго определенным актам, возможна и такого рода детализация, подчеркивающая политико-правовую или социально-экономическую значимость принимаемого документа. Поправка – есть не что иное, как *составная часть конституции*, поэтому для ее внесения и предусмотрена особая процедура, включающая в себя более сложный порядок инкорпорации в действующий основной закон, чем и обусловлены соответствующие цифры, на которых акцентирует внимание рассматриваемый автор. Сказанное, относится и к ратификации поправок к общенациональному учредительному акту 1787 года, которые также должны быть одобрены не иначе, как квалифицированным большинством штатов, прежде чем стать составной частью конституции.

Не отрицая подобного взгляда, но, тем не менее, что делает ему честь, акцентируя внимание на собственной точке зрения, Георг Еллинек отмечает: «Эта система охраны прав меньшинства проведена и в конституции союза североамериканских штатов. Большинство двух третей обеих палат конгресса должно решать изменения конституции, а большинство трех четвертей законодательных собраний отдельных штатов должно их ратифицировать, так что не только меньшинство каждой палаты конгресса, но и еще меньшее меньшинство штатов имеют право воспрепятствовать (однако как, если они всего лишь меньшинство? – Э.Е.) снесению изменений в конституцию. Эти права меньшинства в действительности столь значительны, что в XIX столетии были приняты всего четыре дополнения к конституции, а за последние тридцать с лишним лет (напомним, что работа написана в 1898 году. – Э.Е.) не прошло ни одно из многочисленных предложений, имевших целью какое-либо изменение в конституции. Благодаря этим правам меньшинства конституция... Соединенных Штатов является наиболее устойчивой в мире; отсюда интересное явление: многое, не принятое формально решение, пробивает себе дорогу силою самой жизни, входит в обычай; таким образом, неизменность буквы конституции не даст еще повода заключить о неподвижности последней...». – Там же. – С. 468-469.

квинтэссенции политического процесса) не только при республиканской, но и монархической форме правления: «... Рассмотрение следующих условий показывает, что путем своеобразной эволюции во многих государствах созрело требование большего, нежели простое, большинства при наиболее важных решениях, относящихся к особой форме законодательства, – а именно к законодательству, ведающему изменениями конституции (основной закон *в силу фундаментальности и значимости* не может приниматься, изменяться или дополняться вне специальной юридической процедуры, отличающейся от того, как аналогичные действия осуществляются в отношении иерархически нижестоящих документов, несмотря на их роль во всей системе действующих на тот момент «источников» права. – Э.Е.), чем дается возможность более или менее сильному меньшинству препятствовать предполагаемому изменению. Общее же удовлетворительное решение задачи (речь, вероятнее всего, идет о придании оппозиции соответствующего статуса *не только в политическом, но и в законодательном* процессе, с вытекающими для всех заинтересованных сторон последствиями. – Э.Е.) не достигнуто. Как и все в парламентской жизни, попытки обеспечить за меньшинством какие-либо права носят характер чего-то случайного, неопределенного, неуверенного. Прочного принципа *нельзя было найти* по двум причинам. Во-первых, оказалось, что самое понятие конституции с трудом поддается точному определению. Во-вторых, размеры меньшинства, имеющего право протестовать, могут быть определены лишь чисто внешним признаком, как некоторая часть всех обладающих правом голоса, или же как некоторое постоянное число, так что на деле определение меньшинства оказывается обыкновенно довольно произвольным...»⁵⁶⁵.

В этой связи нельзя не поддержать следующую авторскую мысль, ни в чем не утратившую актуальности, в которой отражаются в том числе и многие современные проблемы представительной формы народовластия: «... Чтобы найти прочный базис для признания прав меньшинства, следует исходить из

⁵⁶⁵ Цит. по: *Еллинек, Георг. Права меньшинства // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 469.*

следующих соображений. Вся идея решения вопросов большинством голосов покоится на представлении о полном внутреннем единстве народа (чего, как ни крути, не может быть по определению, о каком бы государстве в итоге ни шла речь!? – Э.Е.). В основе ее лежит *демократическая* естественно-правовая идея полнейшей равноценности отдельных личностей. Между равноценными же единицами, само собой разумеется, не может быть другого решающего критерия, как численное превосходство... Если, окинув взглядом все законные и незаконные, правовые и реальные средства, имеющиеся в распоряжении меньшинства, спросить, какие права могли бы быть ему еще предоставлены, то окажется, что за меньшинством *не может быть признано права* создавать что-либо положительное. Жизнь пошла бы вверх дном (с чем неоднократно в последнее время сталкивались отдельные страны, в том числе Украина после государственного переворота и последующих за этим событий. – Э.Е.), если бы придавать в палате или в общине голосу меньшинства большую цену, нежели голосу большинства. Но меньшинство может защищать себя или служащие его интересам объективные учреждения тем, что ему дана власть препятствовать большинству. При всех обстоятельствах *veto* является единственным сильным оружием, которое может быть дано в руки меньшинству; даже открытым сопротивлением оно может достичь лишь отрицательных результатов. Даже там, где высшая решающая власть принадлежит не парламенту, а монарху, его воля не может ничего изменить (то же самое мы имеем и в том случае, когда идентичные прерогативы закреплены за президентом как главой государства. – Э.Е.) в постановлениях большинства палаты; она может препятствовать решениям, но не может созидать. А так как с каждым правом связана сила, то и подобное право *veto* можно использовать как средство с целью добиться от большинства положительных уступок... Меньшинства, которым могут быть предоставлены подобного рода права, либо определяются только числом, как при изменениях конституции, либо объединяются (фракционно или как-то иначе. – Э.Е.) постоянными, связывающими их членов интересами..., так что можно различать организационные и неорганизационные меньшинства... Как

велико должно быть меньшинство и как оно должно быть организовано, чтобы иметь право *veto*, в каких случаях и при каких условиях может оно им пользоваться, – все это решается в зависимости от... обстоятельств...»⁵⁶⁶.

Как мы видим, соотношение «большинства» и «меньшинства» ставится во главу угла *всей системы* конституционно-правовых отношений, одним из важнейших составных элементов которой провозглашается законотворческий процесс, базирующийся на процедуре, легитимированной – либо *de jure*, либо *de facto* – и соблюдаемой заинтересованными сторонами, представляющими правящие элиты и оппозицию. Более того, акцент делается на наличие у них, причем у каждой, *публичных субъективных прав*, посягательство на которые неприемлемо ни при каких условиях, несмотря на то, о каких – *единоличных* или *коллективных* – правах непосредственно идет речь. Одновременно, с чем нельзя не согласиться, делается вывод: *любая концентрация власти* в руках как «большинства», так и «меньшинства», чьи бы интересы они конкретно не представляли, *ведет к абсолютизму*, в какой бы институциональной форме – монархической или республиканской это атрибутивно не выражалось. Однако

⁵⁶⁶ Цит. по: *Еллинек, Георг*. Права меньшинства // *Антология мировой правовой мысли...* Том III. – С. 469, 472-473. Несмотря на то, что работа написана более века назад, современный парламентаризм стоит на этом.

Не менее актуален и следующий тезис, характеризующий представительную форму народовластия и особенности парламентского меньшинства, нередко собственные партийные или корпоративные амбиции ставящего намного выше остального: «... всегда следует внимательно принимать в соображение потребности всего государства, чтобы злоупотребления этим правом *veto* не мешали плодотворному развитию всех государственных отношений. В этом-то и состоит громадная трудность задач практической политики, что, давая какое-нибудь право, необходимо вместе с тем принимать меры и к предупреждению возможных злоупотреблений им...». – Там же. – С. 473.

Со своей стороны Пьер Жозеф Прудон, имя которого ассоциируется не только с идеей анархизма, но и с такими явлениями, как федерализм, самоуправление, децентрализация и синдикализм, писал об этом за несколько десятилетий до выхода в свет цитируемой работы: «Все относящееся к области законодательства и политики является объектом науки, но не убеждений: *законодательная власть* принадлежит разуму, систематически изученному и обоснованному. Верховом тирании следует считать присвоенное какой бы то ни было власти право *veto* и санкции. Справедливость и законность – две вещи, так же мало зависящие от нашего согласия или одобрения, как и математические истины. Для них достаточно быть познанными для того, чтобы сделаться обязательными, а для того, чтобы познать их, нужны только способность размышлять и изучать. Но что же такое народ, если он не суверенен, если не ему принадлежит законодательная власть? Народ есть хранитель закона, народ – *исполнительная власть*. Каждый гражданин может утверждать: вот это верно, это справедливо; но убеждение его обязательно только для него самого: для того, чтобы провозглашаемая им истина сделалась законом, необходимо, чтобы она была признана. Что же это значит признать закон? Это значит проверить математическую или метафизическую операцию; это значит повторить опыт, произвести наблюдения над явлением, констатировать факт. Один только народ (в нашей стране в сопоставимое время в не меньшей степени идеализировали крестьянство, особенно со стороны так называемых «народников», к чему это в итоге привело – достаточно хорошо известно. – Э.Е.) имеет право сказать: *будем распоряжаться и повелевать...*». – Цит. по: *Прудон, Пьер Жозеф*. Что такое собственность? Или исследование о принципе права и власти // *Антология мировой политической мысли...* Том III. – С. 416-417.

следует иметь в виду, что между одним и другим «абсолютизмом» *отличий* в принципе *не так много*, как может показаться на неискушенный взгляд: даже в рамках разделения властей полномочия могут аккумулироваться в целом у тех, кто в законодательных, исполнительных и судебных (там, где судебское сообщество избирается, назначается или утверждается по партийным квотам) органах представляет в первую очередь интересы политической организации и лишь во вторую избирателей. Главное – система «сдержек и противовесов», от которой зависит функционирование государственного механизма⁵⁶⁷.

В то же время мы в очередной раз вынуждены обратить внимание на весьма «странный» факт, связанный с терминологией, используемой в работе, посвященной правам «меньшинства», проблеме, неоднозначно, в некоторых случаях, скептически, воспринимаемой на стадии либерализации отношений, когда под подобного рода определение подпадали и подданные, и граждане, чьи права были ограничены имущественным или гендерным цензом. Другими словами, речь идет о дефинициях «демократия» и «республика», которые по каким-то причинам не используются при анализе соответствующих вопросов, связанных с «народным суверенитетом» – идеей, *красной нитью* проходящей сквозь исследование, посвященное становлению конституционно-правового статуса института, не ассоциируемого с правящей элитой, хотя по формально-юридическим критериям рассматриваясь оппозиционным меньшинством, то есть частью механизма, осуществляющего публичные функции. Особенно – на фоне доминирования монархической формы правления – не удивляет (!?) то обстоятельство, что термин «республика» не воспринимается исследователем должным образом (например, чтобы никто не усомнился в его лояльности по отношению к «царствующему дому», более того, не оценил работу как призыв к свержению существующего строя?), вопросы вызывает отсутствие в научном лексиконе автора дефиниции «демократия», которая на момент публикации, судя по всему, по ряду причин все еще не пользовалась ажиотажным спросом ни

⁵⁶⁷ См.: Гуди Джек. Похищение истории... – С. 336-342; Бурдые П. О государстве... – С. 83-120, 641-662.

среди государствоведов, ни среди правящих элит, *предпочитавших никак не реагировать* на тенденции, обусловленные «требованиями дня». Пройдет всего несколько лет – и ситуация изменится кардинальным образом: империя, имевшая сложносоставной национально-территориальный характер, рухнет, а вслед за ней официальные взгляды на то, какая форма правления является предпочтительнее для «источника» и «носителя» власти. Однако не факт, что в качестве таковой сразу же, в том числе академическим сообществом, будет безоговорочно принята республика парламентского типа⁵⁶⁸.

На позициях либерализма и преимущественно эволюционного развития общества, государства и права стоял один из родоначальников *позитивизма* известный английский философ и социолог Герберт Спенсер, работы которого, изданные (в популярном в среде интеллектуалов журнале «Нонконформист») под общим названием «О надлежащей сфере государственного управления», оказали большое влияние на формирование научных концепций, с течением времени нашедших отражение в практике европейского парламентаризма и

⁵⁶⁸ В этой связи нельзя не процитировать фрагмент из работы Макса Вебера, написанной еще в период войны (то есть до появления так называемой Веймарской республики, затем переработанной и расширенной в 1918 году) и посвященной парламенту и правительству Германии. Так, подчеркивая, что работа, с одной стороны, «не сообщает ничего нового», с другой – «не прикрывается авторитетом науки», так как «средствами науки не решаются дела, которые относятся к высшим принципам волеия», один из крупнейших мыслителей XX века отмечает, что она рассчитана на тех, «для кого исторические задачи немецкой нации принципиально *не* стоят выше всех вопросов ее государственной *формы*, или кто смотрит на эти задачи принципиально иначе, приводимые аргументы не окажут воздействия. Ибо в этом отношении они исходят из определенных предпосылок и направлены против тех, кто даже теперь считает ситуацию подходящей для дискредитации народного представительства в пользу других политических сил. К сожалению, вот уже 40 лет и даже во время войны это происходит, в особенности, в весьма широких академических и литературных кругах. И очень часто – в чрезмерно надменной и разнузданной форме, с презрительной злобностью и без всякого следа доброй воли к тому, чтобы хотя бы в общем понять условия существования работоспособных парламентов. Судя по их политическим достижениям, видно, что народные представительства в Германии (напомним, что период существования единого имперского государства не превышал пятидесяти лет, в течение которых действовала форма правления ограниченного конституционно-монархического типа. – Э.Е.) совершенно определенно достойны критики. Но ведь то, что справедливо для Рейхстага, то верно и для других государственных органов, а их эти литераторы всегда заботливо щадят, а зачастую прямо-таки окружают лестью. Когда же общедоступным спортом для дилетантов становится борьба против парламентаризма, то приходит пора подвергнуть политические познания этих критиков взыскательной проверке. Спор по делу с объективными и благородными противниками – а, несомненно, существуют и такие – был бы, разумеется, отрадным занятием. Однако продемонстрировать свое уважение тем кругам, из среды которых на автора, как и на многих других, раздавалась клевета, и его вновь и вновь поносили то как «демагога», то как «не-немца», то как «иностранный агента» – противоречило бы немецкой порядочности. И, вероятно, наиболее постыдной для большинства замешанных в таких эксцессах литераторов была бы их несомненная добросовестность...». – Цит. по: Вебер, Макс. Парламент и правительство в новой Германии. К политической критике чиновничества и партийной жизни // Власть и политика / М. Вебер; пер. с нем. Б.М. Скуратова, А.Ф. Филиппова; вступ. ст. А.Ф. Филиппова; комм. Т.А. Дмитриева, А.Ф. Филиппова. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – С. 61-62. Складывается впечатление, что речь идет о процессах, имеющих место в Европейском союзе начала XXI века?!

представительной демократии. При этом нельзя не отметить тот факт, что их, так сказать, «современность» и востребованность – вне зависимости от формы правления *перманентно лишь усиливающиеся* – обусловлены, помимо всего прочего, следующим фундаментальным обстоятельством: сквозь них как бы рефреном проходит тезис, согласно которому естественным правом человека, возникшим еще до появления государства, и ставшим позднее основой всей системы гражданских прав и публичных институтов, формально-юридически установленных или санкционированных государством (в лице «источника» и «носителя» власти, кем бы он ни был), являются *социальная справедливость* и *индивидуальная свобода*. Реализация человеком, *de facto* принадлежащего ему, законодательно закрепленного первичного естественного права, должна осуществляться в контексте принципов «справедливости» и «равенства», то есть – *права на равную свободу*, с учетом оценки поведения с точки зрения как индивидуальной, так и общественной пользы. Следовательно, *цель права* по своему характеру и сущности вполне утилитарна – создавать и поддерживать необходимые условия для свободного осуществления отдельным человеком определенного вида деятельности, а *цель правовой нормы* – индивидуальная свобода. Исходя из этого, право дифференцируется на: *позитивную* (прежде всего право на свободное развитие человека, на свободную деятельность и на пользование ее результатами) и *негативную* (ограничение этих прав, в связи со свободой других членов общества) составляющие, тем самым, *право* – это не что иное, как *совокупность этических норм*, установленных государством.

С учетом высказанного замечания, философом выводится своего рода «формула справедливости», посредством которой определяются критерии и специфические особенности такой сложной и многоаспектной категории, как «свобода». Например, трудно не поддержать авторский тезис, логика и смысл которого выражается в следующем обобщении, с которым, несмотря на то что ему более века, нельзя в целом не солидаризироваться: «... Наша формула должна соединить *положительный* элемент с *отрицательным*. Она должна быть положительной (по всей видимости, где-то здесь следует искать «корни» таких

«общечеловеческих ценностей», как политкорректность, толерантность и мультикультурализм, кризис идентичности которых *de facto* наблюдается в последние десятилетия повсеместно?! – Э.Е.), насколько в ней утверждается, относительно каждой личности, что ей следует предоставить возможность действовать, так как каждый должен испытать добро и зло, вытекающее из его действий. Формула должна быть отрицательной, – подчеркивает Герберт Спенсер, детализируя «основания» дифференциации элементов, ее базовые критерии, принципы, – насколько в ней подразумевается, что каждому следует позволить действовать не иначе как при ограничениях, возлагаемых на него присутствием других лиц, имеющих такие же притязания на деятельность (то есть ни о какой «вседозволенности» речь не может идти *a priori*, причем ни при каких условиях, даже форс-мажорных? – Э.Е.). Очевидно, положительный элемент выражает собою требование, составляющее условие жизни вообще; отрицательный элемент ограничивает это требование таким способом, какой необходим в том случае, если вместо отшельнической жизни мы видим много жизней, протекающих в сообществе (как справедливо констатировал один из современников автора, нельзя жить в обществе и быть свободным от него. – Э.Е.). Поэтому речь идет о точном определении ограничения, испытываемого свободой каждого исключительно от подобного же рода свободы всех. Это можно выразить так: каждый свободен делать все, что хочет, предполагая, что он не нарушает такой же свободы кого бы то ни было другого...»⁵⁶⁹.

⁵⁶⁹ Цит. по: Спенсер, Герберт. Опыты научные, философские, политические // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 475-476. Как отмечал, примерно в это же время, один из основоположников и крупнейших идеологов марксизма, «... современное общество, ставящее отдельного человека во враждебные отношения ко всем остальным, приводит... к социальной войне всех против всех, войне, которая у отдельных людей, особенно у малокультурных, неизбежно должна принять грубую, варварски-насильственную форму – форму преступления. Чтобы оградить себя от преступлений, от актов неприкрытого насилия, общество нуждается в обширном, сложном организме административных и судебных учреждений, требующем безмерной затраты человеческих сил... Мы уничтожаем антагонизм между отдельным человеком и всеми остальными, мы противопоставляем социальной войне социальный мир, мы подрываем самый *корень* преступления и этим делаем излишней большую, значительно большую часть теперешней деятельности административных и судебных учреждений...». – Цит. по: Энгельс, Фридрих. Положение рабочего класса в Англии // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 429.

Акцентируя внимание на правовых аспектах, цитируемый ранее автор пишет: «... В современном государстве право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть *внутренне согласованным* выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий. А для того, чтобы этого достичь, точность отражения экономических отношений нарушается все больше и больше. И это происходит тем чаще, чем реже случается, что кодекс законов

Раскрывая сформулированный тезис, мыслитель далее отмечает: «... Действительно, истина, которую здесь надо выразить, состоит в следующем. Каждый, выполняя те действия, которые составляют его жизнь в данное время и приводят к поддержке его жизни на будущее время, не должен встречать помехи далее той, которая зависит от выполнения подобных же действий другими, для поддержания их жизни. Сюда же включается, однако, излишнее вмешательство в чужую жизнь, основанное на том (с чем практически трудно и *de facto* по многим «причинам» бесперспективно и даже нецелесообразно полемизировать!? – Э.Е.), что такое же вмешательство с обратной стороны может явиться противовесом первому. Такое преобразование формулы потребует более значительных вычетов из жизни всех и каждого, чем сколько по необходимости требуется, в силу общественного состояния; а это очевидно является извращением смысла формулы. Если мы вспомним, что наибольшая сумма счастья, хотя и не является непосредственно целью, составляет, тем не менее, отдаленную цель, то ясно увидим, что сфера, в которой каждый может добиваться счастья, имеет предел, по ту сторону его находятся подобным же образом ограниченные сферы деятельности его соседей, и каждый не имеет права вторгаться в сферу соседа, под условием взаимности. Вместо того (как в Германии сделают позднее национал-социалисты. – Э.Е.), чтобы оправдывать насилие и обратное действие, *формула эта имеет целью назначить предел, который не может быть перейден ни с той, ни с другой стороны...*»⁵⁷⁰.

представляет собой резкое, несмягченное, неискаженное выражение господства одного класса: ведь это противоречило бы «понятию права». Чистое, – с точки зрения мыслителя, – последовательное понятие права революционной буржуазии 1792 – 1796 годов фальсифицировано во многих отношениях уже в Кодексе Наполеона, а в той мере, в какой это понятие права в нем воплощено, оно должно претерпевать ежедневно всяческие смягчения благодаря возрастающей силе пролетариата. Но это не мешает тому, что Кодекс Наполеона является тем сводом законов, который лежит в основе всех новых кодификаций во всех частях света. Таким образом, ход «правового развития» состоит по большей части только в том, что сначала пытаются устранить противоречия, вытекающие из непосредственного перехода экономических отношений в юридические принципы, и установить гармоническую правовую систему, а затем влияние и принудительная сила дальнейшего экономического развития опять постоянно ломают эту систему и втягивают ее в новые противоречия...». – Цит. по: *Энгельс, Фридрих*. Конраду Шмидту, 27 октября 1880 года // *Антология мировой правовой мысли...* Том III. – С. 429-430.

⁵⁷⁰ Цит. по: *Спенсер, Герберт*. Опыты научные, философские, политические // *Антология мировой правовой мысли...* Том III. – С. 476. По мнению одного из теоретиков марксизма, «... *равное право...* по принципу все еще является *правом буржуазным*, хотя принцип и практика здесь уже не противоречат друг другу... Несмотря на этот прогресс, это *равное право* в одном отношении все еще ограничено буржуазными рамками. Право *производителей* пропорционально доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение

В результате проведенного анализа ученый приходит к следующему важному обобщению, *не утратившему актуальности* и злободневности: «... Исследование фактов показало, что основной закон, сообразно с которым развивалась жизнь от наинизшей ступени, состоит в том, что каждая взрослая особь должна испытать последствия своей собственной природы и своих действий: результатом является переживание наиболее приспособленных. Этим необходимо подразумевается полная свобода действий, образующая положительный элемент в формуле справедливости⁵⁷¹; действительно, без полной свободы действия отношение между поведением и последствиями не может быть поддерживаемо. Различные примеры сделали очевидным вывод, вполне ясный теоретически, а именно, что у стадных животных (к которым, вне всякого сомнения, относится человек, несмотря на индивидуальность⁵⁷². – Э.Е.) свобода каждого из них к действию должна быть ограничена, так как, если она не ограничена, то должны явиться такие столкновения⁵⁷³, которые воспрепятствуют стадности. Несмотря на сравнительно низкое умственное развитие, низшие стадные животные применяют наказания за нарушение необходимых ограничений. Этот факт показывает, каким образом уважение к таким ограничениям установилось бессознательно, как условие прочной общественной жизни. Оба этих закона, из которых один относится ко всем живым существам, а другой – к общественным, проявляясь все явственнее по

производится *равной мерой* – трудом. Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это *равное* право есть *неравное* право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим (какие бы функции не выполнял. – Э.Е.), как и все другие; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями. *Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право.* По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры...». – Цит. по *Маркс, Карл*. Критика готской программы // *Антология мировой правовой мысли...* Том III. – С. 425. Таким образом, и здесь, как ни странно на первый взгляд, речь идет о справедливости.

⁵⁷¹ Как мы видим, фактор «справедливости» рефреном проходит сквозь произведения многих философов и государствоведов конца XIX – начала XX века. Судя по всему, одна из причин – диссонанс между «желаемым» и «действительностью», под знаком которого «западная» модель демократии вступала в новый этап своего развития, завершившийся масштабным системно-институциональным кризисом последних десятилетий.

⁵⁷² Подробнее, например, см.: *Лебон, Густав*. Психология народов и масс // *Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы*. – М.: Изд-во Эксмо; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 9-317. В следующем разделе настоящего исследования мы подробнее рассмотрим проблему *охлократии*.

⁵⁷³ К чему это приводит в социально организованных общностях см.: *Ортега-и-Гассет, Хосе*. Восстание масс // *Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы...* – С. 417-467.

мере повышения эволюции (к сожалению, «стадность», в какой бы форме она не реализовывалась, по всей видимости, не исчезнет никогда. – Э.Е.), находят последнюю и полнейшую сферу применения в человеческих обществах...»⁵⁷⁴.

Какую же задачу ставил перед собой Герберт Спенсер, выводя «формулу справедливости»? Как бы отвечая на поставленный вопрос, он, в частности, пишет: «... Человеческая деятельность разнообразна, и вытекающие из нее отношения сложны. Поэтому для того, чтобы общая формула справедливости могла служить руководством, необходимо сделать выводы⁵⁷⁵, различным образом применимые к специальным категориям случаев. Утверждение, что свобода каждого ограничена только равною свободой всех, остается мертвой буквой, пока не показано (как с юридической, так и морально-этической точки зрения. – Э.Е.), каковы ограничения, являющиеся в разных обстоятельствах, которым подвергается данное лицо. Кто допускает, что каждый человек должен обладать известной ограниченной свободой, тот утверждает, что это происходит *по праву*. Если возможно показать, что то в одном, то в другом случае человек свободен в своих действиях до известного предела, но не дальше этого, – то отсюда вытекает, что *по праву* его свобода в данном случае определена таким образом. Поэтому различные частные случаи могут с основанием получить название *прав* данной личности, как их обыкновенно и называют. Слова порою

⁵⁷⁴ Цит. по: Спенсер, Герберт. Опыты научные, философские, политические // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 476-477. Автор иллюстрирует свой вывод примером, очень напоминающим процессы, с которыми – в той или иной степени – в настоящее время сталкивается Европейский союз: «... Мы недавно видели, что наряду с возрастанием мирной кооперации являлось и все большее приношение к этому сложному закону, как с положительной его стороны, так и с отрицательной; мы видели также, что совместно возрастало эмоциональное уважение к этому закону и интеллектуальное его понимание. Таким образом, – констатирует автор, – мы не только имеем указанные основания для вывода, что это априорное утверждение коренится в опыте расы, но мы в состоянии связать его с опытом всех вообще живущих существ и можем заметить, что оно является лишь сознательным ответом на некоторые необходимые соотношения в природе. Нельзя придумать более надежной гарантии...». – Там же. – С. 477.

⁵⁷⁵ При этом следует учитывать тот факт, что человек ведет себя совершенно по-разному, когда он, так сказать, индивидуален, и когда является частью какого-либо сообщества: «... В психологической массе самое странное следующее: какого бы рода ни были составляющие ее индивиды, какими схожими или несхожими ни были бы их образ жизни, занятия, их характер и степень интеллигентности, – цитирует в своей фундаментальной работе Лебона Зигмунд Фрейд, – но одним только фактом своего превращения в массу они приобретают коллективную душу, в силу которой они *совсем иначе чувствуют, думают и поступают*, чем каждый из них в отдельности чувствовал, думал и поступал бы. Есть идеи и чувства, которые проявляются или превращаются в действие только у индивидов, соединенных в массы...». – Цит. по: Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // Я и Оно: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1999. (Серия «Антология мысли»). – С. 774.

значительно утрачивают наше доверие (об этом мы неоднократно говорили, применительно к таким терминам, как демократия и «народовластие», «источник» и «носитель» власти, «народный суверенитет», «свобода, равенство, братство», «всеобщее избирательное право». – Э.Е.) по причине злоупотребления ими. Истинные представления, ими обозначаемые, так тесно сочетаются с ложными идеями, что в значительной мере утрачивают свои признаки. Это очевидно произошло со словом *право*. Следствием было то, что у многих образованных людей возникло упорное и презрительное отрицание права. Ничего такого, по их словам, не существует, исключая тех прав, которые устанавливаются положительным законом..., они утверждают, что государство есть источник прав и что вне его нет никакого права...»⁵⁷⁶.

Как мы видим, западноевропейские ученые – как романо-германской, так и англосаксонской традиции – в преддверии нового века были озабочены *проблемой справедливости*, что тем либо иным образом свидетельствует не только о несостоятельности «либеральных» подходов к решению коллизий, прямо или опосредованно связанных с правами и свободами человека, но и неудовлетворенности декларациями конституционно-правового характера *de facto практически не изменившимися* с периода французской революции⁵⁷⁷. Как

⁵⁷⁶ Цит. по: Спенсер, Герберт. Опыты научные, философские, политические // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 477-478. Продолжая собственную мысль, автор констатирует: «... Но если неспособность различения обнаруживается в таком злоупотреблении словами, которое зависит от включения в них более значительного содержания, чем следовало бы по смыслу, – то такая же неспособность обнаруживается при упущении из виду настоящего значения слов, скрытого ложными значениями. Как сказано выше, права, в собственном смысле слова, являются следствиями из закона равенства свободы, а то, что ошибочно называют правом, не может быть выведено из этого закона. Рассматривая эти следствия, мы найдем, во-первых, что все они совпадают с обычными этическими понятиями и, во-вторых, все соответствуют постановлениям законодательного характера. Далее станет очевидным, как далеко от истины мнение, будто гарантией прав, в собственном смысле этого слова, является закон; оказывается, наоборот, что закон получает свою гарантию от этих прав...». – Там же. – С. 478.

⁵⁷⁷ Как следствие, кризис либерализма, разразившийся в период между двумя мировыми войнами. Однако и в этом случае он не был отправлен на «свалку истории». Как отмечает французский исследователь Фернан Бродель, «... кто сегодня осмелится сказать, что либерализм, изгнанный из сферы политики и практической деятельности, интеллектуально ослабленный, окончательно умер? Он представлял собой нечто большее, чем период политического развития, чем проявление изощренности одного общественного класса, использующего его в качестве ширмы. Он был идеалом западной цивилизации и, хотя и был предан, остается в нашем наследии, в нашем языке и рефлексках. Всякое наступление на личные свободы продолжает нас возмущать и поражать. Даже в политическом смысле, перед лицом авторитарного и технократического государства, в обществе, принижающем личность, определенный вид либерализма анархического толка все еще продолжает существовать не только на Западе..., действуя от имени отдельного человека и его прав...». – Цит. по: Бродель Ф. Грамматика цивилизаций... – С. 326-327.

ни странно, у нас нет оснований вставать на сторону либо «пессимистов», констатировавших «закат Европы»⁵⁷⁸ и «западной» цивилизации, несмотря на колоссальные достижения ушедшего XIX века, либо «оптимистов», считавших, что движению вперед, по существу, нет никакой адекватной альтернативы⁵⁷⁹. При всей парадоксальности, и одни, и другие, что нашло свое «отражение» в многочисленных работах, авторы которых крайне редко шли на компромисс с оппонентами, предпочитали не оглядываться в прошлое, полное деклараций, радужных надежд и популистских обещаний, *квалифицировать* и *объяснять причины стойкого диссонанса* между «желаемым» и «действительностью», так как ответы на возникавшие вопросы уже не могли удовлетворить никого, и в первую очередь – «источника» и «носителя» власти в лице дееспособной части населения большинства развитых государств⁵⁸⁰.

⁵⁷⁸ Подробнее см.: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. /Пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. Правда, критические выводы автора разделяют не все ученые.

⁵⁷⁹ Об этом см.: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789 – 1914... – С. 173-254.

⁵⁸⁰ Как констатируют исследователи, пытающиеся объяснить сложившуюся на рубеже веков предкризисную ситуацию, «... в 1900 году европейцы могли оглянуться назад на два, с натяжкой, три века поразительного всестороннего роста. Подавляющее их большинство готово было утверждать, что этот рост нес благо – то есть прогресс. Их история, начиная со Средневековья, во многом выглядела как непрерывное приближение к однозначно стоящим усилий целям, подвергнутым сомнению очень немногими придирами. По всем критериям, будь то интеллектуальным и научным или материальным и экономическим (или даже моральным и эстетическим, как кое-кто говорил, ведь настолько убедительным представлялось изложение истории прогресса), один только взгляд на собственное прошлое убеждал европейцев в том, что они выбрали прогрессивный курс. А это означало, что для всего мира выбран прогрессивный курс, так как европейскую цивилизацию теперь распространили по всей планете. Более того, впереди виделось просто беспредельное движение к совершенству. Европейцы в 1900 году демонстрировали практически такую же убежденность в дальнейшем успехе их культуры, какую китайская правящая верхушка источала в моще своей культуры веком раньше. Собственное прошлое подтверждало их правоту, как им самим казалось... Даже при практическом единодушии в обществе находились те, – подчеркивают современные англо-британские исследователи, – кто такой убежденности не разделял. Они предчувствовали, что имевшиеся свидетельства можно было легко повернуть в подтверждение пессимистического умозаключения. Притом, что пессимистов насчитывалось гораздо меньше, чем оптимистов, к ним принадлежали мужи, обладавшие признанным в обществе положением и мощным рассудком. Кое-кто из них утверждал, что цивилизации, в условиях которой они жили, еще предстояло в полной мере обнаружить свой самоубийственный потенциал, и предупреждал о скором наступлении момента истины. Некоторые из них видели цивилизацию, все откровеннее дрейфующую прочь от ее причалов в виде религии и абсолютных нравственных принципов (с той поры прошло сто лет, но за это время ничего не изменилось, наоборот, стало проявляться еще отчетливее. – Э.Е.), уносимую потоками практицизма и первобытной дикости в бездну, где ждет окончательная катастрофа... Как оказалось, полную правоту нельзя признать ни за оптимистами, ни за пессимистами, быть может, потому что глаза их оказались намертво прикованными к тому, что они считали особенностями европейской цивилизации, а также к местоположению ее в Европе. Они обращались к ее собственным неотъемлемым полномочиям, тенденциям или недостаткам в надежде угадать будущее европейской цивилизации; редкие из этих мыслителей обращали достойное внимание на способ, каким европейские идеи изменяли мир, в котором выстраивалось собственное государство Европы...». – Цит. по: Робертс Дж. М., Уэстад О.А. Мировая история... – С. 904-905.

В этой связи одно из заметных мест в творчестве Герберта Спенсера – в контексте соотношения прав, свобод и обязанностей – занимает критический анализ взаимодействия государства, человека и общества. Отмеченной выше «проблеме», ученый посвятил специальное исследование – «Личность против государства», названное таким образом, чтобы акцентировать внимание не на общих, а конкретных сферах публичных отношений, *играющих достаточно существенную роль*, в том числе (если не преимущественно?!), в механизме реализации государственной власти и определении пределов последней.

Так, философ, пытаясь выявить и понять «предпосылки» отдельных, так сказать, «знаковых» социальных явлений, пишет: «... Различные злодеяния законодателей..., объяснимы до известной степени и находят себе некоторое извинение, если мы дойдем до их источника. Они происходят от того ошибочного мнения, что общество есть продукт свободного творчества, тогда как оно есть продукт развития. Ни воспитание прошлых времен, ни нынешнее не научили сколько-нибудь значительное число людей выработать... *научное понятие об обществе*, представлять его имеющим естественный строй, в котором все учреждения, правительственные, религиозные, промышленные, торговые и т.д., *находятся во взаимной зависимости друг от друга*, строй, который есть до известной степени органический. Если же подобное понятие и существует, то только номинально, и не им определяется образ действий. Наоборот, общество обыкновенно представляют... как известное количество теста, которое кухарка (в данном случае, по нашему мнению, очень уместная и корректная метафора. – Э.Е.) может придать какую ей угодно форму: пирога, лепешки или торта...»⁵⁸¹.

Как полагает цитируемый английский социолог, «... право, можно было бы думать, что независимо от признания заблуждения того взгляда, будто следует считать общество пластической массой, а не организованным телом, факты, ежеминутно бросающиеся нам в глаза, должны бы были возбудить в нас

⁵⁸¹ Цит. по: Спенсер, Герберт. Личность против государства // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 478-479.

сомнения относительно успешности того или иного метода, которым хотят заставить (судя во всему, фактор «насилия» в этом случае имеет приоритетное значение?! – Э.Е.) людей *изменить свой образ действий*... При тщательном рассмотрении вопроса последний очевидно сводится к следующему: каковы взаимные права группы и ее членов? Стоят ли права общины (вероятно, речь идет о коллективных правах? – Э.Е.) во всех случаях выше прав индивида? Или обладает ли индивид во всех случаях правами, стоящими выше прав общины? От решения этих вопросов зависит все построение политических мнений, в особенности тех, которые относятся к области управления в тесном смысле слова... Этот всеобщий надзор, встречающийся почти у всех древних наций Европы (как ни странно, но в Европейском союзе, видимо, как дань традиции, регламентируется все, вплоть до размеров курятников и количества метров на одну птицу. – Э.Е.), наблюдается также в обширных размерах и в Греции и был развит в высочайшей степени в самом воинственном из греческих государств – в Спарте. Подобно этому и в средние века во всей Европе, когда война была хроническим состоянием со свойственными этому состоянию политическими формами и понятиями, вряд ли существовал когда-либо предел (с момента образования Европейского союза, страны которого не находились в состоянии ведения с кем-то военных действий, процесс по существу *во многих аспектах идентичный*, если, с правовой точки зрения, не более «централизованный», «заорганизованный», жестко «императивный», или, как говорили недавно, в предшествующий период, «волюнтаристский». – Э.Е.) для правительственного вмешательства: земледелие, промышленность, торговля *подчинены были правилам во всех своих подробностях*; религия и культ были предписаны законом, и начальники решали, кто имел право носить меха, употреблять серебряную посуду, печатать книги, завести голубятню и т.д. Но с развитием промышленной деятельности и с заменой режима правительственного принуждения режимом договора (скорее всего, имеется в виду не что иное, как «общественный договор» либо его «разновидность»?! – Э.Е.), с развитием соответственных чувств произошло... уменьшение этого вмешательства в

индивидуальные действия. Другими словами, по отношению к большей части своего образа действий *право гражданина* действовать бесконтрольно *взяло верх* над стремлением правительства контролировать его...»⁵⁸².

При этом ученый приводит еще один аргумент (о котором в последнее время по целому ряду причин предпочитают не вспоминать либо стараются трактовать и юридически интерпретировать прежде всего в контексте таких «общеευропейских ценностей», как политкорректность, мультикультурализм и толерантность), позволяющий воспринимать данный процесс под несколько другим углом зрения, учитывая тот факт, что выводы формулируются не кем иным, как ярким апологетом англосаксонской правовой традиции: «... Кроме того, наша система морали, введенная и развитая ради пополнения пробелов общего права или ради исправления несправедливостей, всецело основана на признании прав индивида, существующих даже помимо всякой власти закона. И все изменения, испытываемые от времени до времени законом, после некоторого сопротивления со стороны законодателей, совершаются согласно с общераспространенными понятиями о необходимой справедливости (как правило, в Европейском союзе парламентскому акту предшествует судебное решение, как в случае с пресловутыми «меньшинствами». – Э.Е.), понятиями, которые не только не вытекают из закона, но бывают противоположны ему... Если мы сознаем цену жизни, то само собой разумеется, что не следует мешать людям выполнять свои действия, необходимые для поддержания жизни. Другими словами: если признается *справедливым* не препятствовать этим действиям, то, следовательно, признается и право совершать их (в том числе детскую эвтаназию и заключение однополых браков? – Э.Е.). «Понятие о естественных правах» очевидно берет свое начало из признания той истины, что если жизнь имеет свое оправдание (нельзя не задать вопрос: так, если есть право на жизнь, то почему, следуя подобной логике, нет права на смерть, то есть не

⁵⁸² Цит. по: *Спенсер, Герберт*. Личность против государства // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 479. В итоге делается вывод: «... Правительство все более и более помогало гражданину устранять всякое вмешательство в ту частную сферу, где он преследует свои жизненные цели, и, наконец, само ушло из этой сферы ли, иначе говоря, сузило область своего вмешательства...». – Там же. – С. 479.

ограничиваем ли мы, тем самым, права человека, например, того же неоперабельно больного? – Э.Е.), то должны быть оправдания и для действий, необходимых в целях ее сохранения, а следовательно, и оправдание свобод и прав, обеспечивающих возможность этих действий. Но это предложение, – по мнению автора, – будучи верным не только по отношению к человеку, но и к другим существам, не имеет нравственного характера. Последний возникает лишь с появлением различия между тем, что *позволено индивиду делать*, развивая деятельность, поддерживающую его жизнь, и тем, что *ему не позволено*. Различие это очевидно рождается только при наличии группы индивидов...»⁵⁸³. И с этим, несмотря ни на что, трудно не согласиться.

Итак, о каких же тенденциях свидетельствуют работы конца XIX – начала XX века, посвященные, в целом или фрагментарно, *переосмыслению* тех *идей либерализма и демократии*, под знаком которых в историю вошло не просто «очередное» столетие, а период таких эпохальных событий, как революции и гражданские войны, носившие и для отдельных государств, и для «западной» цивилизации в целом ярко выраженный *буржуазный* оттенок? Выводя как бы «за скобки» научную литературу «социалистической направленности», так как всесторонний критический анализ последней был приоритетным предметом исследований в течение всего советского периода, в связи с чем, мы не внесем ничего принципиально нового в данную область представлений о государстве и праве, поэтому, акцентируя внимание на юридической, политологической и социологической литературе крупнейших представителей различных школ, их апологетов и мировоззренческих оппонентов, тем не менее, со своей стороны не

⁵⁸³ Цит. по: *Спенсер, Герберт. Личность против государства // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 480.* С учетом высказанного замечания, ученый приходит к следующему обобщению: «... Если индивиды находятся в непосредственном соприкосновении или даже несколько отдалены друг от друга, действия одного могут влиять на другого и если невозможно доказать, что некоторые из них имеют неограниченную власть делать все, что они хотят, тогда как другие этой власти не имеют, то следует допустить естественное ограничение. Понятие права на преследование известных целей из неэтической формы перейдет в этическую, когда признано будет различие между такими действиями, которые могут быть выполнены, не переходя границ нравственности (интересно: если бы исследователь знал, что творится теперь в рамках «западной» модели демократии, изменил бы он, исходя из «требований дня», свои обобщения? – Э.Е.), и такими, которые не могут быть выполнены при этом условии. Это заключение, сделанное а priori, получается также и а posteriori при изучении действия цивилизованных народов. В наиболее неопределенной своей форме взаимное разграничение сферы действий проявляется во взаимных отношениях групп между собой, порождая соответствующие мысли и чувства...». – Там же. – С. 480.

можем не признать следующего: тема «справедливости» как бы *рефреном проходит* сквозь большую часть работ, посвященных итогам «века модерна» и окончательному переходу к практике буржуазно-либеральных отношений.

Ранее уже неоднократно говорилось о том, что в среде широких слоев населения неудовлетворенность проявлялась весьма вариативно, в том числе из-за того, что «результаты» преобразований и реформ, осуществленных в той или иной стране, *вне зависимости* от актуализированной формы правления и политического режима, безусловно, удовлетворили в равной степени не всех, так как у национальной экономической и политической «элиты», правящего класса, не говоря о пораженных в правах гражданах и подданных, они, в одних случаях, предоставляли по существу *de jure* неограниченные возможности для реализации конституционно-правовых деклараций, в других – не несли в себе ничего, кроме этих самых «деклараций». Следствием чего, *не могли не стать* индивидуальные и общественные *претензии*, нашедшие отражение в трудах и лекционных курсах крупнейших «кабинетных» ученых⁵⁸⁴.

⁵⁸⁴ Справедливости ради надо сказать, что отечественные теоретики права и государствоведы не стояли в стороне от этого процесса, что свидетельствует, несмотря на пристрастия и приоритеты, о большом научном потенциале многих российских ученых. В качестве примера приведем небольшой фрагмент из исследования профессора М.М. Ковалевского – одного из крупнейших европейских компаративистов того времени: «... Наша великая хартия вольностей (речь идет о манифесте императора Николая II от 17 октября 1906 года. – Э.Е.), как и все великие хартии того же порядка, только тогда делается действительностью, когда обещанные ею начала, проведены будут в жизнь целым рядом законодательных актов. От *выражения* известных желаний до их *выполнения* (о чем мы также говорили уже неоднократно. – Э.Е.) проходят нередко целые столетия. Доказательством этого может служить дарованная англичанам свобода личности, свобода от произвольных арестов. О ней заходит речь еще в 1215 году... На истории постепенного роста личной свободы в Англии немудрено убедиться в том, голого признания властью известного оглашения принципа еще недостаточно для проведения его в жизнь. Но какая мысль наглядно может быть проиллюстрирована и судьбой личной свободы во Франции. Она включена в число тех благ, которыми наделяет французов Декларация прав 1789 года. О том, как мало была обеспечена эта вольность, видно из того, что со времен консульской конституции и до установления во Франции третьей республики нельзя было подвергнуть преследованию полицейского чиновника за незаконное задержание, не получивши на то предварительного разрешения со стороны высшей административной коллегии – государственного совета. Правительство национальной обороны впервые отменило знаменитый параграф 75 консульской конституции, перешедший затем во все те основные законы, какими на десятки лет, не более, определялся государственный порядок Франции (в соответствующем разделе мы назвали это «чехардой ребрендингов». – Э.Е.). Только с третьей республики личная свобода граждан может считаться вполне установленной в этой стране...».

Не менее принципиален и следующий тезис знаменитого ученого: «Четвертая из тех свобод, которые обещаны нам манифестом... – *свобода собраний* или *митингов*. Она заслуживает серьезного внимания, так как при несовершенстве той избирательной системы, за которой остановился русский законодатель, она может служить существенным дополнением к праву участия граждан в издании общеобязательных норм через посредство, выбранных ими уполномоченных. Эту службу свобода собраний сыграла и продолжает еще играть на Западе, и прежде всего – в Англии. При ограниченности в ней числа избирателей, при существовании долгое время имущественного ценза, свобода митингов являлась в Англии для народа единственным средством влиять на ход законодательства и вводить требуемые временем реформы. Неудивительно, если правительство в эпохи реакции считало нужным принять против митингов те же запретительные меры, какие недавно тяготели над ними

Одним из государствоведов, чьи научно-теоретические исследования (с течением времени став частью доктринальных источников англосаксонского «общего права» – common law – и так называемого «права справедливости») по проблемам конституционно-правовых отношений сыграли большую роль в развитии непосредственной и представительной демократии, несомненно, является профессор Оксфордского университета Альберт Венн Дэйси, из-под пера которого вышли такие фундаментальные произведения, посвященные вопросам избирательного права, референдума и юридической практики, как «*The Privy Council*» («Тайный совет»), «*The Balance of classes*» («Равновесие классов»), «Лекции о соотношении права и общественного мнения в Англии девятнадцатого века» и «Основы государственного права Англии», где автор подробно, в деталях рассматривает специфические особенности становления и развития правовой и политической системы Соединенного Королевства. Во многом благодаря сравнительно-правовому анализу ученого, изучившему на примере Швейцарии и Соединенных Штатов такую «редкую» для Европы того времени форму всенародного голосования как плебисцит⁵⁸⁵, мы, в контексте настоящей диссертации, еще более убеждаемся в необходимости скорейшей актуализации на современном этапе методологии компаративизма.

С учетом сказанного ранее, нельзя не подчеркнуть, что концептуальные взгляды на право столь авторитетного в академическом сообществе ученого представляли собой – один из вариантов *британской аналитической школы*. Так, в отличие от исследователей с Туманного Альбиона, конструировавших идеалы правового и социально-правового государства, Альберт Венн Дэйси полагал, что правовое государство (если использовать оригинальный текст, «в том виде, как оно было возведено французской революцией, перестает быть предметом безусловного поклонения...») и право лишаются статуса «ореола» безальтернативного, единственно приемлемого легитимного средства, каким их

и у нас...». – Цит. по: Ковалевский М.М. Русская конституция // Антология мировой правовой мысли... Том V. – С. 293, 297.

⁵⁸⁵ Так, с 1793 по 1900 год на национальном уровне было проведено только 61 референдум, в течение всего XX века – одна тысяча. – См.: Маклаков В.В. Референдум в зарубежных странах. М.: ИНИОН РАН, 2014. – С. 13-15. В Швейцарии с конца XVIII века по 1900 год – 57, а в масштабах XX века – около 400 плебисцитов.

воспринимали и популяризировали многие теоретики на рубеже веков. Со своей стороны, он придерживался той точки зрения, согласно которой, как ни странно на первый взгляд, формально-юридические механизмы защиты того, что идентифицируется в виде «конституционных соглашений», со временем все больше «обрастающих» всевозможными неюридическими институтами и правилами поведения, чаще всего обеспечивающимися силой общественного мнения, но, невзирая на это, имеющими решающее значение в обеспечении прав и свобод отдельных подданных и общества в целом, если и не исчерпали себя, то уже не актуальны и не востребованы, а иногда – нецелесообразны.

Так, профессор (выступавший с резкой критикой имущественного ценза, *de jure* традиционно применяемого в избирательном процессе Соединенного Королевства в отношении дееспособного мужского населения, полностью (!) выводя за скобки женщин) пишет: «... Конституционное право в том смысле, в каком этот термин употребляется в Англии, содержит нормы, которые прямо или косвенно намечают распределение верховной власти в государстве. Оно включает все нормы, устанавливающие состав верховной власти; все нормы, устанавливающие отношения друг к другу лиц или учреждений (создается впечатление, что все последующие государствоведы использовали подобное определение почти под копирку. – Э.Е.), между которыми она распределяется, или определяющие способ, каким верховная власть и составляющие ее лица или учреждения применяют свое влияние. Его нормы предписывают порядок престолонаследия, устанавливают прерогативы высшей власти, определяют форму законодательных собраний и способ их избрания. Эти нормы говорят также о министрах, об их ответственности, сфере их деятельности (и все это при отсутствии писаного акта высшей юридической силы. – Э.Е.), определяют территорию, на которую распространяется государственная власть, и устанавливают, кого нужно считать подданными или гражданами...»⁵⁸⁶.

⁵⁸⁶ Цит. по: Дайси, Альберт Венн. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 485.

При этом цитируемый автор уточняет одно обстоятельство, относящееся к особенностям англосаксонской правовой системы в ее, условно говоря, «чистом» виде: «... Заметьте, что я все время употреблял слово «нормы», а не «законы»; я это делал намеренно, чтобы обратить внимание на тот факт, что нормы, составляющие конституционное право в том смысле, в каком этот термин употребляется в Англии, заключают два рода принципов совершенно различного характера... Один ряд норм представляет «законы» в строгом смысле слова, так как, писанные или неписанные, утвержденные статутами или выведенные из массы обычаев, традиций и принципов установленных путем судебной практики и известных под именем общего права (common law, что в такого рода форме является *специфической чертой, не характерной* ни для какой другой системы. – Э.Е.), они пользуются судебной защитой; эти нормы составляют «конституционное право» в собственном смысле слова и могут быть для отличия названы в своей совокупности *«законами конституции»*. Другой ряд норм состоит из соглашений (например, когда правящая партия и парламентская оппозиция «конвенционально» договариваются о «теневом кабинете» или о чем-то подобном, не регламентированном соответствующим биллем либо статутом. – Э.Е.), понятий, привычек или обычаев, которые хотя и могут регулировать деятельность многих представителей верховной власти, министров и других чиновников, но, в сущности, совсем не законы, так как они не пользуются судебной защитой. Эта часть конституционного права может быть для отличия названа *«соглашениями»* конституции или конституционной моралью... Другими словами, – констатирует ученый, обобщая свою мысль, – «конституционное право» в том смысле, в каком этот термин употребляется в Англии публикой и авторитетными писателями, состоит из двух элементов. Один элемент, который я назвал «конституционным правом» в собственном смысле, есть свод несомненных законов; другой элемент, который я назвал «соглашениями конституции», состоит из принципов и обычаев (последнее практически невозможно представить как нечто обязательное к исполнению со стороны тех, на кого они *непосредственно* не распространяются. – Э.Е.), которые

хотя регулируют обыкновенно действия короны, министров и других лиц, подчиненных конституции, но, в сущности, совсем не законы...»⁵⁸⁷.

Достаточно своеобразной выглядит точка зрения на то, что в обычном учебнике квалифицируется как «верховенство права», но даже и в этом случае интерпретируемое с учетом англосаксонской традиции и системы права: «... Когда мы говорим, что верховенство или господство права есть *характерная особенность английской конституции*, мы обыкновенно обобщаем в одном выражении три различных, хотя и родственных, понятия. Этим термином мы

⁵⁸⁷ Цит. по: *Дэйси, Альберт Венн. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 485-486. Соединенное Королевство, как один из родоначальников парламентаризма и партийного представительства*, объективно не могло не стать не только «примером для подражания», но и объектом острой критики со стороны апологетов иных концепций. Так, рассуждая о положительных и отрицательных проявлениях ограниченной монархии, один из известных отечественных государствоведов комментировал это следующим образом: «... ради чего и ради кого должен русский монарх поступаться свою совестью и конституционную власть? Говорят, во имя *парламентаризма*! Но парламентаризм – есть передача государственной власти партиям. Нельзя не относиться с сочувственным уважением к английским парламентарным партиям с их крепкими традициями и неподражаемым политическим механизмом, которым держится величие Англии... Конечно, и английский парламентаризм имеет свои недостатки: система подкупа и «гнилых местечек» миновала, – но патронаж и кумовство (...) ухаживание за избирателями и громадные траты на выборах присущи и теперь парламентаризму. Важнее же всего то, что удивительный механизм этой системы держится аристократическим строем Англии, и по мере разложения этого строя приходит постепенно в расстройство... Но где на материке существует подобный парламентаризм? Напрасно вздыхают итальянские патриоты и указывают своим соотечественникам на двухпартийную систему Англии, как на высокий образец; другие патриоты приходят в отчаяние от местного парламентаризма и видят в нем школу политического развращения (заметим: это написано более века назад, а как же актуально и злободневно (!) звучит для государств современной Европы как являющихся, так и не являющихся членами Европейского союза, не говоря уже о парламентаризме «североамериканского» или «африканского» варианта. – Э.Е.). Конечно, парламент, в котором «адвокаты без занятий» составляют целую треть членов, не может быть образцом... Не две, а избыток партий, групп, порождает в других случаях конституционализм. Руссо, апостол народовластия и демократии, считал последнюю возможной лишь при полном отсутствии партий, ибо *в каждой партии* он видел проявление *частного интереса и отступление от общей воли*. В действительности партии неизбежны, ибо нелегко общество, даже небольшое, где воли и интересы всех были тождественны. Но с точки зрения идеализации демократии Руссо был прав, осуждая партии... В основе образования партий лежит большею частью какой-нибудь материальный интерес, часто какая-нибудь теория или доктрина (клерикализм, революционный фанатизм и т.п.), иногда то и другое вместе, то есть теория и интерес. Еще хуже, когда подкладкою партии является *ненависть* к другим партиям, классам, к экономическому строю или к религии вообще или какой-нибудь особенной. Поэтому партии большею частью односторонни, ослеплены, несправедливы, упрямы, *склонны ставить партийный интерес выше разума и общего блага*. В некоторых случаях партии принимают уродливый характер, являются опасным наростом на общественном организме, когда в основании их лежит воспоминание о претерпенной обиде или упорное поклонение исчезнувшему идеалу или поверию. При таких условиях политическая деятельность партий бывает весьма часто неблагоприятна для хода дела. Они обособляются в парламенте, даже самые незначительные из них (при этом крайне отрицательно относящиеся к императивному мандату. – Э.Е.); каждая из них имеет своих вожаков (в британском парламенте их именуют «кнутами». – Э.Е.), свои отдельные собрания, на которых предпрешаются вопросы, подлежащие обсуждению в общем собрании... Они не граждане, а *рабы партийной дисциплины*... При такой обособленности партий и групп парламентарная жизнь подвигается лишь путем сделок и компромиссов – взаимно между партиями или правительством... Другой недостаток партийной политики – это отсутствие чувства ответственности – отвечает не лицо, а партия и весьма часто за какую-нибудь неудачную финансовую или экономическую меру отвечает правительство, которому приходится проводить ее в исполнение. Ибо кто помнит истинных виновников ее?...». – Цит. по: *Герье В.И. О конституции и парламентаризме в России // Антология мировой правовой мысли... Том V. – С. 302-303. В анализе такого рода нет ничего странного – со стороны всегда виднее: и позитивное, и негативное.*

выражаем прежде всего ту мысль (речь судя по всему идет о habeas corpus, аналогичных или сопоставимых конституционно-правовых институтах!? – Э.Е.), что никто не может быть наказан и поплатиться лично или своим состоянием иначе как за определенное нарушение закона⁵⁸⁸, доказанное обычным законным способом перед обыкновенными судами страны. В этом смысле господство права представляет контраст со всякой... системой, основанной на применении правительственными лицами... принудительной власти...»⁵⁸⁹.

Как ни парадоксально, но известный британский ученый полагает, что нечто подобное «характерно» прежде всего для Соединенного Королевства и некоторых стран англосаксонской традиции (правда, на тот период их было не так много, то есть часть из них не обладали государственным суверенитетом, а являлись колониями или доминионами), и в меньшей степени присуще так называемой континентальной Европе, где превалировала романо-германская система права: «Современные англичане могут сначала несколько удивиться, что «господство права» (в том смысле, в каком мы теперь употребляем этот термин) учреждений, так как в настоящее время (цитируемое произведение было вынесено на суд академической общественности в 1885 году. – Э.Е.) оно, по-видимому, составляет принадлежность не какой-нибудь одной нации, но черту, общую всем цивилизованным и благоустроенным государствам. Но если даже мы обратим внимание только на современное положение Европы, мы скоро убедимся, что «господство права», даже в этом узком смысле (что вполне оправданно в отношении подавляющего большинства ограниченных монархий, которых университетский профессор почему-то не считает нужным учитывать в качестве наглядного примера и иллюстрации. – Э.Е.), свойственно исключительно только Англии (где *значительная часть* местного населения *была все еще поражена в праве* избирать и быть избранными. – Э.Е.) или тем странам, которые, подобно Соединенным Штатам, унаследовали английские

⁵⁸⁸ Неужели, с этим выводом (бесспорность которого достаточно очевидна) кто-нибудь спорит?

⁵⁸⁹ Цит. по: Дайси, Альберт Венн. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 486.

традиции. Во всяком континентальном обществе исполнительная власть (но как же тогда быть с тем фактом, что в Германии, не говоря уже о Голландии, Бельгии или Швеции, функции монарха были конституционно ограничены? – Э.Е.) пользуется гораздо более широким произволом относительно арестов, временного заключения в тюрьму (странно, но это относится к прерогативам судебной, а не исполнительной власти⁵⁹⁰? – Э.Е.), изгнания из страны и т.п., чем это допускается законом или на самом деле происходит в Англии... Говоря о «господстве права» как о характерной особенности нашей страны (вывод, как минимум, безапелляционный. – Э.Е.), мы выражаем не только то, что у нас нет никого, кто был бы выше закона, но и нечто иное – именно, что у нас всякий человек, каково бы ни было его звание или положение, подчиняется законам государства и подлежит юрисдикции обыкновенных судов...»⁵⁹¹.

Акцентируя внимание на «эксклюзивности» механизмов, действующих в масштабах Соединенного Королевства, Альберт Венн Дайси говорит о них в превосходной степени, что вполне наглядно свидетельствует о его несколько пренебрежительном отношении к романо-германской традиции, несмотря на существенную идентичность формы правления и политических режимов, *de facto* сложившихся в Старом Свете: «... Англичанин, естественно, воображает, что господство права (в том смысле, в каком мы теперь употребляем этот термин) есть черта, свойственная всем цивилизованным обществам. Но это мнение ошибочно: действительно большинство европейских наций в конце восемнадцатого века пережило ту стадию развития (из которой Англия вышла

⁵⁹⁰ В момент публикации работы уже даже в Японии что-либо подобное нельзя было делать произвольно. – См.: Конституция Японской империи 11 февраля 1889 года. Глава II. О правах и обязанностях подданных //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 161.

⁵⁹¹ Цит. по: Дайси, Альберт Венн. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции //Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 486. Как подчеркивает ученый, «... в Англии идея равенства перед законом или всеобщего подчинения всех классов одному закону, применяемому обыкновенными судами, проводится до последних пределов. У нас всякое должностное лицо, начиная от первого министра и кончая последним констеблем или сборщиком податей, подлежит такой же ответственности, как и всякий другой гражданин за поступок, не оправдываемый законом. В судебных отчетах есть масса дел о чиновниках, которые привлекались к суду и подвергались в качестве должностных лиц наказаниям или уплате издержек за поступки, совершенные при исполнении служебных обязанностей, но превышающие их законную власть. Губернатор колонии, государственный секретарь, офицер и все подчиненные, даже если они исполняют приказания начальников, так же ответственны за всякий противозаконный поступок, как и всякое частное и не должностное лицо...». – Там же. – С. 487.

перед концом шестнадцатого века), когда дворянство, духовенство и другие могли ни во что ставить закон (правда, автор при этом забывает о Генрихе VIII и всем том, что связано с периодом его правления!? – Э.Е.); но даже и теперь далеко не во всех континентальных государствах все граждане подчинены одним и тем же законам (надо подчеркнуть, что во главу угла ставится сфера уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, так как о каком в принципе «равенстве» и тем более «господстве права» может идти речь при существовании имущественных, гендерных и прочих избирательных цензов, жестким и последовательным противником которых являлся сам мыслитель, выступавший непосредственно за их безусловную и скорейшую отмену?! – Э.Е.) и не везде суды пользуются неограниченной властью в стране. Взявши Францию как тип континентального государства, мы можем с достаточной определенностью сказать, что служащие (подразумевая под этим названием всех лиц, занимающих государственные должности) в качестве должностных лиц не подчиняются обыкновенному праву страны (неужели, в целом аппарат управления обладал иммунитетом, в связи с чем, так и хочется задать вопрос: по каким тогда причинам в стране не действовал «императивный мандат», а импичмент имел отношение лишь к отдельным ветвям власти? – Э.Е.), изъяты из юрисдикции обыкновенных судов и во многих отношениях подчиняются только административному праву, применяемому административными (но, заметим, все-таки судебными. – Э.Е.) учреждениями...»⁵⁹².

⁵⁹² Цит. по: Дайси, Альберт Венн. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 487. Со своей стороны, как бы дискутируя с крупнейшим англо-британским государствоведом начала XX века, процитируем фрагмент из работы одного из отечественных правоведов: «... Вопрос об основе обязательности закона совпадает с вопросом об основе обязательности права. До сих пор в науке этот вопрос не решен. Существует множество теорий, на первый взгляд диаметрально друг другу противоположных, совершенно непримиримых. На самом деле каждая из этих теорий выражает собою часть истины, а посему возможен синтез, как почти в каждой из проблем нашей науки... Абсолютные начала естественного права реализуются в виде законов положительного права согласно с природой вещей данной социальной среды. Эти законы санкционирует своим авторитетом верховная власть и гарантирует их внешними принудительными мерами. Но необходимой почвой для действия законов и для применения этих внешних гарантий является добровольное подчинение им возможно большего количества населения... Ясное дело, что наиболее односторонними из всех... теорий (перечисление и анализ которых мы вывели за скобки. – Э.Е.) являются формально-юридические, выводящие обязательность законов только из велений государственной власти. Дюги совершенно прав, говоря, что ни один человек не имеет права делать свою волю, как таковую, обязательной для других. Воля верховной власти, санкционирующая закон, представляет собою только формальный момент. А так как право не есть сила, интерес и т.п., то к этому моменту необходимо присоединить момент субстанциональный, – отмечает один из ярких представителей «провинциальной» российской

Проанализировав еще несколько весьма «специфических» черт, ученый приходит к следующему обобщению, в котором, на наш взгляд, в большей или меньшей степени содержится квинтэссенция авторского понимания того, чем, в конце концов, *следует воспринимать феномен англосаксонской системы права*: «Остается еще особенное значение, в котором «господство права» или преобладание духа законности может считаться отличительной особенностью английских учреждений. Мы можем сказать, что конституция основана на господстве права, потому что *общие принципы конституции* (как, например, право свободы личности или право публичных собраний (митингов)) являются у нас *результатом судебных решений*, определяющих права частных лиц в отдельных случаях, представляемых на решение судов; между тем, по многим из иностранных конституций обеспечение прав частных лиц (каково бы оно ни было) зависит, как кажется, от общих принципов конституции...»⁵⁹³.

Как мы видим, при определении основополагающих прав и свобод, со всеми вытекающими последствиями, *во главу угла ставится* не что иное, как *судебный прецедент*, олицетворяющий собой «верховенство права», *de jure* выраженное в решении, вынесенном по конкретному делу, «фундаментом» которого рассматриваются конституционные принципы, сформулированные и санкционированные не парламентским актом, а органом публичной власти, к функциям которого, помимо судебных, относится и нормотворчество⁵⁹⁴.

юриспруденции, – момент согласия закона с идеей государства, с началами естественного права – словом, с высшим этическим порядком. И тогда мы скажем, что с формальной стороны закон есть воля верховной власти, но что эта власть отнюдь не есть творец закона из ничего, что она лишь формирует юридические нормы, скрытые в природе вещей. Самостоятельное творчество ее до некоторой степени проявляется лишь в области норм вторичных, третичных и т.д. Во всяком случае внутреннее основание обязательности закона есть то, что он представляет собою реализацию абсолютных начал естественного права, безусловная обязательность которых запечатлена в духе человека волей, проистекающей из первоисточника всего сущего. Вот почему, давая необходимое внешнее основание этой обязанности, государственная власть должна помнить, что *право и произвол* – ... *два противоположные полюса*. И если государственная власть может и должна твердой рукою охранять правопорядок от посягательств на него антикультурных, разнузданных элементов населения, то, с другой стороны, она должна очень остерегаться разрывать связь закона с идеей права, с высшим этическим порядком...». – Цит. по: Михайловский И.В. Очерки философии права // Антология мировой правовой мысли... Том V. – С. 379, 380-381.

⁵⁹³ Цит. по: Дэйси, Альберт Венн. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 487-488.

⁵⁹⁴ Подробнее см.: Еремян Э.В. Основы конституционного права Соединенного Королевства... – С. 370-377.

Поэтому вполне осознанно констатируется вывод, не утративший своей адекватности практически до наших дней: «... Итак, это «господство права», составляющее основной принцип нашей конституции, имеет три значения или может быть рассматриваемо с трех различных точек зрения. Оно означает, во-первых, абсолютное верховенство или преобладание обыкновенного права в противоположность влиянию произвола и исключает всякий произвол (как ни странно, но перед нами известная идеализация. – Э.Е.), прерогативу или даже широкую дискреционную власть правительства. Англичане (неужели, только они одни? – Э.Е.) управляются законом, и только законом (видимо, по мнению государоведа, чьи работы квалифицируются как доктринальный источник права, судебный прецедент так же считается «законом», другими словами, актом, *обязательным к исполнению* всеми – без исключения – подданными и должностными лицами? – Э.Е.); у нас человек может быть наказан, но только за нарушение закона, а не за что другое. Оно означает, далее, равенство перед законом или одинаковую подчиненность всех классов общему праву страны, применяемому обыкновенными судами; «господство права» в этом смысле исключает мысль о каком-либо освобождении должностных лиц или кого бы то ни было от обязанности повиноваться закону (а разве в других монархиях континентальной Европы, за исключением, может, католических Испании и Португалии в период господства инквизиции, все выглядит как-нибудь иначе, и там превалирует произвол? – Э.Е.), которому подчиняются другие граждане, или от ответственности перед обыкновенными судами; у нас нет ничего, соответствующего «административному праву» (англо-британский мыслитель не признавал дифференциации «публичного права» на отдельные отрасли, в связи с чем, у него все, что относится к сфере властных отношений, именуется одним общим термином *«государственное право»*, что достаточно точно и объемно отражает смысл и логику авторских научных представлений о праве, его реальной роли и месте. – Э.Е.) или административным судам... «Господство права» может употребляться как формула для выражения того факта, что конституционное право, то есть нормы, которые в других государствах

естественно входят в состав конституционного кодекса, у нас является не источником, но следствием прав частных лиц, которые определяются и защищаются судами; что, одним словом, у нас принципы гражданского права были настолько развиты судами и парламентом, что ими определяется даже положение короны и ее слуг, так что *конституция является результатом обыкновенного права страны...*»⁵⁹⁵.

В контексте сказанного, нет сомнений в том, что «*институциональным ядром*», вокруг которого строится вся конструкция авторской теоретической и правоприменительной концепции, декларируется «*habeas corpus*», причем в наиболее широком значении термина: «... Но общие соображения о характере господства права выясняют очень немного; для того чтобы действительно понять значение этого принципа со всех сторон и во всех его последствиях, мы должны проследить его влияние на главные положения конституции. Для этого всего лучше рассмотреть, как трактует английское право следующие вопросы:

⁵⁹⁵ Цит. по: Дайси, Альберт Венн. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции... Том III. – С. 487-488. На фоне столь категорических обобщений, характеризующих специфику и особенности англосаксонской системы права (возведенной в абсолют и предлагаемой в качестве «примера для подражания» или «образца»), мнение других правоведов выглядит еще более контрастно и оригинально: «... Выяснение природы права в юридическом смысле (параграф цитируемой работы во многом говорит сам за себя – «Негодность права в юридическом смысле в качестве базиса для построения научной теории права». – Э.Е.) представляет вместе с тем выяснение негодности подлежащей группы явлений для построения относительно нее какой бы то ни было научной теории... Для добывания научно-теоретического света, для надлежащего познания и причинного объяснения явлений... требуется образование таких классов, относительно которых могут быть установлены адекватные теории, то есть такие положения, в которых утверждаемое с его основаниями истинно относительно всего данного класса, а не только какой-либо части его (прыгающие теории), и притом специально относительно данного класса (а не какого-либо более обширного класса – кроме теории). Между тем, право в юридическом смысле, то есть группа тех явлений (позитивное международное право + официальное позитивное внутреннее право), к которым юристы привыкли применять имя право, не только не представляет класса, годного для образования адекватных теорий, но и вообще не составляет класса (то есть чего-либо однородного между собою и отличного от всего прочего); оно представляет сборную, эклектическую группу явлений, сумму различных элементов более обширного класса – права в смысле императивно-атрибутивных переживаний вообще, с оставлением за границами однородного с тем, что в ее включено...».

Не менее принципиальна и следующая мысль: «Всякое теоретическое положение, высказываемое относительно того, что юристы называют правом, неизбежно должно представлять ненаучную, уродливую, в лучшем случае (...) хромую или прыгающую... Все то, что свойственно всем элементам, входящим в группу права в юридическом смысле, неизбежно свойственно и многому тому, что не входит в эту группу; ибо эта группа имеет такой характер, что за пределами ее находится многое, однородное с тем, что в ней имеется. Просто позитивное право включается в эту группу, поскольку дело идет о других видах и областях отношений. В этих других областях юристы то, что они называют правом в международной области (мы не погрешим против истины, если выскажем предположение, что речь в данном случае идет в том числе о сравнительном правоведении. – Э.Е.), уже не удостоивают имени права, если оно не пользуется официальным признанием и покровительством. Вследствие этого всякое теоретическое положение, истинное относительно всего права в юридическом смысле (не страдающее пороком прыгания) неизбежно должно страдать пороком хромания, отнесения не к надлежащему, адекватному классу, а только к части его, подобно положениям, что старые люди нуждаются в питании, и т.п.». – Цит. по: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности // Антология мировой правовой мысли... Том V. – С. 360, 361.

право личной свободы, право так называемой свободы слова, право публичных собраний, вопрос о применении военных законов, о правах и обязанностях армии, о сборе и расходовании общественных доходов и об ответственности министров... Провозглашение в конституции или хартии права свободы личности или какого-либо другого права само по себе является еще слабой гарантией того, что это право существует не номинально только; и люди, изучающие наш предмет, если они желают знать, насколько право свободы личности действительно входит в состав конституционного права, *должны рассмотреть смысл этого права*, а также и то,... какими средствами располагает закон для обеспечения пользования этим правом...».

Раскрывая собственный тезис, профессор Оксфордского университета в итоге пишет, акцентируя внимание на следующем: «... Право личной свободы так, как оно понимается в Англии, означает в сущности, что никто не может быть посажен в тюрьму (тем самым, как бы подчеркивается *эксклюзивность*, присущая исключительно Соединенному Королевству и отдельным странам англосаксонской традиции, *что абсурдно по определению*, достаточно всего лишь обратиться к практике многих европейских государств, о чем известный ученый, несомненно, не мог не знать!? – Э.Е.), арестован и вообще подвергнут какому-нибудь физическому стеснению, если такой образ действий не имеет законного оправдания. Подвергнуть кого-нибудь физическому стеснению в Англии считается само по себе незаконным (а где же, интересно, действия или решения такого рода рассматриваются «легитимными» с юридической точки зрения? – Э.Е.) и оправдывается, говоря в очень общих выражениях, только в двух случаях: если лицо, подвергнутое стеснению, обвиняется в каком-нибудь преступлении и должно быть привлечено к суду или если его преступление вполне доказано и это лицо должно за это подвергнуться наказанию. Личная свобода, в этом смысле, обеспечивается в Англии строгим соблюдением принципа, что никто не может быть арестован или заключен в тюрьму иначе как законным порядком, то есть, говоря... в общих выражениях, по законному приказу власти, и, что еще более важно, она обеспечивается существованием

существующих законных средств для защиты этого принципа. Таких средств два (и в этом случае трудно обнаружить, за исключением продолжительности периода, в течение которого действуют «карательные» механизмы, в чем же состоит своеобразие практики, которой так гордится апологет национальной системы, если в Испании и ее бывших «заморских территориях» этот институт активно применялся в качестве так называемого «juicio de amparo», начиная с раннего колониального периода⁵⁹⁶? – Э.Е.): ... преследование за незаконный арест посредством судебного преследования или иска и ... освобождение от незаконного заключения посредством указа *Habeas Corpus*...»⁵⁹⁷.

Итак, чем же для компаративиста и историка конституционно-правовых отношений примечательны идеи, заложенные в большинстве произведений одного из классиков англосаксонской юриспруденции и государственоведения, цитатами из которых пестрят не только работы современных исследователей,

⁵⁹⁶ Подробнее см.: Клишас А.А. Становление и развитие институтов конституционного контроля // Еремян В.В., Клишас А.А. Публичное право стран Латинской Америки: в 2 т. Т. 2. – М.: Международные отношения, 2016.

⁵⁹⁷ Цит. по: Дэйси, Альберт Венн. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 488-489. Нет секрета в том, что большинство концепций о праве и государстве, возникших в преддверии буржуазно-либеральных революций конца XVIII – первой половины XIX века, основывались на идеях так называемых «естественных прав» человека, которым в свое время немало внимания уделили и представители англо-британской науки, однако, справедливости ради надо сказать, что ни все компаративисты разделяли «мировоззренческие абстракции» такого рода, тем более, что к концу XIX века наметились известные кризисные тенденции, обусловленные совокупностью ряда достаточно существенных причин: «... Индивидуалистическое учение об «естественных правах» человека, принадлежащее школе «естественного права», достигло (...) крайнего предела своего развития в последние десятилетия XVIII века. Будучи выражением нравственных стремлений и уровня знания своего времени, оно сыграло огромную роль в деле уничтожения крепостничества, цехового устройства, пыток, уголовного преследования за так называемые религиозные преступления и снесение других остатков средневекового и феодального строя. Из этих реформ сложился процесс освобождения личности от наложенных на нее в прошлом цепей, и эти реформы составляют бесспорную заслугу школы «естественного права» перед человечеством. Но с разрушением «старого порядка» и наступлением XIX века миссия «естественного права» может считаться оконченной. Правда, – подчеркивает Ю.С. Гамбаров, – представляющая ее школа продолжает жить в различных формах своего выражения и в наши дни, но значение и кредит ее значительно упали. Это, во всяком случае, не то, что было в XVI веке, когда установление дуализма в праве, то есть признание рядом и над положительным правом еще особого «естественного права», служило знаменем того... движения от форм средневековых воззрений и отношений, которое проникло со времени Возрождения во все сферы духовной и общественной жизни. В XIX веке это знамя переходит в другие руки, и школа «естественного права» представляет нам картину упадка и разложения. Можно сказать еще более, а именно, что, в общем, все философские, политические и юридические течения XIX века идут против «естественного права» или, по крайней мере, той освободительной по отношению к личности формы его, которая так ярко выступает в истории идеи и общественных отношений трех предыдущих столетий. Оговоримся, однако, что судьба индивидуальных прав не только не связана теперь так тесно, как это было прежде, с идеями школы «естественного права», но стоит к ним скорее в обратном отношении. Это значит, что, несмотря на свою преемственную связь и многочисленные точки соприкосновения со школой «естественного права», индивидуальные права продолжают расти и крепнуть, опираясь на иные начала, чем старое «естественное право». Эти начала составляют – конституция и закон, которые оказываются тем благоприятнее для теории индивидуальных прав, чем более эта теория отрешается от неправильных и уже поэтому ослабляющих ее посылок «естественного права» (...).» – Цит. по: Гамбаров Ю.С. Свобода и ее гарантии. Популярные социально-юридические очерки // Антология мировой правовой мысли... Том V. – С.304-305.

монографии и учебники, но и *большой круг вынесенных судебных решений*, основанных – помимо всего прочего – на доктринальных концепциях ученого, на официальном уровне признанных верховной властью, наряду с другими, важнейшим источником common law и «права справедливости»?

Совсем *не сложно понять и объяснить*, почему Альберт Венн Дэйси не использует дефиницию «республика», так как *лучшей формой правления он признавал монархию ограниченного типа британского образца*, но, вслед за другими апологетами, сформировавшейся в пределах Туманного Альбиона модели взаимодействия общества и правящих элит, во главе с «царствующим домом», он полностью игнорирует термин «демократия», тем самым, судя по всему, *не рассматривая народ*, в лице миллионов подданных, «источником» и «носителем» власти (хотя выступал за отмену имущественных ограничений избирательного права, при этом экстраполируя его нормы исключительно на мужскую часть городского и сельского населения страны), *ничего не говоря* о народовласти и «народном суверенитете». И в этом, как представляется, нет ничего странного, так как в англосаксонской традиции *не принято*, даже если в качестве документального свидетельства мы обратимся к «Великой хартии вольностей» или «Bill of Rights», каким-то образом *акцентировать внимание* на элементах властного механизма, позиционируемых в контексте институтов, выходящих за рамки монархической формы правления.

В то же время *перед нами парадокс*, так как, с одной стороны, права и свободы, особенно в сфере уголовно-процессуальных отношений, возведены чуть ли не в ранг «неприкасаемой священной коровы», и это на фоне того, что большинство дееспособного населения под различными предложениями лишено гражданских прав (при том, что представительный орган парламентского типа своим рождением считает середину тридцатых годов XIII века), не говоря уже о патриархальных учреждениях сословного характера, *без которых* вообще невозможно «вообразить» политическую систему Туманного Альбиона и его многочисленных «заморских территорий» (в первую очередь, Индию, Канаду, Австралию, ряд других колоний или доминионов, в том числе имеющих акты

высшей юридической силы, октроированные британской монархией), тем не менее, несмотря на наличие подобных метаморфоз, возводимых в абсолютизм в качестве «примера для подражания». Неважно, что *в собственной модели не все отвечает* тем «стандартам», которые противопоставляются юридической практике континентальной Европы, так как в любом случае в большей степени корреспондирует национальным интересам (целям и задачам правящих элит, «царствующего дома», его светского или конфессионального окружения), чем тот же «ребрендинг» важнейших публичных институтов и наделение народа статусом «источника власти» и «носителя суверенитета». Что представляет из себя «народовластие» правящие элиты и «царствующий дом» сумели ощутить в полном объеме в период диктатуры лорда-протектора Оливера Кромвеля и в некоторых других случаях, поэтому итоги «Славной революции» и все, чем в последующем характеризовались политические преобразования (в том числе, электоральные реформы тридцатых, шестидесятых и восьмидесятых годов XIX века), нашли свое отражение и теоретическое обоснование в доктрине одного из крупнейших государствоведов Соединенного Королевства.

Личная неприкосновенность тех лиц, в отношении которых нет никаких легитимных оснований, может, таким образом, рассматриваться своего рода «краеугольным камнем» очень мощного и чрезвычайно устойчивого здания британской буржуазно-либеральной государственности монархического типа и тех парламентско-представительных учреждений, с которыми, как правило, в течение уже многих лет ассоциируется англосаксонская политико-правовая система и государственные властные структуры, среди которых *статус общих судов и их решений* традиционно находятся, так сказать, вне конкуренции⁵⁹⁸.

⁵⁹⁸ Как пишет исследуемый нами государствовед, «... вся история *Habeas Corpus* служит иллюстрацией того преимущественного внимания, которая обращает английская конституция на процессуальные «средства», то есть на способы судебной процедуры, которые обеспечивают уважение к законному праву, и при помощи которых это право из номинального только становится вполне реальным правом. Акты *Habeas Corpus* представляют, в сущности, акты, имеющие процессуальное значение; их цель – улучшить юридический механизм, посредством которого защищается признанное право свободы личности. Они изданы, как это обыкновенно бывает, когда законодательство находится под влиянием юристов просто с целью устранить практические, указанные опытом затруднения... Это свойственное юристам отношение к основному праву, при всех своих недостатках, имеет то большое достоинство, что при нем законодательство обращает внимание как раз на те вопросы, которые действительно всего более заслуживают внимания. Торжественно провозгласить право личной свободы – вещь, конечно, не трудная, но в большинстве случаев в ней очень мало толку. Действительное затруднение заключается

Как бы научно-теоретическим антиподом апологета и популяризатора англосаксонской конституционно-правовой традиции на континенте выступал один из ведущих представителей *юридического позитивизма*, отрицательно, в целом, относившийся к идее «естественных прав» и любым подобного рода метафизическим доктринам, и призывавший не считать «правом» все то, что имеет внепозитивный характер (более того, если следовать авторской логике, первое, что надо сделать государству в лице соответствующих органов, так это «вырвать с корнем сорную траву естественного права», нивелирующего право до уровня субъективных представлений, каким оно в принципе должно быть), профессор Марбургского и Боннского университетов Карл Бергбом.

В своем фундаментальном труде «Юриспруденция и философия права», изданной в 1892 году, он, опираясь на философский позитивизм⁵⁹⁹ Иммануила Канта, подверг резкой критике метафизические концепции права, так как с его точки зрения юридический позитивизм – есть не что иное, как теория, *de facto* отрицающая «естественное право» и «спекулятивную» материалистическую философию права с ее положениями о природе, причине и сущности права. Исходя из этого «видения» проблемы, германский ученый приходит к выводу о том, что наряду с существующим правом «... нельзя научно рассматривать в качестве уже рожденного (*projam nato*) право, которое еще только должно быть», так как «право – объективно реально, и только то, что функционирует в качестве права, есть право». Как следствие, мыслитель отвергает естественное право *не только как реальность, но и как идею*, утверждающую вечно новое содержание права, идею как регулятив и как максимум. Сущность любого права состоит в том,

в том, чтобы обеспечить пользование этим правом. Эта цель и достигается актами о Habeas Corpus, для свободы англичан они сделали больше, чем можно было бы сделать каким угодно провозглашением права. Не будет слишком смело даже сказать, что эти акты имеют не только больше значение, чем провозглашения прав человека, какие часто делались в иностранных государствах, но даже больше, чем такие вполне юридические документы, как Петиция о правах или Билль о правах, хотя эти знаменитые акты столько же, как и акт о Habeas Corpus, доказывают, что *английское конституционное право есть, в сущности, право, выработавшееся путем судебной практики...*». – Цит. по: Дэйси, Альберт Венн. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 490-491. Где же тогда народовластие? Его нет?

⁵⁹⁹ Об этом см.: Кант И. Метафизика нравов в двух частях. 1797 // Кант И., Гегель Г.В.Ф., Шеллинг Ф.В.И. Немецкая классическая философия: в 2 т. Том 1. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2000. (Серия «Антология мысли»). – С. 11-298.

что оно действует, поэтому «все проблемы права следует искать в самом праве и из него самого их решать...»⁶⁰⁰.

Исходя из той аксиомы, что право (каким оно должно быть), его оценка и системный анализ – не являются предметом юриспруденции, а относятся к *политике права*, важнейшим, приоритетным инструментом которой должен быть не догматический, а критический метод, определяющий цели и задачи изменения существующего правопорядка, при этом отвергая взгляды всех тех, кто ассоциировал себя с исторической школой права (и прежде всего с идеей «народного духа»), как бы «маскировавшей» естественно-правовой подход, ученый отмечал: «... Идеи относительно возможных изменений права сами ни в коей мере не являются правом как таковым, хотя для утверждения этого есть бесспорные причины, поскольку не сегодня-завтра (что мы и наблюдаем в отношении легитимации прав и свобод всевозможных «меньшинств», спектр и количество которых в последние десятилетия перманентно растет, в первую очередь в государствах «западной» модели демократии, обусловленных, в том числе, ложно понимаемыми «общечеловеческими» ценностями типа тех же политкорректности, мультикультурализма и толерантности, крах которых становится достаточно очевидным и, судя по всему, все более неизбежным и в перспективе, вероятно, необратимым, несмотря на противодействие как со стороны самих «меньшинств», так и их многочисленных сочувствующих в лице представителей национальных либо наднациональных политических элит. – Э.Е.) эти идеи могут быть возведены в ранг права. Они функционируют не как чреватое неблагоприятными последствиями право, а несколько иначе, так как *не имеют под собой* юридической силы. Ведь *на голых суждениях нельзя* выстроить логическую цепочку воздействий и последствий (однако именно на этом Европейский суд по правам человека, принимавший «соответствующее» решение, акцентировал внимание и в итоге сделал «определенные» выводы, юридически легализуя однополые браки, получившие затем законодательное

⁶⁰⁰ Подробнее см.: *Bergbohm K. Jurisprudenz und Rechtsphilosophie.* – Leipzig, 1892.

закрепление в виде актов парламентов отдельных стран. – Э.Е.), которая уже обнаруживается в учитывающих все случаи суждениях, облаченных в форму правовой нормы и, соответственно, ей впредь подчиняющихся. Решение суда или определенный казус находится в соответствии или противоречии (этим, по всей вероятности, и мотивируются «решения», не имеющие под собой ни твердого правового основания, ни юридической практики. – Э.Е.) с правом и предусматривает нечто настолько конкретное, что никакое другое решение не может воспроизвести эту конкретную ситуацию. Суждение «неправомерно» – особенно которое является в определенной степени мерилom в сфере своего влияния на социальный порядок, обладает такой силой, какая не свойственна ни одному другому порицанию...»⁶⁰¹.

Развивая собственный тезис, правовед констатирует: «Это тривиальные истины. Они не стоили бы упоминания, если бы их не отрицали на протяжении стольких лет, сколько, согласно достоверным источникам (начиная с античных письменных памятников, о которых речь непосредственно шла в первой главе настоящего исследования. – Э.Е.), люди вообще рассуждают о праве, таким образом, около 2 000 лет, да еще в наши дни. Однако пока другие гипотезы среди юристов и философов станут полностью неприемлемыми, необходимо еще раз подчеркнуть, что определенным достижением является наличие у правовой нормы своего особого, определенного характера: «Правом является лишь то, *что функционирует как право* (! – Э.Е.), без какого-либо искажения». Определение права, если говорить на языке логики, более компактно (и с этим выводом, в принципе, нельзя не согласиться, несмотря на его лапидарность и некоторую «категоричность». – Э.Е.). Когда мы его раскрываем, то получаются разные составляющие. Эти компоненты формируют отличительные признаки понятия более высокого уровня, по сравнению с которым может быть представлено как разновидность права высшей категории (*genus proximum*). В понятии *genus* объединяется ряд представлений, которые в свою очередь не так уж просты (как

⁶⁰¹ Цит. по: Бергбом, Карл. Юриспруденция и философия права // Антология мировой правовой мысли... Том III.- С. 494.

может показаться кому-либо на неискушенный взгляд. – Э.Е.). Сюда, прежде всего, относится представление о чем-то нормативном и функциональном как абстрактном правиле, которому нужно следовать. В этом и состоит основное отличие между правом и всеми другими явно ощутимыми вещами, с одной стороны, а также между всеми отдельными событиями (процессами), состояниями, зависимостями и т.д. – с другой, которые также не являются ни нормами, ни правилами, даже если бы назначение этого нормативного начала в том, чтобы обеспечить вышеупомянутые правила по организации общежития людей, их быта и занятий, поведения и общения между собой. Это часто за неимением более обобщенного обозначения находит свое выражение в том, что право касается «чрезвычайных» ситуаций и взаимоотношений между людьми и вещами. Благодаря... этому признаку правовые нормы отличаются от многих других, например от грамматических правил, законов логики... (...). Другим важным компонентом является видовой признак (*differentia specifica*). Этот компонент имеет такое свойство, которое и составляет особенность характера *species* права (в том числе прецедента?! – Э.Е.) и чья своеобразная область непосредственно родственных явлений ограничена прежними *species* среди равных видов. Значение специфического определения, о подводные камни которого практикующему юристу так легко споткнуться, так как он редко его замечает, для теории очевидно...»⁶⁰².

С учетом тенденций, в той или иной степени обусловленных процессом переосмысления стереотипов, с которыми были связаны «романтические» – и объективные, и субъективные – представления о роли права в жизни человека, общества и государства (и в этом начало XX века фундаментальным образом *практически ничем не отличалось* от того, что имело место через сто лет как в Старом, так и в Новом Свете), его «границах», методах воздействия и сферах применения, достаточно современными выглядят следующие мысли автора, где он рассуждает об *эволюционных перспективах трансформации права* в новое

⁶⁰² Цит. по: Бергбом, Карл. Юриспруденция и философия права // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 494-495.

качество: «... из краткого определения права извлечь ничего нельзя, в то время как исчерпывающее определение было бы слишком высокопарным. Для определения такого рода это вполне естественно. Из этого факта следует, что знание большей, чем понятие права, объединенной составляющей части до сих пор недостаточно четко выявлено и не в полном объеме проверено – тут думается главным образом о специфическом определении (в результате у «кабинетного» ученого появляется возможность теоретически обосновать те особенности и черты, которыми характеризуются англосаксонская и романо-германская традиции, по целому ряду параметров стоявшие на диаметрально противоположных позициях?! – Э.Е.), которое связывают в лучшем случае с не совсем ясным «принуждением» или в худшем случае – с насилием. Кроме того, все до настоящего времени представленные определения являются (с чем, на наш взгляд, нельзя не согласиться, тем более что практика этот вывод лишь подтверждает. – Э.Е.) лишь временным явлением, а каждое обобщенное представление о праве – просто предубеждением. Следует ли это точно также трактовать как само собой разумеющееся? Однако то, что вытекает из нашей философии права из-за этой незавершенности определения права, которое, если можно так выразиться, является лишь его душой, каждый может (но не спровоцируем мы тем самым нигилистическое отношение к праву или его, так сказать, произвольное толкование? – Э.Е.) определить для себя сам...»⁶⁰³.

⁶⁰³ Цит. по: *Бергбом, Карл*. Юриспруденция и философия права // *Антология мировой правовой мысли...* Том III. – С. 495-496. Приведем пример, характеризующий одну из концепций, получивших развитие среди части (причем, значительной) отечественных государствоведов начала XX века: «... Относительно всех юридических норм предполагается, – пишет академик П.Г. Виноградов, – что они разумны и естественны; даже наихудшие из них основываются, вероятно, на каких-либо разумных соображениях, а что касается наиболее важных доктрин юридической системы, то они, обычно, соответствуют тем или иным глубоко укоренившимся общественным потребностям. Даже рабство оправдывалось греками (а позднее плантаторами «хлопковых» штатов, считавшими «colored people» не чем иным, как «движимым имуществом» с отсутствием даже основ или зачатков интеллекта, не говоря уже о чем-то другом, менее существенном. – Э.Е.) на том основании, что варвары и побежденные нации являются, естественно, низшей породой людей. Таким образом, можно сказать, что существенно важные нормы имеют за собой двойное оправдание: они одновременно являются и приказами закона, и положениями разума. Говоря так, мы не хотим, однако, сказать, что может существовать система права, построенная на фундаменте чистого разума или «человеческой природы» в противоположность праву, созданному законодательством, судебными решениями или обычаями. Тем не менее такая точка зрения не раз выдвигалась на протяжении истории и оказывала большое влияние на конкретные формы правового развития. Согласно одному несколько презрительному выражению, естественное право есть «юриспруденция, висящая в воздухе», и сторонники такого рода права вряд ли должны отвергать это определение, ибо ведь воздух есть один из самых важных элементов жизни и в хорошем, и в дурном смысле. Крайнее разнообразие положительных законов поражало уже греков, и они спрашивали себя, являются ли *справедливость* и *право* только случайными приспособлениями,

Не менее актуально, особенно в контексте кризиса либеральной модели демократии и процесса глобализации, звучат и такие слова: «... Итак, что же мы имеем в виду под будущим правом? Ни один из авторов, рассуждающих об этом, не дал нам ответа на поставленный вопрос: находятся ли правовые нормы или целые отрасли права, например международное право (странно, но это мысли ученого, высказанные почти за четверть века до начала войны, в результате которой политическая карта Европы изменится кардинальным образом. – Э.Е.), постоянно в переходном состоянии своего развития? В таком случае они никак не могут функционировать как право, да и сами правовые нормы не могут иметь такую форму. Однако задумайтесь, что происходит: они через несколько дней станут правом (благодаря тому же судебному решению, *de jure* восполнившему пробел в праве, параллельно создавшему прецедент, ставший нормой. – Э.Е.) и с этого момента станут позитивным правом, хотя до этого они не действовали как право, не были правом и вообще юридической категорией... Будущее право может быть предметом желаний или опасений, представлений или расчета, но никогда объективно существующей вещью. Нельзя научно обсуждать одновременно такие понятия, как *jus natum* и *jus nasciturum*. Будущее право – это

меняющимися в зависимости от обстоятельств и времени, или же за этим смущающим разнообразием стоят вечные понятия о правде и неправде, справедливости и несправедливости... Иногда, как в древние, так и в новые времена, делались попытки признать разум источником положительного права... Такого рода попытки дать возможность теории естественного права оказать непосредственное влияние на судебную практику не увенчались успехом, хотя, с другой стороны, косвенное влияние этих теорий на воззрения судей (наиболее показательный пример – взаимосвязь доктрины «естественных прав» и судебного прецедента, наблюдаемую в рамках англосаксонской правовой системы. – Э.Е.) и законодателей было весьма велико. Равным образом доктрины, основанные на естественном праве, оказали могущественное влияние на... демократические реформы публичного права, исходившие из идеи общественного договора, и на радикальное изменение прав личного состояния, вызванное доктриной всеобщего равенства перед законом. Нельзя, например, сомневаться, что учение о «правах человека», чтобы мы ни думали об их конкретной формулировке, оказали сильное влияние на современные юридические концепции и что сами они, в свою очередь, были извлечены из умозрительных доктрин теории естественного права... Таким образом, естественное или разумное право действовало как литературный, но не как прямой источник права. Оно является созданием юриспруденции и философии. Оно столь же мало представляет из себя источник права в собственном смысле, как и учения... современных истолкователей юридических норм. Тот факт, что в эволюции юридических идей оно играло роль весьма могущественного фермента, еще не делает его кодексом, к параграфам которого могли бы обращаться судьи при отправлении правосудия... Между прочим, оно не может рассматриваться как кодекс уже на том простом основании, что оно непостоянно...». – Об этом см.: *Виноградов П.Г. Очерки по теории права* // *Антология мировой правовой мысли*... Том V. – С. 404-405, 406.

обозначение чего-то, что можно представить как возможное; но «вероятность» не является формой существования, это – форма восприятия...»⁶⁰⁴.

Продолжая сравнительный анализ, германский ученый пишет: «То, что не существует в реальности (противореча декларациям, провозглашающим те или иные права, закрепленные в акте высшей юридической силы в качестве «общественного договора». – Э.Е.), едва ли может быть предметом познания. Или умозрительная философия права полагается на предсказания? Никто не возражает против того, что естествознание учит прогнозировать и предвидеть события. Прогноз будущих фактов нельзя путать с предназначением будущих законов. Исследователи предсказывают события в будущем – это под силу и юристам. Они могут предсказать в высокой степени надежности последствия, ожидавшие тех, кто оставил без внимания повестку в суд или захотел поджечь дом; они также могут... предсказать, кто из нынешних высокопоставленных чиновников попадет в правительство; как можно перепечатать на законных основаниях труды писателя и т.д. Ученые никогда не прогнозируют (так как в начале XX века было невозможно, даже гипотетически, представить, что всего лишь через несколько десятилетий не только не будут привлекать к уголовной ответственности лиц нетрадиционной сексуальной ориентации, но и разрешат однополые браки, а такого рода «семьи» уравниют в правах с традиционными «ячейками общества», вплоть до усыновления либо удочерения малолетних и несовершеннолетних?! – Э.Е.) какие появятся новые естественные законы; должны ли юристы и государствоведы обладать профессией и дарованием, чтобы предчувствовать появление новых законов? Право прошлого перестало быть эффективным (напомним, что действующая конституция Соединенных Штатов была принята осенью 1787 года, так что, каким образом воспринимать «право прошлого» – зависит от многих причин, в том числе отношения к нему как экономической, так и политической «элиты», олицетворяемой правящим классом, а не тем, кто с формально-юридической точки зрения демагогически

⁶⁰⁴ Цит. по: Бергбом, Карл. Юриспруденция и философия права // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 496.

провозглашается «источником» и «носителем» верховной власти во всех ее системных и институциональных проявлениях. – Э.Е.), право настоящего также должно устареть, его заменит новое. С этой точки зрения, если рассматривать исторический ход развития со всеми взлетами и падениями, то *можно обнаружить становление права как совокупности*. Каждая конкретная правовая норма с первого момента своего существования уже является готовой нормой права, а не постепенно возникшей или отмирающей. Будущее право, наряду с уже существующим позитивным, представляется нелогичным и бесполезным...»⁶⁰⁵.

В контексте высказанных замечаний, критик концепции «естественного права», отвергавший его наличие прежде всего с юридической точки зрения, приходит к выводу, к которому у сторонников и противников идеи создания (на чем настаивал, исповедовавший юридический позитивизм Карл Бергбом) «истинной, чистой исторической школы права» было весьма неоднозначное,

⁶⁰⁵ Цит. по: *Бергбом, Карл*. Юриспруденция и философия права // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 496. В этой связи очень современно (так как в цитируемой работе оцениваются итоги XIX века) выглядит мысль одного из крупнейших отечественных мыслителей: «... Что представляет собою кризис современного правосознания: полное крушение старых начал или их необходимое взаимодействие? Мы могли убедиться, что основные начала, – те, во имя которых ранее совершалось движение вперед, понятие личности, принципы равенства и свободы, – остались в силе. Но, являясь по-прежнему началами, движущими и руководящими, они получили новое определение и расширились в содержании. В связи с этим потерпели крушение те простые и гармонические схемы, в которых пламенное воображение оптимистического века хотело видеть разрешение общественных противоречий. В начале XX столетия не думают более, как в конце XVIII, что государство обладает силой совершать чудеса. Les miracles de la republique, – как говорили в то время, – слова чуждые и непонятные для современного слуха. Однако политическая жизнь нашей эпохи стоит не перед грудой развалин и бездной сомнений, а только перед необозримой сложностью проблем и необходимостью чрезвычайных усилий к их разрешению. Предельные результаты этих усилий уходят в бесконечность, но (...) современная политическая мысль не видит в этом причин к отчаянию или бездействию... Политическая эволюция XIX века (...) совершилась в двояком направлении: с одной стороны, постепенно падала вера в возможность совершенной и безошибочно действующей государственной организации, с другой стороны, функции государства бесконечно расширялись. В то время как от государства стали требовать несравненно более, в него стали верить гораздо менее. На него возложили огромное бремя, открывшее перед ним новую стадию развития, и при этом с него сняли ореол прежнего величия, возвещавший ему впереди светлые перспективы всеобщего удовлетворения. Для людей практического дела это означает только переход от мечтаний к действительности, и вот почему, при всей трудности положения, у них не видно стремления сложить руки и отступить перед неизвестностью будущего. Они склонны скорее утверждать, что, если в государство вообще теперь верят менее, чем прежде, в том смысле, что не ждут от него всеобщего счастья, зато современному государству, ставшему ближе к народу, более доверяют, чем государству прошлого времени, и вследствие этого менее опасаются расширения его задач. Худо ли, хорошо ли, но в пределах, для них доступных, политические деятели наших дней энергично работают над разрешением поставленных вопросов с уверенностью, что они идут по верному, хотя и медленному пути... Однако совершенно естественно, что слышатся и иные голоса. Если теоретики и сторонники правового государства признают его бессилие немедленно и до конца разрешить общественные противоречия, удивительно ли, что его критики и противники говорят о его полной непригодности для идеальных целей...». – Об этом см.: *Новгородцев П.И.* Кризис современного правосознания // Антология мировой правовой мысли... Том V. – С. 366-367.

сложное, «дискуссионное» отношение, что не может не свидетельствовать об уровне западноевропейской правовой мысли в преддверии событий первой четверти наступившего нового столетия: «... Каждый человек, будь он юрист или нет, без сомнения, имеет право думать о лучшем или более развитом, чем тот, в котором он живет, порядке, в некотором роде образцовом – *как о достижимом или недостижимом идеале*. Те доводы, которые он приводит, могут быть достойными или недостойными внимания, в любом случае он не может придать содержимому своих представлений форму «бытия» в научном смысле и последнее представлять как идеальное «право»; и даже если бы он не смог бы разъяснить ни существование идеального права, ни значение своих правовых идеалов. Нельзя позволять менять местами определение и определяемое слово, родовое понятие и отличительный признак и так оставлять, как если бы в высказывании ничего не изменилось, и оно имеет опять тот же смысл. Идеальное право – правовой идеал!...»⁶⁰⁶.

Детализируя собственное обобщение (которое нас интересует в первую очередь в контексте постепенной трансформации конституционно-правовых отношений), правовед констатирует: «... Если я объявляю о своем согласии с установленным кем-то идеалом (нет секрета в том, что длительное время к нему относились конституционная монархия англо-британского образца или действующий учредительный акт североамериканской федерации, принятый на Филадельфийском конвенте, как и французские декларации прав и свобод человека, провозглашенные на волне буржуазной революции. – Э.Е.) права и всем, что из этого вытекает, то я тем не менее буду далек от того, чтобы точно *так же признать идеальное право*, состоящее из тех или иных элементов и обладающее теми или иными качествами. Перестановка связанных друг с другом понятий может закончиться полным изменением утверждения, таким образом, мне не следует отвергать что-либо полностью (другими словами, и с этим, с

⁶⁰⁶ Цит. по: Бергбом, Карл. Юриспруденция и философия права // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 496-497. Сам собой возникает вопрос: как, имея столь фундаментальную теоретическую базу, «элиты» Германии через короткий промежуток времени приведут к власти Гитлера и национал-социалистов?

оговорками, нельзя не согласиться, важнейшим критерием правового и институционального развития должна быть преемственность, но не процесс «навязывания» кому-то того, что, на чей-то искушенный, нередко предвзятый взгляд является «идеалом», в большинстве случаев de facto противоречащим национальным обычаям, моральным нормам и принципам, традициям либо интересам!? – Э.Е.), когда я перед этим подтверждаю все или какую-то часть. Если кто-либо стал бы настаивать на том, чтобы продемонстрировать другим со всей очевидностью человеческие идеалы, которые мы себе представляем соответственно расписанными и выверенными, то они были бы идеальными людьми (один из «отцов-основателей», фактически являющийся подлинным автором «Декларации независимости», ставший с течением времени главой государства, называл делегатов учредительного органа «полубогами». – Э.Е.), существовали как таковые и составляли вместе с реально существующими людьми, попадающими под общее определение «человек», человеческий род, и никто бы не стал уделять внимание вытекающему из этой бессмыслицы спору. Является ли подмена понятия «идеальное право» на «правовые идеалы» и утверждение его наряду с реальным, действительным правом под общим названием «право» остроумной? Позволительно ли говорить (как тот же Альберт Венн Дайси, возводя в абсолют англосаксонскую традицию habeas corpus и все, что с этим институтом непосредственно связано. – Э.Е.) об идеале, который люди представляют себе в отношении права и который еще больше людей также могли бы себе представить, что он является правом, существует как право? С этим же успехом (великолепный пример. – Э.Е.) можно выдавать образцовый план «идеального» дома за «идеальный» дом...»⁶⁰⁷.

Подытоживая, ученый делает вывод: «... Существо любого права состоит в том (и конституционное не является каким-то исключением. – Э.Е.), что оно может оказывать воздействие. Здесь даже самое жалкое позитивное право превзойдет самое великолепное идеальное право точно так же, как калека,

⁶⁰⁷ Цит. по: Бергбом, Карл. Юриспруденция и философия права // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 497. Другими словами, между демократией и народовластием de facto знак равенства ставить нельзя.

который видит, слышит и действует лучше даже самой прекрасной статуи (и как здесь не поддержать столь яркой, далекой от абстрактности содержания метафоры?! – Э.Е.), которая глуха, слепа и недвижима. Право, в любом случае, значит только слитые воедино правила жизни; его и идеальное право нельзя объединить; смешение обоих понятий в одно понятие идеального права, как это делает философия естественного права, – невозможно... В формировании теоретического права лежит требование дать нам представление о чем-то таком, что содержало бы одновременно слитые воедино как правовые, так и теоретические начала, причем именно так, чтобы право формировало основу этого представления. Однако от нас требуют невозможного. Оба... элемента не могут установить эту связь, и желаемое представление, без насилия над определением, является недостижимым. Все право, до последней частицы, является практическим. Теорема о праве представляет собой научные тезисы, полученные при рассмотрении права, которые являются правильными для того, кто понимает их правоту и остроумие, а также для того, кто понимает представленное в таких тезисах объяснение явлений (нечто подобное имеет место в англосаксонской традиции, где доктрина рассматривается одним из официальных источников права, и прежде всего в судебной практике. – Э.Е.). Положения права, напротив, являются предписаниями, которые каждого, «кого это касается», призывают к подчинению, при этом, не объясняя правила поведения, и последствия их невыполнения...»⁶⁰⁸.

⁶⁰⁸ Цит. по: *Бергбом, Карл*. Юриспруденция и философия права // *Антология мировой правовой мысли...* Том III. – С. 497. Как бы обобщая, ученый подчеркивает: «... теория может полагать в отношении права совсем иное, как ей это непосредственно преподносят правовые факты (опыт). Она может выбирать и специализироваться, ставить в один ряд вещи прямо противоположные и обобщать детали; она может разбить все право на тысячи мелких элементов и потом снова со своей точки зрения собрать эти кусочки в малые и средние целые, не учитывая классификации и категории законов и сводов законов; она может заменить низшие категории права на высшие, внутренние – на внешние. Единственное, что она не в состоянии сделать, – добавить что-либо к реальному праву, заменить его своим собственным или частично устранить какие-то отдельные небольшие его части... Право есть и останется таким же, каким оно было создано практиками и каким его, по-научному, будут рассматривать и преобразовывать теоретики. Литературные представления могут быть рассчитаны больше на юристов-практиков, то есть объяснять практико-позитивное право, или могут быть направлены на служение научному познанию себя самих, то есть содержать теоретико-позитивное право. Однако нельзя отличить практическое и позитивное право от теоретического и непозитивного и провести различие между двумя противоположными видами права, не обращаясь при этом к правовым источникам и не путаясь в многочисленных противоречиях. В этом и состоит весомое превосходство всеми признаваемого практического права над прекрасным теоретическим правом, и если первое существует и действует объективно, то второе может существовать лишь в мыслях. О праве всегда говорят, что, действуя в определенном смысле посредством людей, оно всегда требует послушания

Итак, перед нами две точки зрения, условно говоря, *англосаксонская* и *континентальная* (романо-германская), между которыми провести хотя бы гипотетические параллели – не представляется возможным по целому ряду в большей или меньшей степени объективных причин, так как каждая из них в своей основе *базируется на принципах*, практически *не корреспондирующих* – в данном случае речь идет о начале XX века – друг другу, хотя и сопоставимых по своему содержанию, прежде всего в отношении прав и свобод человека⁶⁰⁹. Мы не претендуем на то, чтобы констатации подобного рода воспринимались в качестве «эксклюзивности» либо «истины в последней инстанции», так как проблеме дифференциации правовых систем посвящены многочисленные⁶¹⁰ исследования теоретиков права, компаративистов и государствоведов, своей фундаментальностью заслужившие стать частью сокровищницы юридической мысли. В то же время события последних десятилетий свидетельствуют о том, что необходимость в *качественной переоценке* «классических» постулатов о «западной» модели демократии, кочующих из работы в работу, характеризуя ее (в лице отдельных государств, странным образом проповедующих «новые либеральные ценности», где традиционные – брачно-семейные, сексуальные, гендерные отношения считаются анахронизмом или патриархальностью, а так называемые «третий пол», «родитель номер один» и «родитель номер два» – правом человека на свою идентификацию) вершиной развития цивилизации, получает поддержку со стороны все большего количества не подверженных – так или иначе – влиянию постмодернистского мировоззрения представителей научного сообщества. Более того, системно-институциональный кризис, уже в

со стороны любого и каждого. Это относится в любом случае к определению права; право, характеризующее себя как... теоретическое, отрицает само себя полностью. Зачем точить нож, если нечего резать?..». – Там же. – С. 497-498.

⁶⁰⁹ Подробнее, например, см.: *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций... – С. 462-484, 487-492, 496-497; *Робертс Дж.М., Уэстад О.А.* Мировая история... – С. 807-873, 904-924; *Манн, Майкл.* Источники социальной власти: в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890 – 1945... – С. 7-22, 24-138, 179-231.

⁶¹⁰ Список которых включает крупнейших мыслителей Старого и Нового Света, внесших огромный вклад в развитие представлений о государстве и праве, о какой бы системе конкретно ни шла речь. Именно поэтому каждая новая глава настоящей диссертации включает в себя раздел, посвященный анализу работ, ставших в свое время научным явлением (если не теоретическим прорывом) в числе огромного массива юридической, политологической, социологической и философской литературы, посвященной тем фундаментальным проблемам, некоторая часть из которых актуализируется нами как предмет и объект исследования.

течение длительного периода времени переживаемый современным правом и государством, прямо либо опосредованно обуславливает востребованность и актуальность всестороннего критического анализа ситуации, сложившейся в странах, ассоциируемых (справедливо или нет вопрос, требующий детального и глубокого, совершенно непредвзятого рассмотрения!?) с народовластием в форме так называемой «западной» – *либеральной* – модели демократии⁶¹¹.

В этой связи, не могут, в частности, с научной точки зрения, не вызывать соответствующей реакции тенденции, наблюдаемые в сфере конституционно-правовых отношений (с различным, что естественно, уровнем интенсивности), в рамках которых *процесс трансформации «классических» представлений о правах и свободах человека во многих принципиальных аспектах приобретает характер, своего рода, «улицы с односторонним движением»*, когда во главу угла ставятся *интересы не большинства населения* (как дееспособного, так и

⁶¹¹ Как ни парадоксально, но примерно об этом же писали в своих работах государствоведы и в начале XX века, когда еще не было ни Европейского союза, ни общечеловеческих ценностей типа политкорректности, мультикультурализма и толерантности: «... Объединение лиц в обществе требуется не только принципом государственного единства, но и условиями культурного развития. Всякая система культуры предполагает процесс совместной работы, общего сотрудничества и собирательного творчества, и в этом смысле всякая система культуры есть включение отдельных лиц в общую цепь (пример пресловутого «арабского исхода» 2015 года и последовавшие за этим экстраординарные события показывают, что не все представители иных культур и религий согласны адаптироваться к условиям, предлагаемым брюссельскими бюрократами. – Э.Е.), подчинение частных усилий высшему единству общих целей. Но следует ли отсюда, что в этом движении вперед участники культурной работы должны идти в ногу, подобно солдатам в строю (но именно на этом как раз и настаивают наднациональные структуры Европейского союза, требуя от национальных правящих элит *неукоснительного выполнения* единых «правил». – Э.Е.), повинаясь общей команде? Единство культурной работы проистекает не из единообразия сходных усилий, а из многосложных и разнообразных течений, иногда противоречивых и противодействующих друг другу, но в общем находящих свое объединение в последовательном развитии истории. Создать «общую душу» нации..., ведь это значит предполагать, что коллективное целое может ее иметь, или по крайней мере, что все могут признать за свою ту душу, которую захотят вдохнуть в них руководители... Мудрейшее правительство не сосредоточивает в себе всей культуры своего времени и не исчерпывает всего культурного богатства, содержащегося и рождающегося в душах личностей. Собирательная культура народа и человечества всегда выше, полнее и богаче культуры руководителей, и эта общая культура по самому существу дела может зреть и развиваться только путем неорганизованного брожения, путем столкновения духовных сил и стремлений. Дисциплина, организуя и упорядочивая подвластную ей часть культурного творчества, вместе с тем отбрасывает в последнем все, не соответствующее ее задачам, то есть сужает его и делает более скудными. Для того, чтобы оно не умерло и не заглохло, ему необходимы простор и свобода, необходимо, чтобы этим свободным развитием оно питало и обновляло также ту свою часть, которая подчинена порядку и организации...».

Не менее «современно» звучат и следующие слова: «... Сотрудники французского журнала, чьих мнения мы излагали, подчеркивают не меры своего правительств, а прежде всего уравнилительные тенденции культуры, стремящейся у всех создать общую душу. Перед нами обнаруживается здесь не только опасная сторона нового либерализма, развивающегося на почве всеохватывающей демократизации, но вместе с тем и глубокое жизненное противоречие, в общих законах культуры. В том стремлении к моральному единству и к концентрации... государство играет отраженную, хотя и могущественную роль: тут происходит борьба двух культур, вызывающая у новой правящей демократии жажду победы, потребность преодоления и господства. Так создается утопия все проникающего морального единства нации, в которой в конце концов *личность приносится в жертву отвлеченному идеалу...*». – Об этом см.: Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания // Антология мировой правовой мысли... Том V. – С. 365-366.

недееспособного), несмотря на парадигмы, целенаправленно возводимые в абсолют, культивирующего правила поведения, основанные на традиционных ценностях, а всевозможных «меньшинств», требующих *перманентного* и *все более масштабного расширения* тех прав и свобод, с которыми христианская мораль и этика ассоциируют не только Садом и Гоморру, но и понятие «греха» в целом. Другими словами, право приобретает *новые социальные свойства* и *встает на защиту* – как когда-то сословных – «корпоративных» интересов, но не «элиты» и «господствующего класса» в их обычном понимании, а той части «западного» общества, представители которой могут относиться, в том числе, к самым разным категориям и слоям населения, вплоть до антагонистических, но объединенных «собственным» видением своего «эксклюзивного» статуса.

Поэтому понятие «*справедливости*», как бы красной нитью проходящее сквозь исследования крупнейших представителей научного сообщества (под самыми разными, нередко противоречащими друг другу, «определениями» и коннотациями), на каждом этапе процесса государственного строительства *не может, объективно, не иметь значения*, которое на тот момент тем или иным образом отвечает требованиям одной части общества и противоречит другой, а правящие элиты, как бы балансируя между ними, решают преимущественно собственные проблемы, вытекающие из целей и задач, стоящих перед ними, причем нередко диссонирующие с интересами единственного «источника» и «носителя» власти. Мы уже неоднократно говорили, что с периода буржуазно-либеральных революций конца XVIII – середины XIX века наблюдается четкая, во многом перманентная тенденция, выдавать «желаемое» (конституционно-правовые декларации) за «действительность», *приобретающая на практике*, о какой бы форме правления и политическом режиме конкретно ни шла речь, *самые причудливые* – от отсутствующей «всеобщности» избирательного права и так называемого «народного суверенитета» до ничем не прикрытых, хотя бы чисто символически, демагогии и популизма – *проявления*. Парадокс состоит в том, что, взяв в качестве примера некий «ординарный» случай, его возводят в абсолют, а затем, игнорируя особенности, традиции и черты национального

характера, делают «образцом для копирования», навязывая всем остальным. Именно поэтому, наряду с актуализацией прав и свобод человека, XIX век стал временем *крушения иллюзий*, которые возникли у широких слоев населения, прежде всего у бывшего «третьего сословия», в результате слома феодально-абсолютистского строя и крайне болезненного перехода к очередному этапу модернизации отношений. Но даже при этом многие граждане и подданные остались в качестве своего рода изгоев, в первую очередь с точки зрения, не получения, провозглашенных в учредительных актах «политических» прав и свобод, и *абсолютного неучастия* в осуществлении власти, какую бы из форм демократии – непосредственную или представительную – мы не имели в виду. Тем самым, миллионы людей оставались вне исторического процесса, однако правящие элиты *не спешили* «исправить ошибку», мотивируя чем угодно и как угодно, лишь бы и дальше не расширять электоральную базу и потенциальных конкурентов, особенно из числа тех, кто олицетворял собой «меньшинства» в виде женщин, представителей других этносов, религий и социальных групп⁶¹².

Безусловно, ушедший в прошлое XIX век, по существу, стал *переломным в процессе либерализации* экономического «базиса» и политико-правовой «надстройки» многих современных государств, позиционирующих себя, имея к тому основания или нет, «оплотом демократии», в том числе с точки зрения конституционно-правовой интерпретации тех теорий и доктрин «кабинетных»

⁶¹² Мы не ошибемся, если предположим, что *процесс демократизации* этой сферы общественных отношений *приобретал*, по существу, *характер тенденции*, в то же время продолжали существовать анахронизмы, так или иначе своими корнями уходившие в позднее средневековье. Прежде всего речь идет о так называемом «женском вопросе», с точки зрения избирательных и некоторых других фундаментальных прав и свобод: «... К 1914 год всеобщее избирательное право для мужчин зрелого возраста существовало во Франции, Германии и нескольких европейских странах поменьше; в Великобритании и Италии электораты выглядели достаточно многочисленными, чтобы приблизиться к вышеупомянутому критерию. Тут возникает еще один коварный вопрос: если бы мужчины получили право голоса в национальной политике, достойны ли его женщины? Эта тема уже вызывала большой шум в английской политике (напомним, что по итогам избирательной реформы 1884 года *женщины не получили политических прав*, но им осталось «пождать» чуть менее сорока лет. – Э.Е.). Но к 1914 году выбирать депутатов парламента в Европе женщинам доверили только в Финляндии (являвшейся национальным анклавом «абсолютистской» и «недемократической» Российской империи, где женщины получили это право с 1906 года. – Э.Е.) и Норвегии. Зато далеко от Европы правом голоса женщины пользовались уже в Новой Зеландии, в двух австралийских штатах и некоторых штатах США. Данный вопрос оставался открытым во многих странах на протяжении еще 30 лет (например, во Франции и Италии, так как, например, в Швейцарии, где выборы и референдум были обычным явлением, эта «процедура» продлилась еще не менее чем на сорок лет, вплоть до последних десятилетий XX века. – Э.Е.).» – Цит. по: Робертс Дж.М., Уэстад О.А. Мировая история... – С. 911-912. Однако движение «суфражисток» уже набирало обороты.

ученых, на формирование которых оказывали латентное или прямое влияние тенденции, *de facto* если не обуславливавшие, то спровоцировавшие переход к следующей стадии цивилизационного развития, необходимость которого не вызывала, хотя и не без возражений со стороны тех, кто традиционно стоял на иных концептуальных позициях, сомнений даже у наиболее консервативных государствоведов и представителей академического научного сообщества. Не секрет, что некоторые проблемы (при этом мы выводим за скобки все то, что не относится к области властно-публичных отношений), решение которых, по объективным либо субъективным причинам «тормозили» правящие элиты, к началу XX века аккумулировали «критическую массу», которая гипотетически могла, а в ряде стран привела к таким *кардинальным трансформациям*, что в итоге изменило их общественный и государственный строй как относительно формы правления, так и актуализированного политического режима.

Как ни странно, но авторы, о которых идет речь, занимали – *откровенно монархические позиции*, так как в их произведениях, где компаративизму как методологии историко-правового и теоретического анализа отведено далеко не последнее место, весьма проблематично обнаружить корреляцию между *республиканизмом* и *демократией*, тем самым как бы подчеркивая тот факт, что механизмы народовластия *не должны ассоциироваться исключительно с республиканской формой правления*, так как институт «представительства» в виде парламентаризма, с предваряющим его избирательным процессом, не является отличительной чертой тех государств, высшим должностным лицом которых считается не наследственный монарх, а президент, занимающий свой пост благодаря легитимации, предусмотренной учредительным актом⁶¹³.

Одним из апологетов «*юридической школы*» государственного права, работы которого (среди них, в частности, нельзя не выделить «Элементарный курс истории французского права», «Основы французского и сравнительного права» и «Основные начала конституционного права») отличались системным

⁶¹³ Ведь даже с распадом четырех европейских империй, количество монархий осталось значительным.

изложением базовых принципов конституционного права ведущих государств европейского континента, в том числе основ, сформировавшихся к концу XIX века под непосредственным воздействием английского конституционализма и парламентаризма, французской революции и наиболее фундаментальных с теоретической точки зрения политико-правовых учений, несомненно, следует отметить профессора Парижского университета и члена академии моральных и политических наук Жан-Поля Ипполита Эммануэля Адемара Эсмена, вклад которого в развитие государствоведения трудно переоценить. Исходя из того обстоятельства, что институты государства и права рассматривались ученым в контексте *юридического позитивизма* (другими словами, с использованием юридического понятийного аппарата и методологии сравнительно-правового анализа), надо подчеркнуть тот факт, что квинтэссенцией его концепции стал взгляд на государство – как на «*юридическое олицетворение нации*»: правам государства предшествуют права человека, следовательно, цель государства – как «юридической организации нации» – состоит в обязанности обеспечения всем членам общества гарантированных конституцией прав и свобод.

Как полагает, придерживавшийся либеральных взглядов французский «кабинетный» ученый и общественный деятель, «... в новейших демократиях личные права, обеспеченные от всяких посягательств со стороны государства, получают особое значение. В силу *народного самодержавия* (дефиниция, по мнению цитируемого автора, идентичная термину «народный суверенитет», за несколько десятилетий до этого введенному в научный и публицистический оборот ряда стран. – Э.Е.), в этих демократиях господствует закон численности, *сказывается влияние большинства; большинство же*, особенно когда его единственным органом являются представительные собрания, *может легко сделаться* тираническим. В чем же будет заключаться гарантия меньшинства? Ее часто ищут в известной организации политических прав (ранее по тексту об этом же шла речь в не менее знаковом исследовании Георга Еллинека «Права меньшинства». – Э.Е.): одни – в референдуме, с помощью которого можно бороться с фиктивным большинством, представляемым не избирателями, а

только депутатами, другие – в *представительстве меньшинства...*, которое может обеспечить ему влияние в представительных собраниях...»⁶¹⁴.

Но, и в этом прослеживается, в некоторой степени, критический элемент авторского восприятия осуществления подобной модели демократии, «... эти средства кажутся мне малодейственными, исполненными неудобств и даже опасностей. Истинная гарантия состоит в личных правах (особенно, если речь идет о пресловутой «всеобщности» избирательных прав, носивших *de jure*, как мы знаем, *по отношению к женщинам откровенно дискриминационный*, с точки зрения осуществления, продекларированных прав и свобод, характер!? – Э.Е.); эти последние заключаются не только в вольностях, охраняющих (как на уровне механизмов *habeas corpus*, так и другими легитимными способами, но не выходящими за рамки сложившейся административной или судебной практики. – Э.Е.) личность и ее имущество, но даже и в тех, которые ограждают свободу вероисповедания и способствуют обмену и распространению мыслей и убеждений, наконец, в тех, которые гарантируют гражданам, составляющим политическое меньшинство, безопасность и свободу труда (несомненно, что без иммунитета и индемнизации всякая деятельность такого рода обречена в итоге на провал или банальную профанацию, стремление выдать «желаемое» за «действительность» в виде политического процесса, участники которого *de facto* не обладают сколько-нибудь *de jure* сопоставимыми «прерогативами» и правами. – Э.Е.) и дают им в то же время возможность влиять на общественное мнение и таким путем сделаться со временем в свою очередь политическим большинством. Пуская в ход выражение, некогда употребляемое в несколько ином смысле, можно сказать, что перечисленные нами вольности – *вольности необходимые*. Но надо выйти из круга общих и отвлеченных мыслей и указать точнее, каковы именно те вольности (более того, расширился их круг или нет на фоне всего того, что было закреплено еще в «Декларации прав человека и гражданина» от 26 августа 1789 года?! – Э.Е.), которые включаются новейшим

⁶¹⁴ См.: Эсмен, Жан-Поль Ипполит Эммануэль Адемар. Основные начала государственного права // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 501.

государственным правом в категорию личных прав... Список их составляется постепенно, по мере того как государственная теория и исторические события выясняли последовательно важность каждой из них. Все, впрочем, могут быть сведены к двум главным: *гражданскому равенству и личной свободе...*»⁶¹⁵.

Как справедливо отмечает цитируемый государствовед, «гражданское равенство неизбежно вытекает из теории общественного договора, так как условия этого договора должны быть равными для всех. Но публицисты XVIII века обыкновенно выводили его другим путем, из принципов естественного права. Они предполагали его уже существующим в первобытном состоянии

⁶¹⁵ Цит. по: Эсмен, Жан-Поль Ипполит Эммануэль Адемар. Основные начала государственного права // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 501. Критически рассматривая *эволюцию* различных институтов и форм демократии, один из отечественных государствоведов примерно в это же время отмечал в рамках сравнительно-правового анализа: «... Сначала мы видим общество, стремящееся к «наибольшему счастью наибольшего количества людей», вставшее на путь избирательного режима, на который его толкала старая традиция борьбы против абсолютной власти. Представительство для подданных являлось средством обеспечения безопасности их благосостояния и их личности, и каждый шаг, сделанный в этом направлении, знаменовал собой новую победу в области народной свободы, до тех пор, пока, окончательно укоренившись, избирательный режим не сделался наконец синонимом режима свободы. Благодаря этой политической эволюции создавалось убеждение, приписывающее как бы мистические свойства самому избирательному принципу как таковому и превращающее в аксиому то положение, что чем шире применяется избирательный способ в государственной организации, тем больше свободы. Общество, стремясь довершить свободу, распространило всеобщее голосование (мы уже неоднократно говорили о том, что «всеобщность» в итоге распространялась сначала на исключительно белых мужчин, к которым затем прибавились «colored people», но опять только мужская часть освобожденных XIII поправкой рабов. – Э.Е.), в частности в Соединенных Штатах, на возможно большее количество государственных должностей и даже на область неофициальных политических влияний. Но тогда избирательная техника сделалась до такой степени сложной, что политическое общество должно было обратиться к услугам избирательных посредников (имеется в виду, судя по всему, пресловутый институт «выборщиков», легитимировавший статус президента и членов верхней палаты – Сената – общенационального конгресса вплоть до 1913 года. – Э.Е.). Посредничество между народом и его многочисленными уполномоченными третьего сословия, выбор которых он лишь утверждал, свело до минимума ответственность избранных перед ним, так сказать, доверителями и отдало действительную власть в руки избирательных агентов и их руководителей (то есть непосредственная демократия имеет косвенный характер. – Э.Е.), которые, под предлогом приведения в порядок общественного мнения, сделали таким образом хозяевами положения... Из этого следует сделать заключение, – констатирует автор таких известных произведений, как «О происхождении всеобщего равенства избирательного права» и «Женщина с точки зрения государственного права» М.Я. Острогорский, – что действительность избирательного принципа в управлении, в противоположность общепринятому убеждению, является ограниченной; что, если однажды его границы перейдены, он уподобляется слишком натянутой пружине, неспособной дать нужного импульса, и разрушает механизм. Слишком *развитая избирательная система является лишь чисто формальным атрибутом демократии* (вывод, до сих пор не утративший своей актуальности. – Э.Е.), она приводит к тому, что народ вместо усиления своей власти распыляет ее; непосредственная ответственность перед народом, которую он стремится установить по всей линии, рассеивается, и, в то время как она должна царить всюду, ее в действительности нет нигде. Чтобы непосредственная ответственность по отношению к народу (видимо, речь идет об «императивном мандате», который в рамках «западной» модели демократии подвергнут не иначе, как остракизму? – Э.Е.) была реальной, необходимо, чтобы она была сконцентрирована, чтобы она распространялась только на определенные, твердо установленные обязанности государственной власти, на законодательные функции и, во вторую очередь, на местное самоуправление. Всякое распространение избирательного режима за эти границы, может быть допущено лишь как меньшее из двух зол, например, в странах, которые еще находятся на низшей или промежуточной ступени политического процесса...». – Об этом см.: Острогорский М.Я. Демократия и политические партии // Антология мировой правовой мысли... Том V. – С. 280-281. Как ни странно, но это написано более века назад, однако «современно» по определению.

людей, несмотря на моральные, физические и нравственные различия, последствия которых они, впрочем, старались смягчить. Они доказывали его существование двумя соображениями: ... всякий человек должен признавать в подобных себе ту же человеческую природу, отличную от животной, какую он признает за собою; ... всякий человек должен соблюдать по отношению к себе подобным законы естественного права, если он хочет, чтобы и они соблюдали их по отношению к себе. Так как *равенство людей существует*, таким образом, *не фактически, а, главным образом, юридически*, в силу естественных законов, то гражданское общество обязано охранять его. Это, впрочем, отнюдь не предполагает равенства по отношению к... материальным выгодам, которые могут быть приобретены в общезжитии; это предполагает только одинаковую способность к приобретению... различных прав...»⁶¹⁶.

Не менее существенным является и следующий тезис: «... Но, не восходя к первобытному состоянию и не ссылаясь на общественный договор или естественное право, можно найти достаточное основание для гражданского равенства⁶¹⁷ в том праве личности на свободное развитие, какое было⁶¹⁸ установлено нами выше. Оно необходимо предполагает одинаковую правоспособность у всех индивидов и равное распределение между ними общественных обязанностей. Гражданское равенство, которое служит ему выражением, обнимает собою те случаи, когда дело не идет о политических правах в тесном смысле слова, и сводится к четырем проявлениям; первое из них, впрочем, заключает в себе в скрытом состоянии и три остальных: во-первых, *равенство перед законом*, в силу которого все граждане образуют единый класс

⁶¹⁶ Цит. по: Эсмен, Жан-Поль *Ипполит Эммануэль Адемар*. Основные начала государственного права // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 501-502.

⁶¹⁷ Напомним, что об этом говорится в «Декларации независимости» североамериканских штатов: «... Мы исходим из самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью...». – Об этом см.: Декларация независимости 4 июля 1776 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 104. Заметим, что «люди созданы равными», но не равноправными, что принципиально.

⁶¹⁸ Так, констатируя, что «... под влиянием именно этой идеи (речь идет о юридическом равенстве, исходя из которого равенство не предполагается по отношению к «тем материальным выгодам, которые могут быть приобретены в общезжитии», а несет в себе лишь «одинаковую способность к приобретению тех различных прав, которые охраняются им». – Э.Е.)» ученый делает вывод о том, что таким образом «... была составлена статья 1 Декларации прав человека и гражданина: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут быть основаны только на соображениях общественной пользы».

подданных, так что постановления закона относятся к ним одинаково и безразлично; во-вторых, *равенство перед правосудием*, то есть устранение всех привилегированных и исключительных юрисдикций; в-третьих, *доступ* к общественным функциям и должностям, *равный для всех*, кто удовлетворяет условиям, требуемым законом; в-четвертых, *равенство перед налогом*, в платеже которого каждый должен участвовать сообразно своим силам...».

В контексте высказанного ранее, формулируется определение того, что ученый имеет в виду, рассуждая об институте личной свободы: «... *Личная свобода* превосходно определена в статье 4 Декларации прав человека и гражданина (а ведь речь идет о документе конца XVIII века, в полном объеме так и не реализованном!? – Э.Е.): «Свобода состоит в праве делать все, что не вредит другим; таким образом, осуществление естественных прав каждого человека не имеет других границ, кроме тех, которыми обеспечивается пользование теми же правами других членов общества. Эти границы могут быть определены только законом». Но личная свобода требует для своего осуществления известного числа специальных гарантий, последовательно, вырабатывающихся цивилизацией, составляющих различные виды... прав»⁶¹⁹.

Что же автор подразумевает под «различными видами индивидуальных прав»? По этому поводу он отмечает: «... Они естественно разбиваются на две группы. Одни из них касаются преимущественно материальных интересов индивидуума. Это – во-первых, *право на личную свободу* в тесном значении этого слова, то есть не только свободу беспрепятственно передвигаться с места на место, оставаться на территории государства или выезжать из нее, но также и на то, что люди XVIII века называли *безопасностью*, то есть гарантией против произвольных арестов, заключений в тюрьму и наказаний (другими словами, то, что в англосаксонской традиции олицетворяет механизм *habeas corpus*. – Э.Е.); во-вторых, – *право частной собственности*; это – одно из тех личных прав, которые с самого начала были выдвинуты вперед теорией и объявлены

⁶¹⁹ Цит. по: Эсмен, Жан-Поль Ипполит Эммануэль Адемар. Основные начала государственного права // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 502.

неприкосновенными для государства (как в тех же первых десяти поправках к действующей Конституции Соединенных Штатов, известные как «Билль о правах». – Э.Е.); в-третьих, – *неприкосновенность частного жилища*, как следствие и продолжение личной безопасности; эта неприкосновенность понимается в том смысле, что публичная власть может проникнуть в частное жилище только в случаях и с соблюдением формальностей, определенных законом; в-четвертых, – *свобода торговли, труда и промышленности* (в этом случае, речь, видимо, идет о системе договорных отношений, базирующихся на свободном волеизъявлении участников процесса. – Э.Е.); принципы этой свободы были особенно разработаны экономистами XVIII века... Другие виды личной свободы касаются более непосредственно нравственных интересов индивида; это, во-первых, *свобода совести* и *свобода вероисповеданий* (...) Второй и третий виды этой группы личных прав заключает в себе *свободу собраний* и *свободу прессы* (...) Четвертый и пятый виды заключаются в *свободе ассоциаций* и *свободе обучения* (...) Все личные права имеют одну общую черту: они ограничивают права государства, но не требуют от него никаких положительных услуг, никаких жертв в пользу граждан. Государство должно воздерживаться от вмешательства в известные области, чтобы предоставить личной деятельности возможность проявиться. По этой именно причине *нельзя включать в категорию личных прав* – как этого желали бы некоторые – права на вспомоществование, право на образование и право на труд, нельзя сказать, что каждый гражданин может требовать их для себя от государства...»⁶²⁰.

⁶²⁰ Цит. по: Эсмен, Жан-Поль Инполит Эммануэль Адемар. Основные начала государственного права // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 503. Говоря о юридической природе государства, один из крупнейших дореволюционных правоведов и компаративистов писал: «... Государственный порядок вовсе не предполагает резкого противопоставления властвующих и подвластных. В демократической республике все имеют одинаковое участие в правах власти и нет никого, кто бы являлись только подвластными. Правда, в большинстве современных государств участие в правах властвования очень неравномерно распределено между отдельными участниками государственного общения и потому действительно на стороне одних получается преобладание власти, на стороне других – преобладание обязанности повиновения. Это может быть, это даже в большинстве государств так бывает, но это не составляет необходимой принадлежности государства. Напротив, государственный порядок несовместим с полным бесправием населения, так как при этом условии оно неизбежно вырождается в рабовладение. Объектом прав составляющих содержание юридического отношения государственного властвования не может быть население государства или определенная часть населения. Население – субъект государственного отношения, а не объект. Но точно так же неправильно считать объектом государственного властвования территорию (напомним, что цитируемый автор был сторонником расширения прав территориального и местного самоуправления. – Э.Е.). Территорией лишь определяются границы

Подводя итог своим рассуждениям, французский ученый делает вывод, с которым нельзя не согласиться (тем более, что мы неоднократно говорили о ярко выраженном диссонансе между «желаемым» и «действительностью»): «... В новейших конституциях личные права признаны были в двойной форме: то в форме *деклараций о правах*, то в форме *правовых гарантий*. Декларация о правах человека и гражданина – непосредственный продукт философии XVIII века (чего нельзя не учитывать. – Э.Е.) и вызванного ею умственного движения; они заключают в себе главнейшие аксиомы, выставленные философами и публицистами, как основы справедливой и рациональной политической организации, и провозглашенные торжественно в новых конституциях. Таким образом, эти *декларации о правах* исходили от учреждений, обладавших законодательной и даже верховною властью; но они не представляли собой статей закона, подлежащих исполнению (то есть являются только «словами»!? – Э.Е.). Это были просто-напросто заявления о *принципах*, – нечто совершенно новое и невиданное до тех пор (...) *Правовые гарантии* представляют нечто совершенно отличное от деклараций. Это – настоящие положительные и обязательные законы; еще точнее – это статьи конституции, обеспечивающие гражданам пользование тем или иным личным правом. Цели этих статей – придать гарантируемым таким образом правам особую силу, какую имеют у многих новейших народов учредительные законы... Эти *правовые гарантии* имеют целью защитить личные права от самого законодателя...»⁶²¹.

государственного властвования, определяется, где происходит властвование. Большинство актов государственной власти имеют к территории лишь то отношение, что они осуществляются в ее пределах. Объектом прав, составляющих юридическое отношение государственного властвования, может быть признана только сама государственная власть. Существо государственного союза... заключается в монополизации за ним самостоятельного осуществления принуждения. Но осуществлять принуждение государство может только через посредство составляющих его личностей, только через их посредство оно может и направлять принуждение так или иначе, распоряжаться им. Когда мы говорим, что принудительная власть осуществляется государством, это значит в сущности, что принуждение осуществляется людьми, но не отдельно взятыми, не в их личных интересах, а являющимися членами государственной организации, действующими в общем государственном интересе. Поэтому и права, составляющие содержание юридического отношения государственного властвования, все сводятся к праву влияния в том или другом объеме на осуществление принудительной власти. Власть и есть та сила, в пользовании или распоряжении которой состоят все права граждан, как членов государственной организации...». – Об этом см.: Коркунов Н.М. Русское государственное право // Антология мировой правовой мысли... Том V. – С. 102-103.

⁶²¹ Цит. по: Эсмен, Жан-Поль Инполит Эммануэль Адемар. Основные начала государственного права // Антология мировой правовой мысли... Том III. – С. 503. Несмотря на то, что это написано много лет назад, подобные выводы еще долго не утратят своей актуальности и востребованности.

Как мы видим, к началу XX века благодаря идеям «кабинетных» ученых сформировались достаточно четкие и, как многим на тот момент казалось, *de facto* недвусмысленные представления о том, в каком направлении правящим элитам (при условии, что они и впредь собирались ассоциироваться с «ней» и оставаться на вершине властной вертикали) *необходимо переместить* акцент реформирования национальной политической и правовой системы, стремясь в итоге не только не утратить «завоеваний» прошлых лет, позволивших им, за небольшим исключением стран, сохранить в своих руках рычаги управления и принятия решений фундаментального характера, но *укрепить* и *расширить* – если проводить соответствующие публично-институциональные параллели с крупнейшими европейскими феодально-абсолютистскими монархиями – тот социальный потенциал, на который они могли опереться в противоборстве с в большей или меньшей степенью радикально настроенной частью населения в лице как *системной* (парламентской), так и *несистемной* (охлократической) оппозиции. Абстрагируясь от «событий», непосредственным, косвенным либо каким-нибудь случайным образом, повлиявшим на исторический процесс, мы можем только предполагать, в каком направлении «предпочли» бы двигаться правящие элиты и их ближайшее окружение, если бы в Сараево не прогремел злополучный выстрел террориста, материализацией которого станет, помимо прочего, развал четырех империй и укрепление англосаксонской модели (как правовой, так и политической), в первую очередь ее «*североамериканского*» *варианта*, качественная трансформация которого началась именно тогда.

Парадокс состоит в том, что, имея огромный «массив» теоретических (на наш взгляд, вся современная система конституционно-правовых отношений, в том числе основополагающих прав и свобод человека, уходит корнями как раз в рассматриваемый период!?), а кое-где и практических наработок, *никто не собирался*, по крайней мере, в *ближайшей перспективе* либерализовать и демократизировать те сферы публичных отношений, которые были связаны с осуществлением власти ее «источником» и «носителем». Поэтому реформы в основном касались частичных, причем не всегда носивших принципиальный

характер, изменений, не затрагивавших дискриминационного статуса целого ряда категорий дееспособного населения, в первую очередь женщин и других социальных групп (впрочем, как и большинства общественных организаций). В подобной ситуации война становится своеобразным «рубиконом», перейдя который, *уже нельзя было вернуться назад* – к архаичной традиции⁶²².

Соотношение между либерализмом и консерватизмом, с закреплением последнего на уровне конституционно-правовых отношений, свидетельствует о том, что одной из *предпосылок* кризиса «западной» модели демократии⁶²³, о котором мы будем предметно говорить, применительно к концу XX – началу XXI века, стало выхолащивание и обесценивание идей, под знаменем которых «источник» и «носитель» власти отправлял на «свалку истории» абсолютизм и все, что с ним связано, в том числе публичные институты, тормозившие или сдерживавшие развитие общества и государства. Невольно, возникает вопрос – почему, при наличии детальной теоретической проработки многих проблем, связанных с правами человека, политической системой, разделением властей и механизмами «сдержек и противовесов», правящие элиты не торопились их закреплять законодательно и внедрять на практике, продолжая «желаемое» (декларации французской революции о «свободе, равенстве, братстве» или о том, что «все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами» американского акта о независимости) выдавать за «действительность», что в итоге *не могло не привести* к тем «рецидивам», с которыми будет ассоциироваться новое – постмодернистское – столетие?

⁶²² По нашему мнению, именно об этом свидетельствуют парламентские билли и учредительные документы, принятые в первые десятилетия в Старом и Новом Свете, в частности, в Соединенном Королевстве («Акт о народном представительстве» 1918 года), Германской империи («Веймарская конституция» 1919 года) или Соединенных Штатах (XIX поправка к Конституции 1920 года). Дискриминационная система – рушилась.

⁶²³ Характеризуя ситуацию, один из французских ученых пишет: «... накануне 1914 года Запад *был не только накануне войны, но и накануне социализма*. Социализм близко подошел к завоеванию власти, – делает вывод Фернан Бродель, – к модернизации Европы (если бы это тогда случилось, то современная Европа могла бы быть более передовой, чем ныне). За несколько дней, за несколько часов война разрушила эти надежды... Огромной ошибкой европейского социализма той поры было то, что он не сумел остановить разгоравшийся конфликт. Это понимают даже те историки, которые благожелательно относятся к социализму и которые хотели бы знать, кто же в действительности несет ответственность за «кардинальный поворот» в ... политике». – Цит. по Бродель Ф. Грамматика цивилизаций... – С. 384.

Вопрос – совершенно не риторический, так как без ответа на него трудно будет понять определяющих тенденций, которыми характеризовался процесс государственного строительства в странах, позиционирующих себя «оплотом демократии», имеющих право насаждать ее «западную» модель, в том числе – насильственным образом, даже в тех ситуациях, когда в этом по существу нет никакой необходимости. В контексте высказанного, компаративист не должен игнорировать таких специфических особенностей, как *колониализм*, которым, к сожалению, *не брезговали ни монархии* (родина парламентаризма и *habeas corpus* занимала в этом лидирующие позиции, в частности, актуализировав и такой институт, как концентрационный лагерь), *ни республики* (что вызвало бы негодование у «энциклопедистов» или авторов «Декларации прав человека и гражданина»), стремившиеся «осчастливить демократией» многие миллионы африканских, азиатских и австралийских «туземцев»⁶²⁴.

Наступивший XX век, ставший, несмотря на «крайности» и «издержки», вершиной развития либеральной модели демократии, условно делится на два периода, *первый* из которых в целом охватывает относительно небольшой по продолжительности отрезок времени между мировыми войнами, *второй* – *de facto*, пережив «взлеты» и «падения», еще не закончился, трансформировав, в том числе мировоззренчески, фундаментальные представления как о самой демократии, так и о том, что считать правами и свободами человека: все, что

⁶²⁴ В последнее время работы советских авторов не пользуются авторитетом, прежде всего среди ученых, так сказать, либерального толка, при том, что произведения этого периода представляют собой сравнительно-правовой, критический анализ подходов, господствовавших (и продолжающих господствовать) в литературе, посвященной проблеме колониализма. Так, один из компаративистов отмечает: «... Апологеты колониализма всех мастей – от открытых империалистов до реформистов и ревизионистов – написали огромное количество книг и статей и произнесли еще больше речей о «цивилизаторской миссии Запада», о «бремени белого человека на Востоке», о «прогрессивном колониализме», «бескорыстной помощи старшего брата», «подготовке отсталых стран и народов к самоуправлению и независимости», о «многорасовом партнерстве», «деколонизации», «привитии демократии и парламентских форм примитивным народам», о принципе «равных возможностей»... Факты свидетельствуют о том, что все эти и подобные им заявления – демагогия, ложь и фарисейство...».

В качестве примеров, цитируемый исследователь приводит несколько фрагментов из произведений западных государствоведов: «... Цели цивилизаторской деятельности, совершаемой Францией в колониях, исключают всякую идею автономии, всякую возможность развития вне рамок французского блока; в колониях исключается всякая конституция, даже очень далекая от принципов самоуправления... Африканцы – это дети, и потому европейцы должны выполнять по отношению к ним роль родителей. Эти дети поручены заботам бельгийского правительства; как всякие дети, они нуждаются в том, чтобы за ними смотрели, чтобы их обучали и воспитывали, по отношению к ним нужна дисциплина; как в обращении со всякими детьми, им нельзя предоставлять власть, которой пользуются взрослые, знающие, как ею воспользоваться...». – Цит. по: *Даддани Л.Я.* Крах колониального управления в современный период. – М.: УДН, 1964. – С. 5, 6-7.

связано с традиционными взглядами «большинства» на семью, брак, гендер, общество и государство, или пресловутыми, во многом беспрецедентными по гипотетическим последствиям ценностями всевозможных «меньшинств» и их легальных объединений, перманентный – в наиболее «передовых» странах по обе стороны океана – рост количества которых в ближайшей перспективе, вне всякого сомнения, перейдет в качество. Однако одно можно констатировать с максимальной степенью определенности: англосаксонская модель достигнет таких «высот», о которых Генрих VIII, королева Виктория и «отцы-основатели» Соединенных Штатов могли только мечтать. Причем если в начале нового века доминантой вполне справедливо воспринималось Соединенное Королевство, над которым практически «никогда не заходило солнце», то позднее «вектор силы» (экономической, политической, идеологической, военной) объективно смещается в сторону «Града на холме», *возомнившего себя и убедившего в этом всех остальных* единственным «оплотом демократии», обладающим, в экстремальных или форс-мажорных ситуациях, правом на насилие. Поэтому к концу века «западная» модель демократии в глазах широких слоев населения (за исключением «компрадорского» сегмента элиты) стран, освободившихся от колониальной зависимости и вставших на путь самостоятельного развития национальной государственности, все отчетливее начинает ассоциироваться с попранием суверенитета, игнорированием конституционных прав и свобод.

2. Институализация народовластия как конституционно-правовая антитеза охлократии и авторитаризма

Исходя из того, что предметом и объектом настоящего исследования не являются война и те общественные потрясения, которые с ней были связаны, мы вынуждены вывести за скобки сравнительно-правового анализа широкий круг вопросов, не имеющих непосредственного отношения к характеристике тенденций процесса государственного строительства, акцентируя внимание в первую очередь на том, каким образом воплощались на практике доктрины и

идеи ведущих «кабинетных» ученых или декларации буржуазно-либеральных революций (а позднее национально-освободительных движений) о «свободе, равенстве, братстве», «общественном договоре» и «народном суверенитете». С другой стороны, обе мировые войны, как и формирование на «развалинах» Российской империи социалистического государства, *оказали* такое *мощное влияние* на всю парадигму цивилизационного развития, фундаментальность которого – при всех достоинствах или недостатках – по своим последствиям не имеет каких-нибудь «сопоставимых» исторических аналогов. Таким образом, при всей парадоксальности, вывод напрашивается как бы сам собой: многие из тех прав и свобод, что носили декларативный характер, *de jure* начинают⁶²⁵ приобретать *очертания*, присущие не только либеральным демократиям, но и государствам с авторитарным или тоталитарным политическим режимом, в частности, «всеобщность» электорального статуса дееспособных подданных и граждан. Именно события начала нового века поставили, в известной степени, знак *гендерного равенства* между мужчинами и женщинами, выполнив тем самым, пусть и с опозданием, «популистские обещания», данные «слабому полу» правящими элитами Старого и Нового Света задолго до этого⁶²⁶.

⁶²⁵ На этом фоне достаточно контрастно (можно сказать, архаично, вне общего конституционно-правового контекста) выглядели государства, игнорировавшие соответствующие тенденции. Так, согласно статье пятой закона от 29 марта 1925 года о выборах в нижнюю палату японского парламента, действовал гендерный ценз: «Правом избирать обладают мужчины – подданные империи с 25-летнего возраста. Правом быть избранным обладают мужчины – подданные империи с 30-летнего возраста». Кроме того, согласно статье шестой, «... избиратели, не имеющие основного условия – ценза оседлости (непрерывного проживания на определенном месте в течение одного года. – Э.Е.), не могут быть зарегистрированы в списки избирателей». Наконец, исходя из требований статьи шестьдесят восьмой, «... необходимо, чтобы лицо, выдвинувшее свою кандидатуру или кандидатуру другого лица, внесло 2 000 иен за каждого кандидата или ценные государственные бумаги той же стоимости...». – Об этом см.: Закон о выборах депутатов в нижнюю палату Парламента 29 марта 1925 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 279.

⁶²⁶ Представляется целесообразным процитировать одного из крупнейших западноевропейских историков публичного права, критически описывающего ситуацию того времени: «... Все выглядело так, будто XIX век со всей его борьбой и достижениями поглотила пучина. Большинство людей еще не могли целиком осознать значения той эпохи, однако во многом доброе старое время покоя, «золотой век надежности» ушел в прошлое. Даже те, кто был охвачен волной национальных эмоций и с ликованием встретил начало войны как «спасение», уже вскоре с горечью вспоминали о довоенном времени. Монархия, стабильная валюта и безопасность условий жизни гражданского населения представляли теперь в ином свете, по крайней мере для тех, кто жил в комфортной обстановке... *Первая мировая война без остатка уничтожила XIX век, по крайней мере в том виде, в каком он все еще мог казаться идиллией.* Не успели исчезнуть пережитки сословного общества, как пришедшее на смену ему буржуазное общество оказалось под угрозой эпохи масс. Массы, как задолго до этого предсказывал... Гюстав Лебон (речь, по всей видимости, идет о его знаменитой работе «Психология толпы», опубликованной в 1895 году. – Э.Е.), превратились в сражениях техники периода мировой войны в подлинных актеров. Это были механизированные массовые битвы и массовые убийства. Лишь в некоторых родах войск, например в авиации, в среде летчиков-истребителей, сохранялись остатки единоборств, и не случайно слово «рыцарский», уходившее корнями в эпоху Средневековья, метафорически употреблялось там...». – Цит. по:

В этой связи компаративист не должен «модернизировать» ситуацию, с точки зрения таких «ценностей», как мультикультурализм, политкорректность и толерантность, и воспринимать уровень либерализации и демократизации конституционно-правовых отношений с позиций реалий XXI века, не замечая того, что, некритически сопоставляя один и тот же государственный орган или учреждение, речь может идти *о совершенно разных, более того, нередко не сопоставимых* публичных институтах, функционально не имеющих ничего – и в целом, и в деталях – общего между собой, кроме наименования. Примерно также обстоят дела относительно терминологии, традиционно используемой в официальных источниках, административной, судебной практике и научной литературе для обозначения конкретной области взаимодействия общества и государства, в том числе при актуализации эксклюзивных, как по содержанию, так и по своим последствиям, прерогатив «источника» и «носителя» власти.

Штолляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм /Михаэль Штолляйс; пер с нем. О.Г. Субботина. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. (Современная немецкая историография). – С. 49-50.

Не меньшего внимания заслуживают оценки ведущих французских исследователей: «... Полвека, прошедшие от одной франко-германской войны до другой, были отмечены движением государств по пути либерализма и демократии. Но двигались они этим путем очень по-разному. На Севере и Северо-Западе прогресс был очевиден. Остальная часть Европы, часто страдавшая от тяжелых национальных проблем, переживала негладкую эволюцию, в ходе которой авторитаризм, экстремизм и обманчивое спокойствие предвещали опасные стадии нестабильности... Северная и Северо-Восточная Европа продолжила движение к либерализму и демократии. Конфликты разрешались в рамках парламентских институтов, организовались партии, общественное мнение укреплялось и выражалось свободно. Куда менее гладко эволюция шла в бедной Южной и Восточной Европе. С другой стороны, от Ирландии до Польши и Чехии еще поработанные (то есть являвшиеся частью империи. – Э.Е.) народы требовали свободы. Наконец, в начале XX века правящие классы многих европейских государств прибегали к национализму, часто агрессивному, чтобы искусственно объединить народы, не очень однородные или расколотые социальными конфликтами... Скандинавские государства (Дания, Норвегия, объединенная со Швецией до 1905 года), католическая Бельгия, которая в 1831 году отделилась от протестантских Нидерландов, сами Нидерланды, как и Соединенное Королевство, были конституционными монархиями. Суверены олицетворяли незыблемость государства и единство нации и назначали, как правило, правительства, ответственные перед собраниями, обладавшими законодательной властью. Одна из двух палат собрания была выборной. Если во Франции закон *о всеобщем избирательном праве для мужчин* был принят в 1848 году, другие государства избирательное право для своих граждан, поначалу цензовое, расширяли постепенно. Накануне войны *женщины имели право голоса только в двух* (в этой связи напомним, что в рамках Великого княжества Финляндского, входившего, практически в качестве автономного образования, в состав Российской империи, женщины получили избирательное право еще в 1906 году! – Э.Е.) *европейских государствах* – Дании и Норвегии... Каждое из этих государств сохраняло национальные традиции; Норвегия и Швеция выделялись социальным законодательством; в Бельгии начались языковые конфликты между фламандцами и валлонами. Но, в отличие от государств Восточной и Южной Европы, гарантия широких свобод, постепенная демократизация политической жизни дали в Северо-Восточной Европе возможность не только для политической эволюции без тяжелых потрясений, но и для национальной интеграции всего населения». – Цит. по: История Европы /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 402-403. Так что о демократии можно было говорить с *большой степенью условности*.

В контексте высказанного замечания, невольно бросается в глаза одно *знаковое* обстоятельство: либерализация и демократизация конституционно-правовых отношений *в большей степени* связаны с монархической формой правления, чем с республиканской, ассоциируемой с Францией, так как такие «обязательные», непререкаемые и «стереотипные» для современной Европы и «западной» модели демократии в целом фундаментальные принципы, как всеобщность избирательного права или право народов на самоопределение, *корнями уходят* – не в республиканизм североамериканского и французского образца, а *в монархизм ограниченного типа*. Так, если в Дании или Норвегии женщины получили избирательные права еще в преддверии Первой мировой войны, а в Соединенном Королевстве (при том, что в некоторых ее «заморских территориях», например, в Новой Зеландии и в ряде регионов Австралии это произошло чуть раньше, чем в метрополии) после капитуляции кайзеровской Германии, то во Франции – лишь через четверть века, по завершению Второй мировой войны⁶²⁷, а в Швейцарской конфедерации еще позднее. Нет, видимо, ничего странного (!?), что многие монархии продолжают существовать до сих пор, являясь «примером для подражания» и с точки зрения реализации механизмов народовластия, прежде всего парламентаризма, и с точки зрения социального характера государства, и с точки зрения материализации прав и свобод всех тех, кто обладает соответствующим статусом «меньшинства».

На этом фоне достаточно специфически протекал процесс легитимации и конституирования такого сложносоставного территориально-политического образования, как Германия, начавшая новый век империей, а затем – в рамках республиканской формы правления – пережившая короткий «веймарский» и «советский» периоды, отправленные «на свалку» тоталитаризмом национал-социалистического типа, фактически просуществовавшего *чуть более десяти лет*, беспрецедентного не только по своей «специфике», но и «характерным»

⁶²⁷ О том, как французские мужчины поступили с женщинами, сотрудничавшими с оккупационными властями, коллаборационистами и дислоцированными на части территории германскими войсками, подвергая многих из их унижениям, административному и уголовному преследованию, можно сделать вывод, что если бы не «требования дня», то еще не факт, что дееспособные представительницы «слабого пола» получили бы тогда право избирать или быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления.

особенностям институализации идей психически неадекватных политиков и их ближайшего военного, светского и конфессионального окружения⁶²⁸.

Обратить внимание на Германию нас заставляет *диссонанс*, возникший к этому времени между экономическим «базисом» (благодаря ему страна *de facto* сумела войти в число лидеров «рыночных отношений»), и общественно-политической «надстройкой», стагнирующей и требующей реформирования, с которым так или иначе был связан процесс государственного строительства, во многом обусловленный двумя противоборствующими факторами: с одной стороны, либерализацией хозяйственных отношений, с другой – архаичностью монархических институтов публичной власти, тормозивших движение вперед. Таким образом, *конфликт был* – раньше либо позже – *неизбежен*, и проигрыш в войне лишь ускорил то, что в принципе должно было случиться. Ситуация во многом не только *усугублялась*, но и *провоцировалась* тем обстоятельством, что, при декларировании формально-юридического равенства двадцати пяти составных частей «федеративной империи», *доминантой* являлась Пруссия, инициировавшая за несколько десятилетий до этого процесс объединения, с

⁶²⁸ Обращая внимание на перипетии государственного строительства в этой стране, исследователи, на наш взгляд справедливо, акцентируют внимание на следующем: «... Рейх (то есть, провозглашенная в 1871 году Германская империя. – Э.Е.) не был унитарным государством. Император (до 1888 года им являлся Вильгельм I, а к началу войны Вильгельм II. – Э.Е.) был в то же время королем Пруссии, где жило две трети немцев. Рейх был федерацией из 25 государств очень разной значимости. Все были монархиями – королевствами, как Бавария, Саксония или Вюртемберг, герцогствами или княжествами, за исключением трех вольных городов – Гамбурга, Бремена и Любека, привязанных к своим традициям патрицианских республик (другими словами, самоуправляющихся городов-государств. – Э.Е.). Государства, сохранявшие собственные институты и законы, ревниво относились к своим главным прерогативам; они отдавали Рейху только иностранные дела, армию и экономические проблемы. У каждого государства были свои собрания: палата господ (часто назначаемая) и ландтаг, обычно избираемый на основе цензового избирательного права. В Пруссии классовая система обеспечивала в ландтаге преобладание аристократии и высшей буржуазии. Рейхсрат, куда входили представители государств, и рейхстаг, избираемый всеобщим голосованием (естественно, в отношении лишь мужской части дееспособного населения, отвечавшей соответствующим критериям и цензам. – Э.Е.), были собраниями Рейха. Канцлер, назначаемый императором, не нес ответственности (другими словами, его нельзя было подвергнуть отстранению от занимаемой должности в рамках процедуры импичмента. – Э.Е.) перед парламентом... Сильное преобладание Пруссии, которая дала империи ее правящий класс юнкеров и крупнейших буржуа, вызывало беспокойство других государств... При Вильгельме II роль политических партий возросла... Но неизменный авторитаризм правящего класса, нежелание идти либеральным и демократическим путем, даже когда немецкая экономика стала господствующей в Европе, блокировали эволюцию политической жизни и создавали для власти все новых противников...». – Цит. по: История Европы /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 407-408.

Как мы видим (так как ранее по тексту работы мы уже касались данного вопроса), за все десятилетия существования Германской империи политико-правовая система, созданная «железным канцлером» Отто фон Бисмарком (до отставки в 1890 году он совмещал должности председателя прусского совета министров и канцлера), не претерпела никаких, даже, условно говоря, косметических изменений ни в национальном, ни в территориальном вопросе, ни в системе оптимизации разграничения властных полномочий, что во многом способствовало, несмотря на развитие экономики и «базиса» в целом, усилению стагнационных процессов в «надстройке», требующей масштабного системно-институционального реформирования.

последующей концентрацией в своих руках важнейших прерогатив. Причем в некоторых областях общественных отношений проблемы не исчезали, как, по существу, должно было бы быть, а росли как «снежный ком», невзирая ни на что, в том числе структурообразующие трансформации «базиса». Старое – не хотело сдавать позиций новому, поэтому коллизии возникали чаще, становясь все масштабнее, острее, глубже и бескомпромисснее⁶²⁹.

Справедливости ради надо признать, что «закат империи» и переход⁶³⁰ к республиканской форме правления *не были бы столь очевидны*, более того – безальтернативны при условии победы в войне, так как сложившаяся к этому времени общественно-политическая ситуация, оказавшая решающее влияние на весь ход исторического процесса, вытекала из соотношения «внутреннего» и «внешнего» факторов: Германия не только подписывала унижительный для себя «Версальский договор», но и утрачивала монархическую идентичность, с

⁶²⁹ Один из современных западноевропейских компаративистов, говоря о «долгом расставании с XIX веком», применимо к Германии, констатировал: «... Признаками старейшей, но все еще сохранявшей силу в 1914 году исторической дифференциации являлись элементы сословного общества Ancien Regime (в переводе «старый порядок». – Э.Е.), которое существовало до 1800 года. Несмотря на сильную эрозию, – подчеркивает немецкий историк государства и публичного права Михаэль Штолляйс, – они оставались действенными и узнаваемыми на протяжении всего XIX века. Хотя дворянство частично обуржуазилось, главным образом за счет вступления в общество, ориентированное на прибыль и успех, его старые формы оказывали влияние на буржуазию. Не прекращались разговоры о ее «феодализации». Отмена основных повинностей растянулась с начала века до его последней трети, продолжали существовать фидеикомиссы (от латинского *«fides»*, дословно – доверие) и *«committere»* (буквально – вверять) – форма завещания в римском праве, в которой завещатель поручал наследнику выполнить оговоренные действия в пользу третьего лица, как правило, не имевшего пассивной завещательной способности. – Э.Е.) и майораты (система наследования, при которой недвижимое имущество (земельное владение) переходит безраздельно к старшему сыну или к старшему в роде, а также земельное владение, поместье, на которое распространяется такое право наследования. – Э.Е.). Последние элементы ленного права и привилегии дворянства были упразднены в 1919 году..., а патримониальная юрисдикция и полицейская власть помещиков ликвидированы лишь во второй половине XIX века. Трехклассное (ранее по тексту мы уже касались данного вопроса. – Э.Е.) избирательное право наряду с правом голоса для мужского населения просуществовало до конца Первой мировой войны. Наконец, в Мекленбурге и Прибалтике со времен, предшествующих французской революции, сохранялись рыцарские конституционные структуры... Последние пережитки Средневековья и раннего Нового времени – например, должности придворных маршалов, отвечающих за церемониал, или герольдии, предназначенные для регистрации и контроля нобилитета, – все еще встречаются в период изобретения телефона, автомобиля и самолета. Тем временем буржуазный мир начал растворяться в эпоху индустриального общества. Уже введение всеобщего (? – Э.Е.) избирательного права на уровне рейха (1871) антилиберальная буржуазия встретила с тревогой. В результате образовались партии, из недр которых вышли профессиональные политики. Состоящие из знати парламенты постепенно исчезали, уступая место «политическим функционарам». Результаты законодательного процесса все больше определялись партийными аппаратами, вследствие чего происходила перегруппировка сил. Как в рабочем движении, так и в промышленности и сельском хозяйстве уяснили, насколько важно отстаивать частные интересы там, где разрабатывают законопроекты, – в недрах имперской бюрократии... Таким образом, 1914 год оказался своего рода сумерками для ведущих представителей дворянской и буржуазной среды, наступление которых они едва ли осознавали...». – Цит. по: Штолляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм... – С. 51-52.

⁶³⁰ Об этом см.: Хоус Дж. Краткая история Германии... – С. 161-173.

которой, несмотря на атрибутику, титулатуру лица, персонифицировавшего ее *de jure*, и официальное название, в течение столетий квалифицировалась как суверенное сообщество. Не исключено, что именно неоправданно медленная трансформация «надстройки», как ни парадоксально на первый взгляд, стала, помимо прочего, определяющим условием сохранения государства (даже при вынужденной утрате территорий), позволившим бюрократическому аппарату, стабильный характер которого не вызывает сомнений, *не разрушать систему до основания*, а акцентировать внимание на преемственности, *конвергенции* «старого» и «нового». Естественно, что отдельные преобразования не могли не носить революционного характера, что нашло прямое или опосредованное отражение в теории и практике государственного строительства⁶³¹.

⁶³¹ Как следствие, появилась необходимость в научно-концептуальном переосмыслении взглядов на целый ряд проблем, до этого остававшихся вне поля зрения академического научного сообщества. Так, по мнению одного из историков государства и права, «революция, которая вполне заслуживает этого названия, несмотря на сохранение базовых элементов Германской империи 1871 года, сама по себе явилась для теории государства и государственного права вызовом исключительного порядка. Возникла необходимость осмыслить все заново: сначала интерпретировать феномен «создающей право силы революции», далее – континуитет Германской империи 1871 года, структуру и взаимодействие унаследованных институтов рейха и земель, партийную систему, отношения между государством и обществом, заканчивая основными правами граждан. В результате упразднения монархий прежде всего были разрушены интеллектуальная точка вменения... и внутренняя легитимация многих институтов, ориентированных на монарха. Дуалистическая концепция конституционной монархии покоилась на идее равновесия конкурирующих между собой правопорядков. В процессе революционного перехода к единственно признанному народному суверенитету понадобилось вновь сбалансировать систему сдержек и противовесов, но, разумеется, сначала выработать ее в ходе подготовки конституции. «Монархический принцип», – делает весьма принципиальный, по нашему мнению, вывод немецкий исследователь, – *сакральная несущая опора государства...* утратил силу в рейхе и землях почти без сопротивления. Современники отмечали это с удивлением, но в то же время относительно спокойно. Монархии, то есть правящие династии и их придворное окружение, едва ли обладали капиталом доверия с учетом опыта XIX века и в принципе не осознали перехода в буржуазный и индустриальный мир. Для рабочих и значительной части буржуазии они утратили всякое значение. Особенно рабочие, которые через самоуправление в сфере социального страхования добились в лучшем случае ограниченного участия в политической жизни, чувствовали себя по-прежнему изолированными. Политически слепая защита трехклассного избирательного права, тесная связь монархии с прусской Палатой господ, зачисленных в разряд реакционных, и персональное правление Вильгельма II нанесли большой политический ущерб Пруссии и рейху... Выходом из конкуренции двух принципов – *монархического* (княжеского) и *народного суверенитета* – стала концепция «государственного суверенитета». Государство было «юридическим лицом», точкой вменения государственных волевых актов, а монарх – его руководящим органом. В этом смысле дебаты о «монархии как форме государства», шедшие вплоть до мировой войны, сместили теоретические акценты в сторону народного суверенитета, впрочем, без какой-либо перспективы придать ему по-настоящему законную силу. Все промежуточные шаги, предпринятые в надежде добиться более сильной парламентаризации в сочетании с «монархическим президентом», утратили теперь актуальность... Тем не менее *привычная конституционно-монархическая система продолжала оказывать косвенное влияние*. Абсолютное большинство специалистов по государственному праву, а позднее и большинство депутатов Национального собрания, полагали, что сильный рейхс-президент должен заполнить возникший вакуум. Речь при этом шла не только о наведении порядка в сложившихся условиях, но и, как следует из диктаторских полномочий, о резерве на случай чрезвычайных ситуаций. Парламенту, который до сих пор проявлял себя, по сути, не столько функционирующим, сколько реагирующим институтом, никоим образом не доверяли эту важную задачу. Говоря конкретнее, статус всенародно избранного президента (мало чем отличавшегося от монарха. – Э.Е.) предоставлял и государственным служащим, и армии «возможность нового

Одно можно констатировать с большой степенью уверенности: отправка в «архив» монархической формы правления способствовала решению и еще двух проблем, во-первых, ликвидации остаточных «рудиментов» феодальной системы отношений (в том числе «того», что ассоциировалось с придворной аристократией – за представителями родового дворянства из многочисленных сословных привилегий сохранялись всего лишь право на имя и традиционные «позиции» в таких сферах, как военное строительство, чиновничий аппарат и дипломатия), во-вторых, окончательному отделению церкви от государства (в отличие от прежней практики, когда монархические протестантские династии в лице действующего правителя олицетворяли собой не только светскую, но и параллельно суверенную конфессиональную – «*praescripta membra ecclesiae*» – власть), в результате которого на территории Пруссии и вне ее пределов была введена структура управления в виде епископов и приходских президентов⁶³².

Вместе с тем опыт показывает, что Германии не удалось избежать того, что, применимо к Франции, мы назвали «ребрендингом», когда короткий по времени период характеризуется *не только* сменой власти и правящих элит, но и политическим режимом (как в случае с той же Баварией или «Веймарской республикой» в целом), не отвечающим ни базовым критериям демократии в их, условно говоря, концептуальном варианте⁶³³, ни «классическим» – прямым либо

фундамента». Способные таиться здесь опасности вряд ли осознавались...». – Цит. по: *Штолляйс М.* История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм... – С. 105-106, 107.

⁶³² См.: История Европы /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 482-483.

⁶³³ Например, по мнению Уильяма Лоуренса Ширера ситуация выглядела следующим образом: «... Здесь (в этом случае речь о столице одной из земель Мюнхене ноября 1918 года. – Э.Е.) также произошла революция. Король отрекся от престола. Баварией управляли социал-демократы, которые создали баварское «народное государство». Его возглавил Курт Эйсер, популярный еврейский писатель, родившийся в Берлине. 7 ноября... Эйсер, привлекавший внимание мюнхенцев импозантной седой бородой, пенсне и огромной черной шляпой, проследовал по улицам города в сопровождении нескольких сот жителей, без единого выстрела занял здание парламента и правительства и провозгласил республику. Три месяца спустя он был убит молодым офицером, придерживавшимся правых взглядов, графом Антоном Арко-Валле. Рабочие создали советскую республику, которая, однако, просуществовала недолго. 1 мая 1919 года войска регулярной армии из Берлина вместе с баварскими добровольцами, так называемым добровольческим корпусом, вошли в Мюнхен и свергли коммунистическое правительство. Они убили несколько сот человек, многие из которых не являлись членами коммунистической партии, мстя за то, что с ведома предыдущего правительства было расстреляно более десяти заложников. Несмотря на то, что на время была формально восстановлена власть умеренных социал-демократов..., бразды правления в Баварии практически перешли к правым (которые, как правило, не привыкли с кем-нибудь делить власть. – Э.Е.). Что же представляли собой правые Баварии в это смутное время? К ним принадлежали кадровые военные рейхсвера, монархисты, мечтавшие о возвращении династии Виттельсбахов (напомним, что кайзер относился к «царствующему дому» Гогенцоллернов. – Э.Е.). Сюда же примыкали консерваторы, которые ненавидели демократическую республику, образованную в Берлине. Со временем ряды

косвенным – механизмам народовластия. С другой стороны, мы, видимо, не погрешим против истины, если выскажем следующее предположение, так или иначе диссонирующее с мнением компаративистов, теоретиков права и целого ряда государствоведов: империя, созданная «железным канцлером» Отто фон Бисмарком как «сообщество земель», просуществовавшая *менее (!)* пятидесяти лет, с конституционно-правовой точки зрения представляла собой *искусственно* скомпонованное территориально-политическое образование, в рамках которого взаимодействие осуществлялось на принципах асимметрии и доминирующем положении одного из «субъектов». Тем самым формально-юридическое равенство «составных частей» носило декларативный характер, о чем, в частности, свидетельствовало количество голосов членов союзного совета (глава третья Конституции Германской империи 16 апреля 1871 года), закрепленных непосредственно за Пруссией как вдохновителем объединения разрозненных королевств, княжеств, курфюрств и коммунальных городов⁶³⁴.

Радикализм преобразований, обусловленный крахом монархической⁶³⁵ формы правления и учреждением республики, распространялся на широкий круг публичных отношений – от территориального устройства⁶³⁶, всеобщности

правых пополнила армия демобилизованных солдат, для которых 1918 год стал провозвестником краха надежд; будучи вырванными из мирной жизни..., они не могли найти работу и место в современном обществе, война закалила и в то же время ожесточила их, но невозможно было избавиться от укоренившихся привычек и изменить себе...». – Цит. по: *Ширер, Уильям*. Взлет и падение Третьего рейха /Уильям Ширер; пер. с англ. под ред. О.А. Ржешевского. – М.: Издательство АСТ, 2017. – С. 45.

⁶³⁴ Подчеркнем, что Пруссия имела семнадцать голосов из пятидесяти восьми, так как аккумулировала голоса в том числе Ганновера, Кургессена, Голштинии, Нассау и Франкфурта. Следовательно, все остальные земли и вольные города имели в совокупности сорок один голос. – См.: Конституция Германской империи 16 апреля 1871 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 156.

⁶³⁵ У неискушенного читателя, весьма далекого от проблем конституционно-правовых отношений и истории зарубежного государства и права, может возникнуть сомнение по поводу официального названия страны – «Германская империя» (*das Reich*), но в этом нет никакой экстраординарности, так как термин «империя», исходя из специфики немецкого языка, в данном случае обозначает не что иное, как «государство» и не несет никаких иных коннотаций. Так, согласно статье 1 Конституции Германской империи от 11 августа 1919 года: «Германская империя – республика. Государственная власть исходит от народа...». – Об этом см.: Конституция Германской империи (Веймарская) 11 августа 1919 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 249.

⁶³⁶ Согласно статье 2, «государственный» принцип («... Союзный совет состоит из представителей государств, – читаем, например, в Конституции Германской империи от 16 апреля 1871 года, – входящих в состав союза») формирования национальной территории уходит в прошлое, таким образом, речь идет не о федерации, а об унитарной форме государственного устройства: «... Территория державы состоит из территорий германских земель. Другие территории могут быть принимаемы имперским законом в ее состав, если того пожелает их население в силу права на самоопределение». В свою очередь, статья 17 декларирует: «... Каждая область должна иметь республиканскую конституцию. Народное представительство должно избираться на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права... гражданами Германской империи, мужчинами и женщинами, на началах пропорционального представительства...». – Об этом см.: Конституция Германской

избирательного права⁶³⁷ до разделения властей, полноценной и действенной системы «сдержек и противовесов». Новая конституция, принятая из-за ряда причин не в столице, а в городе Веймаре⁶³⁸, вместе с конституциями Мексики 1917 года и РСФСР 1918 года явилась *огромным шагом вперед* с точки зрения регламентации прав и свобод человека, и, как ни парадоксально, ни в какое сравнение ни шла с конституцией Соединенных Штатов и законодательством Туманного Альбиона, которые на этот момент ограничивали женщин в праве избирать и быть избранными. Более того, можно говорить, причем с большой степенью определенности, что данный учредительный акт стал *компиляцией* самых передовых буржуазно-либеральных идей, заимствованных у тех стран «западной» модели демократии, где народовластие и его институты уже были тем или иным образом апробированы и *de facto* инкорпорированы в практику публичных отношений в качестве элементов властного механизма⁶³⁹.

империи (Веймарская) 11 августа 1919 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 249, 251.

⁶³⁷ Германия, исходя из статьи 22, становилась одной из немногих стран мира, где дееспособные мужчины и женщины имеют идентичный, без ограничений, электоральный статус: «... Депутаты (в данном случае речь идет о национальном парламенте, Рейхстаге. – Э.Е.) избираются всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов на началах пропорционального представительства, мужчинами и женщинами, достигшими 20-летнего возраста...». – Об этом см.: Конституция Германской империи (Веймарская) 11 августа 1919 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 251.

⁶³⁸ Причина была в революционных событиях осени 1918 – начала зимы 1919 года, пиком которых стала так называемая «кровавая неделя» (с 10 по 17 января), в результате чего регулярная армия и добровольческий корпус под руководством министра обороны Густава Носке и под командованием генерала фон Лютвица разгромили формирования «спартаковцев»: Роза Люксембург и Карл Либкнехт были арестованы и позднее расстреляны офицерами гвардейской кавалерийской дивизии.

⁶³⁹ Как только в Берлине и его ближайших окрестностях прекратились вооруженные столкновения, «... по всей Германии прошли выборы в Учредительное национальное собрание, которое должно было подготовить новую конституцию. Выборы, состоявшиеся 19 января 1919 года, показали, что средние и высшие слои общества осмелели за два с небольшим месяца, прошедшие после революции. Социал-демократы (социал-демократы большинства и независимые социалисты) единолично правившие страной, поскольку ни одна из партий не желала разделить с ними бремя забот, набрали 13 миллионов 800 тысяч голосов из 30 миллионов и получили в Национальном собрании 185 мест из 421, что составляло значительно меньше необходимого большинства (две буржуазные партии – партия «Центр» и демократическая партия – суммарно получили 165 мест, консерваторам, переименовавшем себя в немецкую национальную партию, достались 44 депутатских мандата, а их союзникам национал-либералам, ставшим немецкой народной партией, 19 мест. – Э.Е.). Стало очевидно, что новую Германию нельзя построить лишь с помощью рабочего класса... Конституция, принятая заседавшим в Веймаре Национальным собранием 31 июля 1919 года после шестимесячного обсуждения и ратифицированная президентом 31 августа, на бумаге (то есть, как и в ряде аналогичных случаев «желаемое» выдавалось за «действительность»?!) – Э.Е.) являлась самым либеральным и демократичным документом XX века (оценки такого рода не лишены, на наш взгляд, пафоса и известного авторского субъективизма. – Э.Е.), в техническом отношении почти совершенным, полным оригинальных и достойных восхищения приемов, которые, казалось, гарантировали почти совершенную демократию. Идея создания правительственного кабинета была заимствована у Англии (в частности, совмещение депутатского мандата и министерского портфеля. – Э.Е.) и Франции, образ наделенного большими полномочиями президента родился под влиянием Соединенных Штатов, представление о референдуме – из опыта Швейцарии. Разработали замысловатую систему пропорционального представительства и голосования списком, с тем чтобы предотвратить... потерю голосов избирателей

Одним из наиболее ярких проявлений *преемственности* при переходе от монархической формы правления к республиканской, по всей вероятности, следует рассматривать бюрократический аппарат, функционирующий даже в тех случаях, когда трансформация «надстройки» носит фундаментальный или системообразующий, с институциональной точки зрения, характер. Другими словами, *и это целесообразно подчеркнуть*, говоря о Германии (более того, если проводить параллели с Европейским союзом, то «заимствование» опыта налицо, достаточно посмотреть на брюссельское чиновничество и его роль в политическом процессе), весь пафос и популизм деклараций о демократии не имеет ничего общего с реальным положением дел, как на национальном, так региональном и коммунальном уровне, при котором все важнейшие рычаги управления сконцентрированы, при провозглашении демоса «источником» и «носителем» власти, *в руках бюрократического* – публичного или партийного – *аппарата*, если иметь в виду конкретную модель «народовластия». Секрета нет в том, что и при осуществлении непосредственных форм демократии есть масса легальных способов давления на тех, кто осуществляет подсчет голосов, начиная с так называемого «административного ресурса» и заканчивая в том числе «каруселями» и подкупом маргинальных слоев населения, наделенных избирательным правом. Не надо обольщаться тем обстоятельством, что нечто подобное является «визитной карточкой» современных кампаний, подобное сплошь и рядом имело место и в относительно недавнем прошлом⁶⁴⁰.

(заимствовано многими. – Э.Е.) и обеспечить право быть представленным в парламенте национальным меньшинствам... Формулировки статей Веймарской конституции для любого демократически настроенного человека звучали свежо и многозначительно... Казалось, нет в мире людей более свободных, чем немцы, нет правительства более демократического и либерального, чем нынешнее. Так выглядело, по крайней мере, на бумаге...». – Цит. по: *Ширер, Уильям*. Взлет и падение Третьего рейха... – С. 71-72.

⁶⁴⁰ В этой связи, нельзя не процитировать Макса Вебера, описывавшего специфику Германии несколько ранее принятия конституции, обобщения и выводы которого не утратили своей актуальности: «... В современном обществе *реальное господство* – а проявляется оно не в парламентских речах и не в высказываниях монархов, но в осуществлении управления в повседневной жизни – необходимо и неизбежно *сосредоточено в руках чиновничества*, как гражданского, так и военного (от себя мы бы добавили, что во многом и профессионального, при достаточно активной самоорганизации приходских общин, клира и церковного сообщества в целом. – Э.Е.). Подобно тому, как так называемое прогрессивное продвижение к капитализму, начиная со Средневековья, служило недвусмысленным критерием модернизации общества, так и продвижение к бюрократическому (и это становится обязательным условием для любого государства, независимо от политического режима или действующей в данный момент формы правления. – Э.Е.) чиновничеству, основанному на постоянных местах работы, на жалованье, пенсиях, служебной карьере, профессиональной выручке и разделении труда, непоколебимой компетенции, документальном протоколировании, иерархической упорядоченности чинов,

Неужели кто-то может *наивно полагать*, что депутат (о чиновниках речь – вообще не идет), избранный по партийному списку, обладает хотя бы какой-то самостоятельностью при голосовании или вотировании, вправе свободно, то есть как считает нужным, реагировать на соответствующий вопрос повестки дня, выходя за рамки партийной дисциплины, тем самым – противопоставляя себя «коллективному мнению» фракции? Исходя из того странного факта, что «западный» парламентаризм *никогда не признавал* императивного мандата, судьба такого депутата будет решена – не электоратом избирательного округа, а партийными функционерами (даже в том случае, если данное образование носит статус организационно не оформленного, и, скорее, напоминает своего рода «клуб по интересам», чем структуру, осуществляющую борьбу за власть) при формировании и согласовании перечня тех «кандидатов», которые могут в перспективе получить место в парламенте или в одной из его палат, и войти, как следствие, в состав национальной правящей элиты⁶⁴¹.

служит аналогичным недвусмысленным критерием модернизации государства, как демократического, так и монархического. Во всяком случае, если это государство – не небольшой кантон с управлением, идущим своим чередом, а большое массовое государство. Ведь демократия совершенно так же, как и абсолютистское государство, исключает управление с помощью феодальной, родовой, патрицианской... другой почетной или наследственной знати, используя ради этого назначаемых (как в рамках «системы карьеры», так и «системы заслуг». – Э.Е.) на должность чиновников. Назначаемые чиновники принимают решения относительно наших всевозможных повседневных потребностей и жалоб... Но ведь и с исторической точки зрения «продвижение» к бюрократическому государству (в этом и проявляется соотношение хозяйственно-экономического «базиса» и общественно-политической «надстройки», их взаимного системно-институционального воздействия друг на друга. – Э.Е.), осуществляющему правосудие по рационально сформулированному праву и рационально составленным регламентам, происходит сегодня в теснейшей взаимосвязи с современным (несмотря на то, что данный тезис сформулирован век назад, он по-прежнему не утратил своей важности и востребованности. – Э.Е.) капиталистическим развитием... Для своего существования предприятию необходимы правосудие и управление, функционирование которых, по меньшей мере, можно рационально рассчитывать так же, как и проектную мощность какой-нибудь машины. Оно столь же мало может примириться с тем, что в обиходе называют «мусульманским правосудием» (Kadijustiz), то есть судопроизводством, которое осуществляется сообразно чувству справедливости судьи в конкретных случаях (но разве англосаксонский вариант «права справедливости», не говоря уже о common law, представляет собой что-то иное? – Э.Е.), или в соответствии с другими иррациональными способами и принципами осуществления права в том виде, в каком они повсюду существовали в прошлом, а на Востоке существуют и по сей день – как и с патриархальным управлением, действующим по произволу и милости, а в остальном по нерушимо священной, но иррациональной традиции или патримониальных союзов господства в Азии или в нашем собственном прошлом...). – Цит. по: Вебер, Макс. Парламент и правительство в новой Германии. К политической критике чиновничества и партийной жизни... – С. 80-81, 83-84.

⁶⁴¹ В контексте, высказанного нами ранее замечания, нельзя не согласиться со следующей мыслью (учитывая предыдущую сноску и ее содержание): «... И теперь так же, как в экономике и государственном управлении, в конечном итоге, обстоят дела с продвижением к бюрократизации в партиях. Существование партий не ведет никакой конституции и (по меньшей мере, у нас) никакого закона (напомним, что на начало прошлого века всего лишь некоторые страны пытались как-то регламентировать партийное строительство, в том числе соотнося его с непосредственной демократией и парламентаризмом, большинство же стало решать данную проблему на законодательном уровне значительно позднее, только со второй трети ушедшего XX столетия, однако где-то проблема не решена до сих пор, причем даже в развитых государствах. – Э.Е.), хотя именно в них представлены

В этом смысле термин «представительство», олицетворяемый одной из форм демократии, когда дееспособное население в качестве «источника» и «носителя» власти делегирует ее непосредственное осуществление не лицу, а политической партии, членом которой оно является (может и не являться, в то же время разделяя ее программу или идеологическую платформу, помогая ей материально), носит в значительной степени налет абстрактности, так как не отражает интересы не только всех социальных групп общества, но и большей части электората: цензы и различные ограничения существовали именно для того, чтобы у правящей элиты была возможность для маневра в тех ситуациях, когда «итоги» голосования могли иметь непредсказуемый «результат», в том числе из-за участия в выборах либо референдуме соответствующих категорий граждан или подданных, в частности, деклассированных элементов, женщин, малоимущих, адептов неканонических церквей. Другими словами, партия или «блок», победившие на парламентских выборах, всегда представляют только известный *процент* от «источника» и «носителя» власти, тем самым – не могут с формально-юридической точки зрения рассматриваться и восприниматься в качестве «избранных народа» в целом. Не исключено, что декларативная и популистская «всеобщность» избирательного права, о которой упоминается в том либо ином виде еще в учредительных актах XIX века, была востребована,

сегодня несравненно важнейшие носители всевозможных политических стремлений тех, кто подвластен бюрократии, «граждан». Именно партии – хотя они пользуются весьма многочисленными способами прочного привязывания к себе собственной клиентуры – по своему глубинному существу являются добровольно создаваемыми организациями, исходящими из свободной, при необходимости всегда обновляющейся агитации, в противоположность всевозможным объединениям, жестко регулируемым законами или контрактами. Сегодня их цель всегда состоит в агитации за голоса на выборах на политические должности или в избирательные объединения. Постоянное, объединенное вокруг вождя или группы уважаемых лиц ядро партийных кандидатов с весьма разнообразными устойчивыми подразделениями, а сегодня – зачастую с развитой бюрократией, заботится о финансировании при помощи партийных меценатов или экономически заинтересованных лиц, или посредством членских взносов, – а по большей части – из нескольких упомянутых источников. Это ядро определяет соответствующую программу, способ действия и кандидатов. Даже при весьма демократической форме массовой партийной организации, следствием которой затем, как правило, является развитое, получающее жалование чиновничество, масса, по меньшей мере, избирателей, но в изрядном объеме также и просто «членов партии» не участвует (или участвует лишь формально) в определении программы и кандидатов. Скорее, сотрудничество избирателей принимается во внимание лишь потому, что программа и кандидаты приспособляются к шансам завоевать голоса избирателей и подбираются по этому принципу...». – Цит. по: Вебер, Макс. Парламент и правительство новой Германии. К политической критике чиновничества и партийной жизни... – С. 86-87.

более того, выгодна правящим элитам, инициировавшим актуализацию таких механизмов получения власти, как представительная демократия и партии⁶⁴².

Таким образом, «народный суверенитет», о котором в течение многих лет велась дискуссия, носил своего рода *партийный оттенок*, так как, в том числе при использовании электоральных процедур в качестве одной из форм непосредственной демократии, избиратель голосовал не за физическое лицо, включенное под определенным порядковым номером в список кандидатов, а за ту политическую организацию (вернее, за программу, вынесенную на суд общества и граждан в процессе кампании), которую оно представляло, в связи с чем необходимость в императивном мандате *отпадает сама собой*, потому что, в отличие от отзыва конкретного депутата как вида ответственности перед частью населения городского либо сельского округа, где он баллотировался в парламент, использовать нечто подобное в отношении партии немыслимо по определению: ее список имеет общенациональный, а не территориальный, в узком смысле слова, статус, исходя из чего одновременно с «виновным» могут пострадать и те, кто пользуется доверием избирателей. Однако парадокс, как ни

⁶⁴² Справедливости ради надо сказать, что на определенном этапе государственного строительства это было не только оправдано, но и во многом целесообразно: «... Итак, пусть моралисты жалуются на существование партий, на способы агитации и борьбы, а также на тот факт, что формирование программ и списков кандидатов неизбежно оказываются в руках меньшинств – существование партий устранить невозможно, а... типы их структуры и действий поддаются изменению лишь в крайне ограниченном объеме. Закон может регламентировать форму образования этого активного партийного ядра (как, скажем, и условия создания профсоюзов) и «правила боя» на поле выборов как битвы, что многократно происходило, к примеру, в Америке. Но исключить саму партийную борьбу невозможно, ибо в противном случае «отпадет» активное народное представительство. Однако же путанное представление о том, что исключить партийную борьбу все-таки можно и необходимо, вновь и вновь возникает в умах литераторов. Осознанно или неосознанно, оно фигурирует в качестве предпосылки во многих предложениях – например, в предложении вместо парламентов, образуемых на основе всеобщего (ступенчатого или равного) избирательного права, или наряду с такими парламентами создавать выборные объединения на «сословно-профессиональной» основе, в которых корпоративным образом сплоченные профессиональные представительства в то же время будут выборными объединениями для парламента (в принципе, нечто «подобное» было осуществлено и в бывшем Советском Союзе при формировании Съезда народных депутатов, когда, наряду с делегатами, избранными населением, часть депутатского корпуса представляли академию наук, профсоюзы, комсомол и некоторые другие крупные общественные организации. – Э.Е.). Это уже сама по себе неудачная идея для времени, когда формальная принадлежность к определенной профессии (по закону о выборах ее следует связать с внешними признаками), как известно, почти что ничего не говорит об экономических и социальных функциях (а как быть с теми избирателями, которые вообще, как те же домохозяйки или пенсионеры, не осуществляют никакой деятельности, кроме ведения, например, домашнего хозяйства? – Э.Е.), а каждое техническое нововведение... любые экономические передвижения и новообразования, соответственно, сдвигают эти функции, а тем самым и смысл формально остающихся прежними профессиональных позиций, и их пропорциональную соотношенность между собой. Но, конечно, это не средство для достижения желанной цели. Ибо если бы удалось объединить всех избирателей в профессиональные организации вроде нынешних торговых палат или сельскохозяйственных палат, а затем из них сформировать парламент, то, разумеется, возникли бы... последствия». – Цит. по: Вебер, Макс. Парламент и правительство новой Германии. К политической критике чиновничества и партийной жизни... – С. 88-89.

странно, состоит в том, что «отстранить от должности» посредством такого рода механизма, нельзя и «избранных народа», получивших свой мандат не по пропорциональной, а по мажоритарной (которая не практиковалась на тот момент в Германии) системе, что не может не вызывать недоумения⁶⁴³.

Партии и придумали, вероятно, для того, чтобы они представляли узко-корпоративные интересы, в процессе борьбы за власть экстраполируемые на более широкий круг граждан либо подданных, когда свое видение проблемы и пути ее решения *преподносятся* – справедливо или нет другой вопрос – *как нечто «общее»*, в какой-то мере присущее всем социальным слоям и группам страны (точно также господин, ставший депутатом, мог с полным, с его точки зрения, основанием говорить о том, что представляет не только своих слуг, не обладающих избирательным правом, но и рабов, а мужчина – жену, взрослых дочерей и недееспособных сыновей), отдающим в знак согласия голоса, даже не являясь членами конкретной политической организации, тем самым, в рамках общественного разделения труда, делегируя осуществление власти – как ее «источник» и «носитель» – *фиксированному количеству функционеров*, передавая им часть собственного «суверенитета», субъективно надеясь на то, что ожидания, сложившиеся под воздействием агитации, будут в итоге каким-то образом оправданы. Парламентом, где есть легитимное «большинство» в виде фракции той партии, которая на очередных либо внеочередных выборах получила поддержку населения, и оппозиционное «меньшинство», также не лишённое внимания со стороны избирателей, правящим элитам и стоящим за ними экономически господствующим классам намного проще и комфортнее

⁶⁴³ Статья 21: «Депутаты являются представителями всего народа. Они подчиняются только своей совести и не связаны мандатами...». – Об этом см.: Конституция Германской империи (Веймарская) 11 августа 1919 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 251. Однако, на наш взгляд, фраза о том, что депутаты *«подчиняются только своей совести»* (при наличии депутатской неприкосновенности), не может не вызывать ряда вопросов, так как «совесть» – понятие, скорее, философское или религиозное, чем юридическое, конституционно-правовое, и у каждого «народного избранника» она исключительно своя, не заимствованная у кого-то, нередко совершенно непохожая на «пример для подражания» в лице «совести» святого, политического деятеля или научного авторитета. Например, как относиться к тому, что один депутат голосовал *по закону* (как ему предписывает соответствующий нормативный акт, парламентский регламент), а другой *по совести* (например, как требует учение церкви и мнение ее иерархов): кто из них прав, а кто нет, в частности, если речь идет об однополых браках, «родителе номер один» и «родителе номер два» и других ситуациях, аморальных и безнравственных с одной точки зрения, толерантных и либеральных с другой?

руководить, а в случае крайней необходимости манипулировать, в отличие от органа законодательной власти, сформированного не по партийным спискам, каждый член которого несет, в рамках императивного мандата, персональную ответственность перед электоратом своего округа, вплоть до отзыва. Таким же образом обстоят дела и в том случае, когда одна из палат непосредственно не избирается, а *образуется из представителей* территорий, входящих в состав государства, к которым население других административных единиц вообще не имеет никакого отношения. Поэтому для разрешения коллизий необходим не только «общественный договор», что *de facto* уже не воспринимается чем-то из ряда вон выходящим, тем более экстраординарным, но и выгодный всем заинтересованным сторонам конституционно-правовой компромисс⁶⁴⁴.

Однако именно компромисс, к которому пришли «кабинетные» ученые и лидеры крупнейших политических партий в результате обсуждения проекта (справедливости ради следует подчеркнуть, что их было несколько, поэтому многие положения и окончательные формулировки отражали тот факт, что и одни, и другие для достижения необходимого результата были вынуждены в ряде случаев идти на существенные уступки), решив задачу «удовлетворения» амбиций и подготовки качественно нового для Германии – республиканского –

⁶⁴⁴ Сказанное выше, не могло не найти прямого отражения в той дискуссии между «кабинетными» учеными и политиками, которая была вызвана подготовкой, а затем и достаточно жестким обсуждением проекта новой конституции. По мнению известного историка публичного права Михаэля Штолляйса, «... конституция вполне закономерно стала продуктом компромиссов по вопросам практического и теоретического характера. Это осознавалось всеми участниками, особенно учеными-правоведами, представленными в Национальном собрании. В процессе обсуждения конституции их влияние было довольно велико: именно в государственно-правовой сфере практики чувствовали себя по понятным причинам не столь уверенно, а дискуссии зачастую носили теоретический характер... Фундамент был заложен и оказался намного прочнее, чем хотела признать более поздняя критика с учетом его разрушения (речь в первую очередь идет, видимо, о приходе к власти национал-социалистов и двенадцатилетним периоде их правления, в течение которого конституцию, как ни парадоксально на неискушенный взгляд, *de jure* никто не отменял, но *de facto* и не исполнял. – Э.Е.). Якобы присущими ему принципиальными ошибками задним числом назывались теоретические конструкции: слишком сильная роль президента, наделенного правом роспуска парламента и издания чрезвычайных постановлений, избирательное право, возможность лишь негативного вето недоверия, выстроенное соотношение между парламентским и народным законодательством, неинтегрированность партий в систему государственной власти, отсутствующая позитивация основных прав. В более прагматическом, умеренном политическом контексте Веймарская конституция оказалась бы вполне жизнеспособной; ее недочеты открыто или негласно исправили бы в течение последующих лет. Ей не хватало не лучшей конституционной техники, а обрамления из неписаных правил, с помощью которых разобщенный во взглядах по отдельным вопросам, но движимый основополагающим консенсусом и уверенный в себе политический класс мог бы устранить эвентуальные конструктивные недостатки. Выработка таких правил предполагала опять-таки более благоприятные рамочные условия и, главным образом, наличие «времени». – Цит. по: Штолляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм... – С. 121-122.

учредительного акта, заложил своего рода «мину замедленного действия», детонатор которой сработал через четырнадцать лет, взорвав ситуацию, и дав возможность легитимным путем прийти к власти национал-социалистам. Как ни странно, но речь идет о том, что не все средства и методы бывают уместны, более того, целесообразны для достижения соглашения между сторонниками различных, диаметрально противоположных концептуальных точек зрения на такие фундаментальные вопросы государственного строительства, как форма правления, территориальное устройство, не говоря уже о разделении властей и политическом режиме⁶⁴⁵. Вместе с тем нельзя игнорировать особенностей и специфики предшествующего «монархического» периода, оказавших тем или иным образом влияние, воздействие как на взгляды большинства участников конституционного процесса, так и на идеи, нашедшие закрепление в одном из самых либеральных основных законов своего времени⁶⁴⁶.

⁶⁴⁵ Точно с такими же проблемами столкнулись и «отцы-основатели» Соединенных Штатов, о чем мы весьма подробно говорили в предыдущем разделе: там, достигнутый компромисс, привел к сепарации и гражданской войне, в Германии – к еще большим проблемам национального и общемирового масштаба.

⁶⁴⁶ В этой связи нельзя не процитировать профессора Калифорнийского университета Майкла Манна, мнение которого трудно не поддержать из-за его объективности и научной корректности: «... Политический порядок в довоенной вильгельмовской Германии покоился на сотрудничестве между монархией и консервативными партиями обычно с условной поддержкой Национал-либеральной партии и... Партии католического центра. Однако на первых послевоенных выборах упадок консерваторов, национал-либералов и внезапный подъем социал-демократов трансформировали парламентскую политику... Партия католического центра сохранила свои голоса и в первый раз высказалась за всеобщее избирательное право и сотрудничество с социал-демократами. Сдвиг католической церкви от реакции к демократии был значительной переменой для Германии. Старый порядок монарха, землевладельцев, офицеров, промышленников и консервативных политических нотаблей в качестве правящего режима, как представлялось, заканчивался... Представители рабочих в подавляющем большинстве настойчиво стремились не к реформам, а к революции... Никто не мог быть уверен в намерениях рабочих и солдатских Советов, а многие из представителей старого режима и буржуазии боялись, – справедливо отмечает североамериканский ученый, – что большевизм лишит их власти и собственности (можно пребывать в ужасе от серьезной угрозы, даже если у нее низкая вероятность произойти). На мгновение лишившись сил принуждения, *классы собственников были готовы пойти на компромисс*, чтобы избежать катастрофы. Это вполне устраивало фракцию большинства в СДПГ, для которых обострились довоенные противоречия между марксистской риторикой и умеренной борьбой за голоса избирателей. Некоторые голосовали за военные кредиты из националистического энтузиазма, веря, что они могут быть одновременно социалистами и патриотами. Но большинство членов СДПГ голосовали за войну, веря, что в противном случае правительство их репрессирует. Затем они пошли на компромисс со старым режимом, чтобы сохранить свои организации для будущей борьбы. В отличие от своих собратьев в России во время войны они были включены в государственные ведомства. После ее окончания лидеры СДПГ ухватились за представившуюся возможность... СДПГ (в руках которой находилась власть. – Э.Е.) создала временное правительство и запустила процедуры создания республиканской конституции и проведения всеобщих выборов, которые давали право голоса женщинам и прекращали взвешенное по классам голосование среди мужчин. Это была политическая (на наш взгляд, автор совершенно прав, формулируя подобный вывод. – Э.Е.) революция от полуавторитарной монархии к парламентской республике». – Цит. по: Манн, Майкл. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890 – 1945 годы... – С. 268-269.

Нам могут возразить, что конституционно-правовые отношения *всегда компромиссны* (в данном случае имеется в виду согласование точек зрения в рамках процесса подготовки и принятия учредительных актов), в связи с чем, нет и не может быть идеального основного закона, удовлетворяющего всех, и всегда обусловленного соотношением политических сил на конкретном этапе государственного строительства. Никто с этим и не спорит, так как участники, даже идя навстречу оппонентам и отказываясь от каких-то своих требований, позиционируют себя либо с определенным мировоззрением, доктриной или концепцией, идеализируя и возводя в абсолют взгляды «кабинетных» ученых, либо с практикой, сложившейся в тех государствах, где сравнительно успешно апробированы и введены в действие «институты», права и свободы человека, традиционно ассоциируемые с демократией и «народным суверенитетом». У нас нет и тени сомнений по поводу того, что любой другой алгоритм обречен, в рамках «западной» модели демократии, на провал, так как используемые в течение последних двух веков шаблоны и стереотипы в той или иной степени присущи (!) англосаксонской и континентальной традиции, причем о какой бы форме правления ни шла речь. По существу нет ни одной страны, и Германия в этом случае не является исключением, где фактор «заимствования» не играл бы если не решающей, то, по крайней мере, *определяющей* роли при выборе критериев и принципов конструирования политико-правовой системы⁶⁴⁷.

⁶⁴⁷ Достаточно любопытными в этой связи, с нашей точки зрения, выглядят обобщения Макса Вебера: «... Тот, кто исходя из предельных соображений веры, выше *всех* политических интересов нации ставит любую форму авторитарного господства ради нее самой, пусть открыто признается. Опровергнуть его невозможно. Но тогда не надо нам вместо этого пустой болтовни о противоположности между «западноевропейской» и «немецкой государственной идеей». В простых вопросах техники формирования государственной воли... существует не сколь угодно много, а лишь ограниченное количество форм (для современного государства масс). Для *дельного* политика существенный вопрос, на который надо отвечать в зависимости от политических задач нации, сводится к следующему: *какие из этих форм целесообразны для его государства в тех или иных конкретных случаях?* Лишь с достойным сожалением неверием в собственные силы... можно ошибочно (и автор в качестве эксперта, как мог, пытался опровергнуть подобную точку зрения оппонентов. – Э.Е.) полагать, что немецкая сущность будет поставлена под сомнение, если мы будем разделять с другими народами целесообразные государственно-технические институты. Не говоря уже о том, что парламентаризм не чужд немецкой истории, а ни одна из противопоставляемых ему систем не была присуща лишь Германии. А вот о том, что и парламентское немецкое государство будет выглядеть *иначе*, нежели любое другое, позаботятся совершенно неотложные объективные обстоятельства. Но превращать это в предмет *тщеславия* для нации было бы не деловитой, а как раз литераторской политикой. Сегодня (за несколько месяцев до разработки, принятия и вступления в силу новой конституции. – Э.Е.) мы не знаем, состоится ли в Германии действительно пригодное парламентское переустройство. Ведь его могут и сорвать правые, и упустить по небрежности левые. Последнее тоже может случиться. Ибо само собой разумеется, что *жизненные интересы нации* стоят *выше демократии* и

В этой связи не может не вызывать справедливых вопросов тот факт, что в конце концов была выбрана *республиканская* форма правления, несмотря на то что большинство западноевропейских государств, где «господствовали» так называемые неканонические конфессии, были монархиями с вариативной степенью ограничения функций «первого лица». Судя по всему (но это лишь авторская гипотеза!), далеко не последнюю роль сыграло то обстоятельство, помимо прочего, что потенциал монархии прусского образца был во многом исчерпан, о чем свидетельствует не только ее бесславный конец, но и апатия, с которой широкие слои населения восприняли крах кайзеровской Германии, созданной Отто фон Бисмарком⁶⁴⁸. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что у республики были не только апологеты, но и противники, поэтому «маятник», как в той же Франции, мог качнуться в любую сторону, о чем недвусмысленно говорит жесточайшая полемика, развернувшаяся по данной проблеме⁶⁴⁹.

парламентаризма (сейчас это становится все очевиднее. – Э.Е.). Если бы парламент оказался несостоятельным и старая система была бы восстановлена, то это, конечно, возымело бы далеко идущие последствия. Тогда тоже можно было бы благословлять судьбу за то, что ты родился немцем. Но от больших надежд на будущее Германии пришлось бы окончательно отказаться *вне зависимости от того*, как будет выглядеть мирное соглашение». – Цит. по: Вебер, Макс. Парламент и правительство в новой Германии. К политической критике чиновничества и партийной жизни... – С. 64-65.

⁶⁴⁸ Как пишет один из исследователей, «Отто фон Бисмарк... был, как и любой другой юнкер, полон решимости сохранить старую добрую монархическую Пруссию. Добиваясь поставленной цели, он не останавливался ни перед чем, но при этом хорошо понимал, что противостоять либеральному национализму бессмысленно, куда лучше направить его в нужное русло...». О его политических амбициях говорит очень многое, чего он не скрывал от своего окружения. Так, в одном из писем он, в частности, отмечал: «Вскоре мне придется взять на себя руководство политикой Пруссии... Как только армия будет приведена в надлежащее состояние и начнет внушать уважение, я использую первый же повод, чтобы объявить войну Австрии, распустить Германский союз, подчинить своему влиянию мелкие государства и создать единую Германию под главенством Пруссии...». Комментируя данный фрагмент, цитируемый историк констатирует, характеризуя «железного канцлера» и его намерения: «Ключевые слова здесь – «под главенством Пруссии». Бисмарк планировал обеспечить национальное единство Германии, но при этом превратить ее в прусский доминион. Немцы, по его мнению, так истосковались по единству, что при умелой подаче и не заметят, что на самом деле к власти пришла монархическая Пруссия...». – Цит. по: Хоус Дж. Краткая история Германии... – С. 123-124.

⁶⁴⁹ Найти «общий знаменатель» между представителями академической науки и рядом профессиональных политиков было достаточно проблематично, что не могло не отразиться на теории конституционного права. По справедливому замечанию немецкого государствоведа Михаэля Штолляйса, «... действующие в 1919 году специалисты по публичному праву мыслили государственно-правовыми категориями конституционной монархии. Более молодой диссидентской группы, которая целиком сделала бы ставку на парламентскую демократию, до 1914 года не было даже в зародыше. Университетская профессура, за редким исключением, находилась в плену традиционных категорий общего государственного права, существовавшего до 1866 года, а также конституционного права Северогерманского союза и Имперской конституции 1871 года. В то же время куда менее однородная картина наблюдалась в среде неакадемических юристов, которые занимались в Национальном собрании и парламентах земель практической конституционной работой... Как и прежние поворотные моменты конституционной истории..., научный анализ государственного права выполнял своего рода «функцию моста». Однако на этот раз трактовка общего учения о государстве имела более ограниченный характер, – подчеркивает известный современный исследователь права, – поскольку данная теоретическая конструкция в изменившейся ситуации могла предложить лишь «проверенный» временем государственно-правовой арсенал терминов: *дуализм между монархом и народным представительством возродился теперь в*

Не менее жестко обсуждался вопрос территориального устройства, так как никто не хотел повторения ситуации, при которой Пруссия доминировала во всех сферах отношений, за исключением хозяйственно-экономических, не позволяя ни одному другому «субъекту» занять аналогичные позиции, даже в тех областях, где речь могла идти о функциях совместного характера. Трудно понять, в чем причины того, что в таком конгломерате, каким в течение почти пятидесяти лет существовала «империя немецких народов», в итоге так и *не сложились устойчивые традиции федерализма*, вследствие чего, при первой же возможности «союз» начал давать трещины и разваливаться буквально на глазах: если бы революцию в Баварии не утопили в крови, вслед за ней могли инициировать «сецессию» и другие «составные элементы» сложносоставного государства. Процесс формирования германской нации переживал наиболее проблемный период (еще относительно недавно «пруссак» не всегда и не во всем понимал «саксонца», а тот, в свою очередь, «голштейнца», «ганноверца» или «вюртембергца», так как они говорили на совершенно разных диалектах), поэтому вопрос о государственном устройстве занимал если не приоритетное место среди дискутируемых в обществе «проблем», то как минимум одно из основных, наряду с такими, как разделение властей и механизмы «сдержек и противовесов». Нельзя сказать, что федерализм воспринимался в штыки, тем не менее дилемма между *децентрализацией* и *централизацией* институтов публичной власти носила не только теоретический, но и практический смысл, неизбежно выходя за рамки «кабинетных» научных концепций.

Несмотря на имевшиеся противоречия, конституция была подготовлена и принята, став важной вехой на пути демократизации политической системы и

дуализме отношений между рейхспрезидентом и рейхстагом. Вопрос о федерации как государственной форме, как и о присущих правовому государству формах действия законодательной и исполнительной власти (формальный и материальный закон, постановление, административный акт, субъективные права публичного характера, основные права), решался также в ходе дискуссии... Специалисты по государственному и административному праву, в узком смысле не принадлежавшие к правящей элите кайзеровской империи, но близкие к ней по своему социальному облику и требованиям, смогли, таким образом, удостовериться, что продолжение работы в плане методики и основных государственно-правовых понятий – вполне допустимо. Это предполагало, что «государство» как юридическое лицо следует считать политически нейтральным институтом, связанным с общественным благом, а парламентскую демократию вместе с партийной системой отодвинуть в сторону как малозначительные побочные явления...». – Цит. по: *Штолляйс М.* История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм... – С. 111-112.

формирования гражданского общества. Тем не менее, наличие качественно иного по сравнению с предыдущим историческим периодом учредительного акта не смогло уберечь Германию от тех процессов, квалификация которых не коррелируется наиболее адекватным образом ни с каким другим социальным явлением, кроме *крайнего национализма*, институализированного – *de jure*⁶⁵⁰ и *de facto* – в качестве одной из форм тоталитарного режима. Парадокс состоит в том (в чем и проявляются «издержки» правового государства), что национал-социалистическая партия не узурпировала законодательную власть, как кому-то может показаться на первый взгляд, а получила большинство в парламенте *легитимным образом*, в результате чего ее руководитель позднее занял пост канцлера и возглавил правительство. Перед нами не что иное, как *буквальное следование процедуре*, благодаря которой всю полноту власти в одних руках сконцентрировала партия, ставившая во главу угла идеологию этнического, со

⁶⁵⁰ Согласно статье 41, президент империи «... избирается всем германским народом. Избран может быть каждый немец, которому исполнилось 35 лет... Президент империи избирается на 7 лет (срок определялся в статье 43 основного закона. – Э.Е.). Переизбрание допускается. До истечения срока президент империи может быть смещен народным голосованием по предложению рейхстага. Для постановления рейхстага об этом требуется большинство – 2/3 голосов...». – Об этом см.: Конституция Германской империи (Веймарская) 11 августа 1919 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 253.

Исходя из указанной нормы протекал процесс избрания главы государства, где одним из кандидатов выступал, первоначально не имевший германского гражданства, Адольф Гитлер (для преодоления подобного «препятствия» была осуществлена следующая «махинация»: в самом конце февраля 1932 года видный член национал-социалистической партии министр внутренних дел земли Брауншвейг назначил австрийца атташе при представительстве в Берлине; именно при помощи столь «сомнительной» операции он автоматически становился гражданином Брауншвейга, следовательно, и Германии, поэтому получал право баллотироваться в депутаты или президенты рейха), с которым соперничал, в том числе, Гинденбург. Избирателей, отдавших свои голоса 13 марта 1932 года за него, «... оказалось на 0, 4 процента меньше необходимого абсолютного большинства (например, за Гинденбурга проголосовали 18 651 497 (49, 6 процента), за Гитлера – 11 339 446 (30, 1 процента), за Тельмана – 4 983 341 (13, 2 процента), за Дюстерберга – 2 557 729 (6, 8 процента) от общего числа голосов. – Э.Е.). Результаты выборов разочаровали обе стороны. Хотя старый президент и опередил нацистского демагога на семь с лишним миллионов голосов, – справедливо отмечает в своей монографии Уильям Ширер, – добиться абсолютного большинства он не сумел; требовалось повторное голосование, в результате которого избранным будет считаться кандидат, набравший относительное большинство голосов... За Гитлера было подано по сравнению с 1930 годом почти на пять миллионов голосов больше, но и это число было намного меньше, чем у Гинденбурга...». Повторное голосование (в результате которого голоса в целом распределились следующим образом: за Гинденбурга было отдано 19 359 983 (53, 0 процента), за Гитлера – 13 418 547 (36, 8 процента), за Тельмана – 3 706 759 (10, 2 процента) голосов избирателей) состоялось 10 апреля 1932 года, однако, «... несмотря на то, что Гитлер получил дополнительно два миллиона голосов, а Гинденбург только миллион, было ясно, что на стороне президента абсолютное большинство. Таким образом, более половины населения Германии подтвердило свою веру в демократическую республику; народ решительно отверг как правых, так и левых. Или так ему казалось...». – Цит. по: Ширер, Уильям. Взлет и падение Третьего рейха... – С. 188, 189, 190. Вывод – «или так ему казалось» – принципиальный.

всеми вытекающими последствиями, превосходства «арийской расы» над так называемыми «неполноценными народами»⁶⁵¹.

После прихода к власти национал-социалистической партии уже с самых первых дней ее правления (непродолжительного по времени, но, несмотря на это, вместившего преобразования, *беспрецедентные* по масштабам и уровню «новелл») наметились тенденции, без всякого преувеличения, существенной, по многим параметрам фундаментальной трансформации всей политической системы⁶⁵², актуализированной Конституцией Германской империи, основной целью которых являлся – под знаменем «народного суверенитета» – демонтаж парламентской республики⁶⁵³ и ее базовых структурообразующих элементов, с

⁶⁵¹ Как подчеркивает выдающийся британский ученый Джек Гуди, «современная демократия предполагает значительное количество проблем даже для демократов. Гитлер был избран немецким народом и затем превратил свой режим в диктатуру...». – Цит. по: *Гуди Джек. Похищение истории...* – С. 341.

Пытаясь понять причины соответствующих тенденций, присущих европейским государствам после Первой мировой войны, англо-британские историки констатируют: «... Следует провести различие между двумя отдельными явлениями, наблюдавшимися на протяжении двадцати лет после 1918 года. Одно из них выражалось в появлении (даже в благополучных демократических государствах, таких как Великобритания и Франция) идеологов и активистов, рассуждавших на языке новой, радикальной политики с акцентом на идеализме, силе воли и жертвенности. Они надеялись восстановить общество и государство на новых принципах, где не оставалось места признанию узаконенных прав или уступкам материализму. Данное явление, притом, что получило широкое распространение, восторжествовало только в двух основных государствах – в Италии и Германии. Источниками его успеха называют экономический крах, ярый национализм и ненависть к марксизму, хотя именно в Германии это произошло после 1933 года. Название этому явлению – «фашизм». В остальных странах, причем обычно располагающих слабо развитой системой хозяйствования, находим больше оснований для разговора об авторитарных, а не фашистских режимах. Речь идет в основном о Восточной Европе. Там проблемы представляло многочисленное сельское население, а усугубляло их волюнтаристское послевоенное территориальное урегулирование. Иногда угрозу государству могли представлять активисты враждебно настроенных национальных меньшинств. Либеральные атрибуты во многих новых странах насаждались самым беззастенчивым образом, поэтому приживались они с трудом, зато авторитетом *практически непререкаемых* пользовались традиционные общественные и духовные учреждения. Подобно Латинской Америке... их внешне вроде бы конституционная система правления рано или поздно фактически подменялась диктатом сильных личностей и военнотружеников. Подтверждение такой тенденции поступило до 1939 года из новых стран Прибалтики, Польши и всех государств, образовавшихся на территории двуединой монархии, кроме Чехословакии, где удалось внедрить настоящую демократию, причем единственную в Центральной Европе или на Балканах... Провалы демократии (что необходимо, судя по всему, рассматривать достаточно закономерным явлением. – Э.Е.) между двумя мировыми войнами следовали друг за другом...». – Цит. по: *Робертс Дж.М., Уэстэд О.А. Мировая история...* – С. 955-956.

⁶⁵² Например, читаем в законе о переустройстве империи от 30 января 1934 года: «Народное голосование и выборы в рейхстаг 1 ноября 1933 года доказали, что германский народ, вопреки всяким внутривластным границам и противоречиям, слился в единое и внутренне нерасторжимое целое. Рейхстаг единогласно принял поэтому следующий закон, который обнародуется здесь с единодушного одобрения рейхстага, причем устанавливается, что требования законодательства об изменении Конституции исполнены. Статья 1. Народные представительства областей упраздняются. Статья 2. 1) Права верховенства областей переходят к империи. 2) Правительства земель подчиняются имперскому правительству. Статья 3. Имперские наместники в землях подлежат должностному надзору имперского министра внутренних дел. Статья 4. Имперское правительство может создавать новое конституционное право...». – Об этом см.: Закон о переустройстве империи 30 января 1934 года // *Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран...* – С. 264-265.

⁶⁵³ Согласно закону от 14 февраля 1934 года в Германии упразднялись парламент и разделение властей: «... Рейхстаг ликвидируется... Участие рейхстага в установлении законов и в управлении прекращается... Участие уполномоченных рейхстага в корпорациях, судах и органах всякого рода прекращается». – Об этом см.: Закон о

предельно возможным аккумулярованием функций гражданской и военной администрации в полномочиях высшего должностного лица – «фюрера»⁶⁵⁴.

При этом тоталитаризм и авторитаризм политической системы, *de jure* и *de facto* созданной в Германии, находились в состоянии *институциональной общественно-публичной конвергенции*, аналогов которой было трудно найти в истории государства и права, при наличии подобных режимов в некоторых западноевропейских странах, особенно учитывая тот факт, что *конституцию, как ни удивительно, никто не отменял, и она продолжала действовать* как своего рода «правовой фетиш» и олицетворение «народного суверенитета» (по

ликвидации рейхстага 14 февраля 1934 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 265.

⁶⁵⁴ Как предписывали нормы юридического акта от 1 августа 1934 года, «... должность президента империи объединяется с должностью рейхсканцлера. В силу этого установленные до сих пор правомочия президента империи переходят к вождю (фюреру) и рейхсканцлеру – Адольфу Гитлеру. Он назначает своего заместителя... Этот закон вступает в силу с момента кончины президента империи фон Гинденбурга». – Об этом см.: Закон о верховном главе Германской империи 1 августа 1934 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 265.

Говоря о ликвидации системы разделения властей, нельзя не процитировать несколько фрагментов из закона (на тот момент национальный парламент пока еще существовал), принятого 24 марта 1933 года. В частности, читаем: «Статья 1. Государственные законы могут помимо порядка, установленного Конституцией (отдел пятый основного закона. – Э.Е.), издаваться также имперским правительством <...>. Статья 2. Законы, принятые имперским правительством, могут уклоняться от имперской Конституции, если они имеют предметом устройство рейхстага и рейхсрата. Права президента империи остаются неприкосновенными. Статья 3. Законы, принятые имперским правительством, облакаются в надлежащую форму рейхсканцлером и публикуются в собрании имперских законов. Они вступают в силу, если в них не указано иного, на следующий день после публикации. Статьи 68 – 77 имперской Конституции (они регламентировали процесс законотворчества. – Э.Е.) не имеют никакого применения к законам, принятым имперским правительством». – Об этом см.: Закон в целях устранения бедствий народа и государства 24 марта 1933 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 264.

Не менее знаковым стал документ, датированный 14 июля 1933 года, отменявший в данной стране ни много ни мало как многопартийность в виде одного из важнейших институтов гражданского общества: «... В Германии существует в качестве единственной политической партии Национал-социалистическая германская рабочая партия... Если кто-либо будет принимать меры к поддержанию организационной структуры какой-либо другой политической партии или к созданию новой политической партии, тот наказывается – поскольку это дело не облагается более высоким наказанием по другим предписаниям – смирительным домом до 3 лет или тюрьмой от 6 месяцев до 3 лет...». – Об этом см.: Закон против образования новых партий 14 июля 1933 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 266.

В развитие положений предшествующего акта принимается закон об инкорпорировании партийных органов в действующую систему государственной власти: «... После победы национал-социалистической революции Национал-социалистическая германская рабочая партия является носителем германской государственной мысли и неразрывно связана с государством... Она является корпорацией публичного права. Ее устав утверждается вождем (фюрером). На членов Национал-социалистической германской рабочей партии и штурмовых отрядов (включая подчиненные им деления) в качестве ведущей и движущей силы национал-социалистического государства возлагаются повышенные обязанности в отношении вождя, народа и государства... За нарушение своих обязанностей они подлежат особой партийной подсудности <...>... Нарушением признается всякое действие или упущение, которое затрагивает состав, организацию, деятельность или значение Национал-социалистической германской рабочей партии, а в особенности всякое нарушение дисциплины и порядка... Кроме иных обычных должностных наказаний могут быть установлены арест и заключение...». – Об этом см.: Закон об обеспечении единства партии и государства 1 декабря 1933 года (с изменениями по закону 8 июля 1934 года) //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 266-267.

крайней мере, с формальной точки зрения не был издан специальный акт об ее упразднении!). Но после ликвидации парламента и системы разделения властей учредительный документ, принятый в Веймаре, было проблематично, если ни абсурдно, оценивать в качестве легитимного основного закона⁶⁵⁵.

Получается довольно странная картина, вызванная диссонансом между «желаемым» (конституционно-правовыми декларациями и нормами-целями о республиканской форме правления, разделении властей, территориальном устройстве, правах и свободах человека) и «действительностью» (всем тем, с чем ассоциировался политический режим, установленный после завоевания национал-социалистами власти), так как, *не отменив учредительный акт*, с формальной точки зрения, обладающий высшей юридической силой, никто, тем не менее, *не собирался его исполнять и применять на практике* с учетом того, что он противоречил «тенденциям», актуализированным партией, и тем новым документам, в которых было отражено коллективное мировоззрение функционеров, правящих элит, переживших «синдром унижения», и стоявших на «сопоставимых» идеологических позициях широких слоев населения. Речь идет о ситуации, при которой действие основного закона «замораживалось» на неопределенный срок, притом, что официально об этом не объявлялось, и он как

⁶⁵⁵ Об этом обстоятельстве пишет один из немецких государствоведов: «... Отмена основных прав граждан после поджога Рейхстага и изменение закона о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству от 24 марта 1933 года удалили из первой и второй частей Веймарской конституции (напомним, что первая часть регламентировала устройство и задачи империи, а вторая – основные права и обязанности граждан. – Э.Е.) важнейшие моменты. Все прежние изощренные рассуждения о соотношении обеих частей конституции вмиг утратили актуальность... Гарантированная правом дистанция между государством и гражданином оказалась упразднена, как и сам парламентаризм. С момента выборов 5 марта 1933 года, запрета партий и возвышения НСДАП до уровня правящей партии рейхстаг стал исключительно органом аккламации, ослабленным к тому же возможностью напрямую призвать к ней народ. Быстро демонтировались и остальные несущие элементы конституции. Законы об унификации земель и ликвидация рейхсрата положили конец федерализму. Посты канцлера и президента после смерти Гинденбурга слились воедино – в «государстве фюрера» прежний дуализм утратил смысл. Социал-дарвинистское и милитаристское «фюрерство», а также культ бессвязного действия и «спасительного деяния» были принципиально враждебны норме и полны недоверия к дистанцирующим и защитным формам. Таким образом, – делает вывод цитируемый известный современный ученый, – возникла диктатура с открытыми структурами, которые могли быть в любой момент устранены. Гитлер инстинктивно отвергал ограничения собственной свободы действий со стороны конституционного права или «юристов»; он не хотел «конституции» по тем же причинам, по которым отклонил изменение якобы нерушимой партийной программы. На руинах *формально все еще сохранявшей силу* Веймарской конституции теперь возвышалось государство, сохранявшее внешне традиционную организацию до тех пор, пока та не создавала помех. Однако ее формы действия, некогда служившие атрибутом упорядоченной власти, постепенно приходили в упадок...». – Цит. по: *Штолляйс М.* История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм... – С. 473-474.

бы «продолжал существовать» в правовом пространстве наряду с теми актами, посредством которых регламентировался процесс государственного и военного строительства. О том, что конституция не была отправлена в «архив» свидетельствует одно принципиально важное обстоятельство: в партийном и публичном аппарате *не стоял вопрос о подготовке* какого-нибудь проекта, с которым в перспективе мог быть связан процесс «замены» республиканского буржуазно-демократического основного закона на конституционно-правовой акт, условно говоря, «тоталитарно-авторитарного» типа, как представляется, *суррогатного* по своему характеру, стилистике и содержанию⁶⁵⁶.

«Уникальность» опыта, использовавшегося национал-социалистами для организации публичной власти и институтов «надстройки» в целом, состоит в том, что *регламентация полномочий бюрократии* при явном отсутствии того, что традиционно принято считать системой разделения властей, при которой за каждой из «ветвей» закреплены соответствующие функции и компетенция, осуществлялась не актами законодательного характера, а документами, хотя и именовавшимися «законами», но *никак не связанными с парламентом*, его структурами и процедурами, так как нормотворчество концентрировалось – в рамках органов и учреждений, ассоциируемых с исполнительной вертикалью.

⁶⁵⁶ На столь примечательный факт обращают внимание и многие государствоведы: «... Поскольку Веймарская конституция с момента заявлений на Лейпцигском съезде юристов в октябре 1933 года *больше не могла восприниматься как действующая*, а новая конституция в формальном смысле не появилась, толкователи первое время помогали себе тем, что рассматривали закон о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству как «временный конституционный закон новой Германии». Позднее, – констатирует немецкий ученый, – когда надежды на принятие конституции окончательно угасли, конституцией объявили «неписанный политический общественный строй империи» и использовали важнейшие законы, возведенные в ранг «Основных законов» в доказательство стоящей за ними совокупной системы. Так, закон о строительстве вермахта от 16 марта 1935 года и закон о воинской повинности от 21 мая 1935 года позволили подготовить «военную конституцию». Однако о системе, совершенно очевидно, речь не шла, и все покоилось на шатком фундаменте. Упорядоченной отмены прежних законов не последовало, поэтому приходилось говорить об их «безмолвной отмене». Существующие институты также утратили легитимность, которую черпали из прежней конституционной задачи. Сохранившись как фасады, они расходовали значительную часть своих сил на споры о подведомственности. В любой момент «фюрер» мог их упразднить... Примерно с 1935 года *вопрос о конституции был фактически снят с повестки дня*... В качестве единственного «позитивно действующего основного закона современного государства» силу теперь имел «безусловный приоритет политического руководства». Чем больше решений концентрировалось на диктаторе или делегировалось им – в обход ответственных инстанций – уполномоченным, источником компетенций которых выступали исключительно традиционные ведомства, тем меньше было «конституировано» государство. Характерная для деятельности правительства в военное время смесь из хаоса компетенций, апатии и добросовестных усилий, направленных на то, чтобы выстоять, являлась не обусловленным войной отклонением, а следствием начавшегося 28 февраля 1933 года разрушения Веймарской конституции». – Цит. по: Штолляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм... – С. 475-477.

Другими словами, авторитаризм проявлялся в механизмах, напоминавших, в той или иной степени, собой абсолютную монархию предшествующих стадий исторического развития, когда в руках главы государства были сосредоточены прерогативы, формально-юридически и фактически *не ограниченные ничем и никем*, в том числе народом как «источником» и «носителем» суверенитета. Но в отличие от своих средневековых аналогов, «фюрер», помимо публичной, контролировал и партийную сферу взаимодействия общества и государства, в связи с чем его власть распространялась на такие области, о которых монарх, даже совмещая светский и церковный статус, не говоря уже о президентах или председателях правительства, мог всего лишь мечтать. По существу Германия вернулась на несколько веков назад в эпоху средневековья, но на качественно ином уровне политических отношений, в центре которых *стояла партия и ее вождь*, не признававшие буржуазной демократии в общепринятом значении, олицетворявшие собой квинтэссенцию отторжения любых проявлений, форм, специфических черт и особенностей либерального «народовластия»⁶⁵⁷.

⁶⁵⁷ Как ни странно, но приход к власти национал-социалистов был обусловлен проблемами, связанными (в большей либо меньшей степени) с фиктивным характером так называемой «единой Германии», созданной в свое время Отто фон Бисмарком: «... Не помешает повторить еще раз, – отмечает Джеймс Хоус, – что, если вы хотите узнать, стал ли тот или иной немец сторонником Гитлера, нет смысла выяснять, богат он или беден, образован или неграмотен, горожанин или сельский житель, мужчина или женщина. Достаточно спросить, католик он или протестант. Вот почему прусский миф об объединении Германии в 1871 году не имеет ничего общего с реальностью. Католики и протестанты не были равномерно распределены по территории страны. Религия в Германии – это не только вопрос убеждений или личных предпочтений. Она тесно связана с вашим происхождением. Так что *понять причины успеха нацистов поможет лишь географическая карта*... Если на карту, на которой отмечено число голосов, полученных нацистами, нанести римский лимес и Эльбу, станет очевидно, что на территории Римской империи в границах 100 года практически нет земель, где нацисты преодолели 20%-й барьер, и есть регионы, где они не получили и 15% (вот вам и Бавария – родина нацистов). Если расширить зону интереса до границ империи Оттона I Великого в 940 году, добавив так называемую Среднюю Германию..., вы увидите, что кое-где нацисты добились серьезных успехов, однако остается немало мест, в которых они не получили (речь идет об избирательной кампании 1930 года. – Э.Е.) почти ничего. При этом в Ост-Эльбии уже в 1930 году находились избирательные округа, где им было отдано более 30% голосов. Именно жители этих земель обеспечили нацистам блестящие результаты в масштабе страны (число голосов с 2, 8% выросло до 18, 3%. – Э.Е.). Та же история повторилась два года спустя, в июле 1932 года, когда нацисты получили максимум голосов на свободных выборах и стали самой крупной партией в рейхстаге (хотя и не получили абсолютного большинства). В июле 1932 года почти во всех избирательных округах Ост-Эльбии Гитлер получил более 40% голосов, при этом значительная часть региона отдала за него свыше 50% голосов. Если наложить эти результаты на конфессиональную карту, мы увидим, что там, где проживали католики, наблюдается совсем другая картина... Во многих регионах (имеются в виду выборы 5 марта 1933 года. – Э.Е.), ограниченных римским лимесом 100 года, Гитлер даже на этот раз не преодолел 35%-й барьер. В среднем на этой территории он получил менее 40% голосов. Несмотря на поддержку государственного аппарата, благословение Гинденбурга, попытки запугать население и кампанию, Гитлер не сумел покорить юг и запад Германии. Он получил большинство голосов лишь в двух избирательных округах в пределах империи Оттона I Великого в 940 году (в Восточном Ганновере и Хемниц-Цвиккау), и оба они находятся у восточной границы, на западном берегу Эльбы... Кто же уничтожил демократию? Если бы вся Германия в 1928 – 1933 годах голосовала, как Рейнланд, Швабия и Бавария, Гитлер *не стал бы рейхсканцлером и не смог установить диктатуру*. Избиратели Ост-Эльбии

Какие же «уроки» необходимо извлечь из конституционно-правового и электорального *абсурда*, что имел место в Германии, не только испытавшей в полном объеме все «прелести» демократии, проиллюстрировавшей каких же высот они могут достигнуть при соответствующей интерпретации правящими элитами и стоящей за ними олигархической буржуазией, но и не сумевшей в нужный момент сделать выводы из сложившегося положения? Первое, что в данном случае следует признать, так это то, что демократия, какую бы форму или разновидность мы конкретно ни рассматривали, *не является «панацеей»* от всех бед, как ее нередко идентифицируют апологеты, так как представляет собой *достаточно несовершенный механизм* взаимодействия государства и общества, не приспособленный к тому, чтобы адекватным для каждого случая образом противостоять попыткам возвести в абсолют концепции и взгляды, в целом навязывающие антигуманные, противоестественные человеку модели поведения, формирующие мировоззренческие стереотипы, несущие в себе во многом извращенное понимание народовластия и его институтов. Процедура, какой бы демократической она ни казалась, *не должна подменять* собой дух и собственно смысл конституционной нормы, согласно которой «источником» и «носителем» власти провозглашается народ. Проблема – именно в этом.

В принципе, вполне достойным «примером для подражания» на такого рода историческом фоне может служить Соединенное Королевство, хотя и *не форсировавшее процесс* либерализации отдельных прав и свобод человека и демократизации политической системы, на протяжении нескольких столетий олицетворяемой монархической формой правления, тем не менее, шедшее в «авангарде» с теми государствами, правящие элиты и господствующие классы которых, стараясь не нагнетать обстановки внутри функционирующей модели взаимодействия общества, граждан и властных институтов, пытались достичь компромисса, выгодного заинтересованным сторонам, в том числе всем тем

помогли ему сделать рывок в 1930 году и закрепить свой успех в 1933 году. Все очень просто: если бы не Ост-Эльбия, не было бы фюрера...». – Цит. по: Хоус Дж. Краткая история Германии... – С. 190-191, 193-194, 195. Как же это – в целом и в деталях – похоже на современную Украину!

«субъектам» конституционно-правовых отношений, кто регулярно испытывал на себе прямое либо опосредованное влияние ограничительных механизмов. В определенной степени, говоря об *англосаксонской* традиции, мы, вероятно, не погрешим против истины, если выскажем одно предположение: обладая широкой сетью колоний, доминионов и подмандатных территорий, какой бы из регионов мы не взяли в качестве иллюстрации, метрополия, наученная тем, что произошло в ее североамериканских «заморских территориях», ставших в итоге Соединенными Штатами, могла в «спокойном режиме» апробировать и лишь затем внедрять в масштабах Туманного Альбиона наиболее успешные и прогрессивные практики (как, в частности, произошло с той же всеобщностью избирательных прав, первоначально реализованной в Новой Зеландии и ряде штатов Австралии) публичных отношений. Соединенное Королевство, и это не секрет, представляя собой одну из крупнейших колониальных империй своего времени, *не несла* «подконтрольным народам» *демократию*, чтобы по этому поводу не утверждали «кабинетные» ученые и профессиональные политики, стремившиеся обосновать «бремя белого человека», со всеми вытекающими из этого негативными последствиями или «эксцессами исполнения». Во всех случаях доминантой являлись национальные интересы, прикрываемые ничем иным, как лицемерной *демагогией о благе народа*, его правах и свободах⁶⁵⁸.

⁶⁵⁸ Критически характеризуя колониальный период, профессор Калифорнийского университета Майкл Манн пишет, акцентируя внимание на некоторых специфических деталях: «... Это была первая стадия современной глобализации, но она принесла с собой лишь очень ограниченную интеграцию. Уникальной чертой этой эпохи империализма было существование множества соперничающих империй... Каждая представляла собой особый глобальный фрагмент, передовой фронт *раздробленной глобализации*. Это также порождало расовый раскол в процессе попыток империалистов осмыслить свое очевидное силовое превосходство. Хотя капиталистические рынки, производственные цепи и идеологии из всех сил пытались транснационально прорваться через политические границы, не существовало единого глобального рынка... Большая часть повседневной жизни небелых жителей колоний оставалась неизменной под действием империализма, потому что его распространение было довольно поверхностным. Большинство колонизированных народов в XIX веке видели властвующую элиту столь же редко, сколь и жители средневековой Европы. Империи были экстенсивными, но не интенсивными...».

С учетом указанного замечания нельзя не согласиться со следующей мыслью североамериканского исследователя: «... Тем не менее империи редко доминировали в политике метрополии. Колонии оставались второстепенным вопросом для Вестминстера. Ведущие политики избегали колониальных постов, как того, что могло испортить им карьеру, и во время дебатов об империи зал палаты общин всегда пустовал. Империалисты – разнородная группа лиц с заморскими деловыми интересами, авантюристов, миссионеров и прочих идеологов – хотели больше ресурсов, чем были готовы выделить политики. Правители Британии задавали реалистичные вопросы: насколько дорого обойдется экспансия и будет ли она того стоить? Этими вопросами предписывалась осторожность и относительная мягкость правления после того, как завоевания были совершены... Как и в большинстве империй, миссионерские заявления звучали все отчетливее по мере того, как империи консолидировались, поскольку они придавали экспансии высокий моральный облик. Мало кто хочет считать себя

Англо-британское общество первой четверти XX века, в основной массе представляя собой крайне консервативную структуру, отражением которой во многом воспринимались парламентские традиции и процедуры, доведенные до совершенства (начиная с приветственной речи действующего монарха при открытии очередной сессии, сорта шерсти парика спикера, строгого запрета на нахождение в зале заседаний грудных детей, собак и вооруженных людей и заканчивая сафьяновым «портфелем», на котором должны сидеть премьер-министр либо лорд-казначей на протяжении стадий внесения, обсуждения и утверждения бюджета), педантично соблюдаемые, невзирая ни на что, всеми без исключения членами палаты, *было*, тем не менее, *готово* к радикальным изменениям статуса тех категорий подданных, которые все еще продолжали оставаться пораженными в правах, рассматриваясь людьми «второго» сорта. Но даже в такой обстановке, зная отношение к проблеме среди широких слоев населения, правящие элиты не спешили предоставить женщинам идентичные с мужчинами избирательные права, *сохраняя возрастной и имущественный цензы* в отношении представительниц «слабого пола»⁶⁵⁹.

просто грабителем. Это была *миссия* «привнесения цивилизации», *которая имела расовый уклон*, потому что осуществлялась «англосаксонской расой», распространяющей «торговлю, цивилизацию и христианство» – эквиваленты свободы в XIX веке. Насилие было неизбежным, утверждали они, поскольку местные жители находились в состоянии «бесконечной войны» друг с другом и не были способны обеспечить порядок. Хотя авантюристов волновали только прибыли (это пишет американец. – Э.Е.), государство вмешивалось также по стратегическим причинам, если соперничающие империи возникали на горизонте, вне зависимости от шансов на прибыль... Мотивация становилась все более смешанной... С 1871 по 1914 год Британия участвовала примерно в 30 колониальных войнах... В эти годы британцы, французы и голландцы, вместе взятые, сражались по меньшей мере в 100 колониальных войнах. В одной только Кении британцы участвовали в одной битве в год на протяжении 21 года... Европейские потери в колониальных войнах составили 280 – 300 тысяч человек; покоренные народы потеряли 50 – 60 миллионов человек, из которых 90% (геноцид. – Э.Е.) составляли мирные жители... Это опровергает *теорию демократического мира*, предполагающую, что демократии не воюют друг с другом. Большинство коренных народов управлялись путем *прямой демократии*, когда сообщество участвует в принятии решений о войне и мире и мужчины не воюют против своей воли. Поскольку Британия, Франция и Голландия были *представительными демократиями* (только для мужчин), демократии сражались друг с другом с завидной регулярностью...».

Не менее важен, принципиален и конструктивен авторский вывод: «... Британии повезло начать свою экспансию в тот момент всемирно-исторического времени, когда на европейском континенте сложилось выгодное для нее соотношение сил и имели место стагнация или упадок основных государств в остальном мире. Сплоченность элит, институционализированная королем в парламенте (результат иной причинно-следственной цепи), означала, что они могли разработать эффективную политику для использования такого стечения обстоятельств...». – Цит. по: *Манн, Майкл*. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890 – 1945 годы... – С. 32-33, 40, 50, 52, 53.

⁶⁵⁹ Например, статья 1 «Акта о народном представительстве» 1918 года (напомним, что до этого действовали правовые нормы, закрепленные в парламентском документе с аналогичным названием 1884 года, *вообще не предоставлявшие женщинам никаких избирательных прав*) однозначно декларирует: «... 1). Мужчина будет иметь право зарегистрироваться в качестве избирателя при выборах в парламент (за исключением университетского округа), если он *достиг совершеннолетия*, не ограничен в правах и а) имеет требуемую

Можно весьма вариативно, вплоть до восторженных оценок, относиться к гипотетической «родине» современного парламентаризма, совместившего в рамках бикамерализма либеральные и сословные элементы, *однако лишь с большой степенью условности и исторического оптимизма* допустимо, при всей парадоксальности обобщений подобного рода, говорить о политической системе, сложившейся в Соединенном Королевстве, как о демократической, особенно в контексте того существенного обстоятельства, что *женщины*, а до этого некоторые категории дееспособного мужского населения, отвечавшие необходимым требованиям⁶⁶⁰, *получили избирательные права только через семь веков* после инициирования созыва первого представительного органа. Поэтому не будет преувеличением с нашей стороны, если мы констатируем в целом ущербный, дискриминационный характер «модели», действующей – и служившей для других неким «эталонном» – весьма продолжительное время в масштабах территории Туманного Альбиона, ряда колоний и доминионов. Ни о каком народовластии в форме непосредственной демократии речь в таком случае *не идет в принципе*. Ситуация во многом усугублялась имущественной дифференциацией и социальной стратификацией, при которых пораженные в правах женщины, невзирая на общественное положение, *воспринимались* не кем

оседлость; или б) имеет требуемое помещение для деловых занятий. 2) Имеет требуемую оседлость или деловые помещения в округе мужчина, который а) проживает в последний день квалификационного периода на территории округа или занимает там помещение для деловых занятий; и б) проживал в округе весь квалификационный период или занимал там помещение для деловых занятий <...>; в) выражение «помещение для деловых занятий» <...> означает землю или помещение, за которое платят не менее 10 фунтов стерлингов в год, занимаемое лицом в целях деловых или профессиональных...».

Гендерный принцип (в данном случае можно говорить об ограничении в праве на получение такой социальной услуги, как высшее образование) отражен также и в статье 2: «... Мужчина будет иметь право зарегистрироваться в качестве избирателя при выборах в парламент от университетского округа, *если он достиг совершеннолетия*, не ограничен в правах и получил степень (за исключением почетной) в университете, составляющем избирательный округ или часть такового <...>...».

В свою очередь, статья 4 акта закрепляет: «... 1). Женщина будет иметь право зарегистрироваться в качестве избирателя при выборах в парламент, <...> если она: а) *достигла 30 лет*; и б) не ограничена в правах, и в) <...> *занимает в округе землю или помещение для деловых занятий*, приносящее не менее 5 фунтов стерлингов дохода, или жилой дом, или состоит в браке с лицом, которое может быть зарегистрировано на этом основании (занимает дом или помещение для деловых занятий)...». – Об этом см.: Акт о народном представительстве 1918 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 216-217.

⁶⁶⁰ Напомним (так как об этом мы подробно говорили в предыдущей главе настоящего исследования), что до реформы 1832 года избирательным правом обладали всего лишь 4,4% *белого мужского населения* страны старше двадцатилетнего возраста. Другими словами, *подавляющая часть подданных* не была наделена ни *de jure*, ни *de facto* правом участвовать в формировании нижней палаты парламента, как и представительных органов самоуправления, не говоря о должностях, предназначавшихся исключительно аристократии.

иными, как *неполноценными подданными*, предназначенными в целом для ведения домашнего хозяйства, воспитания детей и благотворительности. К политической деятельности они не имели никакого, даже опосредованного, отношения: их права «реализовывали» отцы, мужья, братья и сыновья.

Естественно, назвать страну, *где по существу впервые появился аналог парламента* в его современном значении – как института представительной и законодательной ветви государственной власти, *не отвечающей критериям*, дифференцирующим политические системы в качестве демократических или недемократических, вряд ли сможет компаративист, изучающий проблемы и специфику процесса государственного строительства того *сложносоставного* (включающего Англию, Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию, и при этом, как ни парадоксально на взгляд неискующего обывателя, *не являющегося* по форме территориального устройства *конфедерацией* или, на худой конец, *федерацией*), образования, которое известно под названием «Соединенное Королевство»⁶⁶¹. Тем не менее, нам, даже при желании, не избежать острых и в некоторых случаях исключительно критических, нелюбезных оценок той практики конституционно-правовых отношений, с которой – справедливо или нет другой вопрос – принято соотносить англосаксонскую традицию, ставшую со временем основой «западной» модели демократии. Более того, именно на Туманном Альбионе – параллельно с Германией и Соединенными Штатами – начинают *складываться предпосылки* будущего кризиса и самой либерально-буржуазной демократии, и «ценностей», провозглашаемых ее фундаментом. В этой связи не может не вызывать недоумения тот факт, что если в конце XIX – начале XX века они носили весьма консервативный характер, и подданные (в таком случае существовали дискриминационные механизмы в отношении не только женской, но и мужской части населения) нетрадиционной ориентации подвергались уголовному преследованию, то в новое тысячелетие монархия, не

⁶⁶¹ Поэтому волей-неволей возникает вопрос: почему, например, Российская Федерация (а до этого Советский Союз) во всех международных соревнованиях, несмотря на количество субъектов, представлена всего лишь одной командой, а Соединенное Королевство – несколькими? Это что: «дань» традиции или свидетельство, причем далеко неформальное и неединичное, того, кто «заказывает музыку» в международных, в частности, спортивных организациях? Вопрос, как в таких случаях говорится, риторический.

обращавшая внимание в период «первоначального накопления капитала» на права прикованных к ткацким станкам малолетних детей и подростков, ее многонациональные и многоконфессиональные подданные вступали уже под знаменем однополых браков, со всеми вытекающими последствиями, вплоть до усыновления, мультикультурализма, политкорректности и толерантности в виде приоритета прав и свобод тех, кто идентифицировал себя с каким-либо «меньшинством». Не исключено, что здесь правящие элиты *компенсировали* обществу соответствующие *издержки*, с которыми были связаны карательные действия власти предшествующих периодов, не совсем корректно «замаливая грехи», по мнению сторонников обычных семейных и гендерных связей⁶⁶².

Когда речь заходит о «парламентаризме» как форме представительной демократии, у отдельных авторов, особенно либерального толка, встречаются оценки хвалебного, некритического характера, вследствие чего складывается впечатление, исходя из которого процесс формирования нижней палаты, так как к верхней термин «выборы» вообще не применим, *de facto* преподносится без учета какого-то воздействия со стороны правящей элиты и ее ближайшего окружения (причем нет никакой разницы о ком с партийной точки зрения идет речь), в результате которого к власти приходят или сохраняют ее на очередной срок избранники народа, нередко ничего общего с последним не имеющими, тем

⁶⁶² Первая мировая война в этом случае стала своего рода «рубиконом», перейдя который власть о общество уже не могли вернуться назад, хотя еще долго сопротивлялись постмодернистским тенденциям, связанным с крушением консервативных ценностей и институтов. Исследователи предпочитают акцентировать внимание на период, наступивший после Второй мировой войны, однако, справедливости ради, нельзя игнорировать тех явлений в общественной жизни и публичных отношениях (весьма консервативных во многих аспектах), которыми характеризовались два десятилетия, предшествовавшие ее началу: «... Первая мировая война приобрела общенародный характер, вырвав из естественного окружения людей, многие из которых никогда прежде не покидали свои родные села и города, бросив их в места, где они столкнулись с незнакомыми обычаями и чужим языком. Мужчины сражались, защищая интересы Великобритании под руководством единого правительства, которому идея «тотальной войны» развязала руки, позволив превысить полномочия и ввести беспрецедентные налоги, воинскую повинность, цензуру по всей стране. Война... сблизил граждан и власть, что нашло отражение в расширении контингента избирателей. В 1918 году все мужчины, которым исполнился 21 год, и женщины, достигшие 30 лет, получили право голоса. Так Ллойд Джордж выразил свою признательность прекрасному полу за их вклад (неужели, если бы не случилось войны и ее многочисленных рецидивов, то женщины могли и дальше быть ограничены в правах, как например, во Франции, Италии или Швейцарии, где это произошло значительно позднее? – Э.Е.) в экономику во время войны. Женщины стали гораздо более независимыми, сами зарабатывали себе на жизнь и принимали участие в политике. Народ, который на протяжении всей своей истории зависел от вождей, определявших, жить ли ему в мире или вести войну, наконец смог принимать такие решения самостоятельно...». – Цит. по: *Дженкинс С.* Краткая история Англии... – С. 307. Итогом женской эмансипации стало движение суфражисток, *de facto* изменившее страну.

не менее, *осуществляющими достаточно широкий спектр полномочий*, с которыми ассоциируется конкретный публичный институт, учреждение или орган. Какой бы «демократической» ни была организация, важнейшей целью которой является борьба за власть, *нельзя исключать* того, что в «арсенале» средств и методов, используемых для достижения необходимого результата, есть такие инструменты, как «административный ресурс», фальсификация или подтасовка количества бюллетеней, подкуп избирателей и оппонентов. Иначе говоря, «издержки» электоральных процедур в той или иной степени присущи любому государству, каким бы прогрессивным оно ни казалось. Соединенное Королевство в этом смысле нельзя считать каким-то исключением, более того, нередко случаи так называемых «партийных соглашений», от которых могут в целом зависеть результаты выборов и последующая расстановка сил внутри и вне парламентских институтов⁶⁶³.

Естественно, никто не отрицает тех «заслуг», с которыми ассоциируется парламентаризм англо-британского образца, в то же время компаративист не должен закрывать глаза на особенности и специфические черты, характерные и для его структуры, и для совмещения функций, присущих различным ветвям власти (когда члены верхней палаты, помимо законодательной, осуществляют и судебную деятельность, а нижней – *одновременно* с депутатским мандатом вправе занимать министерскую должность), и подвергающих сомнению один из основополагающих, системообразующих принципов либеральной модели демократии – деконцентрацию публичных полномочий, которым так гордятся,

⁶⁶³ Наглядным примером могут служить парламентские выборы 1918 года: «... Через месяц после перемирия (то есть в период до заключения «Версальского договора». – Э.Е.) Ллойд Джордж провел выборы, в которых впервые участвовали женщины. Он успешно использовал статус военного лидера и выступил за... коалицию с тори, чтобы ускорить восстановление страны. Приняв во внимание враждебное к себе отношение со стороны... почти половины либералов в парламенте, он тайно договорился с консерваторами, что они не будут выставлять свои кандидатуры на выборах, где баллотировались те кандидаты из партии либералов, которые поддерживали Ллойд Джорджа. Эти кандидаты имели заведомое преимущество, так как получили что-то вроде верительных грамот (оппоненты их стали язвительно-иронично именовать «купонами», поэтому парламентские выборы 1918 года вошли в политическую историю Соединенного Королевства не иначе, как под именем «купонные». – Э.Е.), подписанных Ллойд Джорджем и лидером консерваторов Эндрю Бонаром Лоу... Коалиция получила подавляющее большинство в парламенте, причем выигранные ею 478 мест принадлежали в основном консерваторам... С этого момента Либеральная партия навсегда утратила авторитет у рабочего класса. Его отныне представляла Лейбористская партия, от которой Ллойд Джордж отмахнулся как от «кучки экстремистов, пацифистов и большевиков». – Цит. по: *Дженкинс С.* Краткая история Англии... – С. 308-309.

постоянно ставя в пример государствам авторитарного и тоталитарного типа, ее апологеты и приверженцы из научного сообщества. В частности, о каком, с позволения сказать, разделении властей вообще может идти речь в ситуации, когда лицо, возглавляющее правительство (в широком смысле слова), в то же время является не кем иным, как «избранником народа», который не только аккумулирует в своих руках законодательные и исполнительные прерогативы, но и, возглавляя политическую организацию, идеологические, в итоге – имея возможность оказывать давление при принятии соответствующих *решений*, в первую очередь *необходимых партии* (вернее ее ядру и функционерам), а не электорату, особенно тем, кто придерживается другой точки зрения. Странно, но, навязывая, нередко осуществляя «бремя белого человека» и не выбирая в таких обстоятельствах средств и методов, «варварским» народам собственное представление о разделении властей и системе «сдержек и противовесов», у себя при этом *не замечают того*, что *de jure*, в силу тех же базовых критериев и «ценностей», нельзя квалифицировать в качестве «шаблона» или «примера для подражания», а следует привести в соответствие с «моделью», чаще всего воспринимаемой, справедливо или нет другой вопрос, не иначе, как вершина цивилизационного развития. Не исключено, что здесь надо искать «причины» возникновения предпосылок *системно-институционального кризиса* конца XX – начала XXI века, поразившего крупнейшие либеральные демократии⁶⁶⁴.

⁶⁶⁴ Как ни парадоксально, но нечто подобное наблюдалось в Европе и в преддверии Первой мировой войны, что свидетельствует о своего рода цикличности исторического процесса. Например, известные французские исследователи, характеризуя сложившуюся ситуацию, отмечают, в частности, следующее: «... В ходе долгой борьбы в XIX веке между либеральными принципами, получившими популярность благодаря Французской революции, и принципами Старого порядка первые во многих отношениях взяли верх в Европе начала XX века, по меньшей мере теоретически... Однако политическая практика оставалась очень разной и создавала различия между европейскими государствами. Первое различие относится к форме режима: почти все европейские государства еще были монархиями. Среди великих держав только Франция была республикой. Даже если, как в Англии, власть короля была крайне ограниченной и вот-вот должна была стать (хотя совсем недавно, в период царствования Виктории, обстановка была несколько иной!? – Э.Е.) чисто символической, ориентация на монархический принцип была чревата последствиями (в том числе из-за нежелания монархий идти на радикальные реформы политической системы и расширения прав и свобод человека. – Э.Е.). Как в Германской империи, так и в Австро-Венгерской (во всяком случае в ее австрийской части) или в Российской империи воля монарха... оставалась определяющей. Другой вид различий был связан с тем, в какой мере в деятельности государства участвовали демократические начала (надо сказать, что в этом случае отдельные монархии, например, в Швеции, Норвегии, Нидерландах, Бельгии могли поспорить с другими странами об уровне того, что считалось тогда «демократией». – Э.Е.): Франция, Соединенное Королевство и Италия были режимами одновременно демократическими и представительными (неужели, это ни одно и то же и их что-то принципиальным образом отличает? – Э.Е.). Депутаты избирались всеобщим голосованием среди мужчин (в

Возможно, что о «разделении властей» с практической точки зрения нет вообще никакого смысла говорить, если отсутствуют механизмы «сдержек и противовесов», направленные на то, чтобы правящие элиты и перманентно (!) контролируемые их деятельностью господствующие классы, время от времени чередуя парламентские партии, не утрачивали концентрации всего того, что и при монархической, и при республиканской форме правления традиционно – причем как на «западе», так и «востоке» – именуют государственной властью. Может измениться название организации, фракция которой доминирует один созыв либо несколько в нижней палате, делегируя своих представителей для реализации принятых решений на уровень кабинета и важнейших отраслевых структур, однако практика *наглядно* и достаточно *отчетливо* показывает, что кардинальные изменения действующей парадигмы бывают как правило при радикальной деформации общественного строя, когда осуществляется ломка всего публичного аппарата. Но в случае «ребрендинга», как это произошло на этапе непродолжительной «замены» монархии республикой и последующего восстановления прежней формы правления, качественные трансформации *de facto* происходят – без участия правящих элит – чрезвычайно редко⁶⁶⁵.

Думается, что при желании и наличии политической воли, без «совета» с избирателями (референдум по «Brexit» показывает, как реагирует правящая элита на легитимные результаты, полученные при использовании в процессе

Италии – с 1912 года), хотя в Англии женщины – суфражистки – энергично протестовали против лишения их права голоса; правительства несли ответственность перед парламентом. Но во Франции отсутствие прочно установившегося большинства вело к перманентной нестабильности министерств, а в Италии... отсутствие настоящих политических групп позволяло ловкому политику очень долго находиться у власти, осуществляя подобие диктатуры, – так почти неизменно поступал Джолитти с 1900 по 1914 год (интересно, можно ли с ним сравнить федерального канцлера Ангелу Меркель, которая находится во главе правительства еще больше, чем он, лет? – Э.Е.). Зато в Германии канцлер, назначаемый императором, не нес ответственности перед парламентом, и рейхстаг, хоть и избирался на основе всеобщего (для мужчин! – Э.Е.) избирательного права, обладал, даже в законодательной сфере, лишь ограниченными полномочиями. В Австрии система только внешне была представительной, поскольку палата депутатов была расколота на несколько социальных и национальных группировок, что не могла функционировать и фактически оставляла всю власть императору. В Венгрии система была по-настоящему парламентской, но парламент избирался на основе цензового (а разве в Соединенном Королевстве не существовало системы цензов и ограничений, однако это не мешает ее считать «оплотом демократии» и «примером для подражания»? – Э.Е.) избирательного права... В целом можно различить две Европы – Западную, достаточно демократическую и парламентскую, и Центральную..., довольно малодемократическую и непарламентскую. Тем не менее почти повсюду либеральные принципы принимали и признавали (*de facto* становились своего рода религией. – Э.Е.), даже если они применялись лишь частично». – Цит. по: История Европы /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 446-448.

⁶⁶⁵ Подробнее см.: *Дженкинс С. Краткая история Англии...* – С. 199-223, 252-298.

волеизъявления народа одной из форм непосредственной демократии, что в итоге дает повод говорить о «характере» существующей практики отношений, где «доминантой» является парламентско-представительная демократия с ее достоинствами и недостатками), вопрос формы правления мог бы быть решен сравнительно просто – голосованием депутатов, представляющих интересы не всего населения, а только его части, тем более при условии, что значительный процент подданных ограничен в праве избирать и быть избранным, как те же женщины до вступления в силу «Акта о народном представительстве»⁶⁶⁶. Мы не хотим этим сказать, что монархия, кто бы ее не олицетворял, давно «дышит на ладан», речь идет о том, что в какой-то момент «соглашение», заключенное «царствующим домом» и правящей элитой, может исчерпать себя, особенно в том случае, если встанет вопрос о его пролонгации с учетом ограниченного с исторической точки зрения потенциала, и логичнее будет от него отказаться, чем пытаться сохранить, отдавая дань традиции. Однако при этом не следует забывать о *специфике* британского парламентаризма – аристократической, не избираемой населением, верхней палате, членами которой становились либо по наследству, либо *ex officio* на период осуществления полномочий, либо по решению монарха за заслуги перед государством, которая была в состоянии – если бы вдруг возникла такая необходимость – заблокировать любое решение нижней палаты: сработал бы своего рода инстинкт самосохранения, вставший на пути преобразований, какими бы прогрессивными они ни казались. Более того, даже при условии, что лорды *de jure* таким правом не обладают, трудно поверить в то, что они ликвидируют институт, стоящий в центре политической системы страны, тем самым и себе подписав приговор. Поэтому компромисс,

⁶⁶⁶ Чуть ранее по тексту мы говорили о совмещении депутатского мандата и министерского портфеля, хотя после «Славной революции» был принят «Акт о должностях», где содержалась следующая *императивная норма*: «... Навсегда предусматривается, что если какое-нибудь лицо, избранное в члены Палаты общин, примет от короля какое-либо место, соединенное с получением вознаграждения в течение того времени, пока оно продолжает состоять таким членом, его избрание должно признаться и настоящим объявляться недействительным, и должен быть издан указ о производстве новых выборов... При этом предусматривается, что названное выше лицо считается имеющим право на новое избрание, как если бы предоставление ему места не стало недействительным...». – Об этом см.: Акт о должностях 1707 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 30. Эволюция, как говорится, налицо, как бы кто ни возражал.

достигнутый когда-то между всеми заинтересованными сторонами, ни сейчас, ни к первой четверти прошлого века не утратил своей актуальности⁶⁶⁷.

При этом нельзя игнорировать тот существенный факт, во многих чертах определивший тенденции и особенности государственного строительства, что монархическая форма правления, сложившаяся после «Славной революции», не только сумела сохранить, *пусть и в значительно ограниченном виде*, свой статус важнейшего элемента политической системы, *но и с наименьшими для себя потерями* приспособиться к новым историческим условиям, получив, так сказать, «бессрочную индульгенцию» от правящей элиты и незримо стоящих за ней господствующих классов быть – пока в этом есть необходимость – одним из «источников» и «носителей» власти, олицетворяя англосаксонский вариант «западной» модели демократии. Поэтому следует отдать должное тому, как, несмотря на «внутренние» и «внешние» проблемы, количество которых лишь возрастало, в Соединенном Королевстве осуществился *процесс конвергенции* либеральных и консервативных институтов, в совокупности сформировавших, как бы к этому ни относился критически настроенный наблюдатель, во многом уникальную, впитавшую и *монархические*, и *республиканские черты*, систему взаимодействия общества, подданных, «царствующего дома», национальных экономических и политических «элит». С учетом сказанного, «особой вехой» в развитии и дальнейшей трансформации политического режима, который не принято характеризовать в каких-то негативных тонах и квалифицировать как недемократический, является колониальный период, позволивший монархии и

⁶⁶⁷ Ярким примером может служить то, как воспринималась в глазах подданных королева Виктория, умершая 22 января 1901 года, правившая империей более шестидесяти лет: «... Две трети столетия британцы видели в ней воплощение законности и благопристойности. Даже в самые беспокойные и тяжелые времена она вместе с мужем-немцем и девятью детьми, многие из которых породнились с европейскими монархиями, олицетворяла ценности домашнего очага (в отличие от нее, действующая королева достаточно толерантно относится к однополым бракам и подобным модным «новеллам». – Э.Е.) и космополитизма. После смерти Альберта королева носила черное и каждую ночь клала на подушку рядом с собой портрет покойного супруга. Казалось, что Виктория навсегда погрузилась в траур. Ее депрессию усугубляли безнравственность (ставшая частью облика современной жизни и фактически возведенная в абсолют. – Э.Е.) и мотовство сына Эдуарда, принца Уэльского (отказавшему последнему российскому императору и членам его семьи в убежище. – Э.Е.), которому она многие годы не разрешала даже мельком взглянуть на государственные документы. На поведение Виктории не могли повлиять настоятельные просьбы министров, которые убеждали ее в том, что народ должен гораздо чаще видеть свою королеву. Тем не менее для большинства британцев Виктория стала воплощением всего, что они ценили в монархии, а именно стабильность и постоянство...». – Цит. по: *Дженкинс С. Краткая история Англии...* – С. 287-288. Но, как ни парадоксально, ей на смену пришли суфражистки.

ее ближайшему окружению избежать участи других европейских империй и с относительными по сравнению с остальными потерями выйти из войны, еще на несколько десятилетий продлив «агонию развала», в результате которой в конце концов возникли десятки суверенных государств. Специфика, с которой нельзя не считаться, состоит в том, что никто из них не утратил связей со своей бывшей метрополией, более того, как это ни покажется парадоксальным или противоестественным на первый взгляд, не посчитал целесообразным каким-либо образом осуществить последнее, и полностью разорвать отношения⁶⁶⁸.

Нечто подобное произошло и в ситуации с доминионами, получившими *de jure* своего рода *октроированный суверенитет* (Канада, Новая Зеландия и

⁶⁶⁸ Нередко приходится слышать, особенно от неискушенных, исторически плохо образованных и либерально настроенных оппонентов, считающих Соединенное Королевство ни чем иным, как одним из «шаблонов для подражания» и «оплотом демократии», высказывания о том, что колониализм как «бремя белого человека» принес «варварским» народам основы цивилизации, благодаря которым они сумели не только приобщиться к западноевропейской культуре, но со временем, адаптировавшись к новым условиям, стать носителями и проводниками тех ценностей и идеологием, с которыми ассоциируется прогресс и демократия. В таких случаях всегда хочется узнать мнение тех, кому все это было привнесено, «даровано» или навязано под флагом прав и свобод человека, особенно если «оппонентом» в такого рода дискуссии не является представитель той части общества, которая относится к компрадорской буржуазии, готовой с пеной у рта отстаивать интересы правящей элиты, экономически и политически тесно связанной с бывшей метрополией. Однако иногда все-таки полезно знать некоторые факты, особенно в тех случаях, если о них говорят представители «западной» научной мысли. Чтобы не выглядеть голословными, процитируем небольшой фрагмент из фундаментальной монографии профессора Калифорнийского университета Майкла Манна.

Так, подробно описывая тенденции англосаксонской экспансии североамериканский ученый пишет: «... В зонах умеренного климата поселенцы хотели земли, но зачастую не труда коренных жителей, поэтому они использовали огнестрельное оружие, чтобы согнать с нее местных жителей. С наибольшей жестокостью это происходило там, где поселенцы были самоуправляемыми (то есть им октроировались хартии, согласно которым они владели соответствующей землей. – Э.Е.), и большинство таких колоний были британскими. На современной континентальной территории Соединенных Штатов на момент первого контакта с поселенцами проживало от 4 до 9 миллионов коренных американцев. К 1900 году перепись населения показала, что их осталось только 237 тысяч человек, уровень убыли превышал 95%. Ко времени прибытия Первого флота в Австралию численность аборигенов составляла 300 тысяч человек. В соответствии с переписью населения 1921 года их осталось лишь 70 тысяч, уровень убыли составил 75%. Хотя эпидемии были главными убийцами на обоих континентах, поселенцы радовались общему числу жертв и способствовали ему сменявшимися друг друга волнами геноцида. Чем более представительными были политические системы поселенцев, тем больше жертв – *демократический геноцид* (напомним, что это слова не критика англосаксонской практики, а одного из «западных» ученых. – Э.Е.). Поселенцы были хуже колониальных властей... Это была извращенная версия глобализации. Вместо того чтобы объединять народы мира, – делает весьма принципиальный вывод исследователь, который нельзя не поддержать, – она уничтожала их и заменяла европейцами. А европейцы затем использовали свои навыки для эксплуатации естественного изобилия земли. Это справедливо прежде всего по отношению к тем поселенцам, которые стали американцами... Таким образом, Британская империя не несла ничего, кроме негатива, местным жителям...». – Цит. по: *Манн, Майкл*. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890 – 1945 годы... – С. 42-43, 44. Подробнее см.: *Eltis, D.* The Rise of African Slavery in the Americas. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000; *Richardson, D.* The British Empire and the Atlantic Slave Trade 1660 – 1807. The Oxford History of the British Empire. Vol. 11. The Eighteenth Century. – Oxford: Oxford University Press, 2001; *Drescher, S.* The Mighty Experiment: Free Labor versus Slavery in British Emancipation. – New York: Oxford University Press, 2002; *Porter, B.* The Lion's Share. A Short History of British Imperialism, 1850 – 2004. – Harlow: Longman, 2004; *Mann, M.* The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing. – New York: Cambridge University Press, 2005. И они продолжают «учить» нас демократии.

Австралия), при котором с формально-юридической точки зрения, чего мы не наблюдаем в рамках романо-германской традиции, согласно конституции, *главой одного* независимого государства, являющегося, кроме всего прочего, субъектом международного права, рассматривается *глава другого*, в данном случае – бывшей метрополии, представленный в системе власти назначаемым лицом, занимающим должность генерал-губернатора, и осуществляющим на подконтрольной территории – от имени и по поручению монарха – достаточно широкий круг публичных полномочий. Причем, в отличие от составных частей Соединенного Королевства, где активно используется механизм *деволюции* (в какой-то степени напоминающей политическую автономию, но юридически и фактически ею не считающейся), речь идет об ограниченном суверенитете как минимум, так как трудно воспринимать такое государство самостоятельным и полноценным, невзирая на статус, признаки и внешние атрибуты⁶⁶⁹.

С учетом сказанного нет ничего необычного, экстраординарного в том, что общественно-политическая обстановка внутри страны во многом зависела от процессов, протекавших в «заморских территориях», где в той либо иной (в каждой из колоний вариативно) мере начинает «просыпаться» национальное самосознание как у широких слоев населения, уставших от унижений и гнета, так и у *некомпрадорской* части позитивно настроенной элиты, стремящейся к более справедливому отношению к своим, причем не всегда бескорыстным, интересам. Преподнесенный когда-то «североамериканский урок» не прошел для Туманного Альбиона впустую, поэтому колониальная политика носила во многом дифференцированный характер, обусловленный, в том числе, разным отношением к подконтрольным регионам, исходя из чего система управления обладала элементами децентрализации, способствовавшими формированию в большинстве из них базовых институтов будущей государственности⁶⁷⁰. Надо

⁶⁶⁹ В том числе, гражданство, систему органов власти и управления, герб, флаг и столицу.

⁶⁷⁰ Если первоначально важнейшими правовыми документами, действовавшими на территории колоний и доминионов, являлись акты высших органов власти метрополии, определявшие статус генерал-губернатора (губернатора, верховного комиссара) и его компетенцию, к которым в первую очередь относились приказы монарха в совете, патенты и хартии об учреждении собственно должности представителя короны (генерал-губернатора или губернатора) и инструкции, получаемыми им от действующего главы государства, то со временем документы подобного рода либо частично, либо весьма существенно видоизменились, получив статус

признать, что практика подобного рода *опосредованным образом* оказывала влияние на те процессы конституционно-правовой направленности, которые так или иначе имели место и в самом Соединенном Королевстве, провоцируя, нередко объективно, переход к следующей стадии либерализации публичных отношений и демократизации парламентско-монархической системы. «Актом о народном представительстве», сделавшим всеобщим избирательное право, пусть и при сохранении цензов и некоторых непринципиальных ограничений, был предпринят первый шаг в этом направлении, что *не могло не отразиться* на настроениях в колониях и содержании октроированных конституций⁶⁷¹.

Переломным в этом смысле становится 1926 год, когда на конференции, в которой участвовали премьер-министры Соединенного Королевства и ряда так называемых «белых доминионов», наделенных правами «внутреннего

октроированных конституций. Специфика актов такого рода состояла в том, что до определенного времени законодательные органы даже самоуправляющихся колоний не имели права вносить изменения в эти «пожалованные» конституции, что являлось прерогативой правительства метрополии, действовавшего в этом случае через губернатора или верховного комиссара, и имевшего эксклюзивное право приостановить ее, внести поправки, отменить и ввести чрезвычайное положение. Как констатирует по этому поводу один из британских государствоведов, «... конституции, которые провозглашаются, отменяются, пересматриваются и заменяются новыми, имеют самый различный характер: от допуска весьма ограниченного числа специально подобранных лиц в исполнительный совет при губернаторе или в законодательный совет с правом только совещательного голоса до введения всеобщего избирательного права и выборов в законодательные собрания, которые образуют «министерства», возглавляемые «главным министром» или «премьер-министром». Однако общим для всех этих конституций является то, что окончательную власть они оставляют в руках губернатора и английских официальных лиц...». – Цит. по: *Палм Датт, Р.* Колониальная политика Англии на современном этапе //Международная жизнь. 1959. № 2. – С. 66-67.

⁶⁷¹ Следует признать, что процесс установления на подконтрольной территории соответствующей системы или «модели» управления встречал, несмотря ни на что, все более активное сопротивление со стороны тех групп и слоев населения, которые олицетворяли собой, пусть и в зачаточном состоянии, тот сегмент общества, в котором протекало формирование местных элит: «... Как ни странно, – подчеркивает в своей монографии известный североамериканский ученый Пол Кеннеди, характеризуя сложившуюся ситуацию, – но вполне предсказуемо, что чем больше колониализм проникал в развивающиеся страны, вовлекая их в глобальную торговую и финансовую систему и знакомя с западными идеями, тем сильнее было сопротивление со стороны местного населения. И не важно, были ли это выступления местных племен против ограничений, накладываемых на их традиционный образ жизни и промыслы, или более масштабные попытки получивших образование на Западе адвокатов и иных представителей интеллигенции, стремившихся создать масштабные политические движения и организовывавших кампании за национальное самоопределение, результат был один – усугубляющиеся проблемы европейского контроля над колониями... Первая мировая война лишь подхлестнула развитие подобных тенденций. Прежде всего, более активная экономическая эксплуатация сырьевых источников... и попытки вовлечь колоний (как живой силой, так и налоговыми сборами) к участию в войне метрополий неизбежно поднимали вопросы о «компенсации», как это происходило... в Европе... Но еще важнее, «восстание против Запада» показало, что великие державы (заявлявшие, что демократии никогда не воюют с «себе подобными», с точки зрения политического режима, странами. – Э.Е.) больше не объединены предположением, что безотносительно их собственных различий между ними и менее развитыми народами находится пропасть... Это не означало, что западный колониализм был на грани коллапса». – Цит. по: *Кеннеди, П.* Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти... – С. 432-433, 434. Подробнее см.: *Tomlinson, B.R.* The Political Economy of the Raj 1914 – 1947. – Cambridge, 1979; *Barracrough, G.* An Introduction to Contemporary History. – Harmondsworth, 1967; *Carr, E.H.* What is History? – Harmondsworth, 1964; *Carrere d'Encausse, H.* Decline of an Empire. – New York, 1979.

самоуправления» (помимо, упоминавшихся ранее Канады, Новой Зеландии и Австралии, к ним относился Южно-Африканский союз), принимается решение об изменении их статуса: отныне они признавались равноправными членами *Британского содружества наций*⁶⁷². Некая «пикантность» состояла в том, что в указанном мероприятии обошлись, и это не может не вызывать вопросов по поводу *подлинного значения* пресловутого «бремени белого человека», без присутствия «цветных колоний» в лице их официальных представителей.

Через два года вступает в силу очередной – пятый по счету за девяносто шесть лет – «Акт о народном представительстве», во многом ужесточивший *de jure* ценз оседлости⁶⁷³, вместе с тем *ликвидировавший дискриминационное гендерное ограничение* по признаку возраста, что нельзя не считать знаковым историческим событием, более того, своего рода прорывом в избирательном законодательстве Туманного Альбиона, что не могло не повлиять на ситуацию в государстве с точки зрения демократизации политического процесса⁶⁷⁴.

⁶⁷² В оригинале – «Commonwealth», название которого было фактически «позаимствовано» у *Английского содружества* (Commonwealth of England) периода правления лорда-протектора Оливера Кромвеля.

⁶⁷³ В частности, читаем: «... Всякое лицо, внесенное в списки как парламентский избиратель какого-либо избирательного округа, пока оно таким образом внесено в списки (женщина, невзирая на ее пол или брак), имеет право голосовать на выборах члена парламента, представляющего... данный избирательный округ; однако оно не должно голосовать на всеобщих выборах по иному избирательному округу кроме того, в котором оно внесено в списки в силу квалификации по месту жительства, или больше чем по одному избирательному участку, если оно не внесено в список в силу каких-либо других квалификаций...». – Об этом см.: Акт о народном представительстве 1928 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 217.

⁶⁷⁴ Это выразилось в том, что консерваторы проиграли выборы 1929 года: «... Возможно, – предполагает в данной связи историк Саймон Дженкинс, – дело было в расширении электората, который наконец-то охватил все взрослое население. На этот раз в его состав вошли женщины в возрасте от 20 лет, ранее не имевшие права голоса. Голоса молодых избирательниц даже стали называть специальным термином flapper vote, содержащим намек на модные в то время свободно свисающие платья (от англ. flap – хлопать). В новом «подвешенном» (так именуется в Соединенном Королевстве парламент, вернее сказать, его нижняя палата, в которой ни одна из политических партий не получила «подавляющего большинства». – Э.Е.) парламенте либералы приняли решение вернуть к власти лейбористов и Рамсея Макдональда. Но у новой команды не хватило времени проявить себя. Буквально через несколько недель, 24 октября, лопнул экономический пузырь на американском рынке акций, что привело (об этом говорили и ждали чего-то подобного уже давно. – Э.Е.) к финансовому краху не только на Уолл-стрит, но и на всех западных рынках ценных бумаг... В октябре 1931 года в результате новых выборов Макдональд получил свой мандат, но из всех лейбористов – членов палаты общин с ним остались только 13 человек. С этого момента судьба его решений (незамедлительное принятие программы общественных работ, значительное сокращение бюджетных расходов, для чего он был намерен просить так называемой «докторской мантии», то есть права на принятие любых мер для борьбы с кризисом. – Э.Е.) зависела от 473 консерваторов, поддерживающих национальное правительство. Как и Ллойд Джордж в 1918 году (когда для получения соответствующего числа мест в нижней палате он пошел на тайную сделку с консерваторами во главе с Эндрю Бонаром Лоу по формированию коалиции, депутатов которой, получивших своего рода «верительные грамоты», стали именовать «купонными». – Э.Е.), из-за своих амбиций Макдональд стал заложником тори. Поляризация политической жизни страны резко усилилась...». – Цит. по: Дженкинс С. Краткая история Англии... – С. 319, 320-321.

Итак, как мы видим, островная монархия, авторитет которой никем – ни апологетами, ни оппонентами – не подвергался сомнению, объективно *была уже не в состоянии*, отгородившись проливами и океаном от всех остальных, как и прежде оставаться сторонним наблюдателем, продолжая игнорировать тенденции общественного развития, все активнее и отчетливее заявлявшие о себе, требуя не на словах, а на деле начать преобразования, направленные на преодоление диссонанса, сложившегося между «желаемым» (популистскими заявлениями партий, стремившимися заручиться поддержкой необходимого числа избирателей и пройти в парламент) и «действительностью» (реальным положением с правами и свободами человека). В значительной степени, как нам кажется, именно стремление сохранить в глазах «заморских территорий», не говоря уже о странах романо-германской традиции, имидж «примера для подражания» и «оплота демократии» вынуждало, пусть и с опозданием, идти – «царствующему дому», аффилированным с ним господствующему классу и правящей элите – на уступки обществу либо отдельным категориям населения, и инициировать соответствующие реформы. Незыблемым оставалось только то, что ассоциировалось с формой правления, территориальным устройством и политическим режимом, альтернативой которым в перспективе мог бы стать республиканизм с федеративным оттенком, чего ни при каких условиях никто, за исключением радикальных организаций, *не хотел* допустить. Компромисс, достигнутый когда-то «субъектами публичных отношений» в его, так сказать, англосаксонском варианте, имел *вполне четкие* «пределы», неукоснительно соблюдаемые несколькими поколениями подданных и правящих элит, через которые, в угоду политическим амбициям или партийному снобизму, не было желающих переступить, отправив в «архив» стабильность и предсказуемость, как следствие – спровоцировав социальный хаос, стагнацию и регресс.

На данном этапе для сохранения власти было достаточно косметических преобразований, не «посягавших» на качественные изменения политического режима, основанного на монархической форме правления, ограниченной – в пределах действующего «конституционного соглашения» – представительным

органом, *институционально* совместившим аристократический и буржуазно-либеральный элемент, процедурами, системой «сдержек и противовесов»⁶⁷⁵. По существу, «уравняв» в избирательных правах мужчин и женщин, правящая элита на неопределенный срок сумела не столько «выполнить», взятые когда-то на себя обещания по либерализации и демократизации публичной сферы отношений, сколько обезопасить монархию и господствующий класс от любых гипотетических коллизий в преддверии того, что войдет в анналы и учебники по истории государства и права под названием «Третий рейх», показавший на своем примере, как при помощи процедур можно легитимно получить власть, а затем делать с ее «источником» и «носителем» – все что угодно, при этом не обращая внимание ни на последствия, ни на ответственность. Иначе говоря, в обстановке, когда *одновременно имели место* «внутренний», прежде всего в лице феминизма и некоторых других социальных явлений, и «внешний», при котором континент стремительно приобретал «коричневый» оттенок, фактор, а priori выбирать не приходилось, кто бы в конце концов ни инициировал и не осуществил на практике востребованные обществом нововведения⁶⁷⁶.

⁶⁷⁵ Напомним, что одним из «итогов» так называемой «Славной революции» стал документ, определивший, причем императивно, политико-правовой статус лица, возглавляемого государством: «... Предусматривается и настоящим постановляется..., что всякое лицо, которое в дальнейшем вступит в обладание... короной (на тот момент еще не существовало Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. – Э.Е.), должно присоединиться к английской церкви, как это установлено законом... Что никакое лицо, которое впоследствии вступит в обладание английской короной, не будет выезжать из английских, шотландских или ирландских владений без согласия парламента... Что со времени и после того, как дальнейшее условие, содержащееся в настоящем акте, вступит в силу, все вопросы и дела, относящиеся к хорошему управлению английским государством, которые подлежат ведению Тайного совета по законам и обычаям английского королевства, будут разбираться в нем, и все решения, по ним принятые, будут подписываться теми из членов Тайного совета (эта процедура известна как «контрасигнатура» и является обязательным условием работы так называемого «ответственного правительства», когда конкретный правовой акт скрепляется подписями монарха и соответствующего министра. – Э.Е.), которые давали совет и согласие на это... Что никакое лицо, которое занимает платную должность или место, подчиненное королю, или получает пенсию от короны, не может состоять членом Палаты общин... Что... патенты на должности судей будут выдаваться, «пока они будут вести себя хорошо» (эта норма отменяла ранее действующий принцип, согласно которому судья занимал свою должность до тех пор, «пока будет угодно... королю». – Э.Е.), а жалование судей будет определено и установлено, но в случае представления обеих палат парламента признается допустимым их смещение... И принимая во внимание, что законы Англии являются прирожденными правами ее народа,... все короли и королевны... обязаны производить управление английским народом в соответствии с указанными... законами и все их подчиненные и министры должны нести обязательную службу, соблюдая те же законы...». – Об этом см.: Акт об устройении (Акт о будущем ограничении и о лучшем обеспечении прав и свобод подданных) 12 июня 1701 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 29-30.

⁶⁷⁶ Хотели того или нет правящие элиты, но положение женщин изменилось радикально по сравнению с тем, что наблюдалось еще несколько десятилетий назад: «... Нехватка мужской рабочей силы после войны (речь в данном случае идет, естественно, о Первой мировой войне. – Э.Е.) была восполнена за их счет. В городах появлялось все больше магазинов и контор, которые предоставляли молодым женщинам рабочие места, а заодно и новую городскую независимость. Поборник планирования семьи Мэри Стоупс призывала к сексуальному

Вправе ли компаративист с известной степенью уверенности говорить о том, что многие – в первую очередь системно-институциональные – проблемы, с которыми ассоциируется кризис «западной» модели демократии последних десятилетий, корнями уходят в недалекое прошлое, и обусловлены не только «половинчатостью» осуществленных реформ, но и их «запоздалостью», что не могло не отразиться на политическом климате конкретных государств, общем состоянии общества, «качестве» его составных элементов? Вопрос, вероятнее всего, риторический, так как практически никому не дано предугадать течение процессов, в основе которых лежит соотношение «базиса» и «надстройки», в том числе в тех случаях, когда для обоснования одной ситуации без должного критического анализа используют набор «ценностей» (сейчас это не что иное, как пресловутые мультикультурализм, политкорректность, толерантность, без которых общество и государство *уже не воспринимаются* демократическими и либеральными), *большой частью, а чаще всего полностью не приемлемых для других*, особенно если речь идет о странах, где превалируют традиции и мировоззрение, диаметрально противоположные тем, что последовательно и настойчиво навязываются извне под флагом борьбы за права человека. Было бы верхом цинизма со стороны «кабинетных» ученых и их «сторонников» из сферы политических отношений утверждать, что ничего подобного прежде не существовало, и каждое государство возникало, развивалось, деградировало и трансформировалось в рамках собственной парадигмы, за исключением тех,

раскрепощению через контрацепцию. Количество зарегистрированных разводов выросло с 823 в 1910 году до 4 522 в 1928 году. Переживала бум экономика товаров широкого потребления... в 1910 году только 10% всего населения имели собственное жилье, а к концу 1930-х годов уже треть британцев стали домовладельцами...». – Цит. по: *Дженкинс С.* Краткая история Англии... – С. 316.

Однако ни одна из развитых демократий не смогла избежать воздействия экономического кризиса, что, помимо прочего, повлияло на отношение к либеральным ценностям и спровоцировало появление во власти ряда европейских государств национал-социалистов всех «мастей» и цветовых оттенков: «... Отказ от... веры в благо невмешательства государства в экономику знаменует крах мироустройства в его хозяйственном измерении точно так же наглядно, как восхождение к власти тоталитарных режимов и укрепление авторитета национализма, обернувшиеся катастрофическим концом, в его измерении политическом. Либеральная цивилизация пугала тем, что ее правители утратили власть над ходом событий. Многим европейцам все еще было трудно разглядеть это, тем не менее, и они продолжали лелеять мечту о возвращении эпохи, когда тогдашняя цивилизация обладала собственной верховной властью. Они забыли, – отмечают современные английские ученые, – что ее ценности определялись политической и экономической гегемонией, которая, притом, что какое-то время себя оправдывала, пребывала в откровенном состоянии распада по всему миру». – Цит. по: *Робертс Дж.М., Уэстад О.А.* Мировая история... – С. 958-959.

кому, в силу различных причин, необходима «помощь» и «поддержка» более опытных народов, среди которых, вне всякого сомнения, приоритетное место принадлежит представителям *англосаксонской цивилизации*, первоначально в лице Туманного Альбиона, а затем пресловутого «Града на холме»⁶⁷⁷.

Следовательно, форма правления *редко коррелируется* с политическим режимом, так как есть много республик, применимо к которым о демократии следует рассуждать с большим уровнем абстракции и оптимизма, и наоборот, подавляющее число европейских монархий отвечают всем фундаментальным критериям и принципам, необходимым для того, чтобы идентифицировать их в качестве таковых без каких-либо оговорок или условностей. Однако, на наш взгляд, участие в выборах и работе представительных органов не всегда и не везде может быть решающим фактором, позволяющим относиться к тому или иному государству как *подлинно демократическому*: для разных категорий и социальных групп местного населения оно, посредством нормативных актов, дифференцированно – в одних случаях дозированно и избирательно, в других без формально-юридических ограничений – дает возможность реализовать на практике, *декларируемые права и свободы*. Именно вариативность статуса, в дополнение к иному рода требованиям, без соблюдения которых немыслимо полноценное гражданство и подданство, является важнейшим «показателем»

⁶⁷⁷ На этот факт обращают внимание, в том числе, многие зарубежные исследователи: «... Одним из основных признаков вновь возникающих «гуманистических» обществ является «демократия», тесно связанная с такими понятиями, как «свобода», «равенство», «гражданское участие» и «права человека». Действительно, – пишет Джек Гуди, – если говорить о репрезентативном правлении, то на протяжении последних столетий во многих частях света наблюдалось общее движение ко все большему участию в нем граждан. Однако такое движение следует рассматривать во временной перспективе. В прошлом группы людей определенно пользовались возможностью значительного и прямого участия в управлении. Сегодня (нам представляется, что для каждого отрезка времени всегда есть «сложные» проблемы, к решению которых народ как «источник» и «носитель» власти *не допускается*, о каком бы уровне демократии и каком бы государстве не шла бы речь. – Э.Е.) дела, которые надо решать, имеют более сложный характер. Более широкое участие в выборах сопровождается уменьшением практического участия населения в решении касающихся его проблем, поскольку управление, в котором участвует население, становится более комплексным, центры принятия решения больше удалены от человека, а оно само охватывает большое количество людей (о, так сказать, «поголовном» участии всех дееспособных членов общественной организации возможно говорить только в рамках самоорганизации в форме самоуправления. – Э.Е.). Это требует все большей профессионализации политической деятельности и уменьшения прямого представительства... Более масштабная проблема возникает, когда сегодняшняя (в том числе, те институты, что сложились в начале прошлого века и получили затем дальнейшее развитие. – Э.Е.) демократия рассматривается как универсальная ценность, воплощенная лишь в западном обществе, которое и является единственным хранителем подобной модели. Но так ли это?». – Цит. по: Гуди Джек. Похищение истории... – С. 336. Согласитесь, блестящая оценка того состояния, в котором уже давно находится «запад».

того, демократическим или недемократическим позиционируют себя внутри и вовне государство и общество: можно быть экономически независимым (как в свое время отдельные члены «третьего сословия»), но политически не иметь отношения к формированию властных институтов, или влачить существование деклассированного маргинала, но, «благодаря» действующему на тот момент законодательству, обладать активным и пассивным избирательным правом. В не меньшей степени отмеченное выше касалось женщин, невзирая ни на что, даже на имущественное положение и место в общественной иерархии. Как же тогда относиться к Соединенному Королевству, где на протяжении нескольких веков *de facto* существовали подданные «первого» и «второго» сорта⁶⁷⁸?

Вполне естественно, *никто не собирается* воспринимать, и тем более квалифицировать «родину» современного парламентаризма первой четверти XX века как авторитарное или тоталитарное государство, в то же время пора с меньшим пафосом относиться к Соединенному Королевству, особенно тогда, когда государствоведом используется методология сравнительного анализа, позволяющая предельно адекватным образом оценивать как достоинства, так и известные недостатки *национальной монархической традиции* без клише, идеологических штампов и пропагандистских стереотипов, которыми обычно «страдают» многочисленные исторические, теоретические и конституционно-правовые исследования ученых, в целом и в отдельных деталях посвященные характерным чертам и особенностям процесса либерализации общественных

⁶⁷⁸ Предоставим возможность ответить на поставленный вопрос одному из крупнейших ученых этой страны: «... сегодня демократию рассматривают как универсально применимую концепцию, основанную на высоких ценностях. Но пока демократия соблюдается лишь на уровне риторики (если таких оценок заслуживает то, что сейчас ассоциируется с демократией, то, что тогда говорить о конце XIX – первой четверти XX века? – Э.Е.), и ее представляют (ошибочно) как европейское изобретение. На практике же ситуация выглядит несколько иначе. Изменилось даже ее определение. Если изначально под «демократией» подразумевалась «власть народа», то затем значение данного термина сузилось, и теперь он относится к режимам, предполагающим каждые четыре или пять лет выборы в парламент при помощи тайного голосования. Но даже в таком случае при некоторых обстоятельствах применимость этого термина оспаривается – на Западе «демократическими» признаются не все выборы... Перед Второй мировой войной и германское, и итальянское правительства оказались у власти в результате демократических выборов. В случае с Испанией это было не так, однако союзники не предприняли попытки низложить Франко после войны, хотя тот пришел к власти в результате фашистского военного переворота и кровавой гражданской войны... На международном уровне (в таком случае можно говорить о двойных стандартах, как, например, в ситуации с так называемой суверенизацией Косово, референдумом в Крыму и на Донбассе. – Э.Е.) демократические страны относятся к демократическим процедурам без всякого уважения...». – Цит. по: Гуди Джеск. Похищение истории... – С. 344, 347.

отношений и демократизации политической системы. Так, если бы подходить к рассмотрению перипетий государственного строительства, условно говоря, «широкими мазками», не углубляясь в частности, то и в этом случае «образ», с которым преимущественно ассоциируется Туманный Альбион как «пример для подражания», будет *не столь идеальным*, чтобы не обратить внимание на декларативность много из того, чем привыкли восхищаться, стараясь во всем или в главном подражать, «копируя» основы бикамерализма, институт habeas corpus, прецедентное право и другие, не менее значимые достижения англо-британского конституционализма, *справедливо считающиеся достоянием* не только Соединенного Королевства, но и всего мира. Но это «перечеркивается» одним фактом – дискриминационным положением женщин, не обладавших в течение *весьма длительного периода* правом избирать и быть избранными, тем самым лишавших их возможности позиционировать себя полноценными, с юридической точки зрения, элементами гражданской нации. «Всеобщность» избирательного права, которой, применимо к Туманному Альбиону, гордятся апологеты «западной» модели демократии, носила отчетливо выраженные и, как ни странно, никем не скрываемые гендерные черты, ставя таким образом, вплоть до первой трети XX века, под вопрос *само наличие* «народовластия»⁶⁷⁹.

Переходя к анализу обстановки, сложившейся после окончания Первой мировой войны на европейском континенте, в частности во Франции, нельзя, в том числе для целей настоящего сравнительно-правового исследования, не обратить внимание на одну из весьма характерных тенденций этого времени: в общественно-политической практике *все более востребованным*, в первую очередь среди активной части населения, становятся принципиально новые с институциональной точки зрения формы взаимодействия граждан, отдельных «несистемных» организаций, социальных движений и правящих элит, в числе которых важное значение начинает приобретать *охлократия* в виде массовых демонстраций и подобного рода публичных выступлений, направленных, как

⁶⁷⁹ Подробнее см.: *Taylor A.J.P. English History 1914 – 1945. – Oxford: Oxford University Press, 1992.*

правило, на скорейшее решение проблем, стоявших перед государством и его гражданами. Таким инструментом достаточно активно и последовательно – до завоевания большинства в парламенте легальным демократическим образом – пользовались национал-социалисты и прочие «коричневые», затем перейдя к *совершенно иной* «повестке дня», где место толпы занял другой «субъект» – массовая политическая партия как единственный «источник» и «носитель»⁶⁸⁰ публичной власти, олицетворяющая собой германский народ. Несомненно, в период «очередной» французской революции улицы и площади приобретали «статус», выходящий за рамки обывательских представлений, так как именно на них строились баррикады, являвшиеся в некоторой степени своеобразным овеществлением общественного протеста, однако между одетым в полосатые штаны и фригийский колпак с трехцветной кокардой, с особой «пикой» в руках «санкюлотом», своим присутствием оказывавшим физическое воздействие на принимаемые правительством решения, героями знаменитого произведения Виктора Гюго «Отверженные» и участниками протестных акций, шедших под лозунгами «Народного фронта», не совсем корректно проводить параллели и, тем более, ставить знак равенства. Это совершенно разные феномены⁶⁸¹.

⁶⁸⁰ Как пишет профессор Принстонского университета Ян-Вернер Мюллер, характеризуя фашизм и национал-социализм, «... важно подчеркнуть, что фашистское правление отличалось от авторитарных режимов правого толка, процветавших в Европе в период между двумя мировыми войнами; несмотря на то что национал-социализм был формой фашизма, он существенно расходился с исходной итальянской (у истоков которой в той или иной степени стоял Бенито Муссолини. – Э.Е.) версией... Самое важное заключается в том, что *фашизм был реакцией именно на эпоху массовой демократии*. Это была альтернатива, которую считали приемлемой многие европейские политические мыслители, страстно ненавидевшие как либеральный парламентаризм (нацисты отвергали его как «систему»), так и социализм. Приемлемой она была и для очень многих обычных граждан... Фашисты *верили в почти мистическое единство вождя и его народа*, основанное на чувстве или даже «духовности». Эта концепция подкреплялась возникшей в конце XIX века психологией масс... В отличие от традиционного консерватизма, фашизм считал себя политической силой, опирающейся на массы, и в частности апеллировал к «массам», которые были политизированы общим опытом жертв и страданий во время Первой мировой войны...». – Цит. по: Мюллер, Я.-В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века... – С. 154, 167.

⁶⁸¹ В этой связи достаточно своеобразной и даже как бы несколько нестандартной выглядит точка зрения на «демократию» одного из североамериканских ученых, справедливо считающегося классиком политической мысли прошлого века: «... Это слово имеет множество смыслов: во время Первой мировой его подхватили неевропейские силы и объявили синонимом либерализма. Это, разумеется, спорное отождествление, и здесь есть определенные варианты. Но вначале об исторических корнях демократии (если не традиционно, то, по крайней мере, нередко ее появление в современном значении связывают, что для многих авторов вполне естественно, с Великой французской революцией, ее результатами. – Э.Е.). Она возникла в середине XVIII века с приходом рационализма. Рационализм отвергал исторические основания любой мысли или деятельности, поэтому церковь и государство, аристократия и духовенство *лишились прав, основанных на традиции*. Рассудок количествен, поэтому сословиям он придавал меньше значения, чем бессодержательным массам населения. В предыдущих столетиях, говоря о государстве, подразумевали монарха. Поэтому король Франции был «Францией». Ансамбль сословий также именовался «Францией», «Англией» или «Испанией». Но поскольку для рационализма главным

Их дифференцирует то обстоятельство, что в первом варианте явление в целом носило спонтанный и нерегламентированный характер, во втором – в его основе лежали права соответствующего «поколения», закрепленные либо в учредительном акте, либо в специальном законе, регулирующем отношения государства и общества в публичной сфере, и предоставляющем гражданам в случае необходимости *легитимную возможность* высказать свое мнение как по тем или иным вопросам внутренней и внешней политики, так и проблемам частной жизни, прямо либо опосредованно затрагивающим в одних ситуациях консервативное «большинство», отстаивающее традиционные взаимосвязи и ценности, в других «меньшинство», требующее либерализации статуса.

Справедливости ради надо признать, что в период, предшествовавший радикализации политической обстановки, следствием которой станет приход к власти, причем не только в Испании, Германии, Италии и Португалии, но и в

является не качество, а количество, то *нацией стала масса*. Чтобы изолировать сословия и лишить их права на политическое существование, в обиход ввели спорное слово «народ». Вначале массы назывались «третьим сословием», – подчеркивает автор, и в этом случае с выводом нельзя не согласиться, – но впоследствии отрицанию подверглись сословия как таковые... Идея демократии, однако, являясь не просто абстракцией, а органической идеей, обладающей сверхличной силой, была проникнута волей к власти. Характер событий, в результате которых возник рационализм, и культура стала цивилизацией, несомненно, говорил о кризисе европейского организма. Иными словами, это была болезнь, а демократия – ее симптомом. Однако ею переболели все высокие культуры, следовательно, этого требовала органическая необходимость. Демократия стремится не к компромиссу, «уравновешиванию», отмене авторитета – она стремится к власти и отвергает сословия, чтобы занять их место...».

Какими же особенностями обладает то, что мы называем «народовластием»? Цитируемый ученый подчеркивает, в частности, следующее: «... Одной из черт демократии стало отрицание аристократического принципа, отождествляющего (мы также неоднократно обращали внимание на отмеченное обстоятельство. – Э.Е.) социальную значимость с политической. Она пыталась перевернуть это отношение, чтобы *социальное* зависело от *политического*. Разумеется, в итоге только *формировалась новая аристократия* (буржуазно-либеральная, бюрократическая, корпоративная и, что вполне естественно и предсказуемо, партийная. – Э.Е.), поэтому *фактически демократия была обречена на саморазрушение*: получив власть, она превращалась в аристократию... С исторической точки зрения демократия – это *чувство*, и она не имеет никакого отношения к «равенству», «представительному правлению» и тому подобному. Весь цикл демократии вместили, весьма символически, в сравнительно короткую карьеру великого Наполеона. Его формула «*La carrière ouverte aux talents*» (в буквальном переводе с французского языка – «карьера открыта для талантов». – Э.Е.) характеризует отношение демократии к «равенству»: имеется в виду равенство возможностей. Революция, консолидация, империализм – вот история демократии... Однако *демократия гибнет вслед за рационализмом*. Идея о том, чтобы опереть политическую власть на массы населения, была в лучшем случае технологией (процедурами в современном значении. – Э.Е.). Все заканчивалось либо авторитарным правлением, как в случае Наполеона и Муссолини, либо же ее использовали финансисты просто как прикрытие для беспрепятственного грабежа. Не будучи демократией, авторитарное правление означает ее конец. С наступлением эпохи абсолютной (что мы и наблюдаем в последние десятилетия. – Э.Е.) политики отпадает необходимость в предложениях. Плебисциты и выборы устаревают и в итоге вообще прекращаются. Симбиоз войны и политики самодостаточен и уже не претендует на то, чтобы «представлять» какой-либо класс. В смертельной схватке авторитета и денег обе стороны могут пользоваться «демократией» как лозунгом, но таковой она и остается...». – Цит. по: *Улик Варандж* (Фрэнсис Паркер Йоки). *Imperium. Философия истории и политики* /Пер. с англ. Н.М. Селиверстова; предисл. Б.В. Маркова. – СПб: Русский Мир, 2017. – С. 255-256, 258. Добавить, как говорится, нечего.

таких государствах, как Румыния или, например, Венгрия, *националистически настроенных правящих элит*, заключивших взаимовыгодные «соглашения» с олигархической компрадорской буржуазией и поддержанных значительной частью дееспособного населения, внепарламентские формы конституционно-правовых отношений приобретают востребованный характер, обусловленный *не только страхом* перед тем, что все более отчетливо начинало проявляться в области общественной практики, *но и стремлением* каким-либо образом не допустить разрастания «раковой опухоли» до континентальных масштабов⁶⁸². В этой связи «источник» и «носитель» власти, ограниченный в своих средствах воздействия на «избранных народа» (напомним, что императивный мандат не пользовался поддержкой со стороны депутатов, представлявших в органе, осуществлявшем законодательные прерогативы, господствующий класс и его ближайшее окружение), на данный момент, вероятнее всего, не видел ничего другого, как *санкционированный протест*, преимущественно направленный на решение легальными методами соответствующих «проблем», *не выходя за рамки действующих правил и регламентов*. Ситуация еще более усугубилась в связи с «кратковременностью» правительств, формировавшихся то «Левым блоком», то «Национальным единением», в результате чего во Франции – все шире и

⁶⁸² Достаточно наглядно об этом свидетельствуют документы ряда крупных общественных организаций Франции, в том числе «Народного фронта», в программе которого содержались политические требования, в частности, посвященные защите прав и свобод человека и гражданина, гуманизации законодательства, всеобщей амнистии, а также направленные против легализации и какой-либо популяризации фашистских лиг. Так, читаем в одном из параграфов: «Эффективное разоружение и роспуск полувоенных формирований соответственно закону... Применение предусмотренных законом мер в случае провокации, убийства или покушения на безопасность государства... Оздоровление общественной жизни, в частности, путем признания несовместимости (а в Соединенном Королевстве наблюдались прямо противоположные процессы. – Э.Е.) парламентских мандатов с другими официальными функциями... Отмена каторжных законов и чрезвычайных декретов, ограничивающих свободу мнений... Реорганизация печати (это требование, как ни парадоксально на первый взгляд, весьма актуально до сих пор. – Э.Е.) посредством законодательных мероприятий с целью: 1) Обеспечить действительные меры против клеветы и шантажа. 2) Обеспечить газетам нормальные условия существования с тем, чтобы обязать их указывать источники своих средств, упразднить частную монополию на торговую рекламу, устранить возможность скандальных злоупотреблений с финансовой рекламой и, наконец, помешать созданию трестов печати... Организация государственной радиопередачи (и в этом случае вопрос чрезвычайно востребован. – Э.Е.) с целью обеспечить точность информации и равенство политических и социальных организаций перед микрофоном...». – Об этом см.: Программа Народного фронта 1936 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 229-230.

масштабнее – стали заявлять о себе *антипарламентские настроения* с одновременным усилением роли «несистемных» институтов⁶⁸³.

Другими словами, Франция, где, по существу, каждой из «революций» и «ребрендингу» формы правления предшествовала активизация охлократии, так и не смогла, несмотря на более чем полувековой – с момента вступления в силу учредительных актов, составивших неcodифицированную конституцию, и провозглашения Третьей республики – *немонархический* период, отказаться от средств и методов ведения политической борьбы, позволявших демосу как «источнику» и «носителю» власти на всех предыдущих стадиях исторического процесса тем или иным образом оказывать воздействие на правящую элиту в целях нахождения компромисса, необходимого для стабилизации кризисной, *балансирующей на грани перехода в острую фазу*, обстановки. Иначе говоря, непарламентские протестные формы конституционно-правовых отношений, в основе которых лежали провозглашенные государством декларации о правах и свободах человека, служили своего рода «катализатором» будущих реформ, необходимость которых ощущалась широкими слоями населения, но, в силу самых разных причин, игнорировалась «народными избранниками», нередко

⁶⁸³ На этот факт обращают внимание известные французские исследователи: «... Выборы 1932 года принесли успех левым. Но поскольку социалисты отказались в них участвовать, радикальные правительства оказались бессильными перед лицом финансовых трудностей (усугубленных кризисом) и роста антипарламентских настроений. Часть средних классов, обычно составлявшая опору режима, отстранилась от него. Многие желали реформы государства, которая бы усилила исполнительную власть, в том числе лига «Огненных крестов», ассоциация бывших фронтовиков... Если неомонархисты из «Аксьон франсез», осужденной в конце 1926 года церковью за политический аморализм, растеряли приверженцев, то некоторые поглядывали на зарубежный авторитарный опыт, особенно на фашизм Муссолини. Мошенничества авантюриста Ставиского, связанного с радикальными политиками, вызвали скандал и манифестацию протеста против правительства Даладье (сменившего Шотана, который подал в отставку) 6 февраля 1934 года, в которой приняли участие ассоциации бывших фронтовиков и [фашистские] лиги. Таких волнений Париж не знал со времен Коммуны. Силы порядка, охранявшие Бурбонский дворец, были вынуждены стрелять, убив 16 человек и ранив сотни. Манифестанты, за некоторым меньшинством, не собирались свергать режим, они хотели только смены правительства. Назначение Гастона Думерга, бывшего президента республики, их удовлетворило. Он сформировал правительство Национального единения, включающего силы от радикалов в лице Эррио до Тардьё, который рассчитывал завершить государственную реформу. Но когда по истечении лета Думерг сформулировал свои предложения, а именно предложил упростить применение права роспуска палаты, чтобы это решение не надо было согласовывать с сенатом (напомним, что, исходя из предписаний статьи 5 конституционного закона «Об организации государственной власти» от 25 февраля 1875 года, составлявшего в совокупности с двумя другими учредительными документами неcodифицированную конституцию Третьей республики, «... Президент республики может с согласия Сената распустить Палату депутатов до истечения законного срока ее полномочий...»). – Э.Е.), он натолкнулся на противодействие радикалов и был вынужден подать в отставку...». – Цит. по: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 397-398. Об этом см.: *Норвич Дж.* Краткая история Франции... – С. 445-451.

решавшими проблемы, *никакого отношения не имевшими* к предвыборной демагогии и популизму, благодаря которым они получили «мандат доверия» и стали – пусть лишь всего на некоторое время – частью национальной элиты. В этом и состоит парадокс соотношения демократии и охлократии, потому что во многих случаях «законодательная инициатива» исходит не от «субъектов», за которыми данная прерогатива закреплена в соответствующем документе, а непосредственно от того, кто является «источником» и «носителем» власти, делегирующем осуществление последней своим представителям⁶⁸⁴.

Вместе с тем *актуализация суррогатных форм «народовластия»* в той либо иной степени свидетельствует о кризисе французского парламентаризма в преддверии германской оккупации, раздела страны и коллаборационизма, в первую очередь если речь идет о «специфике» избирательного процесса, *de jure* известной еще законодательству периода буржуазных революций (какой бы из учредительных документов не иметь в виду), и нашедшей отражение в формировании верхней палаты, в котором граждане участвовали *косвенным образом* – через «коллегии выборщиков»⁶⁸⁵. С учетом сказанного нельзя не отметить, что электоральная модель, «сравнительно успешно» (потому что так называемое «третье сословие», правда, в лице только дееспособных мужчин, обладавших определенным размером имущества, получило право избирать и быть избранным в органы представительной власти) действовавшая в течение продолжительного периода, причем как при республике, так и при монархии, *не носила*, в том числе с точки зрения «современных» критериев и принципов, не

⁶⁸⁴ Например, как констатировалось в пункте 18 Конституции 1848 года (период Второй республики), «... Всякая власть в государстве, в чем бы она ни выражалась, исходит от народа. Она не может поручаться кому-либо с правом передать ее по наследству». – Об этом см.: Конституция 4 ноября 1848 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 96. Тем не менее, народ и «фюреров» приводит к власти.

⁶⁸⁵ Так, читаем в законе «Об организации Сената» от 24 февраля 1875 года: «... Сенат образуется из 300 членов. Двести двадцать пять избираются департаментами и колониями и семьдесят пять избираются Национальным собранием (указанный орган, согласно статье третьей закона «Об отношениях государственных властей» от 16 июля 1875 года, «... за месяц по меньшей мере до истечения законного срока полномочий президента республики палаты должны соединяться в Национальное собрание для избрания нового президента», что также свидетельствует о том, что народ к избранию главы государства имеет лишь косвенное отношение, так как не участвует в процедуре непосредственно. – Э.Е.). Сенаторы от департаментов и колоний избираются абсолютным большинством <...> коллегией, собирающейся в главном городе департамента или колонии и состоящей из: 1. Депутатов. 2. Генеральных советников. 3. Советников округов. 4. Депутатов, избранных каждым муниципальным советом среди избирателей общины...». – Об этом см.: Закон об организации Сената 24 февраля 1875 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 102.

допускающих «ограничений» по гендерному, образовательному и прочим признакам, *демократического характера*, выводя за скобки политического процесса не только женскую часть населения (что может рассматриваться не чем иным, как отличительной чертой существовавшей «модели» организации выборов, о каком бы из «оплотов демократии» мы при этом ни говорили), но и мужчин, не отвечавших необходимым требованиям и цензам, в результате чего десятки миллионов взрослых граждан обоих полов поражались в правах и признавались *de facto* «неполноценными». Однако самое поразительное в данном случае – *дискриминация женщин*, продлившаяся в государстве, где в августе 1789 года увидела свет «Декларация прав человека и гражданина»⁶⁸⁶, вплоть до окончания Второй мировой войны⁶⁸⁷.

Как ни странно, среди граждан республики в настоящее время, с одной стороны, вполне допустимо найти тех, кто когда-то не имел права избирать и быть избранным, что абсурдно само по себе, с другой – совершенно спокойно в любой из палат национального парламента либо на избирательном участке какого-то округа встретить «родителя номер один» и «родителя номер два», что нонсенсом уже давно не является, считается достаточно обыденным или в порядке вещей, и никак не преследуется. Перед нами «закат» традиционных

⁶⁸⁶ Именно там появилась следующая запись (которая *de jure* была реализована только *через сто пятьдесят семь лет*, в 1946 году – в Конституции Четвертой республики): «... Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы...». – Об этом см.: Декларация прав человека и гражданина 26 августа 1789 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 40.

⁶⁸⁷ По ходу настоящего исследования *мы уже неоднократно говорили об этом*, тем не менее процитируем одного из крупнейших современных «западных» ученых: «... в политическом контексте демократия в Европе в прошлом была значительно ограничена. Сегодня, в рамках концепции «полной демократии», каждый мужчина и каждая женщина имеют равные голоса, и выборы происходят на регулярной основе. Произошла «индивидуализация» представительства; хотя исследования и показывают, что мужья и жены обычно голосуют одинаково, но теперь они уже не отдают один голос от всего домохозяйства или клана. Эта форма демократической практики новая. В Англии лишь в 1832 году перечень лиц, обладающих правом голоса, был расширен так, что в него вошли все мужчины – главы домохозяйств, однако женщины получили это право лишь вскоре после Первой мировой войны, а во Франции – существенно позже. Даже в Соединенных Штатах, стране, считавшейся воплощением современной демократии (по крайней мере, в глазах Токвиля), Джордж Вашингтон выступал (как и другие «отцы-основатели». – Э.Е.) за то, чтобы ограничить состав избирателей белыми «джентльменами», то есть землевладельцами, окончившими колледж. Итак, – делает обобщение англо-британский ученый Джек Гуди, с которым мы полностью согласны, – раньше во всех случаях право голоса было сильно ограничено. Практика тайного голосования (и возможности выбора, предоставляемого им) возникла в связи с желанием добиться свободного волеизъявления; французы сначала отказывали женщинам в праве голоса именно в связи с убеждением, что женщины слишком склонны голосовать так, как скажет им духовенство...». – Цит. по: Гуди Джек. Похищение истории... – С. 337.

ценностей и гипертрофированная абсолютизация прав и свобод человека, где доминантой *все более последовательно* рассматривается не консервативное «большинство», его нравственно-мировоззренческие приоритеты и интересы, а какое-нибудь «меньшинство», ставящее себя – обоснованно или нет другой вопрос – выше всех остальных, требуя эксклюзивного общественного статуса. В итоге у либеральной модели демократии формируется *качественно новый социальный имидж и предназначение*, в «основу» которых будут положены – о такой перспективе уже заявляют исследователи – не конституционные права и свободы большей части населения и их, так сказать, «всеобщность», а нечто прямо противоположное, дифференцирующее общество на совершенно иных постмодернистских принципах, базирующихся не на «равенстве» всех групп и слоев, а на превалировании определенных категорий над всеми остальными. Во многом похожая ситуация складывалась тогда, когда дворянское сословие и духовенство, в течении нескольких веков обладавшие, в силу традиции либо социального положения, правом на осуществление «публичной власти» в тех сферах, где полномочия монарха и «царствующего дома» носили как *de jure*, так и *de facto* ограниченный характер, лишились всего, чем они располагали до этого, и на место «меньшинства» пришло в целом ряде аспектов *условное «большинство»*, представлявшее так или иначе не только «третье сословие», но и тех, кто был ограничен в правах, невзирая на имущественное положение, делавшее их рангом выше, тем самым не имея возможности стать «носителем суверенитета» со всеми вытекающими последствиями⁶⁸⁸.

Как бы сам собой возникает вопрос: почему, имея несколько вариантов осуществления «народовластия» (точнее будет сказать, деклараций, согласно которым народ является единственным «источником» и «носителем» власти) в виде самых разных конституционно-правовых институтов непосредственной и представительной демократии, население, с точки зрения господствующих классов, правящей элиты, их ближайшего окружения, олицетворявшее собой

⁶⁸⁸ В предыдущих разделах мы касались этого вопроса достаточно подробно и на примере ряда стран.

охлократию, где маргинальные элементы *de facto* чаще всего составляли лишь небольшой процент от числа участников, начинает отдавать предпочтение той «форме» публичного выражения мнения, с которой в общественном сознании традиционно ассоциировались протестные акции социально-экономического, а не политического характера? Почему учреждения государственной власти, в том числе парламент и его структуры, воспринимаются гражданами, многие из которых обладают активным избирательным правом и способны оказывать воздействие на своих представителей, как органы, *все менее отражающие* их личные и коллективные интересы, являвшиеся одним из достигнутых когда-то компромиссов в рамках так называемого «общественного договора»?

Не исключено, что причину следует искать в том, что к действующему на тот момент «общественному договору» народ, несмотря на провозглашение его «источником» и «носителем» власти, а *priori* не имел никакого отношения, так как был лишь *статистом* и *сторонним наблюдателем*, когда в 1875 году между «роялистами» и «либералами» заключалось «соглашение», благодаря которому Франция сумела избежать очередной революции или гражданского противостояния, осуществив окончательный «ребрендинг» формы правления и став республикой? Другими словами, «общественный договор» – *de jure* и *de facto* – необходимо рассматривать и оценивать в контексте *взаимных уступок*, в основе которых лежали *не интересы широких слоев населения*, а правящей элиты и стоящих за ней господствующих классов. Видимо, из-за этого никто из них и не думал выносить на референдум «проекты» законодательных актов, в целом составившие некодифицированную конституцию. Следовательно, ни о каком «народовластии» речь не могла идти в принципе, так как декларации о демосе как «источнике» и «носителе» власти носили *голословный, ничем* – с практической точки зрения – *не подтвержденный* характер. Вполне вероятно и допустимо, причем не только гипотетически, что по этой причине «народ» в

итоге и обратил более пристальное внимание на «нестандартные» средства и методы взаимодействия с публичной властью и ее институтами⁶⁸⁹.

Естественно, нам могут возразить, прежде всего по поводу того, как мы квалифицируем статус народа, в качестве аргумента акцентируя внимание на выборах, по результатам которых формируется, в том числе, законодательный орган либо одна из палат, где «мандатом доверия» обладают представители того самого «народа», провозглашенного в акте высшей юридической силы не кем иным, как «источником» и «носителем» власти. Не будем спорить, так как именно на этих принципах функционируют «представительные» институты о каком бы – демократическом, тоталитарном или авторитарном – государстве ни шла речь, однако парадокс состоит в том, что *избиратель не всегда и не везде* имеет возможность прямого контакта с «кандидатом», особенно в том случае, если последний баллотируется не по мажоритарному округу, а входит в список конкретной партии либо общественной организации. Общение с ним и его «программой», являющейся всего лишь «агитационным листком», где в концентрированном виде определяются цели и задачи, с которыми партия в лице

⁶⁸⁹ Исходя из того обстоятельства, что настоящее исследование носит сравнительно-правовой и историко-правовой характер, весьма целесообразно проводить параллели между системообразующими тенденциями государственного строительства, имевшими место как в Старом, так и Новом Свете, в том числе, относительно тех проблем, о которых речь шла выше по тексту. В первую очередь это касается тех вопросов, которые так или иначе связаны с декларативным характером института «народовластия», так как представить «народ», о каком-бы государстве ни шла речь, в качестве «источника» и «носителя» власти (особенно если речь идет о деклассированных элементах и маргинальных слоях населения, даже при условии, что они обладают правом избирать и быть избранным, не говоря уже о пораженных в избирательных правах женщинах) можно лишь с большой степенью условности и исторического оптимизма. Чтобы быть более объективными, процитируем одного из североамериканских авторов: «... Избрание Джексона (напомним, что Эндрю Джексон, седьмой по счету президент Соединенных Штатов, стал главой государства, исходя из решения «коллегии выборщиков», в 1828 году, задолго до процесса сепарации, начала гражданской войны между «севером» и «югом», отмены рабовладения и наделения миллионов «colored people» избирательным правом. – Э.Е.) положило... конец аристократической практике «собрания фракции» (congressional caucus) для выбора кандидата в президенты. С этих пор партии стали организовывать для этой цели собрания по выдвижению кандидатур (nominating conventions). Силы традиции, сконцентрированные в федералистской партии, больше не участвовали во внутренней политике как организованная группа, сохранив только социальную функцию. Поэтому в Америке на протяжении всего XIX века отсутствовал конфликт европейского образца между партией и традицией, между торговцами конституцией и аристократическими силами монархии, государства, армии, церкви. Конституционная идея в Америке, Англии и на континенте (имеются в виду западноевропейские государства, где действовали учредительные акты. – Э.Е.) означала разные вещи. В Америке конституция была символом рождения народа. В Англии «неписаная» конституция олицетворяла органическую преемственность истории английской национальной души, соединяя ее прошлое и будущее. На континенте конституция была центром притяжения всех антитрадиционных сил, разрывом с органическим прошлым и средством разрушения государства и общества. В Америке не было традиции, только конституция; в Англии конституция и традиция являлись синонимичными; на континенте конституция и традиция находились в оппозиции...». – Цит. по: *Улик Варандж* (Фрэнсис Паркер Йоки). *Imperium. Философия истории и политики...* – С. 423.

ее руководства и функционеров связывает «политическое будущее», в целом может ограничиться единственной встречей, после чего, как правило, о нем, при благоприятном стечении обстоятельств, *не будет известно ничего* вплоть до следующей избирательной кампании, при условии, что он войдет в предполагаемый перечень кандидатов от соответствующего округа. Депутат, у которого *мандат не наделен* «императивностью», *не несет никакой*, даже абстрактной, ответственности перед населением, так как этой «прерогативой» обладает партия, *единолично решающая* – быть кому-то членом парламента и конкретной фракции или, сложив полномочия, лишиться подобного статуса.

Вне всякого сомнения, «избранник народа», представляющий партию, в течение срока действия депутатского мандата *не игнорирующий* своего округа и его жителей, является более предпочтительным кандидатом на следующий «электоральный цикл», особенно в том случае, если речь идет о тех из них, кто в парламенте прежнего созыва возглавлял профильный комитет, комиссию и структуру подобного рода, не говоря уже о руководящих органах (как правило, *за ними стоят* не только финансовые средства так называемых «спонсоров», приведших партию и ее членов к победе, но и интересы в конкретных областях хозяйственно-экономических отношений), поэтому «представительство» – как один из важнейших институтов либеральной модели демократии – *чаще всего носит партийный характер*, что *de facto* оказывает существенное влияние на уровень юридической техники и качество принимаемых нормативных актов. Но парадокс парламентаризма, при этом какой бы из «оплотов демократии» мы ни рассматривали конкретно, состоит в том, что нередко «обязательства», взятые «партийным представителем» перед местным электоратом, с какими он баллотировался на очередной или внеочередной срок, диссонируют с тем, что функционеры «обещали» гласным и негласным покровителям, заключая с каждым из них соглашение о материальной помощи. Перед нами своего рода *конфликт интересов*, от разрешения которого зависят перспективы партии и ее депутатов. В случае коллизии недовольными могут быть либо избиратели, либо противная сторона, в результате чего наиболее действенным публичным

инструментом, при отсутствии императивного мандата, становится массовый уличный протест как антитеза выборам и представительным институтам⁶⁹⁰.

Таким образом, *при сохранении незыблемости процедур*, формально-юридически ассоциируемых с «народовластием», теряется связь между ними и представительным характером институтов демократии, что, в свою очередь, не может не вызывать вопросов по поводу того, что первично – *инструмент*, с помощью которого соответствующие полномочия концентрируются в чьих-то руках, или *непосредственно власть*, «источником» и «носителем» которой в учредительных и прочих конституционно-правовых актах провозглашается – с подчеркнутым пафосом – народ? Безусловно, трудно игнорировать, при этом излишне не акцентируя внимание на наличии цензов и ограничений, вполне очевидный факт, что так называемая «всеобщность» предполагает равенство голосов и деклассированного маргинала, и состоятельного обывателя, и члена «клана Ротшильдов», так как *никто из них* в момент получения бюллетеня и последующей фиксации в нем персональных или партийных предпочтений *не*

⁶⁹⁰ Говоря о кризисе демократии в Европе в преддверии Второй мировой войны, исследователи выделяют следующие моменты: «... Перед лицом Германии, которую нацисты очень быстро возродили, в том числе и экономически, и которая показывала свою новую силу, демократии демонстрировали слабость. Соединенное Королевство, которым с 1931 года и до самой войны правили консерваторы (ранее по тексту нашей работы мы уже рассматривали данный вопрос. – Э.Е.), сначала под видом правительства национального единства во главе с лейбористом Рамсеем Макдональдом, потом во главе со Стэнли Болдуином, которого сменил Невилл Чемберлен, тем не менее переживало ощутимый экономический подъем. Зато упадок Франции вызвал тем больший резонанс, что она воплощала послеверсальскую Европу, «французскую систему». Французский кризис (обобщениям и выводам современных французских авторов, на наш взгляд, никак нельзя отказать в объективности, последовательности и известной самокритичности. – Э.Е.) в этот период имел много обликов. Это был экономический кризис: подъем экономики начнется не ранее 1938 года. В 1939 году экономическая активность еще не достигнет уровня 1930 года. Политический кризис: расколы среди правых и среди левых привели к настоящему параличу институтов. Радикалы, победившие в 1932 году, как и в 1924 году, благодаря поддержке социалистов, оказались не в состоянии управлять, потому что их экономические концепции были противоположны социалистическим. Идеологический кризис: мало того, что от традиционных политических движений отделились сторонники обновления («младотурки» в радикальной партии, неосоциалисты в социалистической, неолибералы, поддерживавшие государственную реформу Андре Тардьё), еще и значительно усилились крайне правые лиги, ставившие под вопрос саму природу парламентского режима. Фактически, если добавить сюда коммунистическую партию, часть общества, которая не верила в возможности существующего режима и отвергала парламентаризм, продолжала расти. Олицетворением общей тревоги стало насилие в ходе волнений (как реакция правящей элиты на все более расширявшуюся в своих масштабах охлократию. – Э.Е.), спровоцированных лигами в 1934 году. В 1936 году Национальный фронт потерпел поражение в экономическом плане и быстро распался из-за недоверия средних классов. После этого страна еще более, чем когда-либо, разделилась на тех, для кого Народный фронт был отправной точкой социального освобождения, и тех, кто видел в нем только предвестие революции и даже войны. Хотя и по разным причинам – в Англии парламентскую систему под сомнение не ставил почти никто – обе великих демократии оказались почти не в состоянии стать противовесом нацизму. Франция все более подражала какой-нибудь Англии, руководители которой были «старыми господами», мало склонными действовать... Слабость демократий и растущая сила нацизма могли только способствовать усилению авторитарных тенденций, заметных в Европе с двадцатых годов...». – Цит. по: История Европы /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 505-506.

обладает преимуществом, тем не менее – при отсутствии «экстремальных», форс-мажорных и подобного рода непредвиденных обстоятельств – говорить о том, что парламентаризм не является отражением соотношения «базиса» и «надстройки», где народу *отведена далеко не решающая*, как может кому-то показаться на первый взгляд, роль, значит неосознанно либо преднамеренно, выполняя чей-то заказ, выдавать «желаемое» за «действительность». Власть, хотим мы того или нет, *не может не носить* классового характера, только под понятие «класс» уже не подпадает какая-то конкретная социальная общность, концентрирующая в руках своих ставленников, осуществляющих публичную – законодательную, исполнительную или судебную – деятельность в известных органах и учреждениях, важнейшие рычаги государственного механизма. Все намного проще и прозаичнее, так как принципиальных системных изменений в этой сфере общественных отношений мы не обнаружим: если использовать в качестве «анalogии» метафору («кто платит, тот и заказывает музыку»), то в подавляющем большинстве случаев за «народным избранником», даже если он имеет статус советника, депутата или президента, *всегда* стоит «денежный мешок», конечной целью которого является получение прибыли, как правило, всеми доступными – причем не только легальными – способами⁶⁹¹.

⁶⁹¹ В контексте сказанного нельзя не процитировать одного из североамериканских авторов: «... До конца XVIII века война и политика были делом кабинетов, королей и небольших профессиональных армий и редко касались обычного человека. Демократия все изменила: она вывела на поля сражений все человеческие ресурсы нации, заставила каждого обзавестись мнением по вопросам управления и выражать это мнение на плебисцитах и выборах. Тем, кто не имел своего мнения (а таковы 99% людей), она его навязала и убедила в том, что оно их собственное. Фатальным для идеи демократии было то, что момент ее рождения совпал с началом эпохи экономики. Получилось так, что ее авторитарная тенденция была подавлена, и после короткого взлета в лице Наполеона ей пришлось дожидаться наступления политической эпохи, чтобы снова себя выразить. Но *конец эпохи экономики был одновременно концом демократической идеи*. Таким образом, на протяжении своей истории демократия большей частью была служанкой экономики в ее борьбе с авторитаризмом. Имея два полюса – талант (ability) и массу, демократия привела всех в политику и наделила самых успешных вдесятеро большей властью, чем обладал любой абсолютный монарх. Но сам Наполеон не смог одолеть сил, в эпоху экономики мобилизованных против него деньгами, тем более не устояли менее значимые демократические диктаторы. В испанской Южной Америке, где власть денег не была абсолютной, традиция диктаторов-демократов (самые известные из них – Боливар, Росас, Франсия, О'Хиттингс) в целом характеризовалась мощной авторитарной тенденцией в народовластии. Однако в большинстве стран сохранялась только демократическая риторика, и это позволило экономическим заправилам в той или иной мере проявлять самовластие, *ведь сначала они сломали государство с помощью демократии, а потом ее просто купили*. В условиях поздней демократии... конституционная анархия под названием «демократия» служила именно интересам финансистов. Слово «демократия» перешло в собственность...». – Цит. по: Улик Варандж (Фрэнсис Паркер Йоки). Imperium. Философия истории и политики... – С. 257.

В отличие от периода демократических преобразований, наступившего в Старом и Новом Свете вслед за подписанием унижительного для Германии «Версальского договора», позволившего национал-социалистам объединить немцев, завоевать власть и ликвидировать структуры, олицетворявшие собой «парламентаризм», последнее десятилетие перед началом Второй мировой войны *не было ознаменовано* какими-либо фундаментальными прорывами в области конституционно-правовых отношений: общество, залечившее раны, в той или иной степени полученные незадолго до этого, находилось в состоянии *стагнации*, во многом обусловленной нежеланием правящей элиты «ломать» механизмы взаимодействия, сформировавшиеся в результате половинчатых, в ряде случаев никак не отвечавших «требованиям дня» и не адаптированных к новым историческим условиям, реформ. Если посмотреть на сложившуюся к концу «предвоенной эпохи» ситуацию, то у граждан Франции, граничившей с пресловутым «Третьим рейхом», в принципе *не должно было быть* сколько-нибудь серьезных причин для беспокойства, в том случае, если вопрос стоял⁶⁹² о представительной демократии: избирательный процесс, по итогам которого депутатский корпус то «левел», то «правел», шел как бы по накатанной колее, и *не останавливался* вплоть до второй половины тридцатых годов и падения Третьей республики. Вместе с тем *существенным элементом политического процесса*, от которого – как реального «способа» влияния на власть – не было смысла отказываться, продолжала по-прежнему оставаться охлократия⁶⁹³.

⁶⁹² Исходя из того факта, что предметом и объектом настоящего исследования не являются хозяйственно-экономические отношения, мы вообще не касаемся вопросов, связанных с экономическим кризисом и его последствиями, за исключением тех из них, которые так или иначе связаны с политическим процессом.

⁶⁹³ Как отмечают современные французские исследователи, «... экономический кризис и безработица, понижение правительством Лаваля заработной платы служащим способствовали успеху Народного фронта на выборах. Конечно, количество голосов, поданных за левых, увеличилось менее чем на два процента по сравнению с 1932 годом (когда парламентские выборы принесли им в итоге победу. – Э.Е.), но кардинально изменилось соотношение сил в самих рядах левых. Радикалы, поплатившиеся за участие в правительстве, сдали позиции..., коммунистическая партия заметно выдвинулась вперед. Во втором туре кандидаты от левых снимали свои кандидатуры в пользу коллеги, имеющего лучшие шансы; коммунистическая партия увеличила число мандатов от десяти до 72..., радикалы получили ... 109 мест. В рядах оппозиции, насчитывающей 220 депутатов, правый центр уступил позиции непримиримым левым. Победа левых на выборах вызвала к жизни забастовочное движение без насилия, во многом спонтанное, с захватом заводов. Рабочий класс, молчавший со времени послевоенных стачек, теперь надеялся, что благодаря политическим изменениям произойдут глубокие перемены в социальных отношениях...». Тем не менее, «решающий вклад в поражение Народного фронта внесло трагическое обострение внешних проблем. В марте 1936 года накануне выборов правительство радикалов во главе с Альбером Сарро отказалось от всякого военного вмешательства, когда Гитлер 7 марта провел

Как ни парадоксально, движение так называемых «желтых жилетов», с которым столкнулась современная Франция, по ряду аспектов является не чем иным, как охлократией, посредством которой широкие слои населения (среди них маргиналы, на фоне тех, кто корреспондирует себя со «средним классом», вновь составляют весьма незначительный процент от общего количества), не довольные уровнем жизни и решениями властей, направленными на все, что угодно, но не на его повышение, пытаются *оказать давление* на структуры, от которых непосредственно зависит выход из создавшейся кризисной ситуации. На наш взгляд, страна не только переживает своего рода «ренессанс» старых форм и методов, *апогеем* которых можно считать *студенческие выступления* второй половины шестидесятых годов прошлого века, приведшие к отставке (в данном случае, видимо, есть смысл говорить о компромиссе, позволившем в итоге стабилизировать обстановку, начать преобразования) одного из самых «харизматичных» президентов, но и пытается *реанимировать* на качественно новом этапе государственного строительства принципы, заложенные когда-то в основание «общественного договора», достигнутого между «источником» и «носителем» власти в лице «французской нации» и правящей элитой. С одной стороны, в этом *нет ничего экстраординарного*, так как *народ вправе искать и предлагать* альтернативные пути для разрешения возникающих коллизий, с другой – все они, как бы «институционально» ни позиционировались, ни при каких условиях не должны противоречить конституционно-правовым нормам и, что принципиально, носить исключительно легитимный характер.

ремилитаризацию Рейнской области (до «мюнхенского сговора», развязавшего ему и его ближайшему окружению руки, оставалось совсем немного времени. – Э.Е.). Это объяснялось уклончивым поведением Англии, отсутствием сил для интервенции, а также позицией общественного мнения. Леон Блюм считал нужным форсировать перевооружение армии, и это решение усугубило экономические трудности и поссорило его с пацифистами в собственной партии. Когда разразилась гражданская война в Испании, Блюм предпочел невмешательство в связи с нажимом со стороны радикалов (за некоторыми из которых стояли не кто иные, как прогерманские силы. – Э.Е.), с позицией Великобритании и нежеланием расширять конфликт, пойдя тем самым на встречу пацифизму общественного мнения. После этого понятно, что в феврале он считал нужным объявить «паузу» в реформах, а в июне 1937 года подал в отставку из-за отказа сената предоставить ему неограниченные полномочия в сфере финансов. Правительство Народного фронта возглавил радикал Шотан, но через несколько месяцев ушел в отставку. После кратковременного возвращения Блюма за дела 12 апреля 1938 года взялся радикал Деладье, в чьем правительстве уже не было социалистов и куда уже попали правоцентристы, отчего в ходе легислатуры произошла новая перегруппировка политических сил. Это привело к быстрому распаду Народного фронта, который покинули радикалы...». – Цит. по: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 398-399, 400-401.

В контексте тенденций конституционно-правового развития, с разной по степени интенсивностью протекавших в Старом Свете в период между двумя мировыми войнами, еще более контрастно проявлялись модернизационные процессы, имевшие место в Соединенных Штатах, в результате которых в силу как объективных, так и закономерных причин бывшие британские «заморские территории», с большим трудом, не без взаимных уступок и компромиссов со стороны экономических и политических элит «южан» и «северян», *сумевшие преодолеть* последствия гражданского противостояния, вышли на авансцену, объявив себя «оплотом демократии», защитником прав и свобод человека. С учетом *предмета* и *объекта* настоящей работы мы не собираемся говорить о том «вкладе», который внес «Град на холме» в становление, актуализацию и популяризацию феномена германского национал-социализма, акцентируя в первую очередь внимание на том, каких «высот» достигла гражданская нация, стремясь избавиться от рецидивов, связанных с дискриминацией по расовому признаку, по ряду аспектов практически ничем не отличавшейся от идеологием превосходства «белокурых арийцев» над «неполноценными народами». При этом компаративист и историк государства и права, критически исследующий основные причины и предпосылки *системно-институционального кризиса* либеральной модели демократии, для научной полноты картины не должен игнорировать тех вопросов, которые формально выходят за временные рамки периода, рассматриваемого в данный момент, в противном случае, анализ и его результаты будут носить *поверхностный* и *односторонний* характер, чего, как нам кажется, не должно быть *a priori*. Без методологии подобного рода не удастся достичь необходимых обобщений, подтвердив или опровергнув тезис о том, что «практика является критерием истины», и, вслед за очень многими учеными, согласиться с *безапелляционным выводом*, кочующим из работы в работу, что Соединенные Штаты справедливо заслуживают таких абстрактных эпитетов, как «оплот демократии» и «пример для подражания». Это говорится о государстве, где еще *несколько десятилетий назад* в общественных местах, в том числе парках, ресторанах, туалетах и на транспорте висели таблички «for colored

people», ничем не отличавшиеся от того, что имело место в отношении «звезд евреев» в Германии во второй половине тридцатых годов XX века⁶⁹⁴.

Нам не следует при этом забывать тот факт, что пресловутая *сегрегация*, несмотря на возведенные в абсолют мультикультурализм, политкорректность и толерантность, *de facto* *никуда не исчезла, а лишь приобрела новые формы*, посредством которых всевозможные «меньшинства» (спектр последних лишь возрастает), целенаправленно игнорируя и социально отторгая как архаизмы

⁶⁹⁴ Лишь только очень наивному человеку может показаться, что уже на следующий день после принятия знаменитой XIII поправки, отменившей в Соединенных Штатах институт рабства, «colored people» будут не *de jure*, а на самом деле уравнены в правах с белым мужским населением. В этой связи, весьма показательны с практической точки зрения годы правления президента Эндрю Джонсона, занявшего этот пост сразу же после убийства Авраама Линкольна (присяга была принесена через три часа после столь трагического для судеб американского народа события). «Северяне» в качестве победителей в гражданской войне надеялись на то, что смогут диктовать главе государства свои условия (в том числе в рамках так называемой «реконструкции», инициированной еще Авраамом Линкольном, своим «острием» направленной на восстановление регионов, входивших в состав конфедерации), в еще большей степени унижавшие чувства и достоинство проигравших «южан». Как отмечает Роберт Римини, «... радикальные республиканцы были в эйфории, полагая, что без труда смогут определить курс, в соответствии с которым и будет происходить реконструкция мятежного Юга. Они не сомневались, что им удастся контролировать этого выходца из Теннесси (бывший вице-президент был уроженцем именно указанного региона. – Э.Е.), а он, прежде чем начать действовать в качестве президента, созывает специальную сессию конгресса или дожидается следующей сессии в декабре 1865 года. Но их ждало разочарование. После полной капитуляции конфедератов президент Джонсон в основном утвердил план Линкольна и призвал уже назначенное прежним президентом руководство в Арканзасе, Луизиане, Теннесси и Вирджинии. Кроме того, Джонсон выпустил две прокламации, в которых назначил (как мы видим, выборы были отнесены на более позднее время, предоставленное для формирования учредительных органов в новых «старых» штатах, так как ранее действовавшие на этой территории институты были ликвидированы. – Э.Е.) временных исполнителей на должность губернаторов остальных семи южных штатов с тем, чтобы созвать конвенты штатов. Им предстояло отменить постановления о выходе из Союза, аннулировать долги времен Конфедерации и ратифицировать Тринадцатую поправку. Президент амнистировал всех мятежников, принесших присягу на верность Союзу, но лишил права на амнистию тех конфедератов, которые занимали высокие посты в правительстве или армии (речь практически идет о своего рода «люстрации», которой в обязательном порядке подверглись представители гражданской и военной элиты южных регионов страны. – Э.Е.). Амнистия не распространялась и на тех, кто обладал собственностью стоимостью в 20 тысяч долларов и больше: сказывалось предубеждение Джонсона против богачей и высшего южного общества, горькая память о нищете, в которой прошла его юность. Впрочем, те, кто не подлежал амнистии, могли напрямую обратиться к президенту с просьбой о помиловании, и лишь те, кого амнистировали или помиловали, были вправе участвовать в реконструкции своих штатов...».

В этот период, помимо прочего, резко обострились отношения главы государства и конгресса, тем не менее процесс «воссоздания» федерации постепенно набирал обороты, в связи с чем, к декабрю 1865 года, то есть к началу работы парламента, «... оставшиеся семь штатов, кроме Техаса, выполнили все требования президента и были признаны. Через четыре месяца их примеру последовал и Техас. Когда 4 декабря вновь собрался конгресс, в своем первом обращении Джонсон сообщил, что Союз восстановлен. Но конгрессмены не приняли его заявление во внимание и создали Объединенный комитет по реконструкции, состоящий из 9 членов палаты представителей и 6 членов сената, которому предстояло доложить, должны ли мятежные штаты быть представлены в конгрессе. Более того, пока этот комитет не представит доклад, – говорилось в одном из постановлений указанного органа, – который будет одобрен конгрессом, «ни один конгрессмен из упомянутых так называемых конфедеративных штатов не будет принят ни в нижнюю, ни в верхнюю палату». После этого делегаты нескольких южных штатов, приехавшие на сессию..., незаметно покинули палату представителей... На заседаниях члены комитета неоднократно заслушивали свидетельства очевидцев, враждебных примирительной политике Джонсона, и уверяли, что, если представители мятежных штатов будут вновь допущены в конгресс, «положение бывших невольников будет немногим лучше положения рабов». Действительно, некоторые южные штаты уже приняли «Черные кодексы», ограничивавшие права бывших невольников таким образом, чтобы привязать их к земле и фактически снова сделать рабами...». – Цит. по: Римини Р. Краткая история США... – С. 207-208, 209. Какое отношение все это имеет к демократии?

личную и общественную идентичность, права, свободы и законные интересы консервативного «большинства», подвергают остракизму и все чаще делают его представителей «изгоями», ограничивая их возможности самореализации не только на уровне институтов гражданского общества, но и в политической сфере. Все это *дает основание* говорить о том, что, ликвидировав «цензы» по признакам расы, гендера или цвета кожи, *в оборот введены неолиберальные ценности*, основанные на принципиально «иных» взглядах на человека, его роль в процессе государственного строительства и осуществления власти.

В последние годы исследователями для характеристики общества и его элементов все чаще используется термин «*глубинный народ*», под которым в целом подразумевается та часть населения Соединенных Штатов, где сильны, в положительном смысле слова, брачно-семейные, религиозные и общинные традиции, заложенные в основание североамериканской государственности, ее важнейших, системообразующих институтов первыми переселенцами и их потомками, *идеалистически верившими* в то, что они строят «Град на холме», и исповедовавшими, «что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами»⁶⁹⁵, к которым относятся жизнь⁶⁹⁶, свобода и стремление к счастью...». Однако парадокс состоит в том, что, когда речь заходит не о «декларативном», а реальном, подлинном, действительном конституционно-правовом положении женщин как одном из элементов, в том числе публичной направленности, начинаешь невольно осознавать буквально следующее: их формально-юридический статус достаточно продолжительный период качественно – практически *ничем не отличался* от «европейского», о какой бы форме правления ни шла речь непосредственно. Другими словами, представительницы «слабого пола» по обе стороны океана *были поражены* в правах, *не имея возможности* участвовать в политическом процессе. Можно понять и при желании в чем-то оправдать не совсем адекватное отношение к

⁶⁹⁵ Интересно, а оставаться мужчиной или женщиной, несмотря на тенденции последних лет, некоторые из которых приобретают перманентный характер, относится к «неотчуждаемым правам», как записано в акте, известном с 1776 года под названием «Декларация независимости»? Вопрос, как говорится, риторический.

⁶⁹⁶ Именно поэтому, судя по всему, Соединенные Штаты относятся к тем немногим государствам, где *до сих пор смертная казнь не отменена*, применяется достаточно активно, регулярно и целенаправленно.

определенной части средневекового общества со стороны господствующих на тот момент сословий и мужского населения в целом, особенно тех, кто *de jure* был лишен полномочий отдать свой голос за соответствующего кандидата на государственную, региональную либо муниципальную *выборную должность*, но никакими причинами, кроме возраста и состояния здоровья (как вариант – образование) нельзя мотивировать, чтобы ни предлагалось в качестве «веских аргументов», тем более законодательно санкционировать *запрет обладать* – причем как в настоящем, так и в перспективе – кому-то, в силу, например, тех же церковных догматов, архаичного мировоззрения и социальной практики, *избирательным правом по гендерному признаку*. Если в период буржуазно-либеральных революций конца XVIII – середины XIX века это воспринималось по многим причинам как нечто само собой разумеющееся, то в начале XX века подобные подходы диссонировали с тенденциями общественного развития и совершенно не отвечали «требованиям дня»⁶⁹⁷.

При более детальном рассмотрении отдельных вопросов, так или иначе связанных с осуществлением гражданами Соединенных Штатов своих прав и свобод, продекларированных в учредительных актах, в частности в «Билле о правах», первых десяти поправках, и в некоторых последующих дополнениях,

⁶⁹⁷ Кто-то вправе задаться вопросом, почему мы, анализируя процесс демократизации североамериканского (до этого англо-британского, французского) общества, особое внимание придаем формально-юридическому положению женщин в качестве одного из элементов механизма народовластия? Проблема состоит в том, что трудно говорить о таком фундаментальном социальном явлении, каким справедливо считается демократия, *если большинство* взрослого, дееспособного – мужского и женского – населения страны, исходя из наличия сразу нескольких цензов, в том числе имущественного, гендерного, расового, на протяжении длительного периода времени было, причем в жестко императивном порядке, *лишено возможности избирать и быть избранными*, другими словами, в нарушение конституционных деклараций («мы, – *de jure* провозглашается в преамбуле учредительного акта 1787 года, – *народ* Соединенных Штатов...») не считаться «источником» и «носителем» власти. А если это так, то о какой демократии в форме народовластия *a priori* вообще может идти речь в ситуации, при которой в государстве, нередко вполне безапелляционно позиционирующем себя «оплотом демократии» и защитником прав и свобод человека, имеются граждане, так сказать, «первого» (белые мужчины, обладающие собственностью или соответствующим имуществом) и «второго» (женщины любого цвета кожи, «*colored people*», индейцы, граждане, имеющие судимость) сорта, наделенные разными правами, а иногда и «вариативной» ответственностью? Вопрос, как говорится, риторический, тем более что женщины только благодаря XIX поправке, ратифицированной большинством штатов к августу 1920 года, то есть *через сто тридцать три года* после вступления в силу Конституции, стали полноправными членами североамериканского общества. Бесспорно, демократия это в первую очередь неукоснительное соблюдение ряда процедур, где, наряду с представительством, одно из важнейших мест занимают выборы и иные формы непосредственного волеизъявления граждан, поэтому поражение в правах части населения не может никак ассоциироваться с тем, что несет в себе этот публичный институт как основа современной государственности. Демократия – это равенство прав, в том числе политических, независимо от пола, расы, отношения к религии, и свободное их осуществление, а не только декларации конституционно-правового характера.

внесенных в Конституцию 1787 года, приходишь к осознанию того, что многие, на первый взгляд исключительно «современные» проблемы исторического явления, известного как «американская демократия», *практически ничем* не отличаются от тех, с которыми общество и политический режим сталкивались неоднократно в процессе осуществления перечня избирательных процедур, обусловленных легитимацией должности главы государства. Уже достаточно давно, по существу с момента ратификации и вступления в силу действующей Конституции, нет никакого секрета в том, что к выборам президента народ как «источник» и «носитель» власти имеет *всего лишь косвенное отношение*, так как последнее является прерогативой небольшой группы людей, в численном выражении не превышающей общего количества членов палат конгресса, и от мнения которых зависит, особенно в форс-мажорной ситуации, кто конкретно из кандидатов на очередные четыре года займет кресло в Овальном кабинете Белого дома. С учетом подобной «специфики» *было бы наивно полагать*, что коллизии первой четверти XXI века, если не вызванные, то спровоцированные известным диссонансом итоговых результатов, «*de facto*» полученных в ходе президентских кампаний, носили эксклюзивный характер и ранее никогда не встречались в конституционной истории «Града на холме»⁶⁹⁸.

⁶⁹⁸ Сказанное выше относится и к процедуре импичмента, особенно в тех ситуациях, когда отстранение от должности связано с противоречиями, возникшими между ветвями власти. В качестве «наглядного» примера можно привести конфликт, имевший место в период правления Эндрю Джонсона и предвыборной кампании 1868 года: «... Эта избирательная кампания имела исключительно большое значение для дальнейшей судьбы реконструкции в южных штатах. До сих пор реакция в борьбе против реконструкции опиралась на президента Джонсона, и уход его с поста президента был бы серьезным поражением противников реконструкции. Этот вопрос к началу избирательной кампании фактически уже был решен, – делают вывод советские ученые в своем многотомном труде по истории Соединенных Штатов, – так как Джонсон своей открытой поддержкой реакционеров окончательно дискредитировал себя в глазах избирателей. Окончательный удар реакции был нанесен судебным процессом над президентом... Джонсон проводил открытый саботаж решений конгресса по Реконструкции Юга, отказался отдать под суд Джефферсона Дэвиса, который был лично ответствен за зверские убийства и надругательства над военнопленными федеральной армии. Только в Андерсонвиллской тюрьме Генрих Вирц, немец по национальности, было уничтожено 10 тысяч пленных северян. По приказанию Вирца 300 человек застрелили за то, что они преступили за установленную черту (после окончания войны за совершенные преступления он был публично казнен. – Э.Е.). И, наконец, Джонсон сосредоточил вооруженные силы в стратегических пунктах Юга, готовясь начать вооруженную борьбу с конгрессом... Все эти незаконные действия восстановили против президента самые широкие круги общественности и позволили радикалам в марте 1868 года поставить в сенате вопрос о суде над Джонсоном. 35 сенаторов проголосовали за осуждение, 19 – против. Одним голосом Джонсон был оправдан. Но суд над президентом был крупнейшим морально-политическим поражением реакции...». – Цит. по: История США. Том первый. 1607 – 1877... – С. 495. Подробнее см., например: *Trefousse H. Impeachment of a President.* – Knoxville, 1975.

Еще одним «камнем преткновения» во взаимодействиях президента и конгресса этого периода стал закон «О гражданских правах», на принятии которого настаивали противники главы государства. Напомним, что одним

Вообще, не может не вызывать недоумения тот факт, что президент как глава государства не избирается непосредственно населением (до вступления в силу в начале апреля 1913 года XVII поправки верхняя палата конгресса тоже не формировалась избирателями, а легислатурами штатов, делегировавшими в этот орган своих представителей) в процессе прямых выборов, когда каждый гражданин как «источник» и «носитель» власти вправе решать за кого отдать голос, передав кандидату часть так называемого «народного суверенитета».

Действительно, все те, кто обладает активным избирательным правом, не сомневаются – наивно или осознанно другой вопрос – в том, что именно они предоставили «карт-бланш» одному из претендентов на высшую по статусу и полномочиям должность в системе федеральной исполнительной власти, а не какая-то «коллегия выборщиков», традиционно формируемая по партийному принципу, члены которой⁶⁹⁹ – лишь фиксируют результаты общенациональных

из элементов реконструкции рассматривалось перераспределение в южных регионах земельных наделов с целью обеспечения ими, в том числе, бывших «colored people», тем самым – разрушив структуру плантаторской аристократии. Конгресс, отвергнув это предложение, в начале марта 1865 года формирует специальное бюро по делам вольноотпущенников и беженцев (как белых, так и освобожденных черных), к полномочиям которого, помимо прочего, были отнесены функции судебной власти с целью защиты бывших рабов от дискриминации: «... Его инициаторами стали несколько умеренных республиканцев... К сожалению, Джонсон предпочел не искать союза с умеренными. Он назвал этот закон огромной кормушкой, к тому же слишком дорогой. Палата представителей преодолела его вето 109 голосами против 40, но сенат поддержал Джонсона, когда пять умеренных республиканцев признали дороговизну проекта. Остальные умеренные республиканцы были возмущены действиями президента. Они предприняли еще одну попытку, приняв закон о гражданских правах (в 1866 году. – Э.Е.), который стал «воплощением взглядов умеренных» и наделял гражданскими правами всех, кто родился в Соединенных Штатах, кроме индейцев (процесс идет дальше, и через два года, 9 июля 1868 года ратифицируется XIV поправка, посвященная институту гражданства, но, как ни странно, применимо только к мужчинам. – Э.Е.). Закон о гражданских правах гласил, что у «всех в равной степени, независимо от расовой принадлежности», есть право подавать судебные иски и заключать договоры, давать свидетельские показания в суде, а также право на «неприкосновенность личности и собственности» ... Чтобы не вызывать недовольство президента, документ... не предоставлял политические права вольноотпущенникам. Закон о гражданских правах впервые давал «законодательное определение прав американских граждан». Он в равной степени относился и к Северу, где, как и на Юге, все еще оставались в силе дискриминационные законы, и в этом смысле не был законом, имеющим отношение исключительно к реставрации. И тем не менее Джонсон наложил на него вето. Он утверждал, что этот документ противоречит «всему нашему человеческому опыту» и ведет «к централизации и концентрации всей законодательной власти в руках национального правительства». Более того, – констатирует Роберт Римини, – Джонсон высказал откровенно расистскую идею о том, что черные не способны быть гражданами, и настаивал на праве штатов на расистскую дискриминацию. Обе палаты конгресса кипели от возмущения... Палата представителей и сенат легко преодолели вето президента. Закон о гражданских правах (1866 года. – Э.Е.) стал первым из важнейших американских законов, принятых против воли президента». – Цит. по: Римини Р. Краткая история США... – С. 210-212. Как мы видим, болезнь, именуемая «расизмом», имеет очень глубокие корни.

⁶⁹⁹ Так, читаем раздел 1 статьи II Конституции: «... Каждый штат назначает в порядке, установленном его легислатурой, выборщиков, число которых должно быть равно общему числу сенаторов и представителей, которых штат имеет право направить в Конгресс; но при этом ни один сенатор или представитель либо лицо, занимающее почетную либо приносящую доход должность, учрежденную Соединенными Штатами, не могут быть назначены выборщиками...». – Об этом см.: Конституция Соединенных Штатов Америки 17 сентября 1787 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 118.

выборов. Простому обывателю трудно понять, особенно в тех случаях, когда кандидат, набравший большинство голосов избирателей, не получает мандат на управление страной, который «достается» тому, в пользу кого выскажутся, назначенные штатами «выборщики», поэтому при такой «схеме» и возможна, более того, она в ней заложена, коллизия между электоратом, права которого с формально-юридической точки зрения первоначально, после ратификации legislatures необходимого количества субъектов, на федеральном уровне ограничивались исключительно нижней палатой национального конгресса, и «коллегиями выборщиков», легитимировавшими не только главу государства, но и верхнюю палату. Ситуация как минимум абсурдная: провозгласив себя не чем иным, как «оплотом демократии» Соединенные Штаты *могли считаться* таковым *чисто условно*, так как была актуализирована модель, при которой избирательным правом обладали *только мужчины* (до 1870 года, то есть до вступления в силу XV поправки, белые, отвечавшие соответствующим цензам и требованиям, с этого момента бывшие «colored people»), к ведению которых относилось формирование *всего лишь одной палаты*. Правда, получив статус «назначенного выборщика», представители «сильного пола» выходили за эти рамки, и от имени конкретного штата и одной из партий выбирали президента и вице-президента. Но если избирателем мог быть любой гражданин страны, достигший определенного возраста, не ограниченный законом или судебным решением в активном праве (другими словами, *практически в течение всей своей сознательной жизни*, через каждые два года идя на выборы), то членом «коллегии выборщиков» конкретный человек становился *только на время* и лишь для участия в *одной единственной электоральной процедуре*⁷⁰⁰.

⁷⁰⁰ Впервые дилемма между «избирателем» и «выборщиком» проявилась в так называемом «компромиссе 1877 года», поэтому все последующие коллизии избирательного процесса в той или иной степени являются «наследницами» того, о чем договорились политические организации, периодически сменяющие друг друга в рамках правящей элиты: «... Содержание политической истории последней четверти столетия определялось (на предыдущем этапе многое базировалось на противоборстве сторонников аграрного и промышленного пути развития, апологетов и противников рабовладения, что нашло отражение в гражданской войне между «севером» и «югом»). – Э.Е.) уже волей полноправного хозяина страны – крупного промышленного капитала, подчинившего своим интересам обе главные партии. Совпадение классовых целей двух партий означало утверждение самой консервативной в истории Соединенных Штатов двухпартийной системы. Господство гнетущего единообразия в деятельности республиканцев и демократов затянулось и дало трещину лишь на рубеже XIX – XX столетия. Своего рода «заповом» нового периода в истории буржуазных партий, да и политики в целом, стали

При этом, как ни странно, известные сомнения в своей адекватности и объективности вызывает достаточно распространенный в учебной литературе тезис, согласно которому Соединенные Штаты идентифицируются не иначе, как «суперпрезидентская» (*термин*, на наш взгляд, *чисто публицистический*, не имеющий ничего общего с действительностью) республика, и это при том, что в тексте Конституции, принятой на Филадельфийском конвенте в сентябре 1787 года, ничего подобного, применительно к форме правления, отыскать не удастся. Более того, закрепленный принцип разделения властей и механизмы «сдержек и противовесов» носят своего рода односторонний характер, так как глава государства ни при каких условиях не может распустить ни одну из палат конгресса, который, в свою очередь, при наличии соответствующих оснований вправе инициировать процедуру импичмента и отстранить президента – как и любое гражданское должностное лицо – от занимаемой должности⁷⁰¹.

президентские выборы 1876 года и последовавшая вслед за ними беспринципная сделка между партиями, которую буржуазные историки предпочитают деликатно именовать «компромиссом 1877 года». Он-то и знаменовал стирание существенных различий внутри двухпартийной системы. Сделка 1877 года – *яркий образец политической коррупции*... На президентских выборах 1876 года в ходе соперничества между республиканцем Р. Хейсом и демократом С. Дж. Тилденом чаша весов склонилась в пользу (в прошлом веке нечто подобное наблюдалось на аналогичных выборах, где друг другу противостояли Альберт Гор и Буш-младший. – Э.Е.) последнего. Он собрал на 250 тысяч голосов избирателей больше, чем Хейс. Когда стали подсчитывать голоса выборщиков, выяснилось, что от четырех штатов – Флорида, Луизиана, Южная Каролина и Орегон – поступили противоречивые, сомнительные сведения. Без учета выборщиков от этих штатов у Тилдена было 184 голоса, у Хейса – 165. Кандидату от демократов, чтобы стать президентом, достаточно было получить один из оставшихся 20 голосов выборщиков, то есть его устраивал благоприятный исход выборов в любом из четырех штатов. Хейсу же для победы нужна была поддержка всех без исключения выборщиков от Флориды, Луизианы, Южной Каролины и Орегона. Не вызывало сомнений, что в трех южных штатах (Луизиана, Южная Каролина, Флорида), где еще сохранялась Реконструкция, а республиканцы полностью контролировали избирательную процедуру и счетные комиссии, итоги выборов были подтасованы в их пользу. Так, в Луизиане счетные комиссии, состоявшие из республиканцев, объявили недействительными 13 500 голосов, поданных за демократов, в результате чего Хейсу было обеспечено большинство в 4 тысячи избирателей и поддержка всех выборщиков. Разобраться во всех нарушениях избирательной процедуры предстояло специальной комиссии, включавшей по пяти представителей от сената, палаты представителей и Верховного суда... В феврале 1877 года комиссия пришла к решению «не ворошить результаты выборов» и объявила о победе во всех четырех штатах республиканца Хейса. 3 марта 1877 года он был приведен к присяге в качестве президента... Решению комиссии как раз и предшествовал сговор («компромисс») лидеров республиканцев и демократов, в результате которого было решено, что Хейс в награду за президентскую должность без промедления отзовет войска федерального правительства из Флориды, Луизианы, Южной Каролины, где еще не было объявлено об окончании Реконструкции, и передаст контроль над распределением федеральных должностей на Юге демократам, выделит субсидии на развитие... экономики, в частности на строительство железных дорог... В течение 1877 года Хейс выполнил главные требования демократов. Конец Реконструкции подвел черту периоду антагонизма между республиканцами и демократами...». – Цит. по: История США. Том второй. 1877 – 1918. – М.: Изд-во «Наука», 1985. – С. 25-26.

⁷⁰¹ Раздел 4 статьи II: «Президент... и все гражданские должностные лица (а это, как мы знаем, несколько тысяч человек, утвержденных на соответствующий пост верхней палатой федерального конгресса, Сенатом. – Э.Е.) Соединенных Штатов могут быть отстранены от должности по импичменту за государственную измену, взяточничество либо за другие серьезные преступления и правонарушения...». При этом, согласно разделу 3 статьи I, «... Сенату «принадлежит исключительное право разбирательства дел по импичменту (который выступает в подобном случае *квазисудебным* органом, а нижняя палата, в свою очередь, *квазиследственным*

Критический анализ конституционного текста свидетельствует о том, что Соединенные Штаты, судя по всему, *безоговорочно нельзя отнести* – события последних лет только подтверждают наше предположение – ни к республике парламентского, ни президентского типа, так как сложившиеся более чем за двести лет механизмы «сдержек и противовесов» говорят о том, что в одних случаях, достаточно императивно прописанных в статьях учредительного акта, «пальма первенства» принадлежит законодательной власти, ассоциируемой с бикамеральным конгрессом, в других – концентрируется в руках президента и его администрации, являющихся аналогом правительства, осуществляющих исполнительно-распорядительные полномочия. Однако в целом их сближает то обстоятельство, что *во внутренней политике* по целому ряду направлений приоритетным рассматривается штат, его органы, учреждения и функции, а не федеральные публичные институты. Именно поэтому рабовладение со всеми вытекающими последствиями отменяется в ряде «северных» штатов уже при получении независимости тринадцатью бывшими британскими «заморскими территориями», а в национальном масштабе – лишь на завершающей стадии гражданской войны. Во многом аналогичная ситуация прослеживалась и при актуализации всеобщего избирательного права среди мужского⁷⁰², а затем и женского населения. Справедливости ради следует сказать, что реализация на практике норм федерального законодательства сталкивалась с проблемами, во многом вызванными не только сложносоставным характером государства, но и латентным саботажем со стороны региональных «элит» (особенно тех из них, кто не смирился с победой «северян»), реакционно настроенных граждан и их общественных объединений: между декларируемой правовой нормой и ее

органом. – Э.Е.). Заседая с этой целью, сенаторы принимают присягу или делают заявления. Если перед судом предстает Президент Соединенных Штатов, председательствует Главный судья (председатель Верховного суда. – Э.Е.), и ни одно лицо не может быть осуждено без согласия двух третей присутствующих членов...». – Об этом см.: Конституция Соединенных Штатов Америки 17 сентября 1787 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 120, 114.

⁷⁰² Согласно XV поправке к Конституции, ратифицированной 3 февраля 1870 года, «... право голоса граждан Соединенных Штатов не должно оспариваться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку расы, цвета кожи либо выполнения ранее подневольной работы...». – Об этом см.: Поправка XV к Конституции США 1870 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 135. Заметим, о женщинах, даже «colored people», *не говорится ни слова*.

применением лежала «*сегрегационная пропасть*», которую в отдельных штатах *de facto* лишь предстояло преодолеть, причем очень нескоро⁷⁰³.

Одним из элементов политического режима, характеризующего его с точки зрения «демократичности», как правило, принято рассматривать суды и то влияние, которое они прямо либо косвенно оказывают на либерализацию и гуманизацию законодательства, посвященного правам и свободам человека как в их динамике, так и в статике. В *англосаксонской традиции* этому фактору придается особое значение (например, Альберт Венн Дэйси в одной из работ подчеркивал, что в условиях североамериканского федерализма не что иное, как суды «... являются осью, вокруг которой вращается весь конституционный механизм»), в частности, по причине того обстоятельства, что в классической схеме разделения властей суду отводится место «беспристрастного арбитра», контролирующего не только взаимодействие между собой «законодателя» и

⁷⁰³ Существенную роль в этом процессе играли суды, формируемые по партийным квотам, от решений (где формулировались идеи, обусловленные толкованием соответствующих норм и мнением конкретных судей) которых, нередко носивших прецедентный характер, во многом зависело правоприменение со стороны как федеральных, так и региональных учреждений. Как отмечают отечественные компаративисты, «... несмотря на значительное возвышение центральных органов власти и управления, как главной тенденции эпохи империализма, Соединенные Штаты не превратились в жестко централизованное государство и продолжали оставаться по форме своего устройства классической буржуазной федерацией, субъекты которой обладали весьма значительными правами... Х поправка к конституции, введенная еще в 1791 году, прямо установила, что «права, не предоставленные конституцией Соединенных Штатов и не отнятые ею у штатов, принадлежат штатам или народу». Причем данное положение соблюдалось достаточно строго на практике. В 1911 году Верховный суд еще раз авторитетно подтвердил, что нельзя требовать от штата выполнения тех условий приема в союз, которые посягают на его независимость в части управления внутренними делами. Права, которые конституция оставила в ведении субъектов федерации, были весьма значительны. За малым исключением все сколько-нибудь существенные вопросы решали они. Как писал знаменитый американский конституционалист профессор В. Вильсон, «перечисление всех пунктов... длинного ряда полномочий заняло бы слишком много места: перечислить все детали этих полномочий значило бы перечислить все категории социальных и деловых отношений, изложить все основания закона и порядка». Такое положение вещей объяснялось целым рядом (многие из которых своими корнями уходят в процесс перехода от конфедерации к федерации, тенденции государственного строительства, его особенности и специфику. – Э.Е.) существенных причин... Сложная... государственно-правовая структура... значительно облегчает местным обскурантам превращение отдельных штатов в своеобразные «заповедники» консерватизма, создание там политического режима, более реакционного, чем в стране в целом... Так, ссылками на «суверенность штатов» реакционные силы десятилетиями мешали принятию какого-либо социального законодательства, в том числе законов, ограничивающих детский и женский труд, регулирующие взимание арендной платы, вводящих публичное бесплатное образование и здравоохранение, запрещающих расовую дискриминацию и сегрегацию негритянского и других национальных меньшинств... Федеральное устройство... позволяло, с одной стороны, создавать видимость децентрализации и демократизма, а с другой – проводить заведомо непопулярную политику руками должностных лиц штатов, оставляя в тени федеральные власти и уменьшая долю их ответственности за существующее в стране положение вещей. В рассматриваемый период Верховный суд... в значительной степени пересматривает (то есть все более активно осуществляет функции конституционного контроля. – Э.Е.) те юридические доктрины, которые интерпретировали взаимоотношения федерации и ее субъектов...». – Цит. по: Громаков Б.С., Лисневский Э.В. История государства и права США (1870 – 1917 гг.). – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1973. – С. 16, 17-18.

«исполнителя», но и каким образом каждый из них «соблюдает» – de jure и de facto – и «администрирует» конституционно-правовые нормы и предписания, как императивно, так и диспозитивно регламентирующие базовые принципы и ценности, лежащие в основе статуса гражданина. В контексте сказанного не избежать критических оценок, связанных с *реставрацией дискриминации* по расовому признаку, что не может не свидетельствовать о декларативности и в какой-то степени популизме и формализме гражданских и политических прав «colored people», провозглашенных в XIV и XV поправках к Конституции⁷⁰⁴.

Не может не вызывать недоумения тот факт, что de jure, заявляя о том, что в стране нет никаких фундаментальных предпосылок к возврату практики ограничения избирательных прав «цветного» населения, гарантированных на уровне федерации и штатов, de facto обстановка складывалась как минимум не в пользу констатаций подобного рода, так как *южные регионы постепенно восстанавливали* утраченные позиции (видимо, трудно, являясь в нескольких поколениях владельцем десятков или сотен рабов, взять и перестать им быть), что, на наш взгляд, свидетельствует о глубоком и затяжном, растянувшемся по существу на очень многие десятилетия, системно-институциональном *кризисе североамериканского варианта* «западной» модели демократии. Казалось, и не всегда напрасно, что, получив прививку толерантного отношения к тем, кто с оружием в руках завоевал себе и своим близким свободу, общество сумеет, невзирая ни на что, в итоге сделать необходимые выводы, отправив в «архив» представления о том, что даже в «Граде на холме» могут быть, в зависимости от цвета кожи, люди «первого» и «второго» сорта. Но самое парадоксальное состояло в том, что «сегрегационные тенденции», наблюдавшиеся на рубеже веков, *нередко превышали то, что имело место* в преддверии гражданского противостояния между «Севером» и «Югом». Складывается впечатление, что правящие элиты некоторых южных штатов *не извлекли никаких позитивных уроков* из той «ситуации», в которой очутились их предшественники и местное

⁷⁰⁴ Подробнее см.: *Buck P.H.* The Road to Reunion, 1865 – 1900. – Boston, 1937; *Beard Ch.* Contemporary American History, 1877 – 1913. – N.Y., 1915. Так, законопроект о запрете «суда Линча» рассматривается уже с 1918 года.

население, пытаясь сохранить «статус-кво» и не ликвидировать рабовладение как основу хозяйственно-экономического «базиса». Для них «цветной» – так и остался «colored people», место которого не в легислатуре и муниципалитете, не на избирательном участке, а на хлопковой или табачной плантации. Как же тогда оценивать конституционные поправки, «предоставившие» нескольким миллионам граждан Соединенных Штатов, помимо прочего, право избирать и быть избранным, то есть стать единственным «источником» и «носителем» власти? Судя по тому, и с этим не поспоришь, что происходит с окончательным решением пресловутого «расового вопроса» в начале XXI века, *ответы до сих пор не найдены*. Однако век назад коллизия была еще более острой⁷⁰⁵.

⁷⁰⁵ С учетом сказанного не может не удивлять тот факт, что реальное положение «цветных» практически не интересовало другую пораженную в правах часть населения – белых женщин: «... Успехи женского движения не могут скрыть одной его негативной, по современным меркам, черты. По сути, это (речь идет о женщинах, получивших со временем наименование «суфражистки», от «suffrage» – буквально «избирательное право», боровшихся за предоставление им равного с мужчинами избирательного права. – Э.Е.) было движение белых женщин, и подавляющее их большинство (исключение – радикально-социалистическое меньшинство) не испытывали никакого интереса к потребностям расово-этнических меньшинств. Более того, вряд ли будет преувеличением сказать, что большинство белых женщин той эпохи, подобно большинству белых мужчин, сохраняли расистскую ментальность. Не будет преувеличением и то утверждение, что белый расизм в ту эпоху, в сравнение с предшествующей эпохой Гражданской войны и Реконструкции, не только не ослаб, но даже усилился. В Соединенных Штатах определенно наблюдалась *реанимация расистских настроений*, что не могло не отразиться на отношениях двух главных американских рас – белой и черной. В 1870 – 1910-е годы в южных штатах продолжали укореняться реставрационные тенденции, обозначившиеся... на завершающем, «нисходящем» этапе Реконструкции. Реставрация расового режима не означала восстановления всех институтов, ликвидированных в эпоху Гражданской войны. О восстановлении негритянского рабства не могло быть и речи... Главной причиной явилось нарастание расизма во всех слоях белого населения Юга. По завершении Реконструкции белые южане обнаружили твердое намерение взять реванш у бывших черных рабов за «унижения», нанесенные теми «высшей расе» в годы Гражданской войны и Реконструкции...».

Во многом корреспондирует нашим обобщениям и следующий вывод: «... Главная стратегическая цель белых южан заключалась в лишении свободных негров гражданских и политических прав, закрепленных в 14-й и 15-й поправках к... Конституции. Поскольку отменить сами эти поправки было невозможно, белые южане стали изобретать обходные способы реализации своей стратегической цели. Главным способом нейтрализации 14-й поправки, наделявшей чернокожих равными с белым населением гражданскими правами, стали законы о раздельном допуске двух рас к местам общественного пользования. В 1880 – 1890-е годы во всех южных штатах были приняты законы о раздельном использовании белыми и черными больниц, транспорта, театров, кафе и ресторанов, школ и тюрем. Так была создана система *тотальной расовой сегрегации*... Самым надежным ее бастионом оказался Верховный суд... Наиболее громкое решение в пользу расовой сегрегации Верховный суд вынес в 1896 году в связи с разбирательством дела чернокожего Г. Пlessи, жителя Луизианы, попытавшегося проехать в автобусе для белых (пройдет много лет, и в 1954 году похожий случай произойдет в штате Алабама с Розой Паркс, которая будет осуждена за то, что в автобусе займет место, предназначенное для белого, что вызовет массовые протесты среди местного населения. – Э.Е.). Луизианский закон о расовой сегрегации был признан не противоречащим федеральной Конституции, поскольку 14-я поправка осуждала только неравенство прав, но не отрицала возможности раздельного пользования ими. Тут же Верховный суд сформулировал доктрину «равных, но раздельных прав», которая стала юридическим основанием расовой сегрегации в южных штатах на целых 60 лет. Согласно ей, сегрегация была возможна, если не отрицала равенства в условиях обслуживания. Доктрина «равных, но раздельных прав» носила *расистский и откровенно циничный характер*, поскольку было хорошо известно, что *равенство* в условиях обслуживания в раздельных больницах, тюрьмах, на транспорте, кафе, как и равенство в школьном обучении *не существовало нигде и было невозможно по определению*. Сегрегация негров на транспорте, в школах, больницах и даже в тюрьмах была создана не только для того, чтобы разделить белых и черных, но в первую очередь для того, чтобы низвести негров до условий существования «низшей расы». –

Хотелось бы особо подчеркнуть, что в данном разделе исследования мы *не преследуем цель подвергнуть огульной критике* государство, объявившее себя «оплотом демократии», и насаждающее – согласным или несогласным с этим утверждением – свое субъективное мнение, не обращая внимание на те проблемы, с которыми в глазах непредвзятого наблюдателя ассоциируется не только процесс становления и развития важнейших институтов, но и широкий круг «вопросов», *до сих пор не снятых* с «повестки дня». Смысл сравнительно-правового анализа, с нашей точки зрения, выражается в том, что, сопоставляя различные по форме правления и территориальному устройству государства, *условно объединенные общей дефиницией* «западная» модель демократии, приходишь к пониманию, что нельзя путать «понятие» какого-то социального или политического явления, сформулированное «кабинетным» ученым, и его «содержание», полученное как итог исторического процесса. Следовательно, даже если полностью игнорировать возрождение во многих южных регионах Соединенных Штатов *дискриминации по расовому признаку*, компаративист, к сожалению, не сможет не обратить на это внимание⁷⁰⁶.

Цит. по: *Согрин В.В.* Исторический опыт США... – С. 282-284. В том числе и поэтому идет процесс «переписывания» истории.

⁷⁰⁶ Самое неприятное для профессионального государствоведа в этом случае состоит в том, что значительный «вклад» в продлении действия системы сегрегации внес Верховный суд Соединенных Штатов, «оригинально» толковавший нормы XIV и XV поправок к Конституции, на некоторое время ставший по существу оплотом и в ряде случаев вдохновителем реакции, так как в случае коллизии между федерацией и штатом, вызванной нарушением данных поправок, чаще всего выносились решения в пользу последнего: «... Верховный суд... отказался от своей подчеркнуто централизаторской позиции, которую он неукоснительно занимал в первой половине XIX века. Если до 1865 года им были признаны неконституционными лишь 2 федеральных статута, то к 1900 году такая судьба постигла уже 23 союзных акта, а с 1900 по 1937 год – 53. Данная практика теоретически обосновывалась необходимостью защиты «прав штатов» от посягновений со стороны федерации. На деле же происходило аннулирование законов, защищавших политические права негров. В 1873 году трем должностным лицам в Луисвилле были предъявлены обвинения в нарушении статей 3 и 4 закона о принуждении от 31 мая 1870 года (дело Риса). Однако федеральный судья Боллард не нашел состава преступления в действиях подсудимых, обосновав, в частности, свое решение тем, что инкриминируемые статьи являются неконституционными. Тогда же аналогичный случай (знаменитое дело «Соединенные Штаты против Крукшэнка и других». – Э.Е.) стал предметом судебного разбирательства в Луизиане. В нем принял участие член Верховного суда... Д. Брэдли. Вынося приговор, он также указал на неправомерность закона о принуждении от 31 мая 1870 года. В связи с этим дело Крукшэнка (как и ранее дело Риса) было направлено в главный суд Союза для окончательного решения вопроса о законности оспариваемого статута. 27 марта 1876 года высшая судебная инстанция страны 8 голосами против 1 объявила статьи 3 и 4 закона о принуждении от 31 мая... неконституционными. Как известно, последние предусматривали уголовную ответственность для тех чиновников, которые препятствовали гражданину реализовать его право голоса на выборах. В решении, которое было высказано от имени Верховного суда... его председателем Уэйтом, содержалось утверждение о том, что в связи с XV поправкой к конституции... федеральный конгресс обладал властью принудительно осуществлять путем издания «соответствующего законодательства» гарантированное государством гражданину право вोटировать (независимо от расовой принадлежности последнего, цвета кожи ли прежнего состояния в рабстве). Оспариваемый акт, по мнению суда, не ограничивался борьбой со злоупотреблениями по таким точно очерченным в самой конституционной

Дилемма между «фактом» и его «интерпретацией», встающая каждый раз перед государствоведом, пытающимся объективно оценить тот либо иной общественный феномен, ни при каких обстоятельствах не должна приводить к тому, чтобы собственным мнением – пусть и весьма авторитетным в научных кругах – подменять реальное положение вещей, тем более, стремясь выдавать «желаемое» за «действительность». Исходя из этого, трудно воспринимать в качестве *демократического* то государство, где еще два поколения назад, не говоря уже о первой трети прошедшего века, к гражданину, *имевшему другой цвет кожи*, относились как к обладателю «равных, но разделенных прав»: то есть чернокожий обыватель мог прийти в ресторан и кафе, но – *у него не было возможности* занять стол, предназначенный исключительно для белого, или, пользуясь публичной библиотекой, читать книги и периодику в том же зале, что и представитель иной расы. При всей абсурдности, *в этом не было ничего странного*, неестественного и противозаконного для многих южных регионов Соединенных Штатов, так же как и *цензы нового поколения*, *de jure* введенные с целью «нейтрализации» императивной нормы XV поправки к федеральной Конституции и ограничения избирательных прав бывших «colored people»⁷⁰⁷.

поправке вопросам, а охватил широкий круг проблем расовой дискриминации вообще. Таким образом, гласило постановление, в том виде, как они были сформулированы, статьи 3 и 4 закона о принуждении от 31 мая 1870 года явно неконституционны, поскольку затрагивают прерогативы штатов...». – Цит. по: *Громаков Б.С., Лисневский Э.В.* История государства и права США... – С. 19-20. И это государство еще умудряется позиционировать себя «оплотом демократии»!

⁷⁰⁷ Наш вывод полностью совпадает с точкой зрения многих исследователей, предметно изучающих систему, сложившуюся в Соединенных Штатах в последней трети XIX – первой половине XX века: «... 15-я поправка к федеральной Конституции, запрещавшая дискриминацию политических (избирательных) прав по цвету кожи, была нейтрализована южными штатами при помощи трех обходных мер. Первой мерой, – констатирует В.В. Согрин, – серьезно ограничившей число черных избирателей, стало введение избирательного налога (своего рода *имущественный* ценз. – Э.Е.). Сотни тысяч негров, представлявших низшие социальные слои, предпочли уплате налога неучастие в выборах. Второй мерой, еще больше сократившей число черных избирателей, явилось введение в южных штатах *ценза грамотности*. Согласно цензу, южные граждане, претендовавшие на получение права голоса, должны были уметь прочесть конституцию штата или федерации, а в ряде случаев объяснить смысл прочитанного. Этот ценз ударил и по части белых избирателей, но все же наибольший урон понесли негры: число неграмотных среди белых в различных штатах колебалось от 8 до 18%, а среди негров – от 40 до 60%. Наконец, третьей ограничительной мерой стал своеобразный *ценз родства*, введенный в четырех штатах. В историю он вошел под именем «дедушкиного закона»: претендент на избирательное право должен был доказать, что этим правом пользовался его дед. Негры, расставшиеся с рабским состоянием тридцать лет назад (на момент введения в действие дискриминационных законов. – Э.Е.), представить таких доказательств в большинстве случаев не могли. В целом эти, как и более мелкие ограничительные меры, *лишили избирательных прав до 90% черных американцев*. Неудивительно, что негры стремительно исчезли из законодательных собраний, судебных и исполнительных органов южных штатов...». – Цит. по: *Согрин В.В.* Исторический опыт США... – С. 284. Подробнее см.: *Hine D.C., Hine W.C., Harrold S.* African Americans. – Upper Saddle River (N.J.), 2004; *Richardson H.C.* The Death of Reconstruction: Race, Labor and Politics in the Post-Civil War North, 1865 – 1901. – Cambridge, 2001; *Foner E.* The Story of American Freedom. – N.Y., L., 1998.

Однако не менее странным выглядит то обстоятельство, что, принимая законодательные акты соответствующей направленности, не позволявшие, с формальной точки зрения (нехватка финансов, чтобы выплатить требуемый в таких случаях налог, неумение читать и писать, отсутствие родственников по прямой нисходящей линии), «цветным» гражданам на легальных основаниях участвовать в избирательном процессе, *легислатуры* южных штатов *ни в чем, юридически, не противоречили судебным решениям*, вынесенным по этому поводу в контексте толкования предписаний XV поправки. Другими словами, в качестве основы была взята не конституционная норма федерального акта, а *мнение нескольких человек*, оформленное в виде постановления высшего органа судебной власти, *не подлежащее обжалованию*. Можно, конечно, в ситуациях такого рода ссылаться на традиции англосаксонской системы права, в то же время есть основания констатировать, что, провозглашая конституцию актом высшей юридической силы, действующим, без каких-либо исключений, на территории всей федерации, ей отводится роль *субсидиарного источника*, нормы которого носят *вторичный характер*, так как приоритет, в том числе в области прав и свобод человека, остается за органом «последней инстанции», которым рассматривается Верховный суд Соединенных Штатов, *наделивший себя*, причем самостоятельно, функцией конституционного контроля. Именно благодаря его решениям правящие элиты южных штатов достаточно быстро и безболезненно *сумели адаптироваться к новым историческим условиям* и, как следствие, вернуть утраченные позиции, прежде всего на уровне местных нормативных актов, ограничивавших права чернокожего населения⁷⁰⁸.

⁷⁰⁸ Причем это произошло уже через десять лет после окончания гражданского противостояния между «северянами» и «южанами», когда в 1875 году «... Верховный суд указал, в явное нарушение XV поправки к конституции..., что власти штатов могут предъявлять к своим гражданам, претендующим на право участвовать в выборах, так называемые «предварительные требования» (уплата избирательного налога и т.д.). Таким образом, южные расисты получили легальную возможность отстранения негров от избирательных урн, чем они незамедлительно и воспользовались. В конце XIX века разгорелась острая борьба вокруг конституции Миссисипи, положившей (речь идет о 1890 годе, когда принимается соответствующий законодательный акт. — Э.Е.) начало законодательной дискриминации цветных в области избирательных прав. Верховный суд... в решении по делу «Уильямс против Миссисипи» признал в 1898 году этот статут «находящимся в соответствии с конституцией страны», чем поощрил расистов из других южных штатов на аналогичные антинегритянские акции. Миссисипская конституция устанавливала, что получение электоральных прав здесь обуславливалось уплатой особого избирательного налога и принесением специальной присяги. Одновременно выдвигалось еще и другое обязательное условие — «умение разумно толковать» основной закон штата. Опираясь на это положение,

Когда сравниваешь тенденции, имевшие место в Соединенных Штатах в преддверии Первой мировой войны, складывается впечатление, что «Север» и «Юг», с одной стороны, продолжали существовать в едином государстве, но, с другой – *нередко идти в противоположных направлениях* с точки зрения всего того, что прямо либо косвенно было связано с «внутренней политикой», либерализацией и демократизацией конституционно-правовых отношений. Нельзя сказать, что в южных регионах, в отличие от соседей на северо-востоке или северо-западе, имела место стагнация, во многом обусловленная тем, что сегрегация со всеми вытекающими последствиями оказывала влияние на все остальные сферы жизни, тем не менее «коллективный Север» периодически, в зависимости от обстановки, показывал пример того, в каком направлении и с какой скоростью *должны двигаться* общество и государство, избавляясь от идеологем, штампов и мировоззренческих стереотипов, сформировавшихся в общественном сознании гражданской нации на предыдущих этапах. Процесс, *de facto* связанный с необходимостью расширения и углубления политических прав, охвативший штаты, актуализированный рядом объективных факторов и предпосылок, в итоге приобретал более реальные очертания, контрастируя с действительностью, провоцируя правящие элиты искать компромисс со всеми *заинтересованными сторонами* как на национальном, так и местном уровне, что в конце концов привело к осознанию востребованности реформ⁷⁰⁹.

расисты легко смогли устранить избирателей-негров: в соответствии с новым конституционным актом из 110 тысяч белых мужчин право голоса получили 68 127, а из 147 тысяч негров – только 8 тысяч. К 1900 году число последних сократилось до 2 тысяч. Введение ценза толкования смысла конституции означало ничем не ограниченную власть диксикратов лишать чернокожих избирателей их формально признаваемых политических прав. Эта юридическая уловка оказалась весьма эффективным средством поддержания выгодной плантаторской элите... расистской кастовой системы. В 1895 году в Южной Каролине была принята новая конституция. Наряду с уже упоминавшимися цензами она предусматривала и новый – постоянную регистрацию («дедушкин пункт»). Отвечающим данному требованию признавался лишь тот, кто имел право голоса в указанный в законе период, как правило, приходящийся на годы до принятия XIV и XV поправок к конституции..., когда привилегией голосовать... пользовались исключительно белые...». – Цит. по: Громаков Б.С., Лисневский Э.В. История государства и права США... – С. 22-23.

Примеру Миссисипи и Южной Каролины вскоре последовали штаты Луизиана (1898 год), Алабама (1901 год), Вирджиния (1902 год), Северная Каролина (1902 год), Джорджия (1908 год). Таким образом, к началу XX века в южных штатах, где на тот момент проживало около 90% «цветного» населения федерации, потомки «colored people» были законодательно лишены основных гражданских и политических прав. Судя по всему, это и есть хваленая демократия по-американски. – Подробнее см.: Фостер У.З. Негритянский народ в истории Америки. – М., 1955. Но об этом за океаном «стеснительно» предпочитают не распространяться.

⁷⁰⁹ В обобщениях такого рода мы далеко не одиноки, поэтому, не претендуя на эксклюзивность, процитируем небольшой фрагмент из фундаментального исследования отечественных государствоведов: «... Движение за

На этом фоне *не может не удивлять* «бурная» деятельность legislatures тех южных штатов, где наблюдалось совершенно обратное движение, так или иначе направленное на ужесточение требований, предъявляемых властными структурами, реакционно настроенным населением к «цветным» гражданам, не только дискриминационными содержательно, но и диссонирующими с тем вектором преобразований, который стал определяющим в других регионах. И здесь мы имеем тот же «сценарий», что и в случае с легальным ограничением избирательных прав и введением специальных цензов, *de facto* направленных на устранение из политического процесса дееспособных членов общества, все отличие которых от остальных состояло в расовой принадлежности и цвете их кожи. Косвенным образом в определенных случаях эти новации затрагивали и отдельные категории белых граждан, что свидетельствовало о неправомерном отношении к ним вне «цветного» контекста, однако и в такого рода ситуациях законодатель проявлял инициативу, в основе которой лежало решение – чаще всего – Верховного суда Соединенных Штатов, не видевшего ничего плохого в сегрегации и «равных, но раздельных правах». Поэтому если среди «северян» чернокожий депутат или судья *уже не вызывали крайне негативной реакции*, то

расширение политических прав практически охватило всю страну, хотя в разных штатах оно развивалось с различной интенсивностью и с неодинаковым успехом. Результаты зависели от многих обстоятельств. Большое значение имел масштаб вовлечения в движение различных слоев населения: городской мелкой буржуазии, интеллигенции (профессоров колледжей, журналистов, адвокатов), в некоторых штатах – фермеров, в ряде мест – рабочих, выступивших с требованиями о сокращении рабочего дня и об улучшении условий труда. Немалую роль также играли лидеры прогрессизма (напомним, что в конце XIX века в стране возникло несколько оппозиционных течений, среди которых выделялись прогрессивные журналисты или «макрейкеры» и так называемое «прогрессивное движение», оформившееся в рамках обеих крупнейших – республиканской и демократической – партий в качестве сторонников необходимости проведения реформ в области публичных отношений. – Э.Е.), радикализм которых проверялся на практике, когда им удавалось занять пост губернатора или мэра. Как правило, прогрессисты наталкивались на упорное сопротивление консерваторов, возглавлявших партийные машины обеих буржуазных партий. И тем не менее в исследуемый период *семнадцать штатов* (Юта, Орегон, Айдахо, Небраска, Невада, Монтана, Оклахома, Мэн, Миссури, Арканзас, Колорадо, Огайо, Мичиган, Южная Дакота, Аризона, Вашингтон и Калифорния) *внесли в свои конституции пункт о праве избирателей на инициативу и референдум*, а в Массачусетс и Нью-Мексико – право референдума. Вслед за ними и в других штатах прогрессисты выдвинули требования демократизации конституции. Острые разногласия между консервативными элементами в партиях и прогрессистами возникли при попытке последних утвердить в законодательном порядке практику прямых выборов, в том числе и в Сенат... В 1903 – 1904 годах прогрессисты в Висконсине добились закона о выдвижении кандидатов не на партийном съезде (указанный акт в 1904 году был одобрен на региональном референдуме. – Э.Е.), а на первичных предвыборных собраниях (direct primary law). К 1915 году подобные законы были утверждены в большинстве штатов...». – Цит. по: История США. Том второй. 1877 – 1918... – С. 248. Подробнее см.: Lovejoy A.F. La Follette and the Establishment of the Direct Primary in Wisconsin, 1890 – 1904. – New Haven, 1941. – P. 83-95; McDonald F. The United States in the Twentieth Century. Vol. 1. 1900 – 1920. – Reading (Mass.), 1970. – P. 157.

во многих южных штатах нечто подобное считалось нонсенсом, не говоря о том, как воспринимались потомки «colored people» в административном или партийном аппарате и особенно в семейных и бытовых отношениях⁷¹⁰.

Однако даже в такой противоречивой обстановке «вопросом вопросов» являлось поражение в избирательных правах женщин, независимо от цвета их кожи и социального положения, так как члены семей конгрессменов, судей, общественных деятелей и предпринимателей ничем не отличались от прачек и посудомоек, лишенных большинства гражданских и политических прав. Но, парадокс состоял в том, что на уровне этой части дееспособного населения, в неменьшей степени, чем у мужчин, *процветал гендерный расизм*, поэтому за свои права черные и белые представительницы «слабого пола» боролись – и в конце концов достигли необходимого результата – «отдельными колоннами», не

⁷¹⁰ На столь «печальный» факт обращают внимание многие ученые: «... Законы о запрещении межрасовых браков, отмененные во время «радикальной реконструкции», были восстановлены в Южной Каролине (1879 год. – Э.Е.), Миссисипи (1880 год. – Э.Е.), Луизиане (1894 год. – Э.Е.) и других южных штатах. Рассматривая одно из дел такого рода, Верховный суд штата Вирджиния постановил: «Чистота общественной морали... и высший успех нашей любимой южной цивилизации... требуют, чтобы обе расы держались ... раздельно и что связи и союзы между ними столь неестественны, что Бог и природа им воспретили это, и данное восприятие должно быть установлено в законе без всяких изъятий» (такое впечатление, что речь идет не об одном из штатов «оплота демократии», а о Германии периода правления национал-социалистов. – Э.Е.). За нарушение подобного рода запретов предусматривались суровые наказания. Во многих южных штатах женщинам за рождение цветного ребенка грозило тюремное заключение... Позиция Верховного суда Соединенных Штатов значительно облегчала установление... режима расовой сегрегации и дискриминации. В 1882 году он признал правомерным запрещение межрасовых браков. В 1883 году им был объявлен неконституционным закон о гражданских правах 1875 года, который устанавливал уголовную ответственность за дискриминацию в публичных местах по отношению к неграм. По мнению высшей судебной инстанции страны, федеральный конгресс якобы превысил свои прерогативы, поскольку XIV поправка к конституции... не наделяла его как полномочиями законодательствовать по тем вопросам, которые относятся к исключительной компетенции штатов, так и правом создания муниципального кодекса для регулирования поступков частных граждан... Обосновывая неправомерность закона о гражданских правах 1875 года, Верховный суд... даже выдвинул целую доктрину «государственного действия». Согласно ей, федеральные власти не имели права вторгаться в пределы местной юрисдикции и предписывать отдельным индивидам правила поведения по отношению друг друга. По мнению судей, XIV поправка к федеральной конституции запрещала только те расистские действия, которые исходили от чиновников. Если посягательства на чьи-либо права имели место со стороны частных лиц, то эти поступки, с точки зрения высшей судебной инстанции страны, не охватывались XIV поправкой... Верховный суд указал в своем постановлении, что отказ в предоставлении помещения... не может рассматриваться как попытка вернуть негра в рабское или иное зависимое положение. В противном случае, как подчеркивается в данном решении, это «привело бы к тому, что вопрос о рабстве и рабском состоянии поднимался бы в связи с проявлением любого акта дискриминации». Закон о гражданских правах 1875 года был признан юридически ничтожным также по мотивам противоречия с судебной доктриной «корректирующего законодательства». Согласно данной концепции, конституция страны наделила конгресс с целью реализации положений XIV поправки правом издавать только такие законы, которые имели «дополнительный характер», то есть исправляли противоправные положения, содержащиеся в актах штатов. Другими словами, федеральные власти... не были облечены правомочием провозглашать «общие положения, касающиеся конституционного статуса граждан, а могли принимать только исправляющие, корректирующие статуты». И поскольку с точки зрения суда упомянутый закон представлял «первичное и прямое правотворчество», то он явно выходил за пределы полномочий, предоставляемых XIV поправкой...». – Цит. по: Громаков Б.С., Лисневский Э.В. История государства и права США... – С. 24-26.

пересекаясь друг с другом. Следует иметь в виду, что к тому моменту, как была принята XIX по счету поправка к Конституции⁷¹¹, уже несколько штатов, вслед за Колорадо, который осуществил это в 1893 году, *ликвидировали ценз и уравнили в правах мужчин и женщин*. Что можно рассматривать знаковым событием в истории конституционализма Соединенных Штатов⁷¹².

Диссонанс между федеральным и региональным законодательством, как говорится, был налицо, что, на наш взгляд, не может не свидетельствовать о *кризисных тенденциях, носивших по существу перманентный характер*, и наблюдавшихся в государстве, традиционно являющемся, нередко как бы по инерции, для многих стран, освободившихся от колониальной зависимости и вставших на путь самостоятельного развития, «примером для подражания», и позиционирующем себя не иначе как «оплотом демократии». Волей-неволей встает *далеко не риторический вопрос*: с какого же именно периода истории бывших британских «заморских территорий» есть основания говорить как об «эталоне» соблюдения прав и свобод человека, на фоне того, что *до сих пор* биографы знаменитого ансамбля «Beatles» вспоминают случай, связанный с так называемым «стадионным гастрольным туром», затронувшим некоторые южные штаты, в рамках которого был создан прецедент: «четверка» наотрез отказывалась от предстоящего в соответствующем городе выступления, если слушатели, выполняя требования «сегрегационного законодательства», будут секторально размещены по расовому признаку. И *впервые* за восемьдесят лет в

⁷¹¹ Об этом см.: Поправка XIX //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 167.

⁷¹² Как справедливо отмечают исследователи, «... важнейшим элементом в борьбе за демократизацию избирательного законодательства явились выступления американских женщин за право голоса. Законные требования женщин вызвали сопротивление не только консервативных фракций буржуазных партий, но и многих прогрессистов. Вопиющая несправедливость законодательства страны, претендующей на звание «самой демократической в мире», усугублялась с каждым годом, ибо с каждым годом возрастало число женщин, занятых в промышленности, сельском хозяйстве, торговле, учебных заведениях. Помимо своих домашних обязанностей по ведению хозяйства и воспитанию детей, женщина несла бремя наемной работницы, являясь зачастую кормильцем семьи... В течение первого десятилетия XX века суфражистки вели в штатах упорную агитацию за права женщин (вместе с тем, нередки были случаи экстремистского характера. – Э.Е.), организуя многочисленные, хотя и небольшие, местные суфражистские группы, атакуя письмами и личными просьбами депутатов собраний, сенаторов и конгрессменов. Наконец, в 1910 году поправку к конституции об избирательных правах женщин принял штат Вашингтон, затем в 1911 году – Калифорния. В течение 1912 – 1914 годов их примеру последовали шесть штатов (Орегон, Канзас, Аризона, Иллинойс, Монтана и Невада), а в 1917 – 1918 годах еще девять, включая Нью-Йорк, признали политическое равноправие женщин...». – Цит. по: История США. Том второй. 1877 – 1918... – С. 249, 251. Подробнее см.: Scott A.F., Scott A.M. One Half the People: The Fight for Woman Suffrage. – Philadelphia, 1975. – P. 166-168.

общественном месте черный сидел или стоял рядом с белым, *не опасаясь* в итоге быть подвергнутым наказанию, вплоть до уголовной ответственности.

Не менее симптоматичным следует воспринимать тот факт, что цензы и ограничения по самым разным основаниям будут действовать вплоть до 1971 года – времени вступления в силу XXVI поправки, согласно которой активным избирательным правом стали обладать все совершеннолетние граждане⁷¹³. За десять лет до этого право избирать и быть избранными было предоставлено тем, чьим местом жительства считался округ Колумбия, включавший в себя столицу государства город Вашингтон и его ближайшие окрестности⁷¹⁴.

Итак, как вытекает из проведенного нами сравнительного исследования тенденций государственного строительства в контексте характера, специфики и особенностей конституционно-правовых отношений в Старом и Новом Свете в преддверии начала Второй мировой войны, либерализация избирательного процесса и связанных с ним «процедур» проходила на фоне формирования и последующей актуализации институтов «суррогатной демократии», помимо прочего, включавшей элементы охлократии, к которым все более настойчиво стремились прибегать в тех форс-мажорных ситуациях, когда традиционные

⁷¹³ Так, читаем: «... Право граждан Соединенных Штатов в возрасте восемнадцати лет и старше участвовать в голосовании не должно оспариваться либо ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом в зависимости от возраста...». – Об этом см.: Поправка XXVI //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 169. Таким образом, «всеобщность» стала реальностью лишь *пятьдесят лет* назад.

⁷¹⁴ Речь идет о XXIII поправке, ратифицированной и вступившей в силу в 1961 году, то есть во время полетов в космос первых советских космонавтов, среди которых, чуть позднее, будет и женщина.

На этом фоне *не может не обратить на себя внимание* во многих аспектах беспрецедентный факт, что, даже в контексте решения сегрегационных проблем, мы не найдем примеров положительных тенденций урегулирования «индейского» вопроса. Как справедливо отмечают российские ученые, «... преобладающая часть коренного населения Америки (предков древних цивилизаций) была уничтожена. Перед нами – *исторический пример настоящего геноцида*. В 1823 году Верховный суд США сформулировал «доктрину открытия», на основе которой коренное население не сохраняет право на землю, хотя и не теряет права проживания на ней (*Discovery Doctrine* *Jonson v. M'Intosh*). Следующим актом, который ущемлял права оставшихся индейцев, был закон 1830 года об их переселении (*Indian removal act*). По нему индейцы должны были переселиться с востока... на запад, а земли передать белым переселенцам (при этом нам не следует забывать и о пресловутых «договорах виски», благодаря которым огромные по своим масштабам индейские территории покупались буквально за бесценок, а затем продавались переселенцам в десятки раз дороже. – Э.Е.). В результате насильственного переселения погибло огромное количество индейцев (только индейцев племени чероки – около 15 тысяч человек, более половины племени). Этот путь на запад получил название «Дорога слез» (*trail of tears*). Белые поселенцы также двигались на запад (концентрируя индейские племена в резервациях. – Э.Е.), осваивая новые земли. Соответственно продолжалась и государственная политика уничтожения коренного народа: в разных городах запада были установлены различные вознаграждения за скальп индейцев (причем скальп мужчины стоил дешевле скальпа женщины. – Э.Е.). На Великих равнинах белые переселенцы массово истребляли бизонов, чтобы обречь индейцев на голод. В XX веке оставшиеся представители индейских племен оказались в жестком режиме дискриминации...». – Цит. по: Шумилов В.М., Акчурун Т.Ф. Правовая система США. – М.: Международные отношения, 2019. – С. 142-143.

парламентско-представительные механизмы начинали работать вхолостую, в целом – в силу самых разных причин и обстоятельств – не отражая интересов «источника» и «носителя» власти. И еще вопрос, до какой степени лицемерия, демагогии и популизма *смогли бы* в конце концов *дойти* правящие элиты (и стоявшие за ними господствующие классы, наднациональные олигархические группировки и корпорации), стремившиеся не только удержаться у власти, но и к максимальной концентрации важнейших гражданских и военных функций и прерогатив, решившиеся ради достижения необходимого «результата» на так называемый «мюнхенский сговор», целенаправленно, цинично и крайне бесцеремонно проигнорировав суверенитет и территориальную целостность государства, если бы одна из сторон этого «соглашения» не предпочла решать свои проблемы и избавляться от многочисленных «версальских комплексов» исключительно радикальными методами. Если вспомнить при этом, как вели себя в аналогичной ситуации за океаном, аннексируя у «южного соседа» и его бывшей метрополии территории, то некоторые вопросы – отпадут как бы сами собой, поставив точку в разговоре о беспрецедентно миролюбивом характере либеральной демократии, незыблемости границ и прочих стереотипах.

Переходя ко *второму* периоду эволюции явления, *условно именуемого* «западной» моделью демократии, с одной стороны, ставшего практически ее вершиной и апогеем, с другой – сформировавшего социально-экономические, политические, идеологические и мировоззренческие предпосылки системно-институционального кризиса, поразившего своими «метастазами» развитые и развивающиеся государства, вынудившего компаративистов, историков права и теоретиков сместить акценты и несколько иначе взглянуть на тот феномен, который рассматривался как некий «эталон» или «пример для подражания», в первую очередь для народов и этносов, «избавившихся» от колониального гнета и вступивших на самостоятельный цивилизационный путь. Вместе с тем, анализируя соответствующие тенденции, *нельзя проигнорировать* тот факт, по существу, наложивший неизгладимый «отпечаток» на весь послевоенный процесс государственного строительства, что в отношении стран, потерпевших

поражение в войне, *был использован механизм* своего рода «*принуждения к демократии*», причем по ряду важнейших системообразующих критериев и принципов *в основном «англосаксонского образца»*, так как именно в двух оккупационных зонах – американской и британской, под непосредственным и «ненавязчивым» руководством представителей Соединенного Королевства и Соединенных Штатов готовились проекты новых учредительных документов как для будущей *республиканской* Германии, так и *императорской* Японии. С учетом сказанного не должно быть сомнений по поводу того, какие проблемы и в каких конкретных областях общественных отношений стали, более того *не могли не стать* по чисто объективным причинам *приоритетным* предметом и объектом в процессе обсуждения вопросов, связанных с формой правления, территориальным устройством или политическим режимом. Справедливости ради надо особо подчеркнуть, что так называемая «Веймарская конституция», считавшаяся для своего времени одной из самых демократических (которую с формальной точки зрения не отменили даже национал-социалисты), наряду с другими актами послужила концептуальным фундаментом основного закона, вступившего в силу в 1949 году. Парадокс, на который, несомненно, *следует* обратить внимание государствоведу, состоит в том, что качество юридической техники было до такой степени высоким, что за все прошедшие с того момента годы в документ *не внесли никаких изменений принципиального характера*, несмотря на то, и это вполне естественно, что текст неоднократно подвергался корректировке (в том числе из-за актуализации Европейского союза)⁷¹⁵.

⁷¹⁵ Нет ничего странного в том, что у одного из крупнейших европейских государств не было никаких средств и методов противостоять политике подобного рода (нечто аналогичное наблюдалось после так называемых «наполеоновских войн» и решений Венского конгресса), так как в руинах лежала не только Германия, но и ее системообразующие публичные и правовые институты. В этой связи встречаются самые разные оценки, в том числе, например, и такие: «... Слишком много говорят о прискорбных последствиях (так, суммарно англосаксы потеряли менее одного миллиона граждан, причем Соединенное Королевство понесло потери, во многом не сопоставимые с Первой мировой войной в количественном отношении, то есть в противостоянии с национал-социалистами, как ни парадоксально, погибло подданных меньше, чем в войне с кайзеровской Германией. – Э.Е.) победы союзников по антигитлеровской коалиции (не секрет, что в войну против кайзеровской Германии Соединенные Штаты вступили региональным государством и на завершающем этапе, но через двадцать семь лет это уже была крупнейшая в экономическом и политическом отношении страна «западной» демократии, со всеми вытекающими последствиями, в том числе для Германии и ее будущего. – Э.Е.), но почему-то никто не хочет вспоминать о том, что именно эти союзники (во главе с нашей страной. – Э.Е.) сокрушили опаснейшую угрозу для либеральной цивилизации, которая когда-либо возникала. Люди более дальновидные видели в этом глубокую иронию судьбы. Германия во многих отношениях считалась одной из самых прогрессивных стран в Европе;

На первый взгляд может показаться, что кризис последних лет возник на пустом месте, так сказать, из ничего, о чем свидетельствует отсутствие каких-либо ярко выраженных предпосылок, а не в результате тенденций, уходящих корнями – в большей или меньшей степени – в тот исторический период, когда «германский гений» *был вынужден*, забыв на время о гордости и самолюбии, в силу объективных причин «замаливать грехи» и *идти на любые соглашения*, от которых могло зависеть будущее государства и немецкого народа. Именно тогда возникла дилемма «восток» – «запад», овеществлением которой в итоге станет формирование диаметрально противоположных друг другу социально-экономических, политических, мировоззренческих и правовых систем, в своих основных чертах не корреспондируемых институционально и идеологически. Несколько десятилетий существовавшие *как бы в параллельных реальностях* «либеральная» и «социалистическая» Германии, по нашему мнению, одна из фундаментальных причин комплекса проблем, с которыми на рубеже веков в целом пришлось столкнуться «локомотиву Европы»: *нет никакого секрета* в том, что за исключением некоторых «изъятий» в масштабах бывшей империи функционировали государства не только с разной формой территориального устройства, но и с совершенно *не сопоставимым* менталитетом и взглядом на вопросы общественного развития – в одном случае речь идет о коллективизме «восточных» немцев, в другом – индивидуализме их «западных» соседей⁷¹⁶.

другими словами, воплощением практически всего, что числилось лучшим в ее цивилизации. То, что Германии предназначена была судьба жертвы коллективного умопомешательства в известном нам масштабе, *служит основанием для предположения о наличии фатального изъяна в самих корнях* той цивилизации как таковой. Свои преступления нацисты совершили не в припадке дикого порыва к покорению соседних народов, а на системной, научной, управляемой, даже бюрократической (пусть часто бестолковой) основе, в которой основательно продуманным выглядело все за исключением ужасного, причем неизбежного финала...». – Цит. по: Робертс Дж.М., Уэстад О.А. Мировая история... – С. 1012.

⁷¹⁶ Пытаясь понять причины достаточно быстрого возрождения «западной» части Германии, один из авторов пишет: «... Но как продолжать существовать стране – с нравственной и политической точки зрения, – если все уцелевшие предприниматели еще недавно жили в мире и согласии с нацистским режимом? Как исцелить нацию, если почти половина врачей в прошлом – члены нацистской партии? Как перевоспитать государство, в котором десять лет во всех университетах преподавали расовую теорию? Ответ был прост как для Трумэна, так и для Сталина: забвение допустимо для всех, кроме главных преступников. Конрад Аденауэр очень хотел проскочить этот этап побыстрее. В июне 1948 года русские ответили на введение новой немецкой марки (один из элементов так называемого «экономического чуда» двух специалистов по рыночной экономике – будущего канцлера Людвиг Эрхарда и президента национального банка Карла Блессинга. – Э.Е.) блокадой Западного Берлина, что заставило союзников организовать воздушный мост, который действовал около года. Аденауэр воспользовался обострением конфликта, грозящего перейти в войну, для реализации своей цели – создать Германию, ориентированную на Запад. Незначительным большинством голосов было принято решение, что временной

Дифференцированный характер «ценностей» в перспективе не мог не стать «камнем преткновения» и причиной всевозможных коллизий. Весьма наивно полагать, что население, говорящее на одном языке или диалекте, но воспитанное на *не стыкуемых между собой* «системах координат», несмотря ни на что, в кратчайший срок вновь станет нацией, что мы и наблюдаем уже в течение тридцати лет, даже при условии огромных материальных затрат, *de facto* вложенных в реанимацию восточных земель и перевод их на западные стандарты. Однако сказанное практически не относится к правящей элите, за исключением тех, кто ассоциируется с «карательными» структурами, в связи с чем был подвергнут «люстрации» либо уголовному преследованию, что само по себе *трудно воспринимать* в качестве «жеста доброй воли» в отношении той части населения, профессиональная деятельность которой была связана с государственным аппаратом. Парадокс состоит в том, что «лояльные» к новой власти чиновники и военные, *даже если они* при «старом» режиме являлись членами соответствующих правящих партий и движений, *практически всегда* (за примерами – далеко ходить не надо, достаточно изучить биографии многих из них, в частности, того же Людвиг Эрхарда, начавшего работать над своим «экономическим чудом» в 1943 году по поручению небезызвестного Генриха Гиммлера в составе группы экспертов под руководством группенфюрера Отто Олендорфа⁷¹⁷, либо федерального канцлера Ангелы Меркель, занимавшей до «падения Берлинской стены» номенклатурную должность в «Союзе немецкой молодежи») *были востребованы*, становились крупными политическими или

столицей должен стать Бонн, а 24 мая 1949 года состоялась публикация Основного закона страны. 14 августа 1949 года 73-летний Аденауэр (партия христианских демократов. – Э.Е.) стал первым канцлером Федеративной Республики Германия и оставался на этом посту до 1963 года (когда ему на смену придет Людвиг Эрхард, занимавший должность в течение трех лет. – Э.Е.). Он управлял страной так, что эти годы нередко называют «эпохой Аденауэра». Германия Аденауэра очень напоминала римскую Германию, Германскую империю Карла Великого и Рейнский союз, заключенный под давлением Наполеона. Она была отделена буферной зоной от Польши, не соприкасалась с Россией и имела совсем небольшую границу с Чехословакией. Почти вся Германия к западу от Эльбы стала единым государством, и от так называемого объединения 1871 года (речь идет об империи, «собранной» по инициативе правящей элиты Пруссии и при самом непосредственном участии «железного канцлера» Отто фон Бисмарка. – Э.Е.) не осталось и следа...». – Цит. по: Хоус Дж. Краткая история Германии... – С. 222-223.

⁷¹⁷ Позднее «был повешен союзниками за то, что возглавлял один из эскадронов смерти...». Именно он в свое время привлек к работе экспертной группы экономистов Людвиг Эрхарда и Карла Блессинга. – Об этом см.: Хоус Дж. Краткая история Германии... – С. 219.

общественными деятелями. Видимо, это и есть «преемственность», которой в течение всех периодов государственного строительства гордятся в Германии, приводя в качестве доказательства демократической формы правления⁷¹⁸.

Не менее *знаковой* традицией, иллюстрирующей процесс объединения в единое целое разрозненных территорий, многие из которых с исторической точки зрения рассматривались одной из важнейших основ государственности, можно считать игнорирование мнения «источника» и «носителя» власти, так как указанный *вопрос не выносился на референдум*, правящим элитам было, по всей видимости, достаточно в качестве аргумента акцентировать внимание на *эйфории*, охватившей широкие слои населения, считавшие, что уже утром следующего дня наступит демократия и их права и свободы, заработная плата, пенсии и социальные выплаты – ничем не будут отличаться от «западных». Но, к сожалению, прошло уже не одно десятилетие, эмоции были сданы в «архив» за ненужностью, а дилемма «восток» – «запад» существует до сих пор, что в итоге не может не свидетельствовать о *вариативном отношении* государства к своим «старым» и «новым» территориям: там, где когда-то работали заводы и фабрики, производя, пользовавшуюся спросом продукцию, и кооперативы, выпускавшие «товары широкого потребления», отправлявшиеся на экспорт, – запустение, безработица, стагнация. Как следствие, протестные настроения и поддержка наиболее радикальных организаций «правого» и «левого» толка, целью которых является реванш за «несбывшиеся иллюзии», так как никого в этом случае не интересует целесообразность и необходимость «переходного» периода, осуществленных в бывшем социалистическом регионе структурных и институциональных преобразований, *de facto* направленных на скорейшее и,

⁷¹⁸ В период «возрождения» и в течение всей второй половины XX века в Германии особую роль играла и продолжает играть «христианская демократия» (достаточно сказать, что ее приверженцем был федеральный канцлер Конрад Аденауэр), поэтому, характеризуя данное политическое движение, процитируем профессора политических наук Принстонского университета Яна-Вернера Мюллера: «... На самом деле (прежде всего в историческом контексте. – Э.Е.) даже название «христианская демократия» не обязательно указывало на приверженность демократии, но лишь на то, что партия является «народной» или находится «среди народа». Одно дело – принимать участие в выборах, преследуя собственные цели, другое – фактически поддерживать идею народного суверенитета. Католики продолжали играть по правилам демократии не потому, что они в них верили, но потому, что находиться внутри игры было выгоднее, чем оставаться в стороне...». – Цит. по: Мюллер, Я.-В. Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века... – С. 221-222.

безусловно, максимальное выравнивание составных частей федерации. В то же время *нет никаких оснований* говорить, что правящая элита как губка, впитавшая в себя «представителей» самых разных «политических течений» и организаций, действовавших на предыдущих этапах, преследует интересы, в той или иной степени противоречащие приоритетным задачам, вытекающим из процесса государственного строительства, тем не менее вопросы множатся как снежный ком: неужели «восточные» и «западные» немцы так отличаются друг от друга, что реформы и миллиарды бюджетных средств *не в состоянии переломить ситуацию*, балансирующую на грани масштабного кризиса, или причины в чем-то ином, и во многом обусловлены практикой конституционно-правовых отношений, сложившихся в рамках либеральной демократии и ее «германского» образца, унаследовавшего традиции, *контрастирующие (!)* с тем, что имело место на «востоке»? Вопрос, как нам кажется, риторический.

Трудно отрицать тот факт, что Германия – какое бы «название» она в это время ни носила – является субъектом международных отношений, причем не надо быть «гадалкой» или «провидцем», чтобы определить страны, сумевшие в достаточно короткий срок инициировать предоставление ей такого статуса. В этой связи (мы намеренно не касаемся вопросов, связанных с идентичными процессами конституирования и легитимации, имевшими место на «востоке», подконтрольном на протяжении нескольких лет советской администрации) *a priori* не могут не вызывать интереса механизмы «внешнего управления»⁷¹⁹, в той

⁷¹⁹ Ярким примером того, о чем идет речь, может считаться «Оккупационный статут для Западной Германии» от 21 сентября 1949 года (с момента принятия Основного закона *прошло всего четыре месяца*). В документе, в жесткой императивной форме закреплялось следующее: «... Оккупационный статут определяет полномочия, которые сохраняются за оккупационными властями в осуществлении ими верховной власти (как мы видим, все, о чем говорится в Основном законе, носит по существу декларативный характер: *перед нами некий вариант, если не колонии, то доминиона*, непосредственно подконтрольного трем государствам, тем самым совершенно непонятно, считается ли Германия, на территории которой дислоцируются иностранные войска, действительно суверенной федерацией или нет. – Э.Е.), носителями которой являются правительства Франции, США и Соединенного Королевства <...> Для того, чтобы обеспечить достижение основных целей, которые преследует оккупация, специально оговариваются (за оккупационными державами) полномочия в следующих областях, включая сюда право затребования и проверки сведений и статистических данных, необходимых оккупационным властям: ... в) внешние сношения, в том числе международные соглашения, заключенные самой Германией или от ее имени; ... е) соблюдение основного закона и конституций земель; ж) контроль над внешней торговлей и валютными операциями; з) контроль над внутренними делами – только в той минимальной степени, в какой это необходимо для обеспечения правильного расходования денежных средств, продовольствия и других видов снабжения в целях максимального сокращения потребности Германии в оказании ей помощи извне; и) контроль над обращением с лицами, находящимися в немецких тюрьмах, ... над выполнением приговоров... и

или иной степени оказавшие влияние на характер становления и развития «новой» государственности – демократической и социальной федерации⁷²⁰, в которой приоритетным рассматривается не национальное законодательство, а нормы международного права со всеми вытекающими «последствиями»⁷²¹: это по существу наглядно свидетельствует в пользу того, что при подготовке и обсуждении «вариантов» текста основного закона предпочтение было отдано не немецким – *как части континентальной системы* – правовым традициям, а нормам, апробированным в доминионах и на подмандатных территориях, к тому периоду по-прежнему контролируемых Соединенным Королевством⁷²².

Некоторое «внешнее воздействие» со стороны оккупационных властей ощущалось и еще как минимум в двух случаях, тесно связанных между собой, косвенным образом говорящих о том, что известные «штампы» и «стандарты» весьма активно использовались при определении *формы территориального устройства и судебной системы*: с одной стороны, нет ни одного слова о том, что субъекты федерации обладают правом сепарации, подобный механизм, в отличии от «федеральной интервенции»⁷²³, разрешения возможных коллизий вообще не предусмотрен, даже гипотетически (чувствуется урок, извлеченный Соединенными Штатами из гражданского противостояния между «Севером» и

над вопросами амнистии, помилования или освобождения этих лиц...». – Об этом см.: Оккупационный статут для Западной Германии 21 сентября 1949 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 269-270. Это, видимо, и называется *суверенитетом*?!
⁷²⁰ Например, инкорпорировав в текст пункта 4 статьи 20 Основного закона слово «немцы», в остальном в качестве нормы прямого действия законодатель использовал парафраз «Декларации независимости» 1776 года о так называемом «праве на восстание»: «... Все немцы имеют право оказывать сопротивление всякому, кто попытается установить этот строй, если иные средства не могут быть использованы...». – Об этом см.: Основной закон Федеративной Республики Германии 23 мая 1949 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 272. Перед нами – явное заимствование норм североамериканского акта.

⁷²¹ Так, читаем в статье 25 Основного закона: «... Общепризнанные нормы международного права являются составной частью федерального права. Они имеют преимущество перед законами (в последующем норма стала императивом в Европейском союзе. – Э.Е.) и порождают права и обязанности непосредственно для лиц, проживающих на территории федерации...». – Об этом см.: Основной закон Федеративной Республики Германии 23 мая 1949 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 272.
⁷²² Во многих аспектах англосаксонское право получило развитие в документах международных организаций.

⁷²³ Об этом говорит статья 37 Конституции 1949 года: «... Если земля не выполняет федеральных обязательств, возложенных на нее основным законом или другим федеральным законом, Федеральное правительство может с согласия Бундесрата принять необходимые меры, чтобы побудить землю к выполнению этих обязательств в порядке принуждения со стороны федерации... Для проведения таких мер принуждения Федеральное правительство или его уполномоченный имеет право давать указания всем землям и их учреждениям...». – Об этом см.: Основной закон Федеративной Республики Германии 23 мая 1949 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 272-273.

«Югом»), с другой – в систему правосудия вводится орган, заимствованный не из англосаксонской, а континентальной практики, в частности, государства, с которым Германия когда-то составляла так называемый «Германский союз», что свидетельствует о стремлении выйти за рамки «традиционной» модели и инкорпорировать в нее юрисдикционный инструмент, на предыдущих этапах государственного строительства никогда не использовавшийся⁷²⁴, о какой бы в итоге форме правления – монархической или республиканской – при этом ни шла речь. Следует сказать, что специализированный орган конституционного контроля сыграл достаточно существенную, в отдельных случаях решающую и даже исключительную роль в процессе становления и последующего развития германского федерализма, одновременно как *похожего*, так и *непохожего* на североамериканский аналог, взятый в качестве образца⁷²⁵ при «принуждении к демократии» правящих элит бывшего «Третьего рейха» и его населения⁷²⁶.

⁷²⁴ Хорошо известно, что Верховный суд Соединенных Штатов, начиная с 1803 года, самостоятельно, так как об этом нет даже «тени намека» в Конституции 1787 года, взял на себя функции конституционного контроля, в итоге доведя их до абсолюта (в ряде случаев – до абсурда, с современной точки зрения). Справедливости ради надо сказать, что кроме «Града на холме» механизм подобного рода применялся и еще в одной стране англосаксонской традиции – Австралии. В послевоенный период, вслед за Германией, специализированный конституционный контроль *стал настолько популярным и востребованным*, что был со временем введен в судебную систему большого числа государств. – Подробнее см.: Судебные системы Европы и Евразии: научно-энциклопедическое издание: в 3 т. /Под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. – М.: Проспект, 2019.

⁷²⁵ Как провозглашает статья 92 Конституции 1949 года, «... юрисдикционная власть вверяется судьям; она осуществляется Федеральным конституционным судом, федеральными судами... и судами земель...». – Об этом см.: Основной закон Федеративной Республики Германии 23 мая 1949 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 277. Конституционный суд *de facto* – стал аналогом Верховного.

⁷²⁶ В контексте сказанного выше нельзя не согласиться со следующим обобщением крупного современного исследователя: «... Одним из важнейших событий в Европе XX века стало создание конституционных судов. Они не были простыми копиями американского Верховного суда. Напротив, данная конкретная концепция судебного контроля восходила к периоду тридцатилетней давности. Конституционные суды были включены в австрийскую конституцию, которую Ганс Кельзен составил после Первой мировой войны (сам он служил в суде вплоть до 1930 года, когда вынужден был подать в отставку из-за антисемитской травли). Австрия стала третьей страной в мире (после США и Австралии), которая ввела проверку конституционности законов, и первой страной, которая централизовала эту проверку и возложила ее на отдельный суд. Кельзен отстаивал судебный контроль как форму сдержек и противовесов и не считал, подобно многим ее оппонентам, что такому контролю внутренне присуща недемократичность. В начале 1930-х годов, в ходе важного спора с Карлом Шмиттом, австрийский правовед доказывал, что только такой суд может стать главным «стражем» конституции. Шмитт, напротив, отводил эту роль президенту, следуя, скорее, мысли Макса Вебера. В то время немецкие политические элиты соглашались в большей степени со Шмиттом, а не с Кельзеном. После 1945 года идея проверки конституционности получила признание даже в тех странах, которые традиционно с большим подозрением относились к судебному контролю, прежде всего во Франции с ее отвращением к *gouvernement des juges*. Конституционные суды, казалось, налагали ограничения на суверенитет народа в его традиционном понимании или даже вступали с ним в противоречие. Однако в послевоенную эпоху, которая опасалась демократии и ее потенциальной способности порождать тоталитаризм, сдержки и противовесы всячески приветствовались. Впрочем, неожиданно выяснилось, что конституционные суды способны (в этом и проявляется система «сдержек и противовесов». – Э.Е.) выступить также и против исполнительной власти. Как пожаловался один из архитекторов западногерманского Основного закона Аденауэр после того, как конституционный суд начал возражать против его планов перевооружения (по существу, в нарушение того, о чем говорилось в

Условно говоря, *рецидивы представительной демократии* проявились и в том, каким образом осуществляется исполнительная власть (на фоне того, что функции президента во многом, если не обращать внимание на отдельные детали⁷²⁷, идентичны тому, чем обладает глава государства при ограниченной монархии), в основе которой лежит партийный критерий формирования, при котором *одно и то же лицо*, независимо от возраста и физического состояния, может занимать пост федерального канцлера практически *любое количество сроков*, причем без каких-нибудь ограничений, благодаря всего лишь одному, но принципиальному условию – победе, желательной, безусловной, что в итоге предоставит право сформировать правительство большинства, на худой конец коалиционное, на очередных или внеочередных общенациональных выборах политической организации, «лидером» которой оно является. Таким образом, власть приобретает своего рода *партийный* и «*корпоративный*» *оттенок*, к осуществлению которой ее «источник» и «носитель» имеет лишь косвенное⁷²⁸ и опосредованное отношение: государства разные, принцип – общий⁷²⁹.

Как бы сам собой возникает совершенно не риторический, по нашему мнению, вопрос: может *системно-институциональный кризис*, поразивший крупнейшие современные либеральные демократии по обе стороны океана, имеет объективные исторические предпосылки, своими корнями уходящие в сложившуюся схему взаимодействия и контроля государственных органов, в

«Оккупационном статуте для Западной Германии» 1949 года. – Э.Е.) страны: «Не так мы это себе представляли». – Цит. по: Мюллер, Я.-В. Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века... – С. 242-243. Правящие элиты, судя по всему, надеялись на бесконтрольность со стороны публичных органов?!

⁷²⁷ Согласно разделу V Основного закона, «... выборы Федерального президента проводятся без прений Федеральным собранием. Каждый немец, обладающий правом избрания в Бундестаг и достигший возраста сорока лет, может быть избран президентом... Федеральное собрание состоит из членов Бундестага и равного числа членов, избираемых народными представительными органами земель на началах пропорциональности... Федеральный президент не может входить в состав правительства, ни в законодательный орган федерации или какой-либо земли... Федеральный президент представляет федерацию в международно-правовых отношениях. Он заключает от имени федерации договоры с иностранными государствами. Он аккредитует и принимает послов... Федеральный президент назначает и увольняет федеральных судей, федеральных чиновников, офицеров и унтер-офицеров...». – Об этом см.: Основной закон Федеративной Республики Германии 23 мая 1949 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 274.

⁷²⁸ Так, читаем в разделе VI Основного закона: «... Федеральное правительство состоит из Федерального канцлера и федеральных министров... Федеральный канцлер избирается без прений Бундестагом по предложению Федерального президента...». – Об этом см.: Основной закон Федеративной Республики Германии 23 мая 1949 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 275.

⁷²⁹ Тогда почему к президенту России предъявляют претензии по поводу сроков его нахождения во власти?

рамках которой целесообразнее в том числе с научной точки зрения говорить *не о разделении властей* (количество которых может быть вариативным либо «ритуально-классическим»), основанном на деконцентрации полномочий, *а о дифференциации публичных функций*, в первую очередь – законодательного и исполнительного характера? О какой системе разделения властей, впрочем, как и механизме «сдержек и противовесов», следует вообще вести речь, если руководитель политической партии, победившей на парламентских выборах, наиболее знаковые члены данной общественной организации, *совмещающие в своем статусе*, с одной стороны, «депутатский мандат», не обладающий в этом случае никакой императивностью, с другой – «министерский портфель», *de facto одновременно осуществляют* прерогативы как законодательной, так и исполнительной власти? Другими словами, федеральный канцлер как лидер парламентской фракции сначала принимает законодательный акт, после чего, но уже в качестве главы правительства, его реализует, издавая различные по содержанию документы подзаконного характера. Где здесь система «сдержек и противовесов», если одна политическая партия концентрирует в своих руках *компетенцию двух ветвей власти*, предназначенных для самостоятельных, с институциональной точки зрения, областей публичных отношений?

Более того, если мы обратим внимание на *состав верхней палаты*⁷³⁰ и те процедуры, с которыми связана организация ее внутренней структуры, то не сможем избежать недоумения, так как она полностью формируется за счет лиц, *профессиональная деятельность которых*, даже символически, никак не обусловлена общенациональными выборами, так как орган федеральный, а не

⁷³⁰ Так, читаем в разделе IV Основного закона 1949 года: «... Через посредство Бундесрата земли участвуют в законодательстве и управлении федерацией... Бундесрат состоит из *членов правительства земель*, которые их назначают и отзывают (то есть население к формированию верхней палаты вообще не имеет никакого отношения, даже косвенного, за исключением тех, кто на региональном уровне по примеру федеральных должностных лиц, совмещает «депутатский мандат» и «министерский портфель». – Э.Е.). Этих лиц могут представлять другие члены (например, председателя правительства будет представлять его заместитель. – Э.Е.) правительств земель...». – Об этом см.: Основной закон Федеративной Республики Германии 23 мая 1949 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 273.

региональный, и идентифицируется исключительно с управленческим аппаратом: перед нами вновь совмещение, а не разделение властей⁷³¹.

Несомненно, нам могут возразить, что примерно подобным образом, за небольшим исключением (в Соединенных Штатах, в частности), формируются правительства в рамках не только континентальной, к которой исторически относится Германия, но и англосаксонской традиции, и будут, естественно, правы, так как в основе «западной» модели демократии – как альтернативе и противовесу абсолютизму – наряду с выборами и представительством в форме парламентских институтов, лежит давно никем не оспариваемый, по существу безоговорочный постулат, своего рода аксиома, не требующая доказательств, о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную. Но не в этом ли причины того, что какую бы из существующих на данный момент форм правления мы ни взяли в виде иллюстрации, везде действует один и тот же механизм: победившая на выборах политическая организация становится, сформировав кабинет, «правлящей», и неважно, какой процент избирателей от общего числа дееспособного населения отдал свои голоса в ее поддержку, так как в любом случае речь может идти лишь о части граждан или подданных. Следовательно, представительная демократия во многих аспектах условно является «представительной», так как не отражает интересы всех, без какого-либо исключения, кто ассоциируется с «источником» и «носителем» власти. В этой связи особенно трудно воспринимать в контексте «представительства» и всего, что с этим связано, то правительство, которое носит коалиционный или договорный характер при наличии партии, получившей большинство голосов: в случае, если ей – в силу самых разных причин или обстоятельств – не удастся

⁷³¹ Отголоски «прусской модели» (когда Пруссия доминировала над всеми остальными частями империи), унаследованной новой Германией, проявлялись в количестве представителей в составе верхней палаты: «... Каждая земля располагает не менее чем тремя голосами; земли с населением свыше двух миллионов имеют четыре голоса, с населением свыше шести миллионов – пять голосов (другими словами, крупные регионы, где у власти находится та же партия, что и на федеральном уровне, могут «протащить» любое необходимое им решение. – Э.Е.), с населением свыше семи миллионов – шесть голосов... Каждая земля может послать в Бундесрат столько членов, сколько она имеет голосов. Голоса земли могут подаваться только согласованно (что не означает консолидированности позиции или все-таки означает? – Э.Е.) и только присутствующими членами Бундесрата или их представителями...». – Об этом см.: Основной закон Федеративной Республики Германии 23 мая 1949 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 274.

сформировать высший орган исполнительной власти, это право делегируется нередко партиям, *каждая из которых в отдельности получила минимально необходимый процент* для преодоления барьера, но в совокупности давший им возможность заявить претензии на «представительство» народа в целом и реализации предвыборных обещаний. Кого они в таком случае представляют – своих сторонников или весь электорат, в том числе тех, кто предпочел отдать голоса в пользу других, и может ли такое правительство олицетворять собой⁷³² общее мнение всех граждан или подданных, даже «идеологически чуждых»?

Нет смысла *отрицать вполне очевидный факт*, что учредительный акт не рассматривается документом, в котором как в учебнике все «разложено по полкам», объяснено и подтверждено «примерами» из судебной практики, так как, независимо от того, что обозначено на титульном листе – основной закон или конституция – в качестве названия, «кабинетный» ученый, парламентарий и простой обыватель имеют дело с нормами, в которых в концентрированном виде содержится квинтэссенция того, чем является «общественный договор», достигнутый между гражданами и государством, где *каждая из сторон берет на себя обязательства* по его соблюдению и выполнению. Однако время от

⁷³² Как декларируется в статье 38 Основного закона 1949 года, «... депутаты Бундестага... избираются путем всеобщих, прямых, свободных, равных и тайных выборов. Они являются представителями всего народа (то есть это значит, что лицо, возглавляющее ту либо иную партию, находящуюся в оппозиции к действующему режиму, представляет все население государства, а не исключительно тех, кто является ее членом? – Э.Е.), не связаны наказами или указаниями и подчиняются лишь своей совести (а как же партийная дисциплина и все, что с ней связано, неужели, например, христианский демократ, голосуя за легализацию однополых браков, будет учитывать угрызения совести, религиозные догматы и ценности, а не мнение собственной партии и ее руководства, часть из которого уже легально состоит в «соответствующих» отношениях? – Э.Е.)». – Об этом см.: Основной закон Федеративной Республики Германии 23 мая 1949 года //Хрестоматия по истории государства и права... – С. 273.

Демократия, помимо прочего, есть не что иное, как *четкое соблюдение процедур*, в первую очередь связанных с реализацией гражданами прав и свобод политического характера, среди которых выборы и тот же референдум имеют основополагающее значение для определения сущности политического режима. На наш взгляд, демократия носит односторонний, более того фиктивный и ограниченный характер прежде всего в тех случаях, когда *наряду с возможностью непосредственно избрать кого-то* в орган представительной власти национального, регионального и муниципального уровня *у граждан отсутствует право отозвать* депутата или советника, никак не оправдавшего надежд электората, совершившего тот или иной проступок, порочащий его статус. Поэтому *нельзя некритически воспринимать* тот факт, что этот механизм (имеется в виду совокупность «императивного мандата» и отзыва народного избранника) действует, да и то не во всех странах, лишь в отношении главы государства и ряда должностных лиц в качестве отстранения от должности в порядке процедуры импичмента. Странно, почему президента можно отстранить от должности, а депутата нет. Видимо, потому что именно депутаты принимают законодательство, ограничивающее их собственное положение, никто из них не стремится инициировать предписаний подобного рода, сделав демократию не чем иным, как подлинным народовластием, а не конституционной декларацией.

времени возникают ситуации, как случилось с той же Германией, при которых участниками «договоренностей» – не могут быть *ни государство* (оно просто отсутствует в данный момент, несмотря на длительный период существования «предшественников»), *ни граждане* (есть несколько миллионов человек, еще недавно считавших себя «арийской расой»), *ни общество* (значительная часть представителей которого разделяла идеи национал-социализма), утратившие все то, что *de jure* ассоциируется с субъектностью. Сказать, что действующий в большей степени до сих пор основной закон был каким-то образом «навязан» тем, кто на тот момент представлял «германскую нацию», *значит упростить процесс* принятия столь фундаментальных решений и нивелировать уровень не только юридической техники, но и профессиональной подготовки научной элиты, участвовавшей в разработке и актуализации проекта, ставшего позднее нормативной базой многих правовых источников Германии⁷³³.

Тем не менее, *есть причины* констатировать, причем с достаточной для обобщений такого рода уверенностью, что переживаемый, и это становится, к сожалению, очевидным все большему числу государствоведов, теоретиков и историков права, предметно занимающихся вопросами компаративистики, в последние годы *системно-институциональный кризис* «западной» модели демократии некоторым образом обусловлен «архаичностью» *представлений о формах народовластия*, значительная часть которых является «продуктом» буржуазно-либеральных революций конца XVIII – середины XIX века или идей, сформулированных как в этот период, так и предшествующие стадии развития научной мысли, овеществлением которых рассматривалась конституция либо аналогичный по статусу и юридической силе политико-правовой документ.

Речь, помимо прочего, идет об «императивном мандате», включающем в себя два взаимосвязанных, гармонично дополняющих друг друга элемента – «наказы избирателей» и «отзыв депутатов»: этот конституционно-правовой

⁷³³ Нельзя не считаться с тем, что учредительный акт, «навязанный» стране (пусть униженной и «стоящей на коленях») без учета ее политических и правовых традиций, тем более по-прежнему являющийся Основным законом, не мог, в связи с принципиальным изменением ситуации внутри и вовне, не быть изменен, если бы не отвечал интересам не только правящей элиты, но и общества в целом. Следовательно, документ, принятый в 1949 году, до сих пор актуален и востребован, что свидетельствует о его высоком качестве и гибкости.

механизм, *по совершенно*, на наш взгляд, *надуманным, нелепым причинам и домыслам*, унаследованным современным парламентаризмом, что абсурдно по существу *a priori*, практически не воспринимается в контексте политической ответственности «народных избранников», интерпретируется исключительно негативно, *как попытка* воздействия на представительные институты разного уровня со стороны маргинальной, неконструктивно настроенной оппозиции и не совсем адекватных граждан, целью которых является *дестабилизация* (но и выборы также можно оценить с подобных позиций, особенно когда к власти на легальных основаниях приходят не те, кто ожидался и популяризировался) социальных отношений или государственного строя в общем. Как ни странно, и мы об этом говорили ранее, «императивный мандат» и пропорциональная избирательная система *не совместимы* по определению, но парадокс состоит в том, что при существующей практике, сложившейся после отмены цензов и ограничений, отозвать депутата *нельзя даже при мажоритарной модели*, так как и в этом случае он представляет «источника» и «носителя» власти в целом, а не его часть, вручившую ему «мандат доверия». Спрашивается, почему и по каким причинам «народный избранник», в отличие от чиновника, нанятого на службу государством, не может быть *уволен с работы за невыполнение* своих обязанностей, ведь он тоже «служит» в должности члена парламента, получая жалованье из бюджета, другие привилегии и материальные блага? Он «слуга народа», исходя из чего *должен быть механизм* отправки его в отставку⁷³⁴.

«Экономическое чудо» не только через каких-то десять лет преобразило государство, общество, местное городское и сельское население *практически до*

⁷³⁴ Депутат и так защищен иммунитетом, предоставляющим ему неприкосновенность при осуществлении им своих профессиональных обязанностей в качестве «народного избранника». Однако нельзя не учитывать, что он избирается в конкретном округе, конкретными избирателями, на конкретный срок, в течение которого он мог совмещать «депутатский мандат» и «министерский портфель», в результате чего, акцентируя внимание на проблемах федерации или региона, игнорировал интересы и нужды местного населения, *не выполнив*, тем самым, *взятых на себя* в процессе предвыборной кампании *обязательств*, в связи с чем избиратели, перед которыми он несет ответственность, должны иметь возможность, оценив его работу, сделать соответствующий вывод в виде досрочного отзыва, заменив его другим депутатом. Нам могут возразить, что у избирателей будет возможность посредством новых выборов легитимировать какого-нибудь другого кандидата, а «старого» оправить в «архив», но парадокс состоит в том, что, отправленный в «архив» в одном округе, этот депутат может баллотироваться в другом, и так до бесконечности. Поэтому он должен понести *политическую ответственность* со всеми вытекающими для его карьеры последствиями.

неузнаваемости, но и создало, по существу, современную Германию⁷³⁵, de facto ставшую позднее одним из инициаторов актуализации принципиально нового наднационального образования в форме Европейского союза. Однако «благодаря» этому обстоятельству возникли «дополнительные» предпосылки того системно-институционального кризиса, который переживают Германия и «общество» в целом, несмотря на вполне очевидный факт, что как в первом, так и во втором случае фундаментальной основой общественно-политических отношений является «западная» модель демократии⁷³⁶. При декларировании в одном из учредительных актов, именуемом «Лиссабонским договором», что «источником» и «носителем» власти выступает народ (с учетом того, что у него так и не удосужились посредством референдума поинтересоваться, как он относится к «документам» подобного рода), важнейшие функции последнего, на фоне сохранения внешней антуражности электоральных и других процедур по формированию институтов «субсидиарного» характера, типа Европейского парламента, концентрируются в руках de facto никем не избираемой и никому не подотчетной бюрократии: критический анализ ситуации весьма наглядно показывает, что непосредственно ей, и это, как ни парадоксально на первый взгляд, не требует каких-нибудь особых или экстраординарных доказательств, принадлежит реальная политическая власть, а не мифическому «народу». Справедливости ради нельзя не отметить: ему, чтобы в перспективе избежать каких-либо эксцессов, предложили альтернативу в виде гипертрофированной абсолютизации прав и свобод человека, особенно тех групп населения, кто так или иначе ассоциирует себя с «меньшинствами», номенклатура, численность адептов и претензии которых перманентно растут, в чем проявляются со всей очевидностью предпосылки еще более масштабного кризиса «ценностей».

⁷³⁵ Как отмечают французские компаративисты, «темпы возрождения Западной Германии под руководством канцлера – христианского демократа Конрада Аденауэра... и его министра экономики Людвиг Эрхарда, «отца экономического чуда», поражали: с 1956 года она вступает в эпоху процветания. Благодаря бурному росту, происходившему долгое время (спад поразил немецкую экономику только в 1966 – 1967 годах), ее экономика, опирающаяся на твердую валюту, немецкую марку, и огромный экспорт, стала одной из первых в мире. За двадцать лет на смену образу разрушенной Германии пришел образ Германии изобильной и вызывающей зависть...». – Цит. по: История Европы /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 543-544.

⁷³⁶ Подробнее см., например: Саррацин, Тило. Германия: самоликвидация /Пер. с нем. Т.А. Набатниковой. – М.: Издательство АСТ, 2016. Пандемия коронавируса 2020 года показала это со всей очевидностью.

Рассматривая особенности государственного строительства в той либо иной стране «западной» модели демократии, целесообразно сделать важное уточнение методологического характера: у нас в меньшей степени вызывают – справедливо или нет другой вопрос – исследовательский ажиотаж, принятые на соответствующем этапе законодательные, подзаконные и судебные акты, так как в первую очередь интересуют тенденции конституционно-правового⁷³⁷ развития, с которыми прямо или косвенно был связан процесс либерализации общественных отношений и демократизации политической системы. С учетом высказанного замечания нельзя избежать оценок, обусловленных *развалом колониальных империй*, среди которых Соединенное Королевство занимало в течение многих десятилетий лидирующие позиции⁷³⁸, и крахом одиозной, все

⁷³⁷ Характеризуя внутривнутриполитическую обстановку в Соединенном Королевстве, один из современных англо-британских исследователей констатирует: «... С окончанием войны в Европе страна вернулась к нормальной политической жизни. Коалиционное правительство Черчилля было распущено, и уже 5 июля, несмотря на то что на Дальнем Востоке еще продолжались бои, прошли всеобщие выборы. Казалось, с 1935 года (речь идет о последних предвоенных выборах, состоявшихся 14 ноября этого года, на которых убедительную победу, получив 432 (при подавляющем в 387 большинстве голосов, завоеванных партией тори) места в нижней палате из 615, одержали консерваторы и их союзники по коалиции. – Э.Е.) народ истосковался по демократии и просто не мог больше терпеть. Предвыборная кампания вынесла на поверхность долго сдерживаемое напряжение, которое вызывало военное положение, и желание чего-то нового. Бывшие партнеры по коалиции вдруг вспомнили о взаимной антипатии. Черчилль (вошедший в историю как ярый антикоммунист и автор пресловутой «фултоновской речи». – Э.Е.), говоря о социалистических предложениях лейбористов, назвал их «гестаповскими». Результатом стала первая в истории полная победа Лейбористской партии – 393 места в парламенте. Либералы были просто уничтожены, получив всего 12 мест. Черчилль был раздавлен провалом. Как и его предку герцогу Мальборо, ему довелось узнать, что успех в войне редко вызывает благодарность у английского народа. После триумфа победы его без церемоний оттолкнули в сторону... Лейбористы пытались сохранить то настроение чрезвычайного положения, которое сплотило нацию во время войны, утверждая, что *централизованное управление экономикой*, которое было введено во время войны, *должно сохраняться и далее*, «чтобы добиться мира». Государственный контроль распространялся на все аспекты экономики и жизни общества – и он был гораздо строже, чем даже во время Первой мировой войны. Лейбористы использовали государственный контроль в стремлении ввести в стране некий утопический социализм. Уже в самые мрачные дни 1942 года в докладе Бевериджа была предложена идея нового государства всеобщего благоденствия, государства, которое берет ответственность за каждого гражданина «от колыбели до могилы». В «белой книге» в 1944 году также указывалось, что в будущем поддержание высокого и стабильного уровня всеобщей занятости, обеспеченного плановой экономикой (а как же рынок и его вездесущие саморегулирующие «либеральные» инструменты? – Э.Е.), будет первоочередной заботой правительства. Закон Батлера *об образовании* от 1944 года *сделал все школы в стране государственными*. Принимая на вооружение самые современные идеи педагогики, закон вводил общенациональные тесты в возрасте одиннадцати лет, по результатам которых детей распределяли по соответствующим классам в один из трех типов школ: классическую гимназию, техническое училище или государственную среднюю школу... В 1946 году был принят закон *о государственном страховании*, в котором нашли отражение почти все предложения Бевериджа, включая пособие на ребенка, государственную помощь и даже пособие на погребение... В 1948 году был принят закон Бивенса *о национальной службе здравоохранения*, согласно которому *услуги общепрактикующего врача и больничное обслуживание становилось бесплатным для всех граждан страны...*». – Цит. по: *Дженкинс С. Краткая история Англии...* – С. 339, 340-341.

⁷³⁸ Подробнее см, например: *Ерофеев Н.А. Закат Британской империи.* – М.: Изд-во «Мысль», 1967.

более отчетливо компрометирующей себя пресловутой концепции «бремени белого человека», *никакого отношения не имевшей к демократии*⁷³⁹.

В этой связи формирование ряда предпосылок – во многих аспектах как характерных, так и закономерных – системно-институционального кризиса, *de facto* поразившего конкретные сферы взаимодействия общества, государства и широких слоев населения, *корнями уходит в период деколонизации*⁷⁴⁰ и, с исторической точки зрения (в том числе по некоторым вполне объективным⁷⁴¹ и социально-экономически объяснимым причинам), *вынужденного перехода* от одних мировоззренческих и нравственных «ценностей» к другим, апогеем которых на стыке XX – XXI века станут мультикультурализм,

⁷³⁹ Как отмечают отечественные авторы, после Второй мировой войны Британскую империю «... можно было представить в виде двухъярусного сооружения. Его первый и более привилегированный ярус составляло Британское Содружество Наций, утвержденное Вестминстерским статутом 1931 года (мы уже писали о том, что это «объединение» аккумулировало так называемые «белые доминионы», типа Канады, Австралии, Новой Зеландии и Африканского союза, имевшие практически «самоуправленческий статус», основанный на актах октроированного характера, предоставлявшего данным регионам некоторую самостоятельность. – Э.Е.), второй – колониальные и полуколониальные страны. С военного времени в самоуправляющихся территориях Британского Содружества Наций усиливалось влияние Соединенных Штатов. С 1946 года определение «британский» исчезло из официального названия... С 1947 года прежние доминионы стали называться членами Содружества Наций». – Цит. по: *Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю.* Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. – М: Вузовский учебник; ИНФРА-М, 2019. – С. 218-219.

⁷⁴⁰ По мнению одного из советских ученых, которое, на наш взгляд, следует поддержать, несмотря на то что оно сформулировано уже достаточно давно, хотя за прошедшее время не утратило своей актуальности, «... правящие круги Великобритании, всегда считавшие себя тонкими проводниками колониальной политики, разработали при помощи лидеров лейбористов *теорию о так называемом естественном развитии* Британской империи в добровольное Содружество. В соответствии с этой теорией, в одном из вышедших в 1957 году трудов утверждалось, что уже в XIX веке начался «процесс трансформации Британской империи, которому суждено было сделать ее совершенно непохожей на другие колониальные империи прошлого и превратить эту империю в содружество, где имперское господство было заменено добровольным объединением». Если еще в первые годы после окончания Второй мировой войны был принят термин «Британское содружество и империя», то к концу 50-х годов он был официально заменен новым термином Содружество... Этот термин означает ассоциацию Англии, доминионов (с формально-юридической точки зрения, доминионы (в число последних входили Канада, Австралия, Новая Зеландия, Цейлон, Сьерра-Леоне, Ямайка, Тринидад и Табаго) несут на себе известный отпечаток своего колониального происхождения, так как англо-британский монарх считается главой каждого из доминионов, представителем которого является генерал-губернатор, правда, с достаточно небольшим перечнем официальных публичных полномочий. – Э.Е.), а также Индии, Ганы, Пакистана, Кипра, Танганьики, Нигерии, Уганды и Малайзии. Отношения между этими государствами регулируются международным правом и лишь в некоторых незначительных формально-юридических вопросах (это почти исключительно касается доминионов) – английским государственным правом. Члены Содружества обычно каждые два года проводят конференции своих премьер-министров, на которых рассматриваются вопросы, представляющие общий интерес...». – Цит. по: *Дадли Л.Я.* Крах колониального управления в современный период... – С. 20-21.

⁷⁴¹ Институционально сопоставляя британскую (децентрализованную) и французскую (централизованную) модели колониального управления, западноевропейский компаративист отмечает: «... Британская система существенным образом отличается от французской практики. Французский парламент... законодательствует для своих колоний, и французская разновидность колониальных ведомств осуществляет... непосредственный контроль над... администрацией колоний. Британская система – продукт... эмпирической импровизации, она возлагает на народы территорий ответственность... Колониальное ведомство дает... направление и совет и организует помощь..., делая это через губернаторов и по консультации с ними...». – Цит. по: *Jeffries Ch.* The colonial office. – L., 1956. – P. 40.

политкорректность и толерантность, что способствовало параллельной трансформации той части представлений о публичном праве, его функциях и предназначении, с которой были непосредственно связаны организация важнейших системообразующих структур политического режима, разделения властей, традиционной формы монархического правления, механизмов «сдержек и противовесов»⁷⁴².

Нельзя сказать, что «внешний» фактор превалировал над проблемами «внутреннего» характера⁷⁴³, тем не менее *его влияние ощущалось* во многих сферах общественных отношений, что не могло не отразиться на тенденциях, каким-либо образом, связанным с избирательным процессом и организацией парламентской деятельности. При этом следует иметь в виду, что реформы, в большинстве случаев отражавшие «требования дня», никак не затрагивали ту «модель» бикамерального органа законодательной власти, сложившуюся как результат «Славной революции», по-прежнему сочетавшую в себе, на первый взгляд два совершенно противоположных друг другу, диссонирующих между собой «составных элемента»: *либеральный*, в лице избираемой населением Палаты общин, и *консервативный*, в виде Палаты лордов, количество членов которой определялось механизмом, в основе сохранявшим, как и несколько веков назад, наследственно-аристократический и октроированный алгоритм

⁷⁴² Подробнее см.: *Сэмпсон А.* Новая анатомия Британии /Пер. с англ. – М.: Изд-во «Прогресс», 1975.

⁷⁴³ Справедливости ради надо сказать, что послевоенное общество представляло собой довольно печальную картину: «... Как только прошла послевоенная эйфория, – пишет об этом член королевского общества Саймон Дженкинс, – Великобритания, казалось, просто выбилась из сил. Города были мрачными и унылыми. Небо над ними затянуто серым туманом, здания почернели от сажи, улицы зияли провалами руин от бомбежек. К военной разрухе добавилось недовольство солдат, которые, возвратившись с войны, обнаруживали лишь руины и пепелища, бум рождаемости и рост уровня преступности. В 1947 году число разводов в десять раз превышало довоенные показатели. Словно желая сбежать от этого ужаса, не менее 50 000 британских (и речь идет исключительно о коренных с этнической точки зрения жителях страны. – Э.Е.) женщин вышли замуж за американских военных. Только в одном рейсе за океан в феврале 1946 года на борту трансатлантического лайнера «Куин Мэри» насчитывалось 344 невесты и 116 младенцев. Обратный приток в страну начался только в 1948 году, когда на борту трофейного транспорта «Эмпайр Уиндраш» прибыла первая партия из 492 человек с Ямайки в ответ на объявления о рабочих вакансиях в Лондоне...».

Первоначально к иммиграции как явлению относились достаточно спокойно, но только лишь до тех пор, пока она не начала оказывать определенное, иногда значительное, воздействие, что в итоге вызвало принятие в 1962 году соответствующего законодательства, в результате которого «впервые вступило в силу ограничение на въезд в страну цветных иммигрантов из стран Содружества... Закон об иммиграции из стран Содружества от 1962 года негативно отразился на репутации Великобритании как либерального государства и при этом имел весьма незначительный долгосрочный эффект. Так, процент населения Великобритании, родившегося за пределами Британских островов, вырос с 5% в 1962 году до 10% к концу столетия...». – Цит. по: *Дженкинс С.* Краткая история Англии... – С. 342, 348-349.

формирования. Более того, *никто* – ни правящая элита, ни господствующие, в руках которых концентрировались реальные «рычаги давления», классы – *не собирався отказываться* от пропорциональной системы выборов и подсчета голосов, устраивавшей, видимо, всех заинтересованных субъектов, постоянно принимавших участие в политическом процессе. Сохраняя в «незыблемости» партийный принцип выдвижения кандидатов, внимание акцентировалось не на национальной, а *территориально-окружной схеме голосования*, в той или иной мере внешне напоминавшей собой, ею *de facto*, естественно, не являясь, разновидность мажоритарной модели: один округ – один депутат⁷⁴⁴.

Касаясь весьма специфического характера системы разделения властей, согласно которой *члены правящего кабинета*, правительства в узком составе, *вправе совмещать*, причем в течение всего срока полномочий, «депутатский мандат» и «министерский портфель» (это встречается во многих государствах, вне зависимости от формы правления, в связи с чем не вызывает каких-нибудь вопросов), однако *особенность* и в некоторой степени *уникальность* состоит в том, что в Соединенном Королевстве практика подобного рода имеет самое непосредственное отношение и к так называемому «*теневому кабинету*», *de facto* состоящему чаще всего из «народных избранников», представляющих в нижней палате общенационального парламента крупнейшую оппозиционную партию либо коалицию: как ни странно на первый взгляд, но наличие именно

⁷⁴⁴ В 1948 году принимается десятый по счету «Акт о народном представительстве», где этот критерий четко прописан: «... Для выборов в парламент будут созданы в графствах и местечках избирательные округа (как мы видим, общенациональный округ законом вообще никак не предусмотрен. – Э.Е.), в каждом из которых избирают одного члена парламента <...>, иных избирательных округов не будет... Право голоса при выборах в парламент получают лица (гендерный ценз, отмененный в 1918 году, является достоянием истории, так как выборы носят уже всеобщий характер. – Э.Е.), которые проживают в округе (перед нами своего рода «ценз оседлости», не предусматривавший на тот момент открепительных талонов и чего-то аналогичного. – Э.Е.) при наступлении квалифицирующей даты, достигли совершеннолетия, являются британскими подданными (характерно, что в актах предшествующего периода подобный критерий вообще отсутствовал, что, судя по всему, обусловлено увеличением иммиграционный потоков и концентрацией некоренного населения. – Э.Е.). Предусматривается, что лицо не может получить право голоса в избирательном округе, пока оно не будет зарегистрировано там в списке парламентских избирателей и никто не может голосовать <...> более чем в одном округе...». – Об этом см.: Акт о народном представительстве 1948 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 217-218.

Однако, рассуждая о том, что выдвижение кандидатов в том или ином избирательном округе носило исключительно партийный характер, а голосование – персональный, следует иметь в виду, что принцип «один округ – один депутат» состоит в том, что из списка кандидатов от соответствующей организации электорат той или иной территории будет избирать одного из нескольких претендентов, а не партию как таковую.

данного института способствует тому, что *при смене депутатского корпуса не возникает вакуума власти*. Но о каком разделении властей может идти речь, если члены обоих «кабинетов» – действующего и потенциального – *не только занимают соответствующие депутатские и министерские должности, но и получают, в связи с этим, двойную ставку содержания?* Что может быть еще более абсурдно и неестественно, чем ситуация, при которой один человек, не безвозмездно, концентрирует функции законодательного и исполнительного характера, ассоциируясь в глазах дееспособного населения как с одной, так и с другой «ветвями»? Неужели, избирая кого-либо в парламент, электорат уже заранее знает, исходя из того, какое место – функционера или рядового члена – в партийной иерархии занимает кандидат, будет ли он осуществлять в итоге исключительно законодательные полномочия, либо войдет в состав кабинета, тем самым получив двойной статус? Вопрос – далеко не риторический, прежде всего в контексте эффективности механизма «сдержек и противовесов»⁷⁴⁵.

Вне всякого сомнения, *иммиграционный вопрос* в политическом или идеологическом значении, в отличие от Соединенных Штатов, *не приобрел* в масштабах Туманного Альбиона характера сегрегации по признаку этнической принадлежности и цвета кожи⁷⁴⁶, тем не менее *стал одной из предпосылок* (в

⁷⁴⁵ Например, читаем в «Акте о министрах Короны» 1937 года: «... Лицу, являющемуся премьер-министром и первым лордом казначейства (другими словами, министром финансов и, так сказать, ex officio заместителем председателя правительства. – Э.Е.), выплачивается годовое жалованье в десять тысяч фунтов стерлингов... Лидеру оппозиции (возглавляющему «теневой кабинет». – Э.Е.) ежегодно будет выплачиваться жалованье в размере двух тысяч фунтов стерлингов. Однако, если лидер оппозиции получает пенсию в соответствии с настоящим актом, то никакое жалованье не будет ему выплачиваться в соответствии с настоящим разделом, а если он получает пенсию в соответствии с Актом о пенсиях (в данном случае речь идет о документе 1869 года. – Э.Е.) государственным чиновникам..., то уплачиваемое ему жалованье в соответствии с настоящим разделом будет уменьшено на сумму, равной сумме этой пенсии... Жалованье, уплачиваемое в соответствии с настоящим актом, за исключением выплат лидеру оппозиции, выплачивается из сумм, установленных правительством... Жалованье, выплачиваемое в соответствии с настоящим актом лидеру оппозиции, и пенсия, выплачиваемая в соответствии с актом лицу, бывшему премьер-министром и первым лордом казначейства, уплачивается из консолидированного фонда Соединенного Королевства или его возрастающей части... Если указанные ниже выражения не употребляются иным образом, то в настоящем акте они имеют следующие значения: «лидер оппозиции» – член Палаты общин, который является в ней лидером партии, находящейся в оппозиции правительству... и имеющей наибольшую численность в палате...». – Об этом см.: Акт о министрах Короны 1937 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 226-227. Позднее, в 1964 году, был принят документ, уточняющий положения цитируемого акта, где, в частности, появляется термин «*кнут*», которым именуется парламентский партийный организатор большинства нижней палаты, также за свои действия получающий жалованье из государственного бюджета.

⁷⁴⁶ В то же время отношение к некоренным британцам не всегда и не везде было таким, каким мы привыкли видеть в настоящий период. В шестидесятые годы в Соединенном Королевстве большую активность проявлял один из праворадикальных политиков, консерватор Инок Пауэлл, получивший известность после знаменитой

этом случае имеется в виду вторая половина прошлого века) трансформаций традиционного, достаточно патриархального с социальной и гендерной точки зрения, в некоторых аспектах статичного англо-британского общества, итогом которых, при радикализации обстановки, могли бы быть коллизии, причем не только на религиозной или расовой почве. Потомки иммигрантов, родившись на территории Соединенного Королевства, тем самым юридически приобретая статус подданных, являясь носителями иной культуры и менталитета, иногда в значительной степени противоположных тому, с чем ассоциировались и чем гордились представители англосаксонской цивилизации, в силу объективных или субъективных – коллективных и индивидуальных – причин не могли, либо не хотели инкорпорироваться в политические и общественные институты, в то же время *создавая* альтернативную (языковую, этическую, ценностную) среду обитания, с одной стороны, противопоставляющую себя нормам и правилам поведения, с другой – требующую «адекватного» к ней отношения⁷⁴⁷.

Сказать, что Соединенное Королевство постепенно теряло собственную идентичность, это значит – *ограничиться лишь формальными констатациями*, закрыв глаза на комплекс имеющихся проблем, свидетельствующих о кризисе либеральных институтов, количество которых, *невзирая на неоднократные* попытки, материальные, финансовые затраты, предпринимаемые властью по их устранению, *перманентно* только *росли*. В этой связи компаративисту ни в коем случае нельзя игнорировать процессов, лежавших в основе становления и развития институтов, при одних исторических условиях *препятствовавших*, при других *способствовавших* формированию его предпосылок, характера и

речи, произнесенной в апреле 1968 года в городе Бирмингеме. В достаточно пространном выступлении он «... изложил свое видение последствий неевропейской иммиграции и мер, которые позволили бы Британии избежать серьезных расовых столкновений в будущем. По его мнению, возрастающий поток этой категории иммигрантов, высокий уровень рождаемости в их среде, а также концентрация (анклавизация) переселенцев на определенных территориях препятствуют интеграции новых граждан в британское общество и нарушают расовую и культурную однородность жителей Соединенного Королевства. Потомки иммигрантов, по мнению Пауэлла, утратят связь со страной исхода, но останутся чужеродным элементом на новой родине. Возникает как бы «параллельная нация», расселенная по анклавам (в последние годы мы видим этот процесс не только в масштабах Туманного Альбиона, как предупреждал консервативный политик, но и в Европе в целом. – Э.Е.), требующая признания своих традиций и угрожающая британской демократии серьезными конфликтами на расовой и этнической почве...». – Цит. по: *Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю.* Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века... – С. 274. Прошло пятьдесят лет – и анализ практически *полностью подтвердился*.

⁷⁴⁷ См.: *Тодд, Эммануэль.* Поражение Запада / пер. с фр. Н. Жиро. – М.: Изд-во АСТ, 2025. – С. 167-197.

специфики. Кто-то из исследователей при этом акцентирует особое внимание на умении монархии приспосабливаться к каким угодно обстоятельствам, кто-то, наоборот, во главу угла ставит англо-британский парламентаризм, в итоге сумевший, невзирая на противодействие оппонентов, ограничить абсолютизм и поставить «царствующий дом» под контроль, наконец, есть и такие ученые, кто отдает приоритет судам и их решениям, обладающим, помимо прочего, прецедентным характером. Как ни странно, все правы по-своему: перед нами не что иное, как *англосаксонский вариант* «западной» модели демократии, с которой берут пример и хотят подражать самые разные «субъекты», в первую очередь – компрадорские элиты бывших колоний и доминионов⁷⁴⁸.

В любом случае какой бы публичный институт, орган либо учреждение, *de jure* олицетворяющие собой действующий политический режим или форму правления, мы, при необходимости, ни взяли в качестве иллюстрации, перед нами конституционная монархия, которую *не перепутаешь* ни с какой другой, так как ее самобытность и оригинальность проявляется в деталях, которых нет ни у одного государства, начиная с колониальной системы и заканчивая тем, что включает в себя дефиниция «демократия». Нет никакого секрета в том, что вопрос «субъектности», прежде всего детализации юридического статуса тех, *кто должен был обладать избирательным правом*, периодически возникал в общественном сознании, требуя от правящего класса адекватного ответа⁷⁴⁹.

⁷⁴⁸ Приведем пример достаточно традиционной для самих англичан точки зрения: «... На протяжении всего... времени центральный законодательный орган государства Великобритании, двухпалатный парламент, не выпускал бразды правления из рук. Он бывал непредставительным, нерешительным по отношению к каким-либо переменам, но здесь всегда чтит открытые дебаты и всегда следили за тем, чтобы правительство неукоснительно исполняло волю британского народа, направляя Великобританию к торжеству демократии и всеобщего благоденствия в XX веке. Среди преобразователей, которые «меняли правила игры» английской политики, можно назвать Кромвеля, Уолпола, Питта-старшего, Пиля, Дизраэли, Гладстона и Ллойд Джорджа, но именно парламент как коллективный орган направлял таланты этих людей на службу государству. Ни в один момент английской истории внепарламентские действия не набирали политической силы...». – Цит. по: *Дженкинс С. Краткая история Англии...* – С. 394. Как же англосаксы любят себя хвалить и критиковать других.

⁷⁴⁹ Одним из таких «ответов» стал следующий по счету «Акт о народном представительстве» 1969 года, в котором, в частности, говорилось, что для реализации целей данного правового документа, «... лицо будет рассматриваться достигшим требуемого для участия в выборах возраста, если ему исполнилось 18 или более лет; а также, поскольку не установлено иное, лицо, достигшее 18 лет после даты составления списка избирателей для выборов в Парламент или органы местного самоуправления, будет иметь право участвовать в выборах как избиратель, если оно достигло требуемого возраста ко дню выборов... Если не установлено иное, лицо будет считаться имеющим право быть внесенным в список избирателей для выборов в Парламент или для выборов в органы самоуправления, если оно достигнет требуемого возраста до истечения 12 месяцев, следующих за днем, к которому список должен быть опубликован; но, если оно не достигнет установленного возраста на первый день

Вместе с тем трудно, а иногда и нецелесообразно выводить за скобки те «суррогатные» формы демократии, с известными элементами охлократии⁷⁵⁰, которыми *время от времени восполнялись пробелы*, имевшиеся в практике реализации определенными категориями подданных соответствующих прав и свобод, позволявшие «снимать напряжение» в обществе, *принципиальным образом по существу ничего не меняя*, как в случае с теми, кто, не обладая *de jure* избирательным правом, мог прийти в отведенное специально для этого место, как правило, в одном из парков, и публично, «персонально» никого не оскорбляя, тем более не призывая к ликвидации монархии и существующего строя, высказать свою точку зрения, *не боясь* быть подвергнутым наказанию. В современных условиях, о чем наглядно свидетельствует ситуация вокруг так называемого «Brexit», методами подобного рода пользуются регулярно и все более активно, но *не переступая черты*, за которой государство *эксклюзивно обладает* «правом на насилие». Гипертрофированная абсолютизация прав и свобод человека делает его, к сожалению, похожим, скорее, на метафору, чем на реальный и действенный публичный механизм⁷⁵¹.

этих двенадцати месяцев... а) его внесение в список будет сделано в день, в который оно достигнет этого возраста, и б) до дня, дающего право внесения в избирательный список, оно не будет рассматриваться избирателем, кроме выборов, голосование на которых будет проводиться в этот или более поздний день... Поскольку не установлено иное, лицо будет признано способным голосовать по доверенности на парламентских выборах или на выборах в органы местного самоуправления, для которых оно считается достигшим требуемого возраста после даты составления списка... Лицу, рассматриваемому правилами парламентских выборов или выборов в органы местного самоуправления как незрячее, должно быть оказано содействие в голосовании, если это лицо подпадает под соответствующие условия в указанных правилах и достигло требуемого возраста...». – Об этом см.: Акт о народном представительстве 1969 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 218-219.

⁷⁵⁰ После того, как на Украине был совершен государственный переворот, там стали популярными среди той или иной части населения так называемые «факельные шествия», участники которых, не скрывая отношения к определенной идеологии, все чаще появляются в униформе, подчеркивающей их приоритеты. И власть на все это по самым разным причинам закрывает глаза. В Соединенном Королевстве в свое время это пресекли в императивной режиме: «... Любое лицо, которое в общественном месте или на общественном собрании носит форму, подчеркивающую его связь с какой-либо политической организацией или преследованием... какой-либо политической цели, виновно в преступлении <...> Если члены или сторонники какой-либо организации: а) организуют, тренируются или снаряжаются с тем, чтобы быть использованными для узурпации функций полиции или вооруженных сил...; б) организуются и тренируются или организуются и снаряжаются с целью использования их <...> для насильственного достижения политической цели <...> тогда любое лицо, участвующее в управлении такой организацией, или организующее, или вербующее членов или сторонников ее, виновно в преступлении». – Об этом см.: Акт о поддержании публичного порядка 18 декабря 1936 года (с последующими изменениями по закону 1986 года) //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 221-222. Именно, чтобы знать это, нам и необходим компаративизм.

⁷⁵¹ Охлократия превращается в обычную толпу, в том числе, при условии несоблюдения действующих норм и правил поведения, установленных государством: «... Если старший полицейский чиновник, – декларируется в статье 12 закона 1986 года «О публичном порядке», – рассматривая вопрос о времени и месте публичной процессии и об обстоятельствах, при которых она должна проходить, а также ее маршрут, будет разумно полагать

В то же время, исходя из все более увеличивающегося числа тех, с кем трудно ассоциировать не только англосаксонскую цивилизацию, но и желание инкорпорировать самобытные представления о государстве, праве, обществе, его институтах, религиозных и моральных ценностях, в «общее целое», в итоге став одной из его составных частей, *какой смысл продолжать* рассматривать «западную» модель демократии в качестве единственной, заслуживающей со стороны «варварских народов» внимания и «примера для подражания», если многие инструменты и механизмы, присущие ей, перестают работать в иных условиях и социальных общностях, исторически сложившихся, как правило, *на совершенно других принципах*⁷⁵², создавая «почву» для формирования новых, ранее не известных или почти не заметных, предпосылок перехода системно-институционального кризиса на уровень, по многим аспектам *принципиально отличающийся* от всего того, что наблюдается в последние десятилетия. Как ни

(во всем остальном ничем не ограничивая права и свободы подданных, как кто-то может считать, не соглашаясь с официальной позицией. – Э.Е.), что процессия может привести к серьезным общественным беспорядкам, значительному имущественному ущербу или серьезному нарушению жизни общества <...>, он вправе дать указание организаторам или участникам процессии соблюдать те условия, которые он считает необходимыми для предотвращения подобных беспорядков, ущерба, нарушений, в частности, в отношении маршрута процессии или появления ее в каком-либо определенном месте... Когда начальник полиции приходит к обоснованному выводу, – говорится в статье 13 закона, – что применение предусмотренных... мер будет недостаточно для предотвращения в каком-либо районе или его части возможных при публичной процессии серьезных беспорядков, он обращается к совету этого района с просьбой издать приказ о запрещении на срок до трех месяцев проведения всех публичных процессий в данном районе или его части». – Цит. по.: Закон 1986 года «О публичном порядке» //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 222-223. Вот чему мы должны у них в первую очередь учиться и что брать в пример.

⁷⁵² Проблема состоит в том, что Соединенное Королевство на подмандатных территориях уже сталкивалось с чем-то подобным, но не извлекло из этого соответствующих уроков и не сделало никаких выводов. С расовым и религиозным фактором правящая элита страны непосредственно соприкоснулась на Ближнем Востоке при решении вопроса о формировании государства с арабским и еврейским населением: «... В Палестине к концу британского правления правительство предложило решить еврейско-арабские разногласия с помощью образования единого государства и попыталось создать для этого представительную структуру, основанную на демократических (имелись в виду, естественно, англосаксонские. – Э.Е.) принципах. Еврейское население отказалось от этого предложения, поскольку составляло меньшинство. Позже, когда большинство арабов покинули территорию или были выдворены за пределы вновь образованного государства Израиль, там была установлена «демократия», при которой права оставшихся в стране мусульман были сокращены: сегодня тем, кто покинул страну, отказывают, отказывают в «праве на возвращение», то есть в том праве, которое сами евреи провозгласили для себя во всеуслышание; однако в данном конкретном случае это право угрожало их «демократическому» большинству. В странах, – констатирует один из выдающихся британских ученых, – где существует разделение по религиозному, расовому или этническому признаку, принцип «один человек – один голос» не всегда является приемлемым решением: этот принцип может привести к формированию устойчивого большинства или даже к «этническим чисткам», как произошло на Кипре. Введение полной демократии в подобных условиях может породить борьбу за увеличение воспроизводства определенных категорий населения, чтобы сделать их большинством демографическими методами, – так, по мнению протестантов Северной Ирландии, поступали (на наш взгляд, у них не было выхода после многовекового геноцида. – Э.Е.) ирландские католики...». – Цит. по: Гуди Джек. Похищение истории... – С. 342.

странно, но в первую очередь сказанное относится к самоорганизации, то есть к одной из традиционных основ британского «народовластия»⁷⁵³.

Выводя за скобки многое из того, что не является предметом и объектом настоящего исследования, вместе с тем очень сложно избежать обращения к *двум специфическим особенностям* Соединенного Королевства – *деволюции*, *англосаксонского варианта политико-территориальной децентрализации* (что дает нам «основание» говорить о тенденциях регионализации и постепенного перехода от унитаризма к более сложному по своей форме государственному устройству)⁷⁵⁴, в перспективе, если появятся соответствующие предпосылки и потребности в кругу правящих элит, способной не только объединить на новых принципах, но и разрушить это «образование», включающее, помимо Англии, Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию, и *отсутствие* в рамках Туманного Альбиона *единой правовой системы*, что также – не внушает оптимизма. Если деволюция в той либо иной степени связана с реализацией, при помощи того же референдума, непосредственных форм демократии (проблема особенно обострилась из-за того, что Шотландия, категорически не желавшая выходить из состава Европейского союза вместе с остальными, грозила центру решить вопрос

⁷⁵³ Как справедливо отмечает Саймон Дженкинс, «... люди быстро теряют веру в самоуправление, когда те, кого избирали действовать от их имени, становятся далекими и незнакомыми. И это уже заметно в снижении доверия к государственным службам и в обращении к услугам частных компаний в сфере здравоохранения, образования и обеспечения безопасности. Мало кто из англичан в состоянии узнать или назвать имя (в том числе по причине того, что в некоторых городах и сельской местности преобладает мусульманское или иное население, представители которых все более активно начинают заниматься политикой. – Э.Е.) руководителя местного сообщества, и эта анонимность деполитизирует сообщества и перекраивает социальное деление общества в некую внутреннюю классовую систему... Процесс формирования и укрепления централизованной власти, который был необходим сначала англосаксам, потом норманнам, чтобы определить и защитить границы Англии от древних бриттов, меняет направление. Лондон был вынужден ретироваться из заморских колоний, теперь постепенно отступает (в первую очередь дают о себе знать механизмы *режима деволюции*. – Э.Е.) из автономий внутри страны. Уже можно прочесть акты местных законодательных органов Эдинбурга, Кардиффа и Белфаста как первые документы нового конституционного соглашения. Англия, таким образом, теряет желание управлять народами вне своих границ, даже теми, которые проживают на территории Британских островов, но не являются этническими англичанами. По-прежнему существует потребность в институтах некоего «объединенного королевства», поскольку они нужны шотландцам, валлийцам и части ирландцев. Но несколько ассиметричная природа парламента, заседающего в Вестминстере, учитывая, что правительство Англии находится в почти рабской зависимости от членов парламента от полуавтономных кельтских окраин, не может быть устойчивой в длительной перспективе. Это деформированная демократия. Рано или поздно Англии потребуется ее собственное национальное собрание, внутри или вне контуров Вестминстерского парламента...». – Цит. по: Дженкинс С. Краткая история Англии... – С. 399-400.

⁷⁵⁴ Подробнее об этом см.: Коданева С.И. Британский регионализм (конституционная реформа). – М.: Юристъ, 2004; Децентрализация управления в зарубежных государствах /Под ред. А.Н. Пилипенко. – М.: ЭКСМО, 2009; Mitchell J. Devolution in the UK. – Manchester: Manchester University Press, 2009; Pilkington C. Devolution in Britain today. – Manchester; New York: Manchester University Press, 2002; Bogdanov V. Devolution in the United Kingdom. – Oxford: Oxford University Press, 1999.

суверенитета путем голосования), то во втором случае – с реформой⁷⁵⁵, в результате которой был учрежден Верховный суд (к функциям последнего, в том числе, отнесены вопросы деволуции, ранее входившие в компетенцию судебного комитета Тайного совета) и ликвидирован, рассматривавшийся до этого высшей инстанцией, апелляционный комитет Палаты лордов⁷⁵⁶.

Другими словами, судебная система становится более «судебной», так как функции *третьей ветви власти*, прежде всего в сфере конституционного контроля, от консультативного и законодательного органов – Тайного совета и Палаты лордов – перешли в юрисдикцию специализированного института⁷⁵⁷, в связи с чем роль и значение решений, выносимых судами, возрастает, что не может не бросаться в глаза, особенно если вопрос стоит о правах, свободах и законных интересах подданных, их официальном толковании в контексте тех тенденций гипертрофированной абсолютизации, которые наблюдаются и на протяжении последних десятилетий перманентно усиливаются. Складывается впечатление, что в ближайшей перспективе человеку можно будет делать все для персональной «самоидентификации»: устанавливать и популяризировать гендерную и сексуальную принадлежность, принимать во всех общественных местах, в том числе учебных заведениях, любые виды наркотиков, вступать в инцест с малолетними детьми или брак с домашними животными, уходить из жизни посредством эвтаназии и многое другое, что недавно считалось грехом или преступлением со всеми вытекающими последствиями. Как ни странно, в этом случае *приоритет чаще всего не за законом* (его принимают «народные

⁷⁵⁵ Была осуществлена в 2005 году. Текст документа см.: *Constitutional Reform Act 2005* см. на портале URL.: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2005/4/introduction>.

⁷⁵⁶ См.: Судебные системы Европы и Евразии... Том 1. Западная и Северная Европа. – С. 234-235.

⁷⁵⁷ На наш взгляд, в данной ситуации сработали механизмы, вытекающие из правовой доктрины, известной как «*ultra vires*», направленные на обеспечение защиты и восстановления прав и законных интересов лиц в условиях возникновения ситуаций, при которых субъект публичной власти, предпринимая соответствующие действия, выходит за рамки предоставленных ему властных полномочий, создавая тем самым предпосылки для нарушения чьих-то прав, свобод и законных интересов или осуществляя собственно их нарушение. Суд, а не квазисудебный орган, должен обеспечивать равенство перед законом всех физических и юридических лиц, в том числе «составных частей» Соединенного Королевства, для чего и необходима единая система таких учреждений, элементом которой и стал созданный Верховный суд. Посредством выносимых решений (*court-based constitution, common law constitution*) осуществляется реформирование и модернизация конституции, так как вырабатываемые при этом базовые конституционные принципы, по существу являются не чем иным, как следствием конкретных правоприменительных решений, принятых судебными органами.

избранники», и кого-то из них могут «отправить на пенсию» в том случае, если он отдаст голос в пользу «некорректного» акта), *а решением суда*, который в силу традиций и особенностей англосаксонской системы права актуализирует и посредством прецедента, по существу, *возводит в абсолют личное мнение* того, чьей рабочей одежной являются судейская мантия и парик, особенно в тех случаях, количество которых увеличивается, когда имеется пробел в праве. Исходя из того что *законодатель не всегда успевает* за «требованиями дня», правила поведения устанавливает судья или коллегия из нескольких человек, окружением которых являются не сотни таких же депутатов, представляющих свою либо оппозиционную партию, а *персональное отношение* к решаемому в настоящий момент вопросу: нет ни первого, ни второго, ни третьего чтения, есть лишь субъективизм и соответствующий уровень правовой подготовки⁷⁵⁸.

⁷⁵⁸ Справедливости ради надо сказать, что вторая половина 1990-х годов была ознаменована двумя крупными преобразованиями, последствия которых вполне очевидны: реформами в Уэльсе и Шотландии, связанными с предотвращением имевшихся сепаратистских тенденций, и реформой, *de facto* протекавшей в несколько самостоятельных этапов, Палаты лордов: «... Начало деятельности лейбористов (период в двенадцать лет, в течение которого в Соединенном Королевстве действовали «кабинеты», возглавляемые сначала Э. Блэром, которого сменил его коллега И.Г. Браун. – Э.Е.) ознаменовалось проведением конституционных реформ. Основные положения предстоящих преобразований были разработаны Объединенным конституционным комитетом, состоявшим из представителей правящей партии и либеральных демократов. В основу (как и следовало предположить. – Э.Е.) реформирования был положен... *принцип деволюции*, предусматривавший передачу полномочий от центра к местным органам власти (необходимо признать, что реформы носили дифференцированный характер, так как образованный в мае 1999 года орган представительной власти Шотландии был уполномочен принимать региональные законодательные документы, не противоречащие общенациональным, и устанавливать местные налоги, чего была, в свою очередь, фактически полностью лишена аналогичная ассамблея Уэльса. – Э.Е.). Цель этих мероприятий... состояла в том, чтобы дать выход националистическим сепаратистским настроениям, проявлявшимся в Уэльсе и особенно в Шотландии. Граждане последней систематически голосовали против тори как противников любого продвижения их территории к самоуправлению. Дальнейшая его отсрочка могла спровоцировать массовую поддержку избирателями Шотландской национальной партии, выступавшей за полную независимость. Кроме того, путем создания новых демократических институтов на местах Блэр рассчитывал активизировать гражданское население всей страны, повысить доверие к британской системе управления, приблизить политическое устройство Великобритании к государствам Европы...».

Что касается реформы верхней палаты, то в общественном сознании подданных Соединенного Королевства к концу XX века весьма справедливо утвердилось мнение, что «в демократическом государстве функционирование института, основанного на наследственных привилегиях, выглядит анахронизмом. Закон, принятый в октябре 1999 года и составивший первый этап реформы, лишил абсолютное большинство наследственных графов, герцогов и баронов права присутствовать и голосовать в верхней палате. Лишь 92 пэрам по соглашению с Консервативной партией временно было оставлено право заседать в этом органе наряду с высшим духовенством и пожизненно титулованным особам. Более 600 аристократических кланов потеряли привилегии, установленные еще во время Средневековья... Но при этом все наследственные пэры сохранили свои титулы и получили право быть избранными в Палату общин. При обсуждении второго этапа реформы в комиссиях выдвигались разные проекты. Предлагалось сделать палату частично избираемой и частично назначаемой в разных пропорциях, либо полностью избираемой... С марта 2007 года представители Лейбористской и Консервативной партий ведут переговоры с целью найти компромисс в отношении процента избираемости и назначаемости членов верхней палаты...». – Цит. по: *Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю.* Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века... – С. 268, 269.

Никто не собирается умалять достоинства действовавших в государстве судов, тем более судей, однако факт остается фактом: если до определенного момента *восполнение пробелов в праве* считалось одной из положительных черт англосаксонской традиции, а прецедент рассматривался эффективным и востребованным в некоторых ситуациях инструментом, при помощи которого решались самые сложные юридические коллизии, то со временем положение изменилось, прежде всего в балансе разделения властей, и уже не парламент, его билли и статуты, как «должно быть», и так действительно было еще совсем недавно, при представительной демократии, а *суды являются доминантой*, но не столько с точки зрения устаревшей системы «сдержек и противовесов», в условиях которой им отводилась роль «беспристрастного арбитра», сколько в качестве нормотворческого института, акты которого в состоянии на равных конкурировать с предписаниями представительного органа. Закон и все, что с ним процедурно связано, *нередко не успевает* «творить право», адекватно не всегда реагируя на «требования дня», в отличие от решений суда, *оперативно отвечающего* на поставленный кем-нибудь вопрос: что делать в тех или иных обстоятельствах? Это и дает ему возможность быть «доминантой».

Дифференциация между англосаксонской и континентальной системой права (другими словами, какому источнику – судебному или парламентскому – отдается предпочтение в конкретных ситуациях), о которой можно прочитать в любом учебнике, в послевоенной Франции во многом проявилась на стадии подготовки новой конституции⁷⁵⁹, в которой, по сравнению с учредительными

⁷⁵⁹ В отличие от Соединенного Королевства, территория которого не подвергалась германской оккупации и разделу страны, во Франции, где весьма важную роль играло движение сопротивления, имел место процесс так называемой *деколлаборационизации*, включавшей не только несанкционированную люстрацию крупных и средних чиновников государственного аппарата и органов местного самоуправления, сотрудничавших с национал-социалистами, но и более существенные карательные меры: «... Чтобы покончить со спонтанными чистками, сопровождавшими Освобождение, – происходили произвольные аресты, и было осуществлено более десяти тысяч бессудных казней, – министр юстиции (после освобождения Парижа 25 августа 1944 года было сформировано правительство «национального единства», во главе с самим генералом де Голлем. – Э.Е.) 15 сентября... создал специальные суды. Они вынесли 38 266 приговоров, в том числе 2 853 смертных, из которых приведено в исполнение было 76. Многие сторонники режима Виши и коллаборационисты, в целом почти 50 тысяч человек, лишились гражданских прав (женщин, имевших контакты с национал-социалистами, стригли наголо, помимо уголовной и административной ответственности, нередко подвергая публичному физическому наказанию в виде избиения или оскорблений. – Э.Е.). Министры правительства Виши предстали перед верховным судом. Тот приговорил к смерти Пьера Лаваля и маршала Петена, которому де Голль смягчил наказание, заменив пожизненным заключением. Это было неизбежным следствием настоящей гражданской

актами Третьей республики, отразившими достигнутый между «роялистами» и «либералами» компромисс, были – причем не без определенного влияния⁷⁶⁰ «левых» идеологом – закреплены принципы⁷⁶¹, впервые сформулированные в конце XVIII века в «Декларации прав человека и гражданина», и расширенные в соответствии с тенденциями, связанными с демократизацией политической системы и конституционно-правовых отношений⁷⁶². Процесс носил открытый характер с использованием механизмов непосредственной демократии, в том числе по причине того, что большинство местного населения, за исключением некоторой части правящей элиты, *крайне отрицательно* относилось к итогам правления коллаборационистов и в целом к историческому периоду, *de facto* ассоциируемому с нацизмом, демагогией, популизмом и крахом иллюзий⁷⁶³.

войны между французами во время Второй мировой войны...». – Цит. по: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 417-418.

⁷⁶⁰ Ранее, акцентируя внимание на «Программе Народного фронта», мы уже подчеркивали этот факт.

⁷⁶¹ Например, читаем в преамбуле: «... французский народ снова провозглашает (забыв при этом, что Франция являлась одной из крупнейших колониальных «империй» на данный исторический период, куда входили огромные территории от Алжира до Индокитая и Новой Каледонии. – Э.Е.), что всякое человеческое существо без различия расы, религии и вероисповедания обладает неотъемлемыми и священными правами. Он снова торжественно подтверждает права и свободы человека и гражданина, освященные Декларацией прав 1789 года, и основные принципы, признанные законами Республики...». – Об этом см.: Конституция Четвертой республики 1946 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 230.

⁷⁶² Так, если в 1789 году декларировалось, что «... люди рождаются и остаются свободными и равными в правах... отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы» (видимо, в связи с указанным обстоятельством, дееспособные женщины *более ста пятидесяти лет* были поражены в избирательных и иных гражданских правах), то в новой конституции уже появляется фраза о том, что закон «... гарантирует женщине во всех областях равные права с мужчиной».

⁷⁶³ По мнению французских исследователей, «... первостепенной заботой как де Голля, так и руководящего состава страны было стремление вернуть Франции ее «ранг». Принятие декретом от 3 января 1946 года плана по модернизации и оснащению, национализация источников энергии и части банковского сектора отвечали этому желанию создать новую Францию, обладающую современной экономикой. Перемены во французской экономике в течение десятков лет после Освобождения отчасти были порождены этим состоянием духа. При такой жажде коренных обновлений (многие говорят: революции), охватившей общество..., снова встал вопрос о форме институтов. Кроме радикалов и части умеренных правых, никто не хотел возвращения к режиму Третьей республики. 21 октября 1945 года среди французов провели референдум (уже в этом были видны перемены к лучшему, направленные на демократизацию отношений. – Э.Е.) по вопросу институтов – тогда же, когда они избирали Собрание по принципу пропорционального представительства департаментов. На первый вопрос референдума: «Хотите ли вы, чтобы избираемое сегодня Собрание было учредительным?» – 96, 1% опрошенных (*граждан мужского пола*, так как женщины были по-прежнему вне электорального процесса. – Э.Е.) ответили «да». Таким образом, с институтами Третьей республики было покончено. Второй вопрос просил одобрить законопроект организации государственной власти до вступления в силу новой конституции. Это законопроект ограничивал права Собрания, избираемого на семь месяцев. Главное, что конституция, которую примет Собрание, подлежала «одобрению со стороны избирательного корпуса... через посредство референдума». Тем самым де Голль порвал с традицией, в соответствии с которой только суверенное Учредительное собрание давало стране ее институты. Коммунистическая партия и близкие в ней движения, а также радикалы развернули кампанию, призывая ответить «нет» на второй вопрос. Победили сторонники «да»: таких оказалось 66, 3% среди опрошенных...». – Цит. по: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 418-419.

В условиях «воссоздания» государственности было бы наивно полагать, что компромисс между всеми заинтересованными сторонами как важнейший метод политической борьбы ушел в прошлое вместе с Третьей республикой и правящей элитой, ее представлявшей (господствующие классы, с которыми в прошлом она была аффилирована никуда не исчезли и не предполагали этого делать), так как формирование системы разделения властей, не говоря уже о механизмах «сдержек и противовесов», столкнулось с *противодействием* не только «справа», но и «слева», что вынуждало искать точки соприкосновения, идти на практически ничем не обоснованные уступки, нашедшие отражение в окончательном тексте конституции и тех публичных институтах, которые были затем актуализированы. Самое парадоксальное состояло в том, что «левые» организации, вместо того чтобы, опираясь на поддержку со стороны широких слоев населения, максимально возможным в тех условиях образом закрепить в учредительном акте права и свободы человека, сконцентрировались на том, *чтобы* лишить де Голля кресла председателя правительства «национального единства» и полностью *игнорировать решения* октябрьского референдума об одобрении конституции – после ее разработки и утверждения Учредительным собранием – посредством всенародного голосования. Компаративисту трудно понять мотивацию подобного поведения, особенно в контексте деклараций о необходимости либерализации политического процесса, но *не исключено* и гипотетически вполне допустимо, что примерно «где-то здесь» следует искать *первичные предпосылки* системно-институционального кризиса «западной» модели демократии в лице ее *французского варианта*⁷⁶⁴.

⁷⁶⁴ Видимо, неслучайно, страна в очередной раз столкнулась с пресловутым «ребрендингом», в результате которого «новое» государство практически ничем не отличалось от «старого», если не считать наименований публичных органов и их функций. Наш вывод в основном созвучен с тем, о чем пишут известные французские исследователи: «... Учредительное собрание единогласно избрало (в данном случае речь, несомненно, идет о де Голле. – Э.Е.) председателем правительства, и он сформировал – первое время не без сопротивления со стороны коммунистов, которым он доверил только посты министров, занимающихся экономикой (странно, почему авторы говорят о соответствующих должностях, используя слово «*только*», так как это важнейшие и тогда, и сейчас сферы общественных отношений? – Э.Е.) и социальными вопросами... Он очень скоро вступил в конфликт с Учредительным собранием, сумевшим оттеснить его от выработки конституции (может, просто сработал механизм разделения властей, в рамках которого каждый должен был заниматься своим делом? – Э.Е.). Во время дебатов о кредитах на национальную оборону 31 декабря 1945 года он спросил: «Чего вы хотите – правительства, которое правит, или же всеисильного Собрания?» 20 января 1946 года он подал в отставку (которая продлится чуть более десяти лет, до мятежа в Алжире, подавленного генералом, тем не менее так и не сумевшим

Есть несколько вопросов, за которые следует критически воспринимать Конституцию Четвертой республики, в том числе бикамерализм французского парламента, в частности, формирование верхней палаты косвенным образом, посредством «коллегий выборщиков»⁷⁶⁵, однако это уходит на второй план на фоне наделения представительниц «слабого пола» *правом избирать и быть избранными*⁷⁶⁶, что давным-давно рассматривалось не только анахронизмом, но и ассоциировало Францию с недемократическим политическим режимом, нарушающим права и свободы человека определенного «поколения». Ведь *иначе, как абсурдом не назовешь тот факт*, что на родине «Декларации прав человека и гражданина», написанной на французском языке еще в конце XVIII века, всеобщее избирательное право распространилось на всех дееспособных женщин лишь *через сто пятьдесят семь лет*, одной из последних в Европе.

Безусловно, оценивая текст учредительного акта, *не избежать* прямых либо косвенных *параллелей* с политико-правовыми документами подобного

сохранить его как одну из крупнейших на тот момент французских колоний. – Э.Е.), надеясь, возможно, создать ситуацию, которая позволила бы ему осуществить свои идеи, когда к нему снова обратятся. На самом деле лишь меньшинство французов (26% по данным... Французского института общественного мнения) пожелало тогда, чтобы он вернулся. Председателем временного правительства стал социалист Феликс Гуэн. Коммунистическое и социалистическое большинство Учредительного собрания приняло проект конституции, предусматривающий единое Собрание...». Но радикалы и правые «выступили против этого проекта, и в ходе референдума 5 мая 1946 года его отвергли 53% опрошенных. После выборов 2 июня новое Учредительное собрание приняло *компромиссный проект*: относительный противовес Национальному собранию составлял Совет республики, избираемый на двухступенной основе и, как сенат согласно законам 1875 года, принимающий участие в избрании президента республики, вновь обретающего те же прерогативы, что при Третьей республике. Де Голль попытался повлиять на общественное мнение в ходе конституционных дебатов. Он изложил свои идеи в речи, произнесенной в Байе 16 июня 1946 года, после выборов во второе Учредительное собрание. Он желал, чтобы глава государства, «поставленный над партиями», избираемый «намного более обширной» коллегией, чем парламент, был «арбитром, стоящим выше политической злобы дня». 22 сентября в Эпинале он осудил проект конституции. Часть избирателей... к нему прислушались: конституцию... одобрило 53, 5% опрошенных (притом, что миллионы граждан остались вне процесса. – Э.Е.), но из них только 36, 1% зарегистрированных избирателей, тогда как 31, 2% голосовали против и 31, 4% воздержались. Режим при своем рождении располагал лишь ограниченной поддержкой...». – Цит. по: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 420-421.

⁷⁶⁵ Так, читаем в статьях 5 и 6 главы II: «Парламент состоит из Национальной ассамблеи и Совета республики... Обе палаты избираются на территориальной основе. Национальная ассамблея – на основе всеобщего и прямого избирательного права, Совет республики – коммуна и департаментами на основе всеобщего и косвенного (то есть по-прежнему сохраняются так называемые «коллегии выборщиков», известные еще с периода французской буржуазно-либеральной революции и Конституции 1791 года. – Э.Е.) избирательного права...». – Об этом см.: Конституция Четвертой республики 1946 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 232.

⁷⁶⁶ Данная норма закреплена в статье 4: «... В условиях, определенных законом, избирателями являются все совершеннолетние обоого пола французские граждане и лица, состоящие под французской властью (то есть избирательное право распространялось и на определенную часть населения колоний. – Э.Е.), пользующиеся гражданскими и политическими правами...». – Об этом см.: Конституция Четвертой республики 1946 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 232.

рода, фундаментальные положения или отдельные нормы которых были⁷⁶⁷ заимствованы и инкорпорированы в практику отношений различных ветвей власти Четвертой республики, что свидетельствует о влиянии англосаксонской традиции не только на правовые системы бывших колоний и доминионов, но и на процесс институализации конкретных областей взаимодействия в рамках континентальной модели республиканской формы правления, в то же время – оставляя в неприкосновенности особенности и самобытность организации и деятельности местного управления (в соотношении *inter vires* и *ultra vires*)⁷⁶⁸.

Известный элемент «подражания» проявляется и в том, каким образом решался пресловутый «колониальный вопрос», так как Франция, несмотря на определенные тенденции, оставалась государством, под контролем которого находились огромные по масштабам «заморские территории», приносявшие прибыль и поставлявшие на континент в большом количестве рабочую силу и материальные ресурсы, во многом способствовавшие восстановлению целого ряда отраслей национальной экономики и ликвидации последствий проблем, возникших после окончания Второй мировой войны. Однако *одновременно* с положительными аспектами начинают формироваться предпосылки будущих коллизий, одной из причин которых – и это, на наш взгляд, было предсказуемо и закономерно – станет *иммиграционная проблема* и все, что с ней прямо или опосредованно связано, особенно если иметь в виду «переселенцев» второй и третьей «волны», большинство представителей которых *не собирается* ни адаптироваться к европейским нормам и правилам поведения, ни уезжать на историческую родину: их предки трансформировались во французов с другим

⁷⁶⁷ В данном случае речь идет об институте «*контрасигнатуры*», известном из практики англосаксонской монархии, установленном по итогам «Славной революции» в 1701 году «Актом об устроении (Акт о будущем ограничении и о лучшем обеспечении прав и свобод подданных)». Французский вариант в свою очередь определяет (согласно норме статьи 35) следующее: «... Каждый из актов Президента республики должен быть скреплен председателем Совета и одним из министров». – Об этом см.: Конституция Четвертой республики 1946 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 233.

⁷⁶⁸ Говоря об этом, мы имеем в виду модель, нередко называемую «смешанной», так как она включает в себя, в отличие от Соединенного Королевства, элементы централизации и децентрализации. Как декларируется в главе X Конституции Четвертой республики 1946 года, «... местные коллективы (которыми являются коммуны, департаменты и «заморские территории». – Э.Е.) свободно управляются советами, избираемыми всеобщим голосованием. Исполнение решений этих советов обеспечивается мэрами или председателями этих советов... Представительство национальных интересов и административный контроль местных коллективов обеспечиваются в рамках департаментов делегатами Правительства, назначаемыми Советом министров».

цветом кожи, они, в свою очередь, предпочитают оставаться приверженцами и носителями традиционных ценностей, религии, морали и культуры⁷⁶⁹.

Нельзя сказать, что Конституция Четвертой республики уже изначально носила «переходный» характер, тем не менее, учредительный акт 1946 года, во многом «благодаря» процессам, протекавшим на «задворках империи», просуществовал всего лишь чуть более десяти лет, оставшись в нашей памяти в первую очередь из-за того, что *сделал женщин участницами общественной практики*, предоставив им реальную возможность, совместно с миллионами дееспособных мужчин, оказывать влияние не только на результаты выборов и формирование представительных органов власти любого территориального уровня, но и навсегда войти в «когорту» политической и правящей элиты. Как ни парадоксально на неискушенный взгляд, но *указанный документ* высшей юридической силы, в очередной раз став итогом компромисса, *был в той или*

⁷⁶⁹ Как отмечает один из компаративистов, «... стремясь сохранить свою колониальную империю, правящие круги Франции после Второй мировой войны дважды перекрашивали ее фасад и меняли юридическую вывеску. Конституция Франции 1946 года провозглашала образование Французского союза (чувствуется, что в качестве «примера для подражания» использовалась организация, сформированная другой колониальной империей – Соединенным Королевством, что просматривалось даже в официальном наименовании данного квазинационального и квазиинституционального учреждения. – Э.Е.), «основанного на равенстве прав и обязанностей, без расовых и религиозных различий». Участниками союза являлись, с одной стороны, Французская Республика, состоящая из метрополии, заморских департаментов и заморских территорий, а с другой – «присоединившиеся государства» и «присоединившиеся территории». Органы Французского союза: президент, Верховный совет и Собрание должны были представлять и выражать интересы этой ассоциации в целом. Президентом союза был президент Франции. В Верховный совет входили делегации французского правительства и представители от «присоединившихся государств». Этот орган, возглавляемый президентом, должен был оказывать помощь французскому правительству в общем руководстве союзом. Собрание союза состояло наполовину из членов, представлявших Францию – метрополию, и наполовину из членов от заморских департаментов и территорий и «присоединившихся государств». Этот орган также имел лишь совещательные функции: он высказывал пожелания и предложения по вопросам, касающимся заморских территорий и департаментов, а также «присоединившихся государств» и «присоединившихся территорий». Собрание должно было давать заключения по проектам, представленным ему Национальным собранием, французским правительством или правительством «присоединившегося государства». На практике и Верховный совет и Собрание Французского союза оказались недееспособными и бездействующими. Верховный совет всего три раза собирался на ежегодные сессии. «Присоединившиеся государства» ни разу не направили свои проекты и предложения на рассмотрение Собрания Французского союза... Новой попыткой задержать неумолимый исторический процесс рождения национальных государств на обломках колониальной империи явилось создание Сообщества. Этот термин, заимствованный авторами конституции Франции 1958 года у Британского Содружества, был призван подчеркнуть, что речь идет якобы о союзе равноправных партнеров... В Сообщество первоначально входили Французская Республика и 12 автономных африканских республик... Компетенция Сообщества охватывала внешнюю политику, оборону, денежную систему, совместную экономическую и финансовую политику, использование стратегического сырья, а также, если государства-члены не заключили иного соглашения, контроль за органами юстиции, высшим образованием, организацией транспорта и связи. Таким образом, «демократическое самоуправление» (как декларировала статья 77 Конституции Пятой республики 1958 года. – Э.Е.) автономных государств на деле представляло собой фикцию...». – Цит. по: *Дадюани Л.Я.* Крах колониального управления в современный период... – С. 21-23. Подробнее см.: *DePorte, A.* Europe Between the Superpowers. – New Haven, 1979; *Albertini, R. von.* Decolonization. – New York, 1971.

иной степени обречен с момента вступления в силу, так как практически не отвечал «требованиям дня» ни в контексте «внутренних» вызовов, масштабы которых перманентно возрастали, ни тем более «внешних» проблем, все чаще возникавших на подконтрольных «заморских территориях». При стечении тем либо иным образом некоторых обстоятельств ситуация грозила выйти из-под контроля, поэтому и началась работа над проектом новой конституции⁷⁷⁰.

Возникший системно-институциональный кризис, спровоцированный и резко усиленный сначала войной в Индокитае, а затем мятежом в Алжире⁷⁷¹, как следствие, «реанимировал» в качестве «спасителя и панацеи от всех бед», находившегося в отставке генерала де Голля, сумевшего, несмотря на обиду и амбиции, навести порядок, вполне объективным и ожидаемым гражданским обществом результатом которого явилась Конституция, так называемой Пятой республики, 1958 года. Произошел при полном сохранении государственного суверенитета *очередной и последний на настоящий момент* (правда, если по инициативе «заинтересованных сторон» вдруг не случится чего-нибудь форс-мажорного или экстраординарного) «ребрендинг» формы правления, в итоге которого республика *из чисто парламентской* эволюционировала в не совсем

⁷⁷⁰ См., например: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 426-427.

⁷⁷¹ Французские авторы описывают это следующим образом, указывая на правительственную чехарду после того, как 21 мая 1957 года в отставку ушел Ги Молле – председатель самого продолжительного по времени деятельности правительства Четвертой республики, признавшего в марте 1956 года независимость Марокко и Туниса: «... Его преемник, радикал Морис Буржес-Монури, не продержался и четырех месяцев (12 июня – 30 сентября 1957 года): он споткнулся о проект рамочного закона об Алжире. Через пять недель кризиса его сменил министр финансов Феликс Гайяр, другой радикал. Он добился принятия рамочного закона по Алжиру, хоть в очень смягченном виде, но 15 апреля 1958 года большинство отказало ему в поддержке... Начался четырехнедельный правительственный кризис, сама длительность которого показывала, до какого бессилия дошел режим. Когда 13 мая Собранию был представлен народный республиканец Пьер Пфлимлен, которому приписывались либеральные намерения в отношении Алжира, в Алжире вспыхнул мятеж (подчеркнем, что он был инициирован французскими, а не алжирскими военными, хотя среди мятежников было много арабов. – Э.Е.). Манифестанты, захватив канцелярии генерал-губернатора, сформировали комитет общественного спасения во главе с генералом Массю. Они хотели спасти «французский Алжир» и привести к власти в Париже другое правительство. Это чувство разделяли армейские командиры, отказавшиеся от своего традиционного нейтралитета. Мелкие группы голлистов воспользовались этой ситуацией, чтобы позволить генералу де Голлю вернуться к власти. Тот 15 мая выразил «готовность взять на себя власть в республике». Тем самым он ускорил распад режима, поскольку вскоре стал выглядеть спасителем от экстремистских кругов в Алжире, 24 мая установивших свою власть на Корсике (то есть мятеж уже начал распространяться и на территории самой Франции. – Э.Е.). 27 мая генерал де Голль, чтобы пресечь всякие инициативы алжирцев в метрополии, объявил, что начал «обычную процедуру, необходимую для создания республиканского правительства». Он призвал вооруженные силы соблюдать дисциплину. Действия Ги Молле... позволили генералу де Голлю законным путем вернуться к власти: 1 июня 1958 года ему большинством в 329 голосов против 224 были предоставлены соответствующие полномочия...». – Цит. по: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена... – С. 426-427.

президентскую, принципиально отличаясь от тех государств, где важнейшие полномочия и прерогативы сконцентрированы в руках главы правительства, а функции президента в основном носят декоративный характер. Франция в той или иной мере продолжала следовать «прежним курсом», о чем говорит срок полномочий главы государства, институт контрасигнатуры и многое другое, в принципе имевшее отношение к президенту и на предыдущем этапе, однако в его компетенции произошли *качественные изменения*, наделив его такими правами, которыми он не обладал, достаточно сопоставить количество статей, посвященных ему и правительству, чтобы понять, у кого реальная власть⁷⁷².

В этой связи несомненный *интерес вызывает процесс трансформации* первоначального варианта проекта конституции в его окончательную версию, представляющую собой *итог компромисса*, достигнутого между последним с точки зрения «порядкового номера» председателем правительства Четвертой республики (в его состав вошли представители крупнейших правящих партий, являвшиеся до этого его членами, за исключением апологетов «французского Алжира»), которым в истории французского конституционализма известен все тот же генерал де Голль, и сторонниками менее радикальных изменений той системы разделения властей, что была сформирована на основе либеральных

⁷⁷² Нередко в учебной и «околонаучной» литературе можно встретить характеристику формы правления, *de facto* сложившуюся во Франции согласно Конституции Пятой республики, как «*суперпрезидентскую*» (что, на наш взгляд, термин, скорее, «публицистический», чем конституционно-правовой), однако перед нами не что иное, как «смешанная» республика с чрезвычайно широким спектром полномочий в гражданской и военной сферах, которыми обладает глава государства, *совмещая*, в том числе, *функции, традиционно закрепленные за председателем правительства*, и публичные прерогативы принципиально иного характера. Например, исходя из нормы статьи 8, «Президент республики назначает Премьер-министра. Он прекращает исполнение служебных обязанностей Премьер-министра после вручения им заявления об отставке Правительства». Как мы видим, исходя из принципа, действующего во многих конституционных монархиях или парламентских республиках, согласно которому член кабинета, как правило (чаще всего или преимущественно), совмещает «депутатский мандат» и «министерский портфель», однако во Франции правительство, в том числе премьер-министр, формируется и контролируется исключительно президентом. Более того, статья 9 гласит, что не кто иной, как глава государства возглавляет его работу: «Президент республики председательствует в Совете министров...», что также не характерно для других моделей республиканской или монархической формы правления. Как и положение, закрепленное в статье 12: «Президент республики может после консультаций с Премьер-министром и председателями палат Парламента распустить Национальное собрание...», что так или иначе противоречит принципу разделения властей, так как у высшего представительного органа отсутствуют аналогичные прерогативы. Наконец, под решениями правительства стоит подпись главы государства, исходя из положений статьи 13: «Президент республики подписывает указы и декреты, обсужденные в Совете министров...». – Об этом см.: Конституция Пятой республики 4 октября 1958 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 237. В этом и видят так называемое «суперпрезидентство».

принципов, заложенных Конституцией 1946 года⁷⁷³. Как ни парадоксально, но даже с учетом того, что учредительный акт *претерпел весьма существенные корректировки* в пользу значительного усиления «статуса» главы государства, Конституцию Пятой республики трудно квалифицировать «однозначно»: либо как парламентскую, либо как президентскую. Что и провоцирует вопросы⁷⁷⁴.

Целью нашего исследования не является анализ политической ситуации на том или ином этапе государственного строительства, тем более в контексте профессиональной карьеры конкретного должностного лица, повлиявшего на развитие не столько его представлений о характере функций соответствующих

⁷⁷³ Генерал де Голль вступает в должность председателя правительства 1 июня 1958 года, а через два дня был обнародован закон, предоставивший ему право (с учетом мнения Консультативного совета, состоявшего из парламентариев) разработать проект новой конституции, с его последующим вынесением на всенародный референдум. Согласно требованиям этого закона, проект должен был опираться на ряд основополагающих принципов (в частности, «только всеобщее голосование является источником власти», «исполнительная и законодательная власть должны быть отделены друг от друга», «правительство должно быть ответственно перед парламентом»), однако, как справедливо отмечают французские авторы, «... сразу же бросается в глаза двойственность, присущая институтам Пятой республики: утверждение о разделении властей и полномочиях исполнительной власти сочетается с утверждением, что режим является парламентским (что парадоксально как минимум. – Э.Е.) и несет ответственность перед парламентом. Таким образом, новый режим не мог стать президентским режимом американского образца... Текст конституции, торжественно обнародованный... де Голлем в символическую дату 4 сентября на площади Республики, 28 сентября был вынесен на референдум... Не приняла участие в голосовании очень небольшая часть населения – 15%. Ответ «да» дали 79% опрошенных, то есть две трети зарегистрированных избирателей, – цифра исключительная, предоставившая де Голлю полную власть». – Цит. по: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантие и Ф. Лебрена... – С. 433.

⁷⁷⁴ Особенно, если речь идет о взаимодействии с правительством, которое, с одной стороны, формируется и распускается непосредственно президентом (статья 8), с другой, при отсутствии совмещения «депутатского мандата» и «министерского портфеля», ответственно перед парламентом (статья 20), что само по себе несет массу проблем, так как если бы речь шла о главе государства, избираемом парламентом как своеобразной «коллекцией выборщиков» (или аналогичным институтом), а не прямыми выборами, то он лишь утверждал бы в должности, *de jure* приводя к присяге членов кабинета, состоящего из представителей победившей партии или коалиции, которые ответственны перед парламентом либо одной из его палат. Другое дело, если бы речь шла об американской модели, при которой отсутствует правительство в европейском смысле слова, тогда бы исполнительная власть, в лице руководителей соответствующих ведомств, полностью зависела бы от главы государства, при условии их утверждения в должности (как и импичмент) конкретной палатой конгресса.

Как констатируют современные французские исследователи, «... с 1958 года «краеугольным камнем» новых институтов стал президент республики. Как сказано в статье 5, он «обеспечивает своим арбитражем нормальное функционирование публичных властей, а также преемственность государства». Он назначает премьер-министра. Он может «передать на референдум любой законопроект, касающийся организации публичных властей» (статья 11). Правительство, «ответственно перед Парламентом» (статья 20), назначается главой государства; таким образом, оно должно пользоваться доверием того и другого... Режим намеревался стать... «парламентским режимом без верховенства парламента». Инициативы Национального собрания, согласно ордонансу от 13 октября избираемому в два тура по мажоритарной системе с голосованием за одну кандидатуру, теоретически имевшего право отправлять в отставку большинство членов правительства, были ограничены рядом статей конституции: отныне законопроект можно было ставить на обсуждение только в правительственной формулировке. Правительство... могло попросить у парламента дозволения управлять посредством ордонансов. При голосовании за резолюцию порицания «подсчитываются только голоса, поданные за» нее... Этот *небывалый режим, одновременно парламентский и президентский*, понемногу обретал свое лицо, но осенью 1958 года, казалось, что он подстроен прежде всего под де Голля, который нуждался в обширной свободе действий для решения алжирской проблемы...». – Цит. по: История Франции /Под общей редакцией Ж. Карпантие и Ф. Лебрена... – С. 434-435.

публичных институтов, сколько механизмов взаимодействия между собой – с учетом системы «сдержек и противовесов» – различных ветвей власти. Любого компаративиста, занимающегося проблемами сравнительного правоведения, интересуют, *причем не в последнюю очередь*, тенденции, способствовавшие развитию гражданского общества и конституционно-правовых отношений или по каким-то причинам сдерживавшие его, особенно в обстоятельствах, ничем не предвещавших чего-нибудь подобного. В неменьшей степени, как кажется, у научного сообщества должны обострять внимание те парадигмы, благодаря или вопреки которым в среде, на первый взгляд благополучных с социальной и экономической точки зрения граждан, прежде всего среднего класса, вдруг совершенно неожиданно начинают формироваться предпосылки появления – сначала локальных протестных акций, например, профессоров университетов, преподавателей лицеев и колледжей, требующих повышения размера оплаты труда, а затем массовых беспорядков с участием маргиналов и широких слоев населения. Главное даже не в том, что они возникают «на ровном месте», а в тех политических и юридических последствиях, которыми обусловлены, в том числе – случается регулярно, с известной периодичностью – в форме системно-институционального кризиса либеральной модели демократии⁷⁷⁵.

Франция становится *современной* в результате двух событий: отказа де Голля от практики выборов президента «коллегией выборщиков»⁷⁷⁶ и серии

⁷⁷⁵ См. например: Робертс Дж.М., Уэстад О.А. Мировая история... – С. 1041-1044.

⁷⁷⁶ После того, как генерал де Голль 21 декабря 1958 года «коллегией выборщиков» был избран на должность президента (его кандидатуру поддержали 62 394 голосами, то есть 78, 5%), новый глава государства начал процесс деколонизации африканских колоний и Мадагаскара, объявив 16 сентября 1959 года, что признает «самоопределение» Алжира в одной из трех предложенных Францией форм: отделения, офранцузивания, создания правительственных органов власти, опирающихся на помощь метрополии. Вполне естественно, что это встретило решительное сопротивление сторонников «французского Алжира» (начиная с так называемой «недели алжирских баррикад» с 24 января по 1 февраля 1960 года и заканчивая «путчем генералов» 22 – 25 апреля следующего года). На европейской территории 8 января 1961 года состоялся референдум, на котором 75, 2% участвовавших в нем проголосовали за самоопределение, через полтора года, 3 июля 1962 года, Франция признала независимость Алжира, с чем не согласились более миллиона европейцев, покинувших страну. 22 августа 1962 года в Пти-Кламаре на президента было совершено покушение, ставшее практически «последней каплей», вынудившей де Голля отказаться от института «коллегии выборщиков» и перейти ко всеобщему голосованию. Публично объявляя 12 сентября о решении, глава государства поступил следующим образом: вместо того, чтобы в качестве «основания» сослаться на требования статьи 89 Конституции Пятой республики, имеющей непосредственное отношение к ее изменению, был использован механизм статьи 11, относящейся к любому законопроекту, касающемуся организации публичной власти. Референдум по этому вопросу состоялся 28 октября 1962 года: в пользу всенародных выборов президента «за» высказались 61, 76% опрошенных, то есть 46, 44% зарегистрированных избирателей. Первый тур президентских выборов прошел 5 декабря 1965 года, в

студенческих выступлений весной 1968 года, которые называют не иначе, как «подростково-молодежной революцией», приведшей к досрочному роспуску нижней палаты парламента – Национального собрания⁷⁷⁷. Ранее по тексту мы уже касались того, что *охлократия* имеет в этом государстве весьма давние и глубокие традиции, уходящие корнями в буржуазно-либеральные революции и спонтанные манифестации, нередко завершавшиеся возведением уличных баррикад. Со временем в общественном сознании выработался своего рода «кодекс поведения», действующий в период проведения подобных акций, что *de facto* соблюдается, например, в среде тех, кто непосредственно участвует в маршах «желтых жилетов», не разделяя идей «анархистов», и придерживаясь тех принципов и правил, которые несовместимы с вандализмом в отношении государственного имущества или частной собственности. Однако *смысл* таких *выступлений* состоит в том, что, оказывая давление на определенные органы власти, добиваться от них принятия необходимых, востребованных временем социально-экономических и политических решений. Таким образом, с одной стороны, охлократия *восполняет пробелы*, в большей либо меньшей степени вызванные бездействием или неадекватными действиями должностных лиц и институтов, с другой – *снимает имеющееся в обществе напряжение*. Как ни странно, но гипотетически она может стать элементом «народовластия»⁷⁷⁸.

Исторический процесс, в частности, свидетельствует: далеко не факт, что тот, кто управляет, в руках того и сконцентрирована власть, а демократия это отнюдь не только выборы, плебисциты и парламентаризм, за которыми стоят – чтобы в опровержение или оправдание ни говорили «кабинетные» ученые и их либеральные апологеты – господствующие классы и правящие элиты, но и самые разные, нередко причудливые и достаточно «экстравагантные» формы

результате которого во второй – вышли Франсуа Миттеран (в итоге получивший 45, 49% голосов) и генерал де Голль, в поддержку которого высказались чуть менее 60% избирателей.

⁷⁷⁷ Это состоялось 30 мая 1968 года. На последовавших за этим выборах победу одержали сторонники де Голля, что позволило главе государства 27 апреля 1969 года обратиться к французской нации с предложением о проведении референдума, на котором рассмотреть вопрос регионализации и реформы верхней палаты – Сената. Из тех граждан, кто участвовал в плебисците, «за» предложение главы государства высказались 46, 7% от общего числа, «против» – 53, 3%, что послужило поводом ухода президента де Голля в отставку.

⁷⁷⁸ Многое, что раньше считалось недемократичным, все более активно заявляет права на демократичность.

«самоорганизации» народа, посредством которых «источник» и «носитель»⁷⁷⁹ осуществляет, принадлежащие ему права и свободы. Поэтому для западного общества, где в абсолют возведены мультикультурализм, политкорректность и толерантность, не будет большой неожиданностью, на наш взгляд, если в не очень отдаленной перспективе охлократия эволюционирует в один из видов непосредственной демократии: их отличие внешне будет проявляться в том, что в одном случае местом реализации конституционно-правовых отношений по-прежнему останется избирательный участок, в другом – его полностью или частично заменит «улица», соответствующие атрибуты и процедуры. При всей на первый взгляд парадоксальности, к этому уже складываются предпосылки, в качестве которых выступают решения законодательных и исполнительных учреждений, направленные на удовлетворение требований демонстрантов и участников протестных движений, в связи с чем не исключено, что следующим – или, по крайней мере, одним из них – шагом, видимо, может стать начало активной дискуссии в академических и политических кругах о перспективах и статусе охлократии: между гражданами, ассоциируемыми и с «демосом», и с «охлосом», нет принципиальных, тем более фундаментальных отличий, так как в любом из вариантов речь идет об «источнике» и «носителе» власти.

⁷⁷⁹ В этой связи нельзя не согласиться с точкой зрения одного из выдающихся англо-британских ученых: «... Идея о том, – констатирует Джек Гуди, формулируя жесткие и нелюбимые для «запада» обобщения, – что демократия возникла лишь как признак современных (и более того – западных) обществ, является грубым упрощением, как и отсылка к древнегреческим городам-государствам как истоку демократии. Очевидно, что греки создали лишь частичную ее модель. Однако многие древние политические системы (как при этом не вспомнить древнерусскую вечевую демократию, которую на «западе» вообще не считают традиционной для русских славян формой «народовластия». – Э.Е.), включая самые примитивные, применяли консультативные процедуры, предназначенные для того, чтобы определить волю народа. В самом общем смысле «ценность» демократии хотя иногда и забывалась, но тем не менее постоянно, если не всегда, признавалась в древних обществах и особенно отчетливо воспринималась в контексте противодействия авторитарным правлениям. То, что в современном мире институционализировалось в определенной форме выборов (избирательная процедура), изначально происходило по определенным политическим причинам, – подчеркивает историк, – поскольку требовалось, чтобы население активнее участвовало в расходах государства (в форме уплаты налогов). Это было необходимо, чтобы изыскать деньги, необходимые парламенту. Общее налогообложение вряд ли возможно без неких форм представительства, как наглядно показали американские колонии. Однако конкретные его формы, столь восхваляемые Западом, не являются наиболее эффективными для обеспечения адекватного представительства: продвижение «вестминстерской модели» не служит (заметим, это пишет не кто иной, как англо-британский автор, к критическому мнению которого мы полностью присоединяемся. – Э.Е.) универсальной панацеей даже на уровне отдельного государства. На международном же уровне еще предстоит пройти долгий путь, прежде чем избирательные процедуры будут добровольно приниматься, а не вводиться силой или с помощью иных санкций...». – Цит. по: Гуди Джек. Похищение истории... – С. 347.

Переходя к разделу, посвященному развитию системы конституционно-правовых отношений в Соединенных Штатах, позиционирующих себя, кроме «Града на холме» (именно под лозунгом строительства «Второго Иерусалима» в масштабах британских «заморских территорий» первыми переселенцами и их потомками был на начальном этапе актуализирован и осуществлен процесс колонизации, а затем формирования нового государства)⁷⁸⁰, не чем иным, как единственным «оплотом демократии», и анализу *предпосылок, характера и специфики* постепенной эволюции мировоззренческих, институциональных и юридических основ «американской идентичности», фактически являющейся в течении многих лет *базовым критерием оценки* соответствия декларируемых в учредительных актах прав и свобод их «реальному» содержанию, *не только в отношении общества в целом*, несмотря на экономическую, политическую, социальную, религиозную и этническую дифференциацию, на фоне все более

⁷⁸⁰ По мнению социального философа и автора многих исследований, посвященных, в том числе, теории и практике демократии, Самюэля Хантингтона, главная и важнейшая особенность американской идентичности, если не ее суть и специфика, «... состоит в том, что *американцы приписывают национальной идентичности роль, главенствующую по сравнению со всеми прочими идентичностями*». При этом, пытаясь ответить на вопрос, «что объединяет американцев в нацию и что отличает их от других народов», ученый отмечает: «Во-первых, осознание американцами собственной национальной идентичности варьировалось на протяжении всей истории США. Лишь в восемнадцатом столетии британские переселенцы начали отождествлять себя не только со своими колониями, но и со страной, в которой эти колонии были основаны. Вслед за обретением независимости в девятнадцатом столетии возникло и укрепилось представление об американском народе. После гражданской войны понятие национальной идентичности сделалось превалирующим и *американский национализм расцвел пышным цветом*. В 1960-х годах, однако, осознание национальной идентичности пошло на спад, ей стали угрожать идентичности субнациональные, двунациональные и транснациональные... Во-вторых, на протяжении американской истории жители США определяли свою идентичность в терминах «раса», «этнос», «идеология» и «культура». Первые два термина сегодня практически выведены из оборота. Американцы рассматривают свою страну как мультиэтническое и мультинациональное общество. Также принято считать, – особо подчеркивает цитируемый автор, – что Америку отличает от всех остальных некая особая вера, «американское кредо», впервые изложенное Томасом Джефферсоном и отточенное в формулировках его наследников. Впрочем, эта вера – порождение англо-протестантской культуры «отцов-основателей», и ее фундамент был заложен в XVII – XVIII веках. Ключевыми элементами этой культуры являются английский язык, десять евангельских заповедей (на наш взгляд, являлись, так как многие американцы их теперь не разделяют, отдавая предпочтение «другим». – Э.Е.), английские же представления о главенстве закона, ответственности правителей и правах отдельных личностей, а также «раскольнические» протестантские ценности – индивидуализм, рабочая этика, убежденность в том, что люди могут и должны создать рай на земле – или «град на холме». Миллионы иммигрантов прибыли в Америку, привлеченные этой культурой... В-третьих, на протяжении трех столетий стержнем американской национальной идентичности была англо-протестантская культура. Именно она – то общее, что объединяет американцев..., именно она отличает американский народ от остальных. В конце двадцатого столетия этой культуре был брошен вызов: новая волна иммигрантов из Азии и Латинской Америки, растущая популярность доктрин мультикультурализма и диверсификации в интеллектуальных и политических кругах, распространение испанского в качестве второго языка на территории США и испанизация части американского социума, утверждение групповых идентичностей, основанных на понятиях расы, этноса и пола, растущее влияние диаспор, крепнущая приверженность элит космополитизму и транснациональным идентичностям». – Цит. по: Хантингтон, Самюэль. Кто мы? /Самюэль Хантингтон; перевод с английского К. Королева. – М.: Издательство АСТ, 2018. – С. 11-12.

увеличивающейся поляризации, *но и отдельных категорий* граждан, следует признать: за океаном почти не сталкивались с европейскими проблемами⁷⁸¹.

Именно тем *существенным* обстоятельством, что Соединенные Штаты, где, как ни парадоксально, сегрегация по-прежнему продолжала иметь место, а коренное индейское население загнивало в резервациях, были практически *одним из немногих государств*, получившим – *de facto* – на момент окончания Второй мировой войны и подписания актов о капитуляции, *беспрецедентные по масштабам* экономические и политические дивиденды, обуславливаются и в определенной степени объясняются *внешне противоречащие друг другу* тенденции, с одной стороны, направленные на ужесточение соответствующих публичных проявлений «инакомыслия», апогеем которых станет пресловутый «маккартизм», с другой – последовательной либерализации общественных⁷⁸² отношений и демократизации политического режима. Ничего не упрощая, мы не

⁷⁸¹ Об аналогичных тенденциях рассуждает и Патрик Бьюкенен. Сопоставляя последние годы существования Советского Союза и современные Соединенные Штаты, консерватор, проводя ряд параллелей, констатирует: «... Подобно Советскому Союзу, Америка повелевает империей – союзниками, базами и войсками. Америка тоже ввязалась в видящуюся бесконечной войну в Афганистане. Америка тоже является идеологическим государством... Америка объединяет многие расы, племена, культуры, вероисповедания и языка. Наконец, Америка тоже достигла пределов имперского развития. Многие рефлекторно отвергают данное сравнение. Советская империя была тюрьмой народов, марксистская идеология навязывалась в ней принуждением и террором, Америка же – демократия, чьи союзники добровольно ищут у нее защиты. Тем не менее, сходства очевидны – и должны нас насторожить. Этнический национализм... не только норовит расколоть вдребезги привычный нам мир, – он грозит уничтожить американское единство. Идеалы, некогда превратившие нас в нацию – свобода, равенство, демократия, – ныне выродились настолько, что теперь больше напоминают призывы к марксистской революции, нежели лозунги революции американской. Что такое нация? Разве это не народ с общей родословной, общими культурой и языком, не народ, который поклоняется одному и тому же Богу, *почитает одних и тех же героев, лелеет одну и ту же историю, отмечает сообща одни и те же праздники*, ценит и разделяет музыку, поэзию, искусство, литературу, объединен, цитируя слова Авраама Линкольна, «узами привязанности... тайными струнами памяти, что протянулись от каждого поля битвы и могилы патриота к каждому живому сердцу и домашнему очагу через всю нашу широкую страну?» Если это не нация в надлежащем понимании, можем ли мы с уверенностью утверждать, что Америка остается единой нацией? Европейско-христианское *ядро нашей страны неуклонно ужимается*. Рождаемость наших «коренных» жителей на протяжении десятилетий остается ниже уровня воспроизводства. К 2020 году смертность среди белых американцев превысит уровень рождаемости, в то время как массовая иммиграция меняет лицо Америки навсегда... Кроме того, для Соединенных Штатов, как и для любой другой нации, гибель «исконной» веры чревата социальной дезинтеграцией, крахом общественной этики и неизбежной войной культур. Между тем глобализация ликвидирует узы экономической зависимости, которые держали нас вместе как нацию, а какофония мультикультурализма заглушает голос былой национальной культуры... Наша нация распадается – этнически, культурно, морально, политически. Мы *не только не любим больше друг друга*, нарушая заповедь Христа, *но и, кажется, ненавидим друг друга все сильнее*, будто вспоминая ненависть южан к меркантильному Северу и нетерпимость северян к аграрному рабовладельческому Югу...». – Бьюкенен, Патрик. Самоубийство сверхдержавы... – С. 11-12. Все это проявления системного кризиса.

⁷⁸² В качестве примера можно привести так называемый «солдатский билль о правах» – акт федерального конгресса, принятый в 1946 году, и направленный на адаптацию к мирной жизни, возвращавшихся с войны военнослужащих, в том числе устанавливая различные льготы: от получения субсидий на строительство дома, занятия бизнесом или сельским хозяйством до предоставления государственных стипендий всем, кто примет решение о продолжении образования, в том числе высшего.

можем не провести параллели с тем, что наблюдалось в свое время в ряде европейских стран, где, как в той же Франции, протестное движение привело к досрочным парламентским выборам и последующей отставке президента де Голля, однако есть и отличие: *у кризисов были разные предпосылки*⁷⁸³.

Речь идет о том, что в большинстве южных штатов, в частности, Канзасе, Южной Каролине, Виргинии и Делавэре, *продолжали действовать судебные решения* прецедентного характера, согласно которым была сформулирована, причем в нарушение XIV поправки⁷⁸⁴ к федеральной Конституции («... ни один из штатов не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов»), лицемерная *доктрина «равных, но разделенных прав»*, поэтому у представителей «цветной» части населения отсутствовала возможность иметь доступ к квалифицированному медицинскому обслуживанию или образованию, от начального до высшего, в региональных государственных учреждениях, предназначенных для оказания соответствующих услуг исключительно белым гражданам. Стоявшая довольно остро *сегрегационная проблема* «сдвинулась с мертвой точки» в результате скандального процесса, ставшего хрестоматийным, одной из сторон которого была учащаяся «colored people»: *ей и нескольким сверстникам* руководство местной школы *отказало в праве* совместного обучения с детьми, имевшими

⁷⁸³ По этому поводу один из отечественных исследователей подчеркивает: «... Протестный вакуум, возникший в результате упадка рабочего движения, так или иначе заполнялся новыми социальными движениями и организациями. В 1960-е и начале 1970-х годов наиболее ярким среди них стало движение *новых левых*. Движение возникло неожиданно, по крайней мере, его не предвидел никто среди как политиков, так и футурологов. Его лидеры, взявшие название *новых левых*, имели в виду, в первую очередь, идеологическое отличие от предшествующей левой традиции («старых левых»), главными выразителями которой были коммунисты. Но были и другие важные отличия, например, в национальном и социальном составе. Прежде, особенно в «красные 30-е», главными участниками левого движения... были евреи, ирландцы и итальянцы, а в 1960-е годы его основными выразителями оказались англосаксы. В социальном отношении движущей силой левой традиции 1930-х годов были низкооплачиваемые рабочие, а в 1960-е годы новые левые (как и во Франции. – Э.Е.) опирались на студенчество, по преимуществу выходцев из благополучных семей. В 1950-е годы студенческого «взрыва» не предвещало ничего. Университетские кампусы, как и в прежние годы, были спокойны, их обитатели вполне вписывались в формируемое общество «массового потребления». На рубеже 1950 – 1960-х годов обнаружили первые признаки студенческого пробуждения (практически, в одно время с Западной Европой. – Э.Е.), затем последовал моментальный «взрыв» этого материально благополучного слоя среднего класса. Этот в высшей степени необычный социальный феномен... был нацелен против... не в последнюю очередь... манипулирования личностью и ее свободами системой, как говорили идеологи новых левых, *либерального тоталитаризма*...». – Цит. по: *Согрин В.В. Исторический опыт США*... – С. 455.

⁷⁸⁴ См.: Поправка XIV к Конституции США 1868 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 134-135. Напомним: генерал Ли ненавидел рабовладение, генерал Грант, наоборот, имел рабов.

другой цвет кожи, что, по мнению белых учителей и родителей, не являлось – во второй половине XX века – чем-то из ряда вон выходящим, считаясь вполне обычным и даже обыденным, особенно, если учитывать, что их предки могли входить в число конфедератов, воевавших против «северян», среди них и им подобным. Парадокс состоял в том, что *с момента вступления в силу* данной поправки *прошло уже более восьмидесяти пяти лет*, а ее, судя по всему, до сих пор игнорировали и не исполняли на уровне многих штатов⁷⁸⁵.

Рассматривая несколько ранее по тексту характер, отличительные черты и особенности процесса «восстановления» южными штатами «механизмов», связанных, помимо всего прочего, *с ограничением у бывших «colored people»* пассивного и активного избирательного права, которые были *de facto* либо *de jure* утрачены в результате итогов гражданского противостояния, мы говорили о том, что Верховный суд Соединенных Штатов всякий раз, вставая на сторону регионов, *мотивировал* свои действия *спецификой федеративной формы*⁷⁸⁶ *государственного устройства* и дифференциацией важнейших публичных

⁷⁸⁵ В постановлении, аккумулировавшем несколько исков, и которое огласил непосредственно председатель Верховного суда Соединенных Штатов Уоррен, говорилось: «... В каждом из этих дел несовершеннолетние, принадлежащие к негритянской расе (интересно, изменен или нет термин, который был использован когда-то в официальных источниках, исходя из тенденций последних лет, связанных с заменой слова «чернокожий» или «негр» на «афроамериканец», например, в литературных произведениях того же Марка Твена и других авторов? – Э.Е.), с помощью своих юридических представителей стремятся заручиться помощью судов с тем, чтобы быть принятыми в государственные школы своих общин на несегрегационной основе. В каждом случае им было отказано в доступе в школы, посещаемые белыми детьми, в соответствии с законами, требующими или допускающими раздельное обучение по расовому признаку. Как утверждалось, такая сегрегация лишила истцов равной защиты законов в соответствии с поправкой XIV. В каждом деле, за исключением дела в штате Делавэр, федеральный окружной суд в составе трех судей отказывался удовлетворить иски на основании так называемой доктрины «раздельных, но равных» возможностей, провозглашенной этим судом в деле *Plessy v. Ferguson*... Мы делаем вывод о том, что в области государственного образования доктрина «раздельных, но равных» возможностей не имеет места. Раздельные учебные заведения не равны уже по своей природе. Следовательно, мы утверждаем, что истцы и иные лица, оказавшиеся в подобном положении, для защиты которых было возбуждено дело в связи с фактами сегрегации, обжалованными ими, лишены по законам равной защиты, гарантированной поправкой XIV. Это положение делает излишним любое обсуждение вопроса о том, является ли такая сегрегация также нарушением раздела о надлежащей правовой процедуре, который является составной частью поправки XIV...». – Об этом см.: Дело Брауна (*Brown v. Board of Education of Topeka*) 1954 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 187-188.

⁷⁸⁶ Напомним, что согласно X поправке к учредительному акту, действующей уже с 1791 года, «... полномочия, не делегированные Соединенным Штатам настоящей Конституцией и не запрещенные для отдельных штатов, сохраняются соответственно за штатами либо за народом». – Об этом см.: Поправка X //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 124.

Характеризуя американский федерализм, отечественные компаративисты отмечают: «... Считается, что Конституция закрепила «ограниченное государственное правление» (*limited government*): она запрещает, например, назначать налоги и пошлины, вывозимые из любого штата, запрещает билли об опале (*bills of attainder*) или законы обратного действия (*ex post facto*). Была закреплена большая автономия штатов, что, впрочем, объясняется тем, что само общее государство создано штатами». – Цит. по: Шумилов В.М., Акчури Т.Ф. Правовая система США... – С. 87. Коронавирус и пандемия ярко показали, к чему это может привести.

функций между «центром» и «субъектами». Именно этим обстоятельством во многом объясняется, почему высшая судебная инстанция в подавляющем, за редким исключением, большинстве случаев принимала решения в их пользу, в том числе в контексте доктрины «равных, но раздельных прав», тем самым – *поощряя сегрегацию и все, что с ней связано*. Учитывая, что коллизия «Brown v. Board of Education of Торесе» приводится в качестве «примера» чуть ли ни в каждом учебнике по «Конституционному праву зарубежных стран»⁷⁸⁷, тем не менее на него необходимо было сослаться, чтобы проиллюстрировать тезис о длительном периоде существования в масштабах государства, именуемого не иначе, как «оплотом демократии», дискриминации дееспособных граждан по расовому и этническому признаку. Сохранение в течение многих лет практики сегрегации, на наш взгляд, *следует считать одной из предпосылок системно-институционального кризиса, переживаемого Соединенными Штатами*.

Справедливости ради нельзя не подчеркнуть, что *договорный характер федерации* («благодаря» чему в тексте Конституции 1787 года уже изначально полностью отсутствовали такие институты, без которых на современном этапе *немыслимы учредительные акты*, даже при тоталитарном или авторитарном режиме, как критерии и принципы статуса и функционирования политических партий и общественных объединений, система прав и свобод, особенно тех из них, которые принято квалифицировать в качестве «социальных», механизмы конституционного контроля, не говоря уже о таких непопулярных вещах, как, например, «сецессия» и «императивный мандат») *англосаксонского образца*, где пробелы в праве в основном восполняются конституционными обычаями, судебными прецедентами, конвенциональными нормами, проявляется в том, что первые десять поправок, известные как «Билль о правах», были, как это ни удивительно, *ратифицированы* в некоторых штатах, *более чем через сто лет* после их вступления в силу – только в XX веке⁷⁸⁸. Последнее свидетельствует о

⁷⁸⁷ В частности, в том, одним из составителей которого является автор настоящего исследования. – См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» /Под ред. В.В. Еремяна. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

⁷⁸⁸ В частности, в штатах Массачусетс, Джорджия, Коннектикут, в связи с чем с 1917 года конгресс, как правило, определяет сроки, в течение которых поправка должна быть ратифицирована, в противном случае, она будет

том, что *права, перечисленные в Конституции и ее поправках, не носят*, что так или иначе вытекало из многих «судьбоносных» решений Верховного суда Соединенных Штатов, *абсолютного характера* и могут быть ограничены.

Сложно не отдать должное тому, как последовательно правящие элиты в лице бикамерального конгресса, «реагируя» на тенденции, проявлявшиеся с завидной постоянностью в конкретных областях общественных отношений, итогом которых, причем не гипотетически, могли бы стать предпосылки к еще более масштабному, трудно предсказуемому по результатам и последствиям, системно-институциональному кризису, *стремились*, посредством принятия концептуальных законов, *сбалансировать ситуацию*, сделав сегрегацию и ее рецидивы достоянием национальной истории, перевернув тем самым одну из мрачных страниц: в обществе концентрировалась «критическая масса», что *не предвещало ничего хорошего* при условии, если права и свободы человека не будут одинаково скрупулезно соблюдаться в отношении и белой, и «цветной» части населения. Считаясь «примером для подражания», Соединенные Штаты *обязаны были* ему во всем соответствовать, но одно дело продекларировать, другое – реализовать на практике, что не всегда и не у всех получается⁷⁸⁹.

считаться отклоненной. Видимо, по этой причине, помимо прочего, из общего числа более чем в пять тысяч проектов за всю историю американского конституционализма только тридцать три были приняты конгрессом, а из них лишь двадцать семь действуют. «Классикой» жанра является императивная норма, запрещающая членам обеих палат парламента увеличивать собственное жалованье: соответствующая поправка в итоге была принята, ратифицирована и вступила в силу только *через двести* (с лишним) лет – в мае 1992 года.

⁷⁸⁹ Одним из важных шагов в этом направлении стало принятие в 1957 году закона «О гражданских правах», где закреплялся механизм оказания воздействия со стороны федеральных властей на соблюдение активного и пассивного права при проведении избирательных кампаний. С этой целью специальным решением главы государства, по согласованию с Сенатом, создавалась *Комиссия по гражданским делам* в составе шести (по три от каждой партии) человек, в обязанности которой входило расследование, изучение, сбор информации и ряд других действий в тех случаях, если по расовым или этническим причинам кому-то было отказано в равной защите. Реализуя *внесудебные полномочия*, комиссия при этом имела право: «... 1) расследовать письменные заявления граждан, данные под присягой или в иной форме, о том, что определенные граждане Соединенных Штатов были лишены права голоса либо проигнорированы при подсчете голосов по признаку цвета кожи, расы, вероисповедания, пола, возраста, физических или умственных недостатков либо национального происхождения. В письменных заявлениях, данных под присягой или в иной форме, должны быть изложены факты, обосновывающие данную точку зрения; 2) изучать и собирать информацию о нормативных актах, в которых выражены дискриминация либо отказ в предусмотренной Конституцией равной защите по признаку расы, цвета кожи, вероисповедания, пола, возраста, физических или умственных недостатков или национального происхождения либо отказ в отправлении правосудия; 3) оценивать законы и политику Федерального правительства с точки зрения дискриминации либо отказа в предусмотренной Конституцией равной защите по признаку расы, цвета кожи, вероисповедания, пола, возраста, физических или умственных недостатков или национального происхождения либо отказа в отправлении правосудия...; 5) расследовать письменные заявления, данные под присягой или в иной форме, о том, что гражданину Соединенных Штатов было незаконно предоставлено право голоса или отказано в нем либо в должном подсчете голосов на всех выборах выборщиков Президента, членов Сената Соединенных Штатов или Палаты представителей в результате отдельных случаев

Не исключено, что у кого-то возникнут вопросы по поводу того, что мы неоправданно много внимания уделяем сегрегации и проблемам, связанным либо вытекающим из этого крайне недемократического, противоречащего так называемым «либеральным ценностям», на которых преимущественно стоит фундамент государственности, социального и политического явления. Тем не менее, компаративист, пытающийся каким-то образом понять, абстрагируясь от темы сравнительно-правового исследования, в чем причины кризиса, в той или иной степени поразившего в последние годы ушедшего века «западную» модель демократии, обязан акцентировать внимание не на общеизвестных и достаточно хорошо изученных институтах, органах и структурах, а тенденциях, *благодаря или вопреки которым развитие общественных отношений шло* – чаще всего – *в нужном правящим элитам направлении*, чтобы «желаемое» не очень диссонировало с действительностью. Лишь у неискушенного обывателя может сложиться впечатление, что рычаги управления находятся в руках того, кто в учредительных актах именуется «источником» и «носителем» власти, с кем традиционно ассоциируется такое понятие, как «народный суверенитет». Вне всякого сомнения, *формально-юридически* в выборах или референдуме, если не исповедуют абсентеизм, принимают участие дееспособные граждане, *обладающие соответствующими правами*, но затем – «от их имени» – в дело вступают сенаторы, депутаты и президенты, всегда очень много обещающие, но *при осуществлении своих полномочий, нередко забывающие* о том, с чем конкретно баллотировались и вели «предвыборные дискуссии», чтобы в итоге завоевать голоса избирателей. Демократия трансформируется в демагогию и популизм. В связи с этим, мы и исследуем преимущественно тенденции.

Сегрегация стала для американского общества своего рода «лакмусовой бумажкой», *реально отражавшей* не только крайне неприязненные – вплоть до откровенно расистских и ксенофобских – *отношения* одной части населения к другой, но и «политические игры» правящей элиты того или иного уровня, чем

или систематического обмана либо дискриминации при проведении этих выборов...». – Об этом см.: Закон о гражданских правах 1957 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 189-190.

явилось в свое время решение Верховного суда Соединенных Штатов по делу 1896 года «Plessy v. Ferguson», поэтому какой бы сферы взаимодействия мы в рамках критического анализа непосредственно не коснулись, в любом случае на первый план выходит проблема, многие десятилетия конституционализма считавшаяся не чем иным, как «камнем преткновения» при решении даже тех вопросов, которые с ней – в большинстве случаев никак не пересекались. Речь идет о том, что требовалось, на первый взгляд, немного: в доктрине «равных, но разделенных прав» акцент сделать на слове «равных», отправив в «архив» все остальное, дискриминировавшее граждан по цвету кожи, этнической или расовой принадлежности. Однако, как ни странно (для западноевропейских и прочих демократий, стремившихся во всем «брать пример» в первую очередь с «Града на холме»), *особенно на фоне произносимых с официальных трибун деклараций о правах человека*, потребовались неимоверные усилия, чтобы в конце концов найти необходимые точки соприкосновения по исключительно абсурдной и надуманной проблеме – разрешить «цветным» беспрепятственно получать государственное образование, социальное обеспечение, пособия по безработице, медицинские услуги, занимать публичные должности, вплоть до депутатских, сенаторских и судейских кресел. Ситуация носила перманентный характер: как и в преддверии гражданского противостояния между «севером» и «югом» *в противоречие вошли интересы правящих элит*, представлявших не только разные хозяйственно-экономические структуры, но *по целому ряду аспектов противоположные концепции* развития общества и политического режима в целом. Другими словами, гражданская война, перейдя из «горячей» фазы в «холодную», продолжалась: ее фронт проходил по линии гражданских прав и свобод «colored people», поэтому за прошедшие годы – почти ничего не изменилось. Тем не менее, закон «О гражданских правах» внес в этот процесс существенные коррективы, обозначив алгоритм будущих преобразований⁷⁹⁰.

⁷⁹⁰ Почетный профессор Иллинойского университета Роберт Римини, *одной из специализаций которого является деятельность Палаты представителей федерального конгресса*, характеризует состояние указанной проблемы примерно следующим образом, акцентируя внимание на фактической стороне столь непростой для граждан Соединенных Штатов середины прошлого века проблемы: «... Одним из самых острых вопросов внутренней политики, возникших в 1950-х годах, стал вопрос гражданских прав, который так и не удалось решить Трумэну,

Как уже неоднократно подчеркивалось, сам факт принятия конкретного закона, особенно в области конституционно-правовых отношений, *ничего не значит без его адаптации* к условиям внутривнутриполитической жизни, особенно в таком многонациональном и многоконфессиональном государстве, каким исторически позиционируются Соединенные Штаты, где различия между так называемым «Севером» и «Югом» нередко бросаются в глаза и *традиционно носят фундаментальный характер*, сгладить который до сих пор не удается, в том числе на социальном, политическом и культурном уровне. Поэтому во многом наивными выглядят идеи о том, что, отбросив в сторону специфику и особенности формирования отдельных штатов, какой-то документ способен в кратчайший срок изменить ситуацию, причем кардинальным образом, придав взаимодействию заинтересованных сторон *не только необходимый импульс, но и совершенно иной вектор развития*. Нечто подобное, по всей видимости, произошло в коллективном сознании тех, кто боролся с сегрегацией, однако в практике такого рода отношений трансформации начались *намного позднее*, чем

которому приходилось использовать полномочия президента для борьбы с «законами Джима Кроу». Эйзенхауэр, хотя и достаточно вяло, продолжил его политику, но законодательные меры, которые позволили бы укрепить существующие законы о гражданских правах, зависели от конгресса. 17 мая 1954 года в историческом решении по делу «Браун против Совета по образованию города Топека» Верховный суд... под председательством Эрла Уоррена изменил решение по делу «Плесси против Фергюсона» (ставшего еще более известным после событий в начале XXI века. – Э.Е.), допускавшее сегрегацию в школах при условии, что она не нарушает права чернокожих на образование. Теперь Верховный суд постановил, что расовая сегрегация в государственных школах является нарушением гарантированных Четырнадцатой поправкой равных прав для всех граждан. В следующем году суд пошел дальше и поручил всем федеральным окружным судам обязать местные власти со «всей разумной скоростью» обеспечить десегрегацию государственных школ... Хотя 24 сентября 1955 года Эйзенхауэр перенес сердечный приступ, он решил баллотироваться на второй срок... Эйзенхауэр выиграл во всех штатах, *кроме семи южных*, несмотря на то что демократы сохранили контроль над обеими палатами конгресса. Он набрал 457 голосов выборщиков и 35 590 472 голоса избирателей против 73 голосов выборщиков и 26 029 752 голосов избирателей у Стивенсона (избираясь на первый срок, Эйзенхауэр одержал победу в 39 штатах, получив 442 голоса выборщиков и 33 824 000 голосов избирателей, против 89 голосов выборщиков и 26 584 000 голосов у Стивенсона. – Э.Е.). Вновь избранный президент обратился к конгрессу с просьбой принять законы для защиты гражданских прав американцев, что *оказалось почти невозможным из-за упорного сопротивления южан в палате представителей и сенате*... Гражданское неповиновение благодаря телевидению позволило продемонстрировать американскому народу, что афроамериканцы до сих пор лишены основных гражданских прав, особенно в южных штатах... Конгресс больше не мог игнорировать растущее возмущение избирателей его неспособностью принять законодательство о гражданских правах. Наконец в палату был внесен законопроект, который позднее в сильно выхолащенном сенатом виде стал законом о гражданских правах 1957 года... К сожалению, *этот половинчатый закон оказался совершенно бесполезным*, и положение чернокожих на Юге практически не изменилось. Сотрудников учебных заведений, обвиненных в нарушении закона (что и следовало ожидать в такой ситуации. – Э.Е.), судили и неизменно оправдывали коллегии присяжных, состоявшие только из белых. Закон о гражданских правах 1957 года в следующие несколько лет не привел и к заметному увеличению числа зарегистрированных афроамериканских избирателей. Тем не менее это был первый закон о гражданских правах, принятый конгрессом после Реконструкции, и, как метко выразился Линдон Джонсон, «после потери девственности будет уже не так больно». – Цит. по: Римини Р. Краткая история США... – С. 356-358.

вступил в силу новый закон. При всей парадоксальности обстановка в той либо иной степени *напоминала* «реинкарнацию» разногласий правящих элит по вопросу рабовладения, которые привели к сецессии и началу гражданского противостояния, что, *наученные опытом*, президент и его окружение сумели, несмотря ни на что, в итоге не допустить и инициировать реформы⁷⁹¹.

Не останавливаясь на достигнутом, понимая, что *процесс десегрегации* в рамках политического режима *еще не стал необратимым*, правящая элита, заинтересованная в сохранении наметившейся тенденции, уменьшающей *de facto* основания для формирования предпосылок, необходимых для создания кризисной ситуации в системе конституционно-правовых отношений, готовит следующий закон «О гражданских правах», распространяя его действие, в том числе, на сферу трудовых отношений⁷⁹². Вполне естественно, что не избежало

⁷⁹¹ Наш вывод во многом корреспондирует обобщениям североамериканских исследователей, особенно с учетом того существенного обстоятельства, что речь фактически идет о переломном моменте в новейшей истории Соединенных Штатов: «... 3 сентября 1957 года, за пять дней до подписания закона о гражданских правах президентом, постановлению Верховного суда по делу Брауна был брошен прямой вызов: губернатор штата Арканзас Орвал Э. Фабулус (занимающий должность в результате всеобщих выборов. – Э.Е.) вызвал Национальную гвардию, пытаясь предотвратить интеграцию в средней школе в городе Литл-Рок. Даже если сам Эйзенхауэр был против решения по делу Брауна (на наш взгляд, очень важное уточнение. – Э.Е.), он не мог оставить без последствий случай неподчинения решению федерального суда. Президент подчинил (как мы помним, примерно так и начиналась борьба за сохранение единого государства, когда президент Авраам Линкольн в качестве верховного главнокомандующего союза инициировал введение на территорию Южной конфедерации национальной гвардии, а позднее и регулярных войск для осуществления так называемой «федеральной интервенции». – Э.Е.) Национальную гвардию федеральной власти и направил войска регулярной армии, чтобы вновь открыть школу в Литл-Роке и поддерживать общественный порядок. Случилось то, чего опасались многие южане: президент (если это в свое время сделал адвокат, то генералу, участвовавшему во Второй мировой войне, как говорят в таких случаях, «сам Бог велел». – Э.Е.), используя свои полномочия главнокомандующего, принуждал их к подчинению постановлению суда (из чего вытекает, что демократия, как тоталитаризм и авторитаризм, в кризисных ситуациях использует эксклюзивное право на насилие. – Э.Е.). Стало очевидным, что при необходимости федеральное правительство готово применить военную силу, чтобы защитить права афроамериканцев. Расовая дискриминация в любой форме отныне была запрещена законом...». – Цит. по: *Римини Р.* Краткая история США... – С. 358-359. Подробнее см.: *Согрин В.В.* История США. – М.: Международные отношения, 2019. – С. 407-410.

⁷⁹² Как декларируется в разделе VII нормативного акта, *для работодателя считается противозаконной практика найма*: «... 1) не нанять или отказать в работе или уволить любое лицо или проявить дискриминацию по отношению к любому лицу в том, что касается его вознаграждения, сроков, условий или привилегий, связанных с работой, на основании расы, цвета кожи, религии, пола или национальной принадлежности, или 2) ограничивать, сегрегировать или классифицировать работников или лиц, подающих заявление о приеме на работу, каким-либо образом, который лишает или может лишить какое-либо лицо возможностей трудоустройства или каким-либо иным образом ущемляет его статус работника на основании расы, цвета кожи, вероисповедания, пола или национальной принадлежности...». – Об этом см.: Закон о гражданских правах 1964 года //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 190-191.

Парадокс состоит в том, что в последнее время *четко прослеживается тенденция*, противоречащая данному закону, согласно которой при прочих равных условиях (возраст, образование) при найме на работу предпочтение отдается прежде всего тем (женщины, особенно «цветные» или нетрадиционной ориентации, практически всегда пользуются большим вниманием, причем не только по сравнению с белыми мужчинами, придерживающимися традиционных ценностей, но и белыми женщинами), кто публично ассоциирует себя с конкретным сексуальным, гендерным, расовым «меньшинством», поэтому нередко можно столкнуться с так

реформирования и избирательное законодательство, что само по себе уже *не может* не свидетельствовать о качественной эволюции актов национального статуса: до определенного момента считалось вполне достаточным процедур, закрепленных в конституции и некоторых поправках, регулирующих вопросы подготовки и проведения выборов, поэтому *принятие федеральных законов, связанных с процессом, рассматривалось нецелесообразным*⁷⁹³.

Нельзя сказать, что в результате последовательных «действий», прежде всего федеральных органов законодательной и судебной власти, сегрегация в течение какого-то промежутка времени перестала быть фактором, не только с юридической точки зрения дискриминирующим население по расовому или этническому признаку в самых разных областях общественных отношений, но и традиционно разделяющим – на людей «первого» и «второго» сорта (белых граждан в том числе). Она, по существу, *никуда не исчезла*, хотя за одно только публично произнесенное слово «чернокожий», которое теперь старательно и уничижительно оправдываясь «*вымарывают*» из художественной и научной

называемой «*белой сегрегацией*», посредством которой потомкам «colored people» государство и общество как бы отдают долги за рабовладельческое прошлое и период «равных, но разделенных прав».

⁷⁹³ Со временем в «Своде законов США» появляется специальный раздел (развивающий положения XIV и XV конституционных поправок), непосредственно посвященный избирательному праву. Так, например, читаем в параграфе 1973, посвященном запрету лишать или ограничивать избирательные права по признаку расы или цвета кожи с применением избирательных цензов или иных условий: «... Ни один штат или его политико-административное подразделение не должны вводить или применять избирательный ценз, иные условия для голосования, а также норму, порядок или процедуру таким образом, чтобы гражданин Соединенных Штатов в правах на участие в выборах был лишен или ограничен по признаку расы или цвета кожи...».

В свою очередь параграф 1973b жестко устанавливает: «... Ни один гражданин в любом штате не должен лишаться права голоса или ограничиваться в этом праве по признаку расы или цвета кожи во время федеральных, штатных или местных выборов в связи с его несогласием с каким-либо тестом (на знание английского языка. – Э.Е.) или иным средством... Конгресс настоящим заявляет, что для обеспечения, согласно XIV поправке, прав лиц, обучающихся в американских школах, в которых (было бы целесообразно с данными предписаниями ознакомить авторов украинского и латвийского законов о преподавании исключительно на национальном языке страны. – Э.Е.) основной язык обучения не английский, необходимо запретить штатам обуславливать право голоса таких лиц способностью читать, писать, понимать и толковать любой вопрос на английском языке... Ни один штат или его политико-административное подразделение не должны вводить или применять какой-либо избирательный ценз или условие для голосования, норму, порядок или процедуру с целью лишения какого-либо гражданина Соединенных Штатов права голоса либо ограничения его в этом праве по той причине, что он является представителем языкового меньшинства...».

Наконец, никак нельзя проигнорировать и положения, закрепленные в параграфе 1973h: «... Конгресс считает, что требование об уплате избирательного налога в качестве условия участия в голосовании... препятствует лицам с ограниченными финансовыми средствами участвовать в выборах или же налагает непомерные финансовые тяготы на таких лиц в качестве предпосылки для осуществления избирательного права... в отдельных регионах имеет целью лишить отдельных лиц права голоса по признаку расы или цвета кожи. Исходя из этого Конгресс заявляет, что граждане лишаются конституционного права участия в выборах или ограничиваются в этом праве в отдельных регионах в связи с требованием уплаты избирательного налога в качестве условия участия в выборах». – Об этом см.: Свод законов США (титул 42, глава 20) об избирательном праве //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран... – С. 195-198.

литературы, можно совершенно спокойно лишиться престижной работы или отправиться за решетку в ближайшее пенитенциарное заведение. Оппоненты непременно возразят: о какой – *de facto* – *латентной сегрегации* как одной из предпосылок кризиса «западной» модели демократии вообще может идти речь, если в Соединенных Штатах был, причем в целом весьма удачно, создан прецедент «цветного» главы государства, членами обеих палат федерального конгресса и председателями судов являются представители разных народов и этносов? Нет смысла спорить: своего рода стереотипный имидж *качественно изменился*, мимикрировал, не носит выраженного «colored» оттенка, «равное, но разделенное право» трактуется обществом и гражданами *принципиально иначе* – дискриминируют, как правило, исходя из отношения к традиционным ценностям, естественному полу, классической семье и браку⁷⁹⁴.

В итоге, *новые* – постмодернистские – *ценности*, где не последнее место занимает гипертрофированная абсолютизация прав и свобод человека⁷⁹⁵ (с их приоритетом в отношении всевозможных «меньшинств», количество которых и претензии на исключительность растут в геометрической прогрессии) в виде *ложно понимаемых*, «своеобразно» и не всегда корректно интерпретируемых

⁷⁹⁴ Другими словами, дискриминации подвергаются многие из тех, кто не хочет жить по новым «правилам».

⁷⁹⁵ Характеризуя современное состояние Соединенных Штатов, бывший советник трех президентов Патрик Бьюкенен с горечью пишет: «... Мы вступили в эпоху экономии и аскетизма, подобных которым нынешнее поколение еще не ведало. Причем Америка «движется по наклонной», если можно так выразиться, не только в экономике и политике. Социальная среда, культура, мораль – везде Америка демонстрирует признаки декаданса, везде проявляет себя как нация, пребывающая в упадке. Когда умирает вера, умирают культура и цивилизация, умирает народ как таковой. Это неизбежно. И по мере того, как слабеет на Западе вера, которая этот Запад породила, люди европейского происхождения... начинают вымирать, тогда как «третий мир» устремляется на север, чтобы завладеть освобождающимся «имуществом». Последнее десятилетие предоставило убедительные, не окончательные доказательства того, что мы наблюдаем «бабье лето» нашей цивилизации... Половина Америки расценивает аборт как убийство нерожденного, как деяние, влекущее за собой заслуженную Божью кару. Другая половина воспринимает движение за право на жизнь как реакционное, как олицетворение репрессивной идеологии... Защитники однополых браков обвиняют тех, кто их не одобряет, в гомофобии и фанатизме; противники подобных браков упрекают их апологетов в стремлении «совместить противоестественные союзы» с моральным и правовым статусом брака как сакрального института. Где одна половина Америки видит прогресс, другая половина усматривает упадок. Общий моральный фундамент, на котором когда-то зиждилась нация, исчез... Мы отделяемся друг от друга не только в вопросах морали, политики и культуры, но и в расовом (причем, на наш взгляд, можно говорить об определенной тенденции как одной из наиболее возможных предпосылок неумолимо приближающегося общественно-политического кризиса. – Э.Е.) отношении... Расовая острота нарастает... Вот лишь некоторые из вопросов, за разрешение которых мы сражались нередко на протяжении десятилетий: молитва и изучение десяти заповедей в государственных школах, кресты в общественных парках, теория эволюции, смертная казнь, аборты, эвтаназия... Если бы некая супружеская пара спорила столь же ожесточенно, как спорим мы, американцы, по поводу этих основополагающих вопросов, она бы давно развелась, и каждый из супругов зажил бы собственной жизнью...».

– Цит. по: Бьюкенен, Патрик. Самоубийство сверхдержавы... – С. 9-10, 13-14, 15, 17, 18, 19. Вся надежда на «глубинный народ», который, видимо, смог бы (!?) изменить ситуацию.

мультикультурализма, политкорректности и толерантности, начинают активно и целенаправленно оказывать воздействие на системообразующие институты и ценности, *в течение продолжительного периода* исторического развития безоговорочно считавшиеся и воспринимавшиеся в общественном сознании незыблемыми, а в отдельных случаях безальтернативными. Кризис ценностей *практически неизбежно* будет провоцировать кризис институтов и процедур, на фундаменте которых стоит *условно обозначаемая нами общим термином* «западная» модель демократии, что не может со временем, естественно, где-то быстрее, где-то медленнее, не привести мировоззренчески и нравственно здоровую, не зараженную и не восприимчивую к вирусам наиболее «модных болезней» часть общества к осознанию *необходимости переоценки* «старых» и формированию «новых» представлений о государстве и праве, основанных, *как ни парадоксально*, на идеалах «свободы, равенства и братства». Может, в этом случае совместными усилиями удастся предотвратить надвигающуюся катастрофу, к которой подталкивают правящие элиты, не отдающие себе отчет в том, что проблем в результате будет больше, чем кому-то кажется⁷⁹⁶.

Вместе с тем события последних лет – как в Старом, так и Новом Свете – весьма наглядно иллюстрируют тот факт, рецидивы которого игнорировались правящими элитами и под самыми разными предлогами не воспринимались широкими слоями населения, что кризис евро-атлантической цивилизации, со всеми вытекающими из этого культурно-историческими, идеологическими и социальными «последствиями», вступил в ту стадию, одним из закономерных и объективных результатов которой будут беспрецедентные трансформации «надстройки», способные самым радикальным образом изменить и западное общество, и политический режим в целом. Как ни удивительно, своего рода апогеем процесса деградации англосаксонской разновидности либеральной модели «народовластия» стало пресловутое «дело Эпштейна», которое, как в зеркале, отразило вывод о том, что ни о какой демократии, в ее «книжном» и

⁷⁹⁶ Подробнее см, например: Хантингтон, Самюэль. Кто мы?.. – С. 389-483.

«хрестоматийном» значении, применительно к Соединенным Штатам, *речь*, несмотря ни на что, *не идет в принципе*, свидетельством чего, помимо всего прочего, является перманентное нарушение базовых прав и свобод человека, в том числе того сегмента американского общества, который ассоциируется с так называемым «слабым полом» (прежде всего, в контексте абсолютизации «гендерной» проблемы и ее гипертрофированного характера), на протяжении продолжительного периода времени не только лишенного соответствующего статуса, но и «выведенного за скобки» исторического процесса⁷⁹⁷.

Не менее знаковым фактором системно-институционального регресса, «наблюдаемого» не только в Соединенных Штатах, но и в ряде государств⁷⁹⁸ Европейского союза, предпосылки которого, как ни парадоксально на первый взгляд, во многом были заложены на этапе формирования «Града на холме», если рассматривать его с точки зрения своеобразного «плавильного котла», способствовавшего созданию «новой общности» – американской гражданской нации, актуализация которого (в данном случае, речь идет, в частности, о том, что специфической, «эксклюзивной» чертой реализации избирательных прав в значительном числе штатов является отсутствие каких-либо императивных требований, связанных с документальным подтверждением наличия у тех, кто участвует в голосовании, гражданства) со временем приведет к еще большей дестабилизации политической системы, становится *иммиграционный вопрос*, как один из элементов «расовой» проблемы, последовательно вытесняющий на периферию все остальное, в том числе претензии на «исключительность».

Завершая критический сравнительный анализ процесса трансформации конституционно-правовых отношений, *с различной интенсивностью de facto и de jure* наблюдавшегося в крупнейших государствах Старого и Нового Света (нельзя не признать: автор *намеренно и чаще всего с определенной целью* в качестве «наглядной иллюстрации» акцентировал внимание именно на них),

⁷⁹⁷ См., например: Еремян В.В., Еремян Э.В. Кризис «западной» модели либеральной демократии как фактор регресса и деградации общественных отношений. Часть I /Правовая политика и правовая жизнь. №2 (96). – Саратов; Москва, 2024. – С. 227-255; Часть II /Правовая политика и правовая жизнь. №3 (97). – С. 227-259.

⁷⁹⁸ Об этом см.: Еремян Э.В. Иммиграционный вопрос как один из факторов кризиса либеральной демократии /Правовая политика и правовая жизнь. № 3 (97). – Саратов; Москва, 2024.- С. 260-270.

ассоциируемых с «западной» моделью демократии, мы *приходим к выводам и обобщениям*, к сожалению, *не всегда и не во всем вызывающим оптимизм* как с точки зрения «кабинетного» ученого, целенаправленно занимающегося вопросами компаративизма, так и перспектив того, что прямо либо косвенно связано с достаточно широким, перманентно растущим комплексом проблем, обусловленных *кризисными тенденциями*, включающими, помимо прочего, во многих аспектах *необратимые качественные изменения и деформации* фундаментальных – ценностных, мировоззренческих и институциональных – основ феномена, который принято называть «современной цивилизацией». В итоге, если имеющая место «парадигма» будет в таких же масштабах и с такой же скоростью реализовываться дальше, это в конце концов *может привести* к еще большей по своим последствиям (некоторые из них трудно предсказать) *деградации* всей *традиционной системы* общественных отношений. Было бы наивно полагать, что речь идет об обычной корректировке, характерной, как правило, для переходного к *следующей стадии развития* периода, в рамках которого осуществляется конвергенция «старого» и «нового», с отторжением ненужного и архаичного, в результате чего появляются принципиально иные, чем на предыдущем историческом этапе, формы правления или политические режимы, каждый раз с пафосом декларируя, что «источником» и «носителем» власти является народ, который осуществляет ее непосредственно либо через своих представителей в публичных и общественных структурах.

Однако, как ни удивительно, *парадокс состоит в том*, что, кажущиеся на неискушенный, нередко откровенно дилетантский и обывательский взгляд «современными» предпосылки, последовательно и интенсивно набирающего обороты масштабного, все более неизбежного системно-институционального кризиса «западной» модели демократии, корнями уходят не только в далекое или недавнее *прошлое*, но и *компромиссы*, которые были достигнуты когда-то, в силу соответствующих причин, *между правящими элитами* (и стоящими у них за спиной национальными олигархическими кланами и группировками), и их *формально-юридическими «оппонентами»*, не в лице провозглашенного в

конституции и ином учредительном акте «источника» и «носителя» власти, а политических партий, *представляющих на самом деле* в одних ситуациях, борющихся всеми доступными методами за голоса избирателей, *либералов*, в других *консерваторов*, а не «народ», фактически властвующий на словах.

Исследуемый период государственного строительства по ряду аспектов иллюстрирует сказанное исключительно наглядным образом. Во-первых, *нет безоговорочных оснований* констатировать, что *идеалы*, «под воздействием» которых совершались буржуазно-либеральные революции второй половины XIX – начала XX века, в *реальности* соответствовали интересам широких слоев населения, в обобщенном виде ассоциируемых с тем «народом», о котором как «источнике» и «носителе» власти идет речь в конституциях и аналогичных учредительных актах, принятых по их «итогам», и отразивших квинтэссенцию заключенного «соглашения», *de facto, пусть и с определенными оговорками*, выгодного для всех «субъектов», так или иначе участвовавших в нахождении политико-правового компромисса (решая чисто групповые задачи, исходя из которых, соглашаясь на вынужденные либо необходимые взаимные уступки), хорошо известного из работ «кабинетных» ученых в качестве «общественного договора». В этой связи возникает совсем не риторический вопрос: *с кем, как и на каких условиях* он согласовывался, а позднее утверждался и принимался, ведь до окончания Первой мировой войны *ни один из них не был вынесен на референдум*? Если «аналогичным» образом с Филадельфийским конвентом, в заседаниях и дебатах которого не принимали, *даже косвенного*, участия ни представители племен коренного индейского населения, ни «colored people», ни тем более «слабого пола», то о каком «народовластии» – в его буквальном значении – декларируется в конституции государства, провозгласившего себя «оплотом демократии», а женщинам предоставившим избирательное право *лишь через сто тридцать три года* после того, как она вступила в законную силу? Таким образом, перед нами пример того, как «желаемое» выдается за «действительность», в чем можно увидеть одну из важнейших предпосылок

общественно-политического явления, которое со временем станет системно-институциональным кризисом «западной» – либеральной – демократии.

В новый XX век государства, с *дифференцированной* – монархической и республиканской – *формой правления*, традиционно, о чем свидетельствуют действующие на этот момент законодательные акты, позиционирующие себя с «народовластием», вступили с *ограниченным* «всеобщим» *избирательным правом*, которое не распространялось на миллионы женщин Соединенного Королевства (правда, если не брать во внимание отдельные доминионы, где, как в Новой Зеландии или нескольких регионах Австралии, оно, как бы в виде эксперимента, было введено), Франции, Германии, Соединенных Штатов (где на уровне ряда субъектов граждане получили одинаковый статус). Процесс по ликвидации пробела растянулся почти на пятьдесят лет, завершившись лишь после Второй мировой войны, когда Франция, *последней из всех указанных стран*, наконец отменила пресловутый «половой» ценз.

Другими словами, электорат носил ярко выраженный *мужской* оттенок, усиленный имущественными ограничениями. О каком «народовластии» при подобной «демократической» практике *вообще* может стоять вопрос, когда в государствах, считающихся «примером для подражания», миллионы граждан не имеют права избирать и быть избранными, *выведены* за рамки важнейшей сферы общественных отношений, непосредственно или косвенно связанных с формированием властных институтов? Поэтому *не совсем корректно*, как нам кажется, *присваивать* какой-либо стране наименование «демократическая» в том случае, если кто-то из ее дееспособных граждан или подданных *de facto не обладает равными* со всеми остальными правами и свободами.

Во-вторых, есть ли у компаративиста хотя бы какой-нибудь *формальный повод* говорить о государстве как «демократическом», акцентируя внимание на соблюдении им необходимых правил и ритуалов при проведении выборов и прочих форм непосредственной демократии, закрепленных в конституции и законодательных актах, при условии, что в результате полученных голосов к власти исключительно легитимным образом приходят те, для кого разделение

властей, «классическое» представительство, парламентские правотворческие механизмы и процедуры не только *неприемлемы*, но и *противопоказаны* как своего рода «противоядие» их тоталитарному и авторитарному менталитету и политическому режиму в целом, в контексте которого – *de jure* единственным «источником» и «носителем» власти провозглашается не народ, а партия и ее вождь, олицетворяющие собой «народовластие» в его новой интерпретации. В том случае, *если* только *выборы* и *представительство* в органах публичной власти рассматриваются системным критерием «демократичности», то тогда, при всей парадоксальности обобщений подобного рода, *по существу, любое государство*, в масштабах которого все это имеется в наличии, соответствует в какой-либо степени необходимым «требованиям» и «имиджу», несмотря на функционирующий в действительности режим. Однако странность состоит не в том, что национал-социалисты и все прочие «коричневые» правительства, пришедшие к власти благодаря избирательным технологиям, диссонируют с общепринятыми либеральными принципами, а в самом характере институтов и ценностей: *в одних случаях*, с точки зрения «тех», кто позиционирует себя не иначе, как «пример для подражания», считающиеся соответствующими, даже при наличии концентрационных лагерей, газовых камер и печей крематориев, предъявляемым к оценке уровня «демократичности» критериям, *в других* – не соответствующим, так как не подпадают под понятие «коллективный Запад». Если это «свой», то на многое можно и целесообразно закрыть глаза, нередко *намеренно не обращая внимание* на недостатки и вынужденные «издержки», но в ситуации, когда речь идет о «чужом», *следует видеть только плохое*.

В-третьих, одной из самых поразительных и беспрецедентных, в первую очередь на фоне уже давно дискредитировавших себя мультикультурализма, политкорректности и толерантности, *черт* «западной» модели демократии в ее, так сказать, североамериканском варианте, на которую нельзя не обратить внимание, являлась *сегрегация*, то есть *ущемление конституционных прав и свобод по расовому или этническому признаку*, существовавшая (и во многом до сих пор воспринимаясь в качестве реального социального инструмента) в

пределах юрисдикции Соединенных Штатов еще во второй половине XX века, невзирая на то, что государство, на территории которого она действовала, на «начальных» этапах развития бывшей британской колонии *в виде рабства* со всем «джентльменским набором» в отношении «colored people», а позднее – *в форме дискриминации* по причине иного цвета кожи гражданина, *именует себя* «оплотом демократии» и «примером для подражания». Сказать, что это нонсенс, значит ничего не сказать, так как *представить* что-нибудь *подобное*, рассуждая об уровне «демократичности» другой страны, невозможно а priori, тем не менее, даже в то время, когда чернокожим детям запрещали учиться в государственных школах и колледжах совместно с белыми сверстниками, а их родителям – работать, лечиться, ходить в кино, посещать стадионы или ездить в общественном транспорте, соблюдая правила, предусмотренные доктриной «равных, но разделенных прав», сформулированной Верховным судом, нас и всех остальных чуть ли ни с пеной у рта убеждали, что это и есть демократия с «национальной спецификой», лицемерно *игнорируя любую конструктивную критику* в свой адрес со стороны трезвомыслящих оппонентов.

До какой же *степени цинизма* должны прийти общество и его отдельные представители, чтобы в середине XX века запрещать человеку, нарушая его же права и свободы, *юридически закрепленные еще в позапрошлом веке* в XIV и XV поправках к Конституции, исходя из того обстоятельства, *что он не белой – англосаксонской или, на худой конец, европейской – расы* и у него другой цвет кожи. Таким образом, проведенный в исследовании анализ свидетельствует, в частности, о том, что сегрегация как *дестабилизирующий фактор* создала в итоге такое количество предпосылок ко многим тенденциям общественного и политического развития, с негативными последствиями большинства которых государство и правящая элита по существу *никогда не сталкивались*, поэтому и не имели необходимых навыков противодействия им. Справедливости ради следует сказать, что *процесс десегрегации* привел к целому ряду позитивных изменений, и случай, произошедший с Розой Паркс, подвергнутой наказанию лишь за то, что в автобусе она заняла место, предназначенное для белого, уже

немыслим по определению, однако многочисленные факты говорят в пользу того, что системно-институциональный *кризис будет только нарастать*.

В-четвертых, *не меньшие по последствиям проблемы* уже в ближайшей перспективе ожидают либеральную модель демократии в том случае, если не произойдут качественные изменения с существующей практикой разделения властей, особенно в государствах с традиционными партийными системами и республиканской формой правления парламентского типа, так как известные события последних лет свидетельствуют об «усталости» электората и широких слоев населения от партий и объединений, *не отражающих настроений*, *de facto* обусловленных или вызванных трансформацией социального состава современного общества. Однако, как ни странно, правящие элиты умудряются даже в таких условиях концентрировать в своих руках всю полноту власти, но, что нельзя не признать, *делать это становится все труднее* по причине того (и это закономерно с точки зрения цивилизационного процесса), что на смену «старому» и все более «дряхлающему» поколению либералов, консерваторов и социалистов, за которыми, помимо господствующих классов, как правило, стоят строго определенные категории граждан или подданных, разделяющих их ценности, идут и, видимо, скоро выйдут на авансцену, в том числе и те, кто отражает интересы всевозможных «меньшинств» и радикалов, которых давно не устраивает существующее положение дел. В этой связи важное значение и актуальность начинают приобретать не обычные протестные формы, которым посвящены соответствующие статьи конституций, законодательные и другие нормативные акты о манифестациях и прочих акциях, а массовые движения, в основе которых лежат элементы *охлократии*, но не в значении толпы и чего-то подобного, так как правящие элиты все чаще (можно даже говорить о некой закономерной тенденции), причем с конституционно-правовой точки зрения на достаточно объективных основаниях, вынуждены идти на компромисс, но *не с оппозиционными партиями*, являющимися структурной составляющей политической системы и режима в целом, *а непосредственно с народом* как единственным «источником» и «носителем» власти. Традиционный «охлос»

настойчиво стремится аккумулировать признаки «демоса», с чем не могут не считаться все те, кто ассоциирует себя с государственными институтами.

Как следствие, в рамках либеральной демократии *постепенно*, и это, по всей видимости, все сложнее удастся сдерживать, начинают формироваться предпосылки *усиления непарламентских форм взаимодействия населения и правящих элит*, с одной стороны, *направленных на преодоление кризисных явлений*, которые становятся все более ощутимыми, но пока еще имеющими обратимый характер, с другой – *поиска выхода из создавшегося положения*, так как в противном случае «ситуация» может выйти из-под контроля со всеми вытекающими последствиями, чего, судя по всему, хотят избежать участники процесса, какой бы политической платформы они не придерживались.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного сравнительного конституционно-правового и историко-правового анализа феномена, именуемого «западной» моделью демократии, автор пришел к следующим выводам и обобщениям, в большей либо меньшей степени позволяющим констатировать тот очевидный факт, что он находится на одной из стадий масштабного системно-институционального кризиса, охватившего важнейшие области мировоззренческих, социальных и политических отношений, обусловленных, вызванных или спровоцированных рядом фундаментальных тенденций, предпосылками которых стали характер и особенности процесса либерализации и демократизации формы правления и политических режимов крупнейших государств Старого и Нового Света.

1. В первую очередь речь идет об *идеологическом кризисе*, поразившем так либо иначе базовые представления о государстве и праве как структурных элементах «надстройки», во многих аспектах все активнее воспринимаемых в контексте, последовательно, целенаправленно, нередко безапелляционно и, как правило, безальтернативно навязываемых традиционному гражданскому обществу современных «ценностных доминант» типа мультикультурализма, политкорректности и толерантности, формально не отрицающих деклараций о «свободе, равенстве и братстве» буржуазно-либеральных революций конца XVIII – середины XIX века, однако на практике имеющих с ними мало общего и лишь незначительное число точек соприкосновения, не выходящих за рамки классических постулатов, стереотипов и идеологем. Как ни парадоксально, но в этом нет ничего экстраординарного, из ряда вон выходящего, так как слова, начерченные на революционных знаменах, провозглашенные затем в первых учредительных актах, носили характер «желаемого», «гипотетической цели», и, по существу, никогда не были реализованы в «действительности» в полном объеме. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, как диссонировали в течение длительного периода времени, например, положения «Декларации независимости» Соединенных Штатов («исходим из самоочевидной истины, что

все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся... свобода и стремление к счастью») или французской «Декларации прав человека и гражданина» («... люди рождаются и остаются свободными и равными в правах»), на фоне того, что женщины получили избирательные права в одном случае через сто сорок четыре года, в другом – через сто пятьдесят семь лет после их провозглашения в официальных документах. Другими словами, значительная часть населения ограничивалась в правах и дискриминировалась по «половому» признаку, не говоря уже о том, что не менее знаковым было наличие «colored» ценза.

Справедливости ради надо сказать, и в этом прослеживается известная преемственность с античностью и средневековьем, что о каком-то гендерном, имущественном, расовом или этническом «равенстве» речь не идет в работах мыслителей, произведения которых рассматривались теоретической основой конкретной формы правления, государственного устройства и политического режима, позднее взятых в качестве «образца» и «примера для подражания» при формировании парламентских республик или монархий нового типа. Как ни удивительно на непрофессиональный, тем более чисто предвзятый взгляд, в результате критического сравнительно-правового анализа концептуальных доктрин и воззрений, высказанных в определенных исторических условиях, складывается впечатление, что вопрос стоит – об «однополом», с социальной точки зрения, обществе, где соответствующими, в том числе политическими, правами пользуются исключительно мужчины, в целом или преимущественно с белым цветом кожи. В связи с этим «обстоятельством» в индивидуальном и коллективном сознании не могли – объективно и во многом закономерно – не возникнуть сомнения по поводу справедливости и естественности практики публичных отношений, где значительная часть дееспособного населения и *de facto*, и *de jure* является гражданами или подданными «второго» сорта, то есть не обладает реальным статусом и не имеет возможности осуществить права и свободы, провозглашенные для всех «равными» и «неотчуждаемыми». Таким образом, «всеобщность» избирательных прав изначально носила фиктивный и

декларативный характер, что свидетельствует о демагогичности, даже при наличии института прямых либо косвенных выборов, непосредственно идеи «народовластия» как отличительного и непререкаемого критерия «западной» модели демократии. В противном случае весьма непросто понять и тем более объяснить, чем было мотивировано перманентное нежелание правящих элит лишать отдельные категории конституционных прав и свобод, на бумаге или с парламентских трибун провозглашая одно, а на практике осуществляя прямо противоположное – некую форму «полового расизма», инициируя тем самым появление предпосылок будущего системно-институционального кризиса.

Можно, конечно, предположить, что у правящих элит, воспитанных на «кабинетных» идеях гуманизма и справедливости, были достаточно веские и объективные причины для того, чтобы полностью исключить из политического процесса такие группы населения, как «colored» и религиозные диссиденты, однако не выдерживают никакой, даже снисходительной, критики основания «выведения за скобки» женщин, в том числе белых, отвечавших, кроме пола, большинству признаков дееспособного гражданина или подданного. И этому чрезвычайно трудно найти адекватные «оправдания», учитывая современные тенденции мультикультурализма, политкорректности и толерантности.

2. Нет смысла подвергать сомнению вполне очевидный факт, что, начав, в результате революционных либо эволюционных преобразований, имевших место в соответствующем государстве с монархической или республиканской формой правления, «цивилизационный переход» к буржуазно-либеральному этапу своего развития, общество и правящая элита столкнулись с проблемами, вызванными не только процессами, в целом в большей или меньшей степени «характерными» для экономических, социальных и политических отношений предшествующего исторического периода (во многих случаях тормозившими, ограничивавшими либо сдерживавшими поступательное движение вперед), но и тенденциями, обусловленными формированием принципиально новых, ранее не актуальных или не востребованных – в силу как объективных, так и субъективных причин – со стороны участников публично-правовых отношений

конкретных сфер, областей и направлений деятельности. Причем отдельные тенденции, на протяжении нескольких веков наблюдавшиеся в государствах Старого и Нового Света, независимо от конституированной формы правления, традиционно позиционирующих себя в качестве «примера для подражания», достались им «в наследство» от прежних стадий общественного развития без существенных трансформаций и кардинальных изменений, как с точки зрения декларирования фундаментальных прав и свобод, так и их реализации. Что в итоге не могло не отразиться на статусе соответствующих социальных групп и их непосредственном участии в реализации конкретных форм демократии.

Речь идет, в том числе, о так называемом «женском вопросе», одном из наиболее проблемных в контексте процесса государственного строительства, нерешенность и «факультативность» которого, преимущественно носивших перманентный характер, свидетельствуют, помимо всего прочего, о том, что либеральная модель демократии, как ни парадоксально, дискриминационна по своей сути и содержанию, так как «слабый пол» (какое бы государство мы ни взяли в качестве наглядного примера, за исключением «Града на холме» в начальный период колонизации и хозяйственного освоения англо-британских «заморских территорий», когда ортодоксальные протестантки и прибывшие из Старого Света на заработки по договору найма в виде законтрактованных сервентов по чисто объективным причинам не могли составлять какого-либо большинства «переселенцев») в процентном отношении практически во всех европейских государствах, преобладая над мужской частью населения, был в течение длительного периода времени *de jure* полностью или в значительной степени поражен в правах и, по существу, «выведен за скобки» политического процесса. «Вторичность» статуса представительниц «слабого пола» носила во многом легитимный характер, что говорит – о целенаправленном нежелании правящих элит адекватным образом решать столь «щекотливую» проблему.

3. Фиктивность термина «всеобщность», обозначающего равенство прав и свобод мужской части населения (причем последнее весьма длительное время наблюдалось при любой форме правления), отвечавшей необходимым

требованиям, объективно не может не бросаться в глаза, особенно с учетом не всегда и не во всем оправданной абсолютизации прав и свобод человека, в первую очередь всевозможных «меньшинств», все больше приобретающей гипертрофированный характер, к которым на определенном этапе развития и трансформации публичных отношений относились не только многочисленные представительницы «слабого пола» и «colored», но также деклассированные или малоимущие слои мужского населения. Не будем лукавить, говоря о том, что для периодов практически массовой безграмотности подобные действия правящих элит были оправданы и целесообразны, тем более в контексте того, что самые разные сферы общественных отношений – от образования и науки до условий и оплаты труда – носили «гендерный» оттенок, в то же время у нас нет никаких оснований игнорировать аналогичные тенденции, применимо к государствам Старого и Нового Света конца XIX – середины XX века, особенно для тех, кто как Соединенное Королевство, Франция или Соединенные Штаты традиционно рассматриваются странами, освободившимися от колониальной зависимости, «примером для подражания». О каком народовластии вообще может идти речь, если граждан или подданных дискриминировали в правах, исходя из половой, расовой либо этнической принадлежности, в том числе с учетом того факта, что конституционное законодательство буквально пестрит словами типа «народ», «нация», «народный суверенитет» (избегая вместе с тем термина «демократия»), по существу, юридически девальвировавшимися и утратившими свой первоначальный, хрестоматийный, «книжный» смысл?

В контексте этого – как минимум – не меньшее недоумение вызывает и дефиниция «равенство», реализация которой немыслима без актуализации и введения в практику института «всеобщности» избирательных прав, в связи с чем возникает резкий диссонанс между «желаемым» и «действительностью», который, в свою очередь, провоцирует достаточно скептическое отношение к обоснованности обозначения этих государств «демократическими». У тех, кто в силу ряда причин далек не только от сравнительного правоведения, но и от всего, что так или иначе связано с историей государства и права зарубежных стран,

констатации подобного рода нередко вызывают не во всем адекватную и научно приемлемую «реакцию», обусловленную, как правило, тенденциями последних десятилетий, однако корректно ли (?) оспаривать столь очевидные и абсурдные вещи при условии, что избирательным правом американки стали обладать с 1920 года, благодаря XIX поправке к Конституции, а француженки или те же итальянки – только после окончания Второй мировой войны.

4. Как показывает критический сравнительно-правовой анализ теории и практики государственного строительства исследуемых стран, народовластие не всегда интерпретируется в контексте республиканской формы правления, иными словами монархия – также может обладать специфическими чертами, присущими демократическому политическому режиму. Более того, события в Соединенном Королевстве, Голландии, Бельгии, Швеции, Норвегии и целом ряде других государств, в частности Японии, наглядно свидетельствуют о том, что, даже, несмотря на буржуазно-либеральные революции, республиканизм продолжительное время не пользовался не только ажиотажным, но и вообще каким-либо спросом у господствующих классов и бюрократии, и лишь родина одной из первых революций в течение всего XIX века переживала процесс так называемого «ребрендинга», когда в рамках поколения французы несколько раз «меняли» привычную для большинства монархическую форму правления на республиканскую и наоборот. Период с конца XVIII века в отечественной и зарубежной историко-правовой и конституционно-правовой литературе чаще всего принято называть эпохой «демократических революций», тем не менее, проведенное исследование говорит в пользу того факта, что целесообразнее его и все, что с ним связано, именовать не иначе, как эпохой «республиканских революций» (может быть, поэтому термина «демократия» старались избегать и в документах, и в официальной лексике), так как именно республиканизм и республиканские принципы организации публичной власти, а не демократия, в ее идеологическом толковании, покончили с абсолютистскими режимами. Как ни парадоксально, но перечисленные выше конституционные монархии и достаточно «эксклюзивные» для конца XVIII – середины XIX века республики,

которые можно было, не учитывая «латиноамериканский регион», где речь в целом идет о национальной специфике, пересчитать по пальцам одной руки, по существу практически ничем, в том числе прямыми и косвенными формами демократии, перечнем прав и свобод, разделением властей, принципиально не отличались друг от друга, более того, европейские монархии выступали во многих «ситуациях», как ни удивительно на первый взгляд, «локомотивами» либерализации и демократизации публичных отношений, уже тогда являясь в той либо иной степени «современными». Для этого достаточно посмотреть на действующее законодательство, без учета соответствующих «новелл» второй половины XX века, чтобы убедиться в сказанном. Не здесь ли следует искать предпосылки, особенности и отличительные черты тех тенденций, с которыми связан кризис «либеральной» демократии, системный и институциональный характер которого вполне очевиден и не вызывает сомнений? Следовательно, республика и народовластие – далеко не синонимы, так как существующие на настоящее время монархии практически ничем не отличаются от республик.

5. Не менее фундаментальной предпосылкой масштабного и – *de facto* – все более углубляющегося и расширяющегося системно-институционального кризиса, поразившего в последние десятилетия явление, условно именуемое нами «западной» моделью демократии, следует рассматривать стагнацию и, перманентно набирающую обороты, деградацию традиционной социальной структуры общества, что, в свою очередь, вызвало актуализацию тенденций, о которых прежде речь не могла возникнуть по определению, так как для них – не было ни «условий», ни каких-нибудь исторически обусловленных причин, за исключением тех, что непосредственно связаны с колониальным периодом отдельных европейских государств или эпохой рабовладения за океаном. Но «фантомные боли» ушедших, как казалось сравнительно недавно, в прошлое отношений переживают своего рода ренессанс, инициированный потомками, с одной стороны, иммигрантов из стран «третьего мира», не сумевшим или не захотевшим приспособиться к качественно новым для них условиям, с другой – «colored people», испытавшим воздействие механизмов дискриминации по

расовому и этническому признаку в форме пресловутой сегрегации. И первые, и вторые активно и настойчиво требуют «возмещения ущерба», полученного когда-то в результате неадекватных действий метрополий в лице чиновников колониальных администраций, частных или юридических лиц в их «заморских территориях», экстраполируя на максимально широкий круг отношений, в том числе и на стадию строительства государственности суверенного типа. Таким образом, социальное равенство как один из «демократических» критериев на протяжении длительного времени в ряде аспектов носило абстрактный или откровенно демагогический характер, отражением которого стал диссонанс между «желаемым» (наглядным «классическим примером» можно считать декларативность XIV и XV поправок к федеральной Конституции, нашедшую юридическое закрепление в пресловутой доктрине «равных, но разделенных прав» Верховного суда) и действительностью в виде ксенофобии, апартеида, других североамериканских и европейских дискриминационных практик.

Социальный кризис «западной» модели демократии, помимо прочего, проявляется в цивилизационных противоречиях, связанных с историческими, культурными, нравственно-этическими, конфессиональными предпочтениями не только белых и «colored» слоев населения, но и различных категорий и групп граждан или подданных внутри них, особенно тех, кто, несмотря ни на что, игнорирует все более зависимый характер отношений, необходимость и востребованность конвергенции: традиционный «конфликт поколений», тем самым, выходит за гипотетические рамки коллизий иммигрантов «первой» и всех последующих волн, принципиально иначе воспринимающих длительный и неизбежный процесс культурной и мировоззренческой интеграции.

6. Ситуация усугубляется и еще одним существенным обстоятельством – ложно понимаемыми и интерпретируемыми «ценностями», в центре которых «лежат» мультикультурализм, политкорректность и толерантность, по многим аспектам дискредитировавшими себя в глазах представителей традиционных гендерных и брачно-семейных отношений, исповедующих совершенно иные, чем так называемые «меньшинства», численность и амбиции которых растут, по

существу, в режиме «снежного кома», взгляды, как правило основанные на вековых христианских постулатах, в значительной степени диссонирующих с «тенденциями», отчетливо наблюдаемыми в странах, ассоциирующих себя с «западной» моделью демократии. Современная «парадигма» общественного развития так или иначе свидетельствует о том, что если на известных стадиях государственного строительства социальная стратификация и, как следствие, властно-политическая дифференциация определялись имущественным либо наследственным характером статуса соответствующих категорий граждан или подданных, то в последние годы начинают проявляться тенденции, базовыми предпосылками которых становятся требования об отказе от традиционных, как архаичных и «социально устаревших», взглядов на «классификацию» прав и свобод человека, с учетом гендерной и прочей «эксклюзивности» отдельных групп населения, где уже нет «ячейки общества» в обычном смысле слова (как «союза мужчины и женщины»), а превалируют отношения «родителя номер один» и «родителя номер два», где существует так называемый «третий пол», пропагандируется инцест, эвтаназия и целый «спектр» идентичных «новелл». Действующее законодательство во многих случаях объективно не успевает за «требованиями дня», поэтому все активнее нормотворчеством в тех областях, где отсутствуют необходимые правовые акты, начинают заниматься институты судебной власти, вторгаясь тем самым в полномочия других ветвей и нарушая принцип разделения властей. Причем отмеченная тенденция имеет место как в государствах англосаксонской, так и романо-германской традиции.

Именно социальный кризис, отчетливо наблюдаемый «невооруженным взглядом» в масштабах либеральной демократии, в итоге свидетельствует, во-первых, о том, что необходима ревизия классификации не только прав, свобод и законных интересов, но и обязанностей, и во-вторых, что общепринятая до сих пор система разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную постепенно утрачивает свой потенциал и устойчивость, и нуждается в кардинальном реформировании или радикальной модернизации. При этом общество и правящие элиты должны понять, есть ли у преобразований такого

рода «пределы», то есть, где та, условно говоря, «красная черта», которую ни при каких условиях нельзя переступать, в противном случае о «коллективном Западе» придется рассуждать исключительно в прошедшем времени.

7. Однако главное даже не в том, что традиционный социальный состав общества меняется прямо на глазах, а в том, что «ценности», присущие лишь определенным группам населения, навязываются всем тем, кто не приемлет и не разделяет их, то есть нарушается важнейший принцип демократии, когда системообразующие, тем более принципиальные для государства и общества решения принимаются – простым либо квалифицированным большинством голосов дееспособных граждан и подданных, с обязательным учетом мнения «меньшинства», либо референдумом, либо на уровне конкретных институтов представительной власти. Парадокс состоит в том, что в угоду «меньшинству» в той или иной степени попирают права «большинства», исповедующего иные ценности, что ни при каких условиях не является признаком «народовластия» и подлинной демократии. «Специфика» статуса, вытекающая из особенностей частноправовых отношений, приобретает все более выраженный публичный характер, требуя от правящих элит, представляющих государство, нахождения компромисса между сторонниками диаметрально противоположных точек зрения, что в итоге может привести не просто к отказу от «архаичных», на чей-то взгляд, шаблонов и стереотипов, а к фундаментальной переоценке всего того, что понимается под правами и свободами человека в их традиционном, в том числе конституционно-правовом, значении. Речь не идет об очередных «страшилках» и «фобиях», на основании которых должны быть непременно ограничены права и свободы отдельных групп населения, воспринимающих себя вне контекста разделяемых «большинством» ценностей, норм и правил поведения, вопрос, который, к сожалению одних и счастью других, уже нельзя игнорировать, требует концептуального переосмысления основополагающих критериев и принципов, характеризующих правовое положение граждан или подданных государств, ассоциирующих себя исключительно с «либеральной» моделью демократии, вне зависимости от гендерной принадлежности, цвета

кожи, отношения к религии и сексуальных предпочтений. Реформы должны в той или иной степени снять «накал страстей», перевести имеющиеся коллизии в формально-юридическую плоскость и дать новый импульс развитию прав и свобод человека, ни при каких условиях не ущемляя или ограничивая статуса одних и не возводя в абсолют других, какими бы благовидными мотивами не аргументировать соответствующее решение и его целесообразность, так как в любом обществе найдутся недовольные достигнутым в итоге компромиссом, особенно среди радикально настроенных категорий граждан или подданных. В этой непростой ситуации решающая роль будет принадлежать процедурам, которые определяют не только уровень зрелости и демократичности общества, но и реальное отношение широких слоев населения к таким «ценностям», как мультикультурализм, политкорректность и толерантность.

8. Критический сравнительно-правовой анализ важнейших тенденций последних десятилетий, обусловленных «требованиями дня», позволил – при этом учитывая совокупность предпосылок, послуживших их формированию и институализации – выявить черты, «новизна» которых уходит своими корнями в те сферы общественных отношений, где исторически наиболее контрастно и менее абстрактно проявлялся дискриминационный характер статуса «colored people» и представительниц «слабого пола». Речь не идет о том, что, невзирая на механизмы уравнивания в правах по гендерному, расовому, этническому и прочим признакам, актуализированные в масштабах текущего исторического периода, представительницы «слабого пола» (в данном обозначении, на наш взгляд, нет ничего унижительного, тем более порочащего честь и достоинство, как могло бы показаться тем интерпретаторам, которые даже в традиционных терминах пытаются найти негативную смысловую коннотацию) по-прежнему «выведены за скобки» политического процесса, наоборот, наблюдается четко выраженная тенденция ущемления прав белых мужчин, придерживающихся, помимо прочего, традиционных взглядов и ценностей, в качестве своего рода «возмещения ущерба» за «недополученное в прошлом». В перспективе, по всей видимости краткосрочной, буржуазно-либеральный парламентаризм, *de facto*

недавно носивший исключительно мужской и преимущественно белый оттенок, придет, вероятно, к тому (правда, в несколько специфическом виде!), что когда-то имело место в рамках «советской» практики представительной демократии, где действовало жесткое правило, согласно которому в высших, региональных и местных органах представительной власти все — от классов до этносов и народностей — составные элементы общества были аккумулярованы в законодательно определенной пропорции. Иначе говоря, не исключено, что «представительство», особенно в сложносоставных государствах (к которым, несмотря на его официальный «унитарный» характер, относится «прародина» современного парламентаризма Соединенное Королевство, не говоря уже о Соединенных Штатах, где аналогичные процессы сдерживает федеративный характер государства, являющийся своего рода «тормозом», позволяющим на уровне штатов противодействовать национальной «гендерной» и «расовой» политике), *de facto* либо *de jure* в процентном отношении будет отражать не только этническую, но и гендерную специфику населения, в первую очередь так называемый «третий пол» (и еще несколько десятков «полов»), «родителя номер один» и «родителя номер два». Парадокс состоит в том, что «женский вопрос» сыграл с современным западным обществом злую шутку: продолжая неистово бороться за свои права, обвиняя во всех «смертных грехах» мужчин, феминистки — не сумели или не захотели увидеть того, как их место заняли все те же мужчины, возомнившие себя новым воплощением «слабого пола».

Отчасти, наблюдаемая в целом ряде государств, ассоциирующих себя с «западной» моделью либеральной демократии (в англосаксонском варианте, в его британской и американской разновидности), феминизация тех областей общественных отношений, где до относительно недавнего, по историческим меркам, времени фактически доминировали как правило белые мужчины, со всеми вытекающими последствиями, вызвана тенденциями, направленными, в том числе, на целенаправленное и скорейшее (!) разрушение традиционных брачно-семейных институтов и мировоззрения, морально-этических норм и канонов поведения, по существу, беспрецедентным падением рождаемости

среди автохтонного европейского населения, какую бы страну мы ни взяли в качестве примера, потомков протестантских переселенцев, иных религиозных диссидентов «первой» или «второй» волны. Политика, циклический характер избирательных кампаний, законодательная, судебная или административная деятельность (не говоря уже о карьере публичного чиновника, адвоката либо военнослужащего), а не семья в ее, так сказать, «классическом» понимании и значении (в лучшем случае – сожительство или партнерство), вот что теперь у многих представительниц так называемого «слабого пола» рассматривается в качестве профессиональных приоритетов и социальных ориентиров, о чем и свидетельствует факт отсутствия у большинства руководителей правительств, министерств и парламентов детей и внуков. Такого рода тенденции присущи постмодернистскому обществу в целом, что является, судя по всему, одной из особенностей кризиса, который переживает «западная» модель демократии и ее системообразующие институты. «Сидеть на двух стульях» – карьере и семье – получается, по всей вероятности, не у всех, поэтому «предпочтение» отдается всевозможным суррогатам в виде продвижения по корпоративной, служебной и партийной иерархической лестнице, в ущерб всему остальному.

Современный вариант решения «женского вопроса» (маятник качнулся, в том числе, по сравнению с тем, что наблюдалось еще в середине прошлого века, в противоположную сторону, в связи с чем абсолютизация прав и свобод человека, по существу, приобрела гипертрофированный характер), с которым в большей либо меньшей степени связаны фундаментальные трансформации правового положения традиционных социальных групп, вышел за рамки таких категорий, как «всеобщность» и «равенство», что в итоге деформировало не только институциональные основы «западной» модели государственности, со всеми вытекающими из этого последствиями, но и поставило под сомнение целесообразность ее существования в рамках той, все более стагнирующей и деградирующей, цивилизационной парадигмы, конституирование которой, в свое время, явилось закономерным «результатом» преобразований в рамках перехода к новой – либеральной – системе общественных отношений.

9. В результате под не совсем корректно понимаемым, тем не менее, введенным в научный оборот, официальную и разговорную лексику тезисом о так называемом «гендерном равенстве» (хирургически изменив «внешние признаки» кто-то наивно считает, что он и с биологической, и с анатомической точки зрения также стал кем-то «другим»), с настойчивостью, заслуживающей, как минимум, более «адекватного» применения, нарушается традиционный, исторически сформировавшийся баланс между «женскими» и «мужскими» социальными функциями, при этом, по всей вероятности, не отдавая отчета в том, что закономерным итогом «деформаций» подобного рода могут быть – не только фундаментальные изменения характера общественных отношений, где каждый пол столетиями обладал «эксклюзивными», свойственными лишь ему, «предметами ведения», только в исключительных, строго ограниченных случаях или форс-мажорных ситуациях *de facto* вторгаясь в несвойственные ему «сферы деятельности», но и трансформация самосознания, радикализм которой – о чем даже не могли мечтать футурологи, провозгласившие «конец истории», – превзойдет все «мыслимое» и «немыслимое», с чем до этого приходилось сталкиваться. В очередной раз встает, во многом риторический, но не перестающий от этого быть актуальным и востребованным, вопрос о целесообразности абсолютизации прав и свобод человека, ее, по существу ничем не оправданной гипертрофированности, базирующейся на принципах и «ценностях» толерантности и мультикультурализма, приобретающей, как ни парадоксально, все более отчетливые тоталитарные черты и свойства, на фоне тенденций, направленных, в той или иной степени, на ущемление каких-либо характерных проявлений социальной и половой «традиционности».

Как следствие резкое, нередко катастрофическое, причем «подобные» тенденции имеют место во многих сферах общественных отношений, падение профессионализма, обусловленное, в том числе и тем, что соответствующие должности в механизме разделения властей в итоге занимают (в рамках так называемой «системы заслуг»), как правило или преимущественно, исходя из партийной принадлежности, а не полученного образования, стажа, опыта или

специфики работы, поэтому классические «мужские» должности (например, связанные с обороной, безопасностью, специальными службами, внешними сношениями) «резервируются» с учетом «гендерных квот», в дополнение к которым все чаще предлагаются кандидаты от всевозможных «меньшинств», тем самым – осознанно игнорируя исторический опыт и практику разделения труда, в большей или меньшей степени отражающие характер и особенности процесса государственного строительства, присущие конкретной стране либо группе стран (в данном случае речь идет о тенденциях, *de facto* наблюдаемых в Европейском союзе, где это ощущается перманентно и последовательно).

Волей-неволей складывается впечатление, что современный «слабый пол» – как бы «стесняется» того, что он «состоит» не из мужчин, а из женщин, стремясь всеми правдами и неправдами изменить существующее положение дел, «доказывая» (однако, совершенно непонятно – зачем и с какой целью, так как «гендерные приоритеты», несмотря ни на что, проявляются в последние десятилетия все более отчетливо) свою состоятельность и востребованность. На скорейшую замену, не во всем отвечающих «требованиям дня» идеологом и стереотипов (архаичных и по определению недемократических?), исходя из которых государству и обществу по-прежнему крайне необходимы «женские» и «мужские» социальные функции, направлена беспрецедентная агитация, не имеющая по своим возможностям и потенциалу сопоставимых исторических аналогов (даже советская пропаганда и аппарат, которым она фактически на протяжении многих лет суммарно обладала, вероятнее всего, потерпел бы в итоге фиаско), поэтому противопоставить ей что-либо приемлемое у тех, кто ассоциирует себя и ближайшее окружение с христианскими ценностями, не только чрезвычайно сложно, но и, судя по всему, в целом бесперспективно.

Проблема социальной деградации усугубляется и тем обстоятельством, что гуманитарные дисциплины, какую бы из традиций – англосаксонскую или романо-германскую – мы ни взяли в качестве иллюстрации, находятся либо в регрессе, либо стагнации, наличие которых, как ни странно на неискушенный взгляд, обусловлено, помимо прочего, тем, что отсутствует, необходимый в

таких случаях социальный заказ, без которого нет никакого смысла объяснять (прежде всего тем, кто в «этом», в силу самых разных причин, совершенно не заинтересован), «как», «в связи с чем» либерализм и демократия «западного» образца последовательно трансформировались в некий симбиоз демагогии и цинизма, целенаправленная абсолютизация которого в качестве «примера для подражания» – видна невооруженным взглядом. Казалось, что «женский» и «расовый» вопрос давно стали достоянием истории, тем не менее практика последних лет свидетельствует о том, что преждевременно, без адекватного учета соответствующих тенденций, был сделан вывод о том, что проблемы подобного рода решены «полностью» и «окончательно», благодаря чему – есть необходимость (!?) ускоренного перехода к следующей стадии развития общества, основанного на «принципах» толерантности, политкорректности и мультикультурализма, вместе с тем отказавшись от морально-этических норм, ценностей и стереотипов поведения, в той или иной степени ограничивавших процесс актуализации «качественно нового человека», с мировоззренческой точки зрения, лишённого каких-либо предрассудков. К каким результатам это может привести мы непосредственно наблюдаем, являясь свидетелями того, как всего лишь за одно поколение можно разрушить то, что строилось веками.

10. Анализ тенденций свидетельствует о том, что «западная» модель демократии – переживает острейший *системно-институциональный кризис*, одной из предпосылок которого является декларативный характер многого из того, что входит в понятие «народовластие», однако не имеет к нему никакого отношения. Проведенное сравнительно-правовое исследование показывает, что говорить о народе как «источнике» и «носителе» власти – следует лишь с большой степенью условности, так как за исключением выборов и достаточно редких референдумов, кроме практики Швейцарской конфедерации, где они в последнее время проводятся регулярно и по самым разным вопросам, она сконцентрирована в руках национальных либо наднациональных (в данном случае речь идет о Европейском союзе и его структурах) правящих элит в лице политической и управленческой бюрократии. «Западная» модель демократии в

своей основе институционально и функционально имеет представительский характер государственной власти, традиционно олицетворяемый, в том числе, парламентаризмом, базирующимся на принципах, сформированных в период буржуазно-либеральных революций, и затем приспособленных к механизмам партийного строительства, бесперебойно, весьма эффективно действовавшим до определенного момента: в некоторой степени можно даже говорить, что в течение очень многих лет (!) правящими элитами, вернее, стоявшими за ними олигархическими группировками, активно и целенаправленно использовался «партийный ценз», благодаря которому «легитимно» прийти к власти были в состоянии только те общественные организации, которые пользовались у них полным доверием и экономической поддержкой. Достаточно внимательно и непредвзято посмотреть на списочный состав членов Конгресса Соединенных Штатов или британской Палаты общин, не говоря уже об «аристократической» Палате лордов, первой трети XIX – середины XX века, как конкретные вопросы отпадают сами собой, при том, что ситуация принципиальным образом ничем не отличалась во французском, бельгийском, германском, нидерландском и любом другом бикамеральном или однопалатном парламенте.

При фиктивности «всеобщности» избирательных прав институт выборов и процедуры с ним связанные носили «гендерный» и «социальный» характер, выводя за скобки политического процесса всех тех, кто не отвечал признакам, цензам и критериям, необходимым для получения депутатского мандата, не обладавшего императивностью и не позволявшего населению отозвать своего представителя, даже при условии неадекватности его действий. «Избранники народа» несли ответственность перед собственной партией, ее политическим руководством, поэтому решение о пролонгации или прекращении «статуса» и всего, что с ним связано, принимали исключительно функционеры без какого-либо участия электората как «источника» и «носителя» власти.

11. Единственное, что требовалось для поддержания у дееспособного населения и его ближайшего окружения имиджа народовластия, даже в таких форс-мажорных и экстремальных ситуациях, как военная фаза гражданского

противостояния «южан» и «северян», поражение в правах «colored people» и женщин или «коричневый феномен», это неукоснительно соблюдать ритуалы и процедуры, требуемые законом, судебной и административной практикой для легитимации электорального процесса и его конечных результатов. Как следствие, между «демократией» и «процедурой» проводились параллели и ставился знак равенства: если процедура соблюдена на все остальное можно было закрыть глаза, в том числе на парадоксальный процентный «диссонанс» общенационального голосования по выборам главы государства, и итогов, к которым могла прийти так называемая «коллегия выборщиков». Процедура возводится в абсолют, игнорируя даже то, что нередко депутатом, мэром или советником становился преждевременно скончавшийся претендент, согласно традиции не исключенный из списка кандидатов на соответствующий пост или должность. И все это на фоне того, что огромное число граждан было лишено избирательных прав по «причине» имевшихся у них ограничений (например, судимости). Так что же тогда считать «народовластием» – непосредственную демократию или ее регламентирующий инструментарий, предназначенный для реализации тех прав и свобод, которые провозглашены в конституции или учредительных актах, и актуализированы для осуществления «источником» и «носителем» власти его эксклюзивных полномочий? Парадокс состоит в том, что лишь на первый взгляд вопрос кажется риторическим, так как процедура, связанная с проведением выборов или референдумов, олицетворяет собой в глазах неисклюшенного обывателя институт «народовластия», овеществлением которого является физическое лицо, представляющее его интересы в том либо ином органе публичной власти. И неважно, что один и тот же человек может занимать депутатское кресло неограниченное количество раз или совмещать «парламентский мандат» и «министерский портфель», тем самым фактически нарушая принцип разделения властей и систему «сдержек и противовесов», главное – это процедура, согласно которой «источник» и «носитель» власти имеет возможность, в регламентированных законом случаях, ее реализовать.

Кризисные тенденции проявляются и в том, что именно «классические» либеральные, консервативные и социал-демократические организации чаще всего – уже не отвечают требованиям дня, о чем свидетельствует активизация не только санкционированных органами публичной власти протестных акций, но и партий нового типа, деятельность которых направлена на преодоление, в том числе, стагнационных процессов, наблюдаемых в политической сфере общественных отношений, так как старые институты теряют мобильность.

12. Тенденции последних десятилетий, как ни удивительно (!) на первый взгляд (хотя многие из них в той либо иной степени проявляли себя в рамках предшествующих периодов процесса государственного строительства), все более отчетливо свидетельствуют о «бутафорном» характере институтов, в том числе системообразующих, «западной» модели демократии, чтобы кто-то из оппонентов (особенно идеологических, у которых либерализм, несмотря ни на какие экономические, социальные, политические и правовые издержки, рассматривается «вершиной» цивилизационного развития) в конце концов ни говорил, приводя для еще большей убедительности в качестве доказательств соответствующие аргументы, проявляется в несовпадении декларируемых и реализуемых на практике избирательных прав, в том числе в контексте таких фундаментальных критериев как равноправие. Справедливости ради нельзя не признать, что с активным избирательным правом, олицетворяющим собой не что иное, как одну из форм непосредственной демократии, дела обстоят – более или менее нормально (хотя и в этой области общественных отношений, вне всякого сомнения (!), найдется к чему «придраться», с практической точки зрения, начиная с голосования по почте, большим процентом так называемых «мертвых душ», массовыми вбросами бюллетеней, заканчивая ограничением либо полным запретом присутствия на участках для голосования иностранных наблюдателей), прежде всего в тех случаях, когда подготовка и проведение избирательной кампании были реализованы в основном на должном уровне, чего не скажешь о пассивном избирательном праве, как правило, причем в подавляющем большинстве стран Старого и Нового Света, ассоциирующимся с

представительной формой политического режима и парламентаризмом в, так сказать, классическом виде. При этом, когда мы говорим о «подавляющем большинстве стран», речь, что вполне естественно, идет прежде всего о тех из них, где взаимодействие двух системообразующих ветвей государственной власти – законодательной и исполнительной – носит определяющий характер. Идеологизация населения в течение многих десятилетий объективно не могла не привести к тому, что «единственный источник и носитель власти», в лице дееспособных граждан и подданных, поверил в мифологему, что именно он осуществляет контроль за «качеством» правящей элиты и ее периодической легитимацией посредством прямых или косвенных выборов, что он, и никто другой (!?), является «институциональным катализатором», который вводит в действие систему разделения властей и механизм «сдержек и противовесов». Подобная, в той либо иной степени «упрощенная» точка зрения, несомненно, имеет свое рациональное зерно и определенную логику, если вопрос касается непосредственных форм демократии, но не представительной, где ситуация, как правило, выглядит менее абстрактной, более предсказуемой и циничной.

В основе представительной формы политического режима традиционно (при этом вообще нет принципиальной разницы (!) о какой – республиканской или монархической – форме правления идет, в частности, речь) лежит, на наш взгляд, дискриминация, проявления которой исторически могли выражаться – как *de jure*, так и *de facto* – в самых разных ограничениях и запретах, вплоть до полного поражения в правах, но практически во всех случаях направленных на то, чтобы, не допустив кого-то до избирательного участка или парламентской трибуны, гарантировать правящему классу, его ближайшему политическому и бюрократическому окружению и регулярно спонсирующим их деятельность финансовым и промышленным группировкам, перманентное сохранение в своих руках всей полноты власти. Поэтому равноправие, декларируемое в том или ином учредительном документе, не имеет никакого отношения к тому, на каких принципах, в частности, как ни странно на неискушенный взгляд, в их, так сказать, «стоимостном» выражении (ни для кого из избранных народа, тем

более претендентов на известную должность, нет никакого секрета в том, что парламентский или министерский мандат, особенно при их последующем совмещении, потребуют от потенциальных спонсоров весьма значительных и неоднократных денежных вливаний в электоральный процесс), партийными функционерами формируется окончательный «список кандидатов». При этом парадокс состоит в том, что дееспособное население избирательного округа, от которого кандидат будет баллотироваться в нижнюю или верхнюю палату представительного органа власти, не будет – причем ни в целом, ни в деталях – иметь, кроме чисто символического, никакого отношения к принимающимся решениям, инициатором или лоббистом которых выступит их «избранник».

Признать тот факт, что не каждый гражданин или подданный, достигший соответствующего возраста и отвечающий необходимым требованиям, может беспрепятственно и без каких-либо проблем выдвинуть свою кандидатуру для участия в выборах (даже муниципальных!?), не имея для этого ни партийной поддержки, ни финансового обеспечения, вряд ли когда-нибудь в ближайшей перспективе отважится правящая элита, в связи с чем лозунги о равноправии носили и *de facto* носят популистский, откровенно демагогический, циничный характер. Представить ситуацию, при которой конгрессменом или судьей (в частности, в тех штатах, где «служители Фемиды» избираются по «партийным квотам») становится маргинал, «человек с улицы» без гроша в кармане, не имеющий в собственности какого-то имущества, корпоративных связей либо университетского образования, можно – исключительно на телевизионном экране и страницах детского комикса, несмотря на гендерные предпочтения, цвет кожи или сексуальную ориентацию «желающего» стать частью правящей элиты национального, регионального или местного уровня.

13. Парадокс, на который как правило («тенденции» подобного рода в последнее время приобретают все более очевидный алгоритм, хотя их было, в принципе, не трудно предугадать, так как соответствующие предпосылки во многом достаточно давно актуализировались и сформировались, и нередко уже имели место в данной сфере общественных отношений) предпочитают не

обращать внимание, обусловленный, помимо прочего, дискриминационным характером формальных требований избирательного права, проявляется на практике не только в декларативности принципа равноправия, но и в том, что он непосредственным или косвенным образом связан с реализацией другого, не менее фундаментального (о чем мы в несколько ином контексте говорили ранее), с точки зрения буржуазно-либеральных прав и свобод, получившего со временем распространение в большинстве современных правовых систем, принципа всеобщности, проявляющегося в поведении дееспособного, *de jure* наделенного активным избирательным правом, гражданина или подданного, в осуществлении им, в момент голосования за партийного или независимого кандидата, «негативного отбора», практический смысл которого выражается в следующем: голос, как правило или преимущественно, отдается не лучшему из претендентов, включенному в избирательный список, а непосредственно тому, кто больше понравился (исходя из «образа», сложившегося в результате воздействия предвыборной агитации или партийных предпочтений, не говоря уже о «принадлежности» кандидата к каким-то гендерным либо сексуальным «меньшинствам», конфессиональным, этническим и «colored» преференциях тех, кто относится к избирательному корпусу), тем самым сформировав о себе благоприятное впечатление. Другими словами, электорат чаще всего – вообще не интересуют ни образование, ни возраст, ни опыт кандидата, так как во главу угла, помимо обязательного в подобных случаях пропагандистского антуража, характерного для избирательных кампаний любого территориального уровня, ставятся такие «отличительные» качества политика как – демагогия, популизм, предприимчивость, харизма и лоббизм, то есть умение, несмотря ни на какие гипотетические издержки, в том числе финансовые, навязать потенциальному избирателю «повестку дня», с которой кандидат идет на выборы, заручившись экономической поддержкой, заинтересованных в его победе спонсоров. Как следствие, резкое, причем во многих случаях качественное, падение не только профессионального, но и интеллектуального уровня правящей элиты, *de facto* вызванное или вытекающее из катастрофического снижения как общего, так и

специального образования, все менее отвечающего «требованиям дня» и тем масштабным проблемам, что в последние десятилетия объективно возникли перед государствами, традиционно, имея на то какие-либо основания или нет, ассоциирующими себя с либеральной моделью демократии.

Кем же тогда является избиратель государств «коллективного Запада», если взять в качестве наглядной иллюстрации обычного североамериканского или европейского обывателя, периодически осуществляющего «негативный отбор» всех тех, кто традиционно ассоциируется с правящей элитой? Имеем ли мы какие-то основания говорить о нем как о реальном, а не декларативном «источнике и носителе власти», при прямом либо косвенном участии которого функционируют наиболее важные, в том числе системообразующие элементы государственного механизма? Не претендуя на исключительность, выскажем вместе с тем предположение, что современный избиратель в преобладающей массе достаточно спокойно (возможно, безразлично и индифферентно!?), как бы в порядке вещей, по инерции, относящийся к конституционно-правовому статусу «источника и носителя власти», это не что иное, как квинтэссенция тех граждан или подданных, которых правящие элиты «соблазнили» комфортом и изобилием общества потребления, сформировавшегося во второй половине прошлого века, подменив им демократию в истинном смысле слова. Именно в этом перерождении, на наш взгляд, необходимо искать институциональные и мировоззренческие предпосылки тех фундаментальных трансформаций, с которыми столкнулась в последние годы «западная» модель демократии, *de facto* переживающая период регресса и деградации, одним из закономерных итогов которых, по всей видимости, станет ее управляемый характер. Сможет ли, если да, то как часто и кардинально, избиратель, олицетворяющий собой своего рода «вершителя судеб», от персонального решения которого, в виде соответствующей отметки в избирательном бюллетене, зависит политическая и административная карьера, скорость ее прохождения кандидата в депутаты, муниципальные советники и аналогичные должности в какой-либо структуре публичной власти, отважиться на то, чтобы поддержать лучшего или наиболее

достойного, в первую очередь с учетом его способностей и квалификации (при этом совершенно неважно консерватора или радикала), а не «навязанного» в результате предвыборной агитации? Однако, как говорится, «под лежащий камень вода не течет», в связи с чем критический анализ процессов, одним из наиболее негативных последствий которых стали постепенное «дряхление» и стагнация «западной» модели политического режима, приведшие к ее упадку и загниванию, свидетельствует, в частности, о том, что отличительной чертой, набирающего обороты, углубляющегося кризиса, является безволие не только правящих элит, но и широких слоев населения, практически не готовых идти на компромиссы, способные каким-то образом изменить ситуацию: и одних, и других устраивает, сложившееся *de facto* положение дел, главное, несмотря на «затраты» и неизбежные «издержки», не лишиться привычного комфорта и сохранить власть, во всей ее институциональной и идеологической полноте.

14. Своего рода «сепарирование» правящей элиты, воплощающей – так либо иначе – собой демократию либерального типа, качественное снижение интеллектуального уровня тех, с кем ассоциируется «политический процесс» и принятие соответствующих решений (необходимых для функционирования системообразующих публичных и общественных институтов, действующих в государстве), в результате чего многие ее «представители», при этом половая принадлежность – вообще не играет никакой роли, утрачивают специфические черты, олицетворявшие в глазах широких слоев дееспособного населения, с большей или меньшей степенью ее сакрализации, «власть», свидетельствуют, в частности, о том, что кризис «западной» модели демократии носит не только объективный, но и закономерный характер, обусловленный, помимо прочего, перманентной девальвацией идеологии постмодернизма, где либерализм и демократия, в их «классической» интерпретации, уже не отражают ни реалий дня, ни тех тенденций, проявления которых наблюдаются в последнее время в странах Старого и Нового Света. Современная модель демократии, в первую очередь ее американская разновидность или то, что, по существу, имеет место в Европейском союзе в лице многочисленных наднациональных учреждений и

бюрократического аппарата, все меньше позиционируется с декларациями о «народовласти», провозглашенными в учредительных документах.

Странно, никто, вроде бы, ничего не отменял, и тем более не запрещал – ни свободы слова, собраний и манифестаций, ни выборов, ни референдумов, ни парламентов, а «декларации», кем-то и когда-то написанные на бумаге, все чаще воспринимаются в совершенно другой, нередко противоположной по своему первоначальному содержанию, коннотации, все больше напоминая своего рода пропагандистские нормы-цели, реализация которых, чаще всего, возможна – лишь гипотетически. Есть ли морально-нравственный «предел» у тех «тенденций», которые в перспективе, причем ближайшей, получают статус «обязательных» норм и правил поведения (начиная с расовых или этнических и заканчивая всевозможными «гендерными» квотами, необходимыми для признания легитимности соответствующего органа либо должностного лица), а сейчас провозглашаются – в контексте, в том числе, абсолютизации прав и свобод человека – «примером для подражания» и инструментом борьбы с традиционализмом!? В какие тоталитарные формы в итоге трансформируется «западная» модель демократии, если государство, со своей стороны, будет все-таки не в состоянии противопоставить что-то более адекватное процессу деградации политического режима, в той либо иной мере заимствованного на соответствующей стадии цивилизационного развития у «Града на холме» или бывшей метрополии, затем приспособленного к действующей в стране форме правления? Ответы, в принципе, становятся достаточно очевидными.

15. В рамках критического анализа, стремясь обосновать, максимально аргументировать и доказать дискриминационный, фиктивный, популистский и декларативный характер «западной» демократии как одной из политико-правовых концепций либеральной модели народовластия, в основе которой лежали механизмы, полностью лишавшие или существенно ограничивавшие права и свободы соответствующих групп населения по гендерным, расовым, этническим, социальным, имущественным и иным признакам, автор пришел к выводу о несостоятельности утверждений, согласно которым единственным и

непререкаемым «примером для подражания» для народов (не понаслышке знакомых с тем, что на практике представляло из себя так называемое «бремя белого человека»), освободившихся от колониальной зависимости и вставших на путь суверенного развития, является тот политический режим, который *de facto* сложился во многих государствах англосаксонской и романо-германской традиции, безапелляционно, не имея никаких оснований, присвоивших право позиционировать себя в качестве «оплота демократии». Парадокс состоит, как ни странно на первый взгляд, в том, что «демократия» и «народовластие» – не представляют собой идентичных феноменов, так как в государствах, о которых идет речь, есть демократия, но нет народовластия (тоже самое можно сказать, в том числе, и о Европейском союзе), в отличие, например, от нашей страны, где есть народовластие, но нет демократии в ее либеральной интерпретации. Об этом, в частности, свидетельствует кризис представительной – партийной – парламентской демократии, который следует воспринимать и оценивать как один из показателей деградации «западной» модели государственности. Нет никаких оснований отрицать тот факт, что доминирующую роль в процессе принятия решений играет, не избираемая населением и не подотчетная ему, национальная или наднациональная (Европейский союз наиболее наглядное подтверждение) политическая и управленческая бюрократия, в руках которой сконцентрированы многочисленные рычаги давления, посредством которых реализуются, необходимые им и аффилированным с ними промышленным и финансовым группировкам, законодательные и подзаконные акты. Народ как «источник и носитель власти», за исключением выборов и других легитимных форм непосредственной демократии, в подавляющем большинстве случаев – не имеет никакой реальной возможности повлиять на ситуацию, что нельзя не учитывать в контексте системно-институционального кризиса, поразившего на рубеже веков крупнейшие государства «коллективного Запада», масштабы и последствия которого приобретают – все более непредсказуемый характер. У правящих элит остается не так уж много времени, чтобы внести необходимые

коррективы, направленные на стабилизацию общественных отношений, но, к сожалению, закономерности исторического процесса неумолимы.

16. В целом следует особо подчеркнуть тот факт, что кризис, в основе которого лежат определенные предпосылки и тенденции, носит *комплексный* и *системный* характер, так как он поразил и оказывает деструктивное влияние сразу на несколько важнейших областей общественных отношений, начиная с традиционных мировоззренческих представлений и аксиом о «добре и зле» (последовательно сформированных христианскими ценностями, учениями и ересями религиозных диссидентов, доктринами просветителей и гуманистов, идеями «отцов-основателей» государственности с республиканской формой правления и реформаторов европейских монархий, «кабинетных» ученых и их вдохновителей), юридической идентификации отдельных социальных групп и заканчивая публичными институтами, олицетворяющими в глазах широких слоев населения «западную» модель демократии. Когда-то было заявлено о приближающемся «закате Европы», а позднее «конце истории», однако никто не мог предположить, что это не метафора или фигура речи, а гипотетический сценарий развития событий, итог которого постепенно начинает приобретать – все более конкретные очертания. В общественном сознании и политической практике ведущих государств Старого и Нового Света актуализируется процесс таких масштабных трансформаций, что о них вполне допустимо говорить как о новой стадии цивилизационного развития, с одной лишь оговоркой: вряд ли кто-то знает к каким – положительным или отрицательным – результатам это в конце концов приведет, так как воздействию кризиса подверглась идеология либерализма, длительное время непосредственно являвшаяся фундаментом «западного» стиля жизни, «западных» ценностей и «западного» менталитета. А если проблемы вызывает то, на чем выстроен каркас современной модели демократии, то деформации, несомненно, подвергается не только собственно «здание» в лице конкретной формы правления, территориального устройства или политического режима соответствующего государства, но и хозяйственно-экономические, институциональные и правовые «пристройки», в виде самых

разных бюрократических наднациональных структур, не заинтересованных в дифференциации взглядов на характер и специфику социальных отношений и суверенизации правящих элит. Унификация и единообразие – вот требование, стоящее в «повестке дня», осуществлять которое призваны, помимо прочего, мультикультурализм, политкорректность и толерантность, поэтому коллизии, в том числе системно-институциональные, будут только возрастать, создавая предпосылки для все новых тенденций, еще более усугубляющих кризис и его последствия. К сожалению, нельзя не признать, что отмеченный «алгоритм» начинает приобретать необратимый характер, о чем свидетельствуют события последних лет, наблюдаемые в государствах Старого и Нового Света, бывших когда-то для многих стран и народов «примером для подражания».

Олицетворением деградации либеральной модели, весьма отчетливо прослеживающейся в последние десятилетия, являются тенденции, в той или иной степени обусловленные *подменой понятий* – диссонансом между тем, что продекларировано в конституциях или аналогичных актах учредительного характера, и повседневными «политическими реалиями», имеющими место в государствах Старого и Нового Света, позиционирующими себя в глазах стран «третьего мира» в качестве единственного «примера для подражания»: слова типа «демократия», «парламентаризм», «суверенитет», «права и свободы», не говоря уже о пресловутых «ценностях», по-прежнему не сходят со страниц средств информации и телевизионных экранов, превалируют в официальной лексике и исследованиях ученых, однако их наполнение уже не соответствует тем коннотациям, с которыми они ассоциировались ранее. Если ситуация, так или иначе вызванная системно-институциональным кризисом либерализма в целом и «западной» модели политического режима в частности, продолжит и далее перманентно ухудшаться, то не исключено, что востребованным станет вопрос – не только о существовании соответствующей формы правления, но и цивилизации, традиционно олицетворяемой «коллективным Западом». Как ни парадоксально, но реалии дня свидетельствуют о том, что предположения подобного рода не лишены оснований, поэтому не исключено, что кризисные –

как явные, так и латентные (!) – тенденции приведут в конце концов к таким непредсказуемым фундаментальным «последствиям», о которых на данном этапе исторического процесса целесообразно рассуждать лишь теоретически. Критически анализируя события последних лет, можно, причем с известной долей уверенности, говорить не только о забвении тех идеалов, с которыми в течение длительного периода в глазах широких слоев населения традиционно позиционировалась западная модель демократии, но и фиктивном характере базовых институтов, идентифицирующих ее. Исчерпав свой «потенциал», она, хотя бы того «правлящие элиты» или нет, постепенно эволюционирует в одну из форм тоталитаризма, разновидностями которого являются фашизм и нацизм англосаксонского и романо-германского образца, во всей красе проявившими себя в первой половине прошлого века и возродившимися в новом обличье в рамках современной стадии цивилизационного развития. Тенденции, многие из которых характеризовали исторический процесс в течение всего периода становления, развития и трансформации «западной» демократии, наиболее отчетливо проявляя себя в кризисных ситуациях, наглядно свидетельствуют о том, что «либеральная модель» – не оправдала (!) тех надежд, которые на нее возлагал народ, провозглашенный «единственным источником и носителем власти», получивший, вместо «подлинного народовластия», суррогат в форме общества потребления, мультикультурализма и политкорректности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абашидзе А.Х.* Право Совета Европы. Концепция о защите прав человека и основных свобод. – М.: Международные отношения, 2007.
2. *Абашидзе А.Х., Еремян В.В., Остроухов Н.В.* Роль парламентариев в деятельности международных межправительственных организаций // *Обозреватель-Observer*. Июль-Август 2023 г. № 4 (399). – М., 2023. – С. 102-117.
3. *Автономов А.С.* Правовая онтология политики: к построению системы категорий. – М.: Инфограф, 1999.
4. *Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция. – М., 1987.
5. *Адо А.В.* Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. – М., 1971.
6. *Акройд П.* Основание: От самых начал до эпохи Тюдоров / Питер Акройд; пер. с англ. В.В. Краснянской. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020.
7. *Акройд П.* Тюдоры: От Генриха VIII до Елизаветы I / Питер Акройд; пер. с англ. И.А. Черненко. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020.
8. *Акройд П.* Мятежный век: От Якова I до Славной революции / Питер Акройд; пер. с англ. О.В. Строгановой. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021.
9. *Акройд П.* Революция: От битвы на реке Бойн до Ватерлоо / Питер Акройд; пер. с англ. И.В. Никитиной. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021.
10. *Акройд П.* Расцвет империи: От битвы при Ватерлоо до Бриллиантового юбилея королевы Виктории / Питер Акройд; пер. с англ. В.В. Степановой. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022.
11. *Акройд П.* Новая эпоха: От конца Викторианской эпохи до начала третьего тысячелетия / Питер Акройд; пер. с англ. В.А. Ионовой. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022.
12. *Аджемоглу, Дарон.* Почему одни страны богатые, а другие бедные / Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон; пер. с англ. Д. Литвинова, С.

Сановича, П. Миронова. – М.: Издательство АСТ, 2026. (Цивилизация и цивилизации).

13. *Аджемоглу, Дарон*. Власть и прогресс / Дарон Аджемоглу, Саймон Джонсон; пер. с англ. Н. Холмогоровой. – М.: Издательство АСТ, 2024. (Цивилизация и цивилизации).

14. *Алебастрова И.А.* Основы американского конституционализма. – М.: Юриспруденция, 2001.

15. *Алексеев А.С.* К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. – Ярославль: Типография Губернского Правления, 1910.

16. *Алексеев А.С.* Возникновение конституций в монархических государствах континентальной Европы XIX столетия. Ч. I. Французская конституционная хартия 1814 года. – М., 1914.

17. *Аммиан Марцеллин*. Римская история / Пер. с латинск. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. – СПб.: Издательство «Алетейя», 1996. (Серия «Античная библиотека»).

18. *Андерсон, Перри*. Переходы от античности к феодализму / Пер. с англ. А. Смирнова под ред. Д.Е. Фурмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).

19. *Андерсон, Перри*. Родословная абсолютистского государства / Пер. с англ. И. Куриллы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).

20. *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. – СПб.: Издательство «Алетейя», 1999. (Серия «Античная библиотека»).

21. *Аннерс Э.* История европейского права / Пер. со швед. Р.Л. Валинского, А.М. Волкова, М.А. Иваева, Т.Л. Шенявской. – М.: Наука, 1996.

22. *Анохин М.Г.* Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость (Теоретико-прикладной анализ). – М., 1996.

23. Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подгот. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. – М.: Издательство «Ладомир», 1996. («Античная классика»).
24. *Аптекер Г.* Американская революция, 1763 – 1783. – М., 1962.
25. *Аристотель.* Политика // Мыслители Греции. От мифа к логике: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. (Серия «Антология мысли»). – С. 441-699.
26. *Аристотель.* Афинская полития // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. (Серия «Антология мысли»). – С. 585-654.
27. *Аристотель.* Политика // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. (Серия «Антология мысли»). – С. 307-584.
28. *Аристотель.* Политика // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 106-126.
29. *Асмус В.Ф.* Платон // Асмус В.Ф. Собрание сочинений (в семи томах). Т. 6: Философия и политика. – М.: ЛЕНАНД, 2015.
30. *Бакунин М.А.* Анархия и Порядок: Сочинения. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. (Серия «Антология мысли»).
31. *Баранова К.К.* Бюджетный федерализм и местное самоуправление в Германии. – М.: Изд-во «Дело и Сервис», 2000.
32. *Барг М.А.* Великая английская революция в портретах ее деятелей. – М.: Изд-во «Мысль», 1991.
33. *Бартлетт, Роберт.* Становление Европы: Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950 – 1350 гг. / Пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

34. *Батай Ж.* Сумма атеологии: Философия и мистика / Пер. с фр.; сост. С.Н. Зенкин. – М.: Ладомир, 2016.
35. *Батай Ж.* «Проклятая часть»: Сакральная социология / Пер. с фр.; сост. С.Н. Зенкин. – М.: Ладомир, 2006.
36. *Беккариа, Чезаре.* О преступлениях и наказаниях // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 498-505.
37. *Беккерт, Свен.* Империя хлопка: Всемирная история / Пер. с англ. А. Шоломицкой; научный редактор перевода А. Володин. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
38. *Болховитинов Н.Н.* США: проблемы истории и современная историография. – М., 1980.
39. *Бентам, Иеремия.* Принципы законодательства // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 556-563.
40. *Бентам, Иеремия.* Тактика законодательных собраний // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 564-567.
41. *Бергбом, Карл.* Юриспруденция и философия права // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 494-498.
42. *Берихардт, Рудольф.* Конституционное правосудие и принципы федеративного государственного устройства в ФРГ // Современный немецкий

конституционализм. – М.: Институт государства и права РАН, 1994. – С. 43-51.

43. *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1998.

44. *Бернштейн, Уильям.* Массмедиа с древнейших времен и до наших дней / Уильям Бернштейн; пер. с англ. Н. Омеляновича, А. Николаева. – М.: Издательство АСТ, 2017.

45. *Бёрк, Эдмунд.* Размышления о революции во Франции // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 166-173.

46. *Бисмарк О.* Мемуары Железного канцлера. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003.

47. *Блуменау С.Ф.* Революционные преобразования Учредительного собрания во Франции в 1789 – 1791 годах. – Брянск, 2011.

48. *Блэк Дж.* Краткая история Испании / Джереми Блэк; пер. с англ. В.В. Степановой. – М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2021.

49. *Блэк Дж.* Краткая история Италии / Джереми Блэк; пер. с англ. В.И. Фролова. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021.

50. *Бовуар С. де.* Второй пол / Симона де Бовуар; пер. с фр. И. Малаховой, Е. Орловой, А. Сабашниковой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – (Non-Fiction. Большие книги).

51. *Бовыкин Д.Ю.* Французская революция / Дмитрий Бовыкин, Александр Чудинов. – М.: Альпина нон-фикшн: ПостНаука, 2020. (Серия «Библиотека ПостНауки»).

52. *Бовыкин Д.Ю.* Король без королевства: Людовик XVIII и французские роялисты в 1794 – 1799 гг. – М., 2016.

53. *Бовыкин Д.Ю.* Революция окончена? Итоги Термидора. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2005.

54. *Богдановская И.Ю.* Закон в английском праве. – М., 1987.

55. *Боден, Жан*. Метод легкого изучения истории; Шесть книг о государстве // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – М., 1970. – С. 141-147.

56. *Бокль, Генри Томас*. История цивилизаций. История цивилизации в Англии: В 2 т. – М.: Мысль, 2000.

57. *Боксер Чарльз Р.* Португальская империя и ее владения в XV – XIX веках. От островов Северной Атлантики до легендарной страны пряностей / Пер. с англ. В.С. Мухина. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2019.

58. *Боксер Чарльз Р.* Голландское господство в четырех частях света. XVI – XVIII века. Торговые войны в Европе, Индии, Южной Африке и Америке / Пер. с англ. О.И. Лапиковой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2019.

59. *Ла Бозси Этьенн*. Рассуждение о добровольном рабстве // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 294-299.

60. *Брайсон, Билл*. Беспокойное лето 1927 / Билл Брайсон; пер. с англ. О. Перфильева. – М.: Издательство АСТ, 2017.

61. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / Фернан Бродель; пер. с франц. Б.А. Ситникова – 2-е изд., испр. – М.: Издательская группа «Альма Матер»; «Гаудеамус», 2023. (Эпохи. Всемирная история. Исследования).

62. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв.: В 3 т. Т. I. Структура повседневности: возможное и невозможное / Фернан Бродель; пер. с франц. Л.Е. Куббеля. – 2-изд., испр. – М.: Издательская группа «Альма Матер», «Гаудеамус», 2023. (Эпохи. Средние века. Исследования).

63. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв.: В 3 т. Т. II. Игры обмена / Фернан Бродель; пер. с франц. Л.Е.

Куббеля. – 2-е изд., испр. – М.: Издательская группа «Альма Матер», «Гаудеамус», 2023. (Эпохи. Средние века. Исследования).

64. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв.: В 3 т. Т. III. Время мира / Фернан Бродель; пер. с франц. Л.Е. Куббеля. – 2-е изд., испр. – М.: Издательская группа «Альма Матер», «Гаудеамус», 2023. (Эпохи. Средние века. Исследования).

65. *Бурдьё П.* О государстве; курс лекций в Коллеж-де-Франс (1989 – 1992) / Пьер Бурдьё; ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер; пер. с фр. Д. Кралечкина, И. Кушнаревой; с предисл. А. Бикбова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017.

66. *Бурстин Д.* Американцы. Колониальный опыт. – М., 1993.

67. *Бэкон Ф.* Опыты, или Наставления нравственные и политические // Сочинения. В 2 т. Т. 2. – М., 1978.

68. *Бьюкенен, Патрик.* Самоубийство сверхдержавы / Патрик Бьюкенен; пер. с англ. К.М. Королева. – М.: Издательство АСТ, 2016.

69. *Валадес, Диего.* Контроль над властью / Пер. с исп. А. Автономова, В. Гайдамака. – М.: Идея-Пресс, 2006.

70. *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / Предисл. Г.М. Дерлутьяна, пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко, А. Черняева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

71. *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600 – 1750 годы / Пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.

72. *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Том III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730 – 1840 годы / Пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

73. *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789 – 1914 / Пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

74. *Вард, Грег.* История США. – М.: Астрель, 2009.

75. *Вебер, Макс.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / Макс Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – Т. I. Социология.

76. *Вебер, Макс.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / Макс Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – Т. II. Общности.

77. *Вебер, Макс.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / Макс Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – Т. III. Право.

78. *Вебер, Макс.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / Макс Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – Т. IV. Господство.

79. *Вебер, Макс.* Парламент и правительство в новой Германии. К политической критике чиновничества и партийной жизни // Власть и политика / М. Вебер; пер. с нем. Б.М. Скуратова, А.Ф. Филиппова; вступ. ст. А.Ф. Филиппова; комм. Т.А. Дмитриева, А.Ф. Филиппова. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – С. 61-250.

80. *Вебер, Макс.* Политика как призвание и профессия // Власть и политика / М. Вебер; пер. с нем. Б.М. Скуратова, А.Ф. Филиппова; вступ. ст. А.Ф. Филиппова; комм. Т.А. Дмитриева, А.Ф. Филиппова. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – С. 252-326.

81. Вебер М. Аграрная история Древнего мира / Пер. с нем.; под ред. Д. Петрушевского; Вступ. ст. Ю. Давыдова; Коммент. Н. Саркитова, Г. Кучкова. – М.: «Канон-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.
82. Вебер М. История хозяйства. Город / Пер с нем; под ред. И. Гревса; Коммент Н. Саркитова, Г. Кучкова. – М.: «Канон-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.
83. Вебер, Макс. Социология религии (типы религиозных сообществ) // Макс Вебер. Избранное. Образ общества. Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – С. 78-308.
84. Веджвуд, Сесили Вероника. Мир короля Карла I. Накануне Великого мятежа: Англия погружается в смуту. 1637 – 1641 / Пер. с англ. В.С. Мухина. – М: ЗАО Центрполиграф, 2024.
85. Веджвуд, Сесили Вероника. Война короля Карла I. Великий мятеж: переход от монархии к республике. 1641 – 1647 / Пер. с англ. Е.А. Гонсалес-Менендес. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2024.
86. Веджвуд, Сесили Вероника. Казнь короля Карла I. Жертва Великого мятежа: суд над монархом и его смерть. 1647 – 1649 / Пер. с англ. Л.А. Карповой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2024.
87. Вильданов Р.Х. Право Общего рынка и проблемы социальной политики // Практика буржуазного конституционализма (критические очерки). – М.: Институт государства и права АН СССР, 1982. – С. 142-150.
88. Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия // Вильгельм Виндельбанд. Избранное: Дух и история. Пер. с нем. – М.: Юрист, 1995.
89. Виноградов П.Г. Очерки по теории права. – Пг., 1915.
90. Виноградов П.Г. Очерки по теории права // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. V. Россия конец XIX – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 400-408.

91. *Витченко А.М.* Теоретические проблемы исследования государственной власти. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1982.
92. Война за независимость и образование США / Под ред. Г.Н. Севостьянова. – М., 1976.
93. *Волгин В.П.* Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. – М.: Изд-во «Наука», 1977.
94. *Вольтер, Франсуа Мари.* О феноменах природы // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 379-381.
95. *Вуд Гордон С.* Идея Америки. Размышления о рождении США / Пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2016.
96. *Вундт В.* Психология народов. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002.
97. *Гайд, Эдуард, лорд Кларендон.* История Великого мятежа: в 2 т. / Эдуард Гайд, лорд Кларендон; пер. на рус. яз. А.А. Васильева, С.Е. Федорова; примеч. А.А. Паламарчук, Е.А. Терентьевой; под общ. ред. С.Е. Федорова. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019.
98. *Гамбаров Ю.С.* Свобода и ее гарантии. Популярные социально-юридические очерки // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. V. Россия конец XIX – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С.304-312.
99. *Гвиччардини, Франческо.* История Италии. В двух томах; пер. с итал. и подготовка издания М.Я. Юсима. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019.
100. *Гегель Г.* Феноменология духа. Философия истории / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – М.: Эксмо, 2007. (Серия «Антология мысли»).

101. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права // Немецкая классическая философия. В 2 т. Т. 1. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 2000. (Серия «Антология мысли»). – С. 303-666.
102. *Гегель, Георг Вильгельм Фридрих.* Философия права // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С.638-660.
103. *Генон Р.* Кризис современного мира / Рене Генон; пер. с фр. – М.: Эксмо, 2008. (Серия «Антология мысли»).
104. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. – М., 1977.
105. *Гердер, Иоганн Готфрид.* Идеи к философии истории человечества // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 542-554.
106. *Герье В.И.* О конституции и парламентаризме. – М., 1906.
107. *Герье В.И.* О конституции и парламентаризме в России // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. V. Россия конец XIX – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 299-302.
108. *Гессен В.М.* Правовое государство. – СПб., 1912.
109. *Гизо Ф.П.Г.* История Английской революции в 3-х т. Том I. С восшествия Карла I на престол и до его смерти. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2023.
110. *Гизо Ф.П.Г.* История Английской революции в 3-х т. Том II. История Английской республики и Кромвеля. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2023.

111. *Гизо Ф.П.Г.* История Английской революции в 3-х т. Том III. Протекторат Ричарда Кромвеля и реставрация Стюартов (1658 – 1660). – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2023.
112. *Гизо, Франсуа.* История цивилизации в Европе / Пер. с франц. – М.: Издательский дом «Территория Будущего», 2007. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
113. *Гиро, Поль.* Частная и общественная жизнь греков: в 2 томах. – СПб.: Издательство «Алетейя», 1995. (Серия «Античная библиотека»).
114. *Гоббс Т.* Левиафан; Человеческая природа; О свободе и необходимости / Томас Гоббс; пер. с англ. А. Гутермана. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – (Non-Fiction. Большие книги).
115. *Гоббс, Томас.* Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 319-331.
116. Голландская правовая культура / Отв. ред. В.В. Бойцова и Л.В. Бойцова. – М.: Изд-во «Легат», 1998.
117. *Гольбах, Поль Анри.* Естественная политика, или беседы об истинных принципах управления // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 461-476.
118. *Гордон А.В.* Великая французская революция в советской историографии. – М., 2009.
119. *Гордон А.В.* Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918 – 1941. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2005.

120. *Градовский А.Д.* Государственное право важнейших европейских государств // Градовский А.Д. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900.

121. *Градовский А.Д.* Политические теории XIX века. Парламентаризм во Франции // Градовский А.Д. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 3. – СПб., 1896.

122. *Гребенюк А.В.* Курс лекций по истории мировых цивилизаций. Часть 1. Цивилизации Древнего Востока / Научный редактор: Александров Б.В.; Научный рецензент: Исаев М.А. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2006

123. *Гребенюк А.В.* Курс лекций по истории мировых цивилизаций. Часть 2. Античная цивилизация / Научный редактор: Александров Б.В.; Научный рецензент: Царьков Б.В. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2006.

124. *Гребенюк А.В.* Курс лекций по истории мировых цивилизаций. Часть 3. Цивилизации средневековой Европы / Научный редактор: Уколова В.И.; Научный рецензент: Березгов Б.Н. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2006.

125. *Грин Д.Р.* История Англии и английского народа / Пер. с англ. – М.: Кучково поле, 2018.

126. *Грин Р.* 48 законов власти / Роберт Грин; пер. с англ. Е.Я. Мигуновой. – М.: РИПОЛ классик, 2008.

127. *Грир С.* Интересы общества и права человека в Европейской конвенции о правах человека. – Страсбург: Изд-во Совета Европы, 1998.

128. *Громаков Б.С., Лисневский Э.В.* История государства и права США (1870 – 1917 гг.). – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1973.

129. *Гроций, Гуго.* О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Пер. с латинского А.Л. Саккетти. – М., 1957.

130. *Гуди Джек.* Похищение истории / Джек Гуди; пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2015.

131. *Гумбольдт В.Ф.* Опыт установления пределов государственной деятельности / Пер. с нем. – СПб., 1908.

132. Гумбольдт, Вильгельм. Опыт установления пределов государственной деятельности // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 347-351.
133. Дадиани Л.Я. Крах колониального управления в современный период. – М.: УДН, 1964.
134. Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции. – М., 1905.
135. Дайси, Альберт Венн. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 485-492.
136. Данилов С.Ю. Правовые демократические государства: очерки истории. – М., 1997.
137. Делёз, Жиль. Анти-Эдип. Капитализм и Шизофрения. Том I / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с фр. С.О. Мухамеджанов; вступит. ст. В.Ю. Кузнецов. – М.: РИПОЛ классик, 2025.
138. Делёз, Жиль. Тысяча плато. Капитализм и Шизофрения. Том II / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с фр. Я.И. Свирский; вступит. ст. В.Ю. Кузнецов. – М.: РИПОЛ классик, 2025.
139. Депутат парламента в зарубежных государствах. – М.: Юридическая литература, 1995.
140. Дерюжинский В.Ф. Habeas Corpus Act и его приостановка по английскому праву. – Юрьев, 1895.
141. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 год. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

142. Децентрализация управления в зарубежных государствах / Под ред. А.Н. Пилипенко. – М.: ЭКСМО, 2009.
143. *Дженкинс С.* Краткая история Англии / Саймон Дженкинс; пер. с англ. И. Мельницкой. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017.
144. *Джиффорд Д., Джиффорд К.* Правовая система Австралии. – М., 1988.
145. *Добролюбский К.П.* Термидор. Очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794 – 1795 гг. – Одесса, 1949.
146. *Дождев Д.В.* Основание защиты владения в римском праве. – М.: Институт государства и права РАН, 1996.
147. *Дугин А.Г.* Бытие и Империя. Онтология и эсхатология Вселенского Царства / А.Г. Дугин. – М.: Издательство АСТ, 2024. (Мысли о Родине).
148. *Дугин А.Г.* Ноомахия: войны ума. Геософия: горизонты и цивилизации / А.Г. Дугин. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2024.
149. *Дугин А.Г.* Ноомахия: войны ума. Латинский Логос. Солнце и Крест. – М.: Академический проект, 2021.
150. *Дугин А.Г.* Ноомахия: войны ума. Эллинский Логос. Долина истины. – М.: Академический проект, 2016.
151. *Дугин А.Г.* Ноомахия: войны ума. Англия или Британия? Морская миссия и позитивный субъект. – М.: Академический проект, 2015.
152. *Дугин А.Г.* Ноомахия: войны ума. Французский Логос. Орфей и Мелюзина. – М.: Академический проект, 2015.
153. *Дугин А.Г.* Ноомахия: войны ума. Германский Логос. Человек апофатический. – М.: Академический проект, 2015.
154. *Дурденевский В.Н.* Иностранное конституционное право в избранных образцах (с приложением текстов конституций). – Л.: Государственное издательство, 1925.
155. *Дэвис, Уильям Стирнс.* История Франции. С древнейших времен до Версальского договора / Пер. с англ. И.А. Петровской. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2018.

156. *Дюги Л.* Конституционное право. Общая теория государства / Пер. с фр. А. Яценко, В. Каснокутского и Б. Сыромятникова; с предисл. К рус. пер. П. Новгородцева и автора. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908.
157. *Евдокимов В.Б.* Конституционное судопроизводство в США. – Екатеринбург, 1996.
158. *Евсеев Т.П.* От общины к сложной государственности в античном Средиземноморье. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.
159. *Егоров С.А.* Конституционализм в США: политико-правовые аспекты. – М., 1993.
160. *Евтропий.* Краткая история от основания Города // Римские историки IV века. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – С. 5-73.
161. *Еллинек Г.* Права меньшинства. – М., 1906.
162. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве / Пер. под ред. В.М. Гессена и Л.В. Шалланда; вступ. ст. И.Ю. Козлихина. – СПб., 2004.
163. *Еллинек, Георг.* Права меньшинства // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 465-473.
164. *Еремян Э.В.* Мифы и комплексы либеральной демократии: Европейский союз в контексте рецидивов колониального прошлого // Правовая политика и правовая жизнь. № 1 (99). – Саратов; Москва, 2025. – С. 162-176.
165. *Еремян Э.В.* К вопросу о смене парадигмы: нужна ли нам новая терминология? // Правовая политика и правовая жизнь. № 4 (98). – Саратов; Москва, 2024. – С. 228-245.
166. *Еремян Э.В.* Иммиграционный вопрос как один из факторов кризиса либеральной демократии // Правовая политика и правовая жизнь. № 3 (97). – Саратов; Москва, 2024. – С. 260-270.

167. *Еремян Э.В.* Федерализм как форма решения национального вопроса: политико-правовой анахронизм, элемент традиции или объективная реальность? // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 4. – С. 39-46.

168. *Еремян Э.В.* О некоторых дискуссионных, теоретических и методологических вопросах современного российского государственного управления // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. – С. 69-75.

169. *Еремян Э.В.* Налоговая политика и процесс трансформации традиционной правовой системы Великобритании и Северной Ирландии. Ч. 1 // Право и политика. 2007. № 11. – С. 61-75.

170. *Еремян Э.В.* Налоговая политика и процесс трансформации традиционной правовой системы Великобритании и Северной Ирландии. Ч. 2 // Право и политика. 2008. № 6. – С. 1444-1459.

171. *Еремян Э.В.* Понятие постоянного представительства для целей налогообложения и его связь с другими категориями налогового права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2004. № 2. – С. 113-118.

172. *Еремян Э.В.* Лекции по учебной дисциплине «Конституционное право». – М.: Международные отношения, 2017.

173. *Еремян Э.В.* Основы конституционного права Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии // Еремян В.В., Еремян Э.В., Ешинимаяева-Шагдарова Е.Т., Кучеренко П.А., Ульянищев П.В., Чихладзе Л.Т., Чупанов А.С., Шумский И.Н., Галицкая К.Ю. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Под ред. д.ю.н., профессора В.В. Еремяна. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – С. 342-392.

174. *Еремян Э.В., Галицкий Э.В., Чермит Р.Р., Шевченко М.И., Азаревич А.В.* Цифровые права: особенности выпуска и обращения в России и за рубежом: монография. – М.: Юстицинформ, 2025.

175. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Кризис «западной» модели либеральной демократии как фактор регресса и деградации общественных отношений (Часть I) // Правовая политика и правовая жизнь. № 2 (96). – Саратов; Москва, 2024. – С. 227-253.

176. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Кризис «западной» модели либеральной демократии как фактор регресса и деградации общественных отношений (Часть II) // Правовая политика и правовая жизнь. № 3 (97). – Саратов; Москва, 2024. – С. 227-259.

177. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Есть ли у нас основания говорить о деградации и регрессе либеральной модели демократии? (Часть I) // Правовая политика и правовая жизнь. № 1 (91). – Саратов; Москва, 2023. – С. 139-163.

178. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Есть ли у нас основания говорить о деградации и регрессе либеральной модели демократии? (Часть II) // Правовая политика и правовая жизнь. № 2 (92). – Саратов; Москва, 2023. – С. 266-283.

179. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Почему традиционный механизм разделения властей все чаще работает вхолостую? // Право и современные государства. 2023. № 2. – С. 47-62.

180. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Паранойя исключительности как фундаментальный фактор политических отношений (Влияют ли национальные комплексы на процесс государственного строительства?) // Право и современные государства. 2022. № 1. – С. 18-33.

181. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Почему глава государства был вынужден обратиться к оппонентам напрямую? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Том 26. № 2. – С. 369-402.

182. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Должна ли Россия копировать «западную» модель демократии в том виде, как мы ее знаем? (Часть I) // Правовая политика и правовая жизнь. № 1 (87). – Саратов; Москва, 2022. – С. 141-161.

183. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Должна ли Россия копировать «западную» модель демократии в том виде, как мы ее знаем? (Часть II) // Правовая политика и правовая жизнь. № 2 (88). – Саратов; Москва, 2022. – С. 305-330.

184. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Должна ли Россия копировать «западную» модель демократии в том виде, как мы ее знаем? (Часть III) // Правовая политика и правовая жизнь. № 3 (89). – Саратов; Москва, 2022. – С. 223-237.

185. *Eremyan E., Galitsky E., Chermit R.* The role of constitutional policy in the formation of a democratic society and the rule of law in the conditions of the Russian legal system. Onati Socio-Legal Series, 2021, 11 (6(S)), pp. S352-S372. doi: <https://doi.org/10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1244>.

186. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Народовластие как форма политического режима: кабинетная мифологема или объективная реальность? (Почему стагнирует «западная» модель демократии?) // Право и современные государства. 2021. № 2-3. – С. 60-72.

187. *Еремян В.В.* Становление и развитие институтов местного самоуправления (от городов-государств до конца XX века) // Еремян В.В., Клишас А.А. Публичное право стран Латинской Америки: в 2 т. Т. 1. – М.: Международные отношения, 2016.

188. *Еремян В.В.* Сравнительное правоведение и мировоззренческие стереотипы // Политика. Власть. Право. Материалы I международной научно-теоретической конференции, памяти и 79-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Г.В. – Москва – Белгород, 2014. – С. 170-201.

189. *Ерофеев Н.А.* Закат Британской империи. – М.: Изд-во «Мысль», 1967.

190. *Жидков О.А.* Верховный суд США: право и политика. – М.: Изд-во «Наука», 1985.

191. *Жидков О.А.* История буржуазного права. – М., 1971.

192. Законодательство английской революции 1640 – 1660 гг. / Сост. Н.П. Дмитриевский. – М.-Л., 1946.

193. *Зелинский Ф.Ф.* Римская империя / Пер. с польск. Н.А. Папчинской. – СПб.: Издательство «Алетейя», 1999. (Серия «Античная библиотека»).

194. *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.) / Пер. с нем. Л.А. Овчинцевой; науч. ред. М.Ю. Брандт. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.
195. *Зинн, Говард.* Американская империя. С 1492 года до наших дней. – М.: Родина, 2020.
196. *Зинн, Говард.* Народная история США. – М., 2006.
197. *Иеринг, Рудольф.* Борьба за право // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 441-449.
198. Институты конституционного права иностранных государств / Под ред. Д.А. Ковачева. – М., 2002.
199. *Исаев И.А.* Избранные труды: в V т. – М.: Прогресс, 2015, 2020.
200. История буржуазного конституционализма XVII – XVIII вв. / Отв. ред. В.С. Нерсисянц. – М.: Изд-во «Наука», 1983.
201. История буржуазного конституционализма XIX в. / Отв. ред. В.С. Нерсисянц. – М.: Изд-во «Наука», 1986.
202. История Европы / Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена в сотрудничестве с Ж.-П. Арриньоном и др.; Вступл. Р. Ремона; Пер. с франц. под общ. ред. М.Ю. Некрасова. – 2-е изд. – СПб.: Евразия, 2017.
203. История США: В четырех томах. Том первый. 1607 – 1877. – М.: Изд-во «Наука», 1983.
204. История США: В четырех томах. Том второй. 1877 – 1918. – М.: Изд-во «Наука», 1985.
205. История США: В четырех томах. Том третий. 1918 – 1945. – М.: Изд-во «Наука», 1985.
206. История США: В четырех томах. Том четвертый. 1945 – 1980. – М.: Изд-во «Наука», 1987.

207. История Франции / Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена в сотрудничестве с Э. Карпантье и др.; Предисл. Ж. Ле Гоффа; Пер. с франц. М.Ю. Некрасова. – 2-е изд. – СПб.: Евразия, 2017.

208. *Калделлис Э.* Византийская республика: народ и власть в Новом Риме / Энтони Калделлис; пер. и отв. ред. В.И. Земскова. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2016.

209. *Кант И.* Критика чистого разума; Критика практического разума; Критика способности суждения / Иммануил Кант; пер. с нем. Н. Лосского, Н. Соколова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – (Non-Fiction. Большие книги).

210. *Кант, Иммануил.* Метафизика нравов // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 478-481.

211. *Кант, Иммануил.* Учение о праве // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 311-321.

212. *Кант И.* Метафизика нравов. В двух частях. 1797 // Немецкая классическая философия. В 2 т. Т. 2. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 2000. (Серия «Антология мысли»). – С. 12-300.

213. *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; примеч. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. (Серия «Антология мысли»).

214. *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Переход от Средних веков к Новому времени. – М.: Академический проект, 2016. (История Европы: эпохи).

215. *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Восемнадцатый век и Французская революция. – М.: Академический проект, 2015. (История Европы: эпохи).

216. *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. XIX век. Консульство. Империя и Реставрация. – М.: Академический проект, 2017. (История Европы: эпохи).

217. *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. XIX век. Средние десятилетия. От Июльской революции до падения Второй империи (1830 – 1870 гг.). – М.: Академический проект, 2018. (История Европы: эпохи).

218. *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Последняя треть XIX века. Часть I (1867 – 1880-е гг.). – М.: Академический проект, 2019. (История Европы: эпохи).

219. *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Последняя треть XIX века. Часть II (1880 – 1900-е гг.). – М.: Академический проект, 2019. (История Европы: эпохи).

220. *Карлейль Т.* История Французской революции / Пер. с англ. Ю.В. Дубровина и Е.А. Мельниковой. – М.: Изд-во «Мысль», 1991.

221. *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории / Томас Карлейль. – М.: Эксмо, 2008. (Серия «Антология мысли»).

222. Кембриджская история капитализма: в 2 т. / Под ред. Лари Нила и Джеффри Уильямсона; пер. с англ. А. Шоломицкой; науч. ред. А. Володина. – М.: Издательство Института Гайдара, 2021.

223. *Кеннеди П.* Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 год / Пол Кеннеди; пер. с англ. Е. Калугина, М. Леоновича; предисл. В. Рыжкова. – Екатеринбург: Гонзо, 2018.

224. *Кислова А.А.* Религия и церковь в общественно-политической жизни США первой половины XIX века. – М., 1989.
225. *Киясов С.Е.* Масоны и век Просвещения: становление интеллектуального феномена. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006.
226. *Клишас А.А.* Юридический код государства: вопросы теории и практики / А.А. Клишас. – М.: Международные отношения, 2019.
227. *Клишас А.А.* Правовое государство / А.А. Клишас. – М.: Международные отношения, 2019.
228. *Клишас А.А.* Суверенитет. От борьбы за право к борьбе за суверенитет. – М.: Международные отношения, 2018.
229. *Клишас А.А.* К вопросу эффективности западных избирательных практик. – М.: Международные отношения, 2016.
230. *Клишас А.А.* Становление и развитие институтов конституционного контроля // Еремян В.В., Клишас А.А. Публичное право стран Латинской Америки: в 2 т. Т. 2. – М.: Международные отношения, 2016.
231. *Ковалевский М.М.* Сочинения в двух томах. Том I. Социология / Отв. ред. А.О. Бороноев. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 1997.
232. *Ковалевский М.М.* Сочинения в двух томах. Том II. Современные социологи / Отв. ред. А.О. Бороноев. – СПб.: Издательство «Алетейя», 1997.
233. *Ковалевский М.М.* Русская конституция. I. Свободы. – СПб., 1906.
234. *Ковалевский М.М.* История монархии и монархических доктрин. – СПб.: Санкт-Петербургский Политехнический институт, 1912.
235. *Ковалевский М.М.* Русская конституция // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. V. Россия конец XIX – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 292-298.
236. *Коданева С.И.* Британский регионализм (конституционная реформа). – М.: Юристъ, 2004.
237. *Колмаков С.А.* Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 80-е годы XIX века. – М., 1985.

238. *Констан, де Ребек Бенжамен Анри*. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 616-626.

239. Конституции государств Америки: В 3 т. / Под ред. д.ю.н., проф. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006.

240. Конституции государств Европейского Союза / Под общей редакцией и со вступительной статьей директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Л.А. Окунькова. – М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997.

241. *Конт, Огюст*. Дух позитивной философии // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 700-705.

242. *Коркунов Н.М.* История философии права. Пособие к лекциям / Вступ. ст. И.Д. Осипова. – СПб.: Изд-во «Наука», 2019. (Серия «Русская государственная мысль»).

243. *Коркунов Н.М.* Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. Государство и его элементы. – М.: Ленанд, 2015.

244. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Пособие к лекциям. Т. I. Введение и общая часть. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1893.

245. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. V. Россия конец XIX – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 102-113.

246. *Котегова М.А.* Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт. – Ижевск: ГУП УР «Ижевский полиграфический комбинат», 2007.

247. *Крэмб Дж. А., Сили Дж. Р.* Британская империя. Разделяй и властвуй! / Пер. с англ. – М.: Родина, 2019. (Величайшие империи человечества).

248. *Кросс Р.* Прецедент в английском праве. – М., 1985.

249. *Ксенофонт.* Греческая история / Пер. с древнегр. и коммент. С.Я. Лурье. – СПб.: Издательство «Алетейя», 1996. (Серия «Античная библиотека»).

250. *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в демократических Афинах / Т.В. Кудрявцева. – СПб.: Алетейя, 2008. (Серия «Античная библиотека»).

251. *Лассаль, Фердинанд.* О сущности конституции. Речь, произнесенная в одном берлинском бюргерском окружном собрании в 1862 году // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 434-437.

252. *Лассаль, Фердинанд.* О программе работников. Речь об особенной зависимости между настоящим периодом истории и идеей рабочего сословия // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 437-439.

253. *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. В 2 томах. Т. 1. Государственные и военные древности / Под науч. ред. Е.В. Никитюк; вступ. ст. и общая ред. Э.Д. Фролова. – СПб.: Издательство «Алетейя», 1997. (Серия «Античная библиотека»).

254. *Лафитский В.И.* Великие конституции (Истоки, факторы развития и роль в современном мире). – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2017.

255. *Лафитский В.И.* Основы конституционного строя США. – М.: Изд-во «Норма», 1998.

256. *Лафитский В.И.* Конституции американских штатов (исторический очерк) // Практика буржуазного конституционализма (критические очерки). – М.: Институт государства и права АН СССР, 1982. – С. 18-39.

257. *Лебон, Густав.* Психология народов и масс // Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. – М.: Изд-во Эксмо; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 9-317.

258. Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории / Отв. ред. Е.А. Ларин; Ин-т всеобщей истории РАН. – М.: Наука, 2018.

259. *Локк, Джон.* Два трактата о правлении // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 359-366.

260. *Локк, Дж.* Сочинения: В 3 т. / Пер. с англ. и лат. – М., 1988.

261. *Локк, Джон.* Два трактата о правлении // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 84-95.

262. *Лиддел, Гарт Бэзил.* История Первой мировой войны / Пер. с англ. В.Л. Гончарова. – М.: Издательство АСТ, 2017.

263. *Лиддел, Гарт Бэзил.* Стратегия непрямых действий / Пер. с англ. – М.: Издательство АСТ, 2017.

264. *Лильберн Дж.* Новые цепи Англии, или серьезные опасения части народа относительно республики // Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII – XVIII веков / Сост.: М.Ю. Золотухин, М.М. Куриев, В.М. Лобанов и др.; под ред. В.Г. Сироткина. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 56-57.

265. *Лильберн, Джон.* Памфлеты. Защита природного права Англии // Антология мировой правовой мысли. В 5 Т. Т. III. Европа. Америка: XVII –

XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 60-63.

266. *Лукьянцев Г.Е.* Европейские стандарты в области прав человека. Теория и практика функционирования Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. – М.: Звенья, 2000.

267. *Мабли, Габриэль Бонно.* О законодательстве, или принципы законов // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 397-402.

268. *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. (Серия «Антология мысли»). – С. 123-196.

269. *Макиавелли, Никколо.* Государь // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 253-265.

270. *Макиавелли Н.* Государь // Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. (Серия «Антология мысли»). – С. 47-122.

271. *Маклаков В.В.* Референдум в зарубежных странах. – М.: ИНИОН РАН, 2014.

272. *Мандру, Робер.* Франция раннего Нового времени, 1500 – 1640: Эссе по исторической психологии / Пер. с фр. Андрея Лазарева. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).

273. *Манн, Майкл.* Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. / Майкл Манн; пер. с англ. и науч. ред. Д.Ю. Карасева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

274. *Манн, Майкл.* Источники социальной власти: в 4 т. Т. 2. Становление классов и наций-государств, 1760 – 1914 годы (книга первая) / Майкл Манн; пер. с англ. А.В. Лазарева; под науч. ред. Д.Ю. Карасева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

275. *Манн, Майкл.* Источники социальной власти: в 4 т. Т. 2. Становление классов и наций-государств, 1760 – 1914 годы (книга вторая) / Майкл Манн; пер. с англ. А.В. Лазарева; под науч. ред. Д.Ю. Карасева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

276. *Манн, Майкл.* Источники социальной власти: в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890 – 1945 годы / Майкл Манн; пер. с англ. Д.Ю. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

277. *Манн, Майкл.* Источники социальной власти: в 4 т. Т. 4. Глобализации, 1945 – 2011 годы / Майкл Манн; пер. с англ. А.В. Лазарева; под науч. ред. Д.Ю. Карасева. – М.: издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

278. *Маркс, Карл.* Процесс против Рейнского окружного комитета демократов // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 420-421.

279. *Маркс, Карл.* Критика готской программы // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 424-426.

280. *Мелкумов А.А.* Канадский федерализм: теория и практика. – М., 1998.

281. *Менгер А.* Новое учение о государстве. – СПб., 1905.

282. *Менгер А.* Завоевание рабочим прав. Право на полный продукт труда в историческом изложении. – СПб., 1906.

283. *Менгер, Антон.* Новое учение о государстве // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-

науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 460-464.

284. *Мижуев П.Г.* Глава государства. Организация высшей исполнительной власти в главных странах современного мира. – СПб.: Всеобщая библиотека Г.Ф. Львовича, 1906.

285. *Мизес, Людвиг фон.* Социализм: экономический и социальный анализ / Л. фон Мизес; пер. с англ. Б. Пинскера; науч. ред. Р. Левита. – Москва; Челябинск: Социум, 2018.

286. *Милль, Джон Стюарт.* О свободе // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 735-744.

287. *Мишин А.А.* Принцип разделения властей в конституционном механизме США. – М.: Изд-во «Наука», 1984.

288. *Мишин А.А.* Государственное право США. – М.: Изд-во «Наука», 1976.

289. *Мишин А.А., Власихин В.А.* Конституция США. Политико-правовой комментарий. – М., 1985.

290. *Мишле, Жюль.* История Французской революции: В 6 т. / Изд. подгот. Ю.В. Гусева, А.В. Гордон, Н.Т. Пахсарьян. – М.: Ладомир: Наука, 2022. (Литературные памятники / РАН).

291. *Монтескье, Шарль Луи.* О духе законов // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 374-377.

292. *Монтескье, Шарль Луи.* О духе законов // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-

науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 108-126.

293. *Моррис Д.* Голая обезьяна: [Сборник] / Десмонд Моррис; пер. с англ. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – (Non-Fiction. Большие книги).

294. *Мэдисон Дж.* О работоторговле / Из записок Дж. Мэдисона и дебатах по вопросу о Конституции в федеральном конвенте в Филадельфии // Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII – XVIII вв. / Сост.: М.Ю. Золотухин, М.М. Куриев, В.М. Лобанов и др.; под ред. В.Г. Сироткина. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 155-159.

295. *Мюллер Я.-В.* Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века / Пер. с англ. А. Яковлева. – М.: Изд. Института Гайдара, 2017.

296. *Мягкова Е.М.* «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на западе Франции в XVII – XVIII веках. – М.: Academia, 2006.

297. *Науменкова Е.О.* Власть и общество: избирательные реформы и их восприятие в Великобритании в последней трети XIX века / Е.О. Науменкова. – СПб.: Алетейя, 2017.

298. *Некрич А.М., Поздеева Л.В.* Государственный строй и политические партии Великобритании. – М., 1958.

299. *Никифорова М.А.* Проблемы конституционного права в практике Верховного суда США // Практика буржуазного конституционализма (критические очерки). – М.: Институт государства и права АН СССР, 1982. – С. 39-48.

300. *Ницше Ф.* Падение кумиров / Фридрих Ницше; пер. с нем. В. Вайнштока, Т. Гейликмана, Е. Герцыг и др. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – (Non-Fiction. Большие книги).

301. *Ницше Ф.* Воля к власти. – М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во «Фолио», 2003. (Серия «Антология мысли»).

302. *Ницше, Фридрих.* По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1997. (Серия «Антология мысли»).

303. *Ницше, Фридрих Вильгельм.* Человеческое, слишком человеческое // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 450-451.
304. *Ницше, Фридрих Вильгельм.* Утренняя заря // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 452-453.
305. *Новгородцев П.И.* Историческая школа юристов. – СПб.: Изд-во «Лань», 1999.
306. *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии и права. – СПб.: Изд-во «Лань», 1998.
307. *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. II. Кризис современного правосознания. – М., 1909.
308. *Новгородцев П.И.* Кризис современного правосознания // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. V. Россия конец XIX – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 364-368.
309. *Норвич Дж.* Кратная история Франции / Пер. с англ. О.В. Строгановой. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019.
310. *Ортега-и-Гассет, Хосе.* Восстание масс // Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica. – С. 417-467.
311. *Орландо В.* Принципы конституционного права. – М.: Издание В.М. Саблина, 1907.
312. *Осборн, Роджер.* Цивилизация. Новая история Западного мира / Роджер Осборн; пер. с англ. М. Колопотина. – М.: Издательство АСТ, 2018.

313. *Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю.* Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. – М: Вузовский учебник; ИНФРА-М, 2019.

314. *Остром В.* Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. – М., 1993.

315. *Острогорский М.* Демократия и политические партии. – М., 1997.

316. *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. V. Россия конец XIX – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 279-288.

317. Очерки парламентского права (зарубежный опыт). – М., 1993.

318. *Оуэн, Роберт.* Революция в сознании и деятельности человеческого рода, или грядущий переход от неразумия к разумности // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 666-670.

319. *Пайнс, Ричард.* Собственность и свобода. Рассказ о том, как из века в век частная собственность способствовала внедрению в общественную жизнь свободы и власти закона. – М.: Московская школа политических исследований, 2000.

320. *Палм Датт, Р.* Колониальная политика Англии на современном этапе // Международная жизнь. 1959. № 2.

321. *Паррингтон В.Л.* Основные течения американской мысли: В 3 т. – М., 1962-1963.

322. *Паскаль Б.* Мысли / Блез Паскаль; пер. с фр. и коммент. Ю. Гинзбург. – М.: Эксмо, 2009. (Серия «Антология мысли»).

323. *Пейн, Томас.* Права человека // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин

и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 489-496.

324. *Пейн, Томас.* Исследования об основных принципах государственной власти // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 190-191.

325. *Пёльман, Роберт фон.* Очерк греческой истории и источниковедения / Пер. с нем. А.С. Князькова; под ред. проф. С.А. Желебева. – СПб.: Издательство «Алетейя», 1999. (Серия «Античная библиотека»).

326. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Серия «Мир культуры, истории и философии». – СПб.: Изд-во «Лань», 2000.

327. *Пинкус, Стивен.* 1688 год. Первая современная революция / Пер. с англ. – М.: Изд-во АСТ, 2017.

328. *Платон.* Государство // Мыслители Греции. От мифа к логике: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. (Серия «Антология мысли»). – С. 91-438.

329. *Платон.* Государство // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 85-105.

330. *Плешков В.Н.* Мекленбургская декларация независимости // Вопросы истории. 1974. № 8.

331. *Полибий.* Всеобщая история. В 2 т. Т. 1. Кн. I – X / Пер. с древнегреч. Ф. Мищенко. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

332. Политическая власть и конституция в развивающихся странах. – М.: Институт государства и права АН СССР, 1987.

333. *Поппер К.* Нищета историцизма. – М.: Прогресс, 1993.

334. *Прело М.* Конституционное право Франции / Пер. с фр. Ф.А. Кублицкого; под ред. и с предисл. А.З. Манфреда. – М., 1957.
335. *Прудон П.-Ж.* Что такое собственность? Или исследование о принципе права и власти. – М., 1998.
336. *Разумович Н.Н.* Политическая и правовая культура. Идеи и институты Древней Греции. – М.: Изд-во «Наука», 1989.
337. *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции 1789 – 1814 гг. – СПб, 1996.
338. *Редигер, Маркус.* Корабль рабов: История человечества. – М.: Проспект, 2021.
339. *Римини Р.* Краткая история США / Роберт В. Римини; пер. с англ. О. Алексаняна. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018.
340. *Робертс Дж.М., Уэстад О.А.* Мировая история / Пер. с англ. С.А. Белоусова. – М.: Центрполиграф, 2018.
341. *Родс Дж. Ф.* История Гражданской войны в США: 1861 – 1865 / Джеймс Форд Родс; пер. с англ. С.П. Бавин. – М.: Азбука-Аттикус, КоЛибри, 2018.
342. *Романов А.К.* Правовая система Англии. – М., 2000.
343. *Роттердамский, Эразм.* Похвала глупости: Сочинения. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. (Серия «Антология мысли»).
344. *Руссо, Жан-Жак.* Общественный договор, или Принципы государственного права / Руссо Жан-Жак. Избранное: в 3 т. Т. I: Рассуждения о науках и искусствах / Пер. с фр. Н. Кареева; Общественный договор, или Принципы государственного права / Пер. с фр. С. Нестеровой; Юлия, или новая Элоиза / Пер. с фр. П. Кончаловского; Вступ. ст. Е. Кузнеца. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2018. – С. 53-206.
345. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты: пер. с фр. – М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998.
346. *Эразм Роттердамский.* Разговоры запросто. – М., 1969.

347. *Эразм Роттердамский*. Философские произведения. – М., 1986.
348. *Ле Руа Ладюри Э.* История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460 – 1610 / Пер. с фр. Е.Н. Корендясова и В.А. Павлова. – М.: Международные отношения, 2004.
349. *Рудольф, Вальтер*. Проблемы федерализма в Федеративной Республике Германия // Современный немецкий конституционализм. – М.: Институт государства и права РАН, 1994. – С. 6-21.
350. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. – СПб.: Наука, 2003.
351. *Саидов А.Х.* Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). – М., 2000.
352. *Саррацин, Тило*. Германия: самоликвидация / Пер. с нем. Т.А. Набатниковой. – М.: Издательство АСТ, 2016.
353. *Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий*. О счастливой жизни / Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий; пер. с др.-греч. С. Роговина; пер. с лат. В. Алексеева, М. Браша, В. Дурова и др. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – (Non-Fiction, Большие книги).
354. *Сенека*. Нравственные письма к Луцилию // Мыслители Рима. Наедине с собой: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. (Серия «Антология мысли»). – С. 381-622.
355. *Сен-Симон, Клод Анри*. Письма женевого обывателя к современникам // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 591-592.
356. *Сен-Симон, Клод Анри*. Письма к американцу // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель

проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 593-594.

357. *Сен-Симон, Клод Анри*. Взгляд на собственность и законодательство // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 594-595.

358. *Симмс, Брендан*. Европа. Борьба за господство / Брендан Симмс; пер. с англ. В. Желнинова. – М.: Издательство АСТ, 2017.

359. *Слезкин Л.Ю.* У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд. 1630-1642. – М., 1980.

360. *Смайлс С.* Сочинения: В 2 т. / Пер. с англ. С. Майковой; предисловие А. Никольской. – М.: ТЕРРА, 1997.

361. Современная Великобритания: проблемы и перспективы. – М.: Изд-во Института Европы РАН, 2001.

362. *Согрин В.В.* История США. – М.: Международные отношения, 2019.

363. *Согрин В.В.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2011.

364. *Согрин В.В.* Исторический опыт США / В.В. Согрин; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Изд-во «Наука», 2010.

365. *Согрин В.В.* Политическая история США. – М., 2001.

366. *Согрин В.В.* Идейные течения в Американской революции XVIII века. – М., 1980.

367. *Стоун О.* Нерассказанная история США / Оливер Стоун и Питер Кузник; пер. с англ. А. Оржицкого, В. Полякова. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019.

368. Стратегия развития правосудия в условиях глобализации: Монография / Под ред. А.В. Малько, А.Ю. Саломатина. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017.

369. *Спенсер Г.* Личность и государство. – СПб., 1908.

370. *Спенсер, Герберт*. Опыты научные, философские, политические // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд: Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 475-478.

371. *Спенсер, Герберт*. Личность против государства // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 478-483.

372. *Спиноза Б.* Политический трактат // Спиноза Б. Об усовершенствовании разума: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. (Серия «Антология мысли»). – С. 487-586.

373. *Спиноза, Бенедикт*. Богословско-политический трактат // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 349-354.

374. *Спиноза Б.* Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Об усовершенствовании разума: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. (Серия «Антология мысли»). – С. 209-470.

375. Сравнительное конституционное право / Под ред. В.Е. Чиркина. – М.: Юристъ, 1996.

376. *Стефанкин В.А.* Основы конституционного права Англии. – М., 1984.

377. *Суриков И.Е.* Политические деятели Древней Греции. Том I: Эпоха формирования и расцвета полиса. – 2-е изд., испр. – М.: Академический проект, 2022. (Всеобщая история: портреты Античности).

378. *Суриков И.Е.* Политические деятели Древней Греции. Том II: Эпоха кризиса полиса. – 2-е. изд., испр. – М.: Академический проект, 2022. (Всеобщая история: портреты Античности).

379. Судебные системы Европы и Евразии: научно-энциклопедическое издание: в 3 т. / Под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. – М.: Проспект, 2019.
380. *Сэмпсон А.* Новая анатомия Британии / Пер. с англ. – М.: Изд-во «Прогресс», 1975.
381. *Такман, Барбара.* Августовские пушки / Барбара Такман; пер. с англ. А. Милюкова. – М.: Издательство АСТ, 2018.
382. *Такман, Барбара.* Европа перед катастрофой. 1890 – 1914 / Барбара Такман; пер. с англ. И.В. Лобанова. – М.: Издательство АСТ, 2016.
383. *Тарле, Евгений Викторович.* Европа в эпоху империализма; Статьи о внешней политике / Тарле Евгений Викторович. – М.: Эксмо, 2025. (Юбилейное собрание сочинений академика Е.В. Тарле. Том 5).
384. *Таценко Т.Н.* Немецкие территориальные государства XVI века в документах Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН: Исследования и материалы / Т.Н. Таценко. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017.
385. *Темнов Е.И.* Аристотель и начала политической науки // Аристотель. Политика. – М.: Изд-во «Мысль», 1997.
386. *Тиле А.А., Швеков Г.В.* Сравнительный метод в юридических дисциплинах. – М., 1978.
387. *Тилли, Чарльз.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990 – 1992 гг. / Пер. с англ. Т.Б. Менской. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
388. *Тилли, Чарльз.* Демократия. – М.: Институт общественного проектирования, 2007.
389. *Тихомиров Ю.А.* Курс сравнительного правоведения. – М., 1996.
390. *Тойнби А.Дж.* Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. – М.: Айрис-пресс, 2004.

391. *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. – М.: Айрис-пресс, 2003.
392. *Тодд, Эммануэль.* Поражение Запада / Эммануэль Тодд; пер. с фр. Н. Жиро. – М.: Издательство АСТ, 2025. (Мировая политика).
393. *Токвиль, Алексис де.* Старый порядок и Революция: 6-е изд. / Токвиль А.; пер. с франц., под ред. П.Г. Виноградова. – М.; Челябинск: Социум, 2017.
394. *Токвиль, Алексис де.* Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992.
395. *Транин А.А.* Экологические проблемы, урбанизация и буржуазная конституция // Практика буржуазного конституционализма (критические очерки). – М.: Институт государства и права АН СССР, 1982. – С. 117-127.
396. *Трёлч, Эрнст.* Историзм и его проблемы / Пер. с нем. – М.: Изд-во Юрист, 1994.
397. *Троцкий Н.А.* Наполеон Великий: в 2 т. Т. 1: Гражданин Бонапарт / Н.А. Троцкий; подг. к публ., вступ. ст. М.В. Ковалева, Г.Ю. Степанова. – М.: Политическая энциклопедия, 2020. – (Мир Французской революции).
398. *Троцкий Н.А.* Наполеон Великий: в 2. Т. 2: Император Наполеон / Н.А. Троцкий; подг. к публ., вступ. ст. М.В. Ковалева, Г.Ю. Степанова. – М.: Политическая энциклопедия, 2020. – (Мир Французской революции).
399. *Туманов В.А.* К характеристике современной буржуазной конституции // Практика буржуазного конституционализма (критические очерки). – М.: Институт государства и права АН СССР, 1982. – С. 3-18.
400. *Турчин П.В.* Конец времен / Петр Турчин; пер. с англ. В. Желнинова. – М.: Издательство АСТ, 2024. (Мировой порядок).
401. *Уваров П.Ю.* Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам / П.Ю. Уваров; Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 2004.
402. *Уинстенли, Джерард.* Закон свободы, изложенный в виде программы, или восстановление истинной системы правления // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль:

истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 333-339.

403. *Улик Варандж* (Фрэнсис Паркер Йоки). *Imperium*. Философия истории и политики / Пер. с англ. Н.М. Селиверстова; предисл. Б.В. Маркова. – СПб: Русский Миръ, 2017.

404. *Уолкер Р.* Английская судебная система. – М., 1980.

405. *Ушаков В.А.* Америка при Вашингтоне. (Политические и социально-экономические проблемы США в 1789 – 1797 гг.). – Л., 1983.

406. *Федералист* // Политические эссе *А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея*: Пер. с англ. / Под общ. ред., с предисл. Н.Н. Яковлева, коммент. О.Л. Степановой. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000.

407. *Фейербах, Людвиг Андреас*. Право и государство // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 707-711.

408. *Фихте И.Г.* Назначение человека // Немецкая классическая философия. В 2 т. Т. 2. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 2000. (Серия «Антология мысли»). – С. 75-218.

409. *Фихте, Иоганн Готлиб*. Основные черты современной эпохи // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 602-614.

410. *Фихте И.Г.* Несколько лекций о назначении человека // Немецкая классическая философия. В 2 т. Т. 2. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 2000. (Серия «Антология мысли»). – С. 13-66.

411. Французская буржуазная революция 1789 – 1794 / Под ред. В.П. Волгина и Е.В. Тарле. – М.; Л., 1941.

412. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого Я // Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1999. (Серия «Антология мысли»). – С. 769-838.
413. *Фридмэн Л.* Введение в американское право. – М., 1993.
414. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / М. Фуко. – СПб.: Алетейя, 1999.
415. *Фукуяма, Фрэнсис.* Государственный порядок: научно-популярное издание / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. В.Л. Гончарова. – М.: Издательство АСТ, 2015.
416. *Фукуяма, Фрэнсис.* Угасание государственного порядка: научно-популярное издание / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. К.М. Королева. – М.: Издательство АСТ, 2017.
417. *Фурсенко А.А.* Американская революция и образование США. – М., 1978.
418. *Хабриева Т.Я.* Вступительная статья // Конституции государств Америки: В 3 т. / Под ред. д. ю. н., проф. Т.Я. Хабриевой. – Т. 1: Северная и Центральная Америка. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006.
419. *Хаггер Н.* Соединенные Штаты Америки: тайна рождения / Пер. с англ. – М.: Издательство «Никола-Пресс», 2010.
420. *Хазин М.* Кризис и Власть. Том I. Лестница в небо // Издание второе, дополненное и исправленное / М. Хазин, С. Щеглов. – М.: РИПОЛ классик, 2023.
421. *Хазин М.* Кризис и Власть. Том II. Люди Власти. Диалоги о великих сюзеренах и властных группировках / М. Хазин, С. Щеглов. – М.: РИПОЛ классик, 2023.
422. *Хантингтон, Самюэль.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. К. Королева. – М.: Издательство АСТ, 2018.

423. *Хантингтон, Самюэль*. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: Издательство АСТ, 2017.
424. *Харц, Луис*. Либеральная традиция в Америке. – М.: Изд-во «Прогресс», 1993.
425. *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века / Н.А. Хачатурян; отв. ред. Л.П. Репина; Ин-т всеобщей истории РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Наука, 2008.
426. *Хеер, Фридрих*. Священная Римская империя. История союза европейских государств от зарождения до распада / Пер. с англ. Л.А. Карповой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2023.
427. *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья. Номо Люденс. Тени завтрашнего дня / Йохан Хёйзинга; сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – (Non-Fiction. Большие книги).
428. *Хизер, Питер*. Падение Римской империи / Питер Хизер; пер. с англ. А. Короленкова. – М.: Издательство АСТ, 2019.
429. *Хоссе К.* Основы конституционного права ФРГ. – М., 1981.
430. *Хоус Дж.* Краткая история Германии / Джеймс Хоус; пер. с англ. Т.Ю. Гутман. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018.
431. *Томас Хью*. Золотой век Испанской империи / Хью Томас; пер. с англ. В. Гончарова. – М.: Издательство АСТ, 2016.
432. *Томас Хью*. Великая Испанская империя / Хью Томас; пер. с англ. В. Желнинова. – М.: Издательство АСТ, 2018.
433. *Чепурина М.Ю.* Гракх Бабёф и заговор «равных». – М.: Политическая энциклопедия, 2017. (Мир Французской революции).
434. *Черниловский З.М.* От Маршалла до Уоррена: очерки истории Верховного Суда США. – М.: Международные отношения, 1982.
435. *Черчилль Уинстон*. История англоязычных народов. Т. 1. Рождение Британии / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. – Екатеринбург: Гонзо, 2012.

436. *Черчилль Уинстон С.* История англоязычных народов. Т. 2. Новый мир / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова, О.Ю. Ивановой при участии М.А. Леоновича. – Екатеринбург: Гонзо, 2012.
437. *Черчилль Уинстон С.* История англоязычных народов. Т. 3. Эпоха революций / Пер. с англ. М.А. Леоновича. – Екатеринбург: Гонзо, 2012.
438. *Черчилль Уинстон С.* История англоязычных народов. Т. 4. Великие демократии / Пер. с англ. О. Мичковского. – Екатеринбург: Гонзо, 2012.
439. *Четвернин В.А.* Демократическое конституционное государство. – М., 1993.
440. *Чиркин В.Е.* Элементы сравнительного государственоведения. – М., 1994.
441. *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. – СПб.: Наука, 2016. (Серия «Русская государственная мысль»).
442. *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство / Подготовка текста, вступ. ст. и коммент. д. философ. И.И. Евлампиева. – СПб.: Издательство РХГА, 2005.
443. *Чичерин Б.Н.* Политические мыслители древнего и нового мира. Серия «Мир культуры, истории и философии». – СПб.: Изд-во «Лань», Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999.
444. *Чудаков М.Ф.* Конституционное право США. Основные институты. – Минск, 1999.
445. *Чудинов А.В.* История Французской революции: пути познания. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. (Мир Французской революции).
446. *Чудинов А.В.* Французская революция: история и мифы. – М., 2007.
447. *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. – М.: Международные отношения, 2000.
448. *Целлер, Эдуард.* Очерк истории греческой философии / Пер. с десятого нем. изд. С.Л. Франк; под ред. Ф. Лорцинга. – СПб: Издательство «Алетейя», 1996. (Серия «Античная библиотека»).

449. *Циркин Ю.Б.* Политическая история Римской империи: В 2 т. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019.

450. *Цицерон Марк Туллий.* О природе богов. Тускуланские беседы. Речи / Марк Туллий Цицерон; пер. с лат. С. Блажеевского, М. Гаспарова, В. Горенштейна. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – (Non-Fiction. Большие книги).

451. *Цицерон.* Об обязанностях // Мыслители Рима. Наедине с собой: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. (Серия «Антология мысли»). – С. 255-378.

452. *Цицерон.* О государстве // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. I. Античный мир и Восточные цивилизации / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 220-232.

453. *Цицерон.* О законах // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. I. Античный мир и Восточные цивилизации / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 232-241.

454. *Шайо А.* Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). – М., 1999.

455. *Шаланд Л.А.* Верховный суд и конституционные гарантии. Конституционное государство. – СПб., 1905.

456. *Шимов, Ярослав.* Австро-Венгерская империя / Ярослав Шимов. – М.: Родина, 2021. (Весь мир).

457. *Ширер, Уильям.* Взлет и падение Третьего рейха / Уильям Ширер; пер. с англ. под ред. О.А. Ржешевского. – М.: Издательство АСТ, 2017.

458. *Шмитт К.* Диктатура. От современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; вступ. ст. А.Ф. Филиппова. – М.: РИПОЛ классик, 2018.

459. *Шмитт К.* Государство: Право и политика / Пер. с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. – М.:

Издательский дом «Территория будущего», 2013. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).

460. *Шмитт К.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / Пер. с нем. Д.В. Куницына. – СПб.: «Владимир Даль», 2006.

461. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление // Немецкая классическая философия. В 2 т. Т. 2. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 2000. (Серия «Антология мысли»). – С. 315-826.

462. *Шопенгауэр А.* Афоризмы и максимы: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. (Серия «Антология мысли»).

463. *Шопенгауэр, Артур.* Свобода воли // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 691-698.

464. *Шпенглер, Оскар.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / Пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998.

465. *Штайнбергер, Хельмут.* Структурные элементы западноевропейской конституционной юрисдикции // Современный немецкий конституционализм. – М.: Институт государства и права РАН, 1994. – С. 21-43.

466. *Штирнер, Макс.* Единственный и его собственность // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 722-728.

467. *Штирнер, Макс. Я* // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 728-733.

468. *Штолляйс М.* История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм / Михаэль Штолляйс; пер с нем. О.Г. Субботина. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. (Современная немецкая историография).

469. *Шумилов В.М.* Введение в правовую систему ФРГ. – М., 2001.

470. *Шумилов В.М., Акчурун Т.Ф.* Правовая система США. – М.: Международные отношения, 2019.

471. *Норберт Элиас.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. («Книга света»).

472. *Норберт Элиас.* О процессе цивилизации. Социогенетическое и психогенетическое исследование. Том 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. («Книга света»).

473. *Энгельс, Фридрих.* Положение рабочего класса в Англии // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 427-429.

474. *Энгельс, Фридрих.* Конраду Шмидту, 27 октября 1880 г. // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 429-430.

475. *Энтин Л.М.* Разделение властей: опыт современных государств. – М.: Юридическая литература, 1995.

476. *Эпиктет.* В чем наше благо? // Мыслители Рима. Наедине с собой: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. (Серия «Антология мысли»). – С. 625-698.

477. *Эсмен, Жан-Поль Ипполит Эммануэль Адемар.* Основные начала государственного права // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III.

Европа. Америка: XVII – XX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – С. 500-504.

478. *Юм Д.* Англия под властью дома Стюартов: В 2 томах / Пер. с англ. А.А. Васильева; под общ. ред. С.Е. Федорова. – СПб.: Алетейя, 2001.

479. *Юм, Давид.* Трактат о человеческой природе // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Изд-во «Мысль», 1997. – С. 412-425.

480. *Юмашев Ю.М.* Выборы в Европейский парламент и политическая интеграция государств – членов ЕЭС // Практика буржуазного конституционализма (критические очерки). – М.: Институт государства и права АН СССР, 1982. – С. 127-142.

481. *Яковлев Н.Н.* Послание в будущее // Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: Пер. с англ. / Под общ. ред., с предисл. Н.Н. Яковлева, коммент. О.Л. Степановой. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2000.

Научные публикации на иностранных языках

482. *Adamson F.B.* The limits of the liberal state: Migration, identity and belonging in Europe / F.B. Adamson, T. Triadafilopoulos, A.R. Zolberg // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2011. – Vol. 37. – № 6. – P. 843-859.

483. *Andrewes A.* Greek Society. – London, 1967.

484. *Albert, W.* The Turnpike Road System of England, 1763 – 1844. – Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

485. *Albertini, R. von.* Decolonization. – New York, 1971.

486. *Aptheker H.* Essays in the History of the American Negro. – N.Y., 1973

487. *Ashley R.L.* The American Federal State. – London, 1902.

488. *Barney W.* Flawed Victory. A New Perspective on the Civil War. – New York, 1975.
489. *Barracrough, G.* An Introduction to Contemporary History. – Harmondsworth, 1967.
490. *Beard Ch.* Contemporary American History, 1877 – 1913. – N.Y., 1915.
491. *Beard Ch.* An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. – New York, 1966.
492. *Becker C.* The History of Political Parties in the Province of New York, 1760 – 1776. – Madison, 1909.
493. *Becker C.* The United States: An Experiment in Democracy. – New York, 1920.
494. *Bergbohm K.* Jurisprudenz und Rechtsphilosophie. – Leipzig, 1892.
495. *Buck P.H.* The Road to Reunion, 1865 – 1900. – Boston, 1937.
496. *Burgess J.* Reconstruction and the Constitution. 1866 – 1876. – New York, 1902.
497. *Braun, Calum G.* The Death of Christian Britain. Understanding Secularisation 1800 – 2000. – London: Routledge, 2009.
498. *Brock, M.* The Great Reform Act. – London: Hutchinson, 1973.
499. *Bogdanov V.* Devolution in the United Kingdom. – Oxford: Oxford University Press, 1999.
500. *Britannia Unchained: Global Lessons for Growth and Prosperity.* – London: Palgrave MacMillan, 2012.
501. *Carr, E.H.* What is History? – Harmondsworth, 1964.
502. *Case Anne and Angus Deaton.* Deaths of Despair and the Future of Capitalism. – Princeton: Princeton University Press, 2020.
503. *Clark, J.C.D.* English Society, 1688 – 1832. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
504. *Connelly T.* The Marble Man. – New York, 1977.
505. *Colley, Linda.* Britons. Forging the Nation 1707 – 1837. – London: Pimlico Books, 1994.

506. *Crouch, Colin*. Post-Democracy. – Cambridge: Polity, 2003.
507. *Davis J.* The Rise and Fall of the Confederate Government. 2 vols. – N.Y., 1881.
508. *Domhoff G. William*. Who Rules America? 5th ed., Power, Politics, and Social Change. – New York: McGraw-Hill, 2006.
509. *Domhoff G. William* and *Michael J. Webber*. Class and Power in the New Deal: Corporate Moderates, Southern Democrats, and the Liberal-Labor Coalition. – Redwood City: Stanford University Press, 2011.
510. *Dunning W.A.* Essays on the Civil War and Reconstruction and Related Topics. – N.Y., 1898.
511. *DuBois W.* Black Reconstruction. – N.Y., 1937.
512. *Drescher, S.* The Mighty Experiment: Free Labor versus Slavery in British Emancipation. – New York: Oxford University Press, 2002.
513. *Eltis, D.* The Rise of African Slavery in the Americas. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
514. *Fogel Robert William*. The Escape from Hunger and Premature Death, 1700 – 2100: Europe, America, and the Third World. – New York: Cambridge University Press, 2004.
515. *Fogel R.W., Engerman S.L.* Time on the Cross. Vol. 1. The Economics of American Negro Slavery. – Boston; Toronto, 1974.
516. *Foner E.* The Story of American Freedom. – N.Y., L., 1998.
517. *Foster W.* The Negro People in American History. – N.Y., 1954.
518. *Frank Thomas*. The People, No: A Brief History of Anti-Populist. – New York: Metropolitan Books, 2020.
519. *Franklin J.H., Moss A.A., Jr.* From Slavery to Freedom. A History Americans. – New York, 1994.
520. *Garnett, Mark*. From Anger to Apathy. The British Experience since 1975. – London: Random House, 2007.
521. *Gash, N.* Pillars of Government and Other Essays on State and Society, 1770 – 1880. – London: Arnold, 1986.

522. *Genovese E.D.* The Political Economy of Slavery. – N.Y., 1965.
523. *Hanham, H.J.* The reformed electoral system in Great Britain, 1832 – 1914. – London, 1968.
524. *Hattaway H., Jones A.* How the North Won: A Military History of the Civil War. – Urbana, 1983.
525. *Henretta J.A.* The Evolution of American Society. 1700 – 1815 // Interdisciplinary Analysis. – Lexington, 1973.
526. *Hine D.C., Hine W.C., Harrold S.* African Americans. – Upper Saddle River (N.J.), 2004.
527. *Hummel J.R.* Emancipating Slaves, Enslaving Free People: A History of the American Civil War. – Peru, 1996.
528. *Ingle, S.* The British party system: an introduction. – London, 2008.
529. *Isely J.A.H.* Greeley and the Republican Party, 1853 – 1861. – New York, 1965.
530. *Irving Kristol.* The Neoconservative Persuasion. – Weekly Standard. Aug. 25. 2003.
531. *Jefferson, Tomas.* Memoir, correspondence, and miscellanies from the papers of T. Jefferson. – Charlottesville: F. Carr&Co., 1829. Vol. 1.
532. *Jeffries Ch.* The colonial office. – L., 1956.
533. *Jones, A.* The politics of reform 1884. – Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
534. *Jones A.H.M.* Athenian Democracy. – Oxford: Oxford University Press, 1957.
535. *Jones A.H.M.* Slavery in the Ancient World // Slavery in Classical Antiquity. Views and Controversies / Ed. by M. Finley. – Oxford: Oxford University Press, 1960.
536. *Kotkin, Joel.* The New Class Conflict. – Candor: Telos Press Publishing, 2014.

537. *Lemisch j.* The American Revolution Seen from the Bottom up. // Towards a New Past: Dissenting Essays in American History / Ed. B.J. Bernstein. – N.Y., 1968.
538. *Lind, Michael.* The New Class War. Saving Democracy from the Metropolitan Elite. – London, Portfolio / Penguin Random House, 2020.
539. *Lind, Michael.* The Next American Nation. The New Nationalism and the Fourth American Revolution. – New York, Simon & Schuster, 1996.
540. *Lovejoy A.F.* La Follette and the Establishment of the Direct Primary in Wisconsin, 1890 – 1904. – New Haven, 1941.
541. *Mair, Peter.* Ruling the Void. The Hollowing of Western Democracy. – Londres: Verso Books, 2013.
542. *Main J.T.* The Sovereign States, 1775 – 1783. – New York, 1973.
543. *Main J.T.* The Antifederalists. Critics of the Constitution, 1781 – 1788. – Chapel Hill, 1961.
544. *Main J.T.* Government by the People. The American Revolution and the Democratization of the Legislatures. – William and Mary Quarterly. 3rd Ser., 1966. Vol. 23.
545. *Maitland F.W.* Constitutional History of England. – Cambridge, 1948.
546. *Mann, M.* The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing. – New York: Cambridge University Press, 2005.
547. *Meyer D.R.* The Roots of American Industrialization. – Baltimore; L., 2003.
548. *Miller J.C.* Alexander Hamilton. Portrait in Paradox. – N.Y., 1959.
549. *McDonald F.* The United States in the Twentieth Century. Vol. 1. 1900 – 1920. – Reading (Mass.), 1970.
550. *Mitchell J.* Devolution in the UK. – Manchester: Manchester University Press, 2009.
551. *Millett A.R., Maslowski P.* For the Common Defense: A Military History of the United States of America. – New York, 1984.

552. *Murdoch, J.* History of constitutional reform in Great Britain and Ireland with a full account of the three measures of 1832, 1867 and 1884. – L., 1885.
553. *Morison S.E.* The Oxford History of the American People. V. 1. – New York, 1972.
554. *Nash G.B.* Red, White, and Black: The Peoples of Early America. – Englewood Cliffs, 1979.
555. *Parish P.J.* The American Civil War. – New York, 1975.
556. *Parker T.* The Rights of Man in America. – New York, 1969.
557. *Perry J.C.* Myths and Reality of American Slavery. – Shippensburg (Penn.), 2002.
558. *Pessen E.* Riches, Class and Power before the Civil War. – Lexington, 1973.
559. *Pilkington C.* Devolution in Britain today. – Manchester; New York: Manchester University Press, 2002.
560. *Phillips Kevin.* Wealth and Democracy: A Political History of the American Rich. – New York: Broadway Books, 2002.
561. *Poole Keith and Howard Rosenthal.* Congress: A Political-Economic History of Roll Call Voting. – Oxford: Oxford University Press, 2000.
562. *Porter, B.* The Lion's Share. A Short History of British Imperialism, 1850 – 2004. – Harlow: Longman, 2004.
563. *Potter David M.* The Impending Crisis, 1848 – 1861. – New York: Harper & Row, 1976.
564. *Pressly T.J.* Americans Interpret Their Civil War. – Princeton, 1954.
565. *Putnam R.C.* American Economic History. – Chicago, 1988.
566. *Putnam Robert D.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York: Simon & Schuster, 2000.
567. *Randall J.* Lincoln the President. Vol. 1-4. – N.Y., 1945.
568. *Roy P. Baster.* The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 3, 5. – New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1953.

569. *Richardson, D.* The British Empire and the Atlantic Slave Trade 1660 – 1807. The Oxford History of the British Empire. Vol. 11. The Eighteenth Century. – Oxford: Oxford University Press, 2001.
570. *Richardson H.C.* The Death of Reconstruction: Race, Labor and Politics in the Post-Civil War North, 1865 – 1901. – Cambridge, 2001.
571. *Rosenberg Susan.* An American Radical: Political Prisoner in My Own Country. – New York: Citadel Press, 2011.
572. *Royle Edward.* Revolutionary Britannia? Reflections on the Threat of Revolution in Britain, 1789 – 1848. – Manchester: Manchester University Press, 2000.
573. *Savage, Mike.* Social Class in the 21st Century. – London: Pelican Books, 2015.
574. *Seitz D.C.* Horace Greeley // Founder of «The New York Tribune». – N.Y., 1970.
575. *Seymour, Ch.* Electoral Reform in England and Wales. The Development and Operation of the Parliamentary Franchise, 1832 – 1885. – New Haven, 1915.
576. *Skelton, David.* The New Snobbery. Taking on Modern Elitism and Empowering the Working Class. – Hull, Biteback Publishing, 2021.
577. *Stampp K.M.* The Peculiar Institution: Slavery in the Ante-Bellum South. – N.Y., 1956.
578. *Stephens A.H.* A Constitutional View of the Late War Between the States. 2 vols. – Philadelphia, 1868 – 1870.
579. *Scott A.F., Scott A.M.* One Half the People: The Fight for Woman Suffrage. – Philadelphia, 1975.
580. *Scheidel Walter.* The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century. – Princeton: Princeton University Press, 2018.
581. *Taylor A.J.P.* English History 1914 – 1945. – Oxford: Oxford University Press, 1992.

582. *Thornhill C.* Constitutional Theory / C. Thornhill, J. Seitzer, C. Schmitt. – Duke University Press, 2008.
583. *Thorpe F.N.* The Federal and State Constitutions, Colonial Charters and Other Organic Laws of the States, Territories and Colonies, Now or Heretofore Forming the United States of America. V. 3. – Washington, 1909.
584. *Thorpe F.N.* The Federal and State Constitutions, Colonial Charters and Other Organic Laws of the States, Territories and Colonies, Now or Heretofore Forming the United States of America. Vol. 4. – Washington, 1909.
585. *Thorpe F.N.* The Federal and State Constitutions, Colonial Charters and Other Organic Laws of the States, Territories and Colonies, Now or Heretofore Forming the United States of America. V. 5. – Washington, 1909.
586. *Thorpe F.N.* The Federal and State Constitutions, Colonial Charters and Other Organic Laws of the States, Territories and Colonies, Now or Heretofore Forming the United States of America. V. 7. – Washington, 1909.
587. *Tomas E. Woods, Kevin Gutzman.* Brown vs the U.S. Constitution // vdare.com. July 25. 2008.
588. *Tomlinson, B.R.* The Political Economy of the Raj 1914 – 1947. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
589. *Trefousse H.* Impeachment of a President. – Knoxville, 1975.
590. *Triadafilopoulos T.* Liberal means to liberal ends? Understanding recent immigrant integration policies in Europe / T. Triadafilopoulos // Journal of Ethnic and migration Studies. – 2011. – Vol. 37. – № 6. – P. 861-880.
591. *Turchin Peter.* Ages of Discord: A Structural-Demographic Analysis of American History. – Chaplin, CT: Beresta Books, 2016.
592. *Walter Barbara F.* How Civil Wars Start: And How to Stop Them. – New York: Crown, 2022.
593. *Walton G.M., Rockoff H.* History of American Economy. – N.Y., 1988.
594. *Ward H.M.* The American Revolution. Nationhood Achieved. 1763 – 1788. – New York, 1995.

595. *Weigley R.F.* History of the United States Army. – Bloomington, Ind., 1984.
596. *Westermann W.L.* The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. – Philadelphia, 1955.
597. *Willmoore Kendall.* Contra Mundum. – New York: Artington House, 1971.
598. *Williamson Ch.* The American Suffrage. From Property to Democracy, 1760 – 1860. – Princeton: Princeton University Press, 1968.
599. *Wright G.* The Political Economy of the Cotton South. – N.Y., 1978.

Нормативные акты

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии

600. Акт об отмене королевского звания 17 марта 1649 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 13.
601. Акт об отмене Палаты лордов 19 марта 1649 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 13-14.
602. Акт об объявлении Англии свободным государством (Commonwealth) 19 мая 1649 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 14.
603. Акт о неразрешенных и возмутительных книгах и памфлетах и о лучшем упорядочении книгопечатания 20 сентября 1649 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 14-15.

604. Акт об устройении Ирландии 12 августа 1652 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 16.

605. Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (Habeas Corpus act) 26 мая 1679 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 24-26.

606. Акт об устранении (Акт о будущем ограничении и о лучшем обеспечении прав и свобод подданных) 12 июня 1701 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII – XIX вв.: Сборник документов / Под ред. П.Н. Галанзы. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – С. 134-136.

607. Акт о народном представительстве 1832 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 32-34.

608. Акт о народном представительстве 1867 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 34-36.

609. Акт о народном представительстве 1884 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 36.

610. Акт о народном представительстве 1918 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 216-217.

611. Акт о народном представительстве 1928 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 217.

612. Акт о народном представительстве 1948 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 217-218.

613. Акт о народном представительстве 1969 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 218-219.

614. Акт о министрах Короны 1937 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 226-227.

615. Акт о министрах Короны 1964 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 227-228.

616. Акт о поддержании публичного порядка 18 декабря 1936 г. (с последующими изменениями по закону 1986 года) // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 221-222.

617. Закон 1986 г. «О публичном порядке» / Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 222-223.

618. Закон о чрезвычайных полномочиях 1920 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – 219-220.

619. Ордонанс об учреждении суда над королем 8 января 1649 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 12.

620. Ордонанс об объединении Англии и Шотландии 12 апреля 1654 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 20.

621. Постановление Палаты общин об объявлении себя верховной властью английского государства 4 января 1649 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 11-12.

622. Приказ о казни Карла I 29 января 1649 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 13.

623. Семилетний акт от 26 апреля 1716 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 31.

624. Соглашение свободного народа Англии, предложенное в качестве мирного средства несчастной нации подполковником Джоном Лильберном, мистером Уильямом Уольвином, мистером Томасом Принсом и мистером Ричардом Овертоном, узниками в Лондонском Тоузере, 1 мая 1649 г. // Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции

XVII – XVIII вв. / Сост.: М.Ю. Золотухин, М.М. Куриев, В.М. Лобанов и др.; под ред. В.Г. Сироткина. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 63-67.

625. Трехгодичный акт 22 декабря 1694 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 28-29.

626. Форма правления государствами Англия, Шотландия и Ирландия и владениями, им принадлежащими («Орудие управления») 13 декабря 1653 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 17-19.

Франция

627. Декларация прав человека и гражданина 26 августа 1789 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 39-41.

628. Декларация прав человека и гражданина 1793 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 68-71.

629. Декрет о подавлении беспорядков 10 августа 1789 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 38.

630. Декрет, передающий в распоряжение нации земли духовенства 24 ноября 1789 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 43.

631. Декрет об организации муниципальной власти в провинции 14 декабря 1789 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 42.

632. Декрет 22 декабря 1789 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 43.

633. Декрет о феодальных правах 15 марта 1790 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 43-45.

634. Декрет об отмене института наследственного дворянства и всех титулов 19 июня 1790 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 45-46.

635. Декрет об организации судопроизводства 16-24 августа 1790 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 46-47.

636. Декрет об учреждении, составе и полномочиях кассационного трибунала 27 ноября 1790 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 47-48.

637. Декрет Учредительного собрания // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) /

Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 48.

638. Декрет об уничтожении остатков феодального режима 25 августа 1792 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 61-62.

639. Декрет Национального конвента, утверждающий наблюдательные комитеты 21 марта 1793 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 66.

640. Декрет об общинных землях 10-11 июня 1793 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 75-76.

641. Декрет Национального конвента, реорганизующий Революционный трибунал 10 июня 1794 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 82-83.

642. Закон о военном положении 21 октября 1789 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 41-42.

643. Закон относительно собраний рабочих и ремесленников одного и того же состояния и одной и той же профессии (Закон Ле-Шапелье) 14-17 июня 1791 г. // Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII – XVIII вв. / Сост.: М.Ю. Золотухин, М.М. Куриев, В.М.

Лобанов и др.; под ред. В.Г. Сироткина. – М: Высшая школа, 1990. – С. 188-190.

644. Конституция Франции 1791 г. // Конституция и законодательные акты буржуазных государств XVII – XIX вв.: Сборник документов / Под ред. П.Н. Галанзы. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – С. 250-282.

645. Конституция 1793 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство. ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 71-75.

646. Конституция Французской Республики 5 фрюктидора III года (22 августа 1795 г.) // Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII – XVIII вв. / Сост.: М.Ю. Золотухин, М.М. Куриев, В.М. Лобанов и др.; под ред. В.Г. Сироткина. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 282-295.

647. Конституция Французской Республики 22 фримера VII года (13 декабря 1799 г.) // Конституция и законодательные акты буржуазных государств XVII – XIX вв.: Сборник документов / Под ред. П.Н. Галанзы. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – С. 422-432.

648. Конституционная Хартия 4 июня 1814 г. (с изменениями 1830 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII – XIX вв.: Сборник документов / Под ред. П.Н. Галанзы. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – С. 438-446.

649. Конституция Французской Республики (4 ноября 1848 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII – XIX вв.: Сборник документов / Под ред. П.Н. Галанзы. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – С. 446-460.

650. Конституционные законы Французской Республики (Закон об организации государственных властей 25 февраля 1875 г., Закон об

организации сената 24 февраля 1875 г., Закон об отношениях государственных властей 16 июля 1875 г.) // Конституции буржуазных стран: В 4 т. Т. 1. Великие державы и западные соседи СССР. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935-1936. – С. 66-70.

651. Конституция Четвертой республики 1946 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 230-235.

652. Конституция Пятой республики 4 октября 1958 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 235-248.

653. Органический сенатус-консульт от 18 мая 1804 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 93.

654. Постановление Национального конвента 22 сентября 1792 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 63.

655. Программа Народного фронта 1936 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 229-230.

Германия

656. Конституционный акт Баварского королевства, 26 мая 1818 г. // Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов: В 2 т. Т. 1. Конституционные монархии / Пер. под ред. и со вступ. очерками В.М. Гессена и Б.Э. Нольде. – СПб., 1905. – С. 45-76.

657. Конституционный акт Великого герцогства Баденского, 22 августа 1818 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII – XIX вв.: Сборник документов / Под ред. П.Н. Галанзы. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – С. 484-497.

658. Конституция Германской империи 24 марта 1849 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 140-150.

659. Конституционная хартия Пруссии 31 января 1850 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 151-154.

660. Конституция Германской империи 16 апреля 1871 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 155-158.

661. Конституция Германской империи 11 августа 1919 г. // Конституции буржуазных стран: В 4 т. Т. 1. Великие державы и западные соседи СССР. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935-1936. – С. 83-115.

662. Закон о переустройстве империи 30 января 1934 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 264-265.

663. Закон о ликвидации рейхстага 14 февраля 1934 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 265.

664. Закон о верховном главе Германской империи 1 августа 1934 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и

Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 265.

665. Закон в целях устранения бедствий народа и государства 24 марта 1933 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 264.

666. Закон против образования новых партий 14 июля 1933 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 266.

667. Закон об обеспечении единства партии и государства 1 декабря 1933 г. (с изменениями по закону 8 июля 1934 г.) // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 266-267.

668. Оккупационный статут для Западной Германии 21 сентября 1949 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 269-270.

669. Основной закон Федеративной Республики Германии 23 мая 1949 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 270-278.

Отдельные европейские страны. Европейский союз

670. Конституция Бельгии 7 февраля 1831 г. // Конституции буржуазных стран: В 4 т. Т. 2. Средние и малые европейские страны. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. – С. 475-492.

671. Конституция Норвежского Королевства, принята Государственным собранием в Эйдсволе 17 мая 1814 г. // Конституции буржуазных государств

Европы / Сост. Ф.А. Кублицкий; пер под ред. Г.С. Гурвича. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957. – С. 713-739.

672. Лиссабонский договор, изменивший Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества (Лиссабон, 13 декабря 2007 г.) // URL: <https://eulaw.ru/treaties/lisbon/>

673. Хартия Европейского союза об Основных правах (07.12.2000) // URL: <https://eulaw.ru/treaties/charter/>

Соединенные Штаты Америки

674. Декларация независимости 4 июля 1776 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 104-108.

675. Конституция Соединенных Штатов Америки 17 сентября 1787 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 112-122.

676. Конституция штата Нью-Йорк 1822 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 126-129.

677. Конституция Южной Конфедерации 1861 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 129-130.

678. Поправка X к Конституции США // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 124.

679. Поправка XIII к Конституции США // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) /

Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 133-134.

680. Поправка XIV к Конституции США // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 134-135.

681. Поправка XV к Конституции США // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 135.

682. Поправка XIX к Конституции США // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 167.

683. Поправка XXVI к Конституции США // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 169.

684. Прокламация об освобождении рабов 1 января 1863 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 133.

685. США: Конституция и законодательные акты. – М., 1993.

686. Закон Смита 28 июня 1940 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 177.

687. Закон Тафта-Хартли 23 июня 1947 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) /

Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 177-181.

688. Закон «О внутренней безопасности» (Закон Маккарэна-Вуда) 23 сентября 1950 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 182-184.

689. Дело Брауна (Brown v. Board of Education of Topeka) 1954 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 187-188.

690. Закон Хэмфри-Батлера 24 августа 1954 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 184-185.

691. Закон о гражданских правах 1957 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 188-190.

692. Закон о гражданских правах 1964 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 190-191.

693. Закон о федеральных избирательных кампаниях 1972 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 192-195.

694. Свод законов США (титул 42, глава 20) об избирательном праве // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и

Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 195-198.

Япония

695. Конституция Японской империи 11 февраля 1889 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 159-164.

696. Конституция Японии 3 мая 1947 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 281-295.

697. Закон о выборах депутатов в нижнюю палату Парламента 29 марта 1925 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 279.

698. Закон об охране общественного порядка 1925 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. – С. 280.

Правовые акты и официальные документы на иностранных языках

699. Sources and Documents of U.S. Constitutions. V. 2. – N.Y., 1973.

700. The Works of John Adams. V. 9. – Boston, 1850.

701. Sources and Documents of U.S. Constitutions. V. 3. – N.Y., 1973.

702. Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H.S. Commager. – Englewood Cliffs (N.J.), 1973. Vol. 1.

703. How Democratic is the Constitutions? / Ed. by R. Goldwin and W. Shambra. American Enterprise Institute. – Washington, 1980.

704. The Records of the Federal Convention of 1787. Vol. 1. – New Haven, 1937.

705. The Records of the Federal Convention of 1787. Vol. 2. – New Haven, 1937.
706. The Records of the Federal Convention of 1787 / Ed. M. Farrand. 4 vols. – New Haven; L., 1966. Vol. 1.
707. Framers of the Constitution / Ed. by J.H. Charleton. – Washington, 1986.
708. The Federal Papers / Ed. by C. Rossiter. – N.Y.; L., 1961.
709. Great Britain. Hansard's Parliamentary Debates (House of Commons, House of Lords). 3-d series. Vol. 283-296. – L., 1883 – 1886.
710. Great Britain. Parliamentary Papers. 1883 – 1886. – L., 1884 – 1887.
711. Great Britain. Public General Statutes. 48&49 Vict. – L., 1885 – 1886.
712. New York Daily Tribune. 1860. July 3.
713. New York Daily Tribune. 1857. Mar. 7.
714. The Works of John Adams. V. 9. – Boston, 1850.
715. The Federal and State Constitutions: Colonial Charters and Other Organic Laws of the States, Territories and Colonies Now or Heretofore Forming the United States of America / Compiled and ed. by F.N. Thorpe. – Washington, 1909. Vol. 3, Vol. 5.
716. How Democratic is the Constitutions? / Ed. by R. Goldwin and W. Shambra. American Enterprise Institute. – Washington, 1980.
717. The Records of the Federal Convention of 1787. Vol. 1. – New Haven, 1937.
718. The Records of the Federal Convention of 1787. Vol. 2. – New Haven, 1937.
719. The Records of the Federal Convention of 1787 / Ed. M. Farrand. 4 vols. – New Haven; L., 1966. Vol. 1.
720. Framers of the Constitution / Ed. by J.H. Charleton. – Washington, 1986.
721. The Federal Papers / Ed. by C. Rossiter. – N.Y.; L., 1961.
722. Great Britain. Hansard's Parliamentary Debates (House of Commons, House of Lords). 3-d series. Vol. 283-296. – L., 1883 – 1886.
723. Great Britain. Parliamentary Papers. 1883 – 1886. – L., 1884 – 1887.

724. Great Britain. Public General Statutes. 48&49 Vict. – L., 1885 – 1886.
725. New York Daily Tribune. 1860. July 3.
726. New York Daily Tribune. 1857. Mar. 7.
727. Constitutional Reform Act 2005.
<https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2005/4/introduction>.
728. Mayflower Compact 1620. Agreement Between the Settlers at New Plymouth: 1620 // <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/avalon.htm>
729. The First Charter of Virginia; April 10, 1606 // The Federal and State Constitutions Colonial Charters, and Other Organic Laws of the States, Territories, and Colonies Now or Heretofore Forming the United States of America Compiled and Edited Under the Act of Congress of June 30, 1906 by Francis Newton Thorpe. Washington, DC: Government Printing Office, 1906
<http://www.yale.edu/lawweb/avalon/avalon.htm>
730. The Puritans. A Source Book of their Writings: Vol. 1,2 / Ed. by P. Miller, T.N. Johnson. – N.Y., 1963. Vol. 1.
731. Puritan Political Ideas / Ed. by E.S. Morgan. – Indianapolis, 1965.
732. Fundamental Orders of 1639. http://avalon.law.yale.edu/17th_century/ma01.asp.
733. Proceedings and Acts of the General Assembly. January 1637/8 – September 1664 // Maryland State Archives (<http://www.mdarchives.state.md.us>).
734. The Charter of Maryland: 1632. http://avalon.law.yale.edu/17th_century/ma01.asp.
735. Frame of Government of Pennsylvania. May 5, 1682.
http://avalon.law.yale.edu/17th_century/pa04.asp.